МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
«ДЕМОКРАТИЯ»
(Фонд Александра Н. Яковлева)

РОССИЯ. **XX** ВЕК

Д О К У М Е Н Т Ы

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1997 ГОДУ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА А.Н. ЯКОВЛЕВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «**ДЕМОКРАТИЯ**», МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО **Й**ЕЛЬСКОГО **У**НИВЕРСИТЕТА, США
ИЗДАТЕЛЬСТВО «**НОВЫЙ ХРОНОГРАФ**», МОСКВА

РОССИЯ.
XX ВЕК

Д О К У М Е Н Т Ы

ПРОЦЕСС
НАД КОЛЧАКОВСКИМИ МИНИСТРАМИ
Май 1920

Ответственный редактор
В.И. Шишкин

М О С К В А **2003**

УДК [008+94] (100-87:47+57)
П 78
ББК 63.3(2)6

Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) выражает признательность Издательству Йельского университета (США) за помощь в подготовке издания.

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920.
П78 Под ред. акад. А.Н. Яковлева; отв. ред. В.И. Шишкин.
М.: МФД, 2003 — 672 с. — (Россия. XX век. Документы).

ISBN 5-94881-006-2

Сборник документов впервые вводит в научный оборот корпус основных источников, содержащих сведения о суде над бывшими деятелями колчаковского режима. Ядро сборника составляют тексты стенограммы одиннадцати заседаний чрезвычайного революционного трибунала Сибири. В первой главе публикуются документы, отражающие замысел и ход подготовки суда. Последняя глава содержит документы о поведении подсудимых на процессе и о судьбах осужденных после вынесения приговора.

Книга предназначается для научных сотрудников, педагогов и аспирантов высших учебных заведений, специализирующихся на изучении российской истории XX века.

ББК 63.3(2)6

ISBN 5-94881-006-2

...Я только хочу обратиться к трибуналу с одним заявлением. Я говорю, главным образом, для истории. И здесь мои слова выслушивает не только эта аудитория. Здесь незримо слушают история и грядущее поколение. Они — эта история и это поколение — окончательно разберутся в нашем споре. Мы не в состоянии судить друг друга с должным беспристрастием. Мы слишком ослеплены борьбой — и те, кто являются победителями, и те, кто ударом низвержен на землю.

Из речи подсудимого,
бывшего министра труда Л. И. Шумиловского

ВВЕДЕНИЕ

Судебные политические процессы являлись неотъемлемой составляющей общественно-политической жизни советской России. Их причины, частота проведения, численность и состав подсудимых, судебные приговоры определялись главным образом двумя факторами: объективным положением советской страны и интересами высшего руководства правившей партии.

С ноября 1917 по июнь 1941 г. перед различного рода судами и трибуналами прошли представители практически всех социальных и национальных групп, политических партий и общественных организаций России. В их числе оказались бывшие царские и белогвардейские адмиралы, генералы и офицеры, государственные служащие и общественные деятели, предприниматели и торговцы, интеллигенция, священнослужители, казаки и крестьяне, «националисты» и рабочие. «Карающий меч» советского правосудия обрушился на кадетов и анархистов, правых и левых эсеров, меньшевиков и трудовиков, реэмигрантов и бывших внутрипартийных оппозиционеров, реальных, потенциальных и мифических противников коммунистического режима. Саботажники, контрреволюционеры, монархисты, заговорщики, мятежники, белогвардейцы, шпионы, вредители, враги народа — вот далеко не полный перечень присвоенных им ярлыков.

Судебные политические процессы оказывали огромное воздействие на все сферы советского общества: на его демографический потенциал, социальную структуру, политическую культуру, мораль. Страна лишилась миллионов трудолюбивых и талантливых людей, являвшихся носителями национальных традиций и культуры. Судебные политические процессы содействовали утверждению в обществе двойных стандартов, закреплению в массовом сознании советских людей стереотипа о классовой борьбе как движущей силе общественного развития. Они во многом сформировали дихотомическое видение мира.

В ряду происходивших в советской России политических процессов исключительное место занимает суд, состоявшийся в Омске в 20-х числах мая 1920 г. Его уникальное место определяется тремя главными обстоятельствами. Во-первых,

омский суд был первым по времени широкомасштабным открытым политическим процессом, на котором в какой-то мере отрабатывались сценарий и технология всех последующих политических процессов. Во-вторых, на нем была предпринята беспрецедентная попытка в лице нескольких крупных деятелей бывшего колчаковского правительства, а также присоединенного к ним директора-распорядителя Русского общества печатного дела А. К. Клафтона судить всю российскую так называемую контрреволюцию и поддерживавших ее интервентов. В-третьих, в силу преследуемой цели коммунистическое руководство России стремилось придать омскому процессу большое общественно-политическое звучание.

По тем революционным временам омский судебный процесс готовился довольно долго и тщательно. В течение двух месяцев в Иркутске предварительное следствие по делу вел заместитель председателя местной губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией К. А. Попов, имевший высшее юридическое образование и дореволюционный стаж работы в качестве присяжного поверенного, а после него — заведующий отделом юстиции Сибирского революционного комитета профессор А. Г. Гойхбарг, который подготовил обвинительное заключение по делу и потом выступал на процессе в качестве государственного обвинителя.

Вопрос о месте проведения суда и составе чрезвычайного революционного трибунала Сибири, которому было поручено судить бывших колчаковских чиновников, трижды рассматривался на заседаниях высшего органа советской власти в регионе — Сибревкома, а вопросы о партийных директивах трибуналу дважды обсуждались на заседаниях Сибирского бюро ЦК РКП(б). А. Г. Гойхбарг получил в свое распоряжение практически всю информацию, которой к тому времени располагали советские органы власти: все без исключения архивные документы Временного Сибирского (Сибирская Директория), Временного Всероссийского (Уфимская Директория) и Российского правительств, материалы нескольких омских и иркутской чрезвычайных следственных комиссий, в том числе текст стенограммы допроса бывшего Верховного правителя А. В. Колчака, правительственную печать. Кроме того, дополнительная информация обвинительного характера была получена от запрошенных губернских и областных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией Урала и Сибири.

Суд над бывшими колчаковскими деятелями, по выражению председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, подготавливался как «большой политический митинг». С этой целью было использовано самое вместительное помещение Омска — новые мастерские вагонного цеха на Атамановском хуторе. В середине мая 1920 г. в течение нескольких дней около трехсот военнопленных из числа бывших колчаковцев и офицеров польской дивизии приводили их в надлежащий вид: разравнивали землю; сооружали трибуну для членов трибунала, обвинителя, защиты и членов Сибревкома; делали и расставляли скамьи для подсудимых и публики; белили стены и развешивали транспаранты. Для доставки публики были организованы даже специальные поезда из Омска.

Первый день судебного заседания чрезвычайного революционного трибунала Сибири, 20 мая 1920 г., оправдал ожидания организаторов. Численность присутствовавших составляла около 8 тыс. человек, зал был переполнен. Но искусственно вызванный интерес стал очень быстро угасать. Уже на следующий день зрителей было намного меньше. А в последний день заседания, 30 мая, когда объявлялся приговор, количество публики едва достигало 3 тыс. человек. Да и то значительную их часть составляли доставленные в «добровольно-принудительном» порядке

курсанты местных военных школ, курсов и красноармейцы частей Омского гарнизона, которые должны были изображать народный гнев и одобрение при вынесении приговора.

Омский судебный процесс получил хорошую прессу. О нем много писали все без исключения губернские и уездные партийно-советские газеты Сибири. С 22 мая по 4 июня 1920 г. ход судебного разбирательства подробно освещала «Советская Сибирь», отводя этому материалу около страницы в каждом номере. В этой же газете была полностью опубликована обвинительная речь А. Г. Гойхбарга. Информация об итогах процесса появилась в центральной газете «Известия ВЦИК» за 2, 13 и 22 июня 1920 г. В ходе судебного заседания велись фото- и киносъемки, которые председатель советского правительства В. И. Ульянов-Ленин 12 июня 1920 г. распорядился вместе с другими документами использовать «для составления ряда картин для кинематографов для самого широкого распространения»[1].

Действительно, материалы процесса, основную часть которых как по объему, так и по значимости информации составляют тексты стенограммы одиннадцати судебных заседаний чрезвычайного революционного трибунала Сибири, представляют большой интерес.

Во-первых, они ценны тем, что содержат данные о событиях гражданской войны на востоке России, не нашедшие отражения в других сохранившихся источниках. Особенно важное значение имеют факты, относящиеся к борьбе за политическую власть на востоке России осенью 1918 и зимой 1919–1920 гг.

Во-вторых, в них имеется много сведений биографического характера о политических деятелях антибольшевистского лагеря, до сих пор остающихся плохо известными в отечественной историографии, раскрываются мотивы вхождения во Временное Сибирское, Временное Всероссийское и Российское правительства и пребывания в них ряда крупных фигур этого лагеря.

В-третьих, заседания чрезвычайного революционного трибунала Сибири содержат новую информацию о взаимоотношениях в лагере контрреволюции, которая не была зафиксирована в текущей документации.

В-четвертых, большинство подсудимых в своих выступлениях объясняют мотивы собственного поведения и дают оценки как своей деятельности, так и антибольшевистских правительств в целом, членами которых они являлись. Правда, нельзя забывать о той морально-психологической обстановке, в которой подсудимым приходилось давать эти объяснения и оценки.

Наконец, материалы омского судебного процесса являются уникальным источником для изучения феномена так называемой «революционной законности» первых лет советской власти.

Советские историки знали и даже писали об омском судебном процессе[2]. Однако при этом они опирались исключительно на газетные публикации, не отличавшиеся ни полнотой, ни достоверностью сведений. Они не обращались к основному источнику информации, каковым являются тексты стенограммы омского суда. Примечательно, что этот источник информации не был использован даже в специальной статье В. С. Познанского[3]. Судя по тому, что в новейших публикациях, посвященных гражданской войне в Сибири, ссылки на тексты стенограммы омского судебного процесса до сих пор не встречаются, они, по-видимому, не известны или плохо известны специалистам. Публикуемый сборник документов призван восполнить выявленный пробел и ввести в научный оборот корпус основных источников, содержащих сведения о суде над бывшими деятелями колчаковского режима.

Сборник состоит из тринадцати глав. Первая из них носит вводный характер. Она содержит документы, отражающие замысел и ход подготовки суда. Последняя глава, имеющая характер своеобразного заключения, содержит документы о поведении и о судьбах осужденных после вынесения приговора чрезвычайным революционным трибуналом Сибири. Материалы, публикуемые в этих двух главах, выявлены нами в центральных и местных архивах, а также в периодической печати.

Структурное и информационное «ядро» сборника составляют тексты стенограммы одиннадцати заседаний чрезвычайного революционного трибунала Сибири. Текст стенограммы каждого из этих заседаний составляет самостоятельную главу.

Тексты стенограммы судебных заседаний чрезвычайного революционного трибунала Сибири выявлены нами в четырех фондах трех архивов: по два экземпляра в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. р-1440. Оп. 1. Д. 1–11; д. 13–15) и в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 2–2а; ф. п-5. Оп. 2. Д. 1557–1567) и один — в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1061–1063). Во всех пяти случаях тексты стенограммы представлены машинописными отпусками.

Первый (ГАРФ. Ф. р-1440. Оп. 1. Д. 1–11) и четвертый (ГАНО. Ф. п-5. Оп. 2. Д. 1557–1567) тексты идентичны. Они являются черновым вариантом расшифрованной стенографической записи, в которой содержатся присущие этой стадии работы над текстом фамилии стенографистов, отметки времени, в течение которого каждый из них вел стенографирование, и т. п. Но оба «черновика» не отличаются полнотой. В них нет обвиненительного заключения по делу и приговора чрезвычайного революционного трибунала Сибири. Кроме того, в черновом варианте расшифрованной стенографической записи, хранящемся в ГАНО, отсутствуют три страницы восьмого заседания трибунала (д. 1564); из текста стенограммы десятого заседания (д. 1566) сохранилось только шесть страниц. Черновой вариант расшифрованной стенографической записи содержит много фактических ошибок и неточностей, особенно в написании дат и фамилий.

Судя по заверительной надписи, обнаруженной в делах ГАРФа, черновой вариант расшифрованной стенографической записи поступил в этот архив 2 февраля 1937 г., но откуда — неизвестно. Три года спустя, в 1940 г., поступил «черновик» в ГАНО, но его адресанта установить также не удалось. Однако можно не сомневаться в том, что они были получены из центрального архива ВЧК — ОГПУ — НКВД. Эта передача стала возможной в связи с реорганизацией архивного дела в СССР и подчинением государственной архивной службы руководству НКВД. Скорее всего, именно эти черновые варианты расшифрованной стенографической записи стали исходными для трех остальных текстов, являющихся беловым вариантом расшифрованной стенографической записи заседаний чрезвычайного революционного трибунала Сибири.

Тексты белового варианта, хранящиеся в ГАРФе (д. 13–15) и в ГАНО (д. 2–2а),— также идентичны. Они содержат расшифрованные стенографические записи всех одиннадцати заседаний чрезвычайного революционного трибунала Сибири в полном объеме. В них устранена часть фактических ошибок и неточностей, имевшихся в «черновике». Более того, в ГАНО отдельные фрагменты «беловика» иногда представлены даже двумя экземплярами. Согласно заверительным надписям, имеющимся в делах, ГАРФ получил беловой вариант расшифрованной стенографической записи 27 июня 1940 г., а ГАНО — 1 августа 1941 г.

Что касается третьего «беловика», хранящегося в РГАСПИ, то он стоит несколько особняком. Судя по всему, этот экземпляр «беловика» является рукописью книги о судебном процессе над колчаковскими деятелями, которую кто-то из историков или архивистов (скорее всего, К. А. Попов или В. В. Максаков) под «грифом» тогдашнего Центрального архива Октябрьской революции (ЦАОР) готовил к печати. С одной стороны, в рукописи имеются значительные пробелы: в ней отсутствуют такие ключевые документы, как обвинительное заключение и приговор, сделаны неоговоренные купюры и даже правки текста стенограммы. С другой стороны, данная рукопись содержит тексты значительной части документов, которые были процитированы в ходе судебного процесса, но не были зафиксированы стенографистами. Эти вставки были сделаны составителем без каких-либо оговорок со ссылками на ЦАОР, в фондах которого хранились процитированные документы. Большая их часть приходится на первое, второе и третье заседания чрезвычайного революционного трибунала Сибири. Кроме того, в хранящейся в РГАСПИ рукописи книги о процессе над колчаковскими деятелями, подготовленной к публикации, имелось приложение, состоявшее из нескольких десятков документов, игравших роль комментариев. К сожалению, в настоящее время в тексте рукописи, хранящемся в РГАСПИ, оно отсутствует.

Считаем нужным отметить, что составитель этой рукописи книги о процессе над колчаковскими деятелями прекрасно знал фактическую сторону событий и хорошо владел эмпирическим материалом, однако проявил себя исключительно тенденциозно. Он преднамеренно проигнорировал ряд важных и легкодоступных документов, ослаблявших позицию государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга и усиливавших позицию защиты и подсудимых. Например, составитель не счел нужным привести такой основополагающий для оценки обоснованности вынесенного судебного приговора документ, как постановление народного комиссариата юстиции «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», опубликованный в «Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства». Он сделал вид, что не смог найти программную речь управляющего министерством народного просвещения П. И. Преображенского, опубликованную 16 мая 1919 г. в газете «Правительственный вестник», отзывы о деятельности государственного контролера А. Г. Краснова служащих государственного контроля и заведующего ведомством государственного контроля Иркутского Политического центра, хранившиеся в фонде «Иркутский Политический центр» ЦАОР. В тексте рукописи содержатся такие ремарки составителя, свидетельствующие о его тенденциозности: «Документы эти, как не вносящие никаких изменений в общую картину деятельности колчаковского правительства, мы не приводим», «Документ не приводим, как формальный и не дающий ничего существенного...»[4] и т. п.

В РГАСПИ, который тогда назывался Центральным партийным архивом, рукопись книги о процессе над колчаковскими деятелями была передана в 1940 г. из Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), куда она, в свою очередь, была направлена из Центрального архива Октябрьской революции для экспертной оценки на предмет ее публикации в печати. Мнение рецензента — по-видимому, кого-то из сотрудников Института Маркса — Энгельса — Ленина, пожелавшего остаться неизвестным,— было резко отрицательным. «Материалы,— писал он,— состоят на девять десятых из показаний обвиняемых. Показания делаются в тоне, враждебном советской власти. Подсудимые не разоблачают ни себя, ни колчаковский режим. Напротив, они всячески опровергают или затушевывают приводимые

обвинителем документы и всячески себя выгораживают. Новых фактов, характеризующих колчаковщину, они не сообщают. Публиковать такие показания обвиняемых и речи защитников — значит публиковать агитацию за Колчака»[5].

Сегодня есть благоприятная возможность проигнорировать мнение влиятельного рецензента-цензора и в интересах науки поступить вопреки его рекомендации.

При подготовке настоящего сборника в качестве «базового» был использован беловой вариант расшифрованной стенографической записи, хранящийся в ГАНО в специально образованном фонде р-1185 — «Чрезвычайный Сибирский революционный трибунал при Сибревкоме». Предпочтение ему было отдано потому, что этот текст с наибольшей достоверностью и полнотой отражает происходившее на судебном процессе. К тому же он последним по времени поступил на хранение в архив, что косвенным образом может свидетельствовать в пользу такого выбора. При этом «беловик», выявленный в ГАНО, сверен с остальными текстами чернового и белового вариантов расшифрованной стенографической записи, а текст речи государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга — с ее публикацией в газете «Советская Сибирь».

Составителем была проведена большая работа по комментированию персоналий, терминов, фактов и дат. Материал для составления комментариев извлечен из официальных правительственных публикаций, из фондов центральных и сибирских архивов, периодической печати того времени, а также из работ предшественников — историков, архивистов, краеведов.

Публикация документов сборника осуществлена в соответствии с основными рекомендациями, содержащимися в «Правилах издания исторических документов» (М., 1990). Каждый документ имеет собственный порядковый номер, собственный или редакционный заголовок, содержит указание на место и время его написания, подпись автора (авторов) и легенду. Способ воспроизведения документа и его подлинность указываются в легенде. Документы, публикуемые в извлечении, имеют в заголовке предлог «из». Редакционные пропуски текста в начале, в середине и в конце документа обозначены отточиями, заключенными в квадратные скобки. Точно так же в квадратные скобки заключены вставки недостающих в тексте отдельных букв, цифр, слов и словосочетаний.

Тексты публикуемых документов переданы по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических особенностей. Явные грамматические и пунктуационные ошибки, очевидные искажения в написании имен, фамилий, населенных пунктов и дат, учреждений и общественных организаций исправлялись без оговорок, влекущие иную смысловую трактовку — обязательно оговаривались в комментариях.

Поскольку весь «базовый» текст стенограммы процесса хранится в двух архивных делах, мы сочли возможным дать ссылку на них только один раз, в конце текста стенограммы. Места хранения и (или) публикации всех остальных документов, характеризующих подготовку судебного процесса и его результаты, указаны индивидуально.

Сборник имеет научно-справочный аппарат, включающий в себя краткое историко-археографическое введение, комментарии к основному тексту, именной указатель и список сокращений.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить за предоставленные фактические сведения и консультации по отдельным персоналиям моих учеников: кандидатов исторических наук В. М. Рынкова и Д. Г. Симонова, аспирантов В. В. Журавлева и А. А. Мышанского, а также за помощь в выявлении ряда доку-

ментов — заместителя директора государственного архива Новосибирской области О. К. Кавцевич.

Моя особая признательность за помощь в работе заведующей архивохранилищем белогвардейских и эмигрантских фондов ГАРФа Л. И. Петрушевой, ведущему специалисту этого же архивохранилища Е. Г. Прокофьевой, заведующей читальным залом ГАРФа Н. И. Абдулаевой и специалисту первой категории Л. И. Кулагиной.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект № 01-01-00337а).

Профессор *Владимир Шишкин*

Глава первая

ПРЕЛЮДИЯ

№ 1
ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ СИБРЕВКОМЕ[1] «КОМИССИИ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВЛАСТИ АДМИРАЛА КОЛЧАКА[2] И ЗВЕРСТВ БЕЛОГВАРДЕЙЩИНЫ»*

г. Омск *14 декабря 1919 г.*

Самозваный Всероссийский Верховный правитель адмирал Колчак в своих «грамотах» и воззваниях к сибирякам торжественно и неоднократно заявлял, что он не пойдет по гибельному пути узкой партийности, что он будет стоять на страже законности и правопорядка и что он принял на себя тяжелое бремя власти с целью созвать Всероссийское Учредительное собрание, где свободный русский народ будет иметь возможность свободно выражать свою волю…

Объявляя это сибирякам, Колчак обратился с такой же широковещательной декларацией и к иностранным правительствам, прося у них помощи и поддержки его в борьбе с большевизмом, с этой «заразой», которая угрожает распространиться по всему миру…

Бывшие царские министры и приспешники, бежавшие за границу и находившиеся там не у дел, радостно встретили весть о появлении на белом свете Всероссийского Верховного правителя и, в надежде получить при нем тепленькие местечки, начали усердно обивать пороги иностранных кабинетов, рассказывая про русских большевиков всякие ужасы и в то же время выставляя адмирала Колчака глубоким демократом, защитником законности и правопорядка, могучим витязем Руси, который ведет свою страну к Учредительному собранию…

В подтверждение к этому студенты Сибирского университета[3] во главе с ректором шлют вопли-призывы к американской учащейся молодежи, просят повлиять на правительство Америки, поддержать адмирала Колчака в его титанической борьбе с варварами-большевиками, разрушающими на своем пути все наследие от предков, все исторические и культурные ценности…

Газеты сибирские посвящают целые столбцы описаниям различных ужасов в советской России, приводят примеры изумительного зверства красноармейцев… Для регистрации этих зверств создается в Омске даже особое учреждение под названием «Архив войны»[4], куда поступают доклады различных беженцев из России… Рисуются плакаты с изображением большевика со зверским лицом и большими красными, окровавленными руками и т. п. и т. п. Одним словом, пущены в ход все средства и все способы, чтобы запугать обывателя-сибиряка и в то же

---

* Заголовок документа.

время дать подходящий материал для иностранной буржуазной прессы. Посылаются информаторы за границу для осведомления, с одной стороны, о зверствах красных, а с другой стороны, для осведомления о высокой чистоте стремлений правительства адмирала Колчака, который стоит на страже законности и правопорядка...

Короче говоря, большевики — это воплощение произвола и зверства, а власть Колчака — это закон и порядок!..

Таковы слова.

А на самом деле вся Сибирь стоном стонала от колчаковской власти. От Владивостока до Урала в морозном воздухе Сибири только и слышен был свист офицерской нагайки по спинам сибиряков, да ветер разносил заглушенные стоны замученных в тюрьмах!.. На всем необъятном пространстве, где побыла эта проклятая власть, творились сплошное беззаконие, произвол и насилие!.. История человечества даже самых отдаленных времен не знает примеров такого хладнокровного зверства к людям, какое проявили белогвардейские офицеры под верховным водительством своего адмирала Колчака!..

В интересах революции необходимо организовать при Сибирском революционном комитете особую «Комиссию для расследования всех преступлений власти адмирала Колчака и зверств белогвардейщины». Пусть эта «Комиссия...» осветит весь период колчаковщины, с момента самочинного ее возникновения до позорного бегства пред вооруженными силами советской России. Материалы, собранные этой «Комиссией...»,— веские, обоснованные на документах материалы — послужат обвинительным актом против власти адмирала Колчака пред лицом всего мира. Пусть пролетариат других стран узнает, куда направлялась материальная помощь со стороны их правительств и насколько зверски беспощадна бывает буржуазия в борьбе за свои алчные аппетиты!..

Задачи комиссии:

1. Собрать подробные сведения о моменте падения Директории[5] и возникновении власти адмирала Колчака.

2. Собрать все грамоты и воззвания от имени Колчака, законы его об Учредительном собрании, по земельному и рабочему вопросам, [дать] краткий критический анализ этих законов.

3. Собрать материал относительно деятельности атамановщины: Семенова[6], Анненкова[7], Красильникова[8] и других.

4. Власть на местах, вакханалия этой власти.

5. Контрразведки, следственные комиссии, пытки в них.

6. Обследовать тюрьмы и другие места заключения, сделать общий подсчет политических заключенных и выяснить условия их содержания под стражей.

7. Выяснить деятельность колчаковских судебных установлений: прифронтового военно-полевого суда, военно-окружного и других.

8. Издевательства над военнопленными красноармейцами и расстрелы их.

9. Разрушение мостов и железной дороги при отступлении армии Колчака.

10. Бегство из Омска всего правительства адмирала Колчака.

11. Расстрелы политических заключенных.

12. Положение рабочего класса в период власти адмирала Колчака.

13. Выяснить, какие именно иностранные государства и в какой мере помогали адмиралу Колчаку в его борьбе с большевиками.

При собирании этих материалов «Комиссия...», помимо непосредственного обследования, должна воспользоваться также и сведениями, имеющимися в политич[еских] отделах при армиях и других советских организациях и учреждениях.

Срок работы «Комиссии...»:

Все работы по собиранию материалов должны быть закончены в течение трех месяцев со дня организации «Комиссии...». Затем собранные материалы должны быть подвергнуты «Комиссией...» тщательной литературной обработке (со ссылками на имеющиеся документальные данные) и в живой общедоступной форме изданы в виде книжки (желательно было бы с иллюстрациями), по возможности ко дню празднования 1 мая 1920 года или в крайнем случае — в течение мая 1920 года. Изданную книжку необходимо перевести затем на иностранные языки.

Состав «Комиссии...»:

«Комиссия...» должна состоять из пяти человек: председателя и четырех членов, назначенных Сибирским революционным комитетом. «Комиссии...» предоставляется право нанять секретаря и двух машинисток или переписчиков.

«Комиссия...» будет работать непосредственно только в городе Омске и ближайших его окрестностях. Для более же отдаленных мест «Комиссия...» должна иметь в своем распоряжении целый ряд агентов, которые будут обследовать все крупные пункты на территории, освобожденной от власти Колчака, начиная от Уфы — Челябинска — Екатеринбурга — Перми, и затем, следуя по пути отступления армии Колчака, обратить особое внимание на районы усиленных боевых операций: Курган — Ялуторовск, Петропавловск — Ишим. По мере отступления армии Колчака обследование должно продолжаться вглубь Сибири: Новониколаевск, Барнаул и т. д. Агенты должны не только сознательно относиться к возложенной на них серьезной задаче, но и по возможности владеть литературным пером. Во избежание субъективности в оценке фактов, а также для большей продуктивности работы и в целях контроля необходимо командировать агентов не каждого отдельно, а группами по три человека на каждый район, назначив им предельный срок для обследования этого района. Ввиду того, что все работы по собиранию материалов должны быть закончены, как выше сказано, в течение трех месяцев, число районов должно быть не меньше шести. Считая по три агента на каждый район, потребуется 18 агентов. Независимо от этого «Комиссии...» предоставляется право выезжать на некоторое время в известный район в полном своем составе (5 человек) или же командировать туда на время одного или двух своих членов.

«Комиссия...» должна иметь свой штемпель и печать следующего содержания: «Комиссия для расследования преступлений власти адмирала Колчака и зверств белогвардейщины».

Смета расходов:

А. Жалованье:

1) Председатель «Комиссии...» и все члены ее получают по 2 400 рублей в месяц, следовательно, 5 человек «Комиссии...» за 5 месяцев работы (до момента печатного издания материалов) должны получить 60 000 р[ублей].

2) Секретарь «Комиссии...» — 2 400 р[ублей] в месяц, следовательно, за 5 месяцев работы «Комиссии...» — 12 000 р[ублей].

3) Два переписчика или две машинистки по 1 800 р[ублей] в месяц каждому, следовательно — за 5 месяцев работы «Комиссии...» — 18 000 р[ублей].

4) Восемнадцать человек агентов по 2 400 р[ублей] в месяц каждому, следовательно, за 3 месяца работы по собиранию материалов — 129 600 р[ублей].

Б. Суточные деньги для агентов, считая в половинном размере против жалования, следовательно 1 200 р[ублей] в месяц на каждого из них, что для 18 человек за 3 месяца поездки составит сумму 64 800 р[ублей].

В. Прогоны на лошадях и стоимость проезда по железн[ым] дорогам для 18 агентов в течение 3 месяцев работы, а также и поездки членов «Комиссии...» в течение всех 5 месяцев работы обойдутся приблизительно [в] 6 000 р[ублей].

Г. Канцелярские расходы за все 5 месяцев работы «Комиссии...» — 3 000 р[ублей].

А всего расходов за пять месяцев работы «Комиссии...» — 292 800 р[ублей].

В эту смету не включены расходы на печатное издание материалов «Комиссии...». Предусмотреть эти расходы в настоящее время положительно невозможно, так как все будет зависеть от размера издания, стоимости бумаги, типографской работы и количества экземпляров издания. Можно сказать только одно, что каковы бы ни были эти расходы, останавливаться пред ними не следует, так как собранные «Комиссией...» материалы будут сами по себе иметь большое государственное значение. Да, кроме того, можно рассчитывать еще и на то, что значительная часть всех расходов будет возмещена продажей печатного издания[9].

[*Подписи отсутствуют.*]

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 116. Л. 30–34. Рукописный отпуск.

№ 2
ПРОТОКОЛ №* ЗАСЕДАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ[10] ПРИ ИРКУТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ[11]

[*г. Иркутск*] *8 января 1920 г.*

Слушали: 7. Об учреждении Высшего суда.

Постановили: 7. Министры и высшие должностные лица правительства адмирала Колчака подлежат суду Высшего кассационного суда, каковой будет установлен с участием присяжных заседателей; разработку же положения об этом суде поручить уполномоченному [Политического центра] по ведомству юстиции.

Председатель *М. Ваксберг.*

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. Машинописный подлинник.

№ 3
ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1 ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ[12] ИРКУТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

[*г. Иркутск*] *9 января 1920 г.*

Чрезвычайная следственная комиссия 9 января сего 1920 года постановила перечислить из ведения гражданской следственной комиссии в ведение чрезвычайной следственной комиссии следующих лиц:

Председателя Совета министров А. А. Червен-Водали[13].

Государственного контроля Г. А. Краснова[14].

Министра почт и телеграфов Цеслинского[15].

Министра юстиции А. П. Морозова[16].

Министр[а] путей сообщения А. М. Ларионова[17].

Министр[а] труда Л. И. Шумиловского[18].

Министр[а] народного просвещения Преображенского[19].

---

* Номер протокола в документе отсутствует.

Главноуправляющего[20] по делам вероисповеданий Л. И. Писарева[21].
Товарища министра внутренних дел Грацианова[22].
Директора департамента милиции [министерства внутренних дел] В. Н. Казакова[23].
Полковника Благовещенского.
Товарища министра юстиции М. А. Малиновского[24].
Товарища министра иностранных дел[25] А. А. Нератова.
Личного адъютанта министра иностранных дел К. А. Бодиско.
Делопроизводителя департамента милиции П. С. Ивлева.
Н. И. Бевад[а].
В. Язвицкого[26].
Полковник[а] Сыромятников[а][27].
Полковник[а] Смирнов[а].
Подполковник[а] Остроухов[а].
Штабс-капитан[а] М. М. Лайкам.
Чиновника железнодорожного инженерного дивизиона А. Н. Скрябина.
Генерал-лейтенант[а] Г. Е. Катанаев[а][28].
Чиновника особых поручений В. И. Шкляева.
С. А. Введенского[29].
Генерал[а] Жолтиков[а].
Директор[а] департамента призрения А. Корчагин[а].
Жену генерала Гришина-Алмазова[30].
Офицера Цурикова.
Хроновского[31].

Председатель чрезвычайной следственной комиссии *К. Попов*[32].
Член комиссии *Л. Я. Герштейн.*
Секретарь *Эпштейн.*

ГАНО. Ф. р-867. Оп. 1. Д. 7. Л. 6. Машинописный подлинник. Автографы К. А. Попова, Л. Я. Герштейна и Р. Е. Эпштейна.

№ 4
РАСПОРЯЖЕНИЕ ИРКУТСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ НАЧАЛЬНИКУ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ТЮРЬМЫ

[*г. Иркутск*] *19 февраля 1920 г.*

Чрезвычайная следственная комиссия при сем препровождает копии своего постановления от 7 февраля с. г. и 19 февраля с. г. об освобождении М. А. Малиновского и Алексея Михайловича Ларионова[33] для исполнения. № 580.

Председатель чрезвычайной следственной комиссии *Чудновский.*
Секретарь [*подпись неразборчива*].

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 36. Л. 51. Машинописный подлинник. Автограф С. Г. Чудновского.

№ 5
РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СИБРЕВКОМА, ЧЛЕНА РЕВВОЕНСОВЕТА 5-Й АРМИИ И. Н. СМИРНОВА[34] ИРКУТСКОМУ ГУБРЕВКОМУ И ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Действующая армия *29 февраля 1920 г.*

Предлагаю в срочном порядке закончить предварительное дознание по делу министров правительства Колчака и направить его вместе с подсудимыми в г. Омск в распоряжение отдела юстиции Сибревкома.

Возложить исполнение сего на тов. Попова. № 457/л.

Предсибревком, член Реввоенсовета-5 *Смирнов.*
Секретарь [*подпись неразборчива*][35].

ГАИО. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 173. Л. 166. Машинописный подлинник. Автограф И. Н. Смирнова.

№ 6
ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 176 ВНЕОЧЕРЕДНОГО ЗАСЕДАНИЯ СИБИРСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

г. Омск *14 марта 1920 г.*

Присутствовали: председатель Сибревкома тов. Смирнов, члены Сибревкома тов. Фрумкин, Косарев[36], Соколов, управляющий делами Сибревкома Цветаев, заведующие отделами Сибревкома тт. Гойхбарг, Бахутов, Цветков, Шотман, Земит, Пузырев, член облакома [РКП(б)] Хотимский[37], секретарь облакома [РКП(б)] Гончарова[38], окрвоенком Зап[адной] Сиб[ири] Коган, тт. Уралов, Павлуновский[39], Полюдов, Смирнова, Корешков, Шумяцкий, Монастырский, Бобе.

Председательствует тов. Смирнов.

Слушали: О суде над бывшими министрами-колчаковцами.

Постановили: 1) Суд над бывш[ими] министрами Колчака будет происходить в г. Омск.

2) Состав суда назначается Сибревкомом.

3) Предварительное следствие по делам бывш[их] министров-колчаковцев поручается произвести Омской губчека.

Председатель Сибревкома *Смирнов.*
Члены Сибревкома: *В. Косарев.*
Управляющий делами Сибревкома *Цветаев.*

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 2264. Л. 200. Машинописный подлинник. Автографы И. Н. Смирнова, В. М. Косарева и С. Цветаева.

№ 7
ХОДАТАЙСТВО РУКОВОДСТВА ИРКУТСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В ИРКУТСКУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

г. Иркутск *19 марта 1920 г.*

По имеющимся у горного отдела сведениям, геолог П. И. Преображенский, как лицо, входившее в состав бывшего Омского правительства, подлежит отправке

в Омск для производства над ним следствия наряду с другими участниками названного правительства.

Ввиду того, что в настоящее время намечены геологические работы на территории Иркутской губернии, необходимо и важно присутствие [такого] компетентного в этом отношении лица, как Преображенский. Президиум губсовнархоза, находя необходимым оставление его в Иркутске, со своей стороны просит сообщить, имеются ли препятствия со стороны чрезвычайной комиссии к отмене отправки его в Омск. № 819.

За председателя президиума [*подпись неразборчива*].
Управляющий делами *С. Третьяк*[40].

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 34. Л. 34. Машинописный подлинник. Автограф С. М. Третьяка.

№ 8
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

[*г. Иркутск*] [*24 марта 1920 г.*]

Марта 24 дня 1920 года Иркутская губернская чрезвычайная комиссия, руководствуясь телеграммой представителя ВЧК [по Сибири] тов. Павлуновского от 20 марта за № 600 и разъяснением к ней от 23 сего марта за № 608, постановила:

быв[шего] министра народного просвещения [Российского правительства] Павла Ивановича Преображенского подвергнуть личному задержанию, отменив прежде принятую по отношению к нему меру пресечения, и отправить в гор. Омск в распоряжение отдела юстиции при Сибревкоме под стражей.

Председатель *С. Чудновский*.
Тов. председателя Ир[кутской] губчека *К. Попов*.
Члены: *А. Кофер, Л. Герштейн*.

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 34. Л. 35. Машинописная копия.

№ 9
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

[*г. Иркутск*] [*24 марта 1920 г.*]

Марта 24 дня 1920 года Иркутская губернская чрезвычайная комиссия, руководствуясь телеграммой представителя ВЧК при Сибревкоме т. Павлуновского от 20 марта за № 600 и разъяснением к ней от 23 марта [за] № 608 и имея в виду, что бывш[ий] тов[арищ] министра народного просвещения [Российского правительства] Палечек[41] участвовал между прочим в заседаниях малого Совета министров, на котором [был] принят закон о смертной казни по ст. 260 Воинск[ого] уст[ава] о наказаниях и ст. 218 В[оенно]-морск[ого] уст[ава] о наказ[аниях], постановила:

бывш[его] тов[арища] министра Николая Осиповича Палечека подвергнуть личному задержанию и отправить в распоряжение отдела юстиции при Сибревкоме в гор. Омск под стражей.

Председатель комиссии *С. Чудновский*.
Тов. председателя *К. Попов*.
Члены: *А. Кофер, Л. Герштейн*.

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 34. Л. 34. Машинописная копия.

№ 10
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИНСПЕКТОРА СЕКРЕТНО-ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА ОМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ РАДЗИНЯ ПО ДЕЛУ ПРОФЕССОРА Н. Я. НОВОМБЕРГСКОГО[42]

[*г. Омск*] *24 марта 1920 г.*

Из Томска прислана телеграмма [с просьбой] поймать проф[ессора] Новомбергского как одного из крупных организаторов крестовых дружин[43].

Установлено, что проф. Новомбергский состоит лектором в Омском политехническом институте.

Предлагаю запросить из Томска конкретный обвинительный материал на него, по получении такового произвести арест его с обыском.

Инсп[ектор] *Радзинь.*

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 33. Л. 143. Рукописный подлинник. Автограф Радзиня.

№ 11
ТЕЛЕГРАММА ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ ГУРЬЕВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ТОМСКОЙ УЕЗДНОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

[*г. Омск*] *25 марта 1920 г.*

На Ваш [№] 684. Вышлите материал, характеризующий Новомбергского как контрреволюционера. № 437.

Зампред Ом[ской] губчека *Гурьев.*

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 33. Л. 142. Машинописный отпуск.

№ 12
ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ТОМСКОГО УЕЗДНОГО РЕВКОМА М. И. СУМЕЦКОГО В ОТДЕЛ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА

г. Томск *2 апреля 1920 г.*

Согласно обещания тов. Смирнова просим выслать из Иркутска [бывшего колчаковского] министра Грацианова для суда [в] Томском ревтрибунале как давнишнего местного деятеля, против которого имеется материал. [О] последующем просьба телеграфировать. 195/277.

Предуревкома *Сумецкий.*

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 4. Телеграфная лента.

№ 13
ТЕЛЕГРАММА РУКОВОДИТЕЛЯ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЧК ПО СИБИРИ И. П. ПАВЛУНОВСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

г. Омск *29 марта 1920 г.*

Немедленно арестовать освобожденного [бывшего] министра Патушинского[44]. № 28.

Представитель ВЧК при Сибревкоме *Павлуновский.*

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 36. Л. 127. Телеграфный бланк.

№ 14
ТЕЛЕГРАММА ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА А. Г. ГОЙХБАРГА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ТОМСКОГО УЕЗДНОГО РЕВКОМА М. И. СУМЕЦКОМУ

[*г. Омск*] *16 апреля 1920 г.*

Все министры будут судиться [в] Омске в чрезв[ычайном] трибунале. № 467.

Завсибюст *Гойхбарг.*

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 5. Машинописный отпуск.

№ 15
СПИСОК АРЕСТОВАННЫХ, ДОСТАВЛЕННЫХ ИЗ ГОР. ИРКУТСКА ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ К. А. ПОПОВЫМ В РАСПОРЯЖЕНИЕ ОТДЕЛА ЮСТИЦИИ ПРИ СИБРЕВКОМЕ*

[*г. Омск*] *18 апреля 1920 г.*

[I. В распоряжение отдела юстиции Сибревкома:]

1) Б. помощник военного министра Карликов В. А.[45]
2) Б. товарищ министра юстиции Малиновский М. А.
3) Б. государственный контролер Краснов Г. А.
4) Б. управляющий министерством юстиции Морозов А. П.
5) Б. помощник главноуправляющего по делам вероисповеданий Писарев Л. И.
6) Б. управляющий министерством народного просвещения Преображенский П. И.
7) Б. товарищ министра путей сообщения Степаненко Г. М.[46]
8) Б. товарищ министра финансов Хроновский И. Н.
9) Б. главноуправляющий почт и телеграфов Цеслинский Ф. Л.[47]
10) Б. министр труда Шумиловский Л. И.
11) Б. заместитель председателя Совета министров Червен-Водали А. А.
12) Б. товарищ министра путей сообщения Ларионов А. М.
13) Б. товарищ министра внутренних дел Ячевский М. Э.[48]

---

* Заголовок документа.

14) Б. товарищ министра внутренних дел Грацианов А. А.
15) Б. директор департамента милиции при МВД Казаков В. Н.
16) Б. товарищ министра иностранных дел Жуковский В. Г.[49]
17) Б. товарищ министра продовольствия и снабжения Дмитриев Н. В.[50]
18) Б. товарищ министра народного просвещения Палечек Н. О.
19) Б. товарищ министра торговли и промышленности Введенский С. А.
20) Б. товарищ министра снабжения Молодых И. А.[51]
21) Б. товарищ министра труда Василевский В. К.[52]
22) Б. командующий войсками Омского [военного] округа Матковский А. Ф.[53]
23) Б. начальник штаба бригады Красильникова Шемякин А. В.[54]
24) Б. начальник Омской унтер-офицерской школы подполковник Рубцов[55].
25) Б. начальник отряда особого назначения при м[инистерстве] вн[утренних] дел полковник Благовещенский Н. А.
26) Б. директор канцелярии Верховного правителя Мартьянов А. А.[56]
27) Б. чиновник особых поручений при канцелярии Верховного правителя Самойлов Н. А.[57]
28) Б. директор-распорядитель Р[усского] о[тделения] п[ечатного] д[ела] А. К. Клафтон[58].
29) Б. делопроизводитель департамента милиции при МВД Костицын В. Л.

II. В распоряжение представительства ВЧК при Сибревкоме.

30) Б. министр юстиции [Временного] Сибирского правительства Патушинский Г. Б.

Подлинный подписал: зампред Ир[кутской] губчека *К. Попов*[59].

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 15. Л. 242. Машинописный подлинник. Автограф К. А. Попова.

№ 16
ЗАПИСКА ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА А. Г. ГОЙХБАРГА РУКОВОДИТЕЛЮ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЧК ПО СИБИРИ И. П. ПАВЛУНОВСКОМУ

[*г. Омск*] [*до 20 апреля 1920 г.*]

Тов. Павлуновский!

Прошу Вас согласно уговору с Вами распорядиться об освобождении Патушинского с отобранием у него подписки о невыезде[60].

С тов. приветом, *А. Гойхбарг.*

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 36. Л. 277. Рукописный подлинник. Автограф А. Г. Гойхбарга.

№ 17
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 226 ЗАСЕДАНИЯ СИБРЕВКОМА

[*г. Омск*] *20 апреля 1920 г.*

Присутствовали: председатель Сибревкома Смирнов, члены — Фрумкин, Косарев, Соколов, Шотман, управделами Цветаев, заведующие отделами Гойхбарг, Бахутов, Пузырев, Земит.

Председательствует Смирнов.

Текущие дела.

Слушали: 2. О составе чрезвычайного трибунала при Сибревкоме (по докл[аду] т. Гойхбарга).

Постановили: 2. Назначаются: тов. Павлуновский — председателем чрезвычайного трибунала при Сибревкоме, тт. Косарев и Байков[61] — членами чрезвычайного трибунала с сего числа.

Подлинный за надлежащими подписями[62].

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 2264а. Л. 78. Машинописная копия.

№ 18
ТЕЛЕГРАММА ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА А. Г. ГОЙХБАРГА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

[*г. Омск*] [*23 апреля 1920 г.*]

Прошу озаботиться доставкой Третьяка [в] Омск для предания его суду совместно с другими членами колчаковского правительства. Если уверены, что Третьяк прибудет [в] Омск добровольно и немедленно, нет необходимости ареста его или доставки под конвоем. Явиться должен [в] мое распоряжение. № 516.

Заведующий отделом юстиции Сибревкома *Гойхбарг*.

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 15. Машинописный отпуск.

№ 19
ТЕЛЕГРАММА ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА А. Г. ГОЙХБАРГА ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ АЛТАЙСКОГО, ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО, ИРКУТСКОГО, КАЗАНСКОГО, КРАСНОЯРСКОГО, ОМСКОГО, ПЕРМСКОГО, САМАРСКОГО, САРАТОВСКОГО, СЕМИПАЛАТИНСКОГО, ТОМСКОГО, ТЮМЕНСКОГО, УФИМСКОГО И ЧЕЛЯБИНСКОГО ГУБЕРНСКИХ РЕВКОМОВ ИЛИ ИСПОЛКОМОВ

г. Омск *23 апреля 1920 г.*

Прошу сообщить телеграфно по адресу: Омск, заведующему отделом юстиции Сибревкома Гойхбаргу имеющиеся [в] Вашем распоряжении непреувеличенные приблизительные сведения количества расстрелянных [и] иными способами убитых колчаковским правительством, указав по возможности место и время массовых истреблений, а также порки. Сведения эти необходимы для суда над колчаковскими министрами. № 517/ю.

Обвинитель по делу колчаковского правительства *А. Гойхбарг*.

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 16. Машинописная копия.

№ 20
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА КОМЕНДАНТА ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЧК ПО СИБИРИ М. Т. ОШМАРИНА[63] ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА

[*г. Омск*] *28 апреля 1920 г.*

Согласно Вашего отношения об освобождении на поруки бывшего товарища министра юстиции Малиновского, указанный Малиновский освобожден под поручительство указанных лиц в Вашем отношении, о чем и сообщается для сведения. № 415.

Комендант представительства ВЧК при Сибревкоме *Ошмарин.*
Секретарь *М. Дзелтынь.*

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 21. Машинописный подлинник. Автографы М. Т. Ошмарина и М. Ю. Дзелтынь.

№ 21
ТЕЛЕГРАММА СОТРУДНИКА ОТДЕЛА ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА Л. В. ЖЕСТЯННИКОВА[64] ЧЛЕНУ КОЛЛЕГИИ ИРКУТСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА Б. Г. ЗАКСУ

[*г. Омск*] *29 апреля 1920 г.*

Предлагаю немедленно выслать [в] Омск Третьяка. № 560/ю.

[За] завсибюст *Жестянников.*

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 10. Машинописный отпуск.

№ 22
ТЕЛЕГРАММА ПРЕЗИДИУМА ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ В ОТДЕЛ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА

[*г. Екатеринбург*] *29 апреля 1920 г.*

На [Ваш] № 517/ю.

[По] приблизительным сведениям, далеко неточно, [в] Екатеринбургской губернии колчаковскими властями расстреляно минимум двадцать пять тысяч [человек]. Особым репрессиям подверглись уезды Екатеринбургский [и] Верхотурский. Одни Кизеловские копи — расстреляно, заживо погребено около восьми тысяч, Тагильский [и] Надеждинский районы — расстреляных около десяти тысяч. Екатеринбургский и другие уезды — не менее восьми тысяч [человек]. Перепорото около 10% двухмиллионного населения. Пороли мужчин, женщин, детей. Разорены — вся беднота, все сочувствующие советской власти. № 196.

Президиум Екатеринбургской губчека.

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 22. Телеграфный бланк.

№ 23
ТЕЛЕГРАММА РУКОВОДСТВА СИБИРСКОГО БЮРО ЦК РКП(б) И СИБРЕВКОМА В ЦК РКП(б)

г. Омск *3 мая 1920 г.*

Сиб[ирское] бюро находит необходимым судить публично колчаковских министров. Для некоторых предлагается высшая мера наказания. Процесс будет происходить гласно. Необходимо мнение Цека о применении высшей меры. № 157/б.

Секретарь Гончарова.

[Предсибревкома] *Смирнов.*

ГАНО. Ф. п-1. Оп. 9. Д. 7а. Л. 102. Машинописный отпуск.

№ 24
ТЕЛЕГРАММА ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА А. Г. ГОЙХБАРГА В ПРЕЗИДИУМЫ АЛТАЙСКОЙ, ЕНИСЕЙСКОЙ, ИРКУТСКОЙ, КАЗАНСКОЙ, ОМСКОЙ, ПЕРМСКОЙ, САРАТОВСКОЙ, СЕМИПАЛАТИНСКОЙ, ТОМСКОЙ, ТЮМЕНСКОЙ, УФИМСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНСКИХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ КОМИССИЙ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

[*г. Омск*] *3 мая 1920 г.*

Отдел юстиции Сибревкома просит ускорить ответ на телеграмму от 23/IV за № 517 следующего содержания. Прошу сообщить телеграфно по адресу: Омск, заведующему отделом юстиции Сибревкома Гойхбаргу имеющиеся [в] Вашем распоряжении непреувеличенные приблизительные сведения количества расстрелянных [и] иными способами убитых колчаковским правительством, указав по возможности место и время массовых истреблений, а также порки. Сведения эти необходимы для суда над колчаковскими министрами. № 595/ю.

Обвинитель по делу колчаковского правительства *Гойхбарг.*

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 13. Машинописная копия.

№ 25
ТЕЛЕГРАММА ЧЛЕНА СИБРЕВКОМА В. М. КОСАРЕВА АЛТАЙСКОМУ, ЕНИСЕЙСКОМУ, ОМСКОМУ, СЕМИПАЛАТИНСКОМУ И ТОМСКОМУ ГУБЕРНСКИМ РЕВКОМАМ

[*г. Омск*] [*начало мая 1920 г.*]

Около 15 мая [в] Омске состоится суд над министрами — сановниками Колчака. Предлагаем командировать крестьян [и] рабочих, желающих, [в] количестве десяти человек [от] губернии, [из] наиболее пострадавших [от] Колчака местностей. [Командируемых] снабдить документами [и] деньгами [на] проезд сюда [и] обратно. [№] 668.

Член Сибревкома *Косарев.*

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 232. Л. 18. Машинописный подлинник. Автограф В. М. Косарева.

№ 26
ПРЕДПИСАНИЕ ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА А. Г. ГОЙХБАРГА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА СИБИРИ И. П. ПАВЛУНОВСКОМУ

г. Омск *4 мая 1920 г.*

На основании пункта 5 постановления Сибревкома от 10 апреля[65] 1920 г. о чрезвычайном ревтрибунале при Сибревкоме я считаю необходимым направить на рассмотрение чрезвычайного Сибирского ревтрибунала дело о членах колчаковского мятежного правительства и их вдохновителях.

Само это дело, со всеми материалами, будет доставлено в трибунал моим заместителем, ведшим следствие, К. А. Поповым. Обвинителем по делу буду выступать я, если трибунал сочтет необходимым допустить обвинение и защиту. В случае допущения меня к обвинению прошу известить коллегию защитников и обвинителей при Омском губревкоме о необходимости ей выдвинуть из своей среды защитников по этому делу. № 606/ю.

Завед[ующий] отд[елом] юст[иции] Сибревкома *А. Гойхбарг.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Машинописный подлинник. Автограф А. Г. Гойхбарга.

№ 27
ПОСТАНОВЛЕНИЕ СИБРЕВКОМА ОБ УВЕЛИЧЕНИИ СОСТАВА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА СИБИРИ

г. Омск *4 мая 1920 г.*

В[о] изменение пункта 2 постановления Сибревкома от 10 апреля[66] с. г. о чрезвычайном ревтрибунале при Сибревкоме состав данного трибунала определить в пять человек, включая в это число и председателя.

Дополнительно назначить членами чрезвычайного трибунала товарищей Мамонтова[67] и Щетинкина[68].

Председатель Сибревкома *Смирнов.*
Завед[ующий] отделом юстиции Сибревкома *Гойхбарг.*
Управляющий делами Сибревкома *С. Цветаев.*

Опубликовано: Советская Сибирь (Омск). 1920. 7 мая.

№ 28
ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ В. Ф. ТИУНОВА ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА А .Г. ГОЙХБАРГУ

[*г. Семипалатинск*] *6 мая 1920 г.*

[На Ваш] НР 517.

По имеющимся сведениям, в трех уездах [губернии] количество жертв белого террора приблизительно 505 [человек], из которых во время восстания [в] Усть-Каменогорской крепости [в] июле 1919 года расстреляны 112 человек, [в] Павло-

дарской тюрьме заколоты двадцать девять человек, остальные расстреляны. НР 1531.

Пред[седатель] Сем[ипалатинской] губчека *Тиунов.*

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 11. Телеграфная лента.

№ 29
ОБЪЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА СИБИРИ И. П. ПАВЛУНОВСКОГО

[*г. Омск*] *13 мая 1920 г.*

Сибирский чрезвычайный ревтрибунал в распорядительном заседании от 11 мая с. г. постановил:

1) Дело по обвинению министров бывшего правительства Колчака назначить к слушанию на 20 мая в 5 ч[асов] (17 ч[асов]) вечера в помещении новых мастерских вагонного цеха (Атамановский хутор).

2) К участию в процессе допустить обвинителя и защиту.

Председатель Сиб[ирского] чр[езвычайного] ревтрибунала *Павлуновский.*

Опубликовано: Советская Сибирь. 1920. 13 мая

№ 30
СПИСОК ЮРИСТОВ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ В ПОРЯДКЕ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ К УЧАСТИЮ В КАЧЕСТВЕ ЗАЩИТНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА КОЛЧАКА, ПРЕДАННЫХ СУДУ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ТРИБУНАЛА ПРИ СИБРЕВКОМЕ

[*г. Омск*] [*до 14 мая 1920 г.*]

1. Ааронов — юрисконсульт Центросоюза.
2. Айзин — член коллегии защитников отдела юстиции [Омского губревкома] и юрисконсульт Сибсовнархоза.
3. Бородулин — член коллегии защитников отдела юстиции [Омского губревкома].
4. Кабалкин — сотрудник отдела юстиции [Омского] губревкома.
5. Калугин — член совнарсуда отдела юстиции [Омского] губревкома.
6. Каплан — сотрудник Омского губтрамота.
7. Котляров — юрисконсульт Агросоюза и секретарь неторгового отдела того же Агросоюза.
8. Кладницкий — сотрудник отдела юстиции [Омского] губревкома.
9. Лиознер — юрисконсульт Сибкомпрода[69].
10. Темкин — заведующий Сибирской кооперативной комиссией при Сибкомпроде.

Список утверждается; поручается сделать распоряжение от имени председателя чрезвычайного трибунала об откомандировании от обычных занятий Ааронова, Каплана, Котлярова, Лиознера и Темкина на время с 14 мая по день окончания процесса. Выдать всем поименованным здесь лицам мандаты от имени председателя чрезвычайного трибунала по образцу, при этом прилагаемому[70].

[Подписи отсутствуют.]

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 2. Машинописный отпуск.

№ 31
ПОДПИСКА ПОДСУДИМОГО С. М. ТРЕТЬЯКА

[*г. Омск*] [*середина мая 1920 г.*]

Я, нижеподписавшийся, Спиридон Матвеевич Третьяк, даю настоящую подписку в том, что явлюсь 20 сего мая 1920 г. в пять часов вечера в помещение Омских ж[елезно]д[орожных] мастерских на суд в чрезвычайный сибирский трибунал.

С. Третьяк.

Подписку отобрал пом[ощник] зав[едующего] отделом юстиции Сибревкома.

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 35. Л. 166. Машинописный подлинник. Автограф С. М. Третьяка.

№ 32
ХОДАТАЙСТВО КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ, ОБВИНИТЕЛЕЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ПРИ ОМСКОМ ГУБЕРНСКОМ ОТДЕЛЕ ЮСТИЦИИ ПЕРЕД СИБИРСКИМ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛОМ

г. Омск *15 мая 1920 г.*

По делу членов бывшего правительства Колчака, назначенному к слушанию 20 сего мая, коллегия защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе при Омском губернском отделе юстиции уведомляет, что защитниками по вышеозначенному делу назначаются члены коллегии Айзин Вениамин Лейбович и Бородулин Алексей Николаевич.

Одновременно коллегия извещает, что в число защитников допущен гражданин Ааронов Яков Мейерович, как изъявивший свое согласие по просьбе подсудимых.

Коллегия просит выдать упомянутым лицам мандат для ознакомления с делом и для свидания с подсудимыми. № 345.

Председатель коллегии *Опарин.*
Секретарь *К. Агатова.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 4. Машинописный подлинник. Автограф В. Е. Опарина.

№ 33
ОБЪЯВЛЕНИЕ КОМЕНДАНТА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА СИБИРИ М. Т. ОШМАРИНА

[*г. Омск*] [*18 мая 1920 г.*]

Заседание Сибирского чрезвычайного ревтрибунала по делу министров бывшего правительства Колчака назначается на 20 мая с. г. в 5 час. (17 ч[ас.]) в помещении новых железнодорожных мастерских (Атамановский хутор). Билеты для входа в зал заседания выдаются партийным организациям, профсоюзам, организациям служащих советских учреждений и т. д. на Думской, [д.] 5 в представительстве ВЧК при Сибревкоме.

Для сообщения с[о] станцией Омск с городской ветки специально отправляются три поезда: 1) в 15 час. 17 м[ин.], 2) в 15 [час.] 32 мин. и 3) в 15 час. 38 мин.

по местному времени. По окончании заседания поезда отходят в 22 час. 15 мин. и 22 час. 32 мин.

Комендант Сибирского чрезвычайного ревтрибунала *Ошмарин.*

Опубликовано: Советская Сибирь. 1920. 18 и 19 мая.

№ 34
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 41 ОБЪЕДИНЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ СИБИРСКОГО БЮРО ЦК РКП(б) И СИБРЕВКОМА

[*г. Омск*] *20 мая 1920 г.*

Присутствуют: тт. Смирнов, Косарев, Соколов, Гойхбарг, Павлуновский, Канатчиков, Ярославский[71], Хотимский, Байков и Гончарова.

Слушали: 1. О суде над [колчаковскими] министрами[72].

Тов. Смирнов: Через несколько дней ревтрибунал будет судить министров. Нам необходимо заранее вопрос всесторонне обсудить и дать трибуналу руководящие директивы. Нам необходимо обсудить, насколько удобно по обстоятельствам, которые сейчас складываются в России и [в] Сибири, применить ко всем [подсудимым] высшую меру наказания. В ответ на нашу телеграмму[73] ЦК возложил на Сиббюро и Сибревком [обязанность] определять по отношению к каждому из них [возможность] применять высшую меру наказания. Не возражая по существу, я думаю, что для наиболее виновных допустима высшая мера наказания, а судьи должны будут сами определять, к кому [ее] применить.

Тов. Косарев: Если судить [п]о виновности, то всех их надо расстрелять. Но чтобы удовлетворить пострадавших от их рук рабочих и крестьян, необходимо применить [высшую меру наказания] процентам к 50 по крайней мере.

Тов. Гойхбарг дает оценку каждому из министров, и выясняется, что все они виновны так или иначе.

Тов. Павлуновский: Тов. Смирнов вопрос поставил правильно. Я думаю, что мы их должны судить не как лиц, а как министерство. Тогда это будет иметь политическое значение и для нас, и для Запада. А так как материала, обличающего их, достаточно, чтобы ко всем применить высшую меру наказания, я думаю, [что] мы это можем сделать, а Сибревком потом по отношению к некоторым [из них] может изменить постановление трибунала.

Тт. Ярославский и Хотимский согласны с тов. Косаревым и предлагают по отношению к 75% применить высшую меру наказания.

Тов. Смирнов: Ведь это будет суд, а не сплошной террор. Необходимо, чтобы суд остался судом. Массы, правда, могут отнестись к нам отрицательно за наше мягкосердие, но мы можем прибегнуть к широкой политической агитации. Ведь этот процесс явится большим политическим митингом. После того, что будет о них обнаружено на суде, они уже как политическая партия погибли, а как к Ивану и Петру есть ли толк ко всем применять высшую меру. Настроение масс преходящее, и это мы должны учесть.

Вносится следующее предложение:

руководствуясь телеграммой ЦК, считаем, что высшая мера наказания по условиям переживаемого момента возможна, но Сиббюро и Сибревком считают, что коллективное применение высшей меры [наказания] нецелесообразно.

Если [осужденными] будет послана [во] ВЦИК телеграмма о помиловании, Сибревком на защиту их не вступает.

Провод для переговоров с[о] ВЦИКом будет им дан.

Постановили: 1. Все три предложения принимаются.

Против предоставления провода голосовали тт. Косарев и Ярославский.

Секретарь *Гончарова.*

ГАНО. Ф. п-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 52. Машинописный подлинник. Автограф Д. К. Гончаровой.

№ 35
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДЕЛУ ЧЛЕНОВ САМОЗВАНОГО И МЯТЕЖНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КОЛЧАКА И ИХ ВДОХНОВИТЕЛЕЙ (СОСТАВЛЕННОЕ ЗАВЕДУЮЩИМ ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБИРСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА АЛЕКСАНДРОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ГОЙХБАРГОМ) ЧЕРВЕНА-ВОДАЛИ, ШУМИЛОВСКОГО, КРАСНОВА, МОРОЗОВА, ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, ЛАРИОНОВА, СТЕПАНЕНКО, ЖУКОВСКОГО, ПИСАРЕВА, БОЛДЫРЕВА[74], КЛАФТОНА, ГРИШИНОЙ-АЛМАЗОВОЙ, ЦЕСЛИНСКОГО, ЯЧЕВСКОГО, ГРАЦИАНОВА, ПАЛЕЧЕКА, МОЛОДЫХ, ДМИТРИЕВА, КАРЛИКОВА, ВВЕДЕНСКОГО, ВАСИЛЕВСКОГО, ТРЕТЬЯКА И НОВОМБЕРГСКОГО

[*г. Омск*] [*не позднее 20 мая 1920 г.*]

После того, как рабочие и крестьяне свергли власть помещиков, капиталистов и банкиров в октябре 1917 года и стали строить свое рабоче-крестьянское государство, контрреволюционные помещики и капиталисты решили восстать против власти рабочих и крестьян и при помощи офицерства, контрреволюционного богатого казачества, шпионских организаций капиталистических стран, которые называли себя посольствами и миссиями, при помощи оружия, войск и денег, получаемых от иностранных империалистических правительств, свергнуть власть рабочих и крестьян, раздавить их силу, потопить их в крови и таким путем восстановить строй помещиков и капиталистов.

Иностранные империалистические правительства, в особенности английское и американское, готовили подходящих людей, которые пригодны были бы на роль реставраторов, восстановителей старого строя.

Одним из таких кандидатов являлся для них царский вице-адмирал Александр Васильевич Колчак. По всему своему прошлому он являлся самым подходящим человеком для этой цели. Колчак был одним из основоположников и идейных руководителей и вдохновителей российского империализма. Для империализма, для захватнической войны, в особенности для захвата Дарданелл, необходим огромный флот. И вот после русско-японской войны Колчак начинает организовывать военное судостроение. Он, тогда еще сравнительно молодой морской офицер, создает кружок офицеров для разработки плана большой судостроительной программы. Он — председатель и руководитель этого кружка[75], который через некоторое время превращается в Морской штаб. В дальнейшем Колчак в течение десятка лет работает над империалистической задачей, над созданием флота, который необходим для неизбежной, по его мнению, истребительной войны. Он и его друзья вычисляют даже срок, когда должна быть начата эта кровопролитнейшая в мире война, отнеся этот срок к 1915 г. Он принимает все меры, чтобы при помощи царской [Государственной] думы скорее закончить эту задачу, которая должна дать возможность водрузить царский двуглавый орел на вратах Царьграда. По его собст-

венному, ужасающему мысль человека признанию, день начала войны был одним из самых счастливых и лучших дней его службы[76]. Тот ужас войны, тот призрак кровавой бойни, который поверг в содрогание все человечество, оказался самым счастливым днем для заматерелого империалиста, который и не думал о потоках людской крови, о миллионах загубленных жизней, о миллиардных разрушениях, а мечтал только о том моменте, когда ему удастся захватить Босфор и Дарданеллы для Николая Второго, его «государя», как Колчак продолжает называть его в своих предсмертных показаниях. Во время империалистической бойни Колчак принимает самое деятельное участие в подводной и минной войне. Мысль о захвате Босфора так им овладела, что после падения царизма он, по его собственному признанию, совершает измену тому Временному правительству, которому он присягал в верности. Будучи еще вице-адмиралом русского флота, он принимает тайком от своего правительства приглашение американского адмирала Гленнона[77] — руководить активными действиями американского флота в Средиземном море против турок и Дарданелл. Характерна та откровенность, с которой Колчак сознается в своей измене и которую он считал, по-видимому, в порядке вещей. Об этом шпионском предложении Гленнона и о своем согласии на это предложение Колчак дал следующие, стенографически записанные показания следственной комиссии: «Относительно этой десантной операции он просил меня никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству, так как он будет просить правительство командировать меня в Америку официально для сообщения сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками. Я сказал ему, что против командирования в Америку ничего не имею, что в настоящее время я свободен и применения себе пока не нашел». Ни одного слова возмущения офицера, честь которого оскорблена шпионским изменническим предложением обмануть свое правительство, утаить от него цель командировки. Наоборот, полная готовность продать себя кому угодно для достижения империалистической цели. Американская затея не удается или оставлена.

В это время власть в России берут рабочие и крестьяне в свои руки, которые не желают дальше участвовать в империалистической войне. Империалист Колчак, уже набивший себе руку на изменнических преступлениях, продает себя английским империалистам, сам заявляет о желании поступить на английскую военную службу. Охотно готов отправиться на Месопотамский фронт, ввиду близости этого фронта от Дарданелл. В это же время его приглашает в свой отряд прямой бандит атаман Семенов, поддерживаемый японскими империалистами. И характерно отметить показания Колчака о том, как он отнесся к предложению этого атамана, которого он впоследствии то называл простым грабителем, то мирился с ним, то передавал ему всю военную власть. «Со своей точки зрения,— заявил Колчак перед чрезвычайной следственной комиссией,— я считал безразличным, буду ли я работать с Семеновым или в Месопотамии, я буду исполнять свой долг по отношению к родине»[78]. Тем не менее Колчак предпочитает индийские войска английских империалистов бандам семеновских грабителей. Но царский самозваный посланник в Пекине князь Кудашев[79] счел Колчака более полезным для цели непосредственного восстановления романовского режима в России, начиная с Дальнего Востока. Он просит английских покупателей отпустить Колчака для этой цели.

Вторая попытка Колчака продать себя непосредственно иностранному правительству кончается ничем, опять-таки не по его воле. Английское правительство прислало Колчаку в Сингапур телеграмму вернуться, согласно просьбы князя Кудашева, в Россию, проехать на Дальний Восток, начать там свою деятельность,

так как это, с точки зрения английского правительства, является более выгодным, чем его пребывание на Месопотамском фронте.

Послушный приказу своих недавних хозяев, Колчак едет в Пекин к князю Кудашеву, получает от него указания на то, что на юге собираются вооруженные силы так называемой Добровольческой армии Алексеева[80], и берет на себя поручение организовать вооруженную силу на Дальнем Востоке против власти рабочих и крестьян. Разумеется, у такого заматерелого царского дипломата, как князь Кудашев, нет и мысли защищать какое-то там Учредительное собрание. Не заговаривал ни о чем подобном и Колчак. Им важно только одно — вернуть старое, свергнуть власть рабочих и крестьян какой бы то ни было ценой.

Но незаконно получаемой с китайского правительства боксерской контрибуции Кудашеву не хватало на обеспечение и своего агента Колчака. Колчака пристраивают в качестве какого-то члена правления Восточно-Китайской железной дороги[81] от несуществующего Генерального штаба. Характерно отметить, что это место в частном обществе с получением вознаграждения сохранено за Колчаком и тогда, когда он стал [уже] называть себя «Верховным правителем».

Начинается организация Колчаком мятежных вооруженных сил. И за помощью оружием он обращается к третьему иностранному правительству — японскому. Он заявляет ему: вы даете оружие и деньги Семенову, дайте лучше нам, т. е. Хорвату[82], председателю правления общества Восточно-Китайской железной дороги. В своем стремлении объединить все вооруженные банды, которые собираются на борьбу с властью рабочих и крестьян, он не брезгует ничем. Если начало всемирной бойни было лучшим и счастливейшим днем его жизни, то что может его остановить теперь.

По его собственному показанию (л. 68), Семенов был простым грабителем, просто забирал все, что можно, реквизировал все железнодорожное имущество, приставлял револьвер ко лбу — и все вывозилось. Тем не менее, не считаясь, по его собственным словам, с самолюбием, он едет к Семенову, который не желает с ним разговаривать, и заявляет этому простому грабителю: «Я приехал с вами поговорить об общем деле создания вооруженной силы»[83]. Он вообще с самого начала не лишал своего благоволения и самых закоренелых уголовных убийц. О другом атамане Калмыкове[84] он сам рассказывает: «Калмыковцы занимались просто тем, что выслеживали богатых торговцев опиумом, под видом политического ареста арестовывали, отбирали опиум, убивали торговцев, сами этот опиум продавали, а в случае обнаружения убийства ссылались на то, что это были большевистские агенты или шпионы»[85]. И зная эти действия атаманов, Колчак считал их своими помощниками в деле «возрождения» родины, т. е. возрождения царства нагайки и кнута, которое в скорости и начало им осуществляться.

Иностранному японскому командованию Колчак не нравится. Видя это, он решается пробраться на юг к мятежным бандам царского главнокомандующего Алексеева. Характерно отметить, что в показании Колчака по этому вопросу невольно для него самого обнаруживается вся его преданность царской власти. Алексеев был главнокомандующим при царе. Тем Временным правительством Керенского, которому присягал в верности Колчак, Алексеев был удален с поста главнокомандующего[86]. Но он был главнокомандующим при царе, и для Колчака этого достаточно.

«Я решил поехать,— показывает Колчак,— и постараться пробраться [на юг], повидать генерала Алексеева, потому что из всех представителей предшествующей власти Алексеев, [как и Корнилов,] сохранял в принципе для меня значение

верховного главнокомандующего, которому я был когда-то подчинен и никаким актом из этого подчинения не вышел. Я считал, что если бы было в отношении меня сделано Алексеевым какое-либо распоряжение, я считал бы обязанным себя его выполнить как приказание главнокомандующего»[87].

Во время пребывания Колчака на Дальнем Востоке шпионские организации иностранных империалистических правительств, которые называли себя посольствами и миссиями, пользуясь тем, что советская власть не только не выгоняет их из своих пределов, но и предоставляет им дипломатическую неприкосновенность, подняли на мятеж чехословацкие войска, при их помощи и при помощи представителей правых социалистических партий стали от Поволжья до Сибири свергать вооруженной рукой власть рабочих и крестьян, [еще] недостаточно укрепившихся, недостаточно обучившихся военному делу. В результате этого заговора и иностранного вооруженного вмешательства стали создаваться в разных местах России различные самозваные правительства. Такое самозваное правительство Директории, возглавляемое правыми социалистами-революционерами и вдохновляемое иностранными империалистическими правительствами, застал Колчак, приехав в Омск по пути к царскому главнокомандующему Алексееву.

Здесь он узнает, что Алексеев умер, что бунтовщическими бандами командует на юге Деникин[88], и он предпочитает поэтому «работать» в Омске. Недавно перед тем дружески и приятельски сговаривавшийся с такими возродителями и демократами, как Семенов и Калмыков, которые, по его же собственному признанию, были простыми грабителями — первый с железной, а второй — с большой дороги, Колчак поступает на службу к эсеровской [Уфимской] Директории.

Сорвалось дело с Семеновым и Калмыковым, ну что же, можно попробовать быть военным министром у эсеров, благо те так непритязательны и гостеприимны. Можно в качестве военного министра поехать на фронт завязать связи с насквозь монархическим офицерством, которое стремилось к полному восстановлению старого строя, но которое до поры до времени, по собственному признанию эсеровских министров, нуждалось в них как в демократическом фиговом листке.

Эсеры Авксентьев[89], Зензинов[90], Болдырев[91], Вологодский[92], которые на словах были за республику, за восстановление Учред[ительного] собрания, которые взялись за оружие против власти рабочих и крестьян якобы затем, чтобы вернуть демократию, охотно берут себе в министры монархического и империалистического вице-адмирала, который только что безуспешно пытался соединиться с царскими атаманами и простыми грабителями и который потом в ноябре 1918 года официально заявил, что он — непримиримый враг всякого социализма. Монархист Колчак без труда сплачивает вокруг себя все монархическое офицерство, которое, служа у так называемого эсеровского правительства, нисколько не скрывало своих монархических чувств и настроений, о чем свидетельствует даже такая умеренная бывшая революционерка, как Брешко-Брешковская[93], которая потом без колебаний пошла на службу к явно монархическому Деникину.

Поехав на фронт, сплотив вокруг себя монархическое офицерство, Колчак возвращается в Омск, и здесь разыгрывается комедия восстановления единоличной самодержавной власти. Колчак, как пьяница перед чаркою вина, немного морщится, но все же соглашается принять на себя звание Верховного правителя.

Эсеровские члены Директории Авксентьев и Зензинов арестуются и высылаются под конвоем за границу. Эсер Вологодский остается председателем Совета министров при Верховном правителе, неудачном союзнике Семенова.

Цель достигнута — самодержавие восстановлено. И немедленно же начинается не только восстановление всего старого режима, но даже и внешних проявлений ритуалов царизма.

Колчак окружен правительством, члены которого мало чем отличаются от калмыковских молодцов и [от] Семенова. Семенов, по показанию Колчака, приставлял револьвер ко лбу, и железнодорожное имущество вывозилось. Приятели Колчака недавно тоже приставляли револьверы ко лбу с требованием написать прошение об отставке членам [Временного Сибирского] правительства Крутовскому[94] и Шатилову[95], а министры, несмотря на эти семеновские приемы, удовлетворяли такие «добровольные прошения» об отставке[96]. И, разумеется, авторы семеновских приемов остаются безнаказанными. Здесь же необходимо отметить, что некоторые из членов колчаковского правительства, которые теперь предаются суду чрезвычайного революционного трибунала и которые говорят о том, что они политикой не занимались, в этом деле участие принимали. Таковы А. П. Морозов, Л. И. Шумиловский, А. М. Ларионов, И. А. Молодых. В тот же день, еще 21 сентября 1918 г., те же министры Временного Сибирского правительства, которые, по их словам, стояли за представительные парламентские учреждения, хотя политикой не занимались, закрывают единственное у них буржуазное представительное учреждение — Сибирскую областную думу[97].

Еще раньше, ввиду восстаний трудовых народных масс, которых якобы хотела освободить эта созданная иностранными капиталистами изменническая и бунтовщическая «власть», Административный совет[98] издает постановление (14 сентября 1918 г.) о введении смертной казни[99]. И решение это выносят в числе прочих Морозов, Ларионов, Молодых и называющие себя социал-демократами Грацианов и Шумиловский.

Еще раньше при участии Морозова, Грацианова, Ларионова и Молодых была восстановлена царская полиция. Иными словами, милиция была изъята из ведения земств городов и передана в ведение министерства внутренних дел[100]. 1 октября [1918 г.] при участии тех же Морозова (по его предложению), Шумиловского, Грацианова и Ларионова было предоставлено военным властям право требовать для просмотра следственные производства и дознания, не переданные еще в судебные места[101], иными словами, была предоставлена возможность военщине расправляться с неприятными для власти лицами по своему усмотрению.

4 октября [1918 г.] при участии Морозова, Шумиловского, Ларионова и Грацианова выносится решение о выдаче награды в 1 000 руб. прапорщику Яцкову за энергичную деятельность при преследовании большевиков. Неясно только, в какую сумму оценил министр юстиции и социал-демократические министры Шумиловский и Грацианов голову каждого убитого большевика. 8 октября при участии тех же Морозова, Грацианова, Шумиловского, Ларионова и Молодых принимается решение о выдаче 300 тыс. руб. на ликвидацию расходов разных лиц и учреждений по организации свержения большевистской власти.

Эти и им подобные решения министров свидетельствовали о том, что Колчак очутился в своей компании, что он мог рассчитывать не только на поддержку царских и желающих царя офицеров, но и на поддержку этих министров. И действительно, эти министры охотно голосовали и за единодержавие Колчака. В провозглашении Колчака Верховным правителем, т. е. диктатором, т. е. самодержцем[102], участвовали в числе прочих, кроме скрывшихся теперь от суда, бежавший изменнически с советской службы Г. А. Краснов, Шумиловский, Новомбергский, Молодых.

После провозглашения Колчака Верховным правителем немедленно начинается насаждение внешних проявлений сброшенного в 1917 году царского само-

державия. Это полное сходство Колчака с самодержцем все более и более укрепляется. По его «повелению» министры слушают дела. Он чертит на журналах Совета министров: «Согласен», наподобие бывших царей. Во всех документах слова «Верховный правитель» начинают писаться сплошь прописными буквами, как писались при самодержавии слова «Государь Император». Он дает «рескрипт» на имя ушедшего [в отставку] Вологодского, под которым точь-в-точь как какой-нибудь Александр или Николай Романов подписывает: «дан 23 ноября 1919 г.». В телеграмме от 17 декабря 1919 г. он говорит о своих «прерогативах верховной власти». В полученной 19 декабря 1919 г. телеграмме сообщается, что «на доложенной копии собственной Верховного правителя рукою начертано: „Утверждаю“». На собраниях [Д. В.] Болдырев провозглашает: «Верховному правителю адмиралу Колчаку ура!». Точь-в-точь как в былые времена провозглашали «ура» Романову акимовы, щегловитовы, марковы и пуришкевичи.

Кстати здесь указать, что царем и его семьей необычайно интересуется не занимавшийся, по его словам, политикой колчаковский министр Морозов, в послужном списке которого, составленном в 1919 г., значится, что он имеет «Серебряную Медаль в Память в Бозе Почившего Императора Александра III» (все большими буквами) и что ему «согласно Высочайшего повеления, последовавшего в 21 день февраля 1913 г., предоставлено право ношения на груди Высочайше утвержденной в память 300-летия царствования дома Романовых светло-бронзовой медали». Морозов, который истратил 28 900 руб. на посылку некоего Шишкина в советскую Россию, очевидно для какой-то шпионской цели, чуть ли не на второй день после назначения его управляющим министерством юстиции, в первую очередь делает представление об отпуске 10 тыс. руб. на розыски семьи Николая Романова. И это представление, разумеется, удовлетворяется не только Морозовым, но и «социалистами» Шумиловским и Грациановым, а также Ларионовым и Молодых. После этого для столь же демократической цели расследования дела об убийстве Николая II отпускаются по просьбе министра юстиции еще три раза деньги: 25 тысяч, 25 тысяч и 319 500 р[ублей].

Но если в отношении внешних ритуалов Колчак только приближается к самодержавию, то внутренний строй его правления не только восстанавливает приемы царского режима, но оставляет их далеко позади себя в смысле жестокости и [кровожадности] подавления всех попыток широких народных масс сбросить с себя новое самодержавное иго. Эсер Вологодский еще 7 ноября [1918 г.] заявил, что Совет министров действует на основании царского учреждения Совета министров, при одобрении Краснова, Цеслинского и эсдеков Грацианова и Шумиловского. Степаненко еще 2 августа [1918 г.] докладывал, что на железной дороге он восстановил царских жандармов и охранку (или, как он их называет, особые отделы охраны, которые потом занимались расстрелами, и комиссии о рабочих и служащих).

После же воцарения Колчака назначаются главные начальники [краев] с правами генерал-губернаторов[103]; восстанавливается повсюду царская охранка[104], и особым приобретением в ней считаются агенты, работавшие при царе; отменяется [государственная] монополия на продукты питания; объявляется свободная торговля[105]; зато вводится другая монополия: восстанавливается царская водочная «монополька», начинается спаивание народа.

Но самые широкие [трудящиеся] массы не желают Колчака, не желают его сподвижников, желают вернуть свою советскую рабоче-крестьянскую власть. И начинается свирепая организация подавления восстаний трудового населения. Проводится целый ряд «законов» о смертной казни. И поручается вынесение

приговоров офицерской тройке, именуемой военно-полевым или прифронтовым военно-полевым судом, который впоследствии, как достоверно доказано, выносил смертные приговоры после того, как уже охочие к убийству молодцы расстреливали несчастные жертвы. Для начала восстанавливается царский военно-морской устав 1869 г., где, кстати, царя везде заменяет Колчак, ибо везде в нем слова «высочайший» приказ заменяются приказом «Верховного правителя», точно так же как и слова «верховная власть» [везде] заменяются словами «Верховный правитель» (участвуют Цеслинский, Краснов, Степаненко, Шумиловский и Третьяк).

Затем, по желанию Колчака, предупрежденному еще раньше Шумиловским, Грациановым, Молодых, Ларионовым и Морозовым (в заседании 14 сентября 1918 г.), вводится смертная казнь в военное время и на театре военных действий[106] (при участии Краснова, Шумиловского и эсера Преображенского). Через пять дней этого оказывается мало. Военно-полевым судам предоставляется право подвергать смертной казни за нарушение особых мер предосторожности, принятых вследствие военных обстоятельств или во время возмущения (с участием того же Шумиловского и Краснова). Возмущение народных масс против колчаковских насильников растет. И через несколько дней опять принимается постановление, что военно-окружные или прифронтовые военно-полевые суды в дни переживаемой смуты могут подвергать смертной казни за превышение и бездействие власти, за сопротивление распоряжениям пр[авительст]ва и неповиновение властям и т. д. (словом, можно убить любое нежелательное правительству лицо). Упорно не желают воевать против своих братьев насильно забираемые Колчаком солдаты. И в тот же день постановляется, что можно карать смертью за уклонение призываемых от регистрации, за уклонение и содействие уклонению от военной службы, за дезертирство и [за] укрывательство дезертиров, за неявку в срок на службу, за членовредительство и т. д. И под этим постановлением о всеобщем убийстве красуются подписи чуждых политики Морозова и Степаненко, эсера Преображенского и эсдека Шумиловского.

Через некоторое время и этого оказывается мало. По докладу министра юстиции дозволяется карать смертью и за хранение или ношение оружия, а также и за призыв к неповиновению закону или обязательному постановлению, за призыв железнодорожников бастовать, за возбуждение вражды между рабочими и хозяевами или между отдельными классами населения и т. д. (участвуют в этом деле Ларионов, Краснов и Преображенский).

Наряду с этим чуть ли не каждый день Совет колчаковских министров назначает особо усиленные пенсии всем полицейским приставам и исправникам по представлениям министра внутренних дел (в том числе и таким известным царским усмирителям, как бывший приамурский генерал-губернатор Гондатти[107] и уфимский губернатор Башилов[108]) и всем наиболее отличившимся при царе надзирателям и начальникам каторжных тюрем по представлениям министра юстиции. Воздавая должное царским полицейским и тюремщикам, колчаковские министры восстанавливают и порядки царские в тюрьмах и готовят клиентов для тюремщиков. Издается положение о лицах, опасных для государственного порядка по причастности к большевистскому бунту, начатому в 1917 году (участвуют Краснов, Шумиловский, Грацианов, Преображенский и Степаненко). Устанавливаются для заключенных смирительная рубашка, ручные и ножные оковы (по представлению министра юстиции, в заседании под председательством Морозова и при участии Грацианова, Введенского, Палечека, Жуковского, Ларионова и Писарева).

Выдаются денежные награды тюремщикам за подавление бунта в Тобольской каторжной тюрьме (Морозов, Жуковский и Степаненко участвуют)[109].

Такие решения, такие приказы об убийствах и зверствах проводились в виде «законов» формально. Но законы эти и попустительство и подстрекательство высших властей привели к ужасам, равных которым не видел не только царизм, но и древнее варварство. Существует атаман Анненков, подчиненный Колчаку. Он заводит у себя «вагон смерти», где расстреливают лиц, не дающих достаточной мзды или подозреваемых в большевизме. Товарищ министра продовольствия Дмитриев, который, по показаниям свидетелей, «трезв никогда не был», «проводил все время в Семипалатинске в пьянстве, кутежах и картежной игре», отправляется для «расследования» деятельности Монгольской экспедиции[110]. Он обвиняет ее членов в «большевизме», и участников этой экспедиции берут в «вагон смерти» Анненкова и расстреливают. Интересно отметить, что даже фигурировавший в роли военного министра Колчака организатор декабрьских расстрелов в Омске[111] бывший командующий военным округом Матковский говорит о «разбойных элементах, находившихся в отряде Анненкова». Все знают об этих разбойных действиях Анненкова. Свидетель [З. Д.] Вульфсон показывает, что секретарь Дмитриева Догаев заявил ему: «[А. Л.] Горбунов (участник Монгольской экспедиции) арестован анненковцами, дело плохо, ибо те шутить не любят, а сразу вешают». Все знают это, и Анненков не только не предается суду, но сохраняет свой высокий пост.

Да и предание суду играет только роль комедии. Атаман Семенов занимается грабежами и убийствами, издает приказы, что будет вешать без суда за распространение ложных слухов. Для расследования его деятельности назначается чрезвычайная следственная комиссия[112]. Но эта комиссия через некоторое время, не закончив работы, прекращает свою деятельность по приказу министра юстиции. Семенов не только остается неприкосновенным, но Колчак впоследствии передает ему всю военную власть[113].

Генерал Розанов[114] издает приказы, которым мог бы позавидовать гунн Атилла. Не только издает эти приказы, но и осуществляет их. Он распоряжается расстреливать по десяти заложников за каждого «пострадавшего» чеха или белогвардейца. А эсер, председатель колчаковского Совета министров, выражает ему от всех министров благодарность за успешное подавление «мятежа» во Владивостоке[115].

Устраиваются специальные карательные экспедиции, где в экзекуции населения особенно отличаются приближенные, любимцы Колчака, помогавшие ему стать самодержцем: Волков[116], Красильников, Катанаев[117]. Для иллюстрации того, как вели себя эти каратели, приведем показания крупного чиновника колчаковского «правительства», чиновника особых поручений IV класса, т. е. по царскому времени действительного статского советника, [В. И.] Шкляева, посланного для расследования. Шкляев показывает: «Бывший комиссар труда и около 50 его сотрудников по культурно-просветительной работе были задержаны контрразведкой при казачьем корпусе генерала Волкова в Петропавловске в здании народного дома, подвергнуты порке. Особенно много пострадало восставших и случайных жертв — стариков, женщин и детей в селе Мариинке, ввиду отданного генералом Волковым приказания большевиков расстреливать, имущество конфисковывать в казну, а дома их сжигать... Ворвавшиеся в Мариинку солдаты отряда капитана Ванягина сами определяли виновных, расстреливали их, бросали бомбы в дома, сжигали их, выбрасывали семьи расстрелянных на улицу и отбирали у них все. Сгорело тогда свыше 60 домов, погибло около 2 тыс. человек». Это — в одном селе.

Так же расстреливали и повсюду. По показанию бывшего товарища министра труда Третьяка «в городе (в самом Омске) шли расстрелы тысячами. Куломзино было истреблено». Тот же Шкляев, отправленный в Щегловский уезд [Томской губернии], застал там «убийства, грабежи, изнасилования, истязания и вымогательства, практиковавшиеся в течение более полугода».

Это была система колчаковского «управления», черным кошмаром раскинувшегося более чем на двадцать губерний Сибири, Урала и Приволжья и особенно усилившегося при начавшемся отступлении Колчака, когда вдобавок начался массовый расстрел содержащихся в тюрьмах. Было расстреляно, повешено, замучено, живыми зарыто в землю не одна сотня тысяч лиц, принадлежащих к трудящимся. По официальному сообщению, в одной Екатеринбургской губернии «колчаковскими властями расстреляно минимум 25 тысяч [человек]. В одних Кизеловских копях расстреляно и заживо погребено около 8 тысяч; в Тагильском и Надеждинском районах расстрелянных и замученных около 10 тысяч; в Екатеринбургском и других уездах не менее 8 тысяч. Перепорото около 10% двухмиллионного населения. Пороли мужчин, женщин и детей. Разорена вся беднота и все сочувствующие советской власти». Из Тюмени официально сообщают: «Количество убитых разными способами и поротых красноармейцев и рядовых обывателей и граждан совершенно не поддается никакому учету. 13 марта 1919 г., пользуясь восстанием мобилизованных в Тюмени, произведен массовый расстрел свыше 450 человек, в том числе более половины этого количества были выведены из тюрьмы». Из Семипалатинска официально сообщают: «Во время восстания в Усть-Каменогорской крепости в июле 1919 г. расстреляны 112 человек, в Павлодарской тюрьме заколоты 29 человек»[118].

По данным, далеко не полным, центральной комиссии по восстановлению разрушенных хозяйств[119], только в некоторых губерниях Сибири сожжено около 10 тыс. домов, разрушено несколько десятков тыс[яч] хозяйств. Взорвано колчаковцами несколько сот[ен] мостов.

Пролитая колчаковцами кровь, произведенные ими разрушения не поддаются учету, тем более что колчаковское «правительство» командовало и над другими бунтовщическими шайками, сгруппировавшимися вокруг генералов: Деникина на юге, Юденича[120] на северо-западе и Миллера[121] на севере. Этим генералам отпускались десятки и сотни миллионов в золотой и бумажной валюте. Между прочим, в отпуске Юденичу 10 миллионов франков аванса участвовали Краснов, Шумиловский и Степаненко, в отпуске Деникину 72 миллионов [рублей] на образование особой дивизии сибиряков — Краснов, Шумиловский и Преображенский. Генералу Миллеру дается приказ держаться в Архангельске до последней возможности и не допускать амнистии до окончания гражданской войны. И этот приказ одобряется государственным контролером Красновым, эсером Преображенским и эсдеком Шумиловским.

Колчаковское правительство, состоящее из русских людей, проносится над трудовым населением России как уничтожающий смерч, неся повсюду смерть и разрушение. Никогда иностранное нашествие, даже нашествие Батыя и Мамая, не несло с собою таких разрушений.

Все эти зверства и ужасы проделывались, быть может, во имя какой-нибудь высокой (с их точки зрения) идеи? Бунтовщики против власти рабочих и крестьян восстали якобы против Брестского мира, по которому рабочие и крестьяне России обязались данью золотом германским насильникам и передачей под контроль германских насильников некоторых местностей, входивших некогда в состав насильнической царской России. Но эти бунтовщики отдали в распоряжение правительств

иностранных капиталистов все железные дороги Сибири. Они предоставили им тысячи предприятий. Они переправили иностранным правительствам до 200 миллионов золота. Они содержали войска иностранных капиталистов. Они их бесплатно перевозили. Они совершали ничем не прикрытую измену, призывая каждый день на помощь против трудовых масс России иностранные войска. Даже убегая от свергающих их народных трудовых масс из Омска в Иркутск, они сносятся с японскими высшими властями об усилении г. Иркутск японскими воинскими частями, настойчиво уговаривают чехословацкие войска соединиться с ними и активно бороться против трудовых масс России, которых они называют большевиками. Просят содействия Японии для продвижения в Японию 2 000 пудов золота, которое задержано в Чите Семеновым. Умоляют японских империалистов об усилении количества японских войск в России, и в частности [о] посылке этих войск далее Байкала, на запад. И во всех этих мерах активное участие принимает не только Колчак и скрывшийся от суда председатель Совета министров эсер Вологодский, но и Краснов, Морозов, Ларионов, Василевский, Шумиловский и Ячевский.

Бунтовщики говорили, что они якобы восстают за демократию и общепредставительные учреждения. На самом же деле они арестовывают и убивают по требованию Колчака членов Учредительного собрания, они распускают земские представительные собрания, дают приказы о недопущении земских собраний, о высшей мере пресечения (!) против виновных деятелей представительных собраний. И во всем этом деятельное участие принимают, помимо скрывшегося эсера Вологодского, называющие себя эсдеками Грацианов и Шумиловский, представители юстиции Морозов и Малиновский, Краснов, Ячевский, Ларионов и Молодых.

Бунтовщики эти якобы стремились к установлению права и порядка. И действительно, они учредили комитет законности и порядка[122], который очень спешно опротестовал суровые меры против спекулянтов и истязателей, но в секретных предписаниях которого министр юстиции, в числе прочих членов комитета, требует полного истребления красных, одобряет порядки, введенные при усмирениях Николаем Кровавым в 1905–1907 гг. во многих губерниях России и давшие отличные результаты, предлагает однородные приемы борьбы с большевиками на фронте и с красными в тылу, указывая, что нетерпимы упущения воинских команд, которые вместо беспощадного истребления красных в некоторых случаях ограничиваются тем, что гонят их в смежные районы, не нанося им никаких ударов и лишь перемещая опасность.

Бунтовщики хотят якобы восстановить право, но в первые же дни успеха их бунтовщического восстания заявляющий, что он не занимался политикой и ни в чем не повинен, главноуправляющий почт и телеграфов Цеслинский, ранее вместе с генерал-губернатором Пильцем[123] скрывавший от населения факт [Февральской] революции 1917 г., не только распоряжается уволить всех активных агентов советской власти, не только закрывает профессиональный журнал почтово-телеграфных служащих, но и заявляет, что хотя по закону все имеют право образовывать союзы, но на почтово-телеграфных служащих это не распространяется. Степаненко с Ларионовым ввели такие «правовые» порядки на железных дорогах, что представитель союза мастеров и рабочих Томской железной дороги в почтительном представлении министрам путей сообщения и труда не может удержаться, чтобы не написать: «Во имя чего приносятся эти жертвы рабочим и как они отражаются на правовом его положении, если можно без иронии говорить в настоящее время о праве и законе. Решительно все мастеровые и рабочие взяты под подозрение в большевизме, всякая попытка заявить о своем невыносимом положении рассматривается администрацией как большевист-

ский мятеж и немедленно передается для ликвидации военными властями». Преображенский и Палечек установили в области просвещения право и порядок, которые были охарактеризованы представителем умереннейшей организации Сибземгора[124] В. А. Игнатьевым так: с начала до конца политика, определенно ликвидирующая революционные завоевания в области народного образования. Ренегатство, спекуляция, интриганство были обычными спутниками этого министерства. Игнорирование общественности, недоверие к коллективным надшкольным органам было их тоном. На аресты, избиение и казни учащихся обезумевшими от реванша отбросами офицерства министерство вовсе не реагировало. Система подбора руководителей учебными заведениями воскресила систему самодержавия.

Это колчаковское правительство, которое бывший министр юстиции Патушинский, ушедший в отставку потому, что он «не хотел брать на себя ответственности за бесчинства атаманщины, хищения спекулянтов и саботаж вновь поднявших голову царских чиновников», назвал «руководителями самой черной реакции» и «бандой уголовных преступников и воров»,— эта преступная шайка, именовавшая себя Российским правительством, преследовала одну цель: отдавая много иностранным правительствам, при их помощи вернуть старый строй, вернуть поместья — помещикам, заводы и фабрики — заводчикам и фабрикантам, возможность спекулировать и играть на бирже — банкирам. Оно сразу возвращает именья владельцам, производит денационализацию фабрик, заводов и пароходов. Но оно желает дать возможность и всем «беженцам» и другим своим близким расхищать в свою пользу достояние трудового народа, причем нередко и сами министры не прочь принять участие в этом «святом деле возрождения родины». Они внесли огромные разрушения, они разрушили мосты, расстроили железные дороги, угнали с огромными разрушениями и с затратой сотен миллионов подвижной состав с Приволжья и Урала в Сибирь и на Дальний Восток, они даже выдавали миллионы награды за такую «удачную эвакуацию». Но этого им было мало.

Они учреждают особое совещание по финансированию предприятий, и чуть ли не каждый день в Совете министров отпускаются десятки, а в общем — сотни миллионов разным акционерным компаниям. Они учреждают [Временный центральный] военно-промышленный комитет, в котором и при котором орудуют деятели «партии народной свободы» и Гришина-Алмазова. Хищения и растраты в этом комитете достигают, по удостоверению даже правительственной комиссии, невероятных размеров. Учреждается поэтому следственная комиссия[125]. Но до суда дело не доходит. Ибо разве они могут судить? Они связаны круговой порукой. И подобно тому, как они не могли судить явных бандитов, атаманов и генералов семеновых, калмыковых, анненковых, розановых, волковых и красильниковых, творивших их дело, точно также не могут они судить хищников, воров, спекулянтов из их же среды. Явно крадет министр продовольствия Зефиров[126], но разве можно довести дело до суда, если потом придется по тем же причинам уже не местного, а международного воровства не доводить до суда дело министров финансов Михайлова[127] и фон Гойера[128] и иностранных дел Сукина[129]. Как может судить других «правительство», которое открыто (правда, в закрытых заседаниях Совета министров) занимается воровством для себя и других, которое накануне бегства «Верховного правителя» в Иркутск, через три дня после того, как постановлено эвакуировать Омск, отпускает на перемещение в Омске канцелярии, управления домом, гаража и конвоя «Верховного правителя» 3 миллиона руб[лей] и 75 тысяч [рублей] на приобретение столовой для дома Верховного правителя. Как может судить других правительство, которое открыто переводит за границу [средства] на содержание шпионских организаций, именуемых посольствами и

миссиями, на целый год вперед, на случай возможного перерыва его деятельности, т. е. свержения его восставшим трудовым народом, которое устраивает для себя [за границей] секретный фонд и дает своим членам японские иены по льготному курсу, т. е. взамен одного рубля — 30–50 рублей[130].

Наряду с расхищением денег путем субсидирования предприятий шло расхищение средств путем субсидирования клеветнической печати, на что отпускается в распоряжение лидера «партии народной свободы» Клафтона, изменившего советскому правительству, и организатору братства св[ятого] Гермогена и дружин Св[ятого] креста [Д. В.] Болдыреву десятки миллионов. На эти же средства содержатся за границей «благородные» клеветники: во Франции — Бурцев[131], которому поручается завязывать связи и в Германии, в Англии — Милюков[132], Струве[133] и Дионео[134], а также ценные клеветнические организации в Пекине, Нью-Йорке, Токио и Стокгольме. Между прочим, Бурцеву за полгода 1919 г. переведено 500 000 франков, Милюкову, Струве, Дионео — 33 тысячи долларов, в Нью-Йорк — [А. И.] Заку и Башкирову[135] — 28 тыс. долларов, в Токио — Митаревскому[136] 15 тыс. долларов и 100 000 руб. и т. д.

Необходимо отметить последние дни существования этой преступной шайки, именовавшей себя Российским правительством. Здесь играли особую роль члены тройки, которым весь остальной «Совет министров» поручил вести переговоры с свергавшим их трудовым народом. В числе членов этой тройки находился, помимо Ларионова, и член монархическо-шпионской организации и «Национального центра» А. А. Червен-Водали, который пробрался через фронт от Деникина к Колчаку с тайными документами, написанными на полотне, которыми он, по-видимому, был весь обмотан, и на папиросной бумаге. Эта тройка от имени всего Совета министров, наподобие Гучкова[137] и Шульгина[138], умолявших царя Николая отречься и передать власть [великому князю] Михаилу [Александровичу], умоляла Колчака отречься и передать «власть» Деникину, стремясь сохранить военные силы для продолжения нападения на рабочих и крестьян России. Эта тройка, действия которой одобрял весь «Совет министров», всячески стремилась оттянуть переговоры, вызывая на помощь японцев и зверские банды Семенова. Этой тройке, которую поддерживал весь «Совет министров», удалось перебросить на восток значительные силы сычевских банд[139], которые и по сие время несут смерть и разрушение трудящимся массам на Дальнем Востоке. Эта тройка во время переговоров настоятельно требовала изменнической отправки золотого запаса иностранным правительствам, пропуска на восток всех главарей бунтовщической шайки и всех вооруженных сил с целью, как они выражались, сохранения на востоке противобольшевистского государственного центра, т. е. с целью продления и сохранения того дела убийства и разрушения, которому они все время служили и от которого не собирались отказаться.

На основании изложенного, все перечисленные в начале этого заключения члены преступной бунтовщической шайки, называвшей себя Всероссийским, а потом Российским правительством, виновны: 1) в бунте и восстании, при помощи и поддержке иностранных правительств, против власти рабочих и крестьян с целью восстановить старый строй, 2) в организации истребительной вооруженной борьбы против советской власти, 3) в организации системы массовых и групповых убийств трудового населения, 4) в предательском призыве иностранных вооруженных сил против страны, к которой они принадлежали, 5) в организации массового разрушения достояния советской республики и имущества трудового населения и 6) в расхищении и передаче иностранным правительствам достояния советской республики.

И так как эти беспримерные в истории по своей тяжести, жестокости и разрушительному характеру контрреволюционные преступления названных лиц имеют не только общегосударственное, но и мировое значение, а все указанные здесь лица захвачены на территории Сибири, то все поименованные в начале этого заключения 24 лица подлежат суду чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете.

Опубликовано: Колчаковщина. Екатеринбург, 1924. С. 146–161[140].

№ 36
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 43 ЗАСЕДАНИЯ СИБИРСКОГО БЮРО ЦК РКП(б)

г. Омск *23 мая 1920 г.*

Присутствуют: тт. Смирнов, Косарев, Ярославский, Хотимский, Косарев[141] и Гончарова.

Слушали: 2. О суде над министрами Колчака.

Тов. Гойхбарг: через два дня будет вынесен приговор. Необходимо иметь окончательное мнение Сиббюро, по отношению к кому применить высшую меру наказания. У меня имеется список [из] трех категорий: первая категория — высшая мера наказания, вторая — пожизненное заключение и третья — заключение на разные сроки.

Тов. Смирнов: вторые две категории значения не имеют. Нам надо вырешить, к кому применить высшую меру наказания.

Постановили: 2. 1) Третьяка и Карликова освободить. 2) Высшую меру применить к Червен-Водали, Шумиловскому, Ларионову и Клафтону. 3) К остальным — по усмотрению судей.

Секретарь *Гончарова.*

ГАНО. Ф. п-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 55. Машинописный подлинник. Автограф Д. К. Гончаровой.

№ 37
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СИБРЕВКОМА И. Н. СМИРНОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ Л. Д. ТРОЦКОМУ

[*г. Омск*] [*27 мая 1920 г.*]

На [Ваш] № 614.

Мая 20 дня начался процесс колчаковских министров. Ларионов и Степаненко сидят на скамье подсудимых. Процесс закончится через два дня. О приговоре известим немедленно. Не исключается возможность [применения] к ним высшей меры наказания. №*.

Предсибревкома *Смирнов.*

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 138. Машинописный отпуск.

---

* Исходящий номер документа в источнике не указан.

Глава вторая

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЕ

№ 38
ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПРИ СИБИРСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ КОМИТЕТЕ

Заседание первое, 20 мая 1920 года*

Председатель суда т[ов.] Павлуновский.

Члены суда: товарищи Косарев, Байков, Щетинкин и Мамонтов.

На скамье подсудимых находятся Червен-Водали, Шумиловский, Краснов, Морозов, Преображенский, Ларионов, Степаненко, Жуковский, Писарев, Клафтон, Гришина-Алмазова, Цеслинский, Ячевский, Грацианов, Палечек, Молодых, Дмитриев, Карликов, Введенский, Василевский, Третьяк, Новомбергский, Малиновский и Хроновский.

Председатель. Заседание чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете считается открытым. На повестке дело самозваного правительства Колчака и его вдохновителей. Товарищ комендант, обвиняемые все налицо?

Т[ов.] комендант. Так точно.

Председатель. Свидетели налицо?

Комендант. Свидетели все налицо, за исключением Сыромятникова.

Председатель. По делу правительства Колчака привлекаются следующие лица. Червен-Водали, Ваше имя, отчество и партийная принадлежность?

Червен-Водали. Александр Александрович, принадлежу к партии народной свободы.

Председатель. Обвинительный акт получили?

Червен-Водали. Получил.

Председатель. Обвиняемые все обвинительные акты получили? *(Все [обвиняемые отвечают, что обвинительный акт они] получили.)* Обвиняемый Шумиловский, Ваше имя, отчество и партийная принадлежность?

Шумиловский. Леонид Иванович, вне партии.

Председатель. Обвиняемый Морозов, Ваше имя, отчество и партийная принадлежность?

Морозов. Александр Павлович, принадлежу к партии народной свободы.

Председатель. Обвиняемый Ларионов, Ваше имя, отчество и партийная принадлежность?

Ларионов. Алексей Николаевич[1], беспартийный.

---

* Здесь и в последующем — подзаголовок документа.

Председатель. Обвиняемый Степаненко.

Степаненко. Георгий Макарович, беспартийный.

Председатель. Обвиняемый Жуковский.

Жуковский. [Владимир Григорьевич], беспартийный.

Председатель. Обвиняемый Клафтон.

Клафтон. Александр Константинович, принадлежу к партии народной свободы.

Председатель. Обвиняемый Преображенский.

Преображенский. Павел Иванович, беспартийный.

Председатель. Обвиняемый Грацианов.

Грацианов. Александр Алексеевич, беспартийный.

Председатель. Обвиняемая Гришина-Алмазова.

Гришина-Алмазова. Мария Александровна, вне партии.

Председатель. Обвиняемый Цеслинский.

Цеслинский. Михаил Николаевич[2], беспартийный.

Председатель. Обвиняемый Дмитриев.

Дмитриев. Николай Васильевич, беспартийный.

Председатель. Обвиняемый Карликов.

Карликов. [Вячеслав Александрович], беспартийный.

Председатель. Обвиняемый Василевский.

Василевский. [Вячеслав Константинович], беспартийный.

Председатель. Обвиняемый Третьяк.

Третьяк. [Спиридон Матвеевич].

Председатель. Обвиняемый Новомбергский.

Новомбергский. [Николай Яковлевич], беспартийный.

Председатель. Обвиняемый Хроновский.

Хроновский. [Иван Неронович], беспартийный.

Председатель. Обвиняемый Малиновский.

Малиновский. Михаил Алексеевич, [член] партии народной свободы.

Председатель. Свидетелей по настоящему делу прошу в свидетельскую комнату.

Защитник Айзин. Я имею от имени защиты к чрезвычайному революционному трибуналу следующее заявление. Губернским отделом юстиции мы назначены защитниками по настоящему делу лишь четыре дня тому назад. Изучать это дело мы могли лишь в течение четырех дней в продолжение 4 часов каждый день. Время это было совершенно недостаточно для того, чтобы ознакомиться с делом и по совести исполнить тот долг, который на нас возложен отделом юстиции. Поэтому я от имени назначенных защитников ходатайствую об отложении настоящего дела.

Затем я имею [намерение] задать чрезвычайному трибуналу вопрос: нами, как защитниками, было в чрезвычайный революционный трибунал подано ходатайство о вызове целого ряда свидетелей. Секретарь чрезвычайного революционного трибунала т[ов.] Жестянников устно сообщил мне, что в вызове этих свидетелей отказано, но мотивов, по которым в вызове этих свидетелей отказано, нам не дали. Я вновь поддерживаю ходатайство о вызове и доставлении в настоящее заседание, если судебное заседание не будет отложено, этих свидетелей, так как эти свидетели должны удостоверить не какие-либо обстоятельства частной жизни или личной деятельности обвиняемых, наших подзащитных, а должны удостоверить, что целый ряд из подсудимых находились в оппозиции к той политике колчаковского правительства, которая этим всем обвиняемым вменяется в вину.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Что касается до отложения дела, то я считаю, что защита имела вполне достаточное количество времени для ознакомления со всеми материалами дела, здесь находящимися. Защита знакомилась с этими делами у меня в комнате, и на моих глазах прошло полное ознакомление защиты со всеми материалами, которые здесь находятся. Поэтому я считаю домогательство защиты совершенно неосновательным.

Что же касается до вопроса о свидетелях, [то] я не слышал, какие именно свидетели были приглашены и для установления каких фактов они приглашались. Если защита подала трибуналу такое заявление, [то] оно должно иметься. Там должны быть указаны фамилии и указаны обстоятельства. Я не могу дать заключения прежде, чем я не услышу их фамилий и обстоятельств, для подтверждения которых они вызываются.

Председатель. Чрезвычайный революционный трибунал, рассмотрев заявление защиты, нашел, что вызываемые свидетели вызываются для заявлений по обстоятельствам, к существу дела не относящимся,— с одной стороны, с другой стороны — для установления [таких] обстоятельств в делах чр[езвычайного] трибунала имеются письменные документы. Таким образом, ходатайство защиты мы считали, во всяком случае, недостаточно мотивированным для вызова свидетелей. Чрез[вычайный] революционный трибунал, обсудив заявление защиты об отложении дела, находит, что заявление защиты об отложении дела недостаточно мотивировано, а потому дело слушанием продолжается.

Имеются ли у Вас еще какие-нибудь заявления?

Защитник Айзин. Кроме тех свидетелей, которые были вызваны этим заявлением, по частному совершенно вопросу, которое ранее было подано в чр[езвычайный] рев[олюционный] трибунал, я в настоящее время ходатайствую перед чр[езвычайным] рев[олюционным] трибуналом о дополнительном вызове одной свидетельницы — Э. Л. Горбуновой — по частному делу Дмитриева, который обвиняется в попустительстве убийства Горбунова, брата этой свидетельницы. Эта свидетельница имеет удостоверить, что Горбунов был убит анненковцами в то время, когда Дмитриев был в Иркутске; она имеет удостоверить, что Анненков приехал в Семипалатинск тогда, когда Дмитриева там не было. Я считаю это показание чрезвычайно важным и ходатайствую о доставлении этой свидетельницы в суд. Она живет по ул. Троцкого, [дом] № 52.

Обвинитель Гойхбарг. Я не возражаю.

Председатель. Предлагаю члену революционного трибунала Косареву огласить материал следственного заключения.

Член чр[езвычайного] ревтрибунала т[ов.] Косарев. Заключение по делу самозваного и мятежного правительства (*читает*[3]).

Павлуновский. Товарищи, прошу в следующий раз не аплодировать. Здесь не театр, а суд. Обвиняемый Червен-Водали, признаете ли Вы себя виновным в предъявляемых Вам обвинениях?

Червен-Водали. Виновным себя не признаю. Разрешите дать объяснения.

Павлуновский. Нет, это в порядке общего расследования. (*Спрашивает остальных обвиняемых.*)

Шумиловский. Не признаю.

Краснов. В предъявленном обвинении виновным себя не признаю.

Морозов. Не признаю.

Преображенский. Виновным себя не признаю.

Морозов[4]. Не признаю.

Степаненко. Виновным себя не признаю.

Жуковский. Не признаю.

Клафтон. Не признаю.

Писарев. Не признаю.

Гришина-Алмазова. Не признаю.

Цеслинский. Не признаю, так как участия в заседаниях [Совета министров] не принимал.

Ячевский. Не признаю.

Грацианов. Не признаю.

Палечек. Не признаю.

Молодых. Не признаю.

Дмитриев. Ввиду того, что я не принимал никакого участия в заседаниях Совета министров, я по шести пунктам предъявленного обвинения себя [виновным] не признаю.

Карликов. Не признаю.

Введенский. Виновным себя не признаю.

Василевский. Не признаю.

Третьяк. Признаю себя виновным в том, что находился в составе правительства в течение трех недель, и хотя не принимал участия персонально в преступлениях, какие там перечислены и которые составляют несомненно преступления этого правительства, я признаю себя виновным как человек, связанный с рабочим движением. И поскольку мое имя фигурировало в списке этого правительства, постольку я признаю себя виновным в том, что предъявлено.

Павлуновский. Обвиняемый Третьяк, будьте добры дать объяснения суду по существу настоящего дела. Вы сейчас говорили в общей формулировке. Теперь потрудитесь перейти к конкретной формулировке.

Третьяк. Вы даете вообще мне слово?

Павлуновский. Да, по обвинению.

Третьяк. [До] назначения мое[го] товарищем министра труда [Всероссийского правительства] я состоял министром труда в Иркутске[5]. Товарищем министра труда я был назначен, когда еще формировалось правительство [Уфимской] Директории, а именно 4 ноября [1918 г.]. Получив извещение о том, что я назначен товарищем министра труда, я, зная условия работы в Омске в бытность мою [иркутским] комиссаром труда, не особенно охотно ехал занять пост товарища министра труда. Это было видно из того, что, как я уже сказал, я был назначен на пост 4 ноября, а вступил в исполнение обязанностей только 26 ноября [1918 г.], т. е. по истечении целых трех недель.

Теперь я хочу еще указать, какие обстоятельства побудили меня вступить в эту банду бандитов, мошенников и воров (*аплодисменты*). Перед [моим] отъездом в Омск из Иркутска ко мне в Иркутск приехал из Омска секретарь той рабочей газеты, которая издавалась в Омске, «Рабочий путь»[6]. Он приехал в то время, когда я уже получил назначение быть товарищем министра труда. Он обрисовал положение, которое существовало в Омске, что здесь люди начали исчезать, что исчез Новоселов[7], министр [Временного] Сибирского правительства, что исчез член ЦК партии эсеров Моисеенко[8], причем открыто говорил, что в убийстве этих лиц повинны некоторые члены [Временного] Сибирского правительства, но, несмотря на это, они занимают свои посты.

После телеграммы [Уфимской] Директории с требованием немедленного моего приезда в Омск я все-таки поехал в Омск; выехал 13 [ноября]. Когда я приехал

в Омск, этот день был немного неудачным. Первого [ноября] правительство Директории появилось в Омске[9], а тут на улицах города расклеен приказ Вер[ховного] правителя. Чувствовалось, что дело неладно. Все, что мне пришлось видеть и слышать, об этом [же] свидетельствовало. Я отправился на квартиру бывшего члена президиума Омского совета профсоюзов [С. А. Панова], тогда существовавшего здесь нелегально, и жил там нелегально, рассчитывая, что, как только будет возможность, выбраться из этого проклятого Омска. Там я жил с 18 до 25 ноября.

В это время среди местной эсеровской организации, а я в это время состоял членом партии эсеров, образовалась боевая организация, которая имела своей целью в связи с известным здесь, в Омске, [убийством] члена ЦК партии эсеров Моисеенко предпринять некоторые террористические шаги по отношению к этому правительству, рядом с членами которого в настоящее время я сижу.

Переговорив с представителем Омского комитета партии эсеров, бывшим членом президиума Омского совета профсоюзов Сергеем Пановым и посоветовавшись с ним, я принял его предложение войти в это правительство, для того чтобы оказать создавшейся в это время боевой организации [эсеров] услуги, использовать себя для боевых целей этой организации.

Приняв такое решение и все же считая, что мне здесь может угрожать опасность, ибо я был назначен [Уфимской] Директорией, а Директория была не в ладу с [Временным] Сибирским правительством, я отправился — кажется, 25 [ноября] — позондировать почву к Шумиловскому. «Здравствуйте, здравствуйте,— говорю,— только сегодня приехал в Омск». Скрыл от него, что я уже целую неделю жил здесь нелегально. «Политика меня разочаровала, и я приехал для деловой работы». «Ну что же, раз для деловой работы, так располагайтесь»[,— услышал в ответ]. И приблизительно 26 ноября я вступил в министерство.

Что происходило дальше? Первая картина, которая бросилась мне в глаза в министерстве труда,— это было следующее. Начальником железнодорожного отдела, которому министерством труда была поручена охрана труда всех железнодорожных рабочих, состоял некий Фетисов, о котором мне в первый день сказали, что это бывший полицейский. Приблизительно через день после моего поступления в министерство, уже когда существовало [колчаковское] правительство и сам Фетисов, очевидно, учел, что уже настало время, он вытаскивает свой мундир, синий блестящий мундир с пуговицами полицейского пристава, и выходит в этом мундире в министерство. И если здесь есть омские рабочие, которые посещали министерство, они должны помнить эту фигуру, сидящую во главе отдела, которому была поручена охрана труда железнодорожников. Дальше еще мелькает какая-то фигура попа, еще фигура военного.

Можно сказать, что до тех пор министерства труда не было. Было человек пять [служащих]. А когда ехала сюда [Уфимская] Директория, то здесь, в Омске, захотели показать, что у них есть административный аппарат для борьбы с Директорией. И набрали людей с бору и с сосенки. И через три дня раздули в министерство. И первым делом был поставлен вопрос о больничных кассах.

Нужно вам сказать, что к моменту прихода сюда чехов здесь, в Сибири, уже существовали больничные кассы. После прихода чехов все декреты советской власти были одним взмахом пера [Временного] Сибирского правительства аннулированы, и больничные кассы остались вне закона. Раз [советские] декреты были аннулированы, то, значит, больничные кассы остались именно вне закона, ибо вместо аннулированных декретов советской власти никаких других законов не было издано[10]. И все больничные кассы засыпали нас телеграммами, что

они не знают, куда деваться. Я об этом говорю потому, что это было первое заседание Совета министров, на котором я посмотрел, куда это я попал, в какую компанию.

Явившись в заседание Совета министров, где стоял вопрос о больничных кассах, я встречал следующее: подымается министр внутренних дел Гаттенбергер[11], которого, к сожалению, здесь нет, и читает: «Принимая во внимание, что больничная касса стоит миллионы [рублей] денег и эти миллионы остаются в руках рабочих, а все рабочие — большевики и могут эти миллионы употребить на борьбу с нами, я предлагаю не только законопроект снять с очереди, но и все существующие больничные кассы в Сибири закрыть».

После этого берет слово его помощник, присутствующий здесь Грацианов, и добавляет, что, конечно, больничные кассы для нас в России совершенно не нужны. У нас в России существует блестяще поставленная земская медицина, а поэтому мы можем закрыть все больничные кассы. После этого поднимается второй помощник министра внутренних дел, Новомбергский, поддакивая Грацианову, цитирует какой-то иностранный журнал, что какой-то профессор на каком-то съезде земскую русскую медицину назвал чуть ли не седьмым чудом [света], а посему все больничные кассы можно закрыть.

И провести этот закон о больничных кассах удалось исключительно благодаря тому, что их удалось пугнуть большевиками. Закон о больничных кассах утверждали на двух заседаниях[12].

Всего я присутствовал на 3–4 заседаниях, и о каждом заседании я хочу дать полный отчет. Еще было одно заседание, на котором я присутствовал, не участвуя. Но так, сторонкой, зашел послушать. Я не имел права на нем участвовать. Это было заседание большого Совета министров[13], и обсуждался вопрос об изменении избирательного закона в городские думы[14]. Мне сейчас трудно восстановить в памяти все эти дебаты и прения, которые велись в Совете министров, когда обсуждались изменения в избирательном законе. Но когда я приехал в Иркутск и выступал [с информацией о нем] на нелегальных собраниях, то все раскрыли рты и пришли в ужас.

Приблизительно изменили закон следующим образом: министр [финансов] Михайлов внес предложение, что необходимо разрешить вопрос ясно и прямо, а для этого ввести цензовое избирательное право. Ему на это возразили: «Что Вы, если мы сейчас введем цензовое право, то могут подумать, что мы реакционеры, а мы еще не [о]кончили борьбу. Вот когда мы возьмем Москву и борьбу окончим, тогда мы этот вопрос поднимем».

Почти все их законы проходили под знаком временных законов, с тем чтобы как только мы (Российское правительство.— *В. Ш.*) покончим с советской властью, мы целиком перейдем к царским законам.

Я боюсь упустить еще что-нибудь существенное. Да, здесь между прочим, в этом заключении отдела юстиции [Сибревкома] значится, что в одном заседании фигурирует и моя фамилия. Я, помню, на этом заседании участвовал. Историю этого заседания могу рассказать. Дело происходило следующим образом. Однажды в министерстве труда получается бумажка из министерства иностранных дел следующего содержания: «Ввиду того, что в настоящее время Омское правительство, вероятно, получит приглашение на Версальскую конференцию[15], министерство иностранных дел предлагает министерству труда разработать все мероприятия по охране труда, какие правительство находит необходимым внести на Версальскую конференцию».

Как раз в это время в министерстве труда сидел я, барнаульский комиссар Шемелев[16], новониколаевский комиссар [труда Михаленко-Дорон] и Шумиловский. Шумиловский и говорит: «Давайте создадим комиссию и обсудим, какие вопросы по охране труда можно внести на Версальскую конференцию». Конечно, это была бы карикатура, так как здесь, в Сибири, об охране труда не могло быть и речи. И правительство подняло вопрос об охране труда только для того, чтобы показать на Версальской конференции свое человеколюбие. Я не выдержал этого момента и устроил Шумиловскому такой грандиозный скандал, что Шемелев выбежал из кабинета и говорит, что тут у вас с Шумиловским драка, и [я] боюсь попасть в свидетели.

Дня через два после этого скандала я читаю повестку заседания Совета министров, и в порядке дня стоит вопрос о декларации к иностранным державам. Я полагал, что на этом заседании будет обсуждаться этот вопрос. Но вопрос не обсуждался. Обсуждалась декларация, но была снята с обсуждения, потому что была плохо разработана. Таким образом, в том факте, который мне инкриминируется, я не принимал участия. Я думаю, это [тем не менее] значения не имеет, так как все равно своим именем социалиста я прикрывал то, что они делали.

Я сейчас хочу еще указать общие мои впечатления. Причем мне хотелось бы [давать] изложение фактов, которое я хочу вести не с точки зрения моих политических настроений сегодняшнего дня, которые в настоящее время под влиянием потрясений, которые я получил, стали несколько иными, а я излагаю их, почти повторяя те доклады мои, которые я неоднократно читал в Омске и Иркутске на разных нелегальных организациях.

Когда я бежал без оглядки из Омска, [то] добежал до Иркутска, где собрался комитет партии [эсеров], члены профессиональных союзов и представители от рабочих коллективов. Я делал свой доклад о деятельности Омского правительства, начиная с сообщения следующего факта, то[го] факта, который я желал бы привести и здесь. Однажды во время декабрьских расстрелов[17] я зашел к министру снабжения Серебренникову[18]. Министр снабжения Серебренников был человек хмурый. И [в] присутствии Молодых, когда мы говорили о расстрелах, Серебренников проронил только одну фразу: «Беда заключается в том, что здесь, в Омске, власть принадлежит шайке бандитов». Такую оценку дал министр снабжения Серебренников, и я нач[ин]ал свой доклад с этой фразы.

Характерны и еще следующие обстоятельства. Приблизительно в половине декабря [1918 г.] в местной официальной газете была помещена статья Жардецкого[19], что нам министерство [труда] не нужно, что министерство труда нужно упразднить, а дело охраны труда передать министерству торговли и промышленности. В то же время шла речь и о министерстве снабжения[20].

Через день появляется заметка в «Правительственном вестнике», что Советом министров доводится до всеобщего сведения, что слухи об упразднении министерства труда не имеют основания. Я спросил Шумиловского: «Вы были на заседании?»— «Был».— «Ну что же, министерство снабжения не будет упраздняться, а министерство труда упраздняется?» Шумиловский говорит: «Я сказал, что, конечно, министерство труда — учреждение совершенно бесполезное и является самым неудачным завоеванием революции. Но если мы его упраздним, то рабочие сочтут нас контрреволюционерами, и поэтому пусть оно некоторое время просуществует».

Это меня ошарашило. Помнится, что я сказал Шумиловскому, и это обошло по всему министерству, что Вы в данный момент совершили преступление.

которое Вам никогда не будет прощено. Я хорошо это помню, и в данный момент это здесь повторяю. И этого Шумиловский не посмеет отрицать.

Таким образом, участники этого суда являются свидетелями необычайного процесса, когда сами члены Совета министров правильно характеризовали Совет министров как шайку бандитов. И для нас всех, переживавших этот страшный период сибирской истории, ясно, чем была их деятельность. Я на основании этих впечатлений, которые мы получили, хотел бы подвести некоторые итоги этим впечатлениям. Откуда могло появиться это правительство? Какими силами могла питаться деятельность этого правительства?

Павлуновский. Я предоставил Вам слово для объяснения по делу. Вы переходите к научно-исторической части, исследованию. Вы можете говорить по существу процесса, а потом Вам будет предоставлено слово, как общее правило. Сейчас только для объяснения. Можете продолжать, обвиняемый Третьяк, но только в пределах обвинительного акта. А Вы начали [говорить] в пределах [выяснения] исторических причин [возникновения] того или другого строя, а это не входит в задачи суда.

Третьяк. На основании тех впечатлений, какие у меня были получены от моей кратковременной деятельности в Совете министров, я прежде всего должен сказать, что больничные кассы и рабочее законодательство, которым якобы занялось правительство, избирательный закон, который оно опубликовало, [городские] думы, земство — все это существовало только благодаря тому, что существовал [антибольшевистский] фронт. И эти законы, проводимые в интересах [укреплениия] фронта, как проводились законы о боевых приказах, имели значение, поскольку они касались фронта.

Так проводился закон о городских думах — решающим здесь было, что скажет фронт. Если мы думы и земство уничтожим, то мы потеряем фронт. Потом, когда мы возьмем Москву, мы можем это изменить. Но сейчас существует фронт.

[Относительно] своего положения в Совете министров я должен сказать по существу следующее: как я уже сказал, вошел я в Совет министров с определенными целями. Тем более что я получил запросы от товарищей, которые меня знали, которых поражало крайнее изумление, что вдруг я вошел в правительство Колчака. [Поэтому] было послано в [Сибирский] краевой комитет [эсеров] сообщение, что здесь такое положение, что Третьяк вошел в правительство с такими-то целями. В это время как раз началась борьба между Колчаком и Семеновым, и создалось такое положение: не то Колчак побьет Семенова, не то Семенов — Колчака. Не знаю подробностей об этом собрании, но [Сибирский] краевой комитет [эсеров] ответил, что террористические действия пока считаются несвоевременными. Таким образом, для меня создалось положение невольного участника этого правительства.

Через некоторое время мое положение в Совете министров еще более ухудшилось. Однажды в министерство приходит молодой человек, который начинает жаловаться, что он ходит по разным учреждениям и не находит себе службы. Он был зачислен в министерство труда. Через несколько дней я начал подозревать, что он контрразведчик, т. к. способы его действий показались мне странными. Через некоторое время кто-то подслушал разговор по телефону, подтверждающий, что в министерстве сидит контрразведчик.

В дальнейшем моя работа сводилась к тому, что надо уносить ноги из этого правительства. И я начал устраивать то с Шумиловским, то с другими [сотрудниками] скандалы и превратил министерство прямо в сумасшедший дом, конечно,

на деловой почве. И была такая атмосфера, что люди исчезали неизвестно куда. В городе шли расстрелы официально и неофициально. А в декабре [1918 г.], как известно омичам, Куломзино было почти все расстреляно. А от [профессионального] союза грузчиков осталась одна только читальня: имущество без хозяина.

Тогда же получено было сообщение от краевого комитета, что съезд может собраться[21]. Но после моего предложения в газетах появилась заметка, что товарищ министра труда Третьяк подал прошение об отставке.

Павлуновский. Обвиняемый Третьяк, Вы в своих объяснениях даете исторический ход работ по учреждению. Между тем для нас важно, чтобы Вы дали объяснение по делу не по деятельности отдельного министерства, а конкретные объяснения в целом по настоящему делу. Это дело не есть дело министерства труда.

Третьяк. Я считаю [обвинительное] заключение министерства юстиции[22] по делу составленным правильно и считаю, что факты грабежа, бандитизма и разбоя имеются в тысячу раз большие, чем перечисленные в заключении.

Что касается меня, я определенно формулировал, что считаю себя виновным в том, что в течение трех недель, когда я состоял в Совете министров, поскольку моя фамилия числилась в этом составе, поскольку я, как социалист, участвовал в этом составе — какими целями я руководствовался, это не имеет значения,— постольку я признаю себя виновным в участии в этом правительстве.

Павлуновский [продолжает опрос подсудимых об их виновности]. Обвиняемый Новомбергский, признаете Вы себя виновным?

Новомбергский. Не виновен.

Хроновский. Не виновен.

Малиновский. Не признаю.

Гойхбарг. Разрешите задать обвиняемому Третьяку вопрос в связи с обвинением? Вы в своем показании указали, что Вы собирались войти в Совет министров с целью оказать содействие для некоторых актов по его адресу. Вы не имели в виду взорвать этот Совет министров буквально, при помощи взрывчатых веществ?

Третьяк. Если бы боевая организация [партии эсеров] это предложила, имел [бы] в виду.

Гойхбарг. Чем же Вы это (отказ от террористического акта.— *В. Ш.*) объясняете?

Третьяк. Я знал, что в составе Совета министров одним из главных руководителей и вдохновителей этого правительства был министр финансов Михайлов. Он был душой правительства, он был [главным] воротилой этого правительства. Также мне было раньше известно, что Михайлов является организатором убийства Новоселова, министра [Временного] Сибирского правительства, как социалиста, ему неугодного, и члена ЦК партии эсеров Моисеенко. А кроме того, общая картина переворота: Верховный правитель, атаманщина. Этот переворот Колчака был границей, когда можно было считать все завоевания русской революции погибшими. И совокупность этих обстоятельств, как мною указывалось здесь, толкнула всю партию эсеров на боевую деятельность. Но потом этого не произошло. По каким причинам, вопрос другой.

Гойхбарг. Что же, партия эсеров подумала, что, может быть, это правительство ничего, что можно с ним примириться?

Третьяк. Нет, здесь было положение следующее: в партии было несколько течений. Боевая организация, которая была сорганизована при Омском губернском комитете [эсеров]. Более подробные сведения о ней могут дать лица, которые ближе связаны с ее деятельностью. Это свидетель, которого я вызвал, секретарь

«Рабочего пути». Что касается меня, то даже персонально назвать, из каких лиц состояла эта организация, я не могу, потому что такие организации организуются чрезвычайно конспиративно. Имеется связь только с одним лицом. Я имел связь с одним лицом — с Сергеем Пановым.

Павлуновский. Обвиняемый Третьяк, предлагаю давать ответы не в публицистической форме, а в форме судебного следствия.

Гойхбарг. Больше вопросов не имею.

Айзин. В три недели, когда Вы участвовали в правительстве, кто играл [в нем] руководящую роль, кроме названного Вами Михайлова?

Третьяк. Главную роль играл Михайлов. Он ворочал всем. Крупную роль играли Вологодский и Зефиров. Одним словом, крупную роль играли все те министры, которые были связаны с [Омским] военно-промышленным комитетом, с биржевиками.

Айзин. А сейчас здесь, рядом с Вами, есть лица, которые играли крупную роль наряду с Михайловым и другими?

Третьяк. Я должен сказать, [что] из присутствующих здесь единственная фигура, которая одно время играла большую роль в Совете министров,— это товарищ министра внутренних дел Грацианов, который своей деятельностью, изменением известных законов стремился к насаждению самого определенного черносотенства в Сибири. Что касается всего состава, то, конечно, наиболее крупные фигуры Совета министров — они далеко. Их здесь нет.

Павлуновский. Этого вопроса никто Вам не предлагал. Вам предложен вопрос...*

Третьяк. Я считаю, что Грацианов играл очень скверную роль.

Гойхбарг. Кто из присутствующих здесь, на скамье подсудимых, был членом Административного совета [Временного Сибирского правительства] в сентябре месяце [1918 г.]?

Морозов. Был я, был Степаненко, Грацианов, Ларионов, Шумиловский, Новомбергский и Молодых.

Гойхбарг. 14 сентября [1918 г.] Вы единогласно выбрали Михайлова своим председателем?[23]

Морозов. Кажется, это было. Он был только единственный из министров [Временного Сибирского правительства]. Все министры уехали, поэтому он был избран.

Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, почему Вы решили 14 сентября избрать Михайлова, несмотря на то, что он был назначен председателем Административного совета. Не было ли такого случая, что он заявил, что теперь он нуждается в особенной поддержке лиц, которые руководят Административным советом; что он нуждается в их товарищеском доверии; что он не может вести дела Административного совета в качестве председателя, потому что он только назначен по поручению, установленному Серебренниковым; и что он поэтому должен сложить обязанности председателя и предлагает избрать [нового] из среды Административного совета?

Морозов. Да.

---

* Так в тексте. Отдельно стоящие многоточия здесь и далее означают пропуск в стенограмме, возникавший, как правило, по причине того, что часть фразы стенографистом не была расслышана.

Гойхбарг. Не было ли перед этим [решения], чтобы в отсутствие председателя Административного совета он заменялся лицом, избираемым из среды самого Административного совета?

Морозов. Да.

Гойхбарг. Следовательно, Вы могли избрать и другое лицо ввиду того, что он сложил полномочия?

Морозов. Да.

Гойхбарг. И Вы избрали единогласно Михайлова?

Морозов. Я не могу сказать на память, что единогласно, но Михайлова.

Гойхбарг. Я попрошу огласить постановление Административного совета, что он был избран единогласно.

Морозов. Я не отрицаю, я не помню.

Гойхбарг. Какое было положение тогда Административного совета, в тот день, когда был избран председателем Михайлов? Он имел обширные полномочия или только собирался иметь обширные полномочия?

Морозов. Полномочия были даны Совету министров. Насколько я помню, в этот момент ни одного министра, кроме Михайлова, в Омске не было.

Гойхбарг. А 14 сентября Вам не было известно, что едут другие министры?

Морозов. Я не могу сказать. Может быть, было. Да.

Гойхбарг. Это было спешное предложение: собрать представителей Административного совета ввиду предстоящего целого ряда решительных действий?

Морозов. Дела были ежедневно, нужно было их решать.

Гойхбарг. Но дела совершенно не политического, а делового характера.

Морозов. Я не могу сказать.

Гойхбарг. А не помните ли Вы, что Совет министров вынес в частном совещании [решение], как нужно организовать правительство?

Морозов. Не помню.

Гойхбарг. А если бы Вам была оглашена телеграмма [от] 16 сентября, где члены Административного совета настаивают, чтоб[ы] предварительное совещание перевести в Челябинск в контакте с [Сибирской] Директорией? Вы бы, может быть, припомнили, что Административный совет занимался вопросом о том, кому [из правительств] принадлежит власть в захваченных областях?

Морозов. Я припоминаю это теперь.

Гойхбарг. А не было ли вопроса, что иностранные правительства требуют изменения состава того, что называлось правительством, потому что у него некоторые уклонения? [А] так называемые члены правительства Дербера[24] требовали устранения этого правительства, усиления [влияния Сибирской областной] думы и замены другим правительством?

Морозов. Не помню совершенно.

Гойхбарг. А не знаете ли Вы, что от Вашего имени вместе с другими членами Административного совета Михайлов такие сообщения давал?

Морозов. Не могу сказать, не знаю.

Гойхбарг. Может быть, Вы не стали бы оспаривать, что в это время Вологодский вместе с Гинсом[25] поехал во Владивосток?

Морозов. Да.

Гойхбарг. И что управляющий делами [Совета министров] Гинс писал телеграмму — шифрованную, разумеется,— что необходимо при помощи подходящих людей дать понять Новоселову, что нельзя изменять правительство?[26]

Морозов. Да, помню.

Гойхбарг. Не были ли этими подходящими людьми [поручик] Семенченко и [хорунжий] Мефодьев, которые его потом в загородной роще застрелили?

Морозов. Не помню.

Гойхбарг. Может быть, потом Вы вспомните, если мы огласим документы? Может быть, Вы помните, что 14 октября[27] [1918 г.] Административный совет принял то, что было законом о смертной казни?

Морозов. Было.

Гойхбарг. Были указаны Ваши возражения, что это выходит за пределы полномочий?

Морозов. Были.

Гойхбарг. Но через семь дней Вы переменили свое мнение и считали закон о смертной казни законом. Если Вы считали, что это выходит за пределы полномочий, Вы не могли опасаться, что этот закон будет отменен? Вы через несколько дней начали считать его законом [и опасаться его отмены]?

Морозов. Не помню.

Гойхбарг. А не показывали ли Вы лично, перед [Омской чрезвычайной] следственной комиссией[28], что Вы полагали, что приезд Крутовского и Шатилова послужит к тому, что будет отменен закон, принятый Административным советом? И вся политика Административного совета изменится? Не выражали ли Вы опасений, что ходят слухи, будто министры Крутовский и Шатилов собираются отменить закон о смертной казни?

Морозов. Затрудняюсь [ответить].

Гойхбарг. А Вы знаете о чрезвычайной следственной комиссии?

Морозов. Я давал ей показания.

Гойхбарг. Может быть, мы можем огласить эти показания?

Морозов. Да[29].

Обвинитель Гойхбарг. Я хочу задать несколько вопросов подсудимому Грацианову. Скажите, пожалуйста, подсудимый Грацианов, Вы были личным другом министра дерберовского правительства Крутовского? Не показали ли Вы, что он уехал в Омск и был возмущен тем, что был принят Административным советом, и Вами в том числе, закон о смертной казни?

Грацианов. ... [Не слышно.]

Гойхбарг. Не ответили ли Вы ему, что «я хотя и противник смертной казни, но голосовал за этот закон, потому что если бы я голосовал против этого закона, это значило бы, что я хочу жить за чужой счет»?

Грацианов. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Я попрошу огласить то показание, которое было дано Вами перед чрезвычайной следственной комиссией. Вы считаете это правильным?

Грацианов. Правильным.

Обвинитель Гойхбарг. А в тех показаниях Вы так не говорили точь-в-точь, как я сейчас говорю? Когда Вас допрашивал судейский человек Карнеев-Гребаров[30], когда он запросил, что Вы понимаете под этим, не сказали ли Вы: «В настоящее время, когда так много приходится иметь потерь, когда непринятие этого закона о смертной казни могло бы повлечь за собой гибель многих жизней, я не считал возможным „жить за чужой счет“, и поэтому принял закон о смертной казни»?

Грацианов. От того, что я принял этот закон, я не отказываюсь ... (*не слышно*). На это мне ответили, что закон о смертной казни принимается больше для устра-

шения, ввиду того обстоятельства, что они сами [его] противники. А как там записано, я не могу сказать.

Обвинитель Гойхбарг. Я не спрашиваю, как Вы мотивировали на заседании Административного совета. Но говорится, что Вы там были. Я в данном случае говорю исключительно о личном Вашем заявлении в заседании Омской [чрезвычайной] следственной комиссии, перед которой Вы заявляли, как Вы объяснили Крутовскому причину, почему Вы приняли этот закон.

Грацианов. Если там так написано, значит, так было. Я не возражаю.

Обвинитель Гойхбарг. Не говорил ли Вам Крутовский, что Административный совет вышел из пределов предоставленных ему полномочий?

Грацианов. Говорил.

Обвинитель Гойхбарг. Не говорили ли Вы о том, что жизнь диктовала необходимость такого закона?

Грацианов. Говорил.

Обвинитель Гойхбарг. Не говорили ли Вы, что прошла пора, что [теперь] большие вопросы будет решать большой Совет министров, а не Административный совет?

Грацианов. Говорил.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Следовательно, Вы считали, что Административный совет в этой части не уполномочен. Но раз требования жизни, с Вашей точки зрения, диктуют это, он может постановить о применении смертной казни, даже если он не является органом, призванным это делать?

Грацианов. ... (не слышно).

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы не видели особой разницы между тем собранием, которое называлось Административным советом, и собранием 3–4 офицеров, которые решили пристрелить нежелательного им Новоселова? Какая принципиальная разница между постановлением Административного совета и постановлением трех офицеров, если [ни] они, [ни Административный совет] не имели права решать?

Грацианов. Административный совет имел право.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А на основании чего он имел право?

Грацианов. На основании тех полномочий, которые дал ему большой Совет министров.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А большой Совет [министров] давал ему такие поручения?

Грацианов. Неизвестно.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А разве большой Совет [министров] секретно давал ему поручения, а не печатал их в «Собрании узаконений [и распоряжений]», которые печатались и которые [затем] проводились постановлением Административного совета?

Грацианов. Да.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Разве там не сказано, что Административный совет на время отсутствия большинства министров только такие-то и такие вопросы разрешает? И только в виде последнего пункта сказано, что он разрешает то, что будет внесено председателем и что является неизбежным и неотложным?[31]

Грацианов. Да.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. И Вы считали, что, несмотря на это, Административный совет имеет право выносить постановления о смертной казни?

Грацианов. Да, [считал].

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не думали ли Вы, что они завтра могут ее применить?

Грацианов. Я думал и считал, что этот вопрос неотложный. Я не имел никакого основания…

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Что значит неотложный: через день, два или сегодня? [Или] через неделю?

Грацианов. Я не могу сказать.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А [разве] в это время Вы не знали, что Крутовский, Патушинский и Шатилов собираются в Омск для того, чтобы протестовать против этого закона, чтобы составить законный кворум в Совете министров для отмены этого закона?

Грацианов. Знал.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. И, несмотря на это, Вы считали, что Административный совет отличается от группы 3–4 офицеров, которые собираются, [чтобы] вынести постановление об убийстве? Чем Вы потом мотивировали свое возмущение по поводу убийства Новоселова, если эти офицеры, которые его застрелили, может быть, тоже считали, что жизнь диктует необходимость этого и они должны его застрелить? Если Вы считаете их поведение неправильным, когда они застрелили Вашего знакомого Новоселова, и когда Вы приняли постановление Административного совета о применении смертной казни? Вы не выясняли себе разницы между этими положениями?

Грацианов. Нет, выяснял.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Почему Вы [тогда] возмущались убийством Новоселова, когда накануне, на том собрании, Вы решили применять вообще убийства к кому бы то ни было?

Грацианов. Там мы имели право.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Почему имеет право [выносить приговор] Административный совет и не имеет [э]того права группа из двух-трех офицеров? Вы не считали, что Совет министров имеет какие-то административные права, а Административный совет не имеет права?[32] Ведь в известную минуту и Совет министров получил это право, и Административный совет тоже. Кто выбрал Совет министров?

Грацианов. Мне неизвестны были эти люди.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Тем не менее эти неизвестные люди могут применять такие наказания и Вы можете принимать постановления о смертной казни?

Грацианов. Административный совет выдвинут из состава большого Совета министров, а большой Совет [министров], я считаю, выбран самим народом.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. В числе членов этого большого Совета [министров] были Крутовский, Шатилов, Патушинский, Вологодский и выбранный Вами председателем Михайлов. Вы себя считаете народом, который выбирал их?

Грацианов. Нет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Кто же их выбирал?

Грацианов. [Сибирская] областная дума.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы считали [Сибирскую] областную думу выразительницей воли народа и считали себя обязанными подчиняться ее приказам? А не Вы ли подписали приказ о разгоне этой [Сибирской] областной думы?

Грацианов. Писал его Михайлов, а я его не писал. Я в качестве административной власти отправил его в Томск[33].

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы не давали [ли] на предварительном следствии показаний таких: «Я не присутствовал в начале обсуждения вопроса о роспуске [Сибирской] областной думы. Я пришел с опозданием и был обижен, что мне не дали высказаться по этому вопросу, поэтому я воздержался от голосования. Но я задержался слишком поздно. [К тому времени] министр внутренних дел уже ушел, и поэтому мне Михайлов предложил подписать за министра внутренних дел телеграмму в Томск об этом»? Вы так показывали предварительно?

Грацианов. Все правильно. Только не то, что министра внутренних дел не было. Это неправильно.

Обвинитель Гойхбарг. Министра внутренних дел не было при этом. Вы категорически заявляли, что министра внутр[енних] дел, которым тогда был Крутовский, не было при этом.

Грацианов. Тогда не был Крутовский министром вн[утренних] дел.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Это постановление было подписано 21 сентября [1918 г.]. А кто ж[е] был тогда министром вн[утренних] дел?

Грацианов. Министром вн[утренних] дел был [бывший] прокурор Иркутск[ой] суд[ебной] палаты Старынкевич[34].

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я позволю себе напомнить [Вам], что Крутовский был в тот момент министром вн[утренних] дел. В этот самый день Вы приняли его прошение об отставке и через 10 минут подписали постановление о перерыве занятий [Сибирской] областной думы. Это Вы припоминаете?

Грацианов. Нет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Если нужно, можно будет огласить соответствующее постановление. Я еще должен кое-что дополнить [для характеристики того,] при каких обстоятельствах произошло это дело: в один и тот же день подписывает[ся] приказ о перерыве занятий [Сибирской] областной думы, и в тот же день принимается прошение об отставке Крутовского, Шатилова и Патушинского. Вот, кто же принимал участие в обсуждении этих прошений об отставке министров?

Грацианов. Административный совет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Административный совет, который породил Совет министров и которому он поручил решать мелкие вопросы, он увольняет министров и потом становится на их место?

Грацианов. Да.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Это называется «выбранные самим народом». А не думаете ли Вы, что Вы делали иное: что Вы в отсутствии этих министров обсуждали их прошения об отставке?

Грацианов. Нет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Может быть, Вы знаете, при каких обстоятельствах эти министры подали прошение об отставке?

Грацианов. Крутовский и Шатилов мне заявили, что они против смертной казни и написали прошения об отставке[35].

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы [у]знали о том, что они подписали прошения об отставке под угрозой расстрела после того, как вы удовлетворили эти прошения об отставке?

Грацианов. Когда они мне это сказали, я на первом же заседании Совета министров заявил об этом Совету [министров], и Совет [министров] отменил принятое накануне постановление о выходе их в отставку.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Не думаете ли Вы, что имеются официальные документы, говорящие как раз обратное? Из них видно, что 21 сентября [1918 г.] были удовлетворены их прошения об отставке, принесенные известными лицами в тот момент, когда они содержались волковскими молодцами под стражей, и на второй день Вы заявили, что Вам было поручено на заседании Административного совета выразить сочувствие арестованным. Вы пошли выражать им сочувствие от имени Административного совета, и на следующий день Вы говорили: «Что Вы сделали?». Вы накануне постановили...

Грацианов. Я помню очень хорошо. Административный совет мне поручил съездить к Крутовскому и выразить соболезнование. И он (Административный совет.— *В. Ш.*) меня спросил: поехал ли я? Я ответил, что за поздним временем я этого сделать не могу. Крутовский — старик, вероятно, спит. Утром я приехал, и Крутовский рассказал [мне] всю историю, которую я ночью [уже] рассказал Совету [министров].

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Может быть, на заседании Административного совета в Вашем присутствии и в присутствии Морозова, Молодых, Ларионова, Шумиловского было постановлено предложить Матковскому немедленно освободить [из-под ареста] Крутовского и Шатилова?[36] На этом закрывается заседание для того, чтобы создать впечатление, будто бы они [были] немедленно освобождены. Считается, что [после этого] они пришли к вам, заседали вместе с вами, вместе с Михайловым и в составе [этих] трех министров (Крутовского, Шатилова и Михайлова). И потом в их присутствии обсуждалось прошение об их отставке. И так как два человека [из Совета министров] ушли и осталось только трое, то этот Административный совет и [получил право] принять это прошение. Не думали ли Вы, что такой подлог совершается?

Грацианов. Нет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Не подписали ли Вы такую подложную бумажку вместе с Морозовым и Ларионовым, на которой написано:

присутствовали: председатель Административного совета Иван Михайлов, министр вн[утренних] дел Крутовский, министр по туземным делам Шатилов и члены Административного совета. На этом заседании слушаются их прошения об отставке. На этом же самом заседании, как будто бы в их же присутствии, принимается постановление о прекращении занятий [Сибирской] областной думы. Подписи под этим постановлением имеются Морозова, Грацианова, Молодых, Шумиловского и т. д. Если Вам будет предъявлена за Вашей подписью [соответствующая] бумага, Вы признаете, что совершили такой подлог?

Грацианов. Нет, не признаю, потому что при мне этого не было.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Будьте любезны предъявить защите протокол заседания административного совета (*протокол предъявляется для осмотра*[37]).

Защитник Айзин. Мы не возражаем. Но из этого протокола мы не усматриваем, что здесь присутствовал подсудимый Грацианов.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Не будет ли добра защита посмотреть на подпись, имеющуюся под этим протоколом?

Защитник Айзин. Да, подпись есть.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я прошу предъявить этот протокол обвиняемым Морозову, Молодых, Шумиловскому, Грацианову и Ларионову (*протокол предъявляется [подсудимым] для осмотра*).

Грацианов. Подпись моя, я не возражаю. Но чтобы на этом заседании присутствовали Крутовский и Шатилов, мне неизвестно.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я тоже не утверждаю, что они присутствовали. Я утверждаю, что этот [протокол составлен] был с целью внушить, что якобы на заседании Административного совета имеется кворум. Административный совет принимает их прошения, и [в результате] ничего нельзя поделать: остается только один Административный совет, и вся власть переходит к нему.

Грацианов. Я не видал ни Крутовского, ни Шатилова.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. И тем не менее Вы подписали, что они были?

Грацианов. Да.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. И Вы в этот день ходили, не были взволнованы, что Вы это подписали? Ведь Крутовский был Ваш личный друг. Вам было поручено от имени Административного совета поехать к нему и выразить ему сочувствие от имени Административного совета. Как Вы думаете, что в этот момент, когда Вы принимали постановление, где написано, что оно принято в присутствии Крутовского и Шатилова, всем остальным членам Административного совета не были известны обстоятельства, при которых прошения об отставке ими были поданы?

Грацианов. Я тогда заявил в Административный совет ... (*не слышно*).

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Это относится к другому моменту. А в тот день, когда рассматривались эти прошения, никто не знал обстоятельств, при которых были приняты эти прошения?

Грацианов. Мне неизвестно было.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не думаете ли Вы, что это было известно членам Административного совета еще утром 21 сентября?

Грацианов. Мне неизвестно.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не думаете ли Вы, что весь Административный совет поручил Михайлову передать Вологодскому во Владивосток, что все члены Административного совета знают, что сегодня ночью арестованы Крутовский и Шатилов и [что] они вынуждены подать в отставку еще до заседания Административного совета? Что весь Административный совет считает такой способ разрешения политических конфликтов страшным, но вместе с тем полагает, что Крутовский и Шатилов не могут оставаться министрами и что сегодня только после [их отставки] Административный совет вступит в исполнение своих обязанностей?

Грацианов. Мне неизвестно.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я попрошу огласить телеграмму от Михайлова к Вологодскому, в которой буквально сказано это. Я попрошу огласить дело Омской чрезвычайной следственной комиссии, которая Вас допрашивала при Колчаке, но она была назначена еще до Колчака, № 115 телеграммы Михайлова к Вологодскому. Телеграмму я оглашу, а потом дам для проверки (*оглашается телеграмма*).[38]

Грацианов. Посылка такой телеграммы от имени Административного совета мне не была известна.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я попрошу эту телеграмму предъявить обвиняемым Грацианову, Морозову, Шумиловскому (*телеграмма предъявляется*). Не разрешите ли, подсудимый Морозов, сказать нам, не приняли ли утром этого [же] дня еще другое решение, что не только арестованные и таким путем освобожденные от должности министров Крутовский, Шатилов и Патушинский, но также и четвертый министр — Вологодский — считается также выбывшим из состава [Временного Сибирского] правительства и что Административный совет должен стать кабинетом министров?

Морозов. Такого решения не было, и я в таком решении участия не принимал.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Может быть, это было в частном совещании?

Морозов. Я в частном совещании участия не принимал.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы не ходили на частные совещания?

Морозов. Я не помню, чтобы частные совещания были в моем присутствии.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я прошу огласить телеграмму Михайлова в Уфу Авксентьеву, копия — Сапожникову[39], копия — Буяновскому[40] и копия — Вологодскому во Владивосток, следующего содержания (*оглашается телеграмма*)[41]. Было такое постановление Административного совета?

Морозов. Я такого постановления не помню.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы думаете, что единогласно избранный вами председатель Михайлов солгал в той телеграмме, которую он разослал?

Морозов. Я в этом заседании не присутствовал.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А кто-нибудь из тогдашних членов Административного совета, здесь находящихся, присутствовал? Выходит, что никто не присутствовал, а телеграмма была послана?

Морозов. Разрешите мне дать пояснения по поводу телеграммы, посланной Вологодскому во Владивосток 21 сентября. Я удостоверяю, что об аресте Шатилова и Крутовского я узнал вечером на заседании Совета министров. И если эта телеграмма была послана утром, то категорически удостоверяю, что это [случилось] без моего ведома. Я совещания с Михайловым не имел, и мне таких сведений об аресте Крутовского он не давал.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы вообще не имели частных совещаний?

Морозов. Нет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не ходили ли к [прямому проводу для разговора с] Буяновским Вы и еще один человек накануне, чтобы узнать, что Совет министров [думает] о Крутовском и Шатилове ... (*не слышно*), [а также узнать, не обвиняется ли в происшедшем кто-либо еще] вместе с Михайловым и [Грациановым и] не грозит ли это существованию Административного совета?

Морозов. Не помню.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А Вы не ходили туда вместе с Матковским на прямой провод разговаривать с Серебренниковым и Ивановым-Риновым по поводу этого события?

Морозов. Я был и говорил. Это я помню хорошо.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Не интересовались ли Вы судьбой Михайлова? Не заинтересован ли он был [уйти] с поста министра финансов?

Морозов. Был слух, что назначается министром финансов Буяновский. Может быть, я и спрашивал.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы не спрашивали ли Серебренникова относительно [должности] министра финансов? И не последовало ли постановления об отставке?

Морозов. Спрашивал.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы нарочно ходили к проводу сказать это?

Морозов. Я ходил, чтобы говорить [с Серебренниковым] по поводу убийства Новоселова, и требовал ареста Волкова.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не говорил ли Матковский [по прямому проводу Иванову-Ринову], что подробности о готовящемся перевороте со стороны Крутовского и Шатилова он может узнать от Вас?

Морозов. Я не знаю, что он сказал.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Не говорили ли Вы, что если Матковский сказал, то это относится к тем[42], а когда Вам предъявили подлинную ленту, то Вы сказали: «Я того не писал, но писал исключительно в отношении Новоселова».

Морозов. То, что было, я не отрицаю. Но я не помню и прошу предъявить мне ленту.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг оглашает содержание разговора по прямому проводу: «Сегодня утром Вы [у провода] назвали себя министром финансов. Это ошибочно или последовало…»[43]. Он сказал, что это ошибочно. Это было?

Морозов. Да, было.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. (*Оглашает телеграмму Иванову-Ринову.*)[44] Это было?

Морозов. Да, было.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Когда у Матковского спрашивали, какой переворот подготовлялся, он сказал: «Это Вам сообщит товарищ министра юстиции, который стоит у провода».

Морозов. Может быть, это ошибка: на ленте — «готовящемся»?

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не кончили ли Вы разговора с Ивановым-Риновым таким образом: «Сегодня сведений не было…»?

Морозов. Я должен [был] сообщить, что были арестованы Крутовский и Шатилов, [что] был арестован Грацианов.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы интересовались, что арестован Грацианов. А не боялись ли Вы лично своего ареста?

Морозов. Я вообще хотел выяснить положение.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Может быть, Вы не выясняли положения насчет Шатилова, а выясняли насчет Грацианова?

Морозов. Это потому, что Грацианов доложил Совету министров, что Крутовский и Шатилов решительно не желают продолжать службу и просят об отставке.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Это было такое положение. А Вы не видели прошений об их отставке, которые были принесены в ваше заседание?

Морозов. Может быть, я видел и читал, но не помню.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы знали имя и отчество Крутовского?

Морозов. Нет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Кто знал имя и отчество Крутовского из других членов Административного совета? Подсудимый Грацианов, Вы тоже не знали имя и отчество Вашего друга?

Грацианов. Забыл.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Подсудимый Шумиловский, Вы не знали имени-отчества Крутовского?

Шумиловский. Тогда знал, а в данный момент забыл. Помню, что Владимир.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Подсудимый Ларионов, может быть, Вы знали?

Ларионов. Я не ходил на заседания Административного совета и потому не знал его имени.

Молодых. Его имя, кажется, Владимир Михайлович.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы говорили, что его знает вся Сибирь?

Молодых. Я его знаю.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Так как присутствующие члены Административного совета знали Вас, г[осподин] Грацианов, как друга [Крутовского]…

Грацианов. Я и тогда знал и теперь знаю, что его зовут Владимир Михайлович.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Он был грамотным? Он мог перепутать свое имя и отчество?

Грацианов. Разумеется, нет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я покажу его прошение об отставке, в котором он назван «М. А.» и в котором он просит освободить его «безотлагательно». Не думаете ли Вы, что он правильно не может написать четырех строчек? (*Прошение предъявляется для осмотра.*) Я прошу обратить внимание на карандашные пометки старого происхождения, какого-то остряка. Там написано: «А, Б»... Защита не возражает против правильности сделанных показаний? (*Защита не возражает.*)

Морозов. Очевидно, это прошение, насколько я припоминаю, не предъявлялось, а было только прочитано, и никто не обратил внимания. Что касается букв «А, Б», может быть, это для протокола кто-то написал? Я не знаю, это только моя догадка.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. У Вас хватает догадки насчет «А» и «Б». А о способе принятия прошений двух министров, написанных на машинке министра [внутренних дел В. М. Крутовского], который никогда не был назначен заместителем председателя Совета министров[45], Вы говорите: «Не помню». Был ли случай, когда Михайлов был назначен исполняющим обязанности председателя Совета министров?

Морозов. Фактически он был.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Тогда был один [министр] — Михайлов, другого нет. Вологодский был во Владивостоке, Крутовский и Шатилов подали прошения об отставке, Патушинский — также. Остался один министр, и он исполняет обязанности председателя Совета министров. Над кем он председательствовал? Михайлов не считает Вологодского членом [Совета министров]. Он говорит, что Вологодский выбыл, и потому он считается единственным министром.

Морозов. Вологодский никогда не выбывал.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А между тем ему дается телеграмма о том, что Михайлов остается председателем Совета министров [ввиду того, что все остальные выбыли] (*телеграмма передается для осмотра*)[46].

Морозов. Первый раз вижу.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. О вашем собрании Михайлов дал такое сообщение Авксентьеву, Сапожникову, Вологодскому и Буяновскому. Подсудимый Шумиловский, Вам не было известно, что это прошение было подписано под угрозой и давлением? И Вы его обсуждали?

Шумиловский. У нас обыкновенно прошения только зачитывались.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Что же, это [было] обыкновенное явление, что министры присылают прошения об отставке? У вас были случаи, чтобы министры вообще подавали прошения об отставке в Административный совет?

Шумиловский. Не помню.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. И Вас не удивило такое обстоятельство, что два министра, которые неизвестно где находятся, прислали прошения об отставке?

Шумиловский. По этому поводу я хотел бы сделать разъяснение.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я прошу ответить на вопрос: не удивило ли Вас то обстоятельство, что Крутовский и Шатилов не появляются? Тем не менее они прислали прошения об отставке, а Вы не потрудились посмотреть, какие это прошения. Может быть, в них ничего не имеется?

Шумиловский. Я не сомневался в том, что они поданы, а сомневался в том, насколько они добровольны. И заявил по этому поводу протест.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А Вы ознакомились с этими прошениями?

Шумиловский. Самый факт [подачи прошений] мне показался подозрительным, ибо при отказе от рассмотрения этих прошений они должны [были] считаться недействительными.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А если это Вам показалось подозрительным, то не было ли у Вас такого движения: покажите, что это за прошения?

Шумиловский. Нет, они были зачитаны председателем [И. А. Михайловым].

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А он пользовался Вашим доверием?

Шумиловский. Да.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы подписывались, что в присутствии Крутовского и Шатилова читались прошения об их отставке. Вам не кажется странной Ваша подпись?

Шумиловский. Да, в настоящее время [она] мне кажется странной.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы выразили протест против рассмотрения этих прошений. А Вы не поинтересовались, какая бумага подписывалась?

Шумиловский. Я интересовался только тем, каково было решение, и полагал, что канцелярия выполнит это достаточно верно.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не подписали ли Вы в этот день другого постановления?

Шумиловский. Не помню.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А был такой случай, когда Вы подписывали в один и тот же день два постановления за отдельными номерами?

Шумиловский. Не помню.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я просил бы членов Административного совета вспомнить, что они подписали: во-первых, постановление за № 11 о том, чтобы немедленно освободить Крутовского и Шатилова, во-вторых, постановление за № 12 о том, что в их присутствии после их освобождения, на основании вашего предписания, они сами подали прошения об отставке.

Шумиловский. Такого протокола я не подписывал (*производится осмотр [подсудимыми] постановлений № 11 и 12*). Я его не помню.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы убедились в правильности моих слов, что есть два постановления. И Ваша подпись [имеется] и под одним, и под другим постановлением относительно того, что в их присутствии рассматривались их прошения. Вы убедились в правильности моего утверждения, что есть два постановления?

Шумиловский. Первое — об освобождении от стражи, а второе — об их прошениях.

Гойхбарг. А скажите, если бы Вы не находились на этой скамье, [разве] Вы бы не сказали, что это подлог?

Шумиловский. Перечень присутствующих лиц обыкновенно не интересен и никакого значения не имеет.

Гойхбарг. Даже если министры — Шатилов и Крутовский — захотели сами себя высечь и принимают сами свое прошение об отставке? Значит, Вы удостоверяете, что происходило два заседания?

Шумиловский. Я не знал, в каком порядке были поданы эти прошения. И поэтому я говорил, что эти прошения не подлежат рассмотрению.

Гойхбарг. Это совершенно другое [дело]. Вы весь день [ничего] не знали, а вечером состоялось заседание Административного совета, причем на предыдущем

заседании нет Крутовского и Шатилова. А в другом [заседании] они присутствуют после освобождения?

Шумиловский. То обстоятельство, что они были в перечне [присутствующих], очевидно, ускользнуло от моего внимания.

Гойхбарг. А то, что Вы подписали два постановления, также Вас не удивило?

Шумиловский. Бывали такие случаи [и раньше]. Заседания у нас бывали несколько раз в день.

Гойхбарг. Разумеется, одно — днем, а другое — вечером. Но какие-нибудь экстренные заседания [случались]?

Шумиловский. Я не помню, чтобы были вечером.

Гойхбарг. Вы только что заявили, что Вы до семи часов [вечера] об этом не знали.

Шумиловский. Я этого не заявлял.

Гойхбарг. А не помните ли Вы, что Вы показывали иначе? До вечера Вы не знали ничего. На заседании Вы узнали о факте ареста. И даже Матковский, который фигурировал в качестве свидетеля, показал, что ему [в] без пяти [минут] семь вечера сообщили об аресте. Вы не могли подписать два [протокола] заседания [Административного совета]. Как Вы могли требовать освобождения, когда Вы не знали об аресте? Потом, как Вы объясняете, [что] в [протоколе] номер 11 [заседания] постановлено немедленно освободить? Следовательно, было какое-нибудь заседание, где обсуждалось постановление об аресте. А Вы заявили, что до вечера Вы ничего не знали об аресте.

Шумиловский. Я не говорил, что я не знал об аресте. Раз я подписал протокол, значит, я раньше знал.

Гойхбарг. У Вас говорится: «Придя в Административный совет, я не знал, что они арестованы».

Шумиловский. Мне была объяснена самая обстановка подачи прошения.

Гойхбарг. А по какой причине Гудков[47] и другие выражали сомнение относительно вынужденности или невынужденности подачи прошения?

Шумиловский. Если я не ошибаюсь, то П. П. Гудков присоединился к моему мнению.

Гойхбарг. Если бы Вам было сейчас представлено [постановление], что Сибревком просит об освобождении Вас от обязанности сидеть на этой скамье, Вы бы тоже не посмотрели?

Шумиловский. Тогда сомнений не возникало.

Гойхбарг. После того, как все эти факты оглашены и Вам, [подсудимый Грацианов,] предъявлено прошение Вашего друга, грамотного человека, который подписался «М. А. Крутовский», после того, как Вы подписали это постановление, не побудило ли Вас это сказать, что все это сделано сознательно?

Грацианов. Я ничего не могу сказать.

Гойхбарг. А бумагу Вы как объясняете?

Грацианов. Я знаю из других разговоров, когда мне Крутовский категорически передавал.

Гойхбарг. А Вы не объясните?

Грацианов. Нет, не смогу.

Гойхбарг. Что это, дружеское или недружеское равнодушие?

Павлуновский. Факт считается вполне установленным.

Гойхбарг. Я прошу еще разрешения задать подсудимому Грацианову следующий вопрос. В том же заседании, где присутствовали Крутовский и Шатилов,

написано о роспуске [Сибирской] областной думы и [рассматривалось] заявление Гаттенбергера о необходимости принять меры [против думы. Постановление о роспуске] подписано было Вами. Почему Вы это подписали?

Грацианов. Потому что не было министра внутренних дел.

Гойхбарг. Значит, Крутовского, который был министром внутренних дел, не было?

Грацианов. В это время был не Крутовский, а прокурор Иркутской судебной палаты Старынкевич. Управляющий министерством внутренних дел Крутовский[48] был в Уфе.

Гойхбарг. А не показывали ли Вы, что Вы имели крайне редко отношение к административным обязанностям?

Грацианов. Я был на очень малом количестве заседаний [Административного совета], так как был в Томске на открытии съезда общественных деятелей. А кто присутствовал [на заседаниях Административноого совета], когда меня не было, я не знаю.

Гойхбарг. А что Вы вообще передавали такие дела своему товарищу Пав[лову][49], Вы [разве] не показывали перед следственной комиссией?

Грацианов. Нет, не показывал.

Гойхбарг. Вы показывали перед чрезвычайной следственной комиссией в Омске? Читает: «Я подписывал [бумаги только тогда, когда это было неизбежно. Во всех же остальных случаях отсылал к товарищу министра Павлову]»[50].

Грацианов. Я подписывал те бумаги, которые непосредственно касались общественного управления. По общественному управлению подписывал я.

Гойхбарг. Следовательно, к Вашим обязанностям относилось и уничтожение [Сибирского] областного управления?

Грацианов. Относительно какой-нибудь связи с общественным управлением ...

Гойхбарг. Не показывали ли Вы перед чрезвыч[айной] след[ственной] комис[сией] в Иркутске, что Вы подписали потому, что Михайлов предложил Вам подписать [постановление] о роспуске [Сибирской] областной думы?

Грацианов. Да.

Гойхбарг. А не забыли ли Вы своих слов: «Я должен был исполнить это постановление. Я сел, написал телеграмму, подписал и отправил».

Грацианов. Да, я подписал.

Гойхбарг. Нет, Вы написали сами.

Грацианов. Этого я не помню.

Гойхбарг. Вы показывали, что последним вопросом был вопрос о роспуске [Сибирской областной] думы. Это журнал [заседания Административного совета от 21 сентября 1918 г.], в котором Вы не посмотрели, что Крутовский и Шатилов присутствовали [на заседании] (*читает*[51]).

Грацианов. Какое это значение имеет?

Гойхбарг. Позвольте, пожалуйста, я Вам вопросы задаю, а не Вы мне.

Грацианов. Я телеграмму подписал, а кто писал текст, я не помню.

Гойхбарг. Я сейчас больше вопросов не имею.

Павлуновский. Защита ничего не имеет против перерыва на пять минут? Объявляю перерыв на пять минут.

Заседание продолжается [после окончания перерыва. Вводят свидетеля Патушинского].

Павлуновский. [Заседание чрезвычайного революционного трибунала объявляю открытым.] Предупреждаю Вас, свидетель, что за ложные показания Вы отвечаете перед революционным трибуналом.

Гойхбарг. В конце [19]17 г. были ли Вы на тайном заседании[52] в числе членов т[ак] н[азываемого] дерберовского правительства?[53]

Патушинский. Я сам на тайном заседании не был; я был избран.

Гойхбарг. Вы приехали в Омск [в июне 1918 г.] с Крутовским, Шатиловым, Вологодским и Михайловым, которые все четверо были, не считая Вас, на этом заседании эсерами?

Патушинский. Я внесу небольшую поправку. Я приехал не с Крутовским. Крутовский приехал несколько позднее. Я приехал с Якушевым[54].

Гойхбарг. Значит, когда явились представители так называемого дерберовского правительства в Омске, [то] тогда их было достаточно, чтобы назваться [Временным] Сибирским правительством? Их было пять человек? И Вы … ?

Патушинский. Да.

Гойхбарг. Они были названы в списке, который был на этом тайном заседании назначен эсерами?

Патушинский. Преимущественно эсерами. Я был назван народным социалистом.

Гойхбарг. Когда Вы явились сюда, это совпало со временем, когда здесь подняли бунт чехословацкие войска? Или несколько позже?

Патушинский. Несколько позже. Когда я приехал, их уже не было.

Гойхбарг. Якушев считал, что достаточно этих пяти человек, которые могут назваться Временным Сибирским правительством?

Патушинский. Совершенно верно.

Гойхбарг. Оно не отменило [ли] национализацию фабрик и заводов?

Патушинский. Да[55].

Гойхбарг. То есть, оно не сделало [ли] постановления о денационализации фабрик и заводов?

Патушинский. Да.

Гойхбарг. О прекращении деятельности советских учреждений?

Патушинский. Было[56].

Гойхбарг. О возвращении земли владельцам?

Патушинский. Здесь, в Сибири, частного землевладения не было, насколько я знаю. Я точно не могу сказать[57].

Гойхбарг. Скажите, тогда вы приняли [такие] меры: советские учреждения не должны существовать, фабрики возвращаются капиталистам, земля — владельцам? Чем же могли быть [тогда] вами недовольны? И все-таки считали, что вы являетесь «левыми» и должны быть устранены из правительства?

Патушинский. Я должен доложить трибуналу, что если эти меры были приняты, то нами мыслилось, что эти меры были временными.

Гойхбарг. Я спрашиваю, почему, несмотря на это, члены Административного совета считали, что вы должны быть устранены? И, несмотря на то, что Вы подали заявление, что берете свое прошение [об отставке] обратно, освободили Вас от должности министра?

Патушинский. Я должен буду ответить суду. Но прежде всего я должен сделать поправку: я не подавал заявления, что я беру [прошение] обратно. Под влиянием гнетущей обстановки я [еще 8 сентября 1918 г.] подал заявление об отставке[58]. Но, подавая его и уехав из Омска, я понимал, что действую неправильно,

так как у меня был мандат [Сибирской] областной думы, меня избравшей. И я прекрасно понимал, что только дума, меня избравшая, может снять с меня этот тяжелый крест.

Гойхбарг. А если бы знали, [что Административный совет удовлетворил Ваше ходатайство, то] Вы считали [бы его решение] актом враждебным?...

Патушинский. Я считал актом незаконным, преступным и свидетельствующим о враждебности.

Гойхбарг. Почему [Вы говорите] о преступности?

Патушинский. Потому что правильно или неправильно, но те социально-научные данные, которые были представлены в [Сибирской] областной думе, облекали нас известным доверием. И никто не мог нас этого доверия лишить, так как [Сибирский] областной совет[59] состоял из членов означенной партии.

Гойхбарг. А [если бы] большинство партии постановило принять это прошение? Если бы они освободили Вас своим большинством, Вы не так возражали бы, [как] если бы это сделал Административный совет? Я понимаю, что Вы говорите об Областной думе. Но были ли случаи, когда Вы подавали [прошение] в Сибирскую Директорию?[60]

Патушинский. Я заявлял о своем намерении, но считал, что только [Сибирская] областная дума может снять меня.

Гойхбарг. А когда Вы и Ваши друзья протестовали против этого, не указывали [ли] Вы, что не было большинства [членов] Советов министров, и поэтому это не должно было быть сделано?

Патушинский. Да.

Гойхбарг. Следовательно, если бы создать видимость, что присутствовало на этом заседании большинство министров, в том числе Крутовский, Шатилов и Михайлов, и они принимали участие в обсуждении этого прошения, и будто бы большинством приняли...

Патушинский. Это не было бы вполне нормальным, но все-таки больше...

Гойхбарг. Вы назвали эту партию бандой уголовных преступников и воров. И это Вы относили только к колчаковскому правительству последнего периода или распространяли и на Административный совет?

Патушинский. Я бы сказал, что [состав] правительства последнего периода в точности персонально мне был неизвестен. Члены Административного совета были той группой, которая преемственно переходила от [Временного] Сибирского правительства к [Уфимской] Директории и от Директории — к Колчаку.

Гойхбарг. Значит, эти слова относились к этому основному ядру?

Патушинский. Да.

Гойхбарг. Значит, Вам было известно, что Административный совет был способен к совершению таких вещей в официальных бумагах, которые называются подлогами?

Патушинский. До таких подлогов это могло дойти.

Гойхбарг. А Вы не думаете, что Ваше прошение было принято в присутствии Крутовского и Шатилова, которые в своем же присутствии принимали свои прошения об отставке? А если бы Вы узнали, что в заседании в числе присутствующих написаны также Крутовский и Шатилов, Вы заключили бы, что это возможно?..

Патушинский. Нет, я бы поверил в это с трудом.

Гойхбарг. Я прошу предъявить свидетелю постановление [№ 12 Административного совета] от 21 сентября 1918 г.

Патушинский. Это совершенно невероятно!

Гойхбарг. В этот день Крутовский и Шатилов находились где?

Патушинский. Они находились в Омске. Но я имел информацию из Омска от Якушева, который мне сообщил, что в этот день Крутовский, Шатилов и покойный Новоселов, пригласив Михайлова, составили кворум правительства (не 21-го, а 20-го [сентября]), на котором и был решен вопрос, чтобы сократить Административный совет, лишить его тех полномочий, которыми он воспользовался, и по возможности ликвидировать те действия, которые уже были совершены Административным советом. В частности, на этом же совещании обсуждался вопрос о вхождении в состав правительства приехавшего с Дальнего Востока Новоселова...

Гойхбарг. Также бывшего на тайном заседании дерберовского правительства?

Патушинский. Да, и также имевшего право войти [в состав Временного Сибирского правительства]. Совещание было сорвано Михайловым. Это была последняя информация, которую я получил. Приблизительно 22 [сентября] я собирался выехать на Север, а 22-го получил телеграмму, адресованную присяжному поверенному Григорию Патушинскому. Самый адрес меня удивил, потому что из сословия присяжных поверенных я вышел, когда отправлялся на Германский фронт. Впоследствии я был прокурором Красноярской судебной палаты и в адвокатуру больше не возвращался.

Еще более меня удивило содержание. Там говорилось: «Постановлением Административного совета (но не Совета министров) Вы, Крутовский и Шатилов считаетесь уволенными по прошению. Подпись: председатель Административного совета Иван Михайлов»[61]. Меня это тогда поразило, но разъяснение я узнал на следующий день или через два дня, когда телеграф принес известие об омских событиях, об аресте Шатилова и Крутовского и об убийстве Новоселова. Совершенно понятно, что Шатилов и Крутовский, арестованные в ночь с 20 на 21 [сентября], принимать участие 21-го в заседании Административного совета не могли.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не думаете ли Вы, что Административный совет способен был на такую вещь: он, зная или даже распорядившись о том, чтобы они (Шатилов и Крутовский.— *В. Ш.*) были арестованы, собирается на заседание, делает распоряжение об их немедленном освобождении, затем объявляет, что якобы состоялось второе заседание в их присутствии после освобождения. На этом заседании рассматривают их прошения, и таким путем они, в присутствии трех министров, сами себя увольняют?

Патушинский. Это, конечно, [не] невозможно. Но я думаю, что этого не было.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А Вы не знаете, что 21 [сентября] в течение всего дня и всей ночи Крутовский и Шатилов оставались под арестом?

Патушинский. Это я знаю.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Так что во всяком случае они присутствовать [на заседании] не могли.

Патушинский. Теоретически это, конечно, могло бы быть. Но я имел последующую информацию от В. М. Крутовского, что эти события происходили совершенно иначе: у них под угрозой расстрела [были] отобраны прошения об отставке, которые [затем] были представлены в Административный совет, и уже Административный совет сам эти отставки принял.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Следовательно, для Вас не является новым такой способ изложения обстоятельств, что в отсутствии лиц, которые на самом деле не присутствуют, рассматриваются их прошения и пишется, что они принимают участие не только в своей отставке, но и в Вашей? Вы этого не слышали?

Патушинский. До сих пор нет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы упоминали, что Новоселов был убит. Вы не знаете, кем были арестованы Крутовский и Шатилов и по чьему распоряжению?

Патушинский. Меня здесь не было, и я этого сказать не могу.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А как Вам Крутовский сказал?

Патушинский. Для них был приготовлен автомобиль, и офицер, приехавший на автомобиле, сказал, что их вызывают к прямому проводу. Они сели в автомобиль, и вместо телеграфа их привезли в частную квартиру, где, как потом выяснилось, жил [полковник В. И.] Волков. Кто он (имеется в виду офицер.— *В. Ш.*) был, я не знаю. Там они застали арестованного Новоселова. Не помню, в тот же вечер или наутро к ним явился какой[-то] офицер и предложил им четверть часа на размышление.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Пять минут.

[*Патушинский.*] Может быть, пять минут. Я за точность не ручаюсь. [Этот офицер] предложил [им] подписать прошения об отставке. Прошения были написаны и вручены, после чего их освободили и обязали немедленно выехать из Омска.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Так что, если бы они выехали немедленно, они не могли бы проверить сделанного в их присутствии. Что же, они выехали немедленно?

Патушинский. Нет, они остались.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А может быть, Якушев остался?

Патушинский. Совершенно верно.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Волков распорядился об аресте. А телеграмма, что Вы, присяжный поверенный Патушинский, уволены, была подписана кем?

Патушинский. Михайловым.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я прошу доложить рапорт [полковника] Волкова, в котором он думает, что Патушинский вместе с Крутовским и Шатиловым собирается устроить заговор[62].

Патушинский. Будучи уполномоченным [Иркутского] Политического центра, я имел возможность ознакомиться с этими документами. И тогда меня поразило совпадение адресов телеграммы Михайлова и этого протокола, где я тоже именуюсь, совершенно для меня неожиданно, присяжным поверенным.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Почему Вас поразило это? Вы установили связь Волкова и Михайлова?

Патушинский. Это подкрепило мои предположения.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А Вы не думаете, что предложение удалить членов дерберовского правительства исходило от правительств империалистических стран и, с другой стороны, от торгово-промышленных кругов, которые в Омске сгруппировались в военно-промышленном комитете?

Патушинский. В этом я уверен. Я имею многочисленные факты, которых я был свидетелем, отчасти участником и в большинстве случаев жертвой в течение двух месяцев во время моего пребывания здесь, в Омске.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Не знаете ли Вы, что Волков получил специальное разрешение [Административного] совета на арест Крутовского и Шатилова и от военно-промышленного комитета здесь, в Омске?

Патушинский. Таких точных сведений у меня нет. И я их не мог иметь, т. к. от Волкова и [от] военных кругов я стоял очень далеко. Но это чувствовалось, как

чувствовалось вообще сильное давление, в смысле реакционном, именно этих элементов — торгово-промышленных кругов.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы не знали Куликова?[63]

Патушинский. Знал очень хорошо.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. В показании Куликова, которое гласит о том, что Волков советовался с торгово-промышленными кругами, говорит[ся] следующее (*оглашается показание Куликова*)[64]. Я попрошу показать защите [*протокол предъявляется защите*].

Патушинский. Это вполне совпадает с тем представлением, какое у меня было о взаимоотношениях торгово-промышленного класса и высших военных кругов, с одной стороны, и ядра Административного совета — с другой стороны.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не знаете [ли Вы] деятеля [Омского] военно-промышленного комитета Двинаренко?[65]

Патушинский. Я его не знал, но его имя часто фигурировало.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Разрешите прочесть показания Двинаренко по поводу ареста Крутовского и Шатилова (*оглашается показание Двинаренко*)[66].

Патушинский. Несомненно, таковы были в то время их настроения.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Следовательно, для Вас становится ясным и Вы не возражаете против того, что было влияние со стороны тех кругов, которые группировались вокруг [Омского] военно-промышленного комитета. А не думаете ли Вы, что были определенные требования со стороны иностранных правительств удалить и [Сибирскую] областную думу, и дерберовское правительство?

Патушинский. Допускаю и это.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Не думаете ли Вы, что было сделано специальное указание, что необходимо Новоселова удалить. Удалить не из министерства, а удалить с лица земли?

Патушинский. Не знаю, для этого у меня нет достаточных данных.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я попрошу огласить телеграмму Гинса, который был вместе с Вологодским во Владивостоке, который пишет Михайлову от 20 сентября (*оглашается телеграмма Гинса*)[67]. Если бы Вы получили такую телеграмму, как бы Вы поняли выражение: «через подходящих лиц»?

Патушинский. Да, это может наводить на очень странные размышления.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не знаете ли фамилии лиц, которые бы показались подходящими, чтобы его расстрелять?

Патушинский. Я помню одну фамилию — Мефодьева.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А не Семенченко [ли] вместе с Мефодьевым? Причем Мефодьев препровождал его в тюрьму, которая находится за Загородной рощей.

Патушинский. Да, они его [от]вели в Загородную рощу и там его убили.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы говорите, что Вы видели материал в качестве представителя Политического центра в Иркутске. Вы, может быть, видели его в [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссии?

Патушинский. Нет, хотя я [им] очень интересовался и спрашивал о нем. Но я был там очень короткое время.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы не знаете из материалов этой чрезвычайной следственной комиссии, что Семенченко, отойдя на шаг назад от Новоселова, выстрелил в него и потом потащил его в овраг?

Патушинский. Это мне известно.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Как же Вы истолковываете сейчас оглашенную телеграмму Гинса к Михайлову?

Патушинский. Эту телеграмму я слышу впервые. Но она, несомненно, двусмысленная, и на основании ее можно сделать то предположение, которое Вы, гражданин [обвинитель], делаете.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А как можно понять иначе выражение «через подходящих людей разъяснить»?

Патушинский. Это еще можно так понять: подыскать людей близких, которые бы могли ему сказать.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Кто же это, Михайлов[, что ли,] может найти таких людей?

Патушинский. При желании можно было бы найти. Но, повторяю, текст телеграммы, которую я слышу впервые, заставляет предполагать многое. И [в том числе то,] что здесь имеются в виду иные средства убеждения, кроме товарищеских советов.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А Вы не знаете, свидетель Патушинский, что Вологодский, который был Вашим товарищем по этому кабинету [министров], заявлял, что Сибирь не доросла до парламента?

Патушинский. Об этом я узнал потом.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы не знали [разве] из показаний Гинса чрезвычайной следственной комиссии о том, что к [Сибирской] областной думе установилось отрицательное отношение? Председатель Совета министров Вологодский на заседании заявил, что Сибирь до парламента еще не доросла.

Патушинский. Я не слышал от Вологодского такой фразы. Но об отрицательном отношении к думе я знаю, и мне пришлось с этим течением бороться все время.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Что значит: «до парламента еще не доросла»? Какой бывает строй до парламента?

Патушинский. Монархический.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я попрошу огласить телеграмму Вологодского Михайлову против дерберовского правительства и [Сибирской областной] думы (*оглашается текст телеграммы*)[68]. Не ставите ли Вы в связь заявление Мат...[69], Чарльза Элиота[70] и представителей других иностранных правительств с разрешением Михайлову разъяснить Новоселову «через подходящих людей»?

Патушинский. Для меня связь эта ясна.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А Вы знаете, что была учреждена чрезвычайная следственная комиссия над арестовавшими Крутовского, Шатилова и т. д.?

Патушинский. Кажется, она была учреждена.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А Вы не знаете ее решение? Она кого-нибудь признала виновным?

Патушинский. Нет.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. А может быть, кто-нибудь из тех лиц, которые убили Новоселова, понес наказание?

Патушинский. Я думаю, что если бы это было, это было [бы] известно.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы не знаете, что когда начали искать Семенченко и других, то оказалось, что они пропали без вести?

Патушинский. Знаю.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Знаете ли Вы, [что] когда хотели допрашивать других соучастников [преступления] (Волкова, Нарбута и Манежева), то оказа-

лось, что они вместе с командующим армией [генералом В. И.] Волковым отправляются на восток?

Патушинский. Да.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Я больше не имею вопросов.

Защитник Айзин. Скажите, пожалуйста, гражданин Патушинский, Морозов был Вашим товарищем министра, и Вы характеристику «банда преступников» относите также и к Морозову?

Патушинский. Видите ли, я так говорить не могу. Во всяком случае, я Морозова не считаю первым персонажем. Первыми персонажами были Михайлов, Гинс, Тельберг[71] и другие. Морозов — техническая сила, исполнитель, канцелярский работник. Хороший работник, но, разумеется, чуждый, как и большинство технических работников, с которыми нам пришлось работать, совершенно чуждый нашей идеологии и смотревший на нас несколько недружелюбно. Но, мне кажется, Морозов к активным деятелям Административного совета не принадлежал. По крайней мере, в течение тех двух месяцев, что я был здесь, Морозов не посетил, кажется, ни одного заседания Административного совета. Может быть, я ошибаюсь, но у меня было такое впечатление, что Морозов боится несколько политики. Он, помнится, даже высказывал это. Поэтому мне было особенно странно, что в заседании Административного совета 21 сентября, в этом решающем заседании, Морозов оказался налицо, его подпись имелась. И он себя этим окончательно скомпрометировал, по крайней мере в моих глазах. До этого Морозов был совершенно аполитичен.

Защитник Айзин. Скажите, пожалуйста, гражданин Патушинский, [Я. Г.] Шишкина в советскую Россию посылал Морозов по Вашему поручению?

Патушинский. Шишкина посылал не я и не Морозов. Он поехал в советскую Россию для того, чтобы вообще привлечь для работы лиц, в которых, в частности, нуждалось и министерство юстиции для того, чтобы разгрузить тюрьмы, и для того, чтобы наладить судебный аппарат. Потребовались средства, средства самые незначительные, чтобы пригласить некоторых лиц из-за Урала, из разных мест. На это было ассигновано, если не ошибаюсь, 28 000 р[ублей][72].

Защитник Айзин. Значит, собственно поручение отправить Шишкина и деньги для него передали Вы?

Патушинский. Да, я. Но это [поручение] вышло из Совета министров. Ему были даны задания, общие для всех министерств. И если этот расход был проведен по министерству юстиции, то только потому, что министерство юстиции в то время являлось единственным более или менее уже налаженным министерством.

Защитник Айзин. Скажите, когда Вы были в Сибирской Директории, Урал управлялся особым Уральским правительством[73], Вам не [было] известно, что в это время Уральское правительство вело расследование о семье Романовых?[74]

Патушинский. Нет, это мне [было] неизвестно.

Защитник Айзин. Скажите, пожалуйста, [свидетель Патушинский,] находящиеся здесь члены Административного совета — это все те самые техники, как и Морозов, или некоторые из них принимали активное участие в политике Административного совета?

Патушинский. Я не могу сказать, в какой мере они техники. О Морозове я могу говорить, потому что мне вместе с ним приходилось работать. Что же касается других, то они принадлежали к другим ведомствам. Я повторяю, что тех, которые были вдохновителями в политике Административного совета, я среди сидящих сейчас на скамье подсудимых не вижу.

Защитник Айзин. Вы кого имели в виду, когда Вы называли колчаковское правительство бандой преступников и воров?

Патушинский. Михайлова, Гинса, фон Гойера, Зефирова.

Защитник Айзин. К каким персонажам Вы относите Шумиловского, Ларионова и Грацианова?

Патушинский. Ларионова я не помню. Входил ли [он] в Административный совет или вошел позже, [не знаю]. Во всяком случае, Ларионова я впервые встретил в помещении [Иркутского] Политического центра.

Шумиловский, пожалуй, единственный человек из всего Административного совета, имевший известный общественный и политический стаж. Поэтому я на Шумиловского смотрел с чувством некоторого сожаления. Я ясно видел, что его симпатии не на нашей стороне, не на стороне социалистических групп, не на стороне дерберовской группы, а на противоположной стороне. Он сам отстаивал идею Административного совета. Между прочим, мне всегда казалось, что это человек, у которого, несомненно, есть солидное общественное и политическое прошлое, который, поскольку я знал тогда и уверен даже до сей минуты, разумеется, ни к каким заговорам причастен быть не может. Мне казалось, что у этого человека в душе должна происходить очень тяжелая внутренняя драма. Так я смотрел и продолжаю смотреть на Шумиловского. Мне было больно видеть его не среди своих единомышленников, а в лагере противоположном.

Защитник Айзин. В тех преступлениях, которые были совершены: убийство Новоселова, принуждение к отставке Шатилова и Крутовского,— как Вы полагаете, Шумиловский мог принимать участие?

Патушинский. Я настолько близко не знал и не знаю Шумиловского. Мне кажется, что по тому представлению, которое у меня сложилось (должен оговориться, это представление сложилось не на основании личного знакомства, а на основании его прежней репутации), я знал, что Шумиловский — провинциальный интеллигентный работник, кажется, учитель гимназии, социал-демократ; что он пользуется в Барнауле, где он служил, репутацией честного, безупречного общественного деятеля; что его кандидатура неоднократно выставлялась в Государственную думу левыми социалистическими партиями, и всякий раз его избрание вызывало всякого рода разъяснения со стороны правительства. И вот, зная все это, я объясняю поступки и деятельность Шумиловского, разумеется, только тем, что он не уяснил себе в достаточной мере ту конъюнктуру, которая в то время сложилась.

Мне со всеми этими вопросами, которые сейчас задают, приходилось сталкиваться гораздо раньше. Причем я тогда не думал, что мне придется по этим вопросам давать ответы в качестве свидетеля. Я их расценивал с иной точки зрения и рассматривал в иной плоскости. Я подходил к ним, возмущался ими, и тогда у меня сложился определенный взгляд. Мне казалось, что, быть может, не все те, кто входил в состав Административного совета, приложили свою руку к делу Новоселова и ко всему, что там происходило. Но я, как общественный деятель и политический работник, винил их за то, что они оставались там, что они не ушли. И только с этим мерилом я могу подойти к оценке Шумиловского. Я его могу винить только в том, что он не учел того, что совершалось, того, что должно было происходить, и не отмежевался от того правительства, которое я считал и продолжаю считать бандой преступников и воров.

Защ[итник] Бородулин. При Вас конструировались все министерства и различные ведомства?

Патушинский. Нет, я застал их почти сформированными.

Защ[итник] Бородулин. Что собственно разумеете Вы под правительством сначала Сибирским, а затем превратившимся во Всероссийское? Кто составлял правительство?

Патушинский. Существовала Сибирская Директория, как совершенно правильно ее здесь определяют, т. е. лица, избранные Сибирской областной думой в количестве пяти человек. Затем, были управляющие ведомствами, которые не имели мандатов от населения, а были назначены как обыкновенные чиновники. И эти управляющие ведомствами все время домогались известной автономии, известной степени власти. Несколько раз Гинс, при поддержке Михайлова, вносил проект положения об Административном совете. По этому положению вся власть должна была перейти в руки этого совета, а эти пять [человек,] избранные Сибирской областной думой, низводились на роль конституционного короля, который царствует, но не управляет. Вот с этим постановлением Административного совета мы, дерберовская группа, боролись. И два раза этот проект нами отклонялся. В последний раз — накануне отъезда Вологодского на восток, когда под влиянием демонстрации, устроенной всеми управляющими ведомств[ами] по поводу отставки генерала Гришина-Алмазова[75], Вологодский спасовал, растерялся, испугался и пожелал дать Административному совету полную компенсацию. Он удовлетворил их тем, что всю полноту власти, принадлежащей «пятерке» по мандатам [Сибирской областной] думы, он перенес на Административный совет.

Защитник Бородулин. Управляющие министерствами при Вас имели решающий голос в управлении и законодательстве?

Патушинский. До создания Административного совета не имели, а после в Административном совете они, конечно, имели. И это была та опасность, которую мы предвидели и против чего мы боролись.

Защитник Бородулин. А товарищи министра имели право решающего голоса на заседаниях Административного совета?

Патушинский. Да, имели, на одинаковых основаниях с министрами. В Административный совет, кроме председателя Михайлова, другие министры не входили[76], а входили только управляющие ведомствами и товарищи министров.

Защитник Бородулин. При последующих личных переменах кто играл главнейшую роль и кто составлял это ядро?

Патушинский. Михайлов, Гинс, впоследствии Тельберг, Вологодский же играл роль жалкую.

Защитник Бородулин. В каком положении находилось ведомство государственного контроля?

Патушинский. Мне совершенно неизвестно. Оно только что начинало организовываться.

Защитник Бородулин. Большинство из тех деятелей, которые впоследствии входили в правительство и так или иначе определяли политику этого правительства, известны Вам или нет?

Патушинский. Да, [но] я большинство знаю понаслышке.

Защитник Бородулин. Среди них Вы слышали фамилии Краснова, Палечека, Ячевского и Малиновского.

Патушинский. Фамилию Палечека в связи с большой политикой я не слышал. Впервые я услышал эту фамилию в Иркутске [в апреле 1920 г.] незадолго до отъезда оттуда, именно в профессорских кругах. Там очень жалели, что Иркутский государственный университет лишается такого полезного работника. Его специальность, кажется, университетская канцелярия, специальность очень узкая и

далекая от политики. Но я не слышал этой фамилии в связи с политикой и с реакционными тенденциями, которые проводило это правительство.

Защитник Бородулин. Но если бы эти лица принимали какое-нибудь серьезное активное участие, то это до Вашего слуха бы дошло?

Патушинский. Несомненно.

Обвинитель т[ов.] Гойхбарг. Вы знаете, что на заседании 14 сентября [1918 г.] Михайлов был избран единогласно председателем Административного совета, в том числе и Вашим помощником Морозовым?

Патушинский. Знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Вы знаете, что Морозов впоследствии неоднократно обращался в Совет министров с требованием ассигновать определенную сумму на розыски царской семьи?[77]

Патушинский. Этого я не слышал. Признаться, я считал инициатором этого предприятия совершенно другое лицо.

Обвинитель Гойхбарг. А если это в протоколе записано?

Патушинский. Тогда, конечно, ясно.

Обвинитель Гойхбарг. Не думаете ли Вы, свидетель Патушинский, что Морозов имел основание быть злым на Крутовского за то, что он снял ассигнование [в сумме] 200 000 [рублей] на розыски царской семьи?

Патушинский. Возможно.

Обвинитель Гойхбарг. Вы знаете, что когда в присутствии Крутовского и Шатилова Михайлов ставил вопрос относительно 10 000 руб. на розыски царской семьи, то Крутовский этот вопрос снял?

Патушинский. Несомненно, раз этот вопрос был поставлен и Крутовский был на этом заседании, то Крутовский должен был снять этот вопрос.

Обвинитель Гойхбарг. Я прошу огласить показание Никифорова[78], управляющего министерством иностранных дел, в [Омской] чрезвычайной следственной комиссии (*оглашается показание Никифорова*)[79].

Патушинский. Несомненно, так должно было быть.

Обвинитель Гойхбарг. Вы сказали, что Шумиловский не способен заниматься спекулятивными и другими делами. А Вы, рассматривая протокол закрытого заседания [Совета министров], не видели, что Шумиловский принял участие в распоряжении министра финансов о снабжении членов правительства и вообще высокопоставленных чиновников йенами по льготному курсу[80]?

Патушинский. Это был последний период в Иркутске.

Обвинитель Гойхбарг. Это было при участии Шумиловского?

Патушинский. Я протокола не видел.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Шумиловский не будет возражать? Подсудимый Шумиловский, Вы против этого возражали?

Шумиловский. Существенных возражений не делал.

Обвинитель Гойхбарг. [Вы сказали, что] фамилию Палечека Вы не слышали в связи с разными реакционными течениями. А Вы знаете, что Палечек был [сначала] на советской службе, а потом был товарищем министра [народного просвещения]?

Патушинский. Раньше я об этом не знал. Я вообще Палечеком не интересовался и всего каких-нибудь два месяца тому назад от одного профессора Иркутского университета узнал о нем.

Обвинитель Гойхбарг. А когда Вы рассматривали протокол заседания Совета министров, не бросилось ли Вам в глаза, что было предположение в Совете мини-

стров передать [художественные учебные заведения и учреждения] ведомства императорского двора [и уделов] министерству народного просвещения и это предположение снято было Палечеком с обсуждения?[81]

Патушинский. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Как можно объяснить этот отказ передать [имущество] ведомства императорского двора [и уделов] ведомству народного просвещения?

Патушинский. Я не могу определенно этого объяснить.

Обвинитель Гойхбарг. А нельзя ли это объяснять так: придет время, когда не нужно будет передавать ведомство императорского двора [и уделов] ведомству народного просвещения?

Патушинский. Я не знаю. Но, несомненно, это решение реакционное.

Обвинитель Гойхбарг. Вы знаете, что Шумиловский принимал участие в заседании 21 сентября [1918 г.]?

Патушинский. Да, я знаю. Но не подозреваю в нем своекорыстных мотивов в этой определенно реакционной политике. Я его слишком мало знаю для того, чтобы делать какие-нибудь заключения.

Обвинитель Гойхбарг. Как Вы можете объяснить подписание [Шумиловским] тех документов, по которым Крутовский и Шатилов находились в Административном совете, тогда как на самом деле они находились в другом месте под охраной Семенченко и др., которые повели в тюрьму Новоселова?

Патушинский. Если не считать Шумиловского причастным к этому заговору — а я должен сознаться, что я до сегодняшнего дня не считал его активным участником этого заговора, осведомленным о[бо] всех злоумышлениях, которые готовились и совершались,— то это можно объяснить только тем, что он небрежно отнесся, может быть не прочитал, что там заключается. Может быть, в это время, когда обсуждался этот вопрос, даже отсутствовал или был отвлечен другими разговорами, что часто практикуется: приходят на заседание, интересуясь вопросами своих ведомств, докладами, которые по этим вопросам вносят. И пока этот вопрос обсуждается, интересующиеся присутствуют, внимательно слушают, а когда речь заходит о вопросах, выходящих из круга их ведомств, внимание их падает. Они могут даже уйти. Затем, через некоторое время, канцелярия приготовит постановление, и оно в готовой форме подсовывается для подписи.

Обвинитель Гойхбарг. Если бы Вас спрашивали относительно Вашего учреждения на основании фактов и если бы Вы узнали, что в тот же самый день, 21 сентября [1918 г.], был составлен один протокол предыдущего заседания, в котором сказано, что предписывается немедленно освободить Крутовского и Шатилова, а затем другой протокол, в котором сказано, что они присутствовали, и на этом протоколе имеются подписи Морозова и Шумиловского, Вы сочли бы это только небрежностью?

Патушинский. Я не могу удостоверить что-ниб[удь] положительно. Повторяю, я очень мало знаю Шумиловского и Морозова.

Обвинитель Гойхбарг. Как Вы думаете, свидетель Патушинский, постановление о смертной казни относится к ведомству труда?

Патушинский. Нет, конечно.

Обвинитель Гойхбарг. А если бы узнали, что утром вносится постановление о смертной казни в отношении одной категории, а через три-четыре часа Верховный правитель высказывает пожелание, чтобы еще к одной категории, к которой днем постановили применять только каторгу, тоже установить смертную казнь, что через

несколько часов собирается Совет министров, Шумиловский рассматривает и подписывает эту смертную казнь для тех, для которых была принята каторга.

Патушинский. В такого рода вопросах небрежность является преступной.

Обвинитель Гойхбарг. Я попрошу огласить протокол заседания Совета министров ...[82] *(защита доверяет).*

Защитник Айзин. Гражданин Патушинский, у Вас было недовольство Административным советом и Вы ставили им (членам Административного совета.— *В. Ш.*) в вину их политическую слепоту?

Патушинский. Нет, не только политическую слепоту, а прежде всего посягательство на то, что, с моей точки зрения, являлось правом «пятерки». Затем, недовольство мое основывалось еще на том, что в составе членов Административного совета ясно чувствовались именно те общественные элементы, которые выступили под лозунгом реванша и реакции.

Защитник Айзин. Вы подразумеваете Каргалова[83] и Жардецкого?

Патушинский. Да, в деятельности того же Михайлова и Гинса я слышал перепевы передовых статей Жардецкого. Во всем этом я чувствовал явное проявление реакции.

Защитник Айзин. История с подлогом в заседании 21 сентября [1918 г.] для Вас ясна. Кого Вы считаете умышленным виновником этого подлога?

Председатель. Извиняюсь, гражданин Патушинский — свидетель, а не эксперт.

Обвинитель Гойхбарг. К какой партии принадлежал Морозов?

Патушинский. Я считал его беспартийным.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не знали, что он член партии народной свободы?

Патушинский. Нет, не знал.

Обвинитель Гойхбарг. Вы сказали, что реакционные круги вели реакционную политику за их (подсудимых.— *В. Ш.*) спинами. Я попрошу подтвердить, что Морозов был член[ом] партии народной свободы.

Защитник Айзин. Морозов принадлежал к числу активных деятелей партии народной свободы?

Патушинский. Я его считал просто-напросто чиновником внепартийным.

Защитник Айзин. По поводу ассигнования 10 000 рублей на розыски семьи Романовых разрешите задать вопрос Морозову: не пожелает ли он дать трибуналу объяснение, каким образом были ассигнованы эти деньги и деньги на дальнейшие розыски?

Морозов. От начальника штаба чехо[словацких] войск Дитерихса[84] поступила бумага через военного министра с просьбой ассигновать деньги на производство розыска семьи Романовых. Причем там сообщалось, что следствие производится Уральским [областным] правительством по предложению прокурора [Казанского] окружного суда, одним из его членов, что Уральское правительство ассигновало 10 000 рублей на эти розыски и что генерал Дитерихс просит еще 10 000 р[ублей]. Эта переписка от военного министра была направлена в министерство юстиции. Так как в моем распоряжении таких денег не было, я направил эту переписку в Административный совет, и Административный совет назначил его к слушанию.

В этот день приехали Крутовский и Шатилов. Заседание Административного совета [19 сентября 1918 г.] проходило в их присутствии. Причем каждый раз, когда рассматривался какой-ниб[удь] вопрос, Михайлов спрашивал Крутовского и Шатилова: не имеете ли Вы что-ниб[удь] против того, чтобы этот вопрос рассматривался в Административном совете? Обыкновенно они ничего не имели, а когда

дело дошло до вопроса о розыске семьи Романовых, то Крутовский заявил, что он вопрос просит снять, чтобы обсудить его в Совете министров. Этот вопрос был снят и поставлен на повестку заседания Совета министров на следующий день.

Потом оказалось, что это дело не было заслушано. И через долгий промежуток времени ко мне опять обратился военный министр с вопросом [о том], как разрешен вопрос об ассигновании. Я сообщил, что непосредственно председателем Административного совета этот вопрос был поставлен на повестку и разрешен в положительном смысле.

Разрешите мне коснуться вопроса о принадлежности моей к партии народной свободы, членом которой я состоял до 1 июля 1917 года. 1 июля 1917 года я из Омска уехал в Барнаул в качестве председателя окружного суда и из партии вышел. В настоящее время хотя по убеждению принадлежу к партии народной свободы, но членом ее не состою.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Морозов, а Вы не припоминаете ли, от имени министерства юстиции в Совет министров не вносились ли дополнительные ассигнования в 15 000, в 25 000, потом в 30 000 [рублей] на розыски царской семьи?

Морозов. Этих цифр я точно не помню. Но знаю, что это было несколько раз.

Обвинитель Гойхбарг. Это была переписка или деятельность министерства юстиции?

Морозов. Нет, эти деньги просила Екатеринбургская судебная палата. Это была не моя переписка, а переписка министерства юстиции.

Обвинитель Гойхбарг. А в сентябре 1918 года, когда вносилось предложение о розыске семьи Романовых, кадетская партия не переменила ли своего демократически-республиканского лозунга и не заявила, что нужно возвратить монархию?

Морозов. Я вышел из партии в июле месяце 1917 года.

Обвинитель Гойхбарг. И не интересовались ее деятельностью?

Морозов. Я членом партии не состоял.

Обвинитель Гойхбарг. И Вы не знали, что они переменили свое направление, говоря, что необходима монархия, что до демократической республики Россия еще не доросла?

Морозов. Нет, я не знал этого.

Обвинитель Гойхбарг. Я прошу ввиду затруднительности представлять сейчас свидетельские показания настоящее заседание закрыть.

Глава третья

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ

Второй день суда, заседание 21 мая

Павлуновский. Заседание открыто. Свидетели есть?

[Комендант] Ошмарин. За исключением свидетельницы [Г. П.] Новоселовой. Причина неявки неизвестна.

Гойхбарг. Была послана повестка для приглашения Горбуновой, но она была не разыскана.

Защитник[1]. Здесь произошла ошибка: не Горбунова, а рожденная Горбунова, ныне Кладницкая.

Председатель. Введите подсудимых.

Гойхбарг. Я просил бы допросить в связи с настоящим делом Матковского и Рубцова.

Гойхбарг[2]. Я просил бы допросить Патушинского.

Гойхбарг. Я собираюсь обратиться с вопросами к подсудимым.

Павлуновский. Введите свидетеля Патушинского.

[Вводят свидетеля Патушинского.]

Защитник [Айзин]. Скажите, пожалуйста, гражданин Патушинский, был ли проведен закон о прифронтовых военно-полевых судах?[3]

Патушинский. Закон о прифронтовых военно-полевых судах был первоначально проведен в редакции военным министерством.

Айзин. И Вами был подписан?

Патушинский. В числе других членов правительства и мною. Причем мною была внесена поправка, клонящаяся к тому, чтобы не допустить введения смертной казни, ввести обязательную защиту и приблизить процесс к тому порядку, который был установлен при правительстве Керенского для прифронтовых судов.

Айзин. Этот закон был опубликован в № 8 «Собрания узаконений и распоряжений Временного [Сибирского] правительства»?

Патушинский. Не помню.

Айзин. Я ходатайствую предъявить его из дела. Этот закон был Вами принят *(предъявляют [Патушинскому])*?

Патушинский. Этот закон.

Айзин. А скажите, пожалуйста, гражданин свидетель, согласно этого закона целый ряд дел, как уголовных, так и политических, передавался из гражданской подсудности в подсудность военно-полевых судов?

Патушинский. Не совсем так. Этот закон, как и показывает его наименование, издан был только для прифронтовой полосы, где не было никаких других судебных учреждений и где корпусные суды представлялось невозможным учредить ввиду отсутствия надлежащего количества специалистов, военных юристов. Поэтому военные юристы особенно настаивали на введении прифронтовых

военно-полевых судов. Впоследствии этим законом стали слишком широко пользоваться и передавали на рассмотрение военно-полевых судов дела гражданские преимущественно и в таких местностях, которые никоим образом нельзя было подвести под понятие прифронтовой полосы. И уже в последнее время бороться с этим злом мне пришлось в качестве защитника.

Айзин. В этом законе, в этом постановлении Временного Сибирского правительства сказано, что для рассмотрения дел о лицах, предаваемых военно-полевым судам, создается этот суд. Известно ли Вам, что [Временное] Сибирское правительство 15 июля [19]18 г. издало «Временные правила о мерах к охране государственного порядка»[4], где было сказано, что в местностях, объявленных на военном положении, права по охране государственного порядка возлагаются на командующего армией или командующего корпусом?

Патушинский. Мне это было известно, хотя я не принимал в этом участия, так как меня еще не было в составе правительства.

Айзин. Значит, эти суды действовали не только там, где было военное положение?

Патушинский. Нет, по первоначальной мысли они должны были действовать только там.

Гойхбарг. Я хочу возразить против такого рода задавания вопросов свидетелю и хочу категорически подчеркнуть, что такого рода вопросов задавать нельзя. Я полагаю, что задача защитника — доказать, что подсудимый не делал того, что ему вменяется в вину. А доказывать, что свидетель делал вещи, которые могут быть признаны преступными, не входит в компетенцию защиты. Поэтому защита может задавать вопросы, относящиеся только к подсудимым. Но [спрашивать,] принимал ли участие в издании закона свидетель, и доказывать ему, что он делал такие вещи, нельзя, ибо трибунал не может сделать выводов из этого и применить незаконно[5], если это он делал.

Айзин. Обвиняемый Морозов обвиняется в том, что он участвовал в издании постановления о праве изъятия из гражданской подсудности целого ряда дел.

Гойхбарг. Этого не было в [обвинительном] заключении.

Айзин. Я должен был объяснить, что это постановление никакого самостоятельного значения не имело, а вносило только порядок. И я возбуждал этот вопрос только для выяснения этого, а отнюдь не для того, чтобы предать кого-либо суду помимо законного порядка. Этим я совершенно не интересовался.

Гойхбарг. Защита по небрежности или по другой причине неверно сообщила сейчас факты. В [обвинительном] заключении ничего подобного не говорилось. Там говорилось, что имелось участие подсудимого Морозова в том случае, когда было разрешено военным властям передавать [для ознакомления следственное] производство и дознание по делам, еще не переданным судебные места. И я делал выводы, что это давало возможность военным властям [обращаться без] всяких послаблений с лицами, которые еще не были преданы суду, расправляться [с ними] без суда. Так как учреждениям военно-фронтовых и военно-полевых судов, особенно тем, которые были созданы на основании закона Временного правительства, не предоставлялось права применения смертной казни, то и мое [обвинительное] заключение не имеет к подсудимому никакого отношения.

Айзин. Ввиду того, что вместо допроса уже получаются прения и необходимо эти прения прекратить, я ходатайствую перед чрезвычайным трибуналом огласить полностью постановление Административного совета, касающееся этого вопроса.

Эти «Временные правила...», о которых я допрашивал Патушинского, там имеются.

Секретарь читает[6].

Айзин. Я ходатайствую еще огласить ст[атью] 14 «Временных правил...» [от] 15 июля [1918 г.], где сказано, какие именно дела изымаются из гражданской подсудности.

Секретарь читает[7].

Айзин. Скажите, пожалуйста, гражданин Патушинский, когда Вы были в Сибирской Директории, атаманщина уже подняла голову?

Патушинский. Уже начала поднимать.

Айзин. Какие меры Вы принимали против нее? И могли ли Вы с нею бороться?

Патушинский. Нет. И когда я понял, что не могу бороться, я ушел.

Гойхбарг. Я возобновляю [свое] ходатайство и настойчиво прошу, чтобы защита не превращала свидетеля в обвиняемого за то, что он не мог справиться с атаманщиной. По моему глубокому убеждению, защита может защищать подсудимых, но не обвинять свидетелей.

Павлуновский. Суд находит, что защита действует правильно и совершенно не входит в обвинение свидетеля. Причем у трибунала имеется право, которым он всегда может воспользоваться, что любой свидетель в любой момент может оказаться на скамье подсудимых.

Патушинский. Разрешите мне сказать, что это постановление, которое Вы здесь оглашали, принято было без моего участия. Подписи не были оглашены. Оно было принято без моего участия и в мое отсутствие. Прошу трибунал удостоверить, что там моих подписей нет.

Айзин. Скажите, пожалуйста, гражданин Патушинский, когда же начала проявлять себя атаманщина и в каких действиях?

Патушинский. В незаконных арестах, в самочинных действиях разных контрразведок. Когда до меня доходили эти сведения, я не только протестовал словесно, но принимал все необходимые меры. В делах, которые лежат на этом столе, есть следы тех указаний, что я требовал подчинения контрразведки существующим законам. Я протестовал против самочинных выступлений. И когда мне предложили набросать проект [закона] о смертной казни, я протестовал, заявляя, что я всегда был и останусь противником смертной казни. Все[му], что я говорил сейчас, выходя уже из роли свидетеля и чувствуя себя в значительной мере обвиняемым ввиду предлагаемых мне вопросов, всему этому имеются подтверждения в делах, лежащих здесь на столе. Разрешите мне говорить, так как я должен себя реабилитировать?

Павлуновский. Вы отвечайте на вопросы защиты, и больше ничего.

Гойхбарг. Сейчас слушается дело Червен-Водали и др[угих] и разбирается именно этот процесс. Я полагаю, что попытка превратить свидетеля в обвиняемого значительно затягивает этот процесс. И если вопросы защитника клонятся исключительно к этому, то, может быть, он найдет другие пути и способы заявления трибуналу о необходимости предания суду того или другого свидетеля? Я не видел в течение всего процесса ни одного раза вопросов о том, делал ли подсудимый то или другое. Здесь этого нет. Я видел, что защитник спрашивает только о его действиях, о его отношении к атаманщине и т. д. Я полагаю, что нецелесообразно превращать свидетеля в обвиняемого и отнимать время у данного процесса. И полагаю, что [нужно] задавать свидетелю вопросы, которые либо подтверждают вину, либо смягчают, либо отвергают обвинение, а не задаваться вопросами,

которые касаются действий свидетеля, которые могут быть квалифицированы как преступные.

Защитник [Айзин]. Дабы не было пререканий, я свои вопросы оставляю. Но должен заявить, что мои вопросы вовсе не клонились к тому, чтобы обвинить гражданина Патушинского. Я пытался объяснить, что бесчинства атаманщины начались уже при Временном [Сибирском] правительстве, и средством борьбы с ними были суды уже и при Временном [Сибирском] правительстве.

Разрешите задать еще один вопрос. Не известно ли Вам, какого рода телеграмма была послана в Москву в Совет народных комиссаров западносибирским казачеством после того, как чехословацкая[8] власть была свергнута?

Патушинский. Нет, неизвестно.

Айзин. Не известно ли Вам постановление [Временного] Сибирского правительства об устранении от службы советских деятелей?[9]

Патушинский. Постановления такого не было, по крайней мере я не помню. Не было и распоряжения.

Айзин. Циркулярного распоряжения?

Патушинский. Циркулярного распоряжения, категорически заявляю, не было, потому что многих я своей властью восстановил.

Гойхбарг. В этом постановлении, которое было оглашено о военно-прифронтовых[10] судах, было указание, что они могут на одну степень повышать наказание. Представлялась ли возможность повышать его до смертной казни?

Патушинский. Текст закона такой возможности не дает, но психологически возможно. Давление кругов, которые окружали плотным кольцом правительство, к этому клонилось. И когда Вы вчера меня спросили, в чем причина того, что [Временное] Сибирское правительство, небольшевистское [по своему составу], сразу стало таким ненавистным для реакционных элементов и для торгово-промышленных кругов, я не успел Вам ответить. Но, несомненно, причина этого в том, что мы, хотя и безуспешно, пытались бороться с атаманщиной. Мы не шли по пути репрессий, мы не хотели смертной казни. И нам пришлось уйти, причем многие из нас погибли, как это Вам известно.

Гойхбарг. В этом постановлении сказано, что военно-полевому суду могут быть предаваемы лица, которые совершили такие-то и такие-то преступления. Как Вы полагаете, прокурор, которому попадает дело, скрывает его от военного суда, если дело подлежит передаче военному суду?

Гойхбарг продолжает[11]. Впоследствии, в разъяснение этого текста, было издано примечание, что предоставляется право военному трибуналу[12] от прокурора до передачи суду дела требовать дело для ознакомления. Как на это можно смотреть?

Патушинский. Это — поощрение атаманщине, вторжение в компетенцию суда, то, чего от нас требовали и с чем мы боролись.

Гойхбарг. Может быть, это было необходимо? Может быть, прокуроры были такого сорта, что они укрывали обвиняемых от военно-полевых судов?

Патушинский. Нет, прокуроров этого времени, а также последующего можно было обвинить как раз в обратном, а не в этом.

Гойхбарг. Как же Вы можете объяснить, что передавались военным властям до суда дела вплоть до грабежей, краж и т. п.? Чем Вы можете это объяснить?

Патушинский. Диктатурой военных кругов.

Гойхбарг. Что это практически означает, если до предания виновного суду дело передается для ознакомления? Что может военная власть сделать?

Патушинский. Обратить к военной подсудности.

Гойхбарг. Вы утверждаете, что прокурор, если есть основание для предания военному суду, несомненно передает дело. Следовательно, являлась возможность передавать дела, даже если нет оснований?

Патушинский. Совершенно верно.

Гойхбарг. А может быть, и больше? Может быть, это сделано с целью предоставления целого ряда других полномочий?

Патушинский. Я думаю, что это имело целью развязать руки военным властям.

Айзин. Я возражаю против таких вопросов, которые касаются не фактов, которые должен указать свидетель, а его мнений.

Павлуновский. Я больше не буду давать слов для подобных заявлений ни защите, ни обвинению.

Айзин. Разрешите задать вопрос подсудимому Морозову? Скажите, пожалуйста, подсудимый Морозов, для чего было издано это постановление?

Морозов. В постановлении перечислялся целый ряд дел, которые могли быть [переданы] военному суду. До издания этого закона военные власти стали требовать дела, которые только что возникали, причем требовали их и от следствия, и от прокуратуры, и от судебной палаты. Для того, чтобы этот беспорядок прекратить, и было сделано это примечание, ограничивающее их права тем, что они могут требовать дела только те, которые еще не проведены в судебных местах, которые находятся в порядке дня или по которым производится судебное следствие. Вот цель издания таких дополнительных законов, а не для того, чтобы предоставить поощрение расправляться с неугодными элементами тем или другим способом.

В подтверждение этого я очень просил бы [учитывать, что] всякий закон, который вносился, он [был] мотивирован. Есть мотивированное представление [и здесь], и в делах министерства юстиции должны иметься копии представления в Совет министров или в Административный совет таких законов с мотивировкой.

Гойхбарг. Подсудимый Морозов, Вы заявили, что поступали разные требования от военных властей передавать им дела и от окружных судов, и от судебных палат, и от прокуратуры, и от следователей. Поэтому, чтобы ограничить их требования, вы издали это постановление. И на основании этого постановления, которое было названо законом, военные власти могли требовать от кого бы то ни было передачи им дел? Я спрашиваю с точки зрения юридической.

Морозов. По-моему, могли, потому что закон предоставлял [право] передачи дел военно-полевым судам. Раз они находили, что это дело подсудно военным судам, они могли его передать. Конечно, только чтобы это дело, переданное ими, не обращалось к другим судебным местам.

Гойхбарг. А в других случаях не велось так, чтобы следователь и прокурор, усмотрев, что оно подсудно военной власти, передавали его сами?

Морозов. Могли быть передаваемы, но не обязательно. Военные власти, раз гражданские власти не требовали, никогда не передавали сами. Военной власти это право [требовать дела] было предоставлено, но не обязательно [было] передавать. От военных властей зависело требовать то или другое дело.

Гойхбарг. А обычно, формально, военные власти указывали, зачем могут требоваться дела, для какой надобности?

Морозов. Предварительно они знакомились с делом. Грабеж грабежу рознь. Бывают грабежи, которые обращают [на себя] общественное внимание. Такие дела они требовали для ознакомления.

Гойхбарг. Значит, все дела могли быть затребованы военными властями на тот предмет, что, может быть, в них выражаются признаки преступления, которые в них усматриваются?[13]

Морозов. Если по признакам они [не] подходят, то я думаю, что ни один прокурор не передаст дела.

Гойхбарг. И, тем не менее, Вы внесли предложение, чтобы издано было примечание, что всем военным властям предоставляется возможность требовать для передачи военным судам все дела без исключения?

Морозов. Нет, не все. Это указание сделано в пункте 8 постановления [от] 15 июля [1918 г.]. Кроме дел, направленных уже в судебные места.

Гойхбарг. Значит, они могли затребовать дела от всех гражданских властей в любой момент. А если прокурор направил уже дело в гражданский суд, тогда военные власти требовать не могли?

Морозов. Тогда военные власти лишались уже [такого] права. Раз в судебное место поступило дело, военные власти не имели права его затребовать.

Гойхбарг. Я считаю нужным заявить трибуналу, что после этого объяснения я считаю показания подсудимого Морозова совершенно основательными.

[Защитник] Бородулин (Патушинскому). Скажите, пожалуйста, гражданин свидетель, когда обозначился напор реакционных сил на правительство, то какие ведомства особенно испытали это давление? Куда было направлено давление кругов, несущих эту реакцию?

Патушинский. Прежде всего, военное ведомство его испытало, и от военного оно исходило. Ведомство юстиции, на котором лежит охрана закона, прежде всего и больше всего чувствовало этот напор. Может быть, этим объясняется то, что я был первым [министром], который ушел [в отставку]. Что касается остальных ведомств, я не могу сказать. Но главным образом, думаю, что [Сибирская] Директория в полном составе или, вернее, дерберовская группа Директории.

Бородулин. В каких ведомствах и в каких областях можно было особенно свободно работать при том направлении, которое создалось при Сибирской Директории?

Патушинский. Затрудняюсь сказать. Мне кажется, что при общем давлении на [Сибирскую] Директорию как на центр, например, в области юстиции, внутренних дел, военной [сфере] было исключительно трудно [работать]. Но и во всех остальных [областях] это также чувствовалось, и работать везде было трудно.

Гойхбарг. Я больше вопросов [к] свидетелю не имею. Я хотел бы начать с опроса подсудимых.

Защита не возражает.

Павлуновский. Свидетель Патушинский, Вы свободны, но должны оставаться в здании суда.

Гойхбарг. Подсудимый Морозов, скажите, пожалуйста, [полковник] Волков, который подозревался в организации убийства Новоселова, был арестован?

Морозов. Был арестован по приказанию ген[ерала] Иванова-Ринова[14], данному ген[ералу] Матковскому, временно замещавшему командующего войсками [Омского военного округа].

Гойхбарг. А что было через несколько дней?

Морозов. Разрешите мне объяснить все дело. Когда убийство Новоселова произошло, мною было сейчас же назначено следствие, наблюдение за которым было поручено прокурору палаты, чтобы он докладывал мне о результатах следст-

вия. Затем Совет министров постановил назначить чрезвычайную верховную следственную комиссию под председательством [П. П.] Гудкова. Пока эта комиссия формировалась, следствие почти было закончено. Выяснены были обстоятельства дела, фамилии убийц и приняты были все меры, чтобы арестовать Мефодьева и Семенченко. Но, к нашему несчастью, этих офицеров в городе Омск уже не оказалось. Мое впечатление, что эти офицеры были скрыты, [поэтому] получить их не удалось.

Комиссия Гудкова приступила к производству следствия в связи с арестом Крутовского и Шатилова, а затем явился представитель [Уфимской] Директории Аргунов[15], который был назначен председателем [комиссии] по этим двум делам. И комиссия Гудкова передала следствие этой комиссии, которая его продолжала. А когда Гудков был вызван из Омска, председательство было передано председателю судебной палаты Науману[16], а затем дело продолжалось, мне кажется, в Совете министров. Кажется, потому что я не видел этого производства, но насколько я помню…

Гойхбарг. Вы не знаете, что через 8 дней Волков был освобожден Ивановым-Риновым?

Морозов. Я слышал.

Гойхбарг. А Вы не думаете, что Иванов-Ринов считал, что Новоселова следовало убить, потому что он причинял много вреда казачеству, а поэтому казацкие офицеры должны были его убить?

Морозов. Эти слухи ходили, что казаки имеют на него злобу. Но что Иванов-Ринов думал, что его следует убить, я таких предположений не имею.

[Гойхбарг.] Прошу огласить показание Иванова-Ринова перед чрезвычайной следственной комиссией (*читает*[17]).

Морозов. Это показания не мои, а ген[ерала] Иванова-Ринова. Такие слухи ходили, но что думал Иванов-Ринов, я не знаю. До меня доходили такие слухи, но я не беру этого на себя.

Гойхбарг. А когда Вы говорили по [прямому] проводу с Ивановым-Риновым и [Иванов-]Ринов задал вопрос Матковскому, приняты ли меры к расследованию местных событий и готовящегося переворота и в чем они заключаются, ему ответили, что об этом подробно может ответить Морозов, который сейчас подойдет к проводу?

Морозов. Мой разговор, наверное, имеется.

Гойхбарг. Я спрашиваю, чем объясняется указание, что Вы можете дать подробные сведения?

Морозов. Я был вызван [к прямому проводу] из дома, и когда я пришел, Матковский уже кончил говорить. Я не помню, чтобы при мне было такое заявление сделано.

Гойхбарг. А в чрезвыч[айной] комис[сии] Омска сначала Аргунова, а потом — с некоторой натяжкой — Наумана на вопрос об этом что Вы ответили?

Морозов. То, что я показывал в комиссии, я от слова до слова подтверждаю. Это было через 2–3–4 месяца после событий, о которых идет речь. И я показывал то, что я знал и помнил. Я мог забыть некоторую часть, но имеющиеся заявления я подтверждаю категорически.

Гойхбарг. Вы не знаете обстоятельств, которые давали Матковскому возможность заявить, что Вы можете дать эти подробные сведения?

Морозов. Так как мне ежедневно докладывался весь ход предварительного следствия, то он мог на меня сослаться.

Гойхбарг. Здесь вопрос сводится, главным образом, не к убийству Новоселова, а к готовившемуся Крутовским и Шатиловым государственному перевороту.

Морозов. Я мог сообщить только то, что делалось в малом Совете [министров]. Большего я не мог [ничего] заявить.

Гойхбарг. Я хотел задать несколько вопросов подсудимому Новомбергскому. Скажите, пожалуйста, подсудимый Новомбергский, в то время, когда Вы здесь указывали о перерыве деятельности [Сибирской] областной думы, Вы были членом этой думы и в этой думе был председатель [И. А. Якушев], в выборах которого Вы также принимали участие? Не характеризовали ли Вы этого председателя как мошенника-купца, который проглатывает вексель, предъявляемый ему кредитором [к оплате]?

Новомбергский. Этого никогда не делал.

Гойхбарг. А Вы не показывали чрезвыч[айной следственной] комиссии, что председатель [Сибирской областной думы] уничтожил ленту разговора по [прямому] проводу?[18] И это напомнило Вам, что у Вас есть много знакомых с уголовной практикой, которые рассказывали, как купцы схватывают предъявляемый вексель и проглатывают. И Вам известен в Томске купец, который получил за это ссылку. Но если это делает председатель [Сибирской областной думы], то это вещь недопустимая.

Новомбергский. Что я должен подтвердить: первое или последнее?

Гойхбарг. Делали ли Вы такое показание, что председатель [Сибирской] областной думы скрывал ленту разговора, и это Вам напоминает...

Новомбергский. Помню.

Гойхбарг. И, следовательно, Вы дальше говорили, что такая [Сибирская] областная дума поэтому не должна существовать?

Новомбергский. Нет, не поэтому. Она не должна [была] существовать не поэтому. Если разрешите, я скажу подробно, по каким причинам.

Гойхбарг. Не говорили ли Вы, что деятельность этой думы, в случае ее сохранения, поможет[19] признанию [Временного] Сибирского правительства?

Новомбергский. Нет, не говорил.

Гойхбарг. Не говорили ли Вы, что деятельность членов дерберовской группы приводит к таким результатам, как переворот большевиков? Не добавили ли Вы при этом, что накануне переворота большевиков в [19]17 г. Австро-Венгрия предлагала сепаратный мир России и большевики, желая углубить революцию, помешали этому делу? Теперь [Сибирская] областная дума и дерберовская группа помешали этому делу[20].

Новомбергский. Гражданин обвинитель, я прошу задавать мне вопросы в соответствии с тем, что я говорил. То, что Австро-Венгрия предлагала мир, это было известно всем, кто читал газеты. И, несомненно, Октябрьский переворот помешал этому делу.

Гойхбарг. Не говорили ли Вы, что и другие правительства этому мешают?

Новомбергский. Я попрошу это мне предъявить.

Гойхбарг. Не беспокойтесь, подсудимый Новомбергский, это мы Вам сейчас предъявим. А не писали ли Вы этого от своего имени и от имени всей фракции [областников и беспартийных]? Вы так подписали свое заявление: [почетный] председатель Потанин[21], и[сполняющий] об[язанности] председателя Адрианов[22], тов[арищ] председателя — Вы?

Новомбергский. Просил бы точно огласить.

Гойхбарг. А не будет точно оглашено[23], что, когда обсуждался вопрос, Вы обещали, что это не будет написано. А когда приехали в Омск, напечатали не от своего имени, а от имени президиума [фракции]. И не указали ли Вы [потому], что такие подписи могут дать возможность думать, что это исходило от фракции?

Новомбергский. Я не знаю, где это было напечатано. Я прошу мне предъявить.

Обвинитель Гойхбарг. Еще вопрос о том, не считали ли Вы, что убийство Новоселова являлось неизбежным завершением той борьбы, которая велась партией с[оциалистов]-р[еволюционеров]?[24]

Новомбергский. Мне казалось, что все это должно кончиться не только убийством Новоселова, а убийством еще целого ряда лиц, если действительно Сибирская областная дума не признает сама со своей стороны невозможность в данный момент вести борьбу. Ибо та самая атаманщина, о которой говорил свидетель Патушинский, в то время была единственной фактической силой, которая, по моему глубокому убеждению, держала в руках все [Временное] Сибирское правительство.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите огласить Вам писания, которые принадлежали, как показывал потом в своем заявлении член фракции областников [и беспартийных], главным образом Вам.

Новомбергский. Я это написал после того, как были обсуждены все основные вопросы. После того, как это было принято, я сдал [текст] в печать. Так что лично своим произведением я эту статью не считаю.

Обвинитель Гойхбарг (оглашает выдержки из статьи Новомбергского). Вы это писали?

Новомбергский. Да, это писал я. Но я должен разъяснить, что это значит.

Обвинитель Гойхбарг. Для меня ясно, что это значит.

Защитник Айзин. Мы просим разъяснения.

Новомбергский. В то время, как и позже, все наши движения собирались около многих центров. В разных местах было несколько казачьих офицеров, которые вокруг себя группировали разных лиц, и эти небольшие группирования превращались потом в более или менее значительные отряды. Эти отряды и были названы атаманщиной. В то время, когда собиралась Сибирская областная дума, эти отряды считали Сибоблдуму недопустимым совершенно явлением, потому что Сибоблдума — это осуществление продолжительных чаяний сибиряков-областников. Это не было осуществление какой-либо [одной] политической группы, осуществление задач сибиряков-областников, и с сибиряками-областниками эта атаманщина никогда никакой связи не имела. Наоборот, сибиряки-областники не были монархистами, а вся атаманщина вела к восстановлению старого строя. Мы знали, что если сейчас не будет сформирована какая-ниб[удь] власть…

Председатель. Я перебью Вас. Вы говорите не по существу заданного Вам вопроса, а высказываете свои взгляды на положение дела. Я полагаю, что [для] такого объяснения я давать [слово] не буду, потому что оно не находится в связи с процессом.

Защитник Айзин. Мы считаем возможным просить докончить показание профессора Новомбергского. Он мотивирует ту статью, которая была напечатана.

Председатель. Это неважно.

Обвинитель Гойхбарг. Позвольте Вас спросить, это была статья или официальное заявление какой-нибудь группы?

Новомбергский. Это было постановление фракции областников и беспартийных. Это не газетная статья, а взгляд фракции на совершающиеся события.

Обвинитель Гойхбарг. Вы категорически заявляете [это] вторично. Но через несколько дней после того, как появилось в печати Ваше заявление, не были [ли] опубликованы семью членами фракции [областников и беспартийных] обстоятельства, при которых разрабатывалось это постановление? [А также о] том, что Вы, уезжая в Омск, обещали, что оно будет переделано на основании сделанных указаний. В действительности Вы опубликовали его без изменения и только переделали последние полторы страницы, заключающие в себе очень своеобразные указания на сепаратный мир с Австро-Венгрией и на невозможность сепаратного мира с союзниками.

Новомбергский. Я категорически не утверждал, что я не исправил это заявление. Я только утверждаю, что я не считал действительным заявление группы, что мною что-то не исправлено.

Обвинитель Гойхбарг. Вы не возражаете против того, что они не были опубликованы?[25]

Новомбергский. Я могу только сказать, когда было в окончательной форме заслушано и принято это постановление, [члены фракции областников и беспартийных] поручили мне при моем отъезде в Омск сдать его в печать. Мне было сказано, что некоторые места совершенно непринципиального свойства, даже не относившиеся к отдельным мыслям, а относившиеся исключительно к литературным украшениям, должны быть изменены для того, чтобы оставшаяся часть приобрела большую основательность. И это я сделал.

Обвинитель Гойхбарг. И все-таки эти лица утверждали, что Вы этого не сделали. Разрешите спросить, когда Вы писали, что партия большевиков помешала сепаратному миру с Австро-Венгрией, Вы считали, что это было плохое дело с ее стороны?

Новомбергский. Я считал и считаю, что это было хорошее дело. А если была прекращена деятельность [Сибирской] областной думы, это тоже хорошее дело. Для того времени, когда большевики не дозволили прекратить революцию, это было хорошо для Сибири, которая устала от предшествовавших событий, которая выдержала целый ряд войн: китайское движение, японскую войну, Великую европейскую войну. Это было нехорошо — она была до чрезвычайности истощена. Когда развилась здесь атаманщина, нужна была какая-то авторитетная власть. Этой власти не было. Сибиряки[-областники] отлично учитывали [эти] обстоятельства и считали, что нужно пойти на уступки.

Обвинитель Гойхбарг. В числе этих областников были Молодых, Шендриков[26], Гинс (*Новомбергский*: не было), Петров[27] (*Новомбергский*: не было). А знаете ли, что в комитет областников входили Гинс, Петров и Тельберг?

Новомбергский. Всесибирского союза областников не существовало. В каждом городе была своя областническая фракция. В Томске я принадлежал к томским областникам, и в Томске ни Гинса, ни Тельберга [в их числе] не было. Что касается принадлежности этих лиц к областникам в Омске, то я знал, что они были только случайными, не связанными с жизнью областниками. Когда в прошлом году в Омске начало возникать областническое движение, ни Гинс, ни Петров не были приглашены. Наоборот, когда они узнали, что формируется опять областничество, они дали нам 75 000 руб., но мы сказали, что мы не желаем иметь с такими областниками никакой связи.

Обвинитель Гойхбарг. Вы все-таки тут выражаете некоторое неодобрение [большевикам] по поводу мира с Австро-Венгрией, а по поводу Брестского мира

Вы указывали, что надо идти войной против изменников и предателей, которые Брестский мир заключили.

Новомбергский. Я, как и многие, не считал Брестский мир выгодным исходом для России. Я думаю, что никто из тех,— я не утверждаю точно, но, по всей вероятности, воспроизвожу близкую к истине мысль — что и товарищ Ленин (*смех в публике*) говорил, что Брестский мир нам дает только одну передышку.

Обвинитель Гойхбарг. Я говорил не относительно того, что [Вы] сейчас присоединяетесь к оценке товарища Ленина, а о другом: что Вы считали правильным и необходимым, по-видимому, заключение сепаратного мира с одной из центральных держав. Потом [Вы] считали заключение вынужденного сепаратного мира с этими державами таким преступлением, за которое следует звать казаков идти на Москву.

Новомбергский. Нет, я никогда не был военным и никогда не шел с казаками на Москву.

Обвинитель Гойхбарг. Не были ли Вы добровольцем?

Новомбергский. Нет, никогда не был. Я был привлечен к культурно-просветительной работе в казачьих частях.

Обвинитель Гойхбарг. В Ваших показаниях есть показание, что Вы были информатором казачьих войск. Но Вы, по-видимому, в своих показаниях не говорили, что Вы, желая остаться в Омске, взяли на себя должность информатора казачьих войск, ничего не делая для этого. Не были ли Вы добровольцем на самом деле?

Новомбергский. Ни в коем случае.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не читали газету «Сибирская жизнь»[28] от 7 сентября 1919 года, в которой говорится, что профессор Новомбергский доброволец?

Новомбергский. Я это читал, но это не соответствует истине.

Обвинитель Гойхбарг. Далее Вы говорите: «Учитывая [тяжкий] момент...»[29]

Новомбергский. Я это читал и был очень удивлен.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не пытались опровержение написать?

Новомбергский. Не пытался, потому что с этой газетой я судился. Я в течение 10 лет был постоянно на ножах с этой газетой. Живя в Томске 12 лет, я никогда не писал в этой газете. И, таким образом, я не могу отвечать за то, что написано в газете, ибо у них там писалось слишком много неосновательного. Я думаю, что в Омске можно найти (если бы силами чрезвычайного трибунала нельзя было бы найти, то я мог бы добыть [сам]) приказ о моем назначении не в добровольческую часть, не для того, чтобы я шел с казаками, а только информатором. Это было до октября [1919 г.], а 20 [октября] я выехал из Томска. Я был привлечен для участия в большой казачьей газете, которую предполагалось издавать и в которой мне предложили вести финансовый отдел. Ни один номер этой газеты не вышел, благодаря разногласию разных лиц.

Что касается того, что я хотел приобрести здесь жительство, то это совершенно верно: оставаясь профессором Томского университета, я видел опустошенные аудитории и не видел возможности продолжать нормальную работу. С другой стороны, здесь, в Омске, развивалась большая общественная работа в сельскохозяйственном институте. Для того, чтобы иметь возможность вести эту работу, я зачислился информатором. Мне не нужно было зачисляться информатором, если бы я не хотел получить этого жительства. Но так как заведование финансово-экономическим отделом при Совете кооперативных съездов[30] не освобождало меня от работы в Томске, то я должен был искать юридического титула. И этот титул я нашел.

Обвинитель Гойхбарг. А в хронике «Сибирской жизни» не писалось ли о Вас каких-либо неблагоприятных известий?

Новомбергский. Я «Сибирской жизни» систематически не читал, но знаю, что известия были неблагоприятные и благоприятные.

Обвинитель Гойхбарг. А в чисто хроникерских заметках не было ли ничего такого особенного, что бы явилось явной выдумкой на Вас?

Новомбергский. Было. Например, я читал доклад в обществе практических врачей «Экономическая ценность человеческой личности». Доклад был сделан при большом стечении публики. И вскоре в хронике появилась заметка о том, что я прочитал с большим, чрезвычайным успехом очень интересный доклад. Когда этот доклад вышел специальным изданием петроградского журнала «Гигиена и санитария», тогда этот доклад своеобразно похвалил [Меньшиков],— всю цифровую часть, взятую из моего доклада, он взял в свою статью и говорил: «Все это я говорил лет пятнадцать тому назад, настаивал на этом, и, наконец, об этом же говорит проф. Новомбергский»,— то после этого и в той же самой «Сибирской жизни» прочитал заметку, наполненную недовольствами[31]. Это было в 1913 или 1914 году.

Обвинитель Гойхбарг. А в 1919 году не было ли в «Сибирской жизни» злобных выходок по Вашему адресу?

Новомбергский. Кажется, не было.

Обвинитель Гойхбарг. Не было ли там сказано, что когда шла организация дружин Св[ятого] креста, Вы выступали там, отказавшись взять на себя председательство и организаторскую роль в отношении дружин только потому, что Вы отправились на фронт, взяв икону для поднесения ее казакам? Позвольте огласить то, что Вы сказали по этому поводу. Статья «Сибирской жизни» от 11 сентября 1919 года: «О дружинах Св[ятого] креста» (*оглашается статья*). Вы не пытались писать опровержения по этому поводу?

Новомбергский. Опровержения на этот вздор я не писал. Здесь в другой части сказано, что какой-то рабочий, выслушав мою лекцию, выступил с предложением приступить к организации дружин. А в конце сказано, что был произведен сбор и я деньги передал томской организации дружин. То сказано, что эти дружины только нужно организовать, а тут уже [говорится, что] я [и] деньги передал.

Обвинитель Гойхбарг. Разве там с юридическими тонкостями считались, если было постановлено, чтобы эти деньги передать [томскому] епископу Анатолию?

Новомбергский. В то время никакой организации дружин Св[ятого] креста не было. Они возникли потом. Это Вам лучше знать.

Обвинитель Гойхбарг. Я не занимался этим [вопросом].

Новомбергский. У Вас, мож[ет] быть, есть сведения, а у меня сведений нет. Но я утверждаю, что до этого никакой организации не было и никакой организации передать деньги я не мог. Относительно того, что происходило, я должен сказать следующее. В газете я прочитал, [что] в обществе духовных беженцев в архиерейском доме был сделан доклад проф. Аносова[32] о дружинах Св[ятого] креста, т. е. информационный доклад, т. к. не было сказано, что этот доклад предполагает организацию. Я много раз слышал о том, что духовные беженцы собираются в доме епископа, там происходят часть литературная, вокальная и до некоторой степени, может [быть], и политическая, т. е. совершаются беседы на политические темы.

Я много раз собирался зайти в эту аудиторию, ибо я знал, что там не выступают заправские постоянные ораторы левых направлений. Вот [и] в тот день, когда выступал этот самый Аносов, я получил приглашение прийти на его доклад. Доклад его носил в настоящем смысле слова информационный характер.

Он рассказывал о том, что в таких-то городах возникли такого[-то] рода дружины. Я незадолго до этого приехал в Томск и уже знал, что такие дружины формируются в Омске. Но к формированию таких дружин в Томске я относился совершенно отрицательно, ибо я понимал, что эти дружины никакого практического значения иметь не будут. Когда я выслушал доклад Аносова, я попросил слова, которое было мне предоставлено. Я разъяснил общий смысл совершающихся событий. И безусловно верно в этой заметке одно: что я развивающиеся события считал проявлением империализма. И вот почему.

Я находил и продолжаю находить, что война мировая была империалистическая. И даже та поддержка, которая была оказана отдельным частям разрозненной России различными иностранными державами,— это продолжение той же империалистической войны, ибо наша гражданская междуусобица клонилась к нашему ослаблению, которое в конце концов окончится полнейшим порабощением русского народа иностранцами.

Обвинитель Гойхбарг. Вы сейчас указывали, что поддержка оказывалась иностранными правительствами различным разрозненным частям России. Советскую Россию Вы имели в виду?

Новомбергский. Нет, я имел в виду не советскую Россию, а юг. И мое глубокое убеждение, что продолжающаяся междуусобица тоже ведет нас к полному закабалению иностранцами, т. е. к тому, что нас иностранцы поделят и будут эксплуатировать. Поэтому я говорил, что вовсе дружинами нельзя этому помочь. Что нам угрожает потеря нашей экономической и политической самостоятельности. А раз это так, то надо искать других средств: нужно оберечь русское историческое достояние и его не расточать. В передаче моей речи верно то, что я упоминал об империализме и говорил, что наша междуусобица есть продолжение империалистической войны.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не говорили, что большевики — те же империалисты?

Новомбергский. Это я считаю вздором. И одну, и другую часть [России] я не называл империалистами. Я считаю, что началась империалистическая война, к которой присоединилась и эта [гражданская] война,— вот моя мысль. Вовсе эта речь совершенно, я утверждаю, не похожа была на доклад Аносова и не похожа была ни на одну из тех речей, которые произносились в архиерейском доме.

Тогда вышел [один] какой-то господин и сказал: «Я рабочий с Урала. Я горячо приветствую профессора [Новомбергского]. И вот 500 рублей — я не помню точно, 500 или 1 000 — в его распоряжение». Я сказал, что я принять этих денег не могу, что я оставлю их обществу. Я их оставил обществу и сделал движение уйти, передав эти деньги какому-то стоявшему рядом человеку, очевидно ключнику, который опустил эти деньги в шапку...

Обвинитель Гойхбарг. А не был ли это епископ Анатолий, привыкший опускать деньги в шапку?

Новомбергский. Епископа Анатолия [я] тоже до этого времени не знал и никогда у него не бывал. Когда я стал уходить, епископ Анатолий попросил меня задержаться. Я задержался. Но в то время, когда совершался сбор, епископ Анатолий принес свою икону и [по]просил меня передать ее казакам. Я не взять ее не мог. Оставаясь профессором вне советской России, я этого сделать не мог, потому что, если бы я отказался [ее] принять, то, вероятно, последовали бы какие-ниб[удь] репрессии. Да, кроме того, я в этом ничего не соответствующего моему

собственному настроению не видел. Почему не принять икону и не передать [ее] по назначению казакам, о чем написано на задней стороне?

Обвинитель Гойхбарг. Это было 11 сентября 1919 г., а приблизительно в январе 1920 года Вы приехали в Омск. Через короткое время Вы стали профессором политехнического института, и на лекции студентам Вы заявили, что Вы — марксист.

Новомбергский. Я всегда был марксистом.

Обвинитель Гойхбарг. И думали, что икона и марксизм сочетаются между собой?

Новомбергский. Я думаю, что марксизм, как экономическое явление, не имеет связи с иконой.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы на митинге в политехническом институте не читали доклад о Парижской коммуне?

Новомбергский. Не читал доклад, а взял слово.

Обвинитель Гойхбарг. И не учреждали коммунистических ячеек?

Новомбергский. Я утверждаю, что в жизни не делал попыток записаться не только в коммунистическую, но и в другую партию.

Защитник Айзин. Разрешите задать подсудимому Новомбергскому вопрос: сколько раз Вы судились с «Сибирской жизнью», когда судились в последний раз и за что?

Новомбергский. Я судился в последний раз с «Сибирской жизнью» перед [Мировой] войной. Судился я всего четыре раза и все за то, что я выступил в томской социал-демократической газете с разоблачениями «Сибирской жизни» и изобличал ее редактора в том, что в течение многих лет эта газета торговала общественными интересами, сделала себя пристанищем всяких спекулянтов, шарлатанов. [Я] поместил целый ряд статей, в которых эта основная мысль доказана, причем материал, полученный мною и опубликованный в этой с[оциал]-д[емократической] газете, я получил из адвокатских кругов, а частью — от сотрудников этой же самой газеты[33].

Защитник Айзин. Не пожелает ли гражданин обвиняемый ответить: редакция газеты «Сибирская жизнь» с 1914 года до 1919 изменилась [ли] в своем составе и как?

Новомбергский. Я думаю, что не изменилась, потому что редактор оставался тот же, секретарь, кажется, остался тот же. Сотрудников я не знаю, потому что я не поддерживал связи с этой редакцией.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, гражданин Новомбергский, после того, как Вы огласили в печати постановление фракции областников [и беспартийных] относительно заключения президиума [Сибирской] областной думы и относительно заключения самой [Сибирской] областной думы, Вы через некоторое время стали товарищем министра туземных дел [Временного Сибирского правительства]?

Новомбергский. Нет, через некоторое время я не мог стать. Оглашение в печати произошло после моего назначения.

Обвинитель Гойхбарг. Но составление [текста] предшествовало этому?

Новомбергский. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Вы составили эту бумагу потом?

Новомбергский. Потом.

Обвинитель Гойхбарг. А назначение последовало в Омске? Министр туземных дел Шатилов последовал в августе месяце [1918 г.] в Омск?

Новомбергский. Я бы настойчиво просил этого в связь не ставить.

Обвинитель Гойхбарг. А после этого в короткое время Вы были назначены товарищем министра внутренних дел [Временного Сибирского правительства]?

Новомбергский. Я перешел в министерство внутренних дел для заведования туземными делами, и только.

Обвинитель Гойхбарг. Вы к туземным делам какое раньше имели отношение?

Новомбергский. Я имел огромное отношение. Начиная с 1897 года, я работал на крайнем севере Тобольской губ[ернии] над изучением вымирания остяков и самоедов. Там я продолжал работу профессора Якоби[34]. Потом, также на Крайнем Севере, я изучал влияние копытной болезни на экономическое состояние инородцев Севера... Года через два-три я изучал экономический быт и административное устройство бурят Иркутской губернии. Спустя еще два года я поехал на остров Сахалин и там прожил два года, изучая быт гиляков. Часть моей работы была напечатана. В «Указателе этнографической литературы» ее можно найти.

Обвинитель Гойхбарг. Кстати, о Сахалине. Не говорили ли Вы в одной лекции, которая [была] напечатана в той же «Сибирской жизни», что Вы два года были на Сахалине, видели самых страшных преступников, но таких, как большевики, не видали?

Новомбергский. Я думаю, что это ерунда.

Обвинитель Гойхбарг. Это напечатано, и тоже опровержения не было.

Новомбергский. Этого я не читал.

Обвинитель Гойхбарг. В «Сибирской жизни» от 2 июля 1918 года была напечатана заметка: «Текущий момент — лекция проф. Новомбергского», в которой указывается, что, «разрушив страну, большевики на обломках ее водрузили немцев и мадьяров, разогнали Учредительное собрание и проч. Надо сознаться, что большевики имели и имеют много общего с Германией, с военнопленными, с разными отбросами, уголовными и каторжниками. Это — партия грабителей, подгоняемая убийцами. Я полтора года жил на Сахалине, и таких преступников, как большевики, я не встречал»[35]. Вы этого не говорили?

Новомбергский. Я этого не говорил и не писал.

Обвинитель Гойхбарг. А «Сибирская жизнь» знала, что Вы были на Сахалине?

Новомбергский. Знала, потому что у меня книжки есть.

Обвинитель Гойхбарг. Когда Вы стали профессором Омского политехнического института, Вы поступили на службу к большевикам. И Вас не коробило, что Вы к таким преступникам поступили на службу?

Новомбергский. Если бы я это говорил, то меня бы коробило. Но так как я этого не говорил, почему же мне не поступить? Я заявил уже, что этого номера газеты я не читал. Я читал только первую заметку о крестовой дружине[36].

Обвинитель Гойхбарг. А не писали ли Вы в 1920 г., будучи уже на службе у большевиков, письмо, что теперь отнимается возможность работать над возрождением России у тех, кто желает и способен работать?[37] Это Вы по своему адресу?

Новомбергский. Я работал очень энергично, как и всю жизнь работал. Когда советская власть надвигалась сюда, я не бежал, а двигался сюда навстречу, рассчитывая, что я имею общие исходные пункты, что я могу работать по чистой совести.

Обвинитель Гойхбарг. Тогда удостоверение на звание информатора казачьих войск было при Вас?

Новомбергский. При мне.

Обвинитель Гойхбарг. Я теперь попрошу трибунал огласить показания единственного свидетеля убийства Новоселова, свидетеля Чепанова, который давал показания той следственной комиссии, о которой говорил Морозов (*оглашается показание Чепанова*)[38].

Скажите, пожалуйста, подсудимый Морозов, Вы говорили, что заседание Административного совета, на котором обсуждались вопросы относительно прошений Крутовского и Шатилова, началось в 7 часов вечера. Не было ли у Вас раньше перед этим заседания важного?

Морозов. Сколько помню, нет.

Обвинитель Гойхбарг. Не получили ли Вы непосредственно перед этим заседанием предписания, что необходимо назначение сегодня же произвести? Что Вологодский ведет во Владивостоке важные международные переговоры, что в связи с этими переговорами выясняется необходим[ость] восстановить Восточный фронт, ибо иначе Западный фронт может быть потерян, [что] необходимо поэтому немедленно получить удовлетворительный ответ на требование, которое было сделано сегодня относительно назначения? Вы не получали такого предложения?

Морозов. Я не могу ни отрицать, ни утверждать, потому что я не помню.

Обвинитель Гойхбарг. А не знаете ли Вы, что вызвали как раз в 7 часов вечера [И. А.] Михайлова для разговоров по прямому проводу? И что [под]полковник [Н. Г.] Сабельников заявил, что Михайлов не может сейчас подойти к проводу, так как он занят на весьма важном совещании и просит подойти ровно через три часа после этой минуты?

Морозов. Я не помню этого.

Обвинитель Гойхбарг. Я прошу огласить телеграмму Гинса, шифрованную, которая гласит: разговор по аппарату подполковника Сабельникова, прикомандированного к оперативному отделению штаба армии, с Гинсом, находящимся во Владивостоке (*оглашается шифрованная телеграмма*)[39].

Морозов. Я только одно могу утверждать, что в тот день, кроме совещания, назначенного в 7 часов, насколько память мне не изменяет, других совещаний не было. Может быть, Михайлов был на каком-ниб[удь] другом заседании.

Обвинитель Гойхбарг. А у Вас не было ли перерыва заседания от 7 до 9 часов?

Морозов. Насколько я припоминаю, перерыва не было.

Обвинитель Гойхбарг. А почему Сабельников говорил от имени Михайлова, что он ровно через три часа может подойти к проводу?

Морозов. Не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. А Михайлов не передавал Вам, что получен разговор по прямому проводу: «Наше желание немедленно получить утвердительный ответ»?

Морозов. Не могу знать.

Обвинитель Гойхбарг. А какой смысл могла иметь телеграмма Михайлову одному: «Наше желание немедленно получить утвердительный ответ»? О каких назначениях это говорится?

Морозов. К сожалению, не могу сказать.

[Вводят свидетельницу Г. П. Новоселову.]

Обвинитель Гойхбарг. Будьте добры сказать, свидетельница Новоселова, у Вас в 1918 году был убит муж?

Новоселова. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы знали обстоятельства, при которых муж Ваш был убит?

Новоселова. Я знаю то, что слышала.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы знали, что с точностью установлено, что он убит не при попытке бегства, а просто расстрелян?

Новоселова. Да, знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Что же, после этого был суд над убийцами?

Новоселова. Нет, не было.

Обвинитель Гойхбарг. А Вам не сказано, какие меры были приняты к тому, чтобы убийца был найден?

Новоселова. Никаких мер. Когда я обратилась к Вологодскому с вопросом, какие меры приняты по отношению к Волкову, он сказал: «Мы бессильны».

Обвинитель Гойхбарг. А не говорил ли Вам Вологодский, что Волков был арестован, но через 8 дней освобожден?

Новоселова. Я это слышала от мирового судьи.

Обвинитель Гойхбарг. А не слышали ли Вы, что Волкова освободил ген[ерал] Иванов-Ринов?

Новоселова. Да, слышала.

Обвинитель Гойхбарг. А не знаете ли Вы, что приблизительно через 8 дней после освобождения Волкова он вместе с Ивановым-Риновым поехал на фронт?

Новоселова. Да, слышала тоже.

Обвинитель Гойхбарг. И слышали также, что когда хотели в следственную комиссию вызвать Волкова для допроса по этому делу, то оказалось, что Волкову нельзя вручить повестку, ибо он вместе с командующим армией 17-го числа, именно в тот день, когда его вызывают в чрезвычайную следственную комиссию, уехал на восток?

Новоселова. Это я узнала от председателя чрезвычайной следственной комиссии.

Обвинитель Гойхбарг. Не припоминаете ли Вы, свидетельница, о том, что те, кто вели Вашего мужа и застрелили,— Семенченко и Мефодьев за два дня [до того] арестовали вместе с Вашим мужем Крутовского и Шатилова?

Новоселова. Да.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Вы разрешите для сокращения времени поставить вопрос так: Вы не знали, что вместе с ними на автомобиле, на котором увезли Новоселова, Шатилова и Крутовского, [были] Нарбут и Манежев, бывший шофером.

Новоселова. ... (*не слышно*).

Гойхбарг. А не говорил ли Вам Ваш муж перед этим, что его вызывали к прямому проводу?

Новоселова. Да, он говорил.

Гойхбарг. Может быть, он сказал, что днем, когда он шел к прямому проводу, оказалось, что прямой провод [на] Владивосток занят? Не говорил ли он Вам, что Матковский повел его в штаб, чтобы там переговорить?

Новоселова. Нет, это дело мне неизвестно.

Гойхбарг. А не сказал ли он Вам, что за разговор был по прямому проводу?

Новоселова. Нет, ничего не говорил, потому что у него было тяжелое состояние: он молчал все время.

Гойхбарг. А Крутовский и Шатилов вместе приехали с ним?

Новоселова. Нет, он приехал один с четырьмя офицерами.

Гойхбарг. А не говорил ли он, что для него вызов к прямому проводу вместе с Крутовским и Шатиловым не представлял ничего удивительного?

Новоселова. Он говорил, что они все вместе были у провода.

Гойхбарг. А что он один был у провода?

Новоселова. Нет, не помню.

Гойхбарг. Значит, оказалось, что оба его убийцы скрылись?

Новоселова. Да.

Гойхбарг. А не говорил ли Вам Горбунов[40], председатель чрезвыч[айной] следствен[ной] комиссии, что он вызывал Нарбута и Манежева для допроса, причем [в ответ] было сказано сначала, что им вручена повестка, а через некоторое время поступило другое сообщение, что эти Манежев и Нарбут вместе с командующим армией [Ивановым-Риновым и] Волковым отправились на восток?

Новоселова. Это было мне сообщено потом.

Гойхбарг. Прошу трибунал удостоверить, что «вчера»[, 9 октября 1918 г.,] была послана повестка относительно вызова Нарбута, Волкова и Манежева [на 10 октября для допроса, а 11 числа было получено сообщение о том, что они уехали на восток][41]. А защита не видела такой повестки?

Защитник [Айзин]. Не имели возможность видеть.

Гойхбарг. Я сам лично это показывал.

Айзин. Нет (*показывают повестку*).

Гойхбарг. Прошу огласить из 6-го дела [Омской] чр[езвычайной] сл[едственной] ком[иссии] лист 4 (*читает*).

Айзин. Защита не сомневается, что заявление правильно, но не имела возможности ознакомиться со всеми документами.

Гойхбарг. Я категорически утверждаю, что ей были показаны эти документы.

Айзин. Ничего подобного.

Гойхбарг. Скажите, [свидетельница,] Волков получил повышение?

Новоселова. Он был полковником, а стал генералом, чуть ли не командующим армией.

Гойхбарг. А не помните ли, через некоторое время он вместе с другими [казачьими офицерами], Катанаевым и Красильниковым, арестовал членов [Уфимской] Директории, отвез [их] в помещение отряда в Загородной роще? И затем Старынкевич отвез их на квартиру и приставил к ним стражу?

Новоселова. Да, знаю.

Гойхбарг. От Вашего имени не делалось [ли] представления в Совет министров о назначении Вам пенсии по случаю убийства Вашего мужа и было [ли оно] удовлетворено?

Новоселова. Да.

Гойхбарг. А Вы пенсию получили?

Новоселова. Единовременное пособие в 25 тысяч [рублей].

Гойхбарг. А не знаете ли, почему единовременное пособие, а не пенсию? Не приходило ли Вам в голову, что при обсуждении вопроса этого им рисовалась картина, что получение постоянной пенсии женой убитого будет напоминать о факте убийства?

Новоселова. Возможно, что и потому, что это для меня было удобнее. Они не рассматривали вопроса о пенсии, а только вопрос о пособии.

Гойхбарг. Тогда попрошу огласить из постановления Совета министров (*читает*)[42]. Не разрешит ли мне трибунал задать вопрос подсудимому Краснову? Скажите, пожалуйста, подсудимый Краснов, при вопросе о пенсиях усиленных или общих, разумеется, Вы свое мнение высказывали? Чем Вы мотивировали, что вместо пенсии вдове Новоселова было выдано только единовременное пособие?

Краснов. Я давал заключение по постановлению Совета министров. Раз управляющий делами [Совета министров] вместо пенсии представляет к пособию...

Гойхбарг. Значит, управление делами постановляет о назначении пенсии?

Краснов. Насколько я помню, она просила о назначении единовременного пособия, так как это могло дать ей возможность организовать какое-нибудь дело и вообще жить. И, насколько я помню, такой доклад управляющим делами был сделан, и со стороны государственного контроля возражений не могло быть.

Гойхбарг. А когда Вы подписывали журнал и там было написано, что представление было не о пособии, а [о] пенсии, Вы, очевидно, считали, что так и должно быть?

Краснов. Я имею честь доложить трибуналу, что представленное заключение должно иметься в делах. Если имеются стенограммы заседаний, я просил бы их огласить.

Гойхбарг. Значит, гр[ажданке] Новоселовой была назначена не пенсия, а пособие? А когда требовалось назначение пенсии усиленной, Вы не делали возражений?

Краснов. С моей стороны возражений против пенсии или пособия не могло быть, потому что с точки зрения государственного казначейства все равно, выдается ли единовременное пособие или пенсия. Раз назначается вне правил, это совершенно безразлично.

Гойхбарг. А были ли случаи, когда Вы заявляли, что государственный контроль не успел ознакомиться [с делом], и просили отложить? Значит, было не все равно?

Краснов. Я должен был ознакомиться. Если рассматривается дело, с которым я не знаком, я просил с ним ознакомиться. После переговоров с вдовой Новоселова выяснилось, что она хлопочет о назначении пособия. Для государственного контроля это имеет слишком мало значения.

Гойхбарг. А через два дня не рассматривался [ли] доклад о другой вдове — представление о назначении пенсии вдове Харитонова[43], и постановлено было с ведома государственного контроля назначить вдове бывшего царского слуги Харитонова [пенсию] в размере восьми тысяч рублей в год?[44]

Краснов. Прекрасно помню. Я сам это представление делал. Вдова Харитонова получала пенсию по пенсионной книжке. Она оставила книжку в Уфе, и право на пенсию не было обеспечено. Для того, чтобы получить пенсию, нужно было получить книжку. Поэтому указано было, чтобы она вошла с ходатайством о выдаче ей [денег] в зачет пенсии в том же размере. Министерство финансов выдало сумму в таком же размере в зачет.

Гойхбарг. Откуда у Вас были сведения, что ей была назначена такая сумма?

Краснов. Вся моя служба прошла по этому ведомству, и Харитонов был моим начальником.

Гойхбарг. При царе.

Краснов. Да, безразлично.

Гойхбарг. Значит, лицам, которые служили при царе, Вы считали себя обязанным оказывать поддержку и даже инициативу проявляли?

Краснов. Я считал себя нравственно обязанным это ходатайство поддерживать. Назначенная ранее пенсия выдается и теперь.

Гойхбарг. Я не имею больше вопросов к свидетельнице.

Защитник. Скажите, свидетельница, по поводу убийства Вашего мужа Вы имели разговор с Шумиловским, министром труда?

Новоселова. Нет, по поводу убийства не имела.

Гойхбарг. Подсудимый Шумиловский, при Вас обсуждалось предложение о назначении пенсии вдове Новоселова?

Шумиловский. Вопрос о назначении пенсии был поднят предварительно, совершенно самостоятельно. По формальным причинам это предложение было отклонено потому, что не было прошения вдовы убитого. Через некоторое время вдова Новоселова обратилась ко мне с просьбой оказать содействие в получении пенсии или единовременного вознаграждения. Ко мне пришел ее знакомый Воробьев, который, кажется, у нее комнату снимал, и просил передать прошение Вологодскому: почему-то вдова Новоселова затруднялась сама передать эту просьбу в Совет министров. Какие были мотивы, я не знаю. Я передал Вологодскому и просил возможно скорее разрешить вопрос, так как мне было известно со слов Воробьева, что вдова Новоселова страшно нуждается. Из прошения или объяснения Воробьева выяснилось, что вдове Новоселова было желательно получить единовременное пособие. Размер был определен, я не помню наверное. Я просьбу выполнил и передал Вологодскому для разрешения этот вопрос. На заседании, видимо, этот вопрос был поставлен в несколько иной форме, в форме назначения пенсии. И тогда, основываясь на прошении и на словах Воробьева, я сказал, что для Новоселовой является более выгодной выдача единовременного пособия. Сумма была определена [в] 40 000 рублей. Тогда раздались другие предложения. Минимальная сумма была определена в 10 000 рублей, и в конце концов было решено выдать единовременное пособие в 25 000 р[ублей].

Гойхбарг. Значит, сорок да десять — пятьдесят, столковались на половине?

Шумиловский. Я не знаю, как было. Я настаивал на полной сумме.

Гойхбарг. А Вы не сказали, что такое 25 000 [рублей],— капитализированные это две с половиной тысячи, слишком незначительная сумма для вдовы и детей?

Шумиловский. Мне сказали, что вдова Новоселова хлопочет об обеспечении по крайней мере квартирой и хочет приобрести небольшой домик, где можно было бы жить. Я говорил, что на эту сумму нельзя купить даже и хибарку. Но все-таки сумма в 25 000 р[ублей] была назначена большинством.

Гойхбарг. А в этом заседании не было никого, кто обсуждал предложение об отставке Крутовского и Шатилова и их аресте? Сейчас я оглашу, что там были Краснов, Преображенский и Степаненко.

Шумиловский. Не помню, может быть, были. Я не знаю. Если бы мне был показан подробный список, может быть бы, я сказал, кто был.

Гойхбарг. Следовательно, Вы были единственным лицом из тех, кто обсуждал вопрос о Новоселове, Крутовском и Шатилове. И по Вашему предложению пенсия была заменена единовременным пособием. Насколько я понял, то положение, которое идет от управления делами, не соответствует желанию вдовы?

Больше вопросов не имею, но чтобы положить конец обсуждению сентябрьских событий, я хотел бы задать один вопрос подсудимому Морозову и подсудимому Шумиловскому. Что касается свидетельницы Новоселовой, то я думаю, что во всем дальнейшем процессе я не буду иметь необходимости в ее допросе.

Айзин. Свидетельница, Вы действительно говорили, что желательно получить пособие?

Новоселова. Да.

Айзин. Больше вопросов не имею.

Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, подсудимый Морозов, Вы участвовали в Административном совете 14 сентября [1918 г.], когда был принят закон о смертной казни. До этого не существовало права применения смертной казни. А не было ли многочисленных случаев, когда арестованные исчезали?

Морозов. Были. Именно закон о смертной казни и был принят для борьбы с самоуправством.

Гойхбарг. Значит, это было некоторым пластырем против такой отправки людей? А очень часто это бывало?

Морозов. Часто ли, сказать не могу, но, во всяком случае, бывало.

Гойхбарг. А если они содержались на местах, которые были подвластны Вам, тоже это бывало?

Морозов. Нет, единичные случаи бывали, но чтобы часто, я не помню.

Гойхбарг. Вы не помните, после того, как эти сентябрьские события были, когда была распущена [Сибирская] областная дума, которая не подчинилась и объявила, что считает незаконным существование Административного совета, управляемого Михайловым и Грациановым, после того, как Комитет членов Учредительного собрания и дума были арестованы и [со]держались в Омской тюрьме, настойчиво [ли] требовал их освобождения представитель Национального центра чехословаков[45] Глосс[46]. Не давал [ли] он резких телеграмм, что, несмотря на предписание Аргунова об их освобождении, Гаттенбергер и Михайлов не освобождают их, так как это могло вызвать большое беспокойство в случае их исчезновения, потому что такие случаи очень часто повторялись?

Морозов. Припоминаю.

Гойхбарг. А Вы в качестве министра юстиции не считали возможным урегулировать это и принять меры [к тому], чтобы у Вас не исчезали лица из тюрьмы?

Морозов. Меры принимались. По тюремной инспекции был отдан приказ, чтобы никаким военным властям без гражданских властей арестованные не выдавались.

Гойхбарг. А Вы уволили хоть одного начальника тюрьмы за [нарушение] это[го приказа]?

Морозов. После этого приказа таких случаев у меня не было, так как вскоре все это дело от меня отошло. Я ведал им только [в] это переходное время.

Гойхбарг. Я имею вопрос [к] подсудимому Шумиловскому. Подсудимый Шумиловский, вчера Вы указывали, что Вы вступили в Совет министров с целью оказывать содействие трудящемуся люду и защищать интересы трудящихся в качестве министра труда. В Вашей собственной биографии Вашей рукой написано[47] — вероятно, несколько ошибочно,— что в [19]16 году Вы были выборщиком социал-демократической организации в Барнауле и избраны в городскую думу. Это было, по всей вероятности, в 1912 г.?

Шумиловский. В 1912 году.

Гойхбарг. Значит, Вы были членом с[оциал]-д[емократической] организации?

Шумиловский. Был.

Гойхбарг. До какой поры Вы продолжали оставаться членом с[оциал]-д[емократической] организации?

Шумиловский. До лета 1918 года.

Гойхбарг. ...Когда Вы вступили в правительство?

Шумиловский. Вскоре после этого.

Гойхбарг. Значит, Вы некоторое время оставались в организации?

Шумиловский. Несколько дней.

Гойхбарг. Что Вас побудило выйти из организации[48]?

Шумиловский. Меня побудило то соображение, чтобы партия, к которой я раньше принадлежал, не несла ответственность за те мероприятия, которые я буду принимать в качестве члена правительства, и чтобы…

Гойхбарг. Вы в качестве члена правительства собирались принимать меры по охране труда и боялись, что с[оциал]-д[емократическая] партия будет нести ответственность за те меры, которые Вы будете принимать?

Шумиловский. Я должен был в качестве члена правительства принимать меры не только по охране труда, но и другие. Рядом с этим я должен был участвовать в других вопросах и не хотел возлагать ответственность на всю партию.

Гойхбарг. Значит, Вы вышли из партии, когда еще были членом Административного совета?

Шумиловский. Да.

Гойхбарг. И когда Вы играли чисто техническую, а не политическую роль?

Шумиловский. Чисто технической роли мы не играли.

Гойхбарг. Вы, следовательно, опасались возложить ответственность на свою партию за те меры, которые Вы будете принимать?

Шумиловский. Да. Кроме того, я начал тяготиться участием в какой-нибудь партии.

Гойхбарг. Это связывало руки?

Шумиловский. Да, не только связывало руки. Но мое миросозерцание не стало укладываться в те или другие рамки. И с тех пор ни в какие совершенно общества или партии [я] не входил.

Гойхбарг. Но все-таки Вы остались по своим убеждениям социалистом?

Шумиловский. По своим убеждениям — да, и стремлениям — да.

Гойхбарг. Основное убеждение социалиста — грозить самыми решительными мерами восставшим рабочим? Это согласуется?

Шумиловский. Нет, не согласуется.

Гойхбарг. Вы стали тяготиться и ни в какую организацию не входили. А Административный совет — это не была организация?

Шумиловский. Я уже объяснил, с какой целью я вошел.

Гойхбарг. А все-таки это была организация?

Шумиловский. Да, она меня стесняла. Но по основным условиям я не считал возможным бросить работу, которая легла на мои плечи.

Гойхбарг. Значит, в день, предшествующий аресту Новоселова и Шатилова, Вы не послали угроз рабочим применить самые решительные меры в случае забастовки?

Шумиловский. Самые решительные меры? Не думаю, чтобы я мог послать.

Гойхбарг. А не писали [ли] Вы в контрразведывательное отделение, что правительство не остановится перед принятием самых решительных мер?

Шумиловский. В контрразведывательное отделение — нет. Этого не могло быть.

Гойхбарг. Я прошу огласить телеграмму. Разрешите мне огласить телеграмму? Номер ее не подписан. Не признает ли [ее] подсудимый Шумиловский своею (*читает*)?[49]

Шумиловский. Эта телеграмма мною была составлена и разослана. Только адрес контрразведки я не знаю. Это, вероятно, [она] уже послана была из министерства. Я отдал распоряжение эту телеграмму составить и отправить. Но я не имел в виду применения тех мер, на которые изволите намекать Вы.

Гойхбарг. А не знаете ли Вы, что через месяц в Омске вспыхнула забастовка железнодорожников, и Красильников рядом с этими мастерскими расстрелял пять железнодорожных рабочих: Михайлова, Стекольникова, Рассохина, Стрелочникова и еще одного, фамилия которого неизвестна. Они поставили рабочих, за ними солдат, за ними казаков, которые бы стали стрелять, если бы солдаты отказались; за ними чехословаков, на случай, если казаки откажутся, а Красильников сам достреливал. Этого Вам не было известно?

Шумиловский. Это не было известно. И если такие известия доходили, я просил принять решительные меры против насильников. К сожалению, результаты не достигались в силу того, что военное засилье было слишком велико. Но не было и того, чтобы кто-нибудь из моих подчиненных, которые несли службу пролетариату, такие меры одобряли или поддерживали.

Гойхбарг. А Вы не думаете, что принятие самых решительных мер означало такие меры, какие принимал Красильников?

Шумиловский. Этого не могло быть.

Гойхбарг. Вы протестовали против всякого насилия, а были ли протесты против действия Красильникова?

Шумиловский. Этого мне не было известно.

Гойхбарг. Здесь в зале находится рабочий-железнодорожник Ранцев, который может удостоверить относительно расстрела этих рабочих и обстоятельств этих расстрелов. Я ходатайствую — если можно, сейчас, а если нет, то завтра — дать ему высказаться по этому вопросу.

Павлуновский. Свидетель Ранцев, явитесь к коменданту, чтобы пройти в свидетельскую комнату.

Защитник. Прежде чем объявить перерыв, я просил бы огласить журнал [заседания] Совета министров от 27 мая 1919 года, где заслушан доклад Шумиловского о репрессиях, которые применяются по отношению рабочих, о расстрелах, которые производятся, о расстреле петропавловского комиссара труда, об арестах комиссара труда [Шемелева в Барнауле] и о необходимости принять самые строгие меры против таких насилий[50]. Ходатайствую об оглашении этого журнала.

Гойхбарг. Не возражаю. Если разрешит трибунал, я мог бы удостоверить, что такое заявление имеется, но в связи с этим разрешите задать вопрос Шумиловскому. Скажите, пожалуйста, подсудимый Шумиловский, Вы назначили для расследования этих событий чиновника Шкляева?[51]

Шумиловский. К сожалению, это расследование не дало результатов, на которые я надеялся.

Гойхбарг. А Вы знаете, что Шкляев заявляет, что не только были арестованы комиссары труда, но вместе с 50 сотрудниками по культурно-просветительной части они были арестованы и подвергнуты порке?

Шумиловский. Министерство внутренних дел сообщило мне, со слов командированного чиновника, что расследование было произведено. Но оказалось, что эти меры были приняты по приказанию командующего дивизией или корпусом генерала [В. И.] Волкова.

Гойхбарг. Этого самого Волкова?

Шумиловский. Этого самого Волкова, который отбыл на фронт, и это было в той части войск, которая входила в состав волковской дивизии или корпуса. И когда происходило расследование, этой [воинской] части в Петропавловске не оказалось. Таким образом, найти настоящих виновников, не опросив их, не оказалось возможным.

Гойхбарг. А власть министра труда распространялась только на Петропавловск или и на другие части Сибири, где находилась дивизия Волкова?

Шумиловский. На ту территорию, где находился Волков, эта власть не распространялась. Фактически мы были совершенно безвластны, ибо где начиналось военное положение, которое начиналось на том[, левом] берегу Иртыша, мы были лишены всяких функций государственной власти. Там господствовали военные власти, которые делали что хотели.

Гойхбарг. И при таких обстоятельствах Вы считали себя Советом министров, подписывались министрами и т. д.?

Шумиловский. Да, это служит подтверждением фразы, произнесенной вчера свидетелем Патушинским, что это невероятное испытание для некоторых из членов правительства. То, что мы испытывали, это было глубокой душевной драмой.

Гойхбарг. А не было ли выхода: предоставить военным властям право делать то, что они делают, а не получать двух тысяч [рублей] в месяц?

Шумиловский. Жалование не такое большое, чтобы для этого стоило оставаться.

Гойхбарг. Да, но если Вы вспомните расценку, где машинистка получает 250 р[ублей], а министр труда 2 000 рублей, то Вы считаете это охраной труда? Знаете, сравнительно с 250 р[ублями] это было сносное жалование.

Шумиловский. Я не говорю, что это было жалование, за которое стоит держаться. Это было выполнение чрезвычайно тяжелой повинности, которую я добровольно на себя возложил. Временами хотелось покончить с этим кошмаром, но вставал вопрос: а не будет ли после этого еще более многочисленных жертв, еще хуже?

Гойхбарг. Где, по ту сторону Иртыша или в пределах одного городка?

Шумиловский. Прошу, чтобы мне была дана возможность дать объяснения. Выход был. И когда становилось невыносимо, я падал духом и подавал прошение об отставке. Этих прошений было подано несколько, но неотступные убеждения моих друзей, лиц, которые, может быть, сами анализировали положение…

Павлуновский. Вы дадите свое объяснение по существу, когда Вам будет дано слово для объяснения.

Шумиловский. Я на эти вопросы даю посильный вопрос[52].

Гойхбарг. А много раз Вы подавали прошения об отставке?

Шумиловский. Несколько раз. Зафиксировано было только мое последнее прошение, которое должно иметься в делах Совета министров. Там подробно изложены мотивы, которые делали совершенно невыносимой мою дальнейшую работу[53].

Объявляется перерыв на 10 минут.

[*Председатель.* Объявляю заседание чрезвычайного революционного трибула открытым.]

Обвинитель Гойхбарг. Я прошу трибунал допросить свидетеля Ранцева. Скажите, пожалуйста, вы железнодорожный рабочий?

Ранцев. Да.

Обвинитель Гойхбарг. Вы были железнодорожным рабочим полтора года тому назад, в октябре 1918 года?

Ранцев. Я приехал из Петрограда 24 апреля 1918 года и поступил в мастерские.

Обвинитель Гойхбарг. А в октябре 1918 года здесь, в мастерских на железной дороге, была объявлена забастовка рабочих?

Ранцев. Была.

Обвинитель Гойхбарг. Что после этой забастовки было сделано по отношению некоторых рабочих?

Ранцев. Пять человек было расстреляно.

Обвинитель Гойхбарг. Они какое-нибудь особое участие принимали в забастовке?

Ранцев. Этого я сказать не могу. Я их даже не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. А фамилии их Вы знаете?

Ранцев. Да, знаю одного — Рассохин.

Обвинитель Гойхбарг. Вы, может быть, знали Михайлова?

Ранцев. Я знаю, что Михайлов был расстрелян вместе с Рассохиным. Лично я его не знал.

Обвинитель Гойхбарг. И где он был расстрелян?

Ранцев. Около главной конторы, приблизительно в полуверсте.

Обвинитель Гойхбарг. А кто распоряжался расстрелами?

Ранцев. Я не знал, что это за человек. Но говорили, что Красильников.

Обвинитель Гойхбарг. А как производился расстрел, где кто стоял, кто расстреливал, Вы не знаете?

Ранцев. Были чехословаки или казаки. Я лично хорошо не знал, говорят, что расстреливал Красильников. Но я лично не знал.

Обвинитель Гойхбарг. Вы не знали, что это за человек. Но Вы знали, что это Красильников. Каков он из себя?

Ранцев. Рыжий, маленькая бородка, высокого роста.

Обвинитель Гойхбарг. А что он говорил, когда расстреливал?

Ранцев. Когда он расстреливал, я не слыхал. А впоследствии, там было много народу, он вышел и говорил: «Вы слышите, как ваших товарищей расстреливают. Это будет и вам также, если будете продолжать забастовку».

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не слышали, Красильникова за это судили?

Ранцев. Не слышал.

Обвинитель Гойхбарг. А рабочих похоронили?

Ранцев. Их, кажется, забрали родственники.

Обвинитель Гойхбарг. Я попрошу трибунал в порядке хронологическом перейти к следующим событиям. И с этой целью разрешите мне задать вопрос подсудимому Шумиловскому.

Скажите, пожалуйста, подсудимый Шумиловский, в сентябре [1918 г.] была оглашена телеграмма Глосса, что арестованных членов [Сибирской] областной думы, несмотря на приказ Аргунова, уполномоченного так называемого [Временного] Всероссийского правительства, т. е. [Уфимской] Директории, не освобождают, так как на месте заявляют, что приказ отдан Вр[еменным] Сибирским правительством и должен быть отменен Временным же Сибирским правительством[54]. Вы не припоминаете, когда некоторое время для Вас было неясно, подчиняется ли это Временное Сибирское правительство власти т[ак] наз[ываемого] Всероссийского правительства?

Шумиловский. Я не могу этого припомнить.

Обвинитель Гойхбарг. Не припоминаете ли Вы, что через некоторое время приехали члены [Уфимской] Директории Авксентьев, Зензинов, Болдырев, Вологодский и Виноградов[55]. И тогда Административный совет (или остатки т[ак] называемого [Временного] Сибирского правительства) признали эту [Уфимскую] Директорию и ей подчинились?

Шумиловский. Да.

Обвинитель Гойхбарг. Перед этим записка, которую мы вчера оглашали и которая, кажется, уже не вызывала возражений, подтвердила устранение с[оциалистов]-р[еволюционеров] от власти: таких, как Крутовский, Шатилов и Патушинский. А теперь эта [Уфимская] Директория состояла из членов какой партии?

Шумиловский. Виноградов принадлежал к партии к[онституционных] д[емократов], Болдырев — неизвестно к какой партии…

Обвинитель Гойхбарг. А его не называли с[оциалистом]-р[еволюционером] или сочувствующим с[оциалистам]-р[еволюционерам]?

Шумиловский. Его формально таковым не называли. Там были разногласия: одни говорили, что он принадлежит к партии к[онституционных] д[емократов], а другие, что он сочувствует партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Определенного мнения я не слышал от члена [Уфимской] Директории Виноградова, который является моим школьным товарищем. Вологодский занимал позицию, близкую к правым с[оциалистам]-р[еволюционерам]. В 1907 году, когда я был в избирательной кампании во II Государственную думу, он состоял формально в партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. В это же время, насколько я могу припомнить, формальной принадлежности [к партии у него] уже не было.

Обвинитель Гойхбарг. А когда он был выбран в числе 19 членов дерберовского правительства, он значился с[оциалистом]-р[еволюционером]?

Шумиловский. Я не могу этого сказать, потому что весь этот период я пробыл на Германском фронте, т. к. был мобилизован. Авксентьев и Зензинов принадлежали к партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], причем Авксентьев — правого оттенка, а Зензинов, насколько я мог уразуметь, принадлежал к более левому крылу.

Обвинитель Гойхбарг. Чем Вы объясняете, что Административный совет, который сначала хотел превратиться в каб[инет] министров, хотел отстранить с[оциалистов]-р[еволюционеров] и представителей [Сибирской] областной думы от власти, все же подчинился власти, в большинстве своем состоявшей из с[оциалистов]-р[еволюционеров]? Не припоминаете ли Вы обстоятельств, которые побудили Административный совет подчиниться хотя бы на время этой [Уфимской] Директории?

Шумиловский. Такого рода сведений, получаемых путем личных объяснений с тем или другим политическим деятелем, я не имел или имел в крайне редких случаях. Я всегда стоял в правительстве одиночкой вполне сознательно, и поэтому мне известно почти только то, что делается и говорится в официальных совещаниях. Я все время проводил в министерстве труда и работал на дому. Но, насколько я мог заключить, это слияние произошло, если хотите, со стороны некоторых членов Административного совета не совсем искренне. Если Вам угодно, я мог бы Вам описать первое совместное заседание Административного совета с приехавшими членами [Уфимской] Директории, на котором мне пришлось выступать и на котором мне удалось сыграть довольно крупную роль.

Обвинитель Гойхбарг. Для меня не представляется несколько сомнительным, что, может быть, не некоторые, а большое количество были неискренними. Меня не это интересует, а интересуют обстоятельства, которые заставили их, будучи неискренними, все-таки подчиняться. Не припоминаете ли Вы, не было в связи с этим каких-либо требований со стороны чехословацких войск?

Шумиловский. Не помню.

Обвинитель Гойхбарг. Не помните ли Вы той телеграммы, которая была оглашена, в которой Глосс настойчиво требовал освобождения членов Сибирской областной думы?

Шумиловский. Такой телеграммы я припомнить не могу, но вообще фамилию Глосса я слышал.

Обвинитель Гойхбарг. А не знаете ли Вы, что он пробовал активно освобождать своей властью арестованных?

Шумиловский. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. А не знаете ли, что другие члены Национального совета — [Ф.] Рихтер и [Я.] Кошек — арестовали Грацианова и искали арестовать Михайлова за то, что они устранили Крутовского и Шатилова и открыли поход на Сибирскую областную думу?

Шумиловский. Когда произошел арест Грацианова и стали известны попытки арестовать Михайлова и, если не ошибаюсь, Бутова[56], то мотивы этого мне были непонятны. Впоследствии для меня выяснилось, кажется путем сообщения моих личных знакомых, что эта цель преследовалась, что этот арест был ответом на арест Крутовского и Шатилова и на вынужденное подписание ими прошений об отставке.

Обвинитель Гойхбарг. Не было [ли] предписания арестовать Михайлова и Грацианова отчасти благодаря телеграмме Сырового?[57]

Шумиловский. Не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Вы не знаете, кто арестовал Грацианова?

Шумиловский. Не помню.

Обвинитель Гойхбарг. Не раздавались ли возгласы со стороны чехословацких войск, что в случае отстранения представителей так наз[ываемой] демократии от [Сибирской] областной думы или партии с[оциалистов]р-[еволюционеров] из правительства они покинут фронт и оставят Временное Сибирское правительство без своей помощи?

Шумиловский. Об этом официальных докладов на заседании Административного совета не делалось, и мне в настоящий момент кажется это новостью. Об этом я раньше не слыхал или, может быть, позабыл. Но думаю, что такого факта я бы не забыл.

Обвинитель Гойхбарг. Как Вы объясняете, что представители [чехословацкого] Национального совета отдают приказы об аресте Ваших сотоварищей по Административному совету Михайлова и Грацианова, если они не собираются делать из этого вывода?

Шумиловский. Я тогда понимал этот арест как ответ на арест Шатилова и Крутовского, т. е. что чехи считали их виновниками этого ареста и хотели применить к ним репрессию и принять ту меру, которая бы позволила им восстановить права Крутовского и Шатилова. Так как потом выяснилась полная непричастность Грацианова, то он был освобожден.

Обвинитель Гойхбарг. А не говорил ли Вам Грацианов, что ввиду того, что он подписал телеграмму о перерыве занятий [Сибирской] областной думы и протелеграфировал [это] Гаттенбергеру, Глосс дал об этом сообщение Сыровому. Сыровой дал предписание Зайчеку, начальнику [чешской] контрразведки, арестовать за это Грацианова?

Шумиловский. Не помню.

Обвинитель Гойхбарг. Следовательно, Вы можете категорически утверждать, что чешские войска не грозили актами враждебности по отношению к правитель-

ству, если в нем не будут находиться представители социалистических организаций?

Шумиловский. Ввиду тех сообщений, которые Вы сделали, я могу сказать, что тогда мне этого не было известно. И думаю, что соглашение о подчинении было продиктовано искренними побуждениями.

Обвинитель Гойхбарг. И со стороны тех, кто были неискренни[ми]?

Шумиловский. Я не говорю, что все были неискренни[ми]; некоторые были искренними.

Обвинитель Гойхбарг. А не приходилось ли Вам слышать о том, что все-таки некоторых [социалистов] необходимо сохранить [в составе правительства], потому что необходим демократический фиговый листок?

Шумиловский. Не приходилось.

Обвинитель Гойхбарг. А не говорил ли в Вашем присутствии Старынкевич Вашему товарищу министра Третьяку, что его не тронут и не арестуют, потому что сейчас необходим демократический фиговый листок, и поэтому Вам и Третьяку ничего не грозит?

Шумиловский. При мне этого не было.

Обвинитель Гойхбарг. Я попрошу у трибунала разрешить мне спросить подсудимого Третьяка относительно демократического фигового листка, о котором он в своих письменных показаниях сообщает трибуналу. Скажите, пожалуйста, подсудимый Третьяк, при Вас Старынкевич говорил фразу, о которой я сейчас упоминал?

Третьяк. Старынкевич говорил, что в настоящее время социалистам никакой опасности не угрожает, т. к. правительство заинтересовано их оставить, [поскольку] необходим демократический фиговый листочек. Разговор происходил в первые дни моего вступления в правительство, около 28 ноября [1918 г.].

Обвинитель Гойхбарг. А обстоятельства этого времени Вас убеждали, что он правильно выражается?

Третьяк. Обстоятельства того времени были таковы. В один из первых дней, как только образовался колчаковский переворот, у Колчака расстроились отношения с Национальным чехословацким советом, и Национальный совет в Челябинске в своей декларации написал, что он считает кризис еще неисчерпанным и неизжитым. Это с одной стороны. С другой стороны, на другом конце, в Чите, в то же самое время была атаманщина, причем атаман Семенов не признал Колчака и, стало быть, как будто бы предполагал объявить самостоятельность. И вот в это время как раз я говорил со Старынкевичем, причем положение было такое: с одной стороны — Семенов, с другой стороны — [чехословацкий] Национальный совет. В то же время в Совете министров было состояние неуравновешенное, неопределенное.

Обвинитель Гойхбарг. Вы припоминаете, что чехословацкий Национальный совет после ноября [1918 г.] все-таки считал кризис неизжитым, т. к. социалисты Зензинов и Авксентьев были удалены?

Третьяк. Главным образом потому, что была разогнана Сибирская областная дума, т. к. с этих пор и образовалась трещина между Административным советом и чехословаками. С тех пор, как был совершен переворот, уже образовалась пропасть между чехословаками и Колчаком. И сколько ни пытались сгладить эту пропасть, она все более и более расширялась, принимая в отдельных частях войск даже острые контуры.

Обвинитель Гойхбарг. В присутствии кого была произнесена Старынкевичем фраза о демократическом фиговом листке?

Третьяк. Не помню. А обстановку я приблизительно помню: это происходило в кабинете у Старынкевича, так что там Шумиловский мог и не присутствовать.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Шумиловский, в связи с данными пояснениями, может быть, Вы теперь не откажетесь подтвердить, что по отношению к некоторым, мож[ет] быть к тем, кто неискренен был, подчинение так называемой [Уфимской] Директории с большинством [из] с[оциалистов]-р[еволюционеров] было вызвано настояниями чехословацких войск?

Шумиловский. Тогда я этого, мож[ет] быть, и не знал. Но последующие впечатления, которые наслаивались одно за другим, заставляют меня признаться, что для некоторых членов [правительства] такой выход представлялся, быть может, наиболее приемлемым.

Обвинитель Гойхбарг. А не допускаете ли Вы теперь, основываясь на своих впечатлениях того и последнего времени, о том, что, подчиняясь, они все же считали, что им необходимо принять меры к тому, чтобы это подчинение не являлось для них, в силу объективных обстоятельств, обязательным на продолжительное время?

Шумиловский. Очень возможно.

Обвинитель Гойхбарг. На основании обстоятельств, свидетелем которых Вы были, на основании того, что Вы видели, и того, что было потом, не пришли ли Вы к заключению, что, неискренне подчиняясь, они считали необходимым готовить меры к тому, чтобы создать обстоятельства, при которых они из этого подчинения смогут выйти?

Шумиловский. У меня тогда, недолго спустя после этого, не было таких данных, чтобы судить об их необходимости в этом отношении. Я могу только засвидетельствовать, что подчинение произошло невольное, что со стороны некоторых неискренности не наблюдалось. Но насколько они энергично действовали в том направлении, чтобы приготовить меры, чтобы сбросить с себя подчинение [Уфимской] Директории, я сказать не могу, ибо таких данных у меня не имелось.

Обвинитель Гойхбарг. Не имелось [ли] у Вас данных такого рода, что раз угроза чехословацкая означает ослабление фронта, то, так полагали эти члены Административного совета, подчиняясь — необходимо сплотить части российские, которые вместе воевали с чехословацкими частями и которые были определенным образом настроены для того, чтобы, опираясь на эти более крупные силы, иметь возможность уже не в такой степени считаться с угрозой чехословаков?

Шумиловский. Я уже давал объяснения, что такого рода сведения могут иметься у тех, кто находился в живом общении с другими членами правительства. У меня такого общения не было. Я встречался с ними только на официальных заседаниях, за исключением очень немногих лиц, как Н. И. Быкова, профессора Введенского.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы утром 21 сентября [1918 г.] не сговаривались с кем-ниб[удь] идти вместе на заседание Административного совета, ибо полагали, что вечером можете быть арестованы?

Шумиловский. Я не помню, утром или вечером, но у некоторых групп было такое впечатление, что мы действительно рискуем быть вечером арестованными.

Обвинитель Гойхбарг. Значит, Вы в качестве «одиночки» совместно с другими, с которыми Вы не встречались, сговаривались. Ну а 21 сентября утром у Вас было какое-ниб[удь] заседание?

Шумиловский. Вероятно, было.

Обвинитель Гойхбарг. Если не ошибаюсь, Вы на судебном следствии указывали, что утром 21 сентября никакого заседания не было, а было только вечером?

Шумиловский. Когда я давал это показание, мне казалось, что сначала было заседание утром, теперь я думаю, что в этот день было два заседания. Вот об этом-то заседании у нас и возник разговор.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не припоминаете, что было на этом утреннем заседании?

Шумиловский. Не помню. Вечером было устроено другое заседание, и по этому поводу я и употребил слово «сговаривались». Это не был частный сговор, а был разговор на заседании [Административного] совета.

Обвинитель Гойхбарг. Вы тут указывали, что Вы собирались подавать прошение об отставке, и Ваши друзья обычно уговаривали Вас этого не делать. Какие это друзья?

Шумиловский. Один раз меня усиленно уговаривал Н. Н. Щукин[58], бывший тоже членом Административного совета, Быков, Преображенский.

Обвинитель Гойхбарг. В разговорах с этими лицами Вам ни разу не приходилось говорить о том, что чехословаки угрожают оставить фронт и поэтому некоторые неискренние члены Административного совета сочли необходимым на время подчиниться [Уфимской] Директории, а потом, опираясь на созданную ими силу, ее потом свергнуть?

Шумиловский. Я не знал закулисных сплетен. Но, во всяком случае, эти сплетни чрезвычайно редко мне сообщались.

Обвинитель Гойхбарг. Я больше вопросов [к] подсудимому Шумиловскому не имею.

Председатель. Объявляю сегодняшнее заседание закрытым. Следующее заседание завтра, в 5 часов.

Глава четвертая

ЗАСЕДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Заседание чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете, 22 мая 1920 года.

Присутствуют: председатель чрезвычайного революционного трибунала Павлуновский, члены: тт. Косарев, Байков, Щетинкин и Мамонтов.

На скамье подсудимых те же.

Председатель. Объявляю заседание чрезвычайного революционного трибунала открытым.

Обвинитель Гойхбарг. Так как мы вчера дошли до октября месяца [1918 г.], а в последующем ноябре месяце, как установлено по делу, был избран при известных обстоятельствах так наз[ываемый] Верховный правитель Колчак, то я хотел бы перейти к выяснению именно этих обстоятельств 18 ноября. И для этого я хотел бы задать несколько вопросов подсудимому Молодых. Скажите, пожалуйста, подсудимый Молодых, Вы присутствовали на том заседании, когда был провозглашен Верховным правителем Колчак?

Молодых. Да, присутствовал.

Обвинитель Гойхбарг. Не знали ли Вы предшествующих обстоятельств: откуда Колчак появился и какую он должность занимал в Омске?

Молодых. Я знал только то, что он занял должность военного [и морского] министра при [Уфимской] Директории и уехал на фронт.

Обвинитель Гойхбарг. Вы, следовательно, подтверждаете, что [Уфимская] Директория, состоявшая из пяти лиц, вчера охарактеризованных Шумиловским, пригласила военным [и морским] министром Колчака?

Молодых. Его назначение состоялось по соглашению. Но как именно оно состоялось, я не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Но официально всякое назначение на должность министра как происходило?

Молодых. Это была деятельность большого Совета [министров], а я был только товарищем министра.

Обвинитель Гойхбарг. Назначал большой Совет [министров] или то учреждение, которое называло себя [Уфимской] Директорией, или Всероссийским правительством?

Молодых. Это происходило по соглашению. И для соглашения были избраны лица. Я не помню, кто были эти лица — Гинс или Вологодский[1].

Обвинитель Гойхбарг. А официально от имени кого публиковались выборы министров?

Молодых. Я не могу сказать.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Новомбергский, который, если я не ошибаюсь, тоже присутствовал на этом заседании, когда избирался Колчак, припомнит, при каких обстоятельствах вообще избирались министры?

Новомбергский. При мне никто из министров не избирался. А вообще я не знаю этого порядка.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Морозов в качестве управляющего министерством юстиции знает порядок, в каком назначались министры?

Морозов. Первые министры при [Уфимской] Директории были назначены по соглашению [Временного] Сибирского правительства с членами [Уфимской] Директории. Списки [министров] были оглашены в Совете министров [Временным] Сибирским правительством, и затем они были утверждены [Уфимской] Директорией.

Обвинитель Гойхбарг. Значит, окончательное утверждение зависело от [Уфимской] Директории. Но Колчак был избран несколько позже, а не первоначальным списком?

Морозов. Насколько я знаю, [Уфимская] Директория начала действовать с 4 или 5 сентября[2]. В то время он был назначен военным [и морским] министром только [Уфимской] Директорией.

Обвинитель Гойхбарг. А не припомните ли, подсудимый Молодых, после назначения его военным [и морским] министром Колчак остался в Омске или нет?

Молодых. Я слышал, что он уехал на фронт для того, чтобы [о]знакомиться с войсками.

Обвинитель Гойхбарг. Вы только об этом слышали, а сведений о его деятельности не имели?

Молодых. Нет. До избрания его Верховным правителем я никаких сведений о нем не имел.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не рассказывали следователю Бухову целого ряда подробностей относительно деятельности Колчака, о поездке его на фронт и о деятельности правительства?

Молодых. Бухов это очень хорошо знает. Он служил у меня.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Вы расскажете те сведения, которые Вы сказали и без того осведомленному Бухову?

Молодых. После приезда Колчака я увидал его в первый раз в моей жизни тогда, когда была свергнута [Уфимская] Директория и мы в большом беспокойстве собрались на другой день утром в Совете министров, чтобы узнать, что же такое делается.

Об аресте [Уфимской] Директории я узнал ночью, так как у меня был в гостях министр снабжения Серебренников. И как раз когда он от меня вышел с моим знакомым, он был случайно арестован. Дело в том, что квартира Роговского[3] находилась в нескольких домах от меня. И вот шел отряд, и его (Серебренникова.— *В. Ш.*) арестовали. С ним шла некая Зеневич, которая служила у нас в министерстве. Она очень испугалась, протелефонировала мне. И около двух часов ночи я должен был встать, чтобы опять протелефонировать. Но в это время мне протелефонировал Серебренников, что он освобожден. Естественно, первое, что я сделал на второй день [утром], это было то, что я зашел к Серебренникову, которого я не застал, так как он ушел в Совет министров, куда направился и я. Там я застал всех собравшимися, и там же я впервые увидел Колчака. Когда это было, не помню.

Обвинитель Гойхбарг. А когда происходили выборы Колчака Верховным правителем?

Молодых. Вероятно, в ночь с 17 на 18 [ноября].

Обвинитель Гойхбарг. Что же в этот день, 18 ноября, Вы узнали относительно обстоятельств, предшествующих или сопутствующих так напугавшему Вас аресту Серебренникова?

Молодых. Все мы были в таком положении, что всегда можно было ожидать сюрприза. Известно, что Грацианов был [насильно] уведен из министерства. И то арестовывал чешский комендант Зайчек, то арестовывали казаки. И никто из нас не был уверен в своей безопасности.

Обвинитель Гойхбарг. Зайчек арестовывал тех, кто были правыми, а казаки тех, кто были левыми?

Молодых. Зайчек, кажется, не особенно разбирался.

Обвинитель Гойхбарг. Кто же был арестован?

Молодых. Все члены [Уфимской] Директории.

Обвинитель Гойхбарг. Виноградов, член партии народной свободы, был арестован?

Молодых. Виноградов, кажется, тоже был арестован.

Обвинитель Гойхбарг. А в заседании 18 ноября Виноградов присутствовал?

Молодых. Присутствовал, кажется.

Обвинитель Гойхбарг. А Вологодский был арестован?

Молодых. Не был.

Обвинитель Гойхбарг. Кто же был арестован? Болдырев был арестован?

Молодых. Болдырев был на фронте. Роговский был арестован.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Новомбергский припомнит более подробно, кто был арестован в этот день?

Новомбергский. Я узнал о событиях в тот день, когда происходили выборы Колчака. Мне говорили, что в предшествующую ночь были арестованы Авксентьев и Зензинов, члены [Уфимской] Директории, казаками, как я узнал после заседания.

Обвинитель Гойхбарг. По чьему распоряжению?

Новомбергский. Этого я не слышал.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Молодых слышал, как Колчак вместе с министром юстиции Старынкевичем объясняли, как арестовали Зензинова и Авксентьева?[4]

Молодых. Я не помню, в первый или во второй день они были арестованы.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Шумиловский, который присутствовал при избрании Колчака и, кажется, был на следующий день, 19 ноября, на заседании [Совета министров], припомнит это обстоятельство, как 19 ноября [было] объявлено относительно того, [за] что арестованы были накануне Зензинов и Авксентьев, кем арестованы и по каким мотивам?

Шумиловский. Насколько помню, на первом заседании подробности ареста не были нам известны. Был известен только самый факт ареста. Если я не ошибаюсь, в начале [следующего] заседания [Совета министров] министр Старынкевич заявил, что арестованные находятся в безопасности и что им другой опасности, кроме ареста, не угрожает.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, Старынкевич был единомышленник Зензинова и Авксентьева?

Шумиловский. Я Старынкевича слишком мало знаю, чтобы утверждать это с определенностью. Полученные мимоходом сведения свидетельствовали о том, что это был человек меняющийся.

Обвинитель Гойхбарг. Но официально в свое время он принадлежал к партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]?

Шумиловский. Я слышал, по крайней мере перед своим вступлением в правительство, что [он] вступил в связь с партией с[оциалистов]-р[еволюционеров].

Обвинитель Гойхбарг. Так этот вступивший в связь с партией с[оциалистов]-р[еволюционеров] министр Старынкевич заявил, что арестованные с[оциалисты]-р[еволюционеры] Авксентьев и Зензинов находятся в безопасности, а на следующий день после этого заявления был избран Колчак?[5] И на следующий день, когда было открытое заседание Совета министров, явились Верховный правитель Колчак и министр Старынкевич и сделали заявление, что к ним накануне пришли некоторые лица и сделали им заявления относительно обстоятельств, сопровождавших арест Зензинова и Авксентьева. Вы помните это?

Шумиловский. Нет, не помню.

Обвинитель Гойхбарг. А может быть, если я помогу Вам, Вы припомните? Верховный правитель Колчак и его министр [Старынкевич], «вступивший в связь с партией с[оциалистов]-р[еволюционеров]», заявили, что накануне, именно 18 ноября — следовательно, перед тем, как, не зная об этом факте, [министры] совершали выборы Колчака,— к ним явился Волков, Красильников и Катанаев и заявили, что, движимые любовью к Родине, они решили арестовать Зензинова и Авксентьева и забрали их к себе; что потом Старынкевич поехал к ним, отвез их из помещения Красильникова, в котором они находились, к ним на квартиру, на дом одного из них; и — по заявлению Старынкевича, их приятеля,— «по их собственной просьбе» приставил к ним стражу.

Шумиловский. Приблизительно такие обстоятельства мне известны. Картина, которую Вы мне нарисовали, по-моему, соответствует действительности. Но когда мне стало известно — сообщили ли мне это на заседании или другим путем — я сказать не могу.

Обвинитель Гойхбарг. Я на несколько времени должен прервать опрос подсудимых и огласить постановления закрытого заседания [Совета министров] 18 ноября и затем постановления открытого заседания 19 ноября (*оглашаются журналы заседаний Совета министров 18 и 19 ноября 1918 г.*)[6].

Теперь Вы, подсудимый Молодых, несколько припоминаете обстоятельства, которые Вы запамятовали?

Молодых. На том заседании я, очевидно, не был. И это объясняется очень просто: когда был Серебренников, я не имел права голоса.

Обвинитель Гойхбарг. А на том заседании, где избирался Колчак, Вы были?

Молодых. Да.

Обвинитель Гойхбарг. И голосовали?

Молодых. Нет, не имел права голоса.

Обвинитель Гойхбарг. Так что, Вы не подавали записки?

Молодых. Я думаю, что нет.

Обвинитель Гойхбарг. Вы назывались товарищем министра. Неужели Вы не можете припомнить, подавали ли Вы записку, воздерживались ли от голосования или не участвовали в голосовании?

Молодых. Я не имел права.

Обвинитель Гойхбарг. Следовательно, Вы категорически заявляете, что Вы не участвовали в голосовании?

Молодых. Раз был Серебренников, я не мог быть.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Шумиловский, Вы участвовали [в выборах Верховного правителя]?

Шумиловский. Участвовал.

Обвинитель Гойхбарг. И записку подавали?

Шумиловский. Подавал.

Обвинитель Гойхбарг. За кого Вы подавали?

Шумиловский. Я подавал за адмирала Колчака.

Обвинитель Гойхбарг. Вы имели о нем сведения?

Шумиловский. Я имел о нем сведения как об адмирале.

Обвинитель Гойхбарг. Я сообщаю, что адмиралом [Колчак] был назначен вами после того, как [вы] решили, что неприлично вице-адмирала избирать Верховным правителем.

Шумиловский. Я это для краткости сказал. Насколько мне было известно, он пользовался большой популярностью среди матросов, настолько большой, что они хотели его сохранить, несмотря на все последующие события. Потом уже, незадолго до избрания [Колчака Верховным правителем], стало известно, что он пользуется поддержкой англичан и американцев, но к нему в высшей степени отрицательно относятся японцы. Я считал, что адмирал Колчак, как сильная личность, сможет сдержать военную среду и предохранить государство от тех потрясений, которые неизбежно грозили справа. Эти мотивы — популярность в демократических странах — Америке, Англии, умение поставить себя в военной среде, подтвержденное его положением в Черноморском флоте,— и заставили меня подать голос за него. Я видел в этом гарантию, что те страшные события, которые происходили перед этим и которые только что произошли, не повторятся. Я голосовал за Колчака как [за] единственный выход из создавшегося тяжелого положения. Как я показал на допросе следственной комиссии, как [за] меньшее из зол.

Обвинитель Гойхбарг. Были ли Вам известны не выводы и заключения, которые [были] сделаны потом и предъявлены Вам относительно деятельности Колчака, а обстоятельства его жизни: что он согласился тайком от Временного правительства принять американское поручение; что он потом вступил на английскую службу для отправки в Месопотамский фронт; что он был отправлен в распоряжение английского правительства и по ходатайству Кудашева, который назывался послом в Пекине, отправлен во Владивосток, т. к. английское правительство считало более выгодным его пребывание здесь, чем на Месопотамском фронте; что [Колчак] сговаривался с Семеновым, который, по его словам, приставлял револьвер ко лбу и все выносил из помещений; что потом он сказал, что ему все равно с кем служить, с Семеновым или на английской службе, ибо он служил интересам Родины — все эти обстоятельства были известны?

Шумиловский. Мне [было] известно по газетным сведениям, что он принял предложение Англии бороться против Германского союза на Месопотамском фронте. И я считал Германию нападающей страной, которая стремится к экономической и к политической гегемонии во всем мире. Эту оборонческую войну я считал вполне справедливой, и поэтому поступок адмирала Колчака, согласившегося поступить на иностранную службу при таких обстоятельствах, я считал поступком патриота и ничего предосудительного в этом не видел.

Такое же впечатление покойный адмирал оставил у меня и во всех последующих столкновениях. Я потом пришел к убеждению, что он плохой Верховный правитель. Но я считал его безукоризненно честным человеком. И ни одного

факта, который бы разбил мою веру [в него], за весь последующий период мне не удалось узнать.

Обвинитель Гойхбарг. Даже и [то, что] при Вашем участии он не сохранил звание честного человека?

Шумиловский. Виноват, я не понимаю вопроса.

Обвинитель Гойхбарг. В обвинит[ельном] заключении указано, что после того, как была провозглашена эвакуация из Омска в Иркутск[7] и когда, следовательно, дома Верховного правителя не существовало, в Совете министров при Вашем участии, если я не ошибаюсь, было принято постановление отпустить 3 000 000 рублей на перенесение канцелярии, управления домом, [для] гаража и конвоя Верховного правителя и 75 000 рублей на приобретение столовой для дома Верховного правителя[8]. Вы этот факт знали?

Шумиловский. Этого факта я не отрицаю. Ничего в этом факте позорящего его, как честного человека, я не вижу. Сравнительно мелкое ассигнование [в 75 тыс. рублей]. Это было, сколько мне помнится, покрытие старых счетов за купленную мебель и еще что-то в этом роде. Что касается миллионного ассигнования, то это было на эвакуацию.

Обвинитель Гойхбарг. Как могло эвакуироваться управление домом, если дом не переносился из Омска в Иркутск? Ведь дом оставался здесь, в Омске?

Шумиловский. Вывозилась канцелярия, вывозился штат служащих.

Обвинитель Гойхбарг. Вы, кажется, подписывали ассигновку и постановление об управлении домом? Как можно переносить управление домом?

Шумиловский. Я думаю, что это касалось сравнительно небольшого штата, и, во всяком случае, эта сумма не достигала больших размеров. По каким мотивам нужно было перевозить также управление домом, я сказать не могу.

Обвинитель Гойхбарг. Вы считаете 3 000 000 [рублей] незначительной суммой на эвакуацию?

Шумиловский. Я в такой короткий срок не мог этой суммы проверить.

Обвинитель Гойхбарг. А не было ли у Вас возможности сравнить? Через два дня было назначено не на перемещение, а на эвакуацию Совета министров со всеми его учреждениями 500 000 рублей.

Шумиловский. Когда дела решались в таком спешном порядке, их все не запомнить. Если я эту сумму помню, то только потому, что она повторена в Вашем заключении.

Обвинитель Гойхбарг. А не припомните ли Вы дальше, что еще через пару дней, шел вопрос о том, что для эвакуированных чиновников отпускается на каждый вагон 7 000 рублей, причем государственный контролер Краснов заявил в особом мнении, что достаточно 5 000 р[ублей][9]. Мож[ет] быть, если Вы сопоставите 5 000 и 3 млн [рублей], то выйдет около 600 вагонов, нужных для эвакуирования управления домом, гаража, конвоя и канцелярии.

Шумиловский. Эти ассигнования были произведены раньше. Значит, последующие расчеты не могли быть приняты во внимание. Я подробно не помню, но, во всяком случае, были особые ведомства, которые должны были следить за правильностью этих исчислений. И, конечно, ни один министр, ни один управляющий ведомством не мог на самом заседании проверить правильности того или другого подсчета.

Обвинитель Гойхбарг. А покрытие расходов на мебель, приобретенную раньше для дома, которая оставляется здесь после эвакуации и не считается уже ни принадлежностью правительства, ни принадлежностью того, кого Вы считали

Верховным правителем? Покрывать такие суммы полковнику Львову, Вы считали, никакого пятна на это лицо не кладет?

Шумиловский. Эти деньги заплачены за действительно приобретенные вещи.

Обвинитель Гойхбарг. Без разрешения кого бы то ни было?

Шумиловский. Я думаю, тут предварительного разрешения не последовало. Это было покрытие тех расходов на вещи, которые заранее приобретались.

Обвинитель Гойхбарг. А если бы для столовой были приобретены многомиллионные вещи, Совет министров должен был бы тоже заплатить?

Шумиловский. Тогда был бы другой разговор, и было бы другое обсуждение вопроса. Дело касается только вопроса о 3 000 000 руб. на управление и эвакуацию.

Обвинитель Гойхбарг. А может быть, управление дома перевозило и столовую мебель?

Шумиловский. Может быть.

Обвинитель Гойхбарг. Вы указывали, что, голосуя за Колчака, Вы руководились деятельностью его в Черноморском флоте. А Вам известно, что он самовольно покинул флот?

Шумиловский. Нет, не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы знаете, что Колчак в своих показаниях это подтвердил?[10] Вы знаете, что в Иркутске происходил допрос адмирала Колчака, который был назначен адмиралом 18 ноября 1918 года, чрезвычайной следственной комиссией в течение января и первых дней февраля?

Шумиловский. Об этом я слышал.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Вы знаете и состав той комиссии, которая его допрашивала.

Шумиловский. Полного состава [ее] я не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. А если я напомню Вам, что председателем этой комиссии был Константин Андреевич Попов и членами ее были Денике[11], [Г. И.] Лукьянчиков и Алексеевский[12].

Шумиловский. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А может [быть], фамилия Алексеевский Вам что-нибудь говорит?

Шумиловский. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Вы интересовались теми делами, которые происходили в Иркутске?

Шумиловский. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А что происходило в Государственном экономическом совещании[13], знали?

Шумиловский. Знал.

Обвинитель Гойхбарг. А членов его знали?

Шумиловский. Знал, [но] не всех.

Обвинитель Гойхбарг. Что же это за Г[осударственное] э[кономическое] с[овещание], в которое министерство труда вносит законопроекты и не знает, из кого оно состоит?

Шумиловский. Я не мог за короткое время изучить его полностью. Как раз перед летом я уезжал в месячный отпуск, потом я хворал и не посещал заседания Г[осударственного] э[кономического] с[овещания] шесть недель.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Молодых знает фамилию Алексеевского?

Молодых. Понаслышке я знаю того, который был на Дальнем Востоке.

Обвинитель Гойхбарг. Который был председателем [Амурской] земской управы и который был членом Гос[ударственного] эк[ономического] сов[ещания] при Колчаке. Может быть, Вы помните?

Шумиловский. Об этом говорили.

Обвинитель Гойхбарг. А партийная принадлежность его не была указана?

Шумиловский. Я не помню, чтобы он делал открытые выступления в Г[осударственном] э[кономическом] с[овещании], и в частности по тем проектам, которые выносило министерство труда. Там, например, разбирался большой проект относительно фиксирования восьмичасового рабочего дня.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Молодых знает партийную принадлежность Алексеевского?

Молодых. Если я не ошибаюсь, он был с[оциалистом]-р[еволюционером] или н[ародным] с[оциалистом].

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, кто-ниб[удь] из сибиряков-областников знает фамилию деятеля Сибири Алексеевского? Подсудимый Новомбергский, Вы знаете?

Новомбергский. Я знаю его фамилию, но партийной принадлежности не знаю. Знаю только, что он левого направления.

Червен-Водали. Я могу сказать. Алексеевский состоял секретарем Гос[ударственного] эк[ономического] сов[ещания] и принадлежал к числу членов группы земской и городской. Он являлся довольно деятельным членом Гос[ударственного] эк[ономического] сов[ещания]. Но он отсутствовал в продолжение полутора месяцев.

Обвинитель Гойхбарг. Я оглашу стенограмму показания Колчака. Причем я прошу удостоверить, что почти весь допрос Колчака велся исключительно [бывшим] секретарем Г[осударственного] э[кономического] с[овещания] Алексеевским (*защита не возражает*). И вот если [этому] своему недавнему сотруднику Колчак давал показания, Вы считали бы, что им можно вполне доверять?

Шумиловский. Я повторяю, что я смотрел на Колчака как на несостоятельного Верховного правителя. Но я считал и продолжаю его считать человеком, несомненно, честным, и поэтому тому, что он показывал, я верю.

Обвинитель Гойхбарг. А в особенности, мож[ет] быть, если допрос вел главным образом Алексеевский, что, я думаю, исключало всякую возможность какого бы то ни было не только физического, но и психического принуждения по адресу Колчака?

Шумиловский. Я не смею заподозревать [ни] в малой степени тот факт, что Алексеевский правильно передал заключение[14] Колчака.

Обвинитель Гойхбарг. Я тогда ходатайствую перед трибуналом. Мож[ет] быть, защита, ознакомившись (а она ознакомилась с содержанием стенограммы показаний Колчака), не станет возражать, что те факты, которые указаны в [обвинительном] заключении, предъявленном подсудимым, не выводы, не заключения, а факты, с которыми я обратился, в частности, к подсудимому Шумиловскому, действительно содержатся в показаниях Колчака?

Защитник Айзин. Защита это подтверждает.

[Обвинитель Гойхбарг.] Следовательно, указывается, что из Черноморского флота Колчак бежал, оставив его и передав власть над Черноморским флотом в порядке военного боевого приказа своему помощнику[15].

Шумиловский. Это мне известно не было.

Обвинитель Гойхбарг. А если бы Вы это знали, Вы бы не голосовали за него?

Шумиловский. Я не знаю, что было бы тогда при изменившихся обстоятельствах: если бы было известно одно или если бы было известно другое. Я повторяю: мотив, который заставил меня голосовать за него, был тот, что я его считал способным овладеть буйной военной средой и оградить страну от атаманских выходцев справа.

Обвинитель Гойхбарг. А Волков, Катанаев и Красильников были атаманскими выходцами? Вы вчера указывали, что с Волковым никто не мог справиться. Когда Вы здесь узнали, что Вас обманули, потому что сказано было в заявлении, что накануне, еще до выборов Колчака, к Старынкевичу явились Волков, Катанаев и Красильников и заявили, что они распорядились изъять [часть] членов [Уфимской] Директории, создать положение, при котором не существует кворума [Уфимской] Директории, и создать возможность «естественного» перехода власти к Совету министров, который может ее передоверить Колчаку, когда Вы узнали тот факт, что именно атаманщина создала возможность передать власть Колчаку, Вы тогда не раскаялись в своем голосовании?

Шумиловский. Тогда было решено нарядить следствие над этими лицами.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, не следствие, а суд?

Шумиловский. Да, суд.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы знаете, чем кончился этот суд?

Шумиловский. Да, они были все оправданы. И это нанесло сильный удар [по] всем надеждам.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы пытались выразить это, что Вы получили удар? Может быть, Вы подали прошение об отставке или иначе реагировали, получив этот шок?

Шумиловский. Я прошения об отставке [тогда] не подал, а подавал его в декабре месяце [1918 г.].

Обвинитель Гойхбарг. Не доводя его до заседания Совета министров?

Шумиловский. Нет, оно рассматривалось в Совете министров и должно находиться в делах его. Но в протоколе этого не было.

Обвинитель Гойхбарг. А у Вас были такие заседания, которые в протокол не заносились?

Шумиловский. Это бывало на закрытых заседаниях.

Обвинитель Гойхбарг. По крайней мере, в обзоре я этого не видел.

Шумиловский. В данном случае я только мог считать, что эта борьба не может, конечно, начаться с первого же часа. И Колчак не настолько всесильный человек, чтобы сразу сильной рукой схватить этих людей. Очевидно, нужно было, как мне казалось, известное время [для] подготовки. Нужно было укрепиться для того, чтобы этот конфликт не стал опасным для власти. К сожалению, такого момента не наступило. Но я все-таки убежден, что момент не наступил не благодаря нежеланию.

Гойхбарг. А Вы не думаете, что Колчак хотел оправдания Красильникова, Волкова и Катанаева? Вы не думаете, что он учредил этот суд не для кары, а чтобы снять нарекание с них?

Шумиловский. Я изложил свой взгляд. И думаю, что он поступал как официально...

Гойхбарг. А Вы не думаете, что [он] официально заявил, что этот суд назначен не для наказания? Что он берет ответственность на себя и заявляет, что не допустит никакого наказания?

Шумиловский. Я не помню.

Гойхбарг. А если [бы] это было оглашено?

Шумиловский. Я бы сказал, что, значит, таковы были его намерения.

Гойхбарг. А не напоминают ли Вам события 18 ноября те события, которые произошли 21 сентября [1918 г.]? Меньше двух месяцев прошло после ареста двух членов [Сибирской] Директории. Тогда было так: арестованы были два члена Сибирской Директории; нет кворума; прошение об отставке принимается, потому что они все-таки считаются присутствующими; затем приятель одного из них получает поручение выразить сочувствие уволенным министрам. Так же и здесь. Прошения об отставке нужны, но они не существуют. Тогда едут объявить их «свободными» [от содержания под стражей] и «по их просьбе» приставляют стражу на дому.

Шумиловский. Я думаю, что не только много сходства, но события совершенно одинаковы.

Гойхбарг. И в одном, и в другом случае и Волков, и Красильников фигурируют. Может быть, с Вашей точки зрения это значило что-нибудь желательное?

Шумиловский. Нет, я отказывался рассматривать прошения Крутовского и Шатилова об отставке.

Гойхбарг. А не отказывались подать записку за Колчака при таких же обстоятельствах?

Шумиловский. Я немного не понимаю вопроса.

Гойхбарг. Вы сказали, что тогда Вы отказались принять участие, а тут Вы принимали участие в сконструировании этого правительства.

Шумиловский. Как наименьшее из зол.

Гойхбарг. А когда были [арестованы] два члена [Уфимской] Директории (и власть естественно перешла к тем, кто находится здесь перед Вами), не пришло ли Вам в голову, что есть более естественный выход: взять арестованных, привести сюда, и будет кворум?

Шумиловский. Положение вещей обрисовывалось таким образом, что это могло быть сделано только физической силой.

Гойхбарг. Которая была у Колчака?

Шумиловский. В данный момент не было и у Колчака.

Гойхбарг. Значит, Вы рассчитывали, что порождение этой силы поможет Вам эту силу подчинить, и будет [можно] бороться с атаманщиной?

Шумиловский. Для этого нужно было думать, что выдвижение Колчака было сделано атаманщиной. Такого вывода я не мог сделать, так как никаких фактов у меня не было.

Гойхбарг. А не говорил [ли] Вам Матковский, что сам собой напрашивается такой выход: что можно привести сюда арестованных, и будет кворум?

Шумиловский. Чтобы Матковский передавал эти слова, я не помню.

Гойхбарг. Вы, кажется, были знакомы с Виноградовым? Он не говорил, что Матковский ему шепнул это?

Шумиловский. Нет, не передавал. А если бы [и] передал, то я не придал бы [этому] значения. Потому что, когда Матковскому я сказал, что нужно принять меры против ареста, он сказал, что боится встретить неповиновение со стороны воинских частей, если он отдаст им приказание. И они не пожелают его выполнить. Значит, если [бы] он это говорил, то это было бы неискренне. Если военный человек говорит, что он не может на это решиться, то, значит, положение еще более ухудшилось.

Гойхбарг. Разве Вам кто-нибудь сообщал, что эти лица арестованы такими силами, с которыми опасно начинать борьбу? Вы [ведь] не знали, кто это устроил?

Шумиловский. Догадаться было нетрудно, имея прежний опыт.

Гойхбарг. А если нетрудно было догадаться, что это сделала атаманщина, то нетрудно было догадаться и о том, что атаманщина создала условия для избрания Колчака.

Защитник. Я прошу удостоверить, что в заседании [Совета министров 18 ноября] значилось присутствующих 18 [человек], а подано записок 14.

Гойхбарг. Значатся присутствовавшими 26. Подано записок: 13 «за» Колчака и одна «за» Болдырева[16]. [Прошу ввести свидетеля Матковского.]

Защитник. До привода свидетеля разрешите опросить присутствующих, участвовали ли они в избрании Колчака?

Гойхбарг. Я не возражаю. Но не в данную минуту, иначе мы задержим свидетеля. После этого можно сделать.

[Вводят свидетеля Матковского.]

Председатель. Свидетель Матковский, предупреждаю Вас в случаях ложных показаний об ответственности перед трибуналом.

Гойхбарг. Скажите, свидетель Матковский, 18 ноября в заседании того собрания, которое называло себя Советом министров в Омске и которое избрало адмирала Колчака Верховным правителем, Вы присутствовали?

Матковский. Присутствовал, да.

Гойхбарг. Не припомните ли Вы обстоятельства, почему оказалось необходимым в тот момент избрать новое правительство, если до того времени существовало тоже учреждение, которое называлось правительством?

Матковский. Ввиду того, что я посвятил всю свою жизнь военному делу и политикой никогда не занимался, я не могу ничего ответить на этот вопрос.

Гойхбарг. Вы никогда политикой не занимались?

Матковский. Да.

Гойхбарг. А что Вы понимаете под политикой?

Матковский. Это, я думаю, заведет нас слишком далеко.

Гойхбарг. Я предлагаю не думать, а отвечать на этот вопрос.

Матковский. Я повторяю — политикой не занимался. Я и имею право не отвечать на заданный вопрос, что значит политика.

Гойхбарг. Я думаю, что свидетель обязан давать ответы на все вопросы. И [не] имеет права не отвечать, тем более перед чрезвычайным трибуналом советской республики. Что Вы называете политикой?

Матковский. Ввиду того, что я специалист по военному делу, я не занимался политикой. Если Вы меня спросите про военное дело, я отвечу [на] все, что угодно. А политикой я называю вмешательство в руководство государственной жизнью.

Гойхбарг. Вы даже не знакомились с тем, что происходит вокруг Вас?

Матковский. Я знал только то, что входило в круг моей деятельности.

Гойхбарг. А не были ли Вы на следующий день назначены председателем суда, разбиравшего обстоятельства дела бывшего Сибирского правительства?

Матковский. Нет, не так. Я был назначен председателем суда, чтобы судить лиц, посягнувших на верховную власть.

Гойхбарг. Значит, они посягнули на какую-то власть, ранее существовавшую. Ранее существовала какая-то верховная [власть]. Какое же это было учреждение накануне 18 сентября?[17]

Матковский. Это была [Уфимская] Директория.

Гойхбарг. Кто были ее члены?

Матковский. Это тоже мне неизвестно.

Гойхбарг. Значит, посягательство на верховную власть, которое Вы должны [были] судить, выразилось в чем?

Матковский. В аресте двух членов [Уфимской] Директории.

Гойхбарг. Я, задавая Вам вопрос об обстоятельствах, вынудивших провозглашение этого правительства, хотел получить именно этот ответ.

Матковский. Извиняюсь, что я не так Вас понял.

Гойхбарг. Значит, выразилось в аресте двух членов [Уфимской Директории]. Это изъятие двух членов создало такое положение, после которого верховная власть считалась не существовавшей. Из кого же состояла эта верховная власть?

Матковский. Из пяти человек.

Гойхбарг. Где они были?

Матковский. Их в Омске не было.

Гойхбарг. Значит, они даже не присутствовали в Омске?

Матковский. Генерал Болдырев был на фронте, и два лица были арестованы.

Гойхбарг. Не припомните ли Вы, по чьему распоряжению они были арестованы?

Матковский. Я знаю, что они были арестованы по личному почину тремя военными лицами. Но по чьему распоряжению, мне неизвестно.

Гойхбарг. Я хотел бы знать фамилии этих лиц.

Матковский. Волков, Красильников и Катанаев.

Гойхбарг. Вы располагаете их в порядке важности или случайно?

Матковский. Случайно.

Гойхбарг. Значит, по личному почину они распорядились арестовать членов [Уфимской] Директории. И Вы их назначены были судить?

Матковский. Совершенно верно.

Гойхбарг. Вы имели сведения о Волкове?

Матковский. Да.

Гойхбарг. Вам не приходилось слышать о деле Волкова?

Матковский. Было два дела Волкова.

Гойхбарг. Одно было в ночь на 21 сентября. Может быть, он также распорядился сделать нечто «по личному почину»?

Матковский. Это был арест Крутовского и Шатилова и председателя [Сибирской] областной думы Якушева.

Гойхбарг. И человека, фамилию которого Вы не могли припомнить.

Матковский. Новоселова. И второе дело — как раз убийство этого гражданина Новоселова.

Гойхбарг. Тогда Вы не припомните, «за этот личный почин» Волков понес наказание?

Матковский. Я могу ответить совершенно определенно, что Волков был отрешен от должности по приказу ген[ерала] Иванова-Ринова и арестован. Он находился под арестом. Была назначена чрезвычайная следственная комиссия для расследования преступления. И с приездом [Уфимской] Директории в Омск эта чрезвыч[айная] следст[венная] комис[сия] была передана Аргунову.

Гойхбарг. Эти подробности раскрывались перед трибуналом, и на них настаивать[18] не приходится. Вы сказали, что Волков после распоряжения Иванова-Ринова был отрешен от должности и подвергнут аресту?

Матковский. Да.

Гойхбарг. Домашнему?

Матковский. Он был арестован в месте своего жительства.

Гойхбарг. А не припомните ли Вы, что через 8 дней он был освобожден?

Матковский. Он был освобожден Ивановым-Риновым, вернувшимся в Омск [из Уфы].

Гойхбарг. И потом что же, [он] ни на какую должность не попал?

Матковский. Распоряжением этого командующего армией он был отправлен на Дальний Восток.

Гойхбарг. Отправлен или с ним (командующим армией.— *В. Ш.*) поехал на Дальний Восток?

Матковский. Он уехал на Д[альний] Восток; в одном ли поезде с Ивановым-Риновым, я не могу утверждать.

Гойхбарг. Может быть, я могу напомнить свидетелю, что вчера в трибунале было установлено, что, когда в следственную комиссию был приглашен Волков для дачи объяснений, получено было заявление, что Волков вместе с командующим армией, как раз в этот день, когда его нужно было вызвать в следственную комиссию, уехал на Д[альний] Восток. И от начальника гарнизона было такое объяснение получено. А кто был начальником гарнизона 20 октября, может быть, припомните? Кто был назначен по прямому проводу?

Матковский. Если не ошибаюсь, ген[ерал] Лешке[19].

Гойхбарг. А не Бржезовский?[20]

Матковский. Может быть. Несколько дней был Лешке, а потом Бржезовский.

Гойхбарг. Не был ли он (Бржезовский.— *В. Ш.*) назначен в чрезвычайный суд, который должен был судить Волкова за посягательство на верховную власть? И вот Бржезовский, начальник гарнизона, был Вам подчинен 16 октября?

Матковский. Да, был подчинен.

Гойхбарг. Значит, если ему давали такие поручения, [то,] по-видимому, он производил их не без Вашего ведома?

Матковский. Это только по-видимому.

Гойхбарг. А случалось, что подчиненные Вам начальники гарнизона не сообщали Вам своих действий?

Матковский. Очень часто случалось.

Гойхбарг. А полковник Волков?

Матковский. Полковник Волков, как командир казачьей бригады, должен был сам донести мне, как командиру [2-го Степного] корпуса. Но этого не сделал, потому что он получил распоряжение помимо меня от командующего Сибирской армией.

Гойхбарг. Почему Вы знали, что он получил такое распоряжение?

Матковский. Потому что никто, кроме Иванова-Ринова, не мог его командировать [на Дальний Восток].

Гойхбарг. А если он не слушался Ваших распоряжений? Может быть, он добровольно поехал?

Матковский. Может быть, он сообщал. Когда я спросил, почему уехал Волков, мне сказали, что по распоряжению Иванова-Ринова.

Гойхбарг. И своему подчиненному Бржезовскому за то, что он не донес Вам, что вызываемый чрезвыч[айной] след[ственной] комис[сией] уехал самовольно на [Дальний] Восток, что он не осведомил Вас по команде…

Матковский. Гражданин [обвинитель], повторяю, что я от Вас в первый раз слышу, что он не явился в следственную комиссию.

Гойхбарг. Но Вам от Волкова приходилось слышать, что некоторый человек под псевдонимом Лиссабонский[21] был командирован в Петропавловск для расследования [другого дела Волкова] и после расследования исчез?

Матковский. Мне совершенно неизвестно. Кроме того, Петропавловск не входил в район моего корпуса.

Гойхбарг. Вы только тем интересовались, что входило в Ваш корпус?

Матковский. Я говорю не о том, чем я интересовался, а [о том,] что я знал.

Гойхбарг. А не были ли Вы 21 сентября заместителем исполняющего обязанности командующего армией и военного министра в ночь, когда были арестованы Крутовский и Шатилов и [человек,] фамилию которого Вы забыли, Новоселов?

Матковский. Я занимал должность[22] отсутствовавшего Иванова-Ринова [как] управляющего министерством. Ввиду того, что командующий Сибирской армией уезжал в район своей армии, он по закону оставался командующим своей армии. Значит, и замены не требовалось.

Гойхбарг. Когда Вам предлагали принять меры к аресту Волкова, не заявляли ли Вы в Административный совет, что занимаемый Вами пост Вам не вручен, ибо не было отдано приказа о Вашем командовании армией, и Волков мог не подчиниться Вам?

Матковский. Совершенно верно. Но здесь идет речь не о командовании армией, а о временном управлении министерством. Иванов-Ринов, уезжая в Уфу на совещание для выбора Директории, не отдал приказа, что в должности управ[ляющего] министерством остаюсь я. А сказал это на словах. Поэтому у меня не было фактических данных.

Гойхбарг. А по военным законам нельзя было это сделать на словах, не объявляя приказа?

Матковский. Сознавая, что мы могли убедить только своих подчиненных, я не находил дост[аточных] оснований[23].

Гойхбарг. А на каком основании Вы ходили к [прямому] проводу и требовали у Иванова-Ринова, чтобы Волков был смещен?

Матковский. Совершенно верно, я делал доклад Иванову-Ринову. [Тогда] я был вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] военного министра.

Гойхбарг. А разве военному министру не обязаны подчиняться воинские части? Значит, если бы Вы как военный министр отдали приказание, они должны были подчиниться? И основания у Вас были?

Матковский. Мало того, я мог объявить себя Верховным главнокомандующим.

Гойхбарг. А разве это было так трудно? Свид[етель] Матковский, Вы сказали, что у Вас не было приказания Совета министров о том, что[бы] Вы [временно] вступили в должность.

Матковский. Я приказ отдал, но они могли сказать, что мы приказа не читали и подчиняться не желаем. Вы путаете должности коман[дующего] войсками и военного министра.

Гойхбарг. А Вы отдали приказ, что Вы вступили в должность военного министра?.. Я могу припомнить, когда отдавался приказ лицом, вполне знакомым с [военным] делом, и это было вполне законно.

Матковский. Я, вероятно, буду иметь случай, когда Вам угодно будет меня допрашивать, об этом Вам докладывать. И Анненков, который мне был подчинен, точно так же мне не подчинялся.

Гойхбарг. А Вы принимали меры? Вы сказали, что политикой не занимались, а военное дело делали. Что Вы делали с не подчиняющимися Вам подчиненными? Вы применяли к ним какие-нибудь репрессии, например к Анненкову?

Матковский. Двумя словами ответить нельзя.

Гойхбарг. Если желаете, дайте ответ на вопрос не двумя словами.

Матковский. Нужно правильно называть и правильно понимать. Командир корпуса — это человек, который имеет власть в войсках. Я был командующим, когда в войсках был полный хаос. Армия была разрушена, и ничего не создано. Были отряды в несколько тысяч [человек], которыми руководили такие энергичные люди, как Анненков. Они имели в руках физическую силу, которой ни у кого не было.

Гойхбарг. А не пожелал ли Анненков поменяться с Вами [должностями] и стать командиром корпуса?

Матковский. Может быть, Вы мне разрешите не отвечать на этот вопрос? Вы не дали мне [о]кончить.

Гойхбарг. А не считаете ли Вы несоответствующим положению считаться командиром корпуса и получать жалование, не принимая никаких мер, и видеть, что люди Вам не подчиняются?

Матковский. У меня в корпусе было около 60 000 новобранцев, и все мое внимание было сосредоточено на создании из них войск. Если бы [мне] удалось их создать, конечно, я имел бы возможность справиться со всеми подчиненными, которые мне не подчинялись.

Гойхбарг. А воинские законы допускали только физическую силу или военные суды?

Матковский. Можно предавать военному суду, если есть фактическая возможность исполнить это предание военному суду.

Гойхбарг. Вы сказали, что политикой не занимались. Те, кто занимается политикой, могут так оценивать факты. А военные люди что должны сделать, если [они] встречают неподчинение?

Матковский. Они должны сообразить, есть ли у них реальная сила или нет. Действовать иначе значило бы ставить и себя, и власть в смешное положение.

Гойхбарг. А у Вас военные силы существовали. Значит, можно было отдать под суд?

Матковский. Я совершенно серьезно говорю, [что] нельзя отдать под суд человека, находящегося за несколько тысяч верст и [не] имея в руках вооруженную силу.

Гойхбарг. Так может рассуждать человек, занимающийся политикой. Но военная власть могла бы сделать попытку для предания суду.

Матковский. Для того, чтобы можно было это сделать, я решил создать силу, при помощи которой я мог бы с ними справиться.

Гойхбарг. А военные законы позволяют так делать, [чтобы] вместо предания суду оценивать события? Разве в том, что называется военными законами, допускается такой порядок? Вы, кажется, с военными законами были знакомы? Дозволялось ли Вам заниматься политикой?

Матковский. Каждый начальник должен думать, к чему приведут его распоряжения.

Гойхбарг. А [разве] это не есть политика?

Матковский. Нет, это не есть политика. Военные также должны думать.

Гойхбарг. Значит, военные не могут сказать, что они не занимаются политикой и не знают обстоятельств, при которых совершился переворот и т. д. Я предлагал вопрос [о том], какие обстоятельства вызвали переход от одной власти к другой. Я [это] выяснил [и выяснил также], что, занимаясь военным делом, Вы оценивали обстановку.

Матковский. Я Вас не понял; если бы Вы спрашивали, какие обстоятельства вызвали замену одной власти другой, я бы Вам ответил.

Гойхбарг. Почему же Вас назначили председателем чрезвычайн[ого] суда для разбора дела о посягательстве на верховную власть, если Вы занимались только военным делом?

Матковский. Об этом надо спросить тех, кто это сделал. Мне было прислано определенное уведомление, что Совет министров избрал комиссию и приказал в тот же день открыть заседание суда.

Гойхбарг. Значит, командующий корпусом был подчинен Совету министров?

Матковский. В состав Совета министров входил военный министр.

Гойхбарг. Когда это, 19 сентября[24], когда был назначен вами вице-адмирал Колчак Верховным правителем и адмиралом?

Матковский. Значит, это было не распоряжение Совета министров, а Верх[овного] правителя.

Гойхбарг. А приказы Верх[овного] правителя для Вас были обязательны?

Матковский. Совершенно верно.

Гойхбарг. Значит, приказы Верх[овного] правителя для Вас были обязательны без всякого различия, в смысле совершения известных действий? Вам было все равно…

Матковский. Нет, не все равно. То, что клонилось бы к вреду государства или противоречило моей совести…

Гойхбарг. Это военные люди так рассуждают или политики?

Матковский. Это военные люди так рассуждают. Этому нас учили со школьной скамьи. Видите ли, гражданин обвинитель, приказы боевые — это одно, а [другие приказы] — это совершенно другое.

Гойхбарг. А если [бы] Вам приказали, что Вы должны явиться на [судебное] заседание и разобрать это дело? Не говорил ли он (Колчак.— *В. Ш.*) Вам, что я этот суд назначу не для того, чтобы кого-либо наказать, а чтобы снять нарекание?

Матковский. Совершенно определенно утверждаю, что ничего по этому вопросу адмирал Колчак мне не говорил ни письменно, ни лично.

Гойхбарг. А не говорил ли он Волкову?

Матковский. Этого я не знаю.

Гойхбарг. А Волков Вам не заявлял?

Матковский. Не заявлял.

Гойхбарг. Я прошу огласить из показаний Колчака (*читает*)[25]. Скажите, свид[етель] Матковский, после оглашения этого заявления, может быть, Вы скажете, что Вам были известны причины этого суда?

Матковский. Я определенно заявляю, что я не разговаривал ни с адмиралом Колчаком, ни с Волковым, участия в этом [от]командировании не принимал, но был назначен.

Гойхбарг. А Вы с обстановкой военных судов и военными законами знакомы? Что допускается в военных судах?

Матковский. Очень мало.

Гойхбарг. А если Вы были председателем военного суда, то знали…

Матковский. Я был поставлен в чрезвычайно затруднительное положение, попав в председатели суда, не зная существующих законов. И другие члены [суда] были также не юристы.

Гойхбарг. И Вас не удивило, что назначается чрезвычайный суд из лиц, с формальностями суда незнакомых?

Матковский. Удивило.

Гойхбарг. А Вы удивились, но не подняли даже вопроса. А не было в делопроизводстве этого суда лиц, которые [Вам] раньше были известны?

Матковский. Мне эти лица раньше не были известны.

Гойхбарг. А фамилии Вы также не знали? Например, [поручик] Сосновский.

Матковский. Совершенно верно.

Гойхбарг. Из присяжных поверенных.

Матковский. Не знал.

Гойхбарг. Итак, он мог отложить это дело и ознакомить Вас с формальностями. Или Вы даже не попытались ознакомиться?

Матковский. Не только пытался, но даже потребовал законоположение и с ним ознакомился.

Гойхбарг. В законоположении имеется ли [норма], что на военном суде допускается обвинитель? Лицо обвиняющее в состав суда входит? Вот здесь я являюсь обвинителем.

Матковский. Я затрудняюсь этим вопросом, потому что это время я посвятил изучению своих обязанностей как председателя [суда].

Гойхбарг. Председатель должен руководить судом. А обвинителя он допускает?

Матковский. Этот вопрос у меня не возникал.

Гойхбарг. Но если он допускает обвинение, то он должен допускать и защиту. А не приходилось ли Вам иметь дело с решениями разных военных судов?

Матковский. С решениями приходилось, а с процессом ведения суда нет.

Гойхбарг. А не приходилось ли Вам слышать о таких процессах, где допускалось бы обвинение, но крайне редко защита?

Матковский. У нас есть разница между военным фронтовым и военно-полевым судом.

Гойхбарг. Вы только перед судом взяли законоположение, чтобы с ним ознакомиться. Теперь Вы хотите мне объяснить эту разницу. А в качестве военного человека и командующего корпусом Вам приходилось утверждать приговоры военно-полевых судов? Не слышали ли Вы жалоб, что в военных судах допускается обвинение, но крайне редко защита?

Матковский. Во фронтовых военных судах защита всегда допускается.

Гойхбарг. Тогда обязательно и обвинение.

Матковский. Затрудняюсь [ответить].

Гойхбарг. А не приходилось ли Вам слышать о таких судах, где обвинения не было, а была только защита? Приходилось ли Вам слышать хоть раз такое заявление?

Матковский. Я не бывал на заседаниях военно-полевых судов, и мне слышать не приходилось.

Гойхбарг. Когда Вы утверждали протоколы, может быть, Вы видели, что фигурировала только защита и не было обвинения?

Матковский. Я на эту сторону [дела] совершенно не обращал внимания.

Гойхбарг. А протокол судебного заседания, которое Вы вели, Вы его прочли?

Матковский. Совершенно верно.

Гойхбарг. А не обратили ли Вы внимания, [что] там сказано: «Подсудимые явились со своими защитниками»? Затем: «Защите дается слово».

Матковский. Значит, Вам интересен мой взгляд?

Гойхбарг. Нет, как Вы подписали такое заявление? Приступая к делу, Вы дали защите слово?

Матковский. Только сейчас, когда Вы об этом говорите, я вспомнил, что я и все остальные члены [суда] обратили внимание [на то], что обвинения там не было, а защита была.

Гойхбарг. Не только так, а и в протоколе записано «пришли подсудимые со своими защитниками». Не помните ли Вы защитников, которые речь держали?

Матковский. Были Жардецкий и [военный юрист] Киселев. Жардецкий произнес речь по поводу действий Волкова.

Гойхбарг. После этой речи был вынесен приговор, что нет никаких признаков преступления в их действиях.

Матковский. Нет, не так. Подсудимые были оправданы не потому, что суд не нашел ничего преступного в их действиях. Преступление было налицо. Но суд не нашел того преступления, по которому суд должен их судить. Они обвинялись в покушении на верховную власть. Но суд по выслушивании речей защитников пришел к определенному совершенно заключению, что арест двух членов [Уфимской] Директории вовсе не означал собой уничтожения директорского правительства.

Гойхбарг. Почему не означал?

Матковский. Потому что им (арестом.— *В. Ш.*) не была вызвана замена одного правительства другим. Потому что, будучи освобождены из-под ареста, они могли действовать в этом направлении[26].

Гойхбарг. Значит, в Вашем присутствии [на заседании Совета министров] выносится решение, что ввиду того, что их (двух арестованных членов Уфимской Директории.— *В. Ш.*) нет налицо, [государственной] власти нет. [После этого] она, естественно, переходит к оставшемуся Совету министров и [Советом министров] передается Колчаку. Вы получаете назначение председателем суда. И такое Ваше решение и поведение [как председателя суда] не предполагало последствий, которые Вы санкционировали 18 ноября в заседании Совета министров?

Матковский. Мое присутствие в заседании Совета министров не только не санкционировало, но и не могло отразиться на этом решении. Присутствовал я там ввиду отсутствия Верх[овного] главнокомандующего [генерала] Болдырева, моего личного друга, который, уезжая на фронт, приказал мне докладывать [обо всем] непосредственно ему по прямому проводу.

Гойхбарг. Значит, Вы были по своей инициативе?..

Матковский. Я присутствовал с разрешения председателя Совета министров. Это был чрезвычайно серьезный момент, и я должен был исполнить все распоряжения ген[ерала] Розанова[27].

Гойхбарг. А раз присутствует начальник штаба [генерал-лейтенант Розанов], зачем Вы должны были также докладывать?

Матковский. Чтобы знать, что распоряжения Розанова не идут во вред распоряжениям Болдырева.

Гойхбарг. А, у Вас должно быть было соглядатайство. Это так полагается по военным правилам?

Матковский. По военным правилам полагается, что начальники штаба в исключительных случаях имеют право распоряжаться его (Верховного главнокомандующего.— *В. Ш.*) именем.

Гойхбарг. А это был серьезный момент с точки зрения политической или чисто военной?

Матковский. Политической.

Гойхбарг. Значит, политикой занимались и военные, присутствовавшие на этом заседании?

Матковский. Гражданин [обвинитель], если бы я занимался политикой, я принял бы самостоятельное решение. А так как я политикой не занимался, я просто приходил и выслушивал заявления. Военному министру Колчаку я не подчинялся. А ввиду того, что распоряжения могли идти во вред, я им не подчинялся, не считая это возможным [выполнять] ввиду того, что Верх[овный] главнокомандующий отсутствовал.

Я только что сказал, что я полагал раньше — и теперь того же мнения,— что мне необходимо было приехать на это заседание, потому что начальник штаба Верх[овного] главнокомандующего [Розанов] мог сделать какие-нибудь распоряжения. Но у меня не было уверенности, что эти распоряжения будут одобрены Советом министров, [и] я мог их исполнить.

Гойхбарг. Значит, Вы считали, что Вы могли точно оценивать политические распоряжения Совета министров?

Матковский. Я говорил и сейчас определенно повторяю, что я подчинялся решению Совета министров как учреждения, ведающего политикой и политическими вопросами. Но в [их] обсуждение и мотивировку [я] не входил.

Гойхбарг. Вы не слышали, что там происходило?

Матковский. Нет, слышал.

Гойхбарг. Значит, Вы говорите, что Вам могли быть сообщены ген[ералом] Розановым некоторые решения Совета министров, и думали, что это могло бы не соответствовать действительности, и [поэтому] просили разрешения [председателя Совета министров] присутствовать на заседании? Значит, Вы ожидали важных решений?

Матковский. Несомненно, потому что оно было назначено на 7 час[ов] утра.

Гойхбарг. Откуда Вы узнали?

Матковский. Мне доложил [мой] начальник штаба.

Гойхбарг. В порядке подчиненности?

Матковский. Начальник штаба всегда подчинен.

Гойхбарг. Откуда он знал?

Матковский. Вероятно, ему сообщили из канцелярии Совета министров.

Гойхбарг. То есть Вы должны были по своей инициативе пойти туда?

Матковский. Обыкновенно всегда официально сообщалось командующему Сибирской армией, а так как я являлся только [его] заместителем, то права не имел.

Гойхбарг. Сейчас Вы допустили погрешность, [заявив,] что командующим был военный министр…

Матковский. Верховным главнокомандующим был Болдырев, а командующим Сибирской армией — Иванов-Ринов.

Гойхбарг. Разве Верх[овному] главнокомандующему повестка Совета министров [не] посылалась?

Матковский. Он был членом [Уфимской] Директории.

Гойхбарг. А значит, и членом Совета министров, где присутствовало очень много лиц?

Матковский. Да.

Гойхбарг. А Вы, следовательно, заменяли Болдырева и в должности члена [Уфимской] Директории?

Матковский. Я не говорил, что заменял Болдырева [или] что я заменял Иванова-Ринова. Тут какое-то недоразумение. Я говорил, что я замещал Иванова-Ринова. И так как Иванов-Ринов всегда бывал на заседаниях Совета министров, то уже автоматически ему сообщалось.

Гойхбарг. А не кажется ли Вам удивительным, что уже целый месяц командующего [Сибирской] армией нет, а повестка все посылается Иванову-Ринову?

Матковский. Это простая случайность.

Гойхбарг. В котором часу доложили Вам, что заседание будет в 7 час[ов] утра?

Матковский. Думаю, что это было в половине седьмого.

Гойхбарг. И Вы Вологодскому позвонили?

Матковский. Я просто приехал в заседание Совета министров. Там уже был Колчак. Я подошел к Вологодскому и [по]просил его разрешения [присутствовать].

Гойхбарг. Значит, Ваш начальник штаба Вам доложил о случившемся?

Матковский. Я с 4 часов ночи знал об аресте.

Павлуновский. Я предлагаю задавать вопросы более конкретно. Без этих мелочных подробностей, которые для суда абсолютно не нужны.

Гойхбарг. Я попрошу председателя чрезвычайного трибунала разрешить указать причины, по которым необходимо выяснить это дело именно таким порядком, которым я веду. Если революционный трибунал, обсудив мое заявление, сочтет, что необходимо вопросы прекратить, я, конечно, подчинюсь.

Павлуновский. Тов. Гойхбарг, мы не касаемся направления, в котором Вы задаете вопросы.

Гойхбарг. Я прошу председателя [трибунала] позволить мне свидетелю задать вопрос в пояснение его показания. Свидетель заявляет, что он то-то сделал. У меня [создается] впечатление чего-то невероятного. И я желаю выяснить на основании фактов, могло ли быть это на самом деле. Я подчиняюсь.

Павлуновский. Я все-таки прошу задавать вопросы более конкретные и продолжать ведение процесса.

Обвинитель Гойхбарг. Вы, присутствуя на этом заседании, слышали, что [были] арестованы два члена [Уфимской] Директории, и поэтому нет состава Директории. Не обратились ли Вы тогда к одному из присутствующих [с предложением]: «По-моему, выход очень простой: взять арестованных, привести их сюда, и тогда кворум будет»?

Матковский. Я такими шептаниями на ухо никогда не занимался.

Обвинитель Гойхбарг. Вы тихо сказали одному из присутствующих.

Матковский. Я подсудимый, и Вы можете со мной обращаться как угодно.

Обвинитель Гойхбарг. Я прошу трибунал удостоверить: я снимаю только допрос, а не думаю поступать с Вами так или иначе. Вы тихо сказали одному из присутствующих, что такой выход напрашивается сам собой. Или нет?

Матковский. Ничего тихо я никому не говорил. Я помогу Вам. Очевидно, Вы говорите о моем разговоре с Виноградовым. Когда был объявлен перерыв заседания Совета министров, Виноградов подошел ко мне, отвел меня в сторону и спросил: «Скажите, пожалуйста, считаете ли Вы, что настроение войск, находящихся в гор. Омске, таково, что необходима замена [Уфимской] Директории?» Я ему на это ответил, что войска никакой политикой не занимаются, настроение войск свободно совершенно и аполитично, и поэтому, что касается моего личного взгляда, то никаких данных нет для замены правительства [Уфимской] Директории другим, потому что все члены Директории могут быть собраны налицо.

Обвинитель Гойхбарг. А разве тогда, в половине седьмого [утра], уже было известно, где они находятся?

Матковский. Это было известно во время перерыва в половине девятого. Собственно, это было известно даже раньше, когда я в 4 часа утра получил уведомление от председателя Совета министров. В 4 часа утра я был разбужен телефонным звонком, и председатель Совета министров спросил меня: «Известно ли Вам, что происходит в городе? В городе очень тревожно». «В чем дело?»[,— поинтересовался я]. «Арестованы такие-то лица»,[— ответил он] и перечислил арестованных лиц.

Я сказал, что сейчас же приму надлежащие меры, позвонил начальнику гарнизона и спросил, известно ли ему что-нибудь. Он ответил: «Ничего не известно». [Тогда между нами состоялся такой разговор:] «В городе спокойно?» — «Спокойно».— «Почта работает?» — «Работает».— «А телефоны?» — «Исправны».— «Никаких беспорядков нет?» — «Нет».

Я позвонил в свой штаб, приказал послать [человека] на квартиру председателя [Уфимской] Директории Авксентьева и собрать сведения. Через четверть часа ко мне позвонили [и сообщили], что Авксентьева нет, но приезжали за кроватями, взяли эти кровати и увезли. У меня была уверенность, что беспокоиться нечего: произошел арест, подобный тому аресту, о котором мне дня за два [до того] говорил Авксентьев, что в Архангельске кучка лиц арестовала министров. Потом через два дня они были наказаны, а все министры были освобождены[28].

Обвинитель Гойхбарг. Вы начали свои показания в том смысле, что в 4 часа утра уже было все известно, где они (министры.— *В. Ш.*) были. Когда стало известно, где они находятся?

Матковский. С 4 часов утра я не спал. Около 6 часов ко мне позвонил начальник штаба Верховного главнокомандующего Розанов и спросил меня: «Их нашли?» Я сказал: «Нет». «Попробуйте поискать у Красильникова»[,— посоветовал он]. Я позвонил к Красильникову по телефону. Он сам подошел. Меня удивило, что он не спит. [Я спрашивал, а он отвечал:] «Войска спят?» — «Спят».— «Они в казармах?» — «В казармах».— «Отчего Вы не спите?» — «Я только что услышал, что в городе тревожно, и встал».— «Арестованные у Вас?» — «Никаких арестованных у меня нет». Тогда я послал [людей] справиться в сельскохозяйственное училище и узнал, что они в Загородной роще, где находится отряд Красильникова.

Обвинитель Гойхбарг. В котором часу Вы узнали, что они у Красильникова? До заседания Совета министров?

Матковский. Во время перерыва это было уже известно.

Обвинитель Гойхбарг. А что происходило до перерыва? Мне очень важен тот момент, когда стало известно Вам, о чем Вы, несомненно, сейчас же сообщили Вологодскому и другим, что арестованные находятся у Красильникова.

Матковский. Так как я поехал на заседание Совета министров, то мне никто больше не докладывал.

Обвинитель Гойхбарг. Но Вы это узнали до отъезда на заседание, потому что Вам более не докладывали?

Матковский. Когда Розанов мне сделал сообщение, что они у Красильникова, то вопрос стал ясен.

Обвинитель Гойхбарг. Вы сообщили об этом на заседании Совета министров?

Матковский. Я уже сообщал, что до перерыва это стало известно.

Обвинитель Гойхбарг. А назначение Колчака адмиралом происходило после этого перерыва или до?

Матковский. Это было во второй части.

Обвинитель Гойхбарг. Следовательно, когда выбирался Колчак, уже было определенно известно, что арестованные находятся в отряде Красильникова?

Матковский. Я затрудняюсь сказать, потому что я знаю, что [это] дело имеет чрезвычайно серьезное значение.

Обвинитель Гойхбарг. И поэтому Вы затрудняетесь?

Матковский. Нет, но нужно, чтобы мой ответ был точный. Мне о них никто не докладывал, ими распоряжались совершенно другие лица.

Обвинитель Гойхбарг. Вас Виноградов во время перерыва спрашивал, есть ли основание для замены одной власти другой. Следовательно, замена происходила после перерыва, а не до перерыва. И Вы Виноградову сообщили, что нетрудно соединить всех членов [Уфимской] Директории и до выяснения необходимости перемены власти. Вы Виноградову сообщили, что арестованные находятся в отряде Красильникова?

Матковский. Я не могу отвечать за других. То, что известно всем, я знаю. Я не могу припомнить, в какой форме я говорил Виноградову. Но совершенно определенно утверждаю, что я ему говорил, что сейчас [Уфимская] Директория может функционировать в дальнейшем, потому что два [ее] члена налицо, третьего (генерала Болдырева.— *В. Ш.*) можно моментально вызвать. А относительно арестованных, здесь я боюсь сказать, было ли это известно или нет.

Обвинитель Гойхбарг. А не показывали ли Вы допрашивающему Вас [К. А.] Попову именно то, что нетрудно арестованных привести, [и] тогда будет кворум?

Матковский. Я сказал, что третий может быть вызван по телеграфу или по прямому проводу.

Обвинитель Гойхбарг. Вы считали, легче вызвать по прямому проводу с фронта, чем из того места, где были арестованные [Авксентьев и Зензинов]?

Матковский. Я затрудняюсь выяснить, известно ли было тогда, где они находятся. Разрешите мне сделать одно дополнение. Я только что сказал, что, по моему мнению, не было необходимости в замене [Уфимской] Директории другой властью. Но я повторяю, что я никогда не занимался политикой. Авторитетным в разрешении политических вопросов я себя не считал, и поэтому как я знал, так и показывал гражданину [К. А.] Попову.

Председатель. Вы [и] теперь только свидетель.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, Вы с Колчаком [были] более или менее близко знакомы до этого заседания?

Матковский. Совершенно не был знаком.

Обвинитель Гойхбарг. А каково было его отношение к Вам после выборов?

Матковский. После выборов Верховного правителя отношение адмирала Колчака желало оставлять многое.

Обвинитель Гойхбарг. Оно было очень сухое?

Матковский. Больше чем сухое.

Обвинитель Гойхбарг. Тем не менее на другой день по его предписанию Вы назначаетесь председателем военного суда для расследования посягательства на верховную власть, в результате которого оказалось, что Колчак может быть выбран Верховным правителем.

Матковский. По этому предмету мог бы Вам дать больше сведений, чем я, Совет министров.

Обвинитель Гойхбарг. А Вас не удивило это назначение?

Матковский. Удивило.

Обвинитель Гойхбарг. Но Вы все-таки Волкова, Красильникова и Катанаева признали не совершившими преступления, потому что их арест не вызвал расторжения[29] [Уфимской] Директории, и потому Вы признали их свободными.

Не сделали ли Вы другого постановления — о необходимости привлечь к ответственности других лиц? И что необходимо открыть следствие против членов партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] Авксентьева, Зензинова и других?

Матковский. Относительно этого я могу сказать, насколько я имею возможность вспомнить, постановления относительно привлечения [к суду] какой-нибудь партии не было. А секретарь суда, которого Вы называете Сосновский, как юрист указывал на то, что необходимо сделать заявление о тех фактах, которые обнаружились на суде.

Обвинитель Гойхбарг. Кому суд должен сообщить?

Матковский. Той власти, которая меня назначила.

Обвинитель Гойхбарг. Верховному правителю?

Матковский. Там было сказано, что приговор должен быть представлен на утверждение Верховного правителя.

Обвинитель Гойхбарг. А то, что Вам предложил сделать Ваш делопроизводитель, было адресовано тоже Верховному правителю?

Матковский. Я думаю, тоже.

Обвинитель Гойхбарг. Что же, было постановление: об изложенном постановлении довести до сведения министра юстиции как генерал-прокурора? Кто был тогда министром юстиции?

Матковский. Если не ошибаюсь, Старынкевич.

Обвинитель Гойхбарг. Не помните ли, к какой он партии принадлежал?

Матковский. Не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Почему Вы постановили, что необходимо привлечь к суду членов партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]?

Матковский. Нет, насколько я помню, в том проекте, который был предложен, было написано о привлечении именно членов [эсеровского] ЦК[30]. Но там было заявлено, что мы не можем принимать постановления, касающегося целой партии. Наше дело довести до сведения [все,] касающееся отдельных лиц, а ЦК нас не касается.

Обвинитель Гойхбарг. Я в данный момент по обстоятельствам дела и для целесообразного продолжения процесса больше вопросов [к] свидетелю Матковскому не имею. Но мне еще неоднократно придется в связи с целым рядом обстоятельств задавать вопросы свидетелю Матковскому. Если бы для революционного трибунала не составляло труда оставить свидетеля Матковского в зале, я бы просил это сделать.

Защитник Айзин. Мы не возражаем, но мы со своей стороны имеем вопросы к свидетелю.

Председатель. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Шумиловский, Вы слышали, что свидетель Матковский сказал, что еще до выборов Колчака определенно было известно, что арестованные находятся в отряде Красильникова?

Шумиловский. Я уже в первом показании говорил, что мне дело представляется в таком виде, что в этом заседании как будто было известно, что они арестованы, но что дальнейшей опасности им не угрожает.

Обвинитель Гойхбарг. Я тогда спрошу других присутствовавших на том заседании, не было ли им это известно? Подсудимый Краснов, Вы присутствовали на том заседании?

Краснов. Да, присутствовал.

Обвинитель Гойхбарг. Голосовали?

Краснов. Голосовал.

Обвинитель Гойхбарг. Голосовали в качестве государственного контролера?

Краснов. В то время я не знал, имею ли я совещательный или решающий голос. Но в этом заседании голосовал даже начальник штаба Матковский.

Обвинитель Гойхбарг. А Молодых голосовал?

Краснов. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Вы подавали записку?

Краснов. Я не помню, чтобы я записку подавал. Но я не встречал возражений против личности Колчака.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, а Вам не были известны те обстоятельства, о которых говорил Матковский?

Краснов. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Грацианов, Вы присутствовали на этом заседании [Совета министров]?

Грацианов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. И подписали протокол?

Грацианов. Не помню.

Обвинитель Гойхбарг. Я прошу трибунал удостоверить, что подпись Грацианова на протоколе закрытого заседания [Совета министров] имеется (*защита не возражает*). Может быть, теперь, когда я удостоверил [факт Вашей подписи], Вы вспомните?

Грацианов. Я не отрицаю.

Обвинитель Гойхбарг. Если Вы подписали протокол, может, и голосовали?

Грацианов. Если был министр внутренних дел, [то] я не голосовал.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Краснов говорил, что в то время еще не было выяснено, имеет ли он совещательный или решающий голос, [что] в этом заседании голосовал даже начальник штаба, [что] тогда был беспорядок в ваших порядках. Может быть, и Вы тогда, подсудимый Грацианов, голосовали?

Грацианов. Я категорически говорю, что я не принимал участия в этом голосовании.

Обвинитель Гойхбарг. Вы знали, что арестованные находятся у Красильникова?

Грацианов. Мне в два часа ночи звонил Вологодский и спросил: «Известно ли Вам, что в городе совершен переворот?» Я сказал, что мне ничего не известно.

Тогда он мне сказал, что арестованные Авксентьев и Зензинов, а также и Роговский, все [эти] лица отправлены в политехническое сельскохозяйственное училище. И на мой вопрос [о том], угрожает ли им какая-ниб[удь] опасность, он ответил, что нет.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы знали, кто в этом политехническом училище находится?

Грацианов. Я знал, что там находится отряд Красильникова.

Обвинитель Гойхбарг. Вы знали в два часа ночи, что арестованные находятся в политехническом училище?

Грацианов. Да. И на вопрос [о том], угрожает ли опасность мне, мне ответили, что мне опасность не угрожает, что ко мне приставлена стража.

Обвинитель Гойхбарг. А насчет Зензинова и Авксентьева Вы не опасались?

Грацианов. Нет, опасался. Но мне сказали, что им не грозит никакой опасности.

Обвинитель Гойхбарг. Так что председатель Совета министров знал, где они были в это время?

Грацианов. Да, знал. Тогда же он мне сказал, что будет заседание Совета министров в 6 час. утра. Я спросил: не может ли присутствовать товарищ министра внутренних дел? Он мне сказал, что я могу присутствовать в качестве товарища министра, заведующего земским отделом.

Обвинитель Гойхбарг. Вы протокол подписали?

Грацианов. Я не помню. Но раз Вы удостоверили, то я, очевидно, подписал.

Обвинитель Гойхбарг. А Вологодский не сообщал присутствующим, что арестованные находятся в отряде Красильникова?

Грацианов. Этого я не знаю. Я все время был болен·и выходил в соседнюю комнату. В открытом заседании были названы два кандидата: Болдырев и Колчак. В закрытой баллотировке принимали участие только полноправные лица и Розанов. Но имел он право или не имел, я не знаю. Но думаю, что он права не имел.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Новомбергский, Вы присутствовали на этом заседании?

Новомбергский. Да, присутствовал.

Обвинитель Гойхбарг. Вы знали обстоятельства, при которых были арестованы Авксентьев и Зензинов?

Новомбергский. Нет, не знал.

Обвинитель Гойхбарг. Вам никто не сообщал?

Новомбергский. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Молодых, Вы присутствовали и тоже не знали этих обстоятельств?

Молодых. Я не спрашивал. Я знал, что существуют три атамана и что арестованные были в руках одного из них.

Обвинитель Гойхбарг. Значит, это было общее мнение, что они непременно должны быть в руках этих атаманов?

Молодых. Для меня не было никакого сомнения, потому что они арестовали Серебренникова.

Обвинитель Гойхбарг. А Серебренников присутствовал на заседании?

Молодых. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А он голосовал на этом заседании?

Молодых. Да, по обязанности.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите тогда еще один вопрос подсудимому Шумиловскому. На следующий день, 19 ноября, после того, что стали известны обстоятельства, было заявлено, что арестовавшие [Авксентьева и Зензинова] Волков, Красильников и Катанаев сообщили лицу, которое называлось в этом заседании Верховным правителем, об аресте. Не припоминаете ли Вы, что при Вашем участии был еще один акт принят, который по внешности весьма сильно напоминал придание этому адмиралу Колчаку и этому строю весьма близкое сходство со строем самодержавия?

Шумиловский. То, что он был назван Верховным правителем?

Обвинитель Гойхбарг. Нет, не обсуждался ли там вопрос о гимне?

Шумиловский. Не помню.

Обвинитель Гойхбарг. Не было ли внесено министром иностранных дел Ключниковым[31] предложение о том, что для страны нужен национальный гимн? И не было ли постановления 19 ноября [1918 г.] принять временно старинный национальный гимн «Коль славен»? Я мог бы огласить, что такое постановление в Вашем присутствии было сделано и принято[32].

Шумиловский. Не оспариваю.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Вы припомните — впоследствии тогда еще один акт, аналогичный, такой же, какой был присущ Романовым, при Вашем участии был принят?

Шумиловский. В моем присутствии, но не при моем участии.

Обвинитель Гойхбарг. Во всяком случае, возражения не последовало. Это история с Андреевским флагом на том судне, на котором пребывает Верховный правитель. И было постановлено, что должен быть Андреевский флаг.

Шумиловский. Припоминаю.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Вы дадите краткое объяснение этому факту, не сопровождая Вашей мысли, что переворот, который Вы считали патриотическим, в сущности означал бы поворот к царским порядкам?

Шумиловский. Этот факт меня на это не наводил. В моих глазах никакого существенного значения не имели ни гимн, ни Андреевский флаг.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не знали, что Андреевский флаг означает присутствие царя на судне?

Шумиловский. Я не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Это для Верховного главнокомандующего, а для брейд-вымпела Верховного правителя какой должен быть знак?[33] Это специально в Вашем присутствии было принято?

Шумиловский. Все эти термины мне ничего не говорят.

Обвинитель Гойхбарг. Вы видели протокол того заседания, где написано, что приняты [постановления] в присутствии Крутовского и Шатилова, когда они были арестованы. Когда Виноградов ушел [из состава правительства], не подписывались ли они членами Всероссийского правительства?

Шумиловский. Возможно.

Обвинитель Гойхбарг. Не думаете ли Вы, что это [делалось] для подкрепления силы принятого акта?

Шумиловский. Возможно.

Обвинитель Гойхбарг. Не припоминаете ли Вы в связи с этим заседанием [увольнение] Роговского и Огановского[34], товарищей министра внутренних дел и [министра] земледелия?

Шумиловский. Про Огановского я знаю, что он не был на том заседании.

Обвинитель Гойхбарг. Не помните ли Вы, кем он был в 1917 году в Петрограде?

Шумиловский. Я знаю, он играл [крупную] роль.

Обвинитель Гойхбарг. Не принят ли был в том заседании товарищем министра народного просвещения Преображенский?

Шумиловский. Таких подробностей не помню. Может быть, он был принят.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Преображенский, не помните ли Вы, какого числа Вы были приняты товарищем министра народного просвещения?

Преображенский. Я не помню, потому что я был в отъезде в Томск.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, Вы были одним из основателей Вольной высшей школы?

Преображенский. Был.

Обвинитель Гойхбарг. Вы были членом какой-либо партии?

Преображенский. Не был.

Обвинитель Гойхбарг. Вы состояли в партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]?

Преображенский. Не состоял.

Обвинитель Гойхбарг. Но сочувствовали?

Преображенский. Чисто как обыватель.

Обвинитель Гойхбарг. Вы были в составе кабинета [министров] Керенского?[35]

Преображенский. В кабинете [министров] Керенского не состоял никогда.

Обвинитель Гойхбарг. На этом заседании было указано, что Вы восстановлены в правах, что Вы были в кабинете [министров] Керенского товарищем министра народного просвещения и все время оставались там. Вы, следовательно, считали, что Вы продолжаете быть товарищем министра народного просвещения?

Преображенский. Я оставался во все время министерства Керенского.

Обвинитель Гойхбарг. Вы поехали в Питер?

Преображенский. Нет, я поехал в Уфу.

Обвинитель Гойхбарг. Когда Вы узнали, что рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки, Вы не поехали в Питер. Вы были там во время существования советской власти?

Преображенский. В мае месяце [1918 г.] я был там.

Обвинитель Гойхбарг. А потом через фронт Вы пробирались?

Преображенский. Я был в группе геологов в Оренбурге для исследования западного участка [строительства железной дороги] Оренбург — Акмолинск.

Обвинитель Гойхбарг. Если бы в правительственном официальном органе было указано, что Вам удалось пробраться через фронт, Вы бы возражали в «Правительственном вестнике»: «Я не пробирался через фронт»?

Преображенский. Пробираться было нечего.

Обвинитель Гойхбарг. Я попрошу огласить [выписку] из «Правительственного вестника», органа, который считался официальным органом того, что называлось правительством Колчака, о том, что в июле 1918 года Преображенскому удается пробраться через большевистский фронт в Сибирь[36].

Преображенский. То было автоматически, когда я был в Оренбурге с группой геологов.

Обвинитель Гойхбарг. Вы были на службе у советской власти?

Преображенский. Нет, я не был. Геологический комитет дает обыкновенно поручения людям, подходящим к этому делу, и одно из таких поручений он дал мне.

Обвинитель Гойхбарг. На какие средства?

Преображенский. Комитет получает их на известную программу работ и привлекает всех, кто может это исполнить.

Обвинитель Гойхбарг. Значит, Вы на средства советской власти поехали на сибирский фронт?

Преображенский. Когда эта группа осталась в Екатеринбурге, то она оказалась за фронтом.

Гойхбарг. Я прошу подсудимого Молодых ответить мне. Не припомните ли Вы, что через очень короткое время, может быть на второй день [после] Вашего вступления в министерство, Вы имели случай разговаривать с Колчаком, и Вам не понравилось его отношение к вопросам, которые Вы выдвинули?

Молодых. Да.

Гойхбарг. Не показалось ли оно Вам абсолютно неприемлемым?

Молодых. Да.

Гойхбарг. Не показалось ли Вам странным, что Вы предлагали платину приобрести по 450 000 р[уб]. за пуд? Это предложение не было принято. Но впоследствии платина была приобретена значительно дороже по настоянию Михайлова, дороже на 70 000 р[уб]. за пуд.

Молодых. Я не помню точно.

Гойхбарг. В постановлении указано [на] 68 400 р[уб].

Молодых. Было ассигновано лишних 3 млн [руб].

Гойхбарг. Не показалось ли Вам, что обстоятельства, при которых это произошло, были немного странными? И не говорили ли, что об этом может показать Гришина-Алмазова?

Молодых. Мне говорили.

Обвинитель Гойхбарг. Кто говорил Вам? А подробности Вы не знаете?

Молодых. Я госпожу Гришину-Алмазову видел два раза и с ней не был знаком. Но мне так говорили.

Гойхбарг. Подсудимая Гришина-Алмазова, будьте добры сказать, известны ли Вам обстоятельства, почему платина была приобретена значительно дороже?

Гришина-Алмазова. Абсолютно неизвестно.

Гойхбарг. А Вы знакомы с Жардецким? В своей деятельности, может быть, Вы его знали?

Гришина-Алм[азова]. Я его не знаю.

Гойхбарг. А Ваша деятельность в Омске в чем заключалась?

Гришина-Алм[азова]. Я была дамой-благотворительницей.

Гойхбарг. В военно-благотворительном обществе имени Верх[овного] правителя?

Гришина-Алм[азова]. Никогда не была.

Гойхбарг. Знали ли Вы, какие были отношения между Жардецким и Михайловым?

Гришина-Алм[азова]. Никогда не знала.

Гойхбарг. Знали ли Вы Каргалова?

Гришина-Алм[азова]. Никогда не знала.

Гойхбарг. Вам не приходилось оказывать, благодаря своим знакомствам, для получения и ускорения заказов содействие [Омскому областному] военно-промышленному комитету?

Гришина-Алм[азова]. Никогда к военно-пром[ышленному] комитету я никакого отношения не имела. Когда мой муж был командующим [Сибирской] армией, он им дал заказ на полушубки [...] (*не слышно*).

Я не могла содействовать военно-промышл[енному] комитету хотя бы потому, что в свержении моего мужа участвовал военно-промышленный комитет. И муж мой говорил, что эта организация не заслуживает доверия. Он им не давал заказов и хотел передать их кооперации. Поэтому у меня против военно-промышл[енного] комитета было такое отношение.

Гойхбарг. Свидетель Молодых, кто Вам сказал, что сведения о приобретении платины может дать Гришина-Алмазова?

Молодых. Я не могу сказать потому, что это было в январе п[рошлого] г[ода]. Бухов был и я.

Гойхбарг. А не сказали ли Вы, что об этом может дать сведения Гришина-Алмазова и Ваньков — секретарь бюро [Омского] военно-промышленного комитета?

Молодых. Вероятно, я слышал, [поскольку] я общался с массой лиц. Я вел постоянную борьбу с военно-промышленным комитетом.

Гойхбарг. Вы заявили, что об этих вещах может сообщить деятельный член бюро воен[но]-пром[ышленного] комитета Гришина-Алмазова.

Молодых. Тогда я уже совершенно не служил и работал механически потому, что должен был продолжать дело… Я жил на квартире с одним из служащих, Высоцким, у которого постоянно было много народу. И когда прочитал в газетах об этом ассигновании, я с негодованием сказал, что 3 миллиона [рублей] переплатили. И тогда мне сказали [о Гришиной-Алмазовой].

Гойхбарг. Я [к] подсудимой Гришиной-Алмазовой больше вопросов не имею. Я задам вопрос подсудимому Молодых. Вы переправились через фронт?

Молодых. 28 июня [1918 г.] я выехал из Москвы. В июле месяце я приехал в Омск.

Гойхбарг. Значит, 28 июня Вы находились в Москве? Перед этим Вы находились в Петрограде?

Молодых. Я в Петрограде жил постоянно.

Гойхбарг. 28 июня Вам было известно, что здесь произошло чехословацкое восстание?

Молодых. Да, я сначала пожил в Москве и потом поехал сюда.

Гойхбарг. Не заручились ли Вы для этой цели разрешением тов. Ленина?

Молодых. Я просил оберечь меня еще до переворота. Так как самая деятельность, вообще та группа областников, которая группировалась около меня, совершенно аполитична и работает только в области хозяйственно-экономической, что подтверждается всей нашей…

Гойхбарг. …Программой?

Молодых. Жизнью, так как программы у нас не было. Да, я и подал докладную записку на имя тов. Ленина. Подал ему лично. Он ответил так, что Сибирь имеет свое управление. И я не могу Вам поручиться, что Вы будете в безопасности[37]. В то же время у нас было в имении [небезопасно]: один из разрушавших наше имение, который был арестован в Екатеринбурге, через три дня отпущен и жил там свободно.

Гойхбарг. И Вы, заручившись полуразрешением тов. Ленина, приехали в Омск, стали беспартийным членом правительства Колчака?

Молодых. Я всегда был беспартийным.

Гойхбарг. Но [не были] членом правительства Колчака?

Молодых. Да, так было.

Гойхбарг. А находясь в Москве и Петрограде, не интересовались ли Вы особенно телефонами целого ряда важных деятелей советской власти — большевиков в то время, и в то же время телефонами английской [военно-дипломатической] миссии, полковника Бейли[38] и членов «Национального центра»[39] Протопопова[40] и Авинова?[41]

Молодых. Будучи в Москве, я видел Авинова.

Гойхбарг. А телефон его был записан?

Молодых. Очень может быть.

Гойхбарг. А Дмитрия Дмитриевича Протопопова?

Молодых. Протопопова я не видел.

Гойхбарг. А в английской миссии полковника Бейли?

Молодых. Если Вы нашли где-нибудь такие записи, то весьма вероятно. Как человек, никогда не занимавшийся политикой — я был директором крупных заводов,— я не мог бросить дела потому, что [все] разрушалось. И я нес ответственность перед служащими и мог выехать из Петрограда только [после того,] если передал дело. А затем для меня стал определенный вопрос, что я буду делать, потому что...

Гойхбарг. Простите, что я Вас прерываю. Вы в одно и то же время обращались за содействием к членам партии большевиков, «Национальному центру» и английской миссии?

Молодых. В английской миссии мне хотелось просто информироваться, как обстоит дело, потому что я политикой не занимался и мне хотелось понять, что это такое.

Гойхбарг. А телефон председателя ВСНХ Рыкова[42] Вас также интересовал?

Молодых. Да.

Гойхбарг. И целый ряд других заведующих, фамилии служащих советских и военных учреждений?

Молодых. Фамилии? Ой, нет. Фамилии меня не интересовали.

Гойхбарг. А если Вам будет предъявлена Ваша записная книжка?

Молодых. Тогда, может быть, это лица, которые занимались политической деятельностью?

Гойхбарг. О да, конечно. Члены партии большевиков.

Молодых. Я скажу больше. Мой старый друг и приятель, которому я оказал много услуг, например, М. А. Танонсон[43]. Я у него бывал как просто у знакомого и просил осведомить меня, что я просто теряюсь и не знаю, что делать.

Гойхбарг. Вы обладаете такими знакомыми, как Танонсон, и считаете необходимым информироваться у английской миссии?

Молодых. Танонсон мог информировать меня только односторонне. Вы знаете, что мы даже при полной аполитичности должны были уехать, спасая свою жизнь. Может быть, мы это делали неосновательно при таких отношениях, какие были тогда. Теперь я этого бы не сделал. Я приехал из Владивостока и сразу поступил в губземотдел.

Гойхбарг. Вы подали докладную записку Ленину и получили ответ, что в Сибири нельзя ручаться за безопасность. Значит, в советской России Вы были гарантированы?

Молодых. Нет. Я считал себя не гарантированным.

Гойхбарг. После этого Вы приехали сюда и участвовали в выборах Колчака?

Молодых. Я приехал вовсе не для выборов Колчака. И до этого все смены членов правительства указывали мало что веско означающее, потому что все

находилось в брожении. И, находясь как областник в оппозиции к прежним правительствам...

Гойхбарг. Ко всем правительствам?

Молодых. К царскому, которое, по моему мнению, по моему опыту, отразившемуся на моей личной судьбе, угнетало Сибирь. Я вынужден был что-нибудь делать. Я около десяти лет провел на хозяйственной службе и старался работать в области хозяйственного экономичества[44]. И здесь, в Омске, есть целый ряд организаций, которые воспользовались моими трудами.

Гойхбарг. А когда власть Сибирского Временного правительства была передана Всероссийскому правительству с формальным подчинением Сибири России, Вы тогда ушли из министерства?

Молодых. Я не считал это правительство твердым и мог ожидать, что из этого будет.

Гойхбарг. В качестве стороннего наблюдателя?

Молодых. Я работал бы и в этом, и при другом правительстве в качестве...

Гойхбарг. В качестве тов[арища] министра?

Молодых. Раз я не занимался политикой, я в области хозяйственной и культурной всегда мог работать. А здесь, разумеется, нельзя было считать нас людьми властными. Здесь в течение двух дней — сегодня третий день — достаточно выяснилось наше положение. Надо было жить и работать для того дела, для которого я работал всю жизнь, получил образование, прожил 10 лет в деревне.

Гойхбарг. После того, как Вы участвовали в заседании, где был избран Колчак, Вы не знали его действий, которые Вами характеризовались как явно преступные?

Молодых. Насколько я помню, в показаниях Бухову я писал, что не подозреваю Колчака в предосудительных действиях. Но знаю, что около него была целая группа [людей], что он знал, но не имел силы или не хотел бороться с этим течением. Я не помню.

Гойхбарг. Ввиду того, что подсудимый в точности не помнит, я попрошу огласить [его] показание относительно действий колчаковского правительства и Колчака. Может быть, он припомнит. Раз Вы запамятовали немного (*читает*)[45]. Это Вы показывали?

Молодых. Совершенно верно, да.

Гойхбарг. А не показывали, что Пепеляев дал Вам 24 часа на выезд из Омска. И Вы вынуждены были уничтожить документы, объясняющие предложенный вопрос?

Молодых. Да.

Гойхбарг (*читает*). Вы это показывали?

Молодых. Да, я это показал бы и сейчас.

Гойхбарг. В связи с Вашими показаниями, что хищение на железных дорогах всем известно, я хочу задать вопрос подсудимому Ларионову. Вы слышали, что здесь указывали, что некоторые учреждения отоплялись, освещались и т. д. на средства частных компаний. Вы считаете, что и в других учреждениях такие действия возможны? Что лица, занимающие официальное положение, получали бы вознаграждение от частных учреждений? Вы слышали о таких фактах?

Ларионов. Нет, не слышал.

Гойхбарг. А Вы были тов[арищем] министра путей сообщения?

Ларионов. Да, был.

Гойхбарг. А будучи министром[46] путей сообщений, Вы оставались все время доверенным лицом Алтайской ж[елезной] д[ороги]?

Ларионов. Я не оставался доверенным [лицом]. Но у меня хранилась доверенность от общества Алтайской железной дороги, которую я имел в виду вернуть правлению. И, таким образом, она сохраняла силу, находясь у меня.

Гойхбарг. А Вы не обменяли ее в декабре [19]19 года на новую доверенность?

Ларионов. Что Вы понимаете под словом «обменял»? Тогда я объясню.

Гойхбарг. Доверенность была от Вашего имени на имя инженера, которого Вы защищали в 1918 г., когда служащие требовали его ухода. Она хранилась у Вас. А теперь в Иркутске Вы ее переправили и сообщили, что Вы даете новую доверенность на право совершения целого ряда сделок на имя Алтайской [железной] дороги.

Ларионов. Это было не так.

Гойхбарг. Подсудимый Ларионов, я ее оглашу.

Ларионов. Я покорнейше прошу. Я не [о]кончил ответа на предыдущий вопрос.

Гойхбарг. Во-вторых, не было ли такого случая, когда к Вам официально в качестве товарища министра путей сообщения [поступали] сообщения. На официальной бумаге от Алтайской ж[елезной] д[ороги] ее представители присылают копии своих постановлений в Совет министров и министру путей сообщения, [в которых] сообщают, что нельзя без участия Алтайской ж[елезной] дороги дозволить разверстку другим железным дорогам. И Вам, товарищу министра, как доверенному лицу эта дорога считала необходимым в копиях сообщать свои постановления.

Ларионов. Я получал такие сообщения ввиду того, что интересовался предприятием Алтайской железной дороги, как интересовался вообще моим кругом деятельности и той дорогой, которая мною строилась.

Гойхбарг. А в препроводительной бумаге не был ли Ваш указан адрес: тов[арищ] министра путей сообщения, а в тексте — Вам как доверенному лицу Алтайской [железной] дороги?

Ларионов. Да, было.

Гойхбарг. А были ли еще акты об отводе целого ряда земель Алтайской [железной] дороге, которые были скреплены подписью товарища министра Ларионова и опубликованы в «Собрании узаконений...»?[47]

Ларионов. Да, это было [необходимо] для отвода таких чрезвычайно нужных участков, для снабжения лесными материалами.

Гойхбарг. Не было ли еще случая, уже другого, что в конце декабря 1919 года, когда Вы уже остановились в Иркутске, Вами с текущего счета, который только 18 декабря [1919 г.] был открыт на Ваше имя как товарища министра путей сообщения, [было] взято пять миллионов и два с половиной миллиона отправлено в Харбин, а два с половиной — во Владивосток на имя товарища министра путей сообщения инженера Ларионова?

Ларионов. Да, было. Я прошу разрешения пояснить, для чего и для каких целей это было сделано.

Гойхбарг. Не взяли ли Вы 2 января 1920 г., когда Вы вели переговоры о сдаче власти[48], остальные 50 000 руб. для эвакуации?

Ларионов. Да, взял для эвакуации той части [министерства], которая должна была уехать на Дальний Восток. Для эвакуации существующих там учреждений министерства путей сообщения.

Гойхбарг. Вы вели переговоры в том духе, что власть сдается. Значит, Вы могли эвакуировать отдельных лиц, а не учреждения?

Ларионов. Так как можно [было] предполагать, что передача власти должна будет сопровождаться определенными действиями, для которых нужен будет определенный штат, а для эвакуации этого штата нужны будут определенные средства, поэтому я взял [и перевел эти деньги].

Гойхбарг. Вы полагали, что средства нужны будут той власти, которую Вы передаете, или учреждению?

Ларионов. Мне представлялось возможным соглашение такого рода: власть передается, а учреждения, с которыми невозможно договориться...

Прошу разрешения закончить. Я не могу закончить, когда меня прерывают. Если бы состоялось соглашение [о передаче власти], я закончил бы эвакуацию дальневосточных учреждений. А там был дальневосточный комитет, агенты по снабжению материалами чрезвычайно важными, которые должны были передать свои функции, и, наконец, третья организация, которая должна была передать функции и продолжает функционировать сейчас по моей просьбе уже распоряжением советской России. Это особый эксплуатационный завод Дальнего Востока. Я должен был неизбежно потратить значительное время, чтобы эта ликвидация, передача и введение новой власти в курс [дела] произошли, и думал, что мне придется потратить определенный срок, в течение которого я буду функционировать. Не знаю, под каким названием я буду продолжать эту работу.

Гойхбарг. А не думали ли Вы, что власть, которой Вы передадите [управление], которая будет интересоваться дальневосточными учреждениями, выдаст средства для ликвидации этих учреждений?

Ларионов. Совершенно так. Я взял такую ничтожную сумму. Если бы соглашение вылилось в другие формы, эта сумма — 50 000 р[уб].— могла быть возвращена немедленно.

Гойхбарг. А эти 50 000 р[уб]., которые Вы взяли, куда Вы их дели?

Ларионов. Я был арестован совершенно неожиданно и ждал со дня на день освобождения. Часть этих денег я вернул. И как только я узнал, что их ищут, я их возвратил через своих друзей[49].

Гойхбарг. Может быть, через одно лицо?

Ларионов. Одно лицо взялось их возвратить. Об отсутствии этих денег и о месте их нахождения я сообщил на первом [же] допросе тов. Попову. Повторяю, я ожидал освобождения со дня на день и немедленно вернул бы их. Просить же моих друзей возвратить их я не считал себя вправе, не желая подвергать их неприятностям, каким они подвергались в виде совершенно ненужного обыска.

Гойхбарг. А другие 10 000 р[уб].?

Ларионов. 10 000 р[уб]. были похищены, так как они были в маленьком несессере, который находился в «Модерне»[50].

Гойхбарг. А почему Вы их так разделили?

Ларионов. Я не сумею разъяснить, потому что такие незначительные суммы приходится всегда иметь при себе для совершенно неотложных надобностей, которые встречаются.

Гойхбарг. Я попрошу огласить документы. Это доверенность Лупинского, которая была препровождена Вам вместе с этим письмом. Я прошу разрешить мне огласить препроводительную бумагу от Совета министров и от Алтайской ж[елезной] д[ороги] (*читает*).

Подсудимый Ларионов предполагает, что ему не будет дано слово для объяснения.

Павлуновский. Оно будет дано в общем порядке.

Гойхбарг. Разрешите задать вопрос подсудимому Шумиловскому. Подсудимый Шумиловский, Вы сказали, что Колчак не может быть заинтересован в корыстных действиях?

Шумиловский. Поскольку я его знал.

Гойхбарг. А Вы слышали, что товарищ министра путей сообщения [Ларионов] оставался доверенным лицом частной [железной] дороги? Не предполагали ли Вы, что Колчак также мог такое совместительство допустить: будучи выбранным — по Вашему, в том числе, выбору — Верховным правителем, оставаться членом правления частной [железной] дороги.

Шумиловский. Считал бы это неудобным.

Гойхбарг. Только неудобным?

Шумиловский. Я не знаю обстоятельств дела.

Гойхбарг. А если бы Вам были показаны документы, что в числе служащих и членов правления Восточно-Китайской [железной] дороги там был перечислен Колчак как член правления?

Шумиловский. Я бы сказал, что это акт незакономерный и что суммы эти не должны быть выданы.

Гойхбарг. Только в этом отношении? А самый факт?

Шумиловский. Считал бы его совершенно неправильным.

Гойхбарг. Попрошу из показаний Колчака, где его допрашивал Алексеевский, соответствующий пункт огласить (*читает стенограмму допроса*)[51].

Шумиловский. Из этого я заключаю, что он фактически не воспользовался этим [положением].

Обвинитель Гойхбарг. Я хочу спросить подсудимого Степаненко в связи с событиями на ж[елезной] д[ороге]. Вы по отношению к ж[елезной] д[ороге] занимались политикой или выполняли только техническую роль?

Степаненко. Я выполнял по преимуществу техническую роль.

Обвинитель Гойхбарг. А при подписании по поводу принятия мер в связи с предполагающейся забастовкой?

Степаненко. Я ж[елезной] д[орогой] ведал только при [Временном] Сибирском правительстве до ноября [1918 г.]. С самого начала, как только Омск был занят чехами, Западно-Сибирский комиссариат[52] пригласил меня ведать транспортом не как политического деятеля, а как человека, осведомленного в жел[езно]-дор[ожном] деле. Это было в 1918 году.

Обвинитель Гойхбарг. А в феврале 1919 года Вам [была] прислана бумага, кажется из контрразведки, что имеются сведения о готовящейся забастовке на ж[елезной] д[ороге]. И Ваша резолюция на этой бумаге была такова: «Сообщить инженеру [И. А.] Козыреву для принятия надлежащих мер».

Степаненко. Я в феврале 1919 года железными дор[огами] не ведал и такую резолюцию сделать не мог.

Обвинитель Гойхбарг. А может быть, Вы знаете, что инженер Козырев сделал здесь по отношению рабочих?

Степаненко. Нет, не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Вам приходилось играть роль начальства по отношению к Ларионову?

Степаненко. С октября месяца 1918 года, когда министром путей сообщения был Устругов[53], наши роли с Ларионовым были резко разграничены: я ведал ведомством внутренних водных путей и шоссейных дорог, а он ведал ж[елезными] д[орогами]. Это была его область.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Вы припомните случай, когда Вы играли роль управляющего министерством и могли совместно со своим товарищем министра дать резолюцию, что Вы его командируете на такую-то надобность?

Степаненко. Да, во время отсутствия Устругова, когда он уезжал на Дальний Восток, я оставался в качестве заместителя. Причем все-таки вопросы железнодорожные решались, согласно директивам инженера Устругова, товарищем министра Ларионовым.

Обвинитель Гойхбарг. А не припомните ли Вы, Вам было сказано, что военному министру поручено избрать комиссию из представителей заинтересованных ведомств для обсуждения вопроса о мерах борьбы с большевиками своими средствами? Вам была показана бумага военного министра. Вы на этой бумаге написали резолюцию: «Командировать Ларионова».

Степаненко. Возможно.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, для того, чтобы не оглашать эту бумагу, Вы просто подтвердите?

Степаненко. Я не помню хорошо. [Но] я подтверждаю факт, что во время отсутствия Устругова было время, когда я исполнял обязанности управляющего министерством.

Обвинитель Гойхбарг. Я прошу доложить эту бумагу (*бумага оглашается*).

Защитник Айзин. Я попрошу дополнить это ходатайством защиты: доложить письмо Устругова для разъяснения.

Председатель. Вы будете иметь возможность огласить его тогда, когда Вы будете иметь слово.

Обвинитель Гойхбарг. Теперь позвольте огласить вторую бумагу от 2 февраля 1919 *года (оглашается бумага)*[54].

Степаненко. Значит, я просил инженера Ларионова принять участие в этом заседании.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы понимали содержание этой бумаги?

Степаненко. Подобное отношение требовало, конечно, того, чтобы соответствующим образом реагировать. Например, в первом случае надо было принять соответствующие меры, т. к. там есть указания и на недостаточность заработка. Следовательно, область, которую должно было затронуть то лицо, к которому направлялась резолюция.

Обвинитель Гойхбарг. А почему это было поручено инженеру Козыреву?

Степаненко. Он был начальником Омской [железной] дороги.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не знаете, что было принято по отношению к железнодорожным рабочим? И целый ряд рабочих были расстреляны?

Степаненко. Не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Ларионов знает, что в феврале месяце [1919 г.] при забастовке на Омской ж[елезной] д[ороге] были большие расстрелы?[55]

Ларионов. Мне неизвестно.

Обвинитель Гойхбарг. Вы руководили железными дорогами?

Ларионов. Да, ведал эксплуатационной частью.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы приняли меры в этом заседании, [обсуждавшем вопрос о том,] как вести борьбу с большевиками?

Ларионов. Я отправился на заседание. Там был действительно какой-то человек с фронта. И там поднимался вопрос о снабжении армии и фронта теми ресурсами, которые имеются.

Обвинитель Гойхбарг. Вы говорите, что был вопрос о снабжении армии. Ну а 12 февраля [1919 г.] относительно агентурных сведений о забастовке Совет министров знал?

Ларионов. Я по существу к этому вопросу не имел отношения. Этот вопрос, как вопрос общего характера, до меня не доходил. А то совещание, о котором Вы говорите, происходило под председательством генерала Сурина[56].

Обвинитель Гойхбарг. Я все-таки попрошу предъявить подсудимому Степаненко его отношение: «Препровождаю инженеру Козыреву» (*документ предъявляется*).

Председатель. Какими делами ведала комиссия Козырева: техническими или политическими?

Степаненко. Я такой комиссии не знаю.

Председатель. И Вы не знали, что от имени этой комиссии посылались сведения в контрразведку?

Степаненко. О существовании такой комиссии я впервые слышу.

Председатель. Это ведомственная комиссия — комиссия Козырева.

Степаненко. Я не знаю.

Председатель. Вам никогда не приходилось слышать, что комиссия Козырева представляет списки большевиков и большевистских иностранных[57] элементов?

Степаненко. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы в своем собственном докладе Сибирскому Временному правительству докладывали, что Вами учреждена комиссия рабочих и служащих с целью расследования [деятельности] всех так или иначе причастных к большевизму?

Степаненко. Это было до февраля 1919 года. Там была правительственная директива относительно недопускания на службу лиц, активно проявляющих сопротивление возникшей власти.

Обвинитель Гойхбарг. Это была обязанность лиц, которые технически ведали жел[езной] дор[огой]?

Степаненко. Нет, это была обязанность управляющего министерством.

Обвинитель Гойхбарг. Это было по своей инициативе?

Степаненко. Нет, это была общая директива по всем ведомствам. И дабы не было позволено отдельным лицам на местах сводить личные счеты, именно [с этой целью] учредили такие комиссии под председательством нейтрального лица — начальника [железной] дороги, потому что мелкие служащие ему не подчинены непосредственно. Затем, в эти комиссии входили и представители от служащих той категории, о которой шла речь. Я теперь не помню, еще какие-то члены должны были входить. Они рассматривали, насколько данный служащий мог так или иначе осветить дело. Причем были даны директивы, что в данном случае идейная принадлежность к той или иной партии не может служить причиной для увольнения со службы.

Обвинитель Гойхбарг. Устные или письменные директивы были даны?

Степаненко. Я лично говорил.

Обвинитель Гойхбарг. Следов не осталось?

Степаненко. Я не помню, но говорил.

Обвинитель Гойхбарг. Вы считали, что эти нейтральные лица достаточно благонадежны, что они могут подчиняться личному распоряжению?

Степаненко. Начальник какого-нибудь депо мог иметь личные отношения тоже к начальнику депо. Но он является лицом, настолько понимающим общие интересы, что он не мог сводить счеты со сравнительно маленькими агентами.

Обвинитель Гойхбарг. А скажите, не делали ли Вы еще в своем докладе указания на то, чтобы все коллективы служащих лишили права участия в деле управления жел[езными] дор[огами]?

Степаненко. Да, я это делал на том основании, так как личный опыт мне указал, что вмешательство коллегии в техническое дело управления дороги или мастерских приводит к нежелательным результатам, а также к распадению дела. Я бы мог привести неоднократные примеры этого. Вот почему я, восстанавливая транспорт в Сибири, ввел единоличное управление на местах вместо существовавших ранее коллегий и коллективов. Это была моя первая функция в данном случае. В этом я встретил сопротивление от профессионального союза, который тогда претендовал на вмешательство в техническую деятельность.

Обвинитель Гойхбарг. И что же Вы сделали по отношению к профессиональным союзам?

Степаненко. Я их реформировал в том смысле, что профсоюзы должны существовать для защиты своих профессиональных интересов. И поэтому я построил эти профсоюзы не по территориальному принципу, а по принципу производства, но лишил их права вмешательства в дело управления.

Обвинитель Гойхбарг. В связи с этим я прошу разрешения допросить мне другое лицо, которое принимало некоторые меры по отношению к другому профсоюзу — союзу почт и телеграфов. Подсудимый Цеслинский, когда Вас спросили, признаете ли Вы себя виновным, Вы, кажется, заявили, что Вы никогда не были [н]и министром, [н]и товарищем министра?

Цеслинский. Да, я не был ни министром, ни товарищем министра.

Обвинитель Гойхбарг. Не показало ли лицо, Вам близкое, перед другой властью, что Вы назначены специально по рекомендации с[оциалиста]-р[еволюционера] Кругликова[58] — управляющего делами [Уфимской] Директории, по личному приглашению с[оциалиста]-р[еволюционера] Авксентьева — председателя [Уфимской] Директории на пост министра почт и телеграфов?

Цеслинский. Гражданин Авксентьев меня вызывал действительно и предлагал мне занять пост главы ведомства.

Обвинитель Гойхбарг. Не министра [ли] почт и телеграфов?

Цеслинский. Я не помню.

Обвинитель Гойхбарг. А в другом правительстве Вы не получили ли звания начальника главного управления почт и телеграфов?

Цеслинский. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Я через несколько минут попрошу заявить отношение жены Цеслинского [к] Политическому центру в Иркутске именно по этим обстоятельствам. Скажите, пожалуйста, Вы не принимали участия в заседаниях Совета министров?

Цеслинский. Я присутствовал вначале довольно часто, почти ежедневно. Но участия в прениях и голосованиях я не имел права принимать и не принимал.

Обвинитель Гойхбарг. А журналы и протоколы [заседаний] подписывали?

Цеслинский. Вначале несколько журналов я подписал. Но это вышло по недоразумению. Я имел честь представить свое заявление, потому что в обвинительном акте мне ставилось в вину то участие, которое я принимал в разрешении некоторых вопросов, между тем как я участия в этом не принимал. Это могут засвидетельствовать и те министры, которые здесь находятся, и стенограммы этих заседаний.

Обвинитель Гойхбарг. Это Вы говорите о Вашем заявлении относительно чехословацких войск, что они часто вмешиваются в управление жел[езными] дорогами?

Цеслинский. Все представления делались от имени министра внутренних дел.

Обвинитель Гойхбарг. А Вами заявления не делались [ли] и не вносились ли они в протоколы?

Цеслинский. Может быть, когда министр просил, чтобы я делал официальное заявление, я, может быть, и делал.

Обвинитель Гойхбарг. А когда разразилась [Февральская] революция 1917 года, кто здесь был начальником почт и телеграфов?

Цеслинский. Я был начальником Иркутского округа.

Обвинитель Гойхбарг. Или генерал-губернатор Пильц?

Цеслинский. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Не вместе ли Вы с ним скрывали самый факт того, что произошло в Петрограде?

Цеслинский. Я не имел надобности скрывать. Но генерал Пильц призвал меня к себе и сказал, что он не может оповещать о том, что делается в Петрограде, пока не получит [официальных] известий. И приказал мне об этом сказать и служащим, так как иначе им грозит расстрел.

Обвинитель Гойхбарг. Когда Кругликов Вас пригласил, Вы ему рассказали об этом факте?

Цеслинский. Этот факт тогда всесторонне был освещен, и мне обвинение было предъявлено. Это видно из того, что меня оставили на службе.

Обвинитель Гойхбарг. А советская власть оставила Вас на службе?

Цеслинский. Да, я оставался в Иркутске.

Обвинитель Гойхбарг. А не сместила ли она Вас и не бежали ли Вы в Петроград?

Цеслинский. Я поехал туда. Когда [я] приехал в Петроград, то я явился к комиссару почт и телеграфов гражданину Прошьяну[59]. Но при первом приеме [он] предъявил мне телеграмму, которая во время моего переезда получена была в Петрограде от комиссара Рябикова...[60]

Председатель. Я перебью Вас. Я прошу не объяснения давать, а ответы на вопросы.

Обвинитель Гойхбарг. Значит, Вы получили телеграмму о том, что Вы оставлены здесь?

Цеслинский. Не я, а Прошьян получил.

Обвинитель Гойхбарг. Вы вернулись в Сибирь в качестве частного лица?

Цеслинский. Нет, в качестве начальника [почтово-телеграфного] округа. Когда я приехал и когда я хотел приступить к исполнению своих обязанностей, то комитет мне заявил, что он меня не допустит.

Обвинитель Гойхбарг. А когда было чехословацкое восстание, Вы на второй день не вступили ли в должность?

Цеслинский. Да, я вступил.

Обвинитель Гойхбарг. А не принимали ли Вы мер по отношению к почтово-телеграфным служащим и по отношению к тем комитетам, которые Вас не допускали [до работы]?

Цеслинский. Комитеты остались на своих местах.

Обвинитель Гойхбарг. А не делали ли Вы почтово-телеграфным служащим такого распоряжения: хотя в законе Временного правительства Керенского имеется прямое указание, что разрешается всем и каждому образовывать союзы, но в законе не сказано, что это [право] распространяется на почтово-телеграфных служащих, [а] посему эти служащие не могут образовать союза, а должны сноситься по начальству?

Цеслинский. Этого я не делал. Но министр внутренних дел издал такой циркуляр.

Обвинитель Гойхбарг. А бумагу за своей подписью: «Циркулярно, всем» Вы не разослали?[61]

Цеслинский. Бумага была от министра внутренних дел с моей скрепой.

Защитник Айзин. Я прошу слова.

Обвинитель Гойхбарг. Я хотел бы проверить эти показания Цеслинского.

Защитник Айзин. Мы лишены возможности принимать участие в процессе…

Обвинитель Гойхбарг. Я прошу заявить…

Защитник Айзин. Разрешите мне все-таки сказать, что мы лишены возможности принимать участие в процессе. Процесс ведется беспорядочно.

Председатель. Я не даю слова ни защите, ни обвинению по вопросу о порядке ведения заседания.

Обвинитель Гойхбарг. Я считаю вопросы подсудимому Цеслинскому сейчас законченными. Позвольте вернуться к показаниям подсудимого Молодых о том, что Пепеляев[62] несомненно принимал участие в [событиях в] качестве делегата партии к[онституционных] д[емократов].

Подсудимый Молодых, Вы не знали, что Пепеляев был членом «Национального центра»?

Молодых. Нет, не знал. Я питался слухами и предполагал так потому, что знал, что вся группа, которая была в Омске во главе с Жардецким, делала.

Обвинитель Гойхбарг. А не знали ли Вы, что Пепеляев пробрался через фронт в Сибирь по постановлению «Национального центра»?

Молодых. Я его впервые увидел, когда он был в Совете министров.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Червен-Водали пояснит вопрос о том, что Пепеляев был командирован «Национальным центром» в Сибирь и пробрался через фронт?

Червен-Водали. Я не знаю, был ли он командирован. Но знаю, что он считался членом «Национального центра». Я познакомился с Пепеляевым только здесь, когда я приехал сюда. В России я его не встречал.

Обвинитель Гойхбарг. Вы принимали участие в заседаниях «Национального центра»?

Червен-Водали. Я принимал участие в работах «Национального центра».

Обвинитель Гойхбарг. А в организации «Национального центра»? Ведь это была организация «Национального центра помощи Добровольческой армии Алексеева и Деникина»?

Червен-Водали. Это неверно.

Обвинитель Гойхбарг. Не было ли так, что Вы в течение всего [19]17 и 1918 года находились в Москве и играли там известную роль по организации торговцев и

промышленников с одной стороны, а с другой стороны — организовали «Национальный центр помощи Добровольческой армии Алексеева и Деникина»?

Червен-Водали. В таком виде, как Вы его задали, вопрос здесь является вопросом не о факте, а о целом ряде фактов. Поэтому я одним ответом исчерпывающего ответа дать не могу.

Обвинитель Гойхбарг. Вы в ноябре 1918 года не поехали ли из Москвы к Деникину?

Червен-Водали. Я из Москвы выехал в конце октября 1918 года в Киев вместе со своей семьей, а затем из Киева я поехал к Деникину в Екатеринодар.

Обвинитель Гойхбарг. Не получили ли Вы от Деникина поручения связаться с Колчаком?

Червен-Водали. Я получил поручение от «Национального центра». И вместе с тем было одно поручение от генерала Деникина. Об этом было во всех газетах.

Обвинитель Гойхбарг. А в «Правительственном вестнике» не было ли сказано, что Вы в течение 1918 года работали в Москве над организацией «Национального центра помощи Добровольческой армии Алексеева и Деникина»?[63]

Червен-Водали. Если это и было сказано, то это неверное изложение факта. Я жил в Москве, состоял членом правления Всероссийского союза [торговли и промышленности][64] — учреждения, которое не имело никаких торговых предприятий и занималось чисто научными вопросами экономической жизни. И в качестве такового работника, знакомого с экономическими вопросами, я работал по просьбе одного из деятелей, близких мне людей, над вопросом о создании экономической программы. Вот в этом смысле, вероятно, была заметка в «Правительственном вестнике».

Обвинитель Гойхбарг. А в «Правительственном вестнике» черным по белому было сказано: вел борьбу с большевиками для защиты от обложения [налогами,] контрибуций и конфискаций торгово-промышленников[65].

Червен-Водали. Я не могу сказать «да» или «нет». Возможно, что это было напечатано, но я об этом не знаю.

Председатель. В какую политическую организацию входил Союз торговли и промышленности?

Червен-Водали. Ни в какую организацию не входил.

Председатель. Почему декларация от имени «Национального центра», опубликованная ко всем гражданам культурного мира, подписана и торгово-промышленным отделом, комитетом торговли и промышленности?

Червен-Водали. Это возможно.

Председатель. Декларация была изложена Щепкиным[66] и обнародована в Москве.

Червен-Водали. Я такой декларации не помню.

Обвинитель Гойхбарг. Вы, если не ошибаюсь, по образованию юрист?

Червен-Водали. Я окончил два факультета — физико-математический и юридический.

Обвинитель Гойхбарг. Вы находились в Москве и, находясь в Москве, Вы работали над организацией «Национального центра помощи Добровольческой армии Алексеева и Деникина», которая, во всяком случае, шла войной на Москву.

Червен-Водали. Я утверждаю, что в организации такой работы, как Вы сейчас изволите говорить, я не участвовал. Я участвовал исключительно в работе по экономическому вопросу, по выработке приблизительной программы [развития] торговли и промышленности.

Обвинитель Гойхбарг. В «Правительственном вестнике» напечатано: «Национальный центр помощи Добровольческой армии Алексеева и Деникина».

Червен-Водали. Я не знаю, почему это был напечатано, но «Национальный центр» такого названия не носил. «Национальный центр» ведал вопросом национального возрождения. Это была организация политическая.

Обвинитель Гойхбарг. Но [разве] он не имел в своей программе указаний фактической помощи силам, идущим сражаться с советскими силами?

Председатель. Ставил себе «Национальный центр» задачу свержения советской власти?

Червен-Водали. Да, «Национальный центр» была такая политическая организация, которая считала советскую власть неприемлемой.

Председатель. «Национальный центр» имел дело [с] реальной военной силой?

Червен-Водали. Нет.

Председатель. По раскрытии Московской организации эта военная сила выразилась в корпусе[67].

Обвинитель Гойхбарг. Я хотел задать вопрос. И Ваше образование даст Вам возможность сформулировать [ответ: как совместить] существование в одном государстве и работу в организации, которая содействует помощью военным силам, сопротивляющимся этому государству. Для облегчения [ответа] предположите, что это касается [двух] воюющих стран и Вы принадлежите к той или другой воюющей стороне. Скажем, Германия и Россия. Следовательно, между двумя государственными образованиями [идет] война. Вы принадлежите и сочувствуете другому воюющему государству, [а] находитесь в пределах государства противоположного и там работаете над содействием враждебным этому государству силам.

Червен-Водали. Я никоим образом не могу согласиться с такой постановкой вопроса. Я считаю, что двух Россий не было. Была одна Россия, в которой были разные течения: одно течение — советская Россия, а другое течение — не сочувствующее, стоящее на других точках зрения. Я, оставаясь русским гражданином, любящим свое отечество и любящим тот народ, среди которого я живу, стоял на другой точке зрения. И, оставаясь гражданином одного отечества, а не Германии и не России, я стоял на точке зрения несочувствия советской России. На такой точке зрения я стоял, и с этой точки зрения я обсуждал свою деятельность. В военных организациях, как человек, никогда на военной службе не работавший и военного дела не понимающий, я участия не принимал, а ставил те вопросы, в которых я чувствовал себя достаточно компетентным. Я отвечаю совершенно конкретно, что я разрабатывал вопросы экономические, поднимающиеся представлениями министерства торговли и промышленности; я продолжал [работать] в министерстве труда. Этот круг вопросов меня интересовал. И я, как человек, в этой области [ранее] работавший, именно в этой области и работал[68].

Обвинитель Гойхбарг. Если защита не возражает, я попрошу огласить из «Правительственного вестника» сведения, касающиеся Червен-Водали и Пепеляева.

Защитник Айзин. Мы не возражаем.

Гойхбарг оглашает документы, касающиеся Пепеляева и Червен-Водали[69]. Это сообщение «Правительственного вестника» соответствует действительности?

Червен-Водали. За исключением редакции по первому пункту. В том месте, где Вы изволили прочесть относительно моего участия во [Все]российском союзе торговли и промышленности. Тут сказано в такой редакции, которая может подчеркнуть какую-то возможность моей борьбы с большевистскими учреждениями.

Я должен сказать, что Всероссийский союз торговли и промышленности, объединяя еще до большевистского переворота много торгово-промышленных учреждений всей России, сосредоточивает в себе заявления о контрибуциях, об арестах и т. д. И Союз торговли и промышленности возбуждает вопросы перед [народным] комиссариатом юстиции, перед комиссариатом торговли и промышленности и комиссариатом внутренних дел эти вопросы — об облегчении участи отдельных лиц или об облегчении общей контрибуции. И очень часто эти ходатайства удовлетворяются. Это была борьба не в буквальном смысле. А это было принятие известных мер к облегчению участи представителей торговли и промышленности, а иногда и предприятий торговли и промышленности.

Во второй части указано на то, что я уехал в январе[70] месяце,— тут как будто бы имеется такое указание. Я уехал в конце октября [1918 г.], совершенно не скрывая, получив соответствующее разрешение. Проехал через таможню в Киеве, затем поехал на юг устроить свою семью. И уже потом поехал в Екатеринодар и работал в политической организации, которая была при армии Деникина. Этого я не отрицаю и считаю это совершенно соответствующим действительности.

Председатель. Вы, следовательно, подтверждаете тот документ, который был прочитан?

Червен-Водали. С теми поправками, которые я внес.

Обвинитель Гойхбарг. Я хочу перейти теперь к обстоятельствам колчаковского переворота, к силам, участвовавшим в нем, и к мерам, которые принимались. По этому вопросу разрешите мне задать несколько вопросов подсудимому Шумиловскому?

Председатель. Я предлагаю исчерпывающим образом вести допрос, потому что если Вы по три раза будете допрашивать [каждого подсудимого], то я не вижу к этому никаких оснований. Процесс затягивается. Вы сегодня ведете допрос в течение пяти часов. И если завтра в продолжение пяти часов защитники поведут допрос, то мы процесса не закончим. Поэтому я предлагаю наметить программу вопросов, и вне этой программы я вопросов задавать не позволю.

Обвинитель Гойхбарг. Программа следующего рода. У меня имеются сведения, что непосредственно после того, как Колчак был провозглашен Верховным правителем, против этого восстали члены [Всероссийского] Учредительного собрания. И Колчак отдал приказ членов [Всероссийского] Учредительного собрания арестовать. В частности, в дальнейшем был отдан приказ о привлечении к ответственности и для дальнейшего направления дела арестовать члена [Всероссийского] Учредительного собрания Кириенко[71]. В дальнейшем оказывается, что эти арестованные члены [Всероссийского] Учредительного собрания через некоторое время были расстреляны[72].

Председатель. Это уже принято. И поэтому я обязан дать слово защитникам и о предыдущем периоде. Если защита исчерпать вопросы по предыдущему периоду не успеет, то я предлагаю заседание перенести на завтра.

Защитник Айзин. Я хотел бы сделать краткое заявление. Товарищ Гойхбарг наметил план хода развития сибирской контрреволюции. Мы полагаем, что это наилучший способ ведения громадной важности исторического процесса. Но раз товарищ Гойхбарг начал с вопроса о ноябрьском [1918 г.] перевороте и провозглашении Колчака [Верховным правителем], то в этой форме процесс и должен вестись. К сожалению, он отступил от этой программы и начал опрашивать [подсудимых] по другим вопросам.

Мы предполагаем, что в интересах полноты исторической картины целесообразна та форма, в которой процесс ведется тов. Гойхбаргом. Но ввиду того, что здесь оглашаются известные факты, и для того, чтобы создалось цельное впечатление от суда, я полагаю, что по этим фактам должна быть дана возможность [не только] обвинению представить изложение тех фактов, которые имеются как в документах, так и в объяснениях обвиняемых и свидетелей, которые могут факты эти представить всесторонне.

Если сегодня по целому ряду фактов представлены данные обвиняемыми, но эти факты не получили надлежащего объяснения и разъяснения со стороны обвиняемых в том смысле, как они понимали эти факты, когда они имели место, то может получиться не цельное впечатление от процесса, с одной стороны, и процесс может затянуться на долгое время — с другой стороны. Поэтому я просил бы о том, что[бы], когда задаются обвиняемым вопросы о наличности тех или иных фактов, то вместе с тем представить возможность обвиняемым давать объяснения этих фактов в том смысле, как они эти факты понимали и воспринимали.

Председатель. Следствие должно быть следствием, и никаких защитительных речей и объяснений я допускать не буду. Освещение фактов вообще должно проходить в порядке вопросов и ответов на вопросы. Для объяснения будет дано слово как защите, так и обвиняемым. Сейчас мы имеем судебное следствие, а не митинг публицистического характера.

Защитник Айзин. В зал заседания приведена сегодня свидетельница Кладницкая по делу Дмитриева, который обвиняется в убийстве брата свидетельницы Горбунова.

Обвинитель Гойхбарг. ...[73]

Защитник Айзин. Расскажите, пожалуйста, свидетельница, что Вам известно об обстоятельствах убийства Вашего брата Горбунова и какое отношение к этому делу [имеет] Дмитриев.

Свид[етельница] Кладницкая. Мой брат А. Л. Горбунов служил в Монгольской экспедиции. После [Октябрьского] переворота он оставлен был на службе для торговли и обмена с Монголией. Мой брат был сначала помощником уполномоченного и продолжал свою деятельность, как раньше. Настроение против брата было плохое в тех местах, где он продолжал свою деятельность: в Семипалатинске, в Павлодаре, в Бийске. Настроение объяснялось тем, что ему приходилось реквизировать помещения для нужд конторы и т. д. Поэтому отношение к нему было очень враждебное. Кроме того, казачество видело в экспедиции активную большевистскую организацию, которая с оружием охраняла достояние экспедиции. Было очень враждебное настроение со стороны скотопромышленников, потому что экспедиции было дано право покупать скот. И всю ненависть они перенесли на моего брата.

После того, как советская власть была свергнута, все такие элементы набросились на экспедицию, стали расхищать имущество. Задержан был в Семипалатинске мой брат и был арестован. Для дачи отчета мы были отпущены обратно в Семипалатинск. Туда был послан для расследования этого дела товарищ министра продовольствия Дмитриев. Он организовал комиссию, в которую вошли представители враждебно настроенных граждан, представители купечества и казачества. Они засыпали комиссию всевозможными обвинениями и донесениями во всевозможных преступлениях. Дмитриев отстранил его от должности, и он был обвинен во всевозможных преступлениях и в большевизме.

Я со своей стороны в Омске старалась предпринять все возможное. Местная следственная комиссия просила председателя Дмитриева арестовать брата вновь и обязать его дать отчет перед экспедицией. Когда он должен был уехать, его арестовали снова за большевизм. В продолжение двух-трех недель ему удалось освободиться, он начал сдавать отчет, который должен был закончить. Но как раз неожиданно для него и Семенова прибыл туда отряд атамана Анненкова, который творил бог знает что. Он был арестован отрядом Анненкова и был расстрелян. С ним были захвачены еще некоторые: Вицерман, Розен. Мы обращались к властям, посылали запросы, но Анненков не отвечал на запросы или отвечал, что его не имеется [на месте]. Но впоследствии атаман Анненков подтверждал это и то, что его избили, когда арестовывали. Это удалось установить. Я поясняю это в интересах справедливости, что к убийству моего брата Дмитриев отношения не имеет.

Павлуновский. Никто не обвиняет Дмитриева в убийстве Горбунова.

Защ[итник] Айзин. В попустительстве: А. Л. Горбунов был освобожден из-под стражи, когда был Дмитриев.

Гойхбарг. А на этом заседании из враждебных элементов под председательством Дмитриева не было ли в протоколе записано, что Горбунов в качестве деятеля Монгольской экспедиции обвиняется в явно большевистских действиях?

Кладницкая. Вероятно было, потому что он обвинялся и в большевизме.

Гойхбарг. А Вы имеете представление об анненковцах? Может быть, они какой-нибудь наружный знак носили?

Кладницкая. Череп и кости.

Гойхбарг. А с лицами, которые совершали акты большевизма, как поступали?

Кладницкая. Расстреливали.

Защ[итник] Айзин. Не известно ли Вам, приехали ли анненковцы, когда там был Дмитриев?

Кладницкая. Да, они приехали.

Павлуновский. Значит, Ваш брат был охарактеризован как сочувствующий большевизму?

Гойхбарг. Когда дойдет до этого вопроса, тогда мы Дмитриева допросим, а теперь не [нужно] допрашивать.

Заседание закрывается.

Глава пятая

ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Четвертое заседание суда, 23 мая

Павлуновский. Заседание чрезвычайного трибунала открыто.

Гойхбарг. Я должен сделать заявление революционному трибуналу. Вчера революционный трибунал предложил мне дать программу вопросов или общего ведения сейчас судебного следствия здесь. Я эту программу[1] составил и, предлагая ее, хотел бы в нескольких словах объяснить причины, почему именно такую программу я наметил.

Я, к сожалению, не могу согласиться с тем, чтобы вести вопросы в таком порядке, как вчера один из защитников предлагал, а именно, чтобы все время идти в хронологическом порядке. Дело в том, что после того, как вице-адмирал Колчак был провозглашен Верховным правителем, уже не было таких особенно ярких переломных моментов, на которых я мог бы тот порядок, который представляется целесообразным обвинению, установить. Я считаю, что после того, как началась текущая деятельность [колчаковского правительства и] до января 1920 г. и, может быть, далее не прекращавшаяся. И посему только целый ряд пунктов, которые содержатся в конце обвинительного заключения, я считал бы наиболее целесообразным выдвинуть и их подчеркнуть[2]. И этим ограничить весь опрос подсудимых, соответствующих свидетелей, а также оглашение документов. Я только считаю, что для окончательного выяснения характера тех событий, которые имели место в ноябре [19]18 года, необходимо еще, чтобы перед революционным трибуналом, хотя бы очень кратко, прошла деятельность Комитета [членов] Учредительного собрания и [Уфимской] Директории.

Считаясь с этим, я наметил бы следующую программу ведения судебного следствия: [пункт первый,] характеристика деятельности директорийской[3] власти эсеровской Директории. Для этого [есть] несколько вопросов [к] свидетелям Патушинскому и Дерберу, опрос соответствующих подсудимых, оглашение документов. На этом, я полагал бы, та схема событий, которую я делал до ноября месяца [1918 г.], может считаться законченной.

В дальнейшем же мы будем идти не в хронологическом порядке, а в систематическом порядке. Предлагаемыми пятью пунктами я полагаю ограничить все ведение следствия (*читает*). Предлагая эту программу на обсуждение революционного трибунала, я хотел бы оговориться, чтобы в соответственных местах, когда обвинение будет впервые вызывать для установления некоторых фактов того или другого из подсудимых, которые еще не вызывались для таких ответов или которые еще вообще не дали сведений [о том], каким образом они попали в Сибирь, некоторые вопросы этим подсудимым попутно задавать относительно их появления здесь и некоторых, по мнению обвинения, наиболее характерных моментов их деятельности.

Павлуновский. Защита [не] возражает?

Айзин. Нет, не возражает. Но мы ходатайствуем, чтобы при каждом доказательстве мы могли бы представить также свои доказательства. Мы просим дать нам один экземпляр программы.

Гойхбарг. Так как я имел случай указать, что в неразрывной связи с этими событиями, которые мы рассматриваем, находится и характеристика деятельности власти [Уфимской] Директории, я просил бы, если защита не будет возражать, чтобы этот пункт был выяснен и чтобы по окончании этого защита производила все свои требования и заявления.

Айзин. Защита не возражает.

Гойхбарг. Еще одно ходатайство. Так как программа, предложенная мною, принята и только в конце потребуется допрос свидетелей, в том числе Матковского, то я полагаю, что в настоящее время нет необходимости присутствия здесь свидетеля Матковского.

Защита. Может быть, свидетель Матковский необходим для частного дела Дмитриева?

Гойхбарг. Так как по первому вопросу указано, что необходимо задать вопросы свидетелям Патушинскому и Дерберу, я просил бы пригласить свидетеля Патушинского.

[Вводят Патушинского.]

Скажите, пожалуйста, свидетель, Вы имели сведения о деятельности Комитета [членов] Учредительного собрания в Самаре и Уфе?

Патушинский. Лично я имел очень скудные сведения об этом.

Гойхбарг. Но кое-какие сведения Вы имели?

Патушинский. Кое-какие имел.

Гойхбарг. До Вас не доходили сведения, что Комитет [членов] Учредительного собрания, который, кажется, состоял из с[оциалистов]-р[еволюционеров]...

Патушинский. Да, это я знал.

Гойхбарг. ...Распоряжался производить расстрелы рабочих в Самаре и Уфе?

Патушинский. Нет, таких сведений я не имел.

Гойхбарг. Может быть, до Вас доходили сведения, что [Уфимская] Директория, также в большинстве состоявшая из эсеров, в Самаре и Уфе такие распоряжения отдавала?[4]

Патушинский. Нет, таких сведений не было. Но лично меня удивило, что [Уфимская] Директория не отменила постановления Административного совета о введении смертной казни.

Гойхбарг. А не доходили до Вас сведения, что власть, во главе которой стояли с[оциалисты]-р[еволюционеры], позволяла чехословацким войскам брать заложниками женщин и детей?[5]

Патушинский. Положительно утверждаю, что раньше я этого не слыхал.

Гойхбарг. Тогда я попрошу пригласить свидетеля Дербера. Я лично больше задавать вопросов свидетелю Патушинскому не собираюсь. С моей стороны нет препятствий, чтобы свидетель Патушинский не присутствовал в качестве свидетеля.

Защ[итник] Ааронов. В связи с тем, что свидетель Патушинский был членом [Иркутского] Политического центра, он может потребоваться для выяснения вопросов.

Патушинский. Этот вопрос будет сегодня возбуждаться? Я не стал бы об этом спрашивать, но я чувствую себя очень слабым.

Председатель. Завтра.

Гойхбарг. Прошу пригласить свидетеля Дербера. [Скажите, свидетель Дербер,] Вы принадлежали к партии эсеров?

Дербер. Принадлежал.

Гойхбарг. [И в 1918 г. были избраны премьер-министром] на предмет или на случай свержения советской власти?

Дербер. Правильно.

Гойхбарг. В число членов Вашего кабинета входил Вологодский?

Дербер. Было.

Гойхбарг. А состав членов Учредительного собрания в Самаре и Уфе был Вам известен?

Дербер. Совершенно нет. Я был на востоке.

Гойхбарг. А до Вас доходили сведения, члены какой партии составляли Комитет [членов] Учредительного собрания?

Дербер. Это я только узнал по приезде в Западную Сибирь.

Гойхбарг. А о составе [Уфимской] Директории?

Дербер. Я узнал [о нем] на востоке.

Гойхбарг. Вы знали, что в большинстве своем [Уфимская] Директория состояла из членов партии эсеров, в том числе из члена Вашего кабинета Вологодского?

Дербер. Узнал в последний день выезда на восток[6].

Гойхбарг. До Вас не доходили сведения, что Комитет [членов Всероссийского] Учредительного собрания распоряжался расстрелом рабочих?

Дербер. О Комитете [членов Всероссийского] Учредительного собрания я узнал только в Томске и никаких раньше сведений не имел.

Гойхбарг. А члены Директории Вологодский, Самсонов[7] и др. отдавали такие распоряжения, прежде чем они приехали в гор. Омск?

Дербер. Абсолютно не имею таких сведений.

Гойхбарг. А сведения о том, что члены партии эсеров, состоявшие в разных правительствах, вместе с помогавшими им чехословацкими войсками брали в заложники женщин и детей?

Дербер. Совершенно не доходило таких сведений.

Гойхбарг. А Вы слышали о генерале Гайда?[8]

Дербер. Да.

Гойхбарг. Что же, он поддерживал Комитет [членов] Учредительного собрания?

Дербер. Я только слышал, что он поддерживал Омское правительство.

Гойхбарг. А не доходило [ли] до Вас слухов, что Гайда, которого эсеры называли спасителем родины, отдавал приказы каждого десятого заложника расстреливать, а остальных отдавать на каторгу?[9]

Дербер. Это я знал по его приказам на Китайско-Восточной железной дороге.

Гойхбарг. Восточно-Китайская ж[елезная] д[орога] — это водные пути?

Дербер. Нет.

Гойхбарг. А что он отдавал приказы о рабочих водного транспорта: если они не станут на работу, каждого десятого расстреливать, а остальных отдавать в каторгу?

Дербер. Это я слышал, но это было не при мне.

Гойхбарг. Не знаете ли Вы, что такие телеграммы он посылал, к примеру, Степаненко?

Дербер. Слышал.

Гойхбарг. А не приходилось ли Вам слышать именно эту телеграмму?[10]

Дербер. Повторяю, я слышал ее, но сам не читал.

Гойхбарг. Эта телеграмма содержится в деле Степаненко, лист 12. Может быть, подсудимый Клафтон подтвердит те обстоятельства, о которых не слышали свидетели Патушинский и Дербер?

Скажите, пожалуйста, подсудимый Клафтон, не получали ли Вы в сентябре 1918 года от некоей организации, принадлежащей к международному Красному кресту, поручения в Уфу для ведения переговоров с чехословаками относительно взятых заложниками женщин и детей?

Клафтон. Да, я получил такое поручение от международной комиссии Красного креста.

Гойхбарг. В том мандате или удостоверении, которое Вам было выдано 2 сентября 1918 года на финском и русском языке именно этой организацией в Москве, так точно и значилось: для переговоров о взятых заложниках — женщинах и детях?[11]

Клафтон. Совершенно верно.

Гойхбарг. Значит, Вы по личной просьбе согласились это поручение исполнить?

Клафтон. Ко мне обратился член [коллегии] народного комиссариата продовольствия, [работавший в] Уфе и Самаре, который лично меня знает[12]. Я был в Москве и не мог попасть домой. Я сам самарский житель.

Гойхбарг. Не обращался ли к Вам с этой просьбой народный комиссар [продовольствия] Цюрупа[13], именно потому, что в числе других женщин там была взята его жена?

Клафтон. Да, не только один Цюрупа, но и другие, жены которых были взяты: [жены] Брюханова, Юрьева, Эльцина, Архангельского. Разрешите сделать добавление?.. По вопросу о детях я хотел бы сделать заявление.

Гойхбарг. Я только интересуюсь этим фактом. Вы получили 2 сентября [1918 г.] мандат для поездки по Уралу и Поволжью. На второй день, 3 сентября, не получили ли Вы удостоверения от другой организации?

Клафтон. Нам был выдан пропуск для перехода [через линию фронта].

Гойхбарг. Не получили ли Вы удостоверения от нелегальной организации в Москве, от организации Всероссийского земского союза[14] в Москве?

Клафтон. У меня было свидетельство, выданное князем Львовым[15]. Оно было возобновлено[16].

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, в то время, в сентябре 1918 года, в Москве Всероссийский земский союз существовал и функционировал легально?

Клафтон. Там существовали две организации. Одна существовала полулегально. Она производила расчеты по фронту. А другая была — остатки Земского союза, во главе которого стоял комиссар Свердлов[17].

Гойхбарг. Но Вы получили удостоверение, в котором говорится, что с 1915 года состояли уполномоченным Земского союза беспрерывно?

Клафтон. Да.

Гойхбарг. Выполняя свою миссию, не пришлось ли Вам дать телеграмму международному обществу Красного креста, что здешние власти согласны на такой обмен: 27 человек этих женщин приблизительно на 100 чехов и 60 нечехов — разных лиц?[18] В числе лиц, на [обмене] которых настаивали [противники большевиков], не находился ли целый список лиц, которые работали в Москве?

Клафтон. Да.

Гойхбарг. В том числе: Алексинского[19], Абрамовича?[20]

Клафтон. В этот список входил целый ряд общественных деятелей. Но нам не удалось, так как генерал Сыровой заявил, что он не согласен на обмен, если не будут представлены все чехи полностью. Поэтому он требовал внести 111 человек чехов.

Гойхбарг. Но Вы должны были выдвинуть еще 60 человек?

Клафтон. В этом отношении нам были даны [советской властью] задания[21], что мы можем просить заложников — частных лиц, взятых в Самарской и Оренбургской губерниях. На эту телеграмму, которая у Вас имеется, я не получил [из Москвы] ответа по соображениям, мне неизвестным. Но мне был доставлен номер газеты, выходившей в Уфе, кажется «Уфимский край», где был напечатан целый ряд телеграмм Цюрупы, которые были ответом на мою радиотелеграмму.

Гойхбарг. В числе лиц, находившихся в Москве, был намечен Кишкин?[22]

Клафтон. Кишкин, Егоров, Огородников, жена [московского] городского головы Руднева, Кучин-Оранский и Абрамович. А Алексинский был отдельно. Всего было 10 человек.

Гойхбарг. Вы не знаете, после того Алексинский уехал из Москвы?

Клафтон. Нет, это было значительно позже.

Гойхбарг. Вы, выполнив эту миссию, заболели?

Клафтон. Я заболел в Самаре и был доставлен в Омск, даже без моей воли.

Гойхбарг. Какую Вы занимали должность [в Омске]?

Клафтон. Председатель [президиума] Восточного отдела [ЦК] партии народной свободы.

Гойхбарг. А председателем [Омского] городского комитета кто был?

Клафтон. Жардецкий.

Гойхбарг. 28 октября [1918 г.] Вы посылали телеграмму об условиях, на которых можно было производить обмен [заложниками], а 2 ноября Вы не были [ли] уполномоченным для объединения их деятельности?

Клафтон. Я получил поручение от Возгора[23]. Это объединенный комитет для возрождения. И должен был отправиться во Владивосток, но это не состоялось.

Гойхбарг. А Вы были в Омске директором [Русского] общества печатного дела?[24]

Клафтон. С 1 июня 1919 года.

Гойхбарг. Я вполне удовлетворен и считаю, что характеристика деятельности [Самарского] комитета [членов] Учредительного собрания и [Уфимской] Директории вполне освещена.

Клафтон. Разрешите дополнить относительно детей в целях освещения?

Гойхбарг. Вы твердо уверены, что у жен Брюханова и Цюрупы в первое время дети не были взяты заложниками?

Клафтон. Во всяком случае, детей-заложников там не оказалось.

Защ[итник] Айзин. В связи с Учредительным собранием мы не имеем вопросов. Но в связи с переговорами мы хотели бы задать вопрос подсудимому Новомбергскому и Молодых. Избирали ли они Колчака [Верховным правителем] и принимали ли участие в баллотировке?

Гойхбарг. Я считаю удостоверенным, что Новомбергский и Молодых не голосовали и не подписывали протокола.

Айзин. Я бы ходатайствовал разрешить мне [задать] ряд вопросов подсудимым и один вопрос тов. Гойхбаргу…

Гойхбарг. Я не знаю, в качестве кого я являюсь лицом, которое должно отвечать на вопросы.

Павлуновский. Для допроса обвиняемых защите слово будет предоставлено.

Айзин. Тогда я прошу разрешить мне задать вопрос обвиняемому Цеслинскому. Скажите, на основании какого законоположения действовало здесь, в Омске, главное управление почт и телеграфа?

Цеслинский. Оно было сконструировано на основании тех законоположений, на основании которых в Петрограде оно было установлено: том 1, статья 26.

Айзин. Пользовалось лицо управляющего почтой и телеграфом правами товарища министра?

Цеслинский. Нет, не пользовалось ни в Петрограде, также ни здесь. Но в Петрограде оно было в 4-м классе. И когда формировалось новое управление, здесь эта должность [была] отнесена к 3-му классу, но без права какого бы то ни было участия в Совете министров.

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, должность 1-го класса в[о] [Временном] Сибирском правительстве существовала?

Цеслинский. Я не знаю, чтобы она существовала.

Гойхбарг. А Вы знаете, что такое должность первого класса?

Цеслинский. По законам — да.

Гойхбарг. А что это такое?

Цеслинский. Фельдмаршал или государственный канцлер.

Гойхбарг. А может быть, Вы помните — государственные канцлеры при царях за первые пятьдесят лет существовали?

Цеслинский. Не могу знать.

Гойхбарг. Может быть, Вы помните, что Совет министров в заседаниях, в которые Вы заходили, по отношению к Вологодскому постановил признать его должность должностью первого класса, дабы дать ему вместо двух тысяч [рублей] — три тысячи жалования?[25]

Цеслинский. Это мне неизвестно.

Гойхбарг. Подсудимый Шумиловский, Вам это [тоже] неизвестно?

Шумиловский. Этот факт мне известен.

Гойхбарг. Я удовлетворен.

Айзин. Разрешите задать вопрос подсудимому Степаненко? Подсудимый Степаненко, скажите, пожалуйста, Вами 2 августа 1918 года было издано положение об охране на железной дороге? Что означало это положение?

Степаненко. 2 августа было предложено ввести железнодорожную милицию как орган, который предусматривает интересы пассажиров и охраняет грузы. Никаких других функций этой милиции не предоставлялось. Об организации этой милиции было составлено определенное положение. Из этого положения следует, что она исполняла исключительно такие обязанности. Эта милиция ничего общего с царскими жандармами не имела потому, что милиция...

Павлуновский. Вы касаетесь функции милиции. Вам не было задано этого вопроса.

Айзин. Кому эта милиция была подчинена: железнодорожному управлению или какой-нибудь другой власти?

Степаненко. Милиция подчинялась начальнику дороги, а через него — министерству путей сообщения, а не министерству внутренних дел.

Айзин. Имела ли она отношение к так называемому управлению государственной охраны?

Степаненко. Никакого отношения не имела.

Айзин. Я больше вопросов не имею.

Гойхбарг. А скажите, подсудимый Степаненко, Вами впоследствии не посылались сообщения, что[бы] железнодорожная охрана предварительно брала тех рабочих, которые потом расстреливались?

Степаненко. Нет, я не помню. Железнодорожная охрана — это нечто другое. Это не милиция.

Гойхбарг. А Вам не сообщалось, что железнодорожная охрана, учрежденная Вами, может быть — переродившаяся через некоторое время, этим занималась?

Степаненко. Нет, таких сведений не имелось. И охраны железных дорог не было. Была милиция.

Айзин. В связи с опросом Степаненко вчера я ходатайствую об оглашении письма Устругова о распределении роли [в министерстве путей сообщения].

Гойхбарг. Для того, чтобы не было сомнений, что роли были распределены [так], как вчера показывали Ларионов и Степаненко, я считаю этот факт установленным.

Айзин. Т. е. что Степаненко ведал водными путями?

Павлуновский. Я считаю формально, что роли были установлены.

Айзин. Еще вопрос подсудимому Степаненко по поводу резолюции, о которой вчера допрашивал тов. Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, по поводу резолюции «Сообщить Козыреву сведения о забастовках», что Вы имели в виду?

Степаненко. Ввиду того, что начавшееся забастовочное движение было обусловлено недостатком заработка, начальник [Омской железной] дороги должен был прежде всего обратить внимание на эту сторону и, обсудив это, должен был принять соответствующие меры. Решительные меры, на которые здесь намекали, не могли прийти нам в голову, ибо ведомство путей сообщения этими функциями не распоряжалось.

Гойхбарг. Не начинались ли эти сведения так: «По дошедшим до меня агентурным сведениям...»?

Степаненко. Да.

Гойхбарг. Больше вопросов не имеется.

Павлуновский. Таким образом, мы переходим к параграфу второму [«Программы допроса»].

Гойхбарг. Я хотел бы относительно вопроса об агитации за границей задать вопрос подсудимому Писареву. Скажите, пожалуйста, подсудимый Писарев, Вы были назначены товарищем министра по делам вероисповедания?[26]

Писарев. Да.

Гойхбарг. Вы в качестве тов[арища] министра по делам вероисповедания входили с совещательным голосом в [Высшее временное] церковное управление?

Писарев. Входил.

Гойхбарг. В церковном управлении издавался журнал?

Писарев. Да.

Гойхбарг. «Сибирский благовестник»?

Писарев. Да.

Гойхбарг. Вы были редактором этого журнала?

Писарев. Был.

Гойхбарг. Не припомните ли Вы, что в № 1 этого журнала за Вашей подписью, в числе других, было оглашено воззвание к духовенству всех союзных стран, в том числе к Папе Римскому, архиепископу Кентерберийскому и т. д.?

Писарев. Было.

Гойхбарг. Не содержалось ли в этом обращении указания на целый ряд зверских, жестоких и преступных актов со стороны большевистской власти?

Писарев. Содержания я не помню. Но, возможно, было.

Гойхбарг. Может быть, там было еще больше? «Захватив в конце [19]17 г. ...» (*читает*)[27].

Писарев. Да, стало быть, да.

Гойхбарг. Подписи имеются (*читает*)[28]. А когда Вы писали это обращение, Вы не знали, что целый ряд пунктов в этом обращении есть вздорная ложь?

Писарев. Я этого лично не писал.

Гойхбарг. А подписывая его, Вы не интересовались его содержанием?

Писарев. Да, я прочитывал.

Гойхбарг. А социализация женщин, что это вздорная ложь?

Писарев. Лично я не знал.

Гойхбарг. А Сильвестр[29] также не знал?

Писарев. Не могу сказать.

Гойхбарг. А Сильвестр с Колчаком переписывался лично?

Писарев. Не знаю.

Гойхбарг. А икону вручал?

Писарев. Не знаю.

Гойхбарг. Копию иконы Николая Чудотворца, поврежденную в Москве большевиками?

Писарев. Я не слышал.

Гойхбарг. А когда назначались крестные ходы, он писал, что крайне желательно, чтобы Колчак принял участие?

Писарев. Я ничего не знаю.

Гойхбарг. А не знали ли Вы, что они были в дружеских отношениях?

Писарев. Также не знал.

Гойхбарг. Не было ли Вам известно, что этот документ со сведениями о социализации женщин, что это был пасквиль?

Писарев. Также не знаю.

Гойхбарг. Не знали ли Вы, что такие слухи, которые бы сообщали Папе Римскому и архиепископу Кентерберийскому, были бумажкой под заголовком «Декрет ассоциации анархистов в городе Саратове»?

Писарев. Нет, не знал.

Гойхбарг. А Вы имели представление, что ассоциация анархистов в г. Саратов для советской России законов не издает?

Писарев. Также не знал.

Гойхбарг. Я прошу удостоверить революционный трибунал, что в бумагах, взятых у Колчака, имеется как раз пасквиль о социализации женщин.

Павлуновский. Суд удостоверяет.

Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, подсудимый Писарев, на это обращение ответы были получены?

Писарев. Да, были получены.

Гойхбарг. В частности, от архиепископа Кентерберийского?

Писарев. Да.

Гойхбарг. Не писал ли архиепископ Кентерберийский, что эти жестокие гонения причиняют ему... (*читает*)[30]?

Писарев. Получился такой ответ.

Гойхбарг. Но Вы знали, что Ваше воззвание преследует определенную цель: содействовать тому, чтобы союзные правительства приняли все меры к уничтожению этих ужасов «социализации женщин» и т. д.?

Писарев. Не могу сказать.

Гойхбарг. Так что, Вы подписали это, не зная зачем?

Писарев. Я вообще этого воззвания не составлял.

Гойхбарг. Но по каноническому праву, кто подписывает, не усваивает ли [он] того, что написано?

Писарев. По доверию, это было составлено в Томске соборным совещанием.

Гойхбарг. В котором Вы принимали участие?

Писарев. Я там был членом.

Гойхбарг. Вы и в последнее время занимались патриотической агитацией?

Писарев. Нет.

Гойхбарг. А не получили ли Вы 100 000 р[уб]. на патриотическую агитацию в Иркутске?[31]

Писарев. Это было на культурно-просветительные цели, а не на патриотические агитации.

Гойхбарг. А не передали ли Вы деньги чиновнику Чернявскому, дав приказание, на какие цели их употребить? Патриотической организации – 20 000 р[уб]., Прокошеву[32], на продвижение эшелона – 10 000 р[уб]., на помощь беженцам – 10 000 р[уб]. и 5 000 [руб.] — жене Писарева?

Писарев. Нет, такого я не давал.

Гойхбарг. Я прошу огласить счет Прокошева и показание его, где он объясняет, что он отправил 5 000 р[уб.] жене Писарева и т. д. (*читает*).

Писарев. 5 000 р[уб.] я дал ему собственных. Он выполнял мое поручение.

Гойхбарг. Вы занимались патриотической агитацией, говоря о социализации женщин. Не подавали ли Вы в феврале [1920 г.] в Иркутский революционный комитет заявление следующего содержания: что, вполне разделяя программу партии большевиков, Вы вступаете в эту партию и заявляете, что меньшевиком никогда не были?..

Писарев. Никогда не был и никогда не буду.

Защитник Айзин ходатайствует об оглашении этого документа.

Гойхбарг (читает)[33]. Вы это писали?

Писарев. Писал.

Гойхбарг. Я имею к революционному трибуналу спешную просьбу в связи с только что оглашенным письмом. Так как задачей обвинения революционного трибунала в числе прочих является определение, насколько допустимо, насколько целесообразно применение того или другого наказания к подсудимому; так как, с другой стороны, на основании 14 ст[атьи] Основн[ого] полож[ения] уголовного права, действующего в советской республике, не могут подвергаться наказанию лица, страдающие душевной болезнью, хотя бы заболевшие в момент вынесения приговора, даже если они совершили преступление, находясь в здравом уме; и так как факты, которые сейчас оглашены, внушают мне предположение, близкое лично у меня к уверенности, что подсудимый Писарев страдает душевной болезнью, я ходатайствую перед революционным трибуналом об освидетельствовании его через психиатрическую экспертизу.

Айзин. Со своей стороны защита также имела [намерение] возбудить такое ходатайство.

Председатель. Указания обвинителя об освидетельствовании душевных способностей обвиняемого Писарева будут удовлетворены.

Обвинитель Гойхбарг. Я ходатайствую перед революционным трибуналом спешно распорядиться о приглашении психиатров, которые сегодня или завтра к началу заседания могли бы эту работу произвести.

Дальше у меня имеются вопросы к свидетелю Деминову[34] по вопросу о дезорганизации советского тыла. Скажите, свидетель Деминов, Вы какую должность занимали в управлении делами Верховного правителя?

Деминов. Я был управляющий особым отделом управления делами по дезорганизации советского тыла[35].

Обвинитель Гойхбарг. Это было Ваше предложение организовать этот особый отдел по дезорганизации советского тыла?

Деминов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А в числе задач, которые ставил себе этот отдел, не имелась ли организация заговоров [против] советской России, организация восстаний, организация взрывов и т. д.?

Деминов. Организация восстаний и заговоров — да, а взрывов — нет.

Обвинитель Гойхбарг. А не содержалось ли там еще одно задание — объединение всех противобольшевистских организаций?

Деминов. Да, это было.

Обвинитель Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, прежде чем Ваш отдел слился[36], это не предполагали ли поручить Бюро печати, во главе которого стоял Клафтон?

Деминов. На этот вопрос трудно сейчас ответить. Это очень сложная история.

Обвинитель Гойхбарг. А не показывали ли Вы, что только профессорская неприспособленность Клафтона, [Д. В.] Болдырева и др. привела скоро к тому, что Вы заняли главенствующее место в этом отделе?

Деминов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А впоследствии этот отдел сохранял связь с [Русским] бюро печати?

Деминов. Почти никакой, за исключением того, что получалась литература.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Вы припомните: Финляндское отделение вашего отдела по дезорганизации советского тыла было тогда?

Деминов. Финляндского отдела тогда не было.

Обвинитель Гойхбарг. А в ваших штатах не было ли расходов по Финляндскому отделению — указано, что оно сейчас организуется при содействии В... Б... и других?

Деминов. В штатах Финляндского отделения было указано, что ... (*не слышно*).

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не знали, что для целей поднятия агитации, необходимой за границей, вашему отделу было отпущено 5 000 долларов, которые были посланы Алексинскому?

Деминов. Относительно 5 000 долларов для Алексинского я знаю. Но это было значительно позже.

Обвинитель Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, с [Русским] бюро печати Вам приходилось иметь дело? Какие там лица сосредоточились в этом Бюро печати? Кто осведомлял заграницу и т. д.?

Деминов. Состав приблизительно был такой: во главе стоял Клафтон, в качестве его помощников были профессор Устрялов[37] и профессор Болдырев.

Обвинитель Гойхбарг. А Жардецкий?

Деминов. Жардецкий очень близко стоял. Но, кажется, не входил в состав [Русского бюро печати].

Обвинитель Гойхбарг. А члены [Омского] военно-промышленного комитета?

Деминов. Да, они были членами правления.

Обвинитель Гойхбарг. И [Н. С.] Лопухин?

Деминов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А в этих кругах не вращалась ли Гришина-Алмазова?

Деминов. Не знаю. Я сам в этих кругах не был и об этом не слышал.

Обвинитель Гойхбарг. Когда необходимо было как-нибудь создать такое впечатление, чтобы разные вооруженные силы непременно шли на фронт, не задавалась ли такими заданиями печать: сообщать целый ряд сведений таких, которые бы всех, и в частности, чехословаков, побуждали идти на фронт против большевиков?

Деминов. Наверное сказать не могу, потому что фактов у меня нет. Но полагаю, что это должно было бы быть.

Обвинитель Гойхбарг. А не знали ли Вы, в частности, что такие разговоры происходили, например, по прямому проводу Омск — Иркутск? Язвицкий говорит Белоруссову[38]: «Для Вас могу...» (*оглашается текст разговора*)[39].

Деминов. Нет, я не слыхал.

Обвинитель Гойхбарг. А не знаете ли Вы такой разговор? (*Читает*). Белоруссов Язвицкому: «Павлу...» (*оглашается текст разговора*)[40].

Деминов. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Клафтон слышал об этом?

Клафтон. Первый раз слышу.

Обвинитель Гойхбарг. Белоруссова Вы знали?

Клафтон. Знал.

Обвинитель Гойхбарг. Я прошу удостоверить, что в текстах шифрованных разговоров от 7 сентября 1919 года на листе № 209 разговор этот имеется (*защита удостоверяет*).

Скажите, свидетель Деминов, не известно ли Вам, что в последние дни существования так называемого колчаковского правительства двум лицам было отпущено по 500 000 000 [руб.] на продолжение той деятельности, которая входила в задачи Вашей работы?

Деминов. Я слышал от генерала Оберюхтина[41] приблизительно в таком виде, что предполагается или уже отпущено 500 000 000 рублей для организации центрального органа, расположенного за границей, а не здесь.

Обвинитель Гойхбарг. А может быть, Вам приходилось слышать, что заранее за границей были созданы соответственные банки?

Деминов. Нет, этого я не слышал.

Обвинитель Гойхбарг. Не настаивал ли Оберюхтин вместе с Вами в последние дни в декабре 1919 года перед Бутовым и другими о том, что на эту Вашу работу надо затратить сейчас сотни миллионов? Что это важнее всего, что никакие другие работы не важны и что на эту работу нужно посвятить все средства?

Деминов. По прямому проводу передана была моя телеграмма ... (*не слышно*).

Обвинитель Гойхбарг. В одной телеграмме не говорили ли Вы, что Вы работаете в полном контакте с Оберюхтиным?

Деминов. Это было необходимо.

Обвинитель Гойхбарг. Вы хотели ввести в заблуждение?

Деминов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. Вам все время было необходимо вводить в заблуждение?

Деминов. Это было нужно.

Обвинитель Гойхбарг. Это входило в программу Вашей деятельности?

Деминов. Да.

Защитник Айзин. Находились ли Вы в Вашей деятельности в каком-нибудь отношении к сидящим здесь министрам?

Деминов. Мне приходилось иметь дело в совещании по делам печати с Тельбергом, с Гинсом, туда входили военный министр, министр иностранных дел и министр финансов. И с этими [министрами] мне главным образом приходилось иметь дело, т. е. с Михайловым, Степановым[42], Будбергом[42], фон Гойером, Гаттенбергером, а потом с [В. Н.] Пепеляевым и Сукиным.

Защитник Айзин. Не известно ли Вам, свидетель, каковы были отношения между Восточным комитетом[44] [ЦК] партии к[онституционных] д[емократов], председателем которого был Клафтон, и Омским комитетом, председателем которого был Жардецкий? Не известно ли Вам, не являлась ли «Сибирская речь»[45] органом Восточного комитета партии народной свободы?

Деминов. Я ничего не могу сказать, потому что с кадетскими центрами не имел ничего общего.

Обвинитель Гойхбарг. А с Клафтоном Вам приходилось встречаться?

Деминов. На совещании по делам печати.

Обвинитель Гойхбарг. А Жардецкий туда приходил?

Деминов. Ни разу. Там всегда были Бутов, Клафтон, Болдырева никогда не было, а бывал Устрялов.

Обвинитель Гойхбарг. Значит, совещание по делам печати объединяло различные элементы и возглавляло их, в некоторых случаях отпуская средства и вашему отделу в том числе?

Деминов. Мы все были [его] клиентами.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, не существовало ли еще некоторое объединение, обладавшее автоматически восполняемым стомиллионным фондом для такого рода деятельности?

Деминов. Только совещание по делам печати.

Обвинитель Гойхбарг. А отпускалось без всяких задержек? Вам не приходилось ли слышать, что государственный контролер задерживает?

Деминов. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. А что он вообще чинит препятствия?

Деминов. Он вообще был придирчив.

Обвинитель Гойхбарг. А здесь не было ли такой придирчивости?

Деминов. Там был стомиллионный фонд, который сразу возобновлялся.

Обвинитель Гойхбарг. В практике Вашей деятельности не приходилось ли Вам слушать заявления в другом учреждении, клиентом которого Вы вместе с Клафтоном и Устряловым были, что задержки не останавливали пополнения вашего фонда?

Деминов. Нет, ни разу. Первые сто миллионов [рублей] были отпущены, но кончились ли они, я не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не знали, какие суммы отпускались на Вашу деятельность по отделу печати?

Деминов. Я приблизительно, в общих чертах, знаю то, что было отпущено мне и что было отпущено на [Русское] бюро печати.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не знаете расходов Бюро печати на заграничную информацию? Не приходилось ли Вам слышать, что Бурцеву отправлено 50 000 франков, Комитету освобождения, где работали Милюков, Струве и Дионео,— 33 000 долларов, что в Америку Башкирову и Заку отправлено 27 000 долларов, Митаревскому — 15 000 долларов и 100 000 рублей?

Деминов. Что Заку отправляли, я знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Клафтон, в отчете, о котором Вам приходилось говорить, что надо 2 000 000 [рублей] дополнить, потому что уже произошел перерасход, не значилась ли для Бурцева та цифра, которую я говорю?

Клафтон. Я отвечу. Но предварительно должен разбить этот вопрос на две части. Я никаких отчетов не представлял. Этим ведало управление. Но все те цифры, о которых Вы говорите, весьма вероятны, за исключением, может быть я ошибаюсь, относительно Митаревского. Там значились не доллары, а иены.

Обвинитель Гойхбарг. Нет, в Вашем отчете значатся именно эти цифры. Если угодно, могу огласить.

Клафтон. Я ни одной цифры не опровергаю. Но организация бурцевская, а также лондонская состояли в ведении отдела печати при [Российском] правительстве. И только за месяц до эвакуации они были переданы в Бюро печати.

Обвинитель Гойхбарг. Митаревский был членом партии [конституционных демократов] с 1905 г.?

Клафтон. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А Башкирову отдельно деньги перевели?

Клафтон. Весьма вероятно, я не знаю. Во всяком случае, организация Зака и Башкирова получала [деньги] в Бюро печати.

Обвинитель Гойхбарг. Вы не были ли недовольны Заком?

Клафтон. Я лично нет, но некоторые были недовольны[46].

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, Зак не хотел при помощи американских шпиков вылавливать большевиков в Америке?

Клафтон. Мы никогда не занимались такими грязными делами.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы, свидетель Деминов, о деятельности Зака в смысле нерешительности его действий с целью вылавливания большевиков говорили?

Деминов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. И поэтому Вы были недовольны Заком и принимались некоторые меры для исправления его деятельности?

Деминов. Была отправлена экспедиция.

Обвинитель Гойхбарг. С большими средствами?

Деминов. Это обсуждалось, может быть, в Бюро печати. Но, кажется, было отпущено 40 000 долларов.

Обвинитель Гойхбарг. А не указывалось ли, что эта цифра слишком большая?

Деминов. Нет, Сукин указывал, что она слишком маленькая.

Обвинитель Гойхбарг. А кто его успокоил на этот счет и кто составил эту смету?

Деминов. Степанов составил эту смету.

Обвинитель Гойхбарг. Арнольдов[47] фигурировал вместе с Клафтоном в Бюро печати?

Деминов. Он уехал на восток заведующим бюро иностранной информации.

Обвинитель Гойхбарг. В том учреждении, во главе которого стоял Клафтон?

Деминов. Да.

Клафтон. Я прошу разрешить мне задать несколько вопросов свидетелю Деминову. Скажите, Вам известно, что Арнольдов состоял директором заграничного отдела правительственной информационной организации?

Деминов. Да, сначала.

Клафтон. Вам известно, что правительство, передавая телеграфные агентства, русское и заграничное, [в Русское бюро печати,] поставило мне условием неудаление директора этой организации?

Деминов. Этого я не знаю.

Клафтон. Вы знаете, что Арнольдов был удален?

Деминов. Я знаю, что он уехал на Дальний Восток.

Клафтон. Позвольте заявить, что Арнольдов уехал в Хабаровск и состоял там корреспондентом.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Клафтон, Вы сказали, что правительство, по постановлению Совета министров о том, чтобы передать Российское телеграфное агентство и осведомление за границей под Ваше руководство, поставило Вам условие не удалять директора и, в частности, Арнольдова?

Клафтон. Нет, не Арнольдова, а директора Сверженского[48].

Обвинитель Гойхбарг. Все-таки Вы считали для себя возможным в течение известного времени работать вместе с Арнольдовым?

Клафтон. Я работал с ним вместе и был его работой чрезвычайно недоволен. Он был безоговорочным слугой министра иностранных дел Сукина. Под влиянием наступления на наш фронт он постыдно бежал, бросил все дела, не сказавши никому того, что он едет.

Разрешите мне сказать несколько слов по вопросу о Заке. Я должен сказать, что по отношению к Заку последовал целый ряд нападок за то, что он был сионистом-социалистом. В этом отношении замечена была антисемитская агитация против Зака в Америке и здесь. Причем представителем чрезвычайного резкого течения, направленного против Зака, был Степанов.

Обвинитель Гойхбарг. А Жардецкий не был против него?

Клафтон. Жардецкий не имел к нему отношения.

Обвинитель Гойхбарг. А Жардецкий был вообще антисемитом?

Клафтон. Жардецкий таких статей не писал.

Обвинитель Гойхбарг. Жардецкий не писал: «Сибирский крестьянин Пинхус Янкелевич Дербер»?

Клафтон. Это был... [le mauvais ton][49].

Обвинитель Гойхбарг. Это Жардецкий был... или члены партии народной свободы?

Клафтон. Да, Жардецкий.

Обвинитель Гойхбарг. Вы сказали, что Вам передано было [Русское] общество печатного дела — акционерное дело, не обладавшее средствами для приобретения акций. Это Общество печатного дела не явилось ли преемственным по отношению к правительственному Бюро печати? И не объясняли ли это тем, что сейчас необходима для заграницы более независимая информация?[50] Правительственной информации не верят, а если правительство устроит акционерное Общество печатного дела во главе с лицами независимыми, то тогда ему поверят больше.

Клафтон. Разрешите дать Вам подробное объяснение по этому вопросу. Правительство неоднократно обращалось в лице своего главноуправляющего ко мне, чтобы я стал во главе правительственного информационного органа. Я категорически от этого отказался по целому ряду соображений, которые, я думаю,

не представляют интереса для революционного трибунала. Впоследствии неудовлетворенность внутренней информацией вызвала целый ряд обращений к правительству о создании частных информационных организаций по типу заграничных. Меня приглашал к себе для устройства такой частной телеграфной информации известный журналист, редактор-издатель московского «Коммерческого телеграфа» Ган-Гутман[51].

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не знали, что «Коммерческий телеграф» был «биржевым[52] листком»?

Клафтон. Инициатором телеграфного агентства был Гутман. Эта затея ему не удалась, и я не пошел на его затею. В конце концов здесь образовалось акционерное общество, в которое вошли не только лица, не имеющие средств, а вошел и Союз маслоделов[53].

Председатель. Вам необходимы эти подробности?

Обвинитель Гойхбарг. Я хотел бы узнать о директоре и членах правления. Скажите, подсудимый Клафтон, у этого общества были средства на приобретение акций?

Клафтон. Я лично средств не видал.

Обвинитель Гойхбарг. А директор должен иметь акции в акционерном обществе?

Клафтон. Когда меня пригласили участвовать в этой организации, я поставил целый ряд условий, и прежде всего — чтобы директор-распорядитель совершенно не касался финансовой области и не входил в состав правления. Для этой цели был проведен устав и договор, в силу которого я ни в какие денежные дела общества не вступал.

Обвинитель Гойхбарг. Этот устав был утвержден министром финансов?

Клафтон. Я не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не знали, что составляемый устав не мог существовать?

Клафтон. Я не знаю уставного законодательства.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, свидетель Деминов, присутствовал ли кто-нибудь вообще в совещаниях по делам печати, когда шли там вопросы о делах печати? Или эти заседания были секретные?

Деминов. Бывали.

Председатель. Скажите, подсудимый Клафтон, свидетель Деминов присутствовал на совещаниях по делам печати?

Клафтон. Деминов всегда присутствовал, когда его доклады совпадали с нашими. Но во всех случаях, когда они не совпадали, нас удаляли.

Обвинитель Гойхбарг. Вас удаляли, когда начиналось обсуждение докладов Деминова?

Клафтон. Нет, нас удаляли при всех вопросах, не касающихся Бюро печати.

Обвинитель Гойхбарг. В частности, по докладам, которые делал Деминов?

Клафтон. Они всегда были закрытые.

Обвинитель Гойхбарг. Вам не приходило в голову, [за] что Вас удаляли?

Клафтон. У меня не могло возникать никаких сомнений, потому что я, как представитель Русского бюро печати, присутствовал при разрешении [только] тех организационных вопросов, которые меня лично касались.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не знали, чем занимается Деминов?

Клафтон. Я с удивлением теперь узнал, чем он занимался. У нас он считался агентом пропаганды.

Обвинитель Гойхбарг. А в чем она выражалась?

Клафтон. Только не в[о] взрывах.

Обвинитель Гойхбарг. А в правительственной пропаганде против большевистских организаций в России?

Клафтон. Несомненно, для того, чтоб[ы] объединить агитационную деятельность, направленную против большевистских организаций.

Обвинитель Гойхбарг. По ту сторону фронта?

Клафтон. Сомневаюсь в том, что эта деятельность была сколько-нибудь публична.

Обвинитель Гойхбарг. А насчет того, чтобы в самой Красной армии произвести развал? Печатать соответственные плакаты, сообщать ей заведомо ложные сведения, издавать образцы плакатов, листовок и воззваний — [все] это входило в задачу Бюро печати?

Клафтон. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. А не объявили ли конкурс на такие листовки и не был ли единственным лицом, получившим эту премию, Вяткин?[54]

Клафтон. Конкурс был объявлен. Но я не знаю, единственная ли была премия.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы знаете, что листовка, Вами распространявшаяся, была озаглавлена «Что большевики обещали народу и что дали»?

Клафтон. Я не могу сказать, что автором этой листовки был Вяткин. Должен сказать, что за все то, что носит на себе марку Русского бюро печати, я несу ответственность, но степень своего участия я уже заявлял революционному трибуналу. Должен заявить, что Русское бюро печати своей целью ставило пропаганду за границей. И здесь, я думаю, свидетель Деминов это подтвердит с полной искренностью и открытой душой, что никакого сообщения, никакого соглашения и никакого содействия организациям пропаганды за фронтом, если таковые были, Русское бюро печати не делало.

Обвинитель Гойхбарг. А может быть, были другие случаи, когда Бюро печати давалось задание завязать связи с Германией?

Клафтон. Иностранный отдел Русского бюро печати, устанавливая телеграфную информацию, хотел создать здесь, в Сибири, такое же агентство «Гавас». Но в нашем распоряжении не оказалось достаточно талантливых людей. Мы хотели создать частную организацию, ибо считали, что частная организация была [бы] лучше правительственной.

Обвинитель Гойхбарг. Она внушала [бы] за границей больше доверия?

Клафтон. Доверие за границей заключалось не в деятельности Русского бюро печати, а в деятельности тех представителей, которые там работали. Фамилия Бурцева имеет для заграничного мнения больший вес, чем фамилия стоящего перед Вами подсудимого.

Обвинитель Гойхбарг. А если бы Бурцев не имел 500 000 000 фонда, он мог бы издавать «La couse comminune»?[55]

Клафтон. «La couse comminune» Бурцев стал издавать ... (*не слышно*).

Обвинитель Гойхбарг. А не сказано ли, что ваш агент Бурцев, исполняя такие работы, которые, в частности, исполняет «La couse comminune»?

Клафтон. Мы дали Бурцеву свое поручение, а мы соединили с ним ... (*не слышно*).

Обвинитель Гойхбарг. А тогда Вы не имели [намерение], ввиду наклевывающихся возможных соглашений с Германией, получить агентство «Унион» Бурцева

и отправить агентов в Германию?

Клафтон. Я не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, в Совете министров было это принято и передано Вам для исполнения?

Клафтон. Я не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Шумиловский скажет?

Шумиловский. Кажется, было принято.

Защитник Ааронов. Позвольте мне подсудимому Клафтону задать некоторые вопросы? Каковы были взаимоотношения между Восточным отделом [ЦК] партии к[онституционных] д[емократов] и Омским комитетом? Каковы были взаимоотношения между Восточным отделом [ЦК] партии к[онституционных] д[емократов] и газетой «Сибирская речь»? И являлась ли она органом партии к[онституционных] д[емократов]? Это имеет чрезвычайно важное значение для настоящего дела, так как вся работа по информации осуществлялась посредством газеты «Сибирская речь», главным редактором которой состоял Жардецкий.

Клафтон. «Сибирская речь» считалась здесь, и это было общераспространенное мнение, органом партии народной свободы. Затем образовался здесь Восточный отдел [ЦК партии кадетов]. Через некоторое время после образования этого отдела, когда я был избран [его] председателем, а председателем я состоял 5–6 месяцев, ко мне поступали неоднократные жалобы и претензии и даже выражения негодования по поводу позиции, занятой «Сибирской речью». Неоднократными указаниями на недопустимость ведения в таком тоне газеты мы не могли ничего добиться, кроме ссылки, что однажды когда-то Жардецкий объявил в своей газете, что он не является редактором партийной газеты. Это нас не удовлетворило, и по постановлению Восточного отдела [ЦК партии народной свободы] Жардецкий должен был сделать заявление о том, что «Сибирская речь» не является органом Восточного отдела [ЦК] партии и не является органом партии к[онституционных] д[емократов]. Редакция его заявления была настолько неудовлетворительна, что вторично через некоторое время Восточный отдел [ЦК] потребовал уже более точного объявления о том, что «Сибирская речь» не является органом Восточного отдела [ЦК] и органом партии [народной свободы]. Жардецкий это выполнил, причем прибавил, что вообще газета не является органом кадетского направления и что он является самостоятельным журналистом.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите задать Вам вопрос. Ваша партия народной свободы раскалывалась на две части или она объединялась единым ЦК?

Клафтон. Она объединялась единым ЦК, который был в России.

Обвинитель Гойхбарг. То обстоятельство, что член партии, входящий в организацию, заявляет, что он не редактор партийной газеты, а редактор беспартийной или неприличной газеты, что означает?

Клафтон. Я не так сказал.

Обвинитель Гойхбарг. Вы сказали, что тон был невозможный, что он шокировал. После таких действий, когда член партии в том городе, где Вы являетесь председателем Восточного комитета [ЦК], занимает место председателя городского комитета [партии], не представлялось ли Вам неприличным для партии народной свободы иметь здесь такого председателя городского комитета? Может быть, Вы делали какие-нибудь шаги, чтобы его удалить?

Клафтон. Я считаю возможным раскрыть перед Вами некоторые разногласия.

Обвинитель Гойхбарг. Разногласия или поведение лица, которое заявляет: если Вам моя газета ударяет в нос, грубо выражаясь, то я позволю себе заявить, что я не партийный редактор? Вы считали, что это в нравах Вашей партии?

Клафтон. Большего мы сделать не могли.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, здесь военная сила играла роль?

Клафтон. Обострение между Восточным отделом [ЦК] и городским комитетом [партии] было. Восточный отдел объединил все беженские организации, все сибирские, а также и Омскую организацию. И обострение дошло до такой степени, что ко мне поступило письменное заявление бывшего члена Государственной думы Скороходова[56] с требованием об исключении из партии не только Жардецкого, но и всего Омского комитета. Мы тогда никак не могли разрешить этого вопроса, ибо мы были скованы уставом партии, который не предоставляет таких прерогатив ЦК партии.

Обвинитель Гойхбарг. А если бы был ... (*не слышно*) грабитель и убийца?

Клафтон. Мы могли бы его убедить.

Обвинитель Гойхбарг. Убийцу можно было бы убедить, а Жардецкого нельзя было?

Клафтон. Это разница. Жардецкий известный здесь, в Сибири, и он отражал то течение, которое возбуждало не только чувство негодования.

Обвинитель Гойхбарг. А что же, возбуждало и хорошие стороны?

Клафтон. Я не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Я тогда Вам напомню. Жардецкий не явился ли к Коршунову ... (*не слышно*) о Новоселове, благодаря которому Новоселов был оставлен в тюрьме и якобы после его смерти его вызывали? Прошу Вас, находящегося в тюрьме (*оглашается документ*)[57].

Клафтон. Я должен сказать, что я здесь в трибунале узнаю слишком много такого, что мне не было известно.

Обвинитель Гойхбарг. А может быть, Вы припомните из жизни, что когда на суд [под председательством] Матковского пришли Волков, Красильников и Катанаев, то в качестве их защитника явился Жардецкий?

Клафтон. Я собирался издать газету, и мне никак не пришлось узнать подробности каких-нибудь отдельных исторических фактов, имевших здесь место. Вы обладаете материалами и документами, которые были скрыты от взоров печати, а также и взоров представителей печати. Так что в этом отношении революционный трибунал находится совершенно в другом положении. То, что мы узнали по слухам, не имея возможности относить их к тем или другим лицам, здесь раскрывается в таком виде, как это не было нам известно.

Обвинитель Гойхбарг. Помимо сумм, которые отпускались на совещание по делам печати Советом министров в порядке сумм, не подлежащих оглашению, не отпускали ли еще значительные суммы на отдел печати? Не было ли отпущено раз 10 000 000, затем 420 000 000 [рублей]? Десять миллионов были даны Гинсу в качестве суммы, не подлежащей оглашению, 3–4 ноября [1919 г.] накануне эвакуации из Омска.

Клафтон. Это мне неизвестно. Я могу сказать только то, что касалось лично меня.

Обвинитель Гойхбарг. Я хотел бы задать для выяснения отношения [вопросы], которые сейчас представляются имеющими некоторый интерес в рамках деятельности партии народной свободы в Омске, подсудимому, который на вопрос о его партийной принадлежности сказал, что он — член партии народной свободы.

Подсудимый Малиновский, Вы член партии народной свободы не только по убеждению, но и входили в ее организацию?

Малиновский. Я состоял членом партии с 1905 года.

Обвинитель Гойхбарг. А при Жардецком Вы были членом Омской организации партии?

Малиновский. В Омской организации, равно как в любой организации гор. Омск, я никакого участия не принимал, что удостоверяет и Клафтон.

Обвинитель Гойхбарг. А как же Вы участвовали в качестве члена партии?

Малиновский. Я в организацию не входил.

Обвинитель Гойхбарг. Так что, и членских взносов не делали? Когда Вас спрашивали о Вашей партийной принадлежности, Вы сказали: «Партии народной свободы». Морозов также ответил, что он принадлежит к партии народной свободы, а потом он сделал указание, что он из партии вышел еще в 1905 году.

Малиновский. Я заявление о выходе не подавал, но с 1905 года [в партию] не входил и не работал.

Обвинитель Гойхбарг. Все-таки Вы считаете, что Вы не принимали участия?

Малиновский. Не принимал.

Обвинитель Гойхбарг. Партия народной свободы своим членам рекомендует обращаться к военным властям для ареста земского собрания?

Малиновский. Нет, не рекомендует.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, это входит в обязанность министра юстиции или товарища министра, чтобы принять высшую меру пресечения по адресу подобных членам Иркутского земского собрания и сообщить военным властям о необходимости устранить их всех от должности?

Малиновский. Если с точки зрения министра юстиции то или другое собрание, та или другая организация совершали преступление или проступок, предусмотренный Уголовным положением, то, несомненно, министр юстиции [был] вправе принять соответствующие меры и сделать распоряжение. Если Вы имеете в виду, гражданин обвинитель, ту телеграмму, которая была послана по распоряжению министра юстиции, [то] она по непосредственному распоряжению министра юстиции, данному мне как товарищу министра, была мною подписана за министра юстиции[58].

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите указать, этим делом о необходимости ареста интересовались разные ведомства, и разные ведомства могли предписывать это. Не было ли это более близко директору департамента милиции или министру внутренних дел?

Малиновский. Министр юстиции, как генерал-прокурор, вправе сделать распоряжение о принятии таких мер в том случае, когда он получил известие о таких преступлениях.

Обвинитель Гойхбарг. А энергия, которую проявил министр юстиции, было явление обычное?

Малиновский. Он послал мне телеграмму, телеграмма была зашифрована. Она была подписана мною за министра юстиции. Я не имел права подписывать ее как товарищ министра юстиции, ибо это была телеграмма, посланная министром юстиции как генерал-прокурором.

Обвинитель Гойхбарг. А этим делом интересовались другие министры? Пепеляев интересовался этим делом?

Малиновский. Это было сделано по соглашению министра юстиции и министра внутренних дел.

Обвинитель Гойхбарг. А часто это бывало?

Малиновский. Они сделали это по получении агентских сведений в министерстве юстиции, что принята такая резолюция, призывающая к ниспровержению правительственного строя и ложно освещающая характер деятельности правительства[59]. С точки зрения власти, как понимал ее министр юстиции, это было преступление, почему он и издал это распоряжение.

Обвинитель Гойхбарг. Если я не ошибаюсь, подсудимый Малиновский, Вы говорили, что Ваша деятельность была тоже чисто техническая и выражалась главным образом в противодействии нарушению законов и т. д.?

Малиновский. Да, исключительно в этом.

Обвинитель Гойхбарг. Бывало ли так, что не только министр юстиции сносился с министерством внутренних дел, но и товарищ министра сносился с товарищем министра внутренних дел самостоятельно?

Малиновский. Бывали случаи.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, был такой случай, когда товарищ министра внутренних дел Ячевский его превосходительству товарищу министру юстиции Малиновскому препроводил единственный черновик циркулярного секретного предложения комитета по охране порядка и законности [в управлении] военным властям?[60] Был такой случай?

Малиновский. Совершенно верно.

Обвинитель Гойхбарг. И этот черновик, который был Вам прислан, содержал в себе буквы, внизу написанные, те именно строки относительно беспощадного истребления красных, относительно признания недопустимым поведения военных властей, которые перегоняют с одного места на другое большевиков, а не беспощадно истребляют их на месте. И под этим черновиком, который Вы получили и должны были по просьбе Ячевского, как единственный черновик, по миновании надобности возвратить, были подписи министра юстиции, министра внутренних дел и военного министра?

Малиновский. Насколько мне известно, этот проект циркуляра не был принят в комитете обеспечения порядка и законности [в управлении]. Он был подвергнут обсуждению, и окончательная редакция его принята не была. Я знаю, что этот проект циркуляра, который Вы здесь назвали циркулярным [предположением], утвержденным министром юстиции, существовал, но какая его дальнейшая судьба, мне неизвестно, так как я был эвакуирован в город Иркутск.

Гойхбарг. А может быть, Вам известно, какими [были] заменены слова и резкие выражения,— несколько более сглаженными, как принято в приличном обществе?

Малиновский. Совершенно верно. Этот проект исправлялся и редактировался, но ввиду его особой важности это взял на себя министр юстиции. Я в нем участия не принимал.

Гойхбарг. А разве он изменен был по существу?

Малиновский. Карандашные поправки принадлежат мне.

Гойхбарг. А почему товарищ министра Малиновский интересовался этим проектом?

Малиновский. По той простой причине, что я был докладчиком по делам комитета [по обеспечению законности и порядка в управлении].

Гойхбарг. Вы возражали?

Малиновский. Я не возражал, так как в комитете по обеспечению порядка и законности [в управлении] я не принимал участия, а этот комитет состоял

из министра юстиции, [министров] внутренних дел и военного без права [их] замены товарищами [министров].

Гойхбарг. Подсудимый Ячевский, Вы не показывали, что Вы очень часто заменяли члена комитета порядка и законности [в управлении — министра внутренних дел].

Ячевский. Да.

Малиновский. По положению этого не должно было быть.

Гойхбарг. А в Иркутске Вы не показывали, что Ваша деятельность, главным образом, относилась к комитету [по обеспечению] общественного порядка, и хотели доказать, что Вы занимались исключительно охраной?

Малиновский. Да, исключительно охраной. И так как я был докладчиком по делам комитета, [то] я должен был давать заключение по всем делам, которые существовали внутри комитета.

Гойхбарг. Бесстрастно и равнодушно. И на челе Вашем не отражалось ничего?

Малиновский. Это вопрос, на который я ответить не могу.

Перерыв на 10 минут.

Гойхбарг. Я имею [намерение] заявить ходатайство перед революционным трибуналом. Обвинительным заключением [революционному трибуналу] был предъявлен целый ряд лиц, в том числе некоторых, которые нами именовались вдохновителями колчаковского правительства. В числе этих лиц, по мнению обвинения, значилась тогда и Гришина-Алмазова. Так как сейчас в трибунале обнаружилось, что показание Молодых и других лиц, которые дали повод обвинению составить такое предположение относительно Гришиной-Алмазовой, на заседаниях ревтрибунала не подтвердилось, и так как других заявлений, других документов, кроме показания Молодых и других лиц, которые уже были допрошены, в распоряжении обвинения не имеется, то я ходатайствую перед революционным трибуналом в интересах незатемнения процесса до его окончания, ибо революционный трибунал не стеснен формальностями других судов, считать Гришину-Алмазову оправданной от предъявленного ей обвинения.

Павлуновский. Такого вопроса об оправдании мы ставить не можем до окончания судебного процесса. Что касается подтверждения обвинения...

Гойхбарг. Товарищ председатель, если я Вас правильно понял, Вы считаете, что я неточно формулировал требование. Я действительно извиняюсь: оправдание означает отсутствие доказательств, а не освобождение от всяких показаний. Я думаю, что в суде революционного трибунала эти понятия совпадают. Но для того, чтобы не могло остаться впечатления, что в распоряжении обвинения сейчас не имеется доказательств, я не возражал бы против того, чтобы мое ходатайство было понято в смысле освобождения Гришиной-Алмазовой со всеми вытекающими из этого последствиями.

Ааронов. Присоединяюсь к этому и ходатайствую об освобождении Гришиной-Алмазовой из-под стражи.

Павлуновский. Суд постановляет ходатайство защиты об освобождении Гришиной-Алмазовой удовлетворить с освобождением ее из-под стражи.

Гойхбарг. Не разрешите ли Вы задать вопрос подсудимому Червен-Водали? Подсудимый Червен-Водали, если я не ошибаюсь, Вы вчера показывали, что никакого участия в военной организации, направленной специально против советской власти, не принимали?

Червен-Водали. Совершенно верно, я такое показание дал.

Гойхбарг. И что поэтому Вы не могли принять участие в такого рода действиях, как те, относительно которых свидетель Деминов заявлял, что они входят в число функций его отдела?

Червен-Водали. Мне такого вопроса не ставилось. Во всяком случае, я никоим образом в такого рода делах не мог принимать участия.

Гойхбарг. В [19]18 году в Москве Вы находились до какого времени?

Червен-Водали. До конца октября.

Гойхбарг. Вы, может быть, там знали, что некоторые организации, в том числе «Национальный центр» или соединенные с ним организации, имели в своем распоряжении значительные военные силы и что они предполагали в дни, кажется, предшествующие Вашему отъезду из Москвы, совершить в Москве переворот, взорвать Кремль и еще целый ряд вещей такого же патриотического характера проделать?

Червен-Водали. Нет, я никогда об этом не слышал.

Гойхбарг. А может быть, Вы слышали, что на этот предмет уже был заготовлен приказ командующего Добровольческой армией Московского района[61] о том, что тут переворот совершился и т. д.?

Червен-Водали. О существовании не только командующего, но вообще какой-либо организации я ровно ничего не знал, так как я вчера объяснял, что мое участие в «Национальном центре» заключалось в том, что я по просьбе одного из членов «Национального центра» занимался разработкой программы по вопросам экономическим, т. е. по вопросам министерства торговли и промышленности.

Гойхбарг. А Вам не было известно, что в этом приказе говорилось: «Всем участникам Добровольческой армии...» (*читает*)?[62] Вы не знали такого приказа?

Червен-Водали. Я ответил уже, что я такого приказа не знал, что я не знал о существовании военной организации, а тем паче не мог знать о приказе.

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, в бумагах, взятых у Вас, этого приказа не находилось?

Червен-Водали. Нет, не находилось.

Гойхбарг. Я прошу предъявить защите эти документы, с одной стороны, и затем опись бумаг, взятых у Червен-Водали, согласно которой устанавливается, что у него имелась копия приказа Добровольческой армии Московского района.

Червен-Водали. Пожалуйста, я сам очень заинтересован и очень прошу об этом.

Ааронов. Защита не возражает.

Павлуновский. Обвиняемый Червен-Водали, Вы когда из Москвы выехали?

Червен-Водали. Точного числа не помню, но в конце октября [19]18 года.

Павлуновский. Известно ли Вам, что еще в июле [19]18 г. начала формироваться военная организация при «Национальном центре»?

Червен-Водали. Я ответил уже, что мне неизвестно об этом и о вопросах военного характера я совершенно не знаю.

Павлуновский. Известно ли Вам, что впоследствии состоял председателем «Национального центра» московский деятель Щепкин?

Червен-Водали. Не было известно. Об этом я услышал здесь.

Павлуновский. Известно ли Вам, что при московской организации «Национального центра» существовала [военная] корпусная организация «Национального центра»?

Червен-Водали. Нет, мне ничего не было известно.

Павлуновский. Вы связаны были с представителями «Национального центра» по Сибири?

Червен-Водали. Я не успел с ними связаться, потому что я приехал с юга в июле [1919 г.] и отдела «Национального центра» [в Сибири] не открывал, а какого-нибудь [другого] отдела «Национального центра» здесь не было.

Павлуновский. У Вас имелась связь с Астровым[63], Волковым[64] и другими? Вы слышали что-нибудь о боевой организации в пределах Москвы и Петрограда?

Червен-Водали. Нет, не слышал.

Павлуновский. Что Щепкин является организатором?

Червен-Водали. Нет.

Павлуновский. Что Астров является его участником?

Червен-Водали. Нет.

Павлуновский. Известно ли Вам, что в Кремле были склады снарядов, которые предполагалось взорвать?

Червен-Водали. Нет.

Павлуновский. Известно ли Вам, что наступление Юденича и Деникина происходило по разработанным «Национальным центром» планам?

Червен-Водали. Это мне неизвестно, совершенно естественно, так как я не принимал участия в военной организации, о которой я не знал.

Павлуновский. Известно ли Вам, что Щепкин по радио передавал Колчаку и Деникину сведения о составе частей Красной армии?

Червен-Водали. Нет.

Павлуновский. Известно ли все это свидетелю Деминову, что отсюда посылались агенты из особого отдела [по дезорганизации тыла] — Василий Васильевич[65] и Карасенко?[66]

Деминов. Известно.

Павлуновский. Что они снабжались деньгами?

Деминов. Известно.

Павлуновский. Известно ли Вам, что Щепкин был арестован и расстрелян?

Деминов. Это я узнал здесь.

Павлуновский. Известно ли Вам, за какие деяния был расстрелян Щепкин?

Деминов. Я думаю, что было установлено посредничество его в деятельности характера военного.

Павлуновский. Известно ли Вам, что с «Национальным центром» в контакте находился «Союз возрождения [России]»?[67]

Деминов. Да.

Павлуновский. Что в «Союз возрождения [России]» входили эсеры и меньшевики-активисты?

Гойхбарг. Разрешите просить трибунал удостоверить, что в деле Червен-Водали на стр. 81 документа и переписки под № 20 значится копия объявления главноначальствующего города Москва и Московской губернии о борьбе с большевиками.

Червен-Водали. Это что, самый документ?

Гойхбарг. Нет, опись документов. Я прошу трибунал удостоверить.

Червен-Водали. Я о существовании такого документа среди моих бумаг, которые у меня были, совершенно не знаю и думаю, что его быть не могло, потому что я о его существовании совершенно ничего не знаю.

Павлуновский. В описи такой документ значится.

Червен-Водали. Ведь не я составлял эту опись.

Гойхбарг. Я просил революционный трибунал удостоверить, что о материалах, среди вещественных доказательств лежащих здесь на столе, удостоверенных соответствующими лицами, которые писали их, до сих пор никто не возражал. Что эти все документы правильные. И здесь содержится указание на то, что по описи документов, отобранных у Червен-Водали, отбирали их [специально уполномоченные] лица в Иркутске. Лица, находящиеся, может быть, здесь. Лица, которые в советской России не были. Лица, которые были оторваны от советской России и не имели никакого представления [о том], что в Москве замышляли члены «Национального центра», и которые не имели представления [о том], что может означать такой документ. И они его автоматически отметили. А если потребуется дальше, то я обязуюсь из документов и бумаг, целый ящик которых имеется у Червен-Водали, подлинный документ представить.

Ааронов. Ввиду категорического заявления обвиняемого Червен-Водали, что среди документов, у него отобранных, не было указанного в описи документа, я ходатайствую перед революционным трибуналом о предъявлении подлинного документа, о котором идет речь в описи.

Павлуновский. Суд считает необходимым, чтобы документ был предъявлен.

Гойхбарг. Защита предъявила, может быть, не точное требование, чтобы был представлен точный[68] документ. Я думаю, что его никто представить не может, ибо его имеет тот член «Национального центра», который являлся главноначальствующим в Москве. Я ходатайствую удостоверить, что подлинника такого документа быть не могло, а что у Червен-Водали была отобрана копия, написанная на машинке и удостоверенная т. [К. А.] Поповым.

Павлуновский. Суд настаивает, чтобы из бумаг, отобранных у Червен-Водали, была представлена эта копия.

Гойхбарг. Документы лежат в отдельном ящике. Как суд требует, представить целый ящик?

Павлуновский. Только папку.

Червен-Водали. Я очень далек от мысли, что представитель обвинения говорит о документе отсутствующем. Но я удостоверяю, что я среди документов, которые были у меня, такого документа не имел. Сейчас, после того как об этом заявили, я должен сообщить, что в день отъезда председателя Совета министров Пепеляева я от него получил небольшую тетрадь или лист бумаги, в который было вложено несколько листов.

Павлуновский. Суд постановил представить документы, найденные у Вас при обыске.

Червен-Водали. Если эти документы лежат в том порядке, как они были, то этот документ мог быть в отдельном листе, который имеет надпись «По „Национальному центру“».

Гойхбарг. Значит, Вы утверждаете, что в числе документов, отобранных у Вас, могла быть такая копия, но она должна быть в документах не Ваших, а в документах Пепеляева? Так как, по данным обвинения, могло действительно такое смешение произойти, то обвинение не может на себя взять доказывать, что этот документ действительно принадлежит Червен-Водали. Эта папка была передана Вам кем?

Червен-Водали. В. Н. Пепеляевым. И документы были взяты там, где меня не было. И я утверждаю, что в документах, мне принадлежащих, такого документа не было. В этом я даю свое слово и ручаюсь…

Павлуновский. Я лишаю Вас слова. Известно Вам, что Пепеляев являлся членом «Национального центра»?

Червен-Водали. Да, я здесь об этом [у]знал.

Гойхбарг. В интересах обвинения и защиты и беспристрастного изложения обстоятельств — а обвинение в революционном трибунале никогда не стремится к одностороннему освещению фактов и событий — я прошу дать мне возможность путем двух-трех вопросов ликвидировать этот инцидент.

Павлуновский. Я не считаю, что тут произошел какой-нибудь инцидент. Раз Вы обязуетесь представить документы суду, мы удостоверим их нахождение, не считаясь с вопросом о происхождении документа.

Гойхбарг. Вчера, когда я оглашал удостоверенные в «Правительственном вестнике» биографии, которые каждый министр составлял для себя, там имелся факт такого рода, что Пепеляев был членом «Национального центра» и пробрался от большевиков в Сибирь[69].

Червен-Водали. Нет, я этого не знаю. Я утверждаю, что в Москве я входил в «Национальный центр» только полтора-два месяца, в течение которых я разрабатывал экономические вопросы. С Пепеляевым я встретился здесь. А когда выезжал с юга, мне сказали, что здесь имеется В. Н. Пепеляев.

Гойхбарг. Вы бежали от Деникина?

Червен-Водали. Я отбыл с юга. Я вчера совершенно ясно и определенно это объяснил.

Гойхбарг. Вам сказали, что там представителем «Национального центра» является Пепеляев и что дело почти обеспечено?

Червен-Водали. О роли его я не знал: кто он и что он и когда приехал. Я с ним познакомился здесь.

Гойхбарг. А тогда Вам не сообщили, что он послан, чтобы усилить деятельность «Национального центра» и удлинить фронт по направлению к Москве?

Червен-Водали. Был он сибиряк ли, как он сюда пробрался, об этом мне не было известно.

Гойхбарг. Свидетель Деминов, а Вам об этих фактах ничего не известно?

Деминов. Какие это факты?

Гойхбарг. А что члены «Национального центра» — может быть, при Вас им приходилось выражаться,— что в задачу их деятельности входила работа, совпадающая с работой особых отделов по дезорганизации советского тыла?

Деминов. Никого из членов «Национального центра» я никогда не видел и ничего не знаю.

Гойхбарг. А не показывали ли Вы о «Национальном центре» — даже, кажется, не понимая, что это значит, что Вы понимали под «Национальным центром», Вы могли не разбираться в партийной принадлежности, в группах и задачах — Вы в своих показаниях заявляли, что 5 миллионов долларов было направлено известному меньшевику Алексинскому. Я лично полагаю, что из этого обстоятельства можно было заключить, что Вы, зная о «Национальном центре», не могли не знать, какое содержание его деятельности, какие это партии и организации, которые, может быть, неточно определил Алекс...[70]?

Деминов. Что касается «Национального центра», то я совершенно не предполагал, какие функции «Национального центра» (*ответы Деминова слышны очень плохо*).

Гойхбарг. Но Вы имели представление об организации «Национального центра» и о его основных задачах. Так что Вы, говоря о «Национальном

центре», просто по некоторому — я извиняюсь перед Вами — незнакомству с политическими течениями сообщили о фактах, не зная, какой смысл эти факты имеют.

Павлуновский. Обвиняемый Червен-Водали, Вам известно, что «Национальный центр» имел несколько ориентаций, причем одна из них была германская?

Червен-Водали. Я никогда не слышал.

Павлуновский. Что была английская?

Червен-Водали. Я всегда считал, что была союзническая, которая была во времена Временного правительства с целью продления союзной связи, и взаимоотношения с союзниками, которые имелись у нас во время войны.

Гойхбарг. А Вы в заседаниях у Щепкина присутствовали?

Червен-Водали. Нет.

Гойхбарг. А Вы знаете, кто собирался на собрания «Национального центра»? Даже не какие лица, а представители [каких] политических течений?

Червен-Водали. Да.

Гойхбарг. А может быть, принимали участие крайне правые, члены «Союза русского народа»[71], сидевшие сначала для информации?

Червен-Водали. Это не слышал.

Гойхбарг. А не знаете ли Вы, что они начали понемногу перетягивать некоторые части партии народной свободы, принявшие немецкую ориентацию?

Червен-Водали. Я думаю, что это недоразумение.

Гойхбарг. Я прошу дать возможность Червен-Водали заявить...

Червен-Водали. Предоставьте мне, пожалуйста, [возможность] самому заявить, что я предполагаю заявить. Партия народной свободы стояла на точке зрения союзнической ориентации, и совершенно неожиданно лидер партии Милюков стал на точку зрения германскую, и партия не согласилась с ним. Впоследствии сам Милюков эту точку зрения изменил и заявил на одном из съездов, что эта точка зрения действительно неприемлема[72].

Гойхбарг. Figaro ci, Figaro la[73]. А может быть, Деникин придерживался такой ориентации?

Червен-Водали. Деникин придерживался союзнической ориентации.

Гойхбарг. А Вам не известно, что в бытность Вашу предсовмином прибыла телеграмма от Деникина к Колчаку, что необходимо считаться с возможностью немецкой ориентации? И Колчак ответил, что, несмотря на все препятствия этого рода, необходимо ее проведение?

Червен-Водали. Я о таком разговоре не знаю.

Гойхбарг. А если Вам предъявить разговор таких лиц, как Харитонов[74] и Горяинов[75] — Вы знаете, кто они были?

Червен-Водали. Харитонов входил в состав Совета министров[76], а Горяинов был одним из чиновников Совета министров.

Гойхбарг. А не правая ли рука Пепеляева?

Червен-Водали. Я этого не могу сказать.

Гойхбарг. А не приходилось ли Вам в качестве министра внутренних дел встречаться с Горяиновым по таким вопросам?

Червен-Водали. Не приходилось. Я сделался министром внутренних дел чуть ли не в день отъезда [из Омска], так что мне приходилось с Пепеляевым всего один или два дня быть вместе.

Гойхбарг. Я через несколько минут попрошу огласить разговор по прямому проводу Харитонова и Горяинова.

Червен-Водали. Я не оспариваю возможности этого разговора, но узнаю об этом в первый раз.

Гойхбарг. А в числе остальных [подсудимых] есть такие, которые слышат в первый раз? Или, может быть, Совет министров знал это?

Червен-Водали. Я думаю, что это было в порядке обмена [информацией] между Верховным правителем и Деникиным.

Гойхбарг. А кто избрал Деникина Верховным правителем?[77]

Червен-Водали. Совет министров.

Гойхбарг. Под Вашим председательством?

Червен-Водали. Нет, не под моим.

Гойхбарг. А не была ли после [этого] послана Верховному правителю телеграмма под подписью Вашей, [Ханжина] и Ларионова, что Вы умоляете его назначить [своим] заместителем Деникина, что это единственное средство сохранить весь Совет министров и что весь Совет министров умоляет это сделать?[78]

Червен-Водали. Не отрицая факта, я утверждаю, что редакция не соответствует тому, как она была оглашена.

Гойхбарг. Разрешите дополнить. А 22 декабря [19]19 г. Совет министров принимает это решение[79], и Вы немедленно отправляете его Колчаку. И что же... Оказывается, что Совет министров выбирает заместителем Верховного правителя Деникина, а в телеграмме Колчаку дополняет, что об этом просит Сазонов,[80] — он был у Вас министром иностранных дел. И телеграмма Сазонова гласит, что обстоятельства, над которыми люди не властны, заставляют принять такой шаг.

Червен-Водали. Совершенно верно. Сазонов послал телеграмму о необходимости заместить Верховного правителя [Колчака] и высказал свое пожелание иметь таковым Деникина[81].

Гойхбарг. Это с одной стороны. А Вы не помните, когда эта телеграмма была получена?

Червен-Водали. Точно сейчас не помню.

Гойхбарг. Она была отправлена из Парижа 18 [декабря], а 22 [декабря] в экстренном заседании Совета министров Вы назначаете Деникина. А через день умоляете Верховного правителя, как единственное средство сохранения власти, назначить Деникина своим заместителем.

Червен-Водали. Это неверно.

Гойхбарг. Не через день, а через два дня.

Червен-Водали. Не в этом суть.

Гойхбарг. А Вы знаете, что Колчак согласился?

Червен-Водали. Вы разрешите мне задать вопрос? Мне кажется, мне не вопросы задают, а цитируют ответы, которые я должен дать.

Гойхбарг. Скажите дальше, Колчак присоединился к этому указанию?

Червен-Водали. Тогда были условия, при которых необходимо было сдать власть.

Гойхбарг. Колчак присоединился к Вашему указанию и заявил, что передаст власть Деникину?

Червен-Водали. В ответной телеграмме, которую сообщил мне генерал Жанен[82] в день переговоров с [Иркутским] Политическим центром, [Колчак] сообщает, что телеграмма Колчаком получена, что он принципиально согласен, но сделает это тогда, когда он будет в Верхнеудинске.

Гойхбарг. А не писали ли Вы в телеграмме, что Совет министров просит немедленно ответ передать через чехо[словацкий] штаб?

Председатель. Я прошу задавать прямые вопросы. Больше пререканий я не допущу.

Гойхбарг. Вы писали, что Вы просите через чехо[словацкий] штаб дать ответ?

Червен-Водали. Мне было разрешено послать телеграмму через чехо[словацкий] штаб потому, что другой связи не имелось. Поэтому телеграмма была послана по чехословацкому кабелю. И было указано в телеграмме, чтобы ответ был передан через кабель чехословаков.

Гойхбарг. А Вы не знаете, что Колчак, сделав такой шаг, порешив вопрос о том, что сдаст власть Деникину, назначает Семенова [главно]командующим [вооруженными силами Забайкалья и Дальнего Востока] и власть передает ему?[83]

Червен-Водали. В целях избежания назначения Семенова и была послана телеграмма о назначении Деникина, дабы указать, что Сов[ет] мин[истров] считает невозможным другое назначение. Я об этом узнал в поезде, когда мне дали дела Совета министров. И я видел копию подобного рода назначения. Подлинного документа в деле не было, но я видел копию. Состоялось это назначение или предполагалось, но копию такого рода бумаги я видел в поезде, когда мне были предъявлены документы для осмотра.

Гойхбарг. Вы не представляли себе, каким путем Семенов через какой-то провод получил такую телеграмму с сообщением, что он такое назначение получил?

Червен-Водали. Не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Когда это было, 4 января [1920 г.]?

Червен-Водали. Возможно.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, 4 января была последняя минута Ваших разговоров с [Иркутским] Политическим центром. И 4 января получилась телеграмма от Семенова о том, что [главно]командующий войсками посылает генерала Скипетрова[84], чтобы уничтожить всех мерзавцев?

Червен-Водали. Если позволите, я дам мои объяснения.

Обвинитель Гойхбарг. Я просил бы отложить эти объяснения до того времени, когда будут обсуждаться другие моменты.

Тут был затронут вопрос об ориентации. Я попытался установить ориентации, и поэтому я тут приводил такие факты: Сазонов из Парижа, Деникин — телеграмму Колчаку о Германии, Семенов — около Японии. Какая ориентация была здесь?

Червен-Водали. Что касается меня лично, то я стоял на точке зрения союзнической ориентации. И «Национальный центр» всегда и неизменно стоял на этой точке зрения. Что же касается Сазонова, то мне известно, что он также стоял на союзнической точке зрения. Каковы были настроения Семенова и Колчака в этом вопросе, мне было совершенно неизвестно.

Обвинитель Гойхбарг. Тогда разрешите еще один вопрос? Когда Вы говорили с генералом Пепеляевым[85], в последнюю минуту Вы не сказали ему: «Подходят войска известной Вам национальности»?[86]

Червен-Водали. Да, я сказал. Меня по прямому проводу вызвал генерал Пепеляев и спрашивал, каково положение в Иркутске. Я указал ему, что положение очень обостренное, что положение военное находится в руках Семенова, что, по заявлению Семенова, сюда направляются вместе с его войсками и войска японские.

Обвинитель Гойхбарг. А почему Вы сказали не японские, а «войска известной Вам национальности»?

Червен-Водали. Потому что я говорил в присутствии служащих.

Обвинитель Гойхбарг. Теперь мы переходим к пункту «Б» [«Программы допроса»]: «Активное содействие бандам Деникина, Юденича и Миллера и принятие мер к сохранению возможности борьбы с трудовыми массами России... и т. д.».

Так как в предъявленной мной «Программе [допроса]» указано оглашение документов, то не будет ли мне разрешено огласить документы, свидетельствующие об активной поддержке банд Деникина, Юденича и Миллера? *(Защита не возражает, оглашаются документы)*[87].

Я больше сейчас документов, касающихся активной поддержки разных деникинской, юденичевских и миллеровских банд, выражающейся в фунтах стерлингов, кронах, рублях и др., не представлю (*защита не возражает*).

Я оглашаю документы дальше: «Организация сил и средств...» (*документы оглашаются*) [от] 19 ноября 1919 года...[88] Затем идет добавление, что это вступит в действие только при перерыве деятельности Российского правительства.

В связи с этими оглашенными документами я хотел бы задать вопросы подсудимому Червен-Водали и Ларионову. Скажите, пожалуйста, Вы непосредственно перед переговорами в декабре 1919 года с представителями восставших организаций, ведя эти переговоры и продолжая их в начале января 1920 года, не ставили ли перед собой цель сохранения военной силы для борьбы с рабоче-крестьянской властью?

Червен-Водали. Нет, я ставил другую цель: дать возможность тем войскам, которые здесь были на фронте, быть освобожденными из того положения, в котором они были, т. е. не нанести им удара в тылу. Поэтому мною был поставлен вопрос о необходимости дать возможность офицерскому составу и генералитету под честным словом, что они не будут продолжать войны с означенными организациями, т. е. [с Иркутским] Политическим центром, идти на восток, разоружить отряды и использовать их по своему усмотрению, как это представлялось Политическому центру. Вот точка зрения, которая была установлена в этих переговорах в первый раз[89]. При вторых переговорах мы до этого положения не дошли.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Ларионов, Вы тоже таких же придерживались намерений, когда Вы были в числе других двух лиц, Червен-Водали и министра военного Ханжина[90], выдвинуты из состава Совета министров для ведения этих переговоров?

Ларионов. В ведении этих переговоров, которые начались в декабре месяце [1919 г.], я участия не принимал, потому что эти переговоры велись по директивам Совета министров. В ведении же переговоров в январе [1920 г.], начиная со 2 января, я участие принимал. И также находил для себя морально обязательным подумать о той армии и тех лицах, о которых мы даже не знали ничего подробно, и дать возможность им выйти из создавшегося положения по возможности безболезненно.

Обвинитель Гойхбарг. А открытой цели оппозиции и возможности продолжать борьбу с советской властью, ведя [эти] переговоры, Вы себе не ставили?

Ларионов. Нет, не ставили.

Обвинитель Гойхбарг. Я сказал, что Вы в количестве трех человек были выдвинуты для переговоров. Может быть, я не точно сказал? Может быть, большее количество людей?

Ларионов. В последний день переговоров, когда переговоры перешли из стадии подготовительной работы в стадию окончательного заключения перемирия, предполагалось, что весь Совет министров срочно примет участие в этих переговорах. Но так [как] технически это было чрезвычайно трудно, то была выбрана

особая делегация, в которую вошли и другие лица, которые отправились на совещание и вели окончательно переговоры с [иркутскими] политическими организациями.

Обвинитель Гойхбарг. Подсудимый Червен-Водали, кто были эти другие лица?

Червен-Водали. Министр финансов Бурышкин[91] и товарищ министра народного просвещения Палечек в качестве секретаря.

Обвинитель Гойхбарг. А Палечек участвовал в переговорах?

Червен-Водали. Нет, он присутствовал в качестве секретаря.

Обвинитель Гойхбарг. Если человек секретарствует, то он и участвует.

Червен-Водали. Он был для того, чтобы редактировать и записывать.

Обвинитель Гойхбарг. Ввиду заявления Червен-Водали и Ларионова, что они себе такой цели не ставили, я просил бы разрешить мне огласить шифрованные разговоры по прямому проводу, которые имеются в распоряжении обвинения и находятся в делах вещественных доказательств (*защита не возражает*). «Постановление Совета министров 22 декабря 1919 года о назначении преемника Верховному правителю» (*постановление оглашается*)[92]. Это было?

Червен-Водали. Это соответствует действительности. Такая телеграмма была послана.

Обвинитель Гойхбарг. Это не телеграмма, а правительственный акт. Когда я Вас спрашивал, под Вашим ли председательствованием было принято назначение Деникина заместителем [Верховного правителя], Вы сказали «нет». А сейчас, когда эта бумага предъявлена, Вы что скажете?

Червен-Водали. Очевидно, под моим. Я не желаю с себя снимать ответственность, если таковая подпись имеется: «За председательствующего». Но, насколько я помню, это будто бы было под председательством Третьякова[93], а подписывать пришлось мне, потому что он выехал [в Читу]. Так как я не помню, то прошу проверить, когда он уехал.

Обвинитель Гойхбарг. Я продолжаю оглашать: телеграмма министра иностранных дел Сазонова... (*оглашается телеграмма*)[94]. Телеграмма Верховному правителю трех лиц: «Создавшаяся политическая обстановка...» (*оглашается телеграмма*)[95].

Ларионов. От какого числа эта телеграмма в порядке постепенности?

Обвинитель Гойхбарг. Между 24 и 25 декабря [1919 г.]. На ней число не помечено.

Червен-Водали. Этого числа не могло быть, потому что эта телеграмма была написана после того, как было получено разрешение воспользоваться чехословацким проводом. А это разрешение было получено только после нашего свидания с союзниками 2 января [1920 г.]. Поэтому телеграмма и была отправлена не 25 декабря [1919 г., а 3 января 1920 г.].

Обвинитель Гойхбарг. 2 января [1920 г.], когда Вы, отправляя эту телеграмму одной рукой, Вы[, с] другой [стороны,] явились к [Иркутскому] Политическому центру переговариваться?

Червен-Водали. Да, так оно было.

Обвинитель Гойхбарг. Далее имеется приложение к делу Червен-Водали — телеграмма Семенова. Телеграмма заместителю предсовмина: «Повстанцы прикрываются...» (*оглашается телеграмма*)[96]. Вы получили эту телеграмму?

Червен-Водали. Да, я ее видел. Мне был поставлен вопрос совершенно иного характера. И я не имел возможности ответить на этот вопрос, потому что здесь

были прочтены эти телеграммы. Я не опровергаю наличия этих телеграмм. Но я позволю себе, когда я буду давать общее объяснение, указать обстановку, при которой это было совершено, и выяснить природу всех этих телеграмм и всего обмена этими материалами. За текст господина Семенова, который было угодно в этой телеграмме установить, я не ответственен. Поэтому чтение этой телеграммы по моему адресу и указание на ее текст…

Председатель. Это Вы можете указать в порядке защиты и в порядке объяснения.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите мне задать один вопрос? Совершенно случайно Червен-Водали заявил, что за текст Семенова он не ответственен. А он не считал, что этот текст составляется при участии другого заместителя председателя Совета министров — Третьякова, который по соглашению с Червен-Водали отправился в Читу, который все время с ним переписывался и разговаривал по прямому проводу? И ясно, что о том, что Семенов стал главнокомандующим, сообщал Третьяков Червен-Водали.

Червен-Водали. Это совершенно неверно. Потому что в делах имеются доказательства того, каким образом Семенов относился к Третьякову. Третьякову пришлось уехать из Читы под давлением Семенова, и Третьякову не было разрешено пользоваться шифром по прямому проводу. И также имеется сообщение Третьякова о том, что он принужден выехать из Читы, что Семенов ему не разрешает со мной говорить по прямому проводу. Вот какие отношения были между Семеновым и Третьяковым и между Семеновым и Советом министров. Затем, имеются другие документы, которые указывают, что Семенов по отношению к Совету министров имел самые агрессивные намерения.

Обвинитель Гойхбарг. А не будете ли Вы добры припомнить некоторые обстоятельства: как раз Третьяков не говорил ли Вам, какие причины побуждают его немедленно отправиться в Читу?

Червен-Водали. Может быть, и говорил.

Обвинитель Гойхбарг. Не писали ли Вы [22 декабря 1919 г.] Третьякову, когда он находился в Чите, где находился и Семенов: «Торопите [с] подмогой, каждый час дорог»?[97] И Третьяков сообщил Вам [24–25 декабря] о помощи, которую отправляет Семенов по его настояниям и ходатайству или, по крайней мере, склоняется отправить[98].

Червен-Водали. Да.

Обвинитель Гойхбарг. Я больше вопросов по этому пункту «Б» не имею.

Председатель. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председатель. Заседание чрезвычайного революционного трибунала продолжается.

Обвинитель Гойхбарг. Сейчас в порядке «Программы [допроса]» идет пункт 3-й: «Организация расхищения достояния трудового народа России».

Я для начала прошу разрешить мне огласить несколько документов. «Из Иркутска, секретно, 8 мая 1919 года. Сообщаю сведения…» (*оглашается телеграмма*)[99].

Секретная телеграмма послам в Пекин… (*оглашается телеграмма*)[100].

Далее, разговор по прямому проводу управляющего делами Верховного правителя и Совета министров Тельберга с верховным уполномоченным на Дальнем Востоке генералом Хорватом 17 мая 1919 года (*оглашается разговор по прямому проводу*)[101].

Далее идет разговор 25 декабря 1919 года, [начинающийся словами:] «Передайте Антропову...»[102] (*оглашается разговор*)[103].

Из отчетов расходов, не подлежащих оглашению, от 3 сентября 1919 года: Гинсу — 10 000 000 рублей. Затем буквально написано: «Роздано 7 ноября 1919 года министрам и их товарищам 50 000 [рублей] на представительство»[104].

Затем — закрытое заседание Совета министров 5 ноября 1919 года, на котором в числе прочих присутствовал и Шумиловский (*оглашается журнал заседания Совета министров*)[105].

Следующий — журнал заседания Совета министров от 19 ноября (*оглашается журнал заседания*)[106].

Того же 19 ноября — представление управляющего министерством финансов (*оглашается журнал заседания*)[107].

Я сейчас огласил постановление от 5 ноября [1919 г.] об отпуске контрвалюты на приобретение 50 000 иен.

Затем идет телеграмма от 3 ноября 1919 года министерства финансов: «Чрезвычайная, вне очереди, Владивосток» (*оглашается телеграмма*)[108].

Затем опять: «Чрезвычайная, вне всякой очереди» [от] 24 ноября 1919 года (*оглашается телеграмма*)[109].

Выписки из переговоров по прямому проводу 25 ноября 1919 года, товарищ министра [финансов] Данилов (*оглашается разговор*)[110].

Разговор 28 ноября и выписка из переговоров 30 ноября товарища министра финансов Данилова (*оглашается разговор*)[111].

Прежде чем оглашать [документы] дальше, я хотел бы задать вопрос подсудимому Шумиловскому. Скажите, пожалуйста, подсудимый Шумиловский, Вы принимали участие в провозглашении Вологодского почетным гражданином Сибири?[112]

Шумиловский. Принимал.

Гойхбарг. А впоследствии, когда он ушел в отставку, не было ли поднято вопроса о необходимости для него особой пенсии, как основоположнику и продолжателю борьбы с большевистским насилием?

Шумиловский. Это не помню.

Гойхбарг. А если будет оглашено постановление заседания Совета министров?

Шумиловский. Тогда отрицать не могу.

Гойхбарг. (Читает)[113]. Разрешите в связи с оглашенными документами задать вопрос подсудимому Преображенскому? Здесь во всех делах в этих случаях имеется и Ваше присутствие.

Преображенский. Да, да.

Гойхбарг. Вам неизвестны телеграммы, которые посылаются по поводу Вашего дела от разных представителей науки, университетов и т. д.?

Преображенский. Не имею сведений.

Гойхбарг. Вам не известно, что от ректоров [разных] университетов присланы телеграммы, в которых указывается Ваша деятельность, что Вы являетесь как геолог самым видным исследователем золотых россыпей, каменноугольных копей Урала и т. д.? Эти факты соответствуют?

Преображенский. Телеграммы или факты моих работ? Простите, эта оценка принадлежит другим.

Гойхбарг. Если я не ошибаюсь, Геологический комитет командирует для особых надобностей лиц не только служащих, но пользующихся доверием и большим

опытом в деле геологических исследований?

Преображенский. Да, да.

Гойхбарг. И, следовательно, эта телеграмма Отокара[114] свидетельствует о чем-то весьма близком к истине? И если бы [я] Вам сообщил, что я получил целый ряд телеграмм от других университетов и от других лиц, это не представляло бы для Вас ничего удивительного?

Разрешите мне спросить, когда Вы занимались геологическими исследованиями для подготовительных работ по добыче золота, Вы считались с тем, куда оно будет направляться, для каких целей?

Преображенский. Откровенно говоря, я даже никогда не думал [об этом]. Прежде всего оно идет государству, а затем куда оно идет…

Гойхбарг. Этим наука не интересуется. А скажите, если все университеты посылают телеграммы о Ваших двадцатилетних очень успешных трудах в деле разработки золотых россыпей, значит, они считают, что такая работа принесла обществу и государству огромную пользу? А может быть, Вы определите, какое количество золота в течение Вашей жизни было добыто в результате Ваших работ?

Преображенский. Установить такую вещь вне моей компетенции.

Гойхбарг. А по данным Геологического комитета учитывалось это обстоятельство?

Преображенский. Безусловно.

Гойхбарг. Может быть, Вы знакомы практически и могли бы сказать, что в результате Вашей деятельности золотой запас России и Сибири увеличился на такую-то сумму?

Преображенский. Я мог бы сказать Вам одну цифру, которая вытекает из работ одной большой комиссии, работавшей над этим вопросом. Тот район, на котором работал я… Мы считали, что запас золота в нем в течение шести лет обеспечен на 30 000 пудов.

Гойхбарг. А в телеграмме, которую я оглашал, указано 32 000 пудов.

Преображенский. Да, да.

Гойхбарг. Больше я ничего не имею.

Преображенский. Это весь золотой запас России, 32 000 пудов.

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, подсудимый Хроновский, Вы были назначены товарищем министра финансов в свое время. 23 декабря [1919 г.] Вами было подано прошение об отставке[115]. В течение Вашей работы Вам часто приходилось бывать в Совете министров на заседании?

Хроновский. Я был два раза.

Гойхбарг. Не приходилось ли Вам принимать участие в заседаниях, где отпускалось 500 000 р[уб.] на учреждение милиции и отдела государственной охраны?

Хроновский. Не помню. Кажется, было [заседание] относительно организации и штатов этих учреждений.

Гойхбарг. Можно огласить?

Хроновский. Нет, я верю охотно.

Гойхбарг. Не бывая в заседаниях Совета министров, но занимая должность товарища министра финансов, Вы знали, в каком порядке вообще отпускаются суммы на расходы?

Хроновский. Знал, да.

Гойхбарг. Вы считали, например, возможным, что отпускаются суммы так: Ваш начальник, министр финансов, в течение четырех месяцев дает личные прика-

зания об авансах, а потом Совет министров утверждает эти авансы, хотя суммы достигают кругленькой цифры — $3^1/_2$ миллиарда и еще 50 000 [руб.].

Хроновский. Я не знаю.

Гойхбарг. А Вы не знакомились с делами Совета министров?

Хроновский. Это не было в моем ведении. В моем ведении, прежде всего, было податное дело, и затем — составление проектов по податным вопросам[116].

Гойхбарг. А перед тем, как Вы были назначены на должность товарища министра финансов, Вы какую должность занимали?

Хроновский. Я был управляющим казенной палаты.

Гойхбарг. А не были ли Вы директором международного банка?

Хроновский. Да, но недолго. Года два.

Гойхбарг. Года два?

Хроновский. Да, да.

Гойхбарг. Тогда, я думаю что мне больше вопросов не представляется нужным.

Я хотел спросить подсудимого Краснова по тому же вопросу. Скажите, пожалуйста, подсудимый Краснов, раньше, когда обсуждалась программа вопросов, было обусловлено, что если подсудимый вызывается впервые, предварительно должен быть выяснен характер его деятельности. Скажите, пожалуйста, подсудимый Краснов, в [19]18 году Вы были в Москве?

Краснов. Был.

Гойхбарг. Находились на советской службе?

Краснов. В Петрограде получил назначение.

Гойхбарг. А в Москве служили?

Краснов. Продолжал служить.

Гойхбарг. Вы не получили поручения от народного комиссара государственного контроля Ландера[117] поехать совершить определенную советскую работу?

Краснов. Я получил от Ландера поручения обревизовать Уфимскую и Казанскую контрольные палаты.

Гойхбарг. Когда получили?

Краснов. Во второй половине июня [1918 г.], а выехал 23 июня в Казань и Уфу.

Гойхбарг. А может быть, приблизительно в это время в Уфе что-нибудь произошло?

Краснов. В Уфе произошло выступление чехословаков, когда я был в Уфе.

Гойхбарг. Так что через день-другой Вы оказались отрезанным от советской России?

Краснов. Оказался.

Гойхбарг. Вы получили поручение произвести ревизию. Документы об этом у Вас сохранились?

Краснов. Сохранились и были впоследствии переданы в распоряжение [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссии.

Гойхбарг. А не сохранилось ли других документов, что Вам было поручено уладить спор между служащими и администрацией Минской казенной палаты?

Краснов. Мне было дано [распоряжение] относительно ревизии Минской контрольной палаты, находящейся в Москве. Это поручение было выполнено в течение двух с половиной недель.

Гойхбарг. Так что Вы его закончили около 20 числа. Второе поручение, какого числа оно было дано Вам? Вы получили [распоряжение] поехать в Уфу и устра-

нить недоразумения между управляющим Уфимской контрольной палаты, не исполняющим обязанности по причине конфликта со служащими?

Краснов. Да.

Гойхбарг. Вы одни поехали?

Краснов. Нет, в сопровождении члена контрольной палаты Чернова.

Гойхбарг. Виктора Павловича Чернова. А не получали ли Вы распоряжение выехать спешно в Самару и Уфу?

Краснов. Я не скажу, чтобы спешно. Невозможно было получить разрешение на выезд.

Гойхбарг. А не были ли указаны причины выезда?

Краснов. Причина должна быть указана. Иначе нельзя было выехать.

Гойхбарг. Но там не было указано причины, а была только просьба оказать содействие Краснову и Чернову.

Краснов. Я докладываю то, что было на самом деле.

Гойхбарг. Вы получили разрешение и немедленно сели на пароход?

Краснов. Да, числа 29-го [июня 1918 г.].

Гойхбарг. А приехали в Уфу?

Краснов. Числа 2-го [июля].

Гойхбарг. Как раз?

Краснов. Вероятно, так.

Гойхбарг. То есть, вероятно, как раз к уфимским событиям?

Краснов. Я не мог знать об уфимских событиях. Я спрашивал указаний исполнительного комитета [советов], когда выезжал из Бирска. Спрашивал и на пристанях о положении. Мне сказали, что там совершенно безопасно. В Уфе, когда я приехал, первый мой визит был в совет народных комиссаров.

Гойхбарг. А второй визит?

Краснов. В контрольную палату и опять в совнарком.

Гойхбарг. Значит, Вы полагали выполнять советскую работу?

Краснов. Позвольте мне объяснить точное положение: я получил успокоительное заверение, что такое положение тянется уже около месяца.

Гойхбарг. Что Вас беспокоило?

Краснов. Что угрожало занятие города чехами.

Гойхбарг. А Вам это опасностью грозило?

Краснов. Как советскому работнику.

Гойхбарг. И что же, эта опасность разразилась над Вами?

Краснов. Если она не разразилась, я не виноват.

Гойхбарг. А не получили ли через 2–3 месяца должность?

Краснов. Не получил.

Гойхбарг. А когда получили?

Краснов. В конце июля [1918 г.], когда я был отрезан от советской России и должен был существовать со своей семьей.

Гойхбарг. А как произошло, что командированный Ландером для исполнения служебных обязанностей служащий становится государственным контролером организации, которая шла на убийство Ландера?

Краснов. Мне неизвестно о судьбе Ландера.

Гойхбарг. Не беспокойтесь, пусть судьба Ландера не внушает Вам опасения. Но [разве] Вы не знали заданий того правительства, к которому Вы поступили государственным контролером и в качестве государственного контролера [которого] подавали записку за Колчака?

Краснов. Я поступил по тому ведомству, по которому я служил при всех правительствах больше 15 лет. И при царском [правительстве], и при Временном, и при советской власти. И когда остался отрезанным [от советской России], я ни в какую другую службу не пошел. Ведомство государственного контроля давало мне возможность остаться на этой службе. Предложение занять должность государственного контроля я получил от Всероссийского Временного правительства — [Уфимской] Директории. Должность эта не административная. И я должен сказать, что в области государственного контроля...

Гойхбарг. Primus inter pares. Первый среди равных.

Краснов. Я понимаю смысл этого выражения.

Гойхбарг. И когда избирается Колчак, Вы подаете голос?

Краснов. Как государственный контролер. В Совете министров я пользовался совещательным голосом. Вчера, когда я давал объяснения, [я говорил] совершенно откровенно, ибо скрывать какие-нибудь факты от чрезвычайного трибунала я не имел никакого намерения. И я сказал, что я не голосовал, потому что не было выяснено, имел ли я совещательный или решающий голос.

Гойхбарг. Вы были в таком положении, как Розанов. И тот имел право голосовать, и Вы имели право голосовать. Разве члены Совета министров должны появляться как грибы после дождя?

Краснов. Я не понимаю вопроса.

Гойхбарг. Вы приехали из советской России и голосовали за свержение [Уфимской] Директории?

Краснов. Я служил при царском режиме и при Временном правительстве...

Гойхбарг. И вообще политикой не занимались?

Краснов. Совершенно.

Гойхбарг. Вы не делали докладов политических на заседании Совета министров неоднократно?

Краснов. Политических докладов я не делал. Когда я был в Иркутске, мне пришлось председательствовать [в Совете министров]. И когда членов [правительства] интересовало политическое положение в Иркутске, я предложил, что, если угодно [его] выяснить, можно пригласить лиц, которые это могли бы сделать.

Гойхбарг. А Вы не делали сообщение о политических настроениях общества и политических настроениях железнодорожников?

Краснов. Я делал эти сообщения вообще.

Гойхбарг. А не было ли помещено в журнале [заседания] Совета министров, что председатель Краснов делает доклад о политическом настроении железнодорожников?[118]

Краснов. Я отвечал, раз мне предлагаются вопросы.

Гойхбарг. Сколько же Вам раз предлагалось такие политические доклады делать?

Краснов. Раз человек ведет собрание, председательствует, к кому же члены собрания могут обращаться?

Гойхбарг. Значит, если Вы председательствуете, Вы должны политическими сведениями обладать? А вот я оглашал, как в заседании Совета министров, где Вы присутствовали, под Вашим председательствованием производились ассигнования.

Краснов. Ассигнование каждый день делается.

Гойхбарг. А Вы представляете себе такое положение, когда председательствует государственный контролер и отпускает иены, фунты стерлингов с тем, что

потом будет представлен список расходов и подпись министра финансов для оправдания этих денег? Это при Вашей практике при царском и других правительствах встречалось?

Краснов. Встречалось. И разрешите мне ответить на вопрос, который перед этим был задан Хроновскому? У нас существовал военный фонд. Военный фонд создается в военное время, на основании особых правил. А так как эти правила существовали, то, руководствуясь ими, во всех государствах производились расходы на военные нужды. Перед войной эти правила были пересмотрены, и в [19]14 году были изданы новые правила об отпуске кредитов на военные нужды.

Гойхбарг. У Вас был определенный размер военного фонда?

Краснов. Размер военного фонда определяется потребностью, которая возникает. Так как эти правила предусматривают аванс с тем, чтобы потом министр финансов докладывал…

Гойхбарг. Через 2–3 дня, через неделю или [через] 4 месяца, когда по 500–600 миллионов единоличным распоряжением министра финансов отпускалось?

Краснов. Единоличного распоряжения не допускалось. Он обязан был представить [документы] в Совет министров. Мог представить несколько позднее. Но это значения не имеет, так как это рассматривается министром финансов и [государственным] контролем, если имеется заключение [государственного] контроля. Вы изволите усмотреть, что государственный контроль вообще и я как его представитель указывал на чрезвычайное преувеличение этих кредитов. Но так как я могу иметь голос только один при решении вопроса о кредитах, отпускаемых большинством…

Гойхбарг. Но голос Вы имели решающий?

Краснов. В вопросах законодательных имел решающий с первой минуты.

Гойхбарг. А может быть, Вы просили, чтобы Вам предоставили голос совещательный?

Краснов. На основании правил, действующих здесь, в Сибири, я обладал совещательным голосом. Но впоследствии мне был предоставлен решающий голос, который меня крайне смущал. И я подал заявление, чтобы он был отменен[119].

Гойхбарг. Это стеснение тем, что Вам был предоставлен решающий голос, было представлено в Совет министров?

Краснов. Мои предшественники в Сибири имели совещательный голос.

Гойхбарг. Вы в политику не входили. При всех правительствах безразлично считали своим долгом служить, выполнять свой долг. Вы политикой не занимались. Но подавали Вы такое заявление в Иркутский революционный комитет [о приеме на работу] (*читает*)? Вы подавали такое заявление?

Краснов. Да, подавал. Я заявил [об этом] в самом начале.

Гойхбарг. Вы сказали, что на самом деле соответственные суммы были отпущены. Вот, один раз в июле и [в] августе [1919 г.] около 2 миллионов, в погашение аванса 5–6 раз с промежутком в несколько недель.

Краснов. Военные расходы покрываются совсем не таким порядком.

Гойхбарг. А не было возможности войти в Совет министров с заявлением, что такой расход сделан?

Краснов. В этом, гражданин обвинитель, нет никакой надобности. Эти суммы отпускаются особым совещанием из представителей военного, финансового и контрольного ведомств.

Гойхбарг. Тем не менее оказывается, что Совет министров утвердил точь-в-точь такое ассигнование.

Краснов. Вы все изволите говорить про военные расходы, которые достигали не пяти миллиардов [рублей], а гораздо большей суммы на эти сибирские знаки.

Гойхбарг. А тогда сибирские знаки пали уже значительно?

Краснов. Я думаю.

Гойхбарг. А насчет Черемховских копей? Они были приобретены в казну по чрезвычайно преувеличенной оценке. Владельцам было выдано 60 миллионов [рублей].

Краснов. По моему мнению, владельцам было выдано даже больше.

Гойхбарг. И хотя Вы настойчиво доказывали, что оценка преувеличена, все-таки это было совершено?

Краснов. Мне за всю мою деятельность удалось задержать только два таких акта. Но все-таки потом эти сделки были совершены.

Гойхбарг. Прежде всего Вы высказались против приобретения [Черемховских] копей в казну. Затем по веским причинам, которые там указывались, из опасения захвата иностранцами...

Краснов. Я несомненно понимал, что если казна не купит, [то] тогда иностранцы могут захватить эти копи. Тогда они могут продать иностранцам.

Гойхбарг. А каким патриотическим частным лицам принадлежали эти копи?

Краснов. Собещанскому...[120]

Гойхбарг. Все люди, горячо любящие свою родину?

Краснов. Этот вопрос меня не интересовал. Тогда вопрос стоял о приобретении копей. Меня интересовал вопрос о расценках. Я считал, что расценка, которая была произведена путем соглашения, была преувеличена на 20 миллионов [рублей]. И заявил особое мнение, которое вначале было поддержано Верховным правителем, а затем он уступил.

Гойхбарг. А кто именно настаивал?

Краснов. Настаивал Совет министров.

Гойхбарг. Совет или отдельные лица?

Краснов. Те ведомства, которые считали это необходимым приобрести. Тогда был ныне покойный Щукин.

Гойхбарг. Кажется, относительно Щукина существовало мнение, что если [он что-то] заявляет, то его мнению, как безукоризненного человека, можно довериться? Не могло ли быть [так], что его товарищи по Совету министров потому голосовали за эту [покупку], что Щукину не верить [было] совершенно невозможно?

Краснов. Я не помню.

Гойхбарг. А кто из здесь присутствующих был на заседании?

Шумиловский. Преображенский.

Гойхбарг. [Подсудимый Преображенский,] Вы возражали против этой оценки?

Преображенский. Я не возражал. Я сам знаю, чего стоят копи.

Шумиловский. И я не возражал. Я считал Щукина более знакомым с делом, и он мог произвести эту оценку. Он считал, что цена, которая была назначена, далеко отставала от стоимости в сторону понижения стоимости[121].

Гойхбарг. А чем же мотивировал государственный контроль указание, что на 20 миллионов преувеличено? Вы слышали заявление государственного контролера. А думали, что раз Щукин хорошо знает, что нечего и рассуждать?

Преображенский. Невозможно вспомнить все детали. Могло сохраниться только общее впечатление. Я слышал объяснение государственного контролера, и мне показалось, что его доводы недостаточно убедительны. И так как Краснов не специалист по этому делу, [так как] он копей не видел и не знал, то, очевидно,

голос человека, специально занимавшегося этим трудом как задачей всей жизни, приобрел во многих глазах больший вес.

Гойхбарг. А не думаете ли Вы, что министр торговли и промышленности мог быть заинтересован в этом, а государственный контроль не заинтересован?

Шумиловский. Николай Николаевич Щукин был человек государственный и никаких личных целей не мог иметь.

Гойхбарг. А может быть, кто-нибудь из присутствующих также поддерживал Щукина и доказывал, что оценка также не преувеличена? Может быть, кто-нибудь поддерживал Щукина, основываясь на своем знакомстве с копями на Урале и т. д.?

Шумиловский. Не могу вспомнить.

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, подсудимый Краснов, не можете ли Вы подтвердить, что каждый день рассматривались вопросы о выдаче ссуд предприятиям?

Краснов. Вопросы об ассигновании сумм предприятиям были довольно часты.

Гойхбарг. Если просмотреть все журналы постановлений, то приблизительно 75% [вопросов повесток дня] относится к этому.

Краснов. Я считаю, что [это были] некрупные суммы, [в] несколько сот миллионов [рублей]: таких постановлений должно быть большое количество.

Гойхбарг. А не помните ли такого обстоятельства, когда лица якобы не заинтересованные, [но] пользовавшиеся доверием, в свое время единогласно избиравшиеся в председатели, потом должны были уходить из состава правительства и Совета министров? Причем поручалось председателю, если он сочтет нужным, задержать их, не давать им уехать до выяснения некоторых не разъяснившихся обстоятельств расходования финансов и т. д.?

Краснов. Это было в последние дни в Иркутске, когда по моему докладу было назначено расследование деятельности министров финансов, снабжения и продовольствия.

Гойхбарг. А не было ли представления о двух министрах?

Краснов. Да, о фон Гойере и Сукине[122].

Гойхбарг. Что же обнаружилось по отношению этих лиц?

Краснов. В отношении министра финансов обнаружилась неправильность в расходовании сумм, расходуемых в секретном порядке. Например, по ликвидации дел по [Уфимской] Директории, по советской власти, довольно крупные кредиты.

Гойхбарг. А не присутствовали ли Вы в гласном или секретном заседании, где в присутствии Морозова и других было отпущено Михайлову 300 000 р[уб.] для ликвидации разных расходов по свержению советской власти?

[Краснов.] Этот расход был секретный. Он, очевидно, был отпущен еще Временным Сибирским правительством.

Гойхбарг. Он был отпущен 10 декабря [1918 г.].

Краснов. Я обратился к министру финансов с требованием о [пре]доставлении мне отчетности.

Гойхбарг. А не обратились ли Вы к другим, которые могли открыть, чем руководствовались лица, что в заседаниях Совета министров отпускаются суммы на ликвидацию расходов разных лиц и учреждений и свержение советской власти?

Краснов. Я не имел права делать таких запросов, но предполагал установить эти суммы.

Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, подсудимый Морозов, Вы принимали участие в этом заседании?

Морозов. По всей вероятности.

Гойхбарг. А еще целый ряд здесь сидящих — тоже? А когда Вам сообщили, что это за учреждение по свержению советской власти?

Морозов. Так времени много прошло, я не помню.

Гойхбарг. А такие события в Вашей жизни когда-нибудь повторялись, когда на заседаниях Совета министров рассматривается вопрос об отпуске нелегальным организациям сумм для свержения советской власти?

Морозов. Нет.

Гойхбарг. А Вы политикой не занимались, [когда] принимали такие постановления?

Морозов. Я не помню. Принимал участие по докладу министра финансов. Подробностей не могу сейчас восстановить. Насколько помнится, суммы эти требовались для какой-то военной организации.

Гойхбарг. А лиц не помните?

Морозов. Не помню.

Гойхбарг. А не помните ли, как один министр должен был уйти [со своей должности] из-за истории с чаем?

Морозов. Да, это министр продовольствия Зефиров[123].

Гойхбарг. А этот министр понес за время существования правительства какое-нибудь наказание?

Морозов. Нет, к сожалению, не понес.

Гойхбарг. А не помните ли Вы, что за учреждение было — Эмигрантский банк[124]?

Морозов. Да, мне известно. Но думаю, что он не был учрежден, потому что это было в последний момент, перед эвакуацией [из] Омска. А для осуществления его нужно было продолжительное время.

Гойхбарг. А Ваши заявления имелись в протоколе? И когда Вы были не согласны, Вы тогда особое мнение заявляли?

Краснов. Заключения я всегда давал. И если я был не согласен, я всегда давал особое мнение. Иногда я давал письменные заключения. И они должны находиться в делах Совета министров.

Обвинитель Гойхбарг. Когда был учрежден Эмигрантский банк в Америке, там расчеты были специально на золотую валюту?

Краснов. Это банк, как и всякий банк.

Обвинитель Гойхбарг. Не было ли там сказано, что банк учреждается с целью предоставления разным лицам и учреждениям золотой валюты?

Краснов. Эмигрантский банк имел своей целью то, чтобы деньги эмигрантов попадали не в иностранный банк, а в эмигрантский.

Обвинитель Гойхбарг. Что Вы понимали под словом «эмигранты»? Когда Вы собирались эвакуироваться, то министры предполагали быть эмигрантами?

Краснов. В это время еще не предполагали эвакуироваться.

Обвинитель Гойхбарг. Если я не ошибаюсь, Вы сказали, что это было в самые последние дни [пребывания в Омске]. Разве тогда не было разговоров об эмиграции?

Краснов. Не было разговоров об эмиграции в Америку.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, подсудимый Краснов, не в том ли собрании разбирался доклад особой комиссии, которая обследовала деятельность [Омского] военно-промышленного комитета? Что оказалось по докладу этой комиссии междуведомственной по обследованию деятельности военно-промышленного комитета?

Краснов. Оказались многомиллионная задолженность казне, огромная раздача сумм частным учреждениям, пользование флагом военно-промышленного комитета для учреждений, не имеющих с ним ничего общего, неисполнение даже одной трети тех заказов, которые ему давались, и огромные суммы и использование средств, которые предоставлялись ему для таких-то целей, и передача в частные руки[125].

Преступная деятельность Омского военно-промышленного комитета государственному контролеру была известна.

Обвинитель Гойхбарг. А не было ли пяти пунктов постановления этой комиссии, которые я Вам сейчас огласил?

Краснов. Я точно редакции не помню, но это возможно.

Обвинитель Гойхбарг. Что было постановлено Советом министров?

Краснов. Сенаторская ревизия[126].

Обвинитель Гойхбарг. Не Висковатова[127] ли?

Краснов. Может быть.

Обвинитель Гойхбарг. Этот сенатор, может быть, и другие комиссии возглавлял о Семенове, о Катанаеве?[128] Чем эта сенаторская ревизия окончилась? Эти деятели военно-промышленного комитета понесли какое-нибудь наказание?

Краснов. Сенаторская ревизия была назначена. Но она, по-видимому, не была закончена. Они Совету министров не докладывали.

Обвинитель Гойхбарг. Я думаю, что по вопросу о расхищении народного достояния допрос закончен.

Председатель. Объявляю заседание закрытым.

Глава шестая

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТОЕ

Заседание пятое, 24 мая 1920 года

На скамье подсудимых те же, кроме Гришиной-Алмазовой.

Председатель. Объявляю заседание чрезвычайного революционного трибунала открытым.

Обвинитель Гойхбарг. Я имею [намерение] сделать заявление революционному трибуналу. Вчера революционный трибунал признал необходимым, чтобы мною был представлен этот документ, который значился в описи бумаг, взятых у Червен-Водали,— № 20. Папка с этими бумагами мною представлена сейчас председателю революционного трибунала. Я прошу революционный трибунал удостоверить, что бумага[1] за № 20 написана на папиросной бумаге и находится рядом с другими документами, написанными на полотне. И удостоверить еще одно обстоятельство, что целый ряд сведений и документов, взятых в числе бумаг Червен-Водали и имеющихся в папке, также написаны то на полотне, то на папиросной бумаге.

Председатель. Суд удостоверяет то, что в документе № 20 такой приказ имеется. Причем из обозрения документов видно, что часть их написана на папиросной бумаге, [а] часть — на полотне.

Обвинитель Гойхбарг. Я имею еще одно ходатайство перед революционным трибуналом. Я прошу разрешить мне огласить этот документ № 20, который находится в этой папке (*защита не возражает, оглашается документ № 20*)[2].

Председатель. В связи с только что оглашенным документом я должен задать подсудимому Червен-Водали вопрос. В одном из предыдущих заседаний Вы отрицали следующее сообщение «Правительственного вестника»: «В конце 1917 года в Москве при содействии Червен-Водали организовался Всероссийский „Национальный центр“ помощи Добровольческой армии генерала Алексеева, впоследствии Деникина»[3]. Вы отрицали, что Московский «Национальный центр» ставил себе именно таковые задачи.

Червен-Водали. Я извиняюсь, гражданин председатель, это, вероятно, какое[-то] сообщение «Правительственного вестника»?

Председатель. Да.

Червен-Водали. Это не у меня в документах найдено?

Председатель. Нет. Вы на одном заседании отрицали подлинность такого сообщения в «Правительственном вестнике».

Червен-Водали. Я доказывал, что я состоял членом «Национального центра», который называется не так, как он назван здесь. Я говорил о том, что принимал в нем участие постольку, поскольку там разбирались экономические вопросы.

Председатель. Тогда я Вам задам вопрос: ставил ли себе «Национальный центр» задачу помощи Добровольческой армии?

Червен-Водали. Вообще — да.

Председатель. В каких конкретных формах?

Червен-Водали. В форме подготовки экономического, политического и юридического характера мер, которые необходимы для государства.

Председатель. Не входило ли в задачи «Национального центра» создание военной силы для подавления большевиков?

Червен-Водали. Я не отрицаю, если об этом говорят. Но я этого не знал. Меня не допускали к этому вопросу.

Председатель. Известны ли Вам основные Положения Всероссийского «Национального центра»?

Червен-Водали. Более или менее известны.

Председатель. Известно ли Вам, что в пункте первом этих Положений имеется следующее: «Основная задача, стоящая перед Россией...» (*оглашается пункт 1-й Положений*)[4].

Червен-Водали. Известно.

Председатель. Известно ли Вам, что основная организация «Национального центра» находилась в Москве?

Червен-Водали. Да.

Председатель. И все время возглавляющая организация «Национального центра» оставалась в Москве?

Червен-Водали. Да, «Национальный центр» оставался в Москве.

Председатель. Причем она имела на юге свое отделение, а на востоке имела своими представителями Пепеляева и Белоруссова?

Червен-Водали. Нет, Белоруссов не входил.

Председатель. Известно ли Вам, что до создания «Национального центра» имелась группа, объединяющая так называемое германофильское течение?

Червен-Водали. Нет, неизвестно.

Председатель. Известно ли Вам то Положение о «Национальном центре», которое было разработано на юге при участии Астрова, и исторический очерк «Национального центра»?[5]

Червен-Водали. Я не помню. Но, вероятно, я с ним ознакомился, если это было.

Председатель. Известно ли Вам, что «Национальный центр» выделился из существующего «Правого центра»?[6]

Червен-Водали. Да.

Председатель. Известно ли Вам, что там была правая группа германской ориентации?

Червен-Водали. Теперь известно.

Председатель. Известно ли Вам, что «Национальный центр» находился в сотрудничестве со своей германофильствующей группой?

Червен-Водали. Нет, не известно.

Обвинитель Гойхбарг. Я имею просьбу к революционному трибуналу. Я лично только сегодня, ввиду настойчивых требований предъявить документ, прочел его, так как я раньше видел его только в описи. Это крайней важности документ, который в числе прочих был привезен из Иркутска. И [поскольку] все сводки этих бумаг скреплялись подписью К. А. Попова, я ходатайствую перед революционным трибуналом о вызове К. А. Попова, здесь присутствующего в качестве свидетеля, для установления обстоятельств, касающихся как этого документа, так и того, мог ли К. А. Попов знать о каких-либо московских событиях (*защита не возражает*).

Червен-Водали. Разрешите мне два слова сказать. Я как раз хотел просить гражданина председателя трибунала о том, чтобы гражданин К. А. Попов был допущен в целях выяснения, при каких условиях вообще все документы, которые здесь имеются, попали в руки [Иркутского] Политического центра, потому что я утверждаю все-таки с полной искренностью, что этот документ, который я только что выслушал, я слышу в первый раз и этого документа у меня не было. Это я утверждаю и прошу проверить это путем установления той обстановки, при которой был взят этот документ, потому что я знаю, что у меня такого документа быть не могло.

В то же самое время я сообщал о том, что в комнате № 21, где были документы мои взяты, по-видимому лежала папка рядом, какие-то книжки, затем карты некоторых местностей Сибири и папка, очень нетолстая, с документами, которые были мне переданы на время [В. Н.] Пепеляевым, который уезжал в этот день. Поэтому весьма вероятно, что в числе документов, которые приписываются принадлежащими мне, попал документ из этой папки. Из текста прочитанного документа я вижу, что он имеет отношение к той организации, о которой Вы говорите. Но я утверждаю, что этот документ я слышу впервые, и никоим образом не могу признать, что он находился у меня. Поэтому просил бы, чтобы трибунал выяснил вопрос об условиях, при которых был найден документ, у К. А. Попова.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, свидетель Попов, Вы в конце 1918 года где находились?

Попов. В Омской тюрьме.

Обвинитель Гойхбарг. А до этого?

Попов. В Омске.

Обвинитель Гойхбарг. Где Вы находились приблизительно 22 декабря 1918 года?

Попов. Я находился в Омской тюрьме.

Обвинитель Гойхбарг. Будьте добры сказать, 22 декабря в Омскую тюрьму [была] прислана записка, как передавали, подписанная Колчаком, в которой было сказано: «Взять из тюрьмы Кириенко, Девятова и Попова и расстрелять»[7].

Попов. Тогда мне это не было известно. Когда я был в военной тюрьме, я это слышал от тюремного надзирателя.

Обвинитель Гойхбарг. Эта записка была исполнена целиком или в части?

Попов. В тюрьму явились взять для расстрела Кириенко, Девятова, Митకевича[8] и других [поручик Ф. А.] Барташевский и Рубцов. Рубцов — по приказанию, неизвестно чьему. Записка исходила от коменданта [города Омска полковника Н. В. Бобова]. А затем, у Рубцова [была] записка от другого адъютанта, [поручика Фриде]. А по личному приказанию [начальника штаба полковника] Сабельникова был Бржезовский[9]. Затем устанавливается, что эти лица, взявшие из тюрьмы членов Всероссийского Учредительного собрания и других товарищей, скрывались по приказанию Верховного правителя.

Обвинитель Гойхбарг. Будьте добры сказать, что по отношению к Кириенко и Девятову записка была выполнена, [а] по отношению к Вам, очевидно, не была выполнена? Какие были причины?

Попов. Я был болен сыпным тифом.

Обвинитель Гойхбарг. И только ввиду того, что Вы лежали тогда в сыпном тифу, Вы имеете возможность теперь показывать?

Попов. Да, точно так же, как и Миткевич.

Обвинитель Гойхбарг. Сколько времени Вы находились в Омской тюрьме?

Попов. До 12 августа 1919 года, после чего я был эвакуирован на Дальний Восток без определенного адреса. С пути я бежал и добрался до Иркутска.

Обвинитель Гойхбарг. После августа 1919 года Вы нелегально были в Иркутске?

Попов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. Имели Вы связь с Москвой?

Попов. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Имели Вы сведения, что в Москве собирались устроить переворот и такие вещи, которые были в этом документе оглашены?

Попов. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Вы с содержанием этого документа были знакомы раньше, когда производилась опись документов?

Попов. Я выбирал документы по делам, но в содержание документов не имел возможности входить.

Обвинитель Гойхбарг. Я хотел бы знать: если бы содержание такого документа Вами было прочитано, у Вас сохранилась бы мысль о том, что там что-то экстраординарное находится?

Попов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А когда Вы были в качестве лица, производившего предварительное следствие, Вы делали указания относительно наличности такого важного документа?

Попов. Я указывал вообще на опись, а отдельных указаний не делал. А с содержанием этого документа я ознакомился только сегодня, когда его отыскивал.

Обвинитель Гойхбарг. А в числе бумаг, которые были взяты у Червен-Водали и которые Червен-Водали признавал своими, были бумаги на полотне и на папиросной бумаге?

Попов. Вся эта папка, которая фигурирует на столе и которая была в распоряжении [Иркутской] губернской чрезвычайной комиссии, числится как папка, принадлежащая Червен-Водали, по следующим причинам. Когда Червен-Водали был арестован, при нем никаких бумаг не было найдено. Он был арестован так: он явился в [Иркутскую] губернскую земскую управу и там был взят. Обыск был у него на квартире, где были взяты бумаги не только его, но и Бурышкина. Кроме этого, были доставлены две папки из [Иркутского] Политического центра. Они были взяты в номере гостиницы «Модерн», где жил Червен-Водали, как бумаги Червен-Водали.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите мне задать еще вопрос: во время предварительного следствия Червен-Водали, когда Вы ему говорили о документах на полотне и на папиросной бумаге, признавал он их своими?

Попов. Я сейчас точно не помню.

Обвинитель Гойхбарг. А не давал ли он Вам некоторых объяснений, почему имеются такие документы? Вас не удивляло, что имеются документы, написанные на полотне и на папиросной бумаге, в особенности на полотне, если принять во внимание мануфактурный кризис?

Попов. Я сейчас этого не помню.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите мне задать для дополнения вопрос Червен-Водали? Скажите, пожалуйста, подсудимый Червен-Водали, насчет бумаг и документов, написанных на полотне и на папиросной бумаге, у Вас не было объяснения с Вашей защитой по этому поводу? Не говорили ли Вы защите: «Откуда это

Гойхбарг узнал, что я весь обмотанный полотном пробирался»? На самом деле писалось на полотне потому, что не было бумаги?

Червен-Водали. Я этого не говорил. Я говорил защите о том, что я не имел никакой надобности обматываться полотном, потому что уехал [из Одессы] на пароходе тропиками, проехал через Владивосток и ехал [до Омска] несколько месяцев.

Обвинитель Гойхбарг. А насчет того, что у Вас имелись бумаги на полотне и на папиросной бумаге?

Червен-Водали. Я утверждаю, что документы на полотне я получил.

Обвинитель Гойхбарг. В частности, и о Ясском совещании?[10]

Червен-Водали. Может быть, я не утверждаю.

Обвинитель Гойхбарг. Я позволю себе напомнить, что документ № 19 на полотне, касается отчета о Ясском совещании, а следующий, № 20, на папиросной бумаге, касается тех обстоятельств, которые Вы впервые слышали, о которых свидетель [Попов] только сегодня прочитал и с которыми я тоже сегодня только ознакомился.

Червен-Водали. Я прошу верить, что я совершенно искренне сейчас говорю о том, что этот документ я слышу впервые. Я не отрицаю, что были документы на полотне. Не отрицаю, что были документы на тонкой бумаге, которую Вы называете папиросной. Но я припоминаю обстановку, в которой я получил документы, которые я взял с собой. В Одессе я подвергся операции и был болен в течение месяца с несколькими днями. Туда мне принесли папку с документами, которые я привез сюда.

Обвинитель Гойхбарг. Почему они напечатаны на полотне?

Червен-Водали. Я думаю, потому, что оно более прочно. Или, может быть, другого характера.

Обвинитель Гойхбарг. Мануфактурного характера?

Червен-Водали. Нет. Я думаю, что там мануфактуры также мало, как и здесь. Вероятно, по другим причинам эту папку я привез сюда.

Обвинитель Гойхбарг. Вы сейчас сказали: «Мне принесли, мне поручили». Это лицо неизвестное?

Червен-Водали. Нет, мне принесли на пароход с посыльным от «Национального центра» в Екатеринодаре.

Обвинитель Гойхбарг. Неизвестно зачем?

Червен-Водали. Нет, известно зачем: чтобы привезти ее сюда и ознакомить с ее содержанием. Я только утверждаю, что этого документа и вообще документов военного характера у меня не могло быть.

Обвинитель Гойхбарг. А о Ясском совещании?

Червен-Водали. Это вопрос дипломатический, а вовсе не военный.

Обвинитель Гойхбарг. Вы не отрицаете, что полотно за № 19 — отчет о Ясском совещании — Вам было известно?

Червен-Водали. Отчет о Ясском совещании был среди документов, мне принадлежащих, т. е. тех документов, с которыми я приехал сюда.

Обвинитель Гойхбарг. «Национальный центр» все-таки связывался с разными местами, куда приходилось ехать, не заручившись заранее проездом через таможню из Москвы. И в этом случае не обворачивались ли полотном делегаты, которые сюда приезжали?

Червен-Водали. Я, по крайней мере, этого на себе не испытал.

Обвинитель Гойхбарг. Я считаю, что вопрос относительно документа и того, как он попал [сюда], свидетельским показанием К. А. Попова выяснен исчерпы-

вающе. Может быть, защита имеет вопросы [к] товарищу Попову? Я просил, чтобы она сейчас задавала [такие вопросы].

Защитник Ааронов. Товарищ Попов, будьте добры сказать, этот документ Вам был передан [Иркутским] Политическим центром?

Попов. Да.

Защитник Ааронов. Среди прочих бумаг, взятых в комнате № 21?

Попов. Я не знаю, в каком номере. Но, во всяком случае, в номере, занятом Червен-Водали.

Защитник Ааронов. Не проживал ли в этом номере управляющий министерством внутренних дел [В. Н.] Пепеляев?

Попов. Мне неизвестно.

Защитник Ааронов. Среди бумаг, которые были Вам переданы, не находились ли бумаги, принадлежащие Пепеляеву? И не находились ли они в отдельной папке, принадлежащей Пепеляеву?

Попов. Просматривая все бумаги — не только эти, но и других папок,— я видел бумаги, обращенные на имя Пепеляева. Это вполне понятно, потому что Червен-Водали являлся заместителем председателя [Совета министров] и министра внутренних дел. И, очевидно, именно эти бумаги перешли из папки Пепеляева.

Защитник Ааронов. Так что Вы допускаете возможность, что часть бумаг, принадлежащих Пепеляеву, могла перейти к Червен-Водали в порядке заместительства его как председателя Совета министров?

Попов. Я не знаю, как эта бумага. Но бумага № 20 лежит среди других бумаг, относящихся к деятельности «Национального центра» и юга России вообще. Если другие бумаги относятся к Червен-Водали, тогда и эта бумага относится к Червен-Водали, так как она лежит среди других бумаг, относящихся к «Национальному центру».

Червен-Водали. Я хотел бы просить выяснить, не находился ли этот документ в особой папке или листе бумаги, охватывающем некоторое количество документов? Около этой самой папки находилось две или три карты Сибири и несколько книжек. На этом листе рукой Пепеляева было написано: «Национальному центру». Эти документы Пепеляев в день своего отъезда из Иркутска[11] вместе с картами оставил в номере 21 [гостиницы] на столе, прося меня оставить их у себя до его возвращения.

Как известно Константину Андреевичу [Попову], я не жил в номере 21-м, а жил у Руткевич в частной квартире. И только в последние дни я переехал в № 21-й, а спал в номере 34. Это, вероятно, тоже К. А. [Попов] припоминает, потому что в номере 34 была найдена часть моих вещей минимальная, а в № 21 были вещи и, между прочим, папка, в которой были действительно мои документы. Затем, были две вещи, которые пропали, и одна часть обнаружена К. А. Поповым среди вещей, взятых милицией. Я прошу эту обстановку, при которой были взяты документы, Константин Андреевич, удостоверить: потому [что] действительно среди вещей, которые приписываются мне, была папка такого характера, как я описал, в отдельной бумаге с надписью: «К „Национальному центру“». Я настолько уверен в том, что такой документ находиться у меня не мог, что я строю единственное предположение, что этот документ находился в папке, которая принадлежала В. Н. Пепеляеву.

Попов. Я должен сказать, что в номере гостиницы «Модерн», который занимал Червен-Водали, обыск не носил характера обыска. Отряд повстанцев, занимающий гостиницу, забрал вещи и документы и отправился в [Иркутский] Поли-

тический центр. Таким образом, одни документы отделялись от других, и чрезвычайной комиссии было трудно установить [их принадлежность]. Нам посылались определенные папки. Так мы получили и папку Червен-Водали. Сама чрезвычайная следственная комиссия обыска не производила. О номерах, №№ 21 и 34, я узнал от Вас и от Вашей племянницы.

Червен-Водали. Значит, Вы удостоверяете, что этот документ был обнаружен не при мне и не у меня отобран, а был взят среди вещей, которые находились в «Модерне». И этот документ, так как там находились документы «К „Национальному центру"», весьма возможно, был присоединен к моим документам.

Попов. Мы предполагали, что они взяты у Вас в «Модерне», а в квартире был произведен отдельный обыск.

Червен-Водали. И при обыске в квартире этот документ не был взят?

Попов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. Я хотел бы просить трибунал удостоверить два обстоятельства, которые были констатированы в течение вчерашнего дня: первое, что в «Правительственном вестнике» здесь[, в Омске,] было напечатано, что Пепеляев был также членом «Национального центра» и прибыл в Сибирь по поручению «Национального центра» из Москвы в августе 1918 года[12]. Далее, было удостоверено, что он, оставаясь в Сибири, помогал перевороту колчаковскому, что он был назначен директором департамента милиции, управляющим министерством внутренних дел, а затем и министром внутренних дел, потом председателем Совета министров и т. д.

Затем, в том же «Правительственном вестнике» было сказано, что Червен-Водали до ноября 1918 года оставался в Москве, а в ноябре выехал к Деникину, где принимал участие в работах Особого совещания при Добровольческой армии, а в феврале [1919 г.] получил поручение установить связь армий Деникина и Колчака[13].

Червен-Водали. Я, понятно, не буду оспаривать фактов, которые оспаривать нельзя. Но я предполагаю, что В. Н. Пепеляев получал сведения о деятельности в России, за пределами Сибири, тем или другим способом. У него этот документ был. Очень возможно, что приехавшие сюда люди сухим путем передавали эти документы. Но я удостоверяю, что эти документы о положении дел «Национального центра» Пепеляев знал и такие документы у него могли быть. Что же касается этого документа, то я удостоверяю, что его у меня не было и он мог быть найден среди тех документов, которые лежали в другой папке.

Председатель. Суд удостоверяет наличие тех фактов, которые утверждает обвинение.

Защитник Ааронов. Ввиду того, что мой подзащитный заявляет о том, что этот документ не принадлежал ему, а принадлежал, вероятно, Пепеляеву, а с другой стороны, в связи с заявлением К. А. Попова, что папку целиком с подобранными документами он получил от [Иркутского] Политического центра, я ходатайствую перед революционным трибуналом о допросе заведующего отделом юстиции при [Иркутском] Политическом центре Патушинского, который должен находиться в зале, для удостоверения обстоятельств, при которых был найден этот документ и передан [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссии.

Обвинитель Гойхбарг. Защита сейчас делает заявление о том, чтобы допросить заведующего отделом юстиции [Иркутского] Политического центра. Насколько мне известно, Патушинский таким заведующим отделом юстиции Политического центра был, но бумаги все в [Иркутскую чрезвычайную следст-

венную] комиссию доставлялись не отделом юстиции, а юридическим совещанием Политического центра, [к] которому Патушинский никакого отношения не имел.

Защитник Ааронов. Я не знаю, имел ли Патушинский какое-либо отношение к юридическому совещанию. Но как заведующему отделом юстиции [Иркутского] Политического центра ему, может быть, известны обстоятельства, имеющие исключительно важное значение для настоящего дела. Поэтому я ходатайствую в интересах дела его допросить.

Обвинитель Гойхбарг. Я не возражаю против допроса. Но я думаю, что этот свидетель не может иметь данных по этому делу.

Председатель. У меня имеется к Червен-Водали следующий вопрос: имеются ли у Вас сведения, что «Национальный центр» в Москве находился в контакте с представителями держав Согласия[14], находящимися в Москве?

Червен-Водали. Нет, таких сведений у меня не было. Я уже объяснил чрезвычайному трибуналу, что мое участие в «Национальном центре» сводилось к принятию на себя поручений по разработке экономической программы. В заседаниях «Национального центра» я не принимал участия в Москве, а имел поручения, которые я выполнил. Затем на юге я стал принимать участие в заседаниях «Национального центра».

Председатель. Для меня не важен вопрос, в Москве или на юге. Меня интересует вопрос, не имели ли Вы таких сведений по предъявлении Вам этих материалов?

Червен-Водали. Я имел сведения о Екатеринодарском отделении [«Национального центра»]. Я узнал, что там представители [Добровольческой] армии имеют отношение к иностранным представителям.

Председатель. Имелись ли у Вас сведения, что «Национальный центр» и «Союз возрождения [России]» вначале поддерживали армию Деникина, но потом, убедившись, что армия Деникина не в состоянии справиться с большевиками, пришли к необходимости создания Восточного фронта, для чего «Национальный центр» совместно с «Союзом возрождения [России]» обратился к чехам на предмет создания Восточного фронта?

Червен-Водали. Я это знал.

Председатель. Знаете ли документ, исходящий от «Национального центра», за подписью председателя Федорова[15], где имеется следующая цитата (*оглашает цитату из документа «Национального центра»*)?[16]

Червен-Водали. Я этот документ читал, и мне его содержание известно.

Председатель. Известно ли Вам, что [Временное] Сибирское правительство за чертой Московского фронта начерталось «Национальным центром»?[17]

Червен-Водали. Они были на юге.

Председатель. Там поднимался вопрос о едином командовании?

Червен-Водали. Это я слышал на юге. Что же касается московского периода, я не знаю.

Председатель. Известно ли Вам, что в связи с победой союзников [в Мировой войне] и открытием Дарданелл центр тяжести для борьбы с большевиками решено было перенести на юг?

Червен-Водали. Мне это стало известно из этих документов.

Председатель. Вы принимали участие в заседаниях «Национального центра» на юге?

Червен-Водали. Да.

Председатель. Это воззвание «Национального центра» не было ли написано на юге?

Червен-Водали. Этого я не сумею сказать.

Председатель. Где находился примерно к середине 1918 года председатель «Национального центра» Федоров?

Червен-Водали. В октябре месяце Федоров был на юге.

Председатель. Известно ли Вам, что это воззвание подписано председателем «Национального центра» Федоровым?

Червен-Водали. Весьма вероятно, я не отрицаю.

Председатель. Принимали ли Вы на юге участие в заседаниях «Национального центра», председателем которого являлся Федоров?

Член трибунала Косарев. Я тоже хотел задать вопрос. Вы в прошлый раз говорили, что Пепеляев играл довольно видную роль здесь, в Сибири, при «Национальном центре» как его член; Вы признавали также, что Вы являетесь членом «Национального центра». Естественно, если бы уезжал активный член данной организации, он должен был бы передать свои права и обязанности другому. Может быть, эти права и обязанности вместе с директивами перешли потом к Вам?

Червен-Водали. Я должен сказать, что в Сибири «Национальный центр» совершенно не функционировал. Были совершенно разрозненные члены: я, приехавший со мной Волков и Пепеляев. Но «Национального центра» как какого-нибудь объединения в Сибири не имелось. И я не принимал никаких мер к созданию этого [филиала «Национального] центра» по соображениям, которые я излагал в одном из заседаний [Иркутской] чрезвычайной [следственной] комиссии.

Председатель. Не являлись ли к Вам представители Московского «Национального [центра]» в Сибири?

Червен-Водали. Нет.

Председатель. Не говорил ли Вам Пепеляев, что прибыл доктор с директивами от Московского «Национального центра»?

Червен-Водали. Не говорил.

Обвинитель Гойхбарг. Я имею ходатайство перед революционным трибуналом: установить, что фамилия этого доктора начинается на букву «Б»[18].

Червен-Водали. Я такого не знаю.

Защитник Ааронов. Скажите, свидетель Патушинский, Вы были заведующим отделом юстиции при [Иркутском] Политическом центре?

Патушинский. Я был уполномоченным Политического центра по отделу юстиции.

Защитник Ааронов. Как уполномоченному по отделу юстиции Вам приходилось знакомиться с делами, взятыми у правительства Колчака?

Патушинский. Приходилось, потому что, во-первых, я был озабочен ликвидацией дел по министерству, существовавшему во всероссийском масштабе, а во-вторых, потому что с первого момента возникновения [Иркутского] Политического центра и принятия им власти была образована чрезвычайная следственная комиссия, председателем которой был назначен К. А. Попов, и все эти документы перешли в его ведение. Мне известно [об этом] потому, что как уполномоченный Политического центра я входил в юридическое совещание, через которое эти документы и передавались гражданину Попову. Лично от меня чрезвычайная комиссия получала только те документы, которые находились в министерстве юстиции.

Защитник Ааронов. В юридическом совещании не рассматривались ли документы и вещи, находившиеся в папке Червен-Водали?

Патушинский. Нет, в пленарном заседании юридического совещания они не рассматривались. Может быть, отдельные члены юридического совещания рассматривали.

Защитник Ааронов. В частности, эта папка, которая лежит перед трибуналом, Вам незнакома? И от других членов этого [юридического] совещания Вы [о ней] не слышали?

Патушинский. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, подсудимый Червен-Водали, Вам не известно, где теперь находится «Национальный центр»: в России или за границей?

Червен-Водали. Мне неизвестно.

Обвинитель Гойхбарг. Вчера свидетель Деминов показывал, что то одному, то другому [лицу] были ассигнованы 500 000 000 рублей для создания центра. Не известно ли Вам, что именно перемещение за границу «Национального центра» имелось в виду тогда?

Червен-Водали. Этого я не знал.

Обвинитель Гойхбарг. А о том, что сейчас в Париже происходят собрания «Национального центра», Вам тоже неизвестно?

Червен-Водали. Если принять во внимание, что я пять месяцев сижу в тюрьме и не имею никакого сообщения с миром, то естественно, что я сейчас известий о положении вещей не имею.

Обвинитель Гойхбарг. Я сейчас задал этот вопрос потому, что общение с внешним миром возможно и в том случае, когда кто-либо находится под стражей.

Червен-Водали. Нет. Мы газет не получаем, поэтому мы по газетам не знаем. А общения мы не имеем.

Обвинитель Гойхбарг. А не доходили ли до Вас сведения в последние дни нахождения на свободе, что «Национальный центр» решил переменить свою тактику в том смысле, что он сейчас занимается не столько организацией, сколько дезорганизацией всего советского строя в его учреждениях, в частности — принимает меры к разрушению помещений, складов и т. д.?

Червен-Водали. Я знаю дух этого круга лиц и очень сомневаюсь, чтобы такого рода решение было. Я более или менее знаком с людьми и думаю, что эти люди неспособны к таким мерам, как Вы говорите. Но если Вы удостоверяете, то я не могу отрицать, потому что я этого не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Не известно ли Вам, что в сентябре месяце 1919 года был произведен взрыв в Москве в заседании самых ответственных работников коммунистической партии в Московском комитете [РКП(б)], после какового взрыва почти все помещение было уничтожено и целый ряд лиц были убиты и ранены?[19] Не принимал ли в этом участие «Национальный центр»?

Червен-Водали. Нет, «Национальный центр» не принимал участия. Я этот факт слышал, но этот факт не имел связи с этими лицами. По крайней мере, мне ничего не было известно.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, при посредстве работы свидетеля Деминова можно было связь установить с этими организациями?

Червен-Водали. Я его в первый раз слышал в качестве свидетеля. Я об этом ровно ничего не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Я был на этом заседании.

Червен-Водали. Тогда Вам [должно быть] известно, что это была работа партии с[оциалистов]-р[еволюционеров].

Обвинитель Гойхбарг. Когда дошли до Вас сведения, что это была работа партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]? Я говорю о взрыве Московского комитета [РКП(б)], когда был убит секретарь комитета [В. М. Загорский] и целый ряд других работников коммунистической партии, которые как раз в этот день собрались для обсуждения двух вопросов: первый — о работе «Национального центра» по организации взрыва в Москве и т. д. и второй — об организации культурно-просветительной работы и партийных школ в Москве. И вот, когда перешли к обсуждению второго вопроса о культурно-просветительной работе в Москве, в это время был произведен взрыв.

Червен-Водали. Я об этом ничего не слышал.

Обвинитель Гойхбарг. А когда Вы узнали, что партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] совершила взрыв? Я позволю себе напомнить, что этот взрыв произошел 27 сентября 1918 года[20].

Червен-Водали. Я знаю, что были какие-то беспорядки в связи с убийством [германского] посла [Мирбаха].

Обвинитель Гойхбарг. Мне казалось, что Вы помните прекрасно о том, что взрывы происходили, и знали, что это было делом партии, не имеющей ничего общего с «Национальным центром», а именно партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. А относительно взрыва 19 сентября 1919 года[21] когда Вы узнали: когда было опубликовано в газетах или раньше?

Червен-Водали. Я прошу гражданина председателя удостоверить: мне казалось, что Вы, задавая вопрос, оговорились. Мне казалось, что Вы задавали вопрос относительно 1918 года, поэтому я дал объяснение такое, что не соответствует вопросу, поставленному обвинителем.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы об этом взрыве ничего не слышали?

Червен-Водали. Ничего.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не читали в газетах того, что большевики все взорваны?

Червен-Водали. Нет, я этого не слышал.

Павлуновский. Имели ли Вы сведения, что в контакте с «Национальным центром» работали правые эсеры, входившие в «Союз возрождения [России]»?

Червен-Водали. Я имел сведения.

Павлуновский. А что эта партия входила в «Союз возрождения [России]»? Это Вы знали?

Червен-Водали. Знал, что н[ародные] с[оциалисты], с[оциал]-д[емократы], с[оциалисты]-р[еволюционеры] входили.

Павлуновский. Известно ли Вам, что этот взрыв произошел после опубликования списков расстрелянных: Щепкина, Астрова и т. д.?[22]

Червен-Водали. Я абсолютно ничего не знал.

Павлуновский. Не было ли напечатано в сибирских газетах о расстреле Щепкина, Астрова, одного из агентов [особого отдела Колчака] с сотнями тысяч [рублей] денег[23] и т. д.?

Червен-Водали. Это я помню.

Павлуновский. Не было ли напечатано, что произошел взрыв в одно из партийных собраний?

Червен-Водали. Об этом я случайно не знал. Что касается расстрела Щепкина, Астрова и др., на это я обратил внимание.

Павлуновский. Значит, Вы не отрицаете, что такие сведения в газетах могли быть?

Червен-Водали. Могли быть, да.

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, Вам не известно, что в ночь на 10 мая [1920 г.] в Москве был произведен взрыв артиллерийских складов, который грозил взорвать на воздух всю Москву?[24]

Червен-Водали. Откуда же может быть известно, когда я сидел в тюрьме?

Гойхбарг. А может быть, задания были даны на совершение известной работы?

Червен-Водали. Мне очень трудно ответить на такой вопрос, потому что я уже ответил на эти вопросы.

Гойхбарг. Вы были членом того учреждения, которое называлось правительством. Вы отпускали деньги, подлежащие и не подлежащие опубликованию. Вы слышали от Деминова, что по 500 миллионов [рублей] ассигновалось, Вы слышали, что организовалась экспедиция в Америку для вылавливания большевиков, т. е. [совершались] действия, неприемлемые по законам государства, куда они отправились. Может быть, Вы припомните, что давались и такие средства и задания, чтобы производить взрывы вообще по возможности и в разных местах, в самые критические минуты, в целях спасения родины, производить их в советской России?

Червен-Водали. Гражданин обвинитель, я позволю себе напомнить, что я попал в состав [Российского] правительства в конце ноября прошлого года в Иркутске. С [его] деятельностью в Омске я совершенно незнаком, потому что к правительству я имел отношение чисто оппозиционное.

Гойхбарг. Разве Вы не были в Государственном экономическом совещании? Вы не были на приеме у Колчака?[25]

Червен-Водали. Я подробно дам свои объяснения о деятельности [Государственного] экономического совещания.

Гойхбарг. Разрешите задать вопрос подсудимому Клафтону? Скажите, пожалуйста, Вы о газете «Свободная Россия»[26] слышали?

Клафтон. Это где издавалось?

Гойхбарг. В Гельсингфорсе и Ревеле.

Клафтон. Нет, не слышал. Ни одного номера не видел.

Гойхбарг. А Дюшена[27] не знали? Львова Вы знали. Может, быть и Дюшена знали?

Клафтон. Нет.

Гойхбарг. А Дионео?

Клафтон. Я статьи Дионео читал.

Гойхбарг. Где? В «Свободной России», которая получала инструкции из Омска и все время была связана с ним?

Клафтон. Я совершенно искренне говорю, я не знаю.

Гойхбарг. А что [И. В.] Гессен издает газету, Вы не знали?

Клафтон. Нет, не знал.

Гойхбарг. А Гессен — член партии народной свободы?

Клафтон. Да.

Гойхбарг. А если бы я огласил Вам статью от 8 мая [1920 г.]?

Председатель. Защита не возражает?

Айзин. Защита не возражает, но который это пункт по программе?

Гойхбарг. Сейчас я задавал вопросы о тех силах и средствах, которые применялись после того, как трудовые массы одержали победу [в октябре 1917 г.]. Один важный документ Вы предложили огласить. Сейчас этот документ оглашен. И так как с содержанием этого документа я не был знаком, а раскрытые перспективы

бросают яркий свет на происходящее, то я предлагаю дальнейшее выяснение вопроса производить.

Защита не возражает.

Гойхбарг. (Читает статью из «Известий».)[28] О том, что Дюшен мог писать такую статью, Вам известно?

Клафтон. Эта статья мне неизвестна, хотя я русский журналист и пишу статьи больше 30 лет.

Гойхбарг. А Дюшен в Самаре не бывал?

Клафтон. Мне неизвестно. Я в Самаре жил больше 30 лет, но никогда [о нем] не слышал.

Гойхбарг. А Вам не известно, что «Национальный центр» переменил тактику?

Клафтон. Теперь я об этом немного составил представление.

Гойхбарг. Может быть, это один из видов тактики: похвалами разлагать Красную армию?

Клафтон. Мне не совсем понятно.

Гойхбарг. Если Дюшен пишет такие вещи, может быть, это значит разложить Красную армию тем, что ее хвалят к[онституционные] д[емократы]?[29]

Клафтон. Я думаю, что перед Вами, граждане судьи, стоят люди искренние. Я думаю, что если люди нашего образа мысли пойдут служить в советскую Россию, то на такие действия они не способны. Мы можем бороться, и мы боролись. Но если борьба кончилась, то мы на такие приемы — по крайней мере, люди, состоящие в партии народной свободы,— не способны.

Гойхбарг. А Вы считаете борьбу оконченной?

Клафтон. Да.

Гойхбарг. А мог Жардецкий поступать таким образом?

Клафтон. Я с Жардецким не говорил. Но я говорю о себе и о своих товарищах по партии. Даже Жардецкий, если советская власть ставила себе идеалы, которые нас бросили против нее, а наш идеал — единая Россия, не был бы на это способен. Но теперь до нас доходят слухи, что идет война с Польшей. И в такие минуты большевики не могут быть врагами России.

Гойхбарг. А Вы знаете, что Деникин избрал своим преемником и заместителем (сам бежал в Англию) Врангеля?[30] А Вы знаете, что тот заявил, что если ему Англия не пришлет помощи, то он вступит в союз с монархическими организациями?

Клафтон. Очень сомневаюсь. Может быть, эти сведения недостаточно правильны. Во всяком случае, это совершенно не соответствует моим личным идеалам. И если бы это произошло, то можно быть уверенным, что я не пошел бы за этим зовом.

Гойхбарг. А Вы не знаете, что лорд Керзон[31] требовал у Чичерина[32] окончательно Врангеля обезопасить?

Клафтон. Я не знаю. Но думаю, что теперь настало время, когда нужно говорить о примирении русских людей в полной мере, и нужно подойти к этому вопросу.

Гойхбарг. А знаете ли Вы, что Врангель предложил полякам свои услуги: вместе пойти на Москву?

Клафтон. Если это так, то я на этот зов не пойду. Я прошу верить искренности русского человека, который говорит из глубины своего сердца.

Косарев. Я за это время здесь очень часто слышал слова вроде «родина», «отечество» и т. д. Но в то же время оглашенные документы показывают, что

с родины вывозилось золото десятками вагонов, что «Национальный центр» и другие организации десятками делали взрывы и т. д. Целый ряд железнодорожных мостов здесь был взорван. Иртышский мост был взорван. Разрушения были огромные. Что же подсудимые подразумевают под родиной? Может быть, это исключительно карман купцов или какое-нибудь другое место? Столько родине нанесли всяких ущербов. Что же они понимают под словом «родина», «отечество» и т. д.?

Червен-Водали. Под словом «родина» я понимаю (и думаю, что [это] понимают и другие) страну, в которой мы выросли, среди народа русского, среди людей, которые нам так же дороги, как и всем остальным русским людям. И если мы в период борьбы совершали, может быть, действия, которые нанесли, может быть, ущерб родине, то [из этого] не следует, что эти действия были целью нашей работы. Мы считали, что этим путем мы достигнем пользы родине, потому что под отечеством мы подразумевали русский народ полностью, а не какой-нибудь отдельный класс.

Гойхбарг. Разрешите мне задать в связи с этим обстоятельством вопрос подсудимому Новомбергскому.

Подсудимый Новомбергский, Вы находились в Омске на советской службе. В [феврале 19]20 г. Вы не писали Юрьевой (*читает*): «По-видимому, продолжается жестокое недоразумение. Отнимается возможность работать над возрождением России у тех, кто желает работать»?[33]

Новомбергский. Да, я писал.

Гойхбарг. Вы понимали под этим, что советская власть относится с осторожностью к тем людям, которые, по их словам, желают работать над возрождением России?

Новомбергский. Нет, я этого не думал.

Гойхбарг. А какое же жестокое недоразумение?

Новомбергский. Я не думал, как Вы думаете.

Гойхбарг. А как Вы думали?

Новомбергский. Так, как я писал.

Гойхбарг. А после тех обстоятельств, которые перед Вашими глазами теперь прошли, как Вы думаете? Это жестокое недоразумение или повелительно диктующие обстоятельства: не допускать к работе тех, которые недавно были информаторами казачьих войск?

Новомбергский. Я думаю, что информаторы казачьих войск вели только одну культурную работу, а мостов не взрывали и не причиняли вреда.

Гойхбарг. А не говорили ли Вы казакам, что хлынула голодная волна красноармейцев, которым желают отдать Сибирь на съедение? Что потеряна всякая связь и всякая возможность удержаться героям Деникина? И казаки должны напрячь все силы, двинуться туда, соединиться с Деникиным и пойти на Москву? Этого не говорилось?

Новомбергский. Не знаю.

Гойхбарг. А в воззваниях правительства?

Новомбергский. Какого правительства?

Гойхбарг. Колчаковского.

Новомбергский. Я воззваний [колчаковского] правительства не разделял. Я служил [в нем] два месяца с несколькими днями.

Гойхбарг. Но можно служить разно: можно служить информатором.

Новомбергский. У него я информатором не был.

Гойхбарг. А Вы не бывали у Колчака беспрепятственно все время?

Новомбергский. Очень рад, что Вы мне ставите этот вопрос. Я был у Колчака один раз с двумя свидетелями[34]. И сказал ему больше правды, чем любой из большевиков.

Гойхбарг. А без свидетелей?

Новомбергский. Без свидетелей никогда не был. Раз я его видел, когда принимал участие в его избрании. Второй раз я видел его, когда говорил о хищениях и белом терроре.

Гойхбарг. Значит, Вы не разделяли тех воззваний, где говорится, что хлынула голодная волна?

Новомбергский. Я только два раза был у Колчака. Два раза его видел и всей политики не разделял. После этого моих товарищей выслали, а меня призвали к Пепеляеву на увещевание.

Гойхбарг. Значит, между Вами сделали разницу?

Новомбергский. Потому что мне 50-й год. Я жил 20 лет в Сибири, и я имел связи.

Гойхбарг. С военной организацией?

Новомбергский. Это неверно. С общественными кругами.

Гойхбарг. Но Вы не разделяли воззвания к населению, где говорилось об эвакуации из Омска, что хлынула голодная толпа и т. д.?

Новомбергский. При эвакуации я не был в Омске.

Гойхбарг. Позвольте, когда я спросил раньше, Вы сказали, что Вы не читали его?

Новомбергский. Я не читал. Вы передали мне его содержание.

Гойхбарг. А не писали ли Вы Юрьевой: «В Омске теснее, чем когда-нибудь. Очевидно, хлынула голодная волна коммунистов покормиться»?

Новомбергский. Я не отрицаю. За то, что я писал, я отвечаю.

Гойхбарг. «Еже писах, писах». Разрешите задать вопрос подсудимому Краснову? Подсудимый Краснов, Вы заявляли требование, чтобы Вас допустили на советскую службу?

Краснов. Да, на службу в государственный контроль.

Гойхбарг. Вчера свидетель Деминов, когда я ему задал вопрос, входило ли в его задачи сообщение неверных сведений своему правительству, ответил: «Нет, но это было в моих личных интересах». И, слушая это, не думали ли Вы, что он намекал, что он в своем [особом] отделе подготовлял вещи, которые соответствовали не интересам правительства, а советской власти?

Краснов. Я из показаний Деминова не слышал ничего.

Гойхбарг. А когда Вы в своем заявлении говорите, что я, находясь в правительстве Колчака, руководствовался декретами Совета народных комиссаров и подготовлял, чтобы советская власть, придя сюда, попала на все готовое?

Краснов. Я в своем заявлении это утверждал и сейчас это утверждаю. И чрезвычайный трибунал может удостовериться, что меры, проведенные гос[ударственным] контролем, совпадают почти во всем, за исключением некоторых особенностей, с тем, что было выработано в Москве при моем участии.

Гойхбарг. А Вы не думали, что советская власть может сомневаться и [не] допустить Вас на службу?

Краснов. Моя область [работы] не совпадает с областью [деятельности] свидетеля Деминова и с другими областями.

Гойхбарг. А не думали ли Вы, что человек, который получил поручение от Ландера, попал в Уфу и чуть [ли] не в первый день имел почетный билет на Уфимское [государственное] совещание, [который] готовил все для Колчака, потом готовил, чтобы пришла советская власть, а потом просится на советскую службу, внушает ли Вам [доверие] и возможность допустить такого человека на советскую службу? И не напоминает ли это обстоятельства, о которых говорил Деминов?

Краснов. Я еще раз повторяю, что я показания Деминова не слышал. Разрешите, гражданин председатель, ответить на все эти вопросы. Тут говорится о каком-то почетном билете. Я просил бы удостоверить, что в Уфу я действительно приехал по служебному поручению. Какой был смысл мне принимать назначение в Петрограде и Москве, чтобы через месяц бежать и явиться сюда, чтобы через месяц я был отрезан от Москвы в Уфе? Какой интерес мог быть в подобных действиях? Почетный билет на совещание, которое происходило в сентябре [1918 г., то есть] значительно позднее, я получил, когда я был вызван на финансовое совещание, во время которого происходил этот съезд, где я присутствовал в качестве публики. Я прошу чрезвычайный трибунал удостоверить это обстоятельство, потому что в Уфе я был в начале июля — 2 или 3, а съезд был в сентябре [1918 г.].

Гойхбарг. Разрешите задать вопрос подсудимому Хроновскому? Скажите, пожалуйста, подсудимый Хроновский, Вы вчера показывали, что Вы были сначала управляющим казенной палатой, потом были директором отделения международного банка, а потом попали в товарищи министра и в бытность товарищем министра занимались исключительно технической работой?

Хроновский. Нет, не исключительно.

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, при советской власти в Уфе или в Самаре Вы какую должность занимали?

Хроновский. Никакой должности.

Гойхбарг. А не занимали ли Вы должность председателя комиссии по разверстке контрибуции?

Хроновский. Это я уже показывал. Это не должность. Это место я занимал, не служа у советской власти, а по выбору лиц, между которыми разверстывалась контрибуция, и с ведома советской власти.

Гойхбарг. Я к подсудимому Хроновскому больше вопросов не имею. Скажите, пожалуйста, подсудимый Шумиловский, Вы сказали, что Вы всегда были одиночкой в правительстве?

Шумиловский. В известной мере — да. В известном понимании.

Гойхбарг. А не было время, когда Вы направляли политику всего правительства?

Шумиловский. Я направлял политику всего правительства? Такой смелостью я не обладаю.

Гойхбарг. А не было времени, когда Вам поручали составлять декларацию, и эту декларацию правительство принимало и опубликовывало?[35]

Шумиловский. Да, это было.

Гойхбарг. Но был и тот момент, когда Павлу был несговорчив. Он не был уверен, что союз между властью и обществом укрепляется. И Вы составили декларацию, что Омское правительство сознает свою ошибку, и правительство приняло эту декларацию без оговорок?

Шумиловский. Что думал в это время Павлу, что он предлагал или говорил, мне совершенно неизвестно. Вопрос относительно декларации возник [во время эвакуации в Иркутск] в поезде в то время, когда я продолжал верить в возмож-

ность и необходимость борьбы с большевизмом. А от участия в этой борьбе я никогда не отвлекался[36]. Тогда, повторяю, я верил в необходимость и возможность этой борьбы. Но эту борьбу я хотел вести в союзе с теми демократическими течениями, которые также были направлены против большевизма. Но ввиду того крена направо, который все время обнаруживался, я хотел, чтобы курс был направлен налево, чтобы послужить слиянию правительства именно с левыми элементами общества. В этом духе было составлено мною воззвание. Это воззвание не прошло безоговорочно. Оно подвергалось еще редакционной переработке, дополнениям и изменениям, и в этом виде оно было отпечатано[37].

Гойхбарг. Разрешите задать вопрос подсудимому Палечеку? Но я раньше хочу отметить, почему я задаю эти вопросы. Для меня выяснилось из показания Червен-Водали, что подсудимый Палечек играл активную роль в деле передачи власти как секретарь «тройки», которая работала над сохранением возможности продолжать борьбу с рабоче-крестьянской властью после того, как будут побеждены трудящимися массами. В связи с этим обстоятельством для выяснения роли Палечека я хочу задать вопросы, характеризующие его личность вообще. Скажите, пожалуйста, Вы, кажется, юрист?

Палечек. Да.

Гойхбарг. Окончили юридический факультет?

Палечек. В Петроградском университете.

Гойхбарг. Были весьма революционным студентом?

Палечек. Нет, я не был революционным студентом.

Гойхбарг. А не было ли у Вас однокашника [по фамилии] П. А. Стукей?[38]

Палечек. Да, был немного моложе меня.

Гойхбарг. Он указывает, что Вы были революционным студентом, значительно левее его.

Палечек. Может быть, это было его впечатление?

Гойхбарг. А не заведовали ли Вы при министре Кассо[39] высшими учебными заведениями?

Палечек. Я на службе с 1902 года и служил исключительно по отделу высших учебных заведений вплоть до выхода из министерства народного просвещения.

Гойхбарг. А при Кассо?

Палечек. Заведовал различными учебными заведениями и высшими учебными заведениями.

Гойхбарг. А потом, в [19]19 г., подсудимый Преображенский сделал представление о назначении Вас товарищем министра для правительства Колчака?

Палечек. Да.

Гойхбарг. Не приходилось ли в Вашем присутствии обсуждать вопросы о передаче учреждений художественных или других ведомств Императорского двора [и уделов] в ведение народного просвещения? И не был ли этот проект снят по Вашему предложению?

Палечек. Был снят по моему предложению.

Гойхбарг. А не рисовалось ли Вам, что незачем обсуждать этот проект, потому что скоро не будет необходимости в передаче этих учреждений из ведения Императорского двора [и уделов]?

Палечек. Почва [была] совершенно другая. Этот проект относился к учреждениям, которыми ведало правительство в Казани. И этот проект вносился, когда предполагалось расширение территории. Этот проект пролежал около двух месяцев. И когда был поставлен на повестку, то я считал смешным, ввиду изменив-

шихся условий, рассматривать этот проект и просил снять его с обсуждения. От министерства зависело, внести его или совершенно снять с обсуждения.

Гойхбарг. А Вы были на советской службе?

Палечек. На службе в государственном Пермском университете с избрания при советском правительстве.

Гойхбарг. А Вы знаете, как это считается в Московском университете?

Палечек. Это в Московском университете. А в Пермском [университете] — на основании закона 1905 года, мною самим составленного и проведенного [в жизнь].

Гойхбарг. И жалование получали советское?

Палечек. Как и всюду.

Гойхбарг. Не приходили ли Вы на приемы к комиссару народного просвещения Канатчикову?[40]

Палечек. Я был не только на приемах. Но по своей должности мне приходилось иметь дело и в городском управлении, и в отделе недвижимости, и в отделе народного образования.

Гойхбарг. Вы, кажется, просили вызвать Канатчикова свидетелем?

Палечек. Нет, я никаких свидетелей не вызывал.

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, пребывание на советской службе, а потом переход в товарищи министра Колчака Вы считали вообще нормальным?

Палечек. Я считал нормальным служить делу народного просвещения, тому делу, которому я всегда служил при всех условиях. Это был тяжелый период. И, если потребуется, я укажу на то положение, какое я занимал в этот период.

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, чем отвлекались от лекций все профессора здесь, в Омске, и не делали ли Вы им указаний?

Палечек. Никогда не вмешивался в учебную жизнь, ни в какое время.

Гойхбарг. Не было ли при министре[-председателе] Керенском [случая], когда была получена декларация студентов в Томске, которые были возмущены начавшимися тогда гонениями со стороны кадетских профессоров против левого проф[ессора] Новомбергского? Когда после революции в [19]17 г. к[а]д[етские] профессора в Томске заявили, что они не желают в своей среде иметь левого проф[ессора] Новомбергского, с одной стороны, как левого и судившегося с газетой «Сибирская речь». С другой стороны, не объявили ли [в ответ] на это студенты-государственники, что они отказываются сдавать экзамены у этих профессоров, если не будет оставлен Новомбергский? И не посылали ли они телеграмму Мануйлову[41] и Вам? И получили ли [студенты] ответ, что экзамены они могут не сдавать, но этого профессора мы не допустим [уволить]?

Палечек. Делегация такая была у товарища министра [народного просвещения] Гримма[42].

Гойхбарг. А он был какой партии?

Палечек. К[онституционный] д[емократ], как и Мануйлов. И он заявил, что считает печальным, что передряги между профессорами нашли себе отражение в среде студенчества, что проверка знаний никакого отношения к партийным и политическим отношениям не имеет, что они вольны держать экзамен или нет, но к этому они отношения не имеют.

Гойхбарг. А Вы не были членом партии народной свободы?

Палечек. Никогда ни в какой партии не состоял.

Гойхбарг. Я просил бы огласить один документ, который вчера не был оглашен, по поводу освидетельствования (*читает*)[43] подсудимого Писарева.

Перерыв на 10 минут.

Секретарь революционного трибунала оглашает данные экспертизы врачей-психиатров.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, на основании тех данных, которые Вы при освидетельствовании подсудимого Писарева нашли, считаете ли Вы его страдающим душевной болезнью, которая технически выражается в одной из форм разного вида паранойи, или нет?

Доктор. Душевное расстройство подсудимого Писарева выражается, как это указано в прочитанном акте, бредом преследования и слуховыми галлюцинациями. Нам нужно было [бы] более подробно [изучить его] физические формы. И на основании нашего исследования, конечно, не представляется [установить] вполне [точно], и это можно сказать только с оговоркой. Но, во всяком случае, психическое расстройство несомненно есть. И оно принадлежит к группе параноидальных.

Защитник Айзин. Скажите, является ли в общежитии подсудимый Писарев опасным? Или его заболевание носит тихий характер?

Доктор. Я не сказал бы, что оно является опасным.

Председатель. Из дела выходит, что обвиняемый Писарев принадлежит к категории душевнобольных. На основании каких данных Вы делаете такое заключение: на основании личного заключения обвиняемого Писарева или на основании клинического исследования?

Доктор. Наоборот. Я должен сказать, что Писарев с самого начала на мой вопрос, чем он болен и вообще болен ли, ответил, что он себя больным не чувствует, что он совершенно здоров и ни на что не может пожаловаться. Я и доктор Шо...[44] должны были потратить очень много времени, чтобы под конец нашего исследования прийти к этому заключению. Так что оно основано только на объективных данных.

Председатель. Вы говорите, что память у него сохранена? Выражается ли душевное заболевание сохранением памяти?

Доктор. Бывает иногда даже обострение памяти: например, маниакальное состояние.

Председатель. Сохранение памяти свидетельствует ли о том, что все поступки Писарева были с точки зрения гражданской нормальны?

Доктор. Нет, это совершенно не отвечает этому положению дела.

Председатель. Какой можно сделать вывод на основании исследования экспертиз? Что действия подсудимого Писарева с точки зрения гражданской были ненормальны?

Доктор. Всякое душевное заболевание делает волю человека несвободной.

Председатель. Я спрашиваю с точки зрения гражданской, а не с точки зрения философской. Данное состояние подсудимого Писарева есть результат душевного состояния? Или нервное расстройство на чисто нервной почве?

Доктор. Это есть психическое расстройство. Это есть душевное заболевание. Это есть психоз, а не нервное заболевание.

Член трибунала Косарев. Я хотел бы знать, как, по исследованию экспертизы, давно заболел подсудимый Писарев?

Доктор. На этот вопрос с полной определенностью трудно ответить. Во всяком случае, он уже был болен в Иркутской тюрьме, где он находился. За сколько времени до этого болезнь началась, данных у экспертизы нет. Но та форма болезни, к которой относится данное заболевание, вообще имеет хроническое течение, подкрадывается постепенно и очень коварно. И обычно тянется очень долго.

Так что на этом основании можно предполагать, что оно довольно продолжительно. Но когда оно началось, у нас данных нет.

Член трибунала Косарев. Откуда Вы узнали, что он в Иркутской тюрьме болел?

Доктор. Из его показаний. Он показал, что в иркутской тюрьме он слышал, как по радио говорили. И указал конкретный случай: однажды ему дали кушанье, приготовленное из головы, и ему попалось ухо. Он сказал: «Это ухо». И в тот момент он услышал, как по радио и по телефону сказали: «Однако он смеется над сыскным отделением». Это факт, который относится к Иркутской тюрьме.

Обвинитель Гойхбарг. Только на основании этого факта из пребывания подсудимого в Иркутской тюрьме Вы делаете заключение, что он там заболел? Или Вы еще какие-нибудь факты имеете?

Доктор. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. А может быть, в дальнейшем еще какой-нибудь был факт, основываясь на котором Вы пришли к выводу, что он страдает нервным расстройством?

Защитник Айзин. В связи с экспертизой разрешите мне задать два вопроса подсудимому Писареву? Гражданин Писарев, скажите, пожалуйста, Вы к какой партии принадлежите?

Писарев. Коммунистов.

Защитник Айзин. К какой организации?

Писарев. Индустриально-позитивной.

Защитник Айзин. Скажите, незадолго до настоящего суда не было суда над Вами?

Писарев. Не знаю.

Защитник Айзин. Вы не говорили мне, когда я имел с Вами свидание, что Ваше дело уже рассмотрено в Иркутске?

Писарев. Так формально не рассматривалось. Я не могу этого сказать.

Защитник Айзин. А Вы чувствуете себя здоровым?

Писарев. Совершенно здоровым.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, подсудимый Писарев, Вы припоминаете обстоятельства, когда Вы перевозились из Иркутска в Омск?

Писарев. То есть какие обстоятельства?

Обвинитель Гойхбарг. Все обстоятельства Вашего путешествия.

Писарев. Все помню, что было во время переезда.

Обвинитель Гойхбарг. Вам во время пути не вернули Вашего чемодана, в котором находился сахар?

Писарев. Чемодан я вез с собой из Иркутска.

Обвинитель Гойхбарг. А в нем был сахар?

Писарев. Да.

Обвинитель Гойхбарг. А какое Вы сделали предложение?

Писарев. Это сахар безакцизный. И его, с решения революционного суда, постановили реквизировать. И я его таким образом получил.

Обвинитель Гойхбарг. А этот сахар при Вас находится?

Писарев. Нет, он сдан.

Обвинитель Гойхбарг. Вы отказались пользоваться им?

Писарев. Да, отказался.

Обвинитель Гойхбарг. У Вас было постановление о реквизиции сахара?

Писарев. Я знал об этом постановлении.

Обвинитель Гойхбарг. Откуда Вы узнали об этом постановлении военного революционного суда относительно Вашего безакцизного сахара?

Писарев. Формально мне не докладывали об этом.

Обвинитель Гойхбарг. А как Вы узнали об этом? Вы говорите: мне стало известно.

Писарев. Я считал, что незаконный сахар был вывезен из Омска. И этот сахар у меня находился. Он, собственно, мне не принадлежал. Я его считал незаконным. Для того, чтобы его использовать, и я его сдал, приехав сюда. Вот и весь вопрос. Я приехал в Иркутск. Часть этого сахара была выдана для служащих, которые должны были приехать. И этот сахар лежал неиспользованным в моем чемодане. Приехав сюда, я его сдал.

Обвинитель Гойхбарг. В дороге какая-то женщина передала Вам пищу?

Писарев. Мне никакой пищи в дороге никто не передавал.

Обвинитель Гойхбарг. А может быть, в одном месте Вам передали [пищу], а Вы сказали, что Вы от незнакомых людей не принимаете?

Писарев. Ничего [и] никто мне не передавал. И этот факт не соответствует действительности. Гражданин председатель, можно мне заявить? Там сказано: «Около 60 лет». Я положительно скажу: мне 54 г[ода].

Обвинитель Гойхбарг. Я думаю, что можно перейти к следующему вопросу: об организации разрушения достояния трудового народа России. Я хотел бы задать несколько вопросов подсудимому Ларионову. Скажите, пожалуйста, в Вашем присутствии было принято постановление так наз[ываемого] Совета министров об отпуске 100 000 000 рублей на эвакуацию горно-промышленных предприятий Урала на восток?

Ларионов. На эвакуацию? Нет, я такого постановления не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. На закрытом заседании Совета министров 8 июля 1919 года, где присутствовали Преображенский, Ларионов и Краснов, заслушан был доклад управляющего делами Верховного правителя [и Совета министров] (*оглашается журнал заседания*)[45].

Ларионов. Возможно, что это было. Но вообще в закрытых заседаниях я не имел права участвовать и не участвовал.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, не было ли Вам известно, что через семь дней в закрытом заседании [Совета министров] было принято еще одно постановление — доклад министра путей сообщения об отпуске ему аванса в размере одного миллиона рублей для выдачи вознаграждения железнодорожным служащим в работах по эвакуации Уральского района (*оглашается постановление*)[46].

Ларионов. Да, это постановление мне известно.

Обвинитель Гойхбарг. Не в Вашем ли присутствии, через значительный промежуток времени, 29 сентября 1919 года, где присутствовали председательствующий Морозов, Палечек, Ларионов, Жуковский, Василевский, был заслушан доклад министра путей сообщения об отпуске 3 000 000 [рублей] для выдачи наград железнодорожным служащим, мастеровым и рабочим, коим пришлось вынести вывоз подвижного состава Уральского района на восток (*оглашается постановление*)?[47]

Ларионов. Ввиду того, что железнодорожные служащие и рабочие при эвакуации несли чрезвычайно напряженную работу; что их работа превосходила все те нормы, которые обычно применяются у нас при нормальном ходе вещей; что исключительно благодаря стараниям рабочих и служащих железных дорог, благо-

даря именно эвакуации и выводу подвижного состава удалось сохранить громадное количество очень ценного имущества от уничтожения, которому это имущество подверглось бы, если бы оно не было удалено своевременно из тех районов, где оно, будучи оставлено, уничтожалось бы военными властями, ввиду этих обстоятельств я не только присутствовал, но и поддерживал это постановление.

Обвинитель Гойхбарг. Вы указывали на мотив, что если бы этого не сделать, то военные власти (конечно, колчаковские) уничтожили бы это ценное имущество.

Ларионов. Этого мотива я не приводил …

Обвинитель Гойхбарг. …И что, следовательно, Вы, так поступая, оказали бы услугу советской власти, сохранив для нее здесь, на востоке, угнанный с Урала подвижной состав?

Ларионов. Таких объяснений я тоже не давал.

Обвинитель Гойхбарг. Вы только что [это] сказали.

Ларионов. Да, работой железнодорожников сохранилось грандиозное имущество.

Обвинитель Гойхбарг. Вы не знали, что в тот момент, когда этот подвижной состав удалялся, в советской России рабочие и крестьяне потребляющих губерний, да и вообще население в количестве по меньшей мере 10 000 000 человек страдает от жестоких мук голода именно потому, что нет средств транспорта и что эти средства угонялись из мест, освобождаемых советской властью, на восток?

Ларионов. Нет. Я не имел сведений [о том], сколько миллионов [человек] страдает от голода. Но доходили сведения о том, что голод имеется так же, как и в некоторых местностях Сибири, в советской России за чертой фронта и что в удовлетворении той или иной задачи сохранение подвижного состава и всякого железнодорожного имущества от уничтожений, безусловно, необходимо.

Обвинитель Гойхбарг. Так что, следовательно, Вы удостоверяете здесь, во всяком случае, что военная власть так наз[ываемого] правительства Колчака, как общее правило, при эвакуации уничтожала подвижной состав и целый ряд другого имущества для того, чтобы оно не досталось советской власти, приходившей в те места, откуда уходила колчаковская армия?

Ларионов. Нет. Я этого не утверждаю. А я говорю, что на основании моего опыта, опыта работ на Западном фронте, где я в начале [Мировой] войны был, и на основании опыта здесь я имел случай вывести такое заключение, что при колебаниях фронта как в одну, так и в другую сторону оставленная полоса представляет собою картину полного разрушения. Так, например, мне пришлось организовать в своем ведомстве специальный громадный отдел по восстановлению подвижного состава и железнодорожных путей[48].

Обвинитель Гойхбарг. В каких местах?

Ларионов. Когда [сибирскими войсками] была занята линия от Челябинска до Екатеринбурга, то в этом маленьком районе оказались взорванными свыше 80 мостов при продвижении отсюда на запад.

Обвинитель Гойхбарг. А когда [белые] обратно двигались, Вы не считали?

Ларионов. При продвижении обратно мне приходилось считать. И мне пришлось организовать громадный отдел снабжения техническими силами, которые работали по восстановлению этих разрушений.

Обвинитель Гойхбарг. Вы сказали, что опыт был не только здесь, но и на Западном фронте: там, где происходила война?

Ларионов. Мне приходилось быть на войне с Австрией.

Обвинитель Гойхбарг. А здесь?

Ларионов. Здесь были еще большие опустошения.

Обвинитель Гойхбарг. Опыт опустошения по отношению к русским Вы вполне приводили. [А] со стороны колчаковских банд, по отношению к советской армии?

Ларионов. Я не различал. Я имею опыт тот, что всякие войны разрушают [железнодорожный транспорт], и в особенности разрушает колебание фронта.

Обвинитель Гойхбарг. А не приходилось ли Вам на своем опыте узнавать, что советские войска отступают и по военным соображениям производят те или иные повреждения, но они все силы прилагают к тому, чтобы это были такие повреждения, для военных надобностей, чтобы они легко могли быть восстанавливаемы?

Ларионов. Нет. Я в качестве общих директив такого вывода не вынес, потому что разрушения часто бывали чрезвычайно тяжелые и большие, такие, которые очень трудно поддавались восстановлению, например, разрушение снабжения.

Обвинитель Гойхбарг. Когда Вы предупреждали, угоняя на восток подвижной состав, возможное и происходившее разрушение со стороны вооруженных сил того, что Вы называли правительством Колчака, Вам здесь приходилось наблюдать [с его стороны] директивы о том, чтобы не производить бессмысленных разрушений?

Ларионов. Я думаю, что такие директивы были, потому что министерство путей сообщения, в частности я, настоятельным образом отправляли именно такие требования через тот орган, с которым нам приходилось в этом отношении соприкасаться, т. е. через отдел военных сообщений. Так как действительно разрушения, вызываемые войной, с точки зрения техника, который был заинтересован в поддержании того организма, который должен был во что бы то ни стало в стране работать, казались, на наш взгляд, ненужными.

Обвинитель Гойхбарг. А военные власти, судя по Вашему опыту, с Вашими директивами не считались? И Вы, в противовес тем действиям, сочли необходимым, целесообразным и полезным для отечества принять свои меры и угонять подвижной состав на восток?

Ларионов. Нет. Вы не так ставите вопрос. Я не предлагал увозить состав на восток. Я считал справедливым, что та действительно гигантская работа, которую несли железнодорожники при этой эвакуации, которой они, конечно, не командовали и которой не командовало и министерство путей сообщения, потому что она являлась результатом стихийно или исторически сложившихся обстоятельств, чтобы эта работа проходила действительно так, как ее доблестно несли железнодорожники. Я позволяю себе употребить это слово — «доблестно». Вы имеете представление, что такое эвакуация? Что такое ленточное движение поездов, когда по линии, рассчитанной на пропуск максимально 10–20 поездов в сутки, пропускается 60 поездов?

Обвинитель Гойхбарг. С какими крушениями?

Ларионов. Когда идут один за другим поезда, которые везут отступающих железнодорожников, их жен и детей. Какое действительно нужно напряжение тех машинистов, которые иногда месяц находятся на работе, для того, чтобы не разбить поезд, идущий вперед. Это действительно исключительная работа. Я называл ее исключительной, потому что действительно случаев таких крушений было чрезвычайно мало. Эта форсированная работа должна быть справедливо вознаграждена. Я считал это необходимым и всеми силами это отстаивал.

Обвинитель Гойхбарг. А не явилось ли здесь благодаря тому, что Вы угнали этот подвижной состав, переобременение железных дорог и бесполезное пребывание здесь этой бесконечной ленты поездов?

Ларионов. Несомненно, что всякая форсированная работа является чрезвычайно тяжелым переобременением для железнодорожного дела. Но это переобременение в данной обстановке явилось не вследствие чрезмерного количества подвижного состава, [а] вследствие боевых действий и других причин, как, наприм[ер], недостаток угля.

Обвинитель Гойхбарг. Значит, для такой организации, которая называлась вашим правительством, ваш угон подвижного состава особой пользы не принес, раз здесь получилось перегружение? И эксплуатировать здесь этот подвижной состав было невозможно?

Ларионов. Для правительства пользы особой угон этот не принес.

Обвинитель Гойхбарг. Из этого объективно получалось то, что Вы угоняли подвижной состав в двух случаях: либо если это ваше правительство сможет опять продвинуться [на запад] и раздвинуть линию, или чтобы советская власть, которой сохраненные поезда должны были раздвинуть линию, их не получила, когда она придет?

Ларионов. Вы говорите о целях эвакуации. Мы говорили, на основании чего я считал справедливым дать награду железнодорожникам. Если говорить о целях эвакуации, то я затрудняюсь сказать, какие цели [ей] преследуются.

Обвинитель Гойхбарг. Если выдает[ся] вознаграждение, то его дают за работу, принесшую пользу или дающую в будущем какую-нибудь пользу. Так как Вы указывали, что для правительства особой пользы это передвижение не принесло, а с другой стороны, награды были выданы, то, очевидно, считалось, что если не теперь, то в будущем польза будет. И когда Вы мотивировали, не указывали ли Вы, какая будет польза и почему необходимо вознаградить?

Ларионов. Нет. Вознаграждение выдается за усиленную работу. И тот, кто эту работу делает, в большинстве случаев совершенно не знает того, какой конечный результат эта его работа даст или какую цель эта работа преследует.

Обвинитель Гойхбарг. Но руководители, которые ходатайствуют о предоставлении награды, знают, почему они входят с ходатайством о выдаче вознаграждения?

Ларионов. Я не докончил свой ответ. Вы спросили, не приводил ли я этих мотивов или других. Я приводил только один мотив: люди работали сверх всяких сил, так, как требовал их долг в данный момент. Они сохраняли имущество страны и жизни, которые были им доверены, и потому их надо вознаградить.

Обвинитель Гойхбарг. Я хотел бы задать вопрос подсудимому Степаненко. Если я не ошибаюсь, вчера защита настаивала на установлении того факта, что [при] распределении функций между Вами и Ларионовым Вам было предоставлено ведение каких путей сообщения?

Степаненко. Водных путей сообщения, шоссейных дорог и сооружений шоссейных дорог.

Обвинитель Гойхбарг. А постройка мостов по водным путям сообщения тоже относилась к Вашему ведению?

Степаненко. Это относится к железнодорожному сообщению.

Обвинитель Гойхбарг. Значит, постройка и ремонт мостов относятся к ведению Ларионова? Ввиду этого я вместо Степаненко спрошу Ларионова: при отступлении отрядов Колчака из Самары, Уфы и т. д. сюда Вы потом не получили сведения о том, сколько мостов было взорвано?

Ларионов. При отступлении? Во-первых, когда отряды отступали от Самары, Уфы и т. д., я не имел никакого отношения к заведыванию теми дорогами, ибо тогда там существовало свое правительство, Самарское. Я же был при [Временном] Сибирском правительстве. Притом статистических данных об отступающих мы никогда не имели возможности получить.

Обвинитель Гойхбарг. А более сотни взорванных мостов Вам не казалось числом удовлетворительным?

Ларионов. Смотря какие мосты: один большой стоит [нескольких] маленьких, какие можно восстановить в течение короткого времени.

Обвинитель Гойхбарг. Там был один крупный мост под Пермью. Он, кажется, был взорван?

Ларионов. Да, кажется, был взорван. Но мне кажется, его нетрудно было восстановить.

Обвинитель Гойхбарг. А в Омске?

Ларионов. Мне кажется, что такой взрыв, как омский, насколько я могу судить, смотря на него из автомобиля, который нас везет, мне кажется, что этот взрыв чрезвычайно легок для восстановления. Я могу объяснить это, потому что я вижу, что взорвана часть фермы [и] металлической конструкции, прикрывающей пролет. Что у нее взорван один конец, береговой, самый близкий к берегу, т. е. наиболее доступный и находящийся на наиболее мелком месте реки и даже на сухом месте, когда спадает вода.

Обвинитель Гойхбарг. А части взорванные имеются в обильном количестве в советской России?

Ларионов. Мне известно, что не только та часть России, которая находится до фронта, но и вся Россия испытывает недостаток в железе, и постройка мостов представляет большие трудности.

Обвинитель Гойхбарг. Но если бы ферма окончательно была взорвана, то не было бы возможности восстановить мост?

Ларионов. Можно было вместо металлического выстроить временно деревянный. Но, конечно, эти восстановления вредны для железнодорожного хозяйства тем, что не допускают движения настолько интенсивного и настолько безопасного, как постоянный мост.

Обвинитель Гойхбарг. Если бы Вам сообщить, что потребовались работы напряженные, изумительно энергичные под руководством довольно талантливых инженеров в течение продолжительного времени при напряжении всех сил населения, которое работало, если до Вас доходили слухи, на субботниках и другими способами добровольного труда, какой вообще в советской России весьма распространен, Вы бы тогда сказали, что это объясняется только тем, что не было руководства опытных инженеров, что потребовалось весьма значительное время для восстановления омского моста?

Ларионов. Нет. Я бы этого не сказал и никогда не говорю[49]. Я не думаю отрицать, что все-таки восстановление даже такого повреждения чрезвычайно трудно. Я только говорил, что для такого рода сооружения, как этот мост, конечно, такой взрыв является легчайшим. Если бы была взорвана средняя ферма, которая находится над самой глубиной реки, то восстановление ее представляло бы трудности неизмеримо большие, чем здесь.

Обвинитель Гойхбарг. На основании Ваших технических сведений Вы не допускаете того, что только по случайным причинам ферма могла оказаться не упавшей и что этот взрыв оказался не законченным по составленным заданиям,

какие он должен был преследовать?

Ларионов. Я, конечно, не могу сказать, какие были задания при данном взрыве. Я только оцениваю те разрушения, какие были здесь.

Обвинитель Гойхбарг. Я не знаком с вопросами техническими. Но если бы я сообщил факты, которые мне лично говорили под мостом случайно. Я во время одного из субботников таскал бревна для постройки, и рабочие, которые там беспрерывно все время работали, мне говорили: «Какой возмутительный взрыв моста. Какая тяжкая работа. Мы без обуви, без теплой одежды должны проводить много времени, почти невыносимо работая над восстановлением этого моста. Если бы мы видели того, кто произвел взрыв...» Следующие слова я не решаюсь повторить. Но этот взрыв, по указанию бывших там людей, было очень трудно восстановить.

Ларионов. Если рабочие работали без сапог в студеной воде, то, конечно, такая работа неизмеримо труднее, чем если бы они работали в хороших сапогах. И если бы были примитивные приспособления, та работа бы не казалась такой трудной.

Обвинитель Гойхбарг. А если бы не были эвакуированы уральские горнозаводские предприятия, они могли бы облегчить установление необходимых приспособлений для обогревания, для получения тех инструментов, которых, как Вам, вероятно, известно, было весьма незначительное количество.

Ларионов. Конечно, [но] уральские заводы не делают приспособления для обогревания. Уголь на заводах не вырабатывается, а [добывается] на рудниках, которые не эвакуируются.

Обвинитель Гойхбарг. А инструменты, которые нужны для работы по восстановлению разрушения, топоры и т. д., эти вещи заводы не изготовляют?

Ларионов. Некоторые изготовляют. Но на заводах уральских эти инструменты не вырабатываются, ибо это заводы, обрабатывающие металл в сыром виде. А заводы другой категории вырабатывают такие вещи, как топоры.

Обвинитель Гойхбарг. Вы сказали, что эта длинная лента поездов, за продвижение которых Вы настаивали на вознаграждении железнодорожных служащих, содержали не только топливо, а и снаряжение, а в этом снаряжении находилась обувь и т. д.

Ларионов. Я не могу сказать, что было в поездах, так как они оставлялись воинскими частями. Железная дорога получала требования дать такое-то количество поездов. Но я думаю, что такое снаряжение, как обувь и одежда, там не находилось, потому что, насколько мне известно, громадные склады белья, платья, обуви, снаряжения и продовольствия были оставлены [отступающими войсками] как в Перми, так и в Екатеринбурге.

Обвинитель. Вольно или невольно?

Ларионов. Я не могу сказать, вольно или невольно. Я даю ответ только на Ваш вопрос. Причем это выражалось в крупных цифрах: одной муки оставлено было в Екатеринбургском районе около 800 000 пудов.

Обвинитель Гойхбарг. А кто же Вам эти сведения сообщал? Не представитель ли министерства снабжения?

Ларионов. Мне приходилось участвовать в очень многих совещаниях, иметь очень много деловой переписки. И эта цифра у меня осталась в памяти.

Обвинитель Гойхбарг. А скажите, не приходило ли Вам в голову, что эти представители снабжения могут давать неверные сведения и [фон] Гойеру, и Сукину, и Зефирову?

Ларионов. Такие предположения мне не приходили в голову и не могли приходить, потому что если какой-нибудь провиант и снаряжение находятся в фронтовых складах, то министерство снабжения не имеет к ним никакого отношения: эти продукты находятся в ведении армии и интендантства.

Обвинитель Гойхбарг. А интендантство было вне всякого подозрения?

Ларионов. Не знаю. Относительно интендантства, действовавшего в армии, сражавшейся на Западном фронте, я скажу, что мне лично никогда не приходилось участвовать в каком-нибудь расследовании и даже слышать, что какие-нибудь крупные злоупотребления имели там место.

Обвинитель Гойхбарг. Вы говорите о Западном фронте [Мировой войны]. А я говорю о деятельности интендантства Колчака.

Ларионов. Я именно этот фронт по географическому положению его называю Западным.

Обвинитель Гойхбарг. Я имею [намерение] задать несколько вопросов подсудимому Карликову. Скажите, пожалуйста, подсудимый Карликов, Вы назначены товарищем военного министра по хозяйственной части?

Карликов. Да, по административно-хозяйственной части.

Обвинитель Гойхбарг. Вы к интендантству имели отношение?

Карликов. Нет, у меня были функции в отношении войск: назначение, награды, приказы. Интендантством ведал другой помощник военного министра.

Обвинитель Гойхбарг. Вы не имели возможности видеть назначение Римского-Корсакова?

Карликов. Я только пять дней был в этой должности.

Обвинитель Гойхбарг. Вы только пять дней были в Омске, а в дороге?

Карликов. Я никакой работы в дороге не производил.

Обвинитель Гойхбарг. Я как раз оглашал, что в день эвакуации правительством было роздано 60 000 рублей. Это, очевидно, для какой-то работы в пути?

Карликов. Я выехал 3 ноября [1919 г.] из Омска.

Обвинитель Гойхбарг. А в тех заданиях, которые давались военным властям о работах, какие должны быть проведены в Омске после эвакуации, Вам приходилось слышать фамилию генерала Римского-Корсакова?

Карликов. В первый раз слышу. Я не сибирский деятель, я приехал недавно.

Обвинитель Гойхбарг. Вы из Оренбургского кадетского корпуса?

Карликов. Да.

Обвинитель Гойхбарг. При Вас дети распевали «Боже царя храни»?

Карликов. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Не приходилось ли Вам слышать, что в день эвакуации было созвано военное совещание с техниками и т. д. и было дано задание: после эвакуации при приближении советских войск к Омску взорвать омские пороховые погреба?

Карликов. Я не слышал.

Обвинитель Гойхбарг. А если бы я Вам сообщил тот факт, что на второй день после вступления советских войск в Омск, на следующее утро, довольный, улыбаясь, ни о чем не подозревая, шел на службу генерал Римский-Корсаков, а в портфеле у него находилось постановление совещания и задание взорвать омские пороховые погреба, в результате чего должен был взлететь на воздух весь Омск?

Карликов. Я ничего не могу доложить, потому что я [в таком совещании] не участвовал. Это, может быть, делала Ставка. Совещания я не могу оспаривать.

23 октября [1919 г.] я был назначен, 28 октября было постановление [об эвакуации], 3 ноября я выехал и 20 [ноября] был в Иркутске.

Обвинитель Гойхбарг. Вы говорите, что Вы в деловой работе не принимали участия?

Карликов. Я не знал министра и министр меня не знал, так как я был в Сибири человек совершенно новый.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Ларионов, специалист, знает что-нибудь об этом совещании?

Ларионов. Я об этом совещании ничего не знаю. Я выехал с эшелоном министерства путей сообщения еще до начала эвакуации, и 13 ноября я был уже в Иркутске.

Обвинитель Гойхбарг. Кто же остался Вашим заместителем? Кто же распоряжался теми техническими силами, которые необходимы для производства взрывов?

Ларионов. Не знаю. Министерство путей сообщения никогда производством взрывов не ведало. А управление железнодорожными путями взял на себя в том районе, который находился непосредственно на фронте, лично [министр] Устругов. Но министерство путей сообщения никогда в совещании о взрывах не участвовало.

Обвинитель Гойхбарг. Вы вчера показывали, что, когда было дано поручение Степаненко и Вам явиться на совещание, организованное военным министром, по вопросу о том, как бороться с большевиками, Вы заявили: это совещание было, оно касалось подготовки подвижного состава, необходимого для перевозки войск.

Ларионов. Здесь Вы спрашиваете, какие меры принимало министерство путей сообщения для подготовки таких взрывов. Я Вам на это ответил.

Гойхбарг. Не известно ли Вам о таких совещаниях?

Ларионов. Нет, потому что меня не было в Омске. А то совещание, о котором Вы спрашивали, касалось возможности одевать, кормить и снаряжать ту или другую армию.

Гойхбарг. Ту или другую?

Ларионов. Я говорю в смысле численности. И мое участие было, как выдающегося железнодорожника Сибири, в вопросе о возможности участия в перевозках.

Гойхбарг. Я не имею больше вопросов. Но хотел бы огласить постановление Совета министров от 15 сентября [1919 г.] о наказаниях за разрушения (*читает*)[50].

Ввиду того, что я содержания этого 160-го и следующих пунктов постановления не понимаю, я прошу разрешить мне задать вопрос председательствовавшему подсудимому Морозову относительно содержания тех статей, которые здесь поименованы.

Морозов. Я на память сказать не могу. Я помню заключение министра юстиции.

Гойхбарг. Вы председательствовали и принимали постановления [о том], что применяется смертная казнь за участие в действиях, которые обозначены этими номерами.

Морозов. Я сейчас не помню. Конечно, я тогда знал.

Гойхбарг. А может быть, подсудимый Карликов знаком больше с этими статьями?

Карликов. Это специальность военных юристов. Больше я не знаю.

Гойхбарг. И никто, ни Введенский, ни Палечек, не знают?

Морозов. Каждый законопроект, когда он вносится, в нем приводится мотивировка. Вероятно, она имеется в делах.

Гойхбарг. А разве Вам так часто приходилось выносить постановления о смертной казни?

Морозов. Нет.

Гойхбарг. Значит, у Вас должно было зарисоваться в памяти, за что применяется смертная казнь.

Морозов. В законе установлено, что за разрушение.

Гойхбарг. Значит, можно было не проверять, что в книге сказано, и довольно?

Морозов. Нет, я этого не говорил.

Гойхбарг. Может быть, о взрывах мостов там говорится? Может быть, Степаненко и Ларионов могут сказать?

Степаненко. Я не помню. Помню, что цитировалась эта статья и приводилось ее содержание. Главным образом это касалось разрушения государственного имущества.

Гойхбарг. А может быть, юрист Палечек припомнит?

Палечек. Я точно не помню. Главным образом о разрушении государственных сооружений, имеющих военное значение.

Гойхбарг. А Вы не знаете, что мосты имеют особо важное значение для ведения войны?

Палечек. Тогда у нас был «Свод законов», и все справки были.

Гойхбарг. Разве 22 ст[атья] в «Своде законов» помещалась? Это военная статья. Может быть, товарищ министра Василевский припомнит, за что он смертную казнь назначал?

Василевский. Я этой статьи отчетливо не помню. Но эти статьи вносились в министерство, а затем поступали к нам в министерство труда, и соответствующая часть [министерства] заявляла свое мнение. В данном случае, безусловно, противное. Эти мнения были представлены в канцелярию Совета министров и, безусловно, фигурируют здесь.

Гойхбарг. О том, что взрывающие склады, взрывающие мосты и целые города не подлежат наказанию?

Василевский. Нет, не о том совершенно. Но о том, что такие лица должны были понести законную кару. Но, во всяком случае, не смертную казнь, против которой ведомство труда безусловно возражало.

Гойхбарг. Десятки раз?

Василевский. Каждый раз. И если в делах, которыми располагает революционный трибунал, этих мнений не имеется, то они должны иметься в делах Анны Васильевны Лучинской.

Гойхбарг. Она, оказывается, давала заключения по этим вопросам?

Василевский. Да, и еще Н. Н. Андреев.

Гойхбарг. Который был, если не ошибаюсь, физиком?

Василевский. Нет, он был присяжным поверенным.

Гойхбарг. А не был ли он мировым судьей и членом партии к[онституционных] д[емократов]?

Василевский. Не могу сказать, потому что я его политической физиономии не знал.

Гойхбарг. Я хотел задать вопрос подсудимому Введенскому. Вы не имеете к юриспруденции никакого отношения?

Введенский. Нет.

Гойхбарг. А к науке вообще? Вас называют очень крупным ученым.

Введенский. Я инженер путей сообщения.

Гойхбарг. Может быть, Вы припомните статьи, за которые полагается смертная казнь?

Введенский. Я припомнить этих статей не могу. Я могу восстановить, что порядок прохождения законопроекта состоял в том, что законопроекты посылались для отзыва министерства труда, что в распоряжении последнего был специальный орган в виде юридической части. Он составлял заключение для доклада соответствующему министерству, и последнее с этим заключением являлось, как с материалами, на заседания Совета министров.

Гойхбарг. Я удовлетворен. А скажите, знакомятся министры или товарищи министров с теми заключениями к проектам, которые они являются защищать или отстаивать, или вообще не знакомятся? Вы отчасти познакомились с заключениями, которые были даны по этим делам?

Введенский. В настоящее время я не могу припомнить обстоятельств, при которых я был командирован на это заседание.

Гойхбарг. А часто Вам приходилось присутствовать на заседании, где выносилась смертная казнь?

Введенский. Единственный раз.

Гойхбарг. И Вы не можете припомнить? За какие 18 деяний здесь назначалась смертная казнь?

Введенский. Я могу сказать, что она назначалась за повреждение существенных сооружений во время войны.

Гойхбарг. И [во время] гражданской смуты. Эти статьи без исключения касаются не только военного времени, но и гражданской смуты. Вы помните, что, если идет война, что полагается за применение одной из сторон таких действий? Хотя Вы этих статей не читали и, не ознакомившись подробно, подписали.

Введенский. Я извиняюсь. Я понимал, что это внутри [государственных] границ.

Гойхбарг. Гражданская война, конечно, внутри границ, как выразился подсудимый Червен-Водали, одного отечества, которое состоит из двух частей. Итак, Вы все это подписали. Я не имею больше вопросов.

Защит[ник] Айзин. Разрешите задать вопрос подсудимому Ларионову? Скажите, пожалуйста, Вами издавались приказы о разрушении мостов, и в частности о разрушении омского моста? И издавало ли такие приказы министерство путей сообщения?

Ларионов. Нет, никогда таких приказов не издавалось: ни о мостах, ни о других сооружениях. Насколько мне известно, все приказы проходили через меня. Наоборот, у нас была мощная организация, которая обладала чрезвычайно ценными техническими силами, случайно находившимися в Сибири, которая помогала восстанавливать мосты, и, между прочим, те мосты, которые взорваны были чехами. Они восстанавливались теми же фермами — деревянные фермы Лемке,— которые были в моей организации…

Айзин. Кем же издавались эти приказы и каким ведомством это производилось?

Ларионов. В порядке военных распоряжений, чисто оперативно, в зависимости от обстановки, и осуществлялось войсками.

Айзин. А [о] наличии таких приказов министерство путей сообщения не осведомлялось?

Ларионов. Нет.

Айзин. Я [больше] ничего не имею.

Гойхбарг. Но для того, чтобы восстановить [мосты], в каком количестве и какие, для этого нужны орудия. Необходимо сообщить, что было сделано. Таким образом, по-видимому, министерству путей сообщения необходимо было знать, что то и то сделано? Нужно было снабжать надлежащими материалами, чтобы в случае необходимости иметь возможность восстановить.

Ларионов. Нет, это не так делается. У нас, по крайней мере, не так было организовано. Отдел восстановления вырабатывал и представлял мне, по моим указаниям, видоизменения, целый ряд типов восстановления мостов. И я их потом утверждал: пролетом в сажень, две, 10, 50, 100. Они снабжались соответствующими материалами, которые имелись в определенных базах и перебрасывались по мере нужды. Для крупных, громадных, как пермский, иртышский и т. п. мосты (они все известны, они наперечет), для этих мостов составлялись специальные схемы на случай разрушения.

Гойхбарг. А если восстановление лежало на Вас, а разрушение, как Вы отчасти выразились, могло производиться в расчете на возможное восстановление…

Ларионов. Нет, я так не выражался.

Гойхбарг. То, может быть, привлекались силы Вашего ведомства, чтобы указать, как произвести взрыв, чтобы легче было восстановить?

Ларионов. Нет. Из [министерства] путей сообщения никто к этому вопросу не привлекался.

Гойхбарг. Вы сказали, что взрыв мостов был следствием оперативных заданий. А взрыв пороховых погребов — это также действия оперативные?

Ларионов. Во-первых, я не знаю, сколько там пороха.

Гойхбарг. Там не только порох. Но там и пироксилин. И специалисты-техники утверждают, что этот взрыв должен был повлечь взрыв всей центральной части города.

Ларионов. Не знаю. Я не сведущ в вопросах военных, так что не могу Вам ответить.

Гойхбарг. А может быть, Вам приходилось слышать и читать о приказах, которые Вы, даже будучи несведущим, можете признать [приказами] неоперативного характера? Например, приказы о сжигании целых сел и деревень?

Ларионов. Повторяю. Я не специалист военного дела. Но знаю, что иногда, например, вырубаются целые леса. Может быть, здесь постройки приходится уничтожать или сжигать, когда, например, нужно открыть известное пространство для боевой стрельбы. Я вхожу совершенно в чуждую область. Может быть, делаю ошибку.

Гойхбарг. А если я Вас несколько в этой области [с]ориентирую (*читает приказ Розанова*)[51]. Или приказ командующего войсками Артемьева (*читает*)[52]. Помещено в «Народном голосе» — ежедневная общественно-политическая газета в Красноярске[53], 27 (14) декабря [19]19 г. Вам не были известны эти приказы о сжигании деревень по примеру японцев по повелению Верховного правителя?[54]

Ларионов. В чем заключается Ваш вопрос? Я несколько [его] не усваиваю.

Гойхбарг. Вам это было известно?

Ларионов. Нет, не было известно.

Гойхбарг. Может быть, взрывы пороховых погребов возможно произвести так, что они не взрывают целый город?

Ларионов. Ах, в этом заключается Ваш вопрос?

Гойхбарг. А здесь уничтожаются целые деревни. Это также действия оперативные?

Ларионов. Я уже имел честь докладывать, что я человек штатский. Приемов ведения войны также не знаю. Но такие примеры, как сожжение деревень, к сожалению, применялись, как это показывает история, во всех гражданских войнах. И в гражданских особенно. Это является величайшим стихийным бедствием.

Гойхбарг. А если вместо стихийного бедствия дается научно разработанный план, когда даже селение, которое не сражалось, но среди которого находятся сражающиеся, должно быть снесено с лица земли?

Ларионов. Я называю стихийным бедствием всякое проявление силы, которая разрушает, а не создает. И особенно резким проявлениям этого является гражданская война, очень часто переходящая в стихийные массовые восстания, которые, мне кажется, действительно не нужны и вызывают разрушительные действия. Это так же ужасно, как чума, как пожар.

Гойхбарг. И Вы по мере своих сил, как штатский человек, принимали участие в гражданской войне, и, угоняя подвижной состав, Вы содействовали ей, считая это технической задачей.

Ларионов. Я принимал участие не в ведении войны. Я, заведуя железными дорогами, сохранял эти железные дороги и обеспечивал им работоспособность. Причем они служили не только делу ведения войны, но питали целый край. Они подвозили пищу для населения.

Гойхбарг. Кому, сожженным деревням?

Ларионов. Нет. Сожженным деревням, раз они уже сожжены, [а] населения нет, возить ничего не приходится. А населению городов, которое эти дороги обслуживало.

Гойхбарг. Подсудимый Василевский, Вы не помните ли мотивов, по которым Верховный правитель объявил, что надлежит ген[ерал]-лейт[енанта] Розанова назначить главноначальствующим?[55]

Василевский. Нет, не помню. Условия порядка таких назначений не знаю.

Гойхбарг. А если я Вам напомню, что он уже достаточно обнаружил себя как военный человек при усмирении мятежа в Енисейской губернии?

Василевский. Я этого не знаю. Я впервые встретился с ним в Омске. Я имел разговор по поводу постройки здания судебных установлений в Омске. Больше других разговоров я не имел.

Гойхбарг. А может быть, подсудимый Шумиловский припомнит, что на заседании Совета министров единогласно было поручено Вологодскому выразить Розанову благодарность за успешное подавление мятежа во Владивостоке?[56]

Шумиловский. К генералу Розанову у меня всегда было отрицательное отношение.

Гойхбарг. А вы поручили эту телеграмму передать Вологодскому по прямому проводу. Причем ему сказали лично, [чтобы] передать несколько более интимно и теплее.

Шумиловский. Я помню, что эта самая телеграмма [была] послана. Но не помню, чтобы это было единогласно.

Гойхбарг. А может быть, Ваше особое мнение было?

Шумиловский. Нет, особого мнения не было.

Гойхбарг. Разрешите мне огласить такую телеграмму (*читает разговор по прямому проводу и телеграмму Хорвату*)[57]. А вот как раз закрытое заседание Совета министров, в котором при Вашем участии Вами и целым рядом других лиц

принято предложение поручить Вологодскому передать телеграмму Розанову. Вы эвакуировались 7 ноября [1919 г.] из Омска?

Шумиловский. 7 ноября.

Гойхбарг. После Вашей эвакуации здесь в газете была напечатана статья, которая начиналась словами: «Бежать, но куда же? На время — не стоит труда. А вечно бежать невозможно». Это, очевидно, относилось к последнему времени?

Шумиловский. Такой статьи я не помню.

Гойхбарг. И заседание [не помните], где присутствовали Шумиловский, Краснов, Ларионов и участвовал юрисконсульт, [а] слушали известное предложение и постановили: выразить Розанову благодарность?

Шумиловский. Это было принято.

Гойхбарг. А возражений Ваших не отмечалось?

Шумиловский. Возражений не отмечалось, но...

Гойхбарг. А не припомните ли Вы, что в Вашей декларации предлагается восстановить союз с общественностью, а генерал Розанов, подавляя мятеж, не пытался к общественности прибегать. А за два дня до этого вы принимаете Вашу декларацию о необходимости осознать ошибки Омского правительства и восстановить союз с общественностью.

Шумиловский. Что касается отношения к генералу Розанову, то у него с ведомством труда были чрезвычайно сильные трения, так что в конце концов существование инспекторов труда стало невозможным. Ген[ерал] Розанов употреблял угрозы по адресу министерства труда, чуть не требовал его уничтожения. Что касается деятельности ген[ерала] Розанова, то она обсуждалась на заседании Совета министров[58] и вызывала со стороны многих самое резкое, отрицательное осуждение, поэтому я всегда был против такого назначения. И, кроме того, было постановление, не приведенное в исполнение, чтобы Розанова убрали с Дальнего Востока. К сожалению, это провести в жизнь не удалось. На этом заседании, где обсуждалась посылка телеграммы, я был также против. И моя ошибка, и мой грех, что я не протестовал против этой телеграммы.

Гойхбарг. Василевский был товарищем министра и участвовал [в заседаниях Совета министров] по Вашему поручению?

Шумиловский. Да.

Гойхбарг. А он участвовал, когда Совет министров переводил Розанова в Приамурскую область? Запротоколировано, что Василевский подал за него голос. А Вы не поручили Вашему товарищу министра протестовать? Ему, наверное, было известно о том, что Розанов довел инспекторов труда до невозможного состояния?

Шумиловский. Так как министерство труда очень часто выступало против тех или иных мероприятий, то в конце концов я считал бесполезным фиксировать свое несогласие и свой протест.

Гойхбарг. И в этой телеграмме Вы сочли невозможным зафиксировать свой протест против необходимости борьбы с большевиками. И о необходимости определенной декларации по вопросу о передаче власти Вы не заявили. Как же, вчера декларация, а сегодня телеграмма?

Шумиловский. Мне неоднократно приходилось заявлять протест.

Гойхбарг. А в Иркутске реформировался кабинет?

Шумиловский. Да.

Гойхбарг. Вы вошли в этот новый кабинет?

Шумиловский. Вошел.

Гойхбарг. Я больше не имею вопросов. Я прошу разрешить огласить справку нашей центральной комиссии по восстановлению разрушенных хозяйств [при Сибревкоме] о количестве разрушенных мостов, сожженных строений в некоторых губерниях Сибири, где приходилось действовать отрядам опытного военачальника Розанова и других генералов, получавших средства, отпускаемые из военного фонда в количестве миллиардов, как уведомил Краснов (*читает*)[59].

Ааронов. В связи с вопросом, который был задан Шумиловскому, я ходатайствую перед революционным трибуналом об оглашении протокола заседания Совета министров от 24 октября [19]19 года, в котором отклонено прошение об отставке Шумиловского[60]. Ввиду того, что подлинное прошение имеется в делах Совета министров, я ходатайствую о предоставлении его к завтрашнему заседанию. Я прошу огласить его здесь на суде, так как там выясняется тот взгляд, который был у Шумиловского по отношению к правительству Колчака и его политике.

Гойхбарг. Не только не возражаю, но для ликвидации вопроса, если защите будет угодно, предложил бы огласить содержание его, хотя [бы] приблизительно. И, может быть, мы признаем это достаточным.

Ааронов. Защита, к сожалению, не имела возможности ознакомиться, так как она не находилась в месте, где это прошение было. Но со слов Шумиловского защита заключает, что Шумиловский отрицательно относился к разрушительной работе воинских частей, к расправам и расстрелам рабочих и населения, которые производились отдельными атаманскими отрядами и воинскими частями. И в силу этого Шумиловский просил освобождения его от обязанности министра труда. Я не ручаюсь за подлинность текста, так как не имел возможности с ним ознакомиться.

Павлуновский. Такое прошение имеется в делах Совета министров?

Ааронов. По заключению К. А. Попова, это прошение имеется.

Гойхбарг. Дело в том, что из Иркутска привезено огромное количество ящиков всяких документов и бумаг, которых не только защита, но [и] я в своем распоряжении не имел. Поэтому я категорически протестую против заявления, что защита не имела возможности ознакомиться с документами. Если защите та или другая бумага путем указания подсудимых станет известна, то с моей стороны никаких возражений не будет, чтобы было сделано соответствующее заявление, чтобы можно было ликвидировать вопрос. Что касается данного случая, то я мог бы установить, что в прошении подлинном такие слова были.

Павлуновский. Я удостоверяю, что около 2 000 пуд[ов различных документов] имеется в ящиках, которые не были еще представлены ни защите, ни обвинению.

Попов. Я не знаю, будет ли оно найдено. Там имеется особый том.

Ааронов. Я удовлетворен объяснением обвинителя.

Гойхбарг. Переходим к пункту 5 [«Программы допроса»] — призыв иностранных войск и т. д. По этому вопросу скорее всего могут дать сведения лица, которые имели отношение к так называемому министерству иностранных дел. Поэтому разрешите задать несколько вопросов подсудимому Жуковскому. Скажите, пожалуйста, если я не ошибаюсь, Вы были приглашены на должность товарища министра иностранных дел Авксентьевым?

Жуковский. Да.

Гойхбарг. Вы знали, к какой партии он принадлежит?

Жуковский. Знал, что он эсер.

Гойхбарг. Он Вас приглашал, может быть, потому, что Вы были его партийным единомышленником?

Жуковский. Нет, не поэтому.

Гойхбарг. Вы, следовательно, не были эсером?

Жуковский. Разрешите мне объяснить, кем я был?

Гойхбарг. Это не так важно. Важен вопрос о партийности.

Жуковский. Я беспартийный.

Гойхбарг. Вы не говорили, что Ваше ведомство все время вело либерально-демократическую политику?

Жуковский. Да, это я показывал.

Гойхбарг. Не говорили [ли] Вы также, что оно все время отстаивало принципы, выдвигаемые революцией?

Жуковский. Да, я говорил.

Гойхбарг. Так вот, если ваше ведомство, в котором Вы играли — сейчас мы выясним, какую роль,— проводило принципы, выдвигаемые революцией, то, очевидно, все-таки революции сочувствовали?

Жуковский. Да, да.

Гойхбарг. То есть, следовательно, говоря о революции, Вы имели в виду ту, которая произошла в феврале [19]17 года?

Жуковский. Да, [в феврале 19]17 года.

Гойхбарг. А Вы знаете, что революция [19]17 года свергла власть царя?

Жуковский. Знаю, да.

Гойхбарг. Значит, нельзя допустить, что Вы стояли за возвращение власти царя?

Жуковский. Я за это не стоял. Я, во всяком случае, не мог не находить больших отрицательных сторон в той власти, которая была свергнута.

Гойхбарг. Следовательно, Вы не могли стоять на этой точке зрения. Вы, кажется, занимались хозяйственной частью в министерстве иностранных дел, и поэтому политикой не могли заниматься?

Жуковский. В каком смысле? Я не понимаю.

Гойхбарг. Вообще хозяйством.

Жуковский. Да.

Гойхбарг. А Вы не помните, чем Вы занимались до того, как Вы были приглашены на должность товарища министра иностранных дел?

Жуковский. Я жил в Самаре.

Гойхбарг. А не были ли Вы посланником в Праге?

Жуковский. Нет, это не так.

Гойхбарг. А не было [ли] сказано в постановлении Совета министров, что посланник в Праге Жуковский назначается временно и[сполняющим] д[олжность] товарища министра иностранных дел?

Жуковский. Я был назначен посланником, но не поехал в Прагу. И затем был назначен товарищем министра иностранных дел.

Гойхбарг. Временно исполняющим обязанность?

Жуковский. Это было раньше. До назначения я был и[сполняющим] д[олжность] товарища министра.

Гойхбарг. Значит, предполагалось, что Вы поедете в Прагу?

Жуковский. Ничего не предполагалось.

Гойхбарг. Но как же [в таком случае] официально занесено в протокол, что посланник в Праге назначается товарищем министра?

Жуковский. Это было сделано. Как же иначе можно было сделать?

Гойхбарг. А посланники также занимаются хозяйственной частью? Или политикой?

Жуковский. Политику они ведут.

Гойхбарг. Например, среди чехов. А Вы не могли стоять за царя несколько месяцев назад?

Жуковский. Вы имеете в виду мои стихи? Это мои личные переживания.

Гойхбарг. Тогда не разрешите ли огласить стихи подсудимого Жуковского? Очень маленький сборник, посвященный Верховному правителю[61], в том числе посвященные П. П. Попову[62]. А какую должность он занимал?

Жуковский. Не знаю.

Гойхбарг. Не знаете? (*Читает стихи Жуковского*)[63].

Жуковский. Да, это я писал.

Гойхбарг. А Вы думаете, что это было случайно в одном стихотворении?

Жуковский. Нет. У меня есть и другое.

Гойхбарг. Может быть, это стихотворение «Во что я верю» (*читает*)[64]. Писали? Итак, принципы, выдвинутые революцией, в это время ваше ведомство проводило. В числе выдвинутых революцией принципов был принцип пользоваться флагом Красного креста для перевозки вооруженных сил и войск.

Жуковский. Я на этот вопрос [не отвечу] — не знаю, в чем дело.

Гойхбарг. А соответствует этот принцип, выдвигаемый революцией, этике и т. д.?

Жуковский. Конечно, нет.

Гойхбарг. А Вам известен факт, что в поезде Колчака, который был сопровождаем под прикрытием Красного креста (по заявлению дипломатических агентов, человечность требует, чтобы под флагом Красного креста), переправлялись отряды, которые могли бы начать формирование?

Жуковский. Не знаю.

Гойхбарг. Я прошу разрешить огласить мне часть письма Головина[65], направленного лично к Колчаку с приложением телеграммы Головина Сазонову и Щербакову[66], где рассказывается о такого сорта событиях[67].

Жуковский. Эти телеграммы могли быть мне неизвестны. Я не знаю, через мои руки это не проходило.

Гойхбарг. Это не телеграмма, а письмо в собственные руки. А Вы Колчака все время сопровождали в поезде?

Жуковский. Я не помню.

Гойхбарг. А не приходилось ли Вам давать советы Колчаку в критические моменты?

Жуковский. Я обязан был докладывать ему телеграммы Сазонова и Сукина.

Обвинитель Гойхбарг. А вообще давать советы?

Жуковский. Я был обязан поддерживать точку зрения ведомства[68], т. е. Сазонова, Сукина и Третьякова.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не особенно удерживали [Колчака] от того акта, относительно меморандума чехов[69]?

Жуковский. Я возражал против того, что Колчак делает эти выражения в неприличной форме.

Обвинитель Гойхбарг. А если бы [Вы] по правилам дипломатическим [решили] несколько сгладить то же содержание, то это было бы возможно?

Жуковский. Да, вероятно.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите мне огласить содержание письма Головина (*оглашается письмо*)[70]. Вам не были известны такие решения?

Жуковский. Я в первый раз слышу.

Обвинитель Гойхбарг. Сазонов был министром иностранных дел. А вообще, флагом Красного креста можно прикрываться? И это делалось гласно, у Вас на заседании Совета министров. Вы тоже не знаете?

Жуковский. Не знаю.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите мне задать вопрос подсудимому Клафтону? Скажите, пожалуйста, подсудимый Клафтон, когда Вы по просьбе народного комиссара [продовольствия] Цюрупы поехали вести переговоры об освобождении женщин и детей Перми[71], Вы от кого получили разрешение?

Клафтон. От международной миссии Красного креста.

Обвинитель Гойхбарг. Вы на второй день получили удостоверение от полулегальной организации Всероссийского земского союза?

Клафтон. Это копия моего прежнего удостоверения. Я его потерял.

Обвинитель Гойхбарг. А для чего Вам была эта бумага?

Клафтон. Она свидетельствует о моей работе и моей профессии. Я работал, и это для меня ценный документ.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не считаете, что это означает: прикрываясь флагом Красного креста, получая, благодаря принадлежности к Красному кресту, поручения от народного комиссара Цюрупы, а здесь имея должность директора Бюро печати, это не считалось, что Вы приехали сюда, прикрываясь именем Красного креста?

Клафтон. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы никогда не возмущались, что германцы злоупотребляют Красным крестом?

Клафтон. Это недопустимо.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не считаете, что злоупотребляющие и прикрывающиеся флагом Красного креста, которые носят на себе оружие и вместо обязанности по Красному кресту несут боевые обязанности, подвергаются расстрелу?

Клафтон. Я думаю, что их нужно рассматривать как комбатантов.

Обвинитель Гойхбарг. И можно по отношению к ним применить те же меры, как и по отношению к врагу?

Клафтон. В наше время действовало … (*не слышно*) нравов.

Обвинитель Гойхбарг. А если бы Вы узнали, что на заседаниях Совета министров отпускаются суммы в возмещение расходов Красного креста известной страны, произведенных ею на снабжение армии?

Клафтон. Я бы сказал, что это столь же недопустимое деяние, как и то, о котором я сказал вначале.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите мне спросить подсудимого Морозова? Вы как считаете такой поступок?

Морозов. Если это для военных целей, то это недопустимо, преступно и незаконно. А если это для санитарных целей, если они доставляют медикаменты…

Обвинитель Гойхбарг. Вы начинаете догадываться.

Морозов. Нет, я не догадываюсь.

Обвинитель Гойхбарг. Может быть, подсудимый Степаненко скажет? Возместить расходы Красного креста той или другой страны, в той или другой сумме, понесенные им на содержание армии, как бы Вы считали?

Степаненко. Снабжение чем?

Обвинитель Гойхбарг. А шут его знает, чем. Может быть, пулеметами?

Степаненко. Тогда это было бы незаконно.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите огласить протокол закрытого заседания [Совета министров] 5 декабря 1919 года (*протокол оглашается*)[72]. Особое мнение заявил министр торговли и промышленности [А. М. Окороков[73]] не из числа поименованных здесь лиц.

Защитник Ааронов. Я хочу в связи с тем, что т[ов.] Гойхбарг огласил, [что] в заседании Совета министров в присутствии Червен-Водали было постановлено о возмещении 10 000 000 руб., задать Червен-Водали вопрос, о каком снабжении именно идет речь. Обвиняемый Червен-Водали, Вы слышали оглашенный здесь протокол заседания Совета министров [о] возмещении 10 000 000 рублей американскому Красному кресту. Не скажете ли Вы нам, за какое снабжение армии были возмещены эти 10 000 000 р[ублей]?

Червен-Водали. Американский Красный крест содержал на фронте, в Омске и в других местах целый ряд лазаретов, в том числе довольно большие лазареты в г. Омск[74]. Причем по условию американский Красный крест взял на себя бесплатное снабжение бельем, медикаментами и клиническими приспособлениями, а равно и оплату труда американских граждан и гражданок, которые работали в этом Красном кресте, при условии, что со стороны русского правительства будут оплачиваться расходы по приобретению для больных продовольствия и расходы по содержанию в русской валюте.

В декабре месяце [1919 г.] нам был представлен счет американским Красным крестом, который удостоверял, что им израсходована в русской валюте на приобретение продуктов питания и на содержание русского персонала при госпитале известная сумма денег, превышающая 10 000 000 рублей. Но они просили выплатить в счет причитающейся американскому Красному кресту суммы 10 000 000 [рублей], не представив отчета и подробных данных, указав только общую израсходованную сумму. Я боюсь назвать эту сумму, но она превышает 10 000 000 р[ублей]. Особое мнение Окорокова последовало по соображениям чисто формального характера. Он заявил, что такое соглашение не представлено, ему неизвестно о наличии такого соглашения, и потому он высказал соображение о том, что до предоставления подробного отчета о расходовании оплата этого счета ему представляется неправильной. Совет министров указал, что учреждению, затратившему много своих средств для русских лазаретов[75], неудобно не уплатить такой небольшой суммы, как десять миллионов [рублей] по тому курсу.

Председатель. Почему вопрос об отпуске десяти миллионов [рублей] обсуждался в закрытом заседании?

Червен-Водали. В закрытом заседании обсуждался этот вопрос по желанию председателя, которым в это время был Третьяков.

Председатель. Гласное расходование американским Красным крестом средств на медикаменты, а следовательно, и необходимость уплаты этого расходования — обсуждение этого вопроса абсолютно не должно происходить в закрытом заседании.

Червен-Водали. Конечно, содержание этого вопроса не соответствует закрытому заседанию. Но председатель всегда ставит вопрос в открытом или закрытом заседании по своему усмотрению. Я не могу сказать, какими соображениями руководствовался Третьяков. По-видимому, он считал, что расплата

с иностранной державой является вопросом, который не подлежит оглашению в печати, и поэтому он этот вопрос вынес в число предметов, подлежащих обсуждению в закрытом заседании. Это мое предположение. Я не ручаюсь, что это было действительно мнение Третьякова.

Обвинитель Гойхбарг. Если я не ошибаюсь, Вы были одним из деятелей Союза земств и городов?

Червен-Водали. Да, Союза городов.

Обвинитель Гойхбарг. Этот Союз обслуживал нужды на фронте. Приходилось ли Вам на Западном фронте встречаться с такого рода явлением, что Красный крест иностранной державы обращался с заявлением об уплате ему расходов, понесенных им при исполнении его обязанностей?

Червен-Водали. Если Вы говорите о Германской войне, то мне не приходилось.

Обвинитель Гойхбарг. Вы тогда голосовали за это предложение? Вы тогда знали и слышали этот разговор или сообщение Головина о том, что Красный крест под флагом, который необходимо держать в секрете...[76]. И тут по секрету рассматриваются вопросы об уплате расходов на пищу для больных, находившихся в лазаретах. У Вас не было мысли, что надо здесь соединиться с Окороковым и попросить, чтобы это заявление было публичного характера?

Червен-Водали. Из тех объяснений, которые нам представил Третьяков, у меня не возникало сомнения. И, кроме того, я должен сказать, что взаимоотношения с американским Красным крестом уже тянулись значительное время. И впервые мне пришлось встретиться с вопросом относительно такого расчленения расходов, о которых я говорил. С другой стороны, я знаю, что американский Красный крест очень широко снабжал медицинскими принадлежностями [русские лазареты].

Обвинитель Гойхбарг. Кто Вам сообщил, что имеется такое соглашение, письменное или устное?

Червен-Водали. Третьяков мне заявил о том, что это соглашение имеется. Но мы не ставили вопроса о том, какое оно: письменное или устное.

Обвинитель Гойхбарг. Вы говорили, что эти лазареты содержались в Омске, а удовлетворили вы их в Иркутске.

Червен-Водали. Был представлен расчет по содержанию омских, иркутских и других лазаретов на фронте в сумме значительно большей, чем 10 000 000 руб. Я лично знал, что здесь, в Омске, содержался американским Красным крестом в большом здании загородного сельскохозяйственного училища лазарет в 2 500 коек. И меня совершенно не удивила цифра расходов в 10 000 000 р[ублей].

Обвинитель Гойхбарг. А отряда Красильникова, по-видимому, уже там не было[77]?

Червен-Водали. Нет, отряда Красильникова там не было. А большой флигель был предоставлен Союзу городов под заразный барак. Один из лазаретов был в крайнем флигеле. И мне пришлось быть деятелем по этому лазарету. Мне говорили, что там имеется американский Красный крест, о чем гласила и надпись.

Обвинитель Гойхбарг. А не говорил ли кто-нибудь из служащих: «Это большое помещение — не Американский Красный крест? Это только висят вывески ...» (*не слышно*).

Червен-Водали. Я думаю, что была значительная часть [раненых], потому что наибольшее количество расходов было на медикаменты.

Обвинитель Гойхбарг. Вы говорили, что выдавалось платье и белье?

Червен-Водали. Платье выдавалось больным, а белье выдавалось нуждающимся и детям.

Гойхбарг. И это точно было оговорено, что платье только больным?

Червен-Водали. По заявлению Третьякова, в протоколе было оговорено, что белье — для больных, платье детское — для детей и пища — для больных.

Председатель. Объявляю перерыв до послезавтра.

Глава седьмая

ЗАСЕДАНИЕ ШЕСТОЕ

Заседание шестое, 26 мая 1920 года

На скамье подсудимых те же.

Председатель. Объявляю заседание чрезвычайного революционного трибунала открытым.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите перейти к продолжению 11 пункта программы вопросов, касающегося призыва иностранных войск. Но предварительно до продолжения оглашения документов разрешите мне задать вопрос подсудимому Червен-Водали. Скажите, пожалуйста, подсудимый Червен-Водали, Вы англичанина Локкарта[1] знали?

Червен-Водали. Нет, не знал.

Обвинитель Гойхбарг. И не слышали такой фамилии?

Червен-Водали. Слышал.

Обвинитель Гойхбарг. Вы знали, какую он должность занимал?

Червен-Водали. Он был в Москве представителем Англии.

Обвинитель Гойхбарг. То есть консулом на правах посла. Вам не приходилось потом слышать, что он, несмотря на то, что прикрывался дипломатической неприкосновенностью, судом революционного трибунала был расстрелян за то, что он подготовлял взрыв в Москве?

Червен-Водали. Нет, не слышал.

Обвинитель Гойхбарг. А Вам не приходилось ли лично иметь о нем сведения, например, в переписке с Вашими друзьями?

Червен-Водали. Не помню.

Обвинитель Гойхбарг. Не писал ли Вам председатель «Национального центра» Федоров: ко мне приехал англичанин, связанный с Локкартом?

Червен-Водали. Весьма возможно.

Обвинитель Гойхбарг. И если встречались такие слова, [как] «связанный с Локкартом», то это само по себе для Вас кое-что говорило?

Червен-Водали. Это мне говорило, что приезжал англичанин, который является представителем союзной нации, с которой мы так или иначе связаны.

Обвинитель Гойхбарг. С Локкартом связаны?

Червен-Водали. Нет, я Локкарта не знал.

Обвинитель Гойхбарг. Когда Вы находились здесь, в Омске, у Вас был шифр [для связи] с Москвой?

Червен-Водали. Да, но я ни разу им не воспользовался.

Обвинитель Гойхбарг. Когда Вы уезжали из Москвы, Вы, кажется, сказали, что Вы вполне легально проехали, получив все документы для отъезда через таможню. А кто оказал Вам содействие, не Вер...[2] ли?

Червен-Водали. Нет.

Обвинитель Гойхбарг. Не комиссия ли по ликвидации Брестского мира, в которой Вы принимали участие?

Червен-Водали. Да.

Обвинитель Гойхбарг. Значит, Вы принимали участие в комиссии по внешней торговле, по урегулированию вопроса, касающегося ликвидации Брестского мира?

Червен-Водали. Да.

Председатель. Вы намечаете сейчас известную связь с Локкартом. В письме Федорова имеется следующая фраза (*читает*...)[3] Письмо на Ваше имя, подписано Федоровым. Как Вы объясняете эту фразу? Причем дальше идет пункт о предавшем Локкарта латыше.

Червен-Водали. Я слышал и знал, что Локкарт был в Москве, принимал участие [в дипломатических делах] как представитель Англии, но не знаю о взрывах.

Председатель. В чем выразилось предательство латышей по отношению к Локкарту?

Червен-Водали. Я слышал о том, что Локкарт был арестован.

Председатель. По какому делу?

Червен-Водали. Не о взрывах. Я точно не могу сказать, в чем выражалось предательство латышей. Очевидно, латыши вели с ним переговоры, а затем они его предали.

Председатель. Ведь то дело носило чисто секретный характер?

Червен-Водали. Я понимаю так, что латыши принимали участие совместно с большевистскими силами, а затем, по-видимому, он с ними вел какие-нибудь переговоры о том, чтобы они прекратили это участие, или что-нибудь в этом роде. Слышать о взрывах мне не приходилось. Я знаю, что Локкарт был в Москве представителем Англии в качестве старшего консула.

Председатель. Вы говорите, что с военной организацией Вы не были связаны?

Червен-Водали. Да, я утверждаю.

Председатель. Получали ли Вы сводки военного характера из Москвы?

Червен-Водали. Нет.

Председатель. Письмо на Ваше имя: «Дорогой Александр Александрович...». И дальше идет следующее: «Сообщение из Москвы уже дано сейчас, а все предыдущие и присланные оттуда военные сводки своевременно Вам посланы»[4].

Червен-Водали. Мне сообщают об этом, может быть, из Москвы. Но я этих сводок не получал.

Председатель. Вы имели связь с Москвой?

Червен-Водали. Политической — нет.

Председатель. Будучи здесь, уже имели связь?

Червен-Водали. Нет.

Председатель. Получили ли Вы от Зверева письмо, найденное в бумагах? (*Оглашает письмо, [начинающееся словами:] «Дорогие друзья...»*)[5].

Червен-Водали. Это не здесь полученное письмо. Оно получено, вероятно, в Екатеринодаре после того момента, когда я выехал от Деникина в марте месяце [1919 г.] из Одессы.

Председатель. Дальше просят чаще писать в Москву. Ведь Зверев находился на юге. Как это Зверев, будучи на юге, мог писать: «в Москву»?

Червен-Водали. Это, очевидно, из Киева письмо.

Председатель. Вы предполагаете, что это относится к периоду Вашего пребывания на юге?

Червен-Водали. Здесь я по «Национальному центру» никаких шагов не предпринимал по соображениям, которые я изложил в одном из своих объяснений.

Председатель. В одном из заседаний я Вам задал вопрос: имели ли Вы сведения, что одним из членов «Национального центра» являлся Шипов[6], а затем Щепкин. Вы говорили, что таких сведений у Вас не имелось.

Червен-Водали. Нет, я сказал, что Щепкина я знал. И знал, что он является членом «Национального центра». А о Шипове Вы меня ничего не спрашивали.

Обвинитель Гойхбарг. Вы не знали, что предательство латышей состояло в том, что Локкарт вместе с другими ему помогавшими решил подкупить командира Латышского полка и вручил ему определенную сумму. Тот эту сумму принял, но принес ее в чрезвычайную комиссию, и в этом выразилось предательство латышей.

Червен-Водали. Нет, я этого не знал.

Председатель. Имеются ли у Вас сведения о том, что «Национальным центром» совместно с видными меньшевиками и с[оциалистами]-р[еволюционерами], с одной стороны, а с другой стороны — союзниками разработан был план операций на севере, результатом чего явилась высадка союзников на Мурманское побережье?[7]

Червен-Водали. О том, что это было разработано группами, я не знал. Но что все северные операции были сделаны англичанами с ведома этих групп, я знал.

Председатель. В бумагах, найденных у Вас, имеется следующее: «Еще в марте месяце... побережье»[8].

Червен-Водали. Я считаю, что то показание, которое я дал, вполне соответствует этому. Я только не знал, что план разработан ими.

Председатель. Вы понимаете, что осведомленность о Мурманской операции — это одно, а участвовать в разработке плана — это другое.

Червен-Водали. Я говорю, что я не был осведомлен об участии в разработке этого плана. Что же касается вопроса о том, что английское предприятие было связано известными переговорами с представителями этой группы, это мне было известно на юге.

Обвинитель Гойхбарг. Разрешите мне задать вопрос подсудимому Клафтону насчет призыва иностранных войск и поддержки их. Скажите, пожалуйста, Вы в прошлый раз указывали на то, что раз советская власть стоит за единую Россию, то, следовательно, все лица, разделяющие Ваши убеждения, должны сейчас ее поддерживать. А когда Вы выезжали из Москвы с поручением от народных комиссаров и Красного креста, Вы тогда не знали, что советская власть стоит за единую Россию?

Клафтон. Нет, не знал.

Обвинитель Гойхбарг. Вы, может быть, знали, что советская власть имеет конституцию?

Клафтон. Конституцию я прочитал уже здесь, когда я сидел в тюрьме.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы знаете, что эта конституция была принята в июле месяце 1918 года? Она была опубликована во всех московских газетах и, наконец, была напечатана в количестве нескольких миллионов [экземпляров].

Клафтон. А там разве есть пункт об единой России?

Обвинитель Гойхбарг. Статья 9-я конституции [РСФСР] гласит (*оглашается статья 9-я*)[9].

Клафтон. Я точно не знал, я не был знаком.

Обвинитель Гойхбарг. Если бы Вы были знакомы, Вы могли бы посылать поздравления иностранному военачальнику за то, что он разгромил русский город?

Клафтон. Я не поздравлял за разгромление какого-то города.

Обвинитель Гойхбарг. А не посылали ли Вы — председатель [президиума] Восточного отдела [ЦК] партии народной свободы — поздравительной телеграммы Гайде по поводу его успешного разгрома Перми?

Клафтон. Это было. Но дело шло не о разгроме Перми, а о победе над красноармейцами.

Обвинитель Гойхбарг. А Вам известно, что эта победа сопровождалась колоссальным разгромом русского города Пермь?

Клафтон. Этого я не знал.

Обвинитель Гойхбарг. А телеграмму поздравительную Вы посылали на основании реляции того, что Гайда слегка подошел к Перми?

Клафтон. Телеграмма была о победе.

Обвинитель Гойхбарг. По случаю блестящей пермской победы над красноармейцами председатель [президиума] ЦК партии народной свободы, восточного [ее] отдела, послал генералу Гайде благодарность.

Клафтон. Приветствие, а не благодарность[10]. Я ведь политический противник большевиков. Я принадлежу к партии к[онституционных] д[емократов], так что Вы совершенно не так интерпретируете мое отношение. Я на Ваш вопрос: «Если бы советская власть победила бы, мог ли бы я участвовать в тех действиях, которые Вы называете дезорганизацией тыла?» — ответил, что при победе советской власти, при нашем поражении (а в настоящую минуту мы побеждены, а вы победители) я не говорю, что я не участвовал. Я участвовал. Наступает второй период гражданской войны. Вы мне задали вопрос: «Способны ли к[онституционные] д[емократы] теперь на те действия, о которых говорил здесь намеками Деминов?» И мой ответ нисколько не противоречит этому.

Обвинитель Гойхбарг. В совещании по делам печати Вы принимали участие?

Клафтон. Я в совещании по делам печати высказывался несколько раз.

Обвинитель Гойхбарг. А когда отпускались Деминову средства на дезорганизацию советского тыла, для начала 20 000 000 р[уб.], Вы не присутствовали?

Клафтон. Я категорически утверждаю и заявляю, что когда мои дела в совещании по делам печати разрешались, я окончательно уходил. Меня другие дела, ни правительственные, ни частные [дела] Деминова, не касались. И я продолжаю утверждать, [что] Деминов говорит неправду.

Обвинитель Гойхбарг. Я к подсудимому Клафтону больше не имею вопросов. Я прошу революционный трибунал удостоверить факт, имевший место здесь два дня тому назад, когда подсудимый Червен-Водали просил верить искренности русского человека, что Деникин назначался заместителем Колчака с целью той, чтобы Семенов не был главнокомандующим, что Третьяков никакого участия в посылке японских войск и назначении Семенова не принимал, но был даже устранен от возможности сноситься с Червен-Водали по этому вопросу.

Клафтон. Разрешите мне докончить мои объяснения. На меня все время бросается тень. Мне предъявлено обвинение в измене советской власти. Это мотивируется тем, что я уехал из Москвы в миссию международного Красного креста. Должен сказать, что ко мне обратилась не советская власть, а обратились самарцы и уфимцы, работавшие в народном комиссариате продовольствия [РСФСР], по поводу обмена заложниками. Они обратились ко мне как к лицу нейтральному, к которому они, очевидно, относились с достаточной степенью уважения.

Я совершенно не могу скрывать той мысли, что я хотел домой попасть. Ясно, что все мои желания были дома, а не в Москве. Я согласился на это. Причем утверждаю, что те лица, которые ко мне обратились, прекрасно знали, что я кадет. Прекрасно знали, что я пользуюсь также некоторым уважением у себя дома. Очевидно, [они] рассчитывали, что я добросовестно исполню эту просьбу людей, меня лично знавших. Я должен сказать, что я эту просьбу исполнил. И с того [времени], когда это было исполнено, когда близкие этим людям вернулись к ним, согласитесь сами, что я имел право считать себя свободным. Очень возможно, что в этой просьбе был известный расчет на то, что я у себя дома буду называть вещи своими именами и в стане белогвардейцев смогу ту просьбу, с которой они обратились ко мне, исполнить. Мне было обещано освободить известное количество заложников.

Обвинитель Гойхбарг. Разве Абрамович был заложник?

Клафтон. Я получил радиотелеграмму, в которой Цюрупа объявил, что эти лица не считаются заложниками, а [являются] лицами, посягнувшими на советскую власть, а потому они будут судимы. И об этих лицах невозможно было разговаривать. Я считаю необходимым объяснить этот факт, потому что [он] интерпретируется здесь как измена. Конечно, советская власть не могла считать, что я навсегда останусь миролюбивым человеком, что я никогда не буду иметь возможность заниматься [политикой]. Очевидно, они считали, что я буду участвовать [в делах] особенно вредоносно для них. Я думаю, что особой вредоносности в моих делах нет: я был журналистом, журналистом останусь. А подозрение, брошенное мне, не соответствует моей нравственной природе.

Обвинитель Гойхбарг. Вы стремились из Москвы в Самару, потому что все Ваши интересы были не в Москве, а в Самаре. А когда Вы были здесь, Вы призывали всех на Москву.

Клафтон. Я не скрываю, что я ваш политический противник.

Обвинитель Гойхбарг. На второй день после нейтрального обращения к заслуживающему уважения человеку Вы не запаслись ли удостоверением от нелегальной организации?

Клафтон. Только не от нелегальной организации, а [от] полулегальной организации. И советская власть о ней прекрасно знала. Неужели Вы думаете, что я, уезжая в Самару (это удостоверение мог бы мне выдать и [В. М.] Свердлов), как Вы полагаете, сидел ли бы я в тюрьме или не сидел?

Обвинитель Гойхбарг. Меня это не интересует.

Клафтон. А меня это интересует. Я должен был явиться [в Самару] с удостоверением от советской власти, к которой я отношения не имел. Так что тут я не усматриваю обстоятельств пользования каким-нибудь нелегальным документом.

Обвинитель Гойхбарг. Если [бы] Вы явились в Самару, пользуясь удостоверением нейтральной организации международного общества Красного креста, Вас бы тоже посадили в тюрьму?

Клафтон. Такая участь была возможна. Одного из нас посадили. Среди нас находился один англичанин — Джон Кейтч[11], член Союза христианской молодежи. Я думал: не лучше ли нам иметь [хотя бы] одного из иностранцев? И по рекомендации Свердлова в нашу комиссию вошел Джон Кейтч. Джон Кейтч чрезвычайно резко выразился по адресу чехов и членов [Всероссийского] Учредительного собрания, что они позволили себе взять заложниками детей. Он был выслан за это из России.

Обвинитель Гойхбарг. А Вы не выражали возмущения, что члены [Всероссийского] Учредительного собрания взяли заложниками женщин и детей?

Клафтон. Я сказал об этом Свердлову, и, несомненно, я бы сказал это и членам [Всероссийского] Учредительного собрания. До сегодняшнего дня я остаюсь при том мнении, что женщины и дети ни при чем.

Гойхбарг. А Вам не было известно, что в то время, когда Вы все свои силы посвящали информации заграницы об этих зверствах, то правительство, которому Вы служили, женщин и детей массами забирало в тюрьму целыми деревнями для того, чтобы они выдавали имеющихся в деревнях красноармейцев, вообще повстанцев или лиц, сочувствующих большевикам?

Клафтон. По всем деревням — я не знаю. Мне известны такие действия ген[ерала] Розанова. Я выражал протест, и мы оглашали это в печати. Во всяком случае это явления, о которых приходится скорбеть.

Гойхбарг. Скорбеть? Я перехожу к оглашению следующих документов: журнал [закрытого] заседания [Совета министров от] 16 ноября 1919 года (*оглашается журнал заседания*)[12], телеграмма И. И. Сукина в закрытом заседании [от] 6 августа 1919 года (*оглашается телеграмма*)[13], затем [распоряжение] главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров о поручении Язвицкому войти в сношение... (*оглашается доклад*)[14].

Прежде чем перейти к дальнейшему оглашению документов, я хотел бы задать вопрос подсудимым Жуковскому и Клафтону относительно телеграммы Набокова. Подсудимый Жуковский, Вам известно, что Маклаков и Набоков давали телеграммы относительно того, что необходимо вести агитацию за границей для поддержки [режима Колчака]? Что те представители, какие там существуют от колчаковской власти, они [не] пользуются доверием и уважением со стороны иностранцев, и необходимо, что[бы] это патриотическое дело взяли на себя демократические и социалистические организации?

Жуковский. По поводу этой телеграммы мне ничего не известно.

Гойхбарг. А если у управляющего министерством иностранных дел эта телеграмма была, Вы не знали?

Жуковский. Нет.

Гойхбарг. Скажите, подсудимый Клафтон, если в телеграмме указывалось: передать [Русскому] бюро печати о том, что из американских газет сообщаются сведения о неудовлетворительном состоянии колчаковского фронта; достоверная большевистская информация тоже рассказывает о фактах разложения на фронте; а ваши рассуждения односторонние, [они] перестают внушать доверие; перемените начальную тактику утаивания, иначе ей не верят. Вы получили такую телеграмму?

Клафтон. Я получил [такие] указания, но там фамилии Маклакова не было указано, а была, кажется, фамилия Набокова.

Гойхбарг. Разрешите мне огласить телеграмму Маклакова и Набокова (*телеграмма оглашается*)[15]. Маклаков был членом какой партии?

Клафтон. Он член партии к[онституционных] д[емократов].

Гойхбарг. А Набоков?

Клафтон. Не знаю, кто он такой. Он, кажется, брат Владимира Дмитриевича Набокова.

Гойхбарг. Позвольте огласить три телеграммы: первая — Маклакова [от] 23 августа[16] 1919 года, вторая телеграмма, полученная 25 августа и отправленная 21 августа на имя управляющего министерством иностранных дел от имени Набокова, и третья телеграмма, полученная 8 ноября [1919 г.], секретная (*телеграммы оглашаются*)[17].

Клафтон. Содержание первой телеграммы мне известно. Содержание второй и третьей мне абсолютно не было известно. Но я о них имею сведения. По первой телеграмме был следующий ответ: мне было заявлено министром иностранных дел[18] Сукиным о том, что «Ваши [информационные] телеграммы (это было в первый период нашей деятельности) производят дурное впечатление, вы в розовом цвете представляете события, происходящие на фронте; в самом деле побеждают большевики, а за границей по нашим телеграфным сведениям такого впечатления создать нельзя; получается слишком разительное противоречие между большевистскими телеграммами, в Лондоне получаемыми, и телеграммами Русского телеграфного агентства, получаемыми там же».

Нужно сказать, что наше положение здесь было весьма щекотливое. Мы представляли проект телеграмм, а над ними была цензура министра иностранных дел [Сукина]. Так что при всем желании дать надлежащее освещение тем или иным событиям мы [не могли, поскольку] были связаны. И борьба наша за освобождение от цензуры министра Сукина продолжалась весьма значительное время. Затем мы все-таки добились (ввиду того, что из Лондона получилось такое требование) ослабления цензуры по отношению к нам.

Вторая телеграмма со ссылкой на князя Львова была мне неизвестна. Но о том, что Алексинский предлагает услуги правительству в качестве корреспондента, здесь, кажется, воробьи на крыше чирикали. Но я не знал, что об этом пишет князь Львов.

Гойхбарг. А Вы не знали, что он Вашими стараниями, как представителя Красного креста, обменен.

Клафтон. Я этого не знал. Я не рассчитывал на такой успех. Мне говорили, что Кишкин освобожден. Но Кишкин просидел все-таки год и был освобожден под подписку, что он больше не будет заниматься политической деятельностью. Это было ли результатом моих радиотелеграмм — не знаю. Я не могу себе этого приписать. Может быть, в порядке судебного разбирательства было рассмотрено дело, и его нашли возможным освободить.

О третьей телеграмме я слышал заявление Третьякова, который сюда приехал, что необходимо передать информацию [для] романских стран Савинкову. Я и мои сотрудники по бюро [печати] категорически от этого отказались на том основании, что для меня лично и для моих помощников Устрялова и Болдырева [более приемлем] был там известный Бурцев, слишком старый журналист и революционный деятель, чтобы его можно было сменить на лицо, известное как беллетрист, как человек, который ничего общего с телеграфной информацией не имел. Так что мы категорически от этого отказались и заявили, что если будут настаивать, то мы все свое учреждение закроем.

Гойхбарг. Может быть, подсудимый Жуковский знал что-нибудь по этому поводу?

Жуковский. Эта часть деятельности министерства [иностранных дел] через мои руки совершенно не проходила[19]. Она касалась исключительно управляющего министерством.

Гойхбарг. Разрешите мне дальше огласить документы, и прежде всего журнал заседания [Совета министров от] 28 октября 1919 года (*журнал оглашается*)[20]. По поводу договора с чехословацкими войсками и в связи с телеграммой о необходимости, чтобы все социалисты, входившие в Омское правительство, немедленно оказали поддержку [агитацией] за границей, я бы хотел задать вопрос Шумиловскому. 28 октября [1919 г.] было как раз принято постановление [Совета

министров] об эвакуации?

Шумиловский. Да.

Гойхбарг. И в связи с этим была просьба обратиться к японским властям об усилении японскими войсками Иркутского гарнизона?

Шумиловский. Этого я не знаю.

Гойхбарг. А также возможность соглашения с чехословацкими войсками, которые предъявили требование установления союза между властью и общественностью? Вот не тогда ли Вы взяли на себя обязанность составить декларацию о союзе власти и общественности?

Шумиловский. Я уже давал в своих объяснениях показание. И я не пытаюсь снять с себя ответственность за участие в борьбе с большевизмом. Известное участие в этой борьбе, по тем или иным причинам, объяснять которые было бы слишком долго, я принимал. Но доля моего участия, конечно, была всегда строго ограничена. И в разрешении дипломатических вопросов, в разрешении вопросов военного характера — этого участия с моей стороны никогда не было. Таким образом, я признаю, что большая часть оглашенного Вами материала мне была известна, но вырабатывались все эти меры помимо меня.

Что касается агитации за границей и спекулирования именем социалиста, то такого рода обвинение я решительным образом отвергаю. Моя деятельность проходила главным образом — я подчеркиваю — в ведомстве труда. И главные мои силы были потрачены именно на разрешение вопросов ведомственного характера. Это была работа длительная, работа будничная, работа тяжелая. Ей были отданы главнейшие мои силы и главнейшее мое внимание. И думаю, что эта работа в той тяжелой обстановке, в которой приходилось мне работать, не прошла бесследно. Я думаю, что известные результаты ее сказались.

Относительно агитации за границей ничего ровно не знал и никаких шагов в этом направлении не предпринимал. Мое имя было настолько скромное, имя провинциального работника, что спекулировать [им] в таких странах, как Англия, Америка и Франция, было бы предприятием совершенно безнадежным.

Гойхбарг. В телеграмме Набокова говорится, что социалисты, входящие в состав Омского правительства, должны немедленно принять помощь Алексинского. Это телеграмма от 9 сентября 1919 года[21]. Какие были социалисты в сентябре 1919 года в Совете министров?

Шумиловский. Теперь так понятия все перепутались, что очень многие склонны назвать социалистами тех людей, которые социалистами решительно никогда не были. И мне приходилось слышать такое мнение, что все правительство Колчака — социалистическое. Доходило даже до такого толкования. Конечно, такого уродливого толкования не было за границей. Но, может быть, они разумели под этим имя мне неизвестное. Тем более что этот документ стал впервые мне известен в эту минуту.

Гойхбарг. А не было ли в этом составе [Совета] министров бывших членов социалистической организации, например, Петров и Бутов?

Шумиловский. Петров был членом социалистической организации в дни юности, а Бутова я почти не знаю.

Гойхбарг. Разрешите предъявить Вам [фото]снимок, где члены Совета министров уютно расположились под тенью деревьев и где «одиночка» Шумиловский между кем и кем разместился (*фотография передается для осмотра*)?[22]

Шумиловский. Эта фотография мне известна, но она нисколько не свидетельствует о моей близости [к] кому бы то ни было. Это расположение ровно никакого значения не имеет. Это соображение фотографа. И как он располагает фигуры, для меня было совершенно безразлично. Если бы Вам было угодно посмотреть другой снимок, то Вы бы там заметили другую группировку. И я повторяю, что эта группировка никакого значения не имеет.

Гойхбарг. А посередке сидит почетный гражданин Сибири Вологодский?

Шумиловский. По известной традиции председатель обычно размещается в центре.

Гойхбарг. Так что фотограф свои известные традиции имеет?

Шумиловский. Да, в том смысле, что председатель обычно садится посередине.

Гойхбарг. Вот относительно союза с общественностью и обращения к некоторым иностранным, если можно так выразиться, державам с заведомой ложью. Вы не припомните ли, что в Вашем присутствии было одобрено обращение к эмиру Бухарскому и к Хивинскому хану?[23]

Шумиловский. Я деятельного участия в разрешении этого рода дел не принимал. Меня это не интересовало. И многих из них я совершенно не в состоянии припомнить. В частности, это обращение к Хивинскому хану совершенно ускользнуло от моего внимания.

Гойхбарг. Я прошу революционный трибунал огласить из здесь лежащих документов эту телеграмму эмиру Бухарскому, которая была принята Советом министров в присутствии Шумиловского.

Шумиловский. Я этого факта не отрицаю.

Гойхбарг. (Оглашается телеграмма эмиру Бухарскому.)[24] Тогда вся Сибирь была очищена?

Шумиловский. Нет, не была.

Гойхбарг. Разрешите мне огласить следующий документ: журнал заседания [Совета министров от] 30 октября [1919 г.] с заявлением министра земледелия Петрова. Далее, заседание [от] 3 ноября — доклад [временно] управляющего министерством иностранных дел (*оглашаются оба журнала*)[25]. Все время Вы здесь выслушивали обращение к японским войскам, что[бы] они шли на Россию. Я прошу революционный трибунал задать вопрос Шумиловскому: не обещал ли Совет министров Японии определенные концессии?

Шумиловский. Вопрос относительно участия Японии и относительно союза с Японией обсуждался в Совете министров издавна и несколько раз. И определенно сквозила — по крайней мере это было видно, хотя многие члены правительства менялись в его составе,— боязнь этого союза, боязнь, основанная именно на том, что Япония будет нам всегда опасна, потому что она произведет большие экономические завоевания на Дальнем Востоке. Эти экономические завоевания и сейчас, и впоследствии могут быть опасными и в политическом отношении, потому что создастся центр интересов, который постоянно будет привлекать интересы этой страны сюда. В этом отношении вопрос о Японии со стороны многих членов правительства всегда вызывал тревогу.

Гойхбарг. А насчет концессии?

Шумиловский. Что касается чисто военного участия, то, [на]сколько я знаю, [а] я все-таки присутствовал на большинстве заседаний Совета министров, вопрос о концессиях и вознаграждении никогда не возникал. Наоборот, предлагали принять меры к тому, чтобы эти экономические завоевания остановить.

Гойхбарг. Разрешите тогда огласить [фрагмент] из разговоров по прямому проводу ...[26] почетного гражданина Сибири, уважаемого [премьер-]министра Вологодского [с генералом Розановым] (*читает*)[27]. Из разговора по прямому проводу Горяинова с Мартьяновым (*читает*)[28]. Разговор [по прямому проводу] 10 декабря [1919 г.] Верховного правителя с Третьяковым[29]. Разговор [по прямому проводу] Червен-Водали с Гирсом[30] (*читает*)[31]. Разговор 19 декабря [секретаря председателя Совета министров А. Н. Черняховского] с Харитоновым (*читает*)[32]. Скажите, пожалуйста, подсудимый Шумиловский, об отъезде[33] Парунина[34] и Лешке[35] Вы слышали? А если бы я Вам сказал, что Парунин находится на советской службе?

Шумиловский. Слава Богу, что он жив.

Гойхбарг. Поддерживая правительственные круги, не принимали ли Вы участия в переговорах с иркутским населением, чтобы оно поддержало правительство, если придут в город большевики? (*Читает разговор [по прямому проводу] 23 дек[абря 1919 г.] Верховного правителя и ген[ерала] Артемьева*[36], *разговор [по прямому проводу] 24 декабря Третьякова и Червен-Водали*[37], *телеграммы Червен-Водали Верховному правителю, предсовмину и [заместителю председателя] Совета министров*[38], *разговор по прямому проводу 24 декабря Горяинова и Харитонова*[39], *разговор по прямому проводу Червен-Водали и [А. Н.] Пепеляева*[40], *разговор [по прямому проводу] 26 декабря [1919 г.] Третьякова и Червен-Водали*[41], *наконец, письмо от [25 декабря] ген[ерала] Сычева, начальника гарнизона гор. Иркутск*[42]). Вот по вопросу о призыве иностранных войск материалы, которые имелись у представителей иностранной дипломатии.

Айзин. Разрешите задать вопрос подсудимому Краснову. Подсудимый Краснов, не ответите ли Вы мне на вопрос, кем разрешались вопросы иностранной политики: разрешались они Советом министров или Верховным советом при Верховном правителе?[43] И если «да», то в каком порядке разрешались и какова была компетенция Верховного совета?

Краснов. До известной степени я знал порядок, который существовал в правительстве. С ноября месяца [1918 г.] был учрежден Совет Верховного правителя, состоявший под председательством Верховного правителя из председателя Совета министров, министров иностранных [дел] и внутренних дел, военного, финансов и управляющего делами Совета министров и Верховного правителя. Насколько мне помнится, закон был принят по предложению бывшего тогда министром внутренних дел Пушнякова[44], причем целью было создать верхнюю палату по делам управления.

Из беседы с членами этого [органа] управления я знал, что там обсуждаются вопросы внешней политики, вопросы военные и о помощи иностранцев, т. е. по вопросу, который оглашался здесь, и по поводу агитации за границей и т. д. Такие вопросы обсуждались там и осуществлялись верхней палатой в порядке верховного управления, не доходя до Совета министров. Если министр иностранных дел Сукин делал доклад этот, то большею частью по требованиям отдельных лиц (как[, например,] министра земледелия), интересовавшихся этим вопросом, причем почти всегда постфактум. Вот чем была его деятельность.

Гойхбарг. Разрешите констатировать факт, что из тех документов, которые мы только что огласили, большая часть взята из закрытых заседаний Совета министров, а все прочие — разговоры по прямому проводу заместителя председателя Совета министров Червен-Водали с другими лицами.

Ааронов. Защита не возражает.

Павлуновский. Суд удостоверяет, что такой факт имеется.

Айзин. Подсудимый Краснов, здесь было оглашено постановление Совета министров. Это постановление вносилось в Совет министров после обсуждения в верхней палате или нет?

Краснов. Я членом Совета министров не был. Но эти вопросы всегда непременно обсуждались верхней палатой и не во всех случаях доходили до Совета министров.

Червен-Водали. Здесь указывали, что в течение второй половины декабря [1919 г.], за исключением нескольких дней, мне, как оставленному в роли временного заместителя председателя Совета министров, приходилось говорить по вопросам внешней политики с Третьяковым и другими лицами. Это совершенно верно. Но нужно помнить, что это было в той обстановке, когда Совет министров был совершенно оторван от Верховного правителя и вопросы не могли быть разрешены в обычном порядке, о котором здесь говорилось.

Гойхбарг. Подсудимый Краснов, Вы ответили защите, что, по доходившим до Вас сведениям, эти вопросы до решения в Совете министров предварительно обсуждались в Совете Верховного правителя, созданном из четырех лиц[45]. А не доходило ли до Вас, что все подобные вопросы, прежде чем они доходили до верховного совещания, обсуждались в совещании союзных миссий?

Краснов. Я от этого вопроса стоял далеко.

Ааронов. Здесь мы говорили как об одной из чрезвычайно характерных деталей о принадлежности к социалистической группе Шумиловского. Здесь передо мной «Правительственный вестник» от 28 января [19]19 г. № 54, в котором помещена беседа с Л. И. Шумиловским, где он заявляет (*читает*): «Я должен заявить, что я совершенно не являюсь партийным человеком, хотя занимал определенную позицию в общественных группах и был выборщиком от с.-д. меньшевиков...»[46] Таким образом, еще 28 января [19]19 г. Шумиловский определенно и официально говорил, что он не принадлежит ни к каким группировкам. И я отмечаю этот факт.

Гойхбарг. Разрешите мне удостоверить, что в зачитанной мною телеграмме от Набокова говорится не о представителях с[оциал]-[демократов] или эсеров, а говорится о социалистах, входящих в состав Омского правительства.

Защита не возражает.

Перерыв на 10 минут.

Гойхбарг. Прежде чем перейти к представлению доказательств и фактов, относящихся к вопросам об организации массовых и групповых убийств трудового населения, я хотел бы просить революционный трибунал, если защита не будет возражать, установить, что изложенные в [обвинительном] заключении, предъявленном подсудимым, факты, касающиеся принятия закона о смертной казни, вместе с указанием на лиц, присутствовавших в том заседании, когда этот закон принимался, вполне соответствуют протоколам заседания Совета министров. Только факты, разумеется, а не выводы, и исключительно те, которые имеются в делах.

Защита доверяет.

Ларионов. Я просил бы узнать, какая дата этого постановления [Совета министров]. Не 14 ли сентября [1918 г.]?[47]

Гойхбарг. 8 июля [19]19 года. Присутствовали Преображенский, Краснов, Ларионов, Шумиловский. Заседание Совета министров закрытое, [журнал] № 124[48].

Ларионов. А журнал [заседания] Административного совета от 14 сентября [19]18 г.?

Гойхбарг. В этом журнале в числе присутствующих значится Ларионов, а в числе подписавших Ларионова нет.

Ларионов. Подписи моей нет? Благодарю Вас.

Айзин. Я ходатайствую подтвердить, что 14 сентября [1918 г.] Морозов возражал, так как считал принятие этого закона не подведомственным Административному совету.

Павлуновский. Это вытекает из показаний?

Гойхбарг. Нет, из протокола. Я ходатайствовал об утверждении факта, что в протоколе сказано: «...так как решение выходит из пределов Административного совета». Я ходатайствую удостоверить, что во время показания подсудимого Морозова перед чрезвычайной следственной комиссией, которая была учреждена для разбора фактов ареста Крутовского, Шатилова и Новоселова, там говорилось: «Ходил слух, что приехавшие Крутовский и Шатилов собираются отменить закон о смертной казни, что можно опасаться, что будут отменены принятые законы и политика Административного совета получит иной характер»[49].

Переходя к допросу свидетелей Матковского, Рубцова и Сыромятникова, я ходатайствую о приглашении Матковского. Скажите, пожалуйста, свидетель Матковский, Вам по Вашей должности командующего армией приходилось на основании существующих законоположений утверждать приговоры военных судов?

Матковский. Приходилось, да.

Гойхбарг. Может быть, Вы припомните количество случаев, которые Вам приходилось утверждать?

Матковский. Число смертных приговоров, которые выносил военно-полевой суд при Омском [военном] округе, определялось числом тех преступлений, которые подвергались суду по этим вопросам.

Гойхбарг. Простите, свидетель, это тавтология, одно и то же. А может быть, [назовете] в цифрах? Какое количество?

Матковский. Если утверждать смертные приговоры тяжело, то считать их, по-моему, еще тяжелее. Я могу сказать цифру, может быть, 30, может быть, 40. Но это может быть неточно, может быть неверно.

Гойхбарг. А когда утверждали приговоры или рассматривали утвержденные, Вам присылали приговоры или краткие телеграммы с сообщением, что состоялось постановление?

Матковский. Если это было в Омске, то присылали все дело. А если вне Омска, то очень часто присылались только телеграммы.

Гойхбарг. Например, начгар Степанов[50] где находился?

Матковский. Относительно этого лица я случайно помню одну подробность, которая мне стала известна по дороге. Это относительно двух лиц — Романовского и Салтыкова, которые были приговорены к смертной казни. И начальник гарнизона Новониколаевска [Степанов] просил утвердить приговор ввиду того, что это[го] требует настроение населения.

Гойхбарг. Он говорил, в частности, что офицеры требуют смертной казни. Не это ли его точная фраза?

Матковский. Но ввиду того, что закон о смертной казни вошел [в силу] после этого случая, я этого приговора не утвердил.

Гойхбарг. Ну а в других случаях не было кратких телеграмм?

Матковский. В тех случаях, когда не было никаких оснований для смягчения приговора, я их утверждал.

Гойхбарг. А все-таки в некоторых случаях, когда, например, учреждал военно-полевой суд штабс-капитан, Вы возбуждали какое-нибудь преследование против штабс-капитана, который утверждал и исполнял приговоры? Может быть, Вы принимали репрессии против таких штабс-капитанов?[51]

Матковский. Я таких случаев не помню.

Гойхбарг. А может быть, Вы помните, что Вам было сообщено относительно открытия какой-то организации и дается телеграмма, написанная Вам с сообщением, что надо предать прифронтовому суду участников этой организации? Потом сообщается для Вашего сведения, что этот штабс-капитан учредил военно-полевой суд, но не доносит Вам, и не представляет на утверждение приговоры, и приводит их в исполнение. И эти действия не рассматривались ли военно-судебной частью?

Матковский. Да, это было.

Гойхбарг. Может быть, Вы помните, военно-судебный отдел какое вынес решение по этому вопросу?

Матковский. Я могу на это ответить, что никогда преследованием рабоче-крестьянских организаций я не занимался. И если были сведения, что рабоче-крестьянские организации где-нибудь организуются, моей резолюции там быть не могло. Если это оказывалось обществом, основанным для ниспровержения существующей власти, я обязан был по закону возбудить преследование.

Гойхбарг. А член военно-судебного отделения ген[ерал] Огарков, этот тот самый Огарков, который вместе с Вами и генералом Бржезовским был назначен в чрезвычайную военную ...[52] и вынес постановление, что хотя штабс-капитан сам открыл военно-полевой суд и, не доводя до сведения командующего армией, расстреливал, тем не менее, считаясь со статьями, которые заставляют военачальников в случае, если они найдут необходимым, принять решительные меры, считать его действия правильными?

Матковский. Такого случая не помню.

Гойхбарг. Это было 22 декабря [19]18 года. Вы не помните, что было в этот день? Вечером у Вас не происходило совещания?

Матковский. Да, я приказал начальникам отдельных частей собраться ко мне на квартиру, чтобы доложить, что происходило. И весь воинский гарнизон был вызван.

Гойхбарг. Не припомните ли Вы, что, выйдя из этого совещания, начальник гарнизона ген[ерал] Бржезовский отдавал распоряжения начальнику унтер-офицерской школы [Рубцову]?

Матковский. Об этом распоряжении сделалось известно гораздо позже.

Гойхбарг. А относительно образования военно-полевых судов?

Матковский. Это мне неизвестно.

Гойхбарг. А может быть, доходили сведения, что лица, в частности 43 человека, которые были названы большевистским военно-революционным штабом, были расстреляны, как Вам передали, в осуществление состоявшегося приговора в 4 часа ночи 22 декабря?

Матковский. Об этом я, повторяю, узнал позже.

Гойхбарг. А не доходили ли до Вас сведения, что в протоколе заседания военно-полевого суда под председательством [генерала В. Д.] Иванова значилось, что именно эти 43 подсудимых (и еще прибавили к ним одного, 44-го) были представлены в военно-полевой суд, что суд происходил и приговор его был вынесен в 6 часов утра. После этого подсудимым объявили приговор, разъяснили им сроки

для кассационного обжалования. И что на этом приговоре значилось утверждение Бржезовского [от] 26 декабря?

Матковский. Я говорю, что [информацию] по этому вопросу я узнал значительно позже.

Гойхбарг. А когда к Вам приходили на утверждение приговоры, по необходимости в виде кратких телеграфных сообщений, которые могли вызвать неясность, неточность, был ли какой-нибудь контроль со стороны органов юридических по этому вопросу?

Матковский. Законом не установлено такого контроля.

Гойхбарг. А если бы выяснилось, что с полным нарушением закона о военно-полевых судах выносились смертные приговоры и без Вашего утверждения приводились в исполнение, не приходилось Вам слышать, что[бы] министр юстиции делал какие-нибудь попытки протеста?

Матковский. Мне слышать не приходилось.

Гойхбарг. А может быть, Вы слышали о существовании комитета по охране законности и порядка [в управлении]?

Матковский. Это слышал.

Гойхбарг. И, кажется, в функции этого комитета входила охрана закона? И с его стороны также Вам не приходилось слышать какие-нибудь заявления через другие учреждения, через главнокомандующего? Вам ни разу не приходилось?

Матковский. Нет.

Гойхбарг. С моей стороны вопросы [к] свидетелю Матковскому закончены. Но впоследствии придется огласить некоторые документы, касающиеся деятельности свидетеля и его показаний. И если защита не имеет вопросов к свидетелю Матковскому, я ходатайствую перед трибуналом о разрешении мне эти последующие документы огласить в отсутствие свидетеля Матковского. Я полагаю, что революционный трибунал поймет и оценит мое ходатайство.

Айзин. Я хотел задать только два вопроса. Скажите, пожалуйста, не известен ли Вам такой порядок, что на неправильные действия по преданию военно-полевому суду, прифронтовому, существовал порядок обжалования в существовавший здесь [Правительствующий] сенат?[53] И не было ли таких случаев, что [Правительствующий] сенат отменял эти приговоры?[54]

Матковский. Да, это было.

Гойхбарг. Разрешите мне огласить некоторые документы, относящиеся к деятельности свидетеля Матковского, о которой я говорил в его присутствии и которая не вполне точно им подтверждена, так как он заявлял, что он о таких делах не слышал или ему не приходилось [в них участвовать].

Защита не возражает.

Гойхбарг. Скажите, свидетель, Вам не приходилось оценивать большевиков или [им] сочувствующих в обыкновенном смысле: на деньги? Такие-то суммы за убийство?

Матковский. Нет, этого не было.

Гойхбарг. А не помните ли Вы такого случая, когда Вы сообщали в телеграмме, [что] при попытке проникнуть в тюрьму двух лиц их стал задерживать караульный Гончаров. [При этом] один из них стал защищаться револьвером и был убит, [а] другой был арестован. Не делали [ли] Вы такой резолюции: Гончарову [выдать] сто рублей?

Матковский. Я считаю, что это не оценка, это была награда за сохранение жизни.

Гойхбарг. (*Читает документы.*)[55] Прежде чем перейти к дальнейшему оглашению документов, я просил бы суд удостоверить, что это опись документов, взятых из дела [Омской] чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной постановлением Совета министров 14 января [19]19 г.

Суд удостоверяет.

Гойхбарг. Я ходатайствую о приглашении свидетеля Рубцова.

Председатель. Защита не имеет слова по поводу оглашенных документов?

Защита. Не имеет.

Председатель предупреждает Рубцова об ответственности.

Гойхбарг. Не припомните ли Вы, свидетель Рубцов, [что] в ночь на 22 декабря [19]18 г. в г. Омск не явились ли Вы вместе с офицерами унтер-офицерской школы в Омскую областную тюрьму для получения 43 арестованных, которые не то должны были быть Вам переданы для суда или для представления в прифронтовой суд?

Рубцов. Я явился, имея точное предписание начальника гарнизона Бржезовского. Я получил его при выходе из квартиры.

Гойхбарг. Причем [что] Вам Бржезовский предписал?

Рубцов. Расстрелять.

Гойхбарг. Просто взять 43 человека и расстрелять?

Рубцов. Да.

Гойхбарг. А явившись в областную тюрьму, Вы не предъявили еще одного требования, что[бы] Вам выдали Кириенко, Девятова и Попова и еще одного, как Вы заявили начальнику тюрьмы, по приказу Верховного правителя?

Рубцов. По приказу начальника гарнизона.

Гойхбарг. А приказ был отдан [полковником Н. Г.] Сабельниковым?

Рубцов. Сначала Сабельниковым, а потом Бржезовским.

Гойхбарг. А когда начальник тюрьмы спросил, на каком основании Вы действуете, не ответили ли Вы ему: «По приказу Верховного правителя»?

Рубцов. Не думаю. Может быть, я не помню.

Гойхбарг. Может быть, Вы именно так показывали перед [Омской] чрезвычайной следственной комиссией?

Рубцов. Первое показание я дал правильное.

Гойхбарг. А затем, когда Сабельников пригласил Вас и сказал не говорить, что он дал такую записку, чтобы расстрелять пять человек, Вы сказали, что эти люди были убиты при попытке к бегству?

Рубцов. Да.

Гойхбарг. Получив эти 43 человека, куда он[56] их повел, Вы знаете?

Рубцов. Он отвел их в [Загородную] рощу и там расстрелял.

Гойхбарг. Вы не получили сведений, в котором часу?

Рубцов. Часа в три ночи. Точно не помню.

Гойхбарг. Не получили ли Вы сведений, что они уже [были] расстреляны, часов до четырех, до пяти?

Рубцов. Да. Он прибыл и сообщил, что приговор исполнен.

Гойхбарг. Значит, Вы думали, что это приведение [в исполнение] приговора? Вы думали, что приговор есть?

Рубцов. Да.

Гойхбарг. А он не сказал, что приговор есть?

Рубцов. Он сказал, что их приведут из военно-полевого суда.

Гойхбарг. А когда Вам предъявили записку относительно Кириенко, Девятова и Попова, Вам удалось их получить в качестве придатка?

Рубцов. Только Кириенко и Девятова.

Гойхбарг. А Попов был болен?

Рубцов. Он лежал в тифе сыпном. Я считал, что это неудобно.

Гойхбарг. Вы не решились взять больного в сыпном тифе. Вы затруднялись в перевозочных средствах?

Рубцов. Вообще я считал неудобным.

Гойхбарг. Неудобным?

Рубцов. Да, неудобным.

Гойхбарг. Но, может быть, ввиду того, что не было Попова и других указанных лиц, Вы все-таки потребовали компенсацию?

Рубцов. Нет, не требовал.

Гойхбарг. А не указали ли Вы, что не было еще четырех человек?

Рубцов. Дело в том, что лиц по тому списку, который мне дал комендантский адъютант, в числе тех лиц, о которых сообщил мне Сабельников, там не было.

Гойхбарг. А не взяли ли Вы еще по списку 6 человек?

Рубцов. Нет.

Гойхбарг. А скажите, пожалуйста, вот Вы исполнили приказание ген[ерала] Бржезовского 22 декабря. Вам, может быть, за это была какая-нибудь награда?

Рубцов. Нет.

Гойхбарг. А в каком чине Вы были в последнее время?

Рубцов. В чине подполковника.

Гойхбарг. Когда Вы получили это звание, в феврале 1919 г.?

Рубцов. Да, в феврале 1919 года.

Гойхбарг. Вы, может быть, припомните еще какую-нибудь деталь этого назначения в старшинство? [Оно] было от какого числа?

Рубцов. Я помню, потому что моя часть участвовала в подавлении восстания [22 декабря 1918 г.].

Гойхбарг. А может быть, в наградном листе сказано, что Вы произведены в подполковники с 23 декабря 19[18] года?

Рубцов. Точно так.

Гойхбарг. Только Ваша часть получила награду или и другие части?

Рубцов. Все части получили.

Гойхбарг. Это, может быть, военные власти благодарили? Или гражданские тоже?

Рубцов. Я знаю только относительно военных.

Гойхбарг. Я [к] свидетелю Рубцову больше вопросов не имею. Я только хотел бы ходатайство заявить революционному трибуналу. Некоторые свидетельские показания, относящиеся к этому делу и фактам, частью установленные, частью не установленные свидетелем Рубцовым, я буду обнародовать в отсутствие свидетеля Рубцова. Если защита не будет возражать, я бы просил по удалении свидетеля Рубцова позволить мне огласить свидетельские показания, имеющиеся в делах как свидетеля Рубцова, так и в делах [Омской] чрезвычайной следственной комиссии, которая была учреждена постановлением Совета министров от 24 января[57] [19]19 года для разъяснения некоторых отклонений от правосудия, совершенно[го] 22 декабря [1918 г.] (*оглашаются показания Рубцова и Сабельникова*)[58].

Разрешите мне задать вопрос подсудимому Шумиловскому. Скажите, пожалуйста, подсудимый Шумиловский, Вы в закрытом заседании 24 декабря 1918 года присутствовали?

Шумиловский. Я не знаю, о каком Вы заседании спрашиваете.

Гойхбарг. Заседание 24 декабря 1918 года, когда по предписанию Вологодского была единогласно принята благодарность Советом министров всем частям гарнизона.

Шумиловский. Помню, что была принята такая благодарность. Но она касалась только чисто военного рода обстоятельств, и никакого касательства к тем событиям, которые оглашены тут, она не имела.

Гойхбарг. Подсудимый Краснов, Вы на том заседании присутствовали?

Краснов. По всей вероятности, [присутствовал] потому что я в заседании Совета министров не имел права не быть.

Гойхбарг. Вы эту благодарность приняли и протокол подписывали?

Краснов. Участия не принимал, но протокол обязан был подписывать.

Гойхбарг. (*Оглашает протокол.*)[59]. Теперь разрешите мне задать вопрос подсудимому Морозову. Скажите, подсудимый Морозов, когда я задавал вопрос свидетелю Матковскому [о том], не приходилось ли ему расценивать головы большевиков, Вы не припомнили, что в заседании Совета министров Совету министров приходилось оценивать головы большевиков и вообще людей?

Морозов. Нет, этого не было.

Гойхбарг. А Вы не приняли постановление об отпуске 1 000 руб[лей] награды прапорщику Яцкову за энергичное преследование большевиков?

Морозов. Припоминаю.

Гойхбарг. А сколько большевиков успел в своем энергичном преследовании ухлопать прапорщик Яцков?

Морозов. Я таких сведений не имею. А сколько припоминаю, доклад шел о том, что при преследовании прапорщик Яцков отобрал значительную сумму денег.

Гойхбарг. Благодарность была за отобранные деньги, но не за энергичное преследование большевиков?

Морозов. Я не знаю. Может быть, было неправильно редактировано. Но это было [сделано] за отобранные деньги при преследовании большевиков.

Гойхбарг. Подсудимый Грацианов, Вы отпускали 1 000 р[ублей]. Яцкову?

Защитник Айзин. Я прошу чрезвычайный революционный трибунал удостоверить, что постановление вынесено по предложению министра финансов, так что это подтверждает те объяснения, которые даны подсудимым Морозовым о том, что это идет вопрос о сумме [денег].

Гойхбарг. Товарищ председатель чрезвычайного трибунала, я имею ходатайство. Я категорически протестую против того, что защита сейчас в порядке вопроса дает, с моей точки зрения, совершенно ложную, недопустимую оценку, когда заявляет о том, чтобы удостоверить этот факт, который якобы может свидетельствовать о том, что дело касается денег. Такие предложения мог вносить министр финансов, в особенности считаясь с тем, кто был министр[ом] финансов. Я категорически прошу революционный трибунал не давать защите [права толкования] при попытке ответить на вопросы, сейчас в форме защитительной речи объяснять их так, как они, по мнению обвинения, совершенно объяснены быть не могут.

Защитник Айзин. Я просил бы только удостоверить, что представитель обвинения уже произносит обвинительную речь.

Гойхбарг. Подсудимый Шумиловский, Вы отпускали прапорщику Яцкову 1 000 руб[лей]? За что?

Шумиловский. Отпускал 1 000 руб[лей] не я, а Административный совет. Вся моя деятельность была направлена именно к тому, чтобы сделать невозможными какие бы то ни было жестокости. И чьи бы то ни было головы, я никогда на деньги не расценивал.

Гойхбарг. Подсудимый Ларионов, Вы, отпуская 1 000 руб[лей], чем руководствовались?

Ларионов. Я присутствовал в этом заседании и совершенно не могу припомнить, за что я голосовал или против чего я голосовал. Но совершенно отчетливо помню, что Яцковым была представлена крупная сумма казенных денег, которая была им отобрана при преследовании убегавших [большевиков]. И в качестве награды за предоставление этой суммы ему [была] отпущена очень незначительная награда в 1 000 руб[лей].

Гойхбарг. А Вы не припоминаете, если Вам докладывали эти обстоятельства, что он при преследовании подошел сзади, выхватил деньги и принес их?

Ларионов. Нет, этих деталей не было.

Гойхбарг. Я прошу огласить постановление Административного совета от 4 октября 1918 года (*постановление оглашается*)[60]. Я хочу еще задать вопрос подсудимому Морозову. Когда по Вашему представлению выдавались награды за головы, это тоже было за доставку денег?

Морозов. Я не припоминаю.

Гойхбарг. А [не] припоминаете ли Вы, что при подавлении бунтов в Тобольской каторжной тюрьме было назначено 2 500 р[ублей] надзирателю тюрьмы?[61] Сколько человек было убито при подавлении этого бунта в каторжной тюрьме?

Морозов. При отпуске этих денег никаких оценок голов не было.

Гойхбарг. А о количестве результатов этих преследований Вам говорилось?

Морозов. Все сведения были, но я не помню.

Гойхбарг. А не припомните ли, что 25 человек были убиты при подавлении?

Морозов. Я не отрицаю.

Гойхбарг. А если разделить математически, то не выйдет ли, как говорил Морозов, по 100 руб[лей] за каждого?

Разрешите огласить протокол открытого заседания: «Представление министра юстиции об отпуске Тобольскому губернскому комиссару...» (*оглашается протокол*)[62]. Разрешите мне задать вопрос подсудимому Морозову. Когда Вы классифицировали эти награды (200 р[ублей], 300 р[ублей], 500 р[ублей] и т. д.), Вы с чем считались: с количеством людей, которых они ухлопали, или с другими соображениями?

Морозов. Я таких подсчетов не имел в виду, как указывает т[оварищ] обвинитель.

Гойхбарг. Я оглашу представление министерства юстиции от 6 ноября [1918 г.]. В резолюции значится: отпустить сумму, которая получила движение через управляющего министерством юстиции. Вы не интересовались, почему 200, 300, 500 рублей?

Морозов. Я, конечно, интересовался, но в данный момент забыл подробности.

Гойхбарг. А разве Вы вообще забываете подробности?

Морозов. Да, забываю.

Гойхбарг. А разве Вы такие воинственные наклонности, несмотря на то, что Вы были в министерстве юстиции, обнаруживали?

Морозов. Я не понимаю вопроса.

Гойхбарг. А из подчиненных, эвакуируемых Вами людей, организовать боевые дружины, Вы такие вещи делали?

Морозов. Это предложил Тельберг. А когда его не было, я сделал представление в Совет министров.

Гойхбарг. Сам Совет министров не принимал ли мер к тому, чтобы находящихся в тюрьме так наз[ываемых] большевиков не расселяли, а вообще [тем или] иным способом препятствовали им вести дальнейшую пропаганду?

Морозов. Я этого не знаю.

Гойхбарг. Не припомнит ли этого Шумиловск[ий]?

Шумиловский. Не припомню.

Гойхбарг. Не припоминаете ли предложения бывшего в юности с[оциал]-д[емократом] министра земледелия Петрова о том, чтобы не расселять арестованных большевиков в порядке высылки на территории государства, ибо это даст им возможность вести пропаганду? И не было ли принято, в том числе и Вами, такое постановление: «Поручить министру внутренних дел принять меры к воспрепятствованию задержанным большевикам вести дальнейшую пропаганду»?

Шумиловский. Этого предложения я не помню.

Гойхбарг. Разрешите мне огласить протокол заседания [Совета министров от] 30 ноября 1919 года о необходимости принятия мер к тому, чтобы большевистские деятели не расселялись в порядке высылки на территории государства, так как это способствует большевистской пропаганде[63]. В связи с этим постановлением я хотел бы просить революционный трибунал предъявить перечисленным здесь подсудимым снимок выведенных из тюрьмы, зверски истерзанных, замученных и расстрелянных жертв из Новониколаевска. Я попрошу предъявить этот снимок и спросить: не это ли следствие принятия этих мер? (*Снимок передается.*)

Защитник Айзин. У меня есть частный вопрос к подсудимому Морозову о бунте в Тобольской тюрьме. Известно ли Вам, что подавление бунта в Тобольске произведено было силами только начальника тюрьмы, его помощника и теми двумя надзирателями, которым была выдана награда? Или это подавление бунта было произведено войсками?

Морозов. Насколько я припоминаю, там участвовал местный гарнизон.

Обвинитель Гойхбарг. Скажите, подсудимый Шумиловский, Вы здесь слышали, что по записке успели взять [из Омской тюрьмы] Кириенко и Девятова, которые были расстреляны? Вы Кириенко знали?

Шумиловский. Лично не знал.

Гойхбарг. А Вы не знали, что он был членом II Государственной думы, с[оциал]-д[емократической] фракции?

Шумиловский. Знал.

Гойхбарг. А Вы были выборщиком от с[оциал]-д[емократической] фракции II Государственной думы?

Шумиловский. Был.

Гойхбарг. Не припоминаете ли Вы, что предложение арестовать Кириенко, привести его из другого города (Тобольска.— *В. Ш.*) в Омск, направить его дело через министра юстиции, это постановление было принято при Вашем участии?[64]

Шумиловский. В моем присутствии.

Гойхбарг. Что же потом, когда Вы узнали, что Кириенко выведен из Омской тюрьмы и расстрелян (и притом по приказу Верховного правителя), а офицеры

были переведены в некоторые повышения, Вы не сочли, что это есть достаточный повод, чтобы уйти из министерства?

Шумиловский. То, что здесь было опубликовано, мне стало известно только на [сегодняшнем] заседании [революционного трибунала]. Совет [министров] это дело рассматривал и постановил назначить следствие. И Вы имели случай как раз прочитать [показания] различного рода свидетелей из той комиссии, которая была назначена постановлением Совета министров. Несколько раз этот вопрос поднимался после на заседаниях Совета министров в том направлении, чтобы это дело не заглохло. И если оно все-таки заглохло и не дало никаких определенных результатов, то в этом виноват, конечно, не я, который дает сейчас перед Вами объяснения.

Гойхбарг. А не помнит ли кто-нибудь [из подсудимых], понес ли кто-ниб[удь] наказание в связи с этими расстрелами без суда или с судом над мертвыми с подлогами протоколов о том, что мертвые были приведены и т. д.?

Шумиловский. К сожалению, я уже говорил об этом, что значительная, если не большая, часть того, что Вы здесь изволили прочитать, стала мне известна только на сегодняшнем заседании. Но и того, что мне было известно из официальных сообщений или из частных разговоров, было достаточно, конечно, чтобы назвать эти действия ужасными. И я это, к сожалению, должен констатировать.

Гойхбарг. Когда было предложено в Совете министров в Вашем присутствии опубликовать сведения об этом, не было [ли] принято постановление, ввиду того, что предоставленные данные не исчерпывающие, задержать опубликование сообщения о том, что произошло в ночь на 22 декабря [1918 г.]?[65]

Шумиловский. Я уже несколько раз объяснял, что не за все действия Совета министров я ответственен. Я открыто говорил о тех случаях, когда присоединялся к тому или другому постановлению Совета министров. А также говорил о тех случаях, когда я к ним не присоединялся. В данном случае, может быть, не было проявлено достаточной энергии Советом министров. Но расследование было назначено. Другие силы, быть может, находящиеся в Совете министров, но главным образом находящиеся вне его досягательства, помешали тут совершиться правосудию.

Гойхбарг. А за все время Вашего пребывания в Совете министров был ли хоть один случай, когда какое-нибудь расследование повлекло за собой какое-ниб[удь] наказание по адресу кого-ниб[удь] из посягнувших на трудовые массы?

Шумиловский. Очень мало.

Гойхбарг. Хоть бы один случай [назовите].

Шумиловский. Отдельные незакономерности преследовались, но значительно большая часть оставалась без последствий.

Гойхбарг. Разрешите мне [задать] вопрос подсудимому Морозову. Скажите, пожалуйста, комитет законности и порядка [в управлении] больше всего и первым долгом заинтересовался какими правонарушениями?

Морозов. Это не в моем ведении было.

Гойхбарг. А не Вы ли требовали, что «по делам комитета законности и порядка [в управлении] очень часто не дают шифра, а потому прошу предоставить мне шифр»?

Морозов. По общему распорядительному отделению.

Гойхбарг. Может быть, Вы вкратце объясните, зачем это комитету законности и порядка [в управлении] понадобился шифр? Ведь шифром пишут вещи, которые нельзя оглашать, а комитет законности и порядка [в управлении] должен гласно преследовать за все преступления.

Морозов. Я не знаю такого случая, чтобы я требовал. Это раз. А во-вторых, как и для всякой канцелярской переписки, это нужно было и комитету.

Гойхбарг. Может быть, разрешите мне задать вопрос подсудимому Малиновскому? Не припоминаете ли, какой был первый случай, когда комитет законности и порядка [в управлении] предписал отменить незаконное постановление военачальников? Меня интересует первый случай, когда он решительно, категорически приказал отменить приказание военачальников. Военачальник издал приказ: если кто-либо из должностных лиц при отправлении своих служебных обязанностей будет применять истязательство, расстрелять на месте. Не был ли первый случай, когда комитет постановил немедленно восстановить незаконную сдачу?[66] А второй случай, когда нужно было спекулянтов расстреливать на месте, а комитет постановил отменить это?

Малиновский. Комитет обеспечения законности и порядка [в управлении] исключительно останавливался на рассмотрении приказов всех лиц, применявших исключительное положение, которым вносилась та или иная незакономерность в действия местных властей. Это было не случайно. Прежде чем функционировать, комитет по обеспечению законности и порядка [в управлении] через министра юстиции распорядился, чтобы прокурорский надзор с мест давал определенные сведения каждый раз, как только на местах те или другие воинские начальники, командующие войсками и начальники гарнизонов издавали такие приказы. Всякий приказ, изданный на месте, поступал в комитет обеспечения законности и порядка [в управлении] и был предметом обсуждения комитета. И если комитет признавал его незакономерным и не отвечающим требованию исключительных положений, то этот приказ немедленно отменялся по телеграфу[67]. В тех случаях, когда комитет не мог этого сделать в силу своего положения, эти действия были предметом обсуждения Правительствующего сената по первому департаменту[68].

Гойхбарг. Простите, кажется, Вы в заседании революционного трибунала видели, что [...][69] судебных учреждений не так обязательно, и поэтому даете не такой ответ по этому вопросу, [какой] можно было от Вас слышать. Мой вопрос: не случайность ли это была, что эти два приказа отменены?

Шумиловский. Это было незакономерное распоряжение командующего войсками и начальника гарнизона, применявших исключительное положение. Был приказ об извлечении [таких случаев] из гражданской подсудности, и это было предметом рассмотрения этого комитета.

Гойхбарг. Почему на первом месте вышло: истязателей не трогать и спекулянтов не трогать? Это вышло случайно?

Малиновский. Несомненно, это случайный подбор. И работа комитета может быть выявлена из обозрения всех тех нарядов, которые приложены к этому делу.

Председатель. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Допрос Сыромятникова.

Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, свидетель, Вы были начальником штаба генерала Розанова?

Сыромятников. Да, я был.

Гойхбарг. О его деятельности в Енисейской [губернии] и Приамурской области Вы знали?

Сыромятников. И о первой, и о второй.

Гойхбарг. Вам не приходилось знакомиться с приказами Розанова относительно массового уничтожения деревень, сожжения их и т. д.?

Сыромятников. Это было без меня. Такие приказы отдавались. С моим приездом такие приказы были отменены[70].

Гойхбарг. В Вашу бытность там не было таких приказов?

Сыромятников. Приказы были отданы, но они были отменены после моего приезда. Такие же приказы в Приамурье были также отменены.

Гойхбарг. Значит, в промежутках такие приказы отдавались и даже осуществлялись?

Сыромятников. Да.

Гойхбарг. А не приходилось ли Вам слушать такого рода приказ ген[ерала] Розанова, что за убийство или повреждение одного чеха или офицера он приказывал расстреливать десятки заложников?

Сыромятников. Да, я слышал.

Гойхбарг. Часто это делалось?

Сыромятников. Случай с чехом был один. Но других случаев было несколько.

Гойхбарг. А не отдавалось ли приказов, чтобы по отношению к крестьянскому населению применялась порка?

Сыромятников. Насколько я помню, такие приказы также были. По крайней мере, когда я приехал, эти приказы были расклеены на станциях железных дорог.

Гойхбарг. А не отдавалось [ли] приказов, чтобы в деревнях брать заложниками женщин и детей?

Сыромятников. Этого я не помню.

Гойхбарг. Может быть, Вы припомните в других местах, что были такие распоряжения, что если кто-нибудь из молодых людей, повстанцев, скрывался, чтобы [их] матери, жены, дети брались в качестве заложников?

Сыромятников. Я помню, что была издана еще до моего приезда инструкция начальникам отрядов. Они были отменены впоследствии, но что заложники брались в деревнях, этого я не помню.

Гойхбарг. Больше вопросов не имею.

Щетинкин. Скажите, в какое время Вы поступили в штаб Розанова?

Сыромятников. Это было в начале лета [1919 г.].

Щетинкин. Может быть, в мае месяце?

Сыромятников. Возможно.

Щетинкин. Вы не помните приказ Розанова о наступлении на Степно-Баджейскую волость?[71]

Сыромятников. Помню.

Щетинкин. Не помните ли Вы распоряжения, чтобы все население было уничтожено после отступления его отряда?

Сыромятников. Должна была быть исполнена эта операция. Причем должность начальника отряда исполнял ...[72]. Весь наш отряд ушел в Урянхайский край[73]. А затем было отдано распоряжение относительно сжигания. Кем отдано, я точно не могу сказать. Может быть, по инициативе начальника отряда, который был в Степном Баджее.

Щетинкин. Не известно ли Вам о зверствах офицеров-итальянцев в этой области?

Сыромятников. Я знаю, что эта волость была целиком сожжена. Относительно зверства говорилось очень много. Но в каких размерах они были на самом деле, сведений у меня нет.

Щетинкин. Не собирались ли эти офицеры на известные вечеринки с женщинами и девушками красноармейцев?

Сыромятников. Я знаю, что после этой операции [местное] население было крайне ожесточено. Буквально нельзя было пройти, чтобы нас не обстреливали как лиц, так или иначе причастных к подавлению [восстания]. Причем это относилось и к итальянцам. А Розанов, когда он приехал, то действительно это была картина полной жестокости со стороны населения.

Гойхбарг. Не было ли Розановым отдано приказа относительно уничтожения этой волости?

Сыромятников. Насколько я помню, такой приказ был издан генералом Артемьевым. Этот приказ Вы прочитали здесь. Там говорится, что все села предаются сожжению, если они будут участвовать в каком-нибудь восстании.

Щетинкин. Не известно ли Вам относительно села Степно-Баджейского, как оно было укреплено в смысле обороны с нашей стороны?

Сыромятников. Я знаю, что там участвовали [в боях] одновременно чехословацкие, итальянские войска и те [русские] войска, которые были посланы Розановым. Вначале были два поражения. Итальянцы потеряли всю артиллерию и бежали к железной дороге. Были также поражения и войск, посланных Розановым, и чехов, и 9-й полк их также отступил. Вообще картина была безотрадная. Затем все это было усилено войсками, и, наконец, удалось прорваться в Степно-Баджейское.

Щетинкин. В какое время штаб Розанова отбыл на восток?

Сыромятников. Он отбыл вскоре после его отъезда, недели через две-три.

Щетинкин. После этого подавления, когда вас оттянули или отогнали?

Сыромятников. Нет, был такой перерыв. Начались обвинения, что были [преждевременно] отозваны войска, но на самом деле [партизаны] не уничтожены. Был целый ряд обвинений в этом отношении. Затем он получил назначение; уехал в Приамурский край и штаб, т. е. лица, которые вели оперативную работу. Контрразведка и военно-судное дело уехали вместе с ним.

Айзин. Скажите, пожалуйста, свидетель, в чьем распоряжении непосредственно находились отряды генерала Розанова? Верховному правителю или подчинялись гражданским властям?

Сыромятников. Гражданским властям, безусловно, не подчинялись. И я скажу, что со стороны Розанова встречался полный протест всего Совета министров. Его поддерживали только Колчак и Пепеляев. Он неоднократно проводил ту мысль, что если бы не Колчак, его давно бы прикончили.

Айзин. Значит, Совет министров находился во враждебных отношениях с Розановым?

Сыромятников. Безусловно. За исключением Колчака и Пепеляева.

Айзин. А непосредственно подчинялся он [кому]?

Сыромятников. Артемьеву, а потом Колчаку.

Айзин. Больше вопросов не имею.

Павлуновский. Вы заявили, что к Розанову Совет министров находился во враждебных отношениях. В чем это выражалось?

Сыромятников. Он неоднократно высказывал это и получал неоднократно телеграммы с предупреждением о необходимости отказаться от тех мер, к которым он прибегал. Были разговоры по прямому проводу, чтобы его распоряжения о сжигании деревень были отменены. Но он по своей инициативе это сохранил.

Павлуновский. Разговор между кем по [прямому] проводу?

Сыромятников. Между [военным министром] Степановым и Розановым, причем Степанов говорил: «Дальше я защищать не могу. Весь Совет министров против тебя».

Павлуновский. Значит, конкретных фактов у Вас нет?

Сыромятников. Таких фактов нет.

Гойхбарг. И какие меры предполагал применить Розанов ко всем [пленным] красноармейцам?

Сыромятников. Он предполагал осуществить план, который удалось вовремя не допустить. Он предполагал увезти их всех в Туруханский край и затем симулировать катастрофу по дороге. Там находились [речные] пороги. По совету других лиц. Со стороны одного лица последовало предложение, что так [как] их (пленных красноармейцев.— *В. Ш.*) слишком большое количество, [то] судить их слишком долго. И все равно они будут приговорены к смертной казни, то было бы более рационально...

Гойхбарг. А не помните ли Вы, в бытность Розанова во Владивостоке не получил ли он распоряжения от Колчака о ликвидации всех участников владивостокского восстания?

Сыромятников. Это было, не разбирая национальности.

Гойхбарг. А не припомните ли Вы, что непосредственно после этой ликвидации был разговор по прямому проводу и телеграмма Вологодского, в которой выражалась от [имени] Совета министров единогласная благодарность Розанову за успешное подавление мятежа?

Сыромятников. В это время я был отстранен от должности и предан военно-полевому суду.

Гойхбарг. Я прошу удостоверить, что такая телеграмма была. Было поручено Вологодскому передать Розанову благодарность, и он ее передал.

Защита не возражает.

Суд удостоверяет, что такая телеграмма имеется.

Айзин. Скажите, пожалуйста, свидетель, что, [на самом деле] такая ликвидация во Владивостоке была произведена или только было предположение?

Сыромятников. Она не была произведена, потому что по своей инициативе я выдал всех заговорщиков, т. е. Гайду, Гусарика, его начальника штаба[74]. И когда главари преданы были чехами, то восстание было ликвидировано.

Айзин. Скажите, пожалуйста, телеграмма Колчака Розанову о ликвидации [восстания] была скреплена председателем Совета министров?

Сыромятников. Нет, только им лично.

Айзин. Больше вопросов не имею.

Щетинкин. А не было ли с [селом] Тасеево поступлено так же, как с [селом] Степно-Баджеево?[75]

Сыромятников. Я знаю лично телеграмму [В. Н.] Пепеляева о том, что Степно-Баджейская волость и с. Тасеево были конфискованы и переданы надежным крестьянам[76].

Щетинкин. А что Тасеевская волость была сожжена, Вам [это разве] не известно?

Сыромятников. Нет. Но это вытекало из того приказа, который здесь читали. Приказа Артемьева.

Гойхбарг. Вот тов. Щетинкин задал Вам вопрос, как была укреплена [Степно-]Баджейская волость. Можно ли считать эту волость укрепленной базой, уничтожение которой необходимо в военных целях?

Сыромятников. О Степно-Баджейской волости наверное не могу сказать, что она совершенно не была укреплена, а были укреплены только подступы через реку Мана.

Гойхбарг. Если они (войска интервентов и колчаковцы.— *В. Ш.*) ворвались в Степно-Баджейское и эти подступы были взяты, представляли ли военную опасность избы и дворы не сожженные?

Сыромятников. Никакой.

Гойхбарг. И в Тасеевском также?

Сыромятников. Не могу сказать.

Гойхбарг. А если в своих показаниях Колчак заявлял, что такие вещи могли делаться только в том случае, если это укрепленная база. И [Степно-]Баджейская и Тасеевская [волости] были укрепленными базами, которые надо было сжечь?

Сыромятников. Насколько я помню приказ Артемьева [и] повеление Верховного правителя, там не сказано о сжигании укреплений. По этому приказу сжигались все деревни, где население относилось враждебно к нашим войскам.

Гойхбарг. Разрешите огласить некоторые документы. Перед Вами ряд телеграмм о количестве расстреляных, замученных, выпоротых в целом ряде губерний Сибири и Урала (*читает*)[77]. Я хотел бы еще огласить документ и обстоятельства, относящиеся к зверскому убийству 31 человека по Иркутску[78]. В числе этих людей, которые согласно прочитанного мною разговора Червен-Водали и Третьякова были арестованы и которые в названной мною первой телеграмме указаны [как] «17 главарей штаба», а в следующей — «число арестованных дошло до 60»[79]. Все эти указания имеются в деле Червен-Водали, лист 47 и дальше. Допрос начальника Иркутской контрразведки Черепанова[80] (*читает*)[81]. Я хотел бы, чтобы мне разрешили повторить телеграмму, которую прислал Семенченко[82] Червен-Водали и которую я уже однажды оглашал.

Ааронов. В связи с этим я ходатайствую об оглашении имеющихся в деле показаний контрразведчика Базанова[83] на листе дела № 52, где Базанов подтверждает заявление Черепанова, что Червен-Водали был против выдачи арестованных отряду [генерала] Скипетрова (*читает*)[84].

Павлуновский. Вопрос о выдаче арестованных решался на каком-нибудь собрании?

Червен-Водали. Это не было собрание, потому что арестованные находились в исключительном распоряжении военных властей. Когда я узнал, что есть предположение их отправить [в распоряжение Скипетрова], я обратился к военному министру Ханжину с просьбой немедленно вызвать [генерала] Сычева. И когда Сычев явился в [гостиницу] «Модерн», я приехал в номер, где находился военный министр, и задал вопрос: «Действительно Вы предполагаете их отправить?» Я стал доказывать невозможность такого действия. Он сначала возражал, но потом согласился. Ханжин сразу присоединился к моей точке зрения. Тогда я вместе с Ханжиным заявил, что если он их отправит, мы примем все меры, чтобы противодействовать. Он (Сычев.— *В. Ш.*) согласился и отдал Черепанову распоряжение не отправлять.

Через некоторое время, через несколько часов, было часа 3, явился Черепанов и заявил, что я получил сведения, что явился офицер от Скипетрова вместе с подводами, чтобы отвезти арестованных. Я вновь обратился к Ханжину с просьбой вызвать Сычева. Сычев явился и заявил, что явились конвойные и подводы увезти арестованных. Я заявил, что арестованные не заложники и никуда отправлять их нельзя, потому что мы имеем в виду вести переговоры и должны их выпустить при благополучном разрешении конфликта. Он заявил, что подчиняется, и дал слово, что не отправит их из Иркутска. И действительно, он исполнил это. И до моего отъезда из города Иркутска на ту сторону [Ангары] 4 января

[1920 г.] для ведения переговоров с [Иркутским] Политическим центром не отправил. Я удостоверяю, что эти арестованные оставались в Иркутске и не были тронуты.

И когда мы находились уже там и этот господин Сычев явился за ними с семеновцами, мне стало известно, что они отправлены. Тогда я стал просить инженера Ларионова выяснить вопрос. Он стал требовать, чтобы было дано распоряжение немедленно вернуть их обратно или передать союзному командованию — чехам. И я просил телеграфировать со станции, с другой стороны [Ангары], Скипетрову, чтобы они были немедленно переданы чешскому командованию и отправлены в Иркутск. Это подтверждается моими показаниями, имеющимися в деле. Там имеются указания, что когда было предъявлено это требование о возврате арестованных, то Сипайло[85] (или не знаю кто из этих господ) ответил: «Исполнять приказание министров незачем. Их нужно расстрелять»[86].

Таким образом, тут устанавливается совершенно определенно, что я в отношении этих арестованных принимал все меры, чтобы их оградить. И я должен сказать, что они были перевезены из «Модерна» в другое помещение без моего ведома. Я на другой день был в том помещении, где они были арестованы, в [Оренбургском] юнкерском училище, и начальник училища заявил, что арестованные находятся у него в училище на общем довольствии с остальными юнкерами и вообще в полной сохранности и никаких неудобств не испытывают. Таким образом, я был совершенно удовлетворен относительно сохранности арестованных. Я совершенно точно устанавливаю, что я никоим образом не могу быть примешан к этой грязной и возмутительной истории относительно этих несчастных жертв. Я заявляю, что мое имя сплетать с кем-нибудь из этих господ [нельзя], против этого я категорически протестую. В этом затрагиваются лучшие стороны моей души. И я принимаю все меры, чтобы защитить себя от какого-нибудь сопоставления с ними, потому что я слишком далек от мыслей, которым была подчинена деятельность говоривших с таким цинизмом, как говорили Сипайло и его сотрудники об уничтожении людей.

Председатель. Разрешите вопрос: тут Вы ... (*не слышно*), что в случае вывода из Иркутска их могут расстрелять.

Червен-Водали. У меня была боязнь за судьбу арестованных. Поэтому я настаивал, чтобы они оставались в «Модерне». И, таким образом, Ханжин согласился со мною и не вывез арестованных.

Председатель. Они были арестованы контрразведкой, которая находилась в подчинении [Иркутского] военного округа, а округ этот находился в прямом подчинении военного министра?

Червен-Водали. К сожалению, нет. Округ находился в подчинении Семенова, и в этом все несчастье.

Председатель. Ханжин мог отдать приказание?

Червен-Водали. Нет.

Гойхбарг. Вы требовали передачи арестованных союзному командованию, т. е. чехословацким войскам?

Червен-Водали. Да.

Гойхбарг. А Вам известно, что штабс-капитан Люб, который подписал [приказ] о передаче арестованных [Семенову], был чехословацкий офицер?

Червен-Водали. Я не знал. Я слышал фамилию Люб, и является ли он чехом, мне неизвестно.

Гойхбарг. Вы удостоверяете правильность [фрагмента] оглашенного мною разговора Вашего по прямому проводу с Третьяковым: «Немедленно и необходимо прибытие хотя какой-ниб[удь] части забайкальских войск»?[87]

Червен-Водали. Да, я этого не отрицаю.

Гойхбарг. Забайкальские войска были чьи?

Червен-Водали. Семенова.

Гойхбарг. Когда Вы получили телеграмму о том, что главнокомандующий Семенов приказал Дикой дивизии во главе со Скипетровым идти вам на помощь и приказал вам держаться до ее прибытия, причем он дал распоряжение Скипетрову расправиться раз навсегда с мерзавцами[88], Вы против этой телеграммы протестовали или этой помощи ожидали?

Червен-Водали. Я вообще против этой телеграммы не то что протестовал, но я ее к себе не относил. Копия мною была принята, но отвечать за эту телеграмму я не могу. Вообще я прошу: можете дать мне какое угодно наказание, даже лишить меня жизни. [Но] я прошу поверить, что я с такого рода преступными, возмутительными явлениями, как уничтожение жизни, не только не могу связывать моего имени, но не могу не протестовать до самого конца.

Гойхбарг. Вы изволили сейчас указать, что во время разговора Вашего с представителями [Иркутского] Политического центра преступно бежали Скипетров и другие семеновцы. А вместе с ними не вышел ли Ваш товарищ по «тройке» Ханжин?

Червен-Водали. Нет, он удрал с [Иркутского] вокзала.

Гойхбарг. Не с заседания ли?

Червен-Водали. Да, с заседания.

Гойхбарг. Разрешите мне удостоверить, что офицер контрразведки показал, что он пришел к Червен-Водали, Червен-Водали вызвал Ханжина и Сычева, но по оглашении телеграммы офицер показывал, что он решил арестованных пока не давать.

Червен-Водали. Мне обещал Сычев, что он вообще не выведет арестованных из Иркутска.

Председатель. Революционный трибунал удостоверяет правильность этого факта.

Защитник Ааронов. Насколько я помню, там нет слова «пока», так что я просил бы товарища Гойхбарга это место еще раз огласить определенно. Кроме того, я просил бы удостоверить из показания свидетеля Черепанова, лист № 51, в котором свидетель Черепанов удостоверяет, что когда он, Черепанов, передал Сипайло телефонограмму Червен-Водали о передаче арестованных союзному командованию[89], то полковник Рахлин[90] заявил следующее: «Я — это не Вы. Всех ваших министров нужно перевешать».

Гойхбарг. Товарищ председатель, так как защита предположила, что в том, что я просил удостоверить революционный трибунал, может быть оплошность, причем он назвал меня «товарищ Гойхбарг», то я просил бы революционный трибунал разъяснить, что звание «товарищ» — не чин. И обращаться ко мне с таким званием со стороны защиты не подходит в этом заседании революционного трибунала.

Председатель. Слово «товарищ» пользуется гражданственностью, и его можно применять и в данном случае.

Гойхбарг. Разрешите мне разъяснить причину, почему я считаю это чрезвычайно важным для процесса.

Председатель. Этот вопрос сюда не относится, и революционный трибунал не должен устанавливать взаимоотношения между обвинением и защитой.

Гойхбарг. Я считаю, что это очень важно для процесса.

Председатель. Товарищ Гойхбарг, я не могу давать [Вам] слова вне процесса и кроме процесса. Этот вопрос сюда не относится.

Защитник Ааронов. Насколько мне помнится, во фразе Червен-Водали говорится, что Червен-Водали предложил задержать выполнение приказа о передаче арестованных Семенову.

Гойхбарг. Лист 481 на обороте: «Сычев тотчас прибыл в Михалево... (*читает*)... пока не отправлять».

Червен-Водали. Эта форма не была предложена мной. И вообще не была такая форма, которая бы давала права толкования.

Председатель. В показании известно[го] контрразведчика такая форма есть.

Член ревтрибунала Косарев. Мне от подсудимого Червен-Водали приходится не раз слышать, как он возмущается: битье, колотушки, подзатыльники или какие-ниб[удь] факты мелкого характера. Я бы сказал, может быть, они несимпатичны. Но факт тот, что Вы не отрицаете, что Семенова Вы вызвали. Что это за люди — понятно. И раз Вы их вызвали, то, конечно, Вы их вызвали не затем, чтобы шоколад пить с ними, а для другой цели. Я не понимаю, что же Вас возмущает? Ведь вызвали их Вы?

Червен-Водали. Семенова вызвал не я, а Семенов сам прислал войска. Я хочу охарактеризовать [тогдашнее] положение. Если я имел несчастье в этот период времени попасть в положение, где мне пришлось волей-неволей вступать в сношения с Семеновым, то из этого не следует, что я могу сочувственно относиться к такого рода действиям, о которых идет речь. Что же касается до вызова войск, то положение Иркутска было в состоянии обороны. Вокруг были [антиколчаковские] восстания, и наличие войск требовало того, чтобы этот конфликт разрешить без того, чтобы вести борьбу. Потому что без большого количества войск можно бы было рассчитывать, что это пройдет более благополучно. Мною принимались некоторые меры к тому, чтобы конфликт разрешился, о чем я буду иметь возможность доложить в своих объяснениях.

Защитник Ааронов. Я просил бы революционный трибунал удостоверить слова Рахман[ин]ова, что всех министров надо расстрелять.

Гойхбарг. Я не возражаю против наличия этих слов.

Председатель. Объявляю перерыв до завтрашнего дня, до 5 часов вечера.

Глава восьмая

ЗАСЕДАНИЕ СЕДЬМОЕ

Заседание седьмое, 27 мая 1920 года

На скамье подсудимых те же.

Председатель. Объявляю заседание чрезвычайного революционного трибунала открытым.

Гойхбарг. Я имею заявление к революционному трибуналу. Так как сейчас предстоят объяснения всех подсудимых, а обвинению не пришлось еще допросить двоих из них, а именно Дмитриева и Третьяка, то я просил бы революционный трибунал перед тем, как предоставить подсудимым слово для объяснения, разрешить мне задать несколько вопросов указанным подсудимым Дмитриеву и Третьяку для объяснения характера их участия в организации, которая характеризовалась как Совет министров.

Защита не возражает.

Защитник Айзин. Я прошу разрешить мне несколько вопросов и приобщить некоторые документы.

Защитник Бородулин. Я просил бы разрешения задать обвиняемым вопросы и огласить документы.

Защитник Ааронов. Я также буду ходатайствовать об оглашении некоторых документов.

Гойхбарг. Скажите, пожалуйста, подсудимый Дмитриев, Вы в июле 1918 года где находились?

Дмитриев. Я был в Москве в начале июля.

Гойхбарг. Потом Вы очутились в Сибири?

Дмитриев. Да.

Гойхбарг. А из Москвы попав в Сибирь, стали товарищем министра снабжения [Временного Сибирского правительства]?

Дмитриев. Да.

Гойхбарг. А каким путем Вы попали из Москвы в Сибирь?

Дмитриев. Из Москвы я поехал по Северной [железной] дороге.

Гойхбарг. Получили ли Вы отпуск какой-нибудь как должностное советское лицо?

Дмитриев. Нет, я служил в Союзе сибиряков-областников[1] и был агентом там, где был и Молодых.

Гойхбарг. Разрешите мне задать несколько вопросов Третьяку. Скажите, подсудимый Третьяк, Вы были на каторге?

Третьяк. Да, с 1908 по 1911 год.

Гойхбарг. Вы были осуждены по 126 статье [Уголовного уложения]?

Третьяк. Да, по статье 126, как член партии с[оциалистов]-р[еволюционеров].

Гойхбарг. Потом были Вы рабочим на заводе?

Третьяк. Да.

Гойхбарг. Вы в первый день давали здесь объяснения, что Вы с определенной целью вступили на короткий срок в состав так наз[ываемого] правительства Колчака, где Вы были около пяти недель. При Вас происходили эти расстрелы 22 декабря [1918 г.] в Омске и в Куломзино?

Третьяк. Да.

Гойхбарг. Относительно Куломзино Вы показывали, что все Куломзино было уничтожено.

Третьяк. Да, я показывал.

Гойхбарг. Не слышали ли Вы тогда, что профессиональный союз грузчиков должен [был] прекратить свое существование за неимением членов?

Третьяк. Да, показывал. И я помню обстановку, при которой этот факт был установлен.

Гойхбарг. До Вас не доходили сведения о том, что достаточно было звания рабочего в Куломзино, чтобы быть кандидатом на то, чтобы быть отведенным на Иртыш и расстрелянным?

Третьяк. До меня доходили не только эти сведения. Но я еще кое-что знал и о других районах, в которых мне приходилось и раньше, и потом работать, что очень часто были массовые аресты без всякого суда и следствия, где люди расстреливались исключительно по такому признаку: если руки с мозолями, то значит, этот человек рабочий, и его расстреливали.

Гойхбарг. Доходили до Вас сведения, что скрывающиеся в Куломзино рабочие проводили по три месяца в землянке под землею и слепли, скрываясь от возможности расстрела?

Третьяк. О землянках до меня слухи не доходили. Но вообще всю зиму во всей тайге в зимовках скрывались рабочие всех районов и там замерзали. Я это знаю потому, что мне после самому пришлось быть в тайге, где я видел очень много рабочих.

Гойхбарг. Здесь вчера свидетель Рубцов рассказывал относительно обстоятельства увоза из тюрьмы для расстрелов. Вы не помните, когда я его спрашивал, почему он не взял с собою больного тифом Попова, который вчера сидел рядом со мною,— потому ли, что не было перевозочных средств, или по каким-либо другим причинам, он ответил: «Это было неудобно»? До Вас не доходили сведения, что Рубцов и его приятели, присланные по записке Верховного правителя взять Кириенко, Девятова, Попова, Миткевича и других, искали в тюрьме возможности спустить больных тифом [через известные] «удобства»?[2]

Третьяк. Эти сведения доходили. До меня доходили сведения еще такого рода, что омская контрразведка — я не помню фамилию лица, которое стояло тогда во главе контрразведки, кажется, на букву «Б»[3],— воспользовавшись этим восстанием как поводом, захотела буквально истребить наиболее неблагонадежные части военные и одновременно расправиться с заключенными в тюрьме и в концентрационном лагере. Причем в то время, как раз на другой день после восстания, у меня на квартире происходило совещание [губернских] комиссаров труда. И вот на этом совещании — я уже не знаю, откуда они почерпнули сведения,— было констатировано, что уже после восстания некоторые воинские части, не принимавшие участия в восстании и с точки зрения правительства считавшиеся неблагонадежными, были пропущены сквозь пулеметный огонь: просто была сделана ложная тревога, были расставлены пулеметы, солдаты начали выбегать из казарм, и таким образом все были пропущены через пулеметный огонь[4].

Гойхбарг. Не доходили ли до Вас сведения, что только потому, что Рубцов и его приятели не нашли удобного выхода в клоаку, они по этой причине не опустили Попова и Миткевича, больных тифом, в клоаку?

Третьяк. Я этого не слышал.

Гойхбарг. А 24 декабря [1918 г.] Вы слышали в заседании Совета министров о том, что действия милиции должны быть признаны выше всех похвал? После этого Вы отправлялись к этим министрам, жали им руки и разговаривали с ними?

Третьяк. Вслед за этим я уже подал заявление об отставке. Между прочим, на том совещании комиссаров труда, которое в момент восстания происходило в моей квартире, комиссары труда пришли к такому заключению, что мне лично, персонально, из Омска нужно исчезать, для того чтобы не быть исчезнутым.

Гойхбарг. А Вы не встречались ли со своим патроном и здоровались ли Вы с ним?

Третьяк. С Шумиловским я перестал здороваться приблизительно еще 15 декабря. А вообще отношения у нас были совершенно испорчены после целого ряда происшедших у меня с ним крупных столкновений на почве деятельности министерства труда.

Гойхбарг. А с другими тоже не здоровались?

Третьяк. Нет.

Гойхбарг. А не по Вашему [ли] предложению было отменено звание комиссара труда, а чтобы были инспекторы? Чем Вы это мотивируете?

Третьяк. Звание комиссара труда было отменено уже после того, как я ушел из министерства. Кажется, не то через месяц, не то через полтора[5]. Вопрос об издании закона об инспекторах труда был действительно возбужден мною, приблизительно в августе месяце 1918 года.

Гойхбарг. А чем Вы мотивировали необходимость отменить самое звание комиссара труда?

Третьяк. Я состоял комиссаром труда, но [Временное] Сибирское правительство через несколько дней после того, как оно здесь установилось, одним общим постановлением отменило все декреты советской власти, в том числе и декреты советской власти о труде[6]. С другой стороны, не был издан какой-нибудь закон, который бы привел в автоматическое движение все законы, которые были изданы Временным правительством о комиссарах труда. Таким образом, были назначены комиссары труда, но не было такого законоположения, на основании которого они могли бы действовать. Я тогда свое положение определял так: я нахожусь вне закона. И поэтому мною было возбуждено ходатайство о том, чтобы был издан закон о местных органах министерства труда. Причем по той ситуации политической, которая тогда создавалась, мне казалось, что вообще институт комиссаров труда будет уничтожен, потому что самое имя комиссара труда приводило промышленников и предпринимателей в состояние чрезвычайно активное…

Гойхбарг. Такое же, как красный платок на быка?

Третьяк. Да. И, главным образом, я ходатайствовал о создании местных органов труда потому, что без них было положительно невозможно работать.

Гойхбарг. Так что Вы считали, что Вам необходимо для возможности защищать интересы рабочих издание такого закона со стороны [Временного] Сибирского правительства, который не приводил бы в бешенство предпринимателей?

Третьяк. Я этого не скажу, чтобы был такой закон, который бы не приводил в бешенство предпринимателей. Вообще тогдашнее правительство не в состоянии было издать какой-нибудь закон, который мог бы приводить в бешенство пред-

принимателей. Я закон об инспекторах труда считал законом старым, [он был введен] еще в 1917 году во время министерства Скобелева[7] в Петрограде. Я в Иркутске в мае месяце поднимал вопрос об учреждении комиссариата труда. И в комиссии я поднял вопрос не только об инспекторах труда, но и об оплате труда, об органах труда и — при них — об инспекторах труда.

Гойхбарг. Вы в декабре месяце 1919 года принимали участие в тайной военной организации, которая была направлена на свержение так наз[ываемой] колчаковской власти и власти насильников в Сибири?

Третьяк. История моего участия следующая. После приезда моего из министерства [труда] я в 1919 году на нелегальном заседании в Иркутске сделал доклад об Омском правительстве и призывал на путь вооруженной борьбы с Омским правительством. В феврале [1919 г.] я состоял членом по созыву нелегального крестьянского съезда. В марте созвался нелегальный крестьянский съезд, и на этом съезде была поставлена организация вооруженного восстания против Омского правительства. На этом съезде я был избран членом исполнительного бюро крестьянского объединения[8]. С тех пор я принимал участие во всех нелегальных работах по организации вооруженных сил против Омского правительства. Приблизительно с октября месяца [1919 г.] я был избран [в] исполнительное бюро Сибирской группы с[оциалистов]-р[еволюционеров] автономистов[9], отколовшихся от правых [эсеров] и ставших на советскую платформу, представителем для связи с представителями [Сибирского] ЦК [большевиков][10], с представителями [других] политических организаций в Сибири. И с того времени до установления советской власти состоял в непосредственной связи с представителями [Сибирского] ЦК коммунистической организации, совместно с ними организовал штаб и в составе штаба проводил восстание в Иркутске.

Гойхбарг. Больше у меня нет вопросов.

Защитник Ааронов. В прошлом своем объяснении Третьяк объявил, что закон о больничных кассах был отменен. Я имею [возможность] представить революционному трибуналу постановление Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства от 19 июня 1918 года, в котором указывается, что впредь до реорганизации общегородских больничных касс [и] изменения их состава в соответствии с требованиями общегосударственной жизни существующие в Западной Сибири больничные кассы продолжают свою деятельность[11].

Кроме этого, я ходатайствую об оглашении интервью с министром труда Шумиловским, помещенного в № 54 «Правительственного вестника» [от 28 января] 1919 г., которое мною представлено, и продолжения этого интервью в «Правительственном вестнике» № 56 от 30 января 1919 года, в котором гражданин Шумиловский изложил свою программу деятельности в министерстве труда, из которой революционный трибунал усмотрит, что Шумиловский, вступая в министерство труда и определяя программу деятельности с точки зрения его, субъективной, руководствовался интересами защиты и охраны труда в тех условиях, которые создались в Сибири после падения советской власти[12]. В этих же интервью Шумиловский указывает на ту трудность...

Председатель. Вы уже комментируете интервью. Вы, может быть, лучше его огласите?

Защитник Ааронов. Ввиду того, что это интервью очень большое, я прошу приобщить этот номер «Правительственного вестника» к делу и разрешить мне на него ссылаться.

Затем я ходатайствую об оглашении журналов заседания Совета министров, в которых обсуждались преимущественно проекты министра труда Шумиловского о больничных кассах: журналы заседания Совета министров №№ 17 [от 30 ноября] и 16 [от 29 ноября 1918 г.][13], затем — журнал заседания Совета министров 3 декабря 1918 года, в котором [был] принят проект постановления о продолжительности рабочего времени, где устанавливается 8-мичасовой рабочий день[14].

Кроме того, я ходатайствую об оглашении журнала заседания Совета министров № 153, в котором обсуждался доклад Шумиловского о создании комиссии по выработке прожиточного минимума[15]. И, наконец, я прошу разрешения ссылаться на журнал заседания Совета министров от 24 декабря[16] 1919 года, в котором отклонено прошение Шумиловского об отставке[17].

Гойхбарг. Некоторые из них уже были вручены раньше председателю революционного трибунала, а против других я никаких возражений не имею.

Ааронов. Кроме того, я прошу о приобщении к делу секретного отношения помощника начальника жандармского управления, в котором указывается на противоправительственную деятельность Шумиловского до Февральской революции.

Гойхбарг. Против приобщения этого документа к делу я возражаю, потому что бесполезно приобщать к делу мнение жандармов, когда официально и гласно подсудимый Шумиловский выступил выборщиком от с[оциал]-д[емократической] организации, которая, разумеется, не поддерживалась существовавшим царским правительством.

Председатель. Я полагаю, что вопрос о причастности Шумиловского к революционной организации в дореволюционный период никем не оспаривался и на суде подтверждался.

Ааронов. Если это не оспаривается, то я удовлетворен.

Затем относительно подсудимого Преображенского. Я ходатайствую о приобщении к делу объяснительной записки к проекту сметы министерства народного [просвещения] за 1919 год, в которой указывается на ту программу деятельности министерства народного просвещения, которую предполагал осуществить подсудимый Преображенский, и на определенное место в программе, которое он отводил внешкольному образованию, созданию единой народной школы и начальному образованию[18].

Гойхбарг. Я же возражаю против приобщения к делу объяснительной записки, которая свидетельствует не о действиях, а о предположениях. Я не знаю, какое она может иметь доказательное значение перед революционным трибуналом.

Ааронов. Я возражаю против заключения [государственного] обвинителя на основании тех основных положений об уголовном праве, которые помещены в № 66 «Собрания узаконения [и распоряжений] рабоче[го и] крестьянского правительства», в которых определенно и категорически указывается, что для суждения о виновности того или другого лица необходимо исследовать его прошлую деятельность, те условия, в которых он провел свою прошедшую деятельность[19]. И так [как] эти предположения, которые выразились официально в докладной записке, свидетельствуют о его намерениях, то поэтому я считаю, что этот документ, который я ходатайствую приобщить, имеет существенно важное значение для дела.

Гойхбарг. Я просил бы объяснения: в «Руководящих началах Уголовного права» таких указаний, чем руководиться при определении виновности, нет. Там, может быть, говорится о применении наказания?

Председатель. Суд постановил эту записку приобщить к делу.

Ааронов. Затем я ходатайствую о приобщении к делу выписки из газеты «Правительственный вестник» № 142 от 22 мая 1919 года, в которой излагается стенограмма речи министра народного просвещения Преображенского от 16 мая, в которой он также указывает на план работ, которого он будет придерживаться в министерстве и из которого суд усмотрит те намерения, с которыми Преображенский вошел в состав министерства и которых он думал придерживаться во всей его деятельности.

Гойхбарг. Раз трибунал уже приобщил [одно] намерение, то я против других намерений не возражаю.

Ааронов. По делу Ларионова я ходатайствую об оглашении протокола заседания Совета министров от 22 июля 1919 года № 132, в котором по предложению министерства путей сообщения отпущено Троицкой ж[елезной] д[ороге] 1 000 000 руб. на покупку продовольствия рабочим[20]. Затем протокол заседания № 135, в котором заслушан доклад министерства путей сообщения об улучшении положения служащих Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги][21]. Точно так же доклад министерства путей сообщения [в журнале заседаний] № 140 об улучшении положения рабочих Забайкальской ж[елезной] д[ороги][22]. Наконец, журнал № 187, в котором заслушан доклад министерства путей сообщения об удовлетворении экономических нужд рабочих и служащих[23].

Председатель. Какие вопросы они могут осветить? Никто Ларионова не обвиняет в том, что он по своему ведомству ничего не делал. Его судят не за ведомственную деятельность, а все [сказанное] указывает [на то], что Ларионов являлся деятельным членом этого министерства.

Гойхбарг. Я возражаю против приобщения, если можно так говорить, к делу Ларионова именно этого документа. Когда приходилось говорить о деятельности министра путей сообщения, подсудимый Ларионов заявил, что за действия Устругова он не отвечает — за плохие действия. А за те, которые, по-видимому, считаются хорошими действиями, он отвечает. И о распространении этих заслуг на подсудимого Ларионова высказывается сейчас защита. Я думаю, что в этих журналах нет ни малейшего указания на то, что это исходило именно от Ларионова.

Председатель. Суд решил в приобщении этих документов, как не относящихся к делу, отказать.

Ааронов. По делу Хроновского я ходатайствую о приобщении к делу проекта положения о финансировании частных предприятий, имеющих общегосударственное значение, и об участии казны в этих предприятиях, составленного Хроновским, в котором с определенностью указывается на ту борьбу, которую Хроновский хотел вести с расходованием государственных средств по финансированию частных предприятий, и в котором указывается, что Хроновский как систему этой борьбы устанавливает необходимость участия в прибылях и [в] управлении со стороны государства.

Гойхбарг. Не возражаю.

Ааронов. Затем по этому же делу ходатайствую о приобщении акта положений об изменении действующих законов об обложении, в котором Хроновский с определенностью устанавливает необходимость передачи всего дела во владение[24] органам местного самоуправления.

По делу подсудимого Грацианова я ходатайствую о приобщении к делу номера газеты «Сибирский вестник»[25] за 1905 год, в котором помещено письмо общественного деятеля, характеризующее Грацианова как крупного муниципального

работника, муниципального врача и крупного идейного общественного деятеля, который боролся с реакцией.

Гойхбарг. Я не возражаю.

Ааронов. По делу подсудимого Клафтона я ходатайствую о приобщении к делу номера газеты «Наша заря» от 1 января 1919 года, в котором помещен протест [президиума] Восточного отдела [ЦК] партии народной свободы по поводу произведенных расстрелов 22 декабря [1918 г.].

Гойхбарг. А подпись там имеется?

Председатель. Это к Клафтону не имеет никакого отношения.

Ааронов. Поскольку Клафтон и по обвинительному акту является председателем [президиума] Восточного отдела [ЦК партии кадетов], постольку протест Восточного отдела характеризует отношение Клафтона к этим событиям. И поскольку мы предполагаем, что при помещении этой заметки о протесте к[онституционных] д[емократов], несомненно, не имелся в виду настоящий процесс, я полагаю, что настоящая заметка не может вызвать сомнения в наличности настоящего акта.

Гойхбарг. Хотя для меня неизвестно, присутствовал ли тогда подсудимый Клафтон в Омске, я тем не менее не возражаю.

Ааронов. Я имею [намерение] также ходатайствовать о приобщении к делу № 142 «Правительственного вестника» от 22 мая 1919 года, в котором помещена стенограмма речи Клафтона, произнесенной им на конференции партии народной свободы, в которой Клафтон определенно и категорически заявляет, что возврата к прошлому нет и быть не может[26].

Гойхбарг. Я возражаю против приобщения к делу этой газеты, потому что когда я оглашал содержание «Правительственного вестника», подсудимые возражали, так как они не читали [опубликованное о них]. Поэтому я не знаю, насколько стенограмма соответствует действительности и точности того, что было.

Председатель. Ввиду того, что статья вызывает целый ряд толкований, она является документом, допускающим возможность разных толкований. Например, тов. Косарев определяет [ее содержание] так: возврат к прошлому — возврат к советской власти. Вы просите приобщить этот номер газеты для установления такого факта?

Ааронов. В установлении того факта, что хотя Клафтон принадлежал к партии к[онституционных] д[емократов], но он принадлежал к тому ее течению, которое не мыслит возврата к царскому самодержавию, возврата к прошлому в смысле восстановления царской реакции, которое мыслит, что при настоящих условиях экономического и политического развития России возможно только создание демократической России. Так говорил Клафтон на заседании конференции.

Председатель. В обвинительном акте представлен вполне конкретный материал, причем никому из обвиняемых не ставилась в вину такая проблематическая вещь, как стремление к будущему или стремление к прошлому. Поэтому заметка, как конкретная, к делу абсолютно никакого отношения не имеет. И суд постановляет ее к делу не приобщать.

Защитник Айзин. Я прошу у революционного трибунала разрешения ссылаться на постановление Западно-Сибирского комиссариата, опубликованное в собрании его постановлений, о порядке увольнения [бывших] служащих советских учреждений[27].

Председатель. На какой предмет?

Айзин. На тот предмет, что целому ряду моих подзащитных предъявлено обвинение в том, что они увольняли этих служащих.

Гойхбарг. Разрешите мне спросить, кто под этим постановлением подписан?[28]

Айзин. Марков[29], Михайлов[30] , Линдберг[31].

Гойхбарг. Я бы не возражал против приобщения к делу этого постановления после того, как революционный трибунал удостоверит, что Марков и Михайлов 5 января 1920 года были спущены под винт [парохода] на Ангаре[32].

Айзин. Я также просил бы удостоверить [это]. В связи с этем я просил бы огласить распоряжение об увольнении [бывших] советских служащих. Оно очень короткое и находится в связи с делом Цеслинского.

Гойхбарг. Не возражаю.

Секретарь ревтрибунала оглашает распоряжение[33].

Гойхбарг. Кто подписал, Цеслинский?

Айзин. Затем я прошу разрешить мне ссылаться на имеющееся в деле постановление Совета министров о порядке препровождения арестованных в связи с большевизмом, [пункт] № 9, о том, что они пересылаются на положении военнопленных[34].

Затем я ходатайствую из дела Жуковского огласить отзыв сослуживцев, чем Жуковский занимался в министерстве, и копию телеграммы министра Сукина о деятельности Жуковского.

Гойхбарг. Я не возражаю (*отзыв и телеграмма оглашаются*)[35]. Ввиду неясности оглашенных сейчас документов разрешите разъяснение сделать. Здесь сказано, что к ведению II департамента [министерства иностранных дел] относилось и руководство военнопленными. Сейчас было оглашено, что задержанные большевики препровождаются в порядке военнопленных. Я хотел бы спросить Жуковского: [к] ведению II департамента относилось препровождение большевиков?

Жуковский. Нет.

Айзин. Затем по незначительному моменту в отношении обвиняемого Цеслинского. Здесь Цеслинскому задавался вопрос с целью выяснения того, что он был оставлен [в занимаемой должности] с ноябрьского переворота [1917 г.]. Поэтому я предлагаю огласить эту телеграмму, может быть, обвинение признает...

Гойхбарг. Я не могу признать, что Цеслинский не мог быть уволен советской властью. То обстоятельство, что Цеслинский был в Питере, никакого отношения [к делу] не имеет, так как он сам признал, что во время пребывания в Питере была получена телеграмма, что здесь (в Сибири.— *В. Ш.*) комиссар [В. В. Рябиков], или советская власть, постановили удалить его от должности.

Председатель. Эта телеграмма вообще не имеет отношения к делу.

Айзин. Оглашает вторую телеграмму. Эти две телеграммы[36] вместе выясняют дело. Но если трибунал отказывает мне, я не настаиваю.

Прошу приобщить к делу Степаненко удостоверение.

Прошу приобщить положение «О главном управлении по делам вероисповеданий», где сказано, что [главно]управляющий по делам [веро]исповеданий имеет решающий голос в Совете министров лишь по делам своего ведомства[37].

Председатель. Это лишний документ.

Защитник Бородулин. Я прошу разрешения у чрезвычайного трибунала некоторым подсудимым задать несколько вопросов, чтобы осветить некоторые стороны настоящего дела.

Гойхбарг. Я возражаю против такого порядка. Мы условились вчера, что больше вопросов нет, что подсудимые будут делать заявления. Если теперь [снова] открывать судебное следствие, то я опасаюсь, что после этого вопроса мне тоже придется вопрос поставить в ответ. Если трибунал постановит, что больше вопро-

сов нет, то я не буду возражать. Но это случайное, неожиданное открытие вопросов подсудимым, мне кажется, разбивает то решение, которое было принято вчера.

Председатель. Нет, не разбивает. Я думаю, что вопросы можно задать.

Защитник Бородулин. Я хотел бы задать вопрос подсудимому Краснову. В каком порядке и от чьего имени производились ассигнования на военные нужды? И какое отношение государственного контролера к этому вопросу могло быть?

Краснов. На военные нужды обыкновенно испрашивало кредит военное министерство. Но это могло проходить и по другим министерствам, напр[имер] по министерству снабжения. Представления по этим кредитам предварительно поступали на заключение государственного контролера. И обычно по военным кредитам заключение контроля было в том смысле, что сократить нужно примерно в три раза.

Бородулин. Мог ли государственный контролер делать свои возражения при отпуске кредитов на военные нужды предводителям тех антибольшевистских войск, которые находились в других частях [страны], на Южном фронте или на Северном фронте? И в каком они порядке отпускались?

Краснов. Возражения делались формальные, потому что все войска, где бы они ни находились, подчинялись одному Верховному главнокомандующему и одному правительству.

Бородулин. Ревизовались ли государственным контролером операции Государственного банка и кредитные операции? И, в частности, золото и валюта расходовались с ведома или без ведома государственного контролера?

Краснов. Операции Государственного банка и кредитной канцелярии не ревизовались государственным контролером, потому что ему не было предоставлено это право до прохождения Устава ревизии. Устав ревизии был проведен в сентябре месяце [1919 г.][38]. И после его прохождения мною было дано указание во Владивосток, где находилось иностранное отделение кредитной канцелярии, приступить к ревизии этого отделения. Расходы валютного порядка проходили через иностранное отделение кредитной канцелярии. К ревизии было приступлено представителем контроля Алферьевым, но результат контроля мне уже не удалось получить.

Бородулин. С ведома ли государственного контролера был открыт кредит в сто миллионов [рублей] на агитацию за границей, о котором упоминал свидетель Деминов?

Краснов. Я слышал из показаний Деминова, что будто бы был открыт кредит на сто миллионов, но это обстоятельство мне неизвестно.

Бородулин. Может быть, Вы знаете о таком постановлении хотя бы post factum?

Краснов. Мне известен кредит на печать, два раза по десять миллионов [рублей] в распоряжение особого совещания по делам печати. А о ста миллионах я сведений не имел.

Бородулин. Здесь было ассигновано два раза по пятьсот миллионов [рублей] на нужды заграничной печати?

Краснов. При мне не было [ассигновано] два раза по пятьсот миллионов. Это слишком громадный кредит, чтобы он мог пройти незамеченным. Из военного фонда иногда брались некоторые суммы без ведома и Совета министров, и государственного контролера, но почерпнуть миллионный[39] кредит — тоже нет возможности.

Гойхбарг. Я хотел бы удостоверить один факт, имевший место. Мною был опубликован разговор по прямому проводу приблизительно следующего содержания: «Титул и способ нам не важны; нам необходимы средства; настойчиво повторяю, чтобы завтра это было проведено через Совет министров и чтобы завтра мы получили средства»[40].

Бородулин. Я должен удостоверить, что в этом разговоре Краснов не участвовал. По настоящему делу я ходатайствую об оглашении документов, имеющихся в деле на страницах 17, 20, 21 и 29. Это отзыв контроля [Иркутского] Политического центра и затем два отзыва заведующего отделом государственного контроля при Иркутском [губернском] ревкоме. А затем, если я не ошибаюсь, на страницах 21, 29 ходатайство всех служащих государственного контроля с оценкой деятельности и личности подсудимого Краснова.

Гойхбарг. Может быть, защита изложит содержание, [и] я не буду возражать.

Бородулин. Для краткости я могу сказать, что первые два отзыва высказывают положительный взгляд на его деятельность как государственного контролера и о его деятельности по этому ведомству. Что касается второго, в особенности последнего, ходатайства служащих о том, что[бы] подсудимый Краснов был отпущен на их поруки, то там указывается целый ряд сведений о личности подсудимого, его отношении к служащим, к их профессиональному союзу и отдельным проявлениям и действиям их профессиональной организации, которая имелась в государственном контроле, в частности о том, что демократические принципы сохранились именно в этом только ведомстве в отношении низших служащих[41]. Копии у меня нет, поэтому я выдержек привести не могу.

Гойхбарг. Я не возражаю, если будет удостоверено, что эти выдержки давались [Иркутскому] Политическому центру, в состав которого входили меньшевики, эсеры и другие организации.

Председатель. Вы настаиваете на этом?

Гойхбарг. Не возражаю.

Бородулин. Я знаю, что имеются в деле такие ходатайства, и говорю на том основании. Я не имею копии.

Затем я задам вопрос подсудимому Карликову. Скажите, пожалуйста, подсудимый Карликов, кроме Вас были еще товарищи министра в вашем ведомстве?

Карликов. Четыре товарища министра. Были два старших: товарищ министра по снабжению и [товарищ министра] по казачьим делам — и вновь назначенные в конце декабря[42] [1919 г.] ввиду необходимости немедленного и полного отделения начальника штаба Верховного главнокомандующего, каковая должность [раньше] совмещалась в одном лице. Нужно было составить орган, и являлась необходимость в двух новых товарищах министра, одним из которых был назначен я в качестве помощника по общей части.

Бородулин. В своих показаниях, данных Иркутской [чрезвычайной следственной] комиссии, Вы сообщали, что Вами был дан приказ [генералу] Жолтикову, чтобы воспитанники кадетского корпуса не принимали участия в восстании в смысле военных действий.

Карликов. Да, такой приказ был дан. И когда меня допрашивал К. А. Попов и еще один из присутствующих при допросе, мне задали вопрос, не имел ли место один подслушанный разговор по [телефонному] проводу? На это я ответил, что такой разговор был. И когда кадеты несколько волновались, они получили указание не участвовать в военных действиях. Меня запросили: «Являлось ли

это приказом или пожеланием?» На это мною было подтверждено, что кадеты не имеют права принимать активное участие в борьбе, происходящей в Иркутске. Он повторил: «Это приказ?» [Я ответил:] «Да, приказ». И он был исполнен беспрекословно.

Бородулин. Я обращаюсь к революционному трибуналу, если это заявление вызывает сомнение, пригласить присутствующего здесь [и] уже допущенного однажды в качестве свидетеля гражданина Попова.

Гойхбарг. Вы по своей инициативе или по приказу военного министра были назначены товарищем министра?

Карликов. По приказу министра. Сам не предпринимал никаких шагов. Я ответил, что по состоянию здоровья едва ли справлюсь с этой деятельностью.

Бородулин. Я ходатайствую об оглашении постановления [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссии, где указывается, что судебное преследование против Карликова должно быть прекращено ввиду отсутствия данных.

Павлуновский. Такое постановление было вынесено, но оно совершенно неправомочно.

Гойхбарг. В делах [Иркутской чрезвычайной следственной комиссии] имеются разные документы и разные факты. Я возражаю против этого. Я уже должен был один раз ссылаться на [Иркутский] Политический центр. Но указывать, что было постановление о прекращении дела, когда оно подлежит разбирательству следственных органов [чрезвычайного революционного] трибунала, невозможно. Поэтому я просил бы не ссылаться на подобные постановления.

Бородулин. Больше вопросов к Карликову не имеется.

Разрешите задать вопрос подсудимому Преображенскому. Скажите, пожалуйста, Вашим товарищем по министерству был Палечек? Когда он фактически вступил в отправление обязанностей?

Преображенский. В октябре [1919 г.] был назначен.

Бородулин. А фактически исполнял обязанность?

Преображенский. С 16 мая [1919 г.].

Бородулин. Больше вопросов не имею к Преображенскому.

Я желал бы задать вопрос Малиновскому. Скажите, подсудимый Малиновский, когда Вы подписывали телеграмму, копия которой имеется здесь в деле, Вы подписывали ее по приказу министра юстиции или по должности?

Малиновский. По непосредственному распоряжению министра юстиции была послана эта телеграмма. Ввиду отсутствия министра эта телеграмма по приказу и непосредственному его распоряжению была подписана мною. Обстоятельство это может быть удостоверено постановлением министра внутренних дел, которому министр юстиции сообщил, что им было сделано такое распоряжение.

Гойхбарг. Я прошу огласить текст этой телеграммы (*читает*)[43].

Бородулин. Подсудимый Малиновский, Вы имели право замещать товарища министра?[44]

Малиновский. Нет, не имел права.

Гойхбарг. Часто ли Вы присутствовали в заседаниях Совета министров?

Малиновский. Не присутствовал, потому что мне была дана совершенно определенная, резко очерченная задача заведовать деловой работой по первому департаменту юстиции[45]. Приходил туда на правах члена. 26 августа [1919 г.] я, выполняя поручение министра юстиции, делал заключение о необходимости назначения сенаторской ревизии по делам [Омского областного] вопрома. Этим ограничивалось все мое участие.

Гойхбарг. А Ваша телеграмма о том, что Вы назначаетесь председателем комиссии по разработке мер к охране железных дорог[46], и на обороте написано: «С целью усилить фронт».

Малиновский. Ничего подобного нет.

Гойхбарг. В деле Малиновского в конверте имеется такая телеграмма.

Малиновский. Заседание, назначенное по этому поводу, не состоялось. И я должен ответить...

Павлуновский. Дело в том, что Вы были назначены председателем такой комиссии.

Малиновский. Очевидно, был, раз такая телеграмма имеется. Это было 28 октября [1919 г.], почти накануне эвакуации из Омска.

Бородулин. Я прошу разрешить ссылаться на постановления [об учреждении] государственного контроля в Сибири[47], на утвержденное Временным [Сибирским] правительством постановление Совета министров[48] об учреждении государственного контроля[49] и на утвержденное Временным правительством[50] постановление Совета министров об утверждении Устава ревизии[51].

Гойхбарг. Если о том, что контролю предоставлялся только совещательный голос, то трибунал уже удостоверил, что Краснов обладал не совещательным голосом, а решающим голосом. Этим голосом [он] все время пользовался и на выборах Колчака без всякого права голосовал.

Бородулин. Только по делам законодательным с 1 июля [1918 г.] с правом решающего голоса. Это ведомство являлось независимым и подчинялось только военно-законодательным органам. И Краснов действовал в пределах прав, предоставленных ему законом.

Гойхбарг. Я возражаю, так как все это, написанное в бумажках, абсолютно не исполнялось. Подсудимый Краснов председательствовал [в Совете министров] по вопросу об управлении, и значит, имел решающий голос, ибо, насколько мне известно, немыслимо, чтобы председатель имел совещательный голос. Неоднократно им же делались доклады политического характера, к нему обращались за разъяснением политического положения. И в заседании [Совета министров], когда назначался Колчак, [он] все-таки подал голос, хотя это не было по вопросу законодательному, потому что не считались с теми бумажками, которые существовали.

Бородулин. Я считаю, что со стороны обвинения дано было объяснение по существу, как часть его обвинительной речи, разъясняющей, как смотреть на эти бумажки. Сейчас я ходатайствую, чтобы иметь право ссылаться на них в подтверждение тех действий или — равно — того бездействия, которое было проявлено Красновым.

Гойхбарг. Я именно поэтому поддерживаю свое возражение, раз революционный трибунал установил это. Но я никакой обвинительной речи не произносил.

Павлуновский. Суд Вам никакого замечания не делал.

Гойхбарг. Мне его сделал защитник через голову суда. Раз было установлено, что с этими бумажками не считались, я считаю, было бы искажением процесса ссылаться на бумажки, с которыми никто не считался.

Бородулин. Такого заявления, что эти бумажки не признавались, ни со стороны Краснова, ни с моей стороны не было.

Павлуновский. Я полагаю, что прошедшим перед судом материалом роль Краснова достаточно выяснена.

Ааронов. Я ходатайствую о приобщении к делу прошения Преображенского об отставке его[52] и письма Вологодского из дела № 12. Вологодский просит его еще хотя [бы] некоторое время остаться в должности министра[53].

Гойхбарг. Не возражаю.

Ааронов. По делу Василевского ходатайствую о ссылке на доклад главного строительного комитета в Иркутске, представленный в комитет труда и социального обеспечения, о ревизии деятельности Василевского и об удостоверении от чешского командования о приеме на хранение от Василевского 500 000 рублей[54].

Гойхбарг. Не возражаю.

Ааронов. По делу Червен-Водали ходатайствую ссылаться на разрешение Совета министров от 3 декабря [19]19 г., где по докладу Червен-Водали отпущено 3 миллиона рублей Иркутскому земству[55], и [на] особое мнение министра земледелия Петрова, где говорится: «Категорически протестую против поддержки революционной организации и остаюсь при особом мнении. Петров»[56].

Гойхбарг. Я не буду возражать, если мне разрешат задать вопрос подсудимому Червен-Водали, чтобы выяснить один факт. Скажите, подсудимый Червен-Водали, Вам Шкляровский[57], чиновник особых поручений, 4 января [1920 г.] делал доклад, что он расследовал деятельность Иркутского губернского комиссара Яковлева[58] и нашел целый ряд преступлений, что Яковлев взял мануфактуру, имевшуюся в качестве вещественных доказательств, и раздал ее офицерам на несколько миллионов рублей[59]. Вы заявили, что Вы не можете этого дела двинуть сейчас, потому что Вы через Яковлева ведете переговоры относительно налаживания отношений с общественностью, и что дело должно быть прекращено.

Червен-Водали. Такой доклад с поименованием всякого рода преступлений мне был представлен, причем главные преступления, о которых говорил Шкляровский, носили характер не тот, о которых Вы указывали. Там указывалось на его прошлую деятельность: на то, что [он] организовал эсеровские организации; что у него весьма излюбленный человек являлся лицом с отрицательным прошлым; с указанием целого ряда ссылок на разные его деяния, в том числе, может быть, было и это обвинение. Причем мною было замечено, что никаких объяснений по этому поводу я не давал, а потребовал, чтобы этот документ был доставлен в министерство внутренних дел, куда это дело и поступило.

Я не принимал чиновника Яковлева. Я с ним разговора не имел, а разговаривал непосредственно с заместителем председателя [Иркутской губернской] земской управы Петелиным[60] и городским головой Зиссерманом[61]. Из объяснений их выяснилось, что население и все учреждения находятся в высшей степени [в] плачевном состоянии, что многие учреждения в течение многих недель нуждаются в топливе, больные не получают пищи, служащие не получают жалования и т. д., [а] положение катастрофическое. Все это положение, изложенное Петелиным, вынудило меня [обратиться] к вопросу о создании в спешном порядке помощи. Поэтому был поставлен вопрос о ссуде в таком размере, как ходатайствовало земство. Я во внеочередном порядке поднял вопрос о выдаче в счет той суммы, которая будет проведена в нормальном порядке, 3 000 000 рублей. Таким образом, я не устанавливаю никакой связи между выдачей ссуды городу и земству и теми мерами, которые были представлены Яковлевым.

Гойхбарг. Раз этот вопрос затронут, я покорнейше прошу дозволить мне огласить показания по этому вопросу о раздаче мануфактуры. В противном случае я должен буду самым категорическим образом возражать по поводу порядка, который был принят.

Червен-Водали. Разрешите мне просить трибунал удостоверить, что я в своих показаниях не говорил, что я не помню, что никакой связи между моим разговором о ссуде земству и делом Яковлева не имеется. Вопрос, который был здесь затронут, стоял совершенно в другой плоскости: в плоскости борьбы, которая стояла по отношению к эсеровской организации[62], которая была в большом количестве в Иркутске. Поэтому я не говорил, что я не помню такого факта. Я не пытался [этого] опровергать. Я прошу подтвердить, что я эту мысль с совершенной ясностью излагал, не отклоняя этого факта, и не говорил, что я этого не помню.

Гойхбарг. (*Читает.*)[63] Этот документ относится к тому, что Червен-Водали не дал хода расследованиям преступлений Яковлева.

Председатель тов. Павлуновский. Я приобщаю этот самый материал к делу и считаю вопрос исчерпанным.

Ааронов. Не отпускали ли Вы, кроме трехмиллионной ссуды Иркутскому земству, еще ссуды черемховским рабочим и другим?

Червен-Водали. Была проведена трехмиллионная ссуда г. Иркутску на надобности работ земства. Был проведен законопроект о выдаче 20 миллионов [рублей] ссуды [новому продовольственному органу,] образованному при городском самоуправлении Иркутска при участии земства, кооперации и торговли, для усиления кооперации[64].

Кроме того, в дни восстания на той стороне реки [Ангара] было обращено ко мне ходатайство о разрешении выдать 5 миллионов рублей черемховским рабочим из сумм, числящихся на текущем счету в Государственном банке, для расчета с рабочими. Мною было выдано разрешение о выдаче 5 миллионов рублей. Кроме того, в дни восстания было выдано 40 000 рублей и передано чешскому командованию для расчета с железнодорожными рабочими[65].

Ааронов. По делу Введенского я ходатайствую о приобщении к делу заявления служащих огнетопа[66].

Павлуновский. Это может иметь значение свидетельского показания? Можно было бы вызвать свидетелей. Этот вопрос абсолютно не имеет значения.

Гойхбарг. Я не возражаю против деятельности Введенского как крупного ученого.

Ааронов. Я ходатайствую [об этом] в качестве подтверждения его отношения к рабочим. Я полагаю, что революционный трибунал не руководится формальной стороной.

Павлуновский. Ему не инкриминируется то, против чего Вы возражаете.

Червен-Водали. Я хотел просить трибунал огласить мое письмо Ходукину[67], устанавливающее, что я совершенно добровольно, не избегая ответственности, явился в [Иркутский] Политический центр. Это письмо было передано Ходукину 6 января [1920 г.] с указанием на то, что 5 января [1920 г.] я явился в Политический центр.

Гойхбарг. Такое письмо имеется.

Червен-Водали. Я просил бы удостоверить, что вечером 4 января [1920 г.] за моей подписью была отправлена телеграмма [генералам] Сычеву и Скипетрову с категорическим предписанием либо вернуть арестованных, либо передать их чешскому командованию[68]. Ответ на эту телеграмму я узнал уже при допросе меня Поповым или Денике. На эту телеграмму последовал ответ со стороны Скипетрова, якобы не понявшего содержания и отвечающего: «Чехов среди арестованных нет». Я прошу удостоверить этот факт либо показаниями Попова, либо других членов [Иркутского] Политического центра.

Павлуновский. Мы не оспариваем.

Червен-Водали. Я хотел задать вопрос такого рода. Был ли кто-нибудь из членов трибунала или из представителей обвинения знаком с материалами «Национального центра», из которых мне инкриминируется ряд обвинений? Если кто-нибудь ознакомился, я просил бы удостоверить, что в материалах, в которых имеется целый ряд установленных точек зрения и целая программа, совершенно нет намеков на какие-нибудь реставрационные или реакционные цели.

Павлуновский. Я с «Национальным центром» знаком с [19]18 года[69], но установить такого факта я не могу.

Червен-Водали. В документах, [написанных] на полотне, установлен целый ряд основ деятельности диктатора. Но там нет никаких фактов, устанавливающих реакционность или реставрационность.

Гойхбарг. Я возражаю против такой постановки вопроса. Из самого заявления Червен-Водали видно, что с участием подсудимого Червен-Водали вырабатывались ограничения для Деникина и других диктаторов. И это свидетельствует, что нет никаких намеков на реставрационную деятельность «Национального центра»? Для самодержца Николая также был выработан ряд пунктов.

Червен-Водали. Но если эти документы имеются, то я могу на них ссылаться?

Павлуновский. Они имеются в деле.

Малиновский. Я просил бы предложить задать вопрос подсудимому Ячевскому, что [действительно ли] министру внутренних дел Тельбергу было сообщено, что мною сделано распоряжение о возбуждении уголовного преследования против лиц, принявших противоправительственную резолюцию, против Иркутского земства?

Гойхбарг. Я возражаю против того, что подсудимые ссылаются друг на друга в качестве свидетелей относительно обстоятельств, не имеющихся в деле, а существующих, по их утверждению, в действительности, так как удостоверено, что они[, находясь под арестом,] переписываются.

Малиновский. Это не имеет связи с перепиской, о которой Вы говорите, [во-первых,] и, во-вторых, в этом деле имеется постановление [Иркутской] чрезвычайной [следственной] комиссии 1920 г., из которого видно, что перед чрезвычайной комиссией прошел весь материал, свидетельствующий о моей работе по министерству юстиции. И был произведен осмотр этих материалов, и вынесены определенные заключения. Поэтому я возбудил ходатайство об оглашении части указанных документов и моих работ. Если трибунал не признает возможным их огласить, ходатайствую об опросе К. А. Попова.

Павлуновский. Мнение [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссии касается оценки документов, а для суда ее оценка совершенно не обязательна. Вопрос идет не о том, какие документы имелись, а о том, как их оценивать. Я считаю, что можно ссылаться на все документы, которые прошли перед судом трибунала.

Гойхбарг. Если, может быть, некоторые подсудимые собираются такие ходатайства предъявить, может быть, разрешите мне сказать, что подсудимые имеют возможность какие угодно утверждения о своей деятельности здесь заявлять. И то, что они подтвердят наличностью документов о своей деятельности, никто не может оспаривать.

Клафтон. Разрешите установить один факт. Когда гражданин защитник представил номер газеты «Наша заря», где было сообщено о протесте к[онституционных] д[емократов] против расстрелов, [произведенных в Омске 22 декабря 1918 г.,] обвинитель сказал, что там нет моей подписи и он не знает, был ли я

председателем [президиума Восточного отдела ЦК] в это время и когда я приехал в Омск. Между тем вчера Вы изволили огласить телеграмму по поводу Земского союза, которая подписана мною 3 января [1919 г.], протестующую против бессудных расстрелов, отмеченную 12 января.

Гойхбарг. Я вчера ни одного слова не говорил, что Восточный отдел [ЦК партии народной свободы] посылал телеграмму. Я приводил выписку из газеты «Уральская жизнь», где сказано, что Клафтон посылал телеграмму генералу Гайда за успешную победу над красноармейцами. И сегодня я не высказывал никаких сомнений, что подсудимый Клафтон был председателем [президиума Восточного отдела ЦК кадетов]. Я только сказал, что мне неизвестно, что когда был такой протест, подсудимый Клафтон находился [ли] в Омске.

Клафтон. Я прошу удостоверить подробность, которую видит революционный трибунал[70]. Мне важно, что 3 января [1919 г.] я был председателем [президиума] Восточного отдела [ЦК партии народной свободы].

Карликов. Я прошу огласить показания свидетелей, которые были вызваны по инициативе [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссии. Я сам не успел ознакомиться [с показаниями], так как дело мне не было предъявлено. Они давали основания чрезвычайной следственной комиссии не предъявлять мне обвинения. Я сам не читал показания, но из тех постановлений, которые мне предъявлены, видно, что на основании кратковременного пребывания…

Павлуновский. Это касается оценки Вашей деятельности. Этот вопрос установлен судом, и ссылаться на него нечего.

Гойхбарг. Можно дать дело Карликову, чтобы он с ним ознакомился.

[Объявляется перерыв в заседании.] После перерыва.

Председатель. Заседание чрезвычайного революционного трибунала продолжается. По существу процесса в связи со всем следственным материалом, прошедшим перед ним, предоставляется для объяснения слово подсудимому Червен-Водали.

Червен-Водали. Прежде чем приступить к изложению объяснения по существу настоящего дела, я прошу разрешения в очень кратких чертах остановиться на фактах моей прежней общественной и политической деятельности, для того чтобы дать возможность революционному трибуналу судить о моей деятельности здесь, на фоне тех фактов, которые были сообщены мною здесь и которые мною были сообщены [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссии.

Предоставленный самому себе начиная с пятого класса гимназии и добывая средства к жизни собственным трудом, я окончил Петербургский университет по двум факультетам: физико-математическому и юридическому, причем по физико-математическому факультету я был оставлен в университете по кафедре физики для подготовления к профессорскому званию. Одновременно с этим как физик я был приглашен в Петрограде для опытов судостроительного бассейна[71] морского ведомства, занимающегося научными исследованиями мореходных качеств боевых судов с целью выявления наилучших качеств и наилучших типов судов. Для этой цели приходилось участвовать в постановке опытов как в учрежденном морским ведомством судостроительном бассейне, так и производить эти опыты на судах при их плавании. Одновременно с этим я являлся преподавателем физики и математики в одной из мужских гимназий Петербурга и читал лекции по электричеству в старших гардемаринских классах морского училища.

Затем, уже с 1903 года, я оставил эту деятельность и переехал в г. Тверь, приняв должность нотариуса и имея в виду приняться за широкую общественную дея-

тельность, которая всегда влекла меня к себе. Здесь я сразу вступил в число работников по городскому самоуправлению, будучи избран в городскую думу. Развернув широко работу по городскому самоуправлению и принимая самое деятельное участие во всех комиссиях и организациях городского самоуправления, мне пришлось, отходя подчас и от этой работы, заниматься самой широкой общественной деятельностью. Среди тех отраслей, которые мне хотелось бы здесь подчеркнуть, мне пришлось в период после первой революции 1905 года явиться организатором и председателем народного университета, в котором читались лекции для рабочих в рабочих районах и для городской демократии в городских районах.

Затем, в это же самое время выяснилось, что в городе Тверь, где имеется очень много фабрично-заводских учреждений — Тверская мануфактура, Рождественская мануфактура, вагоностроительный завод,— оставалось в критическом положении около 1 500–2 000 рабочих. Тогда по моей инициативе городская дума создала городской комитет оказания помощи безработным, председателем коего был избран я. В этот комитет были привлечены представители от безработных, для чего мною было устроено несколько собраний безработных, и, таким образом, в сотрудничестве с безработными мне пришлось установить целый ряд [видов] деятельности в этом направлении. Прежде всего, были сорганизованы широко общественные работы; затем, был организован ряд столовых и учреждений для оказания помощи детям и семьям рабочих. Кроме того, мною было организовано 12 трудовых артелей: мыловаренная, кровельная, кузнечная, слесарная и друг[ие]. Некоторые артели крепли, и получили дальнейшую возможность работать и сохранились до последней революции 1917 года; таких было две или четыре артели. Таким образом, в этой части мне пришлось много поработать и иметь близкое сношение с городской рабочей демократией.

Когда подошло время [Мировой] войны, мне пришлось [работать] в качестве одного из главных руководителей, а впоследствии председателя [местного] комитета Союза городов по организации помощи воинам. Затем, когда в России [наступили] тяжелые дни в смысле продовольствия, [Тверская] городская дума избрала меня председателем городского продовольственного комитета, который очень широко развил свою деятельность, привлекая кооперацию, промышленников и торговцев, а также представителей рабочих от фабрик. Таким образом, была широко поставлена продовольственная помощь населению. Причем одновременно с продовольственной помощью ставился вопрос об организации снабжения топливом. И, таким образом, пришлось деятельность продовольственного комитета развить в смысле снабжения топливом и поставить опыт большого муниципального огородного хозяйства на пространстве свыше 100 десятин земли.

В этой работе встретил я нынешнюю (Февральскую.— *В. Ш.*) революцию 1917 года. И по избранию рабочих, городских представителей, земских представителей, в первое время замененных представителями партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], крестьянских представителей, замененных в первое время [также] представителями партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], я был выдвинут на роль председателя [Тверского губернского] исполнительного комитета и бюро, каковым состоял в течение нескольких месяцев. Здесь мне пришлось сотрудничать с представителями разных течений. В числе организаций, входивших в комитет, были совет рабочих депутатов, совет крестьянских, совет военных и всяких других депутатов. Я оставался председателем [губернского исполнительного комитета] в течение нескольких месяцев. А затем, будучи избран членом управы Московской городской думы, я оставил гор. Тверь. И при расставании получил полное удовле-

творение в смысле признания за мною соответствующего председателю беспристрастия и умения руководить делом губернского исполнительного комитета.

Переехав в Москву, я занялся в качестве члена управы большим делом городской благотворительности, получив в то же самое время от Временного правительства поручение стать комиссаром по благотворительным делам в г. Москва. Затем, уже в августе месяце [19]17 года, я был командирован Союзом городов на Юго-Западный фронт, где при моем участии был восстановлен и сорганизован фронтовой комитет Союза городов Юго-Западного фронта. Возвратившись в Москву, мне пришлось встретиться с вопросом относительно того, чем мне заняться и вообще каким образом существовать. Здесь мне было предложено место во Всероссийском союзе торговли и промышленности по руководству целым рядом научных и практических постановок экономического характера. Всероссийский союз торговли и промышленности, объединяя торгово-промышленные организации, сам по себе не был промышленным предприятием, а являлся чисто общественной организацией, ставящей вопросы экономические и вопросы объединения деятельности торговли и промышленности в смысле отыскания лучших способов разрешения тех или других выдвигаемых жизнью вопросов.

Тут, в Москве, уже после большевистского переворота, в конце 1917 года мне пришлось получить поручение от бывшего участника Союза торговли и промышленности Федорова, который впоследствии был председателем «Национального центра», представить проект организации ведомства торговли, промышленности и труда по тем представлениям, которые соответствуют моей точке зрения. Эта работа была мною выполнена и передана по назначению. А затем, уже в конце октября 1918 года, я — ввиду высшей степени тяжелого положения в смысле продовольствия и в силу болезненности некоторых членов моей семьи и моего собственного нездоровья — я выехал на юг. Причем поехал в Киев и уже здесь вступил в организацию «Национального центра» в качестве полноправного члена. Оттуда я был направлен на юг, в Екатеринодар, где я принимал участие в разработке некоторых материалов по вопросам внутреннего управления и по вопросам торговли и промышленности.

До нас затем дошли сведения об организации здесь, в Сибири, власти Колчака. Причем все сведения, которые имелись на юге относительно характера этой власти, сводились к тому, что было опубликовано то воззвание или та декларация, которая была выпущена Колчаком и в которой указывалось на стремление его довести страну до [Всероссийского] Учредительного собрания. А затем, кроме того, было известно, что председателем Совета министров состоит Вологодский, человек социалистического направления и, во всяком случае, не вызывавший никаких сомнений о том, что здесь, в среде колчаковского правительства, имеется совершенно определенное прогрессивное настроение и направление.

В Екатеринодаре мне было предложено поехать в Сибирь, для того чтобы установить политическую связь с местными общественными деятелями и правительством Колчака. Причем я подчеркиваю, что эта связь должна была быть именно чисто политическая. Что же касается военных связей и установления военных сообщений, то для этого была командирована и раньше, и затем одновременно со мной делегация, состоявшая из военных, под руководством генерала [Н. В.] Нагаева. Таким образом, я и Волков взяли на себя исключительно политическую роль, и в качестве таковых мы выехали из Одессы в конце марта месяца 1919 года. Проехали мы до Владивостока, затратив на это путешествие около четырех месяцев, и, таким образом, только в июле месяце [1919 г.] мы приехали во Владивосток.

Я позволю себе отметить те впечатления, которые у меня получились при проезде от Владивостока до Омска. Уже при проезде от Владивостока до Омска настроения в разных кругах и среди тех пассажиров, с которыми мне приходилось встречаться, до некоторой степени вселили в меня догадку, что настроения, которыми живет Сибирь, далеко не те, как мы себе представляли, когда мы получили сведения об организации этой власти на юге. Проезжая через владения в Забайкалье, через владения Семенова, как мы впоследствии их называли, мы уже чувствовали определенное реакционное настроение и проявление определенных резких выходок со стороны представителей власти, возглавляемой там, в Забайкалье, Семеновым. Когда мы приехали в Омск, то здесь мы познакомились, прежде всего, с некоторыми деятелями правительства, т. е. с членами Совета министров, с некоторыми из товарищей министров. В это время Вологодского не было, и председателем Совета министров являлся Тельберг[72].

Проживши здесь около двух-трех недель и ознакомившись с господствующими здесь настроениями и той обстановкой, при которой развивалась и действовала эта власть, для нас стало совершенно ясно, что действительная власть вся сосредоточена не в руках Совета министров, а в руках военных и что, в конечном итоге, все начинания, какие бы ни производились Советом министров, являлись совершенно ничтожными по сравнению с той деятельностью, которая устанавливалась военными властями. В особенности принимая во внимание, что в этот период, когда мы приехали, вся Сибирь была объявлена на военном положении и везде были главнокомандующими реакционные генералы с определенными тенденциями взять в свои руки все гражданское управление.

Таким образом, когда меня принял к себе адмирал Колчак, я уже был достаточно осведомлен о том направлении деятельности, которое здесь в это время царило. И я в совершенно определенных и ясных выражениях указал Колчаку на гибельность такого рода политики и невозможность такого рода работы в вопросах внутреннего управления и доказал необходимость изъять из кругов военных властей всю часть гражданского управления и сосредоточить гражданское управление в органах гражданской власти, установив такой режим, который объединял бы правительство с обществом, с земствами, с городами и т. д.[73] и, таким образом, не отдавал бы население на произвол и распоряжение тех военных генералов, которые действовали не только сами по своему усмотрению, но давали возможность [так же] действовать всем своим представителям на местах в самых мельчайших городах. Коменданты и всякие другие под всякими наименованиями военные — каждый из них чувствовал себя [местным] диктатором. И поэтому происходили те картины, которые с такой яркостью и определенностью обрисовали здесь, на этом [судебном] процессе.

Как характерные и определенные указания на то, что гражданская власть фактически бездействует, мне пришлось говорить не только о фактах, но и тех материалах, которые имелись в качестве предметов военного законодательства. Это именно приказ, например,— я не помню за каким номером,— который трактует о военно-гражданском управлении в пределах полосы фронта и прифронтовой полосы. А так как понятие о прифронтовой полосе — довольно неопределенное понятие, то под этот приказ подходили районы вплоть до самого Омска.

Я до этого еще сделал доклад о тех точках зрения, которыми мы жили, которые [были] изложены в тех документах, которые здесь имеются перед трибуналом, Совету министров. Я сделал соответствующий доклад с указанием тоже на невозможное положение по вопросу о гражданском управлении. Но эти два доклада —

и у Верховного правителя, и в Совете министров — сразу поставили меня в положение оппозиции. И мне, в сущности говоря, уже с того времени не пришлось видеться с Верховным правителем и быть им принятым до дня, предшествующего последним дням отъезда из Омска. Т. е. в течение всего полугода, которые я провел здесь, я ни разу не был принят Колчаком, хотя один раз в качестве делегата от Государственного экономического совещания я должен был быть у него для целого ряда сообщений, о которых я сейчас буду говорить. Эта делегация также не была принята, и мне пришлось сразу встать в ряды оппозиции.

Будучи членом Государственного экономического совещания, я являлся участником земской [и] городской группы, вообще оппозиционно настроенной к правительству Колчака. И затем при разрешении целого ряда вопросов о положении вещей здесь, в Омске и в Сибири, Государственное экономическое совещание становилось на определенную точку зрения признания целого ряда ошибок и преступлений со стороны отдельных лиц. Была избрана специальная делегация, которая должна была представить Колчаку соображения о необходимости коренного пересмотра всей деятельности правительства и о переходе к более целесообразному и более демократическому методу управления. По этому поводу была организована делегация, в состав которой был избран и я в качестве представителя земской и городской группы. Эта делегация добивалась того, чтобы она была принята. И нам пришлось ограничиться разговорами с Вологодским, которому мы изложили свою точку зрения о необходимости сейчас же созвать Земское совещание, для того чтобы организовать демократическое большинство, которое бы дало определенный противовес тем настроениям, которые царили здесь в военно-реакционных кругах. Но этой делегации не пришлось быть принятой. И только уже в конце октября месяца [1919 г.] был вновь поставлен вопрос о необходимости сделать представление адмиралу Колчаку о необходимости смены правительства и отдельных лиц, и в частности смены председателя Совета министров. Опять была избрана делегация, которая была принята Верховным правителем. И здесь были сообщены соображения, в которых предъявлялись требования об изменении политики, о смене некоторых особенно одиозных фигур как военной, так и гражданской власти.

Вот в каких настроениях пришлось мне пережить здесь несколько месяцев в Омске. И когда я уехал в Иркутск, то я был очень далек от мысли, что я могу при каких бы то ни было условиях вступить в то правительство, которое мною таким образом характеризовалось. В Иркутске произошел у меня с [В. Н.] Пепеляевым разговор такого рода. Пепеляев сообщил о том, что он получил предложение от адмирала Колчака составить кабинет министров. Я одним из первых был у Пепеляева и стал доказывать, что невозможно Пепеляеву браться за эту ответственную роль, потому что имя Пепеляева, связанное с министерством внутренних дел и связанное с представлениями населения о его внутренней политике, является совершенно невозможным. И такое правительство не сможет пользоваться доверием, которое необходимо сейчас, хотя бы даже при изменившемся курсе. Но В. Н. Пепеляев указал мне на то, что курс политики должен быть совершенно круто изменен, что он становится на все те точки зрения, о которых я в свое время говорил в Омске, и если он, Пепеляев, не войдет [в правительство] и откажется [стать его председателем], то, по имеющимся у него сведениям, около Верховного правителя адмирала Колчака велась уже работа со стороны реакционных военных кругов о том, чтобы всю власть гражданского управления сосредоточить в руках одного из реакционных генералов, который был при Ставке[74].

Вот тогда мне был поставлен Пепеляевым вопрос: можно ли отказываться от власти при условии, если вместо нового направления, совершенно [не]реакционного и стремящегося найти общение с земствами и городами и вообще найти выход из создавшегося положения, и если эта власть не будет создана, то будет создана реакционная власть[75]. И результат мог быть чрезвычайно печальным как для населения, так и для всего Сибирского края. Таким образом, ко мне была обращена просьба взять на себя управление министерством внутренних дел [и обещано], что из состава старого правительства выйдут такие фигуры, против которых мы все возражали в свое время, а именно: Сукин, фон Гойер, министр снабжения [и продовольствия К. Н. Неклютин[76]]. А вместо них вошли Третьяков и Бурышкин, лица, относительно которых у меня имелось совершенно определенное мнение в смысле их нереакционного направления и в смысле желания создать демократическую власть.

Таким образом, был составлен кабинет [министров], в который я вошел. Причем как условие для компетентности этого кабинета были поставлены следующие основания: созыв Земского собора с правом решающего голоса, с законодательными и учредительными функциями, с тем чтобы властью Земского собора был разрешен вопрос о власти в Сибири, [не] предрешая вопрос о прекращении характера Всероссийской верховной власти адмирала Колчака. Это во-первых. Во-вторых, немедленное изменение внутренней политики в смысле поддержания земств и городов, в смысле общения и объединения деятельности земств и городов с правительством. Третье условие — подчинение военных властей гражданским, т. е. министру внутренних дел, в порядке управления. Четвертое — уничтожение министерства снабжения [и продовольствия], с тем чтобы вопросы постановки продовольственного дела для населения были переданы земствам и городам, а что касается военного снабжения, то его должно было взять на себя само военное ведомство.

Затем, ввиду имевшихся в высшей степени разноречивых мнений и сведений о деятельности министерства [снабжения и] продовольствия, о деятельности Михайлова, фон Гойера и Сукина, было постановлено и принято, чтобы деятельность их подверглась изучению вновь назначенными министром финансов и министром иностранных дел, и затем деятельность министра [снабжения и] продовольствия должен был осветить министр торговли и промышленности Окороков. После ознакомления с их деятельностью они должны были сделать доклады в Совете министров по вопросу о том, имеются ли основания для предания их суду и для назначения специальной ревизии. В связи с этим постановлением Михайлову, фон Гойеру и Сукину были разосланы письма с заявлением Совета министров о необходимости им оставаться в Иркутске до разрешения вопроса о том, что даст ознакомление с их деятельностью.

Затем, следующим условием было поставлено обязательство для Верховного правителя управлять исключительно через Совет министров, т. е. было сделано возражение против наличия каких-либо органов при Верховном правителе и против нахождения его вне сферы влияния Совета министров. Иначе деятельность Совета министров совершенно не могла быть проявляема, ввиду того что Верховный правитель очень часто производил действия и делал распоряжения, совершенно не соответствующие видам правительства в целом.

Кроме того, был поставлен вопрос о необходимости устранения военных и гражданских лиц, проявивших определенно незаконную деятельность. В целях достижения в особенности этих последних требований был командирован председе-

датель Совета министров Пепеляев к Верховному правителю, для того чтобы добиться, во-первых, смещения большинства из тех генералов, которые зарекомендовали себя определенной реакционной деятельностью; во-вторых, между Пепеляевым и Верховным правителем шли большие дебаты по вопросу о созыве Земского собора. Причем в делах имеется, между прочим, лента переговоров по прямому проводу, в которых сообщается требование, предъявленное Пепеляевым в почти ультимативной форме, относительно необходимости прийти к этому решению. В противном случае всю ответственность он возлагает на адмирала Колчака[77].

Затем было достигнуто устранение некоторых из военных лиц, и, таким образом, предполагалось, что если события не разыграются так быстро на фронте и в тылу, как они разыгрались, то возможно было установить порядок, при котором возможно совершенно миролюбиво, без какого бы то ни было кровопролития, каких бы то ни было катастроф разрешить вопрос о власти в Сибири.

После отъезда Пепеляева на запад к Верховному правителю пришлось нам под председательством заместителя председателя [Совета министров] Третьякова провести работу в течение нескольких недель. В числе работ, которыми занимался Совет министров, я позволю себе отметить прежде всего стремление со стороны управляющего министерством внутренних дел к объединению с органами земского и городского самоуправления. Я посетил в разное время как представителей [города], так и представители города [меня], и вел с ними переговоры относительно возможности установления такого режима, при котором земствам и городам явится возможность выждать организацию Земско-городского собора, который разрешит вопрос о власти в окончательной форме, а до того времени мы надеемся создать такой режим, при наличии которого население сразу почувствует облегчение.

Среди тех мер, которые иллюстрируют отношение правительства к земствам и городам, можно отметить прежде всего вопрос об облегченной выдаче ссуд как гор. Иркутск, так и губернским земствам, а затем привлечение губернского земства и города к организации продовольственной помощи населению. Таковая организация была создана по моему предложению губернским земством и городской думой с привлечением кооперации и представителей торговли, и эта организация должна была ведать закупкой и распределением всех продуктов в Иркутской губернии.

Для начала деятельности этот новый продовольственный орган, с закрытием деятельности министерства [снабжения и] продовольствия[78], нуждался в средствах. И для этого [был] проведен закон о выдаче ссуды в 20 000 000 руб. на начало этой работы.

Я позволю себе остановиться на характеристике деятельности министерства внутренних дел в этот период. Прежде всего, ко мне обратились представители земств по вопросу о том, чтобы земский деятель, бывший член Государственного экономического совещания Алексеевский, находившийся в Иркутской тюрьме, был освобожден. Он обратился ко мне с просьбой, и его просьба была удовлетворена в очень скором времени. Причем по выяснении обстоятельства дела я обнаружил, что по существу никаких серьезных обвинений к Алексеевскому предъявлено не было. Все обвинение было в высшей степени легковесное.

Кроме того, ко мне стали обращаться с просьбами об освобождении целого ряда других лиц. Среди прочих имелось обращение относительно общественного деятеля Исая Бланкова[79], который числился за военными властями. И мне при-

шлось для освобождения этого лица вести большие переговоры как с командующим войсками [Иркутского военного округа Артемьевым], так и с [комендантом города генералом] Сычевым. И после нескольких дней переговоров это лицо в конце концов было освобождено.

По вопросу освобождения тех или других лиц мне пришлось встретиться с таким фактом. В Нижнеудинске был известный общественный деятель, частный поверенный (я, к сожалению, забыл его фамилию; в своем показании я назвал его, потому что я его тогда помнил), приехавший в Иркутск по вопросам о безобразиях, творившихся в Нижнеудинской тюрьме. И когда он вернулся в Нижнеудинск, то по распоряжению генерала Марковского[80], командующего [войсками] Красноярской[81] губернии, в район которой почему-то был отнесен Нижнеудинский уезд Иркутской губернии, это лицо было арестовано. Причем ко мне обратился председатель [Нижнеудинской] городской думы Константинов[82] с указанием на то, что этому лицу грозит расстрел ввиду того, что он предан военными властями суду. Тогда я обратился с просьбой к Иркутскому командующему войсками о том, чтобы он его каким-нибудь образом освободил. Этого он (Артемьев.— *В. Ш.*) сделать в обычной форме не мог, и поэтому я настоял на том, чтобы он потребовал пересылки этого лица от генерала Марковского в Иркутск. Это было сделано. И, таким образом, это лицо, вернувшись в Иркутск, было освобождено. Здесь с полной очевидностью выявляется, насколько трудно говорить о виновности ведомства внутренних дел, о виновности его в тех арестах, которые чинились представителями контрразведки и военными властями.

Затем я позволю себе заметить, что когда я был министром внутренних дел, в г. Иркутск происходил целый ряд собраний определенно революционного направления, в том числе заседание городской думы, которое выразилось в определенном мнении о необходимости [антиколчаковского] переворота[83]. Причем в связи с этим заседанием не было произведено ни одного ареста, ни одного обыска. Таким образом, только благодаря решительному насилию со стороны правительства над военными властями этих арестов не происходило.

В тот же самый период в так называемом клубе [имени] Патлых[84] происходили почти ежедневные собрания. Также и здесь ни одного ареста за все время моего пребывания [министром] не было. Затем, были очень большие демонстрации и крупные собрания в Союзе земских и городских деятелей и вообще политических деятелей социалистической мысли. Было [23 декабря] собрание в [городском] театре, относительно которого мне было известно, причем мною были даны указания управляющему губернией Яковлеву, что препятствий к такому собранию не имеется. Тем не менее ко мне явился командующий войсками Яковлев[85], который заявил, что Иркутск находится на военном положении, поэтому он допустить собрания не может и желает принять соответствующие меры. Тогда после моих настояний эти меры свелись к тому, что собранию было объявлено, что оно считается незаконным и должно разойтись. И тут ни одного ареста не было произведено, ни одного эксцесса. Таким образом, я указываю на этот ряд фактов, которые указывают на совершенно беспомощное положение министра внутренних дел: как ему приходится просить, уговаривать и достигать соглашения.

Был составлен законопроект, который был представлен в Совет министров и который прошел единогласно против мнения только военного министра. Причем этот законопроект говорил о подчинении военных командующих в том случае, когда даже имеется на местах военное положение, министру внутренних дел и о правах этих лиц осуществлять права, предоставляемые военным положением,

исключительно через лиц гражданского ведомства. Таким образом, все военные власти как на местах, так и в центре совершенно устранялись от какого бы то ни было вмешательства [в управление][86].

Тут же был поставлен вопрос о том, чтобы вопросы о введении военного положения в той или другой мере должны были проводиться не иначе как через Совет министров, но никоим образом не через командующих войсками или главнокомандующих, которым подчинялись все войска округа. При разработке этого законопроекта мне пришлось встречаться с материалами, которые с совершенной очевидностью рисуют гражданскую власть в качестве совершенно беспомощной, не способной на проявление власти.

Даже такие вопросы, как цензура, и те находились в ведении Ставки. И когда мною было обращено внимание не невозможное положение органов печати и сделан был запрос командующему войсками Иркутского военного округа, которому подчинялся заведующий цензурой штаб-офицер, который с исчерпывающей категоричностью требует не пропускать ни одной статьи, которая так или иначе отзывается критически об органах власти гражданской или военной, то также стали такие распоряжения проходить.

В настоящее время контрразведка военная находится в распоряжении командующего войсками, не подчиняясь даже военному министру, а [подчиняясь] непосредственно Ставке. Таким образом, в сущности говоря, Совет министров — отдельный[87] представитель власти — является совершенно беспомощным и не способным что-нибудь сделать, потому что сила всегда находится в руках военных властей. И единственное средство — это изменение законов, регулирующих этот вопрос. Поэтому закон, о котором я говорил, закон о подчинении министерству внутренних дел для объединения власти административной в губернии и в то же время военной власти, когда она занимается вопросами управления, т. е. осуществляет права, предоставленные военным положением, мог бы достигнуть результатов.

Здесь, между прочим, указывал представитель обвинения на то, что по требованию одного из членов Совета министров, [а именно министра земледелия] Петрова, 30 ноября [1919 г.] было сделано представление о том, что поручается министру внутренних дел или управляющему МВД озаботиться тем, чтобы лица, осуждаемые следственными комиссиями на высылку из пределов губернии, не высылались [на территорию Сибири], так как эти лица являются пропагандистами и поэтому должны быть изолированы и не выпускаться из пределов губернии. Такое поручение действительно Советом министров было дано. Но те инструкции, которые были даны [министерством внутренних дел, и] предъявленные нам [фотографические] карточки с изображением ужасов Новониколаевска, совершенно не соответствуют тем мерам, которые были приняты.

Между прочим, я должен заметить, что Новониколаевск находился в районе фронта, где гражданские власти никакого значения не имели. Тем более в том хаосе, который возникал при всеобщем отступлении. За той жизнью, которая происходила в Новониколаевске, ни Совет министров, ни управляющие министерствами ответственности нести не могли.

Я должен заявить, что об этом мною было сделано заявление Петрову. Был приглашен [управляющий Иркутской губернией] Яковлев, который указал, что такие случаи с обязательством высылки из губернии иногда бывают. Но это сравнительно редкие случаи; никакого особенного значения [они] не имеют, и ничего особенно вредного от них ожидать нельзя. И потому мною не было принято ниче-

го в смысле изменения этого порядка. Я полагал, что это представителю обвинения известно. Я утверждаю, что в этом направлении никаких мероприятий со стороны Совета министров не было. Наоборот, было даже указано Яковлеву о необходимости вести процесс и проведение расследования. Причем я должен оговориться, что при прохождении [дела через членов] следственной комиссии права, связанные со смертной казнью, отпадают[88]. Такого рода наказания не производятся. Следственная комиссия может только продлить задержание в тюрьме или освободить.

Таким образом, я должен сказать, что все действия в период более или менее нормальной жизни в Иркутске, т. е. до появления периода восстания [26 декабря 1919 г.], проходили в стремлении осуществить те реформы и те течения, которые были намечены при вступлении моем в кабинет министров. Я должен отметить, что если бы здесь ту обстановку, при которой пришлось работать в Иркутске, перенести к той психологии, которая характеризует Сибирь в течение целого предыдущего периода, в особенности к таким событиям, как ликвидация восстаний по системе Розанова, [к] таким событиям, какие здесь раскрывались с полной ясностью, как 22 декабря [19]18 года; если бы эти события отнести к той психологии, я представляю (каждый из присутствующих слышал эти ужасы, которые нам описывали), какие результаты должны были [бы] быть в Иркутске, если бы вместо [э]той власти была власть реакционного направления, которая проводила бы эти [действия] с тем изуверством и с той определенной жестокостью, какие являлись в этих случаях. Эта картина была развернута здесь в период следствия. Я утверждаю, что в Иркутске в течение периода восстания гражданской властью не было произведено ни одного ареста. Военными властями под давлением гражданских властей также не было произведено ни одного ареста. Обратных сведений не имеется, это остается совершенно ясным. Таким образом, вся деятельность Совета министров была направлена к тому, чтобы не допускать эксцессов и жестокостей.

Я позволю себе перейти к периоду восстания [в Иркутске с 26 декабря 1919 г. по 4 января 1920 г.], где прежняя власть является властью в таком положении, в котором мы очутились в Иркутске,— властью беспомощной. И роль Совета министров и отдельных его представителей сводилась к роли смягчающей, посреднической и до некоторой степени ослабляющей те действия, которые со стороны военных властей могли быть направлены на подавление восстания. Я позволю себе отметить, что в середине декабря [1919 г. произошло] первое [антиколчаковское] восстание, которое было очень близко от Иркутска, [это] было восстание в Черемхово[89]. Для того, чтобы ликвидировать это восстание и договориться с восставшими, были приняты меры такого рода. Яковлев получил [задание] послать одного из своих помощников эсеровского направления, который должен был отправиться в Черемхово и выяснить картину и условия восстания и сделать попытку, чтобы восстание было ликвидировано. Эта попытка была [пред]принята, лицо это отправилось, но в результате никаких изменений не произошло[90].

Причем я позволю себе отметить, что уже в период восстания в Глазково[91], на той стороне Ангары, из Черемхово поступило ходатайство через чешских офицеров, чтобы выдать из Иркутского отделения Государственного банка 5 милл[ионов] руб[лей] для расчета с [черемховскими] рабочими. И несмотря на то, что это был район определенно восставший, эти деньги были переданы для расчета с рабочими. Это показывает, что у руководителей [государственной] власти вовсе не было какой-нибудь идеи мщения или стремления ухудшить положение рабочих

и вообще населения района, где является восстание. Вообще к этому вопросу придется возвратиться, когда мы будем говорить о восстании в Глазкове.

В тот же период, когда в Глазкове и Черемхове произошел переворот и Иркутск был осажден подходящими повстанцами, в этот период было выдано еще 40 миллионов рублей для расплаты с рабочими на Томской ж[елезной] д[ороге] в районе, где было восстание. Затем, 24 декабря [1919 г.] произошло в Глазкове восстание на той стороне Ангары при условии, когда [понтонный] мост не действовал, когда вся река была заполнена плывущим льдом. 26 декабря ко мне обратился бывший председатель [земской управы Симбирской] губернии Пашков с заявлением, что в земских и городских кругах имеется желание переговорить со мною по вопросу о передаче власти. Мною было изъявлено согласие, и Пашков передал представителям губернии, земств и городского самоуправления о том, что с нашей стороны препятствий не имеется к возобновлению переговоров.

Я должен отметить, что почти во всех показаниях говорится, что эти переговоры велись через Яковлева. Я утверждаю, что я Яковлеву таких поручений не давал. Яковлев, может быть, имел какую-нибудь связь с Пашковым. Я думаю, что тут какой-нибудь роли в смысле смягчения ответственности [наказания] это не играет. Но тем не менее я устанавливаю, что эти переговоры велись через Пашкова, который явился и заявил, что в земских кругах имеется такое желание.

26 числа [декабря 1919 г.] я принял представителей земств и городов, с которыми вел переговоры о передаче власти, причем предварительно я обменялся мнениями в Совете министров, который высказался [в том смысле], что передача власти желательна. При таких условиях при переговорах с представителями земств и городов удалось установить возможность такого соглашения, причем представители земств и городов должны были со своей стороны переговорить с теми, кто их уполномочил. Я со своей стороны должен был выяснить обстановку, чтобы выяснить условия, которые намечались. Я выяснил намечавшиеся условия. Это было прекращение всероссийского характера власти, отказ Верховного правителя от своих прав с передачей власти Деникину. Таким образом, в Сибири прекращается совершенно власть всероссийская, а остается только сибирская, и [она] передается земству с обязательством созыва в ближайшее время Земского совещания, которое должно разрешить вопрос об организации власти.

Четвертый вопрос — это вопрос о золоте[92], которое находилось в пути и фактически находилось во власти чехов. По этому поводу с нашей стороны было указано, что мы рассматриваем это золото как достояние всероссийское, не подлежащее передаче земству в качестве собственности сибирской, а оно должно храниться в качестве собственности всероссийской и должно находиться под охраной, официально принятой на себя всеми представителями всех союзных держав, находящихся здесь. Причем золото это должно храниться и при участии представителей [государственной] власти, вновь образовавшейся. Но [новая государственная] власть как таковая не имеет права собственности на эту ценность, которая является ценностью всероссийской.

Затем был поставлен вопрос о гарантии безопасности личности для адмирала [Колчака] как для частного лица после того, как он откажется от своих прав, а затем — гарантии всем другим представителям военной и гражданской власти, которые имеют право пропуска на восток под условием дачи честного слова о непринятии военных действий и непринятия участия в борьбе с вновь образовавшейся [государственной] властью.

Вот условия, которые были намечены в этом предварительном совещании. Затем, когда мы расстались, мне пришлось поставить вопрос о том, насколько приемлемы эти условия и вообще как к этому вопросу относится военная власть. И тут я с определенностью встретил заявление [генералов] Сычева и Артемьева, что [они] имеют категорическое предписание со стороны своего непосредственного начальника Семенова, чтобы принять соответствующие меры к подавлению беспорядков, не считаясь ни с чем, не останавливаясь перед мерами определенного воздействия и ареста, так, как они признают нужным. Таким образом, выходило, что военная власть не подчинялась тому решению, которое могло быть принято на следующий день в связи с переговорами. И, таким образом, эти дни переговоров, в течение которых мы устанавливали условия, являлись днями, которые можно было использовать, чтобы нарушить все условия, которые нами намечались. Таким образом, определенно была угроза для нас оказаться в состоянии людей, связанных обстоятельствами и не способных их отбросить.

Вот почему 27 декабря [1919 г.] я определенно заявил представителям земств, которые явились ко мне, что дальнейшие переговоры бесполезны, что видно из обстоятельств обстановки, при которой велись эти переговоры, так как передача власти должна была состояться около 5 часов, а в это время Сычевым было объявлено [в Иркутске] осадное положение с разрешением выходить до 6–7 часов вечера[93]. Чтобы гарантировать неприкосновенность прохождения по улицам означенных лиц, с которыми я вел переговоры, я должен был послать [сотрудника] к Сычеву с просьбой прислать восемь пропусков для представителей земств и городов, которые с этими пропусками были пропущены и благополучно проследовали домой.

Между тем прекратились переговоры и начался период борьбы чисто военного характера с повстанцами. Этот период — я позволю себе на нем несколько остановиться — прежде всего характеризуется тем, что здесь власть уже всецело перешла в руки военных, которые руководились указаниями Семенова. И гражданской власти приходится выступить здесь в роли совершенно неавторитетной власти, в роли людей, которым приходится не требовать, повелевать, а просить и устанавливать единственно возможные решения. В первую же ночь в [гостиницу] «Модерн», где мне пришлось находиться, стали поступать арестованные контрразведчиками[94]. Причем я отмечу, что имевшимся в распоряжении министерства внутренних дел отделом [государственной] охраны в течение всего этого времени пребывания в Иркутске правительства ни одного ареста произведено не было, а были произведены только аресты контрразведчиками [Иркутского военного округа]. Эти лица были арестованы и охранялись в помещении «Модерна», причем пользовались условиями совершенно приличными: пользовались пищей и помещением наравне с остальными воинскими чинами. Таким образом, [их] положение в смысле содержания было удовлетворительным.

Здесь я позволю себе остановиться на показании Черепанова, который заявлял, что он рассматривал их по постановлению Скипетрова или Семенова в качестве заложников, в то время когда я утверждаю, что у меня был разговор [с Сычевым] по вопросу о назначении над арестованными военно-полевого суда. Я давал уже соответствующие показания [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссии, что мною в присутствии Ларионова было заявлено и дано знать Сычеву, что я настаиваю, что[бы] ни о каком военно-полевом суде речи не поднималось, потому что для этого никаких оснований не имеется. В период восстания и тех событий, которые [в Иркутске] происходили, говорить о [военно-]полевом суде не приходи-

лось, и я категорическим образом возражал против такого суда. Полагаю, что из-за этого взгляд на арестованных как на заложников совершенно не подтверждается. И если была мысль о создании военно-полевого суда, то, значит, смотрели [на них] не как на заложников, а как на участников переворота, и намечались действия в связи с решениями этого суда.

Я позволю себе отметить, чтобы показать, что показания Черепанова не соответствуют действительности. Я должен сказать, что [позднее] эти арестованные в количестве 60–70 человек были перевезены [из «Модерна»] в училище за городом, [в] Оренбургское [Неплюевское] училище, помимо сведения кого-нибудь из Совета министров. Они были перевезены в этот период, когда положение на внутреннем фронте в Иркутске стало [для правительственной власти] угрожающим, когда повстанцы перешли реку, разграничивающую районы действий, [и] повстанцы [дошли до] самого города. И только в этот период, когда [военные власти] полагали, что [им] придется отступать, [они] перевели этих арестованных в училище. Когда [вскоре] фронт установился и был в таком же положении, как в первые дни, мне пришлось быть в училище. И я удостоверился, что арестованные находятся в целости, в помещении вполне удовлетворительном и получают пищу наравне с учениками. Таким образом, я счел, что положение арестованных не внушает подозрений.

Так как я заговорил об арестованных, то я позволю себе продолжить показания об этих арестованных. У меня не было никаких сомнений в их сохранности и невредимости. И это продолжалось до 3 января [1920 г.], когда я, ведя переговоры с союзниками о заключении перемирия на 24 часа с повстанцами, переехал обратно на ту сторону [Ангары]. И на заседании Совета министров, где должен был обсуждаться вопрос о перемирии и условиях соглашения, было заявлено мне, что имеются сведения, будто Скипетров требует вывоза арестованных. У меня в деле — это я видел уже на пути [из Иркутска в Омск] по железной дороге — имеется телеграмма Скипетрова или Семенова с требованием немедленно передать им арестованных.

Как только я узнал [об этом] в Совете министров, я вызвал к себе Черепанова и спросил его, действительно ли имеется такое распоряжение? Он мне заявил, что распоряжение уже сделано, что отобрано 13 человек, которые должны быть в первую голову отправлены в распоряжение Скипетрова. Мною было заявлено, что я сейчас вызову Сычева и буду с ним говорить, поэтому прошу его (Скипетрова.— *В. Ш.*) [распоряжение] не исполнять. Я обратился к военному министру [Ханжину] с просьбой командировать кого-нибудь к Сычеву, чтобы он пришел в «Модерн». И здесь в присутствии моем и военного министра он (Сычев.— *В. Ш.*) заявил, что такое распоряжение получил, но после моего требования, к которому присоединился и военный министр, он заявил, что распоряжение будет отменено. И тут же отменил это распоряжение Черепанова. Таким образом, я считал этот вопрос ликвидированным и [был уверен, что] арестованные никуда отправляться не будут.

Через несколько часов я получил от Черепанова сведения, что вторично послано требование уже не в форме телеграммы и распоряжения, а в форме подвод и конвойных, чтобы увезти арестованных. Я подчеркиваю, это было 3 января [1920 г.]. Я опять обратился с просьбой послать за Сычевым. Сычев прибыл и подтвердил, что посланы подводы с конвойными. Но по моему и военного министра настойчивым требованиям [Сычев] согласился не исполнять [данное распоряжение] и дал мне слово, что он арестованных из Иркутска никуда не вывезет.

С этим положением вещей я находился уже 4 января [1920 г.] до выезда на тот берег [Ангары] для продолжения переговоров. Таким образом, пока я был на территории Иркутска, арестованные находились на месте. И я был заверен честным словом Сычева, что арестованные никуда не будут вывезены. Таким образом, о том, что арестованные были вывезены уже после, для меня сделалось известным 4 января вечером, т. е. через часа 2–3 после того, как их фактически увезли. А увезли их четвертого [января] в тот момент, когда мы вели переговоры [с Иркутским Политическим центром]. Увез их Сычев вместе с той группой [военных], которая удрала из Иркутска.

В этот период, когда мы вели еще переговоры с представителями Политического центра, был вызван из японской миссии Ларионов, и ему русские представители японской миссии заявили, что, по имеющимся [у них] сведениям, Сычев вместе с группой офицеров из семеновского отряда бежал, захватив с собой арестованных. Ларионов, как он мне заявил, сделал распоряжение сейчас же по телеграфу, чтобы арестованные были возвращены. А затем была подписана телеграмма, о которой я говорил, которая была передана при посредстве чешского командования Сипайло и Сычеву. Таким образом, все, что могли гражданские власти сделать, они сделали. И я полагаю, что [нет] никаких оснований для того, чтобы связывать имя тех людей, которым пришлось в это тяжелое время принять на себя бремя власти, связывать с тем преступлением, которое совершено с арестованными. Я считаю, что [для этого], по моему глубокому убеждению, нет никаких оснований.

Я заканчиваю вопрос об арестованных как один из эпизодов, особенно сильно задевающих в данном процессе меня. Я позволю себе перейти к изложению фактов, которые имели место в период ведения переговоров [с Иркутским Политическим центром]. Я должен сказать, что мною принимались все меры к тому, что[бы] через посредство союзного командования добиться возможности вести переговоры с повстанцами о передаче власти. На приглашение мое союзного командования, чтобы вести переговоры, я получил уведомление, что оно, к сожалению, приехать не может, но может принять представителей правительства. Тогда 2 января [1920 г.] я выяснил у Сычева, какие имеются виды у военных властей. Он мне заявил, что им получено распоряжение во что бы то ни стало держаться и подавить восстание. Но тем не менее [Сычев] считал более целесообразным вступить в переговоры с Политическим центром, так как он заявил, что продержаться несколько дней он может, но это [будет] совершенно бесцельное кровопролитие, которое могло быть прекращено путем переговоров. И заявил согласие на то, что[бы] эти переговоры были продолжены.

Для того, чтобы заставить их (военных.— *В. Ш.*) принять на себя ответственность в этих переговорах, я настаивал на том, чтобы эти переговоры велись не представителями правительства, а представителями военных властей совместно с представителями правительства. И, таким образом, он (командующий войсками Иркутского округа Артемьев.— *В. Ш.*) как своего представителя командировал ген[ерал-майора] Вагина[95], который являлся начальником штаба командующего войсками [округа]. И, таким образом, на ту сторону [Ангары] с представителями союзного командования и союзной дипломатической миссии переправились мы втроем: я, Ларионов, военный министр [Ханжин] и, кроме того, Вагин, как представитель воинской силы.

Здесь я поднял вопрос перед союзным командованием, не возьмут[ся] ли союзное командование и дипломатическая миссия выбрать комиссию, которая должна вести переговоры с [Иркутским] Политическим центром, чтобы выяснить

приемлемые условия и принять на себя те условия, которые будут выработаны договаривающимися сторонами. Немного [времени спустя] после совещания в отдельном помещении представители союзников сделали заявление, что они не могут принять на себя роль посредников, а только в крайнем случае сообщат Политическому центру о [нашем] желании вести переговоры. После дальнейших переговоров они в конце концов согласились передать Политическому центру и взять [на себя] посредничество о заключении перемирия на 24 часа, с тем чтобы в течение этих 24 часов были выработаны условия окончательной передачи власти.

Таким образом, уже ночью, около 2 часов ночи со 2 на 3 января [1920 г.], в Политический центр, находившийся в помещении штаба на той стороне [Ангары], явились представители союзников. И здесь было подписано перемирие на 24 часа, устанавливающее, что то положение фронта, которое в данное время имелось, должно быть фиксировано и никаких перемещений или передвижений [ни] с одной стороны, ни с другой производиться не должно. И через 24 часа должно быть установлено соглашение[96]. Таким образом, утром — ночью мы пересматривали условия. А утром [3 января 1920 г.] я должен был отправиться на ту сторону [Ангары, в город], для того чтобы созвать Совет министров и окончательно установить приемлемость тех или других условий, оставив Ларионова и Вагина для ведения переговоров предварительно с тем, что они должны будут сообщить о результатах и условиях, выдвинутых Политическим центром.

Таким образом, в заседании [Совета министров] 3 января [1920 г.] мною был поставлен вопрос принципиально: так как мы начали переговоры без одобрения Совета министров, то я поставил вопрос принципиально о желательности этих переговоров. Совет министров присоединился [к нашему мнению][97]. И, таким образом, были одобрены переговоры, и тут же была отправлена телеграмма Верховному правителю о необходимости отказа [им] от своих прав[98]. Причем я позволю себе указать, что эта телеграмма не имеет совершенно в себе слова «умоляем», а имеет определенное слово: «настаиваем» на необходимости, а не «умоляем», как это сказано было в обвинительном акте и здесь говорилось. Таким образом, я должен отметить, что здесь не выражалось какой-либо мольбы или просьбы, а было предъявлено очень определенное, настоятельное выражение к бывшему Верховному правителю о необходимости произвести этот шаг.

Затем в течение всего этого дня Ларионов вел переговоры вместе с Вагиным с представителями [Иркутского] Политического центра, причем ни до чего определенного не договорились, а только немного определили вопросы и согласились на продление еще на 12 часов перемирия, до 12 час. 4 января [1920 г.]. И ночью только с 3 на 4 [января 1920 г.] по телеграмме Ларионова мне сообщили, что достигнуто соглашение о продлении [перемирия еще] на 12 часов, и общие условия, намеченные Политическим центром, относительно которых многие являются совершенно приемлемыми, а некоторые вызывают возражения. Таким образом, на другой день, 4 января [1920 г.], после того, как в Совете министров обсуждались более подробно по докладу Ларионова условия, которые были предъявлены Политическим центром Совету министров, [было] заявлено согласие [Совета министров] на принятие этих условий[99]. И, таким образом, в той части, которая была выслушана в Совете министров по тем данным, которые были сообщены Ларионовым, я, Ларионов и еще несколько лиц отправились на ту сторону [Ангары], чтобы вести дальнейшие переговоры [с Политическим центром].

Причем я позволю себе отметить, что эти переговоры начинались около 3 часов дня [4 января 1920 г.]. Приехав на реку, мы узнали, что чешский пароход,

на котором мы должны были уехать, не пойдет, а другой [пароход] оказался с поврежденным винтом и также пойти не мог. Таким образом, пришлось принимать меры, чтобы дать возможность другому пароходу, который находился в распоряжении японцев, двинуться. И, таким образом, мы переехали на ту сторону [Ангары] около 5 часов и около 6 часов — в русскую миссию, где находились представители Политического центра. С 6 часов начались наши переговоры, причем в этих переговорах уже было достигнуто соглашение по трем пунктам.

Первым пунктом был отказ адмирала Колчака от власти Верховного правителя и прекращение действий Всероссийского правительства на территории Сибири. Вторым пунктом являлась передача власти тому Земскому собранию, которое должен был созвать [Иркутский] Политический центр, т. е. Политический центр брал на себя обязательство созыва Земского собрания, к которому переходила власть на территории Сибири. Причем эти два пункта были согласованы таким образом, что сначала Политический центр настаивал на передаче [верховной] власти непосредственно Политическому [центру], а потом встал на точку зрения необходимости отказа [от верховной власти] Колчака с передачей прав Деникину. Но в конечном итоге мы согласились и оба пункта порешили в том смысле, что без всякого отказа [Колчака в пользу Деникина] должна состояться только передача власти Политическому центру.

Затем обсуждался третий пункт — [о российском золоте]. И мы должны сказать, что то, что формулировано здесь [обвинительным] заключением, не совсем соответствует действительности. В переговорах с союзниками мы заявляли, что то, что является достоянием союзников[100], как таковое, должно быть принято союзным командованием под общую их ответственность для сохранения до передачи всероссийской власти. Причем [военное] командование [союзников] со своей стороны заявило, что оно считает необходимым как средство такого участия в охране допустить присутствие разных, как они выражались, политических партий. Так что они (союзники.— *В. Ш.*) имели в виду создать эту власть на территории Сибири не с тем, чтобы золото это осталось в распоряжении союзного командования, а было собственностью всероссийской власти. Вот в каком смысле состоялось соглашение о золоте. И ни о какой передаче союзникам этого золота не было и речи в этом соглашении. Соглашение было принято союзным командованием и Политическим центром, который после этого не возражал[101].

Затем были переговоры относительно возврата того небольшого количества золота, которое застряло у Семенова во Владивостоке[102]. По-видимому, [Иркутский] Политический центр признал возможным поднять вопрос относительно этого золота не в качестве вопроса о соглашении, ибо мы, министры, дать его не могли, как власть уходящая, устраняющаяся. И Политический центр признал целесообразным взять разрешение этого вопроса исключительно на себя.

Мы стали подходить к дальнейшим вопросам — к вопросу о гарантии тех или других представителей власти: [Совета] министров, отдельных лиц,— когда произошел инцидент такого рода. Прежде всего был вызван Ларионов к телефону, где ему было сообщено, что Сычев вместе с группой офицеров и семеновскими войсками бежал. В то же время представитель союзного командования дал знать избранной комиссии, которая обсуждала вопрос о передаче власти [Политическому центру], что Сычев с группой офицеров и семеновскими войсками бежали из пределов Иркутска по направлению к [станции] Патронной. Причем попытались, уходя, вывезти тот небольшой золотой запас, который находился в Иркутском отделении Государственного банка, увезти другие ценности. Кроме того, уехав, они

увезли с собой тех арестованных, которые были впоследствии замучены на озере [Байкал][103].

После этого прекратились временно переговоры, и мы [были] в полной уверенности, что Политический центр выясняет обстановку. Нами было поручено Ларионову выяснить обстановку в городе. Причем оказалось, что Ларионову сообщено, что Сычев бежал, оставив после себя заместителем ген[ерала] Потапова. И Ларионов заявил: ввиду того, что переговоры ведутся, он настаивает, чтобы никаких арестов и военных действий Потапов не предпринимал. Обстановка около 9 часов вечера показала, что никаких боевых действий не было предпринято, и занятие Иркутска повстанцами произошло без всяких боевых действий. При занятии [повстанцами] гостиницы «Модерн» также не было ни одного выстрела.

Вот при каких условиях начались и кончились эти переговоры. Затем мы ожидали представителей [нового] правительства (Политического центра.— *В. Ш.*) на той стороне [Ангары]. Причем до часу ночи полагали, что представители Политического центра вернутся, чтобы закончить переговоры и прийти к полному разрешению вопроса, который был уже почти намечен и почти предрешен. Таким образом, мы просидели [до часа ночи], но представители Политического центра не являлись. На другой день утром, переночевав там, на станции [Иркутск], мы послали [делегата] к представителю Политического центра на станции, чтобы он выяснил, имеются ли на той стороне [Ангары] представители Политического центра, или переговоры прерваны. Он нам определенного ответа не смог дать и заявил, что Политический центр весь переехал с этой стороны [реки] и находится в городе.

Тогда, заручившись разрешением переехать на ту сторону [Ангары], я переехал в город. И первое, что я сделал, я явился в Политический центр в помещение Русско-Азиатского банка, но никого в помещении не застал. Я отправился в «Модерн». Меня не пустили, заявив, что «Модерн» оцеплен и занят. Проходя по улице, я заметил, что вывешены объявления об аресте некоторых членов [Российского] правительства, некоторых старых служащих и военных.

Я отправился в губернскую земскую управу в расчете найти [ее] председателя, чтобы окончательно выяснить положение. Причем его не застал, а затем написал ему письмо о том, что я в 12 часов дня 6 января [1920 г.] явлюсь к нему и прошу его предупредить Политический центр, чтобы он не считал, что я стремлюсь исчезнуть или уехать, и [что] явлюсь в 12 часов в распоряжение Политического центра. Так мною и было сделано. На следующий день я явился, и меня в губернской земской управе подвергли аресту. С этих пор я нахожусь в тюрьме. Таким образом, я устанавливаю, что я не делал никакой попытки к бегству, шел совершенно сознательно на ту ответственность, которая мне предстояла и предстоит, и никаких мер, чтобы избегнуть ответственности, не предпринимал.

Я хотел сказать еще несколько слов по специальному вопросу, именно по вопросу об этом злосчастном документе[104]. Я вторично удостоверяю перед трибуналом о том, что я, уезжая с юга в Сибирь, принял на себя исключительно политические полномочия и ни в какие военные дела не посвящался. И поэтому я утверждаю, что этот документ у меня быть не мог, что он попал ко мне случайно при перепутывании документов [после ареста и обысков]. Потому что, я утверждаю, мои документы, относящиеся к «Национальному центру», находились в номере 21 [гостиницы «Модерн»] в отдельном портфеле, а не в той папке, в которой был предъявлен здесь документ. Эта папка по своим размерам несомненно больше, чем тот портфель, в котором находились мои документы. И поэтому я убежден в том, что в этой папке были совмещены мои документы и какие-то другие документы.

Я говорил, что в этом № 21 [гостиницы] хранилась пачка документов, планов, карт и книг, принадлежащих [В. Н.] Пепеляеву. Я уверен, что этот документ у меня быть не мог. И поэтому единственное предположение, которое я могу строить, это думать, что этот документ попал в эту папку случайно из документов, принадлежащих не мне, а принадлежащих Пепеляеву.

Кроме того, я позволю себе обратить внимание [на то], что вчера было прочитано письмо, в котором имеются указания на военные сведения, и [говорилось,] что это письмо было направлено из Киева в Екатеринодар. По [его] содержанию [ясно] — вероятно, гражданин председатель [революционного трибунала] обратил [на это] внимание,— что здесь идет речь о событиях на территории Украины и о том, что на Украине в это время велась борьба между петлюровскими войсками[105] и гетманом Скоропадским[106] и еще с целым рядом других организаций. А сводка об этом вопросе и являлась тем содержанием, которое нужно отнести к понятию...

Председатель. Текст подлинный, и это московские военные сведения.

Червен-Водали. Насколько я помню, я считал, что все эти сведения относятся только к киевским и украинским событиям. Если бы это было бы иначе, то я являюсь в данном случае вовсе не лицом, которому направлялись эти сведения, а лицом, которому они направляли [данные сведения] для того, чтобы передать военному штабу. Но я очень сомневаюсь [в этом].

Председатель. (*Оглашает выдержки из письма.*) Эти сведения из Москвы.

Червен-Водали. «Вам» — это не значит мне лично. А в Екатеринодар потому, что я в военные операции не был посвящаем по соображениям, которые для меня совершенно ясны. Таким образом, я вторично настаиваю на том, что этот документ у меня быть не мог, и никакой ответственности [за него] на меня я бы считал справедливым не налагать, потому [что] по характеру своей деятельности я в военные сферы не вмешивался. Так, например, по приезде сюда я ни с кем из военных не виделся, потому что была специальная военная миссия. Я же занимался исключительно политическими задачами. Причем в данном случае — как Вы, вероятно, обратили внимание — все эти документы сохранились у меня. Они не были использованы, потому что те настроения, которые здесь имелись, сразу меня перевели в положение, оппозиционное к [колчаковскому] правительству. И я ни в какие соглашения не входил, никаких разговоров об организации «Национального центра» или о работах «Национального центра» мне не пришлось вести. Я только принимал участие в обсуждении вопросов внутреннего управления и выяснял точку зрения «Национального центра» на вопросы внутреннего управления.

Я должен сказать, что вообще здесь, на территории Сибири, «Национального центра» или отделения «Национального центра» как такового не существовало и деятельности «Национального центра» здесь совершенно не имелось. Об этом могут свидетельствовать те, которым пришлось здесь жить во время пребывания моего и Волкова, за исключением [В. Н.] Пепеляева, который мог иметь сношения помимо нас.

Вот те соображения, которые мне хотелось дать в качестве общих соображений. Теперь я позволю себе еще очень кратко остановиться на вопросах, которые проведены по всему тексту обвинительного акта, относящегося ко мне. Если Вы разрешите, гражданин председатель...

Председатель. Я не хотел останавливать Вас. Но Ваше объяснение имеет сходство с последним словом, которое является ничем иным, как защитой против обвинения. Объяснение, во всяком случае, не должно носить такого характера.

Оно должно выяснить целый ряд конкретных фактов, выяснить истинную природу и осветить действительную точку зрения.

Червен-Водали. Я извиняюсь, если это так вышло. Я к этому не стремился. Я хотел изложить факты. И если это вышло самозащитой, то я просил бы отнести к особенностям [моей] натуры [произнесен]ную речь. Субъективность в данном случае является результатом некоторой нервности, которая присуща всегда людям, когда они находятся в моем положении. Если разрешите, то по этим пунктам я хотел показать, что реакционных монархических идей во мне не существовало. И вся моя предыдущая и последующая деятельность никогда и при каких условиях не проявлялась в смысле настроения реакционно-монархического. Я думаю, что это сказалось и в моей деятельности по Государственному экономическому совещанию, и в том, что я был одним из участников по разработке программы [Всероссийского] демократического союза[107], который во всяком случае никоим образом не мог быть приравнен к настроениям реакционно-монархическим. Так что я считаю и в этой части [речи] я хотел бы указать на то, что во мне таких тенденций и таких идей совершенно не имеется.

Здесь имеется обвинение в том, что я стремился оттянуть переговоры [с Иркутским Политическим центром]. Объективное изложение фактов, так, как я [их] понимал, и представляет, может быть, сообщение[108] тех или других ошибок. На безгрешность я не претендую. Возможно, что я ошибался в тех или других обстоятельствах. Но определенной цели затянуть переговоры не могло быть. И [это] было бы бессмысленно, потому что в конце концов затягивание переговоров оказалось вредным исключительно только нам, потому что эти переговоры окончились так, как они кончились. И мы являемся лицами, несущими ответственность.

Затем здесь приводится соображение о том, что нам, обвиняемым, удалось перебросить значительные силы сычевских банд [на восток]. Я должен констатировать, что на восток каких-либо частей из Иркутска не уходило. Ушли, да и то при обстановке, вам понятной, при обстановке бегства, ушли группы военных, которым способствовать мы бы во всяком случае не имели оснований, потому что тем, что они убежали, они нас поставили под удар. И, таким образом, было бы странно предполагать, что мы способствовали тому, чтобы Сычев и те, кто был с ним, ушли. Я полагаю, что это было сделано ими в нарушение всяких основ порядочности и сознания своего долга по отношению к тем, с кем им пришлось вместе быть.

Обстоятельства относительно золота я старался выяснить так, как мог. Поэтому я думаю, что по отношению к золоту тот обвинительный акт, который здесь имеется, не совсем правильно улавливает истинные настроения и истинные желания, которые имелись при разрешении вопроса об охране золота.

Что касается вопроса о пропуске на восток отдельных лиц, и в том числе адмирала Колчака в качестве частного лица и отдельных представителей власти, с которыми так или иначе нам пришлось сотрудничать, [это] являлось нашим долгом. И с точки зрения морали мы были бы в высшей степени обвиняемы[ми] здесь в аморальности, если бы предали тех, с которыми нам пришлось сотрудничать. Поэтому я думаю, что эти действия вызывались соображениями исключительно этого порядка.

На этом я, гражданин председатель, заканчиваю мои объяснения. И если в чем-нибудь не мог вполне исчерпать материал, то я извиняюсь перед трибуналом.

Председатель. Прежде чем дать слово следующему обвиняемому, я еще раз заявляю, что объяснения, которые будут клониться к опровержению обвинитель-

ного акта, мною допускаться не будут. Сейчас в объяснениях должны быть установлены или опровергнуты факты судебного следствия, прошедшего перед лицом революционного трибунала, без всяких формулировок этих фактов. [Выступления] с целью разрушить обвинение — для того будет дано последнее слово подсудимым. И будет дано слово защите. Слово принадлежит обвиняемому Шумиловскому.

Шумиловский. Я очень часто выступал в эти дни перед революционным трибуналом, отвечая на вопросы обвинителя, и поэтому мне удалось осветить некоторые стороны своей деятельности. Поэтому я не буду повторяться и перейду только к тем вопросам, которые в этом процессе были менее освещены. Я, как это может засвидетельствовать революционный трибунал, не становлюсь на путь запирательства и не усваиваю себе метод прятания за чужие спины. Я откровенно определил объем и размер своей политической работы. В настоящее время я хотел бы обратить внимание главным образом на характер моей деятельности как министра труда, потому что и эта моя деятельность подверглась определенному обвинению со стороны представителя обвинения.

Я, по своей природе и по своим врожденным склонностям, человек мало политический. Я более склонен к частной жизни. И мои преобладающие склонности и способности влекли меня не к политической работе, а к работе чисто культурной. И вот, как культурник, я тяготел всегда к педагогической работе и целый ряд лет работал в средних учебных заведениях, покуда распоряжением [царской] администрации не удалялся из того или другого учреждения.

Я думаю, что эта моя педагогическая работа, часто прерываемая административным вмешательством, дала определенные плоды. Эта же склонность к культурной работе заставила меня после двухкратного удаления со службы поступить в Педагогическую академию в Петербурге. И в результате моей работы [в Барнауле], тоже прерванной высылкой в П[етербург], появился ряд моих учебников, из которых некоторые вышли двумя изданиями. Эти учебники направлены к развитию способностей письменной речи, в двух частях, страниц в 500. И составлен по новому методу, совершенно своеобразно, курс правописания по методу Лая, германского педагога.

Дальнейшая мечта моей жизни, на три четверти уже осуществленная, состояла в издании сибирской хрестоматии, посредством которой подрастающая молодежь знакомилась [бы] с сибирской природой и сибирской жизнью и через это приобщалась [к] чувству красоты и высокой человечности. Вот куда меня влекли мои преобладающие склонности и способности.

Тут я, кстати, отвечу на тот намек, который был брошен представителем обвинения, будто одним из мотивов моего участия в правительстве была возможность получать двухтысячный оклад жалования. Могу уверить представителя обвинения и революционный трибунал, что от своего участия в правительстве я реально только потерял. Мой курс правописания мне было предложено переиздать Алтайским культурно-просветительным союзом[109]. Представители Самары предлагали заказать 100 000 экземпляров этого курса. Относительно издания еще незаконченной моей сибирской хрестоматии я должен сказать, что я ее мог бы закончить за это время. Со мной входил в сношения Союз сибирских земских городов[110], и, таким образом, гонорар за это издание мог, конечно, меня обеспечить не меньше, чем министерское жалование. Тем более, что работников было мало. В любом кооперативе мне были открыты двери, и такие предложения я определенно получал.

Тем не менее, несмотря на свои природные склонности, я всю свою жизнь провел в политической деятельности. Это злая шутка, которую часто играла судьба над русским интеллигентом. Я — аполитичный человек, я — культурник принимаю участие в выборах в Государственную думу и два раза состою выборщиком в наиболее тяжелые времена реакции в 1907 и 1912 гг. И не попадаю в Думу только благодаря тому, что администрация путем разъяснения загораживает мне путь. Я, который с большим удовольствием сидел за учительским столом и поучал молодежь с учительской кафедры, становлюсь журналистом и редактирую [газету] «Жизнь Алтая»[111]. Затем попадаю на Румынский фронт, где [после Февральской революции] работаю в комитете Румынской армии. После того, как я вернулся с фронта и редактирую [газету] «Алтайский луч»[112], я принимаю приглашение выставить свою кандидатуру от гор. Барнаул в Учредительное собрание. Причем меня выдвигали представители девяти партий и список от партии меньшевиков.

Вот в таком противоречии прошла вся моя жизнь: политическая работа вклинилась в педагогическую работу, политическая работа тормозила педагогическую. Я мог бы применить к своему положению стих поэта [Н. А. Некрасова]: «Мне борьба мешала быть поэтом, песни мне мешали быть борцом». Но, так или иначе, я этой политической работой — или революционной, или оппозиционной — занимался. И вот после двадцати лет такой работы я вхожу в состав правительства, участие в котором заставило меня сидеть на скамье подсудимых и ожидать сурового приговора.

Я должен, конечно, объяснить этот скачок от прежней деятельности к «бунту», как характеризует мое участие представитель обвинения. Я не стремился к власти. И когда Западно-Сибирский комиссариат предложил мне пост министра труда Западной Сибири, я ответил первоначально отказом. И в этом духе Барнаульским комиссариатом [труда], по моему поручению, была дана [ответная] телеграмма. Но тогда я был вызван к прямому проводу, и меня долго уговаривали принять эту должность, потому что события носят тревожный характер и тому, что носит название социальных завоеваний революции, со всех сторон грозит опасность. И если я, а других кандидатов не имелось, не приду и не возьму этой должности, то я этим отказом буду способствовать победе правых течений. После долгих колебаний я принял это предложение с тем, чтобы вести в ведомстве главным образом определенную работу. Я в своих прежних показаниях это подтверждаю и снова говорю, что мой преобладающий интерес был интерес работы ведомственной.

После [Западно-Сибирского] комиссариата я оставался во всех последующих правительствах, и мотив был тот же самый. Чем дальше, тем больше выяснялись опасности справа. И тем откровеннее говорили и выступали враги рабочего класса и те, кто не хотели ничего слышать даже о самой идее государственной охраны труда. И как ни скромна была по необходимости деятельность министерства труда, все-таки и она — и в прессе, и в других местах — выражала целый ряд осуждений. Таковы были статьи и заметки, помещаемые в «Сибирской речи», органе Жардецкого. Таковы были статьи, очень обширные и очень агрессивные, которые писал один из томских профессоров в новониколаевской газете. Во Владивостоке была напечатана статья, носящая характерное для газеты название: «Революционное министерство». Даже официальный орган — «Вестник министерства финансов»,— и тот поместил краткую заметку, которая утверждала, что министерство труда стоит на неверном пути и что нужно заставить его изменить свою политику,

так как министерство труда преследует не интересы государства, а занято односторонней охраной интересов рабочих.

Я привел только часть этих зловещих симптомов. Такими впечатлениями полна была окружающая жизнь. Стремление провести через трудное время самую идею государственного обеспечения рабочих, самую идею министерства труда и обязательство государственной власти позаботиться о пролетариате и заставило меня оставаться при всех последующих переменах власти, при переменах лиц и при переменах курса. Это было моей основной задачей. Других целей я никогда не имел.

Несмотря на попытки представителя обвинения, я все-таки утверждаю, что никогда ни с кем я не сливался, ни в какую группировку я не входил, никаких комплотов я не делал. И сам представитель обвинения, желая парализовать мое заявление, что я являюсь одиночкой и что у меня было очень немного друзей, мог против этого привести только один факт, что я на официальном снимке фотографом был посажен между Бутовым и Иваном Михайловым, которому я очень редко подавал руку, с которым у нас все время были натянутые отношения.

Позвольте мне теперь охарактеризовать ту работу, а не только те намерения, о которых я говорил. Эта работа распадается, с одной стороны, на работу законодательную, с другой стороны — на организационно-распорядительную. Я затрудняюсь подыскать ей более точное название. Я ограничусь более или менее беглым перечнем и не буду утомлять внимание революционного трибунала и всех тех, кто присутствует на этом процессе, потому что я говорю с аудиторией, которая знакома с этим предметом и с полуслова будет меня понимать.

Одним из первых законов, проведенных мною,— это был закон о биржах труда, задача которых состоит в борьбе с безработицей. Этот закон от 14 ноября [1918 г.], который напечатан в сборнике[113],— в конце концов наполовину не мой закон. Мой законопроект подвергся сильному искажению. Но я все-таки не отказался от него, потому что сохранена была одна важная часть этого законопроекта: именно то, что все биржи труда берутся на попечение государства и все содержание служащих покрывается из государственных средств. Таким образом, борьба с безработицей, возможность найти себе работу в затруднительных обстоятельствах была обеспечена во многих пунктах.

Следующий крупный закон — это закон [от] 8 января [19]19 года о больничных кассах[114]. И опять-таки когда я проводил этот закон, то мне пришлось встретиться со многими затруднениями. Одни затруднения шли извне, со стороны тех кругов, которые не хотели нести никаких жертв в пользу рабочего класса. Другие затруднения шли со стороны отдельных членов Совета министров. У меня по первоначальному проекту был широкий охват страхуемых: страховались не только рабочие, но и все служащие городских, земских и правительственных учреждений. Совет министров этого не одобрил. И страхование стало распространяться только на одних рабочих, занятых в чисто промышленных предприятиях.

Извне отношение было еще более резкое, прямо враждебное. И так часто упоминаемый здесь Жардецкий уже позднее никак не мог примириться с самим существованием этого закона, и советы больничных касс он называл совдепами. В его статьях это выражение достаточно характерно. Этот закон был принят, и больничные кассы получили известную почву, известный фундамент. Сеть их была расширена, постановка дела была улучшена в тех, по крайней мере, случаях, когда к этому представлялась возможность и когда они или обладали достаточным

контингентом собственных работников, или когда имели возможность быть инструктируемыми моими сотрудниками по министерству.

Подвергались эти кассы известным гонениям со стороны военных властей, и мне неоднократно приходилось вступаться за их интересы. Когда наши войска наступали на Урал, то в Перми у окружной больничной кассы было конфисковано 2 500 000 рублей, у Уральской кассы было конфисковано около 1 600 000 рублей и [в] Тагильской окружной кассе было конфисковано 800 000 рублей. Когда мне эти факты стали известны, я сделал доклад Верховному правителю и добился определенного категорического приказа, чтобы все эти суммы до последней копейки были возвращены больничным кассам. И этот возврат фактически состоялся.

Я придаю, конечно, больничным кассам чрезвычайно большое значение. И если бы только сохранились они одни, то я знаю, что все-таки мое пребывание в министерстве уже этим самим [было бы] исторически оправдано. Оправдано оно тем, что благодаря этим больничным кассам сохранены, быть может, тысячи жизней. В то время, когда страна переживала экономическую разруху, когда санитарная часть была совершенно уничтожена, когда трудно было достать самые необходимые предметы для лечения, в это время больничные кассы работали, обеспечивая нуждающихся всеми этими предметами и выдавая заболевшим пособия. И я думаю, что потом, когда минует острота борьбы, многие, вспоминая пережитое, быть может, за спасение жизни их и их детей вспомнят меня добрым словом.

Я уже говорил о том, что закон о больничных кассах был в значительной мере урезан в Совете министров. Я внес новый закон: если нельзя ввести принудительного обязательного страхования, то, может быть, к этому вопросу можно подойти путем добровольного соглашения. Основываясь на практике, которая начала уже в Сибири развиваться, я выработал законопроект относительно добровольного страхования городских и земских служащих[115]. Законопроект был принят в междуведомственном совещании, но погиб в недрах Гос[ударственного] эк[ономического] сов[ещания].

Закон [от] 8 января [1919 г.] дал некоторое обеспечение рабочим и служащим при расторжении договора найма. Раньше таких обеспечений в этой области не было. Примирительные камеры, в которых разрешались и предупреждались многие конфликты и столкновения, нашли с моей стороны поддержку, пока действовал старый закон. Но уже в министерстве труда разрабатывались новые законопроекты, а временно действовало прежнее положение. Я пришел на помощь примирительным камерам — правда, в небольшой степени — ассигнованием им известных сумм на содержание членов этих камер.

Мы вместе с Гудковым издали циркуляр относительно сохранения 8-мичасового рабочего дня, и 8-мичасовой рабочий день фактически в пределах Сибири не нарушался. Но так как это великое завоевание необходимо было закрепить также законодательным путем, то опять-таки министерством труда был выработан определенный и обширный законопроект, который тоже прошел все ведомственные инстанции, но задержался в Гос[ударственном] эк[ономическом] совещании. Но, повторяю, на практике действовали прежние распоряжения, изданные мною вместе с Гудковым, и 8-мичасовой [рабочий] день сохранился[116].

Также подробно был разработан законопроект относительно инспекции труда и коллективных органов, которые должны были действовать при этой инспекции. Этот закон не успел также получить движение отчасти благодаря тем противодействиям, которые встречались со стороны представителей ведомств, отчасти — за недостатком времени. Только в последнее время я заручился обязательством

перед Советом министров, что эти законопроекты о 8-мичасовом рабочем дне и об инспекции труда будут проведены уже непосредственно Советом министров, минуя все другие инстанции.

Следующий разряд моих работ — это работы организационного характера и по текущей деятельности. Тут, между прочим, указывалось на денационализацию. Мне тоже в этой денационализации пришлось играть известную роль, но роль определенную. Я не буду утомлять внимание революционного трибунала перечислением всех второстепенных деталей и всевозможных фактов. Я укажу на наиболее характерные явления, которые могут рисовать мою деятельность и ее направление. Как только были денационализированы предприятия, сейчас же со стороны промышленников появилось стремление разделаться со всеми обязательствами, которые лежали на них по отношению к рабочим. Эти попытки были сделаны, например, с очень большими предприятиями, с копями[117], где масса рабочих должна была быть выкинута в голодную пустыню и степь. Мы послали туда правительственную организацию, которая приняла на себя управление копями и принудила владельцев копей уплатить рабочим 500 000 р[ублей]. Как они ни ссылались на то, что все эти рабочие — большевики, что они ничего не делают и что никакого вознаграждения им не следует давать, все-таки мы этот долг заставили их заплатить. И эти 500 000 р[ублей] были рабочим выданы.

Много внимания обращалось мной на то, чтобы так или иначе обеспечить промышленные предприятия снабжением. И тут опять-таки приходилось сталкиваться с чрезвычайными затруднениями и с прямым противодействием. Рабочие Келлеровских рудников[118] получили никуда не годный хлеб с полынью. Они начали волноваться, стали заявлять протесты, и этими протестами хотели воспользоваться опять-таки с той целью, чтобы изобразить их действия как стремление к бунту. Я собрал все необходимые сведения, опять-таки сделал Колчаку доклад, повторил этот доклад несколько раз и, в конце концов, добился того, что под угрозой отобрания копей в казну рабочие были снабжены доброкачественными пищевыми материалами.

Мною был созван очень обширный съезд железнодорожных кооперативов. Явились представители почти от всех железных дорог Сибири, Урала и Поволжья. Съезд этот был в ноябре месяце 1918 года. Занятия этого съезда прошли чрезвычайно деловито. И в результате я вошел с представлением в Совет министров об ассигновании 20 000 000 руб. на продовольственные нужды ж[елезно]д[орожных] кооперативных организаций. Это ходатайство было удовлетворено. Потом дело было передано в министерство путей сообщения, непосредственно ведающее ж[елезными] д[орогами][119]. И эта ссуда была потом еще значительно увеличена. Многие промышленные предприятия Урала снабжались из интендантских складов. И я сам составлял проект указа Верховного правителя, который приказал рабочим железнодорожным и каменноугольных копей выдавать пайки из интендантских складов.

Перехожу к вопросу о заработной плате. Везде по моему указанию работали инспекторы труда. Везде создавались комиссии из представителей рабочих и предпринимателей: иногда — по отдельным видам промышленности, иногда — по типу заводских совещаний. И там разрабатывались тарифы и ставки. Наиболее подробно, наиболее полно эти ставки были разработаны в г. Барнаул. И в результате этой работы министерства и в особенности инспекторов труда, на которых пала вся живая длительная работа, стал замечаться процесс, который был чрезвычайно знаменательный для переживаемой эпохи: за всю революцию заработная

плата неудержимо стремилась книзу. По моим же обследованиям, касающимся трех наиболее характерных категорий труда — чернорабочих, плотников и слесарей,— в сентябре месяце 1918 года реальная величина заработной платы стала возрастать. Тогда, когда нельзя было добиться соглашения, я старался действовать, по крайней мере, принудительным государственным вмешательством.

Наиболее крупные конфликты в этом отношении разыгрывались в Восточной Сибири, в Бодайбинском районе. Там тратились миллионы рублей на оборудование новых электрических станций, но не находилось достаточно средств для того, чтобы увеличить заработную плату рабочих. И когда определенное предложение с моей стороны не достигло цели, я обратился к другим ведомствам. И вместе с ними мы заставили Ленское золотопромышленное общество увеличить заработную плату.

Такой же характер носило вмешательство министерства — отчасти при мне, покуда я был в Омске, отчасти в моем отсутствии, когда я ездил в отпуск и когда министерством управлял мой товарищ Василевский,— когда произошел большой, чрезвычайно крупный, чреватый чрезвычайными опасностями конфликт, который разыгрался во Владивостоке, где требования об увеличении заработной платы и улучшении условия труда предъявил союз моряков. А во Владивостоке действовал [генерал] Розанов. И, несмотря на то, что Розанов все время твердил о том, что самый конфликт возник только благодаря местному инспектору труда, которого поддерживает министерство, все-таки мы этот конфликт разрешили, и требования союза моряков были удовлетворены.

Я не буду утомлять внимание революционного трибунала перечислением других фактов, [а] перейду к следующей категории явлений.

Тяжело обстояло дело с профессиональными союзами: многие из них погибли, многие потеряли наиболее видных, наиболее энергичных и наиболее преданных своих членов. Но это была вина кого угодно, но не того министерства, управлять которым судьба заставила меня. Тут говорилось между прочим о том, что я не прочь был иногда оценить голову пойманного большевика, перевести человеческую жизнь на определенную сумму денег. Члены профессиональных союзов, которые обращались ко мне за помощью, так не думали. И в моем кабинете можно было видеть членов правления профсоюзов служащих и рабочих Омского ж[елезно]д[орожного] союза, закрытого, разогнанного, членам которого угрожали аресты. И они ко мне не боялись приходить, зная, что я их головы не расцениваю.

Мне удалось парализовать — с большими, правда, усилиями — усилия нанести решающий, окончательный удар этим профсоюзам. Вокруг Колчака тоже действовала какая-то камарилья. Он тоже был окружен стеной шептунов. И вот во время одного из моих докладов он совершенно неожиданно мне заявляет о том, что он закроет все профсоюзы Сибири, уничтожит их орган, журнал «Наш путь»[120], и над всем этим делом поставит крест. Я ответил на это решительным протестом и заявил ему, что закон [от] 12 апреля 1917 года такого отношения не допускает. Я добился в конце концов того, что эта мера, быть может предпринятая [Колчаком] под влиянием возбуждения, внушенного окружающими, не была приведена в исполнение. И даже редактор злополучного «Нашего пути» не был арестован и предан суду.

Но все-таки, повторяю, профессиональным союзам жилось тяжело. И для того, чтобы дать возможность хоть в некоторых областях проявить свою деятельность рабочему классу, я восстановил фактически умершие фабрично-заводские комитеты, на которые смотрели отрицательно, подозрительно, как на наследство,

оставшееся от большевиков. Я издал определенный циркуляр[121], и во многих местах эти фабрично-заводские комитеты, не удовлетворяющие, конечно, требованиям момента, были восстановлены.

Я приложил также усилия к тому, чтобы [были] разрешены съезды профсоюзов. Об этом опять-таки имеются определенные факты, которые занесены в документы, хранящиеся в министерстве труда и которые напечатаны в органах текущей прессы. С самого начала профсоюзы просили у меня разрешения о конференции. В этом им было правительством отказано. Я продолжал на этом настаивать и в конце концов добился того, что им дано разрешение на съезд. Был назначен даже срок: сначала 15 июня, потом 1 октября [1919 г.]. И не моя вина, если фактически съезд этот все-таки не состоялся.

На Урале съезды профсоюзов при моей поддержке состоялись и прошли совершенно благополучно. 15–20 июня 1919 года состоялся съезд сначала служащих, потом — служащих и рабочих всего Уральского района. Когда мы переехали в Иркутск, я тут добился съезда профсоюза Забайкальской ж[елезной] д[ороги][122]. Вот главные факты, которые касаются организационной работы.

Много внимания приходилось уделять отдельным заступничествам за тех лиц, которые подвергались административным гонениям. Я не могу сейчас подтвердить этого фактами, потому что почти ни одного документа из министерства труда сюда в Омск не доставлено. Все материалы сданы на хранение в государственный Иркутский университет[123]. Но [я] говорю не только перед революционным трибуналом. Я говорю перед страной. И всякая моя ложь в том или ином отношении всегда может быть уличена впоследствии.

Заступаясь и за отдельных лиц, и за коллективы, я опять-таки могу только с грустью констатировать, что влияние зла окружающего, влияние военщины, которая бесчинствовала кругом, было настолько велико, что из этих моих требований и домогательств только часть — и, быть может, незначительная часть — была удовлетворена. Представители здешней больничной кассы могут вспомнить о том, что благодаря министерству труда и его хлопотам перед администрацией был освобожден член правления Титов. Члены больничной кассы Томской засвидетельствуют о том, что только благодаря министерству труда было освобождено разгромленное правление, которое было арестовано чехами[124]. В Иркутске благодаря мне [была] освобождена известная работница профсоюза Забайкальской ж[елезной] д[ороги] Тараканова[125]. По моему требованию было поднято расследование относительно рабочих, расстрелянных на Амурской ж[елезной] д[ороге] японцами. Мы тут (в зале суда.— *В. Ш.*) уже упоминали о том, что было наряжено следствие и было командировано отсюда лицо, которое должно было расследовать кошмарное событие, происшедшее в г. Петропавловск, когда был расстрелян быв[ший] комиссар труда, его новый заместитель и ряд других лиц. К сожалению, оказалось, что все эти зверства были совершены лицами, которые находились вне нашей досягаемости. Но и только потому, а не по нежеланию министерства труда они не понесли должной кары.

Тут, между прочим, было упомянуто о том, что в составе министерства труда и его центрального органа находились лица, которые раньше состояли в ведомстве полиции. Это было показание свидетеля или обвиняемого — я уже не знаю, как в данный момент его назвать,— Третьяка. И что Фетисов, который занимал в министерстве труда определенную должность, попал на эту должность из полицейского участка, и что он раньше был служащим полиции. Фетисов не в полиции служил. Фетисов был полковником и находился на военной службе, был предста-

вителем родительского комитета при здешнем кадетском корпусе. Работал здесь во время власти большевиков и после их ухода, [а] после организации [Временного] Сибирского правительства подвергался чрезвычайным гонениям. И я принял его к себе. Те, кто работал в Омске, могут удостоверить, что Фетисов был на большевистской работе в здешнем штабе. И другие служащие, бывшие также на советской службе, были изгнаны из других ведомств и нашли себе приют в министерстве труда. В этом отношении я с политической физиономией не считался и своих служащих отстаивал.

В частности, мне пришлось иметь дело с различного рода телеграммами, которые настойчиво, в секретных бумагах, требовали его немедленного удаления. Я, конечно, этого требования не исполнил. Я добивался несколько раз освобождения представителей министерства труда на местах, которые там подвергались беспрерывным гонениям. Два раза были арестованы инспекторы труда Шемелов в Барнауле и в Семипалатинске Бу[лах][126]. Комиссар Бул...[127] был одним из лучших комиссаров на Урале. Я с этим произволом не примирялся. И я добивался их освобождения.

Я сам постоянно указывал на то, что главная наша работа — это сохранение законности, уничтожение того произвола, который царит кругом. И об этом я говорил в одном из последних заседаний с бывшим Верховным правителем Колчаком, заседании, созванном по поводу Земского совещания[128]. Я не боялся противопоставить созыву Земского совещания фактическое утверждение законности. Наш главный враг — это произвол, и уничтожение этого произвола гораздо важнее, чем созыв десятка Земских соборов.

Если угодно, я хлопотал в качестве министра труда не только за тех лиц, за которых я обязан был хлопотать уже по своей должности. Если было можно, я хлопотал и за других лиц. И семипалатинцы, может быть, вспомнят арестованного капитана Либеева, который был посажен в тюрьму за то, что он отказался от участия в гражданской войне. Он соглашался пойти на Германский фронт, но категорически отказался открыть[129] оружие против большевиков. Он был посажен в тюрьму, и только благодаря мне он был освобожден, так как я взял его на поруки. Теперь он благополучно живет во Владивостоке.

Вот какой основной характер носила моя деятельность. Вся она вытекала из одной из основных предпосылок: я не хотел мести. И как я не был затронут [большевиками] в прежние месяцы, я, принимая власть, всякое чувство досады в себе подавил, прошлого я не вспоминал. И как только в Барнауле произошел [антибольшевистский] переворот и начались расстрелы и аресты, моей первой статьей после вынужденного закрытия «Алтайского луча» была статья «Не надо мести», где говорилось, что над прошлым надо поставить крест[130].

Этой основной мыслью были проникнуты все мои доклады, составленные для Государственного экономического совещания и посвященные выяснению вопроса о положении рабочего класса в Сибири и тех перспектив, которые в этой области перед нами открываются. Я там говорил, что большое государственное дело — охрану трудящихся — мы можем осуществить только тогда, если мы откажемся от всяких счетов за прошлое, если мы забудем о чувстве мести. К этому взывает не только наше человеческое чувство. К этому вынуждает нас государственный расчет. Я не скрываю, что и в этих докладах я оставался противником большевизма. Но я говорил, что с теми большевиками, которые имеются, сейчас нельзя таким путем разделываться, как разделывается большинство. Повторяю, вот моя

деятельность, начиная с июня [19]18 г., [которая] никогда не уклонялась в сторону. Об этом я уже говорил.

Впечатления жизни иногда были чрезвычайно кошмарные. И я под влиянием этих переживаний падал духом и подавал прошение об отставке. Я не ушел в конце концов, и представитель обвинения ставил мне это несколько раз в вину. Я знал, на что я не шел, и знал, на что я шел, соглашаясь взять предложенную службу в этом ведомстве и работать в правительстве. Но и сейчас, перед лицом той грозной опасности, которая мне угрожает, все-таки я не скажу определенно: не ошибался ли я, что я этого прошения об отставке не довел до конца? Может быть, я все-таки имел не малодушие, а мужество остаться на этом посту и выполнить свой долг так же честно, как выполнял его за все 20 лет, предшествующих этой злосчастной эпопее [19]18-[19]19 гг.?

И меня утешают хоть некоторые факты, которые припоминаются из этой печальной эпопеи. Все ли было злом, все ли были одни гнетущие впечатления? Нет, были и отрадные. А все-таки [к] местному инспектору труда от местных железнодорожников приходила депутация благодарить его за заботливое отношение к их нуждам. Мы проводили расценки, которые вводились с октября [19]18 года по всем [железным] дорогам, и после этого благодарность была передана мне. А в заседании уральской комиссии была вынесена резолюция, что деятельность министерства труда в области страхования для служащих является хотя и скромным, но несомненным шагом вперед. А тут же, в этом районе, я присутствовал на открытии фабрики телеграфных аппаратов. И мне рабочие устроили овацию за те слова, с которыми я к ним обратился. Ко мне приходили «воткинцы»[131] и благодарили, что они добились правды, и после долгих мытарств они, обнищавшие в дороге, наконец получили то, что им причиталось. Эти-то воспоминания останутся моим утешением и, может быть, моей гордостью. И в этой деятельности, главным образом, я прошу определять моменты моего участия во власти.

Я пока на этом закончу. Остальные моменты, касающиеся других отправных пунктов, я затрону уже в последнем заключительном слове. Я только хочу обратиться к трибуналу с одним заявлением. Я говорю, главным образом, для истории. И здесь мои слова выслушивает не только эта аудитория. Здесь незримо слушают история и грядущее поколение. Они — эта история и это поколение — окончательно разберутся в нашем споре. Мы не в состоянии судить друг друга с должным беспристрастием. Мы слишком ослеплены борьбой — и те, кто являются победителями, и те, кто ударом низвержен на землю.

Но я все-таки говорю не только для истории. Не только для потомства. Я говорю, конечно, и перед судом. И к этому суду я обращаюсь с одной только просьбой. Я не прошу о милости. Я никогда и никого не просил о милости. Я всегда принимал полностью ответственность за свои преступления, проступки и ошибки. Я прошу только революционный трибунал, чтобы он теперь, когда еще борьба не окончательно завершена, когда еще доносятся отдельные отголоски ее, насколько возможно в этой обстановке, сохранить объективность, разбирая мою деятельность и мою работу в этом правительстве.

Павлуновский. Я еще раз повторяю, что я теперь допустил форменную агитацию для того, чтобы показать, что отживающие партии агитацией для нас не страшны. В будущем я буду прерывать и полагаю, что дальнейшие обвиняемые не будут злоупотреблять нашей лояльностью по отношению к обвиняемым. Если они призывают суд к объективности, то и сами они не должны быть субъективными. Второго оратора, или обвиняемого, который по существу был оратором, я не пре-

рывал, чтобы показать, что мы достаточно сильны. Но затягивать процесс из-за агитации я не могу. Причем Шумиловский и другие имели достаточно времени для агитации при Колчаке, чтобы ее повторять [сейчас].

Шумиловский. Я только хочу сказать, что агитацией не хотел заниматься.

Гойхбарг. Ввиду того, что обвиняемые произносят свое последнее слово, я должен обратиться с заявлением, что во всяком случае говорить о деятельности лиц преступных — как, например, о Фетисове — нельзя, занимая время революционного трибунала такими квазиобъяснениями.

Глава девятая

ЗАСЕДАНИЕ ВОСЬМОЕ

Заседание восьмое, 28 мая 1920 года, 11 ч[асов]

На скамье подсудимых те же.

Председатель. Объявляю заседание чрезвычайного революционного трибунала открытым.

Обвинитель Гойхбарг. Я имею [намерение] сделать заявление в связи с предстоящими объяснениями подсудимых. Когда обвинитель предъявлял тот или иной обвинительный материал и [когда] по поводу фактов, актов и документов тот или другой подсудимый хотел давать отрывочные объяснения, председатель революционного трибунала указывал им, что объяснения будут даны ими в совокупности по отношению к тем обвинительным материалам, которые предъявлялись. В действительности вчера, когда было предоставлено слово для объяснения подсудимым, революционный трибунал в течение четырех часов заслушивал так наз[ываемые] объяснения двух подсудимых, в которых содержались обширнейшие биографии. По поводу биографий я имею [намерение] заявить революционному трибуналу, что обвинитель считает заслушивание биографий совершенно излишним и бесцельным, ибо у каждого из подсудимых имеется в деле биография одна, а у очень многих и несколько.

В частности, у подсудимого Червен-Водали в деле имеются две биографии: одна — «Правительственного вестника», написанная для правительства Колчака, которую я оглашал здесь и которую он признал в некоторых пунктах уже биографией, [и биография,] которая [была] написана для [чрезвычайной] следственной комиссии в Иркутске. И она не содержала в себе никаких указаний на «Национальный центр» и т. д. до предоставления [обвинением] соответствующих документов. Вчера заслушана была третья биография. Точно так же у подсудимого Шумиловского имеется в деле биография, написанная для колчаковского правительства.

Так как уже здесь, в трибунале обнаружилось, что содержание биографии меняется в зависимости от времени и обстановки, и так как мне представляется, что и сами подсудимые не собираются себя канонизировать и объявить себя святыми, я считаю такую библиотеку биографий или сборник «Четьи-минеи»[1] совершенно излишним. Я должен сказать, что у обвинителя лично нет досуга для заслушивания не имеющих никакого значения для дела биографических подробностей, и при их произнесении он будет считать свое присутствие здесь излишним. [Это во-первых.]

Во-вторых, когда предъявлялись обвинительные материалы, то те или иные подсудимые обещали давать объяснения именно по поводу предъявленных материалов. В частности, когда мною было предъявлено [обвинение] подсудимому Червен-Водали в связи с его возмущенным заявлением, что он не звал ни японских

войск, ни войск Семенова, что Третьяков не содействовал назначению Семенова и посылке семеновских и скипетровских отрядов, тогда мною были оглашены разговоры и телеграммы Червен-Водали с Третьяковым, в которых было сказано: «Шлите подмогу, каждый час дорог». Или сказано: «Хотя бы какая-нибудь незначительная забайкальская часть пришла сейчас сюда». Или сказано, что Третьяков заявил, что назначен главнокомандующим Семенов и его назначение, как выяснилось из разговоров с самим атаманом, значительно облегчает соглашение с Японией, обещанные войска сейчас направляются. Подсудимый Червен-Водали обещал дать объяснения по поводу этих фактов.

Были [и] другие факты. Подсудимый Червен-Водали отрицал, что он желал бы перенесения антибольшевистского центра на восток. Я огласил телеграмму за его подписью и подписью Ларионова, в которой было сказано по адресу так наз[ываемого] Верховного правителя: «Единственная цель вынужденных переговоров — это создать возможность сохранения на востоке антибольшевистского центра, перенесение государственных ценностей и сохранение идеи о Великой Единой России»[2]. Подсудимый Червен-Водали обещал дать объяснения по этому поводу.

Когда я предъявил ему удостоверение здесь, в трибунале, что он воспользовался документом, выданным ему из советской комиссии по выяснению вопросов, касающихся [у]регулирования Брестского мира, он не отрицал этого и обещал дать объяснения по этому поводу.

Точно так же, когда я подсудимому Шумиловскому предъявлял обвинительные материалы, детально касавшиеся назначения наград за энергичное преследование большевиков, за подавление бунта в [Тобольской] каторжной тюрьме, он обещал дать объяснения по этому поводу. Когда я ему предъявлял постановление Совета министров, в котором он наряду с другими признал действия [Омского] гарнизона 22 декабря 1918 года выше всяких похвал и когда я в связи с этим опубликовал...

Председатель. В чем заключается Ваше предложение?

Обвинитель Гойхбарг. Он обещал дать объяснения по этому поводу. Вместо этого объяснения получило[сь] нечто иное. Обвинитель мог ожидать, что будет объяснение истории с разговорами[3]. Вместо этого получился разговор с историей. Обвинитель мог ожидать, что будет объяснение фактов или действий, которые являются с точки зрения обвинителя чрезвычайно преступными. Вместо этого была ссылка на поэтов. А в результате чего получилась такая картина, которая может быть охарактеризована если не словами поэта, то словами народной частушки: «Чай пила да булки ела, позабыла, с кем сидела».

Я считаю, что такого рода замена объяснения обвинительного материала, касающегося преступных деяний, таким безобидным разглагольствованием совершенно не является объяснением со стороны подсудимого. И так как после объяснения подсудимых будет обвинительная речь, то я полагал бы, что в интересах самих подсудимых объяснять те факты и те действия, которые им предъявлялись и которые они обещали объяснить. А поэтому предлагаю, во-первых, биографических рассуждений ввиду их бесцельности не допускать и, во-вторых, предложить подсудимым давать обещанные ими объяснения по поводу соответственно предъявлявшегося им обвинительного материала.

Защитник Ааронов. Прежде всего я попрошу разрешения революционного трибунала процитировать статью 11 постановления народного комиссариата юстиции [РСФСР], в которой излагаются «Руководящие начала по уголовному пра-

ву». Статья 11 говорит следующее: «При определении меры...» (*оглашается статья 11-я*)[4]. С точки зрения революционного законодательства советской России, выяснение условий жизни, образа жизни является одной из основных задач революционного суда. Без выяснения образа жизни, прошлого революционный суд не может постановить своего приговора. Поскольку биографические сведения, которые даются здесь обвиняемыми, дают материалы для уяснения их образа жизни, их прошлой деятельности, постольку я считаю, что сообщение ими биографических сведений вкратце об их прошлой деятельности, об их социальном положении, об их принадлежности к тому или другому классу общественному, постольку я считаю, что они не только имеют право, но и обязаны [это делать].

Здесь указывается на то, что такие биографические данные имеются в деле. Во-первых, не у всех подсудимых имеются такие биографические данные. Наконец, сам обвинитель признает, что эти биографические данные, которые имеются в деле, неполные. И поэтому я считаю, что у подсудимых нельзя отнять права дать те биографические данные, которые они считают нужным дать полностью для освещения их образа жизни и прошлой деятельности.

Совершенно другое дело в том, какому из этих биографических противоречий революционный трибунал даст веру. Я здесь не считаю себя вправе, как это делал представитель обвинения, приступить сейчас к оценке того или другого материала, который здесь прошел перед вами. Я только указываю на то, что обвиняемых нельзя лишать права дать материалы революционному трибуналу, предусмотренного самим советским законодательством.

Что касается того, что некоторыми из обвиняемых не отвечено на конкретные факты и обвинения, которые им были предъявлены, то, как я уже имел честь говорить перед революционным трибуналом, я считаю, что необходимо дать обвиняемым [возможность] говорить по каждому конкретному обвинению, которое им предъявляется, в тот момент, когда слушается данное действие. Но, к сожалению, этот порядок не [был] принят. Был принят другой порядок. И вполне понятно, что подсудимые из всего того материала, который был предъявлен им как уличающий их, могли упустить тот или другой материал. И если обвинитель считает их ответ необходимым, то я полагаю, что как в интересах защиты и подсудимых, так и в интересах целос[тнос]ти процесса судебного им должно быть дано право ответить на тот материал, о котором они не успели или забыли упомянуть.

Обвинитель Гойхбарг. И я имею ходатайство к революционному трибуналу. Уже неоднократно защита в своих заявлениях указывала на неправильные действия мои и не останавливалась председателем революционного трибунала. Я считаю такие выговоры мною не заслуженными. И я просил бы, по крайней мере сейчас, отметить, что я ни к какой оценке материала сейчас не приступал и что указание защитника в этом отношении не соответствует действительности.

Председатель. Я полагаю, что это не имеет никакого отношения к делу об оценке. Запретить защите оценку Вас так или иначе я не могу. И поэтому я считаю вопрос окончательно исчерпанным.

Теперь по вопросу о даче объяснений. Бесспорно, [их] можно дать в такой форме, в какой давали Червен-Водали и Шумиловский. Но такие объяснения никакого отношения к делу не имеют, и только с этой точки зрения я возражал. Я вчера заявление сделал, что давать таких объяснений не буду только в тех целях, что обвиняемый должен давать только факты и материалы, необходимые для суда, для вынесения отсюда соответствующих выводов. Из вчерашних объяснений я увидел, что эти объяснения носили публицистический характер, что они не давали

суду никаких материалов ни с точки зрения выяснения [причин], ни с точки зрения [выяснения] характера преступлений, обстановки преступления, потому что здесь идет речь об обстановке политической, а не обывательско-правовой. Защитник говорил обо всем этом.

В данном случае я предлагаю, чтобы сидящие здесь [бывшие] министры не смотрели на ведение процесса с обывательской точки зрения. И поэтому важно выяснение обстановки, служащей основанием для преступления, не обывательски-частно-правовой жизни, а обстановки публично-гражданской, именно политической обстановки. Потому что министры — по существу политические деятели. И сводить процесс министров к процессу обывательскому — это, я полагаю, оскорбление не только для суда, но и для самих обвиняемых, на которое они не станут.

Я полагаю, что вчера эти объяснения давались не с целью ввести суд в заблуждение, а с целью, может быть, неправильного понимания обвиняемыми, в какой плоскости давать объяснения. И с этой стороны я считаю вопрос исчерпанным.

Для того, чтобы объяснения носили конкретный характер и объясняли обстановку политически-правовую, я полагаю, что в дальнейшем объяснения должны носить следующий характер: самые факты, прошедшие перед революционным трибуналом, обвиняемые имеют право выставить не в публицистической форме, а в деловой форме. [Во-первых,] это сократит время; во-вторых, это даст возможность полностью уяснить себе картину. Между тем, из вчерашних объяснений Червен-Водали и Шумиловского получается расплывчатая картина. И в целях нежелания стеснять обвиняемых, с одной стороны, и потому, что суд, с другой стороны, интересуется, чтобы обвиняемые дали исчерпывающие судебное следствие объяснения, я не останавливал обвиняемых. Поэтому я предлагаю в этом отношении держаться того порядка, какой я предлагал раньше. И приступим к заслушиванию дальнейших объяснений.

Слово для объяснений предоставляется обвиняемому Краснову.

Краснов. На своей предыдущей деятельности я останавливаться не буду, потому что в распоряжении чрезвычайного революционного трибунала имеются мои показания, и главным образом то заявление союза служащих государственного контроля, на которое вчера ссылался мой защитник и где моя деятельность освещена достаточно подробно. Я бы хотел остановиться на тех обстоятельствах, которые излагаются в обвинительном заключении и на которые отчасти указывалось во время судебного следствия.

Первое, на что указывается в обвинительном заключении,— это обвинение меня в том, что я как будто бы бежал сюда с определенною целью со службы, на которой я состоял в Москве. Я уже имел возможность кратко отрицать это обстоятельство, и сейчас я совершенно чистосердечно заявляю революционному трибуналу, что, когда я ехал сюда, я совершенно не знал обстоятельств здешней политической жизни, не знал о существовании правительств ни Сибирского, ни Самарского. Я выполнял только то служебное поручение, которое было дано мне совместно с моими сослуживцами, чиновниками [государственного] контроля. Поэтому когда я выезжал из Москвы, я брал направление на Уфу и Самару. Тут мне было сказано о чешском восстании в Пензе и Самаре. Поэтому я поехал на Казань, и мне было дано поручение обревизовать Казанскую палату. Таким образом, я поехал [в Казань].

В Казани я не знал еще о существовании Самарского правительства. И по прибытии в Самарскую губернию, где я оказался отрезанным, я узнал там о власти

Комитета членов Учредительного собрания и о том, что чешский мятеж принял столь большие размеры.

Все-таки почти месяц я пребывал в ожидании, живя у своего брата. Но когда выяснилось, что так или иначе мне служить нужно, и получив предложение продолжать службу по тому же ведомству государственного контроля, я принял это предложение в качестве правителя дел контрольной комиссии. Дальше служба моя пошла по этому ведомству до самой последней должности. Принимая предложение [Уфимской] Директории занять руководящую роль в ведомстве, т. е. должность государственного контролера, я считался с тем законоположением, которое существовало, т. е. что в Сибири действовал закон [от] 13 ноября[5], по которому ведомство было поставлено в совершенно независимое положение. И государственный контролер являлся лишь присутствующим в Совете министров с совещательным голосом для дачи заключений по тем финансово-хозяйственным вопросам, которые подлежали ведению Совета министров. Только ввиду этого я принял предложение.

Меня озабочивало только одно обстоятельство — это военно-полевой контроль, т. к. наш государственный контроль на театре военных действий действовал в Сибири по прежнему положению, т. е. находясь в полном подчинении у военных властей, и контроль не мог осуществлять свои действия. Поэтому я прежде всего принялся за издание положения о военно-полевом контроле, независимом от военных властей, и это положение было принято 30 ноября [1918 г.][6]. Это был первый акт беспримерного простора контроля, когда чины контроля встали на полях военных действий в полную независимость от военных властей.

Затем я начал проводить реформы контроля на более широких началах. Так что политическая моя роль, о которой здесь говорилось, что я принимал участие во всех заседаниях Совета министров, в которых решались политические вопросы, [минимальна]. Я считаю, что я никакого участия в этом не мог принимать. Присутствовать я был обязан на каждом заседании, потому что почти в каждом заседании Совета министров проходили те или иные ассигнования, требующие заключения [государственного] контролера.

Теперь по вопросам о подписании журналов [заседаний Совета министров]. Гражданин обвинитель указывал, что я эти журналы подписывал. Подписывать журналы я был обязан, раз я присутствовал. И моя подпись может относиться к самому факту моего присутствия и к тем статьям постановления Совета министров, в которых я был компетентен. Те же случаи, которые приводятся в обвинительном заключении, что там при обсуждении вопросов о призыве войск, об оказании той или иной помощи иностранной, об одобрении приказа Миллера, который, как в обвинительном заключении сказано, одобрен государственным контролером, [находились вне моей компетенции]. Я даже не вспоминаю самого факта такого приказа, потому что я даже не присутствовал, так как он меня совершенно не интересовал.

Затем, в распоряжении революционного трибунала имеются еще материалы, [весом] около 2 000 пудов, и можно было бы легко проверить, [что] я ни в одном заседании Совета министров не участвовал в прениях по вопросам, выходящим из сферы моей деятельности. Я только давал объяснения по делам финансовым. И по поводу их было дано заключение как уполномоченного [Иркутского] Политического центра [от 22 января 1920 г.][7], так [и] представителей советской власти в Иркутске, что ничего позорящего мою репутацию там не содержится.

Потом обвинитель указывал, что я председательствовал в некоторых заседаниях Совета министров и этим самым как бы участвовал [в принятии политических решений]. Я определенно заявляю революционному трибуналу, что хотя я председательствовал в некоторых заседаниях, но, как это ни странно и ненормально, я все-таки был с совещательным голосом. И в тех вопросах, где мне [права] голосовать не присвоено, я не голосовал, ибо техника председательствования такова: что все-таки был назначен заместитель председателя Совета министров, который должен был председательствовать. Но однажды я был вызван Вологодским, который просил меня в нескольких заседаниях председательствовать, не имея сам возможности. Я сказал, что ведь есть заместитель, [а] я — лицо уполномоченное, и мне будет неудобно. На это мне было отвечено, что это значения никакого не имеет, тем более этот период, в котором мы живем. И что он по своим собственным соображениям не может допустить к председательствованию тех лиц, которые являлись его заместителями[8]. Был указ Верховного правителя [от 4 июля 1919 г.] о назначении Тельберга, который замещал председателя Совета министров[9].

Таким образом, я только вел заседание, регулировал записи, производил голосования. Но должности председателя Совета министров я никогда не выполнял и таковым председателем не был. Это, конечно, странный факт, что товарищ министра председательствует в Совете министров, но, однако, и это у нас было. Морозов тоже неоднократно председательствовал. Так что я считаю, что эти факты, те несколько случаев, когда я председательствовал[10], нисколько не делают меня причастным к политическим вопросам и участником в их разрешении.

Я не нарушал закона о контроле, за исключением того случая, когда я принял участие в голосовании 18 ноября [1918 г.]. Но сам чрезвычайный революционный трибунал уясняет значение этого заседания, что это было не просто заседание Совета министров, а было заседание характера учредительного. Я явился на заседание, куда я был приглашен в тот момент, когда оно уже шло, [и] совершенно не был осведомлен о ходе событий. Да, представлялась картина совершенно неясная: у меня создавалось впечатление даже о гибели членов [Уфимской] Директории. И было тяжелое положение, из которого должен быть выход. И когда мне было предложено принять участие в голосовании [по выборам Верховного правителя], как и присутствующему начальнику штаба, я в тот момент подал записку, совершенно не придавая значения тому, могу я голосовать или не могу. Вот единственный факт, в котором я, если чрезвычайный революционный трибунал считает меня повинным, признаюсь совершенно откровенно. Во всех остальных случаях я в голосовании участия не принимал.

Вся моя деятельность была посвящена моему ведомству. Мною было проведено и «Учреждение контроля», и «Устав ревизии». Эта работа была громадная. Требовалось напряжение всего Совета министров. И много времени требовалось для борьбы с теми многочисленными злоупотреблениями, которые в области распоряжения казенным имуществом были. На этой почве государственным контролером был возбужден целый ряд преследований как против уполномоченного министерства снабжения, так и интендантства. И государственный контроль дал наиболее ценный материал для ведения дела Касаткина[11] и Зефирова. То, что эти дела не получили разрешения,— это вне [возможности] государственного контролера. Я это докладывал как самому Верховному правителю, так [и] в одном из заседаний Государственного экономического совещания, прося оказать этому делу содействие, потому что безрезультатность преследования, т. е. ненаказание виновных,

содействует только росту злоупотреблений. Вот в чем заключалась деятельность государственного контролера.

Кроме того, деятельность государственного контролера заключалась в даче многочисленных заключений по всем законопроектам законодательно-финансового характера, где контролеру приходилось высказывать свои заключения, ввиду чего на контроль были постоянные нарекания, что он ставит палки в колеса, о чем говорил здесь свидетель Деминов и что можно было в прессе проследить. В последнее время у меня была официальная полемика в прессе с одним высшим представителем [финансового] ведомства, который говорил, что государственный контролер ставит палки в колеса.

То, что я был совершенно аполитичен в своей деятельности, доказывается тем, что при государственном контролере по-прежнему продолжал существовать профессиональный союз служащих, что я никогда не считался с политической физиономией служащих. Был целый ряд служащих, я о них не буду говорить, которых определенно обвиняли в большевизме: ко мне присылались фотографированные документы. И, несмотря на это, они были привлечены к работе в центральных учреждениях в качестве моих непосредственных сотрудников.

Затем, еще один случай: младший контролер казенной палаты Городничев был председателем коллегии контроля. На него все время были нападки, требовали привлечения его к суду и отдачи его в следственную комиссию. Мне с большим трудом стоило его удержать у себя на службе. И для того, чтобы его удержать, я дал ему назначение в Иркутск, где он [сейчас] состоит членом совета рабочих депутатов.

Затем, о моей личности могут дать заявления и те, кто имел со мной дело. Я слышал, что поступило заявление на имя чрезвычайного революционного трибунала от фабрично-заводского комитета сахарорафинадного завода Тимашова, где я почти полгода жил, когда я вынужден был бездействовать, пока я получил назначение в Москву. Вот все, что я имею представить революционному трибуналу.

Председатель. Разрешите мне спросить Вас. Управляющим этого завода был Ваш брат?

Краснов. Да, брат.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Морозову.

Морозов. По существу предъявленного мне обвинения считаю нужным объяснить следующее. Мне обвинитель задавал вопрос относительно избрания [И. А.] Михайлова председателем Административного совета. По этому поводу я считаю нужным пояснить следующее: Административный совет был учрежден Советом министров, и председателем этого Административного совета был назначен министр снабжения Серебренников. Затем, когда Вологодский уехал и предстояло уехать Серебренникову в Уфу, то Серебренников [10 сентября 1918 г.] поручил председательствование в Административном совете Михайлову. Михайлов, созвав первое заседание Административного совета, заявил, что он считает такое поручение неправильным и несоответствующим положению Административного совета, где сказано, что председатель назначается по усмотрению Совета министров, а если нет такового, то избирается Административным советом. И он просил произвести избрание председателя. Так как среди нас, товарищей министров, был только один министр — Михайлов, то выбор наш остановился на нем, как на более опытном человеке[12].

Затем, обвинитель при обсуждении дела об отставке Шатилова и Крутовского обратил внимание на два положения: [на] то, что было составлено в один день два

протокола [заседания], и [на] то, что во втором протоколе в заголовке поставлено «В присутствии Крутовского и Шатилова». По поводу первого обстоятельства я считаю нужным объяснить следующее. Из прошедшего здесь перед революционным трибуналом материала была оглашена телеграмма о том, что Михайлов должен был в 9 часов вечера говорить по прямому проводу. Вот я думаю, что, может быть, это обстоятельство и послужило основанием, чтобы было составлено два протокола. Это я как догадку принимаю.

Что касается второго [протокола], то я полагаю, что в показании председателю чрезвычайной следственной комиссии [Уфимской Директории] Аргунову я не утверждал, что Крутовский и Шатилов присутствовали. И думаю, что [я и] мои товарищи по скамье подсудимых, члены Административного совета Ларионов, Грацианов, Молодых и Шумиловский, раз мы не показывали чрезвычайной следственной комиссии Аргунова о том, что Шатилов и Крутовский присутствовали, то, следовательно, интереса нашего в том, чтобы в заголовке были помещены фамилии, не было. Если можно говорить о тех предположениях, о которых говорил обвинитель, [то выскажу свое мнение]. Может быть, то совещание было с той целью, чтобы показать, что Крутовский и Шатилов присутствовали и в их присутствии были приняты отставки. [Если так,] то, конечно, не моим товарищам это было нужно, а кому-то другому.

По этому делу в своих показаниях чрезвычайной следственной комиссии я указывал, что вместе с Шумиловским заявил в заседании Совета министров, что, когда прошение было произнесено в тот же вечер без собирания сведений о том, при каких обстоятельствах Шатилов и Крутовский подали прошения об отставке, и ввиду имеющихся сведений [о том], что они подали прошение под влиянием угроз, я заявил, что обсуждение [вопроса] следует отложить до следующего дня, когда будут получены о них сведения. Правда, это мое мнение не отмечено в протоколе [заседания] и является как бы голословным. Но я этому заявлению прошу революционный трибунал верить.

Затем, мне вменяется в вину то, что 14 сентября [1918 г.] был принят закон о смертной казни. Я по этому поводу давал уже краткое объяснение о том, что в этот момент я предвидел, что Административному совету вопрос о введении смертной казни не подлежит по формальным основаниям, и потому участия в голосовании в этот день я не принимал.

Затем, здесь указывалось на то, что мной был внесен законопроект о предоставлении военным властям права требовать для просмотра следственное производство и [материалы] дознания. Я дал уже объяснение, которое, по-видимому, признано удовлетворительным.

Относительно выдачи награды Яцкову я дал объяснение о том, что это было не за поимку красноармейцев и большевиков, а за те [денежные] суммы казенные, которые были отобраны Яцковым. И что это самое предложение в Совет министров было внесено не мной, а министром финансов.

Относительно [отпуска] 300 000 руб. на ликвидацию разных учреждений и лиц, также внесенных министром финансов, я дал объяснение, что это было ассигнование разным военным учреждениям, а может быть, и лицам, но относительно лиц я сейчас не помню.

В избрании Колчака Верховным правителем я участия не принимал.

Затем следует указание обвинительного заключения на мои монархические убеждения. Я категорически заявляю революционному трибуналу, что я монархистом никогда не был. Что касается указания на мой формулярный список, где

большими буквами значится получение двух медалей с обозначением в бозе почившего императора, то перед революционным трибуналом свидетельствую о том, что этот формуляр был составлен в Омской судебной палате, подписан старшим председателем Науманом и прислан в министерство юстиции. Так что отвечать за то, что там написано большими буквами, я не могу.

Затем, относительно ассигнования 900 000 [рублей][13] на посылку Шишкова[14] в советскую Россию, то тут свидетель Патушинский удостоверял, что я это сделал по его поручению, а он исполнял поручение Совета министров.

Относительно указания на мой интерес к делу об убийстве семьи Романовых. Я уже дал объяснение, что следствие по этому делу было начато не в Сибири, а в Екатеринбурге Уральским [областным] правительством и к нам только обратился штаб чехо[словацких] войск об ассигновании денег. Я всю переписку препроводил в Совет министров, которым деньги были ассигнованы. Все дальнейшие ассигнования производились уже по предложению [Совета] министров.

Относительно моей дальнейшей деятельности с 4 ноября 1918 года по 30 ноября 1919 года я могу сказать, что деятельность моя не носила самостоятельного характера, т. к. с 4 ноября [1918 г.] вступил в управление министерством [юстиции] Старынкевич и, кажется, с 4 мая [1919 г.] Тельберг. И я, участвуя в заседаниях Совета министров, малого и большого, исполнял только поручения министра. Я не хочу сказать, что, давая те или другие заключения, высказывая те или другие мнения, подписывая протокол Совета министров, я не являюсь ответственным. Нет, насколько-то я ответственен. Но я хочу только заявить революционному трибуналу, что моя деятельность за этот период не носила самостоятельного характера.

За этот период прошел закон о смертной казни, [законы о наказании] за бездействие и превышение власти, за уклонение от регистрации, от военной службы, за дезертирство и укрывательство, который мне вменяется в вину. Эти два закона о смертной казни, насколько я припоминаю, не касались трудовых масс. Первый [закон] касался должностных лиц, главным образом военных, которые не исполняли даваемых им распоряжений, затем — за превышение и бездействие власти; второй закон касался главным образом буржуазного населения, торгово-промышленного класса, которые уклонялись от явки к исполнению воинской повинности.

Вот все те объяснения, которые я считал нужным дать революционному трибуналу. Если революционному трибуналу угодно будет выслушать мою служебную и общественную деятельность для того, чтобы знать биографические сведения, я в двух словах могу сказать: моя служебная деятельность проходила вся по судебному ведомству, куда я поступил в 1908 году, и вся деятельность моя непрерывно протекала в Омске. Тут я два года был следователем, затем членом окружного суда, членом [судебной] палаты, а при правительстве Керенского в 1917 году был назначен председателем Барнаульского окружного суда.

Общественная деятельность была посвящена родному городу Омску. Я был председателем общества попечения начального образования, которое правительством впоследствии было закрыто за вредную деятельность его; затем состоял председателем попечительного совета разных учебных заведений: высших начальных училищ, в женской гимназии, в высшем коммерческом училище, в торговой школе. В 1917 году, когда мне приходилось уезжать из города Омска в Барнаул, мне пришлось подать 22 прошения об отказе от всяких обязанностей, которые на мне лежали.

Обвинитель заявлял тут о получении министрами и товарищами министров 60 000 руб. на представительство. Я должен заявить революционному трибуналу, что из этих 60 000 руб. я ничего не получал, кроме тех денег, которые мне полагались как месячное содержание.

Затем, указание обвинителя на то, что не возбуждалось министерством юстиции преследования за то, что приговор военно-полевого суда по поводу декабрьских событий [1918 г. в Омске] был вынесен после смерти 44 [человек]. По этому поводу я могу только объяснить одно: я думаю, что дело не возбуждалось потому, что до министерства юстиции эти сведения не доходили. Я сам [у]слышал об этом в первый раз здесь.

Моя деятельность в самом министерстве юстиции проходила таким образом: я был приглашен Патушинским для технической работы. Первые два месяца я в Совете министров не выступал. Затем неожиданный выход в отставку Патушинского поставил меня в положение, когда я должен был заниматься политикой. И с 10 сентября по 4 ноября [1918 г.] перед вами прошло то, что было сделано в этот период мною. Все время я отбывал свою ведомственную работу. И по поручению министра юстиции Старынкевича я участвовал в заседаниях малого Совета [министров] и только в некоторых случаях — в большом Совете [министров], когда министр был болен.

С мая месяца [1919 г.], когда был назначен второй товарищ министра, мне было поручено присутствовать в малом Совете [министров], что я и делал. И там моя деятельность не носила самостоятельного характера. Все законопроекты министерства юстиции разрабатывались первым департаментом, которым ведал не я. При Старынкевиче ведал он сам, а при Тельберге ведал второй товарищ министра юстиции. Все законопроекты проходили через юрисконсультскую часть, затем через Совет министров, и мне уже перед заседанием Совета министров преподносилось готовое заключение, одобренное министром юстиции.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Преображенскому.

Преображенский. Прежде чем я начну давать свои объяснения, я ходатайствую перед революционным трибуналом об отыскании в делах закрытого заседания Совета министров в конце марта [1919 г.], где было внесено предложение вр[еменно] управляющим министерством торговли и промышленности Щукиным о возбуждении преследования против [Омского областного] военно-промышленного комитета[15]. Мне оно понадобится на одну минуту, чтобы цитировать его, так как гражданин обвинитель в своих вопросах, заданных мне, устанавливает некоторые факты из моей предыдущей деятельности.

Ввиду вопроса [о том], не являлся ли [я] организатором какого-нибудь учреждения, [отвечаю:] очевидно, те ходатайства, о которых здесь говорилось, что они получаются, очевидно, эти ходатайства фигурируют в числе документов по моему делу. И, может быть, чтобы не затягивать объяснения, я позволю себе сказать, что вся моя деятельность шла в области работы по геологическим исследованиям, преимущественно Сибири и Туркестана, и в области народного просвещения, главным образом по техническому внешкольному образованию. Эти работы доставили мне звание члена коллегии Геологического комитета, и я в [19]15 году был избран заведующим географической секцией Геологического комитета.

А по народному просвещению, по целому ряду работ, произошло то, что, когда случился переворот 19[17] г., и я предоставил себя в распоряжение министерства народного просвещения. Мне была предоставлена должность по техническому образованию. С этого начинается моя широкая [общественная] деятельность.

На эту деятельность я пошел до [большевистского] переворота [1917 г], который застал меня в Сибири. Благодаря расстройству транспорта я вынужден был очень долго двигаться от Владивостока до Оренбурга, где была моя семья. Я поступил работать в кооператив и занялся организацией той Высшей вольной школы, о которой упомянул гражданин обвинитель. Причем эта Высшая вольная школа должна была носить тип университета Шанявского[16].

В апреле месяце [19]18 года я получил от Геологического комитета предложение принять на себя работу на западном участке Южно-Сибирской [железной] дороги. С целью выяснить этот вопрос я отправился в Петроград и затем с целой группой геологов отправился в Сибирь, проехав по Сибирской дороге в Екатеринбург. Здесь через нас автоматически перекатился фронт. Вся наша группа, человек 15, очутилась в Сибири. И ей [не] предоставлена была возможность [проехать] в том направлении, которое она получила от Геологического комитета. Я направился в Екатеринбург, где пытался осуществить указанные мне задачи. Благодаря военным действиям, шедшим около Екатеринбурга, здесь мне эту задачу не удалось выполнить. И [я] занялся работой в Высшей вольной школе.

В октябре [19]18 г. я был вызван из Екатеринбурга. Я был вызван профессором Сапожниковым для занятия должности товарища министра народного просвещения. Руководствуясь теми именами, которые были, между прочим, в составе [Временного] Сибирского правительства, я был глубоко убежден, что я начну здесь опять проводить ту работу и те же идеи, которые я проводил в работе Временного [Российского] правительства. Те изменения, которые были в составе Временного [Сибирского] правительства, для меня, правду сказать, ничего не говорили. Некоторые имена, которые уходили и оставались, были так же мне [мало] известны, как и те, которые фактически, как потом мне пришлось выяснить, играли выдающуюся роль. В результате, приехав сюда в начале ноября [1918 г.], я сделался министром народного просвещения[17], но затем отсюда был переведен в Томск[18]. Я выяснил, что я занимал определенное поручение по руководству техническим образованием, в то время как другой представитель министерства народного просвещения — Гинс — выехал в Томск[19].

В Томске работа шла техническая и организационная. Я должен сказать, что меня поразило то большое количество хороших намерений министерства, и благодаря отсутствию технических сил очень часто эти намерения оставались намерениями. И больше того, некоторые ошибки, казалось бы даже мелкие, вызывали, несомненно, на местах очень сильное раздражение, потому что эти мелкие ошибки, отходя от министерства в периферию, уже являлись довольно чувствительными в смысле усиления сложности ведения дела. А это происходило исключительно при самых лучших намерениях руководителей министерства и тех людей, которые были взяты для исполнения технической работы, но, в сущности, не техников этого дела по известного рода недоразумению и неумению.

Отсутствие министерства народного просвещения в Омске вызывало целый ряд затяжек в решении вопросов. Поэтому Совет министров постановил перевести министерство народного просвещения снова из Томска в Омск, и я в январе [19]19 г. был вызван сюда для разрешения целого ряда вопросов. И затем, так как Гинс ушел из министерства народного просвещения, то представителем народного просвещения в Омске был назначен я. И, таким образом, началась моя деятельность в Совете министров.

Не могу сказать с совершенной точностью, когда именно я получил право решающего голоса в Совете министров, потому что такое постановление было сде-

лано специально ввиду некоторых недоразумений в голосовании. Но такое постановление [было] сделано, и я мог принимать участие в решении Совета министров. Совершенно естественно, [что] путем всякого рода соглашений образовалось в Совете министров известного рода расслоение, на котором сказалась вся общественно-политическая жизнь, в которой участвовал Совет министров. И фигуры, находящиеся в правительстве, обрисовались достаточно скоро. Достаточно скоро обрисовались руководящие фигуры и в правительственном совете[20]. И мне стало понятно, что то расслоение, которое наблюдалось в Совете министров, вряд ли даст возможность работать, как мне хотелось. Началась борьба вокруг [Омского областного] военно-промышленного комитета. И, несмотря на то, что мало журналы [заседаний] Совета министров отражали происходящее там — то, что происходило в Совете министров,— я хотел [бы про]цитировать журнал [заседания] Совета министров, чтобы дать представление о действительно происходивших событиях. Может быть, гражданин обвинитель не будет оспаривать, что имеется постановление закрытого заседания Совета министров, в котором сказано, что управляющему министерством торговли и промышленности поручается произвести дополнительное расследование о деятельности военно-промышленного комитета?

Гойхбарг. Обвинение не возражает.

Преображенский. Так, в этом постановлении выражено [решение] приблизительно в такой форме (еще раз указываю, что за отсутствием подлинного журнала [заседания] я не могу цитировать), указывается такой факт: относительно военно-промышленного комитета и его деятельности было составлено совершенно определенное мнение у целой группы лиц. И эта группа лиц повела определенную борьбу с военно-промышленным комитетом. И как раз в этом заседании Совета министров покойный Н. Н. Щукин ввел предложение о немедленном установлении всех главарей военно-промышленного комитета и назначении над ними судебного следствия. А в результате одним голосом министра Старынкевича мы были побиты не потому, что это предложение было признано невозможным к осуществлению ввиду недостаточности данных, представленных первоначальной комиссией, и таким образом большинством было принято решение, которое цитировал я[21].

Мне нужно это постановление цитировать только для того, чтобы показать трибуналу, что журналы [заседаний] Совета министров, цитированные здесь, совершенно не отражают сущности той работы и жизни Совета министров, которая происходила в действительности, и свидетельствуют только о формальном присутствии членов [Совета министров] на том или другом заседании и [о] том, что постановление состоялось таким[-то] большинством и что такие-то члены подписали этот журнал [заседания]. И я думаю, что одни только стенограммы, когда они будут разобраны, дадут полное представление и о голосовавших по каждому вопросу, и о тех прениях, которые были в действительности.

До сих пор по вопросу о личной ответственности и личной виновности данных лиц нет возможности сказать ничего определенного. Я это говорю не с целью уменьшения ответственности за политическую деятельность, которую я вел в рядах Совета министров, но для установления совершенно определенного факта и значения этих журналов. Мое представление о характере работы Совета министров и лиц, его составляющих, заставило меня просить министров, чтобы они отпустили меня на свободу. Но невозможность ухода в этот момент — это было в Пасху — и представитель министерства[22] просил не сменять меня, что заставило, очевидно, министра просить, чтобы я остался до переезда министерства в Омск.

И действительно, когда министерство после Пасхи переехало сюда, моя отставка была принята и направлена в Совет министров. Но в этот момент по причинам, которые мне совершенно неизвестны, по каким-то, я не знаю, соображениям, в которых я никогда не мог разобраться, тот же В. В. Сапожников неожиданно уходит из министерства. И моя отставка, реально принятая, но формально не проведенная, не осуществляется. И на меня автоматически переходит ведение дел министерства[23].

Положение это было настолько для меня неожиданным, что я немедленно отправился к Вологодскому и имел разговор, который я зафиксировал затем в письме к нему, о том, что это положение для меня совершенно неожиданно[24]. И я только временно на совершенно определенных условиях могу принять руководство министерством с тем, что они немедленно вызовут профессора Саввина[25], о котором одновременно со мною шла речь. Если здесь имеется книга разговоров по прямому проводу, то здесь должен иметься мой разговор с проф[ессором] Саввиным, где я покорнейше прошу его немедленно прибыть для принятия министерства, потому что я желал передать дело в его надежные руки и смотрю на себя как на временного заместителя министра.

Вместе с тем я обратился к Геологическому комитету, чтобы мне дали возможность заниматься геологией и получить командировку на Южно-Сибирскую [железную] дорогу. Но проф[ессор] Саввин заболел. И когда [я] приехал в начале июня [1919 г.], он подал мне прошение об отставке потому, что он был назначен товарищем министра народного просвещения, и заявил, что ни в коем случае не останется в министерстве без меня. Еще раз пришлось говорить о временности и необходимости подыскания нам заместителей. И в это же самое время начался беспорядочный отход войск советского[26] правительства на восток, и министерство народного просвещения и вопрос об его заместителях отошли на второй план. Уже поднимался вопрос [о том], кто согласится сколько-нибудь поддерживать это дело в такую тяжелую минуту, которую переживало все правительство.

Та борьба, которая все время продолжалась в политических группах Совета министров, конечно, не останавливалась. Военщина продолжала делать свое дело. И нам оставалось одно: или бросить все и бежать, или оставаться на той же позиции, на которой мы были все время, и делать все время свое дело. И до октября месяца [1919 г.] я работал над законопроектом о единой школе. Всю ответственность за деятельность министерства, начиная с мая месяца [1919 г.], когда я сделался официальным руководителем, я принимаю целиком на себя, и только на себя. И никто, кроме меня, в ней не ответственен. Законопроект о единой школе проведен целиком мною по предварительному обсуждению. К моменту эвакуации [правительства] из Омска он был готов. И только желание министра-председателя, чтобы от имени министерства народного просвещения первым законом был внесен в Земское совещание закон о единой школе, помешало мне провести его раньше. Думаю, что когда-нибудь в качестве материалов он будет напечатан, и тогда все [с]могут судить об идеях, которыми я руководствовался при выработке этого законопроекта.

В августе, сентябре [1919 г.] я захворал. Сентябрь и октябрь прошли с ослабленной деятельностью даже и по министерству. А в октябре я уехал в отпуск в Томск. В Иркутск я приехал уже к моменту падения [колчаковской] власти. Никакого отношения [к ее деятельности] я не имел. Но когда я узнал, что А. А. Червен-Водали сам явился в [Иркутский] Политический центр, тогда как целый ряд министров из правящего большинства сочли для себя возможным оставить

Червен-Водали и уехать, я для себя счел эту позицию неприемлемой. И хотя имел полную возможность уехать, даже не вылезая из вагона, который был в моем распоряжении в этот момент, я переехал в город и в тот же вечер был арестован по распоряжению [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссии. Таковы факты моего пребывания в Совете министров.

Что касается предъявленных мне обвинений во время судебного процесса и в [обвинительном] заключении, я могу сказать следующее. Гражданин обвинитель говорит, что [я] перебрался или пробрался через фронт. Я не могу припомнить такое поведение. Но я устанавливаю факт, как это случилось. И, может быть, Вы признаете, что это факт является вполне определенным.

Далее. Делается указание на мое участие в целом ряде законопроектов о введении смертной казни. Тут я должен сказать, что мое положение было очень несложным. Я говорил уже, что в первый период времени, когда я был представлен[27] министром народного просвещения, со мной, как со свежим и новым человеком, министры не то что мало считались, но как-то не привыкли и не знали, что я такое. И часто на некоторые заседания я как-то автоматически не попадал. Но дело не в этом, а в том, что, когда я действительно бывал на них и мне приходилось принимать участие в решении дел, мое участие было несложное. От министерства народного просвещения, представителем которого я был и которое имело очень небольшой финансовый аппарат, никаких заключений не требовалось. Эти заключения обыкновенно давала, как я всегда мог твердо надеяться, юридическая часть министерства труда. И я не помню ни одного случая, когда бы Л. И. Шумиловский не выступал против таких законопроектов. Мне оставалось только следовать за ним. Я не выступал ни «за», ни «против». Ни по одному юридическому вопросу никогда не выступал по своему совершенному незнанию. Но я утверждаю еще раз, что только стенограммы могут подтвердить это утверждение. И они могут Вам сказать, кто и когда голосовал за эти законопроекты.

Далее идет обвинение в том, что я принимал участие в целом ряде утверждений законопроектов и постановлений Совета министров, которые свидетельствуют о различных политических ассигнованиях Совета министров для борьбы с советской властью и о намерении Совета министров вести эту борьбу. Да, я в этих решениях принимал [участие]. Я пришел в правительство вовсе не с намерением проводить соответствующие решения. И думаю, что в этом вы меня не упрекнете. Дело в том, что я считал своей обязанностью проводить ту линию, которой я все время служил. Эта линия была, несомненно, [линией] определенной борьбы с советской властью. Это была борьба, но в совершенно определенных для меня рамках. Никогда я этих рамок, могу сказать, не переступал. Я убежден, что и мои противники это признают и тогда, когда будут рассматриваться все документы, имеющиеся по моему делу. Я не стану говорить, что было много их, таких решений. Я просто приведу на выдержку[28]: посылка [генерала] Нагаева[29]; затем эта, извиняюсь за выражение, довольно нелепая грамота эмиру Бухарскому. Я не возражал, потому что общая линия от этого не изменилась бы.

Другое обвинение, которое мне предъявляется обвинительным актом, относится уже чисто ко мне. И оно относится к деятельности министра и основывается на единственных, абсолютно голословных показаниях. И даже не [на] показаниях, а [на] речи господина Игнатьева[30], которая, если я не ошибаюсь, помещена в протоколе подсудимого Палечека, где товарищу министра народного просвещения Н. О. Палечеку был поставлен целый ряд вопросов о деятельности министра, в смысле передачи его [обязанностей] и тех дел, которые вместе с ним переходили.

И когда Палечек ушел [с поста товарища министра], в его отсутствие были те суждения, о которых говорится в обвинительном акте. И буквально все это оттуда гражданин обвинитель перенес сюда. Я бы просил гражданина обвинителя подтвердить, что ничего того, что здесь взято из протоколов, что он взял в обвинительный акт, ничего в этих документах не имеется.

Фактов не приведено никаких. Вместе с тем я думаю, что в деле имеются документы, которые свидетельствуют о том, что на вопрос [Иркутской чрезвычайной] следственной комиссии представители советской власти дали ответ, что никаких действий, компрометирующих министерство... (*Тов. Гойхбарг перебивает: не слышно.*)

Далее, в делах Совета министров есть целый ряд документов, опровергающих те утверждения, о которых говорит Игнатьев. Я позволю себе сослаться на известного рода бумаги, имеющиеся в делах министерства, что коллежский асессор Игнатьев, выставляющий себя и свои заслуги по борьбе с большевистской разрухой на фронте, просит об освобождении его от воинской повинности. И что эта самая оппозиционность проявилась в мести Игнатьева после того, как ему в его ходатайстве было отказано. Качество обвинителей или свидетелей такого рода и их показаний предоставляю судить трибуналу.

В то же самое время я утверждаю, что имеется целый ряд фактов, что ни один факт, доходивший до министерства о преследовании, удалении или задержании лиц, подозреваемых в большевизме, не оставался без соответственного расследования со стороны министерства. Ни одного факта преследования кого бы то ни было со стороны министерства народного просвещения за принадлежность к большевизму или какую-нибудь [политическую] деятельность не имеется. И, совершенно обратно, существует целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что педагоги, уволенные или арестованные за принадлежность к большевизму, получали не только защиту от министерства, но и соответствующее назначение, потому что это были безукоризненные люди и безук[оризненные] работники. Я мог бы привести целый ряд фактов, но, к сожалению, я беспамятен на фамилии. Но могу сказать, что директор Колыванской гимназии Бауман был освобожден, вызван в министерство и принял предложение, к большому удовольствию министерства, быть представителем министерства в Якутской области[31].

Еще раз повторяю, что все подобные обвинения голословны от начала до конца. За деятельность министерства, за ее характер за время моего руководства я отвечал, отвечаю и отвечать буду. Но оно не погрешило в сторону какой-либо политической борьбы. Разрешите на этом окончить.

[*Председатель*. Слово предоставляется подсудимому Ларионову.]

Ларионов. Я имею честь просить революционный трибунал разрешить мне пользоваться моим [следственным] делом при моем ответе.

Я вступил в состав [Временного] Сибирского правительства с должности управляющего Алтайской ж[елезной] д[орогой] в августе 1918 г. Я вступил в состав этого правления на должность директора технико-хозяйственного отдела и перешел в состав правления Восточной ж[елезной] д[ороги]. Согласно имевшегося закона о железнодорожных служащих в военное время, когда каждый железнодорожный служащий обязан выполнять все требования правительства, которые в течение военного времени к нему предъявляются, а также так как я числился на Алтайской ж[елезной] д[ороге] и получил приглашение в Петроград на должность начальника дороги[32]. Случился переворот, и министерство меня пригласило в управление.

Приехав в августе [1918 г.] в Омск, в город совершенно чужой, где я никогда не жил и никого не знал, я познакомился с той работой, которая предстояла министерству путей сообщения. Действительно, управление железных дорог представляло из себя только маленькую группу инженеров с небольшим количеством служащих. Между тем как предстояло разрешать огромные задачи, восстанавливать разрушенное войной и теми событиями, которые потрясли железнодорожный организм. И огромное количество этой работы всецело заполняло мое время.

Я упомяну, что первым шагом моей деятельности в Омске в конце августа [19]18 г. был созыв съезда по вопросу о снабжении железных дорог. Я на этом съезде председательствовал. И тут была выяснена безотрадная картина снабжения смазочными материалами и т. д. А это крайне затрудняло работу железных дорог. На этом съезде выяснился чрезвычайно острый недостаток смазочных продуктов. Их оставалось на неделю-две. Я поехал лично в Самару, в район другого правительства, которое тогда там находилось. Там были большие запасы нефти, но в Сибирь их не пропускали, ибо велась борьба между Сибирским и Самарским правительством. Я выехал на съезд в Самару. Но доехать до Самары мне не удалось, так как около Абдулино дорога была прервана нападением отрядов советских войск. Я вернулся, ограничившись возможностью расшивки Челябинского узла.

Вернувшись, я совершенно неожиданно был назначен замещать инженера Степаненко, вызванного на Дальний Восток. Этим путем, не будучи абсолютно знаком ни с ходом политики предыдущего правительства, ни с лицами, которые в состав правительства входили, [я] должен был войти в состав этого [Административного] совета и присутствовать в нем приблизительно месяц. Повторяю, что я абсолютно не знал ни руководителей этой политики, ни самой политики, потому что занят был в Омске исключительно чисто технической работой по железным дорогам, и, войдя в Административный совет, должен был в первые недели знакомиться с теми вопросами, которые выносили на решение Административного совета, а также [с] его участниками. Я не только не знал их большинства по именам и отчествам, но даже абсолютно не знал в лицо. Поэтому когда пришлось подписывать журналы [заседаний Административного совета], то совершенно естественно, если бы даже просматривал этот журнал, это было бы бесполезно, потому что я не знал даже в лицо многих участников Административного совета. Но, подписывая журнал какого-нибудь заседания, я считал, что я отмечаю журнал этого заседания, и считал, что отмечаю свое участие в заседании. А номер или число журнала — это относится к обязанности делопроизводства и секретаря журнала.

И для того, чтобы объяснить, что я действительно подписывал журнал [заседания] о Крутовском и Шатилове, совершенно не удостоверившись в их присутствии в числе участников заседания, переписанных в заголовке, должен отметить, что самое постановление о Крутовском и Шатилове было передано здесь несколько с отступлениями. В журнале имеется постановление не об отставке, а о временном освобождении от обязанностей до окончательного разрешения этого вопроса, в чем трибунал может удостовериться[33]. Причем это временное освобождение от несения обязанностей имеет в виду освободить действительно эти лица от обязанности быть в Омске и присутствовать в заседаниях ввиду [их] выяснившей[ся] совершенной физической невозможности быть в Омске и ввиду того, что эти лица фактически во все предыдущее время действительно этих обязанностей не несли и поэтому работниками правительства в действительности не были.

Я отмечу, что дальше, как повторяет обвинитель в своем утверждении, я принимал [участие в утверждении] постановления о смертной казни [от] 14 сентября [1918 г.]. Вчера здесь [было] оглашено, что моей подписи под ним не было.

В дальнейшем [в обвинительном заключении] указывается о постановлении об избрании адмирала [Колчака Верховным правителем] и говорится, что министры охотно голосовали за самодержца Колчака. Здесь допущена неточность, ибо, во-первых, я не был министром, а во-вторых, мне как участнику технических заседаний, члену малого Совета [министров] даже об этом обстоятельстве совершенно не было известно, и знать [этого] я не мог. После кратковременного, как я уже указал, моего присутствия, совершенно случайного, в Административном совете в течение одного сентября и начала октября [19]18 г. я возвратился опять к своим обязанностям директора технико-хозяйственного отдела министерства путей сообщения и нес эти обязанности до момента образования здесь [Уфимской] Директории.

Директорией, по указанию от 4 ноября [19]18 г., я был назначен товарищем министра путей сообщения. Мне неизвестно, чем руководствовалась Директория при моем назначении. Но определенно могу утверждать, что, конечно, этот выбор не стоял абсолютно ни в какой связи с [моим] желанием или нежеланием пробраться в состав правительства, [во-первых]; а во-вторых, я представлял лицо определенной политической окраски, потому что я всегда был беспартийный и в политических группировках участия не принимал. Из лиц [Уфимской] Директории меня никто не знал, за исключением одного Виноградова, который встречался со мной еще в Петрограде, где я заведовал делами Центрального комитета по перевозке, а Виноградов был тогда представителем от Союза городов и земств и принимал непосредственное участие в работах министерства в качестве исполняющего обязанности товарища министра Некрасова[34] по водным путям.

И мне представляется, что если мое назначение состоялось, то, вероятно, [Уфимская] Директория имела в виду мой служебный инженерный стаж; вероятно, учитывала мою, к тому времени 18-летнюю, деятельность инженера, в настоящее время уже 20-летнюю деятельность; ряд моих постепенно [все] более ответственных должностей; ряд моих научных работ по специальности, некоторые из которых были отмечены и вызвали оживленную полемику в специальной и общей прессе, как, например, мои работы в разгар борьбы между казенными и частными дорогами о сравнении эксплуатации железных дорог — работа, которая была удостоена почетного жетона Керзона. Эта книга была по распоряжению министерства роздана в большом количестве и, поскольку известна, цитировалась в прениях по этому вопросу в Государственной думе. Эта книга также, вероятно, была известна Виноградову.

Вступив, таким образом, в состав правительства [Уфимской] Директории в должности товарища министра, я оставался до конца существования [этого] правительства и ведал теми вопросами, которые мне поручило министерство путей сообщения: [управление] государственных железных дорог, а затем впоследствии, в июле месяце [1919 г.], всеми вопросами по железным дорогам.

Эта работа техническая прерывалась иногда необходимостью присутствовать в заседаниях малого Совета [министров], причем в этих заседаниях, после того как мне было поручено ведать железными дорогами, моя задача сводилась к тому, чтобы присутствовать только по этим железнодорожным вопросам на заседании [малого] Совета [министров]. Только по ним я являлся и затем с заседания уходил. Этим объясняется то обстоятельство, что в некоторых журналах [заседания]

имеются две подписи — и моя, и Степаненко. Причем повторяю, что подпись вовсе не характеризует ответственности по всем вопросам. И так как подписание журнала [заседания] по некоторым вопросам нам инкриминируется, то я считаю себя обязанным отметить, что глубоко интересной судьбой, глубокой душевной драмой для нас, присутствующих здесь, является отнесение к Шумиловскому огромного количества постановлений, против которых он, главным образом, и высказывался, будучи всегда в левом крыле, выступая в качестве оппозиции, в качестве противника мер, которые ему вменяются в вину.

Я считаю себя обязанным отметить при присутствующих здесь подсудимых, а также обвинительному заключению совершенно не известно ни обвинителю, ни трибуналу, как сложились отношения после начала [19]19 г., после образования правительства Колчака[35], и как эта конструкция власти отражалась на тех или других прошедших здесь перед трибуналом событиях. Эта конструкция власти сводилась к следующему. Когда признано было целесообразным, ввиду исключительности переживаемых условий, выбрать руководителя власти всей страны, как гражданской, так и военной, осуществление этого было поручено адмиралу Колчаку, который являлся, таким образом, и Верховным правителем и Верховным главнокомандующим, одновременно соединяя эти обе функции в своем лице.

Дальнейшее управление сложилось следующим образом: непосредственно при Верховном правителе и Верховном главнокомандующем находился его совет, состоящий из председателя Совета министров, министра иностранных дел, финансов, внутренних дел, военного и начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Далее шел Совет министров, возглавляющий отрасли гражданского управления, а из военного управления — те отрасли, которые ему были подведомственны.

Затем большой Совет [министров] выделял из себя малый Совет [министров], состоявший из товарищей министров. Причем этому Совету были подведомственны вопросы только второстепенного значения, только те, по которым уже имеются принципиальные решения и формальное согласие глав соответствующих ведомств. Эти меры отдавались только для редакционной, чисто технической обработки.

Причем осведомления о текущих событиях малый Совет [министров], как общее правило, никогда не имел, так как члены малого Совета — товарищи министров — не допускались в закрытые заседания, где обсуждались важные вопросы и выслушивалась информация о ходе как военной жизни, так и внутренней. Эта информация была доступна только министрам. И мне известны случаи, когда приходилось спрашивать министра и получать ответ: «Все, что я могу сказать, я Вам сказал. Дальше Вы можете почерпнуть из официального сообщения». И действительно, министры не имели возможности даже ближайших сотрудников посвящать [в дела], так как были связаны тайной этих заседаний. И подавляющее большинство того, что мы слышали здесь, было для нас полной новостью.

Возвращаясь к характеристике конструкции власти, я упомяну, что Верховный правитель был и Верховным главнокомандующим. Военные вопросы, вопросы войны и все сопряженные с ними [вопросы] он осуществлял распоряжением через соответствующую огромную организацию, через начальника штаба Верховного главнокомандующего и штаб Верховного главнокомандующего, для краткости называвшийся Ставкой. Это огромное военное учреждение охватывало все отрасли военного управления на фронте и [на] так называемой территории военных действий, а также и в тылу. Командующий войсками был подчинен по вопро-

сам оперативным и военно-политическим, а также [по] чисто военным не военному министру, а начальнику штаба Верховного главнокомандующего. Таким образом, эта огромная отрасль деятельности, чрезвычайно обширная, в сферу которой входили все эти приказы Артемьева, которые здесь читались, все эти военно-оперативные вопросы, они входили в смысле подчиненности не к военному министру, не к Совету министров, а к Верховному главнокомандующему и его штабу.

Я сказал уже, что компетенция штаба Верховного главнокомандующего, военного командования распространялась [не] только на территорию военных действий. Я думаю, что общеизвестно, что на территории военных действий существовали совершенно разные законы, в которые входили почти все отрасли жизни военно-оперативной и громадная отрасль жизни гражданской. Это положение «О полевом управлении войск в военное время». На основании этого положения лица, облеченные полномочиями по этому положению,— главнокомандующие, командующие фронтом, командующие армиями, командующие отдельными корпусами, отдельными армиями и т. д.— были облечены чрезвычайными полномочиями, распространяющимися, будто [бы это] вызывается военной необходимостью, на все без исключения отрасли жизни. И все мероприятия карательного свойства, если они осуществлялись в пределах этой полосы, могли осуществляться на основании этого закона. И гражданские власти могли о них ничего не знать. А если бы и знали, то действительно не в состоянии были бы ничего сделать.

Я позволю себе это утверждать на основании того опыта, который я имел лично по опыту железнодорожников. Железные дороги входили в территорию и тыла, и фронта. И в отношении железных дорог фронт мог расширяться, и железнодорожники вынесли колоссальную борьбу и ряд чрезвычайно тяжелых переживаний, когда я попытался осуществить свои права. В частности, свое право защищать железнодорожников от тех насилий, которые творились в полосе фронта распоряжением безответственных начальников, действовавших на основании закона о полевом управлении.

Эти насилия персональные, о которых я упоминал здесь, еще больше сказались в насилии техническом, именно в захвате подвижного состава, в совершенно нерациональном использовании перевозочных средств. Как на пример укажу, что под эшелоном держалось по три «горячих» паровоза на случай, если понадобится сделать передвижение. И особенно пришлось вести борьбу за нефтепровод, который был душой всей железной дороги, ибо без смазочных материалов машины работать не могут. Все это побудило нас к необходимости приведения в движение машин электрической нефтекачкой, как, например, на Самаро-Златоустовской дороге. Затем, десятки тысяч и даже миллионы пудов [топлива] сжигались под этими паровозами, стоящими без движения.

И хотя мы находили большую поддержку в лице товарища министра [торговли и промышленности] Введенского и указывали на необходимость сохранения этих продуктов, которые необходимы для работы дорог, мы получали ответ, что нет, [что] военное командование, главным образом командование чешское, считает необходимым действовать так, хотя можно было переделать нефтяные паровозы на угольное отопление, что впоследствии и было сделано, когда явилась возможность действовать нам в этом районе. Я говорил об участии товарища министра Введенского и обязуюсь доложить, что эти настояния нам пришлось довести до того, что мы составили специальную депешу на имя Верховного правителя. Эта депеша была доложена, но все-таки никаких реальных результатов не имела, так как военное командование — главным образом чешское, так как чехи

занимали Урал,— нашло наши требования неосновательными и не пожелало их осуществить.

Гойхбарг. Не разрешите ли мне спросить, до какого часа или времени будут продолжаться так называемые объяснения подсудимых? Обвинение считает возможным для себя, ввиду выяснившегося характера объяснений, не присутствовать [на них]. И так как неотложные дела вызывают меня в другое место, то я мог бы считать [себя] свободным и возвратиться к тому времени, когда закончатся объяснения.

Павлуновский. До 5 часов [дня].

Ларионов. Как я уже говорил, полномочия военной власти распространяются на территорию военных действий. В эту территорию военных действий входила огромная зона от Иртыша на запад. К ней присоединялись другие районы, где начинали действовать какие-нибудь части, где начинались права отдельных частей. Так, тогда появился около Семипалатинска особый маленький фронт, ему были предоставлены права отдельного корпуса на территории военных действий. Это огромное положение военное действовало одновременно с гражданской властью и создавало ту перспективу, благодаря которой обвинитель в своем заключении мог приписать Совету министров, и в частности присутствующим здесь, вовсе не составлявшим колчаковское правительство, а второстепенным персонажам, целый ряд действий чисто военных, происходивших в обстановке, может быть, боевых действий, влекших за собой те массы жертв, а может быть, эксцессов, которые никоим образом не могут быть поставлены в вину присутствующим здесь. А может быть (я думаю, что это так), и Совету министров вменено в вину быть не может.

При своем изложении обвинитель трактует как общее правило, что подпись под журналом [заседания Совета министров] означает уже ответственность подписавшегося за то, что в журнале находится. Как я уже докладывал, по некоторым вопросам сам я присутствовал, имея только полномочия министра путей сообщения по железнодорожным вопросам. Так, в моей памяти сохранился журнал [заседания] от 15 сентября [1919 г.]. Там я был по своим железнодорожным вопросам, голосовал за них и ушел, но подписал журнал. И эта подпись свидетельствует о моем участии [в обсуждении только] по этому вопросу. Оговорок по вопросу я не делал, ибо такова уже вина делопроизводства, что оно отмечает наше участие.

Я должен указать, что присутствовавшим в Совете министров по всем вопросам было бы совершенно несправедливо ставить в вину все постановления, которые в заседании выносились. Я отмечаю, как пример, Шумиловского, а также и вменение ему постановления о смертной казни, которое ему вменено в вину быть не может. Я присутствовал при этом заседании, но абсолютно не могу припомнить, ибо дела Совета министров нам представляемы не были для ознакомления. И только впоследствии я восстановил в памяти, ввиду совершенно случайного совпадения, как это дело происходило.

9 июля [1919 г.] я уехал на линию по экстренному поручению для принятия неотложных мер для расшивки узлов, для открытия новых водоснабжений. И дата эта твердо сохранилась в моей памяти. Накануне, 8 июля, я был вызван Уструговым, тогда больным, к нему на квартиру, где он дал мне эти поручения о командировании на линию. Сделал целый ряд указаний и в то же время просил побывать в Совете министров, так как Степаненко был болен. Я поехал в Совет министров. Приехал — не помню, к какой части заседания, но, во всяком случае, большую часть пропустил — и, будучи там, я был вызываем в течение не менее трех раз

к телефону, так как ввиду моего отъезда на линию мои сотрудники спешили получить указания. И министр также делал мне дополнительные указания. И фактически [я] совершенно в этом заседании не присутствовал. Но так как я в нем был, по некоторым вопросам в очень небольшой части, то я этот журнал подписал впоследствии, когда вернулся из этой поездки. Вот каким образом получались наши подписи на журнале [заседания].

Между тем этот механический признак, совершенно не являющийся доказательством, кажется обвинителю достаточным, чтобы по этому механическому признаку установить оценку имеющих несчастие сидеть здесь на скамье подсудимых лиц и называть их участниками [шайки]. Я все-таки считаю, что малый Совет [министров] этого не знал. Наше эпизодическое участие в малом Совете не давало нам хода законодательства в определенных вопросах. И те обобщения, которые сделаны в обвинительном заключении, являются по многим вопросам попрежнему чрезвычайно для меня непонятными и, во всяком случае, не подтвержденными основными доказательствами.

Я позволю себе перейти к содержанию фактических обвинений против меня. В частности, моя фамилия фигурирует по двум абзацам, причем при перечислении имен говорится, что во всех этих мерах активное участие принимали такие-то [лица]. Эти меры следующие: здесь говорится, что министерство путей сообщения отдало в распоряжение иностранцев все железные дороги Сибири. Я покорнейше прошу ознакомиться с теми данными, на основании которых это утверждение сделано. Я имею смелость утверждать, что такое...

Председатель Павлуновский. Подсудимый Ларионов, опровержение данных судебного следствия — это уже дело защиты. Вы дайте объяснения по фактам, которые прошли перед судом трибунала. Никакой суммировки фактов для опровержения данных судебного следствия я дать не могу.

Ларионов. Я позволю себе огласить факты, которые я имел в виду привести. Факты относительно железнодорожных служащих. Прежде всего, железнодорожным соглашением, которое было достигнуто с большими усилиями, которым принес величайшую пользу России министр путей сообщения Устругов на Дальнем Востоке, железные дороги Сибири были обеспечены помощью союзных держав, главным образом помощью по снабжению техническому. Но управление железных дорог фактически оставалось [у нас]. И мысли не было о том, чтобы отдать эти железные дороги иностранным державам и правительствам.

Я указываю [на] этот факт и полагаю, что его чрезвычайно легко установить формально тем, что все учреждения [железной] дороги оставались, что министерство в моем лице распоряжалось этими дорогами, что ни одна копейка не поступила в карман иностранцев. И [также легко] установить, что железные дороги чрезвычайно много приобрели при посредстве этой междусоюзной помощи, которая выразилась в создании междусоюзного комитета.

Для того, чтобы подтвердить это, я позволю себе обратить внимание на тот факт, что после того, как Россия вышла из строя держав, борющихся с Германией, огромные заказы, отчасти заказы на чрезвычайные цели и на важное для России железнодорожное имущество, были задержаны за границей и в Россию не были выпущены, причем некоторые [из них] уже были в пути. Здесь имела место задержка громадного количества паровозов и вагонов, которые были заказаны и были задержаны в Америке. Когда удалось заручиться соглашением с иностранными державами, мы в первую голову добились [того], что эти старые заказы и старое имущество были в Россию отправлены, и мы действительно начали через предста-

вителей междусоюзного комитета получать и получили очень большое количество паровозов «Декапот», большое количество вагонов и частей.

Эти паровозы были получены и собирались в Харбине и Владивостоке и оттуда отправлялись на всю [железнодорожную] сеть. Когда я был в Иркутске, на Томскую [железную] дорогу было отправлено 30 «Декапотов». И мы получили их, несмотря на противодействие Китайской дороги, которая не хотела расставаться с паровозами и отправлять их. Таким образом, заручившись согласием иностранцев, Россия получила чрезвычайно ценное имущество из старых и из новых заказов, которые делались в счет кредита, который я частично отпустил для этих целей. Между прочим, эта помощь сводится к диспетчерским телефонам, которые являются чрезвычайно важным улучшением, и [другому] их оборудованию, которое было поставлено здесь при помощи иностранцев. Я упомяну про нефтепроводы, которые мы не имели возможности за деньги получить, ибо Америка отказала[сь] нам их давать, и лишь при посредстве междусоюзного комитета мы получили возможность получить это имущество. Оно было получено, и железные дороги могли работать.

Затем, здесь имеется упоминание о передаче предприятий иностранцам. Я обязуюсь отметить тот факт, что как по эксплуатирующимся, так и по строящимся дорогам заведовал этим делом товарищ министра Степаненко. Ни одной копейки здесь не было от иностранцев. И ни одного вопроса, насколько мне известно, об этих концессиях не поднималось.

Что касается перевозки воинских сил, то считаю необходимым указать на существование тарифного учреждения, ведающего отправкой и перевозкой по железным дорогам, о ходе всех перевозок междусоюзного командования, как персональных, так и воинских и грузовых. Все эти перевозки отправлялись по чрезвычайно выгодным для нас коммерческим тарифам. Причем исчисление этого тарифа было произведено чрезвычайно выгодно для нас, а именно не в русских рублях, стоимость которых фактически стремительно падала, а в золотых рублях. Об этом имеется официальное постановление Совета министров[36]. Такие исчисления действительно производились. Причем железной дороге возмещались национальностью[37] следуемые суммы. И если имеются указания, что бесплатные перевозки были, то, вероятно, обвинение нашло возможным приписать это указание, ссылаясь на постановление Совета министров от 28 октября [1919 г.] о бесплатной перевозке чехов[38]. В таковом заседании я не участвовал, так как [к тому времени] я выехал со своим эшелоном в Иркутск. И повторяю, что эти перевозки и постановление Совета министров шли совершенно вразрез с тем порядком, который действовал раньше, [когда] все перевозки иностранного командования оплачивались.

Затем, я позволю себе указать как фактическое подтверждение, что все указания, которые здесь были сделаны («Они сносятся с японским командованием об усилении Иркутска японскими войсками», «уговаривают чехословацкие войска соединиться с ними против советской России», «отсылают для продвижения в Японию золото в количестве 2 000 пудов», «просят Японию о посылке войск на запад»), и здесь указывается, что в таких и таких-то случаях принимает участие и Ларионов[39]. Я был крайне поражен, так как ни об одном таком постановлении не слышал и узнал только здесь из оглашенных обвинением материалов, что такие постановления имели уже место; одно от 30 октября [1919 г.], когда меня уже не было в Омске, другое — [от] 3 декабря [1919 г.], когда меня не было в Омске[40]. Я категорически утверждаю, что во всех этих постановлениях я не участвовал, что легко проверить по просмотру журнала [заседаний], так как я не был в Омске.

В этих постановлениях моя фамилия фигурировать не должна, и это фактически опровергает мое участие в заседаниях.

Я считаю необходимым установить некоторые фактические данные относительно случаев, утверждаемых в обвинительном заключении. Тут указывалось, что Степаненко с Ларионовым установили такой порядок на железных дорогах, при котором рабочие никакой защиты с нашей стороны в отношении своих прав не имели. Я уже указывал в своих показаниях перед [Иркутской] чрезвычайной следственной комиссией, что такое утверждение совершенно не соответствует действительности и опровергается целым рядом фактов, которые я могу огласить, которые могли бы быть подтверждены свидетелями, вызвать каковых нам, к сожалению, было отказано. Эти факты следующие: с самых первых шагов моего заведования железными дорогами, как только к нам стали поступать известия о тех насилиях и незакономерностях, которым подвергались железнодорожники, я самым решительным и определенным образом выступил на борьбу с этими злоупотреблениями в защиту железнодорожников. С этой целью я дал циркулярную телеграмму, неоднократное подтверждение которой можно найти в соответствующих делах, железнодорожникам, своим линейным агентам вменить в обязанность о[бо] всех случаях насилия немедленно сообщать, устанавливая воинское звание, принадлежность к определенной части тех, кто это насилие производит. Немедленно телеграфно сообщать ближайшему начальнику своего управления, а также непосредственно мне. Это исключительное положение, которое в данном случае было допущено, так как агенты обыкновенно не имеют права сноситься с центром. Это доказывает, какую важность я придавал этому обстоятельству.

И я начал получать такие сообщения и принимать меры, чтобы прекратить насилие в дальнейшем. Причем часто имели место случаи такие, что о каких-нибудь случаях неправомерности получались сведения окольным путем. Я требовал объяснения, почему мне не было донесено, и я [поэтому] не имел возможности что-нибудь сделать. Оказывается, что зачастую железнодорожники были до того терроризированы уже с момента беспорядочной демобилизации наших войск[41], когда им пришлось нести ужасные испытания, что они боялись защищаться от совершаемых над ними насилий, чтобы только не попасть в историю.

И мне приходилось рядом повторных телеграмм, которые в делах можно найти, требовать, чтобы во что бы то ни стало было сообщаемо о[бо] всех случаях. И я установил такую систему, которая определенно до последних дней проводилась, что я обращался к высшему начальнику виновников этих насилий по принадлежности, к военному министру, к начальнику штаба Верховного главнокомандующего непосредственно, или к начальнику военных сообщений, или к военной миссии, если это было со стороны чехов, с категорическим требованием предать насильников суду, заслуженному наказанию и принять меры пресечения [против] повторения в будущем подобных случаев.

У меня в министерстве регистрировались случаи насилия, и я пользовался этим, чтобы [донести о них] до сведения всех, кого возможно. Я припоминаю, что, когда я был вызван на доклад к [генералу А. М.] Михайлову о его поездке на Томскую [железную] дорогу, когда он сообщил о тяжелом положении железнодорожников, о той тяжелой нужде, которую они терпят, я воспользовался этим и принес этот синодик того, что делается на железных дорогах, и огласил его в пленуме Совета министров. И министру[42] Степаненко было предложено принять меры к прекращению этих насилий[43]. Таким образом, причина этих насилий была не в нас.

Мы принимали против них все меры, и это может быть подтверждено всеми материалами, имеющимися в делах.

Что касается министра Устругова, который всегда был в левом крыле правительства и отстаивал…

Павлуновский. Я вынужден ограничить Ваше время еще пятью минутами ввиду того, что подсудимые не ограничиваются освещением фактов. Я вынужден вообще ограничить время для всех подсудимых 15 минутами.

Ларионов. Постараюсь быть возможно кратким. Это заявление я отправил за своей подписью в комитет законности и порядка [в управлении], и товарищ министра [юстиции] Малиновский легко может этот факт подтвердить. Комитет законности и порядка [в управлении], рассмотрев мое заявление, издал циркуляр, которым вменялось в обязанность военным чинам защищать железнодорожников от насилий и незаконных арестов и предавать виновных следственной власти. На этот циркуляр я опирался. И прибыв в Иркутск, я потребовал от начальника военных сообщений [отчета о том], что он сделал по охране железнодорожников.

Ввиду того, что я вынужден быть кратким в приведении фактических данных, которые я мог [бы] привести в большом количестве, я приведу только те действия[44], которые говорят о совещании по финансовым предприятиям[45].

Я должен доложить, что этим совещанием отпускались ссуды железным дорогам. Они отпускались потому, что необходимо было финансировать железные дороги, которые иначе работали в дефицит. И если бы правительство их не субсидировало, они вынуждены были бы закрыться, и все рабочие и служащие, которые находили на них заработок, потеряли бы свой хлеб и были бы обречены на величайшее бедствие. Попутно с этим я вынужден остановиться на документе, который был здесь оглашен, документе относительно моей деятельности от общества Алтайской ж[елезной] д[ороги]. Доверенность, переданная мною [инженеру] Лепицкому[46], была выдана мне в [19]17 году, когда я был управляющим Алтайской ж[елезной] д[орогой]. И выдали ее на совершенно законном основании. Я имел доверенность с правом передоверия на случай моей болезни или отставки, уполномочивающую меня производить действия.

Когда я перешел на службу в министерство, вместо меня был назначен инженер [Х. А.] Федоров. И возник вопрос [о том], каким образом можно было облечь Федорова всеми формальными правами распоряжаться средствами, которые принадлежали Алтайской ж[елезной] д[ороге] как частному предприятию. Я обратился к своей юридической части, которая нашла возможным формальный, совершенно законный выход, чтобы я, не имея возможности возвратить свою доверенность обществу Алтайской ж[елезной] д[ороги], выдал доверенность инженеру Федорову. И я такую доверенность выдал. Таким образом, то формальное право, которого я не осуществил, так как перешел на службу в министерство, я передал другому лицу, и этим ограничилось все участие с моей стороны. Таким образом, то освещение, которое было дано этому факту здесь, совершенно не соответствует действительности, ибо я совершил только формальный акт, передав в [19]19 г. мою доверенность, а доверенность Лепицкого была мне возвращена, причем [я] вознаграждения от Алтайской ж[елезной] д[ороги] не получал ни одной копейки. Никаких действий, которые являлись бы покровительством Алтайской [железной] дороге, я не делал, тем более что еще в [19]17 г. я просил об увольнении с Алтайской [железной] дороги. Мне это было обещано, и наконец мой перевод совершился.

Здесь было указано, что мною была послана бумага относительно продвижения дороги на юг. Такая бумага действительно была, так как я вообще интересовался этой дорогой, считая ее чрезвычайно важной в государственном отношении. Я получил копию этого постановления и этим ограничился. Это постановление лежало у меня, никаких шагов я не предпринимал и с инженером Степаненко даже об этом не разговаривал.

Председатель т. Павлуновский. Предоставленный Вам срок истекает.

Ларионов. Что касается расходования сумм, о которых здесь говорилось, то это было совершенно законное перемещение [денег] из одного банка в другой. Это был счет служебный, который делается под видом подписки, выдаваемой государственному банку при его (счета.— *В. Ш.*) открытии. Такая подписка была дана. И из этого счета почему-то обвинитель выделил только два распоряжения, но забыл другие. Например, мною было переведено 10 миллионов [рублей] на оплату служащим и рабочим Томской [железной] дороги, на оплату Ленской [железной] дороги.

Что касается моего участия в «тройке» в Иркутске, я отвечу, что я приехал в Иркутск в качестве товарища министра, абсолютно не принимал участия в политической жизни и руководстве политикой, вел чисто техническую работу и участвовал в заседаниях малого Совета [министров]. Только 11 декабря [1919 г.] я вступил в исполнение [обязанностей] заместителя министра. И даже в это время в закрытом заседании Совета министров не участвовал. И во многих заседаниях, когда я приходил в заседание Совета министров, я вынужден был ждать, пока закончится закрытое заседание, а иногда уходил поздно ночью, так как заседание до моих вопросов не доходило. Только 20 числа, когда стал председателем [Совета министров] Червен-Водали[47], он пригласил нас в заседание закрытого Совета [министров]. И только тогда я получил [право на] участие в большом Совете [министров].

Мое участие в переговорах с [Иркутским] Политическим центром сводилось только к переговорам 2, 3 и 4 января [1920 г.]. Об этом подробно изложено в моих показаниях, имеющихся в моем деле. 2 и 3 [числа] мы поехали с Ханжиным, чтобы добиться согласия на переговоры, и его добились. 3 [января] мы вернулись вместе с Вагиным и вели предварительные переговоры, результат которых на другой день был доложен Червен-Водали и затем Совету министров. 4 [января], когда мы после чрезвычайных технических трудностей явились туда, я присутствовал на этих переговорах, где было достигнуто соглашение по основным пунктам, и был вызван к телефону в японскую миссию…

Председатель тов. Павлуновский. Ваше время истекло, я могу продлить еще на две минуты.

Ларионов. И здесь впервые мы узнали об уводе Семеновым 31 арестованного. Я отдал распоряжение немедленно их вернуть и дал распоряжение передать командующему войсками, оставленному Сычевым, который ждал в Иркутске, что заключается мир и поэтому оставшиеся войска не должны стрелять. Вот эти два действия были единственными моими действиями, сделанными во время этих переговоров. Полагаю, что из них никоим образом не следует агрессивный характер этих действий, а наоборот. И, узнав в заседании Совета министров, я послал телеграммы с приказанием Сычеву вернуть арестованных, которые (телеграммы.— *В. Ш.*) тогда же были отправлены через чешское командование. Я утверждаю, что я не знал, что имеется предложение Скипетрова отправить арестованных. В документах Червен-Водали имеется предложение от Скипетрова [от] 3 января, т. е.

тогда, когда я находился на том берегу [Ангары] и вел переговоры и от города был отрезан.

Возвращаясь к этому вопросу, я подтверждаю, что Червен-Водали в качестве председателя [Совета министров] отдавал распоряжения или, вернее, настойчивые требования, чтобы никаких военно-полевых судов не было и что Сычев должен принять охрану неприкосновенности личности этих арестованных, на что и было изъявлено согласие. Этим я заканчиваю объяснения.

Павлуновский. Объявляю перерыв, чтобы подсудимые суммировали свои объяснения. Больше 15 минут для объяснений я давать не буду. Иначе получается, что подсудимые будут иметь двойное последнее слово.

После перерыва.

Председатель. Заседание революционного трибунала возобновляется. Слово принадлежит подсудимому Степаненко.

Степаненко. Западно-Сибирским комиссариатом я был приглашен в ведомство путей сообщения главным образом как специалист по железнодорожному делу, так как 30 лет своей жизни непрерывно работал в этой области создания народных ценностей. Здесь за мной числятся некоторые работы, которые имеют общегосударственное значение, как, например, организация и осуществление огромного, чрезвычайно ответственного и сложного дела во Владивостоке — сборка американских вагонов.

Согласившись на восстановление транспорта в стране в тот момент, я тем не менее осведомился о возникшей власти, вполне убедился в том, что возникшая власть совершенно не стремится к восстановлению старого [порядка], что, наоборот, возврата к старому не может быть, что она стремится восстановить государственный строй на демократических началах. Это отвечало моему настроению. И я спокойно принялся за техническую работу по восстановлению транспорта в стране, участвуя в правительстве лишь постольку, поскольку к этому меня обязывало мое положение. При Сибирской Директории я участвовал с совещательным голосом. В Административном совете мне не пришлось участвовать, так как я имел служебную поездку на Дальний Восток, а в Совете министров я принимал лишь спорадическое участие. Таким образом, я работал как специалист и никоим образом как политический деятель. Да я и не мог быть таковым по своему душевному складу. Но в области моего ведомства я не мог проводить эту политику возвращения к старому, что главным образом инкриминируется мне, не только по своему душевному складу, но и потому, что я думал, что транспорт в стране должен стоять вне политики, которая руководит всеми методами и приемами. Эта политика целесообразности для работ транспорта как такового.

И вот исходя из этих мотивов целесообразности и был предпринят мною ряд мер, на которые, между прочим, указывается в обвинительном акте. Так, например, мною прежде всего было введено единоличное управление на местах и в центре. Раньше были всюду коллегии. Так, например, Омская ж[елезная] д[орога], упразднив должность начальника дороги и его помощников, установила правление совета ж[елезно]д[орожных] депутатов, который состоял из 80 лиц, и из него выделялся исполнительный орган, который состоял из 16 или [из] 20 лиц. Очевидно, что такая коллегия требовала массу специалистов, которых не хватало и раньше. Это во-первых. А во-вторых, в таких коллегиях никто не чувствовал определенной ответственности. Между тем как для того, чтобы управлять этим делом, необходимо сознавать точно свои обязанности и свою ответственность. Это было первое, что заставило меня решиться на меру введения единоличного управления на мес-

тах, так как на каждом участке тяги или пути была коллегия, которая отрывала массу полезных средних служащих и рабочих от их прямой обязанности, где они были более полезны, чем в правлении, в котором они оказывались недостаточно компетентными.

Другим методом управления была организация центрального управления, приглашение надлежащих сотрудников, в том числе и Ларионова. Затем, предоставление большой инициативы на местах, децентрализация власти и т. д. И, благодаря этим принятым мною методам, все-таки в результате в течение времени моего заведования транспортом при [Временном] Сибирском правительстве, с июля по ноябрь [1918 г.], транспорт непрерывно рос. Ежедневные, неуклонные, беспристрастные цифры показывали, что количество перевозок с востока на запад ежемесячно увеличивалось.

Кроме того, брошенный произвольно и оставленный владельцами водный транспорт был взят правительством в свои руки. И этот водный транспорт в течение навигации осуществил огромную работу по перевозке десятков и сотен тысяч пудов. В это время были осуществлены государственные мероприятия чрезвычайно важные, вроде устройства и сооружения Илимского тракта, А...[48] тракта. Была реформа водных округов с целью предоставления большей инициативы на местах.

Затем, шоссейные дороги были объединены. Для упорядочения этого дела [был осуществлен] еще ряд других мер. Основано было особое совещание для урегулирования вопросов между предпринимателями и рабочими, вопросов труда и т. д. Таким образом, эти все мероприятия совершенно не исходили из общегосударственной политики. И хотя некоторые приемы здесь представляют собою возвращение якобы к старому, но я повторяю, что это было требование целесообразности, а не возвращение к общегосударственной политике, каковая здесь не имелась в виду.

Что касается обвинения по отдельным инкриминируемым пунктам, то должен доложить, между прочим, что относительно введения милиции я уже указывал, что введение железнодорожных жандармов не находится ни в какой связи [с моей] деятельностью. И это тем более меня удивляет, что эти жандармы были именно мною уволены. По крайней мере, меня переворот застал во Владивостоке, и я прежде всего уволил этих жандармов. Здесь же была обыкновенная милиция.

Что же касается двух пунктов законов, которые караются смертной казнью, [то] должен заявить, что я принципиальный противник смертной казни вообще. И считаю высочайшим и гуманнейшим государственным актом отмену таковой, где бы она ни была.

Что же касается подписания [журналов заседания Совета министров], то здесь было достаточно объяснено предшествующими ораторами, что это часто являлось совершенно вне [нашей] воли и объясняется совершенно иначе.

Вчера, между прочим, было недостаточно разъяснено мое участие в том, что было назначено вознаграждение за подавление восстания в Тобольской [каторжной] тюрьме. [На]сколько я припоминаю, это был доклад министра юстиции по докладу начальника[49] [Тобольской] губернии. А он заключался в том, что подавление восстания произведено было не тюремщиками, а гарнизоном. Награды же были даны тюремщикам за то, что они потеряли некоторую часть своего имущества. Этим же объясняется и разница в сумме этой выдачи.

Пенсии были назначены не только полицейским властям, а вообще всем гражданским чиновникам. И все они регулировались общим законом, ранее прошедшим и утвержденным, и не было оснований возражать против этого.

Относительно тех правопорядков, о которых говорится в конце этого обвинительного акта, я должен сказать, что вопрос относится ко времени существования [Временного] Сибирского правительства, когда мне непосредственно приходилось в этом участвовать. Но я должен сказать, что здесь, вероятно, имеется в виду проведение и реформирование профсоюза, потому что на этой почве можно подумать о нарушении прав рабочих и т. д. Я должен сказать, что я встретился с необходимостью проведения единоличного управления на местах. И это обстоятельство создало неудовольствие и сопротивление профсоюзов. Не было совершенно мысли и идеи об упразднении таковых. Но так как профсоюзы предъявляли требования о праве вмешательства в дела управления, что сделало бы невозможным организацию этого дела, то нужно было устранить вмешательство их в дело управления[50]. Поэтому представилась необходимость реформировать эти союзы по иному принципу: не по территориальному, а по профессиональному принципу. И это обстоятельство устраняло от возможности вмешательства в технику управления. Но все же не было речи об упразднении профсоюзов. Может быть, это носило в себе некоторое несовершенство и требовало в будущем исправления, я этого не оспариваю, потому что в строительстве делаются приблизительные штрихи того или иного начинания.

Я хочу два слова сказать относительно той резолюции, которая мне инкриминируется — на секретное отношение министра внутренних дел или военного министра относительно забастовки. Эта бумага от 19 или 20 апреля [1919 г.] подписана мною и адресована начальнику [железной] дороги. Там было указано, что возможно возникновение забастовки вследствие низкого уровня заработной платы. И вот моя резолюция исключительно к этой области относится. Так как это вопрос чрезвычайно сложный, так как министерство дает только директивы об установлении сдельной или премиальной [о]платы и так как это чрезвычайно сложный и трудный вопрос, то выработка нормальной и правильной оценки есть функция известного времени и процесса: нужно присмотреться к обстановке и тогда говорить о сдельных ценах. Тем более что я лично уверен, что никто в министерстве не сносится непосредственно ни с какими контрразведками. Это была бумага от министра, а не от контрразведки. Кроме того, я не помню, чтобы в апреле месяце [1919 г.] была забастовка. Было восстание, ничего общего не имеющее с забастовкой. Но чтобы были эксцессы, я не помню. И сколько я ни собирал сведения, я этих сведений не могу получить.

Кроме того, гражданином обвинителем была прочтена телеграмма Гайды, где он требовал суровых мер над забастовавшими рабочими водного транспорта. Он, вероятно, адресовал ее министру путей сообщения. Но, кроме того, должен сказать, что по этому вопросу непосредственных сношений с Гайдой не могло быть. Он распоряжался в пределах [при]фронтовой полосы. Кроме того, эта забастовка не осуществилась. О ней ходили слухи, но она не имела таких последствий, какими грозил в своей телеграмме Гайда. На такую телеграмму я бы не мог реагировать. Я себе не могу приписать этой телеграммы.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Жуковскому.

Жуковский. Моя работа по министерству иностранных дел началась в 1899 году, и в течение 15 лет я проходил свою службу исключительно по консульской части. В 1914 году, по возвращении в Петроград в связи с началом Европейской войны, я посвятил свои силы призрению сирот воинов, причем работал три года в качестве ревизора при председателе Совета министров. Затем переехал в Самару в 1918 году по тем соображениям, что средств не хватало на жизнь в Петрограде. Занимался

преподаванием музыки в народной консерватории, и в конце 1918 года я получил предложение вступить в состав министерства иностранных дел в Омске. Здесь мне была отмежевана именно та часть, которая была связана с моим консульским опытом. В большой внешней политике, которая исключительно лежала на управляющем ведомством, я никакого участия не принимал, ни у одного из иностранцев никогда не был, и ни один иностранец со мной отношений не поддерживал. Я ни разу не имел доклад у Верховного правителя, ни разу не сталкивался с Верховным советом и никого не знал из тех лиц, которые стояли близко к адмиралу [Колчаку]. Когда началась эвакуация [из Омска в Иркутск], то мне было предписано сесть в поезд адмирала, чтобы расшифровывать телеграммы от управляющего ведомством [Сукина] и получать указания. Целые дни и ночи мы с моим помощником сидели над распутыванием этих телеграмм.

Что касается до данных обвинительного акта, то там указано мое участие только в двух заседаниях малого Совета [министров], касавшихся введения смирительных рубашек и кандалов и назначения пособия тюремщикам Тобольской [каторжной] тюрьмы. По этому поводу я припоминаю, что по этому делу был доклад Грана[51], который говорил, что недостаток средств чрезвычайно затрудняет тюремную администрацию.

В другом деле речь шла о подавлении восстания гарнизоном, когда пострадало имущество надзирателей, и в возмещение этих убытков малый Совет [министров] принял ассигнования.

Мне остается только сказать о тех стихах, о которых упоминал обвинитель. Я прошу революционный трибунал обратить внимание на то, что это является моим интимным переживанием. Стихи не предназначались для пропаганды, а только выражают мое собственное интимное, чрезвычайно тяжелое переживание того времени. В связи с деятельностью моей как чиновника и гражданина они не стоят. Как чиновник я был аполитичен и лоялен к тому правительству, которому я служил и которое оценивало мой опыт и знания.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Писареву.

Писарев. Я скажу немного и буду краток. По положению о главном управлении по делам исповеданий я, как товарищ главноуправляющего, не имел права решающего голоса, и, таким образом, ни в одном из актов правительственной деятельности, политической и военной, я не имел права решающего голоса. Я не участвовал ни в заседаниях Административного совета, ни в Военном[52] совете. У адмирала Колчака я ни разу не был. В большом Совете [министров] я участвовал только иногда, когда мне приходилось замещать главу ведомства. Но и здесь я не имел права решающего голоса. Отсюда ясно, что те обвинения, которые помещены в обвинительном акте, не могут быть приписаны мне в виду моего пассивного положения в правительстве.

По поводу обвинений, которые были выставлены против меня, как, например, неправильная отчетность, которую за меня произвел чиновник, начальник отделения Чернявский, на 40 000 [рублей], будто бы за счет 100 000 [рублей] кредита, полученного мною на культурно-просветительные цели. Я заявляю, что эти 100 тыс. [рублей] на культурно-просветительную деятельность были израсходованы и учитывались по особому учету. 40 000 [рублей] — это была совершенно другая сумма, по другим ассигнованиям. Причем здесь было указано, что они были отосланы моей жене. Это полнейшее недоразумение, потому что я жене послал совершенно особые деньги, которые я дал ему (своему знакомому.— *В. Ш.*) как частный человек частному человеку. И эти деньги он послал в Бийск.

Что касается обвинения в контрреволюционности на основании статей «Сибирского благовестника», где я был редактором по поручению Томского соборного совещания, то я должен сказать, что те статьи, откуда обвинитель почерпнул инкриминируемое мне сочинение, не могут мне ставиться в вину, потому что они мне не принадлежат. Эти статьи ведомственные. Они составлялись специальным представителем. Между прочим, это было в то время, когда я еще не был товарищем министра, а был членом Высшего церковного управления, больше года тому назад. Этот журнал я сознательно не продолжал [издавать] и прекратил его редактирование на втором номере, потому что он не соответствовал моим убеждениям.

Вот все те объяснения, какие я нахожу нужным высказать по поводу тех обвинений, которые были выставлены обвинителем. Если Вам угодно, я могу указать на мою прошедшую деятельность.

Председатель. Суд считает достаточным Ваше объяснение. Слово принадлежит подсудимому Клафтону.

Клафтон. Меня обвиняют в создании клеветнической печати и в измене. И вместе с тем надо мною висит тягостное обвинение, выразившееся в шести пунктах.

Я уже неоднократно излагал революционному трибуналу обстоятельства, в которых отдельные советские деятели обратились ко мне с просьбой, и по отношению к этим советским деятелям я выполнил свою роль. Здесь я фигурировал как нейтральное лицо, в добросовестность которого верили. Эту часть задачи я выполнил. И с этого дня я считал себя свободным человеком и мог возвратиться к той деятельности, которую я вел всю жизнь: я все время был журналистом и земским деятелем. Те обвинения, которые мне предъявлены, возможны только потому, что я здесь чужой человек. На родине и там, где я работал, такое обвинение было бы немыслимо. Сюда меня привезли больным брюшным тифом. Гражданин обвинитель говорит, что ему неизвестно, когда я приехал. По домовым книгам можно установить, что я привезен 20 октября [1918 г.]. Тиф протекал в чрезвычайно острой форме и осложнился миокардитом со всеми последствиями сердечной болезни.

Когда я встал с болезни около Рождества, я застал сложившуюся государственную власть в лице Колчака, а также и тот Восточный отдел [ЦК] партийного комитета [кадетов], деятели которого просили меня принять участие в качестве его председателя. Они ко мне обратились по тому же самому, почему обратились ко мне советские деятели. Я долго не соглашался. Но когда встал передо мной вопрос, что нельзя избрать никого, кто бы сохранил в чистоте принципы партии народной свободы, когда мне указали, что в противном случае здесь будет просто закрыта организация партии народной свободы, я согласился временно быть председателем с тем, чтобы в это время партия подыскала сибиряка, имеющего большое русское имя, так как я для сибиряков неизвестное лицо. На это согласились, и я лично указал на Востротина[53], с которым вели переговоры. Причем я заявил, что если никто не пойдет, я созову конференцию, которая изберет президиум.

Моя деятельность в качестве председателя партийного комитета [кадетов] была чисто декларативная. Она сводилась к тому, что я сохранял все положения партийной программы. Но с каждым днем моего пребывания мне становилось все более и более ясно, что я был поставлен во главе Восточного [отдела Центрального] комитета для того, чтобы противопоставить какое-нибудь влияние той группе, которую тут неоднократно называли. С первых дней началась эта сперва глухая, а потом совершенно открытая борьба. Я уже рассказывал, какие меры мною [были]

приняты для того, чтобы парализовать деятельность этой группы. Фамилии, которые здесь оглашались, были связаны с фигуральным выражением «шептунов». И как представитель партии — не те представители партии, которые были занесены революционной бурей 1917 года, а как старый партийный работник — я не мог взять на себя роль «обратного» шептуна и шептать влево, когда другой шептал вправо. А я ограничился только обузданием тех элементов, которых нужно было обуздывать.

Что касается политической роли, то мне, как и всем другим здесь, на этой территории находившимся, казалось, что в лице Колчака мы имеем честного национального вождя и патриота, вокруг которого группируются демократические элементы. И мы искренне верили в демократические декларации, которые издавали и Верховный правитель, и правительство, веря в то, что в этом правительстве находятся люди, безусловно демократически мыслящие и чувствующие. Мы видели, что у этого правительства не существует программы, что [оно] не имеет никакой власти. Это нам было ясно по конструкции этой власти. Было ясно, что оно не может быть сильным, потому что оно создалось в силу тех исторических причин, о которых здесь нельзя говорить и о которых будет написан целый ряд книг. Но тогда еще не было ясно, что мы не имеем диктатора Колчака, а имеем игрушку в руках целого ряда атаманов, с одной стороны, и с другой стороны — той Ставки и военщины, о которых здесь говорили: были диктаторы, но не было диктатора.

Судебное следствие подтвердило с ужасающей ясностью это положение. В то время, когда советская власть сумела создать диктатуру, действительно твердую, сильную власть, которая не боится эксцессов, здесь не создалось ничего, ни армии, а развился тот букет жестокостей и ужасов, который является признаком бессилия. Но у нас была вера, [что ноябрьский] переворот нас отбросил в сторону элементов, которые поддерживали правительство. И нам казалось, что это было нужно.

Я уже сказал, что события застали меня в такой роли, которую никоим образом нельзя подвести под понятие участия в бунте. Я лично никакого участия в бунте и восстании не принимал. И во всю свою жизнь не принимал участия в заговорах, бунтах и восстаниях. Моя деятельность протекала в другой области. И если я согласился быть председателем [президиума] Восточного отдела [ЦК партии народной свободы], то только в силу тех обстоятельств, о которых я говорил.

Между тем, мне были брошены такие обвинения, которые бы могли быть брошены в том случае, если бы я был товарищем министра, министром или чиновником. Та деятельность, которая началась 1 июня 1919 года в качестве директора Русского бюро печати, не подходит ни под одну из этих категорий. Тут можно говорить о клеветнической печати, но не о моем участии в правительстве и ответственности за его действия. Моя деятельность была качественно отлична. Она охватывала круг идей, которые проводило правительство, но не больше. Этот круг — единая Россия, правовое государство, Учредительное собрание и т. д. Поскольку мы проводили эти идеи и их декларировало правительство, постольку деятельность наша совпадала. Но ни я, ни мои сотрудники не были связаны со всеми остальными выступлениями правительства. Мы могли в любое время закрыть свое учреждение и перейти на другое положение.

Самый тягостный из всех пунктов — это пункт — обвинение в убийстве. Я должен сказать, что я — лицо, окончившее медицинский факультет, по самому своему образованию не могу защищать или одобрять такое положение. Но как раз в первые мои дни [моего] пребывания в качестве председателя [президиума] Вос-

точного отдела [ЦК] партии народной свободы совершились те события, которые я узнал на суде из оглашенных здесь показаний, из допроса Рубцова и т. д.

Я должен Вам сказать, что обвинитель, который сомневается в том, что этот документ-протест состоялся под моим председательством, высказывает такое сомнение совершенно напрасно. Когда я об этом узнал, я созвал не только Восточный отдел [ЦК], но и пребывающие здесь комитеты Сибири и беженцев на собрание в количестве 50 человек. И я лично выступил с речью о том, что невозможно терпеть то, что произошло. Вы, может быть, мне поверите, когда я Вам скажу, что в числе этих 43 человек погиб мой ученик Георгий Сан...[54] Так что среди общих причин были причины личные. Этот протест, в котором мы высказывались, указывая на бессудные расстрелы, создал чрезвычайно тягостное положение для нас, ибо я его заявил главноуправляющему делами Совета министров Тельбергу и Пепеляеву. В этом протесте мы указывали на необходимость предания [виновных] суду, на полную нетерпимость в государстве такого положения, что оно колеблет государственный аппарат, что оно колеблет правовое сознание в народе и что государство при таких условиях не может существовать.

Обвинитель говорил о Земском союзе в Америке, что этот Земский союз уловляет большевиков[55]. Я должен указать в ответ на этот намек один факт: приблизительно в мае месяце [1919 г.] я получил бумагу от председателя Барнаульской следственной комиссии о том, что ко мне обращается подсудимый с просьбой, не могу ли я подтвердить, что он меньшевик с[оциал]-д[емократ], и сказать все, что я могу сказать о его деятельности. Я немедленно ответил на эту бумагу. Он был освобожден, он принял участие в восстании и теперь состоит членом совета рабочих депутатов. Согласитесь, что бросать мне намек на такое деяние могут только в Сибири, где меня не знают.

Главное обвинение — это обвинение в клеветнической печати. Здесь я должен сказать, что я лично в течение 30 лет состою журналистом. Будучи 19-тилетним юношей, я был привлечен к процессу «Народной воли», просидел в крепости, был три года в ссылке, создал в России целый ряд газет, [в том числе] первый всероссийский орган[56], в котором принимали участие деятели большевизма, меньшевизма и кадетизма, в котором принимал участие П. П. Маслов[57]. В 1906 году я был привлечен за пропаганду [среди] рабочих. Затем в моей волжской газете принимал участие Максим Горький[58]. Эта газета была закрыта за разоблачение Распутина[59] в 1916 году. И сказать, что я здесь[, в Сибири,] позволил себе бороться с большевизмом путем клеветы,— это значит не знать моего прошлого. Меня можно обвинять в заблуждениях, ошибках и преувеличениях. Как во всякой агитационной литературе, я допускал, может быть, карикатуры и гиперболу, но ни в коем случае не клевету. Насколько мы были далеки от клеветы, указывают те источники, которыми мы пользовались и которые заслуживают полного доверия. Это была пермская профессура, воткинские и ижевские рабочие, которые бежали [с родины] и которым мы не могли не верить. Это был период вашей власти, и, оценивая так или иначе этот период, мы могли допускать ошибки, но были далеки от клеветы.

Обвинитель здесь указал на то, что для заграничной агитации мы создали целый ряд учреждений. И тут я обращаю внимание на фактическую ошибку: было указано, что у нас было отделение в Пекине. На самом деле его не было, и не было даже корреспондента. Я прошу революционный трибунал обратить внимание на те документы, которые были в деле.

Мне брошен упрек в том, что Русское бюро печати пользовалось народными деньгами. Документ на миллион четыреста тысяч рублей, который я немедленно

передал членам правления, показывает, что ни одной копейки нет на моей совести и что, наоборот, я не получил двухмесячного жалования, что деньги мои лично, и я лично никаких народных денег не расходовал.

Обвинение в том, что я мог быть близок к таким реакционным группам, как Жардецкий, я уже опроверг. Когда я стал директором Русского бюро печати, я стал добиваться удаления от «Сибирской речи». Я ставил условие сотрудникам, чтобы никто не работал в «Сибирской речи». И это повело к тому, что у меня произошел полнейший разрыв с Жардецким, который кончился прекращением знакомства. Почему меня упрекают в близости к этой группе, я не понимаю.

На открытии конференции [партии народной свободы в Сибири], на которой я в конце концов заявил о своем отказе [от поста председателя президиума Восточного отдела ЦК], я говорил о полной невозможности возврата к старому строю — не к советскому, а к старому, [дофевральскому] строю — ни в политическом, ни в экономическом смысле. Когда я был на аграрном совещании, я говорил, что нельзя изменять тот земельный уклад, который был завоеван революцией, и протестовал против всякого изменения земельных отношений. На конференции я заявил, что мы можем настаивать на том, чтобы наша программа 1917 года осталась в чистоте. И конференция единогласно постановила, что она остается верна принципам 1917 года.

Я заявлял, что нашим идеалом остается представительный строй на началах демократии. Я был противник большевизма и был директором Русского бюро печати, но это не было явление клеветнического порядка. Это было явление идейной борьбы, от которой я не имел выгоды. Между тем, даже то акционерное предприятие, в котором я был директором-распорядителем, было ограничено прибылью в 5 %. Я не могу дать объяснений по этому поводу, потому что я не в курсе дела. Но я знаю, что по расчетам с казной было 7 000 000 р[ублей дохода].

В дороге осталась великолепная типография; одна осталась в Екатеринбурге, одна в Иркутске. Я ссылаюсь на «Известия Иркутского [военно-]революционного комитета», которые признали нашу типографию лучшей в Сибири. Согласитесь, что одна типография стоит больше 7 000 000 р[ублей] сибирскими деньгами. Поэтому я не могу принять упрека в том, что в области материальной мы нанесли трудовому народу какой-нибудь экономический ущерб. Нам удалось создать такую типографию, которая является национальным не расхищением, а приобретением.

Я всю жизнь принадлежал к так наз[ываемой] трудовой интеллигенции. Никогда я не имел никакой собственности и в этом отношении не могу быть причисленным к той группе, которая здесь инкриминируется[60] как группа промышленников и помещиков, вдохновляющая правительство. Я был очень далек от группы, которой руководил Жардецкий. Я должен сказать, что это была группа, ничтожная по самому существу. Но я далек был и от этой группы, которой было присвоено имя [Н. С.] Лопухина. Лопухин, после того как его имя было привлечено к разоблачениям [Омского областного] военно-промышленного комитета, должен был уйти из членов нашего правления.

Председатель. Слово принадлежит подсудимомму Цеслинскому.

Цеслинский. Из обвинительного акта я узнал, что деятельность моя возведена на неподобающую высоту. Должность моя приравнена к должности министра и главноуправляющего. Между тем, дело обстояло совершенно не так. [Уфимская] Директория назначила меня на должность начальника главного управления почт и телеграфов. Затем при рассмотрении сметы и утверждении инструкций главного

управления было упомянуто, что конструируется главное управление почт и телеграфов на основании законоположений №№ 319 и 356, в силу чего я не имел права участвовать в заседании Совета министров. И поэтому те упреки, которые мне поставлены здесь за участие в заседании Совета министров 17 ноября[61] [1918 г.], прошу с меня снять, ибо в этом отношении себя виновным не признаю.

В дальнейшем мне инкриминируется, что я вместе с губернатором Пильцем скрывал факт непередачи депеши...

Председатель. Это было сказано в качестве характеристики, а не в качестве обвинения.

Цеслинский. Это было известно тем лицам, которые меня направляли на должность главноуправляющего. И [революционные] власти в Иркутске также знали, объяснением моим фактов удовлетворились и ко мне никакого обвинения не имели. Я очень прошу принять во внимание это мое заявление.

Дальнейшее обвинение состоит в том, что я закрывал издание газет. Оно тоже не соответствует действительности. Газет я не закрывал, распоряжений по этому поводу сделано не было. И это обвинение является необоснованным. Если мне председатель [трибунала] разрешит, я воспользуюсь [возможностью] и доложу, каким образом я попал на должность начальника главного управления.

Председатель. Это не так важно. Ваше дело вполне конкретно. Вы нам скажите по существу выдвинутых в процессе обвинения фактов.

Цеслинский. Что касается стеснения [при] образовании профессионального союза, то в данном случае, как начальник главного управления почт и телеграфов, входящего в состав министерства внутренних дел на правах департамента, я совершенно не вел внутренней политики. Политику вел министр внутренних дел. И этот вопрос о стеснении профсоюза тем циркуляром, который подписан был покойным Пепеляевым, исходил уже из его канцелярии. Затем он был представлен в юрисконсультскую часть и препровожден мне. Таким образом, я виноват в том, что я скрепил этот документ.

Но я позволю себе доложить, что прежде чем опубликовать его, я послал в [Правительствующий] сенат справиться о юридической правомочности этого циркуляра. Мне ответили, что ни в коем случае он Сенатом признан не будет и при первой [же] жалобе будет отменен. Я об этом докладывал министру. Министр с этим не согласился: «Я сам юрист, потрудитесь это исполнить». Я это исполнил. Но при первой встрече с Шумиловским я просил принять меры к урегулированию вопроса о профессиональном союзе. Шумиловский мне обещал свое содействие. Мы договорились до того, что будет созвано междуведомственное совещание, чтобы восстановить закон 12 марта 1917 года, по которому каждый гражданин волен участвовать в образовании профессионального союза. Таким образом, здесь я не могу признать себя виновным как лицо, действующее самостоятельно, а только как лицо, которое скрепило эту подпись. Ответственным за этот проект по закону является министр внутренних дел.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Ячевскому.

Ячевский. Я состоял в должности министра внутренних дел около шести месяцев 1919 года. Предлагая мне должность товарища министра, министр Пепеляев категорически мне заявил, что политику он оставляет за собой, [а] от меня он будет требовать черновой работы по будничным текущим делам. Так это и было. И только во время отлучки министра мне пришлось его несколько раз замещать в заседаниях Совета министров, когда я непосредственно соприкасался с политическими вопросами. В эти моменты Пепеляев вызывал меня к прямому проводу,

требовал от меня докладов по самым важнейшим текущим делам и давал мне определенные указания, которые должны были быть для меня обязательными.

Я далек от мысли сваливать с себя вину на тех, которых более нет в живых. Я сознаю необходимость нести соответственную долю ответственности за те деяния, в которых я участвовал, соразмерно той роли, которую я играл в ряду правительственных деятелей.

Переходя к тем частным конкретным пунктам, которые отмечены во время судебного процесса, я считаю долгом доложить трибуналу мои нижеследующие объяснения. Первый пункт касается того постановления Совета министров, который подписан в числе прочих и мною,— [о] выдаче трехмиллионного дополнительного вознаграждения железнодорожным служащим по случаю работ во время эвакуации. Это деяние представитель [обвинения] квалифицирует как разрушение народного достояния. Эта квалификация, смею думать, не вполне отвечала действительности. На самом деле [все] обстояло гораздо проще. В Совете министров был вопрос о вознаграждении ж[елезно]д[орожных] служащих за сверхурочные работы. И я полагаю, что это вознаграждение должно было быть отпущено, и поэтому я подписал журнал [заседания] спокойно.

Другое обвинение — поручение министру финансов [фон] Гойеру[62] войти с японскими представителями в сношение в связи с увеличением японских гарнизонов на востоке для несения охранной службы. Я должен сказать, что вовлечение иностранных войск во внутреннюю борьбу составляет страшные страницы в каждой стране. В данном случае если я не выступал [против], то это было по двум причинам: во-первых, к тому времени на Дальнем Востоке давным-давно охранную службу несли отчасти американские войска, отчасти — японские. И в данном случае передо мной стоял вопрос, не впервые уже возникавший в Совете министров. Это был дальнейший ход событий, начавшихся гораздо раньше. И события продвинулись так далеко, что возражать против этого в то время было совершенно бесполезно. В особенности если возражение исходило от случайного участника в Совете министров, каковым я в то время являлся. Во-вторых, я присоединил свой голос, между прочим, потому, что дело шло главным образом о сохранении железных дорог. Ясное дело, что с уходом чехословацких войск и за отсутствием наших войск наша единственная железнодорожная магистраль осталась [бы] без охраны. И более чем вероятно, она сделалась бы ареной внутренней борьбы, а это грозило полным разрушением народного достояния. Следовательно, мою подпись под деянием, цель которого была сохранить это народное достояние, не могу поставить себе в вину.

Третий пункт, брошенный мимоходом представителем обвинения, касается моего препроводительного письма товарищу министра юстиции Малиновскому. К этому письму был приложен проект циркуляра комитета законности и порядка [в управлении]. И вот это письмо навело гражданина обвинителя на предположения о существовании каких-то таинственных подозрительных сношений между товарищем министра Малиновским и мною. Ничего подозрительного из себя письмо это не представляет для всякого знакомого с канцелярским делом. Это весьма типичный пример отношения одного товарища министра к другому, чтобы оно попало именно к тому товарищу министра, к которому оно должно было попасть. Малиновский являлся заведующим всем делопроизводством комитета [законности и порядка в управлении] и докладчиком по этому делу. И ему должны были направляться все документы и бумаги, долженствующие впоследствии быть предметом суждения в комитете. Вот почему моя препроводи-

тельная бумага была послана на имя Малиновского, и ничего подозрительного в этом не было.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Палечеку.

Палечек. Во время судебного процесса обвинителем был задан мне вопрос относительно моей прежней службы вообще, а в частности службы во время министерства Кассо, чему обвинитель, очевидно, придает значение. Позвольте мне сказать, что в министерство народного просвещения я вступил через три месяца по окончании университета, в 1902 г. Работал в области ученых учреждений и высших учебных заведений, преимущественно по вопросам финансово-хозяйственной части. Проходя все служебные стадии, я к концу 1907 года занял более или менее самостоятельное положение.

И первой моей крупной работой был законопроект о народном университете Шаляпина[63] в Москве. Законопроект этот был выработан еще в министерстве Кауфмана[64], был внесен в Государственную думу. Я должен был явиться представителем министерства для дачи объяснений. Но в оконченном виде этот законопроект встретил некоторые изменения. Так как следующий министр[, Шварц[65],] нашел его слишком либеральным, он взял его обратно, а меня отстранил от объяснения Государственной думе. Хотя этот университет стал прототипом свободного русского университета, все [же] он явился не в том виде, как я его вносил.

С 1902 года я занял место заведующего учеными учреждениями и высшими учебными заведениями[66]. И здесь я работал по учреждению материального положения ученых учреждений и высших учебных заведений. На этой должности мне приходилось касаться и вопросов, на которых так или иначе отражалась политика министерства, именно личного состава студенческого отдела. Когда министром народного просвещения стал Кассо, то уже в течение первого месяца из моего ведения были изъяты эти две отрасли. Первый мой доклад был по поводу одного из профессоров, которого они утвердили. Они убедились, что они во мне не найдут того, что они хотели. И [они] выбросили меня под предлогом обременения меня большой работой, оставив на мне исключительно область финансово-хозяйственную. И за этот период, 1911–1915 год[ы], все ученые учреждения, начиная с Академии наук и кончая обществом исследования Сибири, получили кто — новые штаты, кто — большие ассигнования. Вот чем характеризовалась моя деятельность при Кассо.

Мне очень жаль, что обвинителя здесь нет. Я по своей службе в Петербурге был близко знаком еще с одним учреждением — Психоневрологическим институтом. Если он не был разогнан, то только благодаря тому содействию, которое я ему оказал.

Затем я продолжал службу с Игнатьевым[67]. Здесь моя деятельность была расширена. И, кроме заведования учеными учреждениями и высшими учебными заведениями, мне пришлось познакомиться с деятельностью министерства. И так она продолжалась до 25 октября 1917 года.

Как Вам известно, этот период характеризовался политической забастовкой. В этой забастовке участвовало и министерство народного просвещения. Но я должен отметить, что через десять дней после [Октябрьского] переворота я в комитете служащих указывал на ошибочность этой забастовки. И если бы каждому из нас были предъявлены несовместимые с нашей деятельностью требования, мы бы должны были уйти. Эти требования предъявлялись в феврале месяце [1918 г.], поэтому я принял участие в делегации к Луначарскому[68]. Он заявил нам, что считает наш отказ государственным преступлением. Но он понимает, что это была поли-

тическая ошибка, поэтому советская власть нас амнистировала и не видит препятствия к нашему обратному восстановлению на службу, если [в том] встретится необходимость.

Первого марта [1918 г.] я был единогласно избран совет[ник]ом [правления] Пермского университета. В Перми я оставался все время. Вам известно, что в конце 1918 года Пермь временно вышла из обладания советской власти, но Пермский университет не эвакуировался и продолжал существовать. В апреле 1919 года я получил от министра Сапожникова предложение вернуться в министерство для той работы, к которой я был подготовлен всей моей предшествующей деятельностью. Познакомившись с общим бюджетом министерства народного просвещения, меня [за]интересовала возможность работы в Сибири, так как я знал, что эта огромная часть государства оставалась вне того максимального внимания, которое она была должна привлечь, и возможность работать и изучить состояние народного образования в Сибири мне казалась очень приемлемой. Кроме того, работа с Сапожниковым, борцом за автономию высшей школы, давала мне гарантию, что ни о какой реакционной политике министерства народного просвещения не может быть и речи. Вот при каких условиях я занял свое место в качестве директора департамента министерства народного просвещения.

Здесь я работал исключительно в области бюджетного права и создания бюджета министерства народного просвещения. 16 мая [1919 г.] я получил звание [исполняющего обязанность] товарища министра, для того чтобы распоряжения бюджетного характера могли бы без задержки от имени министерства устанавливаться. 17 октября я был утвержден в этой должности с совмещением с должностью директора департамента. Вот если бы обвинитель мог познакомиться с материалами министерства не по отзывам такого сомнительного лица, как [коллежский ассесор] Игнатьев, который, спекулируя своим званием, подписывался как член политического союза и как член кооператива, то он по делам министерства мог бы убедиться [в том], что в количественном отношении за все время существования министерства [народного просвещения Российского правительства никогда] не было открыто такого количества школ, как в 1918–[19]19 гг. Кроме того, был собран громадный материал по народному образованию [в] Сибири, который представляет из себя громадную ценность.

Участие мое в заседаниях Совмина было спорадическое, только тогда, когда не было налицо другого товарища министра. Я не хочу с себя снимать ответственности, но хочу сказать, что доля моей ответственности ограничи[вае]тся только этим моментом. Что касается 60 000 [рублей] на представительство министрам и товарищам министров, то я из них ни одной копейки не получал. Затем, я считаю нужным отметить, что я не участвовал в [принятии] постановления относительно возможности на льготных условиях получить йены, так как у меня не было намерения уехать на Дальний Восток.

Председатель. Объявляю перерыв до 5 часов.

Глава десятая

ЗАСЕДАНИЕ ДЕВЯТОЕ

Заседание девятое, 28 мая 1920 г., 5 [час.] 25 [мин.]

Председатель. Заседание революционного трибунала продолжается. Слово принадлежит подсудимому Грацианову.

Грацианов. Я вступил в состав [Временного] Сибирского правительства в конце июля 1918 года по предложению Томского городского общественного управления, чтобы содействовать вообще общественной жизни и помочь ей выйти из того критического положения, в котором общественная жизнь находилась благодаря последним условиям нашей внешней и внутренней борьбы.

К сожалению, я мог в этом отношении немного сделать. Отчасти потому, что я был в составе правительства всего 9 месяцев. Отчасти потому, что я в Совете министров пользовался совещательным голосом, а право решающего голоса имел только в Административном совете. Большую часть времени я находился на съезде общественных деятелей в Томске[1] и в малом Совете [министров] участвовал очень мало, потому что [вскоре] вышел уже в отставку[2]. С другой стороны, я не успел много сделать потому, что руководящие элементы правительства мне оказывали сравнительно малую поддержку в том деле, к которому я был призван. На меня было возложено общественное управление и принадлежащий к нему отдел медицины, санитарии, ветеринарии [и] затем общественное государственное призрение.

Из обвинительного акта видно, что я обвиняюсь, во-первых, в том, что содействовал прохождению закона об изъятии милиции из ведения земств и городов. Идея эта принадлежала не мне, а министру внутренних дел Крутовскому, и [соответствующий] законопроект был внесен в Совет министров по просьбе этого последнего. Моя роль свелась только к тому, чтобы я призвал [гласных] из прилегающих к городу Омску земств и городов и объяснил им [суть дела]. Причем городские и земские деятели высказались против изъятия милиции из ведения земств и городов, а городские деятели высказались за это изъятие. Они объясняли это тем, что городская милиция совершенно неорганизована и требует массу средств. Совету министров я передал все это в точности. И свой личный голос подал за то, что надлежит милицию передать из ведения городов в ведение министерства внутренних дел и чтобы все содержание милиции взяло на себя правительство. Разработка вопроса передана была министру юстиции Старынкевичу. Но последний все-таки возложил содержание этой милиции на города, по поводу чего я внес мотивированное предложение в Совет министров.

Далее, обвинением приписывается мне участие в издании законопроекта по вопросу о перерыве занятий в [Сибирской] областной думе. Когда министр внутренних дел Крутовский [18 сентября 1918 г.] явился в Омск и заявил мне, что он приехал, между прочим, и по вопросу о том, чтобы задержать прохождение этого

законопроекта в Административном совете, я ему определенно указывал на то обстоятельство, что было бы удобнее, если бы он с представителями [Сибирской] областной думы явился в Совет министров[3], который бы они информировали, чтобы вопрос этот не решался в уменьшенном составе Совета министров, т. к. их было всего трое[4], и передал это на разрешение всех заинтересованных ведомств. Он ответил, что ведомства не имеют никакого отношения к этому вопросу, что они не имеют права разрешать этот вопрос, а решать это имеет право Совет министров.

Я подписал закон о перерыве занятий [Сибирской] областной думы за отъездом министра внутренних дел в Томск. Я присутствовал на заседании Совета министров потому, что в качестве представителя общественного управления было бы странно, если бы я не присутствовал. Этим объясняется то, что моя подпись имеется на очень многих законопроектах. В Совете министров не проходило почти ни одного законопроекта, который в большей или меньшей степени не задевал бы интересов общественного управления, которые мне самому приходилось защищать.

Мне приписывалось здесь то, что я мешал прохождению законопроекта о больничных кассах. Когда шел этот вопрос, я нисколько не высказывался против больничных касс. Но я говорил, что было бы легче объединить действие больничных касс с деятельностью земств и городов, потому что они служат одной и той же цели. Больничные кассы имеют сравнительно небольшой круг лиц, которым они помогают. Город имеет свои лечебные заведения и санитарное устройство, чего не имеют больничные кассы. Больничные кассы имеют большие средства, но не имеют сил осуществить то, что нужно. И потому я никоим образом не высказывался против больничных касс. Когда я был городским головой [Томска], мы сговорились с министерством труда, и министерство труда оказывало мне содействие.

Далее, мне указывается на выборный закон[5]. Я должен здесь заявить, что выборный в общественное управление закон от первого слова до последнего принадлежит мне. С законом Керенского, который передавал всю власть политическим партиям, я никак по обстоятельствам времени не мог согласиться. Политические партии, пока они были в подполье, были кристаллической чистоты. Но когда они вышли из подполья, они не могли ориентироваться. В них хлынула такая масса народа, которая совершенно ничего общего с целями политических партий не имела. Очень многие преследовали свои личные интересы. А партии старались как можно больше завербовать членов, чтобы получить наибольшее количество голосов. А так как общественная жизнь совершенно развилась и требовала работников из всех слоев населения (и чем больше, тем лучше), то ввиду того, что среди политических партий не было достаточного количества таких работников, ввиду того обстоятельства, что многие уклонялись от записи в политические партии, с одной стороны, потому, что не хотели идти вместе с другими, а с другой стороны, потому, что у всех был в памяти 1905 г., когда только за одну запись в политическую партию правительство жестоко преследовало, многие уклонились.

Чтобы объединить все эти силы, я и представил этот законопроект в Совет министров. Перед этим законом все граждане были одинаково равны, и все партии могли пройти в городские думы. И действительно, во многих городах прошли все партии, включая и партии социалистические, а правые не прошли. В Иркутске прошли социалистические партии, в Томске прошли политические[6] партии, и в том числе [бывший] представитель советской власти.

Далее, я городам оказал всяческое содействие в смысле проведения ссуд и пособий. Мне удалось от имени Совета министров издать такой циркуляр, в котором

города имели полное право на получение средств на просветительные цели, какого бы рода они ни были.

Далее, я провел в Совете министров положение о местном управлении медициной, санитарией и ветеринарией, государственном призрении на самых широких началах[7]. Но я в этом отношении не встречал поддержки со стороны ближайшего начальства — министра внутренних дел. Министр внутренних дел все время указывал, что полномочия городским общественным самоуправлениям даются очень широкие. И было время, когда я получил бумагу от министра внутренних дел об уничтожении общественности в прифронтовой полосе. Я говорил, что этого нельзя сделать, потому что назначение одного городского головы встречало бурю негодования со стороны населения…

Председатель. Ваше время истекло.

Грацианов. Если можно, я просил бы [еще] две — три минуты.

Председатель. Дело в том, что Вы не даете объяснения по существу, а против предъявленного Вам обвинения Вы будете возражать в последнем слове. Слово для объяснения дается для того, чтобы Вы объяснили факты. А Вы даете исторический очерк о своей деятельности. Слово принадлежит подсудимому Молодых.

Молодых. Гражданин обвинитель спрашивал меня, когда я выехал в Сибирь. По этому поводу я скажу, что я уехал так же, как уехали тысячи и десятки тысяч: едешь; докуда доедешь, не знаешь; а останусь я там или тут, в одной полосе или [в] другой, это все равно; уж как выйдет.

Затем, у меня спрашивали относительно записей телефонов, которые остались в моей походной записной книжке. Дело в том, что этого без некоторого предисловия нельзя объяснить, ибо как сибиряк, уже оторвавшийся от Сибири, лет шесть — семь не работавший непосредственно с Сибирью, [я] все-таки сохранил о ней память и заботы. И вот до революции [19]17 года я был в числе инициаторов и первым управляющим делами при Сибирском бюро Совета съездов торговли, промышленности и сельского хозяйства, где мы разрабатывали разного рода предположения, планы мероприятий по экономическому усовершенствованию и улучшению Сибири.

Затем, после Октябрьского переворота, я решил, что нужно как-нибудь перенести свои работы в Сибирь, и постарался около себя сгруппировать сибиряков, которые интересовались теми вопросами. Я просил моего защитника ходатайствовать о вызове свидетеля Патушинского, который засвидетельствовал бы то, что я скажу дальше, так как он присутствовал при образовании этой группы[8]. В программе этой группы никогда не было речи ни о какой войне, потому что Сибирь так мала по населению, что она не могла бы вынести никакой войны, ибо [ее] население слишком разжижено. Это доказывается еще тем, что мы совершенно открыто существовали в Петрограде. И газета, нами издаваемая[9] некоторое время, издавалась в Петрограде и не была закрыта, а она сама закрылась вследствие того, что у нас не было средств, т. к. все мы разъехались.

Но я, работая очень долго в Сибири, имел кое-какую литературу, касающуюся экономической области. Я пользовался некоторой известностью. И когда у меня был Союз [сибиряков-областников], ко мне в Союз часто заходили и спрашивали меня. И в тех случаях, когда мне было некогда, когда я был в Государственном совете и отказывался принимать, то оставляли свой телефон. И я записывал эти номера телефонов, а потом со мной переговаривались. В моей книжке имелась масса адресов и телефонов. Между прочим, был телефон одного английского гражданина, не помню его фамилию, который ко мне заходил и

спрашивал меня о Сибири. Все, что я знал о Сибири, я ему сообщил, и на этом дело кончилось.

В большинстве [случаев] я заходил к Овинову[10], потому что в продаже не было его книжки «Организация хозяйственной части земств и городов» по той отрасли, в которой я работал. Я взял у него эту книжку и ушел. Познакомился я с ним тогда, когда он председательствовал в собраниях в Петрограде, в заседаниях по выработке земского положения для Сибири и Архангельской губернии. Дальнейших связей с ним я не имел.

По приезде в Сибирь я оглядывался, [выясняя,] что и как, потому что я лет восемь не был в Омске. Я не принимал никаких мер к вступлению в ряды правительства, пока не приехал один из выбранных [Сибирской областной] думой [министров] — Серебренников, с которым я тогда и познакомился. Мы с ним лично не были знакомы раньше, но знали друг друга по работам…

Председатель. Все Ваши объяснения никакого отношения к делу не имеют.

Молодых. Я определяю, зачем я с Овиновым разговаривал.

Председатель. Вам предъявляется конкретное обвинение. Если тут [Вы отвечаете на] вопрос о записи телефонов, то речь идет о записи адресов [членов] «Национального центра». А Вы с точностью передаете: «Я записал, а потом по телефону говорил».

Молодых. Я не знаю, принадлежал ли он [к «Национальному] центру». Потому говорю я о нем, что меня могут подозревать в связи с [этим] центром.

Председатель. Не подозревать, а Вам предъявляют конкретное обвинение.

Молодых. Никогда я не имел свидания с Овиновым по этому поводу. Телефон был записан потому, что мне сообщили, что он интересовался меня видеть, но я не пошел, потому что мне не было интересно и мне некогда было. Я считаю необходимым это объяснить, потому что в дальнейшем я знаю, что это могло указать на то, что я имел какую-нибудь связь с [«Национальным] центром». Серебренников предложил мне, ввиду того, что он обременен работой политическо*Председатель*. Я думаю лишить Вас слова, потому что опять-таки Ваши объяснения не имеют никакого отношения к делу.

Молодых. Мне было предложено быть тов[арищем] министра снабжения Серебренникова. Я в тех целях, которые он преследовал, видел чисто хозяйственную, экономическую область, которая необходима при всех родах правительства, будь оно правительство Сибири или какое-нибудь другое. И вот эта работа в качестве товарища министра и поглощала все мое время. В Совете [министров] же я участвовал только тогда, когда не было Серебренникова.

Мне было предъявлено в обвинительном акте шесть пунктов. Моя роль как товарища министра уже достаточно выяснена, и я повторять не буду, а скажу только, что я никак не мог настаивать на закрытии [Сибирской] областной думы.

Затем, относительно милиции. Я совершенно согласен с тем, что говорил Грацианов, т. к. смотрел на вопрос так, что земства и города не смогут справиться сейчас с этим делом. И боялся, что раз они не справятся с этим делом, то это будет только увеличением атаманщины.

Что касается избрания Колчака, то это, конечно, отпадает, т. к. я там даже права голоса не имел.

Затем, имеется обвинение в розыске семьи Николая Романова…

Председатель. Вам осталось две минуты. Я дал Вам 15 м[ин.], но Вы никаких объяснений не даете.

Молодых. Я хотел сказать, что в декабре [1918 г.] я уже не бывал в Совете [министров]. А затем, вследствие того, что я оказался неудобным для [Омского] военно-промышленного комитета, с которым вел оживленную борьбу, министерство само было уничтожено, а я был оставлен за штатом[11]. Таким образом, я работал около четырех месяцев в правительстве, но участия в Совете [министров] не принимал.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Дмитриеву.

Дмитриев. В Сибири я работаю с 1901 по 1920 год, из коих 7 лет я работал в Иркутской губернии, а следующие 12 лет я работал в Акмолинской области. Жил я постоянно в Омске и заведовал продовольственным делом и казенными зернохранилищами, находящимися в Акмолинской области, в Тобольской губ., в Томской губ. и [в] Тургайской области. Вступил я в министерство продовольствия тов[арищем] министра 14 июня 1918 г. Я тогда же поставил условием министру продовольствия Зефирову, что мне будет поручено продовольственное дело, которым я ведал 12 лет, и заведование теми зернохранилищами, которые я лично создал здесь в Сибири. Это условие министром продовольствия Зефировым не было выполнено. Я почти с самого начала своей деятельности [в должности] товарища министра был от заведования продовольственным делом в чистом виде, т. е. заготовки и снабжения продовольствием и семенами населения и заведования зернохранилищами, устранен, и дело это было передано второму товарищу министра продовольствия — Знаменскому[12], который являлся заместителем министра продовольствия как в большом Совете [министров], так и в малом [Совете] по всем сложным и ответственным вопросам ведомства. На этой почве у меня с самого начала стали происходить разногласия с министром продовольствия. И окончилось это тем, что мне пришлось выйти в отставку в январе 1919 года.

Перед моей отставкой произошел инцидент с чаем, который заставил Зефирова уйти со скандалом через $1^1/_2$ месяца после моего ухода. Дело в том, что в Сибири чая было мало…

Председатель. Вопрос о чае, во всяком случае, не поднимался ни разу и не инкриминировался Вам. Давайте мне объяснения по существу предъявленного Вам обвинения с фактической стороны. Я полагаю, что такие замечания я делаю министрам, которые в состоянии разобраться в предъявленных им обвинениях.

Дмитриев. Во время моего пребывания в министерстве продовольствия мне было поручено произвести расследование деятельности Монгольской экспедиции, заготовляющей мясо. Я остановлюсь на этом, потому что ни в заключении обвинителя, ни в судебном следствии, которое прошло перед чрезвычайным революционным трибуналом, мне не вменяется в вину участие в заседаниях Совета министров, большого и малого. Я не подписал ни одного постановления ни большого [Совета министров], ни малого Совета министров.

Я выехал в конце июля [1918 г.] по делам Монгольской экспедиции в Бийск и Семипалатинск. Со мной поехал представитель от Закупсбыта[13] и от Всероссийского совета съездов[14]. В Бийске было собрано мною совещание из представителей кооперации [и] земств, которыми на этом совещании было вынесено постановление в виде журнала о том, что Монгольская экспедиция может произвести работу в Бийске и уезде. Причем это совещание там не разбиралось с отчетностью Монгольской экспедиции, т. к. главная контора Монгольской экспедиции была в Семипалатинске. Из Бийска я выехал в Семипалатинск, куда я прибыл 9–10 августа. Там мною было также устроено совещание из представителей кооперации, земств

и городов, т. е. от тех же группировок, представители коих были в Бийске. Причем со мною был в Семипалатинске и член правления Монгольской экспедиции З. Д. Вульфсон, показания которого имеются в деле. Там совещание постановило избрать комиссию, которая могла бы ознакомиться с отчетностью и деятельностью Монгольской экспедиции в Семипалатинском районе. Я просил К. А. Попова захватить те все дела по расследованию деятельности Монгольской экспедиции, которые бы служили приложением к моему делу. Если они захвачены, то там имеются протоколы этой комиссии, в которых члены правления Монгольской экспедиции Вульфсон...

Председатель. Судебное следствие закончено в этой части. И, таким образом, говорить о документах, которые не представлены и не проходили перед трибуналом, я полагаю, излишне. Еще раз повторяю: давайте объяснения по поводу действия и не давайте исторических очерков.

Дмитриев. В этих протоколах комиссии имеются указания самих членов правления Монгольской экспедиции на то, что в делах Семипалатинского отделения Монгольской экспедиции имеются должностные преступления. И за эти должностные [преступления] был мною устранен от должности А. Л. Горбунов. После этого Горбунов был арестован по постановлению Семипалатинской следственной комиссии...

Председатель. Я вынужден буду не давать слова, если дальнейшие объяснения будут протекать так, как протекают Ваши объяснения. Я прошу давать объяснения по существу в объяснение всех материалов, прошедших перед революционным трибуналом.

Дмитриев. Мне вменяется в вину только именно это обстоятельство. И только по поводу этого я и говорю. Дело в том, что Горбунов был арестован в Семипалатинске, но он продолжал заниматься отчетностью, и, по показаниям его супруги, он через 21 день был выпущен из тюрьмы, сдал отчетность, и, таким образом, я получил сведения о том, что дело это закончено. Теперь мне здесь ставится в вину, что будто бы я являюсь попустителем убийства Горбунова. Я выехал из Семипалатинска 1 сентября [1918 г.]. Там никаких отрядов Анненкова я не видел, ибо заявлением здесь свидетельницы, сестры Горбунова, удостоверено, что анненковские отряды появились после моего отъезда из Семипалатинска, через $1^1/_2$ месяца. Так что по каким обстоятельствам был взят Горбунов отрядом Анненкова, мне совершенно не известно, т. к. я в это время был в Иркутске.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Карликову.

Карликов. Так как ни по обвинительному акту, ни по ходу судебного следствия я не мог заметить, какие конкретные обвинения мне представляются, то я в своих объяснениях имею в виду дать картину своего назначения на ту должность, которая принесла меня сюда, на скамью подсудимых...

Председатель. Только, ради бога, не картину. Дайте мне целый ряд фактов.

Карликов. До назначения меня на должность товарища военного министра я в течение полутора лет был начальником военно-учебных заведений, которые из Оренбурга были в январе [19]19 г. эвакуированы сюда в Сибирь, в Иркутск, где в это время сосредоточилось около пяти кадетских корпусов. Должность, которую я занимал, меня вполне удовлетворяла как по моему характеру, так и по состоянию моего здоровья. И никаких попыток занять какую-нибудь другую должность я не делал. Занял я ее по предложению военного министра генерала Ханжина. И, соглашаясь на его предложение, я указал ему, что я по состоянию здоровья не в состоянии буду справиться с этими обязанностями. На должность я был

назначен 23 октября [1919 г.], а 28 октября состоялось постановление об эвакуации гор. Омска...

Председатель. Этот вопрос выяснен в порядке следствия.

Карликов. В течение пяти дней, в которые я занимал должность товарища военного министра [в Омске], я никакой деятельности проявить не мог. И во время эвакуации, и во время последующей деятельности в Иркутске — [тоже], потому что не было рабочего аппарата. А произошло это еще в бытность военным министром генерала Степанова. Должность военного министра была самостоятельная. При нем существовал ведомственный аппарат в виде Главного штаба. Когда с назначением генерала Лебедева было признано необходимым совместить эту должность с должностью начальника штаба Верховного главнокомандующего, то Главный штаб был упразднен, большинство его отделов и органов было выделено в состав Ставки, а управление министерством было возложено на одного из его помощников, и при нем была образована небольшая канцелярия.

Когда в октябре месяце [1919 г.] был назначен на должность военного министра Ханжин, было признано необходимым отделить военного министра от начальника штаба Верховного правителя и было признано необходимым создание аппарата. Вот почему к двум товарищам министра — по снабжению и казачьим делам — был добавлен третий товарищ министра — по мобилизационной и организационной части и [четвертый] — по общей части. Причем последняя должна была ведать, главным образом, личным составом тыловых частей, назначениями, переводами и увольнениями в отставку, ведением всевозможных списков, приказами и т. д. Мне была предложена эта должность потому, что я до войны в течение 12 лет служил в Главном штабе, пройдя все должности от помощника столоначальника до начальника отделения.

Для того, чтобы создать этот аппарат, необходимо было кое-какие части выделить из Ставки, куда они ушли раньше, и некоторые переформировать. Но быстрота эвакуации лишила меня возможности выполнить эту работу. Ставка осталась в Омске, я оказался в Иркутске, где деятельность моя свелась к нулю. По поручению военного министра мне пришлось ведать выдачей небольших пособий и работать по назначению пенсий. Вот вся та деятельность, которую мне пришлось выполнять.

Никакого участия в большом Совете министров я не принимал и полагаю, что нести ответственность за деятельность Совета министров я не могу. Политикой никогда не занимался. Ни политическим, ни общественным деятелем я никогда не был. При назначении на должность помощника военного министра ни характер деятельности правительства Колчака, ни колебания его курса мне не были известны. Во время пребывания в Оренбурге, где застал меня сибирский переворот, никакой связи с Сибирью не было. Мы были не в курсе того, что [здесь] происходило. Затем в течение четырех месяцев вместе с [кадетским] корпусом я скитался, то походным порядком, то по ж[елезной] д[ороге], пока к маю месяцу [1919 г.] не прибыли сюда, в Иркутск. За время скитания мы не имели никаких сведений, кроме насущной заботы о детях. Привез я в Иркутск с собой до 200 юношей, начиная с 10-тилетнего возраста. Они вышли из Оренбурга пешком, захватив только то, что они имели на себе и на тех пяти подводах, на которых мы могли захватить запасы продовольствия. Придя в Иркутск, пришлось потратить массу энергии и труда для того, чтобы завести интернат, столовую, кухонные принадлежности, обувь и т. д.

Председатель. Я считаю Ваши объяснения оконченными. Слово для объяснения принадлежит подсудимому Введенскому.

Введенский. Перед лицом чрезвычайного трибунала относительно меня прошли всего два факта. Относительно дела, в котором я упоминаюсь всего один раз как участник малого Совета [министров], и еще один случай, [когда] в заседании Совета министров [была] принята высшая мера наказания за разрушения во время войны и смуты складов, путей сообщения, мостов, пароходов и т. д. Так как роль малого Совета [министров], в котором разбирались дела маловажные или принципиально принятые большим Советом [министров], выяснилась, мне остается только оттенить меру своего личного участия, что я могу сделать, очертив свою деятельность, если это будет мне разрешено.

Председатель т[ов.] Павлуновский. Поскольку это не выяснено судебным материалом.

Введенский. Я указал, что здесь имеется только два факта о том, что мною было сделано. И если мне будет разрешено на этом остановиться, я много времени не займу. Я — инженер путей сообщения. Приглашен в Томск для подготовки к профессорскому званию, где и занимал кафедру. До [19]17 года нигде не служил. В [19]17 г. мой сослуживец профессор Тове[15] получил должность по топливу. К сожалению, он захворал 17 мая, и мне было предложено заменить его. В июне я был назначен председателем к[омите]та по топливу. Т. к. комитет [вскоре] был распущен, вместо него была назначена коллегия, которая назначила меня в качестве консультанта.

Через месяц уже произошло чешское [антибольшевистское] выступление, и Западно-Сибирский комитет[16] оставил меня в качестве уполномоченного. Кончилось это тем, что в декабре [19]18 г. я был назначен товарищем министра торговли и промышленности для объединения топливной политики, так как я был специалистом по топливному делу, а государственное регулирование этой отрасли приходилось проводить до самого конца. Однако мы встречали сопротивление, что заставило меня выступить в защиту регулирующей деятельности государства. Но все же я был товарищем министра. И когда проходили ведомственные дела (я к тому же был профессор и инженер путей сообщения), когда министр по болезни и [из-за] кратковременной отлучки не мог сам присутствовать в заседаниях малого Совета министров, я мог его замещать, и меня туда командировали. Таких случаев было весьма немного. Все, что я сказал, я отмечаю как объяснение моего участия: пять случаев [участия в заседаниях] за все время в Совете министров. Этим объясняется тот факт, что [я] забыл те пункты, которые от меня спрашивал гражданин обвинитель.

Дело в том, что, раз я заведовал только топливной политикой, я не заведовал юридической частью. И каждый раз должен был наспех готовиться. И в моей памяти очень много из ответственных дел не удержалось. Прошу принять во внимание, что после этого была 40-дневная эвакуация в Иркутск и все последующие события.

[*Председатель.* Слово предоставляется Василевскому.]

Василевский. 16 лет я занимался исключительно строительно-инспекторской работой и поступил в ведомство труда, думая, что близкое знакомство с бытом рабочих даст мне возможность быть полезным. 15 июля [19]19 г. я был назначен товарищем министра труда и разрабатывал мероприятия по охране труда и рабочее законодательство. Приблизительно в этих числах министр труда [Шумиловский] отбыл в отпуск, и мне пришлось посещать заседания Совета министров.

Обвинение инкриминирует мне участие в заседаниях малого Совета [министров] и принятие 260–268 ст. ст. Военно-морского устава. Этот законопроект был

просмотрен юрисконсультской частью и утвержден в Совете министров. Этими статьями назначалась высшая мера наказания за преступления, предусмотренные этим уставом.

Второе обвинение — это участие в заседании Совета министров [18 июля 1919 г.], где Розанов был назначен начальником края Дальнего Востока. Те права, которыми пользовался ген[ерал] Розанов, и намерения Розанова об уничтожении министерства труда достаточно характеризуют мое отношение к ген[ералу] Розанову. Когда на Дальнем Востоке были волнения, мне пришлось категорически говорить о назначении междуведомственной комиссии, и конфликт был разрешен благополучно.

Больше участия [в заседаниях Совета министров] я не принимал, так как незначительное время был в составе правительства, и за время с 15 июля по 1 октября [1919 г.] был в служебных командировках и совершенно эвакуировался из Омска в Иркутск. Сначала я уехал в Красноярск, а когда [антиколчаковский] переворот стал совершившимся актом, в Иркутске я явился в Политический центр и дал подписку о невыезде.

Гойхбарг. Так как в общем порядке теперь следуют объяснения подсудимого Третьяка, а он признал себя виновным и давал объяснения, [то] эти объяснения не представляется необходимости давать теперь.

[*Председатель.* Слово предоставляется Новомбергскому.]

Новомбергский. Я профессор, доктор административного права, прожил в Сибири 24 года, работал в[о многих] ее местах. По своей степени доктора административного права я был шестым на 170-миллионную Россию до революции. Я не занимался политикой, а занимался больше наукой. И эта наука привела меня в правительство Колчака. Как можно убедиться из материалов, находящихся здесь на столе, я был приглашен в помощники товарища министра туземных дел с возложением на меня обязанности председателя ученого комитета. Автоматически после уничтожения [Временного] Сибирского правительства я перешел в [Уфимскую] Директорию, а затем в правительство Колчака, где работал последние два месяца [1918 г.] и несколько дней [в] январе [1919 г. Затем] я подал прошение об увольнении и во второй половине [января] ушел. Вот почему я думаю, что мне конкретно предъявляется [только] одно обвинение.

По обвинительному заключению я обвиняюсь в участии в избрании Колчака [Верховным правителем]. Но здесь было судебным следствием установлено, что я не голосовал, не подписывал и, стало быть, не избирал [его]. Ушел я из правительства Колчака потому, что для меня стало ясно, что это правительство неминуемо придет к катастрофе. Для меня выяснилась роль атаманщины, польских войск, чешских войск и внутреннего ядра правительства, которого, к сожалению, здесь на скамье подсудимых нет. Я ушел, полагая начать общественную работу не для поддержки правительства Колчака. А после того и в связи с этим является и та газетная заметка, которая мне гражданином обвинителем была предъявлена. Таким образом, я не имел связи никакой с выборами Колчака.

Кроме того, мне предъявлено обвинение по трем [газетным] заметкам[17]. Они не мои, не мною подписаны, [опубликованы] в газете, с которой я четыре раза судился, и последний раз уже после революции [1917 г.]. В первой заметке указывается на мое казачье добровольчество. Это опровергается тем, что в [Томском] университете есть документ о назначении меня казачьим информатором. Но почему я, будучи [раньше] товарищем министра, пошел в казачьи информаторы? Потому что с 1 октября [1919 г.] я получил назначение [в Экспортно-национальный банк].

Это обстоятельство можно установить из доклада министра финансов и удостоверить теми свидетелями, в вызове которых нам отказано...

Экспортно-национальный банк — это смесь невероятного цинизма, авантюризма государственного, а может быть, и глупости. Провалив эту затею окончательно своим докладом, я полагал войти от Томского университета в [Государственное] экономическое совещание. Сельскохозяйственный совет выдвинул меня в это совещание. Я отверг это [предложение], предполагая более свободно работать со стороны.

Вторая заметка в той же газете о том, что я произнес речь в обществе духовных беженцев. Я уже дал объяснение, что эта речь [была] произнесена не об организации дружин [Святого креста]. Моя речь была посвящена общему вопросу.

Наконец, третья заметка, которая передает ругательства по адресу большевиков. С полной основательностью я должен сказать, что, как признающий классовое государство и необходимость господства трудящихся масс, я много писал и на публичных лекциях говорил по этому вопросу. И с этой точки зрения конструкцию советской власти я признаю. Но я много раз говорил на публичных лекциях и писал, что не признаю коммунизма. И это я подтверждаю здесь по тем соображениям, о которых нет надобности говорить здесь. И если я был ученым, а я остался им и сейчас, если я пользовался репутацией хорошего лектора, то каким вздором кажется эта заметка газетная о [моем] ругательстве. Но если Вы вспомните, а у Вас есть [такие] сведения, что эти газеты писали о большевиках, то не удивительно, что и об этом они дали отзыв.

Вот, собственно, эти три [газетные] заметки, которые относятся к моей публицистической деятельности. Они не дают основания, чтобы занимать Ваше внимание [мною] здесь, в суде чрезвычайного революционного трибунала, в качестве члена колчаковского правительства. С этим правительством я в свое время покончил и вел продолжительную, упорную борьбу. Между прочим, я являлся к Колчаку с указанием на хищения, беззакония и необходимость законодательного совета. Как было установлено, один из участников [этой встречи] был выслан, а я был вызван для увещ[ев]ания. Но я борьбу этим не ограничил. Я вступил в редакцию здешней газеты, которая была разгромлена Ставкой за три месяца до прихода советских войск. И когда Ставка пришла нас разгонять и расправиться по-своему, мы, вовремя предупрежденные, разбежались. Был арестован только юридический редактор. Вот мое содружество и моя борьба с правительством Колчака.

Раз мне приписывается такая ругня по адресу коммунистов, мнения которых я фактически не разделяю и не разделял, ибо [имеется всего] 600 тысяч коммунистов, а [есть] 100 миллионов населения, по крайней мере сейчас в России, то я должен сказать, как я относился к отдельным советским деятелям. Есть некоторые работающие сейчас в Омске советские деятели, которых я спасал от преследования [Временного] Сибирского правительства. Если будет дозволено, я назову [их фамилии]. Из вагона смерти Анненкова вырвался в Семипалатинске председатель земской управы Троицкий. Я его никогда не знал. Через своих знакомых он просил, чтобы я принял участие [в его судьбе] и просил об его освобождении. Этого освобождения мы добились, но он заразился в тюрьме тифом и умер. Для установления факта я просил вызвать директора института Титова.

Во-вторых, был заключен в тюрьму некий Воронов, сотрудник внешкольного отдела. Когда он обратился за защитой, я его защищал и освободил от преследования.

После одного из преследований рабочих в Атаман[ов]ском хуторе был захвачен доктор [Рожнов] с оружием и большой суммой денег. Доктор этот в компании трех рабочих был захвачен контрразведчиками, торжествовавшими, думая, что захватили большевистский штаб. Доктор этот, Рожнов, с которым я раньше только мельком встречался, подлежал преданию военно-полевому суду. Но я вырвал его от преследования и [освободил] вместе с этими тремя рабочими. Рожнов служит на советской службе. Я ходатайствовал об его вызове. Он подтвердил бы эти подробности.

Четвертый случай — подвергался преследованию заведующий земельным комитетом Балиев[18]. Я ходатайствовал за него не по его личной просьбе, а по просьбе друзей.

Я считаю, что этого достаточно, хотя есть и другие лица. Итак, я был за конструкцию советской власти как государство экономическое и политическое, трудовое государство. Но я был против коммунизма как теории. Таким я был и сейчас остаюсь. Но я не нуждаюсь в ругательствах, потому что я достаточно получил образования, чтобы при помощи аргументов защищать то, во что я верю, и бороться с тем, во что не верю.

[*Председатель*. Слово предоставляется Хроновскому.]

Хроновский. Здесь по содержанию заключения гражданина обвинителя и заключения, которое угодно было дать гражданину председателю [революционного трибунала], мне предоставляется в настоящее время [возможность] выяснить вопрос [о том], какое отношение было у меня к деятельности и начинаниям бывшего правительства в смысле солидарности с ним. И в частности, выяснить причины [того], почему я не принимал участия в заседаниях Совета министров. Поэтому я заявляю, что, приняв на себя предложение вступить в состав правительственной власти в качестве товарища министра финансов, я далек был от той мысли, чтобы стать слепым, бессистемным орудием выполнения даваемых мне сверху директив. Для меня были совершенно ясны и определенны те задания, которые мне предстояли. Именно: задачей моей было проведение податной реформы. Над этим вопросом я много лет работал, собрал богатый фактический материал и старался усвоить себе нужную фактическую подготовку.

И первыми моими шагами [после] вступления в новую область [деятельности] было помещение исторической справки в ...[19] Я старался провести основную мысль, что финансовая реформа неразрывно связана с широкими реформами [само]управления и что не может быть поставлена задача самоуправления без связи ее с реформой податной. Эта справка касается, между прочим, сельского обложения. В ней проводится мысль, что старая податная система привела к тому извращенному представлению об общественных нуждах, об общественных доходах, что выход может быть найден только путем принятия решительных мер. И они могут быть проведены в срочной форме в мелкой земской единице. [Это во-первых.] Во-вторых, необходимо предоставить этим учреждениям широкие права самообложения. И, наконец, введение денежного налога [и] поимущественного в тех формах, которые соответствуют культурному возрасту[20] населения.

Эта работа моя не встретила возражений со стороны учреждений, которым она докладывалась. И мне оставалось только проводить ее в комиссии, которая была учреждена. Мне пришлось затратить [много] работы, чтобы узнать отзывы населения, чтобы познакомиться с теми течениями, которые пришлось проявить земству. И, во всяком случае, все эти работы и труды, они нисколько меня не разубедили, но, наоборот, подтвердили ту мысль, что я стою на верном пути. Но мне

пришлось встречаться с противодействием со стороны публики, которая была и не «правой», и не «левой», а просто публикой, которая противилась всему [тому], что представляется крупной реформой.

К этому присоединилось еще то осложнение, что я не соглашался с министром финансов [Михайловым] по целому ряду других вопросов, [в том числе] о таможенном управлении. Я не буду утруждать революционный трибунал перечнем всех этих осложнений. В результате мне пришлось занять самостоятельную позицию. И вследствие этого мне пришлось заявить министру финансов, что я считаю своим долгом довести свой труд до конца и [что] дальнейшее мое пребывание в министерстве немыслимо.

Работа по составлению проекта продолжалась до июля месяца [1919 г.]. Но к этому времени пошатнулось положение Михайлова. [В середине августа] ушел сам Михайлов, и новый министр [финансов фон Гойер] выразил пожелание познакомиться с моими работами и провести [на практике] мои пожелания, которые сводились к тому, чтобы ссуды городам и земствам проводились в сметном порядке. В силу этого я должен был задержаться [на] некоторое время. Все [это] время я не терял надежду [на то], что мне удастся провести мою работу о податной реформе. И эта надежда все-таки не была потеряна, несмотря на весь уклон от демократического курса: все-таки положение тех лиц, которые играли выдающуюся роль [в правительстве], было недостаточно прочно. Это давало мне уверенность, что мне удастся провести мой законопроект.

Но когда дело приняло [такой] оборот, при котором стало несомненно, что надежду эту не удастся осуществить, я подал в отставку. При этих условиях я должен констатировать, что отношение к правительству, которое все мои мероприятия отвергло, конечно, не дает основания считать, что я был солидарен с этим правительством. Мне не приходится краснеть за мои принципы. Они проведены в таком согласии с демократическими началами, что могут быть приняты любой демократической властью. Таким образом, утверждение, что деятельность моя является антидемократической, противоправительственной[21] или противонародной, невозможно. Я полагаю, что в общем и целом я не могу признать себя ни солидарным с деятельностью [колчаковского] правительства, ни участником в действиях, которые упоминаются в заключении гражданина обвинителя.

[*Председатель*. Слово предоставляется Малиновскому.]

Малиновский. Я был назначен на должность 6 мая [19]19 г., и следовательно, я никакого отношения не имел к тем реформам и событиям, которые были до 6 мая [19]19 г. Сначала я был назначен на свободную должность второго товарища министра юстиции. Ввиду того, что министр юстиции [Тельберг], отвлеченный и занятый работой политической, не мог уделять достаточно времени чисто ведомственной деловой работе, к участию в юридической работе в первый департамент министерства юстиции был приглашен я как второй товарищ министра юстиции. При этом министр юстиции не возлагал на меня обязанность участвовать в заседаниях Совета министров, так как в заседаниях большого Совета министров участвовать должен был сам министр, а в заседаниях малого Совета [министров], как здесь установлено и выяснено, участвовал подсудимый Морозов как первый товарищ министра.

Работа по первому департаменту сводилась к разработке законодательных предположений юридической части и наблюдению над делопроизводством. Министр юстиции, выступавший только в должности руководящего начала, стал вести борьбу с незакономерностью, с произволом и насилиями в разных их проявле-

ниях. С этой целью был учрежден комитет законности и порядка [в управлении]. И задача эта была возложена на меня как [на] товарища министра.

Ввиду того, что я не принимал участия в заседаниях и в работах [Совета министров] вообще, я не подписывал ни одного из этих инкриминируемых в обвинительном заключении гражданином обвинителем постановлений Совета министров, которые были выявлены в прошедшем перед нами судебном следствии, а потому мне не приходится останавливаться на этом следствии, потому что до 6 мая я не состоял в Совете министров. А кроме того, и потому, что я вообще не принимал участия в Совете министров.

[Однако] выдвинуты два факта на судебном следствии гражданином обвинителем. Это посылка телеграммы Иркутскому земству. По поводу этой телеграммы мною даны соответствующие объяснения. Угодно здесь чрезвычайному революционному трибуналу поверить подсудимому, что эта телеграмма послана по распоряжению непосредственно министра юстиции? [Если] не угодно, [то] за посылку этой телеграммы, как акт совершенный, я принимаю на себя всю ответственность.

И, наконец, второе, что мне указывалось гражданином обвинителем во вчерашнем заседании, это повестка о назначении меня председателем особой междуведомственной комиссии. Назначение этой комиссии состоялось перед самой эвакуацией [правительства] из Омска. Работы она не производила и не собиралась. Следы этой комиссии из моей памяти исчезли. Но в общем ее задачи сводились к тому, чтобы упорядочить движение на железных дорогах и бороться с дезорганизацией, которая там была. А об этой дезорганизации говорил товарищ министра Ларионов в своем объяснении. Он указал, что комитет по обеспечению законности и порядка [в управлении] издал особый циркуляр. Но оказывается, что этот циркуляр не имел надлежащего эффекта, и нужно было принимать меры в административном порядке, чтобы уничтожить эту дезорганизацию и на железнодорожной линии. С этой целью и была образована комиссия. Говорить о работе этой комиссии, не видев этой работы, конечно, очень трудно. Была она политически вредной, реакционной или наоборот — это большой вопрос. И в настоящее время при наличности [у трибунала] одной повестки, что я назначаюсь председателем [комиссии], об этом не представляется возможности, конечно, судить.

Ведомственная работа министерства юстиции по первому департаменту была чужда какой-нибудь реакционной тенденциозности и протекала в плоскости борьбы с реакцией и произволом во всех ее направлениях. И такое компетентное учреждение, как чрезвычайная следственная комиссия в Иркутске, это констатировало постановлением [от] 7 февраля 19[20] г. Судебная следственная комиссия вынесла [одобрительное] заключение[22].

Павлуновский. Следующая часть: прения сторон и вынесение приговора.

Гойхбарг. Прежде всего, я имею [намерение] заявить, что на основании правил судопроизводства обвинитель может ссылаться на все документы, имеющиеся в делах, и можно ссылаться на общеизвестные факты. Поэтому я имею [намерение] заявить, что не относится ни к одному из оглашенных или не оглашенных в заседании документов[23], и на все документы, имеющиеся в делах, я по мере надобности ссылаться буду. Затем, если [мне] будет предоставлено слово для обвинительной речи, я просил бы сделать перерыв.

Председатель. Объявляется перерыв на $^1/_4$ часа.

[*Председатель.* Слово предоставляется Гойхбаргу.][24]

Гойхбарг. Товарищи члены революционного трибунала, представители рабочих, красноармейцев и крестьян. Вы, товарищи Павлуновский, Косарев, Байков — члены Омского совета рабочих и красноармейских депутатов, и вы, товарищи Щетинкин и Мамонтов — предводители крестьянских отрядов, которые так славно помогали рабочим и красноармейцам освободить Сибирь от власти той бунтовщической шайки, представители которой сейчас сидят здесь на скамье подсудимых, к вам мое слово. Я предлагаю вам, товарищи члены революционного трибунала, вместе со мною отшвырнуть в сторону те огромные бутыли розовой воды, которыми пытались в так называемых объяснениях подсудимые закрыть от ваших глаз ту кровь, те преступления, которые проходили перед вашими глазами.

Я предлагаю отшвырнуть лекции подсудимого Ларионова о конструкции власти у Колчака, о конструкции той бунтовщической шайки, действия которой проходили здесь перед вами. Я предлагаю все это отшвырнуть и вернуться к тем тяжелым мрачным преступлениям, которые в течение семи дней с перерывом на один день проходили перед вашими глазами. Хотя и в этих бутылях розовой воды также просвечивала кровь.

Когда я слышал заявления подсудимого Шумиловского о том, он всегда придерживался чувства красоты и высокой человечности, когда он ссылался на поэтов, мне невольно должно было вспомниться, что такое сочетание чувств красоты и высокой человечности [у него уживается] с теми действиями, за которые Шумиловский выражал благодарность розановским войскам, всем частям гарнизона, которые здесь, в Омске, совершили те действия 22 декабря [1918 г.], проходившие перед вашими глазами.

Я тогда не мог не вспомнить, что такое сочетание уже писатель русский [И. С.] Тургенев охарактеризовал в свое время [словами]: «Сидит эдакий помещик-крепостник, любитель „красоты и высокой человечности“, угощает своего приятеля на балкончике вечером чайком, ведет беседу о красоте и высокой человечности. И в это же время в нежном воздухе тихого вечера на балкончик из конюшни доносится чики-чики-чик, чики-чики-чик. Это засекают конюха на конюшне у крепостника».

Это вполне возможное сочетание у культурных любителей красоты и высокой человечности. А [когда] заканчивавший свое объяснение перед вами поздний потомок этих любителей красоты и высокой человечности, выродившихся в бездушное машинное выражение всевозможных убийств по первому департаменту в форме бюрократического, строго установившегося правового порядка, подсудимый Малиновский, который, когда я ему предъявил действия бывших его сотоварищей Матковского, Рубцова и других лиц, проходивших здесь, действия Розанова, который каждого десятого расстреливал по образцу, выработанному культурными людьми в Москве, заявил, что в этих случаях вопрос вносился «в Правительствующий сенат по первому департаменту», я понял, что помещики-крепостники с чувством красоты и высокой человечности все-таки еще не дошли до того страшного машинного ужаса, который прошел перед вами в форме бесконечного убийства людей, сопровождаемого запросами «в Правительствующий сенат по первому департаменту».

Я предлагаю все эти рассуждения, всю эту розовую водичку отшвырнуть и вернуться к тому, что прошло перед вашими глазами. И в этом отношении речь обвинителя, пожалуй, не будет продолжительной. В этой речи почти нет надобности. Она произносилась раньше, в течение семи дней с перерывом на один день. Говорили факты, акты и документы. Говорили страшным языком. Говорили

лучше, громче и точнее, чем это могла бы выразить какая-нибудь обвинительная речь[25].

Перед вашими глазами развернулась длинная лента. Гораздо более длинная, чем та страшная лента поездов, которые угнал от голодных рабочих и крестьян России на восток подсудимый Ларионов. Перед вами такой длинной лентой развернулась цепь самых кошмарных преступлений: измен, предательства, хищения, воровства, мелкого, крупного и крупнейшего, убийств, истязаний, уничтожения целых поселений, безжалостного отношения к трудовым массам. Обвинение не представляло со своей стороны доказательств в этом отношении. Обвинение по техническим условиям не могло вызвать вам сюда сотни тысяч свидетелей, пострадавших от этих действий. Обвинение не могло положить на стол [в качестве] вещественных доказательств сотни тысяч трупов, которые являлись результатом этой «мирной» деятельности лиц, сидящих на скамье подсудимых. Обвинение не могло вам сюда представить те сотни тысяч[26] поротых людей, которые перед вашими глазами проходили здесь в виде фактов и документов, явившихся в результате существования [в Приволжье,] на Урале и в Сибири — к счастью, кратковременного существования — правительства того адмирала Колчака, который по признанию подсудимого Шумиловского был благородным человеком, искренним, честным и ни к чему плохому не способным.

Обвинение заставило говорить самих подсудимых, их свидетелей, их сторонников, их недавних единомышленников. И получившаяся картина, развернувшаяся перед вами картина таившихся от окружающих преступлений оказалась такой потрясающей ум человеческий, что один из подсудимых (и ранее, по-видимому, скорбный умом), Писарев, повредился еще более в уме. И ему стало представляться, что в его камере имеется радио, по которому ревком узнает мысли подсудимых. Действительно, мысли черные, страшные, которые не оставались только мыслями, но которые осуществлялись и продолжают осуществляться теми, кому при их помощи удалось ускользнуть от суда, с которыми они сохранили еще связь и по сей час[27].

Что же могло послужить причиной существования таких тяжелых, таких неслыханных, таких беспримерных, по крайней мере не раскрытых до сих пор никем в другом месте преступлений? Даже в скромных рамках этого судебного процесса, который по необходимости должен был ограничиться только тем, что творилось на предгорьях Урала, у реки Волги и на равнинах Сибири, даже в рамках этого скромного процесса, где не приходится выяснять того, что делалось на юге России, что делалось под Питером, что делалось на Севере этими бунтовщическими шайками, которые получили от здесь сидящих, как это выяснилось перед революционным трибуналом, огромные суммы, которым оказывалась поддержка личная и денежная и иная со стороны той бунтовщической шайки, которая называла себя Российским правительством,— даже в самых скромных рамках этого процесса можно было без труда выяснить следующие обстоятельства.

В конце [19]17 года трудящиеся массы России, рабочие и беднейшие крестьяне под руководством наиболее передовых слоев пролетариата решили, что они не желают больше принимать участия в той мировой бойне, которая велась каждым из правительств, участвовавших в этой бойне с целью захвата и насилия. И они решили еще больше, [а именно:] что они желают уничтожить, по крайней мере в своей стране, возможность[28] насильнической и хищнической войны. А так как эта война диктовалась интересами гнусными, интересами капиталистов, банкиров и помещиков, то трудящиеся массы России для того, чтобы обеспечить

себя, обезопасить 95 % всего населения России от всевозможных потрясений и ужасов мировой бойни, по крайней мере для себя, решили вырвать почву из-под ног на первое время у своих помещиков, капиталистов и банкиров. Но тогда, тогда кучки капиталистов, банкиров, помещиков России и главная защитница их интересов — партия народной свободы решили, сознавая себя, по выражению подсудимого Червен-Водали, частью того же отечества, встать на платформу, враждебную власти рабочих и крестьян, на платформу, враждебную советской власти.

Что же? Первое время это стояние на платформе было довольно невинным, культурным стремлением. На этой платформе тогда не находилось ни ружей, ни пулеметов, ни пушек, ни бронепоездов, ни танков, которые они потом стали получать от заграничных империалистов, т. е. от членов своей же нации, т. е. от членов той же части нации, того же отечества, которое разделяло их хищнические интересы и которое помогало им по этим причинам, спасая и себя этими пушками. У них тогда на платформе еще не стояли ни иностранные генералы жанены и сыровые, ни генералы гайды, которые по образцу, указанному культурными людьми из Москвы, отдавали приказы расстреливать каждого десятого; ни генералы розановы, которые отдавали приказания уничтожать целые села; ни волковы, катанаевы, красильниковы, которые являлись с председателем комитета партии народной свободы к другим деятелям, как Матковский, чтобы он оправдал их в их патриотической деятельности, являвшейся выражением их «любви к родине»; ни Анненков с его молодцами, которые имели знак черепа и перекрещенных костей и «вагоны смерти»; ни скипетровы и сипайловы, которые с четвертью водки в одной руке и стаканом в другой похвалялись, как они три тысячи человек отправили собственноручно в сопки.

Ничего этого не было. Они стояли довольно невинно, в первобытном невинном виде. И чтобы прикрыть свою наготу, они на первое время выпятили вперед социалистический и демократический фиговый листок, предмет довольно небольшой, получивший свое, в силу счастливой игры природы, выражение в профигурировавшем перед вами свидетеле Дербере[29], который был назначен на тайном заседании первым премьер-министром на предмет свержения советской власти. Этот социалистический и демократический фиговый листок им был нужен, пока не было вооружения и пока не было тех военных людей, которых я имел случай в порядке постепенности и приличности здесь перечислить. И всякий раз, когда у них оказывалась заминка в вооруженных силах, потребность в чешских или иных генералах, опять возникала необходимость прикрываться перед кем-нибудь того или другого размера демократическим фиговым листком.

В первое время этот социалистический и демократический фиговый листок играл решающую роль. Так называемые социалистические правительства, правительства эсеров и меньшевиков, которые они выдвигали на первый план, они первое время прошли под флагом восстановления демократии, под флагом любви к своей родине, которую власть рабочих и крестьян, как они говорили, уничтожает, разрушает. Именно эти промежуточные партии казались первое [время] решающими. По наружности имело вид, будто они принимают к себе на службу целый ряд лиц, которые здесь фигурировали перед вами в качестве членов Административного совета [Временного Сибирского правительства].

В действительности же оказывается, что не они (меньшевики и эсеры.— *В. Ш.*) их (членов Административного совета.— *В. Ш.*) на службу принимали, а они им службу служили, ограждали их интересы. Они проложили первые

тропинки, первые дорожки, по которым потом раскинулись и в конце концов с четвертью водки в одной руке и [со] стаканом в другой шли военные силы атаманщины, уже ничем не стеснявшиеся и ни в каких прикрытиях не нуждавшиеся. Они проложили первые тропинки, они издали первые законы, уничтожавшие все, что успели трудящиеся массы, завоевав [государственную власть], закрепить в своих постановлениях.

Они это первым долгом уничтожили. Уничтожив [советские] декреты, осуществили этим возможность появления для колчаков и сипайловых, их преемников. Все приятели Скипетрова и Сипайлова, все они были приняты по личной рекомендации эсеров. Все они попали в деловой аппарат, обладая громадными связями с промышленным миром, железнодорожным миром и [с] другими предприятиями. Всех их принимали к себе.

Через некоторое время, когда удалось им сгруппировать в одну кучу анненковых, сипайловых и т. д., когда удалось путем призыва иностранных войск, которым они платили жалованье из средств, ими захваченных при помощи приятелей своих — волковых и других, тогда они почувствовали, что им нет необходимости в таком ярко выраженном демократическом листке, как Дербер и его министры, перед вами здесь прошедшие. Не считаясь с юридическими или правовыми нормами, не считаясь с подлогами в [актах и] протоколах учреждений и организаций, которые они называли то Административным советом, то Советом министров, они постепенно сбрасывали этот фиговый листок и появлялись, подобно Мефистофелю в Вальпургиеву ночь, во всей своей безобразной наготе.

Перед вами прошла целая цепь таких заявлений. По предписанию из Владивостока, по предписанию Вологодского все это подготовлялось лицами, которые здесь сидят. Все [они] принимали активное участие в проведении этих дел. А их единогласно избранный председатель [Михайлов] играет самую активную роль. Он получает указания за несколько часов до этих подлогов. Вологодский ведет важные дипломатические переговоры: необходимо восстановить Восточный фронт, ибо Западному фронту врагов русского государства, так называемых союзников, может угрожать опасность. И если они этого не сделают, может быть, этот демократический фиговый листок зашуршит, заколеблется. А раз нужно поддерживать этот фронт, поэтому нужно тем или другим способом сплавить неугодных лиц.

И поэтому этим лицам предъявляется подписка в 24 часа выехать. Но мы уже знаем, что означает подписка о выезде в другое место. Они в этом прогрессировали: сначала им нужен был подлог; в следующий раз, когда нужно было уничтожить так называемую [Уфимскую] Директорию, оказалось возможным двух эсеров сплавить, а одного подозрительного эсера, почетного гражданина Сибири Вологодского оставить. Эти эсеры получают от своего друга Старынкевича указание о необходимости выехать за границу.

И когда [колчаковское] «правительство» потом опубликовывает [информацию] о добровольном выезде Авксентьева и Зензинова, те не удержались и по переезде китайской границы напечатали объяснение действительных обстоятельств дела. Но в дальнейшем, когда фигурировал Сипайлов, от которого они так старательно отмежевываются, но из приятельских объятий которого им не удастся отмежеваться, подписка о выезде за границу палочками и пальцами 31 человека, в том числе П. Михайлова и Маркова, спущенных в Ангару, также предъявляется[30]. Тут такая картина и прошла перед вами, картина постепенного сбрасывания фигового листка. Под конец, когда он оказывается совсем неудобным, он оказыва-

ется сброшенным под винт парохода бесшумно, неслышно, ибо пароход в это время прорезает толстый слой льда.

Они для этой-то «демократической» цели свой переворот и совершили[31]. Они хотели отстоять власть кучки [лиц]. И [сейчас] они заявляют, что попали в скверную историю. Как мне пришлось по отношению к одному из подсудимых слышать от его близких, [он] «попался как кур во щи»[32].

Если позволите припомнить, как они объяснили свое попадание в правительство, тогда вы увидите, что активные политические деятели, организовывавшие вместе со своими единомышленниками заговоры, взрывы, восстания, дают до того пошлые объяснения, которых и представить нельзя было. Такая фигура, [например,] как председатель Червен-Водали, активный деятель и организатор «Национального центра», в последнюю минуту отстаивающий необходимость сохранения Деникина взамен Колчака, ибо это единственный способ сохранения единой [и] неделимой России, т. е. так называемого отечества кучки помещиков и капиталистов, которое ему было дорого. Он объясняет, что ввиду затруднительного продовольственного положения в Москве я поехал в Киев на поправку, там попал на совещание к Деникину, потом попадает в Омск, потом ведет переговоры о призыве японцев, семеновцев и т. д., потом попадает председателем Совета министров[33].

Все они прошли перед вами. Были такие, которые «случайно» попали в Сибирь, которые «не были политическими деятелями», которые были «командированы» какими-нибудь советскими учреждениями. Почти все они под тем или иным предлогом, которые они здесь пытались опровергнуть, на средства трудящихся масс советской России пробирались — хотя им это слово не нравится — через фронт и, пользуясь русским гостеприимством, состоя на службе советской власти в незначительной или более или менее значительной роли, попадали через некоторое время в [колчаковские] министры.

Послушайте их объяснения: здесь случайные люди; зашел в министерство и вышел; я был только два раза, подписал. А все остальное время? Разрешите мне сказать. Здесь они неоднократно пытались указать, что они техники, специалисты, [что] каждый в своей области занимались своим делом[34].

Защита — с юридическим образованием, работавшая в царских судах, и в судах Керенского, и в судах Колчака. И среди подсудимых есть тоже много лиц с юридическим образованием. Некоторые из них были на судейских должностях. Все остальные тоже достаточно развиты, чтобы понимать, что такое соучастие, что такое шайка. Всякая сложная шайка, они это понимают, требует разделения труда. И только если каждый из числа шайки выполняет в отдельности свое небольшое дело, то в результате получается деятельность шайки.

Ведь вот, если для пояснения, кому это неясно, представим себе такой случай. Имеется атаман шайки грабителей, который создает основные планы. Имеются приближенные советники, которые дают ему указания. Имеются технические исполнители, которые с кистенем или чем-нибудь другим на большой дороге на основании указаний, данных этими лицами, выполняют этот план. Имеется «снабженческий» орган, который увозит награбленное. Имеются лица, на стороне наводящие справки о путешественниках, которые должны попасться в руки членов этой шайки. И, наконец, так как, по-видимому, шайке такой приходится быть в лесу, то имеется и по «хозяйственной части» кашевар, который обслуживает их нужды и потребности.

И если иногда кашевар со стеснением сердечным и с душевной болью или же лица, которые наводят справки о путешественниках, тоже с таким чувством

вспомнят их общие разговоры за трапезой, как они в том или другом случае вели себя, то на следующий день это не помешает кашевару накормить их для подкрепления их сил и для продолжения их деятельности. А людям, наводящим справки, это не помешает с точностью давать справки, какие им нужны.

И если бы в колчаковском суде дело о такой шайке попало в руки судейского, [ныне] подсудимого Морозова или работавшего по первому департаменту подсудимому Малиновскому, то, я думаю, ни малейшего сомнения нет, что они их сочли бы шайкой и всех их признали участниками соответственных преступлений. Поэтому мне не придется подробно, а может быть, и совсем не придется останавливаться на отдельных шагах или шажках того или иного участника этой шайки.

Правда, может быть, некоторая, та или иная черта особо будет отмечена. Но все вместе снимались [на фото]. Все действовали вместе. Все с добродушным видом, покуривая папироски, стояли друг перед другом и с теми лицами, которые выносили самые страшные решения. И им теперь нечего говорить: «Я случайно зашел в это место. Подписал раз за какие-то 18 номеров смертную казнь, не зная за что. Разве меня можно считать членом, участником [шайки]? Разве можно на меня возлагать ответственность за всю деятельность этой шайки?»

И вдобавок совсем не случайность даже и разделение труда. Совершенно неожиданно менялись роли: специалист по железным дорогам Ларионов получает правомочие от так называемого Совета министров вести переговоры о передаче власти. Человек, не рожденный для политики, которому, по словам поэта, «битвы мешали быть поэтом, а песни мешают быть бойцом» (хотя другому бойцу — Жуковскому — битва не мешала быть поэтом), эти лица совершенно неожиданно получают поручение составить декларации для правительства тогда, когда чехи требуют фигового листка и когда на всякий случай запасенный остаток фигового листка — бывший социал-демократ Шумиловский — за эту роль берется и на эту роль годится. Не может быть у них речи о том, что они являлись, как говорили здесь, например, относительно областников не только Новомбергский, но и Молодых, рассеченными членами. [На самом деле они] все вместе составляли преступную шайку, восставшую против власти рабочих и крестьян. И все они несут ответственность за ту всю деятельность, какая получилась в результате их незаконного и мятежного существования[35].

События дальше как развивались? Мы видели, что они выбрасывали постепенно фиговые листки, так называемые демократические и социалистические. Вот они дошли до 18 ноября [1918 г.], когда, никому из них почти не известный, по их словам, появился на горизонте «честный и бескорыстный», по словам подсудимого Шумиловского, даже после того как раскрылись здесь все ужасы, вице-адмирал Колчак.

Несмотря на то, что им теперь стало известно, что он считал единственной целью своей жизни не какую-то там демократию — ибо что ему Гекуба[36], что ему с Кудашовым какая-то демократия; который считал единственно необходимым для себя участие в истребительной бойне, которая должна дать хищнические завоевательные результаты; который произнес ужасающую ум человеческий фразу: «Первый день войны был самым лучшим днем моей жизни»; который нарушил даже то, что принято в их кругах (о чем говорил Червен-Водали, что если бы мы не требовали пропуска нашего сотрудника, нашего работника Колчака на восток, то мы бы нарушили мораль и вы бы нас первые за нарушение морали осудили; конечно, известно, в каких кругах какая мораль существует); который сам с бесстыдной откровенностью перед своим недавним сотрудником по Гос[ударственно-

му] эк[ономическому] сов[ещанию] Алексеевским признавался, что он надул свое правительство, которому он присягал, обманул его, принял на себя задание от американского правительства, потом поступил на службу к английскому правительству, потом побывал в японских кругах, потом пытался общее дело защитить с простым грабителем Семеновым, который знал Калмыкова как своего подчиненного, у которого здесь [имелись] приближенные Волков, Красильников и Катанаев, являвшиеся, как я уже указывал, с председателем [Омского комитета] партии народной свободы Жардецким на суд Матковского; вот этот вице-адмирал является, никому не известный, и эти птенцы невинные, политикой не занимавшиеся, они голосуют за Колчака и провозглашают его Верховным правителем в целях спасения Родины и сохранения демократии и, может быть, даже [для] сохранения социальных завоеваний революции, о которых тут говорил по старой памяти подсудимый Шумиловский.

И даже после того, как здесь раскрылось, что по записке этого «бескорыстного и благородного» человека явились в тюрьму для того, чтобы взять и расстрелять Кириенко и Девятова, [то есть] тех, кто лично интересовал Колчака, так как Девятов заявил: «За ваш переворот я иду на вас войной»; взять сверх того и Попова, на которого так добродушно ссылались потом здесь подсудимые, в том числе и выбиравшие Колчака, признавая, что К. А. Попов может беспристрастно удостоверить такие-то и такие-то обстоятельства; что по его записке явились его приближенные офицер Черченко, офицер конвоя его величества — извиняюсь, Колчака — и искали там больных сыпным тифом Попова и Миткевича[37], чтобы их спустить в клоаку; но только потому, что технических условий подходящих не оказалось, что раковина была узкая, не совершивших этого своего подвига по поручению и во исполнение обязательного поручения уничтожить их со стороны так называемого Верховного правителя Колчака[38], который потом всех их за это дело, по их собственному признанию, скрыл в «чуждом» ему отряде атамана Анненкова; даже после [всего] этого хватает открытого чела у некоторых подсудимых говорить: «А все-таки был благородный человек. И если подумать, то еще неизвестно, может быть, опять голосовал бы за него».

Дальше начинается осуществление всех тех «великих идей», ради которых они привели к пролитию крови сотен тысяч русских рабочих и крестьян, к уничтожению целых поселений, к разрушениям таким, над восстановлением которых приходится с невероятным напряжением сил работать. Вот тогда они начинают осуществлять свои «высокие идеи», которые, как вы видели, не содержали ни грана идеи.

Перед вами прошла картина хищничества самого беззастенчивого и возмутительного, хищничества крупного и невиданного, по крайней мере на судебных заседаниях во всем мире до сих пор. Прошла перед вашими глазами картина обманов и подлогов, злоупотреблений, нарушений даже их так называемых постановлений, от которых волосы дыбом встали здесь у присутствующих, и за какие нарушения, несмотря на некоторые попытки уподобиться так называемому правительству и по первому или по другому департаменту провести то или иное замечание, все эти лица, оказывается, буквально ни разу ни нравственного, ни какого-либо другого наказания не несут, а только награды получают, только благодарность впоследствии получают. И [за] дела относительно самого простого воровства, в котором никакого сомнения нет, защитники которого прямо и открыто заявляют: «Такие-то миллионные хищения совершили такие-то лица»,— наказания быть не могло. Ибо они связаны один с другим неразрывными узами. Ибо эти лица

их поддержали. Их душою являются все эти деятели военно-промышленных комитетов, разных предприятий и т. д. Ведь для сохранения этого хищничества на основе сохранения частной собственности, ведь ради этого они подняли мятеж против власти рабочих и крестьян, выпятив вперед социалистический фиговый листок. Они, конечно, не могли ничего против этого поделать, ибо рука руку моет, а как раскрылось здесь на суде, и собственная их рука в таком омовении неоднократно нуждалась[39].

Дальше, чем труднее становилось их положение, как они выражаются, иными словами, чем безнадежнее становилась возможность сохранить так называемую власть этой кучки насильников, не преследующих ни одного грана идеи, а желающих сохранить возможность жить сладко и пользоваться всем незначительной кучке [лиц] при ужасных мучениях всех трудовых масс, вот для осуществления только этой цели они начинают прибегать к приемам таким, какие, конечно, самодержавцу, свергнутому в 1917 году, и не снились. Если обратиться к отдаленной истории, то, может быть, нашествия ханов Мамая и Батыя произвели большие опустошения в России. Но тогда было меньше что уничтожать. А нашествие Колчака[40] привело, конечно, к гораздо более ужасным опустошениям. И все это перед вашими глазами проходило.

Само собой разумеется, чем меньше оставалось вооруженной почвы под их ногами, чем меньше [они] имели возможности обманывать некоторые части трудовых масс, тем меньше возможности оставалось путем прикрытия флагом Красного креста требовать от иностранных насильнических правительств вооруженной поддержки, потому что там рабочие массы, [постепенно] раскрывающие глаза, начинали относиться с отвращением и ужасом к этой форме помощи одной из двух борющихся частей «одной и той же нации». После этого [им] приходится идти по двум путям: с одной стороны, составляют декларацию относительно общественности — это на левую руку, а на правую руку — семеновы, сипайловы, скипетровы и другие, пожалуйте к нам на поддержку. И эта поддержка им оказывалась по их просьбе, что тут с несомненностью было установлено в этом процессе.

Нет, кажется, ни одного иностранного хищнического правительства, силы которого они не призвали бы против своего трудового народа, который они, как некоторые здесь заявляли, любили от всей души, со всей горячностью, на которую способна искренняя душа русского человека, скажем, Червен-Водали. Нет ни одного такого правительства, даже того, по поводу которого они на весь мир при содействии подсудимого Клафтона посылали лживые сообщения, правительства германского, что большевики продали ему Россию[41]. Они говорили, что они якобы против недопустимого, неслыханного, унизительного для родины Брестского мира, который русские рабочие и крестьяне вынуждены были заключить, не скрывая, что это грабительский, вынужденный мир, и ясным, открытым языком, прозвучавшим на весь мир, заявив, что они для спасения трудовых масс, для выхода из истребительной бойни вынуждены были принять этот Брестский мир.

Они же сами продались и подчинились иностранным правительствам всего мира, звали их для того, чтобы сохранить себе хоть кусочек, хоть остатки прежнего хорошего житья капиталистов, банкиров и помещиков. И нет ни одного иностранного правительства, которому бы они не давали мзду. Они были против Брестского мира, который возлагал на трудящиеся массы России обязанность отправлять в Германию, быть может, бесполезное тогда золото. А сами они отдали, как было оглашено, 240 миллионов — сумму несколько большую — на приобретение

пушек или пулеметов Кольта, на обеспечение своих соучастников, на организацию банков, которые могли бы потом содействовать сохранению и созданию центра [борьбы] против власти рабочих и крестьян. Они все это продали.

Мало того, тут величайший геолог Преображенский заявил, что в результате его работ, разумеется не без участия десятков тысяч рабочих, в течение 10 лет получится 30 000 пудов золота. Но они стремились не только 10 000 пудов [золота] передать, но и передать остальные 20 000 пудов, как достояние всероссийское, всем союзникам. Они будто бы не знали, что русские рабочие и крестьяне в ноябре [19]18 г., когда благодаря их существованию, несмотря на ожесточенные, на зверские нападения на них со стороны предпринимателей всего мира и этих лиц, русские трудовые массы, находясь в тяжелом положении, тем не менее свою форму рабоче-крестьянской власти сохранили, и тем самым силы немецкого империализма были разбиты и уничтожены[42].

Они как будто не знали, что в ноябре 1918 года, как только разразилась первая революция в Германии, высший орган рабоче-крестьянской России Всероссийский центральный исполнительный комитет заявил, что он аннулирует Брестский договор и уничтожает все те мелочи и детали, в разработке которых для удовлетворения интересов отдельных германских капиталистов принимал участие в комиссии по урегулированию вопроса о Брестском мире и Червен-Водали в Москве. Они будто бы этого не знали[43].

После этого в бумагах, которые Преображенский назвал нелепыми бумажками, главным образом бумажку насчет эмира Бухарского, разве не звучала эта ложь о том, что большевики продали немцам всю Россию, и потому должны идти все [россияне] на них. Об этом писали лица, призывавшие каждый день к празднованию молебном дня годовщины власти Колчака, молебном православным. Они писали, что большевики нарушают Коран и посягают на идею единого Бога. И потом они в этих обществах Крестовых дружин, от которых так сейчас отрекается Новомбергский, на заседаниях в присутствии всего омского священства заявляли: «Бог един». А посему дружины [Святого] креста, дружины зеленого знамени и голубого полумесяца, все они должны идти вместе с ними на Москву, защищать Кремль, отбивать храмы и святыни при участии магометан, которые, кажется, до сих пор стремились не к освобождению Гроба Господня и не к Москве, а, скорее, к Мекке.

Это их «идейная деятельность». И эту их вздорную ложь, им самим известную, [они] недопустимым способом распространяли среди всего мира, не щадя средств, конечно, не им принадлежащих.

Они отбросы человечества, раньше принадлежавшие к политическим деятелям, но с их точки зрения уважаемых людей [вроде] Алексинского, Савинкова[44] и столь известного подсудимому Клафтону Бурцева снабжали обильными деньгами, а затем, как говорил здесь подсудимый Писарев и др., посылали для оглашения известия Папе Римскому, архиепископу Кентерберийскому, что большевики насилуют монахинь, национализировали женщин и т. д. Они посылали эти известия, несмотря на то, что в кармане у их руководителя, у их уважаемого лица, у их Верховного правителя находился пасквиль — декрет о национализации — анархистов в Саратове, в котором было сказано о такой национализации. И они, несмотря на это, все-таки миллионы [рублей] тратили для внушения трудящимся всего мира: зрите, какие там, в этой [советской] России, ужасные преступники; идите к нам на помощь, чтобы свергнуть национализирующих женщин и т. д. И, может быть, когда Маклаков[45] и Набоков[46] просили, чтобы социалисты из Омского правительства оказали поддержку Алексинскому, может быть, социалисты, имевшие

сношения с иностранными социалистами, посылали [им] сведения о том, что такие декреты существуют в советской России, и Каутскому[47], который тоже повторяет о национализации, так как группа социалистическая из России об этой национализации женщин говорит[48].

И тем не менее они политикой не занимались. Кровь миллионов рабочих и крестьян, разрушение всего транспорта для целей фронта, как тут безобидно сегодня пояснял в своей лекции Ларионов,— это не политика. Фронт неизвестно откуда появился. Точно так [же] неизвестно, откуда появились так называемые министры, куда они на один — два дня на какой-то предмет заходили, а потом, стряхнув прах от ног своих, выходили. Фронт неизвестно откуда появился. И правительство неизвестно откуда появилось. И все их объяснения здесь кажутся такими, будто правительство это тысячу лет существует. И будто бы перед нами, скажем, английское правительство сидит на скамье подсудимых и отвечает.

Они здесь ведь не добровольно зародились: ведь были какие-то организации и лица, которые свергли советскую власть, которые при помощи денежных затрат устраивали возможность воспользоваться неукрепившимся положением трудящихся масс, тем, что они еще не очистились от скверны капиталистической. Их науськивали на свержение советской власти социалистические партии, у которых руки были связаны в большей степени, социалист Шумиловский с развязанными руками[49]. Воспользовавшись тем, что эти массы еще не сознательны, они при помощи денежных средств создавали военные организации. Тут могут быть деяния рискованные и сложные, как в Москве, где действовали опытные культурники из партии народной свободы. Они эти средства давали, и давали авансом, а потом с невинным видом, по предложению министра финансов, уплачивали по этим счетам. И это называется, что они не принимали участия в свержении советской власти. «Власть была здесь установлена чехами. Мы зашли туда, когда она уже окончательно сконструировалась»,— это, главным образом, заявляли [лица] с юридическим образованием.

Она уже сконструировалась, и поэтому не может быть речи о том, что мы принимали участие в ее создании. А поэтому не можем мы обвиняться в участии в бунте и [в] содействии организации этой власти. Вот юристы, у которых для себя одна мерка, а для большевиков — другая. Они принимали участие в издании «закона» для лиц, причастных к большевистскому бунту, начавшемуся в [19]17 году[50]. И всякое лицо, как выяснилось из бесподобных разъяснений Цеслинского, Степаненко и др., подходящее под эту мерку, после допроса мобилизованными юристами попадало к Анненкову и др. Какая это была власть? «Мы вошли туда, но мы не можем отвечать за историю ее возникновения»,— говорят они нам.

И второе — фронт откуда-то появился. Характерное было заявление. Политикой совершенно никогда не занимавшийся [такой] научный деятель, практик, известный железнодорожный деятель, как Ларионов, объяснял, почему он угонял на восток поезда, из опыта на Западном фронте (а я для точности спросил [его], кто на этом Западном фронте воевал; [оказалось] — Германия с Россией). Он ввиду аналогии, что правительство Колчака то же самое сделает с подвижным составом, угнал его на восток. И выходит, что он отстаивал интересы грядущей советской власти. Он этот подвижной состав на востоке согнал в бесконечную ленту. Он чуть не заявляет нам: «И теперь вы можете кататься на поездах, которые я для вас сберег». Это деятельность техника, а не политика?

Причем эти техники иногда обладают такими сведениями, что остальные политики и не подозревают. Он объясняет такое неожиданное явление, как представ-

ление министерства финансов о выдаче награды за энергичное преследование большевиков. Он объясняет, что это было не за то, о чем я спрашивал Матковского, не за головы, а за карманы большевиков. Большая была сумма взята, отчего же не выдать маленькую награду. И если защита, я должен это припомнить, не удержалась, заявив, что раз это было сделано министерством финансов, то, значит, это [была] награда не за головы, а за деньги, на что я тогда не имел возможности возразить. Я спрошу, если министерством земледелия вносится предложение о недопущении расселения задержанных большевиков на территории Сибири, для чего это могло быть сделано: здесь дело касается предания земле или удобрения земли?[51] Тем не менее все это случайные явления, хотя и слишком многочисленные. Но они за все это отвечать не собираются.

Вы подумайте — жуткая картина! — существует атаманщина, существует военщина, на которую они так жалуются, но с которой под руку они сюда пришли, которая их поддерживает и которая, через некоторое время убедившись в полном отсутствии какого бы то ни было риска, и их начала сбрасывать. И тем не менее они почти каждый день принимают постановления о введении смертной казни, как обычное явление. Но они поспешно заявляют: мы на этот счет не ответственны. У нас в канцелярии сидел юрисконсульт, уважаемая женщина-профессор, или еще более уважаемый мужчина. Они давали заключение.

И крупный ученый Введенский, которому раньше по роду деятельности приходилось убивать ну какое-нибудь под стеклом зримое живое существо и который никогда в жизни не подписывал ничего касающегося смерти, он с наивным видом разъяснял: я пошел в министерство по другому делу. Там на повестке [дня] стояли еще какие-то вопросы, была предложена смертная казнь, какие-то 18 номеров, что не помню, я не возражал[52].

Другой «защитник труда», Василевский, говорит, что ему приходилось возражать против смертной казни, но он также не помнит этих статей. Я не имел раньше этой книги, но я теперь могу напомнить, за что там предусматривается смертная казнь: за порчу лошади; за взятие денег в большем размере, чем предписано; за требование денег раньше срока. Вот за какие вещи ученые люди и «защитники труда», ждавшие с душевной тревогой и с раздвоением душевным момента, когда им удастся спасти социальные завоевания революции, назначали смертную казнь. После этого они смеют говорить: мы не политики, мы не знали тех действий, которые проходили перед нами. И, разумеется, если бы знали, мы не могли бы их поддерживать.

Позвольте, даже этого не говорили. Когда мы предъявили им весь непосредственный ужас полуторагодового подавления Сибири, Урала и Поволжья, их гуманистические души заколебались. У кого-то даже появились слезы на глазах. Но на следующий день они дружно выступили перед нами, [предварительно] поговорив между собою. И мы слышали здесь: ничего не было; кто там был, кто это делал, мы не знаем; мы все были хорошие люди; мы стремились отстаивать интересы рабочих, как подсудимые Ларионов и Степаненко; мы создавали комитеты помощи безработным, защищали завоевания революции; вообще неизвестно каким путем сюда попали; мы были избраны общественными учреждениями; приехали сюда по поручению народных комиссаров; политикой никогда не занимались. Правда, я иногда председательствовал, иногда делал доклады о политическом положении в Иркутске, о политическом настроении железнодорожных служащих, которые не совсем так дружелюбно относились, по-видимому, как пытался изобразить Ларионов, который хотел все сделать в интересах советской власти.

А припомните, что он не останавливался перед тем, чтобы грабить десятки миллионов трудового народа[53]. Правда, рассылал сведения, что большевики совершают зверства, до самой последней минуты, до той декларации, которая им сейчас кажется немного странной, но которая единодушно всем составом министерства и социалистом Шумиловским подписана.

Они перед нами такую неслыханную бездну падения обнаружили. Они старались доказать, что заслуги у них есть: куски большевизма они стремились сохранить. За эти больничные кассы, для некоторых рабочих ими оставленные, история их поблагодарит. А в советской России разве есть хоть один рабочий, который не получает [такой] помощи? Там все получают [пособия] и по безработице, и по болезни. Если бы у вас было такое стремление, для вас путь был один — в советскую Россию. Но у вас было другое. Вы восстали против нас, против осуществления того, что стремились сделать мы. Вам было известно, какие меры там принимались,— это ваши заграничные друзья сообщали. А вот свидетель Деминов говорит, раз такие меры принимались в советской России, то необходимо было часть этих мероприятий проводить и здесь, а то будет плохо.

Вот Преображенский, великий геолог, говорит, что если будут напечатаны его труды о единой школе (думаю, что бумажный кризис, в значительной степени усиленный[54] существованием навязанного нам этого фронта, помешает этому), он полагает, что если эта бумажка будет напечатана, то все его оценят. Позвольте, ведь в советской России единая [трудовая] школа достигла таких результатов, какие ему и не снились. А выезжая из советской России, вы знали, что там вводится единая [трудовая] школа. И вы хотели содействовать большевизму в местах, которые обагрены кровью при помощи ваших рук. О, как низко падают величайшие ученые, когда они связывают свою судьбу с интересами кучки грабителей, капиталистов и банкиров!

Это страшное падение ученых, потерявших всякую идейную связь с наукой, внушает ужас рабоче-крестьянской России, которая страстно ждет своих ученых, может быть таких, как покойный Тимирязев[55], связавший всю свою судьбу с нами, но не может без скорби смотреть на падение великих людей, которые во все времена стремились к просвещению трудовых масс и в создании такого университета, как лутугинский[56], принимали участие. Их последующая деятельность не только уничтожила все это, но привела к худшим результатам. Геолог Преображенский говорил, что судьба золота науку не интересует. Оно попадает к государству, а куда пойдет, неизвестно. Но оказывается, что в том учреждении, в котором были разные ученые, некоторым было известно, куда золото попадает, но они вступили туда не в качестве ученых[57], а в качестве товарищей министра[58].

Товарищи члены революционного трибунала! Может быть, вы припомните, хотя я думаю, что трудно припомнить, за что они, по их словам, подняли восстание против власти рабочих и крестьян? Перед вами выступали здесь члены партии, председатели партийных комитетов, и члены партий, которые случайно из организации вышли по случаю отъезда, и члены партий, которые все время находились в партии, [но] не платили членского взноса, и другие лица, здесь подписавшиеся сами, своей рукой через год после того, как советская власть свергла германское насилие, и когда они начинали разговаривать понемножку с Германией, чтобы затеять с нею для начала деловые сношения, которые сейчас заканчиваются членом ЦК партии народной свободы Гессеном[59], который сейчас в Берлине с монархическими элементами Германии организует единый противобольшевистский центр, очевидно передвинутый с востока, куда этому

помогали в последние дни передвигаться подсудимый Червен-Водали и техник Ларионов.

Все они тогда писали на весь мир, что преступления так называемых большевиков продолжаются, беззакония все время царят и т. д. и т. д., [что] Россия отдана во власть немцев и мадьяров. И не было у них большего ужаса для изображения порядков в советской России, как то, что в рядах ее Красной армии, которая имеет отряды угнетенных всего мира, имеются и китайцы. Они нисколько не смущались, когда их председатель, почетный гражданин Сибири, уважаемый человек Вологодский, почти всеми ими признанный заслуживающим этого звания и в самые последние дни в Иркутске [признанный] заслуживающим особой пенсии за его заслуги как основоположника борьбы с насильниками-большевиками, они нисколько не смущались, что их председатель получил сообщение о том, что Кудашев, тоже идейный дипломат царя Николая, в период советской власти на Амуре разрешил продать русские суда в руки китайцев.

Вот если китайцы — судопромышленники и спекулянты — с ними вступают в альянс, это соответствует той любви к родине, о которой тут рассуждал Червен-Водали. А если угнетенные рабочие Китая вместе со своими братьями, русскими рабочими и крестьянами, составляли одну армию, это[го] достаточно для того, чтобы говорить: необходимо идти на Москву, спасти ее от китайцев, на которых исключительно опираются большевики. Эти вещи продолжали они говорить. Но здесь, перед лицом революционного трибунала, они все перебывали перед вами, разных партийных мастей и окрасок, и подавляющее большинство не помнящих партийного родства. И они хоть слово вам здесь сказали о том, что мы продолжаем считать правильным свое первое поведение? Или, быть может, они стали считать, что власть рабочих и крестьян была настоящей сильной рабоче-крестьянской властью, опиравшейся на миллионы, а они были примазавшейся кучкой насильников?

Нет, никто из них этого не говорил. Никто из них не говорил и того, что они раскаиваются в том, что было. Вообще быль таким молодцам не в укор. Они в свое время дело сделали, известное количество средств затратили на свержение советской власти под флагом демократического и социалистического фигового листка. А теперь нам не обязательно это припоминать. А может быть, если в подробностях выяснить, то окажется, что по распределению функций, на основании письма министра или на основании законоположения за номером таким-то к их ведомству не относилось выяснение этого вопроса.

Все [они] прошли перед вами. Вся их первоначальная деятельность, лишенная хотя бы крона идеи[60], которую они развили в своих посланиях. Все они себя жертвами считали: «Меня вызывали в правительство отстаивать социальные завоевания революции». Да позвольте, зачем их надо было отстаивать? Ведь советской властью они защищались полностью. А когда пришли эти так называемые возродители и спасители с гайдами, розановыми, сипайловыми и семеновыми на основании ваших настойчивых пожеланий, вот когда все эти лица пришли к вам, вы теперь хотите от них отказаться. И вообще изложить все дело так обывательски мирно, будто ничего в сущности не было: не было полуторагодовалого здесь ужаса белых, книгу о котором собираются писать некоторые из ваших сподвижников. Всего этого не было, все это забыто, причины, ради которых это сделано, неизвестны.

Прошли перед глазами революционного трибунала картины сплошных хищений, сплошных убийств, сплошных разрушений. Ради чего все это сделано? Дайте объяснение, дайте какой-нибудь смысл этим неслыханным в мире разрушениям.

Ведь в течение полутора лет при разных, как тут безобидно выражался подсудимый Ларионов, колебаниях фронта, ведь когда все это разрушалось, женщины и дети уничтожались тысячами. Ведь на основании предложения министра земледелия предавались мучительной смерти десятки тысяч выводимых из тюрем[61].

И не смеет, не должен подсудимый Шумиловский заявить мне: «Я случайно только один снимок видел тех ужасов, которые были в Новониколаевске». Я думаю, он прекрасно знает, что нет ни одного города и городка, откуда бы не выводили на расстрел из всех тюрем[62].

И если бы подсудимый Ларионов, выглядывая из автомобиля, не смотрел только на мост [через Иртыш], к разрушению которого он не имел никакого отношения, [а] если бы он посмотрел на витрины, [то] он бы видел снимки тех, которые были выведены при вашей эвакуации из Омска из тюрем и которых мы, придя сюда, хоронили через несколько дней, когда гробы тянулись на версту с лишком. Это было [не] только в Омске. Не было ни одного города, где бы это не делалось. И что же? Ничего. Высокие лбы лиц, сидящих здесь, от этого не омрачаются.

Но вот в последнем случае, когда Сипайлов или другой спустили под винт 31 человека, [говорят:] «Ох, только не это. В этом меня не вините. Там, видите ли, были люди из общества, там были их родители — Марков и [П. Я.] Михайлов. Я в этом деле не повинен». А во всех тех зверствах, о которых тут свидетель [Сыромятников], который занимал должность [начальника штаба] у Розанова, рассказывал? У Розанова, которого вы назначили на эту должность, потому что он успел заявить себя хорошим военачальником при подавлении беспорядков в Енисейской губернии. Вот за все эти преступления вы принимаете на себя ответственность? За них вы не возмущаетесь? Или вам страшен только Сипайлов с четвертью водки в руке? Хотя возможность этой четверти водки вы ему создали, открыв монопольки. За все эти жуткие, страшные, неслыханные, не опубликованные до сих пор преступления, какие проходили перед вашими глазами, вы на себя ответственность принимаете? Это не вызывает вашего возмущения? [Или вы говорите:] «Только в этом гнусном деле Сипайлова я не повинен». Путем исключения дозволительно подумать, что в остальном вас это не возмущает. И за те страшные преступления, которые прошли здесь перед глазами всех присутствующих, они, лица, их совершившие, лица, участвовавшие в них, лица, прикосновенные к ним, лица, технически подготовлявшие возможность совершения этих преступлений,— что же они, несут ответственность?[63]

Если вспомнить все то, что прошло перед нашими глазами, и то, что ведь перед нашими глазами прошла лишь тысячная доля того, что делалось в действительности, то невольно из горла рвется вопрос: «Что полагается за такие преступления?». (*Значительная часть из публики*: «Расстрелять! Расстрелять!»)

Председатель. Тише, товарищи, к порядку.

Гойхбарг. Тише, тише, тише... Уймись, гнев трудового народа! Революционный трибунал не есть орган возмездия. Ибо разве мыслимо возмездие, разве хватило бы у них жизней, чтобы покрыть то, что было ими сделано?! Революционный трибунал не лживый орган их или, во всяком случае, их единомышленников правосудия, о котором они говорили, что нарушение правосудия, имевшее, может быть, место в ночь на 22 декабря [1918 г.], если окажется, что оно соответствует действительности, то дело о нем должно быть направлено в законном порядке. К сожалению, не добавлено, по какому департаменту. Ведь, во всяком случае, с точки зрения обвинителя, представителя законной всероссийской рабоче-крестьянской власти, о которой с таким поздним раскаянием вспомнил, признавая

ее, Краснов, ведь с точки зрения обвинителя тут нет никаких министров, а есть шайка преступников, бунтовщически восставших в личных и групповых интересах против власти огромной, подавляющей массы рабочих и крестьян.

У них, конечно, суда не было. Они пытались подражать иностранным так называемым независимым судам. Там в судах стоит древняя богиня Фемида с повязкой на глазах, которая якобы должна быть слепа. А между тем у нее повязка очень часто приподнимается. И если на правый глаз видно, что свой человек, из господствующего класса, то можно опустить повязку и меч правосудия для беспристрастной Фемиды не опустится. А если на левый глаз приподнимается повязка и будет видно, что [это] представитель трудящихся масс, то меч правосудия решительно рубанет.

Везде в этих правосудных странах заграничных, в тех местах, где военный министр Черчилль[64] и другие тайком от своих рабочих масс под флагом Красного креста подсылали к ним на помощь убийц,— вот во всех этих местах только и может существовать такой суд. У них тоже был суд Матковского, который разбирал дела Волкова, Красильникова и Катанаева, где эти Волков, Красильников и Катанаев приезжают вместе с защищавшим их председателем партии народной свободы Жардецким. И этот суд Матковского решил, что преступления нет. У суда Матковского Фемида не стояла, но повязка приподнимающаяся была.

У нас в рабоче-крестьянской России революционный трибунал не слеп. Революционный трибунал не орган возмездия. Я повторяю, возмездие немыслимо. Революционный трибунал есть часть мощной всероссийской рабоче-крестьянской власти, о незнакомстве с которой так ложно говорил подсудимый Клафтон, который, несомненно, не мог не знать о конституции рабоче-крестьянской власти. И если эта всероссийская мощная рабоче-крестьянская власть поставила себе целью полное подавление всех угнетателей, достижение социализма, достижение строя, в котором не будет угнетенных и угнетателей, не будет разделения на классы, и для этой цели мощную власть под [названием] диктатура пролетариата создала, то и революционный трибунал есть часть этой мощной власти для полного подавления эксплуататоров. И не только здесь, но и во всем мире. Во всем мире языки того гнусного пламени, которое они здесь пустили на свою родную «любимую» страну, еще лижут народные массы. Еще сотни миллионов [рублей] отпущено туда на агитацию. Еще бурцевы, алексинские, гессены и др. там сидят, снабженные раньше средствами, чтобы там массам говорить, чтобы там массам давать некоторые намеки, [делать] некоторые попытки оправдания, которых у них здесь не нашлось.

Революционный трибунал, прежде всего, есть орган политической борьбы, есть орган, прежде всего, политически умертвляющий партии, стоящие против власти рабочих и крестьян. Я думаю, что то, что прошло здесь перед революционным трибуналом, политически убило все партии, которые прикрывались какими-то идеями, а на самом деле были чисто хищническими, ничем не прикрывающимися партиями, которые от сипайловых отличались (и то в некоторых случаях только отсутствием в их руках четверти водки),— эти партии убиты. И трудящиеся массы, не только здесь присутствующие, но и во всем мире, узнав о гнусных деяниях, проходивших здесь перед нашими глазами, узнав о том, как великие ученые, ученые, чуть ли не представляющие собой какую-то шестую державу, государственники прикрывали теми или иными словами возможность борьбы с настоящей рабоче-крестьянской властью, они все узнают, что скрывалось за этими попытками обмана. Они все увидят, что ни единого грана идеи[65] у них не было.

И все, кто прикрывались какими-то мыслями, выступая против власти рабочих и крестьян, все они политически уничтожены. Их нет во всем мире.

Но не только политическое уничтожение этих партий есть задача трибунала, но и наказание. С точки зрения советской власти, советской власти рабочих и крестьян под руководством передовых элементов пролетариата, стоящего на точке зрения научного социализма, на точке зрения сознательности этой власти. И ее органам — конечно, не так, как подсудимому Шумиловскому,— чужд всякий дух мести; они не могут быть причастны к этому чувству мести, ибо, как я уже имел случай спросить, чем можно возместить то, что [было] сделано? Чем можно было бы возместить эти миллионы загубленных жизней?

Чувство мести, безусловно, чуждо рабоче-крестьянской власти и ее органам. Но ей не чуждо чувство необходимости обезопасить себя. И основные начала наказания установлены у нас, как установлены и все основные положения уголовного права советской республики. Вот здесь (*указывая на два листочка*) изложены все основные начала наказания.

Совершение преступного деяния, указанного в обвинительном заключении, установлено. Оно должно быть признано за всеми здесь сидящими без всякого исключения. Но вопрос о наказании есть вопрос другой. Нам тут приходилось слышать, что борьба закончена: «Мы побежденные — вы победители».

Мы здесь слышали, с другой стороны, что остатки ваших организаций, остатки ваших средств и вашей помощи перебрались в другую нацию, к нации капиталистов всех стран, к вашим беженцам, к вашим крупным фигурам, которые бежали, потому что вы им дали средства. Ибо ведь [И. А.] Михайлов, не имей он возможности распоряжаться десятками миллионов [рублей], разве он мог бы бежать? Ведь если бы Гинс не получал 10 миллионов, разве он мог бы бежать? Разве Вологодский, не имея средств, мог бы бежать? Все эти лица сейчас с открытым челом, перебравшись за границу, продолжают отстаивать идею единой России, которую вы тут так неудачно закончили. Они получили средства от вас. Они сохранили связь с вами, и связь с разными лицами у некоторых, несомненно, имеется. И неизвестно, сейчас средства, тем или иным способом припрятанные, не дадут ли им возможность скрыться от изоляции и потом, правда, не быть страшными советской власти как таковой, но завирушку какую-нибудь, в результате которой тысячи трудящихся погибнут, они могут сделать.

И революционный трибунал должен учесть основные начала наших наказаний: что преступника, прежде всего, пытаются приспособить к существующему общественному порядку, если известно, что при помощи тех или иных принудительных работ, при помощи перевоспитания этими принудительными работами и при помощи принудительного отучения его от замашек, которые они сохраняют и на скамье подсудимых, это возможно. Это первое.

Второе — по отношению к целому ряду лиц выясняется, что их приспособить к общественному порядку, не изолируя, трудно, ибо они обладают некоторыми способностями, они обладают способностью вступать в сношения. Они неожиданно могут появиться в местах, где есть некоторые колебания фронта, вообще какое-нибудь колебание. Они, там появившись, могут временно принести большой ущерб. И вот для таких лиц изоляция необходима.

Пойдем еще дальше. Революционному трибуналу советской республики чуждо всякое чувство мести. Но интересы рабочих и крестьян он защищать обязан. И если существует основательное предположение, что изоляция открывает возможность к бегству и к таким действиям, в результате которых погибнет хотя бы

один труженик, то революционный трибунал, охраняющий жизни тружеников, должен предотвратить такую возможность.

Из обстоятельств дела выясняется, что некоторые сидящие на этой скамье сохранили до самого последнего времени неразрывные связи с организациями, ведущими и поныне преступную борьбу против рабочих и крестьянских масс, и возможность использования этих связей имеется. Этим лицам должна быть преграждена возможность вызвать смерть хотя бы одного рабочего и крестьянина.

Что же касается других, и в частности тех, которые, несомненно, не сохранили связи, которые в свое время ушли [из правительства] по тем или иным хорошим или даже плохим побуждениям, которые, может быть, производят неблагоприятное, а иногда — я удерживаюсь от более резкого слова — [и] иное впечатление, [но] раз они не грозят опасностью жизни рабочих и крестьян, по отношению к ним изоляция необходима.

И возможно, что здесь имеются некоторые, действительно только случайно забредшие в это преступное сообщество. В частности, я должен сказать — я других фамилий не называю...[66]

Я других фамилий не называю. Я предоставляю революционному трибуналу на основании материалов, которые прошли перед его глазами, считаясь с основным интересом — защитой жизни трудящихся, сделать эту классификацию и провести это распределение среди здесь присутствующих [на скамье подсудимых].

Но, в частности, относительно двух лиц указываю, что, пожалуй, по отношению к ним приспособление к существующему общественному порядку мыслимо, а посему и возможно. Это подсудимый Карликов, действительно попавшийся как кур в эти грязные щи. И второй, может быть, в силу тех обстоятельств, что этот подсудимый содействовал в деле свержения этой преступной шайки с оружием в руках, я имею в виду подсудимого Третьяка, его тоже, может быть, можно приспособить к существующему общественному порядку.

И я к революционному трибуналу обращаюсь со словами, которые здесь написаны[67]. Они взяты отсюда. Они являются основным выражением великой всероссийской мощной рабоче-крестьянской власти. И я прошу трибунал, вынося свой приговор, считаться с этим требованием по отношению к подсудимым. Я прошу вынести тот приговор, который необходим для защиты интересов рабочих и крестьян, не обнаруживая чувства мести. И думаю, что я оскорбил бы революционный трибунал повторением этой просьбы.

Председатель т[ов.] Павлуновский. Товарищи, к порядку. Слово предоставляется защите.

Защитник Ааронов. Товарищи члены революционного трибунала. Невыразимо трагично положение людей, для которых нет, по-видимому, не только надежды на оправдание, но и надежды на снисхождение. Слишком страшны преступления против народа, совершенные колчаковщиной. Перед вами прошли здесь картины кошмара и ужаса. Я не буду восстанавливать всех деталей этих картин. Расстрелы, расправы, насилия, уничтожение людей, уничтожение имущества, уничтожение деревень, сел и целых волостей — вот чем характеризуется власть адмирала Колчака.

А люди, которые сидят на скамье подсудимых, были членами правительства, возглавляемого Колчаком.

Страшные, невиданные в истории преступления совершены этим правительством. Является вопрос: зачем, для чего нужна защита в этом деле? Преступления налицо. И не достаточно ли прошедших здесь картин, что[бы] революционный

трибунал удалился в совещательную комнату для вынесения приговора? Не лучше ли замолкнуть защите в этом деле? Но нет, тт. члены революционного трибунала. Не затем учреждена защита в революционных трибуналах властью рабочих и крестьян, чтобы молчать, когда в них разбирается дело.

Здесь говорил обвинитель. Его устами говорила вся советская Россия, все рабочие и крестьяне. И даже больше — его устами говорил мировой пролетариат, который предъявлял счет правительству Колчака, правительству богачей и кулаков. Устами обвинителя говорили все против этих [сидящих на скамье подсудимых] 22 человек и против каждого из них в отдельности, предъявляя им счет. Все против одного.

Граждане члены революционного трибунала! Какой же это был [бы] суд, если за каждого из них, за этого одного не нашлось бы здесь голоса защиты против всех? Какой бы это был суд, если бы здесь не было никого, кто бы с точки зрения интересов подсудимого посмотрел бы счет, предъявленный ему всеми, который напряг бы все силы разума, чтобы выяснить все в этом счете: что должно быть отнесено на актив или пассив каждого подсудимого и что вовсе не принадлежит ему и должно быть отнесено к другим.

Вот почему, несмотря на кошмарную картину колчаковского властвования, прошедшую перед вами, несмотря на то, что защита не считает себя вправе ни одним штрихом смягчать те краски, которыми рисовал здесь обвинитель, несмотря на то, что, по мнению защиты, прошедшее здесь перед вами бледнеет перед теми фактами ужаса и террора, которые совершились во время колчаковского властвования,— несмотря на все это, защита свой слабый голос осмеливается поднять здесь перед вами, члены революционного трибунала.

Здесь были оглашены основные положения [советского] уголовного права, выработанные властью рабочих и крестьян. В этих основных положениях имеется статья двенадцатая, которая говорит, что когда обсуждается вопрос о виновности и о применении наказания, то революционный трибунал — это совесть и разум революционного рабочего и крестьянина — должен внимательно ознакомиться с личностью, деятельностью и прошлым данного лица[68].

Вот, тт. члены революционного трибунала, к ознакомлению с личностью и деятельностью каждого из обвиняемых я вас и призываю.

Но предварительно я вкратце остановлюсь на том, как эти лица, здесь перед вами заявившие, что они не желали вреда рабочим и крестьянам, как эти лица, за многими из которых числится в прошлом немало заслуг перед рабочими и крестьянами, из которых некоторые заслуживали доверие рабочих и крестьян и выбирались ими,— как они вдруг оказались в той группе, в том правительстве, которое именовалось колчаковским правительством.

Основной пункт обвинения, которое предъявлено подсудимым,— это обвинение в бунте и восстании при помощи и поддержке иностранных правительств против власти рабочих и крестьян. И перед революционным трибуналом должен быть поставлен вопрос: зачем и как попали эти лица в[о Временное] Сибирское правительство? Пошли ли они туда именно потому, что они участвовали в бунте и восстании против рабочих и крестьян, или они были привлечены по другим условиям и на других основаниях?

Данными дела установлено, что никто из этих [лиц] до падения [советской] власти в Сибири не принимал активного участия ни в каких боевых организациях, поставивших целью свержение советской власти в Сибири. Да и свержение советской власти в Сибири произошло помимо какой-нибудь вооруженной силы рус-

ских боевых организаций. Эту власть ниспровергнула чешская вооруженная сила. Передо мной, граждане члены революционного трибунала, нота народного комиссара по иностранным делам Чичерина чехословацкому правительству, опубликованная 25 февраля 1920 года, в которой народный комиссар по иностранным делам Чичерин, излагая обстоятельства выступления чехословаков в Сибири, свергнувших советскую власть в Сибири, говорит следующее: «В настоящее время вполне достоверно известно, что посторонние влияния и давления извне привели одетых в солдатские мундиры выходцев из чехословацких народных масс к тому, чтобы совершить нападение на рабоче-крестьянскую революцию в России и сделать[ся] главной опорой милитаристской и царистской контрреволюции. Обманутые коварными интрига[на]ми чехословацкие солдаты в России, заблудившиеся на стороне контрреволюции, в результате трагической ошибки обратили свое оружие против своих братьев из народных масс России»[69].

Правда, эта точка зрения не совсем разделяется чехословацким правительством. И в ответной ноте министра иностранных дел Чехословацкой республики Бенеша[70] 10 апреля [1920 г.] указывается на некоторые неточности в изложении обстоятельств в этой ноте[71]. Но, во всяком случае, вне спора, что выступление чехословаков в Сибири произошло помимо давления русских сил. Сам обвинитель в обвинительном заключении, излагая точку зрения советской власти на чешское выступление, говорит следующее: «Во время появления Колчака на Дальнем Востоке шпионские организации империалистических правительств подняли на мятеж чехословацкие войска».

Итак, с несомненностью устанавливается, что выступление чехословацких войск в Сибири произошло под влиянием Антанты, помимо влияния русских сил. И не доказано, что в этом выступлении чешских вооруженных сил принимали какое-нибудь участие сидящие здесь на скамье подсудимых. Но в результате выступления чехословаков советская власть в Сибири пала. Перед Сибирью стал вопрос об организации власти на всей этой огромной территории. Вопрос этот, естественно, можно было разрешить в трех направлениях: 1) сосредоточение власти в руках иностранных миссий, опирающихся на свою вооруженную силу, 2) уступка власти реакционным группам и 3) попытка построить власть на демократических началах. Правые социалисты, чешские элементы Сибири, как в России, не могли существовать[72].

Гойхбарг. Я должен сделать заявление. Я сейчас слышал обсуждение в качестве судебного материала ноты Бенеша. У нас проходил материал Головина и т. д. Ноты Бенеша мы не знаем. [Это во-первых.] Во-вторых, мне кажется, что защитник, говоря о правых социалистических партиях, по-видимому, предается личным воспоминаниям. Здесь о них никто не говорил, никаких картин не рисовалось. Здесь выразителем их был свидетель Патушинский. И я поэтому самым категорическим образом возражаю против того, чтобы защита превращала судебный процесс в методы воспоминания относительно собственной деятельности.

Председатель т[ов.] Павлуновский. Продолжайте.

Ааронов. Я не думаю здесь излагать перед вами идеологию правых социалистических элементов. Я не думаю также приводить те обоснования, которые носители этой идеологии черпали тогда из анализа хозяйственных и политических условий русской жизни. Я как защитник, который желает установить причины и обстоятельства, при которых эти лица прошли в состав правительства, считаю необходимым отметить только факт существования такой идеологии в рассматриваемый период, наличность которого не станет отрицать и мой критик-

обвинитель и наличность которого несомненно известна членам революционного трибунала.

К тому же и внешние обстоятельства вполне благоприятствовали этой идеологии. Условия сибирской жизни, казалось, давали все основания демократической власти рассчитывать на поддержку широких слоев сибирского населения. Иностранные вооруженные силы в своих заявлениях указывали на то, что они будут поддерживать только демократическую власть. Вот те условия, мне кажется, [которые] и послужили тем основанием, почему представители эсеровской Сибирской областной думы провозгласили на этой территории власть Сибирской областной думы. По этим же соображениям, как мне кажется, нашли возможным поступить на службу к этой власти и те правые социалистические элементы, представители которых здесь имеются, и демократические элементы. Я говорю — поступить к этой власти на службу. Но я подчеркиваю, что эти лица никакого отношения к перевороту, совершенному чехословаками, не имеют. Не встретили препятствия к тому, чтобы пойти на службу во вновь образовавшуюся власть, и прежние служащие различных учреждений.

Гойхбарг. Я позволю себе напомнить, что здесь идет суд над участниками бунтовщической шайки, восставшей против рабочих и крестьян. Защита повествует о какой-то образовавшейся власти, к которой идут на службу. Я считаю форменно недопустимым ввиду существования законной всероссийской власти...

Павлуновский. Я Вам слова не давал по этому вопросу. Я не могу суд обращать в митинг.

Гойхбарг. Я вынужден заявить, что я, как представитель всероссийской власти советской...

Павлуновский. Считаю это недопустимым. Призываю Вас к порядку. Мы также представители советской власти. Призываю Вас к такту. (*К защите.*) Продолжайте.

Ааронов. И вот эти прежние служащие прежних учреждений также нашли для себя вступить на службу к этой власти возможным. Они политически нейтральны, готовы служить власти разных политических направлений. Они исполнители. Они пришли на службу не для того, конечно, чтобы направлять политику, чтобы руководить ею. Каждый из них пришел для того, чтобы налаживать ту часть аппарата, с которой он был знаком и по своим знаниям, и по своему практическому опыту. Так, например, инженер Ларионов пришел налаживать транспорт, Ларионов, имеющий и признанные обвинителем научные заслуги, и бесспорный авторитет практического знакомства с делом. Так пошел налаживать судебное дело Морозов, старый юрист, старый судебный деятель. Так пошел и был привлечен к налаживанию работы Шумиловский, может быть несколько более других, на тусклом фоне сибирской интеллигенции, знакомый с рабочим законодательством и жизнью рабочих. Они пошли туда, они стали работать.

А между тем вскоре обнаружилось существование анархических сил, которые хотя формально признавали вновь образовавшуюся власть, но в действительности существовали независимо от нее, как государство в государстве. Одной из этих организаций была атаманщина. Буйная, разгульная и жестокая атаманщина своим вмешательством во все области управления, во все области народной жизни, она дезорганизовала порядок. Своими насилиями над мирным населением она вызывала ропот и недовольство; она вызывала протесты, которые в конце концов превратились в цепь беспрерывных восстаний крестьянства.

Была и другая сила — это иностранные вооруженные силы, которые вели себя не так, как подобает вести иностранцам в дружественной стране. Вооруженные силы чехословаков в обеспечении тыла сохранили силу за собой. К действиям так называемого чехословацкого контроля[73] и на счет других войск, которые здесь действовали, нужно отнести немало тех зверств и злодейств, которые здесь совершались.

Но была и третья сила. С того момента, как был установлен противосоветский фронт и когда под напором советской армии фронт стал отодвигаться на восток, в Сибирь хлынула волна беженцев, преимущественно из помещиков, дворянства и буржуазии приволжских городов. Разоренные, они бежали в Сибирь, чтобы компенсировать то, что они потеряли. И здесь, соединившись с выросшей за время войны сибирской буржуазией, хищнической, спекулятивной и своекорыстной, они, по справедливому указанию свидетеля Патушинского, стали стремиться к реваншу. Они стали стремиться получить то, что они потеряли за время власти советов. И естественно, что на пути к этому стремлению у них была эта вновь организовавшаяся эсеровская власть. Вот почему все эти три силы объединились вместе для того, чтобы сбросить эту власть. И они добились своего. Власть так называемого Временного [Сибирского] правительства пала. Наступила диктатура Колчака.

Перед вами прошла картина колчаковской власти. Я не буду возвращаться к ней. Но здесь естественно спросить, почему же оставались у этой власти и те, кто пошел туда из принципов демократизма, и те специалисты, которые пошли туда для того, чтобы налаживать, а не разрушать работу, как это было при Колчаке? Те из них, которые разделяли демократические принципы, оторвавшись от родственных им общественных организаций и групп, пытались своими собственными силами бороться с тем произволом, который характеризовал колчаковскую власть. Вы слышали здесь показания обвиняемого Шумиловского, который сказал, что при той постановке вопроса, которая была в Совете министров, он голосовал за Колчака, и голосовал как за наименьшее из зол.

Обстоятельствами дела несомненно установлено, что из того, что здесь раскрылось перед революционным трибуналом, многое не было известно сидящим здесь на скамье подсудимых, ибо, как это здесь с определенностью выяснилось, не они являлись главными руководителями этой власти. Не они являлись ее идейными вдохновителями. Те, которые были руководителями и вдохновителями, бежали. Их здесь нет. Это Михайлов, Гинс, Зефиров, Петров, это [Омский областной] военно-промышленный комитет, это Жардецкий. Ни в одном из документов и следственных материалов нет указаний, что обвиняемые могли считаться за руководителей.

И даже тот обвиняемый, к которому представитель обвинения относится с доверием, Третьяк, показания которого нельзя заподозрить в этом отношении, даже он, Третьяк, здесь говорит, что не эти лица, а те, которых здесь нет, являлись главными руководителями дела. И естественно, что эти руководители все подлоги, все эти преступления совершили в своей среде. Они скрывали их перед теми лицами, к которым у них несомненно не могло быть такого доверия, которое существовало между ними. Вот почему, когда в заседаниях Совета [министров] все события, вызванные атаманщиной, вызванные монархическим офицерством, против которого так трудно гражданской власти бороться, обсуждались, перед сидящими здесь на скамье подсудимых, и в частности перед Шумиловским, встал вопрос: как быть; как лучше; передать ли эту власть атаманщине, передать эту власть Аннен-

кову и Красильникову или согласиться на зло, но все-таки меньшее зло, согласиться на передачу власти Колчаку? И они согласились на передачу этой власти.

Правда, быть может, если бы у них были все документы, которые лежат на судейском столе, если бы они знали о том, что сам Колчак принимал участие в этом перевороте, если бы они знали оглашенные здесь телеграммы, что сам Колчак давал распоряжения Розанову уничтожать села и деревни, расстреливать каждого десятого, они не оставались бы там. И нам нет основания не верить подсудимому Шумиловскому, когда он говорит, что он остался не для того, чтобы содействовать атаманщине, не для того, чтобы расстреливать рабочих. Он остался для того, чтобы своими усилиями как-нибудь уменьшить то зло, которое он видел.

И вот мы видим эту работу. Сидящие здесь на скамье подсудимых очертили перед вами эту работу. Вы видите, [что,] несмотря на реакцию, которая здесь была, несмотря на те влияния, которые здесь имели буржуазные, реакционные и военные круги, все же Шумиловскому удавалось провести незначительные, куцые, слабые, но все же некоторые законы, ограждающие интересы трудящихся. Все же ему удалось провести закон о больничных кассах, о страховании рабочих, о минимальной заработной плате и т. д. Все же Преображенскому удалось отстоять интересы школы. Все же Преображенскому удавалось отстаивать учительство от посягательств и расправы атаманщины. Можно, конечно, считать эти попытки борьбы безнадежными, ненужными, попытками Дон-Кихота. Можно смеяться над неправильностью оценки исторического хода вещей, над неправильностью анализа общественных взаимоотношений. Это так и может быть после того, что прошло здесь перед нами. Это именно так, ибо то незначительное положительное, что сделано ими, что это в сравнении с теми разрушениями, с тем кошмаром, который был совершен за время колчаковской власти. И, может быть, все подсудимые сейчас переживают трагическую минуту, когда они видят, что в действительности представляла собой колчаковская власть. Но ведь нельзя же отнести то, что совершалось колчаковской властью, на их счет. Нельзя приписать им, что своими действиями они имели в виду реставрационные цели. Что они именно виноваты и по их приказаниям расстреливались рабочие и крестьяне. Что по их приказаниям совершались эти разрушения. Нет, они боролись с этими разрушениями. Боролись, быть может, как Дон-Кихот, но другие надежды, другие помыслы удерживали их на их местах.

Тем легче было оставаться так называемым спецам: занимаясь своим делом практическим как всегда, хотя в малой степени, но все же производительным, они не замечали всей силы разрушительных тенденций, проявившихся в движении. Им казалось, что эти разрушения есть знамение времени, знамение гражданской войны и ее неизбежный спутник как на той, так и на другой стороне. И частые изменения в составе правительства, изменения его курса не так быстро, не так непосредственно и не так заметно влияли на их работу.

Здесь перед вами давал показания Ларионов, который подробно говорил о влиянии, которое имели, например, чехо[словацкие] войска на транспорт, о том разрушительном влиянии, которое имела военщина на железнодорожное движение; здесь указывалось всеми ими на то гибельное влияние и на те препятствия на пути, которые они встречали при их работе. Но они были убеждены, что эти разрушительные влияния преходящи, и они оставались на своей работе.

Вот, граждане, та обстановка и те условия, которые, как мне кажется, и послужили основанием к тому, что эти люди вошли в правительство и не ушли из него. Я думаю, что как бы мы ни считали большим то зло, которое совершено колчаковским правительством, как бы ни было велико то разрушение народного

хозяйства, которое совершено им, но все отнести на их счет это разрушение, отнести на их счет это зло мне представляется не вполне справедливым.

Я уже сказал, что здесь, перед вами, перед революционным трибуналом очерчивается и судится не правительство в целом. Каждый из подсудимых предстал перед вами своей отдельной личностью, своей отдельной жизнью, своими отдельными интересами и своими отдельными целями. И поэтому в отношении каждого из них вы должны будете здесь взвесить все то, что они сделали, и оценить все то, что здесь перед вами прошло.

Сами обвиняемые подробно очертили перед вами свою работу и свое прошлое. Я поэтому лишь вкратце остановлюсь на деятельности каждого из них. Вот перед вами Шумиловский, занимавший пост министра труда. По своему социальному положению он никакого отношения к буржуазному классу не имеет: он учитель, пролетарий, он работал в провинции, работал над изданием учебников и сибирской хрестоматии, над обучением молодежи. Он принимал участие в культурно-просветительных учреждениях и, как официально здесь засвидетельствовано, был он неоднократно выбираем левыми группами выборщиком в Государственную думу. Вы видите, что в прошлом он не связан с буржуазией и ее интересами, что содружество его с буржуазией может быть весьма сомнительно. Но он вошел в эту власть.

Я уже указал те мотивы, по которым он вошел и продолжал в ней оставаться. Вы видели то, что он делал, будучи министром. Вы видели, что он принимал все зависящие от него меры и все, что он мог дать при тех условиях к тому, чтобы прийти на помощь рабочим, которые так жестоко преследовались во время колчаковской власти. Он издавал законы, он протестовал против истязаний и расправ, он протестовал против убийства рабочих, он взывал к борьбе против насилий. Правда, быть может, тщетно. Быть может, это был глас вопиющий в пустыне. Но все же неоспоримо, что он взывал к этой борьбе, ибо это точно зафиксировано в тех протоколах заседаний Совета министров, которые были здесь оглашены. По его требованию была назначена комиссия по расследованию факта убийства комиссара в Петропавловске[74]. По его требованию были назначены другие комиссии по расследованию аналогичных обстоятельств. Наконец, другие обвиняемые утверждают единогласно, что иронией, горькой иронией звучит, когда принятие законов о смертной казни приписывается Шумиловскому, тому Шумиловскому, который в Совете министров горячо возражал против принятия этих законов.

Я думаю, что заподозрить [не]искренность этих показаний нет никаких оснований. Мы знаем, что некоторые рабочие учреждения здесь все же существовали. Мы знаем, что здесь существовали больничные кассы. И, быть может, многие из рабочих и их семей, которые получили помощь в этих больничных кассах, скажут ему то слово участия, о котором говорил Шумиловский. Итак, вы видите эту деятельность Шумиловского. И разве можно Шумиловского обвинить в том, что он сознательно и умышленно вел к возврату к старому? Быть может, участвуя там, он косвенно и оказывал это содействие, но содействие это было несознательно и неумышленно.

Здесь говорили о том, что его именем прикрывались, что именем социалиста говорили за границей. Но здесь был оглашен документ, относящийся к раннему периоду деятельности Шумиловского, в котором Шумиловский, желая снять всякую ответственность социалистических элементов за свою деятельность, категорически заявляет, что он ни в какой партии не состоит и что он просит рассматривать свою деятельность как не принадлежащего к какой-либо партии, как личную

его, Шумиловского, деятельность. Поэтому я считаю, что вменить всю вину Шумиловскому нельзя. Шумиловский может быть виноват в том, что он был там. Но он не заслуживает той жестокой кары, о которой говорил здесь обвинитель.

Я обращаюсь к другому обвиняемому — к Грацианову. Его прошлое также не свидетельствует о том, что он прислужник монархии, о том, что он спит и видит монархию. Здесь был оглашен документ, относящийся к 1905 г., который свидетельствует о том, что Грацианов за свои мысли, за свои беспристрастные мысли, которые им высказывались по поводу расстрела революционеров в 1905 г. в Томске, был уволен томским губернатором. И за эти мысли он подвергался гонениям и преследованиям. И, конечно, не Грацианову думать о возвращении монархической власти. Его деятельность проходила всегда как деятельность общественная, как деятельность муниципального работника. В качестве такого деятеля он был привлечен в состав правительства. Он занимался и работал именно в этой отрасли деятельности. Я думаю, что Грацианову также не может быть предъявлен жестокий счет, который ему здесь предъявлялся.

Перехожу к следующему обвиняемому — Преображенскому. Что заставило его войти в состав этого правительства? Здесь ему вменяется измена советской власти, а именно: находясь на службе у советской власти, он перешел к власти антисоветской. Я думаю, что едва ли есть основания к такому обвинению. Преображенский объяснил, что он как геолог Геологического комитета был командирован для геологических исследований и что его переворот застал как раз, когда он находился на работах на рубеже[75]. Он остался здесь, он продолжал свою работу. Но затем как бывший товарищ министра Всероссийского Временного правительства Керенского он был привлечен именовавшим себя также Всероссийским правительством на должность товарища министра.

Допустим, он совершил это же преступление. Зачем, какие помыслы были у него, когда он в него вошел? Желал ли он возврата к прошлому, к монархии и ее восстановления? Я думаю, что объективные данные следственного материала указывают на то, что этого не было. Здесь была оглашена речь Преображенского, с которой он обратился в момент вступления и принятия на себя власти, в которой он изложил свою программу. И из его речи видно, что Преображенским руководили не цели монархизма и реставрации. Он говорил там о демократической единой народной школе. Он говорил там не об уничтожении просвещения масс, а, напротив, он говорил там о сети народных университетов, о внешкольном образовании, он говорил о том, что возврата к старому не будет[76].

Я перехожу к следующему обвиняемому — к Введенскому. Здесь, в обвинительном материале, нет почти ничего, что относилось бы к деятельности Введенского. Его роль в министерстве была чисто технической, и это удостоверяется данными дела. Он, работавший и с советской властью в качестве председателя совещания по топливу, он в сибирском масштабе на эту роль был приглашен [Временным] Сибирским правительством. И по своей специальности он продолжал работать.

Здесь говорят, что эти люди все же принимали участие во всех заседаниях Совета министров, в которых проходили эти кровожадные законы о смертной казни, что они все же принимали участие в тех заседаниях Совета министров, в которых проходили законы об ассигновании на борьбу с советской властью. Но какова эта доля участия? А ведь революционный трибунал для того, чтобы судить, должен точно взвесить долю этого участия. И я думаю, что нет основания к тому, чтобы не считать, что доля участия Введенского была минимальная.

Следующий подсудимый — Василевский. Инженер-строитель, поступивший в министерство труда, он почти никакого участия не принимал в работах Совета министров. Он заменял только Шумиловского на время его кратковременного отсутствия. И в Совмине в присутствии Василевского прошли два постановления: закон о смертной казни и приказ о назначении генерала Розанова. Подсудимый Василевский вам говорил о том, что он голосовал против закона о смертной казни. Говорил сам обвиняемый о том, что Шумиловский также всегда высказывался против этого закона, и вообще министерство труда не высказывалось за этот закон. Что касается назначения генерала Розанова, то он был впервые в этом заседании, и о деятельности генерала Розанова он знал только отрицательно. Он знал, что генерал Розанов вел борьбу против министерства труда, которое позволяет себе протестовать против тех насилий, которые совершал генерал Розанов над рабочими Енисейской губернии. И он говорил вам, что он голосовал против назначения Розанова.

Перейду теперь к подсудимому Ларионову. Я не буду характеризовать его прошлой деятельности. Я не буду останавливаться на причинах, которые побудили его вступить и сделали для него возможным быть в составе правительства. Вы уже достаточно ознакомились с этими причинами. Ларионову так же, как и другим, вменяется [в вину] принятие закона о смертной казни и всех постановлений Совета министров. Но это подтверждается голыми журнальными постановлениями, которые не отражают, как это в действительности установлено, всего того, что происходило в заседаниях Совета министров. Не установлено, чтобы именно Ларионов голосовал за эти законы о смертной казни и чтобы его голосом эти законы проходили. Но, с другой стороны, мы видели, что те же самые министры принимали всяческие меры к тому, чтобы бороться с тем произволом и насилием, которые производились над железнодорожными рабочими. Он принимал меры к тому, чтобы обеспечить нужду рабочих, удовлетворить их материальные требования.

Здесь перед вами был оглашен целый ряд протоколов заседаний Совета министров, которые утверждают о том, что именно по докладам министерства путей сообщения отпускались средства для удовлетворения нужд рабочих. Ему вменяется в вину эвакуация. Ему вменяется в вину разрушение транспорта. Но я думаю, что здесь в достаточной мере выяснена та власть, которая в действительности являлась хозяином положения на этой территории. В достаточной мере выяснилась власть военщины, против которой гражданская власть была бессильна. Я думаю, что указания Ларионова на хозяйничанье этой военщины, на то, что никакое вмешательство в распоряжение военщины не помогало, это указание заслуживает полного доверия. Законами о военном положении, о полевом управлении вполне устанавливается, что распоряжение железными дорогами в прифронтовой полосе принадлежит не гражданской власти министерства путей сообщения, а всецело находится в распоряжении военных властей. И разрушение железнодорожного транспорта не может быть отнесено на счет Ларионова, а должно быть отнесено на счет тех виновников, которые в действительности это совершили.

Ларионов, который работал в качестве технического руководителя в ведомстве, в последнюю минуту своего пребывания в правительстве [занимался] и политической деятельностью. Он был членом так называемой политической «тройки», которая образовалась в Иркутске в последние дни существования колчаковского правительства. Но каковы были условия, при которых образовалась эта «тройка»? Каковы были задачи этой «тройки»?

Перед вами в достаточной степени было охарактеризовано это положение. Вы видели, что по существу гражданская власть в Иркутске была лишена какой-либо власти и какой-либо силы. Вся власть принадлежала военщине, генералу Сычеву, затем власть перешла к генералу Семенову и его ставленнику ген[ералу] Скипетрову. Власть этой «тройки» была властью беспомощной, была властью, которая может не приказывать, а просить. Эта политическая «тройка» занималась тем, что она просила, умоляла, упрашивала военную власть не совершать тех злодеяний, которые они совершали. Вы видели, что совершала военщина при аналогичных условиях. Перед вами прошли кошмарные ужасы омских дней 22 декабря [1918 г.]. Перед вами прошли все ужасы колчаковского властвования и властвования военщины. Но справедливость требует установить, что за время пребывания политической «тройки» в Иркутске никаких ужасов там не произошло.

Мне приходится остановиться на событии, имевшем место на Байкале,— убийстве 31 арестованного. Мне думается, что в достаточной степени установлена полная непричастность Ларионова, как и непричастность Червен-Водали, к этому убийству. Здесь по показаниям свидетелей, заподозрить которых нельзя, установлено, что когда Ларионов и Червен-Водали узнали о том, что арестованных требует Семенов, то они принимали все зависящие от них меры к тому, чтобы воспрепятствовать передаче этих арестованных Семенову. И под их влиянием эта отправка несколько раз приостанавливалась. Только тогда, когда, вынужденный необходимостью переговоров с [Иркутским] Политическим центром уехать на другую сторону реки Ангары, Червен-Водали уехал, в это время без него, воровским образом, эта шайка генерала Скипетрова увезла арестованных.

И вот когда они узнали об этом, они все же попытались сделать попытку, чтобы освободить арестованных. Ларионов делает распоряжение вернуть арестованных. А когда это не помогает, он дает телефонограмму, чтобы их передали иностранному командованию, где они могли быть спасены. Не в его силах было воздействовать на банды Семенова, и... они погибли. Но справедливость требует, чтобы смерть этих 31 арестованных не была записана на счет Ларионова.

Здесь указывалось, что Ларионов затягивал переговоры с [Иркутским] Политическим центром и этим стремился приблизить момент появления банд Семенова. Но перед вами излагались обстоятельства переговоров. И я думаю, что в затягивании переговоров он также не мог быть обвиняем.

Я перехожу к следующему обвиняемому — Червен-Водали. Червен-Водали вступил в состав правительства лишь в последние дни его существования и поэтому к предыдущей деятельности правительства не имел отношения и не может нести ответственность за эту деятельность. Что касается его деятельности в Иркутске, то все, что я сказал относительно деятельности Ларионова, относится также и к деятельности Червен-Водали. Так же, как и Ларионов, Червен-Водали не желал смерти 31 арестованного. Как и Ларионов, он не затягивал переговоров. Так же, как и Ларионов, он противился всем жестокостям, которые военные власти желали совершить в Иркутске. Он принимал меры, чтобы войти в соглашение с городскими и земскими самоуправлениями, с демократическими элементами. И мне кажется, что за эти последние минуты своей деятельности Червен-Водали не может быть обвинен.

Зачем же, спрашивается, он вступил в состав правительства? Вы слышали лиц, которые здесь выступали, вы слышали, что Червен-Водали был оппозицией в этом правительстве и требовал изменения всего курса. И в последний момент, когда очевидное падение [колчаковского] правительства грозило населению

жестокими расправами военщины, в этот последний момент, может быть благодаря тому, что Червен-Водали был в правительстве, Иркутск избег тех ужасов, которые могли повториться там при обстановке, аналогичной обстановке, какая была в Омске 22 декабря [1918 г.].

Червен-Водали обвиняется в том, что он состоит членом «Национального центра». Червен-Водали заявил здесь перед вами, члены революционного трибунала, что он не принимал участие в вооруженных подготовлениях против советской власти, которые производились «Национальным центром». Правда, имеется документ, который указывает на всю ту кошмарную картину, которая должна была появиться в результате того переворота, который замышлял «Национальный центр». Но Червен-Водали с категоричностью заявляет, что этот документ к нему отношения не имеет. Трудно, конечно, доказать здесь, что документ, который здесь был оглашен, не принадлежит Червен-Водали. Но мне кажется, что если бы Червен-Водали знал содержание этого документа, то, без сомнения, он не добивался бы отыскания его и оглашения здесь перед вами. И в этом вы, быть может, найдете подтверждение того, что этот документ принадлежит не ему, а, может быть, Пепеляеву, папка с бумагами которого была вместе с бумагами Червен-Водали.

Я перейду к следующему и последнему из моих подзащитных — обвиняемому Клафтону. Этому обвиняемому вменяется в вину пропаганда и клеветническая деятельность. Он сам ответил на это предъявленное ему обвинение. Я не буду этого касаться. Я хочу коснуться только одного обвинения — самого страшного, которое может быть сделано подсудимому Клафтону. Это обвинение его в стремлении к реставрации, к воссозданию монархического строя. И вот я думаю, что это обвинение несомненно должно здесь отпасть. Прошлая деятельность Клафтона, как подтверждается стенограммой его речи, которую я вам предъявлял, категорически указывает, что Клафтон был против реставрации, против самих попыток возвращения к старому монархическому строю. Он говорит в своей речи, что возврата к старому быть не может. Что власть может быть образована только на демократических началах. И мне думается, что Клафтону нельзя приписать то, о чем говорится в обвинительном заключении. Там говорится, что он, как председатель [президиума] Восточного отдела [ЦК] партии к[онституционных] д[емократов], играл руководящую роль. Эту руководящую роль играл не Клафтон. Она принадлежала Жардецкому, главе Омской организации партии к[онституционных] д[емократов]. И в деле имеются документы, где имеется протест [президиума] Восточного отдела [ЦК] партии к[онституционных] д[емократов] против насилий и зверств, которые были совершены в Омске 22 декабря [1918 г.].

Я кончаю, граждане члены революционного трибунала, свое слово. Слово по необходимости краткое. Слово, может быть, чрезвычайно слабое в этом большом деле, историческом деле, которое здесь перед вами предстало. Здесь перед вами стоит процесс о членах самозваного и мятежного правительства Колчака и его вдохновителях. Перед вами прошла целая цепь обстоятельств, которые с неоспоримостью свидетельствуют, что обвиняемые не играли руководящей роли в этом правительстве. И если можно говорить об этих лицах как о членах правительства Колчака, то разве лишь в том смысле, в каком эти лица напоминают нам о существовании колчаковского правительства с его кошмарными преступлениями и насилиями.

Было бы, однако, глубоко несправедливо все злодеяния, все ужасы, которые совершены колчаковским правительством, отнести не на счет Михайлова, не на

счет Тельберга, Жардецкого, атаманщины, не на счет тех, которые в действительности были руководителями этого правительства, а на счет сидящих здесь на скамье подсудимых.

Главных виновников здесь нет. Некоторые из них — Колчак и Пепеляев — не дождались суда. Других не удалось еще посадить на скамью подсудимых. Но пусть же из-за этой слепой игры случая отвечающие здесь за колчаковское время, протестовавшие против беззаконий и насилий, но вполне безвластные не отвечали за тех властных, а потому виновных, которым удалось ускользнуть из грозных рук восставшего революционного народа.

Председатель. Объявляю перерыв до завтра, в 5 часов.

Глава одиннадцатая

ЗАСЕДАНИЕ ДЕСЯТОЕ

Десятое заседание, 29 мая [1920 г.]

Председатель т[ов.] Павлуновский. Заседание трибунала продолжается.

Айзин. Граждане члены трибунала, когда я слушал слова обвинителя, что в настоящем процессе он преследует две цели: политическое умерщвление колчаковщины и обвинение тех, кто сидит на скамье подсудимых,— я невольно вспоминаю тот квазипроцесс, который устроил Колчак над посадившими его на трон. Я припоминаю слова Колчака [о том], что он устроил этот процесс не для того, чтобы наказать Катанаева и Красильникова, но чтобы перед всем миром показать полную невиновность, полную справедливость, полную нравственность восхождения его на трон.

Я сделал это сравнение не для того, чтобы отождествить этот процесс с тем. А я невольно подумал, что и в этом процессе, несомненно, главная роль и внимание обвинителя сосредоточены не на обвиняемых, а на внутреннем устройстве того, что было в Сибири в эти полтора года. Я подумал и испугался, что характер этого внутреннего порядка будет приписан этим подсудимым.

Павлуновский. Во-первых, обвинитель свою речь строил не на том, а на свержении советской власти и на стремлении к восстанию, содействующему порабощению и закабалению рабочей массы. Таким образом, обвинитель строил процесс [обвинения] не за внутреннее устройство власти и их взаимоотношения, а за определенный факт[1], основной [из которых] — свержение советской власти и восстановление диктатуры [помещиков и буржуазии].

Айзин. Я не приписываю [такую позицию] обвинителю, а говорю это сам. И вы разрешите мне защищать так, как мне подсказывает совесть. Я боюсь, что весь хаос, вся беспорядочность, которые существовали в Сибири, будут приписаны тем, кто сидит на скамье подсудимых. А между тем из всего процесса ясно, что истинные главари этого правительства здесь, на скамье подсудимых, не сидят. Да и точно ли, [что] это правительство, о котором говорится, было руководителем и виновником бесчинств, которые на территории Сибири были чрезмерны.

Правда, по бумагам это [было] не то что Сибирское, но даже впоследствии [и] Всероссийское правительство. Но это по бумагам. Это говорит о намерении. А как эти намерения осуществлялись? А мы видели, что против Устава ревизии обвинитель сам возражал, так как это [было] только намерение. А не расходилась ли действительность с тем, что здесь, в Сибирском правительстве[2], облеченном полнотой власти, не было никакой власти у лиц, которые объединялись именем правительства?

Здесь совершенно самочинно действовали иностранные отряды: чешские, польские, итальянские, которые действовали здесь еще до установления какой-нибудь особой власти. Для нас совершенно несомненно, что военные власти и тер-

ритория, которая входила в театр военных действий (а это было от левого берега Иртыша на запад), не входили в ведение и распоряжение Совета министров. Несомненно, что целый район к востоку от Иртыша, объявляя восстание против [врагов] трудового народа, изымался от ведения правительства и Совета министров. И все, что делалось там, делалось помимо распоряжений, указаний или руководства со стороны Совета министров.

Чем был и что представлял [собой] Совет министров? В чем можно его представить ответственным? Кто [был] его главный руководитель? Имена [И. А.] Михайлова, Гинса, Старынкевича, [В. Н.] Пепеляева, Вологодского повторялись неоднократно. Имена его идейных вдохновителей — Жардецкого, Ваньковского[3], Лопухина — [также] повторялись неоднократно. И все, что было особенно возмутительного, приписывалось, несомненно, им и было сделано ими непосредственно. Даже больше. Я с уверенностью могу сказать, что гнусная деятельность так называемого свидетеля Деминова, как она происходила, известна ли она была Совету министров?

Из вопросов, которые были заданы обвинителем, и ответов [на них] я выяснил, что на печать были отпущены суммы до 100 миллионов рублей и существовало особое совещание по делам печати в составе [И. А.] Михайлова, Бутова, военного министра [и] Сукина. Но тех, кто сидит на скамье подсудимых, [среди них] не было. Чем же это совещание занималось? Оказывается, оно тратило [деньги] не на печать, а на гнусную деятельность Деминова. Когда Деминову задали вопрос: а ваша деятельность была известна другим членам [Совета министров], он ответил, что, конечно, его деятельность была конспиративной.

Из этих простых примеров видно, что в той деятельности, которая может быть отнесена к деятельности, позорящей человеческое достоинство и благородство, эти подсудимые никакого участия не принимали. Да, собственно, и обвинитель не утверждает, что здесь сидят главные деятели [контрреволюции]. Обвинитель требует жестокой кары по отношению к тем, кто сидит за моей спиной, не потому, что это главные руководители, а потому, что это соучастники той гнусной шайки, которая свергла власть советов.

Так ли это? Действительно ли это члены гнусной шайки? Или что-нибудь другое? Для того, чтобы вспомнить, как произошло свержение советской власти, [скажу] для всех присутствующих здесь. Ясно, что власть советская пала [в Омске] 7 июня [1918 г.] в результате столкновения и даже сражения [красных войск] с чехословаками[4]. Представители советской власти поспешили из Сибири уехать. И здесь оказалась огромная территория, которая была завоевана так называемыми чехословаками и где не было никакой власти. И вот тогда власть, какая-то русская власть, должна была здесь существовать.

Представитель обвинения рисует [дело] таким образом, что эта власть, власть советов, была свергнута шайкой, в которой участвовали, с одной стороны, расправлявшийся с четвертью водки [в руках] Сипайлов, с другой стороны, в качестве фигового листка — член [Всероссийского] Учредительного собрания Дербер. Вот такого рода шайка была в Сибири. Это были люди, политически помогавшие успеху на так называемом внутреннем фронте. Эта шайка выступала впереди той или другой части своего организма или [в качестве] фигового листка Сипайлова. Несомненно, что то правительство, которое здесь существовало после свержения советов, не свергло власти советов. Оно не могло участвовать в этом, ибо если бы оно участвовало в этом, то как было бы возможно отпускать 300 000 [рублей] на расходы посторонних лиц по свержению советской власти? Отсюда с логиче-

ской ясностью следует, что не эта шайка, так называемая, обвиняемых свергла эту власть. Я себе представляю [дело] иначе.

Власть [советов] была свергнута чехословаками[5]. А когда территория была очищена [от большевиков], к власти кинулись эсеры, люди правых убеждений, к[онституционные] д[емократы], люди самых разнообразных убеждений с целью захвата власти. И [эти люди] осуществляли те политические идеалы, к которым они всегда по своим политическим убеждениям стремились.

Как можно говорить о шайке, о соединении, существующем между ними, [например, между] Павлом Михайловым, Линдбергом [с одной стороны] и Сипайловым — с другой, который под звон стакана о бутыль спускал людей под винт? Как можно говорить о комплоте между Сипайловым и Червен-Водали, когда было установлено, что Червен-Водали требовал неприкосновенности этих арестованных, а Сипайлов — чтобы и Червен-Водали был также спущен под винт? Какой может быть комплот между Сипайловым[6] и Новоселовым, когда Сипайлов заявляет, что на Новоселова нужно через подходящих людей подействовать? Разве так можно ставить обвинение? Почему же [тогда] гражданин Дербер, который участвовал в качестве фигового листка [контрреволюции], почему он не сидит [на скамье подсудимых]? Почему Патушинский, [бывший] министр внутренних дел [Временного Сибирского правительства], почему он не сидит?

Если некоторые играли роль по своим специальностям, а другие роль кашеваров, почему машинист, который ремонтировал паровоз, почему он не сидит? Тысячи служащих, которые участвовали в этих перевозках? Надо всех посадить. Все это шайка! Обвинитель, для того чтобы поддержать такое поистине, я считаю, нелогично построенное обвинение, заявляет: «Позвольте, они издавали приказы о большевистском бунте, что большевики должны содержаться за преступный комплот, за свержение власти». Я скажу, что это совершенно нелепое постановление[7]. И если мой враг или неприятель делает глупое постановление, неужели я на этом должен строить свое логическое построение?

Я скажу, что все это — олицетворение плохого государственного порядка: глупого, немыслимого. Но нельзя [предъявлять обвинение] каждому [государственному служащему], потому что иначе последний писец должен отвечать за то, что Розанов разорял ни в чем неповинных крестьян. В действительности именно так и было, как утверждал я, и по многим причинам, по мотивам, которые диктовались иностранными капиталистами.

Я считаю, что обвинением были раскрыты попытки реставрации, которые здесь осуществлялись. По каким причинам, не буду говорить. Но несомненно, что свержение [советской] власти произвели чехи. И с самого начала здесь были две общественно-политические силы, обладавшие не только головой, но и силой оружия. С одной стороны, заброшенные судьбою иностранцы, оказавшиеся в Сибири после международной войны, и создавшиеся из отбросов общества атаманские шайки, с другой стороны. Все время в Сибири был не единый комплот. В этом Совете министров была борьба. И борьба была с ним. И участвовали в ней силы, которые участвовали в правительстве. Это можно подтвердить целым рядом доказательств, актов и фактов, которые прошли перед судом. Вспомните сибирские[8] события — восстание Гайды и Якушева [в ноябре 1919 г.].

Все это с несомненностью подтверждает мою основную мысль, что в Сибири было оставлено бесхозяйственное имущество — власть. И к этому имуществу тянулись разные руки. Между ними все время шла борьба. Была борьба и в Совете министров. Вспомните о том, как говорил гражданин Преображенский, какая

борьба была с [Омским] военно-промышленным комитетом. Если [бы] была шайка руководителей военно-промышленного комитета, то каким образом только одним голосом решался вопрос о недопущении, немедленном отстранении и предании суду всех деятелей военно-промышленного комитета?

Раз так, то, я думаю, не может быть речи о вменении в ответственность моим подзащитным и всем здесь сидящим того, что было совершено здесь этими действительно существовавшими реальными силами: чешскими войсками, поляками и другими различными атаманскими шайками. Все было это совершено помимо Совета министров.

А [разве] то, что было совершено Советом министров, это должно быть вменено всем здесь присутствующим? Я категорически утверждаю, что нет и нет. [И] вот почему. На чем это обвинение строит гражданин обвинитель? А на том, что те или другие лица в заседании, где принято было то или другое постановление, присутствовали или подписали постановление. Ну а действительно [ли] это означает, что они поддерживали или соглашались? Или, может, они боролись [против]?

Возьмем любое постановление. Возьмем самое характерное — заседание 18 ноября [1918 г.]. За своих обвиняемых я могу сказать — это, несомненно, верно, [что] у обвинителя память прекрасная: 27 [человек на заседании] присутствовали, 17 подписали [протокол заседания]. И так как это был важный вопрос, [то] в протокол занесено, кто голосовал. Оказывается, 13 голосов подано «за» [избрание Колчака Верховным правителем] и один — «против», а остальные в голосовании не участвовали[9]. Между тем, когда говорится об избрании Колчака [Верховным правителем], указывают, что присутствовали Новомбергский и Молодых. Какое преступление, что они присутствуют, скажите, пожалуйста? Да мы все в Омске присутствовали! Что же, всех за это надо судить, что ли? Вот вам пример. Может быть, подписание протокола означает, что они были согласны? Вовсе нет.

То постановление, где обсуждался вопрос о ревизии [Омского] вопрома[10], было принято большинством против одного голоса[11]. Это не заносилось в протокол. Если бы обвинитель хотел доказать вину каждого отдельного человека — а он должен был [это] доказать, потому что шайки здесь не было,— он должен был основываться на стенограммах [заседаний]. Они имеются. Они должны быть в делах Совета [министров]. Он должен был их привести и представить обвинению.

Путем предположения, особенно если имеется богатая фантазия, можно дойти до… Бог мой, позволю себе напомнить допрос свидетельницы Новоселовой. А не потому ли Вам было выдано пособие, [спрашивал обвинитель,] что люди, которые виновны в убийстве Вашего мужа, не хотели с Вами часто встречаться? К счастью, Новоселова была здесь и сказала, что она сама просила пособие. Но представьте на минуту, чтобы ее не было, и это предположение не было [бы] поколеблено.

А предположение об оценке голов убитых, когда чудовищное обвинение было предъявлено Морозову, что не потому ли им выдано [по] 100 рублей за убийство большевиков? К счастью, присутствующие установили, что эти деньги [выданы] за отобранные казенные суммы и предложение вносилось министром финансов. Но все же обвинитель не согласен. Он говорит: «Позвольте, министр земледелия Петров делал заявление, что нельзя расселять большевиков[12]. Может быть, и представление министра финансов было оценкой голов?» Но представитель тюрьмы заявляет счет за порчу имущества, а не за убитые головы — и обязательно большевиков. Хотя там была тюрьма каторжная. Поэтому так строить предположения нельзя. И поэтому я буду опровергать с большей и[ли] меньшей уверенностью

утверждения гражданина обвинителя, ибо иначе в настоящем процессе защищать нельзя. Да и обвинять так нельзя.

Я защищаю девять человек: Морозова, Молодых, Степаненко, Цеслинского, Дмитриева, Жуковского, Писарева, Хроновского и Новомбергского.

Будем говорить о Морозове. В обвинительном акте ему почему-то уделено много внимания обвинителем. Но здесь надо сказать, [что,] к счастью, сам гражданин обвинитель признал, что некоторые объяснения Морозова заслуживают серьезного внимания. Будем перечислять по порядку пункты обвинения.

Ему вменяется, что он послал со шпионской целью некоего Шишкина в советскую Россию и для этого дал ему 29 000 р[ублей]. Но, оказывается, как было установлено, что послал не он, а послал Патушинский, чтобы пригласить людей для занятия должностей [в государственном аппарате]. Гражданин обвинитель улыбается. Но я, по совести, никакого шпионства здесь не усматриваю. Может быть, у меня какой-нибудь недостаток умственного строения. Но убейте меня, а шпионства я здесь не вижу.

Гражданин обвинитель говорит, что он монархист несомненный: у него в списке написано о бронзовой медали в память 300-летия Дома Романовых, и даже [слово] «Высочайше» — большими буквами. Но оказывается, что это писал не сам Морозов, а какой-то Белобородов. И в царский период это писалось. Неужели это характеризует его как монархиста? Каждый полицейский, каждый волостной писарь у нас, в Акмолинской области, имел эту медаль. И неужели Морозов так скудоумен, чтобы мог этим гордиться? А в серьезном обвинительном акте это представлено как стремление к реставрации.

Еще — интерес к семье Романовых. Но вспомните, что незадолго до падения советской власти исчезла и была убита семья Романовых. Это было, когда город Екатеринбург и его окрестности находились в ведении советской власти. И я не сомневаюсь, что министр юстиции советской России также затребовал сведения, при каких обстоятельствах это произошло. И не мог не затребовать, потому что при советской власти люди исчезают не иначе, как по судебным приговорам. А без судебных приговоров, насколько мне известно, это не совершается[13]. Что особенного, что на это ассигнуется 13 000 р[ублей]?

Вот дальше — серьезное обвинение. Смертная казнь была принята 14 сентября [1918 г.]. Точно ли, [что] впервые она была проведена 14 сентября? А что означало постановление [Временного] Сибирского правительства, где говорится, что за такие-то преступления наказания увеличиваются на одну степень? Об этом допрашивался гражданин Патушинский. Но если [присуждена] бессрочная каторга, как можно ее увеличить [еще] на одну степень?

Но 14 сентября смертная казнь [была] введена определенно. Почему это вменяется в вину Морозову? Потому, что он возражал против этого?! Он даже указывал, что это в нашу компетенцию не входит. Обвинитель возражает [и утверждает], что это может быть отнесено к нему также, как и вина в устранении Шатилова и Крутовского.

Вот еще, подумайте, какое ужасное преступление! Человек внес в Совет министров [предложение], что дела, которые передаются в военно-фронтовые [суды], могут быть затребованы в тех случаях, когда дела еще не поступили в судебные места. Это толкуется так: будто Морозов разрешил все дела из гражданской подсудности передать в военную. Но здесь с несомненностью для трибунала выяснилось, что это [было] сделано с целью не расширить, а сузить их компетенцию.

Если кто-нибудь сумел 5–10–25 человек спасти от этих прифронтовых судов, то [его] надо не наказывать за это, а благодарить.

Еще, между прочим, в обвинительном акте есть утверждение, что вот какой он[, Морозов,] жестокий человек. Что-то ужасное? [Оказывается,] он вносил законопроект, что надо пересылать арестованных в кандалах. Но я просил бы разрешить указать на порядок пересылки лиц в связи с большевистским переворотом[14]. Из сопоставления этого постановления с тем, что говорится о кандалах, ясно, что по отношению к арестованным представителям большевистской власти эти кандалы никакого отношения не имеют.

Дальше. Морозова обвиняют [в том], что он присутствовал, когда принимался целый ряд постановлений, которые с нашей точки зрения являются незаконными, неправильными и т. д. Но как мы можем ставить в вину человеку, что он при этом присутствовал? Я повторяю, что мы все присутствовали при том, что делали розановы, красильниковы. Что же Морозов должен был сделать? Я себе представляю [это дело так]: ну, сидит Морозов; представьте себе, что он возражает; большинство все-таки за это. Что же он должен сделать? Он должен идти на улицу, сорганизовать комплот, чтобы свергнуть правительство? Но это значит требовать [от него] геройство. Этого можно требовать от всех. Но этого мы не можем [требовать]. И обвинять мы не можем за то, что он не шел, как рабочие железнодорожных мастерских 22 декабря [1918 г.], на восстание. Он ограничивал компетенцию полевых судов, учреждал следственные комиссии. Конечно, они не спасли Сибирь. Они сделали очень мало. Они шли постепенно, но энергично за власть.

Вот еще здесь, в связи с Морозовым, я коснусь так называемых сентябрьских событий [1918 г.] — убийства Новоселова и участия Морозова и других членов Административного совета [Временного Сибирского правительства] в этом деле. Я думаю, что ни Морозов, ни другие члены [Административного совета] к этому преступлению отношения не имеют. Ибо если бы Морозов имел отношение к этому делу, то стал ли бы Морозов, когда [генерал] Матковский сказал, что своими силами он не может арестовать, требовать у [генерала] Иванова-Ринова ареста [полковника] Волкова, и Волков был арестован.

Здесь есть еще некрасивый момент, очерченный с такой ясностью. Это подлог. Будто в заседании, где принималась отставка Крутовского и Шатилова, присутствовали [сами же] Крутовский и Шатилов. Но если бы Морозов и другие об этом знали, то они говорили бы об этом в чрезвычайной следственной комиссии Аргунова. А между тем они о присутствии Крутовского и Шатилова не знали. А если бы знали, то не было бы на их лицах такого удивления, когда это им здесь показали.

Но многие из нас неоднократно подписывали протоколы, особенно заголовки, совершенно [их] не читая, проглядывая только постановление. И этим можно объяснить подпись Морозова и других членов Административного совета под протоколами. Виновниками этого подлога являются [И. А.] Михайлов, Гинс, которые инспирировали из Владивостока по прямому проводу. Тот Михайлов, который спекулировал постановлениями, которые нигде не записывались, и заведующий делами печати[15] г. Бутов. Вот кто совершил этот подлог.

Я перехожу к Молодых. Обвинение ему ставит в вину, что он перешел через фронт. Но он был областником. Ну, так по совести: областник, сибиряк, оторванный, без связи с Сибирью. Что ему делать? Он не перебирается в другую сторону. Он перебирается в ту же самую сторону. И я думаю, обвинение это признает.

У него целый ряд записей телефонов. Он и у Ленина был, и у других [советских] деятелей. Он и у [сотрудников] английской [дипломатической] миссии был. И я думаю, что это только в шутку можно поставить ему в вину. Я вижу, что обвинитель улыбается. Он, очевидно, согласен со мной.

Что же обвиняемый должен был сделать? Он организовал советское хозяйство, изготовлял сельскохозяйственные орудия. Здесь, ввиду его знакомства с хозяйственной жизнью, его назначают товарищем министра [снабжения]. Он начинает вести борьбу против [Омского] вопрома и участников комплота, в котором главную роль играет вопром. Начинает борьбу против вопрома. Тогда его уничтожают: оставляют за штатом, а потом в 24 часа высылают из Омска. Это участник шайки, поставивший себе преступную задачу?

Потом в обвинительном акте указывается, что он в том заседании присутствовал, в этом присутствовал. Он присутствовал в заседании, где выбирали Колчака. Но я себе представляю, что [случилось], если бы он закричал там: «Я против, я против этого!» Что бы из этого вышло? Какая вина [в том], что он там присутствовал?

Дальше идет Новомбергский — знаток туземного быта в Сибири, знаток инородцев, член Сибирской ...[16]. Он был приглашен Шатиловым в Омск для образования под его председательством ученого комитета по делам инородцев в Томске[17]. Затем его перевели сюда. Это министерство было уничтожено и влито в министерство внутренних дел, которое ведало также туземными делами. Присутствовал он [на заседаниях Совета министров] чрезвычайно редко, в голосовании не участвовал, а только сидел при избрании Колчака. Это ему ставится в вину. Но это пустяк.

А вот никем не подписанная заметка в газете «Сибирская жизнь» о том, что он произнес речь, что ему давали указания, что он был добровольцем и т. д. Конечно, смешно в [судебном] процессе о Всероссийском правительстве говорить о таком пустяке, что он был добровольцем. Ибо я скажу[, что], когда мой товарищ по защите просил предоставить статью из одной газеты в качестве доказательства, гражданин обвинитель сказал: я возражаю. Но и я возражаю. Это неизвестно от кого исходящее сведение. Это не фельетон даже, а заметка безграмотного хроникера. И на них основывать обвинения в таком серьезном процессе нельзя.

Дальше идет Степаненко. Степаненко — известный железнодорожник и видный транспортник. Что ему вменяется в вину? Опять это бесконечное присутствие в заседаниях Совета министров. Не доказывается, голосовал ли он. Докажите, тогда мы будем возражать. Но видных деятелей Совета министров здесь нет. А они руководили политикой Совета министров.

А что ему непосредственно вменяется в вину? Только то, что он в качестве [товарища] министра путей сообщения сорганизовал комиссию о рабочих и служащих на предмет увольнения, перемещения и т. д. Но предположим, что был такой приказ, чтобы они организовали эту комиссию о рабочих и служ[ащих]; даже увольняли [их] по этому приказу. Неужели это такое страшное преступление? Неужели за это [можно] требовать, чтобы человек был обязательно изолирован на многие годы? Человек, который гораздо больше принес бы пользы советскому правительству как таковому, если бы был на свободе. Человек, который создал мастерские во Владивостоке, железнодорожные предприятия на юге России и т. д.

Еще ему ставится в вину также [то, что] он от управления жел[езных] дор[ог] устранил профессиональные союзы. Теперь, конечно, нет спора, что это вопрос технический. И, насколько мне известно (может быть, я слабо это знаю, товарищ

Гойхбарг опровергнет — он опять улыбается), профсоюзы и профессиональные организации теперь устранены от непосредственного управления [и в советской России].

Павлуновский. Я прошу, чтобы Ваша речь не носила опереточного характера.

Айзин. Но я невольно смущаюсь этими улыбками, которые все время по моему адресу бросаются [государственным обвинителем]. Я думаю, что теперь несомненно, что вопрос об участии служащих в управлении предприятия[ми] есть вопрос исключительно технический. И, может быть, Степаненко в этом отношении проводил политику советской власти.

Здесь еще упоминалось, что Степаненко в феврале [19]19 г. предложил Козыреву, когда ему сказали, что железнодорожники угрожают забастовкой, принять меры. Может быть, при воображении можно подумать, что сказано было принять меры к убийству всех железнодорожников. Но необходимо толковать это в его пользу. Если бы он имел в виду убийство всех железнодорожников, он должен был писать не так, как если бы, получив телеграмму, они должны были поднять вопрос об увеличении вознаграждения и т. д.

Далее идет товарищ министра Цеслинский. В товарищи министра он попал, произведенный в этот чин гражданином обвинителем, на основании письма жены [о том], что мой муж получил место товарища министра. Но жены чиновников всегда повышают [в должности] своих мужей. На самом деле он не товарищ министра, а директор [департамента] почт и телеграфа. Что ему вменяется [в вину]? То, что он рассылал телеграммы, что почтово-телеграфный союз может существовать только с разрешения начальства. Допустим, что он это написал. Тогда, если вы хотите правильно ставить обвинение, посадите и машинистку, которая печатала обвинение, и столоначальника и т. д.

Инициатива [в этом вопросе] принадлежала не Цеслинскому. В деле имеется циркуляр, написанный самим Пепеляевым. Цеслинский даже пошел к Шумиловскому и заявил, что Пепеляев предъявляет незаконные требования. Этот инцидент был улажен. Я сошлюсь еще на ту записку, которая имеется от почтово-телеграфных служащих, где указывается, что Цеслинский — человек бездарный, что действия, которые он делал, это мелкие, ничтожные факты. И более серьезного ничего против Цеслинского в этом обвинительном акте со стороны служащих не предъявляется.

Да, ему еще ставится в вину, что [в 1917 г.] он задержал телеграмму совместно с Пильцем о свержении царя в России. Но выясняется, что [осенью 1918 г.] он был на эту должность рекомендован Кругликовым, членом исполнительного комитета в Иркутске. И если бы не был реабилитирован в глазах Кругликова, [то] он не участвовал [бы] в правительстве, где был Кругликов.

Дальше идет Дмитриев. Если остальным вменяется в вину, что они присутствовали на заседаниях [Совета министров], то о Дмитриеве даже этого не сказано. Он — старый продовольственник. Он случайно сюда (в правительство.— *В. Ш.*) попал и поехал на ревизию в Семипалатинск. Там была Монгольская экспедиция. Во главе состоял Горбунов, у которого был найден целый ряд злоупотреблений. Эта Монгольская экспедиция носила большевистский характер. Согласно распоряжения, которое было сделано комиссией Дмитриева, Горбунов был отстранен. Затем он сдал отчет. Дмитриев уехал в Иркутск, и делу конец.

Дальше оказывается, что на несчастье Дмитриева приехал туда Анненков. Было ли так, что Анненков дал приказ, или кто-нибудь из красноармейцев шепнул Анненкову, но Горбунов был арестован и анненковским отрядом убит. Это-то об-

стоятельство, что Горбунов неизвестно по какой причине был убит, и ставится в вину Дмитриеву, который отстранил его от должности. Это напоминает [ситуацию], что если кто-нибудь ехал на автомобиле, а мальчик на лошади, [и] лошадь понесла [вскачь]. Это причинная связь совершенно случайных явлений, нечаянно совершенных, ставится в связь[18]. Я думаю, что Дмитриеву этого обвинения трибунал не предъявит. И поэтому я настойчиво ходатайствую об оправдании Дмитриева.

Здесь перед вами была сестра Горбунова, которая пришла сюда заявить, что Дмитриев никакого отношения, никакой причинной связи с убийством Горбунова не имел.

Дальше идет Жуковский — фигура, которая в процессе, столь важном для государства и историческом, носила скорее комический характер, чем серьезный, потому что единственное, что ему можно было поставить в вину,— это его стихи, которые он писал, когда ехал из Омска в Иркутск. Писал там он о царе. Если бы он пытался распространить эти стихи, передать печати, можно было бы сказать, что он виновен в том, что он агитирует за царизм. А в том, что плохие стихи, я не хочу его обижать. Может быть, он считает свои стихи хорошими. Перу и бумаге доверяет свои стихотворения. Может быть, он мечтает о монархии? От этого какая убыль и опасность советской власти?

А кроме того что имеется против Жуковского? А в том [обвиняют], что в министерстве иностранных дел играл чисто канцелярскую роль. Он был консулом и заведующим консульским отделом, а в остальном заведовал хозяйственной частью. И служащие рекомендуют его с самой лучшей стороны. Говорят, что он принимал участие в политических переговорах или приглашении иностранцев? Нет, он был послан в поезд Верховного правителя, чтобы отправлять, зашифровывать и расшифровать телеграммы Сукина. И когда он попробовал переслать от Колчака телеграмму непосредственно, [то] Сукин ему пишет, что все телеграммы должны идти непосредственно через меня, а вашим или непосредственно от Колчака [телеграммам] никакого значения придано не будет[19].

В заседаниях Совета министров он также не присутствовал. Почему ему можно поставить что-нибудь в вину в данном деле? Только как каждому служащему так называемого [Временного] Сибирского или Всероссийского правительства, членам которого служили так же, как [и он,] десятки и сотни людей.

Дальше идет Хроновский. Человек, который трибуналом был оставлен на свободе под поручительство ввиду чрезвычайной незначительности уличающих [его] обстоятельств. В заседаниях [Совета министров] совершенно не присутствовал. Занимался как специалист по податному управлению. Но если он страшен, опасен советской власти, то его тоже нужно изолировать. Но, по совести, я этой опасности не вижу.

Дальше идет Писарев. Как вытекает из «Положения о [главном управлении по делам] вероисповеданий», он не мог участвовать в заседаниях Совета министров. Управляющий министерством[20] Прокошев участвовал только по своим вопросам. По остальным вопросам не участвовал и не мог подавать голоса за постановления Совета министров. Но хотя ему присутствовать было нельзя, присутствие также вменяется ему в вину обвинительным актом.

О Писареве много говорить не приходится. Я думаю, что трибунал достаточно оценил коммуниста индустриально-позитивного направления. Он много перенес в семейной жизни и много повредил себе. И я ходатайствую о прекращении дела по статье 14, так как он находится в состоянии невменяемости.

Когда гражданин обвинитель кончал свою речь о наказании, то — правда, неизвестно, по отношению к кому — им были сказаны страшные слова, что некоторых надо изолировать, что к другим должны быть применены более строгие [меры] наказания, потому что есть сведения, что они не порвали связи с внешним миром и могут продолжать преступную работу, в которой они обвиняются.

К сожалению, имена не названы. Но я позволю себе назвать [предполагаемые] имена. Если обвинитель говорит о Червен-Водали, то он имел возможность бежать, а явился [сам добровольно], предварительно написав, что завтра в 12 часов я приду к вам, господа члены [Иркутского] Политического центра. Я думаю, что кто желает за границей продолжать эту работу, те поспешили бежать, а Червен-Водали пришел и отдал себя в руки правосудия.

О других фамилиях, к которым может быть это применено, я не догадываюсь. Может быть, догадывается трибунал? Если бы как защитник, назначенный на эту тяжелую обязанность, знал, я бы сказал. Но я не знаю, о ком он (государственный обвинитель.— *В. Ш.*) говорит.

Я кончаю, граждане члены трибунала. Я вижу в вашем составе тех, кто еще недавно со страшным упорством, со страшным напряжением силы боролся против власти, представители которой сидят на скамье подсудимых. Я боюсь, что в пылу борьбы [возникло] неизбежное в борьбе возмущение, которое еще не улеглось в ваших сердцах. Но та сила, с которой вы боролись против реставрационного правительства, позволяет мне надеяться, что в данном деле вы сможете эту силу и твердость осуществить. И не дадите вашему гневу и сердцу победить разум и совесть, которые должны нетяжело наказать сидящих на скамье подсудимых.

Защитник Бородулин. Только что закончившееся судебное следствие дало огромный и обильный материал для суждения о той эпохе в истории русской жизни, которая носит название колчаковщины. С достаточной полнотой здесь обрисован и тот социальный [и] политический строй, и та система управления, которая практиковалась в это время, а равно и деятельность той организации, которая носила название Всероссийского[21] правительства, которая возглавлялась Колчаком, который дал и этой эпохе, и этому правительству свое имя. Если бы в настоящем процессе производился суд и делалась оценка этой эпохи колчаковщины, то защите здесь делать бы было нечего. Если бы даже здесь речь шла о колчаковском правительстве как об органе, стоявшем во главе государственного управления, органе, направлявшем всю внутреннюю и внешнюю политику, то и тогда у представителей защиты едва ли нашлись бы слова оправдания.

Но мы участвуем по долгу службы в процессе по делу обвинения членов мятежного и самозваного правительства Колчака и его вдохновителей, участвуем в процессе, касающемся живых людей, имена которых здесь перечислены в обвинительном акте. И то, что здесь подлежат рассмотрению и решению судьбы отдельных живых лиц, и дает право нам здесь присутствовать в качестве защитников и дать свои объяснения и представить свои соображения.

Всецело сознавая свою неподготовленность к участию в таком громадном, грандиозном и историческом процессе, как настоящий, я не претендую на то, чтобы в данном случае представить какие-либо очень веские, очень важные для настоящего дела соображения и суждения и исчерпать весь материал, который прошел здесь перед вами. Не касаясь уже того материала, который, может быть, в тысячу раз превышает прошедший перед нами здесь материал.

По настоящему делу в качестве защитника я высказал бы только следующие соображения. Я никогда, ни в какую минуту не откажусь от того основного положения, что суд при разрешении вопроса о преступности, виновности и ответственности отдельных физических живых лиц должен руководствоваться одним принципом — индивидуальностью обвинения и наказания в том смысле, что каждое лицо судится и отвечает именно за то, что оно совершило. Это не только должно быть применяемо, когда отдельное лицо фигурирует на суде, но и тогда, когда, как по настоящему делу, судится и рассматривается дело шайки, целой группы лиц, объединенных одной какой-то целью, преследующих одни какие-то преступные задачи. Ведь когда устанавливается наличность шайки, то и тогда необходимо установить, кто же в эту шайку входил, кто и какие обязанности в данной шайке исполнял. То понятие шайки, которое здесь приведено обвинителем в качестве доказательства того, что все здесь сидящие на скамье подсудимых являются членами этой шайки, ответственными за всю деятельность всей шайки, я не считаю правильным.

Если бы даже одна приписка к шайке, одно название члена этой шайки было бы само по себе преступлением, то все-таки при определении наказания за это преступление нужно установить, кто [и] что из них совершил. Я думаю, что по настоящему делу это особенно надо было бы [сделать], если мы признаем даже, что это была шайка, но шайка особого рода — шайка образцовая, которой мы еще до сих пор не видели, которая называлась, и очень долго называлась, Всероссийским правительством.

Оговариваюсь, в дальнейшем я буду называть его просто правительством, не прибавляя к нему «так называемое», для сокращения и удобства речи. Ограничусь примером. Ведь если курьер шайки, разъясняющий приказания отдельных членов этой шайки о необходимости совершить то или другое деяние, безусловно отвечает перед судом как соучастник этой шайки, то неужели курьер правительства, также являясь соучастником этой шайки, так же отвечает на суде, как и сами министры этого правительства? Я думаю поэтому, что та аналогия, которая была проведена между простой шайкой и бунтовщической шайкой, называвшейся Всероссийским правительством, неправильна.

Второе основное положение, которым должен руководиться чрезвычайный революционный трибунал, это изложенные в п[ункте] 11 «Руководящие начала по уголовному праву»[22], по смыслу которого необходимо всякое деяние рассмотреть в той обстановке, в которой оно совершено, а равным образом при определении степени опасности преступника нужно рассмотреть его деятельность в условиях того места и времени, в которых она протекала. И если в обыкновенных, обыденных, постоянных преступлениях это необходимо, то тем более это необходимо здесь, в данном процессе. Ведь ни для кого не возникает сомнений, что в настоящем процессе сошлись два мира, два различных, иногда до противоположности, миропонимания и миросозерцания. Причем представители одного — старого, отживающего, в некоторой части уже отжившего мира находятся на скамье подсудимых. Представители нового мира в лице чрезвычайного революционного трибунала являются их судьями.

И для того, чтобы определить качество проступков сидящих здесь подсудимых, для того, чтобы определить личность каждого из обвиняемых, определить степень его опасности для современного общественного строя, необходимо рассмотреть, в каких условиях места и времени, при какой обстановке совершено то или иное преступление. И вот с этой точки зрения рассматривая настоящий

процесс, я не могу не отметить прежде всего того, что здесь, именуя эту шайку правительством, не установили точно, что же такое было это правительство, т. е. каков был руководящий орган этой шайки.

Конечно, такие формальные соображения не имеют решающего значения перед лицом чрезвычайного трибунала. Но они все-таки могут так или иначе осветить личность подсудимого, когда он производил тот или другой проступок. И вот, мне кажется, не вдаваясь в подробное обсуждение этого вопроса, можно указать все-таки, что правительством, настоящим правительством все-таки был не Совет министров, как это сразу ни кажется странным. Правительством были Верховный правитель, Совет Верховного правителя и та кучка министров, которая вертела всем Советом министров. Вот главным образом эта кучка и являлась фактическим правительством, что, несомненно, для революционного трибунала самое главное.

Эта кучка, опиравшаяся фактически на военную силу и на торгово-промышленные круги, юридически опиралась на Верховного правителя. Это соображение имеет значение при определении опять-таки не виновности, а степени виновности каждого из здесь присутствующих. Если здесь находятся лица, которые и представляли из себя это правительство, то они должны быть ответственны за весь тот кровавый ужас, который здесь нарисован. Если же их нет, то все остальные должны быть рассматриваемы при другом свете.

Если даже с оговоркой признать, что Совет министров был правительством, то сидящие здесь опять-таки не окажутся правительством в целом, а большинство совсем и не [являлись] членами этого правительства. Совет министров состоял из министров и их заместителей. Здесь же на скамье подсудимых находятся вторые и третьи товарищи министров и некоторые другие, не занимающие никаких министерских и полуминистерских постов. Если они, по моему глубокому и крайнему убеждению, не являлись ни тем правительством, которое всем руководило, ни частью этого правительства, то является вопрос, кто же они? И что же они из себя представляют? Какую мерку суд должен к ним приложить?

Они — служащие, занимающие, правда, крупные посты. Они — чиновники в самом обыкновенном смысле этого слова. Что же такое чиновник, что такое чиновничество, мы еще, думаю, не забыли. Я думаю, что в настоящее время есть еще много граждан, которых вполне можно было бы назвать чиновниками. Было время (и оно не так давно было, мы его, наверное, еще не успели забыть), когда словами «чиновник», «чиновничество» определялся весь строй нашей жизни. Если чиновничество сверху определялось принципом «не сметь свое суждение иметь», то снизу оно в значительной степени определялось другим принципом: «моя хата с краю, ничего не знаю».

Целыми поколениями воспитанные служащие правительственных учреждений постепенно превращались в чиновников, основной принцип которых был делать свое дело, маленькое или большое, и совершенно не интересоваться тем, что творится на соседнем столе, в соседней канцелярии, тем более в соседнем департаменте: это не нашего ума дело. Это нас не касается; пусть начальство во всем этом разбирается.

Я не хочу, конечно, сказать, что все здесь сидящие — в полном смысле слова чиновники. Но в значительной степени (только с одной стороны — со стороны закрывания глаз на настоящее положение, той стороны, которая подлежит ведению главного правительства) [такой статус] является основным их признаком. Вот если рассматривать всех или большинство подсудимых с этой стороны, то очень многое понятно будет как из их заявлений, так [и] из многих действий, которые

здесь с несомненностью установлены. Ведь только при таких обстоятельствах многие ученые, знатоки своего дела, люди с незапятнанной репутацией шли на службу к правительству Колчака. Шли очень часто враждебно настроенные, не только не интересующиеся, но определенно не желавшие иметь дела. Заброшенные сюда волею исторических обстоятельств, оторванные от своего родного места, от своих родных занятий, выбитые из колеи, они нуждались в том, чтобы идти на службу. Двери для них как специалистов, как знатоков своего дела были открыты очень широко. И они шли на то дело, которое они любили и к которому они привыкли. И я думаю, что они руководились тем принципом, который считался лучшим принципом: я служу делу, а не людям; я хочу делать любимое мною дело и совершенно могу не участвовать в той политической жизни, которая создалась при современном строе.

Тогда не будут смешны и не будут вызывать никакой иронии и сарказма те очень многие заявления со стороны подсудимых о желании служить в настоящее время по той специальности, к которой они привыкли. Не будет вызывать никакого сарказма и здесь прочитанное особым тоном заявление одного из подсудимых о том, что они желали бы служить и горячо бы желали это сделать.

Я не хотел бы, конечно, словом «чиновник» обидеть подсудимых, так как я беру только одну сторону «чиновничества» и не говорю о другой — о формальном отношении к делу. Насколько это выяснилось из судебного материала, они — не те чиновники, которые занимались отпиской и перепиской. А я только отмечаю именно другую сторону чиновничества, не участвовавшего в политической жизни страны.

Если так, если перед нами живые люди, если перед нами простые, хотя и крупные служащие, то мне необходимо для того, чтобы определить, что это за личности, чтобы затем определить, насколько они преданны или полезны или нейтральны для настоящего строя, обратиться к некоторым их деяниям, на которые указывалось и в обвинительном акте и которые проходили здесь перед нами во время судебного следствия, на их работы по ведомствам, по тому делу, которое им было поручено и за которое они действительно ответственны.

Прежде всего, я должен сказать несколько слов о подсудимом Карликове. Я бы мог ничего о нем не говорить, так как обвинитель выделил его как лицо, которое занимает здесь особое положение, как лицо, совершенно случайно попавшее в правительство, ничем не проявившее себя, не участвовавшее в тех преступлениях, которые вменяются в вину всем остальным членам правительства Колчака. Но я бы все-таки хотел оттенить и отметить один факт, который здесь на суде установлен: Карликов во время иркутского восстания [в конце декабря 1919 г.] отдал приказ о том, чтобы воспитанники кадетских корпусов не участвовали [в боях] на стороне белогвардейских войск. Я думаю, что этот факт заслуживает очень большо[го] внимания, ибо он характеризует Карликова как в высшей степени честного и хорошего человека.

Если вы припомните, что участие кадет[ов] в восстаниях было неоднократно, если принять во внимание то, что был критический момент, когда всякая, даже небольшая сила могла оказать содействие, то вы должны оценить этот факт, вы должны оценить его как человека, не поддавшегося соблазну поддержать тот строй, к которому он, несомненно, был причастен. Я думаю, что Карликов действительно в этом случае проявил себя как самый лучший человек, который и в минуту опасности не забывает о том, что является для нас самым святым и самым прекрасным,— о детях.

Несколько слов о подсудимом Палечеке. Подсудимый Палечек — товарищ министра народного просвещения, ставший таковым только в октябре месяце [1919 г.]. А до этого времени в течение, кажется, двух месяцев он только временно исполнял обязанности товарища министра с тем, что в то же время он был директором департамента, текущая работа по которому поглощала все его время.

Палечек — человек, который с самой студенческой скамьи отдал себя службе по министерству народного просвещения. И оказавшись на той территории, которая захвачена была правительством Колчака, он согласился служить по тому же ведомству, в котором он служил всю свою жизнь. Чего-либо особо преступного ему не инкриминируется. Участие его в правительстве совершенно незаметно. И я думаю, что громаднейшее большинство из находящихся здесь [лиц] из правительства Колчака, вероятно, о нем как о политической фигуре не слышали. Что-либо указывающее на то, что он является политическим деятелем, на судебном следствии не установлено, совершенно не доказано и не показано. Я думаю, если мы назовем его чиновником (правда, в лучшем смысле этого слова, т. е. прекрасным исполнителем, прекрасно знакомым со своим делом человеком, служащим только делу, а не лицам), то думаю, что он против этого не возразит. И это будет наиболее правильным его определением. За деятельность свою в министерстве народного просвещения он, по заявлению министра народного просвещения, не ответствует, так как всю ответственность по этому министерству Преображенский берет на себя. Но я думаю, что здесь не было бы опасности, если бы эту ответственность принял на себя и Палечек. Что эта деятельность по министерству народного просвещения не проявлялась в смысле реакционном, достаточно подтверждается теми основами начальной школы и основами народного образования, которыми руководилось министерство народного просвещения в своей деятельности.

Слова Игнатьева, которые приводятся здесь в обвинительном акте, я думаю, не заслуживают никакого уважения. Игнатьев этот — совершенно неизвестное лицо. Лицо, совершенно случайно сюда попавшее. Лицо, пытавшееся поступить на службу по министерству народного просвещения и не видевшее этой возможности. Лицо, таким образом, сначала солидарное с политикой министерства народного просвещения. Затем [оно] дает такой отзыв, при таких обстоятельствах, которые не дают нам возможности установить, насколько оно основательно или не основательно это утверждает.

Я остановился на этом [вопросе] потому, что собственно по отношению к министерству народного просвещения, и в частности к Палечеку, ничего не указано в обвинительном акте такого, что могло бы остановить на себе внимание, кроме того, что они подписывались на некоторых журналах [заседаний] Совета министров. И я думаю, что это не дает никакого основания к тому, чтобы считать его причастным к руководительству внутренней политикой. Мне кажется, в отношении его совершенно было бы правильно проявить то же, что и в отношении Карликова. Это лицо, совершенно случайно попавшее в министерство и решительно ничем себя не проявившее с точки зрения деятельности правительства.

Еще более типичный чиновник, находящийся здесь в числе подсудимых,— это Ячевский. Этот подсудимый перед нами предстал, собственно, в первый раз, когда он давал объяснения. До этого о нем ничего не было слышно в течение всего судебного следствия. Он и раньше всю жизнь служил по ведомству внутренних дел. Затем, оторванный от этой службы в дни революции, он служил в качестве делопроизводителя при союзе увечных воинов. Затем, попав в Семипалатинск, служил на железной дороге. После этого он служил в продовольственном

комитете и затем был приглашен в июле месяце [1918 г.] в министерство внутренних дел. Это человек, который считает, что он должен служить, какую бы ему должность ни представили. Этот человек определенно говорит, что если ему вменяется в вину только то, что он был членом правительства, то он от этой ответственности не уклоняется. Но те факты, которые характеризуют его, он объясняет.

И объяснение его, и его первоначальное заявление заслуживают весьма серьезного внимания: это факты участия в тех заседаниях Совета министров, на журналах которых под постановлениями имеется его подпись. Речь идет о трехмиллионной награде служащим за сверхурочную работу и тому подобные факты, которые могут иметь освещение и в дурную сторону, как это здесь неоднократно проявлялось.

Тот факт, что он переслал подсудимому Малиновскому черновик одного проекта о борьбе с большевизмом[23], он объясняет совершенно правильно с точки зрения чиновников. Если кто знает делопроизводство в центральных учреждениях, тому понятно, почему один товарищ министра пересылает черновик другому товарищу министра, который является докладчиком в том учреждении, где этот проект должен рассматриваться. Я бы всецело присоединился к заявлению подсудимого Ячевского: если он должен понести наказание за то, что он числился товарищем министра внутренних дел, то, конечно, только за это он и может понести наказание.

Подсудимый Малиновский был товарищем министра юстиции, вступившим в свою должность 6 мая [1919 г.]. В заседаниях Совета министров он участвовал единственный раз, что можно удостоверить и по списку дел, и по журналу постановлений Совета министров.

Ему вменяется в вину по его ведомству и главным образом то, что он подписался на той телеграмме, которая была послана прокурору Иркутской судебной палаты относительно Иркутского земства. В той телеграмме имеются слова относительно того, чтобы принять высшую меру пресечения против лиц, которые приняли резолюции. Причем в начале телеграммы говорится о том, что по сведениям, дошедшим до министра юстиции, Иркутское земское собрание приняло резкую противоправительственную резолюцию с ложным освещением деятельности правительства и с искажением фактов; если такая резолюция действительно принята, то предлагается в пределах законности принять высшую меру пресечения[24]. Добавление о том, что «если таковая резолюция принята» и что меры пресечения должны быть приняты в пределах законности, мне кажется, характеризуют Малиновского не с отрицательной точки зрения.

Если ему поставить в вину то, что он был товарищем министра, то, конечно, эта вина за ним остается. Если же, признав его вину, в дальнейшем определять его личность, то остального в вину ему поставить нельзя. Если он был товарищем министра, если он взял на себя обязанность охранять закон, то можно ли поставить ему в вину, что он обращается к представителю же закона и предлагает ему охранить закон? Можно сказать, что это закон отрицательный, вредный. Но ставить в вину то, что товарищ министра заботится об охранении закона, мне кажется, как личности, как чиновнику, как служащему нельзя.

Малиновский здесь указал, что эта телеграмма была продиктована и приказание о посылке ее было отдано министром юстиции. Если этому заявлению будет дано доверие, то это самое деяние не должно быть поставлено ему в вину как простому посыльному этой телеграммы. Я думаю, что это можно было бы косвенным

образом подтвердить именно ссылкой на то, что по законам того времени товарищ министра не имел права делать распоряжения прокурорам.

Еще имеется указание на то, что у него нашли тот черновик проекта борьбы с большевиками, о котором упоминал и Ячевский. Как товарищ министра Малиновский был докладчиком в комитете охраны законности и порядка [в управлении]. И ему пересылались все те проекты по поводу борьбы, которые он должен был докладывать. Малиновский здесь установил — ничем это не было опровергнуто и ничем иным не было подтверждено,— что этот проект не только не был введен в жизнь, но он не был и принят. Может быть, даже не был доложен, так как в то время, пока здесь был Малиновский, это не прошло.

Косвенно Малиновский характеризуется и такими фактами. Он был докладчиком в комитете по охранению законности и порядка [в управлении]. Перечень вопросов, рассматриваемых комитетом, в значительной степени определяет физиономию [этого] комитета, а следовательно, и физиономию докладчика в хорошую сторону. То обстоятельство, что первым постановлением, принятым комитетом законности и порядка [в управлении], было опротестование суровых мер против спекулянтов и истязателей, является, я думаю, совершенно случайным, если сопоставить его со всеми остальными постановлениями. Мне кажется, что тот момент, что Малиновский, юрист по образованию, занимался чисто юридической деятельностью, тоже может быть определен как исполнение своих обязанностей с закрыванием, может быть, розовыми очками глаз на то, что происходило.

Совершенно особое [место] по настоящему делоположению занимает подсудимый Краснов. Краснов был государственным контролером, всю жизнь работавшим и отдавшим себя этому делу. Он и сюда попал совершенно случайно, и также случайно занял этот высокий пост. Государственный контролер по самому смыслу своего существования, по самим задачам, на него возложенным, не является министром. И государственный контролер действительно не есть министр. И не имеющий всех прав министра. Он не участвует в государственном управлении, а следовательно, он теоретически, по крайней мере, не ответствует за деятельность правительства как органа, управляющего страной. Вот только поэтому и в целях наилучшего выполнения обязанностей контроля государственному контролеру в Совете министров не предоставлялось решающего голоса по вопросам управления до конца существования этого правительства.

Несмотря на это, положение Краснова в данном процессе очень тяжелое. Имя Краснова все время мелькает в обвинительном акте. И создается такое впечатление, что он — один из активнейших деятелей недавнего прошлого, что это — политический деятель, участвовавший в правительстве и, следовательно, ответственный за все те безобразия, которые здесь творились. Из всего же фактического материала, представленного здесь, все-таки ясно, что Краснов не был политическим деятелем, что установлено совершенно категорически. Это чиновник высшей марки. Это чиновник — специалист в своем деле, и только. Дальше этого он не шел.

Его имя мелькает здесь среди подписей под постановлениями Совета министров потому, что он обязан был присутствовать и по установившейся практике обязан был подписывать эти постановления. Если же признать в точности все то, что я здесь сказал, то, конечно, меньше всего ответственности как раз было на Краснове. Но здесь, в иной несколько постановке [судебного] дела, когда вменяется в вину даже простое пребывание в правительстве, такое участие чисто формального

характера — присутствование на заседаниях и подписи на постановлениях — определенно рассматривается как участие в решении всех тех вопросов, которые были предложены.

Например, здесь действительно разрешались вопросы такие, за участие в решении которых — и тем более положительное — следует понести наказание. Я не стану на этом останавливаться. Революционный трибунал как суд с действительно социалистическим правосознанием, не ставящий перед собой задачу действительно осудить подсудимых, разберется, насколько в заключении обвинительного акта по настоящему делу достаточно материала для признания подсудимого Краснова активным деятелем и даже простым участником в этом самом правительстве. И насколько правильны мои убеждения, что, несмотря на этот внешний формальный признак, он все-таки таковым деятелем не был.

Когда я это говорю, меня утешает то, что революционный трибунал безусловно никогда, ни на одну минуту не может стать на позицию формальных доказательств и законов, о представлении которых к делу я ходатайствовал. И я думаю, что не будут достаточным основанием [для наказания] признаны его подписи под постановлениями законов[25].

Еще несколько слов относительно участия Краснова в расхищении народного достояния. Это относительно ассигнований колоссальных средств на агитацию за границей, на военные нужды, ассигнования предводителям антибольшевистских войск, действующих на юге, севере и западе, [а также] перевод и продажа золотого запаса и неправильное расходование валюты.

Я должен сказать, что в отношении валюты и золотого запаса никакого участия не принимал и не мог принимать государственный контролер, потому что ему государственный банк и кредитная канцелярия не были подчинены в порядке ревизии. И потому это расходование производилось вне ведения контроля. Затем, военные ассигнования и ассигнования на военные нужды других войск; [они] могли быть рассматриваемы только с одной стороны — со стороны величины и того основания, на котором они построены. Что касается стомиллионного автоматически пополняемого [военного] фонда и 500 000 000-ного ассигнования, [то] Краснов определенно говорит, что он таких постановлений Совета министров не знает и глубоко уверен, что таких постановлений нет, а посему это расходование со стороны министерства финансов, к которому он уже никакого отношения иметь не должен.

Еще раз, заканчивая рассмотрение деятельности и личности подсудимых отдельных, я сказал бы, что перед нами, безусловно, чиновники — выполнители чужой воли.

Заканчивая свою речь и признавая ее слишком слабой по своему содержанию и по яркости приведенных в ней аргументов, я просил бы чрезвычайный революционный трибунал только об одном: не судите их как героев, не предъявляйте к ним геройских требований. Но судите их как герои: героям свойственно не только высшее мужество, но и высшее великодушие. И пусть приговор вам продиктует не только чувство справедливости, но и это свойственное героям великодушие. Пусть революционный пролетариат русский через свой судебный орган — чрезвычайный трибунал, пусть проявит свое великодушие. И пусть история, которая несомненно обратит свое внимание на этот акт великой русской трагедии, преклонится перед духовным величием этого приговора, как она несомненно преклонится перед геройством русского пролетариата, вынесшего на своих плечах титаническую героическую борьбу за лучшие условия жизни.

Обвинитель Гойхбарг. Мне представляется, что защита еще не окончена: по отношению к одному подсудимому защитники не нашли ни одного слова.

Защитник Бородулин. Я хотел сделать заявление: мне поручено было защищать и интересы подсудимого Третьяка. Но по его собственному желанию я от этой защиты должен был отказаться, так как он нашел, что он в своем деле не нуждается в участии защитника, и потому подсудимый Третьяк имеет [намерение] произнести защитительную речь.

Председатель. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва. 7.15–8.15 [часов].

Председатель т[ов.] Павлуновский. Слово предоставляется товарищу обвинителю.

Гойхбарг. Товарищи члены революционного трибунала. Я считаю, что выступавшие сегодня защитники по мере своих сил выполняли свои обязанности, и поэтому я сегодняшним защитникам отвечать не буду. Я не могу, однако, не ответить на речь вчерашнего защитника, который начал не с защиты своих подзащитных, а с защиты правых социалистических партий и который в дальнейшем сделал целый ряд неверных утверждений, заявляя, что все это было с несомненностью установлено на суде здесь. Только в отношении этого обстоятельства я вынужден занять ваше внимание и сегодня, повторяю, хотя я не имел намерения отвечать защитникам. Но по отношению к вчерашней речи нет возможности оставить ее без ответа, ибо отсутствие ответа означало бы полное искажение процесса и признание верным таких утверждений, которые, по-моему, не только не подтверждены, но на основании фактов, которые я сейчас приведу, являются и для самих защитников безусловно неверными.

Первое утверждение: правые социалистические партии не принимали никакого участия в свержении советской власти при помощи и при содействии чехословацких войск. Это, изволите ли видеть, неожиданно доказывает нота Чичерина, в которой по адресу министра иностранных дел чешского правительства заявляется, что военнопленные чехословаки здесь, в Сибири, были посторонними силами вовлечены в ту гнусную авантюру, результаты которой развертывались перед вашими глазами в течение всего процесса. Эта нота будто [бы] ясно доказывает, что «посторонние для чехословаков элементы» — значит это не здешние правые социалистические партии, а это группа помещиков, капиталистов, банкиров и защитник их интересов — партия народной свободы, которая фигурировала здесь, ибо нельзя здесь руководствоваться указанием, что человек, раскинувший сети на весь мир, задумал совершить это дело[26]. Тут приходится достигать того, что здесь как бы бенгальским светом освещают события.

Подсудимый Клафтон сообщает, что он получил поручение под флагом Красного креста отправиться для переговоров относительно женщин и детей, взятых чехословаками. Неожиданно для чехословаков, с одной стороны, исполняя это поручение — с другой, он помогает чехам потребовать в обмен на женщин и детей большевиков, которые были взяты в тюрьмы, нужных им лиц. Тут же неожиданно — по соглашению между партией народной свободы, [партиями] эсеров и с[оциал]-д[емократов] — с прибавкой для равного счета, для десятка, требует известного Алексинского. По этому же соглашению он прибавил еще десяток в обмен на детей захваченных. Иллюстрация, которая показывает, в какой гнусной связи соединяются они в этом деле.

И, позвольте, никакого свержения советской власти не было? Правые социалистические партии не принимали в этом участия? Бенеш, пражский министр ино-

странных дел, отчасти утверждает это обстоятельство в своей ноте? Действительно, если нотами обмениваются Червен-Водали и Третьяков, не думая, что эти ноты попадут кому-нибудь на глаза, то мы думаем, что они говорят то, что думают. Но если министр иностранных дел говорит о фактах, то не знаю кого, но только не обвинителя он может убедить.

Доказывается какой-нибудь факт. [Например,] они не принимали участия в свержении советской власти. [В действительности] в дерберовском правительстве были [такие] министры-эсеры, как Вологодский, [П. Я.] Михайлов[27]; также был эсер — сын известного народовольца [А. Ф. Михайлова]. А он, по заявлению самого защитника, был главной фигурой.

Они не принимали никакого участия? По его предложению, [однако,] отпускались очень большие суммы (все-таки в сентябре [19]18 г. курс рубля не был так низок): 300 000 [рублей] на ликвидацию расходов разных учреждений или лиц, [принимавших участие в свержении советской власти]. А это и было признано подсудимым Морозовым: военная организация, явившаяся на свободное, брошенное имущество Сибири. Они не принимали участия? И не даром. Я должен сказать, что мне совершенно неизвестно, откуда защитник почерпнул глубокое убеждение правых партий о необходимости то и другое сделать[28]. По-видимому, это воспоминания личного характера.

Этот же защитник заявляет, что обвинитель требует жестокого приговора по адресу Шумиловского. Это утверждение могло быть сделано лицом, отсутствовавшим все время в этом зале. Хотя защитник знал, по отношению к кому из подсудимых это было сделано, и после всего, что вчера произошло, это мог утверждать лишь человек, который, если присутствовал здесь, слухом не обладает. Обвинитель первый должен был доказать полное отсутствие какого-нибудь чувства мести со стороны советской власти. И обвинитель убил жестокость и месть в сердцах присутствующих, вызвав ее наружу страшным способом, потому что, только вызванная наружу, она могла быть убита доказательством бесцельности жестокости и мести. После этого говорить, что обвинитель требует жестокого приговора, это… Я не нахожу слов для характеристики такого заявления.

Далее идут достоверно установленные такие-то и такие-то факты. Это касается отдельных подсудимых. Достоверно, например, установлено, что подсудимые Червен-Водали и Ларионов не призывали японских войск, не призывали семеновских войск? Это утверждение защитника, который присутствовал здесь, который слышал, как мною оглашался разговор по прямому проводу Червен-Водали с Третьяковым и телеграммы, подписанные Червен-Водали и Ларионовым, из которых не только вытекало, но в которых значилось — может быть, во время переговоров не значилось, но при записи черным по белому написано — совершенно обратное: «Шлите подмогу, каждая минута дорога», «помогите продержаться хотя бы семь дней». И ответ, что «войска, обещанные Вам Семеновым, посылаются»[29]. Этот оживленный обмен телеграммами все продолжался, в результате чего явились во всеоружии Скипетров и Сипайлов, и ими пользуются.

Достоверно, видите ли, установлено, что подсудимые не хотели организовать противосоветский центр на востоке, не хотели передавать золото и т. д.? Несмотря на то, что я оглашал телеграмму на имя Верховного правителя, подписанную Червен-Водали и Ларионовым, именно, что цель вынужденных переговоров — сохранить на востоке противобольшевистский центр, переброска золота и т. д. После этого говорить, что «достоверно установлены» факты, о которых говорил

защитник здесь перед революционным трибуналом, я думаю, не приходится. И считаю, что факты, которые я отметил, имели место.

Подсудимый Червен-Водали, говорит защитник, не мог знать, какие документы имелись у него, ибо, если бы он знал содержание этого документа, разве он требовал бы его предоставления в революционный трибунал. Память и на этот раз, очевидно, изменила защитнику. Подсудимый Червен-Водали не настаивал на том, чтобы документ этот был предоставлен. Я, кажется, успел здесь показать, что мне память не изменяет. Разрешите мне поэтому восстановить картину фактов. Я предоставил опись бумаг, в которой значится этот документ. Она была предоставлена Червен-Водали. Он с возмущением говорит, что этого документа не знает, полагая, что, кроме описи, у меня ничего не имеется. После этого я заявляю, разве когда-нибудь подвергались до сих пор сомнениям какие-нибудь бумаги, имеющиеся в деле? Разве хоть раз установлена неточность показаний? Когда подсудимый Червен-Водали говорил: «Я не возражаю против неточности», тогда я должен был взять и представить документ ему. Подсудимый Червен-Водали говорит: «Я не возражаю, но были две папки» и т. д. Я трижды просил революционный трибунал позволить мне предоставить этот документ, которого я до сих пор не видел, но знал, между какими бумагами он помещен. И защита отчасти настаивала на представлении документа, но подсудимый Червен-Водали не настаивал на его предоставлении сюда. И отсюда сделать вывод, что подсудимый Червен-Водали час себе рыл яму, требуя, чтобы его документы были предоставлены, так как он этого не делал, невозможно.

Наконец, чтобы закончить ответ защитнику. Он заявляет: подсудимые невиновны, потому что не они были силой, а была силой военщина, с которой никакая гражданская власть не могла справиться. Тут, очевидно, не только память, но и зрение изменило защитнику. А в советской России военной силы нет? А не оглашал ли я здесь подозрительного обращения иностранного газетчика, которое, как я полагал, имело целью разлагать Красную армию своими похвалами, что Красная армия — огромная гордость русского народа, великая, единственная в своем роде?[30] А разве она не из военных состоит? Разве в ней не работают многие из тех, кто при царском и другом режиме был офицером, полковником и даже генералом? Разве не известно — не только защите, но и многим подсудимым, которые отпускали средства Юденичу и Деникину,— что несколько бывших царских генералов за верную службу советской власти, когда они попадали им в руки и отказывались идти с ними, но желали служить советской власти, были зверски замучены, как, например, генерал Николаев[31] и другие? Есть целая комиссия из бывших военных царских. Вы слышали, что имеется огромное военное учреждение, в которое входит и бывший главнокомандующий Брусилов[32] и т. д.? Разве не известно, что [главно]командующий всеми вооруженными силами советской республики бывший полковник Каменев?[33] И разве военщина и военные силы при настоящей рабоче-крестьянской власти могут играть какую бы то ни было скверную роль? Разве рабоче-крестьянская власть не подчиняет интересам трудового народа все элементы, в том числе и военные? И поэтому говорить о том, что нет ответственности подсудимых, потому что была военщина, опять-таки невозможно.

Если бы они не были тем сообществом, которое я характеризовал здесь, если бы они на самом деле опирались хоть на какую-нибудь народную силу, тогда, конечно, не могла бы военщина играть такую роль. Но раз они были кучкой заговорщиков, ни на какую силу народную не опирающейся, которая вопреки воле всех народных масс пыталась держаться, которая при помощи иностранных вооруженных сил,

иностранных штыков, при помощи этих английских и других войск, предательский союз с ними заключивших, здесь держалась, то никоим образом нельзя сказать: они не ответственны, там была военщина. Военщина была их порождением. Они на нее опирались и вместе с нею работали над разрушением того, что они называли любимой родиной. Они вместе работали, вместе продавали ее.

Ничего не изменяет и то обстоятельство, что иногда порождение пожирало своих родителей. Мы видели целый ряд таких случаев: сначала эсеры призывали чехов, а потом чехи поглощали эсеров. Такая постепенная калейдоскопическая картина приводила к результатам, которые (извиняюсь, что уклонюсь в сторону одного из сегодняшних защитников, говорившего, что калейдоскоп между Дербером и Сипайловым изменялся) находились только в зависимости от платы. Они — порождение Дербера. Дербер проглочен. Они пригласили Сипайлова. И если Сипайлов говорит, что он с ними расправится, то это спор между своими. И поэтому они должны нести одинаковую ответственность с этими лицами. Они только тем отличаются от Сипайлова, что у них четверти водки в руках не было.

Ааронов. Было бы чрезвычайно печально для защиты, если бы судьей того, как говорил защитник — хорошо или плохо,— был [государственный] обвинитель. Это было бы печально, и глубоко печально. Но, к счастью, судьей того, хорошо или плохо говорил защитник, так же как хорошо или плохо говорил обвинитель и как себя держат тот и другой, является не обвинитель, а революционный трибунал. А в беспристрастии революционного трибунала мы уже имели случай убедиться.

Здесь [государственным обвинителем] указывается на целый ряд неправильностей, неверностей, неточностей, которые были допущены защитой. Я не буду возвращаться к этому. Все судебное следствие прошло перед внимательным, беспристрастным взором революционного трибунала. И он в достаточной мере оценит, правильно или неправильно указывал защитник на наличие тех или других фактов. Я поэтому не стану задерживать внимание революционного трибунала, не повторю того, что было уже здесь неоднократно сказано. Я сделаю только указание на некоторые обстоятельства, имеющие, по моему мнению, чрезвычайно серьезное, важное значение; [на] обстоятельства, на которые вчера указывал и председатель чрезвычайного трибунала,— это на обвинение меня обвинителем в желании защитить правую социалистическую идеологию.

Такого желания у меня не было. Такое желание мне стремится приписать обвинитель. Но такого желания у меня не было. У меня было только желание восстановить картину имевших место событий. Я смотрел на сибирскую контрреволюцию не с точки зрения осуждения или оправдания тех или иных лиц, а как на громадной важности событие в истории русской революции и поэтому не мог приступить с обывательской точки зрения к оценке [того], насколько виновны или не виновны те или другие лица в подлогах или неправильных действиях. Для меня трагедия, которую пережила Россия, трагедия, которую пережила Сибирь под властью Колчака, не есть случайное явление. Для меня как марксиста это есть исторический факт. И я не могу свести этот определенный исторический факт к злой воле отдельных личностей или того или иного образа их мысли.

Давая указания на неправильное установление факта, что [советская] власть в Сибири [была] свергнута иностранными вооруженными силами, здесь указывают на эпизод с подсудимым Клафтоном. Я думаю, что нота, которая была оглашена мною здесь, нота Чичерина, в достаточной мере освещает события, при которых произошло это свержение [советской] власти в Сибири. Я думаю, что все, кто сам

переживал в Сибири момент свержения советской власти, и те члены революционного трибунала, которые присутствовали и наблюдали это свержение, знают, что здесь не было вмешательства никакой русской вооруженной силы. Советская власть в Сибири пала вследствие вооруженного восстания чехословаков.

Чем же это опровергает обвинитель? Фактов он не указывает. Он устанавливает одно обстоятельство — факт переговоров Клафтона не только с чехословаками, но и членами правосоциалистических партий об обмене заложников. На основании этого, по его мнению, должно заключить, что свержение советской власти было произведено не одними чехословаками. Но в момент свержения [советов в Сибири] Клафтон находился в Москве и перешел из территории, находившейся под властью советов, на территорию, которая уже перешла под власть другой силы, под власть чехословаков. И где лишь после того, как советская власть была свергнута, образовалась власть [членов Всероссийского] Учредительного собрания. И если переходила власть не к одним чехословакам, а к другим организациям и силам, это не свидетельствует, что эти силы принимали участие в свержении советской власти. Эти силы прямо воспользовались фактом свержения. Но самый факт свержения был следствием выступления чешских войск.

Здесь указывают еще, что я говорил, что в Сибири действовали военные силы, с которыми гражданские власти не могли справиться и которые представляли угрозу праву и порядку. И в подтверждение неправильности моего указания обвинитель ссылается на военные силы [советской] республики. Я считал бы оскорбительным для Красной армии, я считал бы оскорбительным для военных сил советской республики, если бы их ставили на одну доску с той атаманщиной и военщиной, которая своими представителями имела рубцовых. ... Чрезвычайно унизительным ставить их на одну плоскость. Да, здесь были военные силы.

Павлуновский. Я полагаю, что обвинитель не ставил на одну доску, а указывал...

Ааронов. Я должен указать, что там, в советской России, есть огромная Красная армия, которая не только за страх, но и за совесть исполняет свои обязанности. Но там нет военщины, того сброда разбойников, той атаманщины, характерным представителем которой здесь был Рубцов. Если приказу комиссара советская Красная армия, как один человек, может повиноваться, то, конечно, такого приказа было недостаточно со стороны гражданских властей [Временного] Сибирского правительства, чтобы этот сброд разбойников и мародеров мог повиноваться. И благодаря в особенности атаманщине власть не могла с ним справиться.

Я говорил с точки зрения правой социалистической идеологии? Я указывал как на факт наличность ее в рассматриваемый период. И думаю, что существование этого факта является неоспоримым. Кто сидит на скамье подсудимых? Имеется ли здесь какой-нибудь действительный представитель того класса, который является классовым противником пролетариата? Нет. Здесь вы видите типичных представителей русской интеллигенции. Но русскую интеллигенцию нельзя отождествлять с буржуазией. Пусть она могла служить буржуазии. Пусть она шла против интересов трудящихся. Но интеллигенцию и буржуазию отождествлять нельзя. Много грехов у русской интеллигенции перед трудящимися массами. Но, говоря о грехе русской интеллигенции, нельзя забывать о ее заслугах, о ее служении народу.

Павлуновский. О русской интеллигенции в процессе ни слова нет. Никто ей обвинения не предъявляет. Вы защищаете обвиняемых.

Ааронов. И вот я считаю необходимым отметить, что в то время, о котором у нас речь, не вся русская интеллигенция разделяла идеологию коммунизма. Даже интеллигенция, которая группировалась около близкой к этой идеологии «Новой жизни»[34] Горького, эта интеллигенция еще долго после Октябрьской революции была в оппозиции к советской власти. Но поскольку советская власть стала укрепляться и начало обнаруживаться совершенное ничтожество русской буржуазии, та интеллигенция, которая на первый период отошла от народа, она постепенно начала к народу возвращаться. И если обвинитель говорит, что они, интеллигенты, сидящие здесь на скамье подсудимых, могут быть опасны потому, что могут вернуться к врагам рабочих и крестьян, я скажу, что этой опасности нет. Они были, может быть, опасны в первый период советской власти, когда идеология большинства интеллигенции была не советская. Но с тех пор интеллигенция изменилась.

И то сообщение о статье Дюшена, которое здесь оглашалось обвинителем, где обвинитель усматривает, что здесь есть неискренность русского интеллигента, который пишет в «Свободе России», лучше подтверждает нашу мысль. И, может быть, излишняя подозрительность обвинителя заставляет его делать другой вывод. В советской газете «Правда» за 20 число этот факт выступления русской эмигрантской интеллигенции трактуется совершенно иначе. Там он рассматривается как симптом коренного переворота в настроении интеллигенции: от противников к сторонникам советской власти[35]. Мало-помалу, все в большем и большем количестве интеллигенция собирается под своим старым знаменем, [под] тем знаменем, с которым она так долго боролась, под знаменем борьбы за трудовой народ. И я верю, что близок час, когда вся русская интеллигенция, осознав тождество своих интересов с интересами пролетариата, определенно перейдет на его сторону, освобождение которого не повлечет ничьего порабощения, но освободит все человечество от вековых пут экономического и духовного рабства и невежества.

Гойхбарг. Ввиду того, что теперь по ходу процесса должно быть предоставлено последнее слово подсудимым, [затем происходит] обсуждение приговора, оглашение его и возможные в связи с этим просьбы, связанные с последствиями приговора, а во всех этих действиях обвинение никакого участия принимать не может (оно не реагирует на последнее слово подсудимых; оно не принимает участия в обсуждении приговора; оно не занимается кассационными процессами, так как по положению о чрезвычайных трибуналах приговор этот окончательный и обжалованию не подлежит), то поэтому обвинение считает в настоящий момент свою задачу законченной и в дальнейшем довершении процесса участвовать не должно. И я имею [намерение] заявить трибуналу, что мое присутствие в дальнейшем за этим столом представляется уже излишним.

Председатель. Последнее слово предоставляется Червен-Водали.

Червен-Водали. В эту последнюю минуту, гражданин председатель и члены революционного трибунала, за несколько последних минут перед вынесением вами приговора я просил бы вас вместе со мною пройтись по тем мыслям и тем переживаниям, которые я пережил и передумал в эти трагические для меня дни процесса, в эти трудные, тяжелые дни, когда перед человеком спадает завеса каких-нибудь политических теорий, политических мыслей, общественных идеалов, которым человек служил. И человек остается сам с собой, сам со своей душой и со своей совестью.

И вот в эти трудные дни передо мною прошли все мысли и все вопросы прошедшего здесь, перед трибуналом. И одним из первых трагических вопросов, которые мне пришлось поставить перед своей совестью, был вопрос об обстоя-

тельствах и последствиях моего вступления в это правительство, к линии поведения которого, [к] направлению деятельности которого, как я уже говорил, я относился отрицательно. И тут я должен отметить, что для себя лично большего вреда, большего зла, как вступление в это правительство в последние месяцы его существования, сделать я не мог.

Но я занимался, или мысль моя занималась, не этим. Мысль и совесть моя все время будировали меня и заставляли ответить на вопрос, что с точки зрения объективной, с точки зрения того, что произошло в Иркутске, подробности этих последних страниц существования этого правительства, что мое пребывание в нем оказалось лишним злом или, может быть, несколько ослабляло то зло, которое вообще было сделано здесь в течение всего этого длинного периода? И вот тут, граждане, должен вам сказать, что определенного, категорического ответа на этот вопрос я бы дать вам не смог.

Я позволю себе обратить внимание на то, что вступлением своим в последнюю минуту [в правительство] я принимал определенную программу, программу не давления, не жестокости, [не] мести, не стремления во что бы то ни стало расправиться, а программу, стремящуюся установить известные отношения с населением и почерпнуть силу, бодрость и умение разрешить вопросы, которые ставила жизнь в самом населении, в земствах и городах. И направление это и мое вступление [в правительство] предотвратили ту возможность, о которой я говорил вам. Ту возможность, чтобы вместо этой власти с этим направлением в Иркутске появилась власть с определенно реакционным направлением, возглавляемым одним из генералов, которые себя известным образом обрисовали в течение всего этого времени. И, принимая во внимание это, я думаю, что эти страницы последних месяцев пребывания этой власти ознаменованы не теми ужасами, которыми они могли бы ознаменоваться при наличии другой психологии, других идей.

Я думаю, что революционному трибуналу известно, что в течение месяца в Иркутске не было произведено совершенно ни одного ареста, ни каких-нибудь жестокостей и эксцессов, напоминающих хотя бы отчасти то, что происходило бы, если бы в этот трудный момент была произведена замена одних лиц другими. И думаю, что эта эпопея иркутская не дала тех кровавых ужасов, которые были так ярко охарактеризованы по отношению предыдущего периода, и руководителей военщины, которые могли стать во главе этой власти. Когда я об этом думаю и представляю, что моим вступлением в эту должность сохранены, может быть, сотни жизней тех, с которыми должны были бы расправиться лица, обладавшие другой психикой, я думаю, что это оправдывает мое вступление [в правительство]. И хотя бы до некоторой степени эти обстоятельства могут лечь на ту чашу весов, на которой будет решаться судьба моей дальнейшей жизни. Поэтому я полагаю, что в этом вопросе, я уверен, революционный трибунал примет во внимание — в смысле отсутствия крайних отрицательных мер — и те положительные стороны, которые были внесены моим пребыванием у власти.

Я не снимаю с себя ответственности. Я не хочу маскироваться, не хочу говорить, что я был последней спицей в колеснице. Нет, в эти последние несколько дней мне пришлось взять все бремя и тяжесть этого свалившегося на меня бедствия моей личной жизни. Я позволю себе указать, что более тяжелого периода жизни у меня никогда не было, как те несколько дней, когда мне пришлось быть ответственным перед событиями, руководить которыми мне было не под силу и с которыми справиться мне совершенно не удавалось. Но если течение этого времени было так ужасно и окончилось по перерыве переговоров этим ужасным

фактом с уничтожением 31 человека, то я уверен, что эти подробные объяснения и обстановка, которая перед глазами чрезвычайного трибунала обрисовалась, вероятно, в глазах трибунала отделяет меня от какого-нибудь касательства к этому ужасному злодеянию.

Вот мысль, которая меня в течение всего этого времени беспокоила. И, кроме того, мысль очень тяжкая, очень беспокоящая меня, мысль об этом злосчастном документе. Здесь сегодня представитель обвинения еще раз подчеркнул принадлежность этого документа мне. Я не хочу производить какого-нибудь давления на волю и на способ определения самого факта на чрезвычайный трибунал. Но я определенно повторяю, что документ этот у меня быть не мог, потому что я к этому вопросу отношения не имел. Документ этот случайно ко мне попал. Я в этом глубоко убежден. Это, может быть, было роковой случайностью для меня. Но утверждаю, что этот документ не мог мне принадлежать. И я думаю, что если вы представите себе, что я имел этот документ, когда я находился на той стороне Ангары в поезде, который мог меня унести отсюда в то время, когда я знал это место, где находится вся папка с документами и другими вещами, что она находится во власти [Иркутского] Политического центра, я думаю, что если бы такой документ у меня был, у меня не хватило бы мужества, я бы сказал просто, явиться к представителям власти и предать себя их суду.

А я шел, потому что считал, что мне волею судьбы не удалось достигнуть результатов переговоров, на которые я рассчитывал, потому что в Иркутске остались люди, которые должны были ответить за участие в правительстве, в то время когда мне можно было бежать. Но из чувства большой ответственности я решил совершенно определенно прийти и отдаться власти, чтобы иметь возможность говорить правду. И я убежден, что мне легче было бы морально и для моей души уехать, нежели здесь перед вами показывать ложно. Поэтому я утверждаю и прошу верить, что, не снимая ответственности по существу, я готов принять любое ваше решение. Но прошу верить, что этот документ быть у меня не мог и он не был моим.

Я хочу кончить на этом, граждане. И прошу вас при оценке моей вины принять во внимание всю мою деятельность и все то, что я говорил здесь. Я вкратце остановился на моих работах в качестве человека, проработавшего над известным демократическим, мне дорогим делом, над которым я работал в течение многих и многих лет в России. Если я, здесь совершенно неизвестный или малоизвестный человек, не могу подтвердить какими-нибудь свидетельскими показаниями обрисовку моей прежней деятельности, то только поэтому я позволил себе говорить о своей деятельности. Я знаю, что то, что я сказал, есть настолько правда, что если бы пришлось подтвердить этот материал, то пришлось бы услышать еще больше, чего я не рискну добавить, чтобы не оказаться слишком говорящим о себе.

Заканчивая это [последнее слово], я прошу вас, граждане, прислушаться к тому голосу моей души, который я постарался вылить здесь во всей полноте и чистоте, которые я мог донести до своего 50-тилетнего возраста. На этом я кончаю, граждане.

Шумиловский. Граждане члены трибунала. Я уже вчера, давая объяснения обвинителю, произнес довольно обширную речь. И тема в значительной мере уже исчерпана. В настоящий момент я займу только немного времени: отчасти для того, чтобы повторить мои аргументы, отчасти, чтобы дополнить их новыми сведениями и новыми толкованиями.

Я должен определенно [и] категорически заявить, что ко всей предварительной борьбе, которая предшествовала майскому и июньскому восстанию чехов [1918 г.], я не имел никакого отношения и о ней не знал. Это было для меня как удар грома на ясном небе. Я вошел в правительство, которое являлось результатом этих движений. И просто совершил тот акт, за который должен нести ответственность.

Но что меня заставило примкнуть к этому правительству? Я должен указать на ту обстановку, которая была тогда, и сравнить ее с тем, что мы видим сейчас. Я не хочу надолго останавливать внимание членов революционного трибунала. Я не хочу затягивать этого процесса. Но я хочу сказать, что если бы революционные события вырисовывались там в отдаленной мгле в то, что мы видим сейчас, то даже и тех сравнительно незначительных актов я бы не совершил.

Если бы тогда была призвана вся интеллигенция к строительству народной жизни, если бы развертывалась та огромная культурная работа, которая развернулась сейчас, если бы был заявлен великий лозунг великой единой России, я бы к этому правительству не примкнул.

Тогда же впечатления были несколько иные. Этих перспектив я не видел и поэтому совершил то, что сделал.

Дальше. Что наступило дальше? Дальше произошло полное отчуждение от советской России. До нас не доходило никаких сведений или доходили сведения ничтожные и часто извращенные до уродливости. Сведения имелись о насилиях и грабежах. Эти сведения проникали и распространялись здесь. Распространялось, что воскресенье будет заменено субботой в угоду еврейскому элементу. Очень широко распространялись всякие другие отрывочные доходившие до нас сведения. Вот при таких обстоятельствах я совершил свой вход в правительство.

Действительные мотивы уже выяснены мной. Я на них неоднократно останавливался. Этот мотив самый главный: я хотел, оценивая самую трудность обстановки, поставить задачу охраны труда, ввести ее в жизнь, заставить ее пустить корни, чтобы потом, когда пришлось бы вырывать ее из общественного организма, организм чувствовал боль и инстинктивно невольно сопротивлялся.

Но обвинитель задает мне другой вопрос. Он спрашивает: «Если Вы придерживались такой идеологии и ставили такие цели, зачем Вы не перешли границ фронта и не вошли в пределы советской России?» Я позволю себе спросить: «А разве это вопрос индивидуальный? Разве это вопрос не всех граждан Сибири? И разве было возможно такое переселение туда?»

И потом, я ведь не был коммунистом. Я был другого мировоззрения и других убеждений. Я не мог оставить Сибири, где я боролся, где ожидались страшные ужасы. Они скоро уже обрушились. Можно сказать: «Хорошо. Тогда и надо было поступить так: пусть разнузданные силы воцарятся в жизни, вызовут общее возмущение, произойдет страшный взрыв, от которого ничего старого не останется». Этот принцип иногда выдвигается защитниками принципа «чем хуже, тем лучше». Но я по складу своего характера никогда на этом принципе не стоял и предпочитал этот принцип тем, о которых я имел честь говорить.

Может быть, часть этой вины переносится на меня. Но главное лежало вне моей воли. Свободы действий у меня не было. То, что касалось явлений рабочей жизни, я мог, повторяю, провести применительно к работе государственной. И я глубоко благодарен своим соучастникам по процессу, что они, несмотря на то, что им грозит такой же тяжелый приговор и что в их распоряжении находится очень мало времени, все же нашли возможным оторвать от своего времени несколько

минут для того, чтобы заявить обо мне, что я всегда выступал против таких явлений, как смертная казнь. Не потому, что, как говорил обвинитель, юридический отдел составлял такие заключения. А потому, что я предлагал составлять такие заключения. То же самое и с другими явлениями.

Так или иначе, я докатился до Колчака. И тут обвинитель опять ставит мне в упрек в форме уже предположения, что я, несмотря на все пережитое, может быть, снова подал [бы] голос за Колчака, за его избрание, за возведение его в Верховные правители. Это предположение основано на том, что я в начале этого процесса признал индивидуальную честность Колчака. Но это совершенно неверное утверждение, и это можно опровергнуть фактами.

Я признаю несостоятельность Колчака как Верховного правителя. И мы потребовали — не умоляли, а потребовали,— чтобы он ушел со своего поста. Я думаю, что с нашей стороны это был акт далеко не безопасный. Граждане члены трибунала, вам известны восточные нравы. Вам известна обстановка, в которой мы жили. Вам знакомы личности Артемьева и Сычева. И вы должны согласиться, что, может быть, нам угрожала опасность. Но, к счастью, этого не случилось.

И потом, уже дальше, до нас дошли сведения, что одним из намерений бывшего Верховного правителя было намерение арестовать Совет министров. Это могло быть актом человека, который дошел уже до грани безумия. Но ведь это было серьезное, может быть, намерение, которое могло осуществиться, а Артемьев и Сычев его привели бы в исполнение. И слишком много было данных за то, чтобы настаивать на этом требовании. Мы оказались бы в чрезвычайно трагическом положении. И, может быть, наши трупы также были бы перекинуты через борт [парохода] в Ангару и под тонким осенним льдом легли бы рядом с трупами 31 [зверски убитого].

Мы этот акт совершили. В нем не было геройства. Но была известная доля мужества. И совершили его без того слова, о котором говорил обвинитель. Та телеграмма, которую он цитировал, она редактирована не точно. Все требовали удаления Колчака, но не все настаивали на передаче власти. И, вполне естественно и вполне понятно, немного нужно государственной мудрости для того, чтобы это требование не выдвигать. Мы передаем власть кому-то другому. Мы приходим с оценкой. Какие реальные данные за то, что наше условие будет выполнено и будет проведено в жизнь? И что оно может быть проведено в жизнь?

Конечно, настаивать на этом требовании было бы нелепо. К сожалению, большинство высказалось за это. Но не все. Тут была упомянута телеграмма Третьякова. Изуеверская телеграмма, которая требовала применения террора для того, чтобы удержаться, в то время, когда у нас уже велись переговоры и мы были искренни в этих переговорах и никогда не хотели перейти на путь обмана. И если он употребил эту фразу: «Держитесь хотя путем террора»[36],— то это можно объяснить тем, что это слова человека, который пережил задним числом страшный ужас. Он пережил тот ужас, который и мы переживали в Иркутске. И это мстит такими страшными угрозами.

Одно из последних обвинений. Я думаю по поводу заявления представителя обвинения, что будто бы я повторил бы то, что было сделано, если [бы] я с самого начала до конца (вновь) прошел этот путь. Он видел предпосылки такого намерения в том, что я в прошлом видел не все только кошмарное, не все только безнадежно трагическое. А что в моем воспоминании сохраняется что-то меня ободряющее и дающее мне некоторое удовлетворение.

Я указывал на многочисленные факты, когда мои действия и слова нашли отклик в других чутких душах. Это меня утешает за понесенные труды, за то, что я сделал, и за то, что я хотел сделать. Я не говорю, чтобы я сделал, потому что такой вопрос ставить нельзя. Никто на такой вопрос не ответит. Прошлого не вернешь. И нельзя сказать, как бы я стал поступать под влиянием тех или иных явлений жизни.

Я, граждане судьи, знал, на что я иду. Знал, что встречусь с риском непонимания и неправильного толкования, а может быть, и обидного объяснения тех мотивов, которые заставили меня войти в правительство и оставаться там долго. И такое непонимание было и сопровождало меня все время. И я только теперь имею возможность объясниться по этому поводу. Но объясниться по поводу всех событий, которые протекали в течение полутора лет, сейчас слишком трудно. И трудно вам вникнуть иногда во всех деталях и эти мотивы полностью и с правильностью установить. Я признаю эту трудность, и поэтому я заранее склоняю голову перед ожидающим меня приговором, не прося прощения и не допуская ненужного и легкомысленного бравирования.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Краснову.

Краснов. Я не отрицаю и тем более не оправдываю тех беззаконий и ужасов, которые прошли здесь перед чрезвычайным революционным трибуналом и о многих из которых я здесь узнал впервые. Не имея не только формального, но и фактического отношения к проявленным беззакониям в области управления, я далек от всякой мысли снять с себя ответственность за те мероприятия в области финансово-хозяйственной, единственно мне подведомственной, которые оказались не соответствующими или противоречащими интересам трудового народа. Я должен сказать, что я никогда не был и не мог быть врагом того народа, того крестьянства, из среды которого я вышел сам и представители которого ходатайствовали перед судом чрезвычайного революционного трибунала. Это те рабочие Тимашовского завода в лице фабрично-заводского комитета, которые знают меня и всю мою семью, из которой я вышел.

В своей деятельности в качестве государственного контролера я по мере сил и возможности старался отстаивать интересы народного достояния. Я не упомянул здесь вчера о тех протестах, которые постоянно исходили с моей стороны в области распоряжения казенными средствами или имуществом. Не говоря о более мелких фактах, когда мне приходилось протестовать против расходования народных средств. И я упомянул о протесте против расходования золотого запаса, хотя этот вопрос находился вне ведения государственного контролера. И, вопреки заявленному мною мнению, этот запас расходовался. Я протестовал против покупки земель Государственным банком, считая, что земельный вопрос разрешен уже русской революцией. Я протестовал против учреждения Эмигрантского банка, доказательства чего находятся в моих делах. Они были рассмотрены [Иркутским] Политическим центром и лицом, заведующим контролем при Иркутском [губернском] ревкоме.

Тем не менее я отнюдь не думаю снимать с себя ответственности за все ошибки и заблуждения, которые в моей деятельности могли быть и в которых я чистосердечно признался Иркутскому губернскому революционному комитету в том заявлении, которое было здесь оглашено. Я от этой ответственности не уклоняюсь ни на одну минуту.

Из дела чрезвычайный революционный трибунал усмотрит, что в дни иркутского восстания я нисколько не пытался уехать из Иркутска и председателю

Совета министров сказал, что я останусь. За время переворота я дважды был в новом ведомстве и получил указание продолжать работу. Я был арестован, и, таким образом, работа прервалась. Я вновь подавал заявления работать в том ведомстве, как чуждый всякой политике, как лицо, которое может продолжать службу и дальше.

В настоящий момент я обращаюсь к революционному трибуналу с просьбой, чтобы революционный трибунал правильно оценил мое положение в должности государственного контролера, занимающей исключительное положение в ряду других ведомств. Я не обладал правами других членов Совета министров. Я не имел права голоса по вопросам управления. И в своем ведомстве я тоже не являлся полным хозяином, потому что ревизионной деятельностью я мог руководить только в ведомстве государственного контроля, тогда как другие министры могут распоряжаться в своих ведомствах.

Я просил бы чрезвычайный революционный трибунал правильно оценить мое положение и при определении моей виновности справиться с этим положением и вынести свой справедливый приговор.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Морозову.

Морозов. Граждане члены революционного трибунала. Перед вами прошел длинный жуткий список тех убийств, насилий, грабежей, разбоев и сжигания деревень, которые обвинителем приписываются как организованная система правительству Колчака. Приписываются, следовательно, и мне как товарищу министра юстиции.

Я не буду касаться [того], как относился к этим вопросам большой Совет [министров]. Обвинитель по этому поводу приводил доказательства посылки большим Советом [министров] телеграмм по поводу куломзинских и владивостокских событий. В мою задачу не входит оценка событий и действий большого Совета [министров]. А мне хотелось бы в последнем моем слове сказать, как относился я и мои товарищи по этому процессу, сидящие на скамье подсудимых.

Вам уже Шумиловский и Василевский удостоверили, как они относились к этому делу, как они отвоевывали, как они защищали перед военными властями рабочих или чинов министерства труда от тех насилий, которые причиняли военные власти. Перед вами подсудимый Ларионов удостоверил, как он реагировал на те насилия, которые творились военными властями на ж[елезной] д[ороге]. Перед вами подсудимый Червен-Водали удостоверил, как ему приходилось с военными чинами воевать и защищать хотя бы этих 31 человека, которые в конце концов военными властями были увезены и убиты на Байкале.

Что касается министерства юстиции, то я по своей деятельности товарища министра не имел никакого касательства к делам этого рода. Но тогда, когда приходилось исполнять обязанности министра, я всегда восставал против насилий, которые творились военными властями. И сообщал об этом не только военному министру и Ставке, прося [Верховного] главнокомандующего и другие военные власти, чтобы они прекратили эти насилия, чтобы они предали суду виновных. Но я представлял доклады в Совет министров об этих безобразиях.

Все то, что от меня как от должностного лица зависело, все было сделано. И я не могу себя причислить к тем друзьям убийц и грабителей, к которым причислил меня обвинитель. Может быть, я по другим частям управления совершил невольные и вольные ошибки. Судите меня за это. Но только моя совесть обращается к вам с просьбой не считать меня другом убийц. Все, кто меня знает, могут удостоверить, что я никогда кровожадным зверем не был.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Преображенскому.

Преображенский. Оборачиваясь на все то, что прошло перед революционным трибуналом, я думаю, что могу благодарить судьбу за то решение, которое я принял в момент, когда мне предстояло решить: в Иркутске оставаться нам или двигаться на восток, к чему я имел полную возможность.

И я еще раз повторяю, что я выбрал первое и, следовательно, решился нести всю ту ответственность, которая мне предстояла за мое участие в качестве члена Совета министров. То, что мне здесь инкриминировалось, в сущности говоря, целиком основывается на формальных документах. В своих объяснениях я уже имел возможность показать действительное положение дела. И этим я не буду затруднять трибунал. Я только скажу, что я еще раз благодарю судьбу, что остался [в России]: я предпочитаю, оставшись здесь, по эту сторону фронта, вынести какой угодно приговор и как угодно отвечать за то, что я сделал, чем быть там в безопасности, но считаться другом тех, кто отсюда ушел.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Ларионову.

Ларионов. Бывают в жизни всевозможные тяжелые минуты. Минуты, полные усталости. Минуты полной безнадежности, когда после безрадостного дня, в ожидании ряда дней, от которых не ждешь ничего хорошего, в бессонную ночь спрашиваешь себя: «А есть ли Бог?» И хочешь сказать ему: «Бог! Если ты существуешь и если ты действительно справедлив и добр, пошли мне, чтобы я не просыпался. Потому что эта ноша мне непосильна».

Такие минуты приходилось переживать нам всем во время долгих месяцев нашей жизни в Омске, нашей жизни в Иркутске. В эти долгие месяцы не сладкого житья, как здесь иронизировал обвинитель, а месяцы тяжелого труда и тягчайших душевных переживаний. В течение долгих месяцев тюремного заключения и в те мучительные часы, которые приходится переживать нам здесь на скамье подсудимых.

Часто думаешь, что не хватит сил стоять здесь и говорить. И приходится заставлять себя, потому что стоять здесь и говорить мы должны. Ибо мы говорим перед судом народа, а только в народе правда.

И мне в эту тягостную минуту придает сил воспоминание о том, как вот в таких же мастерских ж[елезной] д[ороги], когда я говорил в 1905 г. с рабочими Владикавказской ж[елезной] д[ороги], когда они слушали меня и верили мне и когда они выразили это доверие, выбрав меня председателем своего первого делегатского съезда. Воспоминания о первых днях первой революции в России дают мне силы быть здесь и говорить. Дают мне силы и воспоминания о недавнем прошлом, когда в 1917 году три делегатских съезда рабочих и служащих Владикавказской ж[елезной] д[ороги] последовательно выразили мне доверие. И когда, наконец, съезд советов дороги опять выразил мне доверие. Меня слушали и верили. И это дает мне повод надеяться, что мне будут верить и теперь.

Я говорю революционному трибуналу и отвечаю ему на все. Я уже ответил ему правду по поводу тех пунктов, которые в огромном количестве выдвинул против меня обвинитель. Я указал, что там имеется целый ряд перечислений, приписываемых мне, целый ряд действий, в которых я не принимал абсолютно никакого участия, как, например, в тех заседаниях Совета министров, под журналами которых в числе прочих стоит и мое имя, хотя я в этих заседаниях не принимал участия уже по одному тому, что я не был в Омске, я был в пути.

Но я не на эти вопросы сейчас хочу ответить трибуналу. Я хочу ему ответить на тот вопрос, который не задавался, а, может быть, подразумевался здесь: «Зачем

вы были среди всех этих преступлений? Потому что действительно преступления ужасные, и быть среди них нельзя. Почему вы пришли туда?»

Я отвечу: для того, чтобы судить о том, что добро и что зло, надобно иметь какую-то основную руководящую цель. И я такую цель имел. Она заключалась вот в чем: то справедливо, что хорошо в современной жизни государственного строя, что уменьшает страдания и увеличивает радость человеческой жизни. Что для этого нужно? Нужно как можно больше ценностей, которые нужны человеку. Ценностей материальных и духовных. А затем нужно справедливое, т. е. пропорциональное труду, пропорциональное потребностям распределение их и обеспечение спокойного пользования ими. Вторая задача — распределение ценностей — легка, первая же — создание ценностей — трудна. Мне, как технику, судьба послала работать именно в первой труднейшей задаче, и я в ней работал все время до конца.

С какими же трудностями решения этой задачи пришлось встретиться к началу этого злосчастного периода, за который теперь приходится нам давать ответ? Что принесла нам ужасная мировая война, которая встряхнула весь мир и разрушила все хозяйства? И еще более ужасная несчастная война нашей несчастной родины — гражданская война? Она разрушала главным образом этот драгоценнейший аппарат, это основание для всякого правильного и справедливого строения государства — разрушала аппарат созидающий. Люди, живая сила рабочих, сила ума были отвлечены от производительной работы на непроизводительное, на разрушающее дело войны. Машины были перенапряжены. Они изнашивались быстро, и работали они тоже по делу разрушения. И та огромная часть живой машины, в которой пришлось работать мне,— транспорт, железная дорога — более всего пострадала. Все ж[елезные] д[ороги] были напряжены, главным образом, также для этого разрушительного дела войны, для созидания нового оставалось очень мало. Из-за того, что оставалось так мало и пришлось перенапрягать это оставшееся, и машины, и люди, и ж[елезные] д[ороги] были разбиты. И главнейшая, как мне казалось, задача заключается в той области, которая идет правильно по этому основному пути необходимости созидания или работы над воссозданием этой основной ценности.

Мне пришлось работать над созиданием транспорта. Когда мне открылось более широкое поприще, когда меня вызвали сюда в правительство, только что возникшее наряду с другими на том скелете, который образовался здесь в виде захваченной чешскими войсками рельсовой колеи, по пути которой они свергали советскую власть, и вот когда здесь образовались и начали взаимно сливаться различные правительства и явилась возможность развить эту техническую деятельность, я пошел на нее и в ней работал. Случайные были отклонения от этой работы, хотя бы в том же Административном совете. Я был в нем месяц. И то, что я сделал, я сделал. Но я не был там руководителем. И если это мне приписывает обвинитель, то это неправда. И я против этого протестую.

Что я сделал? Я работал под руководством такого знатока, такого таланта в ж[елезно]д[орожном] деле, как министр Устругов. Он умел выбирать себе исключительных по своим знаниям и талантливости сотрудников. Но многое сделал я сам. Моей мысли и моей инициативе я многое могу приписать. И это не будет преувеличением. Это будет правда.

Что я сделал? Из хаоса я создал правильное хозяйство: были установлены аппараты управления ж[елезной] д[орогой], было создано комплектование железнодорожных служащих, было восстановлено и правильно организовано снабжение

ж[елезных] д[орог] — наиболее трудные задачи при скудности средств в этом отношении в России вообще, а в Сибири в особенности. Было создано агентство по снабжению металлами ж[елезных] д[орог] с Урала, так наз[ываемое] агентство «Пути — металл». Было организовано снабжение ж[елезных] д[орог] с Дальнего Востока и [из-за] границы, Дальневосточное агентство, т[ак] наз[ываемое] ...[38]. Была создана тесная связь между министерством путей сообщения и министерством торговли [и промышленности] по выработке угля. Была тесная связь работ нашей промышленности и распределения этого угля, и оказана была всяческая помощь к увеличению производительности труда.

Дальше — и это я ставил себе в особенную заслугу — была произведена под моим руководством колоссальная работа по обследованию всех металлургических и металлических заводов Урала и всей Сибири партиями специалистов, обследования в смысле возможности приспособить их к большему использованию и к массовому удовлетворению потребностей ж[елезной] д[ороги]. Не только было произведено это обследование, но и осуществлена затем частичная программа этого использования. Заводы Урала стали вырабатывать в массовых производствах[38] то, что нужно для ж[елезной] д[ороги]. И даже на некоторых из них удалось выполнить организацию совершенно новых производств, как, например, производство дымогарных труб на Шатанском заводе. Было устроено производство бандажей на Мотовилихинском заводе. Этой работе не суждено было осуществиться, т. к. наступил поворот в ходе войны, началось отступление [войск Колчака]. Но эта работа там не пропала. И я, сидя в Иркутской тюрьме, написал ряд записок и сказал тем, кто ведал делами путей сообщения, что надо вызвать Каменского, который знал эту работу. И этот инженер Каменский вместе с моими указаниями повез их в [Москву в народный] комиссариат путей сообщения. И думаю, что дело это не остановилось и продолжает развиваться.

Дальше был проведен ряд мероприятий, технических улучшений ж[елезных] д[орог]. Я не буду на них останавливаться. Я не буду их разъяснять, поскольку трудно было осуществлять те задачи в той ужасной обстановке боев, массового движения состава для военных целей и просто для военных [людей], в которой пришлось работать. Я отмечу то, во что мне лично удалось вложить свою лепту.

Я осуществил свою старую мечту: мне удалось приступить к постройке изобретенных мною уже давно новых вагонов, совмещающих в себе вагон крытый и вагон-платформу, которые для эксплуатации дают громадную, исчисляющуюся сотнями миллионов [рублей] экономию. Мне пришлось осуществить этот проект, и к изготовлению этих вагонов было приступлено. К сожалению, война помешала. Но, сидя в Иркутске, я делал расчеты. Эти расчеты посланы в Москву. И, даст Бог, это дело не пропадет.

Далее приходилось мне работать в смысле руководительства работами ж[елезных] д[орог] в смысле ведения эксплуатации. Это дело, трудное всегда, было особенно трудно здесь, в условиях [военного] времени. И вот мне удалось сразу, чуть ли не с первых шагов моего вступления в министерство, еще в январе 1919 года, прежде всего установить определенный принцип необходимости правильного распределения перевозочных средств. Я это установил, и под моим председательством шли занятия Центрального продовольственного комитета по урегулированию массовых перевозок, в котором принимали участие и представители общественности, поскольку можно было в нашей обстановке привлечь представителей кооперации, представителей Совета съездов и, наконец, от ж[елезных] д[орог] в

единственную организацию — Центральный продовольственный комитет, для которого делался специальный план перевозок, специальное количество вагонов по всем направлениям, в том числе и из Владивостока.

И вот, проведя строгую систему точной регулировки всех перевозок из центра, была составлена правильная статистика перевозок из центра и преподаны дорогам более новые методы по эксплуатации и руководительству движением. И мне самому приходилось в трудные минуты здесь, на Омской [железной] дороге, ежедневно по утрам вызывать к себе начальника дороги и начальника службы, ежедневно выслушивать доклады о положении и докладывать те меры, которые необходимо принимать и которые осуществлялись тут же. Все-таки, несмотря на всю колоссальную трудность, дороги работали, и все измерители их с каждым месяцем улучшались.

Я скажу, что основной измеритель для [продуктивности] работ тяговых и главных мастерских (скажем, омских мастерских, если взять количество дней, которые паровоз простаивает) был таков: в 1918 году этот простой равнялся 260 дням, а уже в середине 1919 г. паровоз выпускали в 42 дня. Этот результат я не только себе приписываю, но и моим сотрудникам и той действительно гигантской трудоспособности и вниманию [к] делу, которые выказали железнодорожники сверху донизу, несмотря на те трудности, в которых приходилось им работать.

Пришлось много мне поработать и в вопросе правового положения ж[елезных] д[орог]. Но и раньше, когда эти вопросы только рикошетом попадали ко мне в радиус общего эксплуатационного отдела, я отстаивал полную охрану ж[елезных] д[орог] от всяких посягательств. И на этой почве я шел твердо и не боялся результатов.

Много раз я слышал, и в том числе от обвинителя: «А где же результаты?» Я молчал. Но сейчас я должен сказать. Генерал Дитерихс, когда его спрашивали, какой же результат в конце концов от тех массовых указаний на разные бесчинства, которые он получал, какие меры приняты к тому, чтобы прекратить эти бесчинства, ответил: «Я расстрелял уже 300 человек офицеров». Если говорить о том, что министерство путей сообщения заботилось о ж[елезной] д[ороге], то нельзя пропустить молчанием того факта, что министерство путей сообщения и я помогали всячески тем ж[елезно]д[орожным] организациям, которые могли еще существовать в рассматриваемый период. Я говорю об их организациях продовольственных. На их существование не было сделано никаких посягательств. Такие организации, как общество потребителей Забайкальской ж[елезной] д[ороги], мощное, старое, хорошо поставленное общество, имевшее свою газету, которая всегда держалась чрезвычайно свободного направления, стояла в прямой оппозиции к правительству. А относительно членов правления [этого общества] указывалось министерству, что это гнездо недовольных, гнездо оппозиции к правительству. На это общество никаких посягательств сделано не было, оно существовало. Уstrugов охранял его и я, именно я лично.

Здесь указывал обвинитель, что я хочу приписывать себе то, чего я не сделал. Именно я провел в Совете министров миллионные ссуды обществам потребителей ж[елезных] д[орог], в том числе и Забайкальского. Для дорог по ту сторону Урала мне припоминается цифра $13^1/_2$ миллионов [рублей], по эту сторону Урала эта сумма достигала 503 миллиона [рублей]. И, благодаря именно этой отдушине, небольшая самодеятельность ж[елезных] д[орог] продолжала жить и развиваться, продолжала делать то нужное, насущное дело, которое она делала — дело снабжения ж[елезных] д[орог] продовольствием.

Я не буду останавливаться [на этом] дальше. Об этом в свое время я делал доклады тем общественным организациям, с которыми можно было говорить,— Техническому обществу и Государственному экономическому совещанию — о работе министерства, о тех трудностях, которые приходилось ему преодолевать, о том засилии чужих ему сил, с которыми приходилось ему бороться.

Я отмечу только одну деталь. Когда я узнал, что те наряды, которые дает Центральный продовольственный комитет по перевозкам с Дальнего Востока, не выполняются, а все-таки оттуда провозится все, что угодно, но только не нужные для населения грузы, я собственной властью — может быть, превышая свои полномочия,— учредил на всех главных станциях Сибирской [железнодорожной] магистрали контрольные комиссии для проверки всех грузов. И все грузы, которые шли беззаконно, останавливали и выгружали. Мы, таким образом, устроили огромные склады грузов, которые забивали магистраль. Потом эти грузы реквизировались министерством снабжения, и многие из этих грузов удалось передать ж[елезной] д[ороге].

Я не буду останавливаться дальше на деталях деятельности министерства путей сообщения. Я остановлюсь только на последних трагических днях, которые, главным образом, ставятся мне в вину, на последних иркутских днях моего вхождения в злополучную политическую «тройку».

Я говорил уже, что я выехал из Омска в конце октября [1919 г.] и прибыл в Иркутск 13 ноября. Обо всем том, что делалось в этот промежуток в Омске, я не имел никакого представления. Как не имел никакого представления раньше, что делалось в большом Совете министров, особенно в его закрытых заседаниях. По приезде в Иркутск я был занят организацией деловой части министерства. Так как фронт двигался ближе к Иркутску, здесь действовали уже фронтовые порядки. До 20 числа [ноября] я совершенно не участвовал в заседаниях, и в особенности закрытых, большого Совета министров, так как с того момента, что Устругов поручил мне замещать его, я, как временный заместитель, в закрытых заседаниях не имел права бывать. И о ходе всех тех переговоров, которые предварительно в Омске, а может быть, и потом Третьяковым как министром иностранных дел велись с иностранцами, в том числе и с японцами, я совершенно не знал.

Затем, когда вступил в обязанность заместителя председателя Совета министров Червен-Водали, 23 октября[39] [1919 г.], я получил доступ в закрытые заседания Совета министров, где обсуждались и политические вопросы.

Наступили тревожные события: восстание в Черемхово, восстание в Иркутске. Совет министров не мог собираться каждый день. Это было невозможно. Многие жили на окраине города. Ходить по улице было невозможно. И вот Совет министров выделил из себя «тройку»: вовсе не как уполномоченный им комитет, который по аналогии можно было бы сравнить с военно-революционным комитетом. Он выделил рабочее ядро, которое должно быть постоянно в курсе всех событий, ежедневно собираться и срочно, если что-нибудь случится экстренное, созвать Совет министров. А если это будет невозможно, взять на себя ответственность.

Естественно, что [в ее состав] вошел Червен-Водали как заместитель пред[седателя] Совета министров, вошел военный министр Ханжин, потому что важнейшая часть дела была сношение с военными властями, и вошел я как заместитель мин[истра] путей сообщения, ибо главнейшая задача в ближайшем будущем была, с одной стороны, эвакуация, а с другой стороны, установление связи

с нашей отступающей армией, о которой мало мы что знали, но бросить которую на произвол судьбы мы, конечно, не имели права.

Вошел я [в состав «тройки»] как случайный заместитель министра путей сообщения, а не как Александр Михайлович Ларионов. Я не счел себя вправе от этой тяжести, которая свалилась мне на плечи, отказаться. Единственное, что я мог сделать, это в последних числах декабря [1919 г.] попросить Устругова приехать как можно скорее в Иркутск ввиду сложности политических вопросов, в которых я некомпетентен. Этот мой разговор с Уструговым имеется в моем деле.

«Тройка» действительно работала. Поскольку это было возможно, решала все текущие мелкие вопросы, в которых она была компетентна. Она не делала никакой политики, не звала японцев. Призыв японцев для охраны дороги произошел по постановлению Совета министров в промежуток от 30 октября до 16 ноября [1919 г.]. Тут целый ряд постановлений и переговоров с японцами министра иностранных дел Сукина, за которыми последовали затем переговоры министра иностранных дел Третьякова, уехавшего потом в Читу. В чем состояли эти переговоры, мы совершенно не знали.

Когда разразилось восстание [Политического центра в Иркутске], когда мы явились сосредоточением хотя бы эфемерной, фиктивной, значащейся только по названию власти, конечно, мы не смели ни уйти, ни сложить ее с себя, ни бежать. На нас лежала забота о тех, кто был сзади нас. Об этой отступающей армии, которой так или иначе надо было помочь выйти из ее трудного положения. О тех, кто вместе с этой армией в многочисленных эшелонах отступал. О служащих разных министерств. О тех, наконец, служащих, которые вместе с нами приехали в Иркутск и были там. Мы должны были о них заботиться, и мы заботились. «И если,— говорил Червен-Водали,— если посылаете отряды, то шлите скорее». То я готов к этому присоединиться, потому что действительно нужно было что-то такое сделать среди той опасности, в которой мы были: на нас нападали, и мы были в состоянии самозащиты.

Затем наступило время переговоров [с Иркутским Политическим центром]. Я свою роль лично в этих переговорах очертил подробно в своих показаниях, которые имеются в деле. Очерчены эти переговоры и Червен-Водали. Эти переговоры имели целью так или иначе безболезненно распутать тот узел, который завязался в другом месте. А этот узел действительно был сложный. С одной стороны, с запада, [колчаковская] армия, которая, во всяком случае, существовала, отступала, билась. И огромное количество тех учреждений, которые тоже продвигались сюда, о которых мы должны были заботиться и о которых мы даже знать ничего не могли. С другой стороны — наличие чехов на линии ж[елезной] д[ороги], которые бросали ее куда угодно. Наконец, сам Иркутск с нашими служащими и населением, которое мы должны были охранять от всевозможных эксцессов с небольшой группой войск, нам не подчиненных. А дальше — мрачное царство Семенова, с которым мы никогда ничего общего не имели и иметь не хотели. А хотели добиться того, к чему все-таки вся история, если можно назвать историей то, что совершилось, привела.

Мы видели, что надо дать возможность армии или тем частям ее и лицам, которые находятся в пути, уйти безболезненно из боя, т. е. не поддаваться всем ужасам порыва затравленного вконец зверя. Мы хотели предотвратить ужас этого порыва, когда говорили о том, что [нужно] дать возможность отступить и эвакуироваться на восток тем воинским чинам, которые этого пожелают. Это мои подлинные слова, которые я заявлял в переговорах и которые за моей подписью

имеются у меня в деле. Это не есть переброска сил на восток для того, чтобы организовать там новую борьбу. Это есть возможность уйти тем, кто пожелает. Но тем, кто этого не пожелает, остается возможность сдаться, так как сдача была в виду.

Мы не имели возможности этого сделать, потому что переговоры были прерваны. После этого была телеграмма о том, что мы требуем от Колчака отречения[40]. Тут в этой телеграмме есть планы о том, что предполагается на востоке создать противобольшевистский центр, хотя этой фразы в первоначальном нашем тексте не было, а окончательная редакция была не нами произведена.

Что под этим надо было понимать? К чему мы стремимся? Мы считались с реальными фактами и с реальным соотношением сил. Мы считали, что должна создаться какая-то новая власть, действительно небольшевистская, потому что резкий переход сразу к советской власти был немыслим и неприемлем для тех, кто с этой властью принципиально не мог примириться. Нужно было создать что-то такое переходное, необходимость чего диктовалась присутствием на ж[елезной] д[ороге] совершенно не подчиненных нам вражеских сил.

Кажется, что необходимость создания какого-то буферного государства в конце концов была принята и Москвой, центральной советской властью. Это был просто открытый, совершенно определенный взгляд на то, что фактически было неизбежно. И это нам ставят в вину. И этого нам создать не позволили. И наши переговоры сорвались.

Когда же их сорвали 4 января [1920 г.], когда уже было достигнуто соглашение по главнейшим пунктам, когда мы узнали, что [Иркутский] Политический центр берет на себя обязательство объединить все группировки, имеющиеся в России, под какой-то единой властью, когда мы [у]видели в этом возможность создания единой власти, возможность прекращения братоубийственной войны, ибо оно невозможно было при создании каких-то не связанных ничем, борющихся с центром единичных группировок,— мы отказались от нашей мысли о передаче власти Деникину, ибо это было бы сохранением идеи противобольшевистских группировок.

Было достигнуто соглашение и о золоте. Неправильно совершенно трактует обвинитель, что была мысль или намек, хотя бы в этой нашей телеграмме и в наших действиях, о передаче золота [иностранцам]. Червен-Водали уже объяснил: была забота о сохранении его, ибо оно фактически было захвачено чехами. И нам нужно было вырвать от союзного командования формальное обязательство, что оно его примет [под свою охрану].

Переговоры были сорваны, я не знаю зачем. Я боюсь думать, что целью этого срыва было желание получить в свои руки нас, которые носили громкое название правительства, которые по списку, составленному [Иркутским] Политическим центром, назывались министрами, но министрами не были, чтобы потом ценою наших голов выгородить свои. Я боюсь думать об этом. Не знаю, было ли это так, но переговоры были сорваны. И с того берега [Ангары], где я ночевал в чешском поезде, где у меня были знакомые среди чехов, я вернулся в город [Иркутск], переправившись туда на лодке, и на другой день явился в Политический центр сам. Неправильно показал здесь свидетель Патушинский, что он впервые увидел меня арестованным в Политическом центре. Нет, он меня видел, когда меня арестовали там. Затем я попал в тюрьму.

Что же я делал перед этим, сам лично я, Александр Михайлович Ларионов, не как член «тройки», а как глава своего ведомства?

Я продолжал свое дело. При помощи чехов, с которыми я по прибытии в Иркутск вступил в теснейшие деловые связи, и начальников военных сообщений, которые ежедневно бывали у меня совместно с представителями американской военной миссии, сформировал 10 составов из чешских вагонов, отданных мне, и пустил их в обращение для перевозки под чешской охраной угля из Черемховских копей. Куда же? По направлению к Ачинску и Красноярску.

При помощи американцев я направил несколько поездов с хлебом из Харбина для черемховских рабочих, [так как] надо было поднять производительность копей. После того, как Глазково и ст. Иркутск были захвачены повстанцами, я снабжал деньгами Томскую ж[елезную] д[орогу], находившуюся уже в полосе восстаний, так как я получил телеграмму о безвыходном положении служащих и рабочих, не получивших жалованья за декабрь [1919 г.], так как связь с управлением была прервана. Вместе с ассигновкой было выдано, благодаря моим просьбам, 40 миллионов рублей. И, благодаря чехам, они были отправлены на ту сторону.

Я в свой текущий счет совершенно законно и легально — что почему-то обвинитель нашел нужным здесь ставить мне в вину, упоминая только о переводах на Дальний Восток,— перевел 10 миллионов [рублей] в Красноярск для оплаты служащим красноярских [железнодорожных] мастерских. На восток я перевел 2 500 000 руб[лей] для обеспечения служащих тех учреждений министерства, которые там были: служащих междусоюзного комитета и экспедиции, которые были туда посланы, и затем выдал один миллион Ленско-Байкальскому водному округу для расплаты [со] служащим[и] на месте. Почему-то эти законные мои действия обвинитель нашел нужным здесь подчеркнуть.

Наконец, мне были поручены еще дела министерств снабжения и торговли и промышленности. Заботиться о них приходилось потому, что в министерстве снабжения к этому времени никого не осталось. Министерства не было, а товарищ [министра] его [Н. А.] Мельников уехал на восток. И мне тут приходилось вызывать к себе чиновников, узнавать, каково положение с продовольствием в Иркутске, и переправлять, пользуясь посредством чехов и американцев, уголь для рабочих электрических станций. Вот что я делал, и вот за что я попал в тюрьму.

И здесь, ожидая этих ужасов, я торопился использовать остающееся мне время для того, чтобы то дело, которое я вел, не заглохло. Я из тюрьмы послал пять депеш Иркутскому совету рабочих депутатов, а затем комиссару транспорта по этому вопросу, который требовал немедленного распоряжения, между тем как время шло. Я послал записку, чтобы был организован розыск и охрана материалов с тем, чтобы использовать эти материалы, и инженер Каменский был отправлен с этой целью в Москву.

Послал записку о «своем» вагоне относительно того, что надо двигать дальше дело, о выработке дымогарных труб и бандажей на Урале. И это дело было также надежно двинуто. Также указал на необходимость мероприятий по заготовке льда и [подготовке] льдохранилищ, так как вагоны-ледники должны были понадобиться для организации перевозки скоропортящихся продуктов в течение летнего времени. И, наконец, послал большую записку о восстановлении углеснабжения — большого дела для восстановления хозяйства — с цифровыми данными, с указанием ряда начинаний, которые были сделаны, но не были завершены; с указанием [о] разработке копей, которую следует развернуть, и [о] необходимости снабжения железных дорог к определенному сроку, так как новые люди, мало занимавшиеся этим, могли не знать этих запасов. Эта записка также дала возможность сделать то распоряжение, которое я просил сделать.

Когда мне пришлось являться к заместителю народного комиссара путей сообщения [В. М. Свердлову], работавшему в Иркутске, за некоторыми деловыми справками, я дал ему целый ряд таких указаний и через него преодолел много затруднений. И вот оказывается, что высшие представители советской власти в Иркутске нашли нужным просить о моем освобождении из тюрьмы. Я знал там, что мои сослуживцы, все сверху донизу, по министерству путей сообщения на другой день после моего ареста подали в чрезвычайную [следственную] комиссию [Иркутского] Политического центра просьбу, чтобы отпустить меня из тюрьмы, что они берут меня на поруки, что я никогда не скрывался и мой арест всегда был возможен. Затем я узнал, что об этом просил и председатель Политического центра [Ф. Ф. Федорович[41]]. Все эти документы имеются в делах.

И, наконец, я был выпущен, как оказывается, под поручительство или по указанию приехавших в Иркутск высших представителей советской власти[42]. Эти данные позволяют думать, что лица, которые за меня ходатайствовали, знали, что я не принадлежал к числу тех, кто убегает, спасается или скрывается куда-то на восток или за границу для того, чтобы организовать какой-то новый центр, угрожающий рабоче-крестьянской России. Я думаю, что не были слепы те, кто отпускал меня из тюрьмы в Иркутске только по подписке о невыезде, и я жил там на свободе и никуда не выезжал. Вот все мои объяснения.

Я никуда не уехал. Я помню и приказ из Омска, по которому все министры и товарищи министров были арестованы и преданы суду и очутились на этой скамье. И когда я оглядываюсь на моих сотоварищей по работе и по несчастью, мне припоминается один эскиз Клода Фаре: гибнет броненосец, подбитый вражеской миной. Гибнут люди у пушек, плывут спасающиеся люди. Броненосец погружается, тонет. А в глубине его работают полуголые люди, подбрасывающие уголь, чтобы машина действовала. И старший механик работает. Машина работает, электричество не гаснет, насосы работают. Но ближе, ближе надвигается волна. В конце концов корабль тонет. И гибнут все, которые работали.

Когда я думаю об этой картине, я завидую им. И мне приходит иногда кошмарная мысль продолжить эту сцену. А вдруг этот корабль спасся? Вдруг он выбросился на берег? И этот механик, который был на посту до конца, чудом вышел из своего металлического гроба? И победители, захватив этот корабль, захватили и его, сажают его в тюрьму, предъявляют обвинение и судят его по обвинению в том, что у адмирала, ведшего эскадру, был неправильный компас.

Мне думается, что это кошмар. А если бы этого кошмара не было, я пожалел бы этого механика. Пожалел бы, почему какая-нибудь шальная граната не убила его тогда, когда он был там, у себя, у котлов на тонущем корабле.

Я кончаю свои объяснения и благодарю революционный трибунал заранее за тот приговор, который ему угодно будет постановить.

Степаненко. Отвечая за свою деятельность, я вполне понимаю то важное значение, какое будет иметь тот приговор, который произнесет революционный трибунал.

Но для меня страшен и другой приговор. Это приговор моей собственной совести. Я всегда думал, что преступность деяния оценивается не только по реальным последствиям каждого деяния, но оценивается и по тем намерениям, какими оно обусловлено, поскольку оно было совершено сознательно и умышленно. И потому совесть моя молчит.

Я происхожу от крестьянского сословия. В студенческое время я воспитал свое миросозерцание в духе народных идей. И всю свою жизнь работал в сфере

технической. Техническая сфера меня увлекала всегда, когда мне была предоставлена соответственная инициатива.

Здесь при [Временном] Сибирском правительстве то положение и та работа, которая мне была предоставлена, служили естественным продолжением той работы, какую я выполнял в течение всех 30 лет. В тех случаях, когда мне приходилось непосредственно соприкасаться с рабочими и мастеровыми, я встречал доверие и расположение ко мне со стороны рабочих. Таким образом, ни по рождению, ни по душевной своей структуре в моей душе не могло быть таких стимулов, которые бы возбуждали во мне деятельность, клонящуюся ко вреду народа.

В течение всей жизни я не накопил никаких материальных благ. И единственно что я сохранил — это свободная чистая совесть. И голосом этой совести я заявляю, что в моей душе не было никаких намерений, направленных против трудящихся масс, против народа, к которому я принадлежу.

Жуковский. Я не буду утруждать внимание революционного трибунала дополнительными объяснениями. Материалы мои настолько несложны, что я верю, что о них никакого разъяснения не требуется. Я надеюсь на ваш справедливый приговор. Я верю, что вы дадите мне возможность работать на пользу народа.

Писарев. В настоящий момент имею честь покорнейше просить — я много хотел сказать, но не буду утруждать ваше внимание. Скажу только, что томит мою душу в данное время. В материалах, которые находятся в вашем следственном деле, касающихся меня, имеется многое, на основании чего народная совесть может так или иначе произвести справедливый и милостивый суд. Этим я прошу дать мне возможность закончить свое слово.

Клафтон. Прежде, чем я скажу слово о себе перед чрезвычайным трибуналом, я еще должен установить фактическую сторону одного события, на которое здесь ссылался обвинитель и которое имеет значение не для меня. Это доброе дело, дело человеколюбия. Но из которого делаются выводы неверные. Я говорю об обмене заложниками.

Из той радиотелеграммы, которая имеется в деле, вы имеете возможность убедиться, что я выполнял задачу не только обмена заложников — женщин и детей, но и политических деятелей. Я не говорил подробно об этих переговорах и о сущности переговоров, полагая, что суду они не необходимы. Но так как они послужили поводом для обвинения, то позвольте мне сослаться на эти подробности, которые я лично не хотел сообщать.

Вы видите, что в числе заложников, [кроме] взятых чехословаками женщин и детей, значится около десятка политических деятелей, советских деятелей. Каким образом они туда попали? Когда я уезжал из Москвы, то мне было дано обещание, что, обмениваясь этими заложниками, будет дано намеренно большее количество, чем то, которое советские деятели могут получить от чехословаков. И было дано мне [такое] обещание потому, что при выезде из Уфы часть заложников, уфимских граждан во главе с т[ов.] Толстым, не была довезена, ибо с ними произошло то же самое несчастье, которое произошло в Иркутске. И это событие так тягостно подействовало на советских деятелей, что мне было дано обещание в обмен на сравнительно небольшое количество [заложников] дать много других[43]. Я не говорил об этих подробностях, потому что вы поймете, что мне незачем было касаться этого вопроса.

Когда я уже переходил через фронт, ко мне обратился политический комиссар, не знаю из которой [советской] армии, [с вопросом,] не могу ли я похлопотать еще за нескольких лиц? И этих лиц я также включил в список заложников.

Они были также взяты и арестованы чехословаками, а не были заложниками. Когда обсуждался список, относительно каких лиц[, находящихся в советской России,] может быть обмен на женщин и политических деятелей, я, будучи членом партии народной свободы, не позволил себе представить лиц партий, мне неизвестных. Поэтому я обратился к представителям других партий, одним из которых был тот человек, за которого я хлопотал и который произвел восстание в Барнауле. Он указал мне лиц совершенно неизвестных. Я и сейчас не знаю, кто такой Абрамович. Я знаю, что это крупный деятель, но лично его совершенно не знаю.

Когда моя радиотелеграмма была получена в Москве, мне было отвечено, что такие-то свободны, другие находятся в тюрьме как лица, посягавшие на советскую власть, и часть была освобождена. Как вам известно, обмен не состоялся. Произошло освобождение лиц, которые были вывезены чехословаками. Они были отбиты. И были отпущены в советскую Россию те, кто был заложниками. Причем факт о выезде заложников из Уфы относится к последним числам декабря [*1918* г.]. Такие деятели, как Кишкин, были отпущены в мае [*1919* г.]. Когда был отпущен Алексинский, мне совершенно неизвестно. Я впоследствии узнал, что он был отпущен по моему ходатайству. Как вы видите, это освобождение было также актом доброго дела и человеколюбия советских деятелей, которые получили женщин и детей, находившихся заложниками. Это обстоятельство еще необходимо отметить в интересах истины.

Теперь перейду к слову о себе. Мое положение среди остальных подсудимых особое. Меня также обвиняют в соучастничестве. Но я не член правительства. Я не министр, не товарищ министра, не чиновник. Я всю жизнь не был чиновником, никогда не участвовал ни в каких законодательных актах или управлении. Я русский писатель и земец. Я защищал не правительство. И обвинение не указывает, чтобы я когда-нибудь защищал что-нибудь преступное. Я защищал дорогие мне идеи, которым я служил всю жизнь. Эти идеи совпадают в некоторой части с идеями политическими, постольку совпадала и моя деятельность с деятельностью последних.

Здесь некому говорить о моей прошлой деятельности. Я здесь чужой человек. Но должен вам сказать, что в эти две недели нахождения моего на скамье подсудимых 30 лет кончилось, как я держу перо в руках. Я уже упоминал некоторые этапы моей публицистической деятельности. Не буду останавливать на этом ваше внимание. Я начал эту деятельность с 19 лет и с этих пор сижу по тюрьмам. Я сижу в тюрьме четвертый раз, и, конечно, не за защиту банкиров, а за службу народу, врагом которого я теперь считаюсь.

Как политический деятель с января по июль [1919 г.] я был председателем [президиума] Восточного отдела [ЦК партии народной свободы], который смешивали здесь с омской группой [кадетов]. И это незнание дало повод смешать имена деятелей Восточного отдела [ЦК] партии народной свободы с деятельностью Жардецкого или лиц, деятельность которых открывается для меня впервые по вопросам [Омского] вопрома. Я слышал, что они дельцы. Но многое я узнал впервые. К счастью моему, видно, гражданин обвинитель поверил, что общего между мною как председателем [президиума] Восточного отдела [ЦК] всей партии [кадетов в] Сибири и деятельностью Жардецкого нет ничего, ибо в обвинительной речи он уже нас разделял. А когда он меня упрекал в том, почему я не исключал из партии таких лиц, я ответил: к этому были формальные причины. Возможно, что это слабость моя. Если бы я был сильнее, здесь вы слышали бы не один протест против

казни, а много. Я устал от этой борьбы и ушел. Может быть, нужно было не уходить [от борьбы], а продолжать ее более энергично.

Как писатель, на старости лет я получил обвинение в клевете. Всякий журналист понимает, что для него это очень тяжкое обвинение. Я уже объяснял, когда говорил об источниках [информации], от которых нами получались сведения, откуда мы их берем. Но позволю ваше внимание остановить на многих фактах, которые рисуют обстановку, в которой я работал, ибо они показывают, как тяжела была работа. Вы слышали здесь от Шумиловского, какая информация была в обществе, когда он вступил в министерство. Я бы столько мог рассказать газетных анекдотов, которыми кормилось сибирское общественное мнение.

Я так же, как другие, хотел поправить недочеты управления. Я также пытался поправить недочеты печатного дела и информации. К ряду фактов, здесь сообщавшихся, я вам скажу только один. Сообщалось, что в Пензе был поставлен памятник Иуде Искариотскому. Но для того, чтобы улучшить дело печати, нужно было много журналистов, которых в Сибири не оказалось. Обстановка внешнего и внутреннего фронтов была такова, что получать сведения было почти невозможно. Советские газеты доходили с трудом. Попытка получать сведения оказалась почти немыслимой. Ни одна телеграмма не доходила, посланная из Красноярска. Когда мы послали туда сотруднику шифр, чтобы сообщать телеграммы, то он был вызван к Розанову, который потребовал шифр. Он (сотрудник.— *В. Ш.*) отказал. В результате приходилось посылать курьеров, чтобы получать сведения.

Когда мы попытались некоторые сведения, слишком тяжкие для печати, сообщать правительству и самому адмиралу [Колчаку], то один эпизод указал нам, как опасен этот путь. Была прислана корреспонденция с фронта, рисующая положение вещей правдиво до ужаса. Мы отправили эту корреспонденцию Верховному правителю. После этого я был вызван в контрразведку, где мне сказали, что мне предлагается впредь не сообщать такого рода сведений, которые так тяжко рисуют положение, потому что они затрагивают чувство патриотизма. Я спросил, от кого идет такое распоряжение. И, к ужасу, услышал, что от самого Верховного правителя.

Когда газета, созданная здесь нами,— она просуществовала всего 15 дней — попыталась напечатать статью военную, нам прислали бумагу от Дитерихса с предупреждением, что, если повторится что-нибудь подобное, газета будет закрыта.

Когда в моей газете появлялись стихотворения или статьи против иностранцев (а нами проводилась идея единой России, которая неприятно действовала на иностранные войска), то французская миссия через министра иностранных дел [Российского правительства] Сукина оказала давление. И министр иностранных дел дал нам соответствующее словесное распоряжение. Вот вам обстановка, в которой нам приходилось работать.

В значительной степени, конечно, я должен признать и себя и моих сотрудников виновными. Виновными в том, что в пылу борьбы допускали слишком страстные слова. Не было беспристрастной оценки, допускались карикатуры, преувеличения. Но заверяю вас, что клеветы, а клевету я понимаю как ложь заведомую, в наших изданиях не было. Напротив, поскольку мы имели возможность эти сведения получать, мы сообщали голую правду в сведениях о советской власти. Я остановлюсь на 15 статьях профессора Макарова, где были отмечены все положительные стороны советского законодательства в экономической области. Таковы же были брошюры и статьи, рисующие деятельность Луначарского в области так называемого Пролеткульта.

В значительной степени нас могут обвинить благодаря тому обстоятельству, что здесь, кроме учреждения, которое находилось в моем управлении,— Русского бюро печати, существовали десятки, сотни, а может быть, и больше всяких других организаций — осведверхи, осведармы, осведказак[44], особый отдел, представителя которого [Деминова] мы здесь видели. Все это выпускало ворохи бумаги. И публика не разбиралась, откуда что идет.

В политической деятельности гражданин обвинитель бросил мне упрек по поводу моей близости к Жардецкому. На его вопрос, знал ли я Гессена и знал ли я, что Гессен работает теперь над союзом с Германией, я позволю себе сказать несколько слов. Лично Гессена я не знал. Но как писателя и общественного деятеля знал. И могу сказать, что если виднейший лидер партии Милюков встал на точку зрения германской ориентации, но не [с]мог увлечь партию, которая предпочла разрыв с Милюковым, чтобы не объединиться с Германией, и Милюков вернулся, заявил, что партия была права, то как может ее увлечь Гессен?

Мы, которые видели не издалека, а здесь перед собою все ужасы гражданской войны, мы можем с открытой душой и совестью сказать: безумцы те, которые думают, что война гражданская не кончена. Вдвое безумцы те, которые могут идти с поляками или с немцами против России. С ними никто не пойдет. Они будут бороться не только против советской власти. Они будут бороться против всей России, ибо те люди, которые веруют в единую Россию, хотя бы они принадлежали к разным партиям, они будут по эту сторону, но не по ту. Это мое глубокое убеждение. И я думаю, что его разделяют все.

Какую-то странную тень хотел бросить здесь один свидетель на меня и моих товарищей. Он в то же время употребил выражение, которое меня вполне удовлетворяет. Он сказал, что нас считали *профессорски неприспособленными для другой, кроме издательской, работы*. Действительно, отчасти он прав. Мы были не приспособлены к другой, кроме писательской, работы не по профессорской, а по нравственной неприспособленности. Когда мне поручили Русское бюро печати, просуществовавшее около четырех месяцев, мы совершенно не думали заниматься агитационной литературой. Мы хотели издавать классиков. Хотели создать телеграфное агентство, как за границей. В результате судьба нас бросила в издательство комическое, за политический характер которого нам и попало.

Из разбора всей моей прежней деятельности видно, что я и мои друзья к заведомой лжи не способны. Мы можем ошибаться, заблуждаться, раздраженно преувеличивать, но лгать мы не можем. Во мне вы видите своего идейного противника, и только. Противника, который боролся пером. Но должен сказать, что сам лично я не писал. Судите меня за то, что я сам сделал. И не вменяйте мне в ответственность чужих дел, чужих грехов и чужих преступлений.

Когда вы будете меня судить, я прошу не забывать о том, что я старый земский деятель, стоявший 20 лет во главе всей культурно-просветительной работы Самарского — старейшего в России — земства, что я создал Самарский народный университет и собрал все известное в педагогической литературе по организации детских садов. Я не буду утруждать [вас] перечислением моих заслуг, но прошу помнить, что на мне нет ни одной народной копейки, ни одного слова, ни одной мысли, которые могли бы иметь отношение к человеческой крови.

Цеслинский. Я не буду обременять революционный трибунал многословием. Позволю себе только сказать, что службу по ведомству я начал 1 января 1888 г. и продолжал непрерывно по 6 января 1920 г. По просьбе чинов главного управления [почт и телеграфа] в этот день я отправился к председателю [Иркутского]

Политического центра, чтобы доложить ему о том, что чины главного управления просят указаний и разъяснений о том, какова их дальнейшая судьба. Здесь я был арестован и по настоящее время нахожусь в тюрьме.

За время моей продолжительной службы мне пришлось нести весьма упорный и тяжелый труд. И революция [19]17 года меня застала уже на должности начальника Иркутского почтово-телеграфного округа. Здесь [контр]революционные власти, присмотревшись к моей деятельности, очевидно в Уфе на совещании Учредительного собрания[45], выдвинули меня на пост главы ведомства. И вот я получил предложение занять должность министра почт и телеграфа. От этой должности я отказался наотрез, потому что не считал себя подготовленным к политической деятельности. Когда мне предложили пост начальника главного управления почт и телеграфа, я долго колебался. Наконец, принял эту должность. И, состоя на службе всю жизнь, я привык нести полную ответственность за свои действия. И в настоящее время, если я в чем-нибудь виноват, прошу меня судить.

Я считаю, что все обстоятельства моего дела объяснены в достаточной степени, и добавить ничего не могу.

Ячевский. Вчера я имел честь представить трибуналу свои объяснения о предъявленном мне обвинении. И теперь с полным спокойствием, которое свойственно преклонному возрасту, я жду вашего решения, уверенный, что вы на основании изложенных данных и объяснений совершенно объективно взвесите степень моей вины и утвердите меру наказания.

Грацианов. Я вступил в состав [Временного] Сибирского правительства через полтора месяца после его образования с исключительной целью улучшить положение городского и общественного управления, которое находилось в самом бедственном положении, и оградить его права. Я сделал все, что мог сделать. Сделать больше я не успел, потому что мне воспрепятствовали руководящие лица и военные власти. В Совете Верховного правителя, в декабрьских событиях [1918 г.], в ассигновании средств на борьбу с советской властью, в сношении с заграницей, [в] военных событиях не принимал никакого участия, равно как и [в] политической деятельности правительства за последний год, потому что в этот год я вышел в отставку. И, выйдя в отставку, я занял в Томске место городского головы по избранию.

Моя деятельность в составе правительства была дважды подвергнута обсуждению со стороны того общественного управления, которым я был послан, которое следило за каждым шагом моей деятельности и высказало мне полное одобрение в моих работах.

Я всегда работал вместе с народом, в полном контакте с ним. Врагом его никогда не был и никогда не буду.

Палечек. Граждане члены трибунала. Перед вами в процессе, который прошел, прошли все обстоятельства, которые касаются меня. Я думаю, что вы внимательно отнесетесь ко мне и оцените долю моего участия. У меня одна просьба. Вся жизнь моя была работой на пользу народного просвещения. В этой области моя совесть совершенно спокойна. И я верю, что ваш приговор даст мне возможность вернуться к этой работе.

Молодых. Я уроженец Иркутской губ. За исключением того времени, которое употребил на получение высшего образования, всегда жил в Сибири, всегда работал и интересовался делом в сфере хозяйственно-экономических отношений в крестьянском быту. Работал там около 8 лет в Сибири. Я должен был уехать из Сибири и работать в переселенческом отделе. Я занялся организацией хозяйст-

венно-экономических условий переселенцев. Я занялся организацией учреждений, которые стояли весьма низко. Я старался работать в этом деле, которое я люблю. И могу сказать, что я сделал довольно много.

Это же мое стремление и влекло меня в Сибирь, когда здесь уже не оказалось возможности начать работу. Вследствие тех же обстоятельств я не уехал во Владивосток, а [поехал] на запад. Я поехал в Иркутск, зная, какие события должны произойти в дальнейшем. Любя Сибирь, я более всего поражен был тем, что развернулось передо мною на процессе, потому что я не ожидал такой страшной картины, которая была перед нами. И вижу, что действительно сделал большую ошибку, что не ушел раньше [из состава правительства], а увлекся мыслью все-таки что-нибудь сделать для несения работы в области упорядочения снабжением.

Больше я ничего не имею сказать. И буду считать всякий приговор, который вы вынесете, справедливым по отношению ко мне.

Дмитриев. Двенадцатилетняя служба, предшествовавшая моему вступлению в министерство, организация переселенческого управления, ныне име[ну]ющегося «государственная сельскохозяйственная коммуна», где я заведовал продовольственным делом Сибири и зернохранилищами, дали мне возможность вступить в министерство продовольствия товарищем министра. Я надеялся, что это продовольственное дело, которое перешло преемственно к министру продовольствия, мне удастся сохранить. А зернохранилища были дороги для меня, потому что я их основал в четырех губерниях. И в настоящее время они, вероятно, находятся в продовольственных органах советской власти и, вероятно, будут развиваться, потому что если они развивались и крепли при царской власти, то теперь для них полная свобода развития налицо.

Но, поступив в министерство [продовольствия], я скоро увидел, что мне не придется ведать этими зернохранилищами. Я был второстепенным помощником министра. И они были переданы другим лицам, и поэтому мне пришлось в скором времени из министерства уйти.

Здесь на судебном следствии была установлена моя непричастность к политической деятельности как министерства продовольствия, так и Совета министров, большого и малого.

Относительно моего участия [в правительстве] я сам сказать или прибавить к словам защитника ничего не могу. Ожидая вашего приговора, граждане члены трибунала, я надеюсь, что вы дадите мне возможность продолжать ту работу в Сибири в продовольственном деле, которую я вел в течение 12 лет.

Карликов. Дополнить к своим объяснениям и к словам защитника ничего не имею. Надеюсь на [справедливый] приговор чрезвычайного трибунала.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Введенскому.

Введенский. Единственной целью моей работы в правительстве был отдел топлива и снабжения, о чем не было сказано ни одного слова. Я не буду утруждать внимания чрезвычайного революционного трибунала техникой и затруднениями, встречавшимися в этом деле. По должности товарища министра я получил предписание участвовать в небольшом числе заседаний малого Совета [министров]. Дело это прошло перед революционным трибуналом, и я ожидаю справедливого приговора.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Василевскому.

Василевский. Я состоял товарищем министра труда. Дело мое прошло перед революционным трибуналом. Добавить ничего не могу и жду вашего приговора.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Третьяку.

Третьяк. Я уже сказал по своему делу все существенное и поэтому прошу чрезвычайный революционный трибунал мое первое слово на этом процессе считать и моим последним словом.

Признаю свою тягчайшую вину перед революцией в том, что я своевременно, благодаря создавшейся обстановке или, быть может, слабости своих сил, не взорвал и не пустил на воздух созданный по указке из Лондона омский государственный притон.

Председатель. Объявляю перерыв до завтрашнего дня, до 5 часов вечера.

Глава двенадцатая

ЗАСЕДАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

[Заседание чрезвычайного революционного трибунала,] 30 мая 1920 года

Председатель. Объявляю заседание чрезвычайного революционного трибунала открытым. Слово предоставляется подсудимому Новомбергскому.

Новомбергский. Члены чрезвычайного революционного трибунала. Я просил вас обратить внимание при обсуждении моей вины на то, что я служил в правительстве Колчака всего только два месяца с небольшим. В январе [1919 г.] я подал в отставку и выехал в Томск для чтения лекций. Следовательно, за последние одиннадцать месяцев [деятельности колчаковского правительства] я совершенно не могу быть ответственным.

Но за то время, когда я служил, перед вами прошли следственные материалы. И ни с одним из тех преступлений, картины которых здесь были развернуты в связи с колчаковщиной, я не был связан. Я ушел по собственному почину, несмотря на то, что меня удерживали. Ушел потому, что я отлично понял характер, систему и руководителей и в то же время не имел уверенности в возможности исправить эту систему, чем, к сожалению, отличались другие лица, сидящие со мной на скамье подсудимых.

Но все-таки я пробыл два месяца с лишним [в составе колчаковского правительства]. И это меня заставило призадуматься над тем, что же я сделал за это время. Если я ничего не сделал для славы колчаковщины, для отображения ее, то, я думаю, мое пребывание в этом правительстве обязывало меня к разоблачению того строя, против которого я должен идти.

Уйдя из этого правительства, я сейчас же энергично предпринял борьбу за сохранение [Омского] сельскохозяйственного института — единственного высшего учебного заведения, в котором я состоял организатором новых факультетов и над которым был занесен меч. Как ни странно, это единственное высшее учебное заведение, предназначенное для поднятия крестьянского местного хозяйства, должно было быть уничтожено по приказанию министра земледелия. Я вызывал свидетелей, которые подтвердили бы, какую я роль играл в борьбе с правительством за самостоятельность сельскохозяйственного института. Роль тогда выпала на меня руководящая. Все-таки нам не удалось сохранить самостоятельность сельскохозяйственного института.

Тогда я пошел в редакцию «Зари»[1], за два месяца до падения колчаковского режима. И здесь моя работа в качестве члена редакции совместно с социалистом, который 20 лет пробыл в Шлиссельбургской крепости[2], ушла на то, чтобы разоблачить все ухищрения и проступки [колчаковского режима]. Но работа моя была непродолжительна, потому что редакция была разгромлена военными властями без права возобновления.

После этого я искал возможности остаться для работы в Омске, и, не имея как профессор Томского университета законного права жительства, я записался в информаторы в одной большой казачьей газете. Тогда записывались информаторами много чиновников, не желавших идти на фронт. Мне это было не нужно. По моему положению я был освобожден [от воинских обязанностей]. Но [я] использовал это место информатора для того, чтобы заведовать финансово-экономическим отделом в Совете кооперативных съездов.

И первый вопрос, который я поднял, это вопрос о знаменитых хищениях во владивостокской таможне. Здесь много говорилось о преступлениях [генерала] Розанова. Но никто не упоминал о том, что под его предводительством намечалось расхищение миллиардной стоимости грузов, которыми были забиты ж[елезно]-д[орожные] склады. Там грузы накоплялись еще с 1914 года, не вывозились, и под его руководством открылась распродажа грузов во время их вывоза. Люди, приближенные к Розанову, делались миллионерами в один-два часа.

Далее. По моей исключительно инициативе, благодаря моим знаниям и настойчивости, я достиг того, что проект Экспортного государственного банка был провален, ибо сам министр [финансов фон] Гойер отказался внести его в Совет министров вследствие того, что замысел его был разоблачен. Я уже знал летом [1919 г.] о первой редакции устава [банка]. Затем эта редакция была переработана, и вторую редакцию [фон] Гойер был намерен внести быстро в Совет министров при содействии того центра [правительства], которого нет на скамье подсудимых. Я обращаю внимание на сущность этого проекта. Это было закабаление сибирского населения еще горшее, чем кровавые приказы генерала Розанова. По этому уставу Экспортного [государственного] банка министру финансов предоставлялась скупка всего сибирского сырья для заграничных рынков. И, таким образом, сибирское крестьянское хозяйство было бы закабалено произволом одного министра финансов.

Я внес доклад во Всекосовет[3], настаивал на собрании всех заинтересованных представителей казачества, и, несмотря на то, что на это заседание явился бывший министр финансов Михайлов, который участвовал в первоначальной разработке этого законопроекта, мне удалось провалить этот законопроект. В делах министерства финансов и Совета министров вы найдете этот проект. И вы увидите, до какой степени он являлся угрожающим для всего крестьянского хозяйства Сибири.

Но моя оппозиционность не случайное явление. Еще 10–20 лет тому назад я был в Иркутске членом редакции «Восточного обозрения»[4], в котором работали выдающиеся ссыльные: Ландау[5], Натансон, Ефр[емов][6] и потом нынешний народный комиссар [Л. Д.] Троцкий, который был в ссылке в Киренском уезде. И в «Заре», и в «Восточном обозрении» я отстаивал интересы миллионного крестьянского сибирского населения, не отстаивал интересов классов богатых. Я мог бы это подтвердить и другими справками.

Когда я приехал в Сибирь 24 года тому назад для изучения быта переселенцев Тобольской губернии, первый том моих сочинений по распоряжению министра внутренних дел Горемыкина[7] был изъят из обращения, а второй том был воспрещен к печати. Эта кара последовала за то, что я разоблачил переселенческую политику, указал, что она является не самостоятельной системой строения хозяйства, а является только отдушиной в интересах помещичьего класса в России.

Это стремление показать крестьянам, что они являются жертвой помещичьего класса, я донес до водворения в первый раз советской власти в Сибири, когда уполномоченный от народного комиссара земледелия приехал в конце 1917 г.

в Томск для организации там областных курсов по социализации земли, т. е. для подготовки местных работников из крестьянского населения для проведения закона «О земле». Ему указали на меня как на специалиста. Я, несмотря на давление справа и слева, подал письменное заявление об условиях, при которых я могу честно выполнять эту организацию. Вначале уполномоченный не соглашался на эту автономию, на которой я настаивал, но после недельных наших разговоров он мне доверился.

И я сорганизовал кадр преподавателей, должен был сначала обучить их этому закону и другим необходимым наукам. И провел эти курсы настолько [хорошо], что собравшиеся курсанты крестьянского сибирского населения от Томской губернии и [от] Тобольской до Иркутской [губернии включительно] преподнесли мне в конце адрес[, в котором говорилось], что только на моих лекциях (я им читал особый курс «История земельного законодательства в России как выражение классовых интересов помещиков») они поняли, как своекорыстно и беспощадно было земельное законодательство в [дореволюционной] России. Они выражали желание, чтобы в тех учреждениях, где будут решаться вопросы о земле для крестьян, я имел свое место. Этот адрес был в свое время распубликован в сибирских газетах. И об этом адресе я просил своих защитников, чтобы они выписали его из Томска. Но он не пришел к началу процесса.

Таким образом, проработавши 24 года, я могу открыто сказать, что я всегда стоял на страже интересов крестьян, быт которых я изучал с многократными опасностями для жизни. Если я два месяца присутствовал в правительстве Колчака, то я своей работой искупил эту вину. Я твердо уверен, что, взвесив все эти обстоятельства, члены революционного трибунала не поставят мне в вину самого факта пребывания в этом правительстве. И не придадите того чрезмерного значения, которое пытался придать обвинитель, тем репортерским заметкам, которые были вынесены на страницы сего словесного обвинения.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Хроновскому.

Хроновский. Граждане члены революционного трибунала, служба моя в составе Омского правительства главным образом сводилась к тому, чтобы было создано строгое народное самоуправление, чтобы в создании наших благ народ мог сам изыскать доходные средства, собирать их и участвовать в их расходовании. Я стремился к тому, чтобы построение податной системы было таково, чтобы оно наиболее отвечало насущным запросам жизни, чтобы оно содействовало системе трудовой повинности, чтобы оно давало действительные средства для борьбы со спекуляцией, чтобы оно могло ввести в закономерное русло все мероприятия по реквизициям.

Я глубоко верю в исключительную жизнеспособность и плодотворность той идеи, которую я вложил в свою деятельность. Я боролся за проведение в жизнь этой идеи, и когда задача оказалась эта непосильной, я оставил службу. Я считаю, что деятельность моя строго соответствовала демократическим принципам, что она не носила ни партийной, ни политической, ни классовой окраски. И я ходатайствую перед революционным трибуналом не считать мою деятельность преступной и не числить за мною тех проступков, которые поименованы в предъявленном мне обвинительном акте.

Председатель. Слово принадлежит подсудимому Малиновскому.

Малиновский. Граждане члены революционного трибунала, мною на судебном следствии даны подробные объяснения относительно той роли, которую я играл в общеполитической работе правительства, равно как и очерчен характер

ведомственной работы, исключительно проходившей в плоскости борьбы за закономерность, которую я нес в ведомстве юстиции. В настоящее время я имею очень немного дополнить к этим объяснениям и ходатайствую о том, чтобы степень моей ответственности была определена долей участия и мерой содеянного мною.

Председатель. Если защита не имеет добавлений, объявляю перерыв, в течение которого суд должен обсудить обвинение и на основании имеющихся материалов вынести приговор.

Перерыв объявлен в 6 час. 10 мин.

Председатель. Прежде чем объявить приговор, я должен объявить подсудимым, что в острый момент гражданской войны декретом Совета народных комиссаров все правительство Колчака было объявлено вне закона[8]. Считая, что в настоящее время, когда острый момент гражданской войны миновал, советская власть нашла возможным объявленное вне закона правительство Колчака судить. И, рассмотрев все делопроизводство и показания обвиняемых, суд вынес приговор, который предлагаю члену суда тов. Косареву объявить.

Косарев (читает).

Приговор

Сибирского чрезвычайного революционного трибунала при Сибревкоме 1920 года, мая 30 дня

Именем Российской Социалистической Федеративной Республики[9] чрезвычайный революционный трибунал при Сибирском революционном комитете в составе председателя тов. Павлуновского и членов тов. Косарева, Байкова, Мамонтова и Щетинкина, рассмотрев в заседаниях своих от 20–24 и 26–30 мая сего года дело членов самозваного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей — подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Краснова, Морозова, Преображенского, Ларионова, Степаненко, Жуковского, Писарева, Болдырева, Клафтона, Гришиной-Алмазовой, Цеслинского, Ячевского, Грацианова, Палечека, Молодых, Дмитриева, Карликова, Введенского, Василевского, Третьяка, Новомбергского, Хроновского и Малиновского и принимая во внимание, что еще до рассмотрения дела подсудимый Болдырев умер, а подсудимая Гришина-Алмазова была от суда освобождена, постановляет:

1) В отношении подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Краснова, Морозова, Преображенского, Ларионова, Степаненко, Жуковского, Писарева, Клафтона, Цеслинского, Ячевского, Грацианова, Палечека, Молодых, Дмитриева, Карликова, Введенского, Василевского, Третьяка, Новомбергского, Хроновского, Малиновского признать доказанным:

а) участие их в бунте и восстании при помощи и поддержке иностранных правительств против власти рабочих и крестьян с целью восстановления старого строя;

б) организацию подсудимыми истребительной вооруженной борьбы против власти рабочих и крестьян России;

в) расхищение и передачу подсудимыми иностранным правительствам достояния советской республики;

г) предательский призыв подсудимыми вооруженных сил иностранных империалистических правительств против страны, к которой они принадлежали;

д) организацию массового разрушения достояния Российской советской республики и имущества трудового населения ее;

е) организацию системы массовых групповых и единичных убийств трудового населения России.

2) Считаясь с тем, что, как это выяснилось из дела, часть подсудимых сохранила связи, которые могут им облегчить повторение преступлений, сходных с перечисленными в пункте 1, и стоя на страже жизни и достояния трудового населения советской республики, чрезвычайный революционный трибунал признает опасными для общественного строя республики подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Ларионова и Клафтона, а посему постановляет:

подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Ларионова и Клафтона подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять.

Что же касается остальных подсудимых, то, признавая опасным, за исключением подсудимых Карликова, Третьяка и Писарева, их пребывание на свободе, подвергнуть их лишению свободы с применением принудительных работ на сроки:

подсудимых Краснова, Грацианова, Степаненко, Морозова, Жуковского и Малиновского — пожизненно;

подсудимых Преображенского, Новомбергского и Ячевского — на все время гражданской войны;

подсудимых Цеслинского, Палечека, Молодых, Дмитриева, Введенского, Василевского и Хроновского — на десять лет;

подсудимого Карликова — условному лишению свободы сроком на пять лет с применением принудительных работ;

подсудимого Третьяка — ввиду его активного участия в борьбе за свержение самозваного правительства Колчака в Иркутске — условному лишению свободы сроком на пять лет с применением принудительных работ.

Подсудимого Писарева, ввиду недоказанности его душевной болезни и наличности основательных сомнений в его психическом расстройстве, поместить на испытание в психиатрическую лечебницу.

Подлинный подписали: председатель Павлуновский.

Члены: Вл. Косарев, М. Байков, Мамонтов, Щетинкин.

Павлуновский. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. О смягчении участи подсудимых можно ходатайствовать во ВЦИК. Приговор входит в силу по истечении 24 часов с момента объявления. Приговор объявлен в 8 [час.] 10 [мин.] с 30 [мая] на 1 июня. Значит, с 1 на 2 [июня] в 8 [час.] 10 мин. приговор входит в силу.

Подсудимые Третьяк и Карликов могут быть освобождены с тем, что они завтра должны явиться к председателю чрезвычайного революционного трибунала.

Заседание чрезвычайного революционного трибунала по делу о самозваном правительстве Колчака закончено.

Ааронов. Подсудимые Шумиловский, Червен-Водали, Клафтон и Ларионов просят о смягчении [приговора и] о помиловании.

Павлуновский. Подача такого прошения приостанавливает приговор.

Ааронов. Разрешите занести в протокол, [что] они меня уполномочили на подачу этого прошения.

[Подписи отсутствуют.]

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 2–2а. Машинописный отпуск.

Глава тринадцатая

ЭПИЛОГ

№ 39
ХОДАТАЙСТВО ЗАЩИТНИКОВ ВО ВЦИК СОВЕТОВ[1]

[*г. Омск*] [*31 мая 1920 г.*]

Чрезвычайным Сибирским рев[олюционным] трибуналом приговорены к смертной казни [по] делу колчаковского правительства Шумиловский, Червен-Водали, Клафтон, Ларионов. Трибуналом объявлено: смягчение участи зависит от ВЦИК в порядке помилования. Мы, защитники осужденных, по специальному их уполномочию, зафиксированному трибуналом, ходатайствуем [о] смягчении приговора [и] замене [его] другой карой.

Шумиловский был министром труда, никакого влияния [в] направлении политики [правительства] не имел. Заправилами [колчаковщины] высмеивался, реакционной печатью подвергался нападкам. Все время в Совете министров был оппозицией, протестовал против закона [о] смертной казни, режима расстрелов, насилий. Оставался министром [труда], стремясь сохранить что-нибудь [из] завоеваний рабочего класса, его организации. В частности, усилиями Шумиловского сохранились больничные кассы, биржи труда, 8-мичасовой [рабочий] день. Его профессия — педагог, имеющий печатные труды. В прошлом — выборщик социал-демократов во 2[-ю] и 4[-ю Государственные] думы, многократно преследовавшийся царизмом.

Червен-Водали, врид заместителя председателя Совмина, привлечен в состав колчаковского правительства в последние недели его существования в Иркутске [с] целью демонстрировать уступку общественности, так как, состоя в Омске членом [Государственного] экономического совещания, был оппозицией, протестовал против террора, произвола и реставрационных попыток. Врид зампредсовмином оказался случайно ввиду отъезда из Иркутска главарей: Пепеляева, Третьякова. Иркутск благодаря ему избавился [от] террора [и] расправ, происходивших [во] всех городах Сибири. Зверское убийство семеновцами [на] Байкале 31 арестованного произошло вопреки всем принятым им мерам. Образован, окончил юридический [и] физико-математический факультеты, в прошлом большой земский [и] городской деятель.

Клафтон, председатель Русского бюро печати, послан в конце лета [19]18 г. из Москвы для переговоров с чехословаками [об] обмене заложниками. Выполнив миссию [и] освободив, между прочим, семьи Цюрупы, Брюханова [и] Эльцина[2], тяжко заболел в Самаре и без его воли эвакуирован в Омск. Здесь [был] выдвинут кадетами председателем [президиума] Восточного отдела [ЦК] партии, затем — председателем [Русского] бюро печати. Представлял левое течение своей партии,

боролся против главарей Омской организации партии кадетов — главных вдохновителей колчаковщины. Образование — врач. В прошлом отбыл 6 лет крепости по делу народовольцев, был редактором первого марксистского органа в Самаре, земский деятель, многократно преследовался царизмом.

Ларионов, товарищ министра путей сообщения, руководивший технической эксплуатацией железных дорог в Сибири. Принимал все меры [для] борьбы с бесчинствами военщины [в] отношении железнодорожников. В руководстве общей политикой [правительства] участия не принимал. Образование — железнодорожный инженер. Обладает исключительными теоретическими [и] практическими познаниями, работами и заслугами [в] области железнодорожного дела, был преподавателем механики, эксплуатации железных дорог, начертательной геометрии [в] петроградских институтах путей [сообщения] и политехническом. Был представителем русских железных дорог на международной Бернской конференции [19]14 г. Имел научные командировки от институтов. Служебный стаж имеет с [1]900 г. на ответственных должностях. Имеет много печатных учебных работ по железнодорожному делу, [в] частности имеет патент на универсальный товарный вагон, изобретение [которого находится] в периоде осуществления. В прошлом неоднократно преследовался царизмом [за] политические убеждения, в частности как председатель первого съезда рабочих [и] служащих Владикавказской железной дороги 1905 г. При совет[ской] власти был главным техническим советником Алтайской жел[езной] дороги.

Главные руководители и вдохновители колчаковщины частью уничтожены, частью скрылись. Все осужденные участники — случайные, третьестепенные [лица]. Имея полную возможность своевременно скрыться, [они] добровольно явились в Иркутск, передав себя [в] распоряжение власти, сохранив неприкосновенными все дела, документы.

Раскрывшиеся в суде ужасы колчаковщины произвели уничтожающее впечатление [на] самих осужденных и в корне изменили их собственную оценку своего участия в колчаковской власти, что и привело их к мысли ходатайствовать о помиловании перед высшим органом советской власти.

Смерть этих людей бесполезна и вредна для дела революции. Они, безусловно, безопасны для советской власти, а их знания и опыт могут быть использованы в интересах трудового народа.

Во имя гуманности и ознаменования побед революции убедительно просим о сохранении жизни осужденным.

Защитники *Ааронов, Айзин, Бородулин.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12. Машинописный подлинник. Автографы Я. М. Ааронова и В. Л. Айзина.
ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 500. Л. 23. Машинописный отпуск.

№ 40

ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ[3] А. К. КЛАФТОНА, А. М. ЛАРИОНОВА, А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ И Л. И. ШУМИЛОВСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ В. И. ЛЕНИНУ

[*г. Омск*] [*31 мая 1920 г.*]

Тридцатого мая чрезвычайным [революционным] трибуналом по делу колчаковского правительства мы, Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов [и] Клафтон,

приговорены [к] расстрелу. Усиленно просим Вас [о] смягчении приговора. Даем слово не участвовать в какой-либо борьбе против советской власти, относиться к ней с полной лояльностью и, если понадобится, честно служить ей.

Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов, Клафтон.

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 46. Машинописный отпуск.
ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 500. Л. 24. Телеграфная лента.

№ 41
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ А. К. КЛАФТОНА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ В. И. ЛЕНИНУ

[*г. Омск*] [*31 мая 1920 г.*]

Ради прошлого, ради всей жизни, отданной публицистике и земству, на служение народу, ради любви [к] родине, увлекшей нас фатально на путь политической борьбы, молю Вас и через Вас ВЦИК пощадить меня, Шумиловского, Ларионова и Червен-Водали, приговоренных трибуналом [к] расстрелу. Теперь, когда гражданская война окончилась и Россия объединилась, чтобы отстоять свою самостоятельность от иноземного нашествия, дайте нам возможность жить общей жизнью [с] отечеством хотя бы в стенах тюрьмы. Мы не противники [ваши] более отныне и на суде призывали всех поддержать советскую власть как символ единой России. Мы ждем милосердия и великодушия трудового народа и забвения нашей вины во имя братства.

Клафтон.

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 21. Машинописный отпуск.
ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 500. Л. 25. Телеграфная лента.

№ 42
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ А. К. КЛАФТОНА, А. М. ЛАРИОНОВА, А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ И Л. И. ШУМИЛОВСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЦИК СОВЕТОВ М. И. КАЛИНИНУ

[*г. Омск*] [*31 мая 1920 г.*]

[По] делу бывшего колчаковского правительства чрезвычайным ревтрибуналом мы — Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов, Клафтон — приговорены к расстрелу. Усиленно просим Вас удовлетворить ходатайство нашей защиты [о] смягчении приговора. Даем слово не участвовать [в] какой-либо борьбе [с] советской властью, относиться к ней с полной лояльностью и, если понадобится, честно служить ей.

Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов, Клафтон.

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 19. Машинописный отпуск.

№ 43
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ[4] А. М. ЛАРИОНОВА НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ РСФСР Л. Д. ТРОЦКОМУ

[*г. Омск*] [*31 мая 1920 г.*]

Как бывший товарищ министра путей [сообщения] Омского правительства я приговорен к смертной казни. Заверяю честью моей, что во время службы у этого правительства я нес только техническую работу по дорогому мне делу поддержания транспорта, не принимал никакого участия в руководительстве политикой. Умоляю Вас теперь, когда кончается гражданская война, против воли людей бросающая их в тот или другой лагерь, сохранить мне и осужденным вместе со мной Червен-Водали, Шумиловскому и Клафтону жизнь, дать нам возможность хотя [бы] надеяться послужить когда-нибудь объединяемой и возрождаемой Вами России.

Инженер *Ларионов.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 16. Машинописный отпуск.

№ 44
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ[5] А. М. ЛАРИОНОВА ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРКОМА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ РСФСР В. М. СВЕРДЛОВУ, НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАРКОМАТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ РСФСР Н. И. БОРИСОВУ, ИНЖЕНЕРАМ ТЕХНИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КАРПОВУ И МОВЧАН-КУХАРУКУ, СОТРУДНИКУ ЭКСПЛУАТАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛАНДСБЕРГУ

[*г. Омск*] [*31 мая 1920 г.*]

По делу колчаковского правительства приговорен к смерти, прошу исходатайствовать помилование экстренно перед ВЦИК.

Инженер *Ларионов.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 25. Машинописный отпуск.

№ 45
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ[6] А. К. КЛАФТОНА НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ А. Д. ЦЮРУПЕ

[*г. Омск*] [*31 мая 1920 г.*]

[По] процессу колчаковского правительства приговорены трибуналом [к] смертной казни бывшие члены правительства Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов, политический деятель — я, Клафтон. Подано прошение [о] помиловании [во] ВЦИК [о] смягчении участи. Во имя прошлого усиленно прошу помощи, поддержки, общего ходатайства перед ВЦИК, также Лениным. Даем честное слово искреннего лояльного отношения [к] советской власти, если понадобимся — служить ей.

Клафтон.

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 24. Машинописный отпуск.

№ 46
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ Е. В. ЛЕБЕДЕВОЙ[7]

[*г. Омск*] [*31 мая 1920 г.*]

[По] делу колчаковского правительства я, Шумиловский, Ларионов, Клафтон приговорены трибуналом [к] расстрелу, подана [во] ВЦИК просьба [о] смягчении приговора, прошу тебя срочно хлопотать [у] Ленина, Калинина.

Червен-Водали.

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 22. Машинописный отпуск.

№ 47
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ А. К. КЛАФТОНА Ю. ЭЛЬЦБЕРГ[8]

[*г. Омск*] [*31 мая 1920 г.*]

Приговорен трибуналом [к] смертной казни, подал прошение [о] помиловании [во] ВЦИК, проси Веру срочно хлопотать. Целую.

Клафтон.

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 14. Машинописный отпуск.

№ 48
РАСПИСКА В. А. КАРЛИКОВА ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЧК ПО СИБИРИ

[*г. Омск*] *31 мая 1920 г.*

Выдана мною представительству ВЧК при Сибревкоме в том, что я, Карликов, по постановлению чрезвычайного революционного трибунала от 30 мая 1920 г. лишен гражданских прав сроком на 5 лет, т. е. быть избранным и избирать самому; кроме того, обязуюсь явиться в распоряжение [Омского] уездвоенкомата на предмет назначения на должность.

В чем и подписуюсь: *В. Карликов.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 5. Машинописный подлинник. Автограф В. А. Карликова.

№ 49
РАСПИСКА С. М. ТРЕТЬЯКА ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЧК ПО СИБИРИ

[*г. Омск*] *31 мая 1920 г.*

Выдана мною представительству ВЧК при Сибревкоме в том, что я, Третьяк, бывший тов[арищ] министра труда колчаковского правительства, по постановлению чрезвычайного революционного трибунала от 30 мая 1920 г. лишен гражданских прав сроком на 5 лет, обязуюсь в указанный срок не занимать никаких выборных должностей и не избирать[ся] самому; кроме того, обязуюсь сообщить в г. Иркутск, что я, как лишенный прав, не могу занимать выборные должности.

В чем и расписуюсь: *С. Третьяк.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 6. Машинописный подлинник. Автограф С. М. Третьяка.

№ 50
ТЕЛЕФОНОГРАММА[9] ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА А. Г. ГОЙХБАРГА ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОМСКИМ ГУБЕРНСКИМ ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ М. А. ГОТЛИБУ

[*г. Омск*] [*1 июня 1920 г.*]

При организации защиты для участия в суде над колчаковцами и во время самой защиты обнаружилось, что состоящая на советской службе для содействия суду коллегия обвинителей [и] защитников в подавляющем большинстве своем стоит на точке зрения борьбы с советской властью, что коллегия обвинителей и защитников проникнута мыслью о необходимости солидаризироваться с защищаемыми преступниками. В частности, двое из выдвинутых коллегией защитников — Ааронов и Айзин — заявляли перед трибуналом, что они назначенные защитники, что если трибунал является органом борьбы, то его можно сравнить с судом Матковского, организованным Колчаком, что советская власть в Сибири не была свергнута, а сама ушла, после чего оказалась необходимость в организации русской власти, которой все, в том числе и они, служили, не находя в этом ничего предосудительного.

Находя, что существование такого рода коллегии обвинителей и защитников, которая в большинстве своем представляет из себя контрреволюционную организацию для борьбы с советской властью, совершенно недопустимо, предписываю Вам немедленно пересмотреть список членов коллегии и представить на утверждение [Омского] губревкома только тех из них, которые намерены выполнять задачи, возлагаемые на них декретом о [советском] суде, не останавливаясь перед чрезвычайным, быть может, сокращением числа членов коллегии обвинителей и защитников.

Об исполнении сообщить немедленно. № 759.

Заведующий отделом юстиции Сибревкома *Гойхбарг.*

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 3. Машинописный отпуск.

№ 51
ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ Л. Д. ТРОЦКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СИБРЕВКОМА И. Н. СМИРНОВУ

[*Б.м.*] [*1 июня 1920 г.*]

Тов. Свердлов считает возможным [и] желательным использовать Ларионова [и] Степаненко. Не зная обстоятельств, не решаюсь высказаться. № 628.

Троцкий.

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 18. Машинописная копия.

№ 52
ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ Л. Д. ТРОЦКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СИБРЕВКОМА И. Н. СМИРНОВУ

[*Б.м.*] [*1 июня 1920 г.*]

ВЦИКом получены ходатайства о помиловании Ларионова за себя, а также за Шумиловского, Червен-Водали и Клафтона. Обещают честно служить советской

власти. Ларионов считается большим специалистом. Мною возбуждено ходатайство перед ВЦИКом о приостановлении приговора до получения справок от Вас. Прошу немедленно заключение. № 629.

Предреввоенсовета *Троцкий.*

ГАНО. Ф. п-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 69. Телеграфный бланк.

№ 53
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СИБРЕВКОМА И. Н. СМИРНОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ Л. Д. ТРОЦКОМУ

[*г. Омск*] [*1 июня 1920 г.*]

Степаненко приговорен к пожизненному заключению. Считаю возможным через месяц отправить отбывать заключение [в] Москву. Ларионов приговорен к смерти. Если президиум [В]ЦИКа не помилует, будет расстрелян на днях. № 189/б.

Предсибревком *Смирнов.*

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 75. Машинописный отпуск.

№ 54
ТЕЛЕГРАММА[10] СЕКРЕТАРЯ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК СОВЕТОВ А. С. ЕНУКИДЗЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ТРИБУНАЛУ СИБИРИ

[*г. Москва*] [*1 июня 1920 г.*]

Президиум ВЦИК предлагает приговор по делу колчаковского правительства приостановить впредь до особого распоряжения.

Секретарь ВЦИК *Енукидзе.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 30. Телеграфный бланк.

№ 55
ТЕЛЕГРАММА РУКОВОДСТВА ВЦИК СОВЕТОВ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СИБРЕВКОМА И. Н. СМИРНОВУ

[*г. Москва*] [*1*] *июня 1920 г.*

Президиум [В]ЦИК просит немедленно по прямому проводу Ваше заключение о целесообразности помилования осужденных по делу колчаковского правительства. № 157/с.

За пред[седателя] ВЦИК *Каменев.*
Секретарь ВЦИК *Енукидзе.*

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 17. Машинописная копия.

№ 56
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СИБРЕВКОМА И. Н. СМИРНОВА В ПРЕЗИДИУМ ВЦИК СОВЕТОВ

[*г. Омск*] [*1 июня 1920 г.*]

Осужденные опасности особой не представляют, но помилование вызовет взрыв негодования в рабочих кругах. Предлагаю всех четырех расстрелять. № 191/б.

Предсибревком *Смирнов.*

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 78. Машинописный отпуск.

№ 57
СТАТЬЯ ЧЛЕНА СИБРЕВКОМА, ЧЛЕНА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА СИБИРИ В. М. КОСАРЕВА «СУД ЗАКОНЧЕН»

[*г. Омск*] [*2 июня 1920 г.*]

Какой же вывод должны сделать сибирские рабочие [и] крестьяне?

Возможен ли такой суд, длившийся десять дней, на котором перебывали десятки тысяч рабочих? Возможно ли это было при Колчаке и в какой бы то ни было другой стране? Так ли судили большевиков, рабочих и крестьян?

Нет! Колчак и буржуазия никогда не посмели бы при таком народе раскрыть всю правду. Они знали, что большевики не стали бы скрывать, за что их судят. У нас есть сотни фактов, мы знаем, как при Колчаке наших товарищей пытали в застенках. Из-за крепких стен до нас доносился стон боли, но не мольба, но не измена. Наши товарищи, иногда юные пролетарии и девушки, под тяжкой пыткой не стеснялись бросить правду в лицо палачам. О, если бы их судили так же, как судим мы министров… Они, наверное, давно научили бы рабочих, за что нужно бороться!

Ну а эти господа вчерашнего положения: эти ученые мужи, профессора и «социалисты»,— они посмели разве сказать рабочим о своих «идеалах»?

Нет, не посмели. Вначале они только и делали, что отнекивались. Не знаю, не помню, не видал… Но когда им представили груду документов, написанных и подписанных их рукой, они стали говорить, что боролись за «идею».

Конечно, они не большевики, конечно, они боролись за свержение советской власти во всей России. Все это так. Но каковы же их «идеи», что они хотели поставить на месте свергнутой ими советской власти?

Они стеснялись прямо и ясно сказать, что такое за «Великая Россия», что такое «отечество», о любви к которым они так много распинались.

Почему они любят Москву, а золото повезли в Токио? Почему они говорят, что любят русский народ, а вагоны, паровозы, машины и разное добро награбили у этого «любимого» народа и повезли на восток? Почему такая невязка: люблю свой народ, а призываю чехов, польских легионеров, сербов и всякую славянскую и другую «чужую» силу, чтобы убивать сотни тысяч «своих» рабочих, крестьян?

Все это только потому, что «свои» рабочие, «свои» крестьяне не хотели работать на «своих» и «чужих» господ помещиков и капиталистов. Признать и сказать это просто, в двух словах — нельзя. Это надо скрыть. Надо прикрыть худые дела хорошими словами о любимой родине и т. п. Вот почему десять дней в последний

раз ученые профессора пытались пустить пыль в глаза рабочим. Вот почему они старались свои грехи свалить на мертвого Колчака. Поэтому они говорили, что только чуточку, только случайно зашли к Колчаку, посидели с ним рядом и ушли. Мы, дескать, такие добрые, что не способны причинить вреда даже мухе.

А рабочие слушали, качали головами и говорили: «Да, теперь вы добрые. А еще недавно нам иногда приходилось заходить в ваши кабинеты… Ваше добро тяжко отозвалось на наших горбах…»

Попал буржуй в капкан, старается вывернуться. Думает, может, как-нибудь и на этот раз надую рабочих, отвертчусь…

Ну, а как же себя держали «социалисты»? За какие идеи они ухлопали столько рабочих и крестьян?

Один из них «изменил» министрам и прямо бухнул: «Признаю себя виновным, что не взорвал эту шайку бандитов». Его, видите ли, комитет эсеров послал к Колчаку нарочно, чтобы взорвать. Но почему он не взорвал? Не вышло. Дрогнула рука.

У этих господ не дрогнула рука, когда по постановлению другого комитета эсеров эсерка Каплан стреляла в тов. Ленина. У них не дрожали руки, когда они стреляли в московских рабочих во время восстания эсеров в Москве 7 июня[11] 1918 года. А сколько они расстреляли рабочих и крестьян в Сибири. Тогда их руки не дрожали!

Были тут и настоящие социал-предатели. «Марксист» Шумиловский защищал свои «идеи». Он надеялся, что «когда-нибудь беспристрастная история отметит и его заслуги перед рабочим классом».

В чем же его «заслуги»? Он, видите ли, типичный (расхлябанный) русский интеллигент. После того, как он, вместе с другими, помог вскарабкаться на престол [Колчаку]. Когда рабочим и крестьянам были нанесены тяжкие раны. Когда у трудящихся были отняты все права, разграблено имущество, сожжены сотни сел и деревень… Тогда он задумался… И тут он вспомнил «теорию врастания в социализм» — теорию малых дел. Сначала он помогал атаманам раскраивать черепа рабочих и крестьян, а потом он стал накладывать на эти раны пластырь, он отстаивал больничную кассу.

Хорошо пели социал-предатели теперь, умно и долго вывертывались кадеты-профессора, когда объясняли свои поступки. Однако не разжалобили они рабочих и крестьян. Слезы горькой обиды появились у многих, когда обвинитель в своей речи напомнил о всех злодеяниях подсудимых.

Жуткую минуту пришлось пережить, когда обвинитель спросил, что полагается за эти злодеяния… Тысячи слушателей крикнули как один: «Расстрелять! Расстрелять!..» И как будто бы где-то защелкали курки, готовые исполнить желание немедленно… Но это было только миг.

«Замолкни, гнев! И не мешай суду трудящихся!» — продолжал обвинитель…

Несмотря на горькие обиды, на тяжкие раны, причиненные буржуазией рабочим, тысячи людей не бросились на своих угнетателей, как бросались недавно на них своры атаманов, любимых буржуазией. Вот в чем сила! Вот где дисциплина трудящихся! Это поразило наших врагов.

Чего вы смотрите на них? Чего они болтают так долго? Дайте, мы, омские рабочие, расскажем суду, как они поступали с нами, говорили судьям отдельные рабочие и крестьяне во время перерывов.

Подождите, товарищи, не жалейте времени, не торопитесь; изучайте буржуя, пока он в клетке. Сравнивайте его слова с его делами. Еще пристальней изучайте

социал-предателей, лакеев буржуазии, ибо далеко не все они и не везде еще осуждены народом. Еще есть охотники слушать их.

Защита... С большим любопытством была прослушана первая речь защиты.

Как можно защищать таких извергов?!

Но изворотлив меньшевик. Он — «тоже марксист», сам еще недавно верой и правдой служил Колчаку. Теперь, когда Колчак задал трепку и социал-предателям, первый защитник старается все свалить на «головку», [на] мертвого Колчака, бежавшего Ив. Михайлова и др. Хитрит, виляет и больше всего выгораживает не подсудимых, а свою партию.

Второй защитник был более «развязен». Он с места в карьер сравнил советский суд с колчаковским, стал говорить, что и сам также служил верой и правдой Колчаку и т. д. Сразу было видно сову по полету.

Лишь третий защитник, тов. Бородулин, устоял. Лишь он один показал, как надо защищать на советском суде.

Последние слова подсудимых.

У многих они были краткими. Лишь те, кто чуял неминуемую беду, старались еще отнять час времени, чтобы доказать свою «невиновность».

В последний день суда, несмотря на дождь, слушателей собралось больше трех тысяч. Необыкновенно тихо было в зале. Все ждали окончания...

Удалился суд на совещание.

Через два часа вышел суд и громко произнесен приговор.

А в зале — какая тишина. Кто-то потихоньку всхлипывает. Жаль кого-то из четырех приговоренных к смерти...

А где же тот клокочущий гнев, который был готов терзать своих мучителей?

Нет гнева. Когда уже услышали о неминуемой смерти своих врагов,— как тихо было в зале. Расходясь, все говорили шепотом: «А все-таки, как великодушен победивший пролетариат».

К. В.

См.: Советская Сибирь. 1920. 2 июня.

№ 58
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 45 ЗАСЕДАНИЯ СИБИРСКОГО БЮРО ЦК РКП(б)

[*г. Омск*] *2 июня 1920 г.*

Присутствуют: тт. Смирнов, Косарев, Ярославский, Беленький, Павлуновский и Гойхбарг.

Слушали: 2. О министрах колчаковского правительства, [к] которым применена[12] высшая мера наказания, в связи с телеграммой Троцкого [за № 629].

Тов. Смирнов. От Троцкого получена телеграмма, что ВЦИКом получена телеграмма от Червен-Водали[13] и остальных приговоренных с ходатайством о помиловании, обещая честно служить совет[ской] власти. Так как Ларионов считается большим специалистом, Троцким возбуждено ходатайство перед ЦК[14] о приостановлении приговора до получения нашего заключения. Я предлагаю, товарищи, вновь обсудить вопрос и немедленно послать ответ о нашем решении Троцкому.

Постановили: 2. Послать следующую телеграмму (текст телеграммы как от Троцкого, так и ответ на нее прилагается).

Секретарь *Гончарова.*

ГАНО. Ф. п-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 59. Машинописный подлинник.

№ 59
ТЕЛЕГРАММА СИБИРСКОГО БЮРО ЦК РКП(б) ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ Л. Д. ТРОЦКОМУ

[*г. Омск*] *2 июня 1920 г.*

Помилование министров Колчака вызовет ропот среди рабочих и крестьян и популярность Сибревкома может пострадать. Но если международное положение требует помилования, то Сиббюро готово принять все последствия на себя. И в случае помилования осужденные ни в коем случае не могут быть в ближайшее время использованы как специалисты на ответственной работе. № 1408.

Сиббюро.

ГАНО. Ф. п-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 58. Рукописный отпуск.

№ 60
ОТВЕТ РУКОВОДСТВА ОМСКОГО ГУБРЕВКОМА[15] ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОТДЕЛОМ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА А. Г. ГОЙХБАРГУ

г. Омск *7 июня 1920 г.*

На вопрос, затронутый в Вашей телефонограмме, губревком считает необходимым указать:

1) не касаясь по существу, [обращаем внимание] на недопустимость передачи по телефону предложений, допускающих мысль о контрреволюционности того учреждения, где данная коллегия имеет место,

и 2) отсутствие фактов в телефонограмме, дающих право пересмотра списка членов коллегии с целью их сокращения, [а также исходя] из следующих оснований, предоставленных губюстицией[16]:

а) гр. Ааронов на службе в коллегии не состоит, а был допущен [в качестве защитника] ревтрибуналом согласно своего заявления;

б) гр. Айзин временно не исполняет своих обязанностей по коллегии; таким образом, членом коллегии можно считать одного Бородулина. Речи же Бородулина и Айзина обвинителем тов. Гойхбаргом признаны совершенно удовлетворительными и в пределах их прав и обязанностей.

Сообщая о вышеизложенном, губревком считает вопрос исчерпанным. № 7096.

Председатель губревкома *Евг. Полюдов.*
Управляющий делами губревкома *В. Илютович.*

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 2. Машинописный подлинник. Автографы Е. В. Полюдова и В. О. Илютовича.

№ 61
ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИРКУТСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА Я. С. ЩЕРБИНИНА В ОТДЕЛ ЮСТИЦИИ СИБРЕВКОМА

[*г. Иркутск*] *10 июня 1920 г.*

Просим телеграфировать, не противоречит ли приговору чрез[вычайного] ревтрибунала занятие Третьяком как техническим работником должности управляющего делами губсовнархоза[17]. № 419.

Предсовнархоз *Щербинин.*

ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 51. Л. 8. Телеграфная лента.

№ 62
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 21 ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК СОВЕТОВ

[*г. Москва*] *10 июня 1920 г.*

Присутствовали: Аванесов, Владимирский, Енукидзе, Калинин, Каменев, Кутузов, Киселев, Лутовинов, Сосновский.

Слушали: 18. Ходатайство о помиловании б[ывших] членов колчаковского правительства Ларионова, Клафтона, Шумиловского и Червен-Водали, приговоренных чрезв[ычайным] Сиб[ирским] реввоентрибуналом к расстрелу.

Постановили: [18.] Ходатайство отклонить. Приговор оставить в силе.

Председатель ВЦИК *М. Калинин.*
Секретарь ВЦИК *Енукидзе.*

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 37. Д. 5. Л. 135. Машинописная копия

№ 63
ТЕЛЕГРАММА СЕКРЕТАРЯ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК СОВЕТОВ А. С. ЕНУКИДЗЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СИБРЕВКОМА И. Н. СМИРНОВУ

[*г. Москва*] *11 июня 1920 г.*

Ходатайство о помиловании Ларионова, Клафтона, Шумиловского и Червен-Водали президиумом ВЦИК отклонено[18]. № 8834.

Секретарь ВЦИК *А. Енукидзе.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 32. Телеграфный бланк.

№ 64
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 48 ЗАСЕДАНИЯ СИБИРСКОГО БЮРО ЦК РКП(б)

[*г. Омск*] *11 июня 1920 г.*

Слушали: 6. О скорейшем приведении в исполнение [постановления] суда над колчаковскими министрами.

Косарев. Недовольство, нарастающее в рабочих массах Омска, требует немедленного приведения в исполнение приговора над министрами.

Необходимо попросить ЦК ускорить ответ и напомнить ЦК, что есть постановление Сиббюро и ответственных работников Сибревкома[19].

Постановили: 6. Послать в ЦК соответствующую телеграмму поручается тов. Смирнову.

Секретарь *Гончарова.*

ГАНО. Ф. п-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 64. Машинописный подлинник. Автограф Д. К. Гончаровой.

№ 65
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ[20] ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СИБРЕВКОМА И. Н. СМИРНОВА В ПРЕЗИДИУМ ВЦИК СОВЕТОВ

[*г. Омск*] *13 июня 1920 г.*

Задержка [В]ЦИКом разрешения исполнения приговора над колчаковскими министрами вызывает недовольство широких рабочих и крестьянских масс. Просим срочно разрешить вопрос.

Мнение [Сибирского] обл[астного] бюро [ЦК РКП(б)] прежнее, т. е. четверо должны быть расстреляны. № 201/б.

Предсибревком *Смирнов.*

ГАНО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 49. Машинописный отпуск.

№ 66
ЗАПИСКА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ СОТРУДНИКУ ВЫСШЕГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР А. Н. БАХУ

[*г. Омск*] *21 июня 1920 г.*

Тридцатого мая по делу колчаковского правительства я, Шумиловский, Ларионов и Клафтон приговорены [к] расстрелу. Защита и мы просим ВЦИК [о] смягчении приговора; распоряжением ВЦИК исполнение приговора приостановлено. Прошу тебя срочно усиленно поддержать нашу просьбу, [а] также помочь скорейшему благоприятному разрешению. Телеграфируй [в] Омск, представительство ВЧК [по Сибири], мне.

Червен-Водали.

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 13. Рукописный подлинник. Автограф А. А. Червен-Водали.

№ 67
ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА СИБИРИ И. П. ПАВЛУНОВСКОГО НАЧАЛЬНИКУ ТЮРЬМЫ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЧК ПО СИБИРИ Э. Я. ЗОРКУ[21]

г. Омск [*22 июня 1920 г.*]

Предписываю в ночь с 21 на 22 июня[22] привести в исполнение приговор чрезвычайного рев[олюционного] трибунала [Сибири] в отношении бывш[их]

министров правительства Колчака Ларионова, Клафтона, Шумиловского и Червен-Водали.

О приведении приговора в исполнение 22 июня[23] донести.

Справка

Приговор чрезвычайного рев[олюционного] трибунала: Ларионова, Клафтона, Шумиловского и Червен-Водали — расстрелять.

Председатель чрезвычайного рев[олюционного] трибунала *Павлуновский.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 35. Рукописный подлинник. Автограф И. П. Павлуновского.

№ 68
АКТ О ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА СИБИРИ

[*г. Омск*] [*23 июня 1920 г.*]

1920 года, в ночь на 23 июня, согласно приказа председателя Сибирского чрезвычайного ревтрибунала в присутствии коменданта вышеуказанного трибунала, начальника РТЧК Омской ж[елезной] д[ороги] и рек Зап[адной] Сиб[ири], начальника секр[етно]-опер[ативного] отдела вышеуказанной РТЧК, коменданта представительства ВЧК при Сибревкоме и начальника тюрьмы представительства ВЧК при Сибревкоме был приведен в исполнение приговор Сибирского чрезвычайного ревтрибунала над приговоренными к расстрелу членами бывшего самозваного и мятежного правительства Колчака [и] расстреляны следующие лица:

1) Червен-Водали — зам[еститель] пред[седателя] Сов[ета] мин[истров],
2) Ларионов — тов[арищ] мин[истра] путей сообщения,
3) Шумиловский — министр труда,
4) Клафтон — директор бюро печати при Верховн[ом] правителе.

Приговор приведен в исполнение [в] 00 час. 30 мин. 23 июня 1920 г.

Настоящий акт составлен в одном экземпляре.

Комендант Сибирского чрезвычайного ревтрибунала *Ошмарин.*
Начальник РТЧК *С. Херувимов*[24].
Начальник секр[етно]-опер[ативного] отдела РТЧК *Г. Михлаков.*
Комендант представительства ВЧК *Смирнов.*
Начальник тюрьмы представительства ВЧК *Зорк.*

ГАНО. Ф. р-1185. Оп. 1. Д. 1. Л. 36. Рукописный подлинник. Автографы М. Т. Ошмарина, С. А. Херувимова, Г. Михлакова, Смирнова, Э. Я. Зорка.

№ 69
ИНФОРМАЦИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА СИБИРИ И. П. ПАВЛУНОВСКОГО

[*г. Омск*] *24 июня 1920 г.*

ВЦИК ходатайство о помиловании членов бывшего правительства Колчака зам[естителя] пред[седателя] Совмина к[онституционного] д[емократа] Червен-Водали, тов[арища] мин[истра] путей сообщения к[онституционного] д[емокра-

та] Ларионова[25], мин[истра] труда [бывшего] с[оциал]-д[емократа] меньшевика Шумиловского и директора бюро печати при Верховном правителе к[онституционного] д[емократа] Клафтона отклонено.

Ввиду сего приговор чрез[вычайного] ревтрибунала при Сибревкоме о расстреле указанных членов бывшего правительства Колчака 22 июня вошел в силу и в ночь с 22 на 23 июня приведен в исполнение[26].

Пред[седатель] чрезв[ычайного] ревтрибунала при Сибревкоме *Павлуновский.*

Опубликовано: Советская Сибирь. 1920. 24 июня.

КОММЕНТАРИИ

Введение

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 215–216.

[2] См., например: *Бударин М. Е.* Были о сибирских чекистах. Омск, 1968. С. 93–98; *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. 4-е изд. М., 1986. Кн. 2. С. 17–21; *Вибе П. П.* Суд над членами Российского правительства // *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 257–258; *Дроков С. В.* Суд на Атаманском хуторе // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2000. № 7. С. 64–80; и др.

[3] *Познанский В. С.* Суд над министрами Колчака // Известия СО АН СССР. Сер.: История, филология, философия. 1990. Вып. 1. С. 44–51.

[4] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 224, 232.

[5] Там же. Д. 1061. Л. 1.

Глава первая. Прелюдия

[1] Сибирский революционный комитет (Сибревком) был создан в соответствии с декретом ВЦИК от 27 августа 1919 г. в составе трех человек: И. Н. Смирнов (председатель), В. М. Косарев и М. И. Фрумкин (члены). Являлся высшим органом советской власти в Сибири, имевшим неконституционный характер и располагавшим чрезвычайными полномочиями. Просуществовал до конца 1925 г. За это время его правовое положение, компетенция, численность членов, персональный состав и организационная структура неоднократно менялись.

[2] Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — родился в Санкт-Петербурге в семье офицера, из дворян. Окончил Морской кадетский корпус (1894), вице-адмирал (1916 г.).

Полярный исследователь, участник русско-японской войны. Один из инициаторов восстановления русского военно-морского флота и Морского генерального штаба. Во время Мировой войны — начальник оперативной части штаба Балтийского флота, командир минной дивизии, командующий военно-морскими силами Рижского залива, в июле 1916 — июне 1917 г.— командующий Черноморским флотом. За боевые отличия был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», орденами Св. Анны IV степени, Св. Станислава II степени с мечами, Св. Георгия IV степени.

Весной 1918 г. недолго служил членом правления КВЖД — командующим русскими вооруженными силами в полосе отчуждения. 13 октября 1918 г. прибыл в Омск. 4 ноября 1918 г. вошел в состав сформированного Уфимской Директорией Совета министров в качестве военного и морского министра. В результате осуществленного 18 ноября 1918 г. государственного переворота был провозглашен Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и

морскими вооруженными силами России с присвоением звания адмирала. 4 января 1920 г. передал всю полноту власти своему заместителю, главнокомандующему вооруженными силами юга России генерал-лейтенанту А. И. Деникину.

15 января 1920 г. был арестован в Иркутске представителями эсеро-меньшевистского Политического центра. 7 февраля 1920 г. расстрелян по приказу руководимого большевиками и левыми эсерами Иркутского военно-революционного комитета.

[3] Имеется в виду Томский университет.

[4] На самом деле Омское отделение «Архива войны» было создано в конце 1914 г. при Западно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества для сбора документов о Мировой войне. Через два года в фондах «Архива...» имелось несколько сотен писем с фронта, образцы оружия, предметы военного обихода и т. п. После Февральской революции отделение было преобразовано в «Архив войны и революции». Наиболее плодотворно работало с середины октября 1918 г., когда его возглавил И. И. Ульянов, имевший опыт аналогичной работы в армии А. А. Брусилова. К ноябрю 1919 г. в «Архиве...» был собран уникальный материал, 80 пудов которого при оставлении Омска колчаковским правительством даже были намечены для эвакуации в Иркутск.

[5] Директория (Уфимская Директория, Временное Всероссийское правительство) — высший орган государственной власти на освобожденной от большевиков территории России. Создана 23 сентября 1918 г. на Уфимском государственном совещании в составе Н. Д. Авксентьева (председатель), Н. И. Астрова, В. Г. Болдырева, П. В. Вологодского и Н. В. Чайковского, каждому из которых был назначен свой заместитель. Реально состояла из Н. Д. Авксентьева, В. Г. Болдырева, П. В. Вологодского, В. А. Виноградова и В. М. Зензинова. 9 октября 1918 г. прибыла из Уфы в Омск. Директория смогла добиться упразднения всех имевшихся на востоке России областных, национальных и казачьих правительств и тем самым формально консолидировать силы контрреволюции. Реально же из-за того, что деловой аппарат Директории (Совет министров) составили главным образом бывшие члены Временного Сибирского правительства, власть Директории оказалась малоавторитетной, слабой и эфемерной. (Подробнее см.: *Шиловский М. В.* Временное Всероссийское правительство (Директория): 23 сентября — 18 ноября 1918 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 1998. С. 68–98).

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске был произведен государственный переворот. Возглавляемые полковником В. И. Волковым, войсковыми старшинами А. В. Катанаевым и И. Н. Красильниковым казаки арестовали эсеровскую часть Директории: Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, заместителя Н. Д. Авксентьева по Директории А. А. Аргунова, а также заместителя министра внутренних дел Е. Ф. Роговского. На состоявшемся утром 18 ноября заседании Совета министров было принято решение о временной передаче верховной государственной власти в России Верховному правителю. Тогда же тайным голосованием Совет министров избрал Верховным правителем военного и морского министра вице-адмирала А. В. Колчака, который был произведен в адмиралы. А. В. Колчак немедленно объявил о принятии на себя всей полноты государственной власти в России. Арестованные члены и сотрудники Директории 20 ноября 1918 г. были принудительно высланы за границу. (См.: Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. / Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919. 193 с.)

[6] Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) — родился в карауле Куранжи Дурулгуевской станицы Забайкальской области в семье зажиточного казака. Окончил поселковую школу и Оренбургское казачье училище (1911 г.), есаул (1917 г.).

Служил в различных казачьих частях на территории Забайкалья. В 1914 г. в звании хорунжего 1-го Нерчинского полка ушел на фронт. За боевые отличия был награжден орденом Св. Георгия IV степени и Георгиевским оружием. С июня 1917 г. являлся комиссаром Временного правительства в Забайкалье по формированию добровольческих частей. В начале 1918 г. организовал в Забайкалье Монголо-бурятский полк (Особый Манчьжурский отряд), во главе которого приступил к борьбе против советов. Приказом по Сибирской армии от 10 сентября 1918 г. был назначен командиром 5-го Приамурского армейского корпуса. После переворота 18 ноября 1918 г. первоначально не признал А. В. Колчака Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим, за что приказом от 1 декабря 1918 г. был снят с должности. 9 мая 1919 г. третьим войсковым кругом избран войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска. Приказом А. В. Колчака от 25 мая 1919 г. назначен командиром 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, 18 июля — помощником главного начальника Приамурского края и помощником командующего войсками Приамурского военного округа с производством в генерал-майоры, 24 декабря — командующим войсками Иркутского, Забайкальского и Приамурского военных округов на правах главнокомандующего армиями с производством в генерал-лейтенанты. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 4 января 1920 г. Г. М. Семенов получил «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской восточной окраины, объединенной Российской верховной властью».

Автор мемуаров «О себе. Воспоминания, мысли и выводы» (Харбин, 1938. 229 с.; М., 1999. 320 с.). По приговору военной коллегии Верховного суда СССР казнен 30 августа 1946 г.

[7] Анненков Борис Владимирович (1889–1927) — из дворян. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Участник Мировой войны. Служил в 4-м Сибирском казачьем полку, командовал «Отрядом особого назначения» («Партизанским отрядом») Сибирской казачьей дивизии; есаул (1917 г.).

С конца мая 1918 г. во главе сформированного «Партизанского отряда» участвовал в боях против советских войск к западу от Омска. К концу августа его отряд насчитывал три полка, артиллерийский дивизион и несколько вспомогательных подразделений. Через два месяца отряд был развернут в партизанскую дивизию, командиром которой он был назначен с 23 октября 1918 г. Приказом по Сибирской армии от 28 июля 1918 г. был произведен в войсковые старшины, 19 октября — в полковники. Приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 15 октября 1919 г. ему было присвоено звание генерал-майора. Тогда же был награжден орденом Св. Георгия IV степени. С декабря 1919 г. командовал Отдельной Семиреченской армией. Подчиненные ему части отличались не только высокой боеспособностью, но и жестокостью по отношению к противнику и поддерживавшему его гражданскому населению.

В начале 1920 г. под давлением советских войск Отдельная Семиреченская армия отступила на территорию Китая. В 1926 г. агенты ОГПУ похитили Б. В. Анненкова и вывезли в СССР. 25 июня 1927 г. в Семипалатинске он предстал перед выездной сессией военной коллегии Верховного суда СССР и был приговорен

к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение в Семипалатинске 24 августа 1927 г.

[8] Красильников Иван Николаевич (1880–1920) — есаул Оренбургского казачьего войска (1917 г.). С июня 1918 г. командовал отдельным партизанским отрядом. За отличия в боях против красных за Иркутск приказом по Сибирской армии от 13 июля 1918 г. был произведен в войсковые старшины. Принимал активное участие в омском государственном перевороте, за что приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 19 ноября 1918 г. был произведен в полковники. В дальнейшем командовал бригадой имени есаула Красильникова, затем — Отдельной егерской бригадой, принимавшей участие в подавлении партизанско-повстанческого движения в тылу. Умер от сыпного тифа в Иркутске.

[9] На документе имеются пометы: «Т[овари]щу Гойхбаргу на заключение»; «Комиссия с указанными задачами желательна. А. Гойхбарг».

Гойхбарг Александр Григорьевич (1883–1962) — родился под Каменец-Подольском. Имел высшее юридическое образование. В 1904–1917 гг.— меньшевик. После Октябрьского переворота перешел на позиции большевиков. Член РКП(б) в 1919–1924 гг.

До Февральской революции преподавал на Бестужевских курсах и являлся приват-доцентом Петроградского университета. С начала 1918 г. был членом коллегии народного комиссариата юстиции РСФСР, возглавлял его отдел кодификации и законодательных предположений. С конца августа 1919 г.— ответственный сотрудник Сибревкома, с конца ноября — заведующий отделом юстиции Омского губернского ревкома, с апреля 1920 г.— заведующий отделом юстиции Сибревкома, член Сибревкома с совещательным голосом. С ноября 1920 г. работал в Москве членом коллегии народного комиссариата юстиции, председателем малого Совнаркома РСФСР, в наркомате внешней торговли СССР. Одновременно активно занимался научной и педагогической деятельностью. 15 января 1948 г. арестован за антисоветскую агитацию и постановлением особого совещания при министерстве государственной безопасности СССР от 21 февраля 1948 г. направлен на принудительное лечение в тюремную психиатрическую больницу Казани. 12 декабря 1955 г. это постановление было отменено и дело в отношении А. Г. Гойхбарга прекращено.

[10] Юридическое совещание при Иркутском Политическом центре состояло из известных юристов М. М. Агаркова, К. И. Белозерского, М. А. Ваксберга, К. А. Дреслера, Г. Б. Патушинского и М. М. Рубинштейна. Оно занималось разработкой рекомендаций по вопросам юридического характера для Политического центра.

[11] Политический центр — создан нелегально осенью 1919 г. в Иркутске Всесибирским краевым комитетом социалистов-революционеров, Бюро Сибирской организации РСДРП, Центральным комитетом объединений трудового крестьянства Сибири и Земским политическим бюро. В качестве своих первоочередных задач провозгласил ликвидацию колчаковщины и создание «местной», сибирской власти, которая способствовала бы прекращению гражданской войны в России и играла роль демократического буфера между советской Россией, с одной стороны, и демократическими государственными образованиями, возникшими на востоке страны,— с другой. В конце декабря 1919 г. под руководством Политического центра начались городские восстания в Красноярске, Нижнеудинске, Черемхове, Иркутске, приведшие к свержению колчаковской власти. Именно Политический центр произвел аресты А. В. Колчака, В. Н. Пепеляева и многих других видных

деятелей контрреволюции, принял под свою охрану государственный золотой запас России.

[12] Полное название — чрезвычайная следственная комиссия по расследованию дел высших должностных лиц. Учреждена постановлением Иркутского Политического центра на заседании 7 января 1920 г. первоначально в составе К. А. Попова (председатель), В. П. Денике и Л. Я. Герштейна (члены). В последующем число ее членов было увеличено. С 20 января по 6 февраля 1920 г. вела допрос бывшего Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, последнего председателя Совета министров Российского правительства В. Н. Пепеляева и других высших должностных лиц колчаковской администрации. После установления 22 января 1920 г. в Иркутске советской власти председателем комиссии был назначен коммунист С. Г. Чудновский, а ее функции изменились: сохранив прежнее название, комиссия в действительности трансформировалась в губернский орган ВЧК.

В распоряжение чрезвычайной следственной комиссии было передано около 300 видных деятелей колчаковского режима, большая часть которых была задержана в два приема: 121 человек 5 января 1920 г. в гостинице «Модерн» и примерно 120 человек 15 января 1920 г. в прибывших в Иркутск поездах бывшего Верховного правителя А. В. Колчака и председателя Совета министров В. Н. Пепеляева.

[13] Червен-Водали Александр Александрович (1872–1920) — окончил физико-математический и юридический факультеты Санкт-Петербургского университета (1900 г.). Член конституционно-демократической партии с 1905 г.

После окончания университета был оставлен на кафедре физики и преподавал в одной из столичных гимназий, затем служил в Морском ведомстве. В конце 1902 г. переехал в Тверь, где сначала служил нотариусом, а затем занялся общественной деятельностью: избирался гласным городской думы, председателем различных думских комиссий. Во время Мировой войны был председателем Тверского губернского комитета союза городов, председателем военно-промышленного комитета, руководил продовольственным делом. После Февральской революции был избран председателем губернского исполкома общественных организаций, а затем назначен губернским комиссаром Временного правительства.

С мая 1917 г. жил в Москве, где избирался членом городской думы и управы, в которой заведовал делом призрения, являлся комиссаром Временного правительства по делам благотворительности в Москве, членом Главного комитета союза городов. После Октябрьского переворота являлся членом правления Всероссийского союза торговли и промышленности. Весной 1918 г. стал одним из инициаторов создания сначала «Правого центра», а потом «Национального центра», ставивших своей задачей свержение советской власти. Осенью 1918 г. из Москвы уехал сначала в Киев, а потом в Екатеринодар в распоряжение командования Добровольческой армии. В марте 1919 г. Особым совещанием при Добровольческой армии и Всероссийским «Национальным центром» был командирован вместе с членом ЦК партии кадетов Н. К. Волковым в Сибирь, куда прибыл в середине июля 1919 г. С 1 августа 1919 г. являлся членом Государственного экономического совещания.

Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 25 ноября 1919 г. был назначен товарищем министра внутренних дел с возложением на него временного управления министерством. 28 декабря 1919 г. возглавил образованный в Иркутске оперативный орган государственного управления — тройку («троекторию»). 4 января 1920 г. добровольно явился в распоряжение Иркутского Политического центра, по указанию руководства которого был арестован.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Омске 23 июня 1920 г.

[14] Краснов Григорий Адрианович (1883–1933) — родился в слободе Кинель-Черкассы Бугурусланского уезда Самарской губернии в семье мирового судьи. Окончил Петербургскую духовную академию и Петербургский археологический институт. Кандидат богословия. Член конституционно-демократической партии.

До Февральской революции служил в министерстве финансов и в министерстве государственного контроля. В 1917 г. стал членом совета государственного контроля Временного правительства. После Октябрьского переворота входил в состав возглавлявшегося С. Н. Прокоповичем подпольного Временного правительства, выступал против переговоров большевиков о заключении сепаратного мира с Германией. За контрреволюционную деятельность был приговорен Петроградским военно-революционным комитетом к отправке «под надежным караулом в Кронштадт», но сумел скрыться из Петрограда. С ноября 1917 до мая 1918 г. проживал на сахарорафинадном заводе Тимашова в Самарской губернии. С 4 июня 1918 г. работал инспектором народного комиссариата государственного контроля РСФСР. С начала июля 1918 г. находился в командировке в Уфе, где его застал антисоветский переворот. Руководством Самарского комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) был приглашен для руководства органами государственного контроля, заняв 8 августа 1918 г. должность управляющего контрольным отделом Комуча. С 4 ноября 1918 г.— государственный контролер Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к пожизненному заключению с применением принудительных работ, но затем амнистирован. В марте 1933 г. был арестован в Новосибирске по обвинению в руководстве контрреволюционной белогвардейской повстанческой организацией в Западно-Сибирском крае, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

[15] Цеслинский Евгений Александрович (Феофил Людвигович) (1860–?) — с 1 июля 1916 г. служил управляющим Иркутским почтово-телеграфным округом. В марте 1918 г. советскими органами был отстранен от занимаемой должности, но восстановлен после свержения советской власти. С 4 ноября 1918 г. являлся начальником главного управления почт и телеграфов Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства на правах товарища министра внутренних дел.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к 10 годам лишения свободы с применением принудительных работ.

[16] Морозов Александр Павлович (1864–1933) — родился в Омске в семье мещанина. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1905 до июля 1917 г. состоял членом конституционно-демократической партии.

Судебный деятель с 1908 г.: следователь, член Омского окружного суда и Омской судебной палаты; с 1 июля 1917 г. работал председателем Барнаульского окружного суда. С 14 июня 1918 г. являлся заведующим отделом юстиции Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля — товарищем министра юстиции Временного Сибирского, с 4 ноября — Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. С 28 ноября 1919 г. был управляющим министерства юстиции Российского правительства. Действительный статский советник.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к пожизненному заключению с применением принудительных работ.

[17] Ларионов Алексей Михайлович (1872–1920) — окончил институт инженеров путей сообщения имени Александра I (1900 г.) с занесением на золотую доску. Беспартийный.

В 1900–1906 гг. служил на Владикавказской железной дороге, в 1906–1908 гг. руководил строительством железнодорожных путей в Санкт-Петербурге, в 1909–1913 гг. работал в эксплуатационном отделе управления железных дорог, в 1913–1914 гг.— помощник начальника службы движения Александровской железной дороги, в октябре 1914 — феврале 1916 г.— начальник службы движения Северных железных дорог, в марте 1916 — апреле 1917 г. служил в центральном аппарате министерства путей сообщения, в мае 1917 — июле 1918 г.— управляющий Алтайской железной дорогой. В 1906–1913 гг. по совместительству преподавал в институте инженеров путей сообщения, в 1908–1910 гг.— в Санкт-Петербургском политехническом институте.

С 25 июля 1918 г. работал директором технико-хозяйственного отдела, затем — помощником управляющего министерством путей сообщения Временного Сибирского правительства. С 7 сентября — временно управляющий министерством, с 4 ноября — товарищ министра путей сообщения Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. С 13 ноября 1919 г.— временно управляющий министерством путей сообщения (на время командировки министра Л. А. Устругова на фронт). С 28 декабря 1919 г. входил в состав созданного в Иркутске органа оперативного управления — тройку («троекторию»).

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Омске 23 июня 1920 г.

[18] Шумиловский Леонид Иванович (1876–1920) — родился в Омске в семье учителя. Окончил Омскую классическую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета (1900 г.), в 1907–1908 гг. учился в Санкт-Петербургской педагогической академии. Член РСДРП(меньшевиков) с 1905 по июль 1918 г.

Семь лет занимался преподавательской деятельностью в Барнаульском реальном училище и Барнаульской женской гимназии. За пропаганду социалистических идей и активное участие в предвыборной кампании во II Государственную думу был выслан за пределы Томской губернии. В 1909 г. возвратился в Барнаул, где занимался подготовкой учебников и учебных пособий, в 1914–1915 гг. работал редактором беспартийной либерально-демократической газеты «Жизнь Алтая». В 1916 — начале 1917 г. находился на Румынском фронте сначала в качестве рядового, затем — военного чиновника. После Февральской революции избирался членом комитета 9-й армии. Вернувшись в 1917 г. в Барнаул, работал преподавателем в реальном училище и состоял членом редколлегии меньшевистской газеты «Алтайский луч». В мае 1918 г. был отстранен большевиками от преподавательской работы.

С 21 июня 1918 г. работал заведующим отделом труда Западно-Сибирского комиссариата. С 1 июля занимал должность управляющего министерством труда Временного Сибирского, с 4 ноября — Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 6 мая 1919 г. был назначен министром труда Российского правительства.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Омске 23 июня 1920 г.

[19] Преображенский Павел Иванович (1874–1944) — родился в Демьянском уезде Новгородской губернии. Окончил Ташкентскую гимназию (1892 г.).

В том же году поступил на физико-математический факультет Московского университета, но в 1894 г. перевелся в Горный институт (г. Санкт-Петербург), который окончил в 1900 г., получив звание горного инженера. Доктор геолого-минералогических наук (1935 г.). Беспартийный.

В 1901 г. был приглашен профессором В. Л. Обручевым в группу по исследованию области Ленских золотых приисков. В 1901–1907 гг. преподавал в Горном институте, сотрудничал в учебном отделе Русского технического общества. В 1913 г. был избран геологом Геологического комитета, с 1916 г. являлся заведующим его сибирской секцией. В 1914–1916 гг. руководил на фронте одним из врачебно-санитарных отрядов Всероссийского союза городов, работал представителем Всероссийского союза городов в Совещании по обороне.

После Февральской революции занимал должность товарища министра народного просвещения Временного правительства. В июле 1918 г. из центра перебрался через фронт в Оренбург, где работал в кооперации. 19 ноября 1918 г. занял пост товарища министра народного просвещения Российского правительства. Со 2 мая 1919 г. на П. И. Преображенского было временно возложено управление министерством народного просвещения. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 6 мая 1919 г. был назначен министром народного просвещения Российского правительства, хотя своего согласия занять этот пост не давал. Более того, 1 мая 1919 г. подал прошение об отставке с поста товарища министра.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к лишению свободы с применением принудительных работ до окончания гражданской войны. Однако уже 23 июня 1920 г. был назначен заместителем заведующего отделом народного образования Сибревкома и председателем Сибирского комитета профессионально-технического образования. В 1922–1924 гг. являлся сначала профессором, затем заведующим кафедрами геологии и минералогии Пермского университета (по совместительству — Уральского университета). В 1924–1943 гг. жил в Ленинграде, работал старшим геологом отдела разведки Геологического комитета, в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте, главным геологом и директором Всесоюзного научно-исследовательского института металлургии. В 1943–1944 гг.— заместитель директора Государственного института горнохимического сырья в Москве. В 1925 г. сделал крупнейшее в мире открытие калийно-магниевых солей (Верхнекамское месторождение), в 1929 г. нашел первую нефть в Западном Приуралье, положившую начало «второму Баку». Умер в Москве.

[20] Ошибка; правильно — помощник (товарищ) главноуправляющего.

[21] Писарев Леонид Иванович (1865–?) — воспитанник Казанской духовной академии, доктор церковной истории. С 1892 г.— ординарный профессор Казанской духовной академии по кафедре патристики. Основатель, редактор и издатель еженедельника «Церковно-общественная жизнь», выходившего с 1906 г. 8 октября 1917 г. был избран гласным Казанской городской думы. По своим политическим взглядам был близок к народным социалистам. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 7 февраля 1919 г. назначен товарищем главноуправляющего по делам вероисповеданий Российского правительства.

Чрезвычайный революционный трибунал Сибири приговорил подсудимого Л. И. Писарева, ввиду недоказанности его душевной болезни и наличия основательных сомнений в его психическом расстройстве, поместить на испытание в психиатрическую лечебницу.

[22] Грацианов Александр Алексеевич (1865–1931) — родился в с. Выездное Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Окончил медицинский факультет Томского университета, санитарный врач. Член конституционно-демократической партии.

До 24 октября 1905 г. служил томским городским врачом. В 1907–1916 гг.— вольнопрактикующий врач в Томске; в 1916–1917 гг.— заведующий санитарным бюро Томской городской управы. В 1910–1917 гг. избирался председателем ревизионной комиссии и гласным Томской городской думы. С начала июня 1918 г. состоял членом комиссариата Временного Сибирского правительства по управлению Томской губернией. С 16 июля 1918 г.— товарищ министра внутренних дел Временного Сибирского, с 4 ноября — Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. Уволен с занимаемой должности 22 июля 1919 г. согласно личному прошению. С 28 августа до конца декабря 1919 г. являлся городским головой Томска. Надворный советник.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к пожизненному заключению с применением принудительных работ. 12 января 1923 г. был освобожден ВЦИК советов от наказания. В 1924–1927 гг. работал санитарным врачом Сочинского курортного управления. В 1927 г. был арестован органами ОГПУ и сослан на три года в г. Шадринск, где и умер.

[23] Казаков Василий Николаевич (1879–?) — из крестьян Тамбовской губернии. Окончил юридический факультет Томского университета. Служил младшим, старшим кандидатом на судебную должность при Омском окружном суде, исполняющим должность судебного следователя по Тарскому уезду, мировым судьей 2-го участка Курганского уезда, товарищем прокурора Томского окружного суда, с 1 августа 1918 г.— прокурором Омского окружного суда. 5 августа 1919 г. был назначен директором департамента милиции министерства внутренних дел Российского правительства.

[24] Малиновский Михаил Алексеевич (1871–1921) — окончил Симбирскую гимназию и юридический факультет Московского университета (1894 г.). Член конституционно-демократической партии в 1905–1917 гг., избирался председателем ее Симбирского городского комитета.

После окончания университета являлся кандидатом на должность по судебному ведомству и помощником присяжного поверенного Симбирского окружного суда. В 1899 г. был зачислен в сословие присяжных поверенных округа Казанской судебной палаты, где работал до осени 1918 г. До революции 1917 г. избирался гласным Симбирской городской думы и уездного земства, председателем Симбирского юридического общества, был выборщиком в I, III и IV Государственную думу. В 1917 г. около месяца работал помощником симбирского губернского комиссара и исполняющим обязанности губернского комиссара Временного правительства. Почетный гражданин Симбирска.

С 1 ноября 1918 г.— вице-директор финансово-счетного отдела с исполнением обязанностей старшего юрисконсульта министерства продовольствия Временного Всероссийского, а затем — Российского правительства. С 24 декабря 1918 г.— исполняющий обязанности обер-прокурора, с 10 января 1919 г.— товарищ обер-прокурора первого департамента Правительствующего сената. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 6 мая 1919 г. был назначен товарищем министра юстиции Российского правительства.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к пожизненному заключению с применением принудительных работ. Приговор отбы-

вал в Омском доме лишения свободы, работая в Сибирском продовольственном комитете, отделе юстиции Сибревкома и других советских учреждениях Омска. В феврале 1921 г. был арестован и обвинен коллегией Омской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в причастности к военной организации Омского комитета «Сибирского крестьянского союза». Несмотря на абсурдность и недоказанность предъявленного ему обвинения, 6 мая 1921 г. был расстрелян по приговору коллегии Омской губернской чека.

[25] Ошибка; правильно — чиновника министерства.

[26] Язвицкий Валерий Иольевич — один из лидеров Всероссийского национального союза. Служил секретарем и исполняющим должность советника 2-го политического отдела министерства иностранных дел Российского правительства, затем чиновником особых поручений при председателе Совета министров Российского правительства.

[27] Сыромятников Александр Дмитриевич (1886–1938) — родился в Санкт-Петербурге. Окончил Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба, подполковник (1917 г.).

После Февральской революции — преподаватель Академии Генерального штаба. С июня 1918 г. служил начальником оперативного отдела штаба Народной армии Самарского Комуча. В сентябре — декабре 1918 г.— первый генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего. Приказом А. В. Колчака от 19 декабря 1918 г. произведен в полковники, после чего вновь преподавал в Академии Генерального штаба (г. Томск). В мае — августе 1919 г. служил начальником штаба уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии и западной части Нижнеудинского уезда (г. Красноярск), с сентября 1919 г.— исполняющий обязанности начальника штаба Приамурского военного округа (г. Владивосток). Приказом командующего войсками округа С. Н. Розанова от 19 ноября 1919 г. отчислен от должности в резерв чинов.

В середине декабря 1919 г. прибыл в Иркутск, где пытался предложить свои услуги антиколчаковскому подполью. 6 января 1920 г. по распоряжению Иркутского Политического центра был арестован, но в связи с многочисленными ходатайствами чешского командования 21 февраля 1920 г. освобожден по постановлению председателя Сибревкома И. Н. Смирнова и руководства Иркутской чрезвычайной следственной комиссии под подписку о невыезде.

[28] Катанаев Георгий Ефремович (1848–1921) — родился в казачьей семье в станице Атбасарская Акмолинской области. Окончил Сибирский кадетский корпус (1865 г.).

До начала 1870-х годов служил офицером. Продолжил образование в Петровской земледельческой и лесной академии, а затем в Николаевской академии Генерального штаба, которую не окончил. Служил в штабе Западно-Сибирского военного округа и штаб-офицером для особых поручений при войсковом наказном атамане, являлся членом комитета при главном управлении казачьих войск в Санкт-Петербурге. В 1889–1906 гг. являлся председателем войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска.

Военную службу Г. Е. Катанаев успешно совмещал с научной и общественной деятельностью. Он являлся членом-учредителем и почетным членом Западно- Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, гласным Омской городской думы, членом Омского отдела Московского общества сельского хозяйства, редактором еженедельника «Сибирские войсковые ведомости».

После Февральской революции отошел от общественной работы. С приходом к власти Временного Сибирского правительства стал членом учрежденного при нем военного совещания, редактором войсковой газеты «Иртыш», участвовал в Уфимском государственном совещании. С установлением власти адмирала А. В. Колчака был назначен членом военного совета и председателем особой комиссии по расследованию деятельности лиц, причастных к большевизму, председателем чрезвычайной следственной комиссии по делу атамана Г. М. Семенова. В ноябре 1919 г. вместе с Российским правительством эвакуировался в Иркутск, где в начале января 1920 г. был арестован и заключен в тюрьму, но затем освобожден из-за отсутствия серьезных обвинений и преклонного возраста. Возвратился в Омск, где до своей кончины работал в Сибархиве.

[29] Введенский Сергей Арсеньевич (1877–?) — родился в г. Устюжна Новгородской губернии в семье чиновника. Окончил институт инженеров путей сообщения (1903 г.). Беспартийный.

Исправляющий должность экстраординарного профессора по курсу железных дорог Томского технологического института. В 1917 — декабре 1918 г. являлся районным уполномоченным по топливу в Западной Сибири, временным председателем, затем — председателем Западно-Сибирского районного комитета по топливу. С 3 декабря 1918 г.— товарищ министра торговли и промышленности Российского правительства.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к 10 годам лишения свободы с применением принудительных работ.

[30] Гришина-Алмазова Мария Александровна — жена генерала А. Н. Гришина-Алмазова.

Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1880–1919) — родился в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, из дворян. Окончил Воронежский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище (1902 г.), подполковник (1917 г.).

Участник русско-японской войны, затем служил в частях Восточно-Сибирского и Приамурского военных округов. В годы Мировой войны на фронте, служил в основном в артиллерии. За боевые отличия был награжден орденами Св. Георгия IV степени, Св. Анны IV и III степени, Св. Станислава III степени с мечами и бантом, Св. Станислава II степени с мечами, а также медалями.

После Октябрьского переворота подвергался аресту со стороны советских властей и тюремному заключению. Прибыв весной 1918 г. в Сибирь, под псевдонимом «Алмазов» возглавил военный штаб подпольного Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. С 28 мая 1918 г.— командующий Западно-Сибирским военным округом, с 13 июня — командующий Западно-Сибирской армией и одновременно с 14 июня — заведующий военным отделом Западно-Сибирского комиссариата. С 1 июля по 5 сентября 1918 г.— управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства (с оставлением в должности командующего армией, переименованной в Сибирскую). 10 июля 1918 г. произведен в генерал-майоры.

22 сентября 1918 г. покинул Сибирь и в конце октября прибыл на юг России в расположение Добровольческой армии. По поручению А. И. Деникина участвовал в работе Ясского совещания. В конце 1918 — начале 1919 г. занимал должность военного губернатора Одессы. В апреле 1919 г. во главе военной делегации отбыл в Сибирь. Во время командировки в связи с угрозой взятия в плен красноармейцами 5 мая 1919 г. застрелился.

[31] Хроновский Иван Неронович (1865–?) — в апреле — августе 1917 г. являлся помощником Самарского губернского комиссара Временного правительства, с июля 1918 г. был членом временной Самарской торгово-промышленной палаты, управляющим Самарским отделением Петроградского международного банка. С 3 декабря 1918 г.— товарищ министра финансов Российского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака освобожден от занимаемой должности согласно личному прошению с 23 декабря 1919 г.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к 10 годам лишения свободы с применением принудительных работ.

[32] Попов Константин Андреевич (1876–1949) — родился в Омске в семье чиновника. Окончил Омскую гимназию и юридический факультет Дерптского (Юрьевского) университета (1898 г.), кандидат права. Профессиональный революционер, член РСДРП с 1898 г.

Вел партийную работу в Петербурге, Харькове, Омске. В 1907 г. участвовал в работе V (Лондонского) съезда РСДРП. Шесть раз подвергался арестам, содержался в заключении в Петропавловской крепости и Омской тюрьме, находился в ссылке в Вятской губернии, Якутии и Вологодской губернии. Был приговорен к смертной казни. В марте — ноябре 1917 г.— председатель Омского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии, до октября 1917 г. руководил Омской объединенной организацией РСДРП. Член Сибирской областной думы от совета профессиональных союзов Омска. После свержения советской власти в Сибири был арестован чехословаками и содержался в Омской тюрьме. В августе 1919 г. отправлен колчаковцами на восток в «эшелоне смерти», откуда бежал. До начала января 1920 г. работал в Иркутске в подполье. 7 января 1920 г. Иркутским Политическим центром был назначен председателем чрезвычайной следственной комиссии, которая вела допрос А. В. Колчака, председателя Совета министров Российского правительства В. Н. Пепеляева и других крупных деятелей сибирской контрреволюции. С конца января 1920 г.— заместитель председателя Иркутской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, с 1 мая по 16 сентября 1920 г.— помощник и заместитель заведующего отделом юстиции Сибревкома, затем — член президиума и заместитель председателя Омского губернского исполкома советов. В дальнейшем находился на научной и преподавательской работе в Москве, где и умер.

[33] Кроме того, по постановлению чрезвычайной следственной комиссии в разное время были освобождены из тюрьмы под домашний арест П. И. Преображенский, Л. И. Шумиловский и А. Д. Сыромятников. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 34. Л. 19; д. 35. Л. 9; д. 40а. Л. 53.)

[34] Смирнов Иван Никитич (1881–1936) — из крестьян Рязанской губернии. Окончил городское училище в Москве. Профессиональный революционер, большевик с 1899 г.

Вел нелегальную партийную работу в Москве, Петербурге, Вышнем Волочке, Ростове, Харькове, Красноярске, за что 7 раз подвергался арестам, 6 лет провел в тюрьмах, 4 года — в ссылках в Вологодскую и Иркутскую губернии, Нарымский край. Весной — летом 1917 г. был одним из организаторов и руководителей совета солдатских депутатов Томского гарнизона. В годы гражданской войны являлся членом Реввоенсоветов республики, Восточного фронта и 5-й армии, в качестве члена Сибирского бюро ЦК РКП(б) руководил большевистским подпольем Урала и Сибири, считался организатором разгрома Колчака. С августа 1919 по сентябрь

1921 г. работал председателем Сибревкома и неофициально именовался «сибирским Лениным». В марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) был избран кандидатом в члены ЦК, а в апреле 1920 г. на IX съезде — членом ЦК большевистской партии.

В дальнейшем находился на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе, неоднократно подвергался репрессиям. 23 августа 1936 г. военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитирован в июне 1988 г.

[35] На документе имеется резолюция члена Иркутского губернского ревкома А. Я. Флюкова от 2 марта 1920 г.: «К делу. Сообщить ЧК. Исполнить. Чл. ревк. А. Ф.».

[36] Косарев Владимир Михайлович (1881–1945) — родился в Петровской слободе Московской губернии, из рабочих. Профессиональный революционер, большевик с 1898 г.

Работал на московских фабриках, вел нелегальную партийную деятельность в Лефортовском районе, активный участник революции 1905–1907 гг. в Москве. В 1907–1910 гг. учился в партийных школах на Капри и в Лонжюмо. По возвращению в Россию был арестован и сослан в Нарым. Осенью 1916 г. призван в армию и стал одним из организаторов созданного в Томске подпольного «Военно-социалистического союза». Весной — летом 1917 г. входил в число руководителей совета солдатских депутатов Томского гарнизона. С ноября 1917 г.— председатель Омского совета рабочих и солдатских депутатов. Весной 1918 г.— председатель Западно-Сибирского исполкома советов. После свержения советской власти в Сибири работал сначала членом Уральского областного комитета РКП(б), затем — секретарем Рогожско-Симоновского райкома партии. Был делегатом VIII съезда РКП(б). Постановлением ВЦИК от 27 августа 1919 г. назначен членом Сибревкома. С 3 декабря 1919 г.— член Сибирского областного бюро РКП(б), с 8 апреля 1920 г.— член Сибирского бюро ЦК РКП(б).

С 1923 г. находился на партийной работе в Москве, где и умер.

[37] Хотимский Валентин Иванович (1892–1939) — из семьи учителя. В 1913–1914 гг. учился в Санкт-Петербургском политехническом институте, откуда был исключен за антиправительственную деятельность. После Октябрьского переворота был одним из лидеров левых эсеров Урала, заместителем председателя Екатеринбургского совета крестьянских депутатов. В середине 1918 г. вступил в РКП(б), занимался подготовкой антиколчаковского большевистского подполья на Урале. После освобождения Челябинска от белогвардейцев входил в состав местных руководящих органов РКП(б): с 21 августа 1919 г.— член городского комитета, с 10 октября — заместитель председателя губернского организационного бюро и редактор газеты «Советская Сибирь». С 27 октября 1919 г. являлся членом Сибирского организационного бюро РКП(б), с 3 декабря — членом Сибирского областного бюро РКП(б), с 8 апреля 1920 г.— Сибирского бюро ЦК РКП(б). В дальнейшем работал в Москве заведующим подотделом пропаганды ЦК РКП(б), заместителем ректора Коммунистического университета трудящихся Востока. Репрессирован и посмертно реабилитирован.

[38] Гончарова Дора Климентьевна (1884–1962) — член РСДРП(б) с 1904 г. С 21 августа 1919 г.— член Челябинского городского комитета РКП(б), с 10 октября — секретарь Челябинского губернского бюро РКП(б), с 27 октября являлась членом Сибирского организационного бюро РКП(б), с декабря того же года работала руководителем секретариата сначала Сибирского областного бюро РКП(б), затем — Сибирского бюро ЦК РКП(б).

[39] Павлуновский Иван Петрович (1888–1940) — родился в с. Ржава Фатежского уезда Курской губернии, из служащих. Окончил горное училище и гимназию, являлся вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Большевик с 1905 г.

В 1905–1907 гг. вел подпольную работу в Курске, в 1911–1914 гг.— в Петербурге. За участие в революционной деятельности был арестован и в 1907 г. сослан в Вологодскую губернию. Во время Мировой войны служил в армии и принимал участие в боевых действиях. После Февральской революции являлся председателем Петергофского совета, товарищем председателя военной секции Петроградского совета, входил в состав Петроградского военно-революционного комитета. После Октябрьского переворота командовал красногвардейскими отрядами в Петрограде, на Украине и в Белоруссии. С августа 1918 г. работал в органах ВЧК: начальником особого отдела 5-й армии, председателем Уфимской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, заместителем и первым заместителем начальника особого отдела ВЧК. С января 1920 г. являлся полномочным представителем ВЧК по Сибири.

В дальнейшем находился на руководящей чекистской и хозяйственной работе. Репрессирован и посмертно реабилитирован.

[40] Третьяк Спиридон Матвеевич (1886–?) — из крестьян, член партии социалистов-революционеров с 1903 г.

В 1903–1905 гг. вел политическую работу в деревне, в 1906 — начале 1907 г. занимался транспортировкой оружия из-за границы. В марте 1907 г. был арестован при переходе австрийской границы и приговорен к 4 годам каторги, которую отбывал в Александровской каторжной тюрьме. После отбытия каторги сослан в Киренский уезд Иркутской губернии, где трудился чернорабочим на Усть-Кутском солеваренном заводе. В 1913 г. был арестован и заключен на полтора года в Киренскую тюрьму. В 1916 г. переехал в Иркутск, где работал в кооперативных организациях и в Обществе изучения Сибири.

5 марта 1917 г. был избран членом, а потом председателем руководящей коллегии секции по охране труда Иркутского комитета общественных организаций. Затем до января 1918 г. занимал должность иркутского краевого комиссара труда. За экстремистские позиции в рабочем вопросе получил прозвище Спиридон Неистовый. После Октябрьского переворота работал секретарем отдела труда и промышленности комитета советских организаций Восточной Сибири. После свержения советской власти в Иркутске трижды подвергался аресту со стороны белогвардейских военных властей, но освобождался под давлением эсеров. Летом 1918 г. сначала возглавил отдел труда и промышленности Иркутской губернской земской управы, а затем занял пост иркутского губернского комиссара труда Временного Сибирского правительства. 4 ноября 1918 г. по рекомендации А. Н. Кругликова был назначен товарищем министра труда Временного Всероссийского правительства. 18 ноября 1918 г. прибыл в Омск и неделю спустя вступил в исполнение обязанностей товарища министра труда Российского правительства. Уволен с должности 31 декабря 1918 г. согласно личному прошению.

8 января 1919 г. вернулся в Иркутск. В начале октября вошел в состав инициативной группы, 15 октября 1919 г. конституировавшейся в качестве Сибирской автономной группы левых социалистов-революционеров, и был избран в состав ее исполнительного бюро. В конце декабря 1919 — начале января 1920 г. принимал участие в свержении колчаковской власти в Иркутске.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к условному лишению свободы сроком на пять лет с применением принудительных работ. В начале 1920-х годов работал в Иркутском губернском совете народного хозяйства.

[41] Палечек Николай Осипович (1878–1937) — родился в Санкт-Петербурге. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета с дипломом I степени (1901 г.).

С 1902 г. находился на государственной службе, пройдя путь от помощника делопроизводителя до вице-директора департамента народного просвещения. После Октябрьского переворота был уволен с работы. 2 марта 1918 г. советом Пермского университета единогласно избран советником правления университета. С 18 февраля 1919 г.— директор департамента министерства народного просвещения Российского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 16 мая был назначен исполняющим обязанности товарища министра, 17 октября утвержден в должности товарища министра. 22 января 1920 г. по представлению ректора Иркутского университета был избран на должность секретаря совета университета.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к 10 годам лишения свободы с применением принудительных работ. В середине 1930-х годов проживал в с. Селище Кировского района Калининской области, работал плановиком технического отдела треста «Селижаровуголь». 19 декабря 1937 г. арестован. «Тройкой» УНКВД по Калининской области 27 декабря 1937 г. приговорен по обвинению в антисоветской агитации к высшей мере наказания и через день расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.

[42] Новомбергский Николай Яковлевич (1871–1949) — родился в станице Барсуковская Кубанской области, из мещан. Окончил немецкую школу в Дерпте, юридический факультет Варшавского университета (1896 г.), Санкт-Петербургский археологический институт (1903 г.) и продолжил обучение в университетах Германии. В 1917–1918 гг. являлся активным деятелем сибирского областничества.

В 1896–1902 гг. работал государственным чиновником в Варшавской, Тобольской и Иркутской губерниях, в Приморской области. В 1905 г. преподавал в Парижской высшей школе общественных наук. С 1906 г.— приват-доцент, с 3 марта 1908 г.— исполняющий должность экстраординарного, с 10 мая 1911 г.— ординарного профессора, со 2 сентября 1917 по январь 1919 г.— декан юридического факультета Томского университета. В 1917 г. избирался членом Сибирской областной думы. В конце марта 1918 г. подвергался незаконному аресту со стороны советских властей Томска. Являлся товарищем министра туземных дел Временного Сибирского, с 4 ноября 1918 г.— товарищем министра внутренних дел Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. 21 февраля 1919 г. уволен с должности согласно личному прошению. 2 сентября 1919 г. защитил в Томском университете диссертацию на соискание ученой степени доктора административного права. Являлся одним из организаторов Омского сельскохозяйственного института. До ареста, последовавшего 10 мая 1920 г., и привлечения к суду над бывшими колчаковскими министрами состоял профессором этого института.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к лишению свободы с применением принудительных работ до окончания гражданской войны. В 1920–1928 гг. работал в Сибирской государственной (затем — краевой) плановой комиссии. Во второй половине 1929 г. являлся ученым секретарем комиссии Сулакстроя Дагестанской АССР. В январе 1930 г. был арестован в Москве,

обвинен в шпионаже и осужден на пять лет лишения свободы. После трех лет пребывания в лагере был выслан в Архангельск, где более десятка лет жил на случайные заработки. В 1943 г. Н. Я. Новомбергскому без защиты была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В 1943–1949 гг. состоял профессором Архангельского государственного педагогического и медицинского институтов. Умер в Архангельске.

[43] Ошибка; правильно — дружины Святого креста и Зеленого знамени. Были созданы в ряде городов Западной Сибири осенью 1919 г. по инициативе профессора Д. В. Болдырева и генерал-лейтенанта В. В. Голицына, являвшегося начальником добровольческих формирований. Насчитывали около 5 тыс. человек, но никакого реального влияния на боеспособность колчаковских войск и тем более на ход боевых действий на Восточном фронте не оказали.

[44] Патушинский Григорий Борисович (1873–1931) — родился в семье иркутского купца 1-й гильдии. Окончил Красноярскую гимназию и юридический факультет Московского университета (1896 г.).

С 1899 г. служил в судебном ведомстве: младший кандидат на судебную должность в Иркутске, мировой судья округа Читинского окружного суда, судебный следователь округа Иркутского окружного суда, мировой судья 2-го участка Канского уезда. После выхода в 1904 г. в отставку вступил в присяжные поверенные Иркутской судебной палаты. Выступал в качестве защитника во время ряда крупных политических процессов, проводившихся в Восточной Сибири в 1905–1907 гг. Особую известность ему принесло участие в комиссии по расследованию Ленских событий 1912 г. В начале Мировой войны добровольно пошел на фронт и служил офицером 19-го Сибирского стрелкового полка. За боевые отличия был награжден многими орденами до Св. Владимира IV степени с мечами и бантом включительно.

Летом 1917 г. был назначен Временным правительством прокурором Красноярского окружного суда. Здесь сблизился с В. М. Крутовским и стал активным деятелем сибирского областничества: был делегатом октябрьского и декабрьского 1917 года областнических съездов в Томске, членом Сибирского областного совета, депутатом Сибирской областной думы. В ночь на 26 января 1918 г. вместе с двумя десятками сибирских «думцев» был арестован томскими большевиками и заключен в Красноярскую тюрьму, откуда был освобожден только четыре месяца спустя. В ночь с 28 на 29 января 1918 г. на нелегальном заседании Сибирской областной думы в Томске был заочно избран министром юстиции Временного Сибирского правительства. 30 июня 1918 г. занял эту должность в составе Временного Сибирского правительства. 8 сентября подал прошение об отставке из-за «глубокого расхождения с Административным советом и возрастающего влияния последнего на политическую деятельность правительства». 16 сентября вернулся в Иркутск, но в тот же день заявил, что забирает свое прошение. Постановлением Административного совета Временного Сибирского правительства от 21 сентября был смещен с поста министра. Вернувшись в Иркутск, снова занялся адвокатской деятельностью.

С 5 по 18 января 1920 г. являлся уполномоченным Иркутского Политического центра по ведомству юстиции. После восстановления в Иркутске советской власти был арестован и привлечен к суду над колчаковскими министрами в Омске в качестве свидетеля. Затем служил в местных советских органах. В 1922 г. выступал в качестве защитника на процессе по делу членов партии правых социалистов-революционеров. Умер в Москве.

[45] Карликов Вячеслав Александрович (1871–1937) — родился в г. Ходжент. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1889 г.), 2-е Константиновское военное училище (1891 г.), Николаевскую академию Генерального штаба (1898 г.).

Участник русско-японской и Мировой войн, генерал-майор, был награжден Георгиевским оружием. С 21 декабря 1917 г. являлся начальником штаба Оренбургского военного округа. В июне 1918 г. руководил операциями белогвардейских отрядов против советских войск в районе Илецкой Защиты, затем командовал войсками Туркестанского фронта Оренбургского казачьего войска, за что получил чин генерал-лейтенанта. С 12 апреля по 15 октября 1919 г. являлся директором Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 28 октября 1919 г. был назначен помощником военного министра Российского правительства.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к условному лишению свободы сроком на пять лет с применением принудительных работ.

[46] Степаненко Георгий Макарович (1866–?) — родился в семье чиновника г. Кременчуг Полтавской губерннии. Окончил городское реальное училище и Санкт-Петербургский технологический институт (1888 г.). Беспартийный.

Служил на частных и казенных железных дорогах: Юго-Западной, Лозово-Севастопольской, Рязано-Уральской. С 1898 г. работал на строительстве Средне-Сибирской, а затем — 2-й Екатерининской железных дорог. В конце 1913 г. назначен начальником службы тяги Самаро-Златоустовской железной дороги, в июле 1915 г.— управляющим Владивостокскими временными мастерскими по сборке американских большегрузных вагонов. С середины 1917 по июнь 1918 г. занимал должность помощника начальника Омской железной дороги. С 19 июня 1918 г. заведовал отделом путей сообщения Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля — управляющий министерством путей сообщения Временного Сибирского правительства, с 4 ноября — товарищ министра путей сообщения Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к пожизненному заключению с применением принудительных работ.

[47] Так в тексте.

[48] Ячевский Михаил Эдуардович (1865–?) — из потомственных дворян. Окончил Варшавский университет.

В 1910–1917 гг. служил петроковским губернатором. Действительный статский советник, камергер. После Февральской революции работал в комиссии при министерстве государственного призрения, после Октябрьского переворота — делопроизводителем в канцелярии Центрального комитета Всероссийского союза увечных воинов, служил в управлении строительства Южно-Сибирской железной дороги (г. Семипалатинск). С 23 апреля 1919 г. являлся чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел Российского правительства. С 27 мая 1919 г.— временно исполняющий обязанности товарища министра, с 15 июля — товарищ министра внутренних дел Российского правительства.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к лишению свободы с применением принудительных работ до окончания гражданской войны.

[49] Жуковский Владимир Григорьевич (1871–1922) — родился в Самаре в семье судебного деятеля. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1897 г.). Беспартийный.

С 1897 г. служил в министерстве иностранных дел России: в политическом архиве по ближневосточным и славянским делам, секретарем российского консульства в Галаце (Румыния), секретарем генерального консульства в Иерусалиме, вице-консулом в Адрианополе, консулом в Кенигсберге и в Праге, в особом славянском политическом отделе. После Октябрьского переворота жил в Самаре. С августа 1918 г. являлся чиновником особых поручений ведомства иностранных дел Самарского Комуча. С 4 ноября 1918 г.— исправляющий должность товарища министра иностранных дел Временного Всероссийского правительства, с 18 ноября — Российского правительства. 17 января 1919 г. был назначен российским чрезвычайным посланником и полномочным министром Российского правительства в Праге; с марта 1919 г.— временно исполняющий должность товарища министра иностранных дел Российского правительства и российский посланник в Праге; с 5 сентября — товарищ министра иностранных дел Российского правительства.

Активно занимался литературным творчеством. С середины 1890-х годов публиковал стихи в разных журналах, главным образом в «Новом времени». В 1905 г. в Санкт-Петербурге издал книгу «Стихотворения. 1893–1904». Его стихи напоминают поэзию французских «парнасцев», одного из представителей которых, М. Ж. Эредиа, Жуковский много переводил.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к пожизненному заключению с применением принудительных работ.

[50] Дмитриев Николай Васильевич (1873–?) — родился в Ярославской губернии. Окончил Московское земледельческое училище в звании агронома, был вольнослушателем Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии. Беспартийный.

В 1894–1895 гг. работал в толстовской колонии «Криница» в Новороссийске, в 1896–1898 гг.— управляющий имениями в Воронежской губернии. С 1898 г. в Сибири: крестьянский начальник и председатель съезда крестьянских начальников, начальник отделения Иркутской казенной палаты. Участник русско-японской войны, прапорщик. С апреля 1906 г. служил в переселенческом управлении (г. Омск) помощником управляющего сельскохозяйственными складами, заведующим отделом зернохранилищ Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерний. Во время Мировой войны являлся уполномоченным по заготовке хлеба в Сибири для союзных армий, а затем — уполномоченным Временного правительства по перевозкам продовольственных грузов в Сибири. После установления советской власти подвергся преследованиям и скрывался. С 14 июня 1918 г.— заместитель заведующего продовольственным отделом Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля — заместитель управляющего министерством продовольствия Временного Сибирского, с 4 ноября — Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. 24 января 1919 г. уволен с занимаемой должности согласно личному прошению. В июне 1919 г. был призван в Российскую армию и служил офицером для поручений в главном интендантском управлении.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к 10 годам лишения свободы с применением принудительных работ.

[51] Молодых Иннокентий Александрович (1866 — около 1921) — с 1906 г. состоял в РСДРП, позднее — беспартийный областник.

Чиновник, краевед, этнограф. Совместно с П. Е. Кулаковым написал книгу «Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии» (СПб., 1896). С 27 июля 1918 г.— товарищ министра снабжения Временного

Сибирского, с 4 ноября — Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. С 27 декабря — товарищ министра снабжения и продовольствия Российского правительства. 4 февраля 1919 г. уволен с должности за сокращением штата.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к 10 годам лишения свободы с применением принудительных работ.

[52] Василевский Вячеслав Константинович (1878–?) — родился в Белой церкви Васильковского уезда Киевской губернии. Инженер-технолог. Служил помощником управляющего отделом охраны труда, рынка труда и взаимоотношений труда и капитала министерства труда Российского правительства, с 9 мая 1919 г.— управляющий этим же отделом. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 4 июня 1919 г. был назначен товарищем министра труда.

[53] Матковский Алексей Филиппович (1877–1920) — из потомственных дворян Подольской губернии. Окончил 1-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1903 г.); полковник (1912 г.), ординарный профессор Императорской Николаевской академии Генерального штаба.

В Мировую войну командовал 2-м Курляндским лейб-уланским полком имени Александра I. За боевые отличия был награжден Георгиевским оружием и произведен в генерал-майоры. После Октябрьского переворота вместе с Академией Генерального штаба эвакуировался на восток. После свержения в Сибири советской власти являлся инспектором кавалерии Западно-Сибирской отдельной армии. С 6 сентября 1918 г. командовал 2-м Степным Сибирским корпусом, исполнял обязанности командующего Сибирской армией. 19 декабря 1918 г. назначен командующим Западно-Сибирским (Омским) военным округом. Приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 15 июня 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты.

Проходил свидетелем на процессе по делу о колчаковских министрах. 8 июня 1920 г. расстрелян в Омске по приговору местной губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Реабилитирован.

[54] Шемякин Аркадий Васильевич — поручик; с 4 июля по 15 августа 1918 г. являлся военным руководителем Шадринского уезда с прикомандированием к штабу 2-го Степного Сибирского корпуса. В 1919 г. в звании капитана временно командовал бригадой имени есаула Красильникова, действовавшей против енисейских партизан, затем служил начальником штаба Отдельной егерской бригады.

[55] Рубцов Павел Михайлович (1893–1920) — штабс-капитан (1917 г.). Организатор антисоветского переворота в г. Тара Акмолинской области. В июне — июле 1918 г. являлся командиром Тарского добровольческого отряда и начальником гарнизона г. Тара. 22 июля 1918 г. назначен начальником унтер-офицерской подготовительной школы при Степной Сибирской кадровой бригаде, затем возглавлял унтер-офицерскую школу при 11-й Сибирской стрелковой дивизии, с 19 мая 1919 г.— начальник унтер-офицерской школы Омского военного округа. 17 сентября 1918 г. был произведен в капитаны, 12 февраля 1919 г.— в подполковники. Сыграл важную роль в подавлении антиколчаковского вооруженного восстания в Омске и Куломзино, поднятого большевиками 22 декабря 1918 г.

8 июня 1920 г. расстрелян в Омске по приговору местной губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

[56] Мартьянов Александр Александрович — полковник, исполняющий обязанности главного военно-морского прокурора. Указом Верховного правителя

А. В. Колчака от 3 декабря 1918 г. был назначен временно исполняющим обязанности директора канцелярии Верховного правителя и произведен в генерал-майоры. Затем — директор канцелярии Верховного правителя, с 19 сентября 1919 г. стал также товарищем главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров.

[57] Самойлов Николай Алексеевич — окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, с 17 января 1919 г. служил чиновником особых поручений при управлении делами Верховного правителя и Совета министров.

[58] Клафтон Александр Константинович (1871–1920) — родился в Вятке в купеческой семье. Окончил Вятскую гимназию (1886 г.) и медицинский факультет Казанского университета (1894 г.). Член конституционно-демократической партии, был председателем ее Самарского комитета.

Служил в канцелярии самарского уездного предводителя дворянства, в главном комитете Всероссийского земского союза. Избирался гласным Самарского губернского земского собрания, являлся редактором популярной самарской газеты «Волжский день». В декабре 1918 и в июне 1919 г. избирался председателем президиума Восточного отдела ЦК партии кадетов. Со 2 мая 1919 г.— директор-распорядитель правления акционерного общества Русского печатного дела (с 1 июня — Русское бюро печати). С 24 июня 1919 г.— член Государственного экономического совещания.

Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Омске 23 июня 1920 г.

[59] Информация о доставке из Иркутска в Омск 22 колчаковских министров для суда над ними была опубликована 22 апреля 1920 г. в газете «Советская Сибирь».

[60] 20 апреля 1920 г. И. П. Павлуновский дал распоряжение освободить Г. Б. Патушинского «под подписку о невыезде и [с] обязательной явкой в суд». (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 36. Л. 278.)

[61] Байков Михаил Никифорович (1885–?) — рабочий, большевик с 1905 г. До мая 1918 г. работал слесарем в Петрограде, избирался членом Центрального совета профсоюза металлистов. Петроградским советом был направлен в Сибирь для продовольственных заготовок и прибыл в Омск в начале июня 1918 г. После свержения советской власти в Сибири участвовал в деятельности омского большевистского подполья, состоял членом его городского комитета. 19 декабря 1919 г. делегирован омскими рабочими на VII Всероссийский съезд советов, на котором был избран членом ВЦИК. В начале 1920-х годов входил в руководство Омской губернской организации РКП(б).

[62] Данное постановление было впервые опубликовано в журнале: Известия Сибирского революционного комитета. Омск, 1920. № 2. С. 4–5.

[63] Ошмарин Михаил Тихонович (1895–1938) — родился в д. Кашино Волоколамского уезда Московской губернии, из мещан; образование низшее. Большевик с 1917 г.

В 1918 г. возглавлял Нарофоминскую районную чрезвычайную комиссию Московской губернии, затем работал в центральном аппарате ВЧК. С начала 1920 до 1923 г. служил в полномочном представительстве ВЧК по Сибири: комендант, заместитель полномочного представителя, начальник административного отдела, управляющий делами. В середине 1930-х годов проживал в Москве и являлся начальником главного управления льняной промышленности народного комиссариата легкой промышленности. В 1937 г. был исключен из ВКП(б), 27 августа аресто-

ван. 8 января 1938 г. военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к высшей мере наказания по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности и в тот же день расстрелян. 28 июля 1956 г. реабилитирован.

[64] Жестянников Лев (Яков) Вульфович (1894–1937) — большевик с октября 1917 г. Активный участник Октябрьского переворота в Казани. В годы гражданской войны служил в Красной армии: командир батальона, военный комиссар полка. С 19 марта до 1 июня 1920 г. работал инструктором отдела юстиции Сибревкома и выполнял функции секретаря чрезвычайного революционного трибунала Сибири. Во второй половине 1920–1921 г. являлся личным секретарем председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, исполнял обязанности управляющего делами Сибревкома, служил алтайским губернским военным комиссаром, избирался секретарем Барнаульского и Бийского уездных комитетов РКП(б). В дальнейшем находился на научно-пропагандистской работе в Москве. Автор книги «Фашизм и социал-фашизм» (М.; Л., 1932), направленной против европейской социал-демократии. Репрессирован и посмертно реабилитирован.

[65] Ошибка; правильно — 20 апреля.

[66] Ошибка; правильно — 20 апреля.

[67] Мамонтов Ефим Мефодьевич (1889–1922) — из крестьян-переселенцев Воронежской губернии. Житель с. Вострово (Кабанье) Покровской волости Славгородского уезда Алтайской губернии. Окончил начальную школу, по роду занятий — плотник.

Участник Мировой войны, телеграфист, унтер-офицер. За храбрость был награжден двумя Георгиевскими крестами и медалью. Вернувшись в феврале 1918 г. с фронта, сблизился с местными большевиками. В начале сентября 1918 г. возглавил отряд, созданный из жителей с. Вострово, для поддержки восставших против Временного Сибирского правительства крестьян с. Черный Дол. После подавления Чернодольского восстания несколько месяцев скрывался от властей. С весны 1919 г. командовал небольшим партизанским отрядом на юге Славгородского уезда, нападавшим на торговцев, зажиточных крестьян, милицию и лесную стражу. В процессе объединения в конце августа — начале октября 1919 г. партизанских отрядов Степного Алтая в Западно-Сибирскую крестьянско-рабочую армию был избран ее главнокомандующим. К началу декабря 1919 г. численность армии достигла примерно 35 тыс. человек. Она освободила от колчаковцев около половины территории Алтайской губернии и северо-восточные районы Семипалатинской области, в том числе города Барнаул, Камень, Рубцовск, Семипалатинск, Славгород.

После восстановления в Западной Сибири советской власти приказом Реввоенсовета 5-й армии от 26 декабря 1919 г. Е. М. Мамонтов был назначен помощником инспектора пехоты этой армии, а 26 января 1920 г. на него также было возложено временное исполнение должности начальника отдела снабжения запасных частей 5-й армии. Во второй половине марта — начале мая 1920 г. находился в Москве, по возвращению откуда Сибревкомом был назначен членом чрезвычайного революционного трибунала Сибири.

Летом — осенью 1920 г. командовал на Врангелевском фронте Западно-Сибирской добровольческой красной бригадой. В декабре 1920 г. назначен командиром бригады 27-й стрелковой дивизии войск внутренней службы, дислоцировавшейся на юге Западной Сибири, но был арестован органами ВЧК по подозрению в контрреволюции. После освобождения из-под ареста занимался в с. Вострово сельскохозяйственным трудом.

25 февраля 1922 г. убит в д. Власиха Барнаульской волости того же уезда в пьяной драке на бытовой почве.

[68] Щетинкин Петр Ефимович (1884/85–1927) — родился в с. Чуфилово Касимовского уезда Рязанской губернии, из крестьян. Большевик с весны 1918 г.

Начал трудиться с 13 лет плотником на стройках Москвы. В 1906–1909 гг. служил в армии, унтер-офицер. Затем переселился в Сибирь, где столярничал в Ачинском уезде. В августе 1911 г. поступил на военную службу сверхсрочным, окончил школу подпрапорщиков. Во время Мировой войны сначала находился на фронте, затем служил начальником учебной команды полка. За храбрость и боевые отличия был награжден Георгиевскими крестами четырех степеней, двумя Георгиевскими медалями и медалью Французской республики, орденами Св. Станислава III и II степени, Св. Анны III степени, получил чин штабс-капитана.

С 1 марта 1918 г. служил начальником уголовного розыска советской милиции Ачинского уезда, являлся членом уездного исполкома советов и начальником его военного отдела. Во время белочешского мятежа возглавлял штаб ачинской Красной гвардии. Затем скрывался от преследований белогвардейцев и вел подпольную работу. В январе — марте 1919 г. командовал партизанским отрядом, насчитывавшим до 450 бойцов, который действовал на севере Ачинского уезда. В апреле 1919 г. под угрозой разгрома белыми совершил рейд на юг Енисейской губернии, где объединился с заманскими (степно-баджейскими) партизанами во главе с А. Д. Кравченко. Здесь был избран заместителем командующего партизанской армией Степно-Баджейской республики. После освобождения в середине сентября 1919 г. партизанами Минусинского уезда являлся заместителем командующего Крестьянско-рабочей армии Минусинского фронта, численность которой к началу 1920 г. достигла примерно 12–13 тыс. штыков и сабель. В конце января — феврале 1920 г. командовал 1-й бригадой Енисейской дивизии, сформированной на основе партизанской армии Минусинского фронта.

30 сентября 1927 г. убит в Урге (Улан-Баторе) при невыясненных обстоятельствах.

[69] Ошибка; здесь и далее правильно — Сибпродком (Сибирский продовольственный комитет).

[70] На документе имеется революция И. П. Павлуновского: «Защиту организовать только из членов коллегии защитников».

[71] Ярославский (Губельман) Емельян Михайлович (1878–1943) — родился в Чите в семье учителя. Окончил четыре класса гимназии, по профессии — аптекарь. Профессиональный революционер, большевик с 1898 г.

Вел партийную работу в Забайкалье, Петербурге, Москве, Одессе и др. городах, уделяя первостепенное внимание созданию большевистской печати и военно-боевых организаций. Участник IV (объединительного) и V (Лондонского) съездов РСДРП. Неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению («Кресты», Бутырка). С 1912 г.— на Нерчинской каторге, а по окончании ее срока — на поселении в Якутске.

В 1917 г.— председатель Якутского совета, затем — один из руководителей московских большевиков: член Московского комитета РСДРП(б), боевого партийного центра по руководству восстанием, военно-революционного комитета. После Октябрьского переворота занимал различные партийно-советские должности; делегат VIII и IX съездов РКП(б). В октябре 1919 — марте 1920 г. работал председателем Пермского губернского комитета партии. С апреля 1920 г.— член Сибирского бюро ЦК РКП(б).

[72] В разделе «Порядок дня» протокола заседания вопрос сформулирован иначе: «Суд над министрами Колчака».

[73] См. документ № 23.

[74] Болдырев Дмитрий Васильевич (1885–1920) — родился в Санкт-Петербурге. Окончил Первый кадетский корпус (1903 г.) и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

С 1912 г. занимался педагогической деятельностью, преподавая сначала в средних учебных заведениях, с 1916 г.— на Петроградских высших женских курсах, с 1917 г.— в Первом кадетском корпусе. С 1915 г. сотрудничал в газете «Русская мысль», с 1917 г.— в «Русской свободе». С сентября 1918 г. жил в Перми, с ноября являлся приват-доцентом Пермского университета. С 22 января 1919 г. занимал должность секретаря совета университета, с 13 мая — доцент кафедры философии Пермского университета. В конце мая 1919 г. переехал в Омск, где стал заместителем директора-распорядителя Русского общества печатного дела и, кроме того, возглавил отдел внутренней информации Русского бюро печати. Осенью 1919 г. был одним из организаторов добровольческих дружин Святого креста и Зеленого знамени. В поезде А. В. Колчака, а затем В. Н. Пепеляева переехал из Омска в Иркутск, где был арестован по распоряжению Политического центра. 12 мая 1920 г. скончался в Иркутском тюремном госпитале от сыпного тифа.

[75] Санкт-Петербургский военно-морской кружок образовался в октябре 1906 г. при Николаевской морской академии. Первое время насчитывал в своем составе 34 действительных члена, одним из которых был лейтенант А. В. Колчак. Председателем кружка являлся капитан 2-го ранга М. М. Римский-Корсаков. Программа работы кружка предполагала пять основных направлений его деятельности: доклады о плаваниях и их программах; изучение боевого опыта русско-японской войны; вопросы стратегии, тактики и техники; вопросы подготовки личного состава и прохождения службы; обзор и разбор новой литературы по военно-морскому делу.

11 сентября 1907 г. морской министр утвердил устав Санкт-Петербургского военно-морского кружка. Задачи кружка в его уставе определялись так: увеличение военно-морских знаний; разработка военно-морских наук, в частности на основе опыта русско-японской войны; обсуждение принципиальных вопросов текущей жизни личного состава флота; проведение новых идей закономерным путем. В списке 28 учредителей кружка состоял и капитан-лейтенант А. В. Колчак. (См.: Морской сборник. СПб, 1907. № 9. С. 34–38).

[76] См.: Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 198.

[77] Гленнон Джеймс Гарольд (1857–1940) — контр-адмирал Северо-Американских Соединенных штатов (САСШ). Прибыл в Россию в начале лета 1917 г. в составе специальной миссии президента САСШ.

[78] См.: Архив русской революции. Т. 10. С. 251.

[79] Кудашев Николай Александрович (1866–1925) — из семьи генерала, князь. В 1902–1905 гг.— первый секретарь Российского посольства в Токио, в 1912–1914 гг.— советник Российского посольства в Вене, затем — директор дипломатической канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего. С 9 июня 1916 по 23 сентября 1920 г.— чрезвычайный посланник и полномочный министр-посол в Пекине. Камергер, действительный статский советник. В начале 1921 г. переехал на жительство во Францию, где и умер.

[80] Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — из семьи солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую гимназию, Московское юнкерское училище и Ни-

колаевскую академию Генерального штаба (1890 г.), генерал от инфантерии (1917 г.).

Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и русско-японской войны, профессор Николаевской академии Генерального штаба. В годы Мировой войны являлся начальником штаба Юго-Западного фронта, главнокомандующим армиями Северо-Западного и Западного фронтов, с 18 августа 1915 г.— начальник штаба Верховного главнокомандующего. С 11 марта по 22 мая 1917 г.— Верховный главнокомандующий. Противник вовлечения армии в политику и сторонник программы «оздоровления армии», сформулированной Л. Г. Корниловым.

После Октябрьского переворота инициатор формирования на юге России антисоветских вооруженных сил, получивших 25 декабря 1917 г. наименование Добровольческой армии. С 31 августа 1918 г. и до своей смерти, последовавшей 8 октября того же года, являлся верховным руководителем Добровольческой армии и председателем созданного при нем Особого совещания — высшего органа гражданского управления.

[81] Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) — магистраль в северо-восточном Китае от ст. Манчьжурия до г. Дальний (Далян). Являлась кратчайшим путем, соединявшим Забайкалье и Приморье через Манчьжурию.

[82] Хорват Дмитрий Леонидович (1859–1937) — родился в г. Кременчуг Полтавской губернии, из дворян. Окончил Николаевское военно-инженерное училище и Николаевскую военно-инженерную академию (1885 г.), генерал-лейтенант (1912 г.).

Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Затем служил на Закаспийской военной железной дороге. С 1895 г. занимал должность начальника восточного участка Уссурийской, с 1899 г.— управляющего Закаспийской и с 1902 г.— управляющего Китайско-Восточной железной дорогой. После Февральской революции являлся комиссаром Временного правительства на КВЖД. После Октябрьского переворота возглавил в Харбине Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительного собрания. 9 июля 1918 г. объявил себя на станции Гродеково временным Верховным правителем России и создал собственное правительство — Деловой кабинет. В конце сентября 1918 г. в ходе переговоров с премьер-министром Временного Сибирского правительства П. В. Вологодским согласился признать власть Временного Сибирского правительства и распустить свой Деловой кабинет. В обмен на это согласие был 28 октября 1918 г. назначен верховным уполномоченным Временного Сибирского правительства на Дальнем Востоке. Эту должность сохранил за собой при Временном Всероссийском и Российском правительствах. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 6 мая 1919 г. на Д. Л. Хорвата были возложены также обязанности командующего войсками Приамурского военного округа.

Своих обоих постов лишился 18 июля 1919 г. в связи с учреждением Верховным правителем должности главного начальника Приамурского края, которую получил генерал-лейтенант С. Н. Розанов. В порядке «компенсации» 15 июля был назначен сенатором и 22 июля — главноначальствующим над русскими учреждениями в полосе отчуждения КВЖД. С 1921 г. жил в Пекине, был одним из руководителей русских эмигрантских организаций. Умер и похоронен в Пекине.

[83] Архив русской революции. Т. 10. С. 259.

[84] Калмыков Иван Павлович (1891–1920) — родился в Рязанской губернии. Окончил Тифлисское военное училище (1913 г.), подъесаул (1917 г.).

Служил на Дальнем Востоке в 1-м Восточно-Сибирском саперном батальоне. Участник Мировой войны в составе 1-го Уссурийского казачьего полка, в котором командовал сотней. За боевые отличия был награжден Георгиевским оружием. После Февральской революции избирался в полковой комитет, примыкал к эсерам и одно время — даже к левой их части. Осенью 1917 г. возвратился на Дальний Восток. Самовольно приписался к казачьему сословию. На 3-м войсковом круге 6 октября 1917 г. был избран заместителем атамана Уссурийского казачьего войска. С января 1918 г. временно исполнял обязанности войскового атамана. В марте 1918 г. на ст. Пограничная (полоса отчуждения КВЖД) начал формировать Особый уссурийский казачий отряд, который в мае — августе 1918 г. принял участие в вооруженной борьбе против советов сначала на Гродековском, затем — на Уссурийском фронте. С сентября 1918 г. отряд базировался в Хабаровске, установив на подконтрольной ему территории режим произвола и террора. 5-й чрезвычайный большой круг Уссурийского казачьего войска 22 октября 1918 г. наградил И. П. Калмыкова за его заслуги в борьбе против советской власти званием генерал-майора. Осенью 1919 г. Особый уссурийский казачий отряд был развернут в Отдельную уссурийскую атамана Калмыкова бригаду, а сам И. П. Калмыков назначен уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Хабаровском и Иманском уездах. 30 декабря 1919 г. главнокомандующий войсками Забайкальского, Приамурского и Иркутского военных округов генерал-лейтенант Г. М. Семенов назначил его своим помощником по должности походного атамана дальневосточных казачьих войск.

В феврале 1920 г. И. П. Калмыков был вынужден оставить Хабаровск, предварительно забрав из местного банка несколько десятков пудов золота, и перешел китайскую границу. Китайскими властями его отряд был разоружен, а сам И. П. Калмыков 16 апреля арестован и препровожден в Гирин. В сентябре того же года убит китайской охраной якобы при попытке к бегству.

[85] Цитата приводится неточно. См.: Архив русской революции. Т. 10. С. 268.

[86] 21 мая 1917 г. М. В. Алексеев был смещен с должности Верховного главнокомандующего, но назначен военным советником Временного правительства. По просьбе А. Ф. Керенского, являвшегося в то время главой Временного правительства, с 30 августа по 10 сентября 1917 г. занимал должность начальника штаба Верховного главнокомандующего.

[87] См.: Архив русской революции. Т. 10. С. 275.

[88] Деникин Антон Иванович (1872–1947) — из семьи военного. Окончил Ловичское реальное училище, Киевское пехотное юнкерское училище (1892 г.) и Николаевскую академию Генерального штаба (1899 г.), генерал-лейтенант (1916 г.).

Участник русско-японской войны. Служил в штабах Варшавского и Киевского военных округов. Во время Мировой войны командовал бригадой, дивизией и корпусом. После Февральской революции — помощник начальника, начальник штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующий войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Был арестован за поддержку выступления генерала Л. Г. Корнилова.

В ноябре 1917 г. перебрался на Дон, где принял активное участие в формировании Добровольческой армии. После гибели Л. Г. Корнилова с 12 апреля 1918 г. командовал Добровольческой армией, а в декабре того же года принял на себя командование всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими на юге России. 30 мая 1919 г. признал адмирала А. В. Колчака в качестве Верховного правителя России и Верховного главнокомандующего.

С 1920 г. находился в эмиграции в Западной Европе, с декабря 1945 г.— в США. Скончался в Мичигане.

[89] Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) — из семьи чиновника-дворянина. Окончил Пензенскую гимназию, учился на юридическом факультете Московского университета, в Берлинском, Лейпцигском и Галльском университетах, доктор философии. Профессиональный революционер, член партии социалистов-революционеров и ее ЦК с 1905 г.

Являлся лидером правого крыла эсеров; выступал против экстремистской тактики и за легальные формы борьбы с царизмом. В годы Мировой войны — социал-патриот и оборонец. После Февральской революции избирался председателем Всероссийского совета крестьянских депутатов, входил в состав второго коалиционного Временного правительства в качестве министра внутренних дел, являлся председателем Демократического совещания и Временного совета Российской республики (Предпарламента), депутатом Всероссийского Учредительного собрания. После Октябрьского переворота — один из руководителей «Союза защиты Учредительного собрания», за что был арестован и заключен большевиками в Петропавловскую крепость.

С марта 1918 г. входил в руководство «Союза возрождения России». По решению ЦК эсеров в конце мая 1918 г. выехал в Сибирь, которая рассматривалась как потенциальная база антибольшевистского сопротивления. Являлся председателем Уфимского государственного совещания и возглавил созданную на нем Директорию. В ходе государственного переворота в ночь на 18 ноября 1918 г. был арестован вместе с А. А. Аргуновым, В. М. Зензиновым и Е. Ф. Роговским и 20 ноября принудительно выслан за границу.

До 1940 г. жил во Франции, а затем в США. Умер в Нью-Йорке.

[90] Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) — родился в семье крупного московского купца. Окончил 3-ю Московскую гимназию (1899 г.), учился в ряде германских университетов. Профессиональный революционер; член партии социалистов-революционеров и ее ЦК с 1905 г.

Вел революционную работу в Петербурге, Москве и за границей. Трижды подвергался арестам, несколько месяцев сидел в заключении в «Крестах» и Петропавловской крепости, четыре года провел в Верхоянской ссылке. В годы Мировой войны был оборонцем. После Февральской революции являлся одним из инициаторов создания временного исполкома Петроградского совета рабочих депутатов, был членом чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений высокопоставленных царских чиновников.

К Октябрьскому перевороту отнесся резко отрицательно. Был избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания. По решению ЦК партии эсеров летом 1918 г. выехал для работы в Поволжье, входил в состав Самарского Комуча, участвовал в работе Уфимского государственного совещания, на котором был избран заместителем Н. В. Чайковского в качестве члена Директории. В ходе государственного переворота в ночь на 18 ноября 1918 г. был арестован вместе с остальными эсеровскими руководителями Директории — Н. Д. Авксентьевым, А. А. Аргуновым и Е. Ф. Роговским — и 20 ноября принудительно выслан за границу. Умер в Нью-Йорке.

[91] Болдырев Василий Георгиевич (1875–1933) — родился в г. Сызрань Симбирской губернии, из семьи сельского кузнеца. Окончил Пензенское землемерное училище и Петербургское военно-топографическое училище (1895 г.), Николаевскую академию Генерального штаба (1903 г.), генерал-лейтенант (1917 г.).

Участник русско-японской войны. В 1911–1914 гг.— преподаватель и экстраординарный профессор Императорской Николаевской академии Генерального штаба. В 1914–1916 гг. служил начальником штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии, командиром 30-го пехотного Полтавского полка, начальником штаба 3-й гренадерской дивизии, генералом для поручений при командующем 4-й армии, генерал-квартирмейстером штаба армий Северного фронта, в апреле — сентябре 1917 г. командовал 43-м армейским корпусом и в сентябре — октябре 1917 г.— 5-й армией. За боевые отличия награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия IV степени. 13 ноября 1917 г. арестован и приговорен Петроградским революционным трибуналом за неподчинение советскому командованию к трем годам тюремного заключения, но 3 марта 1918 г. досрочно освобожден. С апреля 1918 г. состоял в «Союзе возрождения России», являясь руководителем его военного отдела. Участник Челябинского и Уфимского государственных совещаний, на последнем из которых был избран членом Директории и главнокомандующим ее войсками. Лишился своих постов после колчаковского переворота (формально уволен с должности Верховного главнокомандующего постановлением Совета министров Российского правительства 27 ноября 1918 г.) и выехал в Японию.

В 1920–1922 гг. продолжал антисоветскую борьбу, занимая различные руководящие должности в органах власти Дальнего Востока. 5 ноября 1922 г. арестован органами государственной политической охраны Дальневосточной республики и передан в советскую Россию. Осужден ОГПУ СССР, но в августе 1923 г. амнистирован и освобожден. Жил и работал в Новониколаевске (Новосибирске): в 1924–1928 гг.— в Сибирской краевой плановой комиссии, в 1928–1933 гг.— в Сибирском филиале Института промышленно-экономических исследований и в редакции «Сибирской советской энциклопедии». Автор мемуаров о гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке «Директория, Колчак, интервенты: Воспоминания» (Новониколаевск, 1925. 565 с.). 23 февраля 1933 г. арестован органами ОГПУ по обвинению в идейно-политическом руководстве контрреволюционной повстанческой организацией в Западно-Сибирском крае, 5 августа приговорен к высшей мере наказания и 22 августа расстрелян.

[92] Вологодский Петр Васильевич (1863–1925) — родился в семье священника в с. Комарово Канского уезда Енисейской губернии. Окончил Томскую гимназию и экстерном — юридический факультет Харьковского университета (1892 г.). В начале первой русской революции был близок к социалистам-революционерам, затем от прогрессистов Томска избирался депутатом II Государственной думы; в дальнейшем беспартийный областник.

Служил по судебному ведомству в Омске, Верном и Семипалатинске, работал присяжным поверенным в Иркутске и Томске. Выступал защитником на ряде крупных политических процессов. С 4 марта по 20 июля 1917 г.— член Томского губернского комиссариата Временного правительства; с 21 июля 1917 г.— старший председатель Омской судебной палаты. С 4 января 1918 г. являлся редактором омской газеты «Заря» и кооперативного журнала «Трудовая Сибирь». В ночь с 28 на 29 января 1918 г. на подпольном заседании Сибирской областной думы в Томске был избран министром внешних сношений Временного Сибирского правительства. С 30 июня 1918 г.— председатель Совета министров и министр внешних сношений (с 1 июля — министр иностранных дел) Временного Сибирского правительства. Был избран в состав Уфимской Директории. С 4 ноября — председатель Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства.

Входил в состав Совета Верховного правителя. 22 ноября 1919 г. уволен А. В. Колчаком с занимаемых постов согласно личному прошению.

Эмигрировал в Китай. Автор дневника за 24 мая (6 июня) 1918 — март 1920 г., фрагменты которого опубликованы. (См.: Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 121–252; Отечественная история (М.) 2000. № 6. С. 135–150; 2001. № 1. С. 135–153.) Умер в Харбине.

[93] Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934) — из семьи крупного помещика. Участница «хождения в народ», за что была в 1874 г. арестована и приговорена к пяти годам каторжных работ, которые отбывала на Каре. До 1896 г. жила в разных городах Сибири. Затем приняла активное участие в создании эсеровских организаций в России и за границей. В сентябре 1907 г. арестована в Симбирске, два года провела в Петропавловской крепости и в 1910 г. сослана в Иркутскую губернию.

После Февральской революции активно поддерживала Временное правительство, настаивала на принятии превентивных мер против большевиков. Решительно осудила Октябрьский переворот и Брест-Литовский мирный договор. Член Всероссийского Учредительного собрания. Летом 1918 г. входила в состав Самарского Комуча, участвовала в Уфимском государственном совещании. В начале 1919 г. через Урал, Сибирь и Дальний Восток уехала в САСШ. С тех пор жила за границей. Умерла в Чехословакии.

[94] Крутовский Владимир Михайлович (1856–1938) — родился в Енисейске в семье золотопромышленника. Окончил Красноярскую гимназию и Петербургскую медико-хирургическую академию (1881 г.). По своим общественно-политическим взглядам был сначала народником, а потом беспартийным областником.

В 1881–1883 гг. служил ачинским, а затем — красноярским окружным сельским врачом. С июня 1883 г.— младший врач, затем — ординатор Красноярской городской больницы. С 21 декабря 1896 г.— исполняющий должность помощника и помощник енисейского губернского врачебного инспектора. 26 августа 1905 г. уволен с должности согласно прошению и занялся частной врачебной практикой.

Много времени уделял общественной, литературной и педагогической деятельности. С 1883 г. являлся гласным Красноярской городской думы, был инициатором основания Красноярской городской амбулатории и больницы, одним из организаторов общества врачей Енисейской губернии и женской акушерско-фельдшерской школы, Красноярского подотдела Императорского Русского географического общества. Принимал участие в редактировании и издании газет «Сибирские врачебные ведомости» и «Отклики Сибири». Венцом его журналистско-издательской деятельности стал выпуск в 1916–1919 гг. двадцати номеров журнала «Сибирские записки».

С 1882 г. находился под негласным надзором полиции, дважды подвергался административной высылке. С 1905 г. являлся председателем Красноярского отдела Сибирского областного союза. В марте — октябре 1917 г. был председателем Красноярского коалиционного комитета общественной безопасности и енисейским губернским комиссаром Временного правительства. В октябре 1917 г. председательствовал на проходившем в Томске первом съезде сибирских областников. Подвергался аресту за оказание сопротивления установлению советской власти в Красноярске. В ночь с 28 на 29 января 1918 г. на нелегальном заседании Сибирской областной думы в Томске был избран министром здравоохранения Временного Сибирского правительства. С 30 июня 1918 г.— министр внутренних дел Временного Сибирского правительства. После ареста военными властями

21 сентября 1918 г. в Омске под давлением написал заявление о сложении с себя полномочий министра, после чего отошел от политической деятельности.

Последние двадцать лет прожил в Красноярске. 5 июля 1938 г. был арестован органами НКВД по обвинению в создании фашистской террористической организации. 9 декабря того же года умер в тюремной больнице.

[95] Шатилов Михаил Бонифатьевич (1882 — после 1933) — родился в с. Смоленское Бийского уезда Томской губернии в семье сельского учителя. Окончил Томское духовное училище, духовную семинарию и юридический факультет Томского университета (1909 г.). Член партии социалистов-революционеров в 1917–1918 гг., занимавший центристские позиции. Одновременно, по его собственной оценке, «убежденный областник-сибиряк, ученик и последователь Г. Н. Потанина».

Служил крестьянским начальником в Змеиногорском уезде Томской губернии, затем являлся присяжным поверенным Омской судебной палаты. За активную общественную и политическую деятельность неоднократно подвергался аресту царскими властями. После Февральской революции служил помощником томского губернского комиссара Временного правительства, товарищем председателя Томского губернского народного собрания, избирался членом Всероссийского Учредительного собрания от Алтайской губернии. В 1917–1918 гг. являлся одним из лидеров сибирского областничества: инициатором создания Сибирской областной думы и созыва Сибирского областного съезда, заместителем председателя первого Сибирского областнического съезда, членом Временного Сибирского областного совета. На нелегальном заседании Сибирской областной думы в ночь на 29 января 1918 г. был заочно избран в состав Временного Сибирского правительства министром без портфеля. 30 июня 1918 г. вошел в состав Временного Сибирского правительства в качестве министра туземных дел. Во время правительственного кризиса в 20-х числах сентября 1918 г. подвергся аресту со стороны военных властей и был принужден написать заявление об отставке с поста министра, которая была принята Административным советом.

До конца декабря 1919 г. работал уполномоченным Сибирского союза земств и городов в Томске, затем в Томском университете и Томском краеведческом музее. Автор ряда научных работ по проблемам истории и этнографии народов Сибири. Подвергался аресту органами ВЧК — ОГПУ — НКВД в 1920, 1921, 1931 и 1933 гг. 5 августа 1933 г. осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Дата, место и обстоятельства смерти неизвестны. В июле 1959 г. реабилитирован.

[96] Арест и последующая отставка В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова были частью глубокого правительственного кризиса, потрясшего сибирскую контрреволюцию в сентябре 1918 г. Суть данного конфликта заключалась в попытках перераспределения власти между правыми (военные, кадеты, торгово-промышленная группа) и левыми (социалисты и руководство Сибирской областной думы), которые воспользовались отсутствием в Омске председателя Временного Сибирского правительства П. В. Вологодского, уехавшего в командировку на Дальний Восток, и возглавлявшего Административный совет министра И. И. Серебренникова, отбывшего во главе сибирской делегации на Уфимское государственное совещание. На состоявшемся 20 сентября заседании Временного Сибирского правительства в составе находившихся в то время в Омске В. М. Крутовского, И. А. Михайлова и М. Б. Шатилова являвшийся заместителем председателя Совета министров В. М. Крутовский потребовал включить в состав правительства прибывшего в Омск А. Е. Новоселова, избранного Сибирской областной думой министром еще

29 января 1918 г., а также ограничить права Административного совета и изменить состав сибирской делегации на Уфимском государственном совещании. И. А. Михайлов отказался обсуждать столь серьезные вопросы в узком составе.

Получив конфиденциально информацию о происходивших в правительстве бурных дебатах, начальник Омского гарнизона полковник В. И. Волков отдал приказ группе своих офицеров арестовать В. М. Крутовского, А. Е. Новоселова и М. Б. Шатилова, а также находившегося в Омске председателя Сибирской областной думы И. А. Якушева. Арестовав первых трех, офицеры под угрозой расстрела вынудили В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова написать заявления о своей отставке, а А. Е. Новоселова, отказавшегося сделать это, застрелили. (Подробнее см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 144. Л. 8–9; *Ларьков Н. С.* Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный бой» 1918 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 48–66.)

[97] Сибирская областная дума — согласно принятому на чрезвычайном областническом сибирском съезде (г. Томск, 6–15 декабря 1917 г.) «Положению о временных органах управления Сибири» рассматривалась как областной орган законодательной по местным делам власти, формируемый путем представительства от революционных и демократических организаций. Ее открытие предполагалось 8 января 1918 г., но не состоялось сначала из-за отсутствия кворума, а потом из-за преследования большевистских властей, которые в ночь на 26 января арестовали около двух десятков прибывших депутатов.

Дума приступила к работе только после свержения советской власти в Сибири — 15 августа 1918 г., когда в Томск прибыло 137 ее членов. Большинство депутатов думы принадлежали к социалистическому лагерю: являлись эсерами, социал-демократами или народными социалистами. По предложению Временного Сибирского правительства в ее работе был сделан перерыв до 10 сентября, формально мотивированный необходимостью пополнения состава думы. Однако перерыв надолго затянулся. Новое заседание Сибирской областной думы состоялось на два месяца позднее предполагаемого срока, 10 ноября 1918 г. В его повестке дня стоял единственный вопрос — о самороспуске, внесенный по предложению Директории. Такой шаг руководство Директории мотивировало необходимостью немедленной передачи всей полноты власти единому сильному правительству и был с пониманием встречен членами думы, большинством голосов высказавшимися за самороспуск. (Подробнее см.: *Шиловский М. В.* Сибирский представительный орган: от замысла к драматическому финалу (январь — ноябрь 1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. Стр. 4–17.)

[98] Административный совет был создан постановлением Временного Сибирского правительства от 24 августа 1918 г. первоначально для содействия Совету министров в делах управления из управляющих министерствами, товарищей министров и управляющего делами Совета министров. Согласно положению об Административном совете, ему поручалось предварительное обсуждение вопросов, представляемых на рассмотрение Совета министров, а также окончательное решение вопросов, переданных Административному совету постановлением Советом министров. (См.: Сибирский вестник. 1918. 4 сентября; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 7 сентября. № 9. С. 2–4.)

7 и 8 сентября 1918 г. в связи с предстоящим отъездом большинства членов Временного Сибирского правительства в составе делегаций для переговоров на Дальний Восток и на Уфимское государственное совещание полномочия

Административного совета были значительно расширены. В том числе ему было предоставлено право «разрешить собственной властью все дела, поступившие на рассмотрение Совета министров и до сего времени не рассмотренные», а также предоставлены все полномочия, принадлежащие в отношении Сибирской областной думы Совету министров, в частности право прервать ее работу и даже распустить. (См.: Собрание узаконений и распоряжениий Временного Сибирского правительства. 1918. 14 сентября. № 10. С. 3–4.)

В политической борьбе, которая велась в антибольшевистском лагере Сибири в конце лета — осенью 1918 г. между правыми и левыми, Административный совет занимал центристские позиции.

[99] Постановление Административного совета Временного Сибирского правительства от 14 сентября 1918 г. называется «О восстановлении смертной казни как наказания за некоторые тягчайшие преступления». (См.: ГАРФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 38. Л. 1; Сибирский вестник. 1918. 18 сентября; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 30 октября. № 20. С. 22–25.)

[100] См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 5 октября. № 13. С. 2–9.

[101] См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 12 октября. № 14. С. 15.

[102] Компетенция и прерогативы власти Верховного правителя были определены в положении «О временном устройстве государственной власти в России», утвержденном 18 ноября 1918 г. Советом министров. В нем говорилось:

«1. Осуществление верховной государственной власти временно принадлежит Верховному правителю.

2. Верховному правителю подчиняются все вооруженные силы Российского государства.

3. Власть управления во всем ее объеме принадлежит Верховному правителю... Верховному правителю принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности.

4. Все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и, по одобрении их оным, поступают на утверждение Верховного правителя.

5. Все акты Верховного правителя скрепляются председателем Совета министров или главным начальником подлежащего ведомства; из сего изъемлются указы о назначении и увольнении председателя Совета министров, каковые скрепляются управляющим делами Совета министров...». (См.: Правительственный вестник. 1918. 20 ноября.)

[103] Должность главного начальника края, наделенного правами генерал-губернатора, была введена постановлением Совета министров Российского правительства от 10 декабря 1918 г. Она подразумевала особую систему местного управления и была учреждена в порядке исключения только для территорий, которые являлись театром военных действий. Главный начальник края получал полномочия верховной власти и подчинялся исключительно Верховному правителю. К нему переходили все права по гражданскому управлению, тогда как согласно положению «О полевом управлении войск» 1914 г. на театре военных действий все гражданские власти подчинялись командующему фронтом или армией. Всего в период колчаковского правления было учреждено четыре соответствующие должности: для Уральского, Самаро-Уфимского, Южно-Уральского и Приамурского краев, причем третья из них просуществовала всего с 13 февраля по 30 мая

1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 46–47; Правительственный вестник. 1919. 17 января, 30 апреля, 11 мая и 9 августа.)

[104] 17 марта 1919 г. Верховный правитель А. В. Колчак утвердил постановление Совета министров об учреждении особого отдела государственной охраны при департаменте милиции министерства внутренних дел, губернских и областных управлений государственной охраны, уездных и городских управлений, а также отдельных пунктов государственной охраны. (См.: Правительственный вестник. 1919. 17 мая.)

[105] Государственное регулирование торговли хлебом, мясом и маслом, установленное постановлением Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г., было отменено постановлением Совета министров Российского правительства от 10 декабря 1918 г. С этого времени в Сибири была разрешена свободная торговля этими продовольственными продуктами по вольным ценам. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 43; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 26 июля. № 3. С. 1–2, 6–7, 10; Правительственный вестник. 1918. 14 декабря).

[106] Здесь А. Г. Гойхбарг, не разобравшись в существе дела или сознательно фальсифицируя события, повторно обвинил членов Административного совета Временного Сибирского правительства в принятии постановления «О восстановлении смертной казни за некоторые тягчайшие преступления».

[107] Гондатти Николай Львович (1860–1945) — родился в Москве, из семьи скульптора. Окончил Нижегородский Александровский институт (1981 г.) и естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета (1885 г.).

Был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре антропологи и энтомологии. В 1885–1893 гг. занимался научными исследованиями, преподавал в университете, был ученым секретарем Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. С 1893 г. на государственной службе: начальник Анадырской округи; старший чиновник особых поручений при приамурском генерал-губернаторе; заведующий переселением в Южно-Уссурийский край и вице-губернатор Приморской области; правитель дел Иркутского генерал-губернаторства; иркутский, тобольский, а затем томской губернатор; начальник Амурской экспедиции. В 1911–1917 гг.— приамурский генерал-губернатор.

Был награжден многими отечественными и иностранными орденами и медалями, в том числе Св. Александра Невского, Св. Станислава II степени, Св. Владимира IV, III и II степени, Св. Анны II степени, удостоен большой золотой медали Российской академии наук и золотой медали Императорского Русского географического общества. Являлся почетным гражданином ряда городов Сибири и Дальнего Востока: Березова, Каинска, Сургута, Томска, Тюмени, Хабаровска.

В начале марта 1917 г. по приказу Хабаровского комитета общественной безопасности был арестован и этапирован в Петроград в распоряжение чрезвычайной комиссии Временного правительства по расследованию беззаконий и злоупотреблений, совершенных царскими министрами и крупными сановниками. Комиссия не нашла сколько-нибудь серьезных злоупотреблений в государственнной деятельности Н. Л. Гондатти, и он был освобожден. В конце мая 1917 г. вышел в отставку. Около года прожил в Иркутске.

27 октября 1918 г. приехал с семьей в Харбин, где жил до своей смерти.

[108] Башилов Петр Петрович — до Февральской революции служил уфимским губернатором. С 16 сентября 1918 г.— директор департамента общих дел министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства. 15 октября 1918 г. ввиду отъезда на Дальний Восток исполняющего должность товарища министра внутренних дел И. В. Павлова стал временно исполняющим обязанности товарища министра. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 28 декабря 1918 г. был назначен помощником главного начальника Самаро-Уфимского края. С 11 июля 1919 г. являлся чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел Российского правительства.

[109] Речь идет о разовой акции — постановлении Совета министров от 16 декабря 1918 г. об отпуске тобольскому губернскому комиссару 2 500 рублей для выдачи вознаграждения начальнику Тобольской каторжной тюрьмы Иконникову (1 тыс. руб.), его помощнику Томашевичу и надзирателю Миронову (по 500 руб.), надзирателям Трухину и Плетневу — соответственно 300 и 200 руб. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 57; Правительственный вестник. 1919. 17 января.)

[110] Правильное название — Экспедиция по закупке скота в Монголии для действующей армии. Начала свою деятельность 1 июля 1915 г. при главном управлении землеустройства и земледелия, которое 26 октября 1915 г. было преобразовано в министерство земледелия. После организации в 1917 г. в составе Временного правительства министерства продовольствия перешла в его ведение, а после Октябрьского переворота — в подчинение народного комиссариата продовольствия. (См.: Сибирский архив. Иркутск, 2000. Вып. 2. С. 63–76.)

17 октября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства утвердил положение «Об особой следственной комиссии по делам Монгольской экспедиции». Причины создания такой комиссии руководство и часть сотрудников Монгольской экспедиции объясняли политическими преследованиями со стороны белых «за большевизм». В действительности перед комиссией была поставлена задача изучить «распоряжения, операции и действия как всей Монгольской экспедиции в ее целом, так и входящих в состав ее организаций и отдельных должностных лиц, по отношению к которым получатся данные, свидетельствующие о преступном или по небрежности нарушении этими организациями и лицами интересов казны». (См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 28 октября. № 18. С. 2–5.)

[111] Речь идет о расстрелах, произведенных колчаковцами во время восстания, поднятого большевиками в Омске 22 декабря 1918 г., а также после его подавления.

По официальным данным начальника штаба Омского гарнизона, во время подавления восстания в ночь на 22 декабря 1918 г. было убито в городе 133 человека и в поселке Куломзино — 144 человека, расстреляно по приговору военно-полевого суда в Омске — 49 и в Куломзино — 117 человек. (См.: Правительственный вестник. 1918. 28 декабря.)

Кроме того, группа офицеров во главе с Ф. А. Барташевским и П. М. Рубцовым расстреляла по приговору военно-полевого суда или бессудно несколько членов и сторонников Всероссийского Учредительного собрания, содержавшихся в Омской тюрьме. В числе погибших были видные члены партии эсеров А. А. Брудерер, В. В. Владыкин, И. И. Девятов, Г. Н. Саров, В. Н. Филипповский, Н. В. Фомин, бывший депутат II Государственной думы, комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте меньшевик И. И. Кириенко и др. (Подробнее см.: Красный архив. М.; Л., 1924. Т. 7. С. 201–246; 1925. Т. 1 (8). С. 176–192).

[112] В связи с отказом Г. М. Семенова признать А. В. Колчака Верховным правителем и Верховным главнокомандующим в конце ноября — начале декабря 1918 г. Колчак издал приказы № 60 и № 61, в которых объявил Семенова государственным изменником, отрешил от командования 5-м отдельным Приамурским корпусом и сместил со всех должностей. Выполнение этих приказов было возложено на новоиспеченного генерал-майора В. И. Волкова, которому вменялось в обязанность «привести в повиновение всех не повинующихся верховной власти, действуя по законам военного времени». Однако Волков выполнить приказы Колчака не смог, поскольку не располагал для этого реальной военной силой. Тогда было решено спустить дело «на тормозах». 21 января 1918 г. официальная печать опубликовала положение Совета министров Российского правительства о создании «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц». Во главе комиссии был поставлен популярный в казачьей среде генерал-лейтенант Г. Е. Катанаев. Комиссии Катанаева в Чите пришлось столкнуться со многими препятствиями, созданными семеновцами и японцами. Комиссия не смогла произвести все следственные действия, необходимые для выяснения обстоятельств дела. В результате в конце марта 1919 г. она пришла к выводу о том, что имеющиеся в ее распоряжении данные не дают достаточных оснований для обвинения Семенова в измене. Во многом опираясь на такое заключение, 27 мая 1919 г. Колчак издал приказ № 136, реабилитирующий Семенова, после чего последний отправил в Омск телеграмму о подчинении Колчаку как Верховному правителю. (Подробнее см.: *Лившиц С. Г.* «Верховный правитель» Колчак и атаман Семенов (к истории «семеновского инцидента») // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (1917–1922). Новосибирск, 1985. С. 176–184; *Катанаев Г. Е.* В семеновском царстве (февраль — март 1919 года). Воспоминания // Провинция. Иркутск, 1989. С. 210–225; *Кручинин А. С.* К истории конфликта между А. В. Колчаком и Г. М. Семеновым // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции. Кемерово, 2001. С. 213–215.)

[113] Это утверждение неверно. Своим указом, изданным 4 января 1920 г. в Нижнеудинске, А. В. Колчак передал верховную всероссийскую власть А. И. Деникину, а Г. М. Семенову — «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории российской восточной окраины, объединенной российской верховной властью». (См.: Архив русской революции. Т. 10. С. 183.)

[114] Розанов Сергей Николаевич (1869–1937) — окончил 3-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба, генерал-лейтенант (1917 г.).

Участник русско-японской войны. В годы Мировой войны командовал дивизией, 41-м армейским корпусом и 7-й армией. За боевые заслуги награжден орденом Св. Георгия IV степени и Георгиевским оружием. С конца сентября и до 20 ноября 1918 г. занимал должность начальника штаба главнокомандующего вооруженными силами Временного Всероссийского правительства. Приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 20 ноября 1918 г. был уволен по болезни в отпуск на один месяц согласно прошению. 13 марта 1919 г. прибыл в распоряжение командующего войсками Иркутского военного округа. 18 марта назначен уполномоченным командующего войсками Иркутского военного округа по охранению государственного порядка и общественного спокойствия по Енисейской губернии и западной части Нижнеудинского уезда (на правах командира отдельного корпуса). Приказом А. В. Колчака от 31 марта 1919 г. ему были присвоены

права генерал-губернатора. Указом Верховного правителя от 18 июля 1919 г. назначен главным начальником Приамурского края и командующим войсками Приамурского военного округа.

После поражения А. В. Колчака эмигрировал в Китай. Жил и умер в Пекине.

[115] Восстание во Владивостоке, известное также как мятеж Гайды, началось 17 ноября 1919 г. Оно было подготовлено руководимым эсерами «Центральным бюро военных организаций Сибири» при активном участии бывшего председателя Сибирской областной думы И. А. Якушева, бывшего военного министра Временного правительства автономной Сибири А. А. Краковецкого и ряда офицеров, а также рассорившегося с А. В. Колчаком генерал-лейтенанта Р. Гайды. Руководители восстания, учитывая резкое ослабление колчаковского режима, намеревались свергнуть его власть и создать буржуазно-демократическое государственное образование, которое бы заключило мир с советской Россией и в то же время не допустило восстановления советской власти на Дальнем Востоке.

Мятеж начал личный батальон Р. Гайды, рота Владивостокского крепостного артиллерийского батальона и 150 морских стрелков, которых поддержали рабочие порта, грузчики и железнодорожники (всего около 1 500 человек). Но, захватив железнодорожный вокзал и ряд морских судов, повстанцы не развили первоначальный успех. Генерал С. Н. Розанов, опираясь на оставшиеся верными ему войска и поддержку японцев, действовал решительно. Артиллерийским огнем он нанес повстанцам сокрушительный урон. Только в районе вокзала было убито 300 человек. 18 ноября восстание было подавлено, а около 3 тыс. рабочих и солдат — арестовано. С. Н. Розанов отдал приказ захваченных с оружием в руках расстреливать на месте без суда.

19 ноября 1919 г. Совет министров поручил председателю правительства П. В. Вологодскому послать от имени Совета министров генералу С. Н. Розанову телеграмму с выражением благодарности за успешное подавление этого восстания. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 248.)

[116] Волков Вячеслав Иванович (1877–1920) — из сибирских казаков, родился в офицерской семье. Окончил Сибирский кадетский корпус (1895 г.), Александровское военное училище (1897 г.) и Офицерскую кавалерийскую школу (1913 г.). Войсковой старшина (1916 г.).

Служил в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеевича полку в Семиречье. Участник Мировой войны. Был награжден орденом Св. Георгия IV степени, Георгиевским оружием и французским орденом «Medaille militaire». Весной 1918 г. руководил антисоветской военной организации в Петропавловске. С 31 мая 1918 г. являлся командующим войсками Петропавловского района и командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. С 10 июля 1918 г. командовал бригадой 1-й Сибирской казачьей дивизии. Приказом по Сибирской армии за отличия в боях 17 сентября 1918 г. был произведен в полковники. С 8 сентября — начальник гарнизона г. Омск и уполномоченный по охране государственного порядка, с 3 октября временно командовал 1-й Сибирской казачьей дивизией. Один из главных участников государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске. Приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 19 ноября был произведен в генерал-майоры. 1 декабря ему были подчинены 4-й и 5-й корпусные районы на правах генерал-губернатора и командующего Восточно-Сибирской отдельной армией. С 25 декабря 1918 г. по 17 февраля 1919 г. являлся командующим Средне-Сибирским (Иркутским) военным округом. С 18 марта 1919 г. был командиром Сводного казачьего корпуса, находившегося в резерве Верховного главнокоман-

дующего. С 12 по 27 июня 1919 г. командовал Уральской группой войск, с 28 июня — Южной конной группой, с 16 августа — конной группой 2-й армии, с 20 ноября — Сибирской казачьей группой 3-й армии.

Погиб в начале февраля 1920 г. в бою с красными партизанами в Иркутской губернии.

[117] Катанаев Апполос Всеволодович (1889–?) — есаул (1917 г.). С конца лета 1918 г.— командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. Приказом по Сибирской армии от 22 сентября 1918 г. произведен в войсковые старшины. Один из главных участников государственного переворота 18 ноября 1918 г. Приказом А. В. Колчака от 19 ноября 1918 г. был произведен в полковники. С августа 1919 г. был начальником 4-й Сибирской казачьей дивизии. 10 сентября 1919 г. награжден орденом Св. Владимира IV степени, 12 сентября — Георгиевским оружием.

[118] См. документы № 22 и № 28.

[119] Правильно — центральная комиссия по восстановлению разрушенных хозяйств в Сибири (Цекохоз). Была создана постановлением Сибревкома от 14 февраля 1920 г. На нее возлагалось общее руководство в деле оказания помощи крестьянам, пострадавшим в ходе гражданской войны, в районах массового разорения, а также обязанность по возмещению убытков, понесенных крестьянским населением от партизанских действий и причиненных ему Красной армией.

[120] Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — из дворян. Окончил Александровское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба (1887 г.), генерал от инфантерии (1915 г.).

Участник русско-японской и Мировой войн. В 1915–1917 гг.— командующий Кавказской армией и главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Награжден орденом Св. Георгия IV, III и II степени. После Октябрьского переворота находился на нелегальном положении. Осенью 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в Эстонию. В начале 1919 г. возглавил белое движение на северо-западе России. 10 июня был назначен А. В. Колчаком главнокомандующим русскими войсками на северо-западе России. В августе 1919 г. вошел в состав Северо-Западного правительства в качестве военного министра. В октябре — ноябре 1919 г. командовал наступлением Северо-Западной армии на Петроград. После поражения с остатками войск отступил в Эстонию. С 1920 г. находился в эмиграции. Умер и похоронен в Ницце.

[121] Миллер Евгений Карлович (1867–1939) — окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1892 г.), генерал-лейтенант (1915 г.).

Службу начал в лейб-гвардии гусарском Его Величества полку. В 1898–1907 гг.— российский военный атташе в Бельгии, Голландии и Италии. Затем был генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба, начальником Николаевского кавалерийского училища. В 1917 г. служил начальником штаба 5-й армии, командиром 26-го армейского корпуса, представителем Ставки при итальянском главном командовании.

После Октябрьского переворота вместе с членами Временного правительства Северной области возглавил антибольшевистское сопротивление на севере России. С января 1919 г.— генерал-губернатор Северной области. В мае 1919 г. был назначен А. В. Колчаком главнокомандующим войсками Северного фронта, с сентября — главным начальником края. В феврале 1920 г. с остатками войск был вынужден эвакуироваться из Архангельска. Эмигрант, жил во Франции.

22 сентября 1937 г. был похищен в Париже агентами НКВД, вывезен в СССР и 11 мая 1939 г. расстрелян в Москве.

[122] Правильно — комитет законности и порядка в управлении. Создан по инициативе министра юстиции Г. Г. Тельберга. Утвержден Верховным правителем А. В. Колчаком 27 июня 1919 г. в составе министров юстиции (председатель), военного и внутренних дел (члены) для «достижения должной планомерности, согласованности и быстроты в мероприятиях по обеспечению общественного порядка и по укреплению законности в управлении...». На него было возложено общее руководство «деятельностью военных и гражданских начальников на местах по обеспечению государственного порядка и общественного спокойствия», «надзор за действиями гражданских и военных начальников, применяющих исключительные положения о принятии мер к предотвращению и пресечению мероприятий незакономерных». (См.: Правительственный вестник. 1919. 1 августа).

[123] Пильц Александр Иванович (1870–?) — из семьи землевладельца. Окончил Императорское училище правоведения (Санкт-Петербург). Находился на государственной службе. С 1910 г.— могилевский губернатор. С 14 февраля 1916 г.— товарищ министра внутренних дел, с 15 марта 1916 г.— иркутский генерал-губернатор. Действительный статский советник. После Февральской революции был отстранен от должности, арестован местным комитетом общественной безопасности и отправлен в Петроград. После Октябрьского переворота — активный участник белого движения: гражданский губернатор Одессы; член Особого совещания при А. И. Деникине, исполнявший должность начальника управления внутренних дел; член правительства юга России, возглавлявший комитет государственного призрения. В последующем эмигрант.

[124] Сибземгор — Сибирский союз земств и городов. Создан на Всесибирском съезде земств и городов, состоявшемся в Томске 2–11 сентября 1918 г. На съезде присутствовали представители 6 областных и губернских, 22 уездных земств, 18 городских управ и дум, являвшиеся преимущественно социалистами-революционерами по партийной принадлежности. Сибземгор рассматривал себя в качестве преемника Всероссийского союза земств и городов в борьбе с экономической разрухой, в культурно-хозяйственном строительстве и предстоящей работе по укреплению обороны страны. Он намеревался стать опорой для молодого сибирского земства, защищать права демократических самоуправлений от покушений «справа» и «слева», принимать активное участие в устроении судеб родины. (См.: Известия Сибземгора (Томск). 1919. № 1. С. 12.)

[125] Постановление Совета министров от 10 октября 1919 г. об утверждении положения о сенаторской ревизии и положение о сенаторской ревизии Временного центрального (бывшего Омского) военно-промышленного комитета см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1468. Л. 1–7; Правительственный вестник. 1919. 28 октября.

[126] Зефиров Николай Степанович (1887–1952) — родился в г. Алатырь Симбирской губернии в семье учителя духовного училища. Окончил Симбирскую гимназию (1906 г.) и экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института (1912 г.), кандидат экономических наук. В 1917 г. состоял в партии народных социалистов.

Еще в студенческие годы принимал участие в качестве статистика в экономических экспедициях переселенческого управления в Акмолинскую и Тургайскую области, в Туркестане. Опубликовал ряд статей об экономике Семиречья. В 1913–1916 гг. возглавлял статистическую часть переселенческого управления Акмолинской, а затем Амурской области. Был фактическим редактором омского журнала

«Сельскохозяйственная жизнь», принимал участие в работе Омского отдела Московского общества сельского хозяйства и Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1915 г. заведовал 1-м районом заготовок пшеницы и овса для воюющих французской и русской армий, затем в Благовещенске возглавлял рабочее бюро и один из крупных городских кооперативов. С осени 1916 и до лета 1917 г. работал в Петрограде, где заведовал отделом снабжения населения при управлении делами Особого совещания по продовольственному делу, затем являлся инспектором министерства продовольствия по Поволжью, представителем министерства продовольствия в Сибири. В январе 1918 г. подвергался аресту со стороны советских властей, но вскоре был освобожден за недоказанностью обвинения .

С 16 июня 1918 г. заведовал продовольственным отделом Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля — управляющий министерством продовольствия Временного Сибирского, с 4 ноября — Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 27 декабря 1918 г. был назначен министром продовольствия и снабжения Российского правительства. Уволен с занимаемой должности согласно поданному 18 марта личному прошению с 1 апреля 1919 г. После отставки некоторое время находился под стражей, но был освобожден под залог. По подозрению в коррупции и использовании своего служебного положения в целях личного обогащения получил прозвище «министр удовольствия».

До октября 1920 г. скрывался от советских властей под чужой фамилией в Иркутской губернии, после чего выехал в служебную командировку на станцию Манчьжурия и не возвратился в советскую Россию. Работал на КВЖД и в Шанхае, где с 1937 г. возглавлял общество граждан СССР. В августе 1947 г. выехал в Советский Союз, жил в Кировограде Свердловской области. 11 июля 1949 г. был арестован и 4 марта 1950 г. осужден на 25 лет лишения свободы. Срок отбывал в одном из лагерей Республики Коми, где умер 24 февраля 1953 г. Реабилитирован в январе 1989 г.

[127] Михайлов Иван Адрианович (1891–1946) — родился в Карийской каторжной тюрьме (Восточное Забайкалье) в семье видного деятеля «Земли и воли» А. Ф. Михайлова. Окончил Читинскую мужскую гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Беспартийный областник. По его собственному заявлению, относящемуся к концу лета 1918 г., ни в одной из существующих партий он не состоит. За отказ поддержать осенью 1918 г. эсеровские притязания на власть получил от них прозвище Ванька-Каин.

После окончания университета был оставлен для подготовки к званию профессора по кафедре политической экономии. Во время Мировой войны заведовал Петроградским отделением экономического отдела Всероссийского земского союза. После Февральской революции служил в министерствах земледелия, продовольствия и финансов Временного правительства, управляющим делами Экономического совета Временного правительства. Автор книг о государственных доходах и расходах России. С декабря 1917 г. был товарищем председателя Петроградского отделения Союза сибиряков-областников. В начале 1918 г. переехал в Омск для заведования финансовым отделом «Центросибири», являвшейся крупнейшим союзом кооперативов Сибири. В ночь на 29 января 1918 г. на тайном заседании Сибирской областной думы в Томске заочно был избран министром финансов Временного Сибирского правительства. С 30 июня 1918 г.— министр финансов Временного Сибирского, с 4 ноября — Временного Всероссийского, с 18 ноября —

Российского правительства. 21 ноября 1918 г. был избран заместителем премьер-министра. С 6 мая 1919 г. по совместительству был назначен временно управляющим министерством торговли и промышленности. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 16 августа 1919 г. уволен согласно личному прошению со всех правительственных постов, но назначен членом Государственного экономического совещания и 12 сентября — членом совета министра финансов (с денежным содержанием).

В 1920 г. эмигрировал в Китай, где в 1945 г. был арестован советскими властями. По приговору военной коллегии Верховного суда СССР казнен в Москве 30 августа 1946 г.

[128] Гойер фон Лев Викторович (1875–1939) — родился в Минске в семье потомственного дворянина. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1899 г.).

В 1903 г. поступил на службу в министерство финансов и работал по финансовому ведомству в Японии и Китае. В феврале 1911 г. назначен чиновником особых поручений министерства финансов и представителем Русско-Азиатского банка в Китае, в 1916 г.— в Китае и Японии, в декабре 1918 г.— в Сибири и Средней Азии. Директор Шанхайского отделения и член правления Русско-Азиатского банка. С 25 июля 1919 г.— член Государственного экономического совещания. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 16 августа 1919 г. назначен министром финансов Российского правительства, его же указом от 29 ноября уволен с должности министра согласно личному прошению. В иркутских газетах конца 1919 г. удостоился новогоднего пожелания «быть честным человеком».

С 1920 г. находился в эмиграции в Китае и во Франции. Умер в Париже.

[129] Сукин Иван Иванович (1891–?) — дипломатическую карьеру начал с низших должностей, работая во Франции, Италии, Греции, Галиции. В 1917 г. служил секретарем Российского посольства в Вашингтоне. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 2 января 1919 г. был назначен товарищем министра иностранных дел Российского правительства, его же указом от 29 ноября 1919 г. уволен согласно личному прошению с должности товарища министра, временно управляющего министерством. В иркутских газетах конца декабря 1919 г. было опубликовано новогоднее пожелание ему «из Ваньки превратиться в Ивана Ивановича».

[130] Действительно, по предложению П. В. Вологодского 5 ноября 1919 г. Совет министров постановил образовать секретный фонд в размере 50 тыс. йен, для приобретения которых отпустил управляющему министерством финансов контрвалюту. 19 ноября 1919 г. Совет министров принял предложение П. В. Вологодского об увеличении размера секретного фонда и постановил отпустить из казначейства в распоряжение управляющего министерством финансов контрвалюту на приобретение (вероятно, повторно) 50 тыс. йен. На этом же заседании Совет министров одобрил представление министерства финансов о разрешении ему «выплачивать высшим должностным лицам иностранную валюту, исчисляемую по льготному курсу, в обмен на контрвалюту, но чтобы сумма контрвалюты на каждое лицо не превышала половины годового содержания по всем видам службы». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 230, 249.)

Судя по всему, некоторые министры не замедлили воспользоваться этой возможностью, да и сам П. В. Вологодский обменял 85 тыс. рублей. Однако после ухода с поста председателя правительства и изменения состава Совета министров П. В. Вологодский обратился в правительство с предложением вновь рассмотреть

данный вопрос и выразил согласие в случае увеличения курса йены вернуть разницу в государственное казначейство. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.)

[131] Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — из офицерской семьи. Окончил гимназию в Казани, учился на физико-математическом и юридическом факультетах Санкт-Петербургского и Казанского университетов.

С 1883 г. участвовал в народовольческих кружках, за что был в 1885 г. арестован и сослан в Сибирь. Бежал из ссылки за границу, где изучал историю освободительного движения и занимался издательской деятельностью. С 1906 г. приступил к выявлению провокаторов царской охранки в революционном движении. Ему принадлежит заслуга разоблачения руководителя боевой организации эсеров Е. Ф. Азефа и члена ЦК большевиков Р. В. Малиновского.

После Февральской революции участвовал в работе чрезвычайной комиссии Временного правительства по расследованию беззаконий и злоупотреблений, совершенных царскими министрами и крупными сановниками. В августе 1917 г. поддержал Л. Г. Корнилова. Резко осудил Октябрьский переворот, за что по приказу Л. Д. Троцкого вечером 25 октября 1917 г. был арестован, став первым политическим заключенным советского государства. В феврале 1918 г. освобожден и бежал за границу, где возобновил издание газеты «Общее дело». В своей деятельности поддерживал А. И. Деникина, А. В. Колчака и П. Н. Врангеля, призывал к единству всех антибольшевистских сил. Умер в Париже.

[132] Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — родился в семье преподавателя художественного училища, из дворян. Окончил 1-ю Московскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета (1882 г.). Один из основателей конституционно-демократической партии, с марта 1907 г. — председатель ее ЦК.

Оставлен для подготовки к профессорскому званию. С 1886 г.— приват-доцент Московского университета. До 1905 г. занимался в основном научной и преподавательской деятельностью в России и за рубежом. Депутат III и IV Государственной думы, лидер оппозиции, а затем — Прогрессивного блока. После Февральской революции входил в первый состав Временного правительства в качестве министра иностранных дел. Летом 1917 г. солидаризировался с генералами М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым в вопросе «о наведении порядка в стране».

Октябрьский переворот встретил враждебно и стал одним из организаторов антибольшевистского сопротивления на юге России и на Украине. Член Всероссийского Учредительного собрания. Считал возможным свержение советской власти с использованием немецких оккупационных войск и интервенции. С конца 1918 г.— за границей, где до конца 1920 г. активно поддерживал белое движение в печати. Умер во Франции.

[133] Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — родился в семье пермского губернатора. Окончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета, продолжил образование в Германии. Член конституционно-демократической партии и ее ЦК с октября 1905 г.

В 1890-е годы являлся лидером «легального» марксизма в России, но затем перешел на позиции либерализма. Избирался во II Государственную думу. В дальнейшем встал на позицию фактической поддержки царской власти, осудил революцию 1905–1907 гг. В 1906–1917 гг. преподавал политэкономию в Петербургском политехническом институте. С 1916 г.— доктор экономических наук, профессор, с 1917 г.— академик.

Восторженно приветствовал Февральскую революцию, но резко критиковал русских социалистов, особенно большевиков. Октябрьский переворот встретил резко отрицательно, квалифицировав его как контрреволюцию. В годы гражданской войны активно участвовал в белом движении, главным образом на юге и северо-западе России. Входил в руководство «Национального центра», состоял членом Особого совещания при А. И. Деникине, возглавлял управление внешних сношений правительства П. Н. Врангеля.

В 1921 г. эмигрировал. Жил в Чехословакии, Германии, Югославии и Франции. Умер в Париже.

[134] Дионео — литературный псевдоним И. В. Шкловского.

Шкловский Исаак Владимирович (1865–1935) — родился в Елизаветграде. Окончил Елизаветградскую гимназию. С 16 лет писал стихи, рассказы и критические статьи, которые печатали газеты юга России. С 1886 г. по 1892 г. находился в ссылке в Среднеколымске Якутской области. Здесь изучал языки и быт аборигенного населения, а результаты исследований публиковал в «Одесских новостях» и «Русских ведомостях», а также в 1895 г. издал в Санкт-Петербурге отдельной книгой «На крайнем северо-востоке Сибири» (французский перевод 1896 г.). С 1893 г. являлся постоянным сотрудником «Русских ведомостей», по заданию редакции которых с 1896 г. работал в Англии. Одновременно много публиковался в журнале «Русское богатство». После Октябрьского переворота находился в эмиграции, став, по мнению многих соотечественников, одной из центральных фигур «русского» Лондона. Тесно сотрудничал с П. Н. Милюковым, в том числе писал статьи для редактировавшейся им газеты «Последние новости». Умер в Лондоне.

[135] Башкиров А. И.— член партии социалистов-революционеров, товарищ управляющего ведомством продовольствия Самарского Комуча.

[136] Митаревский Николай Андреевич (?–1929) — журналист и общественный деятель, член конституционно-демократической партии с 1905 г. В 1919 г. находился в Японии, затем жил в Китае. Умер в Харбине.

[137] Гучков Александр Иванович (1862–1936) — родился в Москве в купеческой семье. Окончил 2-ю Московскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета (1886 г.). Продолжил обучение в университетах Германии. Один из основателей и лидер партии «Союз 17 октября».

В 1885–1886 гг. служил в лейб-гвардии. С 1988 г. неоднократно избирался почетным мировым судьей в Москве. В 1893–1897 гг.— член Московской городской управы, в 1897–1907 гг.— гласный городской думы. Успешно занимался предпринимательской деятельностью, являясь членом правления многих акционерных компаний. Одновременно участвовал во многих рискованных предприятиях: волонтер англо-бурской войны, сражался против турок в Македонии и т. п. Сторонник конституционной монархии с сильной центральной исполнительной властью. Депутат III Государственной думы, в марте 1910 — марте 1911 г.— ее председатель. В годы Мировой войны был одним из организаторов и председателем Центрального военно-промышленного комитета, членом Особого совещания по обороне.

2 марта 1917 г. вместе с В. В. Шульгиным принимал от Николая II документ об отречении в пользу великого князя Михаила Александровича. Входил в первый состав Временного правительства в качестве военного и морского министра. Был активным пропагандистом идеи наведения порядка и укрепления государственной власти. Поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова в августе 1917 г., после поражения которого подвергся аресту. Накануне Октябрьского переворота пере-

брался на Северный Кавказ и стал первым крупным промышленником, оказавшим финансовую помощь генералам М. В. Алексееву и А. И. Деникину в формировании Добровольческой армии. Весной 1919 г. по поручению А. И. Деникина выехал во Францию для переговоров с союзниками о поддержке белого движения. Умер в Париже.

[138] Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — родился в семье профессора Киевского университета, из дворян. Окончил 2-ю Киевскую гимназию и юридический факультет Киевского университета (1900 г.).

Занимался сельским хозяйством, был земским гласным, сотрудником, а затем редактором газеты «Киевлянин». Избирался депутатом II, III и IV Государственной думы. 27 февраля 1917 г. вошел в состав Временного комитета Государственной думы. 2 марта вместе с А. И. Гучковым принял от Николая II документ об отречении в пользу великого князя Михаила Александровича. После Октябрьского переворота находился в Новочеркасске и помогал формировать Добровольческую армию. В 1918 г. редактировал в Добровольческой армии газету «Великая Россия».

С конца 1918 г. жил за границей. В 1945 г. арестован советскими властями и до 1956 г. находился в заключении. Умер во Владимирской области.

[139] Сычевские банды — имеются в виду белогвардейские отряды, которыми командовал Сычев.

Сычев Ефим Георгиевич (1879 — после 1945) — родился в Амурской области. В 1917 г. в чине полковника командовал 1-м Амурским казачьим полком в Уссурийской казачьей дивизии барона П. Н. Врангеля. В конце 1919 г.— генерал-майор, последний колчаковский командующий войсками Иркутского гарнизона. Г. М. Семеновым был произведен в генерал-лейтенанты. В 1921 г. избран заместителем войскового атамана Амурского казачьего войска. Затем находился в эмиграции, жил в Харбине, где являлся одним из организаторов и председателем Восточного казачьего союза (1923 г.), входил в руководство дальневосточного отделения Российского общевоинского союза (с 1928 г.), в 1935 г. выступил против подчинения японским интересам созданного годом раньше Бюро русских эмигрантов в Манчьжурии, за что подвергся преследованиям японских властей и был вынужден уехать в Шанхай.

О событиях конца 1919 — начала 1920 г. в Иркутске оставил воспоминания «Восстание в Иркутске (23 декабря 1919 г.— 5 января 1920 г.)», которые хранятся в Гуверовском архиве войны, революции и мира.

[140] Опубликованный текст имеет заголовок «Преступления Колчака», отсутствующий в архивных копиях.

[141] Ошибка; правильно — Гойхбарг.

Глава вторая. Заседание первое

[1] Ошибка; правильно — Алексей Михайлович.

[2] Ошибка; правильно — Евгений Александрович (или Феофил Людвигович).

[3] См. документ № 35.

[4] Ошибка; правильно — Ларионов.

[5] Ошибка; правильно — губернским комиссаром труда.

[6] Газета «Рабочий путь» являлась органом Омского губернского совета профессиональных союзов. Издавалась с 4 августа 1918 г., но вскоре была запрещена властями.

[7] Новоселов Александр Ефремович (1884–1918) — родился в пос. Железинский Павлодарского уезда Акмолинской области в семье казачьего офицера. Пять

лет обучался в Омском Сибирском кадетском корпусе, экстерном сдал экзамены на звание учителя. Сначала работал в станичных школах, а в 1907–1917 гг. преподавал в Омском пансионе Сибирского кадетского корпуса. К этому времени зарекомендовал себя как талантливый писатель и исследователь-этнограф.

После Февральской революции активно включился в политическую жизнь: вступил в партию эсеров, был избран в Омский коалиционный комитет и товарищем председателя войсковой управы Сибирского казачьего войска. С 28 сентября 1917 г.— акмолинский областной комиссар Временного правительства и исполняющий обязанности комиссара по Степному краю. Одновременно активно участвовал в мероприятиях областников: в декабре 1917 г. избирался во Временный сибирский областной совет, а в ночь на 29 января 1918 г.— во Временное Сибирское правительство в качестве министра внутренних дел. После поездки на Украину и на Дальний Восток в сентябре 1918 г. возвратился в Сибирь и 18 числа приехал в Омск, где 20 сентября В. М. Крутовский пытался ввести его в состав Временного Сибирского правительства. По распоряжению полковника В. И. Волкова был вместе с В. М. Крутовским и М. Б. Шатиловым арестован группой офицеров и убит ими из-за отказа подписать заявление об отставке с поста министра. Похоронен в Омске на Казачьем кладбище при большом стечении народа.

[8] Моисеенко Борис Николаевич (1879–1918) — член партии социалистов-революционеров, видный эсеровский боевик. После Февральской революции был комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте. Член Всероссийского Учредительного собрания. Являлся секретарем съезда членов Учредительного собрания и Уфимского государственного совещания. В середине октября 1918 г. приехал в Омск и 24 октября бесследно исчез. Как выяснилось впоследствии, при выходе из Коммерческого клуба он был неожиданно захвачен и увезен на автомобиле группой военных на конспиративную квартиру, где его подвергли жестоким пыткам, добиваясь сведений о местонахождении принадлежавших съезду членов Учредительного собрания денег. Не получив от Б. Н. Моисеенко нужной информации, военные задушили его, а тело бросили в Иртыш.

[9] Так в тексте. Уфимская Директория прибыла в Омск 9 октября 1918 г., а ее Совет министров был сформирован 4 ноября 1918 г.

[10] В данном случае С. М. Третьяк, выгораживая себя и желая выслужиться перед советской властью, беззастенчиво клевещет на министерство труда и его руководителя Л. И. Шумиловского. В действительности нормативные документы, опираясь на которые после свержения советской власти в Сибири могли нормально работать больничные кассы, имелись. Еще 19 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат принял постановление «О больничных кассах», в котором говорилось, что «существующие в Западной Сибири и Степном крае больничные кассы продолжают свою деятельность в пределах и на основании их уставов, почему работодатели, а также общественные и государственные учреждения обязаны производить установленные означенными уставами взносы». (См.: Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами комиссариата. 1918. 28 июня. № 1. С. 9–10.) Более того, 4 сентября 1918 г. Временное Сибирское правительство утвердило «Временный устав о больничных кассах». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 524. Л. 1–4.)

Но не менее показательно другое. 3 ноября 1918 г., т. е. за день до назначения С. М. Третьяка товарищем министра труда Временного Всероссийского правительства, в газете «Правительственный вестник» был опубликован фрагмент его

доклада под названием «Больничные кассы (из записки иркутского губернского комиссара)», в котором С. М. Третьяк резко отрицательно отзывался о политике советской власти в рабочем вопросе, в том числе в отношении больничных касс. И, напротив, он высоко оценивал проект устава о больничных кассах, подготовленный министерством труда Временного Сибирского правительства под руководством Л. И. Шумиловского. Он писал, что «считает единственным выходом из создавшегося положения и неотложной задачей своей немедленное введение в действие главных основных пунктов нового, разработанного министерством труда устава больничных касс». (См.: Правительственный вестник. 1918. 3 ноября.)

[11] Гаттенбергер Александр Николаевич (1860–1939) — родился в семье инженера-путейца. Работал присяжным поверенным и мировым судьей в Томске. В октябре 1905 г. являлся одним из учредителей Томской губернской организации конституционно-демократической партии, членом ее губкома. Со 2 сентября 1918 г. был томским губернским комиссаром Временного Сибирского правительства. 4 ноября 1918 г. был назначен управляющим министерством внутренних дел Временного Всероссийского правительства (но только 17 ноября прибыл в Омск и приступил к исполнению обязанностей). С 18 ноября 1918 г.— управляющий министерством внутренних дел Российского правительства. 29 апреля 1919 г. был уволен с должности управляющего министерством согласно личному прошению («по расстроенному здоровью и вследствие переутомления»).

В 1922 г. эмигрировал в САСШ, где и умер.

[12] Первое заседание Совета министров, на котором присутствовал С. М Третьяк, состоялось 28 ноября 1918 г. Вопреки утверждению С. М. Третьяка, вопрос о больничных кассах на нем не обсуждался, а рассматривалось представление управляющего министерством труда Л. И. Шумиловского от 19 октября 1918 г. за № 1099 «О некоторых изменениях правил обеспечения рабочих на случай болезни». Повторно этот вопрос обсуждался на следующем заседании Совета министров, происходившем 30 ноября 1918 г. Совет министров принял решение по двум принципиально важным пунктам. Во-первых, он установил взносы, которые должны были платить участники больничных касс (1,5% от суммы заработка) и владельцы промышленных предприятий (3,0% от суммы заработка рабочих на выдачу денежных пособий и еще 3,0% от суммы заработка рабочих на врачебную помощь, если таковая им не оказывалась на предприятии). Во-вторых, Совет министров определил принципы организации правлений больничных касс: две трети мест в них выделялось представителям местных профсоюзов и одна треть — представителям частных, общественных и государственных предприятий. Кроме того, Совет министров поручил юридическому совещанию при управлении делами Совета министров совместно с представителем министерства труда доработать предложенные управляющим министерством труда Л. И. Шумиловским «Правила об обеспечении рабочих на случай болезни» в соответствии с высказанными Советом министров рекомендациями и в недельный срок внести их на утверждение Совета министров. Н. Я. Новомбергский на этих заседаниях не присутствовал. Возможно, что С. М. Третьяк перепутал его с другим товарищем министра внутренних дел — П. Ф. Кропачинским, который был на первом заседании Совета министров. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 26–27, 29.)

[13] В соответствии с постановлением Совета министров от 29 ноября 1918 г. практиковались заседания большого и малого Совета министров. Малый Совет министров составляли товарищи министров и товарищи главноуправляющих ведомствами. Он имел право рассматривать вопросы, которые Совет министров

признавал «не имеющими общеполитического значения». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 5.) Рассмотрение всех остальных дел являлось прерогативой большого Совета министров.

[14] Речь идет об обсуждении на заседании Совета министров документа под названием «Правила о выборах гласных городских дум», подготовленном 11 декабря 1918 г. товарищем министра внутренних дел А. А. Грациановым и утвержденном Советом министров 27 декабря 1918 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 83–84; Д. 412. Л. 3–8; Правительственный вестник. 1919. 2 февраля.)

[15] Версальская конференция проходила в первой половине 1919 г. На ней был подписан мирный договор, официально завершивший Мировую войну 1914–1918 гг. и оформивший послевоенное устройство, получившее название Версальской системы.

[16] Шемелев Владимир Иванович (1885–1942) — родился в г. Бийск Томской губернии в семье служащих. В 1904 г. окончил Томскую гимназию, поступил в Казанский университет. В 1905 г. исключен из университета и выслан в Барнаул под надзор полиции. Член РСДРП с 1905 г. Активно работал в подполье. Неоднократно подвергался арестам, отбывал ссылку в Нарымском и Туруханском краях, в Приангарье. После Февральской революции — меньшевик, один из организаторов и руководителей совета рабочих и солдатских депутатов в Барнауле, с августа 1917 г.— комиссар труда Временного правительства в Алтайской губернии. К Октябрьскому перевороту отнесся отрицательно. Во второй половине 1918 — начале 1919 г. занимал должность комиссара труда Алтайской губернии. В апреле 1919 г. подвергся аресту со стороны колчаковских властей. После гражданской войны работал в Барнауле, Омске и Новониколаевске (Новосибирске) в органах труда и профсоюзах, занимался изучением истории Сибири. Умер в Новосибирске.

[17] Имеются в виду расстрелы в Омске и Куломзино, произведенные колчаковскими властями после подавления большевистского восстания 22 декабря 1918 г.

[18] Серебренников Иван Иннокентьевич (1882–1953) — родился в с. Знаменское Верхоленского уезда Иркутской губернии в крестьянской семье. Окончил Иркутскую губернскую гимназию (1901 г.). Поступил учиться в Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге, но добровольно ушел с первого же курса.

В 1903–1906 гг. жил в Иркутске, занимаясь в основном журналистикой. Состоял в РСДРП и принимал участие в революционном движении, за что в начале 1906 г. подвергался административной высылке из Сибири. С весны 1906 и до начала 1908 г. жил в Санкт-Петербурге, где был арестован и на полгода заключен в «Кресты». С этого времени совершенно отошел от политической работы и до Февральской революции занимался только научной, общественной и культурной деятельностью: сибиреведением, историей, экономикой, статистикой и этнографией. Являлся членом распорядительного комитета и правителем дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, товарищем председателя Иркутского отдела Общества изучения Сибири, членом Иркутской губернской ученой архивной комиссии, товарищем председателя Иркутского комитета Союза городов. В 1913–1916 гг. работал секретарем Иркутской городской думы. Сотрудничал в газетах «Восточное обозрение» и «Сибирь» (Иркутск), «Сибирская жизнь» (Томск), в журналах «Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», «Сибирский архив» (Иркутск) и «Сибирские вопросы» (Санкт-Петербург).

После Февральской революции вновь включился в общественно-политическую жизнь. В марте — июле 1917 г. состоял в партии социалистов-революционеров. Затем стал одним активистов местной организации областников, избирался членом Сибирской областной думы. В ночь на 29 января 1918 г. на нелегальном заседании Сибирской областной думы в Томске был заочно назначен министром снабжения и продовольствия Временного Сибирского правительства. С 27 июля 1918 г.— министр снабжения Временного Сибирского правительства, с 29 августа — председатель Административного совета. В официальной биографии, 17 августа 1918 г. опубликованной в «Сибирском вестнике», было сообщено, что по своим политическим убеждениям И. И. Серебренников «является человеком беспартийным и глубоким патриотом», «всецело разделяет областнические тенденции сибиряков, полагая, что оздоровление России может произойти только через областничество, и является защитником идей законодательной автономии Сибири», «является решительным сторонником идеи построения власти на коалиционных началах». С 4 ноября 1918 г.— министр снабжения Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 27 декабря 1918 г. уволен с занимаемой должности в связи с упразднением министерства снабжения. В феврале 1919 г. вернулся в Иркутск. Указом Верховного правителя от 3 июля 1919 г. был назначен членом Государственного экономического совещания и его же указом от 11 июля 1919 г.— членом подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера. В ноябре — декабре 1919 г. являлся редактором еженедельника «Великая Русь», издававшегося осведомительным отделом штаба Иркутского военного округа.

После поражения белых эмигрировал в Китай. Жил в Харбине, Пекине и Тяньцзине. Автор книги о гражданской войне в Сибири (Великий отход: Рассеяние по Азии белых армий (1919–1923). Харбин. 1936. 263 с.) и двухтомника мемуаров (Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937. Т. 1 В революции 1917–1919. 289 с.; 1940. Т. 2. В эмиграции. 1920–1924. 215 с.). Умер в Тяньцзине.

[19] Жардецкий Валентин Александрович (1884–1920) — родился в семье чиновника Архангельской контрольной палаты. Учился в Нижегородской и Ржевской гимназиях, откуда был исключен. Экстерном сдал на аттестат зрелости в Тверской гимназии, окончил юридический факультет Московского университета (1909 г.). Член конституционно-демократической партии с 1906 г.

Работал помощником присяжного поверенного. В 1913 г. переехал в Омск. В годы Мировой войны работал в Омском и Западно-Сибирском комитетах Всероссийского союза городов. 2 марта 1917 г. вошел в состав Омского коалиционного комитета общественной безопасности, с 21 марта возглавлял Омский комитет партии народной свободы, избирался гласным городской думы. Октябрьский переворот встретил враждебно. Являлся одним из вдохновителей сопротивления 2-й школы прапорщиков установлению советской власти в Омске. После провала этой попытки скрывался, но 24 ноября 1917 г. был арестован и заключен в тюрьму, откуда был освобожден только 7 июня 1918 г.

После свержения советской власти В. А. Жардецкий отказался от предложения занять должность уполномоченного Западно-Сибирского комиссариата по вопросам общественного призрения. Он снова возглавил Омский комитет партии народной свободы, в ноябре 1918 г. был избран товарищем председателя президиума Восточного отдела ЦК партии кадетов; в конце июля 1918 г. вошел в бюро Омского отдела «Союза возрождения России»; являлся редактором газеты

«Сибирская речь». В октябре 1918 г. стал инициатором создания в Омске «Национального блока», включавшего в себя представителей торгово-промышленных кругов, кадетов, кооператоров и правых социалистов, в котором играл главную роль. Будучи талантливым журналистом, страстно пропагандировал в омских газетах идею необходимости установления в России военной диктатуры.

Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 3 июля 1919 г. был назначен членом Государственного экономического совещания. В ноябре 1919 г. эвакуировался из Омска в Иркутск, где в начале 1920 г. был арестован чекистами, а затем доставлен в Омск. 7 октября 1920 г. расстрелян в Омске по приговору местной губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

[20] Инициатором реорганизации министерств продовольствия и снабжения был министр продовольствия Н. С. Зефиров, внесший это предложение на заседании Совета министров 29 ноября 1918 г. Для изучения вопроса была создана междуведомственная комиссия, пришедшая к выводу о необходимости ликвидации возглавлявшегося И. И. Серебренниковым министерства снабжения и преобразовании министерства продовольствия в министерство продовольствия и снабжения. Данная рекомендация была осуществлена указами Верховного правителя А. В. Колчака от 28 декабря 1918 г. Вновь созданное министерство возглавил Н. С. Зефиров, а И. И. Серебренников был уволен. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 26; Правительственный вестник. 1918. 31 декабря.) Вопрос об упразднении министерства труда ни на одном заседании Совета министров в конце ноября — декабре 1918 г. не обсуждался.

[21] Так в тексте.

[22] Ошибка; правильно — отдела юстиции Сибревкома.

[23] Журнал № 6 заседания Административного совета Временного Сибирского правительства от 14 сентября 1918 г., на котором было произведено избрание И. А. Михайлова председателем Административного совета, см.: ГАРФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 103. Л. 16; д. 104. Л. 126.

[24] Дербер Петр Яковлевич (1883–1938) — родился в Одессе в семье мелкого служащего. Окончил ремесленное училище; учился на юридическом факультете Томского университета. Профессиональный революционер; член партии социалистов-революционеров с 1902 г. Из-за низкого роста имел партийную кличку Петя Маленький.

В 1905 г. арестован и сослан в Березовский уезд Тобольской губернии. С тех пор жил и вел партийную работу в основном в городах Сибири. Был теоретиком и одним из руководителей кооперативного строительства. После Февральской революции — член Омского коалиционного комитета от кооперации, председатель Акмолинского областного земельного комитета, лидер омских эсеров, председатель трех Западно-Сибирских съездов крестьянских депутатов. В мае — июне 1917 г. участвовал в работе первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов (советов), на котором выступил в качестве главного оппонента В. И. Ленина по аграрному вопросу.

Октябрьский переворот встретил враждебно. Активно участвовал в важнейших мероприятиях областников: был делегатом октябрьского и декабрьского областнических съездов в Томске, членом Сибирской областной думы, с 15 декабря 1917 г.— членом, а с 1 января 1918 г.— председателем Временного Сибирского областного совета. В ночь с 28 на 29 января 1918 г. на нелегально проходившем в Томске заседании части членов Сибирской областной думы был избран председателем Временного Сибирского правительства и временно — министром земле-

делия. С конца февраля 1918 г. находился на Дальнем Востоке; летом того же года сложил с себя все министерские посты. После колчаковского переворота вернулся в Сибирь, работал агентом по закупке мяса на Алтае. В августе 1919 г. был арестован в Томске и заключен в Семипалатинскую тюрьму, откуда в начале декабря освобожден повстанцами. В конце декабря 1919 — январе 1920 г. являлся политическим комиссаром 4-го Крестьянского корпуса Западно-Сибирской крестьянско-рабочей партизанской армии. С 28 марта 1920 г. работал консультантом отдела здравоохранения Сибревкома, затем в Сибгосплане. 19 февраля 1923 г. Сибирским отделением Верховного суда РСФСР был приговорен к пяти годам лишения свободы.

В дальнейшем жил в Москве, работал научным сотрудником Центрального бюро краеведения. Репрессирован. В 1989 г. реабилитирован.

[25] Гинс Георгий Константинович (1887–1971) — родился в офицерской семье в крепости Новогеоргиевск (ныне г. Модлин, Польша). Окончил 2-ю Кишиневскую гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1909 г.); в 1911–1913 гг. обучался в университетах Берлина, Гейдельберга и Парижа. Летом 1917 г. в Петрограде примыкал к кадетам, в 1918 г. в Сибири — сначала к кооператорам, а потом — к областникам.

Был оставлен при Санкт-Петербургском университете на кафедре гражданского права. Одновременно служил в переселенческом управлении и министерстве земледелия. С 1916 г.— приват-доцент Петроградского университета и сотрудник Особого совещания по продовольствию. После Февральской революции — старший юрисконсульт министерства продовольствия Временного правительства. Состоял сотрудником журнала «Право», «Журнала министерства юстиции»,
«Нового энциклопедического словаря». Весной 1918 г. переехал в Омск, где работал исполняющим должность экстраординарного профессора политехнического и сельскохозяйственного институтов, был избран кандидатом в члены правления, а в мае — членом правления кооперативного союза «Центросибирь».

С 14 июня 1918 г.— временно управляющий делами Западно-Сибирского комиссариата и председатель юридического совещания при нем, с 1 июля — управляющий делами Совета министров Временного Сибирского, затем Временного Всероссийского и, наконец, Российского правительств. С 4 декабря — товарищ министра народного просвещения Российского правительства, наделенный правами исполняющего обязанности министра в заседаниях Совета министров. С 27 декабря 1918 г.— товарищ министра иностранных дел Российского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака 1 апреля 1919 г. был назначен членом Совета министров с освобождением от должности товарища министра иностранных дел. С 9 апреля 1919 г. являлся председателем Чрезвычайного государственного экономического совещания, с 19 июня — Государственного экономического совещания. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 16 августа 1919 г. был назначен главноуправляющим делами Верховного правителя и Совета министров. Одна из иркутских газет пожелала ему на новый, 1920 год «меньше болтать и больше делать».

В начале 1920 г. эмигрировал в Китай, в 1941 г. переехал в США. Автор мемуаров (Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории (1918–1922 гг.): Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин. 1920. Т. 1, часть 1. 325 с.; Т. 2, части 2 и 3. 608 с.).

Умер в Беркли (Редвуд-Сити), штат Калифорния.

[26] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг цитирует слова управляющего делами Совета министров Г. К. Гинса, содержащиеся в его телеграмме № 31 от 20 сентября 1918 г. в Омск заместителю председателя Совета министров И. А. Михайлову: «Новоселов остался, видимо, недоволен беседой [с] предсовмином [П. В. Вологодским в Верхнеудинске]; разговор был непродолжителен. Новоселов упрекал в неподтверждении единства, [не]согласованности действий обеих частей правительства, указывая последствием возвеличение кредита Хорвата. [О] своих будущих планах высказался неопределенно, ставя в зависимость [Сибирскую] областную думу. Полагаю необходимым через подходящих лиц разъяснить Новоселову недопустимость случайных изменений состава правительства в момент создания всероссийской власти, возможность реконструкции власти сибирской. [В] одной из газет в Красноярске была статья Коновалова, видимо, перепечатана [из] «Волжского дня». По-видимому, возможно привлечь его сотрудников». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 5.)

[27] Ошибка; правильно — сентября.

[28] В данном случае речь идет об Омской чрезвычайной следственной комиссии «По делу об аресте министров Крутовского и Шатилова и др. событиях, имевших место в городах Омске и Томске в 20-х числах сентября месяца 1918 г.». Названная комиссия, кроме того, занималась расследованием убийства А. Е. Новоселова. Она работала до 23 марта 1919 г. В результате дело об аресте было направлено на прекращение в порядке 277 статьи Устава уголовного судопроизводства — за отсутствием «состава уголовно наказуемого деяния», а об убийстве А. Е. Новоселова — выделено в особое производство для передачи его судебному следователю в целях продолжения розыска обвиняемых Мефодьева и Семенченко. (См.: Правительственный вестник. 1919. 29 марта; *Ларьков Н. С.* Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный бой» 1918 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 62–63.)

[29] В Омской чрезвычайной следственной комиссии А. П. Морозов показал: «Заседание Совета [министров 20 сентября], где принимали участие Крутовский, Шатилов и где присутствовал и Якушев, носило такой характер, что хотели сократить деятельность Административного совета и отменить многие из принятых им законопроектов. Ходили определенные слухи, что будет отменен принятый незадолго до этого Административным советом закон о смертной казни и др., которые не нравились Шатилову и Крутовскому». (См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1061. Л. 24.)

[30] Карнеев-Гребаров Иван Иванович — член Омской судебной палаты, помощник управляющего делами Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля 1918 г.— помощник управляющего делами Совета министров Временного Сибирского правительства с оставлением в должности члена Омской судебной палаты. С 1 ноября 1918 г.— председатель Новониколаевского окружного суда, с 27 марта 1919 г.— член Омской судебной палаты, с 23 сентября — председатель департамента Омской судебной палаты.

[31] В соответствии с положением об Административном совете, утвержденным Временным Сибирским правительством 24 августа 1918 г., дела на рассмотрение Административного совета имели право вносить Совет министров Временного Сибирского правительства, председатель Административного совета по собственному почину, управляющие министерствами по предметам их ведения и товарищи министров с разрешения министров. (См.: Сибирский вестник. 1918. 1 сентября;

Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 7 сентября. № 9. С. 3.)

[32] Так в тексте.

[33] Информация А. А. Грацианова соответствует действительности. 21 сентября 1918 г. И. А. Михайлов отправил томскому губернскому комиссару А. Н. Гаттенбергеру телеграмму, в которой сообщалось: «Объявите [Сибирской] областной думе постановление правительства о перерыве занятий ее и комиссий, передаваемое Вам телеграфом товарищем МВД Грациановым, равно наблюдите [за] осуществлением этого, приняв решительные меры [на] случай каких-либо беспорядков совместно [с] начальником гарнизона». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 17.)

[34] Старынкевич Сергей Созонтович (1875–1933) — родился в г. Луцк Волынской губернии в семье учителя. Окончил Холмскую гимназию и юридический факультет Московского университета (1900 г.). Член партии социалистов-революционеров и ее военной организации с 1905 г.

Поступил кандидатом на судебную должность в Московском суде, затем перешел в адвокатуру и в 1905 г. был зачислен в присяжные поверенные округа Петербургской судебной палаты. В 1906 г. по политическим мотивам покинул Россию, жил в Германии, Швейцарии и Финляндии. По возвращении в Россию в 1907 г. подвергся аресту и тюремному заключению в Петропавловскую крепость, а затем был приговорен к ссылке в Иркутскую губернию, где порвал с политической деятельностью. Жил и работал сначала в Верхоленске, потом в Черемхове, где дослужился до заведующего местными копями. Переехав в Иркутск, занялся адвокатской деятельностью, являлся юрисконсультом ряда крупных фирм. 8 апреля 1917 г. был назначен прокурором Иркутской судебной палаты. После установления советской власти подвергся аресту за профессиональную деятельность, был заключен в тюрьму и отдан под суд революционного трибунала, который вынес ему общественное порицание. С 7 августа 1918 г. являлся управляющим министерством внутренних дел Временного Сибирского, с 4 ноября — министром юстиции Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. 2 мая 1919 г. уволен с должности министра юстиции согласно личному прошению (в действительности по настоянию «группы И. А. Михайлова»). В начале сентября 1919 г. прибыл во Владивосток и принял участие в подготовке антиколчаковского заговора, задуманного эсерами и генералом Р. Гайдой. После провала заговора 19 сентября выехал в г. Цуруга (Япония). Умер во Франции.

[35] Заявление В. М. Крутовского было написано в Омске на имя исполняющего обязанности председателя Совета министров Временного Сибирского правительства и датировано 21 сентября 1918 г. Приводим его полный текст (по машинописной копии):

«Настоящим заявляю, что ввиду преклонного возраста и болезненного состояния моего здоровья я более не могу нести обязанности члена Совета министров и министра внутренних дел, от каковых обязанностей прошу освободить меня безотлагательно.

М. Крутовский».

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 158. Л. 176.

[36] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имеет в виду событие, отраженное в журнале № 11 заседания Административного совета Временного Сибирского правительства. Его полный текст см. ниже:

ЖУРНАЛ № 11 ЗАСЕДАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СОВЕТА

[*г. Омск*] *21 сентября 1918 г.*

Председательствовал исп[олняющий] об[язанности] председателя Административного совета, министр финансов И. А. Михайлов.

Присутствовали: управляющие министерствами: торговли и промышленности — П. П. Гудков, военного — (вр[еменно] упр[авляющий]) генерал-майор [А. Ф.] Матковский, юстиции — (вр[еменно] управляющий) А. П. Морозов, труда — Л. И. Шумиловский; товарищи министров: земледелия и колонизации — А. М. Ярмош, продовольствия — И. Г. Знаменский, путей сообщения — (исп[олняющий] об[язанности]) А. М. Ларионов, народного просвещения — В. Н. Саввин, снабжения — И. А. Молодых, финансов — Н. Д. Буяновский, иностранных дел — исп[олняющий] об[язанности] Н. И. Никифоров, внутренних дел — исп[олняющие] д[олжность] И. В. Павлов, А. А. Грацианов, председатель вр[еменного] совета государственного контроля Т. Ф. Николаев и секретарь Н. К. Федосеев.

Слушали: Сообщение исп[олняющего] об[язанности] председателя Административного совета, министра финансов И. А. Михайлова о заключении под стражу по распоряжению начальника гарнизона — уполномоченного командующего [Сибирской] армией [по охране государственного порядка полковника В. И. Волкова] — министра внутренних дел В. М. Крутовского, министра туземных дел М. Б. Шатилова и председателя Сибирской областной думы И. А. Якушева.

Постановили: 1) Предложить вр[еменно] управляющему военным министерством генерал-майору Матковскому сделать распоряжение о немедленном освобождении из-под стражи Крутовского, Шатилова и Якушева.

2) Передать разрешение вопроса о производстве расследования по обвинению означенных лиц в государственном преступлении на усмотрение Совета министров.

3) О неправильных действиях начальника гарнизона [полковника В. И. Волкова], выразившихся в заключении под стражу указанных лиц без предварительного согласия Совета министров, довести до сведения управляющего военным министерством*.

Исп[олняющий] об[язанности] председателя
Административного совета, министр финансов *И. Михайлов.*
Члены совета: *Николаев, Саввин, Н. Никифоров,*
Павлов, И. Знаменский, А. Грацианов,
Н. Буяновский, А. Матковский, Ларионов,
А. Шумиловский, П. Гудков, Морозов.
Секретарь Административного совета *Н. Федосеев.*

ГАРФ. Ф. р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 24. Машинописный подлинник.

[37] Для осмотра государственнный обвинитель А. Г. Гойхбарг предоставил журнал № 12 заседания Административного совета Временного Сибирского правительства. Его полный текст см. ниже:

ЖУРНАЛ № 12 ЗАСЕДАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СОВЕТА

[*г. Омск*] *21 сентября 1918 г.*

Председательствовал исп[олняющий] об[язанности] председателя Административного совета, министр финансов И. А. Михайлов.

Присутствовали: министр внутренних дел В. М. Крутовский, министр туземных дел М. Б. Шатилов, управляющие министерствами: торговли и промышленно-

* На документе имеется чья-то помета: «Разослать в секретном порядке лично членам А[дминистративного] с[овета]»

сти — П. П. Гудков, труда — Л. И. Шумиловский, военного — (вр[еменно] упр[авляющий] генерал-майор [А. Ф.] Матковский, юстиции — (вр[еменно] упр[авляющий]) А. П. Морозов; товарищи министров: продовольствия — И. Г. Знаменский, путей сообщения — (исп[олняющий] об[язанности]) А. М. Ларионов, народного просвещения — В. Н. Саввин, снабжения — И. А. Молодых, финансов — Н. Д. Буяновский, иностранных дел — (исп[олняющий] об[язаннности]) Н. И. Никифоров, внутренних дел — (и[сполняющий] д[олжность]) И. В. Павлов, земледелия и колонизации — А. М. Ярмош, председатель временного совета государственного контроля Т. Ф. Николаев и секретарь Н. К. Федосеев.

Слушали: [1.] Прошения министров внутренних дел В. М. Крутовского, туземных дел М. Б. Шатилова и юстиции Г. Б. Патушинского об освобождении их от обязанностей членов Временного Сибирского правительства.

Постановили: 1. Освободить впредь до окончательного рассмотрения вопроса Советом министров 1) В. М. Крутовского, 2) М. Б. Шатилова и 3) Г. Б. Патушинского (последнего — с 9 сентября) от занимаемых ими должностей членов Временного Сибирского правительства и министров.

Слушали: 2. Сообщение исп[олняющего] об[язанности] председателя Административного совета о работе Сибирской областной думы.

Постановили: [2.] 1) Занятия Сибирской областной думы и образованных ею комиссий прервать.

2) Срок возобновления занятий Сиб[ирской] обл[астной] думы определить особым постановлением Временного Сибирского правительства.

3) Настоящее постановление ввести в действие по телеграфу.

Исп[олняющий] об[язанности] председателя
Административного совета, министр финансов *И. Михайлов.*
Члены совета: *И. Знаменский, Морозов, Николаев,*
Шумиловский, Н. Никифоров, Молодых,
Саввин, А. Матковский, Н. Буяновский,
Ларионов, А. Грацианов, Карнеев-Гребаров,
П. Гудков, Л. Шумиловский.
Секретарь Административного совета *Н. Федосеев.*

ГАРФ. Ф. р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 25. Машинописный подлинник.

[38] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг цитировал телеграмму, которую 21 сентября 1918 г. министр финансов И. А. Михайлов направил во Владивосток председателю Совета министров П. В. Вологодскому. Ее полный текст таков:

«Крутовский, Шатилов и Якушев, приехав [в] Омск, подняли агитацию против политики правительства на Западе и на Востоке. Они вызвали Патушинского [из Иркутска] и потребовали включения [в] состав правительства Новоселова, а также разграничения прав Административного совета [и Совета министров]. Новоселов получил от [Сибирской] областной думы мандат на вступление [в] состав правительства. В закрытом заседании думы выяснилось ее враждебное отношение к правительству. Все эти обстоятельства вызвали волнение [в] кругах общественных, военных. Я пытался уладить конфликт, надеялся на успех. Однако сегодня ночью, без ведома моего и Административного совета, военными властями были арестованы Крутовский, Шатилов, Якушев и Новоселов, причем первые два были принуждены подать прошение об отставке. Вероятно, сегодня арестованные будут освобождены. Члены Административного совета считают страшным примененный метод разрешения политических разногласий, стараются уладить вопрос, но не видят возможности возвращения Крутовского и Шатилова к правительст-

венной деятельности. Сегодня Административный совет вступает в исправление своих обязанностей». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 19.)

[39] Сапожников Василий Васильевич (1861–1924) — родился в Перми в семье учителя. Окончил Пермскую гимназию и физико-математический факультет Московского университета (1884 г.). Член конституционно-демократической партии.

Оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию. С 1890 г.— приват-доцент Московского университета, с 1893 г.— экстраординарный, с 1901 г.— ординарный, с 1916 г.— заслуженный ординарный профессор Томского университета. В 1906–1909 и 1917–1918 гг. был ректором Томского университета. Избирался в состав Сибирской областной думы. С 19 июня 1918 г. заведовал отделом просвещения Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля — управляющий министерством народного просвещения Временного Сибирского правительства, с 4 ноября — министр народного просвещения Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства. 2 мая 1919 г. уволен с должности министра согласно личному прошению. Умер в Томске.

[40] Буяновский Николай Демьянович (1880–1935) — родился в д. Гольма Балтского уезда Подольской губернии в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу и учительскую семинарию в Бессарабии (1902 г.). В молодости был близок к партии социалистов-революционеров, за что подвергался репрессиям.

С 1896 г. занимался преподавательской работой на юге России. С 1 мая 1909 г. работал в Армавире служащим Русского для внешней торговли банка, с 1911 г.— директором Омского отделения Русско-Азиатского банка. Активно участвовал в общественно-политической жизни Омска: несколько лет был членом местной городской думы; председателем Омского общества просвещения; старшиной, а с 1915 г.— председателем Омского биржевого комитета; организатором и первым председателем Омского областного военно-промышленного комитета. 1 марта 1917 г. был избран председателем Омского коалиционного комитета, являлся комиссаром Временного правительства при командующем войсками Омского военного округа. Входил в местную группу сибиряков-областников. С 1 июля 1918 г. работал товарищем министра финансов Временного Сибирского, с 4 ноября — Временного Всероссийского правительства. Уволен в отставку согласно личному прошению с 12 ноября 1918 г.

С 1920 г. в эмиграции, жил в Харбине и Шанхае. Покончил жизнь самоубийством.

[41] Полный текст отправленной 5 октября 1918 г. телеграммы заместителя председателя Совета министров Временного Сибирского правительства И. А. Михайлова, на которую ссылался государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, был таков:

«Осведомившись, что [Временное] Всеросс[ийское] правительство получило сведения о состоявшемся будто бы постановлении Административного совета Сиб[ирского] правительства о передаче всех функций [по] законодательству [и] управлению Всеросс[ийскому] правительству с упразднением Временного Сибирского правительства, считаю долгом уведомить Вас, что эти сведения совершенно неверны и что Адм[инистративный] совет подобного постановления не выносил. Точное постановление частного совещания Адм[инистративного] совета было таково.

Не допуская мысли [о] возможности совместной работы с Крутовским [и] Шатиловым, обратившимися в их притязаниях к Сиб[ирскому] правительству к поддержке иностранных войск, и признавая необходимым реконструкцию органов центрального сибирского управления, частное совещание Адм[инистративного] совета полагало бы необходимым реконструкцию эту произвести на следующих основани-

ях: первое — Сибирская Директория, ввиду выхода [из нее] Вологодского, Крутовского, Шатилова и Патушинского, фактически не могущая осуществлять ее нынешние функции, упраздняется; второе — Административный совет преобразовывается в кабинет министров; третье — возобновление занятий Сиб[ирской] обл[астной] думы или ее комиссий не допускается». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 40.)

[42] Так в тексте. Вероятно, имеются в виду В. М. Крутовский и М. Б. Шатилов.

[43] Приводим полный текст разговора министра снабжения И. И. Серебренникова (Уфа) и управляющего министерством юстиции А. П. Морозова (Омск) в присутствии членов Административного совета 24 сентября 1918 г. с 22 до 23 часов:

«*Серебренников*: У аппарата министр Серебренников.

Морозов: У аппарата Морозов. Из разговора с Омском генерала Иванова[-Ринова] Вы, Иван Иванович*, несомненно, знаете уже все здесь происшедшее. В дополнение к этому сообщаю.

Вечером в 11 часов представители кооперации имели разговор с представителем чеховойск в вагоне Рихтера**, [на котором также] присутствовал председатель [Сибирской областной] думы Якушев и представители комитета социал[истов]-революционеров города. Из разговоров, которые велись Якушевым с Рихтером, кооператоры вынесли впечатление о заведомо неправильной информации Рихтера со стороны названных ниже лиц во всех событиях, имевших место в последние дни. Проводилась мысль о причастности к арестам министров Ивана Андриановича Михайлова и Административного совета. То и другое является сплошным вымыслом. Точно так же дана неправильная информация относительно образования исполнительного комитета [Сибирской] областной думы. Указывалось на то, что в избрании комитета участвовала вся дума, тогда как в действительности фракции областников и беспартийных не были даже приглашены. Такое неправильное информирование грозит осложнениями. В заключение Якушев указал, что он вызвал обратно в Омск министров Шатилова, Крутовского и Патушинского. Назавтра предполагает Якушев созвать собрание представителей общественных [и] партийных организаций для решения вопроса об организации власти. Все сообщаемое ставит Административный совет в тяжелое и затруднительное положение. Полная неосведомленность во взаимоотношениях всероссийской власти с сибирской также ухудшает положение [Административного] совета и лишает [его] возможности не только планомерной, но и какой-либо работы. Наконец, прошу сообщить, будет ли сделано распоряжение об освобождении из-под ареста товарища министра Грацианова, арестованного неизвестно по чьему приказанию. Жду ответа. У провода со мной гг. Павлов и Петров.

Серебренников: А кем арестован Грацианов?

Морозов: Грацианов арестован сегодня в 10 час. 30 мин. утра у себя в министерстве чехом полковником Зайчек[ом]***, как начальником военного контроля, ссылаясь на постановление Всероссийского правительства об аресте Михайлова и тех членов Административного совета, виновность которых будет установлена.

---

* Ошибка; правильно — Иван Иннокентьевич.

** Рихтер, Франтишек (1889–1944) — чешский социал-демократ, член и с июля 1918 г. секретарь российского филиала Чехословацкого национального совета.

*** Зайчек Иосиф Иосифович (Иван Иванович) — 20 июня 1918 г. в звании капитана возглавил военный контроль (контрразведку) при штабе Сибирской армии. К концу сентября 1918 г. имел звание полковника.

Серебренников: Всероссийское правительство никаких распоряжений об аресте Михайлова и других членов Административного совета не делало. Сегодня же приму меры [к] освобождению Грацианова. Взаимоотношения Сибирского областного и Всероссийского правительства будут определяться постепенно, путем особых конференций. В настоящее время сибирский аппарат должен работать полным ходом. Возможно, что Всерос[сийское] Врем[енное] правительство переедет в Омск, и взаимоотношения будут определены на месте. Сообщите [от] моего имени председ[ателю Сибирской] областн[ой] думы Якушеву, что вопрос об организации сибирской власти будет разрешен Всероссийским правительством, и потому предложите ему воздержаться от созыва для решения вопроса о власти неправомочных местных собраний, что только может ухудшить дело и окончательно его погубить, тогда как имеется надежда все еще исправить. О последующих событиях уведомляйте нас в пути, телеграфируйте [в] Челябинск.

Морозов: Павлов спрашивает, с Вами ли выезжает министр Старынкевич и когда Вы выезжаете?

Серебренников: Выезжаем все, кроме Сапожникова, сегодня [в] 23 часа.

Морозов: Сегодня утром Вы у провода назвали себя министром финансов. Это ошибочно или последовало…

Серебренников: Конечно, ошибка. До свидания». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 28.)

[44] Скорее всего, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг цитировал телеграмму № 01311/оп. генерала А. Ф. Матковского, отправленную 21 сентября 1918 г. в Уфу управляющему военным министерством Временного Сибирского правительства, командующему Сибирской армией П. И. Иванову-Ринову. В ней говорилось:

«Заместитель председателя Совета министров [И. А. Михайлов] передал Вам о дважды обнаруженном начальником [Омского] гарнизона [В. И. Волковым] превышении власти, а также о непосредственном его сношении с Советом министров. Случаи следующие: аресты министров без разрешения высшей власти и отобрание расписок об оставлении ими города [Омска] в 24 часа. Одновременно доношу, что согласно указания наштарма по проводу из Уфы я приказа о вступлении во временное командование армией не отдавал, но по примеру прежнего отдал приказ о вступлении во временное управление военным министерством. Я решил доложить Вам [о происшедшем] по возвращении, но министр Михайлов просит Вашего срочного распоряжения относительно начальника гарнизона, подтверждая крайнюю затруднительность своего положения [в] таких обстоятельствах». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 23.)

[45] 24 августа 1918 г. председатель Совета министров П. В. Вологодский направил в Красноярск В. М. Крутовскому телеграмму, в которой говорилось: «Совещание министров, управляющих министерствами, их помощников единодушно просит Вас принять обязанности заместителя председателя Совета министров. [В] уверенности, что Вы не воспротивитесь единодушному желанию товарищей [и] сослуживцев, ждем скорого Вашего прибытия [в] Омск. Лично ввиду необходимости выехать для лечения, [а] также сознания, что Вы являетесь лучшим заместителем, усиленно прошу согласиться [на] наше предложение». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 97. Л. 25.)

19 сентября 1918 г. В. М. Крутовский вместе с министром туземных дел М. Б. Шатиловым и председателем Сибирской областной думы И. А. Якушевым приехал в Омск, где к тому времени остался только один член Временного Сибир-

ского правительства — министр финансов И. А. Михайлов, за отъездом министра снабжения И. И. Серебренникова на Уфимское государственное совещание возглавлявший также Административный совет. Опираясь на сообщение П. В. Вологодского, В. М. Крутовский оттеснил И. А. Михайлова от руководства Советом министров. 18 сентября Временное Сибирское правительство приняло два указа, в соответствии с которыми И. А. Михайлов сдал обязанности, а В. М. Крутовский вступил в исполнение обязанностей заместителя председателя Совета министров. Через день в разговоре по прямому проводу с управляющим делами Совета министров Г. К. Гинсом, который сопровождал П. В. Вологодского в его поездке на Дальний Восток, В. М. Крутовский в присутствии И. А. Михайлова прямо потребовал от Г. К. Гинса «по делам Сов[ета] министр[ов] сноситься непосредственно со мной». (См.: Сибирский вестник. 1918. 20 сентября; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 155. Л. 135; Красный архив. М.; Л., 1933. Т. 6. С. 76). Но официального назначения В. М. Крутовского на должность заместителя председателя Совета министров не произошло. Особенно активно этому противился И. И. Серебренников, являвшийся заместителем председателя Совета министров.

4 октября 1918 г. П. В. Вологодский направил из Владивостока в Омск телеграмму, адресованную заместителю председателя Совета министров И. И. Серебренникову, министру внутренних дел В. М. Крутовскому и главе делегации Временного Всероссийского правительства А. А. Аргунову, такого содержания: «Возмутительное насилие над Вами [и] Шатиловым заставляет меня искренне мучиться сознанием, что убедил Вас принять вновь тяжкое бремя правительственной работы. Не менее прискорбно то, что Вы стали [в] такие отношения [к] деловому составу, которые исключают сейчас возможность Вашей совместной работы [с] Адм[инистративным] советом. Полагаю, при таких условиях избрание Вас моим заместителем, ранее частным образом предрешенное, не может [и] не должно состояться. Политическое положение требует устранения всяких осложнений хотя бы жертвами самолюбия. Полагаю поэтому, [что] официально избранный заместителем Серебренников должен остаться [на] этом посту, а Вам, Шатилову, Михайлову временно неофициально устраниться впредь [до] моего скорого приезда и окончания следствия». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.)

[46] Скорее всего, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду телеграмму И. А. Михайлова П. В. Вологодскому, отправленную 5 октября 1918 г. Ее текст см. в комментарии 41 к настоящей главе.

[47] Гудков Павел Павлович (1880–1955) — родился в семье крупного золотопромышленника. Его отец служил управляющим Южно-Енисейским горным округом, избирался Красноярским городским головой, являлся почетным гражданином Красноярска. Окончил Красноярскую гимназию (1898 г.), учился в Санкт-Петербургском университете, окончил Горный институт (1907 г.). По его собственному признанию, относящемуся к середине 1918 г., в политических партиях «не состоял и не состоит, а по убеждениям примыкает к социал-демократам меньшевикам».

С 1907 по 1914 г. работал лаборантом кафедры геологии Томского технологического института, с 1914 г.— профессором того же института. Известен своими экспертизами золотых рудников Сибири и Казахстана, оценками запасов других руд в Кузбассе, на Салаирском кряже, в Оренбургской губернии и Зайсанском уезде Семипалатинской области. Являлся учредителем и членом правления Общества сибирских инженеров и Томского отделения Общества изучения Сибири. После Февральской революции избирался членом Томского городского народного собрания, был активным деятелем сибирского областничества:

участник августовской конференции общественных организаций Сибири, первого сибирского областнического съезда (Томск, октябрь 1917 г.), был кандидатом в члены, а затем первым товарищем председателя Сибирского областного исполнительного комитета, членом Сибирской областной думы. С 14 июня 1918 г.— заведующий отделом торговли и промышленности Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля до 3 ноября 1918 г.— управляющий министерством торговли и промышленности Временного Сибирского правительства (с оставлением в должности профессора). В состав Временного Всероссийского правительства войти отказался.

Был организатором и с 4 февраля 1919 г. временным директором Сибирского геологического комитета. В 1920 г. эмигрировал в САСШ. Умер в Калифорнии.

[48] Ошибка; правильно — С. С. Старынкевич.

[49] Павлов Иван Васильевич — непременный член общего присутствия Акмолинского областного управления. С 1 июля 1918 г. являлся исправляющим должность товарища министра внутренних дел Временного Сибирского правительства, затем — товарищем главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров.

[50] Цитата дополнена по тексту стенограммы, хранящемуся в РГАСПИ (См.: Ф. 71. Оп. 35. Д. 1061. Л. 52.)

[51] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг цитировал второй пункт журнала № 12 заседания Административного совета Временного Сибирского правительства от 21 сентября 1918 г. Его содержание см. в комментарии 37 к настоящей главе.

[52] Видимо, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду нелегальное заседание части членов Сибирской областной думы, состоявшееся в Томске в ночь на 29 января 1918 г.

[53] Имеется в виду Временное Сибирское правительство, сформированное частью членов Сибирской областной думы в Томске в ночь на 29 января 1918 г. В его состав входили П. Я. Дербер — председатель правительства и министр земледелия (временно), П. В. Вологодский — министр внешних сношений, Н. Е. Жернаков — государственный контролер, М. А. Колобов — министр торговли и промышленности, А. А. Краковецкий — военный министр, В. М. Крутовский — министр здравоохранения, И. А. Михайлов — министр финансов, В. И. Моравский — государственный секретарь, А. Е. Новоселов — министр внутренних дел, Г. Б. Патушинский — министр юстиции, Д. Ринчино — министр народного просвещения, И. И. Серебренников — министр продовольствия и снабжения, Д. Г. Сулим — министр экстерриториальных народностей, В. Т. Тибер-Петров — министр туземных дел, Л. А. Устругов — министр путей сообщения, И. С. Юдин — министр труда; Е. А. Захаров, С. А. Кудрявцев, Г. Ш. Неометуллов и М. Б. Шатилов — министры без портфеля.

[54] Якушев Иван Александрович (1886–1935) — родился в г. Сургут Тобольской губернии; из мещан. Окончил гимназию и Омскую центральную фельдшерскую школу. Являлся членом партии социалистов-революционеров и активным деятелем сибирского областничества.

За участие в революционных событиях 1905–1906 гг. в Туркестане подвергся аресту и в 1910 г. осужден к ссылке в Восточную Сибирь, которую отбывал до 1912 г. в Братской волости Нижнеудинского уезда, затем в с. Тулун. В 1914–1915 гг. служил в Иркутской городской думе и продовольственной комиссии. В 1917 г.— гласный Иркутской городской думы, участник октябрьского и

декабрьского чрезвычайного областнических съездов в Томске. В ночь на 26 января 1918 г. был арестован томскими большевистскими властями, но освобожден. Двое суток спустя руководил нелегальным заседанием части членов Сибирской областной думы, сформировавшим Временное Сибирское правительство, на котором был избран ее председателем. Летом — осенью 1918 г. возглавил борьбу против правых тенденций в политике Временного Сибирского правительства и его Административного совета. После самороспуска 10 ноября 1918 г. Сибирской областной думы уехал во Владивосток, где принял активное участие в подготовке завершившегося неудачей антиколчаковского переворота, предпринятого в ноябре 1919 г. Р. Гайдой.

С 1922 г. жил в Чехословакии, где выпустил девять номеров сборника «Вольная Сибирь» (1926–1930. № 1–9) и три сборника «Сибирский архив» (1929–1930. Вып. 1–3), содержащих большой материал о революции и гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке. Умер в Праге.

[55] В своем ответе Г. Б. Патушинский неточен. В действительности первые нормативные акты по этому вопросу принадлежали не Временному Сибирскому правительству, а еще Западно-Сибирскому комиссариату. 1 июня 1918 г. он принял постановление «О денационализации», в котором говорилось, что «впредь до планомерного разрешения вопроса о дальнейшем порядке управления и пользования национализированными предприятиями и имуществами никакое вмешательство в распоряжение ими частных лиц или групп [населения] до установления нового порядка не может быть допущено, а на существующие коллективы возлагается ответственность за сохранение сумм, имущества и документов предприятий». (См.: Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами комитета. 1918. 28 июня. № 1. С. 5).

27 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат принял постановление «О денационализации предприятий», в котором национализированные советской властью предприятия объявлялись подлежащими «возвращению их прежним владельцам или их правопреемникам». В случае отсутствия таковых предприятие могло быть оставлено в непосредственном заведовании отдела торговли и промышленности Западно-Сибирского комиссариата. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1. Л. 19; Собрание узаконений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами комитета. 1918. 30 июня. № 2. С. 4.)

[56] Имеется в виду постановление Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. «О недопущении советских организаций». В нем говорилось:

«Принимая во внимание, что организации так называемых советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, составлявшиеся на основах, ничего общего с демократическими принципами не имеющих, в своей прошлой деятельности проявили враждебность государственному правопорядку и местной власти, вплоть до преступного посягательства на верховные права Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской [областной] думы, а также ввиду того, что политические интересы населения достаточно представлены в политических партиях, а классовые — в профессиональных союзах, что советы вызывают самую непримиримую ненависть населения, Временное Сибирское правительство постановляет:

1. Все существующие советы рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов закрываются.

2. Образование новых советов или иного наименования организаций из представителей обществ и союзов профессионального или промышленного характера, но с задачами политическими воспрещается.

3. Образование профессиональных организаций, не преследующих политических целей, не подвергается никаким ограничениям.

4. Министерству труда поручается спешно разработать положение о порядке и условиях возникновения профессиональных союзов.

Председатель Совета министров, министр иностранных дел П. Вологодский.

Министр внутренних дел В. Крутовский.

Министр финансов И. Михайлов.

Министр юстиции Григорий Патушинский.

Управляющий делами Совета министров Г. Гинс».

См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 18 июля. № 2. С. 5; Сибирский вестник. 1918. 16 августа.

[57] Речь идет о постановлении Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. «О возвращении владельцам их имений». (См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 18 июля. № 2. С. 15–16; Сибирский вестник. 1918. 16 августа).

[58] Еще находясь в Омске, Г. Б. Патушинский 8 сентября 1918 г. написал и подал в Совет министров такое заявление: «Ввиду моего глубокого расхождения с Административным советом и возрастающего влияния последнего на политическую деятельность правительства я не нахожу возможным оставаться в Совете министров и на посту министра юстиции, о чем одновременно с сим довожу до сведения Сибирской областной думы». (См.: Сибирский вестник. 1918. 17 сентября.)

[59] Сибирский областной совет — избран 16 октября 1917 г. на первом общесибирском областническом съезде в Томске. Рассматривался областниками как высший распорядительно-исполнительный орган власти в промежутке между общесибирскими областническими съездами.

[60] Сибирская Директория — здесь и далее подразумевается Временное Сибирское правительство.

Временное Сибирское правительство всю полноту государственной власти на освобожденной от большевиков территории Сибири получило из рук Сибирской областной думы и Западно-Сибирского комиссариата 30 июня 1918 г. Оно состояло сначала из пяти, затем из шести членов Временного Сибирского правительства, избранных на нелегальном заседании Сибирской областной думы, которое произошло Томске в ночь с 28 на 29 января 1918 г. Персонально в состав Временного Сибирского правительства, пришедшего к власти 30 июня 1918 г., входили П. В. Вологодский — председатель Совета министров и министр внешних сношений (с 1 июля — министр иностранных дел), В. М. Крутовский — министр внутренних дел, И. А. Михайлов — министр финансов, Г. Б. Патушинский — министр юстиции, М. Б. Шатилов — министр туземных дел. Месяц спустя к ним присоединился И. И. Серебренников, который занял пост министра снабжения.

[61] В ответ Г. Б. Патушинский 27 сентября 1918 г. направил из Иркутска в Омск телеграмму на имя управляющего министерством юстиции и исполняющего должность председателя Совета министров следующего содержания:

«Вследствие полученной мною телеграммы председателя Совета министров о принятии моего прошения об отставке я с сего числа считаю себя выбывшим

из состава Временного Сибирского правительства и освобожденным от обязанностей министра юстиции.

Член Сибирской областной думы *Григорий Патушинский*».

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 155. Л. 188.

[62] Вероятно, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду постановление начальника гарнизона г. Омск полковника В. И. Волкова от 21 сентября 1918 г. об аресте председателя Сибирской областной думы А. И. Якушева, министра Временного правительства автономной Сибири А. Е. Новоселова, министров Временного Сибирского правительства В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова, в котором говорилось, что ими «замышлено и приступлено к совершению государственного переворота, направленного против государства Российского и Временного Сибирского правительства...». (См.: *Ларьков Н. С.* Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный бой» 1918 г. С. 55.)

[63] Куликов Владимир Васильевич (1889–?) — член партии социалистов-революционеров, находившийся на ее правом фланге, член Сибирской областной думы. В 1917–1918 гг. являлся председателем правления Союза западносибирских кооперативов и кандидатом в члены правления «Комиссии сибирских кооперативов по закупкам и сбыту» (Закупсбыт), председателем Омского отдела «Союза возрождения России». После колчаковского переворота был одним из руководителей Омского блока общественно-политических организаций, поддержавших власть Верховного правителя. Входил в состав руководства Омского областного, а затем Временного центрального военно-промышленного комитета.

[64] В. В. Куликов дал 21 ноября 1918 г. по этому вопросу Омской чрезвычайной следственной комиссии такие показания: «...Мы все же не теряли надежду, что этот конфликт может разрешиться мирным способом. Нам было известно, что Волков совещался с торгово-промышленными кругами о том, что он собирается сделать такой шаг, на собрании в [Омском] военно-промышленном комитете. В этот же день мы собрали общественные организации, партийные и кооперативные, на совещание по поводу происшедших событий...». (См.: ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.)

[65] Двинаренко Никита Петрович (1876–?) — крупный омский предприниматель. Со 2 марта по 30 августа 1917 г. являлся членом Омского коалиционного комитета. Председатель Омского областного военно-промышленного комитета. 7 июня 1918 г. был допущен Западно-Сибирским комиссариатом к временному исполнению обязанностей заведующего водным транспортом Обь-Енисейской системы, с 21 февраля 1919 г. являлся управляющим водным транспортом министерства путей сообщения Российского правительства. С конца июля 1918 г.— член бюро Омского отдела «Союза возрождения России». 6 июня 1919 г. был избран председателем Временного центрального военно-промышленного комитета.

[66] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг цитировал показания, данные 27 ноября 1918 г. Н. П. Двинаренко Омской чрезвычайной следственной комиссии, в которых говорилось: «Когда я узнал об аресте Шатилова и Крутовского, то был очень доволен, т. к. полагал, что двумя большевиками в правительстве стало меньше; по-видимому, так относилось к этому большинство, т. к. я ни от кого не слышал, чтобы поступок Волкова был негосударственным; напротив, все говорили, что поступок его вполне правильный. Если бы я был в таком же положении и у меня в руках оказались бы все материалы, то я сам бы арестовал их, а затем

доложил бы об этом по начальству. По-видимому, так мыслили все, кто здраво рассуждает». (См.: ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.)

[67] Полный текст телеграммы Г. К. Гинса И. А. Михайлову см. в комментарии 26 к настоящей главе.

[68] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал телеграмму, посланную 22 сентября (повторно — 26 сентября) 1918 г. из Владивостока председателем Совета министров Временного Сибирского правительства П. В. Вологодским в Омск заместителю председателя Совета министров И. А. Михайлову: «Сегодня сделал визит американскому послу на крейсере, был встречен почетным караулом; крейсер был украшен флагами. Самый прием был чрезвычайно сух. Американцы пришли помогать чехам, но не сибирякам, хотя [от] деловых сношений не отказываются. [По] имеющимся сведениям, французский посол настроен гораздо доброжелательнее. Вчера были уполномоченные наших послов [в] Вашингтоне, Пекине, Токио, Лондоне [в] целях информации. Характерны два вопроса, которые задавали наши дипломатические агенты, [а] также сэр Чарльз Элиот, граф Мацудайра — Япония, американский посол и другие: первое, когда будет ликвидировано дерберовское правительство, которое здесь несомненно скомпрометировано; второе, взаимоотношения [Временного Сибирского] правительства с [Сибирской областной] думой, причем подчеркивалось, что дума [с] единообразным социалистическим составом грозит быть тормозом творческой работе. Вообще [в] своих практических шагах имейте в виду, что настроение [на] Востоке за границей — выжидательное, в отношении Сиб[ирского] правительства нынешнего его состава улучшится [при] условии практического привлечения цензовых элементов, хотя бы [в] деловой состав; окончательно испортится, особенно за границей, [в] случае привлечения хотя бы одного человека [из] состава дерберовской группы. Посему мы считаем самым правильным не привлекать ни дерберовцев, ни сторонников Хорвата. Ваш шаг [для] привлечения Новоселова необходимо мирно ликвидировать, предложив ему отказаться. Обл[астная] дума тоже пусть поймет, что ради спасения родины, поднятия ее престижа в иностранном мире необходимо идти на весьма тяжелые самоограничения. Еще раз подтверждаю, что посылка делегации думой невозможна». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 117. Л. 32; Оп. 5. Д. 155. Л. 159.)

[69] Ошибка; правильно — Мацудайра.

Мацудайра Цунео (1877–1949) — граф, японский дипломат, являлся главой японской императорской дипломатической миссии на Дальнем Востоке. 17 сентября 1918 г. П. В. Вологодский встречался с ним с Харбине.

[70] Элиот Чарльз (1862–1931) — английский дипломат, в 1918–1919 гг. являлся высоким комиссаром Великобритании в Сибири.

[71] Тельберг Георгий Густавович (1881–1954) — из семьи чиновника г. Царицын. Окончил с золотой медалью Царицынскую гимназию и юридический факультет Казанского университета (1903 г.). Член конституционно-демократической партии с 1905 г.

Был оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию. С 1908 г.— приват-доцент Казанского, с 1910 г.— Московского университета. Кроме того, читал лекции в Народном университете А. Л. Шанявского, на женских педагогических и на юридических курсах. С 1912 г.— ординарный профессор Томского университета по кафедре истории русского права. В 1917 г. был избран деканом юридического факультета Саратовского университета и директором Экономического института.

С 1905 г. активно занимался общественной работой, был одним из организаторов партии народной свободы в Казани. В качестве защитника участвовал во многих политических процессах. С 10 сентября 1918 г. работал старшим юрисконсультом Совета министров Временного Сибирского правительства, с 4 ноября — управляющий делами Временного Всероссийского правительства, с 18 ноября — управляющий делами Верховного правителя и Совета министров. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 2 мая 1919 г. был назначен министром юстиции Российского правительства, сохранив за собой должность временно управляющего делами Верховного правителя и Совета министров. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 4 июля 1919 г. был назначен исполняющим обязанности председателя Совета министров в случае отсутствия последнего. 16 августа 1919 г. освобожден от общего руководства управления делами. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 29 ноября 1919 г. уволен от должности министра юстиции по болезни.

14 декабря 1919 г. выехал за границу. До 1940 г. жил в Китае, затем в США. Умер в Нью-Йорке.

[72] В действительности по представлению министра юстиции от 2 декабря 1918 г. Совет министров в своем заседании от 27 января 1919 г. выделил Г. Ф. Шишкину 8 900 рублей. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 92. Л. 44.)

[73] Правильно — Временное областное правительство Урала. Создано 19 августа 1918 г. на основе соглашения между кадетами, народными социалистами, эсерами, меньшевиками и беспартийными. Структурно состояло из Совета правительства и 8 главных управлений, в ряду которых отсутствовали военное ведомство, ведомства иностранных дел и путей сообщения. Номинально контролировало территорию Пермской губернии, часть Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний. 26 октября 1918 г. передало всю полноту власти на Урале Уфимской Директории.

[74] Семья Романовых — члены семьи последнего российского императора Николая II: императрица Александра Федоровна, наследник цесаревич Алексей Николаевич, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Решение об уничтожении семьи Романовых было принято 12 (13) июля 1918 г. Уральским областным советом по указанию из Москвы.

[75] Генерал А. Н. Гришин-Алмазов был уволен с поста командующего Сибирской армией и с должности управляющего военным министерством по требованию консульского совета союзных держав 5 сентября 1918 г. При обсуждении этого вопроса на закрытом заседании Временного Сибирского правительства голоса пяти членов правительства разделились. Оставшиеся в меньшинстве и недовольные принятым решением И. А. Михайлов и И. И. Серебренников в знак протеста не подписали журнал заседания Совета министров и заявили о своем выходе из правительства. Их поддержал Административный совет, угрожая «уйти в отставку вместе со всем штатом высших чинов». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 43. Л. 175–176; *Ларьков Н. С.* Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 г. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск, 1997. С. 54–65.)

[76] Информация неверна; кроме И. А. Михайлова, в Административный совет Временного Сибирского правительства входил министр снабжения И. И. Серебренников, который являлся председателем Административного совета.

[77] В действительности дело обстояло совершенно иначе, что и зафиксировано в «Добавлении к журналу № 42 заседания Совета министров от 24 января 1919 г.»:

«*Слушали*: Представление министра юстиции об отпуске в распоряжение прокурора Казанской судебной палаты 15 000 рублей на розыски по делу об убийстве бывшего императора Николая II и его семьи.

Постановили: Отпустить в распоряжение прокурора Казанской судебной палаты пятнадцать тысяч рублей на розыски виновных лиц по делу об убийстве бывшего императора Николая II и его семьи».

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 11.

В дальнейшем по представлению министерства юстиции Совет министров еще дважды, 22 августа и 17 октября 1919 г., обсуждал этот вопрос. В первый раз было выделено 25 тыс. рублей, второй — 319,5 тыс. рублей с зачетом в последнюю сумму ранее выданных генералу М. К. Дитерихсу на эти же цели 100 тыс. рублей. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 133, 205.)

[78] Никифоров Николай Иванович (1886 — после 1945) — родился в Киевской губернии. Окончил университет Святого Владимира в Киеве (1910 г.).

Был оставлен в университете для подготовки к научной деятельности. В 1914–1917 гг. работал приват-доцентом университета Святого Владимира. В 1917–1919 гг. исполнял обязанности профессора Омского политехнического института по кафедре всеобщей истории. В связи с командировкой П. В. Вологодского и М. П. Головачева на Дальний Восток, начавшейся 9 сентября 1918 г., постановлением Временного Сибирского правительства был назначен временно управляющим министерством иностранных дел. В 1920–1921 гг.— профессор Иркутского и Владивостокского университетов. С января 1922 г.— профессор, с февраля 1930 г.— декан юридического факультета Харбинского политехнического института до его закрытия. В 1945 г. арестован и депортирован в СССР.

[79] 6 ноября 1918 г. Н. И. Никифоров на допросе в Омской чрезвычайной следственной комиссии показал: «Крутовский стал изымать из компетенции Административного совета те или другие дела, заявляя, что Административный совет не компетентен их решать и что такие дела могут решаться в Совете министров, хотя фактически они не были настолько важны, чтобы их передавать в Совет министров. Таким образом, из ведения Административного совета был изъят вопрос об ассигновании 10 тысяч [рублей] на производство судебного расследования о судьбе бывшего императора. Впоследствии эти деньги все же были ассигнованы Административным советом». (См.: ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–22.)

[80] См. по этому вопросу комментарий 130 к главе первой.

[81] Документы о предполагавшейся передаче художественных учебных заведений и учреждений, состоявших в ведении министерства императорского двора и уделов, в распоряжение министерства народного просвещения см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 162; д. 1668.

[82] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду вечернее закрытое заседание Совета министров, состоявшееся 1 февраля 1919 г. На этом заседании согласно пожеланию Верховного правителя А. В. Колчака военный министр Н. А. Степанов внес предложение ужесточить принятую ранее на дневном заседании редакцию статьи 90–2 книги XXII «Свода военных постановлений» 1869 г. В результате она была принята в такой редакции:

«В военное время на театре военных действий, когда какие-либо преступления или проступки чрезмерно увеличиваются, главнокомандующему армиями фронта, начальнику штаба Верховного главнокомандующего, командующему отдельной армией, командующим армиями и лицам, пользующимся равною с ними властью, разрешается усиливать временно строгость наказаний, в законе положен-

ных, до смертной казни включительно, объявляя о том предварительно во всеобщее сведение, с одновременным донесением по телеграфу в порядке подчиненности Верховному правителю и Верховному главнокомандующему о принятых ими мерах и о причинах их настоятельности.

Сим же лицам и с соблюдением тех же условий присваивается право в тех случаях, когда вследствие военных обстоятельств или во время возмущения для общей безопасности приняты будут особые меры предосторожности, за нарушение оных устанавливать наказание до смертной казни включительно с тем, чтобы наложение таковых наказаний производилось по приговорам военно-полевых судов.

Примечание: Означенное в сей статье право принадлежит исключительно должностным лицам, в статье поименованным, и не может быть ими передаваемо другим должностным лицам».

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245, Л. 18; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Омск. 1919. 10 марта. № 1. С. 13.

[83] Каргалов Даниил Семенович — член конституционно-демократической партии. Один из руководителей Омского областного военно-промышленного комитета, гласный Омской городской думы. После Февральской революции избирался членом Омского коалиционного комитета. В середине сентября 1918 г. был председателем Сибирской конференции представителей военно-промышленных комитетов. После колчаковского переворота являлся одним из руководителей Омского блока общественно-политических организаций, поддержавших власть Верховного правителя, в качестве представителя Всероссийского совета съездов торговли и промышленности участвовал в работе Чрезвычайного государственного экономического совещания. 6 июня 1919 г. был избран товарищем председателя Временного центрального военно-промышленного комитета.

[84] Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937) — родился в офицерской семье, из дворян. Окончил Пажеский корпус (1894 г.) и Николаевскую академию Генерального штаба (1900 г.), генерал-майор (1915 г.).

Сначала служил в штабе Московского военного округа. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Находился на штабных должностях в 17-м армейском корпусе и штабе Киевского военного округа. В годы Мировой войны являлся генерал-квартирмейстером штаба армий Юго-Западного фронта. С сентября 1917 г.— генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, с 3 ноября — начальник штаба Верховного главнокомандующего. После ликвидации Ставки большевиками перебрался на Украину, где стал начальником штаба Чехословацкого корпуса. Один из организаторов антисоветского выступления чехословаков во Владивостоке летом 1918 г. В октябре 1918 — январе 1919 г.— сначала начальник штаба, потом — главнокомандующий Западным фронтом. Генерал-лейтенант колчаковского производства. Затем состоял для особых поручений при Ставке. С 17 января 1919 г. по поручению А. В. Колчака в течение полугода осуществлял общее руководство расследованием убийства бывшего императора Николая II, членов его семьи и Дома Романовых. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 20 июня 1919 г. был назначен главнокомандующим Восточным фронтом, которому подчинялись Западная и Сибирская армии, Камская речная боевая флотилия, с 9 августа — временно исполняющим должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, с 12 августа — временно управляющим военным министерством с оставлением в ранее указанных должностях. Указом

Верховного правителя А. В. Колчака от 6 октября 1919 г. освобожден от должности управляющего военным министерством, а 4 ноября уволен со всех остальных должностей.

В конце 1922 г. эмигрировал в Китай. Умер в Шанхае.

Глава третья. Заседание второе

[1] Ошибка; правильно — комендант Ошмарин.

[2] Ошибка; правильно — защитник Айзин.

[3] Постановление Временного Сибирского правительства от 1 августа 1918 г. «Об учреждении особых прифронтовых военно-полевых судов» см.: Сибирский вестник. 1918. 28 августа; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 31 августа. № 8. С. 4–6.

[4] Правильное название постановления — «Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». (См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 18 июля. № 2. С. 17–20; Сибирский вестник. 1918. 16 августа.)

[5] Ошибка; правильно — наказание.

[6] Видимо, было зачитано постановление Административного совета Временного Сибирского правительства от 1 октября 1918 года «О дополнении „Временных правил о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия“ (постановление Временного Сибирского правительства от 15 июля 1918 года)», которое гласило:

«Административный совет Временного Сибирского правительства постановил: дополнить „Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия“ (постановление Временного Сибирского правительства от 15 июля 1918 года) примечанием к ст[атье] 15 следующего содержания: командующему армией или командиру отдельного корпуса, а также подчиненным им военным начальникам, упомянутым в ст[атье] 8, предоставляется право: а) требовать от прокуроров и их товарищей предоставления для просмотра на срок не свыше двух недель каждого следственного производства или дознания, не переданного еще в судебное место, и б) уполномочивать на предъявление тех же требований подчиненных им военных начальников, упомянутых в ст[атье] 8.

Исп[олняющий] об[язанности] председателя Административного совета, министр финансов И. Михайлов.

За управляющего военным министерством генерал-майор Сурин.

Вр[еменно] управляющий министерством юстиции А. Морозов.

Секретарь Административного совета Н. Федосеев».

См.: Сибирский вестник. 1918. 8 октября; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 12 октября. № 14. С. 15.

[7] В статье 14 разрешалось изымать из гражданской подсудности и предавать военному суду лиц, виновных:

«а) в вооруженном восстании и призыве к таковому против Временного Сибирского правительства и за государственную измену;

б) в умышленных поджогах, истреблении, приведении в негодность воинского снаряжения и вооружения, средств нападения и защиты, запасов продовольствия и фуража;

в) в умышленном истреблении и повреждении водопроводов, мостов, плотин, шлюзов, колодцев, бродов и иных средств, назначенных для передвижения, пере-

правы, судоходства, предупреждения наводнения или необходимых для снабжения водою;

г) в умышленном истреблении или повреждении всякого рода телеграфов, телефонов или иных снарядов или аппаратов, назначенных для передачи известий;

д) в умышленном повреждении железнодорожных сооружений, пути, подвижного состава и установленных знаков для железнодорожного движения, а также за умышленное повреждение сооружений, средств передвижения и установленных знаков на водных путях;

е) в вооруженном нападении на места заключения, на часового, военный караул и всякого рода стражу, за вооруженное сопротивление военным и гражданским властям, часовым, военному караулу и всякого рода страже;

ж) во всяком умышленном убийстве, а также и в покушении на убийство должностных лиц при исполнении и по поводу исполнения ими служебных обязанностей;

з) в изнасиловании, разбое и умышленном зажигательстве или потоплении чужого имущества.

Если деяния эти совершены в местностях, где введено военное положение (ст[атьи] 2 и 3), при содействии сего последнего наказуются на одну степень выше установленного уголовными законами наказания».

См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 18 июля. № 2. С. 19–20.

[8] Ошибка; правильно — советская.

[9] В принципе юридическим основанием для увольнения бывших советских служащих могли послужить два документа: постановление Западно-Сибирского комиссариата «Об устранении представителей антигосударственных партий из органов самоуправления» от 27 июня 1918 г. и постановление Временного Сибирского правительства «О недопущении советских организаций» от 6 июля 1918 г. (См.: Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства. 1918. 30 июня. № 2. С. 9–10; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 18 июля. № 2. С. 5.)

[10] Ошибка; правильно — прифронтовых военно-полевых.

[11] Так в тексте.

[12] Ошибка; правильно — ведомству.

[13] Неточно; имеется в виду — подсудного военным властям.

[14] Иванов-Ринов Павел Павлович (1869 — после 1927) — из дворян. Окончил Сибирский кадетский корпус (1888 г.) и 1-е Павловское военное училище (1890 г.).

Служил на русско-китайской границе, затем занимал военно-административные должности в Туркестане. В начале Мировой войны в чине подполковника являлся помощником командира 2-го Кубанского полка, за боевые отличия был произведен в полковники. В мае 1916 г. назначен семиреченским вице-губернатором, руководил подавлением восстания в Джизакском уезде, исполнял должность военного губернатора Ферганы.

После Февральской революции был смещен с должности и назначен начальником Отдельной сибирской казачьей бригады на Кавказском фронте. С апреля 1918 г. руководил антибольшевистским подпольем в Петропавловске и Омске. С 7 июня по 5 сентября 1918 г. командовал 2-м Степным Сибирским корпусом. Указом Временного Сибирского правительства от 2 июля 1918 г. произведен в генерал-майоры. 15 июля 1918 г. избран войсковым атаманом Сибирского казачье-

го войска. С 6 сентября — командующий Сибирской армией и по совместительству (до 2 ноября) — управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 3 декабря 1918 г. назначен помощником верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части с исполнением обязанностей командующего войсками Приамурского военного округа. С августа 1919 г. командовал на фронте Сибирским казачьим корпусом. Приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 9 августа 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты, 12 сентября — награжден орденом Св. Георгия IV степени. В ноябре — декабре 1919 г. являлся помощником главнокомандующего Восточным фронтом. В 1920–1922 гг. занимал штабные должности в войсках Г. М. Семенова, входил в правительство братьев Н. Д. и С. Д. Меркуловых.

Затем находился в эмиграции в Корее и Китае, являлся одним из организаторов Восточного союза казаков и членом совета войсковых атаманов. Был завербован в качестве советского агента и после своего разоблачения в 1925 г. вернулся в СССР.

[15] Аргунов Андрей Александрович (1866–1939) — родился в Иркутске, из семьи чиновника. Окончил Томскую гимназию, обучался на юридическом факультете Московского университета. Профессиональный революционер; в революционном движении участвовал с конца 1880-х годов.

Один из основателей, идеологов и руководителей первых эсеровских организаций. Член ЦК партии социалистов-революционеров с 1905 г., отвечавший преимущественно за военные и организационные вопросы. В годы Мировой войны занимал оборонческую позицию. Неоднократно арестовывался царскими властями, сидел в Бутырской тюрьме, дважды приговаривался к ссылке в Сибирь, высылался за границу.

В апреле 1917 г. вернулся в Россию. В партии эсеров находился на крайне правом фланге. Октябрьский переворот встретил враждебно. Был избран членом Всероссийского Учредительного собрания. В конце 1917 — начале 1918 г. дважды подвергался арестам советскими властями и содержался в Петропавловской крепости. С апреля 1918 г. являлся членом «Союза возрождения России». Участник Уфимского государственного совещания, на котором был избран заместителем председателя Директории Н. Д. Авксентьева. Во время государственного переворота в Омске ночь на 18 ноября 1918 г. был арестован в месте с Н. Д. Авксентьевым, В. М. Зензиновым и Е. Ф. Роговским и 20 ноября принудительно выслан за границу.

Жил в Чехословакии, умер в Праге.

[16] Науман Николай Готфридович — председатель департамента, с 15 июля 1918 г. старший председатель Омской судебной палаты, председатель Омской чрезвычайной следственной комиссии; в 1919 г. являлся заместителем председателя Омской городской думы.

[17] П. П. Иванов-Ринов дал Омской чрезвычайной следственной комиссии такие показания:

«Получилось известие, что полковник Волков арестовал Якушева, Крутовского и Шатилова; это встревожило нас, это могло вызвать взрыв в [Уфимском государственном] совещании, угрозу казачеству, и мы поспешили довести переговоры до конца, согласившись на Зензинове [в качестве члена Уфимской Директории]. Вечером на заседании это было решено, а утром Директория вызвала меня и спрашивала о событиях в городе Омске. Я имел переговоры с Матковским по [прямому] проводу, а затем получил от полковника [П. А.] Бобрика сведения, что

убит Новоселов. Я запросил Матковского и сделал распоряжение арестовать Волкова и отстранить [его] от должности. Затем получилось известие, что чехословаки арестовали Грацианова и пытались арестовать [И. А.] Михайлова. Директория командировала в Омск Аргунова с особыми полномочиями, выехал и я в Омск.

Павлу* в разговоре со мной возмущался, что кучка офицеров произвела аресты министров и председателя [Сибирской областной] думы, и на мое замечание, что кучка чехов сделала даже больше, заявил: „Это [был] ордер [Сибирской] областной думы, а дума — единственный правомочный орган судить министров, отрешать их [от должности]".

В Омске я узнал подробности событий, и у меня сделалось убеждение, что было соглашение между [Сибирской] областной думой и членами Учредительного собрания заменить Сибирское правительство другим, социалистическим [правительством], которое аннулировало бы нашу работу в Уфе. Косвенным доказательством этому было то, что дня за три до событий в согласительной комиссии в Уфе представитель Алаш-Орды Букейханов** говорил, что в Омске [Временного] Сибирского правительства уже нет.

В Омске вмешательство чехословаков вызвало раздражение. Сильный протест был со стороны казачества, особенно 1-го Ермаковского полка. Ореол спасительства сменился опасениями. Я имел беседу с сэром Элиотом, заявил ему об опасе-

---

* Павлу Богдан (1883–1938) — в 1917–1918 гг. являлся членом филиала Чехословацкого национального совета, редактором газеты «Чехословацкий дневник», председателем Временного исполнительного комитета чехословацких войск. С 17 января по 12 ноября 1919 г.— уполномоченный правительства (временный поверенный в делах) Чехословацкой республики в России.

** Букейханов Алихан Нурмухамедович (1866/70–1937) — родился в 7-м ауле Токраунской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области в семье чингизидов. Окончил Омское техническое училище, затем экономический факультет Петербургского лесотехнического института. Член конституционно-демократической партии с 1905 г. и член ее ЦК с 1906 г.

Преподаватель, журналист и этнограф. В январе 1906 г. арестован как руководитель киргизского политического движения, но через три месяца освобожден. Член I Государственной думы. В 1908 г. вновь арестован и до 1917 г. находился в ссылке в Самаре. 19 марта 1917 г. назначен Временным правительством комиссаром Тургайской области. На состоявшемся 21–26 июля 1917 г. в Оренбурге первом общеказахском съезде, который принял решение о создании самостоятельной политической партии Алаш, Букейханов заявил о выходе из партии кадетов. Был выдвинут депутатом во Всероссийское Учредительное собрание от Семипалатинской области. Являлся председателем Тургайского обкома Алаш.

Октябрьский переворот не принял. После того как 14 ноября 1917 г. Оренбург был занят отрядами атамана А. И. Дутова, Букейханов сделал город центром сбора сил своих сторонников. Организатор второго общеказахского съезда в Оренбурге (5–13 декабря) и товарищ председателя его президиума. Был избран председателем Всеказахского народного совета Алаш-Орды. Возглавлял делегацию Алаш-Орды на Уфимском государственном совещании. Вошел в состав аппарата главного уполномоченного по управлению территорией Алаш, созданного Российским правительством. После поражения колчаковских войск Колчака перешел на сторону Советской власти: находился на советской и хозяйственной работе, переводил произведения русской классической литературы. В 1920–1930-е годы трижды подвергался арестам. 27 сентября 1937 г. военной коллегией Верховного суда СССР осужден по обвинению в принадлежности к террористической организации и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.

ниях, если чехи будут вмешиваться, просил гарантировать от вмешательства и встретил его сочувствие.

Волков был арестован мною в качестве меры пресечения, но получилось, что Волков был арестован, а Зайчек — на свободе. Тогда я обратился к Аргунову с просьбой скорее разрешить вопрос о Волкове, что дальнейшую [ответственность за] содержание его под арестом не беру, но ответа не получил. Тогда я написал Аргунову бумагу о том, что если до 10 часов вечера мера пресечения против Волкова не будет утверждена или отменена, то я освобожу Волкова, и, не получив ответа, [его] освободил.

Было ли в то время передвижение чехословацких войск, не знаю. Опасность столкновения была: Ермаковский полк готов был выступить, могло быть стихийное вооруженное столкновение.

Волков докладывал мне, что Крутовский, Шатилов и Якушев должны были уничтожить Административный совет, арестовать его членов и взять власть в свои руки, что это должно было быть в ближайшем будущем. Он, чтоб[ы] предупредить, и арестовал их. У меня получилось впечатление, что Волков был убежден в этом, что он действовал по долгу совести.

Я имел объяснения с Зайчеком. Он говорил, что произвел арест Грацианова по распоряжениею от Сырового, на основании распоряжения правительства, и считал себя обязанным [его] исполнить. Правительством называлась, по-видимому, [Сибирская] областная дума. Где находится лента этого распоряжения по телеграфу, мне неизвестно.

Мною приняты меры к розыску Семенченко и Мефодьева, сделаны распоряжения по воинским частям.

В Уфе у меня возникло подозрение, не участвовал ли Волков в убийстве Новоселова, почему я и сделал распоряжение об его аресте. После же разговора с Волковым и ознакомления с подробностями это подозрение отпало. Новоселов убит, по-видимому, по собственному почину которого-либо из сопровождавших его офицеров, решившего уничтожить его как вредного в казачьем кругу. Новоселов действительно внес разлад в казачество.

Про обстоятельства получения от министров прошений об отставке я Волкова не расспрашивал».

См.: ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4. Л. 97–102.

[18] Речь идет о переговорах по прямому проводу между президиумом Сибирской областной думы и Иркутским губернским комиссаром П. Д. Яковлевым, занимавшим проэсеровские позиции. П. Д. Яковлев просил уничтожить телеграфную ленту с переданной им информацией о положении на Дальнем Востоке. По распоряжению президиума Сибирской областной думы эта телеграфная лента была изъята.

Здесь и далее государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг задавал вопросы Н. Я. Новомбергскому, опираясь на статью «О конфликте Сибирской областной думы с Временным Сибирским правительством», которая 26 октября 1918 г. была опубликована в «Правительственном вестнике» за подписями почетного председателя фракции областников и беспартийных Сибирской областной думы Г. Н. Потанина, председателя фракции А. В. Адрианова, товарища председателя фракции Н. Я. Новомбергского и члена Сибирской областной думы В. М. Попова.

[19] Ошибка; правильно — помешает.

[20] В статье, на которую ссылался государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, по этому поводу говорилось следующее: «Невольно вспоминается, что накануне

захвата власти большевиками Австро-Венгрия предлагала России сепаратный мир. Партия большевиков помешала этому, обратившись к углублению революции и к дальнейшему разрушению России. Теперь на пути возрождения России и утверждения автономии Сибири стала другая партия — [эсеры]».

[21] Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) — родился в станице Ямышевская Акмолинской области; из семьи казачьего офицера. Окончил Омский Сибирский кадетский корпус (1852 г.).

Служил в 8-м казачьем полку и в войсковом казачьем правлении. С 1859 г.— вольнослушатель естественно-исторического отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В октябре 1861 г. арестован за участие в студенческих волнениях и выслан в Сибирь. Работал в Омске и Томске, занимаясь научными исследованиями и развитием областнических идей. В 1865 г. снова арестован по делу о «сибирских сепаратистах» и в 1868 г. приговорен к пяти годам каторги с последующей пожизненной ссылкой в отдаленные местности. В 1874 г. освобожден от ссылки с правом проживать в любом городе России.

В 1876–1899 гг. совершил ряд самостоятельных научных экспедиций комплексного характера по Сибири, Монголии, Китаю и Тибету, по итогам которых опубликовал многочисленные научные и публицистические статьи. Был инициатором учреждения ряда ученых обществ, музеев, газет и т. п., активно продолжал развивать и пропагандировать идеи сибирского областничества. К Октябрьскому перевороту отнесся резко отрицательно. В декабре 1917 г. на чрезвычайном общесибирском областническом съезде был избран председателем Временного сибирского областного совета, замышлявшегося в качестве первого правительства областников в Сибири. Но в январе 1918 г., будучи неудовлетворен «тяготением членов совета в сторону большевизма», сложил с себя полномочия. До последних дней жизни активно призывал к борьбе с большевизмом.

Почетный гражданин Омска (1915 г.) и почетный гражданин Сибири (1918 г.). Скончался 30 июня 1920 г. в клинике Томского университета.

[22] Адрианов Александр Васильевич (1854–1920) — родился в слободе Белозерская Курганского уезда Тобольской губернии; из семьи священника. Окончил Тобольскую гимназию, учился в Медико-хирургической академии, окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (1879 г.).

После окончания университета жил в Сибири: в Томске, Минусинске, Красноярске, Иркутске, Семипалатинске. Работу в качестве чиновника успешно совмещал с научной деятельностью. С 1879 г. являлся членом Императорского Русского географического общества. В качестве археолога и этнографа занимался изучением Западной Монголии, Алтая, Саян, Нарыма, Минусинской котловины и Урянхайского края (Тывы). Собранные им коллекции и фотографии хранятся в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Минусинска, а также за рубежом.

Много занимался общественной и просветительской работой. Активно пропагандировал областнические идеи. В разные годы был сотрудником, редактором и издателем «Сибирской газеты» и газет «Сибирская жизнь» (Томск), «Минусинский край». Состоял секретарем Томского отдела Общества изучения Сибири и Общества любителей художеств, правителем дел Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Был награжден орденами Св. Станислава III степени и Св. Анны III степени, серебряной и малой золотой медалями Императорского Русского географического общества.

После установления в декабре 1919 г. советской власти в Томске был арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и по приговору Томской уездной чрезвычайной комиссии от 29 февраля 1920 г. расстрелян 6 марта того же года. 11 декабря 1991 г. реабилитирован.

[23] Неточно; правильно — а не было ли так.

[24] По поводу убийства А. Е. Новоселова авторы статьи писали: «Мы, нижеподписавшиеся, считаем указанные события неизбежным завершением той упорной борьбы за власть, которую вела и ведет партия социалистов-революционеров с самого начала Великой февральской революции».

[25] Так в тексте.

[26] Шендриков Степан Никифорович (1885 — после 1936) — из казачьей семьи. Окончил естественное отделение Санкт-Петербургского университета (1909 г.) и медицинский факультет Московского университета (1913 г.). Врач и общественный деятель. Во время Мировой войны находился в Туркестане. Депутат Всероссийского Учредительного собрания от казачества и инородческого населения Семиреченской области, член Сибирской областной думы. Участник Уфимского государственного совещания. С 1920 г. эмигрант, до 1936 г. жил в Шанхае.

[27] Петров Николай Иннокентьевич (1884–1921) — родился в г. Кузнецк Томской губернии. Окончил Барнаульское реальное училище (1903 г.), экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института (1908 г.). По своим убеждениям был сначала социалистом, а потом — областником.

Служил в Томском районном переселенческом управлении. С 1909 г. преподавал политэкономию, экономическую географию и статистику в коммерческих училищах Харбина, с 1915 г.— в Омском сельскохозяйственном училище. С февраля 1916 г. заведовал статистическим отделением Акмолинского переселенческого района, доцент Омского политехнического института. С 14 июня 1918 г.— заведующий отделом земледелия и колонизации Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля 1918 г.— управляющий министерством земледелия Временного Сибирского, с 4 ноября — Временного Всероссийского правительства, с 18 ноября — министр земледелия Российского правительства. С февраля 1919 г. одновременно возглавлял комитет экономической политики Совета министров Российского правительства. Осенью 1919 г. подал председателю Совета министров докладную записку об общем политическом положении с критикой слабости власти. Она заканчивалась словами: «Если не можем быть властью, надо уйти».

В начале 1920 г. при содействии американцев переехал в Харбин, где работал сотрудником журнала «Русское обозрение». 4 марта 1921 г. скончался от чахотки.

[28] «Сибирская жизнь» — одна из старейших газет Сибири. Издавалась в Томске с 1881 г. крупным купцом-меценатом и культуртрегером П. И. Макушиным. Первоначально имела либерально-демократическую направленность. С ноября 1905 г. фактически стала органом Томской организации партии народной свободы; одновременно проповедовала идеи сибирского областничества. В 1918–1919 гг. являлась изданием сибирских областников, а ее редактором был А. В. Адрианов.

[29] 7 сентября 1919 г. в газете «Сибирская жизнь» в рубрике «Томская жизнь» было опубликовано сообщение под названием «Профессор Н. Я. Новомбергский — доброволец». В нем говорилось:

«Учитывая тяжкий момент, наступивший для родины, и случаи многочисленных уклонений всякого рода тыловых „граждан“ от непосредственного участия в защите такой ценности, проф. Н. Я. Новомбергский, как мы уже сообщали, 13 августа послал атаману сибирского казачьего войска генералу Иванову-Ринову

прошение о зачислении его добровольцем в казачьи части. 19 августа Н. Я. Новомбергский получил телеграфное уведомление о согласии и предложение штаба явиться в Омск. Защита докторской диссертации и ликвидация своих дел по университету оттянули выезд Н. Я. [Новомбергского] в Омск до 8–9 октября, когда он уезжает. Вот хороший пример для всех, кто и во времена самодержавия и в последующее время старательно окапывался в тылу под всякими предлогами и оговорками, полагая, что кто-то другие должны заниматься спасением отечества, а не они. Не проснется ли, наконец, совесть у этих граждан своего отечества».

[30] Правильно — Совет всесибирских кооперативных съездов. Совет являлся представительным и исполнительным органом всесибирских съездов кредитной, маслодельной и торгово-снабженческой кооперации. Создан в конце сентября — начале октября 1918 г., находился в Омске. Основная форма работы — проведение сессионных заседаний. Совет имел свои печатные органы, издававшиеся в Омске: ежедневную общественно-политическую и литературную газету «Заря» и двухнедельный журнал «Вестник Совета всесибирских кооперативных съездов».

[31] Ошибка; правильно — издевательством.

[32] Аносов Иосиф Исаевич (1880–1934) — окончил юридический факультет Московского университета. Был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Приват-доцент Московского университета, присяжный поверенный. С октября 1916 г.— исполняющий должность экстраординарного профессора Томского университета по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства. В период революции и гражданской войны был противником советской власти. Опубликовал в периодической печати, главным образом в томской «Сибирской жизни», много статей с критикой большевистского режима в России. После поражения колчаковцев покинул Сибирь и жил в Ташкенте.

[33] Свои политические статьи против «Сибирской жизни» Н. Я. Новомбергский печатал в газете «Утро Сибири». Н. Я. Новомбергский характеризовал ее как социал-демократическую по идейной направленности. На самом деле это была общедоступная газета, не связанная с социал-демократическим организациями, а рассчитанная на широкие слои городского населения и пользовавшаяся большой популярностью среди томичей. Правда, редактировал ее В. Е. Воложанин, в молодости бывший социал-демократом и даже принимавший активное участие в организации Сибирского социал-демократического союза.

[34] Ошибочно; правильно — Якобий.

Якобий Аркадий Иванович — родился в Казани, из дворян. Старший брат профессора живописи В. И. Якобия (1836–1902) и доктора медицины, известного российского психиатра П. И. Якобия (1842–1913).

После окончания Казанского университета работал по ведомству министерства юстиции в Тамбове и Орле. Затем окончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины и работал в Казанском и Харьковском университетах. Один из основоположников социальной гигиены как науки. Почетный профессор Казанского университета. Занимался миссионерской деятельностью на севере Сибири. Автор монографии «Угасание инородческих племен Тобольского Севера» (СПб., 1900). Умер в Казани.

[35] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду лекцию, прочитанную Н. Я. Новомбергским в Томске 28 июня 1918 г. Несмотря на значительные текстуальные расхождения между газетной информацией о содержании лекции и ее отражением в стенограмме, суть лекции Н. Я. Новомбергского передана верно.

[36] Так в тексте; правильно — о дружинах Святого креста.

[37] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг приводит сведения, содержавшиеся в письме Н. Я. Новомбергского из Омска от 19 февраля 1920 г., адресованном М. И. Юрьевой, в котором говорилось: «По-видимому, продолжается жестокое недоразумение. Отнимается возможность работать над возрождением России у тех, кто желает работать». (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 33. Л. 135–138.)

[38] Показания Г. Я. Чепанова Омской чрезвычайной следственной комиссии:

«Чепанов Герасим Яковлев, 40 л[ет], кр[естьяни]н Пензенской губ.

23 сентября н[астоящего] г[ода] я принимал дрова от заведующего пасекой, затем подошел и сел около дровосеков, работавших в роще. Было начало двенадцатого часа. Находились мы саженях в 40 от дороги, ведущей из города на пасеку. Вскоре я заметил, что от города по дороге шло два человека. Сзади саженях в 2–3 шел человек в казачьей форме, по-видимому догонявший их, шедший крупными шагами. Первые двое шли спокойно, молча, оба смотря в землю. Один из этих был в шинели с двумя рядами пуговиц, в фуражке защитного цвета. Второй, шедший с правого бока, был в штатском. Я принял их сначала за милиционеров и было направился к ним, как вдруг увидел, что один из шедших впереди двух, тот, который был в шинели, вдруг остановился, сделал как бы шаг назад и выстрелил в продолжавшего идти второго. Этот так и сел, сразу опустился на землю. Стрелявший пошевелил его на груди, затем взял за руку и потащил в находившийся около дороги, саженях в двух, лог. Второй, в казачьей форме, во время выстрела был саженях в двух от них. Он подошел к упавшему и был около, когда тот, что был в шинели, тащил упавшего. Он скинул его в лог. Туда же соскочил и он, и второй, в казачьей форме. После того в логу раздалось еще два выстрела.

Стрелявший шел, руки [держа] в карман[ах], и вытащил револьвер из правого кармана. Револьвер был черный, военный, кажется браунинг. Убитый бежать перед выстрелом не пытался. Он шел спокойно и после того, как стрелявший остановился. Я закричал им вслед за выстрелом: „Что вы делаете, а еще офицеры",— и выбранился, но они не обратили на меня никакого внимания. Я думаю, что они и до выстрела, и когда после выстрела я кричал, не заметили меня. Наверное, [не видели и] дровосеков, так как в нашу сторону не смотрели...

Лог идет вдоль дороги, и в том месте, где был произведен выстрел, он ближе всего подходит к дороге. Лог глубиной сажени в две. Я был безоружен, боялся кинуться туда и побежал к городу, пригласил с поста милиционера. Затем явилось еще два милиционера, подошли рабочие, и мы подошли к логу. В логу лежал убитый. Шедших с ним не было, они, очевидно, убежали логом. Ни перед убийством, ни после того сюда в это время никто не приезжал на извозчике. Вообще же пешеходов тут проходит много. От города до места, где это произошло, версты две; до пасеки остается еще с версту. Убегая к городу, я оглядывался, смотрел, куда выйдут стрелявший и его спутник, но не видел, чтоб[ы] они поднялись из лога.

Прочитано. *Г. Я. Чепанов.*

Председатель комиссии *П. Гудков*».

См.: ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–26.

[39] Приводим полностью документ, оглашенный на заседании чрезвычайного революционного трибунала:

Разговор по прямому проводу подполковника Н. Г. Сабельникова, прикомандированного к оперативному отделению Штарма, с управляющим делами Совета министров Г. К. Гинсом

21 сентября 1918 г., 18 час.

Владивосток. Что угодно? Я — Гинс.

Омск. Оперативного отделения подполковник Сабельников. Здравия желаю. Докладываю, что министр финансов Михайлов очень занят, находясь сейчас на важном совещании, и просил Вас подойти к аппарату ровно через три часа от сей минуты. Что ему доложить?

Владивосток. Доложите следующее. Выяснилась еще определеннее необходимость назначений, которые мы просили сегодня. Председатель вел важные дипломатические переговоры. Выясняется точка зрения [о] необходимости восстановить Восточный фронт [против немцев] исключительно в интересах славян, преимущественно продолжающих борьбу чехов, сербов, иначе борьба может ликвидироваться на Западном фронте [без них]. Остальное министр поймет. Наше желание получить немедленно утвердительный ответ, иначе можем считать начатое дело проигранным. Через три часа прийти не могу. Прошу ответ сообщить служебной запиской. Все это передайте немедленно. До свидания.

Омск. Сейчас же доложу по телефону и ответ сообщу Вам. Можете ли Вы обождать?

Владивосток. Хорошо. Жду.

Перерыв. По телефону доложено министру финансов Михайлову, что управляющий делами г. Гинс не может подойти к аппарату через три часа.

Омск. Я доложил разговор министру финансов Михайлову. Ответ последует телеграфом. Просит сообщить, получена ли Вами отправленная сегодня днем шифрованная телеграмма.

Далее провод во Владивостоке был занят японцами, и разговор прекратился. Последняя фраза [была] передана служебной запиской.

П. п. Военный летчик подполковник *Сабельников.*

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 15. Д. 1020. Л. 60; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1061. Л. 116–117.

[40] Ошибка; правильно — Гудков.

[41] Текст, заключенный в квадратные скобки, воспроизведен по стенограмме, хранящейся в РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1061. Л. 120

[42] Представление управляющего делами о назначении пенсии вдове и детям убитого А. Е. Новоселова обсуждалось на заседании Совета министров Российского правительства 18 февраля 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 33.)

[43] Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916) — из дворян, землевладелец. Окончил Императорское училище правоведения.

В 1873–1883 гг. служил в министерстве юстиции, с 1883 г.— в Государственном совете: старший чиновник департамента кодификации (1886 г.), помощник статс-секретаря (1893 г.), товарищ государственного секретаря (1904 г.), член Государственного совета. С 12 сентября 1907 до 25 января 1916 г.— государственный контролер России. Известный ученый-правовед.

В 1906 г. получил звание сенатора, с 1913 г.— действительный тайный советник.

[44] Журнал № 53 заседания Совета министров Российского правительства, на котором рассматривалось представление государственного контролера Г. А. Краснова об установлении пенсии вдове бывшего государственного контро-

лера Харитонова Елене Константиновне Харитоновой в размере 8 тыс. рублей в год с 1 ноября 1918 г., см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

[45] Чехословацкий национальный совет (филиал в России) — создан в апреле 1917 г. в Киеве на съезде представителей находившихся в России чехословацких воинских частей и организаций. Являлся высшим органом «чехословацкой национальной политической борьбы». Осуществлял политическое руководство Чехословацким корпусом, в том числе его антисоветским вооруженным выступлением весной — летом 1918 г.

[46] Глосс Вилем Иван — представитель филиала Чехословацкого национального совета при Сибирской областной думе в Томске.

[47] Видимо, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду автобиографию Л. И. Шумиловского, хранящуюся в делах Совета министров. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 116.)

[48] После назначения министром труда Временного Сибирского правительства, 11 июля 1918 г., Л. И. Шумиловский написал в Омске и подал в Барнаульский комитет РСДРП заявление о выходе из партии. Свое решение он мотивировал так:

«Наша партия не выявила еще и не могла выявить своего окончательного отношения к происшедшему перевороту. В разных местах вопрос решается иначе, а иногда и в одном месте наблюдается много течений. Это обстоятельство делает мою работу в составе Врем[енного] Сиб[ирского] правительства в качестве партийного представителя невозможной. Уйти же от работы при таких тяжелых для Врем[енного Сибирского] прав[ительства] обстоятельствах я не могу. В виду этого, не желая делать партию ответственной за свои действия в качестве члена правительства, а с другой стороны, не находя возможным связывать себя иногда случайными и противоречивыми решениями различных наших организаций, я заявляю комитету о своем выходе из партии.

Ни к какой другой партии я не примыкаю и не примкну, а роль моя в составе Врем[енного] Сиб[ирского] прав[ительства] как была, так и остается чисто деловая».

См.: Алтайский луч (Барнаул). 1918. 1 августа.

[49] Непонятно, о какой телеграмме Л. И. Шумиловского ведет речь государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг.

[50] 27 мая 1919 г. на закрытом заседании Совета министров было заслушано сообщение Л. И. Шумиловского о репрессиях в отношении населения со стороны местных представителей власти, в частности о действиях военных, выразившихся в расстреле бывшего комиссара труда в Петропавловске и аресте инспектора труда в Барнауле. По докладу Л. И. Шумиловского Совет министров принял постановление, обязывавшее министерство внутренних дел «произвести расследование о действиях местных властей, о расстреле быв[шего] комиссара министерства труда в Петропавловске и аресте инспектора труда в Барнауле». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 83.)

[51] Шкляев Василий Иванович — до Февральской революции служил прокурором Сарапульского окружного суда, с 25 апреля 1919 г.— чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел Российского правительства. Его доклад, о котором спрашивал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 33. Сведения о расстреле комиссара труда в Петропавловске см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 32.

[52] Ошибка; правильно — ответ.

[53] Последнее прошение об отставке Л. И. Шумиловский подал на имя председателя Совета министров П. В. Вологодского 21 октября 1919 г. Конкрет-

ным поводом для его написания послужило сделанное за день до того предложение представителя комиссии по реквизиции помещений для военных надобностей освободить занимаемую министерством труда часть здания судебных установлений.

Но главными были все же причины более глубокого свойства. «Через полтора года, прошедшие со дня утверждения Сибирского Временного правительства,— писал Л. И. Шумиловский,— я должен констатировать полное крушение моих прежних надежд.

Потому ли, что государственная мысль у нас замерла под влиянием смелых, но мощных общественных страстей, потому ли, что само министерство под моим руководством не сумело практически показать свою историческую надобность, но только министерство труда оказалось в положении инородного тела, с которым не может сжиться общественный организм, взятый в его целом... Взятое мною направление идет вразрез с настроениями руководящих сил общества или свидетельствует о том, что я не сумел путем практической работы придать руководимому мной ведомству должного авторитета. В том и в другом случае я не считаю возможным далее оставаться в составе правительства, и потому прошу Совет министров освободить меня от исполнения обязанностей министра труда». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1636. Л. 2–3.)

24 октября 1919 г. Совет министров рассмотрел прошение Л. И. Шумиловского и отклонил его, приняв постановление обсудить «вопрос о дальнейшем направлении деятельности министерства труда в специальном заседании Совета министров». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 212.)

[54] В ходе развернувшейся 20 сентября 1918 г. борьбы между руководством Сибирской областной думы и эсеров, с одной стороны, военными кругами, правыми и центристскими элементами — с другой, томский губернский комиссар А. Н. Гаттенбергер, выполняя указание Административного совета, отдал распоряжение произвести аресты думского и эсеровского руководства. 24 сентября томская милиция опечатала канцелярию думы, а военные взяли под охрану помещение Сибирского краевого комитета эсеров, парализовав тем самым его работу, арестовали пять членов президиума Сибирской областной думы и созданного ею исполнительного комитета. Арестованные были освобождены и охрана снята только после того, как 28 сентября 1918 г. Омск отдал соответствующее распоряжение томским властям. (Подробнее см.: *Ларьков Н. С.* Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный бой» 1918 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 58–61.)

[55] Виноградов Владимир Александрович (1874–?) — окончил Московский университет, экономист. Являлся членом конституционно-демократической партии, с февраля 1916 г.— член ее ЦК.

Служил в Астраханском окружном суде, был присяжным поверенным, редактором-издателем газеты «Астраханский дневник». Депутат III и IV Государственной думы. Товарищ министра путей сообщения в первом составе коалиционного Временного правительства. На Уфимском государственном совещании был избран заместителем члена Уфимской Директории Н. И. Астрова. С 4 по 17 ноября 1918 г.— член Уфимской Директории, заместитель председателя Совета министров Временного Всероссийского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 14 июня 1919 г. был назначен членом Государственного экономического совещания.

[56] Бутов Тарас Васильевич — родной брат Г. В. Бутова (?–1928), являвшегося в годы гражданской войны начальником канцелярии председателя Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкого. Кандидат экономических наук, областник. С 28 июня 1918 г. являлся секретарем Временного Сибирского правительства, с 1 июля — помощником управляющего делами Совета министров Временного Сибирского правительства. С 3 января 1919 г. исполнял обязанности управляющего делами Верховного правителя и Совета министров. По характеристике барона А. П. Будберга, человек «очень юркий и пронырливый». В начале 1920-х годов эмигрировал в Китай, где работал на КВЖД, затем переехал в США.

[57] Правильно — Сыровы.

Сыровы Ян (1888–1971) — с весны 1918 г. командир 2-го полка Чехословацкого корпуса. Во время антисоветского мятежа корпуса командовал группой войск в районе южного Урала. С конца августа 1918 г. произведен в генерал-майоры, назначен командиром Чехословацкого корпуса.

[58] Щукин Николай Николаевич (?–1919) — горный инженер, кандидат естественных наук, с середины июля 1918 г.— правительственный комиссар, затем — главноуправляющий Черемховскими каменноугольными копями. С 30 сентября 1918 г.— временно исполняющий обязанности помощника, с 10 октября — помощник управляющего министерством торговли и промышленности Временного Сибирского правительства, с 3 ноября — товарищ министра торговли и промышленности Временного Всероссийского правительства с возложением на него временного управления министерством, с 18 ноября — управляющий министерством торговли и промышленности Российского правительства. 6 мая 1919 г. освобожден от управления министерством с оставлением в должности товарища министра. 27 мая 1919 г. уволен с должности согласно личному прошению.

Глава четвертая. Заседание третье

[1] Со стороны Временного Сибирского правительства главными участниками переговоров с Уфимской Директорией по вопросу об организации и персональном составе Временного Всероссийского правительства были П. В. Вологодский, И. А. Михайлов, И. И. Серебренников и Г. К. Гинс. (См.: ГАНО. Ф. д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 74–77, 79–84.)

[2] Ошибка; первое заседание Временного Всероссийского правительства состоялось 23 сентября 1918 г.

[3] Роговский Евгений Францевич (1888–1950) — родился в Саратове, член партии социалистов-революционеров. В 1917 г. находился в ссылке в Иркутске, где после Февральской революции стал организатором народной милиции. Затем служил петроградским градоначальником, был избран во Всероссийское Учредительное собрание от Алтайской губернии. Председатель Совета управляющих ведомствами и управляющий ведомством государственной охраны Самарского Комуча, товарищ председателя Уфимского государственного совещания. С 4 ноября 1918 г.— товарищ министра внутренних дел Временного Всероссийского правительства с исполнением обязанностей начальника департамента милиции. В ночь на 18 ноября 1918 г. был арестован вместе с Н. Д. Авксентьевым и В. М. Зензиновым в Омске и выслан за границу. Умер во Франции.

[4] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имеет в виду сообщения Верховного правителя А. В. Колчака и министра юстиции С. С. Старынкевича,

сделанные ими на заседании Совета министров 19 ноября 1918 г. Подробнее см. комментарий 6 к настоящей главе.

[5] Здесь и далее государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг сознательно фальсифицирует последовательность двух ключевых событий: избрание А. В. Колчака Верховным правителем и визит к нему и С. С. Старынкевичу В. И. Волкова, И. Н. Красильникова и А. В. Катанаева. Подробнее см. следующий комментарий.

[6] Заседания Совета министров, состоявшиеся 18 и 19 ноября 1918 г., являлись важнейшей легитимной составляющей государственного переворота, в результате которого А. В. Колчак пришел к власти.

1. ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ ВРЕМЕННОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

[г. Омск] *18 ноября 1918 г.*

Председательствует: член Временного Всероссийского правительства, председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствуют: член Временного Всероссийского правительства В. А. Виноградов; министры: военный и морской — вице-адмирал А. В. Колчак, финансов — И. А. Михайлов, путей сообщения — Л. А. Устругов, земледелия — Н. И. Петров, юстиции — С. С. Старынкевич, продовольствия — Н. С. Зефиров, снабжения — И. И. Серебренников, государственный контролер Г. А. Краснов; управляющие министерствами: внутренних дел — А. Н. Гаттенбергер, труда — Л. И. Шумиловский, торговли и промышленности — Н. Н. Щукин, иностранных дел — Ю. В. Ключников; товарищи министров: внутренних дел — А. А. Грацианов и Н. Я. Новомбергский, народного просвещения — Г. К. Гинс, снабжения — И. А. Молодых, помощники военного министра г[енерал]-м[айор] [В. И.] Сурин и г[енерал]-м[айор] [Б. И.] Хорошхин, управляющий делами Совета министров Г. Г. Тельберг и помощники управляющего делами Совета министров Т. В. Бутов и Н. К. Федосеев.

По приглашению председателя Совета министров присутствовали, сверх того, в заседании начальник штаба Верховного главнокомандующего г[енерал]-л[ейтенант С. Н.] Розанов и врем[енно] ком[андующий] Сибирской армией г[енерал]-м[айор А. Ф.] Матковский.

Слушали: 1. Доклад председателя Совета министров о событиях, имевших место в гор. Омске в ночь на 18 ноября 1918 г., выразившихся в лишении неизвестными лицами свободы членов Временного Всероссийского правительства Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, заместителя члена Временного Всероссийского правительства А. А. Аргунова и товарища министра внутренних дел Е. Ф. Роговского.

Постановили: [1.] Поручить министру юстиции безотлагательно назначить под личным его наблюдением следствие о событиях, имевших место в г. Омске в ночь на 18 ноября с. г. и выразившихся в лишении неизвестными лицами свободы членов Временного Всероссийского правительства Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, заместителя члена Временного Всероссийского правительства А. А. Аргунова и товарища министра внутренних дел Е. Ф. Роговского.

[*Слушали:*] 2. Вопрос о дальнейшем функционировании верховной власти в связи с происшедшими событиями, в силу которых: 1) из состава Временного Всероссийского правительства оказывается налицо только два члена; 2) при этом эти оставшиеся члены входили в состав Совета министров в качестве председателя Совета министров и заместителя председателя Совета министров и участвуют в настоящем заседании, вследствие чего верховная власть, за невозможностью функционирования Временного Всероссийского правительства, естественно

переходит к Совету министров, который, будучи ответственным за судьбы государства, ни на один момент не должен допускать перерыва в функционировании верховной власти.

[*Постановили*: 2.] Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского правительства, и имея в виду: 1) что Временное Всероссийское правительство с самого начала своего возникновения, не имея единства воли и действия, не пользовалось в глазах населения и армии должным авторитетом, 2) что после происшедшего оно еще в меньшей мере способно поддержать порядок и спокойствие в государстве и 3) что восстановление его могло бы вызвать смуту, борьбу партий, протесты армии и таким образом гибельно отразилось бы на деле возрождения русской государственности, а) считать Временное Всероссийское правительство прекратившим свою деятельность и б) принять Совету министров на себя всю полноту верховной государственной власти.

[*Слушали*:] 3. Заявление членов Временного Всероссийского правительства П. В. Вологодского и В. А. Виноградова о том, что они к решению Совета министров в конечном его результате в отношении принятия им на себя полноты власти вполне присоединяются, считая это решение политически целесообразным выходом из создавшегося положения.

[*Постановили*: 3.] Принять к сведению.

[*Слушали*:] 4. Вопросы: а) о тяжком и тревожном положении государства в связи с нерешительной политикой бывшего Временного Всероссийского правительства и утратой им доверия широких общественных и военных кругов и б) о формах новой организации власти для выхода из этого тяжкого положения.

[*Постановили*: 4.] Принимая во внимание: 1) что основная задача, стоящая сейчас перед правительством,— борьба с германо-большевистским натиском, от исхода которой зависит судьба России,— требует полного сосредоточения власти военной и гражданской в руках одного лица с авторитетным именем в военных и общественных кругах; 2) что только такое сосредоточение власти дает возможность планомерно и успешно производить столь трудную в разоренной и утомленной стране работу по формированию и снабжению армии; 3) что только такое сосредоточение власти, отвечающее общественным настроениям, остановит наконец не прекратившиеся покушения справа и слева на неокрепший еще государственный строй России — покушения, глубоко потрясающие государство в его внутреннем и внешнем положении и подвергающие опасности политическую свободу и основные начала демократического строя; 4) что такое сосредоточение власти необходимо как для деятельной борьбы против разрушительной работы противогосударственных партий, так и для прекращения самоуправных действий отдельных воинских отрядов, вносящих дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны и в общественные порядок и спокойствие,— передать временно осуществление верховной власти одному лицу, опирающемуся на содействие Совета министров, присвоив таковому лицу наименование Верховного правителя.

[*Слушали*:] 5. Проект «Положения о временном устройстве государственной власти в России».

[*Постановили*: 5.] Утвердить «Положение о временном устройстве государственной власти в России» в нижеследующей редакции.

Положение о временном устройстве государственной власти в России, утвержденное Советом министров ноября 18 дня 1918 года

1) Осуществление верховной государственной власти временно принадлежит Верховному правителю.

2) Верховному правителю подчиняются все вооруженные силы Российского государства.

3) Власть управления во всем ее объеме принадлежит Верховному правителю. В делах управления подчиненного определенная степень власти вверяется, согласно закона, подлежащим местам и лицам.

Верховному правителю принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения и комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности.

4) Все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и, по одобрении их оным, поступают на утверждение Верховного правителя.

5) Все акты Верховного правителя скрепляются председателем Совета министров или главным начальником подлежащего ведомства; из сего изъемлются указы о назначении и увольнении председателя Совета министров, каковые скрепляются управляющим делами Совета министров.

6) В случае тяжкой болезни или смерти Верховного правителя, а также в случае отказа его от звания правителя или долговременного его отсутствия осуществление верховной государственной власти переходит к Совету министров.

[*Слушали:*] 6. Заявление членов Временного Всероссийского правительства П. В. Вологодского и В. А. Виноградова о выходе их в связи с происшедшими событиями из состава Временного Всероссийского правительства и о сложении ими с себя должностей: П. В. Вологодским — председателя Совета министров, В. А. Виноградовым — заместителя председателя Совета министров, на каковые должности они назначены Временным Всероссийским правительством, ныне прекратившим свое существование.

[*Постановили*: 6.] Просить П. В. Вологодского остаться в рядах Совета министров и сохранить звание председателя Совета министров, которое он преемственно несет с первых дней [Временного] Сибирского правительства, а обсуждение заявления В. А. Виноградова отложить, с его согласия, до ближайшего заседания.

[*Слушали:*] 7. Заявление П. В. Вологодского, что, принимая во внимание доводы и соображения Совета министров, он считает возможным остаться председателем Совета министров.

[*Постановили*: 7.] Принять к сведению и благодарить председателя Совета министров.

[*Слушали:*] 8. Предложение председателя Совета министров об избрании Верховного правителя, коему, согласно ст[атье] 1 «Положения о врем[енном] устр[ойстве] госуд[арственной] власти», должно быть вверено осуществление верховной власти.

[*Постановили*: 8.] На основании результатов закрытого голосования провозгласить, согласно избранию, Верховным правителем Российского государства адмирала Александра Васильевича Колчака.

(Лист закрытой баллотировки приложен к сему журналу.)

[*Слушали:*] 9. Представление председателя Совета министров о производстве военного и морского министра вице-адмирала А. В. Колчака в адмиралы.

[*Постановили*: 9.] Представление утвердить и вице-адмирала А. В. Колчака произвести в адмиралы.

[*Слушали:*] 10. Заявление адмирала А. В. Колчака, что он принимает избрание его Советом министров в Верховные правители и что он в политике своей не пойдет ни по пути партийности, ни по пути реакции, а главной задачей своей государственной работы, в тесном единении с Советом министров, поставит организацию

и снабжение армии, поддержание в стране порядка и законности и охрану демократического строя.

[*Постановили*: 10.] Принять к сведению.

[*Слушали:*] 11. Представление управляющего делами Совета министров:

а) об усвоении законной силы всем постановлениям Совета министров, не получившим еще утверждения Временного Всероссийского правительства.

б) О временном подчинении управления делами Временного Всероссийского правительства управляющему делами Совета министров.

в) О переименовании «Вестника Временного Всероссийского правительства» в «Правительственный вестник».

г) О незамедлительном предании полной гласности всех обстоятельств настоящего заседания.

[*Постановили*: 11. а)] Всем постановлениям Совета министров, не получившим еще утверждения Временного Всероссийского правительства, усвоить законную силу без такового утверждения.

[б)] Управление делами Временного Всероссийского правительства временно, до его упразднения, подчинить управляющему делами Совета министров.

[в)] Переименовать «Вестник Временного Всероссийского правительства» в «Правительственный вестник».

[г)] Составить и опубликовать правительственное сообщение с изложением всех мотивов и постановлений, принятых в настоящем заседании.

Председатель Совета министров,
член Временного Всероссийского правительства *Петр Вологодский.*
Заместитель председателя Совета министров,
член Временного Всероссийского правительства *Вл. Виноградов.*
Управляющий министерством иностранных дел *Ю. Ключников.*
Военный и морской министр [подпись отсутствует].
Помощники военного министра: генерал-майор *Хорошхин,*
генерал-майор *Сурин.*
Министр финансов *И. Михайлов.*
Министр путей сообщения *Л. Устругов.*
Министр юстиции *С. Старынкевич.*
Министр земледелия *Н. Петров.*
Министр снабжения [подпись отсутствует].
Товарищ министра снабжения [подпись отсутствует].
Министр продовольствия *Ник. Зефиров.*
Государственный контролер *Г. Краснов.*
Управляющий министерством труда *Л. Шумиловский.*
Вр. управляющий министерством торговли и промышленности *Н. Щукин.*
Управляющий министерством внутренних дел *Гаттенбергер.*
Товарищ министра внутренних дел *А. Грацианов.*
Товарищ министра народного просвещения *Г. Гинс.*
Управляющий делами Совета министров профессор *Георгий Тельберг.*
Помощник управляющего делами Совета министров *Т. Бутов.*

РГВА. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 1–4. Машинописный подлинник.

2. ЖУРНАЛ № 8 ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

[*г. Омск*] *19 ноября 1918 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: Верховный правитель А. В. Колчак; министры: финансов — И. А. Михайлов, путей сообщения — Л. А. Устругов, земледелия — Н. И. Петров, снабжения — И. И. Серебренников, продовольствия — Н. С. Зефиров, юстиции — С. С. Старынкевич; управляющие министерствами: труда — Л. И. Шумиловский, внутренних дел — А. Н. Гаттенбергер, иностранных дел (вр[еменно] упр[авляющий]) — Ю. В. Ключников, торговли и промышленности (вр[еменно] упр[авляющий]) — Н. Н. Щукин, за министра народного просвещения — товарищ министра Г. К. Гинс, помощник военного министра генерал-майор [В. И.] Сурин, государственный контролер Г. А. Краснов, управляющий делами Совета министров Г. Г. Тельберг и помощник управляющего делами Совета министров Т. В. Бутов.

Слушали: 1. Сообщение Верховного правителя адмирала А. В. Колчака о переговорах его с дипломатическими представителями Франции и Англии относительно происшедших в ночь на 18 ноября с. г. арестов членов Временного Всероссийского правительства Н. Д. Авксентьева и В. М. Зензинова, заместителя члена Временного Всероссийского правительства А. А. Аргунова и тов[арища] министра внутренних дел Е. Ф. Роговского и последовавшего на другой день, согласно принятого Советом министров и наличными членами Временного Всероссийского правительства в совместном заседании постановления, временного изменения в конструкции верховной государственной власти.

Постановили: [1.] Принять к сведению.

[*Слушали:*] 2. I. Сообщение:

Верховного правителя адмирала А. В. Колчака и министра юстиции С. С. Старынкевича о том, что накануне их посетили временно командующий Сибирской казачьей дивизией полковник Волков, командир 1-го Сибирского казачьего полка войсковой старшина Катанаев и командир партизанского отряда войсковой старшина Красильников и объяснили, что, руководимые любовью к родине, они по взаимному между собой соглашению и не имея других сообщников, замыслили прервать деятельность членов Временного Всероссийского правительства Авксентьева и Зензинова, заместителя Аргунова и товарища министра внутренних дел Роговского и с этой целью отдали соответствующие распоряжения подчиненным им воинским чинам, результатом чего явилось незаконное лишение ими свободы вышепоименованных лиц, кои увезены и помещены ими в сельскохозяйственное училище, занимаемое частью отряда атамана Красильникова.

II. Дополнительное сообщение министра юстиции С. С. Старынкевича:

а) о том, что он, усмотрев в деяниях Волкова, Катанаева и Красильникова состав преступления, предусмотренного 100 ст[атьей] Угол[овного] ул[ожения], предложил прокурору Омской судебной палаты немедленно допросить и передать их в распоряжение военных властей, сам же отправился в сельскохозяйственное училище и действительно, найдя там в особом помещении, охраняемом военным караулом, Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, А. А. Аргунова и Е. Ф. Роговского, объявил их свободными, а затем, по просьбе самих арестованных, лично доставил их в частную квартиру одного из них, где к ним, по их желанию, в целях обеспечения их безопасности и неприкосновенности была поставлена охрана из трех командированных офицеров;

б) и о том, что подвергшиеся аресту Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, А. А. Аргунов и Е. Ф. Роговский заявили ходатайство о предоставлении им возможности выезда за границу.

[*Постановили*: 2. I.] 1. Полковника Волкова и войсковых старшин Катанаева и Красильникова предать чрезвычайному военному суду по обвинению в том, что

они, посягнув на верховную власть, с целью лишить возможности осуществлять таковую, арестовали в ночь на 18 ноября в г. Омске председателя Всероссийского правительства Н. Д. Авксентьева, его заместителя А. А. Аргунова, члена того же правительства В. М. Зензинова и товарища министра внутренних дел Е. Ф. Роговского, учредив чрезвычайный военный суд в составе председателя г[енерал]-м[айора] Матковского, членов г[енерал]-м[айора] Бржезовского, полковника Генерального штаба Сторожева, полковника Сиб[ирского] казачьего войска Верникова, при запасном члене г[енерал]-м[айоре] Агаркове и при делопроизводителе поручике Сосновском.

2. Чрезвычайному военному суду приступить к рассмотрению дела 21 ноября в 10 час. утра в здании Зап[адно]-Сиб[ирского] военно-окружного суда.

3. На министра юстиции возложить обязанность передать чрезвычайному суду имеющиеся в его распоряжении материалы дознания и следствия.

4. Суду рассмотреть дело в порядке правил о прифронтовых военно-полевых судах; и

5. Приговор представить на конфирмацию Верховного правителя.

II. а) Поручить министерству иностранных дел путем предварительных сношений с представителями иностранных держав выяснить, не имеется ли со стороны иностранных государств препятствий к проживанию за границей Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, А. А. Аргунова и Е. Ф. Роговского, и б) поручить временно управляющему министерством иностранных дел Ю. В. Ключникову посредством переговоров с Авксентьевым, Зензиновым и Аргуновым выяснить вопрос о том, не находят ли они возможным для себя выехать за границу в качестве частных лиц.

[*Слушали:*] 3. Полученную от Совета управляющих ведомствами на территории Комитета членов Учредительного собрания председателем Совета министров и оглашенную им телеграмму по поводу последних политических событий в г. Омске.

[*Постановили*: 3.] Принять к сведению.

[*Слушали:*] 4. Предложение председателя Совета министров П. В. Вологодского о замещении должности министра иностранных дел.

[*Постановили*: 4.] Назначить временно управляющего министерством иностранных дел и[сполняющего] д[олжность] товарища министра ин[остранных] дел Юрия Вениаминовича Ключникова управляющим министерством иностранных дел. [...]

[*Слушали:*] 6. Представление управляющего министерством внутренних дел А. Н. Гаттенбергера об увольнении товарища министра внутренних дел Евгения Францевича Роговского от должности.

[*Постановили*: 6.] Представление утвердить.

[*Слушали:*] 7. Представление министра земледелия Н. И. Петрова об увольнении товарища министра земледелия Николая Петровича Огановского от занимаемой им должности согласно его прошения.

[*Постановили*: 7.] Представление утвердить.

[*Слушали:*] 8. Представление управления делами Совета министров об упразднении управления делами Временного Всероссийского правительства.

[*Постановили*: 8.] Представление утвердить.

[*Слушали:*] 9. Представление министра народного просвещения В. В. Сапожникова от 14 ноября с. г. за № 2622 о назначении бывш[его] товарища министра народного просвещения Павла Ивановича Преображенского товарищем министра народного просвещения.

[*Постановили*: 9.] Представление утвердить.

[*Слушали:*] 10. Представление управляющего делами Совета министров о назначении помощника управляющего делами Времен[ного] Всерос[сийского] пр[авительст]ва И. А. Антропова юрисконсультом юрисконсультской части управления делами Совета министров.

[*Постановили*: 10.] Представление утвердить.

[*Слушали:*] 11. Доклад управления делами Совета министров о необходимости выпуска для населения правительственного сообщения с изложением и разъяснением происшедших в ночь на 18 ноября и на другой день в г. Омске политических событий.

[*Постановили*: 11.] Поручить управляющему делами Совета министров Г. Г. Тельбергу и тов[арищу] министра народного просвещения Г. К. Гинсу составить правительственное сообщение о происшедших событиях, приняв к руководству указания, данные в заседании Совета министров, и представив текст его на окончательное одобрение председателя Совета министров.

[*Слушали:*] 12. Доклад управляющего министерством иностранных дел Ю. В. Ключникова о необходимости установления российского национального гимна.

[*Постановили*: 12.] В тех случаях, в коих подобает исполнение русского национального гимна, исполнять в качестве такового старинный русский гимн «Коль славен».

[*Слушали:*] 13. Сообщение председателя Совета министров о заявленном ему членом Временного Всероссийского правительства В. А. Виноградовым отказе от занятия им какого-либо поста.

[*Постановили*: 13.] Принять к сведению.

[*Слушали:*] 14. Предложение председателя Совета министров П. В. Вологодского об избрании заместителя председателя Совета министров.

[*Постановили*: 14.] Избрать заместителем председателя Совета министров министра путей сообщения Л. А. Устругова.

[*Слушали:*] 15. Представление министерства финансов об утверждении расписания окладов содержания служащим таможенных учреждений.

[*Постановили*: 15.] Представление утвердить.

[*Слушали:*] 16. Представление управления делами Совета министров об учреждении канцелярии Верховного правителя.

[*Постановили*: 16.] 1. Образовать в составе управления делами Совета министров канцелярию Верховного правителя.

2. Непосредственное заведование сей канцелярией возложить на директора канцелярии под высшим руководством управляющего делами Совета министров.

Подлинный подписали:
председатель Совета министров *П. Вологодский.*
Члены: *Г. Краснов, Л. Шумиловский,*
С. Старынкевич, А. Гаттенбергер, И. Михайлов.
За управляющего делами Совета министров [*подпись отсутствует*].

ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 1–3. Машинописный отпуск.

[7] Решение о вывозе правительственных учреждений из Омска было принято на заседании Совета министров 8 сентября 1919 г., но реально эвакуация началась за три дня до этого. Что касается центральных правительственных учреждений, то решение об их эвакуации состоялось 28 октября 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 158; Правительственный вестник. 1919. 2 декабря.)

[8] Вопросы о выделении обеих этих сумм были решены Советом министров на заседании, состоявшемся 31 октября 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 223.)

[9] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг откровенно лжет. На самом деле 29 ноября 1919 г. на закрытом заседании Совета министров обсуждался вопрос о выделении суммы, необходимой на оборудование и утепление товарных вагонов, предназначенных для перевозки служащих и имущества эвакуируемых учреждений. Совет министров принял решение исходить из расчета 7 тыс. рублей на вагон, «не учитывая в этой сумме стоимость перевозки и погрузки эвакуируемого казенного имущества». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 260.)

[10] Оба утверждения государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга не соответствуют действительности. Во-первых, А. В. Колчак передал командование Черноморским флотом контр-адмиралу В. К. Лукину и выехал в Петроград по прямому требованию главы Временного правительства князя Г. Е. Львова и военного и морского министра А. Ф. Керенского от 6 июня 1917 г. (См.: *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 107). Во-вторых, на допросе чрезвычайной следственной комиссии в Иркутске 26 января 1920 г. А. В. Колчак говорил: «Что касается меня, то правительство соглашалось, чтобы я временно передал командование, и требовало моего немедленного приезда в Петроград для доклада». (См.: Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 234).

[11] Денике Всеволод Петрович (1893–1939) — младший брат известного искусствоведа, профессора Казанского, Томского и Московского университетов, Омского политехнического института Б. П. Денике (1885–1941) и профессора Московского университета, социолога, публициста и видного деятеля русской социал-демократической эмиграции Ю. П. Денике (1887–1964).

Родился в г. Космодемьянск Казанской губернии. Окончил Казанский университет. Социал-демократ меньшевик. Помощник присяжного поверенного округа Казанской судебной палаты. В 1919 — начале 1920 г. был ассистентом, затем приват-доцентом юридического факультета Иркутского университета. Один из активистов местной социал-демократической организации. Член Иркутской чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Политическим центром. После восстановления советской власти в Сибири работал заведующим подотделом высших учебных заведений Сибирского отдела народного образования, с 10 сентября 1920 г.— заведующим распределительным (пенитенциарным) отделением карательного отдела Сибюста.

В 1930-е годы проживал в Москве, работал в коллегии защитников Свердловского района. 28 мая 1938 г. арестован, 14 апреля 1939 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен за участие в контрреволюционной организации к высшей мере наказания, на следующий день расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

[12] Алексеевский Александр Николаевич (1872–?) — член партии социалистов-революционеров. За активное участие в революционных событиях 1905–1906 гг. в Благовещенске был арестован властями и заключен в тюрьму, откуда бежал. До 1917 г. жил за границей — сначала в Японии, а затем во Франции. Летом 1917 г. был избран городским головой Благовещенска. Член Всероссийского Учредительного собрания от партии эсеров. С осени 1918 г.— глава антибольшевистского Временного Амурского правительства, в 1919 г.— председатель Амурского областного земства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 28 мая 1919 г. был назначен членом Государственного экономического совещания, а 24 сентября

— освобожден от обязанностей члена совещания согласно личному прошению с 6 сентября 1919 г. Осенью 1919 г. был арестован белогвардейскими властями в Иркутске, но в начале декабря по ходатайству иркутских земцев освобожден. В конце 1919 — начале 1920 г. принимал участие в свержении колчаковского режима и деятельности органов Иркутского Политического центра, был членом Временного совета Сибирского народного управления, входил в состав созданной Иркутским Политическим центром чрезвычайной следственной комиссии, которая допрашивала А. В. Колчака, В. Н. Пепеляева и других видных деятелей колчаковского режима. В дальнейшем через Дальний Восток эмигрировал в Европу.

[13] Государственное экономическое совещание было учреждено постановлением Совета министров 21 ноября 1918 г. по предложению Верховного правителя А. В. Колчака для разработки «в спешном порядке экстренных мероприятий в области финансов, снабжения армии и восстановлениия торгово-промышленного аппарата». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 9.) Начало работать 23 ноября 1918 г. в Омске. На первом этапе (до 28 мая 1919 г.) имело статус чрезвычайного. Ему вменялось в обязанность рассматривать все подготовленные ведомствами законопроекты хозяйственного характера и давать по ним свое заключение. Состояло из военного министра, министров финансов, торговли и промышленности, земледелия, продовольствия, снабжения, путей сообщения, государственного контролера, представителей Всероссийского съезда торговли и промышленности, совета кооперативных съездов, частных и кооперативных банков. Первоначально на совещании председательствовал сам Верховный правитель А. В. Колчак, заместителем председателя являлся видный судопромышленник С. Г. Феодосьев (с 9 апреля 1919 г.— Г. К. Гинс). Состоялось 41 заседание совещания.

На втором этапе функции Государственного экономического совещания трансформировались. Оно стало консультативным органом, выражавшим мнение общественности по экономическим вопросам. Его численность была определена в 74 человека, а состав расширен за счет представителей земства и городских дум, ученых и преподавателей учебных заведений, представителей казачества и профсоюзов. Оно начало работать в новом качестве 19 июня 1919 г. Его председателем был Г. К. Гинс. На этом этапе состоялось 38 заседаний совещания, последнее — 18 декабря 1919 г. в Иркутске. (Подробнее см.: *Дмитриев Н. И.* Из истории Чрезвычайного государственного экономического совещания // Из истории «белой» Сибири: Тезисы научной конференции (7–8 февраля 1995 г.). Кемерово, 1995. С. 64–67.)

[14] Ошибка; правильно — показания.

[15] См. комментарий 10 к настоящей главе.

[16] Речь идет о результатах выборов Верховного правителя.

ПРИЛОЖ[ЕНИЕ] № 1 К ЖУРН[АЛУ ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ ВРЕМЕННОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА]

18/XI–1918 г.

Лист закрытой баллотировки по избранию Верховного правителя

Подано председателю Совета министров 14 записок.

По вскрытии их и подсчете оказалось:

а) с именем адмирала Колчака — 13 записок,

б) с именем ген[ерал]-л[ейтенанта] Болдырева — 1 записка.

Председатель Совета министров [*подпись отсутствует*].

Помощник управляющего делами Совета министров [*подпись отсутствует*].

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 5.

[17] Ошибка; правильно — ноября.

[18] Ошибка; правильно — останавливаться.

[19] Ошибка; здесь и далее правильно — Лящик.

Лящик Северин Иванович — полковник, бывший командир бригады 57-й пехотной дивизии старой армии. 22 июля 1918 г. был зачислен в резерв чинов при штабе Западно-Сибирского военного округа. Приказом по Сибирской армии от 19 сентября 1918 г. произведен в генерал-майоры. Со 2 октября по 17 ноября 1918 г. являлся начальником гарнизона г. Омск. В дальнейшем командовал 11-й Сибирской стрелковой дивизией.

[20] Бржезовский Владимир Владимирович (1870–1919) — генерал-майор, за боевые отличия был удостоен ордена Св. Георгия IV степени. С 17 июля 1918 г.— начальник Степной Сибирской кадровой бригады, с 12 октября — начальник 1-й кадровой дивизии II Степного Сибирского корпуса, с 29 декабря 1918 по 28 августа 1919 г.— командир II отдельного Степного Сибирского корпуса. Уволен со службы с мундиром и пенсией. Осенью 1919 г. командовал офицерской ротой в Семипалатинске, где был убит взбунтовавшимися солдатами.

[21] Лиссабонский (Чекушин-Шаньгин Михаил Матвеевич) — член партии социалистов-революционеров. 30 мая 1918 г. официально объявил о том, что он является уполномоченным Временного Сибирского правительства по Петропавловскому району. Его полномочия отказался признать войсковой старшина В. И. Волков, являвшийся командующим белыми войсками этого же района. Свою позицию В. И. Волков мотивировал, с одной стороны, отказом подчиняться Временному Сибирскому правительству, с другой — ориентацией на генерала Д. Л. Хорвата. М. М. Лиссабонский собрал на В. И. Волкова и его окружение большой компрометирующий материал, с которым намеревался выехать для доклада в Омск, но 7 июня 1918 г. бесследно пропал. Исчезновение М. М. Лиссабонского общественное мнение связывало с именем В. И. Волкова.

[22] Неточно; правильно — был исполняющим обязанности.

[23] Так в тексте.

[24] Ошибка; правильно — ноября.

[25] Государственный обвинитель Г. А. Гойхбарг процитировал следующий фрагмент из допроса А. В. Колчака Иркутской чрезвычайной следственной комиссией 4 февраля 1920 г.:

«*Адм[ирал] Колчак*: [...] Я сказал [на заседании Совета министров 19 ноября], что в городе ходит масса фантастических слухов, поэтому надо самому факту переворота придать гласность. Я считал самым правильным судебное разбирательство в открытом заседании совершенного этого переворота для того, чтобы, во-первых, снять нарекания на лиц, совершавших этот переворот, а во-вторых, потому, что это лучший способ осведомления. Я сказал, что никогда не допущу кары над [этими] лицами, потому что раз они это сделали, я принял все последствия на себя, но это — один из способов придать гласность самому обстоятельству совершившегося переворота.

В. П. Денике: Так что инициатива этого суда принадлежала лично Вам?

Адм[ирал] Колчак: Я не помню, я ли первый высказал эту мысль или Вологодский, но такая точка зрения была высказана. Тогда было решено образовать специальный чрезвычайный суд для того, чтобы разобрать все это дело. Затем я вызвал Волкова и сказал ему, что я считаю необходимым гласное расследование всей его деятельности не с целью наказать или карать, а с целью придать гласности [события]. Так что я его отдал под суд чрезвычайного суда. На суде он должен

[был] дать показания, касающиеся этого дела». (См.: Архив русской революции. Т. 10. С. 296–297.)

[26] Формально генерал А. Ф. Матковский был абсолютно прав. Полковник В. И. Волков, войсковой старшина А. В. Катанаев и войсковой старшина И. Н. Красильников обвинялись «в посягательстве на верховную власть с целью лишить ее возможности осуществлять таковую». Поскольку верховная власть продолжала функционировать, суд вынес приговор «в предъявленном им обвинении считать по суду оправданными». (См.: Правительственный вестник, 1918. 23 ноября; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года / Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919. С. 63–67.)

[27] Ошибка; правильно — Болдырева.

[28] Суть этого дела была такова. 2 августа 1918 г. в Архангельске организовалось местное коалиционное правительство, называвшееся Верховным управлением Северной области, во главе с Н. В. Чайковским. Оно состояло из социалистов-революционеров, народных социалистов и кадетов. Из девяти его министров семь являлись членами Всероссийского Учредительного собрания. В ночь на 6 сентября 1918 г. группа офицеров явилась в помещение, где проживала большая часть министров, арестовала пятерых из них и отправила на Соловецкий остров. В тот же день главнокомандующий русскими войсками капитан 2-го ранга Г. Е. Чаплин (Томсон) в воззвании к населению и в приказе объявил о низложении Верховного управления и переходе всей власти в руки военного командования. Но в развитие событий вмешались союзники. 8 сентября статус-кво в Архангельске был восстановлен, а Г. Е. Чаплин был смещен со своего поста и отправлен на фронт командиром полка.

[29] Ошибка; правильно — распада.

[30] Чрезвычайный военный суд, оправдав В. И. Волкова и его «подельников», вместе с тем постановил довести до сведения министра юстиции, что «некоторые члены Центрального комитета партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] и члены партии составили и распространили воззвание, в коем призывали к мобилизации и вооружению членов партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] для борьбы против Всероссийского Временного правительства, восстановления [Сибирской] областной думы и борьбы против дисциплины, установленной в армии и нежелательной для партии». (См.: Правительственный вестник. 1918. 23 ноября; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. С. 67.)

[31] Ключников Юрий Вениаминович (1886–1938) — окончил гимназию, 4 года учился на философском факультете Берлинского университета, затем на юридическом факультете Московского университета, который окончил с дипломом I степени в 1913 г. Член конституционно-демократической партии.

Оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права. С 1915 г. приват-доцент Московского университета, в 1917 г. приглашен работать в Народный университет А. Л. Шанявского. Весной 1918 г. получил кафедру международного права в Ярославском юридическом лицее. Печатал статьи по вопросам международных отношений и политики в журналах «Накануне», «Юридический вестник», в газетах «Русское слово», «Утро России».

С 1 ноября 1918 г.— товарищ министра иностранных дел Временного Сибирского правительства, с 4 ноября — исполняющий должность товарища министра иностранных дел Временного Всероссийского правительства с возложением на него временного управления министерством иностранных дел. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 19 ноября 1918 г. был назначен управляющим

министерством иностранных дел Российского правительства. Уволен с должности согласно личному прошению 28 декабря 1918 г.

В 1919 г. эмигрировал во Францию. После окончания гражданской войны — один из идеологов «сменовеховства». В 1923 г. возвратился в советскую Россию, занимался научной и педагогической работой. В 1934 г. постановлением «Особого совещания» был сослан на три года в Карелию. 5 ноября 1937 г. подвергся аресту и 10 января 1938 г. приговорен за «шпионско-террористическую деятельность» к расстрелу.

[32] Гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» (слова М. М. Хераскова, музыка Д. С. Бортнянского) был создан в конце XVIII — начале XIX в. Широко использовался в русской армии при совершении различных ритуалов и почитался как национальный духовный гимн. После Февральской революции Временное правительство пыталось придать ему статус государственного, но безуспешно. По предложению Ю. В. Ключникова постановлением Совета министров Российского правительства от 19 ноября 1918 г. «Коль славен...» был утвержден национальным государственным гимном России. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 3; Правительственный вестник. 1918. 13 декабря.)

[33] Речь идет о постановлении Совета министров № 280 от 9 мая 1919 г. «О дополнении книги X „Свода морских постановлений“ статьями 1294 прим. и 1318 прим. о флаге и брейд-вымпеле Верховного правителя». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 91. Л. 43; Правительственный вестник. 1919. 24 мая.)

Согласно законодательству Российской империи, высшим лицам государства и флота присваивались особые флаги, означавшие их присутствие на корабле. Такие личные флаги и брейд-вымпелы имели император, императрица, цесаревич и другие члены императорской фамилии. Кроме того, подобные знаки отличия были присвоены главнокомандующему, наместнику, лицам, имеющим чин генерал-адмирала, управляющему Морским министерством, а также командующим флотами, флотилиями и иными соединениями кораблей. При поднятии личного флага на мачте было положено отдавать салют определенным числом выстрелов в зависимости от статуса лица. Личный флаг императора и императрицы именовался штандартом, всех других лиц — просто флагом.

Вопреки утверждению государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга, штандарт императора не имел на себе изображения Андреевского креста, а символика личного флага и брейд-вымпела Верховного правителя А. В. Колчака, присвоенных ему постановлением от 9 мая 1919 г., напоминала соответствующие дореволюционные знаки отличия верховного главнокомандующего или наместника. В сопроводительной записке к законопроекту временно управляющего Морским министерством Российского правительства контр-адмирала В. В. Ковалевского от 7 мая 1919 г. говорилось: «Устанавливая салют флагу Верховного правителя из 21 выстрела, министерство руководствовалось ст[атьей] 1246 кн[иги] X „Св[ода] м[орских] п[остановлений]“ изд[ания] 1910 года, на основании коей главам иностранных государств, не исключая президентов республик, производится салют из 21 выстрела, а также тем соображением, что по существующим иностранным морским законоположениям своим некоронованным главам государств положен салют также из 21 выстрела». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 6. Д. 208. Л. 1.) Таким образом, символика, утвержденная постановлением Совета министров от 9 мая 1919 г., подчеркивала республиканский, а отнюдь не монархический характер власти Верховного правителя адмирала А. В. Колчака.

[34] Огановский Николай Петрович (1874–1938) — родился в Вильно в семье офицера Генерального штаба; из дворян. Учился в Киевском кадетском корпусе. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1897 г.).

До 1905 г. служил чиновником в Уральской области. В период первой русской революции активно участвовал в создании Всероссийского крестьянского союза. В 1908–1916 гг. работал в Московском коммерческом институте, во Всероссийском земском союзе. Сотрудничал в ряде крупных общественно-политических журналов, работал в Вольном экономическом обществе. Разрабатывал теорию крестьянских хозяйств «трудового типа».

После Февральской революции вступил в трудовую народно-социалистическую партию, с июня 1917 г.— член ее ЦК. Был делегатом I Всероссийского съезда крестьянских депутатов (советов), участвовал в Московском государственном и Петроградском демократическом совещаниях, входил в состав Временного совета Российской республики (Предпарламента). По списку правых эсеров прошел во Всероссийское Учредительное собрание.

К Октябрьскому перевороту отнесся отрицательно. В августе 1918 г. переехал из Москвы в Поволжье, где сотрудничал с Самарским Комучем. Участвовал в работе Уфимского государственного совещания. С 4 ноября 1918 г.— товарищ министра земледелия Временного Всероссийского правительства. 21 ноября 1918 г. уволен с поста товарища министра согласно личному прошению, после чего работал в сибирской кооперации. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 24 июня 1919 г. был назначен членом Государственного экономического совещания. В сентябре 1919 г. арестован белогвардейскими властями Томска по обвинению в противоправительственной деятельности.

С 1921 г. жил в Москве. Дважды подвергался аресту, а также ссылке. Репрессирован; посмертно реабилитирован в 1989 г.

[35] Керенский Александр Федорович (1881–1970) — родился в Симбирске; из дворян. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1904 г.).

Вступил в Петербургскую коллегию адвокатов, присяжный поверенный. В 1906 г. вошел в Петербургское объединение политических адвокатов, выступал в качестве защитника на многих политических процессах. В 1912 г. по списку трудовиков от Самарской губернии был избран депутатом IV Государственной думы, где возглавил фракцию трудовиков. Руководил думской комиссией по расследованию обстоятельств Ленского расстрела, был инициатором принятия коллегией столичных адвокатов резолюции протеста против фабрикации дела М. Бейлиса, защитником по делу большевистской фракции в IV Государственной думе. С 1912 г. являлся одним из лидеров политического масонства в России.

Активный участник Февральской революции: член Временного комитета Государственной думы, товарищ председателя исполкома Петроградского совета рабочих депутатов, со 2 марта — министр юстиции первого состава Временного правительства. В марте 1917 г. вступил в партию социалистов-революционеров. Один из инициаторов создания коалиционного кабинета, объединявшего левые демократические силы, включая кадетов. В мае — сентябре 1917 г. в первом и втором коалиционных составах Временного правительства занимал пост военного и морского министра, с 8 июля — также министр-председатель, а с 30 августа — и Верховный главнокомандующий. 1 сентября возглавил «Совет пяти» («Директорию»), а затем и третий состав коалиционного правительства. После захвата

власти большевиками в Петрограде предпринял попытку оказать им сопротивление, опираясь на 3-й конный корпус П. Н. Краснова, но потерпел поражение. До июня 1918 г. находился в России, а затем выехал за рубеж. Жил сначала во Франции, затем — в США. Умер в Нью-Йорке.

[36] См.: Правительственный вестник. 1919. 31 мая.

[37] Известно, что по просьбе В. И. Ленина И. А. Молодых подготовил справку о Союзе сибиряков-областников, которую 25 апреля 1918 г. передал по назначению. 27 апреля И. А. Молодых телефонограммой проинформировал В. И. Ленина о направленном докладе. Видимо, просьба И. А. Молодых содержалась в указанном докладе, поскольку никаких других его контактов с В. И. Лениным в то время не зафиксировано. (См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5 (октябрь 1917 — июль 1918). С. 410).

[38] Бейли Фредерик (1882–1967) — полковник, сотрудник английской разведывательной службы «Интеллидженс сервис».

[39] «Национальный центр» был создан в мае — июне 1918 г. Объединял кадетов, представителей Церковного собора и торгово-промышленных кругов. Председателями «Национального центра» последовательно состояли Д. Н. Шипов, М. М. Федоров и Н. Н. Щепкин. Являлся одним из руководящих центров российской контрреволюции. С ноября 1918 г. правление «Национального центра» находилось в Екатеринодаре, но имело свои филиалы в европейской части России, на Украине, на Северном Кавказе и в Закавказье, на Урале и в Сибири. Прекратил существование с разгромом вооруженных сил белых.

[40] Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1864/66–1918) — из потомственных дворян. Окончил гимназию и Санкт-Петербургский университет. Член конституционно-демократической партии и ее ЦК с 1906 г. Имел крупную земельную и иную собственность. Присяжный поверенный, литератор и издатель, земский деятель. Депутат I Государственной думы. С лета 1917 г. являлся сторонником установления военной диктатуры в России. В октябре 1917 г. вошел в состав Временного совета Российской республики (Предпарламента).

[41] Авинов Николай Николаевич (1881–1937) — родился в Полтаве. Член конституционно-демократической партии. Профессор Московского коммерческого института. После Февральской революции — главноуправляющий по делам местного хозяйства министерства внутренних дел Временного правительства, автор новых положений о земстве и городах, секретарь Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание, председатель Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. 23 ноября 1917 г. был арестован советскими властями с формулировкой «за саботаж», а на самом деле — за отказ сотрудничать с эмиссарами Совета народных комиссаров большевиками Г. И. Петровским и И. В. Сталиным, пытавшимися захватить документацию о выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Расстрелян 10 декабря 1937 г.

[42] Рыков Алексей Иванович (1881–1938) — родился в Саратове; из семьи мелкого торговца. Окончил Саратовскую гимназию (1900 г.), учился в Казанском университете. Профессиональный революционер, большевик с 1898 г.

Вел партийную работу в Поволжье, на Севере, в Одессе, Петербурге, Москве и за границей. Делегат III и IV съездов РСДРП, член ЦК с 1905 г. Девять раз подвергался аресту, семь раз — ссылке. После Февральской революции работал в Москве и Петрограде, был делегатом VII (апрельской) конференции и VI съезда большевиков. Активный участник Октябрьского переворота в Петрограде. Входил

в состав первого советского правительства в качестве народного комиссара внутренних дел, но вскоре вышел из него в знак протеста против отказа от создания однородного социалистического правительства. С декабря 1917 г. работал продовольственным комиссаром Московского областного совета, с февраля 1918 г.— членом коллегии народного комиссариата продовольствия, с апреля — председателем ВСНХ РСФСР.

В дальнейшем находился на высших партийных и советских постах. В 1937 г. арестован и в марте следующего года военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. В 1988 г. реабилитирован.

[43] Здесь и далее правильно — Натансон.

Натансон Марк Андреевич (1850–1919) — родился в Свенцянах Виленской губернии, из купеческой семьи. Учился в Медико-хирургической академии и Земледельческом институте в Санкт-Петербурге.

С 16 лет участвовал в революционном движении. Один из организаторов «Народной воли». В 1879–1889 и в 1894–1902 гг. находился в ссылке в Восточной Сибири. В конце 1890-х годов являлся активным сотрудником газеты «Восточное обозрение». С конца 1905 г. состоял членом партии социалистов-революционеров и ее ЦК. Во время Мировой войны возглавлял интернационалистическое крыло эсеров. После Февральской революции — один из лидеров левых эсеров, резко критиковавших политику эсеровского ЦК и Временного правительства, активный сторонник сближения с большевиками, за что В. М. Черновым был назван «адвокатом дьявола». Безоговорочно принял Октябрьский переворот и разгон Всероссийского Учредительного собрания. После июльских событий 1918 г. вышел из партии левых эсеров и стал одним из организаторов партии революционного коммунизма, стоявшей за сотрудничество с большевиками. Член президиума ВЦИК советов. Умер за границей, куда выехал для лечения.

[44] Так в тексте.

[45] Показания И. А. Молодых см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–6.

[46] Ошибка; до 4 ноября 1918 г. А. М. Ларионов был помощником управляющего путей сообщения Временного Сибирского правительства, с 4 ноября — товарищем министра путей сообщения Временного Всероссийского, а с 18 ноября — Российского правительства.

[47] На самом деле существует единственный документ об Алтайской железной дороге — постановление Административного совета Временного Сибирского правительства от 19 сентября 1918 г. «Об отводе земли под Боровлянскую лесовозную железнодорожную при Алтайской железной дороге ветку», на котором имеется подпись А. М. Ларионова в качестве временно управляющего министерством путей сообщения. (См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 5 октября. № 13. С. 18–20.)

[48] Речь идет о переговорах о передаче государственной власти между делегациями Российского правительства адмирала А. В. Колчака и Иркутского Политического центра, которые начались 2 января 1920 г. в поезде французского генерала М. Жанена и велись в присутствии высоких комиссаров и высшего командования союзных держав.

[49] Документы, подтверждающие достоверность сообщаемых А. М. Ларионовым сведений, см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 39.

[50] «Модерн» — лучшая гостиница Иркутска, расположенная в центре города, в которой разместилось после переезда из Омска большинство министров и других высших должностных лиц колчаковского правительства.

[51] Архив русской революции. Т. 10. С. 280–281.

[52] Западно-Сибирский комиссариат был создан 30 мая 1918 г. в Новониколаевске по инициативе уполномоченных Временного Сибирского правительства. Персонально состоял из трех членов Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии: М. Я. Линдберга, Б. Д. Маркова и П. Я. Михайлова,— а также председателя Томской уездной земской управы В. О. Сидорова, являвшихся членами партии социалистов-революционеров. 1 июня 1918 г. в декларации «Ко всему населению Западной Сибири» объявил о переходе власти «к Временному Сибирскому правительству, выдвинутому областной думой», а себя провозгласил «временно, впредь до окончательного освобождения всей сибирской территории» «высшей местной властью». (См.: Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами комитета. 1918. 28 июня. № 1. С. 2).

С середины июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат располагался в Омске, где был сформирован его рабочий аппарат в виде 14 отделов и управления делами. До конца июня 1918 г. осуществлял функции высшего законодательно-распорядительного органа власти на территории Западной Сибири и Степного края, освобожденной от большевиков. 30 июня 1918 г. передал «верховное управление страной» членам Временного Сибирского правительства: министру внешних сношений П. В. Вологодскому, министру внутренних дел В. М. Крутовскому, министру финансов И. А. Михайлову, министру юстиции Г. Б. Патушинскому и министру туземных дел М. Б. Шатилову. (Подробнее см.: *Лившиц С. Г.* К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 69–93; *Ларьков Н. С.* Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны — летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири (Новосибирск). 1996. № 2. С. 24–30; *Журавлев В. В.* Рождение Временного Сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России: проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 26–27).

[53] Устругов Леонид Александрович (1877–1938) — родители неизвестны. Окончил Комиссаровское техническое училище (1897 г.) и Санкт-Петербургский институт путей сообщения (1902 г.).

В 1902–1906 гг. работал на строительстве Московской окружной железной дороги, затем служил на Московско-Киевско-Воронежской, на Северной и Самаро-Златоустовской железных дорогах. С 15 апреля 1913 г.— начальник службы движения, с 1 мая 1916 г.— начальник Омской железной дороги. С 1 ноября 1916 г.— помощник начальника управления железных дорог России. После Февральской революции являлся товарищем министра путей сообщения Временного правительства. На нелегальном заседании части членов Сибирской областной думы в ночь на 29 января 1918 г. в Томске был заочно избран министром путей сообщения Временного Сибирского правительства. В апреле — октябре 1918 г. состоял членом правления КВЖД и Делового кабинета временного Верховного правителя России Д. Л. Хорвата. 4 ноября 1918 г. был назначен министром путей сообщения Временного Всероссийского, а 18 ноября — Российского правительства. На следующий день по предложению П. В. Вологодского был избран заместителем председателя Совета министров.

В 1920 г. эмигрировал в Китай и жил в Харбине. В 1935 г. вернулся в СССР, был арестован и расстрелян в Москве.

[54] Оба документа не найдены.

[55] В источниках и литературе сведения о забастовке и вызванных ею расстрелах в Омске в феврале 1919 г. отсутствуют. На самом деле в это время в Омске было второе вооруженное восстание, подготовленное большевистским подпольем.

[56] Сурин Виктор Ильич (1875–1967) — родился в Бессарабии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, генерал-майор (1917 г.), профессор.

После Февральской революции служил начальником канцелярии военного министерства Временного правительства, затем преподавал в Академии Генерального штаба. 23 сентября 1918 г. постановлением Административного совета Временного Сибирского правительства был назначен помощником управляющего военным министерством по снабжению с оставлением в должности штатного преподавателя Академии Генерального штаба. С 4 ноября 1918 г.— помощник военного и морского министра Временного Всероссийского правительства по снабжению и технической части. В этой же должности остался после колчаковского переворота. Приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 15 июня 1919 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В начале 1920-х годов эмигрировал в Китай. Последние годы жил в США, умер в Сан-Франциско.

[57] Ошибка; правильно — большевистски настроенных.

[58] Кругликов Апполон Николаевич (1885–1922) — член партии социалистов-революционеров. После Февральской революции — председатель исполкома комитета общественных организаций Иркутска, восточно-сибирский краевой комиссар Временного правительства, член Всероссийского Учредительного собрания от Забайкальской области, в июле — ноябре 1918 г.— иркутский городской голова, участник Уфимского государственного совещания. С 4 ноября 1918 г.— управляющий делами Временного Всероссийского правительства. Уволен с должности с 19 ноября 1918 г. Убит чекистами во Владивостоке в ходе «специальной» операции.

[59] Прошьян Прош Перчевич (1883–1918) — окончил гимназию и обучался на юридическом факультете Новороссийского университета. Профессиональный революционер; член партии социалистов-революционеров с 1903 г.

Один из лидеров одесских эсеров. В 1905 и в 1910 гг. приговаривался к каторге, в 1913 г. высылался в Восточную Сибирь. В годы Мировой войны занимал интернационалистические позиции. После Февральской революции работал в Петрограде и в Гельсингфорсе. Находился в «левой» оппозиции по отношению к позиции эсеровского ЦК. Сторонник сближения с большевиками, за что ЦК был исключен из партии. На II Всероссийском съезде советов (октябрь 1917 г.) избран членом ВЦИК и его президиума. Являлся одним из лидеров партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), член ее ЦК. 22 декабря 1917 г. вошел от левых эсеров в состав советского правительства в качестве народного комиссара почт и телеграфов. В середине марта 1918 г. вышел из состава Совнаркома из-за несогласия с Брестским мирным договором. После левоэсеровского мятежа в июле 1918 г. перешел на нелегальное положение. Умер в Москве от тифа.

[60] Рябиков Валентин Владимирович (1883–1962) — окончил Симбирское городское училище. Один из организаторов Симбирской социал-демократической группы, большевик с 1903 г. Трижды подвергался арестам. 10 октября 1910 г. Казанской судебной палатой приговорен к ссылке на вечное поселение в Сибирь. С ноября 1917 г.— член Иркутского совета рабочих депутатов, с 4 декабря — комиссар Иркутского военно-революционного комитета на телеграфе. С начала февраля 1918 г.— член исполкома советов Восточной Сибири, заведующий отделом

транспорта и сообщений; с мая 1918 г.— заведующий транспортным отделом Центрального исполнительного комитета советов Сибири (Центросибири).

[61] Речь идет о циркуляре от 10 мая 1919 г., отправленном начальникам почтово-телеграфных округов за подписями В. Н. Пепеляева и Е. А. Цеслинского, в соответствии с которым организации почтово-телеграфных служащих разрешалось создавать при двух условиях: только с согласия начальства и только для экономических целей. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 33. Л. 195–196.)

[62] Пепеляев Виктор Николаевич (1884–1920) — родился в офицерской семье в Нарыме Томской губернии. Окончил гимназию в Томске и юридический факультет Томского университета (1908 г.). Член конституционно-демократической партии.

Преподавал в гимназиях г. Бийск. Избирался депутатом IV Государственной думы. В марте — июне 1917 г. являлся комиссаром Временного правительства в Кронштадте. После Октябрьского переворота до июня 1918 г. работал в Петрограде и Москве в антибольшевистских подпольных организациях, являлся членом Московского отделения «Национального центра». В августе 1918 г. был командирован «Национальным центром» в Сибирь, куда пробрался через фронт в сопровождении трех офицеров. Участвовал в Челябинском государственном совещании, где занимал непримиримую антиэсеровскую позицию. Уфимское государственное совещание проигнорировал, предпочтя ему командировку на Дальний Восток, где пропагандировал необходимость установления военной диктатуры. С конца ноября до конца декабря 1918 г. являлся председателем президиума Восточного отдела ЦК партии кадетов. Принял активное участие в подготовке свержения Уфимской Директории и установлении власти адмирала А. В. Колчака. Указом Верховного правителя от 1 декабря 1918 г. был назначен директором департамента по делам милиции министерства внутренних дел. С 21 февраля 1919 г.— товарищ министра внутренних дел, с 29 апреля — временно управляющий, с 6 мая — управляющий министерством внутренних дел. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 22 ноября 1919 г. был назначен председателем Совета министров с оставлением в должности министра внутренних дел Российского правительства.

15 января 1920 г. вместе с А. В. Колчаком арестован в Иркутске представителями эсеро-меньшевистского Политического центра. 7 февраля 1920 г. расстрелян по постановлению руководимого большевиками и левыми эсерами Иркутского военно-революционного комитета.

[63] Действительно, в «Правительственном вестнике» за 27 ноября 1919 г. была опубликована биографическая справка о А. А. Червен-Водали, в которой говорилось: «В конце 1917 года в Москве при содействии Червен-Водали организован Всероссийский „Национальный центр“ помощи Добровольческой армии генерала Алексеева, впоследствии Деникина». Однако эта информация содержалась в разделе «Иркутская хроника» и не могла рассматриваться в качестве части официальной биографии А. А. Червен-Водали.

[64] Всероссийский союз торговли и промышленности — создан в марте 1917 г. в Москве по инициативе П. П. Рябушинского. Ставил своей задачей доведение войны до победного конца, борьбу с анархией и сохранение российской государственности. От поддержки Временного правительства эволюционировал к критике его государственно-социалистических мероприятий. На выборах во Всероссийское Учредительное собрание был близок к кадетам. Резко отрицательно отнесся к Октябрьскому перевороту. Весной 1918 г. входил в «Правый центр». В советской

России прекратил существование летом 1918 г.; на территориях, контролировавшихся белыми властями, сохранился до их ликвидации.

[65] В цитировавшейся выше биографической справке о А. А. Червен-Водали по этому вопросу говорилось: «В большевистский период был членом правления Всероссийского союза торговли и промышленности и вел в Москве всю работу Союза, борясь против большевистского заложничества, удушения промышленности и контрибуций». (См.: Правительственный вестник (Иркутск). 1919. 27 ноября.)

[66] Щепкин Николай Николаевич (1854–1919) — из потомственных дворян. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Крупный домовладелец, член правления свеклосахарного завода, товарищ директора Северного страхового общества. Член конституционно-демократической партии и ее ЦК с 1905 г.

Избирался гласным Московской городской думы, московским мировым судьей, четверть века был гласным Московского губернского собрания и четыре года — товарищем Московского городского головы. Депутат III и IV Государственной думы. Один из организаторов и членов ЦК Всероссийского союза городов. После Февральской революции был комиссаром Временного правительства в Туркестане.

Активный противник советской власти. Входил в ряд контрреволюционных организаций: «Правый центр», «Союз освобождения России», «Союз возрождения России», «Национальный центр» — и являлся руководителем Московского отделения последнего. Летом 1919 г. готовил вооруженное восстание в Москве для оказания помощи войскам генерала А. И. Деникина. 28 августа 1919 г. был арестован чекистами и после допросов расстрелян.

[67] Информация И. П. Павлуновского откровенно тенденциозна. Действительно, при раскрытии чекистами в сентябре 1919 г. Московского филиала «Национального центра» была обнаружена его военная организация, называвшаяся корпусом и считавшаяся частью Добровольческой армии. На самом же деле в Москве существовало только управление корпусом и двумя входившими в него дивизиями. Численность же бойцов и сочувствующих не превышала четырехсот человек. (См.: Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 184.)

[68] В написанной С. А. Котляревским «Истории „Национального центра“» о роли А. А. Червен-Водали говорится следующее: «Гораздо больше Н[ациональный] ц[ентр] занимался вопросом рабочих. На этом настаивали и Федоров, и Червен-Водали, который, по словам Федорова, предполагался к роли товарища министра торговли и промышленности в Южнорусском правительстве. Червен-Водали, хотя и был выдвинут торгово-промышленными кругами, довольно сильно расходился с мнениями, обычно распространенными в этих кругах. Он доказывал необходимость многое сохранить из приобретений революций, прежде всего в смысле рабочего контроля». (См.: Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 145).

[69] Речь идет о кратких биографических справках о В. Н. Пепеляеве и А. А. Червен-Водали, опубликованных в «Правительственном вестнике» за 11 мая и 27 ноября 1919 г.

[70] Ошибка; в документе — в ноябре.

[71] В действительности инициатором репрессии против И. И. Кириенко был министр внутренних дел А. Н. Гаттенбергер. 30 ноября 1918 г., основываясь на его словесном сообщении, Совет министров вынес такое решение: «Возбудить против помощника челябинского окружного комиссара Кириенко уголовное преследова-

ние, поручив министру юстиции дать настоящему делу установленное в законе направление». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 29.)

[72] См. комментарий 111 к первой главе.

[73] Так в тексте.

Глава пятая. Заседание четвертое

[1] Составленная государственным обвинителем А. Г. Гойхбаргом «Программа допроса» представляла собой около 1,5 страниц напечатанного на пишущей машинке убористого текста, содержащего перечень основных вопросов, которые А. Г. Гойхбарг намеревался задать подсудимым. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 43. Л. 35.)

[2] Так в тексте.

[3] Ошибка; правильно — всероссийской.

[4] Распоряжений Самарского Комуча и Уфимской Директории, подтверждающих заявления государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга, в источниках и литературе исследователями не обнаружено.

[5] Речь идет о единичном случае взятия в заложники жен советских руководителей Самарской и Уфимской губерний, в том числе большевиков А. Д. Цюрупы, Н. П. Брюханова, А. А. Юрьева и др., возглавлявших к тому времени народный комиссариат продовольствия РСФСР (подробнее см.: *Егоров А. В.* Уфимские заложники и контрзаложники // Человек и революция: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 180–212).

[6] Ошибка; правильно — с востока.

[7] Так в тексте. Видимо, имеется в виду В. М. Зензинов.

[8] Гайда Радола (Гейдль Рудольф) (1892–1948) — по профессии фельдшер. Во время Мировой войны служил прапорщиком в Австро-Венгерской армии, затем перешел на сторону черногорцев и бежал в Россию. На Украине вступил в формируемый Чехословацкий корпус, в котором с весны 1918 г. командовал 7-м полком. Во время мятежа корпуса сыграл важную роль в свержении советской власти в Западной Сибири. С сентября 1918 г.— генерал-майор, командир 2-й чехословацкой дивизии, с октября — возглавлял Екатеринбургскую группу войск Сибирской армии. С января 1919 г.— генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией. В июле 1919 г. вступил в конфликт с А. В. Колчаком, был снят им с поста командующего армией и отправлен в отпуск. В ноябре 1919 г. возглавил антиколчаковский мятеж во Владивостоке.

С 1920 г. жил в Чехословакии. В 1945 г. арестован за сотрудничество с немецкими фашистами и в 1948 г. казнен по приговору чехословацкого суда. Автор мемуаров «Moje pameti» (Praha, 1924), в которых широко отражены события гражданской войны в Сибири.

[9] Приказы Р. Гайды, о которых говорит обвинитель А. Г. Гойхбарг, исследователям не известны.

[10] Названная государственным обвинителем А. Г. Гойхбаргом телеграмма не обнаружена.

[11] Удостоверение, выданное А. К. Клафтону 2 сентября 1918 г. международным Красным крестом, см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 44. Л. 59.

[12] Скорее всего, имеется в виду член коллегии народного комиссариата продовольствия РСФСР Н. П. Брюханов.

Брюханов Николай Павлович (1847–1943) — родился в семье мелкого служащего в Симбирске. Окончил Симбирскую гимназию (1898 г.), учился в Московском и Казанском университетах. Профессиональный революционер, большевик с 1903 г.

Один из руководителей большевиков Уфимской губернии. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, VII (апрельской 1917 г.) конференции РСДРП(б). Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. После Февральской революции — член Уфимского объединенного комитета РСДРП, председатель Уфимского совета. С 26 октября 1917 г. являлся председателем Уфимского губернского революционного комитета и губернским продовольственным комиссаром. С февраля 1918 г.— член коллегии, с июня — заместитель наркома продовольствия, с ноября — член Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР.

Во второй половине 1930-х годов репрессирован. Реабилитирован посмертно.

[13] Цюрупа Александр Дмитриевич (1870–1928) — родился в г. Алешки Таврической губернии в семье служащего. Окончил городское училище, в 1887–1893 гг. учился в Херсонском сельскохозяйственном училище. Член РСДРП с 1898 г., большевик.

С 1896 г. работал статистиком, а затем агрономом в Симбирске, Уфе, Харькове, Туле, с 1915 г.— в продовольственных органах Уфимской губернии. Одновременно активно участвовал в революционном движении. Трижды подвергался аресту, дважды — тюремному заключению, на три года был сослан в Олонецкую губернию. После Февральской революции избирался членом президиума Уфимского объединенного комитета РСДРП, депутатом Уфимского совета, председателем губернской продовольственной управы и председателем городской думы. Во время Октябрьского переворота являлся членом Уфимского военно-революционного комитета, организовал отправку эшелонов продовольствия для Москвы и Петрограда. С ноября 1917 г.— заместитель народного комиссара, с февраля 1918 г.— народный комиссар продовольствия РСФСР.

[14] Всероссийский земский союз — существовал в 1904–1905 гг. как общеземская организация для оказания помощи больным и раненым воинам русско-японской войны. Воссоздан 30 июля 1914 г. в связи с началом Мировой войны как Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов. Свои первоначальные функции быстро перерос и стал заниматься оказанием помощи беженцам, исполнением заказов главного интендантства на поставку одежды и обуви для армии, мобилизацией кустарной промышленности для производства вооружения и снаряжения. После Февральской революции руководство союза поддержало Временное правительство. Напротив, Октябрьский переворот оно встретило враждебно, в связи с чем декретом Совнаркома от 4 января 1918 г. союз был упразднен, а его имущество — национализировано.

[15] Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — родился в Дрездене, из дворян, князь. Окончил Поливановскую гимназию и юридический факультет Московского университета (1895 г.).

С 1895 г. служил в Тульской и Московской губерниях, а также занимался предпринимательской деятельностью. С 1900-х годов активно участвовал в земском движении: председатель Тульской земской управы; главноуполномоченный общеземских организаций по оказанию помощи больным и раненым в русско-японской войне, затем — по борьбе с голодом; участник земских съездов 1904–1905 гг. Депутат I Государственной думы. Занимался организацией переселенческого дела в Сибирь и на Дальний Восток. В 1913 г. избран московским

городским головой, но утвержден не был. В годы Мировой войны возглавлял Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, а потом — объединенный комитет земско-городского союза. С конца 1916 г. резко критиковал правительство, но считал возможным сохранить монархию.

По рекомендации Временного комитета Государственной думы и Петроградского совета указом Николая II от 2 марта 1917 г. был назначен председателем Совета министров и министром внутренних дел. Авторитет Г. Е. Львова был серьезно подорван сначала апрельским кризисом, вызванным нотой П. Н. Милюкова, а затем провалом июньского наступления русской армии. 7 июля 1917 г. подал в отставку, будучи не согласен с программой преобразований, предложенной министрами-социалистами.

После Октябрьского переворота, переменив фамилию и имя, уехал в Тюмень, но в начале 1918 г. был опознан, арестован советскими властями и перевезен в Екатеринбург, где содержался в тюрьме, из которой смог бежать. Перебрался в Омск, где скрывался до свержения советской власти. В начале октября 1918 г. отбыл в САСШ, имея поручение Временного Всероссийского правительства добиваться финансовой помощи для борьбы с большевиками. Затем жил во Франции, являлся председателем Русского политического совещания. Умер в бедности в Париже.

[16] Удостоверение, выданное А. К. Клафтону 4 октября 1918 г. чрезвычайным Главным комитетом временной объединенной организации земств и городов освобожденной России, см: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 44. Л. 56.

[17] Свердлов Вениамин Михайлович (1886–1939) — младший брат председателя ВЦИК советов Я. М. Свердлова.

Родился в Нижнем Новгороде в мещанской семье. Окончил гимназию. По некоторым данным, с 1902 по 1909 г. состоял в РСДРП. Затем уехал в САСШ, где работал в финансовой сфере, стал владельцем небольшого банка. После Октябрьского переворота находился на руководящих должностях в российском Красном кресте, а затем в народном комиссариате путей сообщения: член коллегии и заместитель народного комиссара путей сообщения; являлся председателем высшего совета по перевозкам при Совнаркоме. Затем работал членом президиума ВСНХ, возглавлял его научно-технический отдел, был директором Дорожного научно-исследовательского института в Москве. 31 октября 1938 г. арестован, 15 апреля 1939 г. приговорен военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

[18] Список лиц, взятых обеими сторонами в качестве заложников, которых они хотели бы получить в результате обмена, содержится в телеграмме, отправленной 29 сентября 1918 г. А. К. Клафтоном из Самары в Москву для международного Красного креста. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 44. Л. 60–62.)

[19] Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) — родился в Дагестане в семье врача, из потомственных дворян. Окончил Ярославскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета (1904 г.).

В революционном движении участвовал с 1899 г., был одним из лидеров московских студентов. С 1905 г.— большевик, делегат IV (объединительного) и V (Лондонского) съездов РСДРП. Депутат II Государственной думы от рабочей курии Петербурга. С середины 1907 до апреля 1917 г. жил за границей. С началом Мировой войны перешел на социал-оборонческие позиции. После Февральской революции сблизился с плехановской группой «Единство», опубликовал в газетах

информацию о получении В. И. Лениным денег от германского Генерального штаба. Выступая на Государственном совещании в августе 1917 г., поддержал программу генерала Л. Г. Корнилова по наведению порядка в стране.

После Октябрьского переворота критиковал большевистский режим, за что 27 апреля 1918 г. был арестован ВЧК и заключен в одиночку Таганской тюрьмы. Из-за тяжелой болезни в январе 1919 г. освобожден на поруки. В мае переехал в Петроград, откуда вместе с семьей бежал за границу. В следующем году был заочно судим по делу «Тактического центра», признан виновным в контрреволюционной деятельности, объявлен врагом народа и лишен права въезда в советскую Россию. Умер за рубежом.

[20] Абрамович (настоящая фамилия — Рейн) Рафаил Абрамович (1880–1963) — из мещанской семьи. Окончил Льежский политехнический институт.

С 1901 г. являлся членом Бунда, с 1904 г.— член его ЦК. Депутат Петербургского совета 1905 г. от Бунда. Делегат IV (объединительного) и V (Лондонского) съездов РСДРП. С 1910 г. за границей. После Февральской революции примыкал к меньшевикам-интернационалистам. Являлся членом Петроградского совета, делегатом I Всероссийского съезда советов, избирался членом ВЦИК и бюро ВЦИК первого созыва. Участник Государственного совещания и член Предпарламента. На II Всероссийском съезде советов выступил против захвата власти большевиками. Один из организаторов сопротивления большевикам в рабочей среде. Член ВЦИК 3-го и 4-го созывов, противник Брестского мира. 23 июля 1918 г. был арестован и шесть месяцев содержался в тюрьме. Во время гражданской войны — сторонник «мира с большевиками» и противник «экономического и политического террора».

В середине 1920 г. эмигрировал. Возглавлял заграничную делегацию ЦК меньшевиков, участвовал в издании «Социалистического вестника», член бюро Социалистического рабочего интернационала. Умер в Нью-Йорке.

[21] Ошибка; правильно — обещания.

[22] Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) — из потомственных дворян Тамбовской губернии. Окончил медицинский факультет Московского университета (1889 г.).

Основатель, совладелец и директор клиники в Москве. В общественно-политической жизни стал участвовать с 1900-х годов. Член «Союза освобождения». Один из организаторов партии народной свободы, член ее ЦК и руководитель Московского комитета со времени основания, с 1907 г.— товарищ председателя ЦК. С сентября 1914 г.— заместитель главноуполномоченного и член главного комитета Всероссийского союза городов.

После Февральской революции был комиссаром Временного правительства в Москве, председателем исполкома комитета московских общественных организаций. С 25 сентября 1917 г.— министр государственного призрения Временного правительства. 25 октября был назначен особоуполномоченным Временного правительства и генерал-губернатором Петрограда. В ночь на 26 октября арестован восставшими в Зимнем дворце вместе с другими министрами и заключен в Петропавловскую крепость, где содержался до весны 1918 г. Затем участвовал в организации и деятельности «Союза возрождения России» и «Тактического центра». В 1919–1920 гг. неоднократно подвергался арестам органами ВЧК. В 1921 г.— один из организаторов Всероссийского комитета помощи голодающим, за что был арестован и сослан в Вологду. С 1923 г. работал в органах здравоохранения. Умер в Москве.

[23] Возгор — комитет организации объединения городов и земств России и Сибири.

[24] Русское общество печатного дела — образовано 2 мая 1919 г. в качестве частного акционерного предприятия как неправительственное информационное агентство. Акционерами являлись крупные государственные чиновники, а также руководители Союза сибирских маслодельных артелей и Временного центрального (бывшего Омского) военно-промышленного комитета. Директором-распорядителем был приглашен видный деятель партии народной свободы А. К. Клафтон, его заместителями являлись профессора Н. В. Устрялов (курировал работу с внешней информацией) и Д. В. Болдырев (курировал работу с внутренней информацией). С 1 июня 1919 г. общество называлось Русским бюро печати. Оно включало в себя Русское телеграфное агентство (директор С. Б. Сверженский), отдел иностранной информации (Л. В. Арнольдов, затем Г. В. Гейнц), агитационный отдел (А. Г. Соболев), издательский отдел (пресс-бюро) (В. М. Иванов). Русское бюро печати являлось основным информационным источником как для правительственных кругов, так и для печати, а через последнюю — и для общества. (См.: ГАРФ. Оп. 1. Д. 44. Л. 47–54; *Молчанов Л. А.* «Русское общество печатного дела»: проблемы организации и деятельности // История «белой» Сибири: Тезисы 2-й научной конференции (4–5 февраля 1997 г.). Кемерово, 1997. С. 137–139.)

[25] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду заседание Совета министров, состоявшееся 6 декабря 1918 г. Заседание из-за отсутствия П. В. Вологодского проходило под председательством Л. А. Устругова. На нем в качестве начальника главного управления почт и телеграфов присутствовал и Е. А. Цеслинский. Совет министров рассмотрел представление управляющего делами Совета министров и Верховного правителя Г. Г. Тельберга «об определении класса должности председателя Совета министров» и принял такое постановление: «1. В[о] изменение и дополнение действующих узаконений присвоить должности председателя Совета министров первый класс. 2. Определить размер содержания лицам, занимающим должности первого класса, в три тысячи рублей в месяц, из коих квартирных 600 рублей». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 39.)

[26] Ошибка; такого министерства в Российском правительстве не существовало. В действительности в его структуре имелось «Главное управление по делам вероисповеданий»,созданное постановлением Совета министров от 27 декабря 1918 г. (См.: Правительственный вестник. 1919. 18 января.) В нем Л. И. Писарев занимал должность товарища (помощника) главноуправляющего.

[27] Речь идет о послании Высшего временного церковного управления от 3 февраля 1919 г., адресованном архиепископам Парижскому, Кентерберийскому, Папе Римскому, митрополитам Сербскому, Афинскому и ряду других церковных иерархов. В послании говорилось:

«Захватившие в конце 1917 г. в свои руки верховную власть в России коммунисты-большевики принялись подвергать уничтожению не только интеллигенцию и культурные ценности гражданские, но также они преследуют все религии с их представителями и уничтожают почитаемые памятники религиозных культов. Разгромлены храмы московского Кремля, Ярославля, Симферополя, многие осквернены. Расхищены исторические ризницы и библиотеки: патриаршие в Москве и петроградские. Убиты Киевский митрополит Владимир, около 20 епископов, многие сотни священников. Перед убийством часто отрезают жертвам оконечности тела, колют, иных зарывают живыми в землю. Расстреляны крестные ходы с тол-

пами народа в Петрограде, Туле, Харькове, Солигаличе. Где власть большевиков, там гонение на христианскую церковь, которое по жестокости превосходит гонение первых трех веков. Насилуют монахинь, социализируют женщин, полная разнузданность страстей. Царят голод, холод, смерть. Люди в унынии. В огненном искушении одни очищаются, а другие погибают. Только Сибирь и Приуралье изгнали большевиков и под сению закона правильно устраивают свою жизнь гражданскую и церковную.

С глубокой скорбью извещаем Вас о переживаемых многомиллионным населением коренной России несчастиях.

По силе общечеловеческой солидарности, по чувству братства во Христе надеемся, досточтимый Отец, на Ваше как представителя исполненной высоких достоинств христианской церкви участие. Пусть Ваша паства духовная узнает и вместе с Вами посочувствует и помолится Владыке жизни и смерти о столь страждущих за имя Христово исповедниках XX столетия на северо-востоке Европы». (См.: Правительственный вестник. 1919. 8 февраля.)

[28] Послание подписали председатель управления Сильвестр, архиепископ Омский и Павлодарский; члены: Вениамин, архиепископ Симбирский; протоиерей Владимир Садовский; профессор Леонид Писарев.

[29] Сильвестр (Ольшевский Иустин Львович) (1860–1920) — родился в семье причетника с. Косовка Сквирского уезда Киевской губернии. Окончил Киевскую духовную семинарию (1883 г.) и Киевскую духовную академию (1887 г.) со степенью кандидата богословия.

Занимался миссионерской деятельностью в Киевской и Полтавской епархиях. 10 декабря 1910 г. пострижен в монахи с возведением в сан архимандрита. 16 января 1911 г. принял хиротонию в Санкт-Петербурге в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры и получил назначение на кафедру епископа Прилукского и одновременно стал викарием Полтавской епархии. 13 ноября 1914 г. был назначен епископом Челябинским, викарием Оренбургской епархии, а 4 июня 1915 г. стал епископом Омским и Павлодарским. В 1918 г. Святейшим Патриархом Тихоном был возведен в сан архиепископа.

На состоявшемся в Томске 6–7 ноября 1918 г. общем собрании Сибирского церковного соборного совещания был избран председателем Высшего временного церковного управления, объединявшего епархии Сибири, Урала и других освобожденных от большевиков территорий. Постановлением Совета министров от 28 марта 1919 г., утвержденным Верховным правителем А. В. Колчаком, Высшее временное церковное управление было признано временным высшим представительным органом православной церкви. (См.: Сибирский благовестник (Омск). 1919. № 1. Официальная часть. С. 1–3; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1919. 1 сентября. № 12. С. 22.)

После восстановления советской власти в Сибири был арестован и 26 февраля 1920 г. скончался в Омской тюрьме от многочисленных пыток. В 2000 г. был канонизирован Русской православной церковью и причислен к лику святомучеников.

[30] В ответном послании архиепископа Кентерберийского говорилось:

«Тяжкие гонения и жестокие страдания, испытываемые ныне Русской церковью, которые Вы описываете в посланной ко мне телеграмме, причиняют мне неизъяснимое горе. Пастыри и паства, от имени которых Вы взываете ко мне, могут быть уверены, что мы не пощадим усилий к тому, чтобы внушить нашим соотече-

ственникам ясное сознание о всех переживаемых Вами ужасах и усердно будем содействовать всем мерам помощи, которые будут союзными правительствами признаны осуществимыми.

Молим Бога и Христа-спасителя, да пошлет он Вам радостное избавление от страданий».

См.: Правительственный вестник. 1919. 22 февраля.

[31] Согласно записке Т. В. Бутова от 25 декабря 1919 г. на организацию патриотической агитации и пропаганды Л. И. Писареву было выдано 500 тыс. рублей. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.)

[32] Прокошев Павел Александрович (1868 — не ранее 1922) — родился в Вологде, из священнослужителей. Окончил Вологодскую духовную семинарию, Казанскую духовную академию, с 1895 г.— магистр богословия.

Оставлен для приготовления к званию профессора по кафедре церковного права. Преподавал русскую словесность в Вологодской духовной семинарии и педагогику — в женской гимназии. Затем по предложению министерства народного просвещения окончил курс юридических наук при Казанском университете, защитил докторскую диссертацию в области церковного права. С 1900 г.— исполняющий должность экстраординарного, с 1905 г.— ординарного профессора, с 1916 г.— ординарный профессор Томского университета. Вел большую педагогическую, научную и общественную работу, в том числе с 1913 г. избирался гласным Томской городской думы, был выборным директором первого в Сибири Народного университета имени П. И. Макушина. В 1917 г. участвовал в работе Всероссийского поместного церковного собора в Москве, в ноябре 1918 г. вошел в состав Высшего временного церковного управления. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 27 декабря 1918 г. был назначен главноуправляющим по делам вероисповеданий Российского правительства с оставлением в должности профессора.

Имел чин статского советника. Был награжден орденами Св. Станислава III и II степени, Св. Анны III и II степени, Св. Владимира IV степени.

В апреле 1920 г. был уволен с должности профессора Томского университета и осужден. До 1922 г. находился на принудительных работах в Омске. Затем был освобожден и жил в Новониколаевске.

[33] Л. И. Писарев подал в Иркутский губернский революционный комитет заявление такого содержания:

«Даю сию подписку в том, что я, профессор Л. И. Писарев, сознательно и добровольно подчинившись советской власти, обязавшись подчиняться ей, вступил в партию коммунистов (большевиков). Заявляю, что я впредь буду честно исполнять и подчиняться партийной дисциплине. Вместе с этим прошу комитет принять меня под свое покровительство и под свою охрану. К партии меньшевиков я никогда не принадлежал и не примкну к ней ни при каких обстоятельствах. Прошу дать мне возможность делом доказать мою искреннюю принадлежность к партии большевиков через поручение мне каких-либо деловых обязанностей на каком-либо поприще по усмотрению комитета.

Л. Писарев».

См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 43. Л. 16; Известия Иркутского военно-революционного комитета. 1920. 29 февраля.

[34] Деминов Борис Андреевич (1894–1920) — родился, по одним данным, в семье потомственного почетного гражданина г. Тифлис, по другим — в г. Туринск Тобольской губернии. Окончил Тифлисскую гимназию. До середины июня 1916 г.

учился в Тифлисском военном училище, а затем на математическом факультете Московского университета.

В начале 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, откуда дезертировал в начале осени. В начале декабря 1918 г. прибыл в Омск, где сначала служил в министерстве труда. С 1 марта 1919 г.— сотрудник, с 15 марта — помощник директора пресс-бюро отдела печати при управлении делами Российского правительства, с 11 мая — заведующий особым по делам дезорганизации неприятельского тыла отделом управления делами Верховного правителя и Совета министров.

В начале 1920 г. арестован чекистами и летом расстрелян в Омске по приговору полномочного представительства ВЧК по Сибири.

[35] О деятельности особого по делам дезорганизации неприятельского тыла отдела управления делами Верховного правителя и Совета министров см.: Сводка материалов из белогвардейских архивов по Сибири (1918–1920 гг.). [Новониколаевск, 1922.] С. 93–97; *Посадсков А. Л.* Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистской спецслужбы белой Сибири // История «белой» Сибири: Тезисы 4-й научной конференции (6–7 февраля 2001 года). Кемерово, 2001. С. 162–167.

[36] Ошибка; правильно — создали.

[37] Устрялов Николай Васильевич (1890–1937) — родился в Санкт-Петербурге; из потомственных дворян Калужской губернии. Окончил Калужскую гимназию и юридический факультет Московского университета (1913 г.), был оставлен для приготовления к профессорскому званию. Обучался в Сорбонне и Марбургском университете. Член конституционно-демократической партии с 1916 г. В 1918 г. недолго возглавлял ее Калужский губернский комитет.

В 1916–1917 гг.— ассистент Московского коммерческого института, приват-доцент Московского университета, с 19 сентября 1918 г.— приват-доцент, с 22 января 1919 г.— исполняющий должность экстраординарного профессора Пермского университета. В январе 1919 г. переехал из Перми в Омск. С 27 января исполнял обязанности юрисконсульта при управлении делами Верховного правителя и Совета министров, с 21 февраля — директор пресс-бюро отдела печати при управлении делами Верховного правителя и Совета министров. 2 мая 1919 г. вошел в число акционеров-учредителей Русского общества печатного дела (Русского бюро печати), являлся членом его правления и помощником директора-распорядителя. Был редактором газет «Русское дело» и «Наша газета». С 3 июня 1919 г.— член президиума Восточного отдела ЦК партии кадетов.

В середине января 1920 г. эмигрировал в Китай. Жил и работал в Харбине. Инициатор идеологии «сменовеховства» на востоке России. В июле 1935 г. возвратился в СССР. Через год был арестован в Москве, приговорен к высшей мере наказания и 14 сентября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в сентябре 1989 г.

[38] Белевский (Белоруссов) Алексей Станиславович (1859–1919) — народник, потом член конституционно-демократической партии. За революционную деятельность отбывал наказание в ссылке, затем эмигрировал во Францию. Публицист, сотрудник и парижский корреспондент газеты «Русские ведомости». Во время Мировой войны занимал оборонческие позиции. В августе 1917 г. вошел в Совет общественных деятелей, выступавший за установление в России диктаторской власти. Октябрьский переворот встретил резко враждебно. В ноябре 1917 г. стал одним из организаторов первой московской антисоветской организации («девятка»), затем активно участвовал в формировании Добровольческой армии на юге России. Летом 1918 г. по заданию «Национального центра» перебрался на Урал,

где в Уфе и Екатеринбурге издавал газету «Отечественные ведомости». Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 16 мая 1919 г. был назначен председателем подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера. Умер в Иркутске в начале сентября 1919 г.

[39] Приводим точное содержание сообщения В. И. Язвицкого А. С. Белоруссову по прямому проводу: «Постараемся использовать Кошека. Для Вас могу сообщить, что Союз городов единогласно на своем заседании постановил всеми средствами помогать чехам в случае их выступления на [антибольшевистский] фронт и готов войти с ними в непосредственные сношения относительно снабжения чешской армии». (См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1061. Л. 245.)

[40] Приводим фрагмент точного текста переговоров по прямому проводу между А. С. Белоруссовым и В. И. Язвицким, зачитанный государственным обвинителем А. Г. Гойхбаргом:

«Омск — Иркутск, 8 сентября 1919 года.

У аппарата Язвицкий.

У аппарата Белоруссов.

Белоруссов: Я буду Вам говорить. Был у Павлу. Павлу считает интервенцию возможной, но едва ли немедленно. Нынешнее положение чехов бессмысленно и опасно, по мнению Павлу. Бессмысленно потому, что они борются с бунтовщическими шайками, которые вызываются к жизни правительственной политикой. Опасно потому, что в случае большевистского прорыва в Сибири чехи окажутся в мешке. Продвижение чехословацких войск на фронт и далее к Деникину поэтому и диктуется, но при одном условии, что тыл будет свободен и обеспечен. В настоящее время тыл не обеспечен, и чехи, уйдя на фронт, могут оказаться между большевиками и бунтующим тылом. Если [Российское] правительство обратится к чехо[словацкому] войску с прямой просьбой, просьба будет передана [президенту Чехословакии Т. Г.] Масарику*. За результат Павлу поручиться не может, так как в Чехии плохо понимают положение дел в России.

Павлу думает, кроме того, что чехо[словацкому] войску нельзя просто приказать идти на фронт — нужно предварительно создать соответственное настроение. Это могла бы сделать русская пресса, убедив чехов в опасности их положения в Сибири и дав гарантию в прочности того поворота в пользу союза власти и общественности, который ныне намечается. Но прежде правительство должно мудрой политикой успокоить тыл, тогда интервенция пройдет скоро и легко». (См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1061. Л. 245; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1 (ноябрь 1917 г.— август 1922 г.). М., 1973. С.283.)

[41] Оберюхтин Владимир Иванович — окончил Академию Генерального штаба, подполковник. Летом 1918 г. был назначен начальником канцелярии военного ведомства Самарского Комуча, затем преподавал в Академии Генерального штаба. С конца 1918 г. исполнял должность начальника организационного отдела Главного штаба военного министерства Российского правительства. С мая 1919 г. занимал пост генерал-квартирмейстера штаба Западной армии, с 22 июня — начальника

---

* Масарик Томаш Гарриг (1850–1937) — в 1882–1914 гг. являлся профессором философии Пражского университета. В Мировую войну добивался создания самостоятельного чехословацкого государства. В мае 1917 — марте 1918 г. находился в России, возглавляя Чехословацкий национальный совет (филиал в России). Один из инициаторов восстания Чехословацкого корпуса против советской власти. В 1918–1935 гг.— президент Чехословакии.

штаба Западной (3-й Сибирской) армии, с 22 июля по 8 ноября 1919 г.— начальника штаба Восточного фронта. 13 сентября 1919 г. произведен в генерал-майоры.

[42] Степанов Николай Александрович (1869/70–1949) — окончил кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище, офицерские курсы артиллерийской, кавалерийской и воздухоплавательной школ, Николаевскую академию Генерального штаба (1900 г.), генерал-майор (1915 г.).

Принимал участие в подавлении Боксерского восстания и в русско-японской войне. В 1908–1912 гг. преподавал в Алексеевском военном училище. В годы Мировой войны командовал драгунским полком, служил начальником штаба 6-й кавалерийской дивизии 2-й армии и 4-го конного корпуса, являлся начальником военно-сухопутного управления штаба Балтийского флота. За отличия в боях был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Станислава I степени с мечами.

В декабре 1917 — феврале 1918 г. под руководством А. М. Каледина боролся с большевиками на Дону. После очищения Дона Добровольческой армией перебрался на Дальний Восток, где познакомился с А. В. Колчаком, сопровождал его во время служебной поездки в Японию. Указом Временного Всероссийского правительства от 4 ноября 1918 г. был назначен помощником военного и морского министра по организационно-инспекторской части. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 3 января 1919 г. назначен военным министром Российского правительства (с правами командующего армией вне театра военных действий). Указом Верховного правителя от 23 мая 1919 г. снят с должности военного министра, приказом от 24 мая 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты.

После отчисления с поста министра переехал на юг России в расположение Добровольческой армии А. И. Деникина. С 1922 г. проживал в Сербии. Во время Второй мировой войны перебрался во Францию, где скончался.

[43] Будберг Алексей Павлович (1869–1945) — из потомственных дворян Лифляндской губернии, барон. Окончил Орловскоий Бахтина кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1895 г.), генерал-майор (1908 г.), генерал-лейтенант.

Был причислен к Генеральному штабу. Служил в 1897–1900 гг. на различных должностях в Приамурском военном округе. Участвовал в подавлении Боксерского восстания. В 1902–1913 гг.— начальник штаба Владивостокской крепости, с 1913 гг.— генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа. Во время Мировой войны служил генерал-квартирмейстером и начальником штаба 10-й армии, командиром 14-го армейского корпуса. С весны 1918 до весны 1919 г. находился на Дальнем Востоке. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 23 мая 1919 г. был назначен помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра с правами заместителя военного министра, 27 августа — военным министром. 27 сентября в связи с болезнью возложил исполнение обязанностей военного министра на начальника главного инженерного управления генерала Н. И. Коханова. 6 октября 1919 г. уволен с должности военного министра, с 19 октября зачислен в распоряжение Верховного правителя.

С 1920 г. находился в эмиграции сначала в Китае, а потом — в США. Автор дневника, который под названием «Дневник белогвардейца» неоднократно издавался за рубежом и в России. Умер в Сан-Франциско.

[44] Ошибка; здесь и далее правильно — отделом.

[45] «Сибирская речь» — орган Омского комитета партии народной свободы. С перерывами выходила в свет в 1918–1919 гг. Ее редактором и одним из главных авторов был В. А. Жардецкий.

[46] Руководство Русского бюро печати было недовольно работой А. И. Зака потому, что руководимое им Русское информационное бюро, располагавшееся в Нью-Йорке, слабо распространяло информационные телеграммы Русского бюро печати. Для устранения этого недостатка в начале октября 1919 г. в Нью-Йорке была создана параллельная структура — Русский комитет освобождения во главе с А. И. Башкировым. (См.: *Молчанов Л. А.* Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 гг.). М., 2001. С. 66.)

[47] Арнольдов Лев Валентинович (литературные псевдонимы — Виктор Сербский и П. Сольский) (1894 — не ранее 1947) — родился в Вологде. Окончил Иркутскую гимназию. В 1912–1913 гг. жил в Берлине, Париже и Тулузе, где слушал лекции в местных университетах. Продолжил образование на медицинском и юридическом факультетах Томского университета.

В 1915–1916 гг. работал в газете «Иркутская жизнь», затем преподавал английский язык в Хабаровском кадетском корпусе. С 27 ноября 1918 г.— начальник отделения департамента по делам печати министерства внутренних дел Российского правительства, с 10 февраля до 1 августа 1919 г.— исполняющий обязанности директора информационного бюро при управлении делами Верховного правителя и Совета министров. В начале августа 1919 г. уехал из Омска в Хабаровск, где работал в газетах «Приамурская жизнь» и «Приамурье», преподавал в Хабаровском кадетском корпусе. Автор книги «Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск» (Шанхай, 1935. 278 с.), в которой много внимания уделено гражданской войне в Сибири.

Летом 1920 г. эмигрировал в Китай, где жил в Харбине и Шанхае. Видимо, в конце 1930-х годов переехал в Бразилию, где и скончался.

[48] Сверженский Сергей Борисович (1886–1938) — родился в Риге. Окончил Рижскую Александровскую гимназию (1913 г.) и Петроградский университет (1917 г.). Оставлен на кафедре математики для подготовки к профессуре, приват-доцент. Член конституционно-демократической партии.

С конца 1918 г. служил чиновником особых поручений при управлении делами Российского правительства. 21 февраля 1919 г. был назначен директором Российского телеграфного агенства (РТА). С мая 1919 г. состоял членом правления Русского общества печатного дела. В 1925–1930 гг. работал профессором и заместителем ректора Иркутского государственного университета. С 1930 г. жил в Куйбышеве. В 1933–1938 гг. заведовал кафедрой математики Самарского индустриального института.

[49] Дурной тон (*франц.*).

[50] В телеграмме российского поверенного в делах в Лондоне В. Д. Набокова от 23 августа 1919 г. на имя управляющего министерством иностранных дел Российского правительства И. И. Сукина говорилось:

«Русский освободительный комитет просит передать в [Русское] бюро печати: [зарубежная] пресса публикует из американских источников известия о чрезвычайно трудном положении правительства адмирала Колчака и [его] армии.

Также распространяются достоверной большевистской информацией сведения об отрицательных явлениях на фронте и в тылу. Ваши телеграммы, освещающие события односторонне, перестают внушать доверие.

Измените политику утаивания истинной картины положения, иначе пропаганда весьма пострадает и станет невозможно опровергать злостные известия». См.: Советская Сибирь. 1920. 9 мая.

[51] Гутман Анатолий Яковлевич (псевдоним — Анатолий Ган) (1873 — после 1933) — экономист, приват-доцент; издатель, журналист и писатель. До Февральской революции был редактором-издателем московского «Коммерческого телеграфа», петроградских «Биржевого курьера» и «Эпохи».

В июле 1918 г. из Москвы через фронт пробрался в Сарапульский уезд Пермской губернии и принял участие в восстании ижевско-воткинских рабочих. С октября 1918 г. жил в Уфе, где сотрудничал в газете «Отечественные ведомости», затем в Екатеринбурге, где писал в «Уральскую жизнь». С января 1919 г. обосновался в Омске; здесь печатался в газетах «Заря» и «Русская армия». В конце марта 1919 г. приехал во Владивосток, где основал газету «Русский экономист». С февраля 1920 г. находился в эмиграции, последовательно проживая в Японии, Китае и Германии. Являлся редактором журнала «Русский экономист» (1922–1923 гг.), сотрудником газет «Сегодня», «Руль» и «Общее дело», до 1933 г. состоял берлинским корреспондентом парижского «Возрождения».

Автор ряда исторических книг, в том числе о революции и гражданской войне на востоке России: «Россия и большевизм. Материалы по истории революции и борьбы с большевизмом» (Шанхай, 1921. Часть 1 (1914–1920 гг.). X, 356, X с.); «Страницы истории гражданской войны на Дальнем Востоке» (Берлин, 1924. 292 с.).

[52] Видимо, правильно — желтым.

[53] Союз маслоделов (правильно — Союз сибирских маслодельных артелей) — крупнейшая кооперативная организация Сибири, в 1919 г. объединявшая 4 262 кооператива производителей масла. В 1918–1919 гг. руководящие органы Союза маслоделов идейно, организационно и финансово поддержали деятельность контрреволюционных структур по свержению советской власти в Сибири, а затем помогали всем антибольшевистским правительствам. 26–27 марта 1920 г. состоялся суд Омского губернского революционного трибунала над центральным правлением Союза маслоделов. Обвинитель В. Е. Опарин инкриминировал правлению то обстоятельство, что оно «весь свой аппарат приспособило главным образом к обслуживанию и поддержке интересов Колчака», в чем центральное правление Союза маслоделов и было признано виновным. Его руководитель А. В. Балакшин был приговорен к десяти годам, члены правления Н. Ф. Сергеев — к пяти, И. К. Гибсон и И. В. Майоров — к трем годам общественных принудительных работ с лишением свободы и конфискацией всего имущества, Венцель и Кочергин — к году принудительных работ без лишения свободы. Е. Я. Бабуре, Т. В. Говердовскому и В. П. Гребенщикову было выражено общественное порицание, а В. И. Ильяченко и И. К. Черкозьянов были оправданы. Правда, в отношении первых четверых Омский губревтрибунал вынес свой приговор заочно, так как все они в то время находились за границей. (См.: Советская Сибирь. 1920. 1 апреля.)

[54] Вяткин Георгий Андреевич (1885–1938) — родился в Омске в казачьей семье. Окончил Томскую учительскую школу (1899 г.), учился в Казанском учительском институте, откуда был исключен за неблагонадежность.

С 1903 г. жил в Томске, работал на разных должностях в газете «Сибирская жизнь», сотрудничал в других томских изданиях. С 1905 г. публиковался в московских журналах. В 1912 г. на Всероссийском литературном конкурсе был удостоен премии Н. В. Гоголя. Творчество Г. А. Вяткина высоко ценил А. М. Горький. Во время Мировой войны находился в армии. В первой половине 1918 г. служил в Томской городской управе. С 10 июля 1918 г.— помощник управляющего информационного бюро Временного Сибирского правительства, затем — помощник

управляющего отделом печати при управлении делами Верховного правителя и Совета министров, директор бюро обзоров повременной печати отдела печати при управлении делами Российского правительства. Автор ряда антибольшевистских публикаций, в том числе брошюры «Раненая Россия». Получил премию в 2 тыс. рублей на конкурсе Русского бюро печати за листовку «Что большевики обещали народу и что дали». Вместе с колчаковским правительством эвакуировался в Иркутск. После свержения колчаковской власти сначала служил заведующим обзорами повременной печати Иркутского Политического центра, затем заведовал информационным подотделом Иркутского губернского продовольственного комитета, сотрудничал в ряде местных газет разного направления. 22 мая 1920 г. был арестован особым отделом 5-й советской армии и 5 августа Омским губревтрибуналом приговорен к лишению избирательных прав сроком на три года.

В 1920–1930-е годы жил и работал в Омске и Новосибирске. 16 декабря 1937 г. арестован органами НКВД, 27 декабря приговорен к высшей мере наказания, 8 января 1938 г. расстрелян. 12 июня 1956 г. реабилитирован.

[55] *Здесь и далее ошибка; правильно — «La cause commune» («Общее дело»).*

«Общее дело» — русскоязычная газета, которую в 1918–1934 гг. издавал в Париже В. Л. Бурцев.

[56] Скороходов Алексей Александрович (1868–1924) — окончил Московское Комиссаровское техническое училище; член конституционно-демократической партии.

До 1893 г. служил на волжских машиностроительных заводах, затем преподавал в Нижегородском ремесленном училище. С 1896 г. жил в Томске и работал инспектором ремесленных училищ. В 1901–1905 гг. являлся гласным Томской городской думы, в 1908 г. был избран депутатом III Государственной думы. После Февральской революции работал директором Омского отделения Сибирского торгового банка. Согласно указу Временного Сибирского правительства от 13 июля 1918 г. назначен на должность директора отдела кредита и денежного обращения министерства финансов. С 14 сентября 1918 г. исполнял обязанности управляющего Государственным банком Сибири. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 13 декабря 1918 г. был назначен товарищем министра финансов Российского правительства. С 1 января 1919 г. был уволен с должности согласно личному прошению. Являлся членом Государственного экономического совещания. В начале 1920-х годов эмигрировал в Китай. Умер в Харбине.

[57] Так в тексте.

[58] По поручению министра юстиции товарищем министра М. А. Малиновским на имя прокурора Иркутского окружного суда в начале августа 1919 г. была отправлена телеграмма следующего содержания:

«[По] имеющимся в министерстве [юстиции] сведениям, Иркутским губернским земским собранием [была] принята противоправительственная резолюция, призывающая население [к] неповиновению правительству, с заведомо ложным освещением деятельности последнего и искажением поставленных правительством задач этой деятельности.

[В] случае, если такая резолюция действительно принята, поручаю немедленно возбудить [против] виновных уголовное преследование с избранием против главных виновных высшей в пределах закона меры пресечения.

Предлагаю также настаивать перед командующим войсками Иркутского [военного] округа [на] основании приказа Верховного правителя [от] 31 марта 1919 года и пункта 19 статьи 19 Приложения к статье 23 Общего учреждения

губернского [о] немедленном устранении главных виновников [от] должности. [О] последующем телеграфируйте». (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.)

[59] Речь идет о резолюции, принятой 7 июля 1919 г. на заседании первого очередного Иркутского губернского земского собрания по предложению гласного Н. Л. Иванова-Мартынова. В ней осуждалось свержение Уфимской Директории и установление единоличной власти Верховного правителя как «попытка воскресить дореволюционные методы управления страной»; утверждалось, что народные права попраны, а колчаковское правительство осуществляет «политические и экономические задания торгово-промышленного класса и реакционных групп [населения] с явно выраженными монархическими тенденциями»; делался вывод о безрезультатности в этих условиях деятельности земских органов; констатировалось, что Россия перестала быть субъектом международных отношений; ставилась задача прекратить гражданскую войну в стране, созвать Всероссийское и Всесибирское Учредительные собрания для решения важнейших общегосударственных вопросов; в качестве переходной меры предлагалось созвать Земский собор. (См.: ГАИО. Ф. р-45. Оп. 1. Д. 110. Л. 80–81; д. 243. Л. 31–33).

[60] Единственный экземпляр черновика циркулярного предположения о борьбе с большевизмом, подготовленного комитетом законности и порядка в управлении, а также сопроводительную этого документа за подписью М. Э. Ячевского от 25 октября 1919 г., адресованную М. А. Малиновскому, см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 36. Л. 117–125.

[61] Приказ № 1 командующего Добровольческой армией Московского района см.: Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 174–176.

[62] Таких слов в цитируемом приказе нет.

[63] Астров Николай Иванович (1868–1934) — из семьи врача. Окончил 2-ю Московскую гимназию и юридический факультет Московского университета (1892 г.). Крупный предприниматель. Один из основателей конституционно-демократической партии, член ее ЦК с 1907 г.

В 1892–1897 гг.— кандидат на судебные должности при Московском суде, мировой судья. С 1897 г.— секретарь, с 1905 г.— гласный Московской городской думы, затем — Московского губернского земского собрания. Во время Мировой войны был в числе организаторов и руководителей Всероссийского союза городов. После Февральской революции избирался московским городским головой. Сторонник коалиции кадетов и умеренных социалистов. Октябрьский переворот встретил враждебно. Являлся членом многих контрреволюционных организаций: «девятки», «Правого центра», «Национального центра», «Союза возрождения России». На Уфимском государственном совещании заочно был избран в состав Директории, но войти в нее отказался. С августа 1918 г. находился на юге России, состоял членом Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами юга России. В июне 1919 г. был командирован А. И. Деникиным в Париж для участия в работе Русского политического совещания.

После поражения Добровольческой армии эмигрировал в Чехословакию. Умер в Праге.

[64] Волков Николай Константинович (1875–1950) — из купеческой семьи. Окончил Московский сельскохозяйственный институт (1901 г.). Член конституционно-демократической партии; в феврале 1916 г. был избран в состав ее ЦК.

С 1904 г. жил в Чите, работал агрономом Забайкальского казачьего войска. Депутат III и IV Государственной думы от Забайкальской области. Товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. После Февральской

революции был товарищем министра земледелия в первом составе Временного правительства. Сторонник коалиции с умеренными социалистами и противник военной диктатуры генерала Л. Г. Корнилова. В октябре 1917 г. вошел во Временный совет Российской республики (Предпарламент).

После Октябрьского переворота стал одним из руководителей Московского отделения «Национального центра» и членом правления Всероссийского «Национального центра». С лета 1918 г. находился в Киеве, а потом в Екатеринодаре. Весной 1919 г. Особым совещанием при главнокомандующем вооруженными силами юга России А. И. Деникине и Всероссийским «Национальным центром» командирован во главе делегации в Сибирь для установления связи с А. В. Колчаком. Указом Верховного правителя был 25 июля 1919 г. назначен членом, а 19 августа — товарищем председателя Государственного экономического совещания. В конце 1919 г. вернулся в расположение деникинских войск.

С 1920 г. находился в эмиграции во Франции. Скончался в Париже.

[65] Василий Васильевич — В. В. Мишин (он же — В. В. Москвин, Михайлов) — колчаковский офицер, агент особого по дезорганизации неприятельского тыла отдела, доставивший в августе 1919 г. из Сибири в Москву в распоряжение «Национального центра» один миллион рублей.

[66] Карасенко (Николай Павлович Крашенинников) — из семьи помещика Орловской губернии. Летом 1918 г. был мобилизован в Сибири в белую армию. В мае 1919 г. зачислен в разведывательное отделение Ставки Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. В середине июня 1919 г. примерно с миллионом рублей был направлен в Москву к руководителю «Национального центра» Н. Н. Щепкину. 27 июля 1919 г. случайно оказался задержан в Вятской губернии советским милиционером при проверке проездных документов. Поскольку при произведенном обыске были обнаружены два револьвера и крупная сумма денег, арестованный был препровожден сначала в Слободскую уездную, затем в Вятскую губернскую чека, а потом переправлен в ВЧК. На допросе в Москве он дал исчерпывающие показания, позволившие чекистам раскрыть и ликвидировать всю организацию «Национального центра».

[67] «Союз возрождения России» — подпольная организация, созданная в конце марта 1918 г. и имевшая межпартийный характер. Ее организаторами были руководители умеренных и правых социалистических партий (народные социалисты, правые эсеры, меньшевики-оборонцы, члены плехановской группы «Единство»), а также левые кадеты. Главными задачами «Союза возрождения России» являлись свержение советской власти, созыв Всероссийского Учредительного собрания, воссоздание России в границах до 1914 г. (без Польши и Финляндии). В качестве временной власти на переходный до созыва Учредительного собрания период предлагалось образование директории во главе с военным диктатором. В качестве основной опорной базы для достижения поставленных целей была определена Сибирь, куда в конце весны 1918 г. выехала часть руководства «Союза возрождения России». Кроме Москвы и Сибири, его отделения и военные организации существовали во многих других городах и регионах. Члены «Союза возрождения России» активно участвовали в политической и вооруженной борьбе против большевистского режима практически на всей территории России. «Союз возрождения России» распался с поражением белогвардейских вооруженных сил.

[68] Ошибка; правильно — подлинный.

[69] См.: Правительственный вестник. 1919. 11 мая.

[70] Так в тексте.

[71] «Союз русского народа» — основан в Санкт-Петербурге в ноябре 1905 г. Являлся крайне правой черносотенной организацией. В конце 1907 — начале 1908 г. насчитывал около 350 тыс. человек, имел свои органы периодической печати, боевые дружины. После Февральской революции «Союз русского народа» распался, его печатные органы были запрещены, а деятельность стала предметом расследования чрезвычайной следственной комиссии. Соответственно, вопрос государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга был совершенно некорректен.

[72] Речь идет о попытке П. Н. Милюкова в начале 1918 г. опереться в борьбе против советской власти на германские оккупационные войска, находившиеся на Украине. ЦК партии кадетов осудил его позицию, и П. Н. Милюков сложил с себя обязанности председателя ЦК. В конце октября 1918 г. он признал свою позицию по вопросу об использовании немецкой армии ошибочной.

[73] Фигаро тут, Фигаро там (*итал.*).

[74] Харитонов Константин Петрович — родился в Санкт-Петербурге в семье крупного государственного чиновника. С 4 ноября 1918 г. являлся членом юридического совещания при Временном Всероссийском правительстве. С 12 января 1919 г.— юрисконсульт, с 28 февраля — старший юрисконсульт управления делами Российского правительства. 13 июня 1919 г. был назначен товарищем главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров. После разгрома колчаковских войск эмигрировал в Китай. В начале 1920-х годов работал членом правления Пригородного банка (г. Харбин).

[75] Горяинов Николай Матвеевич — старший делопроизводитель канцелярии Временного Сибирского правительства, затем — исполняющий обязанности директора общей канцелярии управления делами Совета министров Российского правительства. Являлся членом правления Русского общества печатного дела.

[76] Ошибка; см. комментарий 74 к настоящей главе.

[77] Ошибка; А. И. Деникин был назначен преемником Верховного правителя, а не заместителем, как неоднократно упомянуто ниже.

[78] Речь идет о телеграмме Совета министров, отправленной 3 января 1920 г. Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку в Нижнеудинск. В ней говорилось:

«Создавшаяся политическая обстановка повелевает Совету министров говорить с Вами откровенно. Положение в Иркутске после упорных боев гарнизона и забайкальских частей против повстанцев заставляет нас в согласии с командованием решиться на отход на восток, выговаривая через посредство союзного командования охрану порядка и безопасности города и перевод на восток антибольшевистского центра, государственных ценностей и тех из войсковых частей, которые этого пожелают. Непременным условием успеха вынужденных переговоров об отступлении является Ваше отречение, так как дальнейшее существование в Сибири возглавляемой Вами российской власти невозможно. Сов[ет] мин[истров] единогласно постановил настаивать на том, чтобы Вы отказались от прав Верховного правителя, передав их ген[ералу] Деникину, и указ об этом переслать телеграфно через чехо[словацкий] штаб предсовмину для распубликования. Это даст возможность сохранить идею единой всероссийской власти, охранить государственные ценности и предупредить те эксцессы и кровопролития, которые создадут анархию и ускорят торжество большевизма на всей территории. Настаиваем на издании Вами этого акта, единственно обеспечивающего от окончательной гибели русское дело. О необходимости обеспечить передачу верховной власти Деникину телеграфировал уже раньше Сазонов.

По уполномочию Совета министров: за предсовмина Червен-Водали; военный министр генерал Ханжин; управляющий министерством путей сообщения Ларионов».

Текст телеграммы см.: Народная мысль. 1920. 13 января; Последние дни колчаковщины: Сборник документов. М.; Л., 1926. С. 162–163.

[79] Документ, на который ссылался государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, см. ниже:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № /з.* ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Иркутск*] *22 декабря 1919 г.*

Председательствовал: вр[еменно] исп[олняющий] об[язанности] председателя Совета министров, вр[еменно] управляющий министерством внутренних дел А. А. Червен-Водали.

Участвовали: министры: финансов — П. А. Бурышкин, военный — генерал от артиллерии [М. В.] Ханжин, труда — Л. И. Шумиловский; управляющий морским министерством — контр-адмирал М. И. Смирнов, вр[еменно] управляющие министерствами: юстиции — А. П. Морозов, путей сообщения — А. М. Ларионов, государственный контролер Г. А. Краснов и главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс.

Присутствовали: старший юрисконсульт на правах товарища главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров И. А. Антропов.

Слушали: 8. Доклад вр[еменно] исп[олняющего] об[язанности] председателя Совета министров о телеграмме министра иностранных дел С. Д. Сазонова от 18 декабря 1919 г. за № 3336/381 о необходимости издания акта, устанавливающего порядок назначения преемника Верховного правителя, и об условиях перехода власти к последнему.

Постановили: [8.] Признавая, что порядок назначения Верховным правителем своего преемника на случай своей смерти, тяжкой болезни, отказа Верховного правителя от власти или невозможности ее осуществления должен быть обусловлен специальным законодательным актом, поручить управляющему делами Российского правительства выработать и представить к ближайшему заседанию Совета министров соответствующий законопроект.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 294–295.

[80] Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — из дворян; землевладелец. Окончил Александровский лицей.

В 1883 г. начал службу в министерстве иностранных дел России. С 1888 г. служил в заграничных посольствах и миссиях: секретарь посольства, советник и поверенный в делах в Великобритании, чрезвычайный и полномочный посол в Ватикане, посланник в САСШ. В 1909–1910 гг. являлся товарищем министра, в 1910–1916 гг.— министром иностранных дел. В 1917 г. был назначен Временным правительством послом в Великобритании. С конца 1918 г. являлся управляющим отделом внешней политики Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами юга России А. И. Деникине. 17 января 1919 г. был назначен министром иностранных дел Российского правительства.

[81] Приводим полный текст секретной телеграммы министра иностранных дел С. Д. Сазонова из Парижа в Иркутск от 18 декабря 1919 г.:

«Лежащая на нас обязанность отстаивать русское национальное дело перед другими государствами побуждает нас доложить, что с международной точки

* Так в тексте.

зрения величайшей опасностью грозило бы положение, при котором достигнутое объединение всех борющихся с большевиками сил под одной властью было бы нарушено. Для обеспечения этого единства необходимо издание акта, который утверждал бы условия законного преемства власти Верховного правителя не только в области военного командования, как это было сделано законом [от] 24 июля [1919 г.], но в отношении признания полноты принадлежащих [Верховному] правителю полномочий. Акт о преемстве власти Верховного правителя мог бы выразиться, по нашему мнению, в следующей примерной форме: „Для обеспечения непрерывности и преемства всероссийской власти повелеваю: верховная власть осуществляется впредь до созыва Учредительного собрания Верховным правителем. Во-вторых, Верховный правитель постановлением, объявленным во всеобщее сведение, назначает преемника Верховного правителя. [В-третьих,] в случае его (Верховного правителя.— *В. Ш.*) смерти, тяжкой болезни, отказа от власти или невозможности ее осуществления [власть] переходит к лицу, являющемуся преемником Верховного правителя". Обстоятельства, над которыми люди не властны, заставляют в ближайшем будущем считать крайне желательным, чтобы такого рода закон был ныне же издан и чтобы одновременно последовало назначение преемника в лице генерала Деникина.

Сазонов. № 3336/381».

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 21.

[82] Жанен Пьер-Тибо-Шарль-Морис (1862–1946) — родился в Лотарингии в семье военного врача. Окончил Версальскую гимназию. Начал военную службу в 1880 г. Учился в Военной академии в Сен-Сире. Окончил Французскую академию Генерального штаба (1892 г.), дивизионный генерал (1916 г.).

Служил в пехоте, артиллерии, штабе армии. Блестяще знал русский язык. В 1891–1892 и в 1910–1911 гг. стажировался в России, причем второй раз — при Императорской Николаевской академии Генерального штаба. Автор исследований о русско-турецкой 1877–1878 гг. и русско-японской 1904–1905 гг. войнах. Во время Мировой войны командовал пехотным полком 135-й бригады, 55-й пехотной бригадой, был помощником заместителя начальника Генерального штаба. С весны 1916 г. возглавлял чрезвычайную французскую военную миссию в России при Ставке Верховного главнокомандующего русской армии. С ноября 1918 г.— начальник французской военной миссии при Российском правительстве адмирала А. В. Колчака, главнокомандующий чехословацкими войсками в России, с января 1919 г.— представитель Высшего межсоюзного командования и главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке. Автор мемуарных книг «Moje účast na Československěm Boji za Svobodu» (Praha, 1930. 383 s.) и «Ma mission en Sibérie. 1918–1920» (Payot, Paris. 1933. 307 p.) о пребывании в Сибири в период правления А. В. Колчака.

[83] См. комментарий 113 к главе первой. К окончательному выводу о необходимости сделать ставку на Г. М. Семенова и поддерживавших его японцев лично А. В. Колчак пришел еще в конце ноября 1919 г., после чешского меморандума. С этой целью в середине декабря 1919 г. он провел зондаж военного командования японских войск в Сибири. (См.: Последние дни колчаковщины. С. 133, 160.)

[84] Скипетров Леонид Николаевич — полковник (1917 г.), был награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1917 г. служил в штабе Иркутского военного округа. В ноябре был арестован советскими властями, но через несколько дней освобожден. Один из организаторов антисоветского восстания в Иркутске в декабре

1917 г. Затем являлся заместителем начальника штаба Особого манчьжурского отряда Г. М. Семенова. Летом 1918 г. получил звание генерал-майора. В конце 1919 г.— заместитель командующего войсками Забайкальского военного округа. Командовал экспедиционным отрядом белогвардейцев, направленным Г. М. Семеновым в конце декабря 1919 г. из Читы в Иркутск на подавление поднятого Политическим центром восстания.

[85] Пепеляев Анатолий Николаевич (1891–1938) — родился в семье офицера в Нарыме Томской губернии, младший брат В. Н. Пепеляева. Окончил Омский Сибирский кадетский корпус и Павловское военное училище (1910 г.), подполковник (1917 г.).

В составе 41-го Сибирского стрелкового полка участвовал в Мировой войне. За боевые отличия был награжден орденом Св. Георгия IV степени и Георгиевским оружием. В феврале — мае 1918 г. являлся одним из руководителей антибольшевистской подпольной организации в Томске. 12 июня был назначен командиром 1-го Средне-Сибирского отдельного корпуса, который сыграл главную роль в освобождении от большевиков Восточной Сибири и Забайкалья. Указом Временного Сибирского правительства от 2 июля 1918 г. был произведен в полковники, приказом по Сибирской армии от 10 сентября — в генерал-майоры. Зимой 1918–1919 гг. отличился в боях за Пермь, за что был награжден орденом Св. Георгия III степени и указом Верховного правителя А. В. Колчака от 31 января 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты. С 25 апреля 1919 г. командовал Северной группой войск Сибирской армии. 14 июля был назначен командующим 1-й Сибирской армией.

В начале 1920 г. эмигрировал в Китай и жил в Харбине. Осенью 1922 — весной 1923 г. во главе Сибирской добровольческой дружины в 750 человек пытался свергнуть советскую власть в Якутии, но потерпел поражение и был взят в плен. Военно-революционным трибуналом 5-й армии приговорен к высшей мере наказания, замененной 10-летним лишением свободы. 21 августа 1937 г. арестован в Воронеже органами НКВД, 7 декабря тройкой УНКВД по Новосибирской области приговорен к высшей мере наказания, 1 января 1938 г. расстрелян. Реабилитирован 20 октября 1989 г.

[86] Цитируется разговор по прямому проводу между командующим Сибирской армией А. Н. Пепеляевым и исполняющим обязанности председателя Совета министров А. А. Червен-Водали 25 декабря 1919 г. Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг цитирует слова А. А. Червен-Водали неверно. Точный текст таков: «В городе [Иркутске] настроение очень нервное, выпущены воззвания повстанцев. Эти воззвания [нами] срываются. Есть основания ожидать подхода иностранных войск известной Вам национальности. С Вашим братом сейчас разговаривал, сообщил ему подробности шифром. От него получил указания, что ни [в] какие соглашения с большевистски настроенными элементами вступать невозможно. Этой же точки зрения держимся и мы». (См.: ГАНО. Ф. п-5. Оп. 2. Д. 1508. Л. 4; Свободная мысль. 1920. 13 января.)

[87] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал ряд выписок из журналов закрытых заседаний Совета министров, посвященных обсуждению вопросов материальной и финансовой помощи колчаковского правительства А. И. Деникину и Н. Н. Юденичу:

1. Выписка из журнала № 74/з. заседания Совета министров

[*г. Омск*] *8 апреля 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: финансов — И. А. Михайлов, военный — [генерал-майор] Н. А. Степанов, юстиции — С. С. Старынкевич, земледелия — Н. И. Петров, член Совета министров Г. К. Гинс; управляющие министерствами: труда — Л. И. Шумиловский, внутренних дел — вр[еменно] упр[авляющий] А. А. Грацианов, морским — вр[еменно] упр[авляющий] контр-адмирал В. В. Ковалевский, торговли и промышленности — вр[еменно] упр[авляющий] Н. Н. Щукин, иностранных дел — вр[еменно] упр[авляющий] И. И. Сукин, снабжения и продовольствия — вр[еменно] упр[авляющий] К. Д. Неклютин, путей сообщения — вр[еменно] упр[авляющий] Г. М. Степаненко, товарищ министра народного просвещения П. И. Преображенский; управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. Г. Тельберг и помощник управляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов.

Слушали: 3. Представление вр[еменно] управляющего министерством иностранных дел о передаче генералу Деникину 30 паровозов и 500 вагонов, находящихся в Америке и принадлежащих правительству.

Постановили: [3.] Передать 30 паровозов и 500 вагонов, находящихся в Америке, генералу Деникину.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 61.

2. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 82/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *17 апреля 1919 г.*

Председательствовал: вр[еменно] исполняющий обязанности председателя Совета министров, государственный контролер Г. А. Краснов.

Присутствовали: министры: военный — генерал-майор Н. А. Степанов, юстиции — С. С. Старынкевич, земледелия — Н. И. Петров; вр[еменно] управляющий государственным контролем — член совета государственного контроля М. Н. Чеботарев; управляющие министерствами: внутренних дел — А. Н. Гаттенбергер, труда — Л. И. Шумиловский; временно управляющие министерствами: иностранных дел — И. И. Сукин, морским — помощник морского министра контр-адмирал В. В. Ковалевский, путей сообщения — товарищ министра Г. М. Степаненко, торговли и промышленности — товарищ министра Ф. А. Томашевский; управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. Г. Тельберг и помощник управляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов.

Слушали: I. Телеграмму министра иностранных дел Сазонова о необходимости отпуска средств в распоряжение генерала Юденича.

Постановили: [I.] 1. Отпустить в распоряжение генерала Юденича 10 000 000 франков в виде аванса за счет военного фонда, в счет перечня расходов, имеющего быть представленным генералом Юденичем.

2. Поручить министерству иностранных дел срочно известить генерала Юденича об отпуске средств в его распоряжение.

3. Поручить министерству финансов принять срочные меры для перевода 10 000 000 [франков] генералу Юденичу.

4. Поручить военному министру затребовать от генерала Юденича перечень расходов.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 67.

3. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 145/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *15 августа 1919 г.*

Председательствовали: председатель Совета министров П. В. Вологодский и государственный контролер Г. А. Краснов.

Присутствовали: член Совета министров Г. К. Гинс; министры: внутренних дел — В. Н. Пепеляев, путей сообщения — Л. А. Устругов, земледелия — Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский; управляющие министерствами: снабжения и продовольствия — К. Н. Неклютин, народного просвещения — П. И. Преображенский; за военного министра — генерал-лейтенант барон [А. П.] Будберг, управляющий морским министерством — контр-адмирал М. И. Смирнов, товарищ министра торговли и промышленности А. М. Окороков; исп[олняющий] об[язанности] главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов и товарищ главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров К. П. Харитонов.

Слушали: II. Доклад председателя Совета министров о необходимости образования особой дивизии сибиряков в армии генерала Деникина и об отпуске последнему для сего семидесяти двух миллионов рублей казначейскими знаками (керенками).

Постановили: [II.] Отпустить в распоряжение генерала Деникина казначейскими знаками (керенками) семьдесят два миллиона рублей на образование особой дивизии сибиряков в армии генерала Деникина.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 131.

4. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 152/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *26 августа 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: внутренних дел — В. Н. Пепеляев, путей сообщения — Л. А. Устругов, земледелия — Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский; государственный контролер Г. А. Краснов; управляющие министерствами: народного просвещения — П. И. Преображенский, финансов — Л. В. [фон] Гойер, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, снабжения и продовольствия — А. М. Окороков; вр[еменно] управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин; главноуправляющий по делам вероисповеданий П. А. Прокошев; главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс и товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов и К. П. Харитонов.

Слушали: VI. Доклад вр[еменно] управляющего министерством иностранных дел И. И. Сукина: а) об образовании правительства при армии генерала Юденича и о признании им независимости Эстонии и необходимости в связи с этим установить определенный курс политики Российского правительства и о принятых им в этом направлении мерах, и б) о необходимости ассигнования средств генералу Юденичу (согласно заключению управляющего министерством финансов).

Постановили: [VI.] 1) По вопросу об образовании при армии генерала Юденича правительства и признании им независимости Эстонии ни официально, ни в прессе с осуждением не выступать.

2) Одобрить принятую в данном вопросе политику вр[еменно] управляющего министерством иностранных дел, поручив ему известить телеграфно: а) генерала Юденича о том, что Российское правительство будет продолжать оказывать ему денежную помощь и воздействовать на союзников в смысле снабжения его армии необходимым снаряжением, и б) министра иностранных дел С. Д. Сазонова о непризнании Российским правительством независимости Эстонии.

3) Признать необходимым доассигнование генералу Юденичу просимой им суммы, поручив министру финансов определить порядок отпуска ассигнуемых

средств, и по выяснении точной суммы представить соответствующий доклад в Совет министров.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 143.

5. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 157/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *5 сентября 1919 г.*

Председательствовал: по поручению председателя Совета министров государственный контролер Г. А. Краснов.

Присутствовали: министры: внутренних дел — В. Н. Пепеляев, путей сообщения — Л. А. Устругов, земледелия — Н. И. Петров; за военного министра — генерал-лейтенант барон [А. П.] Будберг; управляющие министерствами: народного просвещения — П. И. Преображенский, финансов — Л. В. [фон] Гойер, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, снабжения и продовольствия — К. Н. Неклютин, торговли и промышленности — А. М. Окороков; вр[еменно] управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин; главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс; главноуправляющий по делам вероисповеданий П. А. Прокошев; товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов и К. П. Харитонов.

Слушали: 5. Представление управляющего министерством финансов об отпуске средств на нужды армии генерала Юденича.

Постановили: [5.] Отпустить из военного фонда на нужды армии генерала Юденича 38 000 000 крон.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 156.

[88] Установить, какие документы цитировал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, не представляется возможным.

[89] А. А. Червен-Водали говорит откровенную неправду. 2 января 1920 г. на встрече с высокими комиссарами Англии и Франции, представителями САСШ, Японии и Чехии от имени руководства нового состава Российского правительства он утверждал: «Я могу заявить с чистой совестью, что мы уже начали самым действительным образом осуществлять либеральную политику, не переставая считать за основную мысль — борьбу против большевизма». А. А. Червен-Водали выражал уверенность, что они «сумели бы развить здесь антибольшевистскую ячейку», и интересовался у союзников, «может ли правительство рассчитывать на Вашу действительную поддержку, чтобы бороться с возмущением (речь идет о поднятом Политическим центром восстании в Иркутске. — *В. Ш.*)», «может ли русское правительство рассчитывать на активное участие [иностранных] войск, находящихся в Иркутском [военном] округе, для подавления выступления», «считается ли настоящее положение вещей возможным для эвакуации и продолжения борьбы». (См.: Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии высоких комиссаров и высшего командования союзных держав. Харбин, 1921. С. 6, 11, 12.)

[90] Ханжин Михаил Васильевич (1871–1961) — родился в станице Степной Оренбургского казачьего войска в семье казачьего офицера. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию (1899 г.), генерал-лейтенант (1917 г.).

Участник русско-японской и Мировой войн. В 1914–1917 гг. командовал артиллерийской бригадой, пехотной дивизией, занимал должности инспектора артиллерии армии и фронта, генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем. За боевые заслуги был удостоен орденов Св. Георгия IV и III степени, Св. Станислава III, II и I степени с мечами и бантом, Св. Анны III сте-

пени с мечами и бантом, награжден Георгиевским оружием, Офицерским крестом Почетного легиона, Большим крестом Румынской короны.

Октябрьский переворот встретил враждебно. Летом 1918 г. сформировал 3-й Уральский армейский корпус, во главе которого сражался против большевиков до конца 1918 г. В январе — июне 1919 г. командовал Западной армией. Приказом Верховного правителя А. В. Колчака от 20 апреля 1919 г. за одержанные над красными войсками победы был произведен в генералы от артиллерии и награжден орденом Св. Георгия II степени. Затем состоял при Ставке. С 6 октября 1919 г. до 4 января 1920 г. являлся военным министром Российского правительства.

В 1920 г. эмигрировал в Китай. В 1945 г. арестован советскими властями в Дайрене, был приговорен к 10 годам лишения свободы. Умер в Джамбуле. В 1992 г. реабилитирован.

[91] Бурышкин Павел Афанасьевич (1887–1955) — из купеческой семьи. Окончил юридический факультет Московского университета (1909 г.) и Московский коммерческий институт (1913 г.). Член партии прогрессистов с 1912 г., с 1917 г. примыкал к кадетам.

С 1912 г. возглавлял товарищество торговли мануфактурными товарами «А. В. Бурышкин». Являлся членом руководства многих предпринимательских структур, в том числе с 1912 г.— членом совета съездов представителей промышленности и торговли, с 1915 г.— Московского биржевого комитета. Активно занимался общественно-политической деятельностью: в 1912 г. был избран членом Московской городской думы, в 1914 г.— заведующим контрольным отделом при главном комитете Всероссийского союза городов, с 1915 г.— членом Центрального и Московского военно-промышленных комитетов, с апреля 1917 г.— товарищ московского городского головы.

После Октябрьского переворота участвовал в организации антибольшевистского Комитета общественного спасения, «Правого центра», а затем «Национального центра». Летом 1918 г. переехал на юг в расположение Добровольческой армии. Год спустя перебрался в Омск. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 1 августа 1919 г. назначен членом Государственного экономического совещания, с 19 августа 1919 г. являлся начальником главного управления заграничных правительственных заготовок. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 29 ноября 1919 г. назначен министром финансов Российского правительства.

В январе 1920 г. эмигрировал во Францию. Умер в Париже.

[92] Постановление Совета министров о назначении преемника Верховного правителя было принято 22 декабря 1919 г. Оно гласило: «В целях обеспечения непрерывности и преемства всероссийской власти Совет министров постановил: возложить обязанности преемника Верховного правителя на случай тяжкой болезни или смерти Верховного правителя, а также на случай отказа его от звания Верховного правителя или долговременного его отсутствия на главнокомандующего вооруженными силами на юге России генерал-лейтенанта Деникина». (См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 20.)

Нужно отметить, что сам А. В. Колчак не исключал возможность передачи верховной власти А. И. Деникину и, по свидетельству В. Н. Пепеляева, «выдвигал вопрос [об] отречении в пользу Деникина» за две недели до заседания Совета министров, принявшего такое решение. (См.: Последние дни колчаковщины. С. 148.)

[93] Третьяков Сергей Николаевич (1882–1943) — из московских купцов и фабрикантов. В 1901–1905 гг. учился на физико-математическом факультете Москов-

ского университета. Член партии прогрессистов, член ее ЦК с 1912 г. С лета 1917 г. являлся членом конституционно-демократической партии и ее ЦК.

Один из крупнейших московских предпринимателей, акционер и член правления многих льнопромышленных предприятий. С 1906 г. активно включился в общественную деятельность: товарищ председателя, затем председатель Всероссийского общества льнопромышленников; старшина Московского биржевого комитета; гласный Московской городской думы; член ЦК земского и городского союзов; товарищ председателя Московского и член Центрального военно-промышленных комитетов.

После Февральской революции состоял товарищем председателя исполкома московских общественных организаций, был одним из организаторов Всероссийского союза торговли и промышленности, входил в Совет общественных деятелей. 25 сентября 1917 г. вошел в третий состав коалиционного Временного правительства в качестве председателя Экономического совета и Главного экономического комитета.

На следующий день после Октябрьского переворота был арестован большевиками в Зимнем дворце и три месяца содержался в заключении в Петропавловской крепости. Эмигрировал в Финляндию, откуда перебрался на юг России. Вел переговоры в Париже и Лондоне об оказании помощи белому движению. Летом 1919 г. через САСШ перебрался на Дальний Восток, а 2 октября прибыл в Омск. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 3 октября 1919 г. был назначен министром торговли и промышленности Российского правительства, его же указом от 29 ноября — заместителем председателя Совета министров с возложением на него управления министерством иностранных дел.

В январе 1920 г. снова эмигрировал и жил в Париже. В 1929 г. был завербован НКВД; выдал руководителя Российского общевоинского союза генерала Е. К. Миллера. В августе 1942 г. арестован фашистами и в конце 1943 г. казнен как советский агент.

[94] Телеграмму С. Д. Сазонова см. в комментарии 81 к настоящей главе.

[95] Телеграмму А. А. Червен-Водали, М. В. Ханжина и А. М. Ларионова Верховному правителю А. В. Колчаку см. в комментарии 78 к настоящей главе.

[96] Телеграмма не найдена.

[97] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг цитирует неточно. На самом деле текст телеграммы, посланной 22 декабря 1919 г. в 22 часа А. А. Червен-Водали С. Н. Третьякову, таков:

«Сообщите, насколько основательны слухи о задержке чехами броневика и аресты присланной Семеновым милиции. Торопите обстановку: каждый час дорог. Балаганск и вся дорога от Черемхово и на запад от Иркутска в руках повстанцев. Чехи настроены неприязненно, необходим примирительный тон через японцев. Завтра предполагаем предпринять активные операции с раннего утра. Число арестованных нами превысило шестьдесят [человек]». (См.: Народная мысль. 1920. 13 января.)

[98] В ответной телеграмме от 25 декабря 1919 г. С. Н. Третьяков сообщил А. А. Червен-Водали:

«Отвечаю на поставленные вопросы: 1) броневик, посланный распоряжением из Читы, не задержан; 2) по моим сведениям, в Иркутске броневика Семенова не было; 3) положение в Чите то же, что вчера. Все распоряжения об отправке русских войск в размерах, сообщенных Вами, вчера сделаны. Уверенность в посылке японских войск остается старая [...]. Думаю, что за эти два дня я сделал все

возможное для посылки Вам необходимой помощи. Если Вы продержитесь еще несколько дней, уверен, что возможно будет произвести эвакуацию персонала и ценностей из Иркутска. Удержать Иркутск на продолжительное время кажется мне маловероятным, хотя японцы еще не сказали своего последнего слова [...]. Более длительное пребывание здесь делается для меня затруднительным. Из Харбина предполагаю вернуться в Читу, а если будет возможным, в Иркутск. № 10/пох.». (См.: Народная мысль. 1920. 13 января.)

[99] Телеграмма не найдена.

[100] Установить, какую телеграмму цитировал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, не представляется возможным.

[101] Видимо, речь идет о сообщении Г. Г. Тельберга Д. Л. Хорвату, опубликованном в сборнике «Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы» (Владивосток, 1995. С.133).

[102] Антропов Иван Александрович (1888–1938) — родился в г. Елабуга Вятской губернии. Окончил гимназию в Казани (1906 г.), учился в Казанском и Санкт-Петербургском университетах, первый из которых окончил в 1912 г. с золотой медалью.

Был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. Ученик профессора А. В. Завадского. В 1913–1914 гг. продолжил обучение в Германии. С 1915 г. был зачислен приват-доцентом в Казанский университет, в 1918 г. избран исправляющим должность экстраординарного профессора кафедры гражданского процесса Пермского университета. С середины октября 1918 г.— председатель юридического совещания при Временном Всероссийском правительстве. 30 сентября 1918 г. был назначен исправляющим должность помощника управляющего делами Временного Всероссийского правительства с оставлением в означенных должностях. После колчаковского переворота служил исполняющим обязанности юрисконсульта управления делами Российского правительства, являлся членом подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера и областных представительных учреждениях. С 13 июня 1919 г.— старший юрисконсульт управления делами Российского правительства, с 19 сентября — исполняющий обязанности товарища главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров.

В середине 1930-х годов проживал в Свердловске, работал начальником юридического отдела облэнерго. 19 марта 1938 г. был арестован, 8 августа приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

[103] Документ не найден.

[104] Документ не найден.

[105] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал выписку из журнала закрытого заседания Совета министров:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 188/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *5 ноября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: внутренних дел — В. Н. Пепеляев, путей сообщения — Л. А. Устругов, торговли и промышленности — С. Н. Третьяков, юстиции — Г. Г. Тельберг, земледелия — Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский, военный — генерал от артиллерии [М. В.] Ханжин; управляющие министерствами: финансов — Л. В. [фон] Гойер, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, иностранных дел — И. И. Сукин, народного просвещения — вр[еменно] упр[авляющий] В. Н. Саввин, снабжения и продовольствия — К. Н. Неклютин, главноупра-

вляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс и товарищ главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров К. П. Харитонов.

Слушали: 2. Предложение председателя Совета министров об отпуске в распоряжение управляющего министерством финансов контрвалюты на приобретение 50 000 иен для образования секретного фонда.

Постановили: [2.] Отпустить в распоряжение управляющего министерством финансов из наличных средств государственного казначейства контрвалюту на приобретение 50 000 иен для образования секретного фонда с тем, чтобы отчет в израсходовании сумм из означенного фонда был представлен управляющим министерством финансов председателю Совета министров и государственному контролеру*.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 230.

[106] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал выписку из журнала закрытого заседания Совета министров:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 196/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Иркутск*] *19 ноября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: юстиции — Г. Г. Тельберг, военный — генерал от артиллерии М. В. Ханжин, внутренних дел — В. Н. Пепеляев, земледелия — Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский; государственный контролер Г. А. Краснов; управляющие министерствами: финансов — Л. В. [фон] Гойер, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, иностранных дел — И. И. Сукин; товарищи министров: путей сообщения — А. М. Ларионов, снабжения и продовольствия — Н. А. Мельников; главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс, товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов и К. П. Харитонов; старший юрисконсульт управления делами Российского правительства И. А. Антропов.

Слушали: 3. Доклад председателя Совета министров о необходимости увеличения размера секретного фонда, образованного по постановлению Совета министров от 5 ноября 1919 года (журнал № 188/з.).

Постановили: [3.] В дополнение к постановлению Совета министров [от] 5 ноября 1919 года (журнал № 188/з.) отпустить в распоряжение управляющего министерством финансов из наличных средств государственного казначейства контрвалюту на приобретение 50 000 иен для увеличения секретного фонда с тем, чтобы отчет в израсходовании сумм из означенного фонда был представлен управляющим министерством финансов председателю Совета министров и государственному контролеру.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 249.

[107] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал еще одну выписку из этого же журнала закрытого заседания Совета министров:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 196/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Иркутск*] *19 ноября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: юстиции — Г. Г. Тельберг, военный — генерал от артиллерии М. В. Ханжин, внутренних дел — В. Н. Пепеляев, земледелия —

* На подлиннике этого журнала имеется виза: «Согласен. Верховный правитель адмирал Колчак».

Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский; государственный контролер Г. А. Краснов; управляющие министерствами: финансов — Л. В. [фон] Гойер, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, иностранных дел — И. И. Сукин; товарищи министров: путей сообщения — А. М. Ларионов, снабжения и продовольствия — Н. А. Мельников; главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс, товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов и К. П. Харитонов; старший юрисконсульт управления делами Российского правительства И. А. Антропов.

Слушали: 4. Представление управляющего министерством финансов о разрешении ему в случаях особой необходимости выплачивать высшим должностным лицам иностранную валюту, исчисляемую по льготному курсу, в обмен на контрвалюту с тем, чтобы сумма контрвалюты на каждое лицо не превышала половины годового получаемого по службе содержания во всех его видах и чтобы отчет по этой операции представлялся в конце отчетного года в порядке, установленном п[унктом] 2 журнала Совета министров от 6 ноября 1919 года.

Постановили: [4.] Представление управляющего министерством финансов одобрить.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 249.

[108] Установить, какую телеграмму цитировал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, не представляется возможным.

[109] Телеграмма не найдена.

[110] Документ не найден.

[111] Документ не найден.

[112] Звание почетного гражданина Сибири было присвоено П. В. Вологодскому «в ознаменование выдающихся заслуг» постановлением Административного совета Временного Сибирского правительства в последний день существования это органа власти, 3 ноября 1918 г. (См.: Сибирский вестник. 1918. 6 ноября; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 3 ноября 1918 г. № 24. С. 5.)

[113] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг процитировал выписку из журнала закрытого заседания Совета министров:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 2/202/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Иркутск*] *30 ноября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров В. Н. Пепеляев.

Присутствовали: заместитель председателя Совета министров, управляющий министерством иностранных дел С. Н. Третьяков; министры: земледелия — Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский, военный — генерал от артиллерии М. В. Ханжин, финансов — П. А. Бурышкин, торговли и промышленности — А. М. Окороков; временно управляющие министерствами: внутренних дел — А. А. Червен-Водали, юстиции — А. П. Морозов, путей сообщения — Г. М. Степаненко; председатель Государственного экономического совещания, главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс; государственный контролер Г. А. Краснов; старший юрисконсульт на правах товарища главноуправляющего делами Временного правителя и Совета министров И. А. Антропов.

Слушали: XV. Доклад председателя Совета министров о необходимости назначения пенсии б[ывшему] председателю Совета министров П. В. Вологодскому, положившему начало активной борьбы с большевиками и принесшему своей работой исключительную пользу воссозданию государства.

Постановили: [XV]. Поручить министру финансов установить по соглашению с государственным контролером размер пенсии, которая могла бы быть назначена б[ывшему] председателю Совета министров сенатору П. В. Вологодскому в воздаяние его исключительных заслуг перед родиной, и внести вопрос о назначении этой пенсии на утверждение Совета министров.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 262, 265.

[114] Ошибка; правильно — Оттокар.

Оттокар Николай Петрович (1884–1957) — окончил Санкт-Петербургский университет, историк-медиевист; ученик И. М. Гревса, идейный единомышленник и близкий друг Л. П. Карсавина. Стоял у истоков новой социальной истории и ее историко-антропологического направления. С ноября 1916 г. являлся профессором, а в 1919–1921 гг.— ректором Пермского университета. В конце 1922 (или в 1923 ?) г. эмигрировал на Запад. Жил и работал в Германии, Франции и Италии. Профессор филологического факультета Флорентийского университета. Умер в Италии.

[115] Ошибка; на самом деле И. Н. Хроновский подал прошение об отставке еще 9 декабря 1919 г., но ему сначала был предоставлен двухнедельный отпуск. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 19 декабря И. Н. Хроновский был уволен с занимаемой должности с 23 декабря 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 37. Л. 8, 45.)

[116] Сохранился любопытный документ, подтверждающий слова И. Н. Хроновского: отношение в Иркутскую чрезвычайную следственную комиссию заведующего Иркутским губернским финансовым отделом В. Бисенека от 19 марта 1920 г. В. Бисенек писал об И. Н. Хроновском: «По общему отзыву всех его бывших сослуживцев, не только политического, но даже практического делового значения его служба в б[ывшем] министерстве финансов не имела, и вся работа его сводилась к чисто научному обоснованию вопросов налогового обложения». (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 37. Л. 24.)

[117] Ландер Карл Иванович (1883–1937) — большевик с 1905 г. Участник первой русской революции в Москве. После Февральской революции — член Минского и Северо-Западного областного комитетов РСДРП(б), с 4 ноября 1917 г.— председатель Минского совета, председатель бюро военно-революционного комитета Западной области и фронта, председатель совнаркома Западной области и фронта, член президиума ВЦИК советов. С мая 1918 г.— народный комиссар государственного контроля РСФСР.

[118] Судя по всему, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду доклады государственного контролера Г. А. Краснова, сделанные им в особом присутствии Совета министров 17 ноября 1919 г. и на закрытом заседании Совета министров 18 ноября 1919 г., первый из которых содержал сведения «о политическом настроении общественных группировок Иркутска в связи с перемещением правительства из Омска», а второй начинался информацией «а) о политическом положении в гг. Владивостоке и Иркутске, б) о настроении железнодорожных рабочих...». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 244, 247.)

[119] Предложение об изменении статуса государственного контролера (в смысле его вхождения в состав Совета министров только с правом совещательного голоса) было внесено Г. А. Красновым 30 ноября 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 263.)

[120] В действительности у угольных предприятий Черемховских копей было

восемь владельцев. И. И. Собещанский был лишь представителем одного из них — Русско-Азиатского товарищества.

[121] Владельцы Черемховских копей определили стоимость своих предприятий в 95 725 тыс. рублей, созданная министерством торговли и промышленности комиссия — в 77 605 тыс. рублей, а правительство назначило цену в 59 116,5 тыс. рублей, которые к тому же обесценились из-за двухмесячной рассрочки с реальной выплатой. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 34. Л. 42–46; *Рынков В. М.* Колчаковская национализация: Черемховские копи во второй половине 1918–1919 г. // Гражданская война на Востоке России: проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 101–103.)

[122] Вопрос о необходимости расследования деятельности министерства финансов в области расходования секретных сумм и валюты, министерства снабжения и продовольствия — в области заготовки продовольствия и снабжения армии был инициирован государственным контролером Г. А. Красновым. 30 ноября 1919 г. Совет министров согласился с его предложениями и просил председателя Совета министров принять меры, позволявшие отсрочить отъезд из Иркутска бывшего министра финансов И. А. Михайлова и бывшего управляющего министерством финансов Л. В. фон Гойера до окончания расследования дела. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 264.)

16 декабря 1919 г. министр финансов П. А. Бурышкин доложил результаты расследования деятельности его предшественников. По его мнению, «некоторые двусмысленные мероприятия обусловливались той объективной двойственностью положения Л. В. фон Гойера, которая проистекала из того, что руководитель одного из наиболее активных частных банков — Русско-Азиатского банка — был назначен руководителем финансовой политики правительства». Что же касается И. А. Михайлова, то П. А. Бурышкин считал, «что чисто ведомственные мероприятия И. А. Михайлова не дают оснований [для] его задержания». Однако Совет министров принял решение, не позволявшее И. А. Михайлову и Л. В. фон Гойеру выехать на восток до возвращения в Иркутск председателя Совета министров В. Н. Пепеляева. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 289.)

[123] В марте 1919 г., после своей отставки с поста министра снабжения и продовольствия, Н. С. Зефиров обратился к председателю Совета министров с просьбой в связи с публикациями в омских газетах «Заря» и «Наша заря» назначить комиссию по расследованию обстоятельств сделки с чайной фирмой «Дальневосточное товарищество». В ходе расследования был собран большой фактический материал. Но дело в силу его объективной сложности приняло затяжной характер. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 39. Л. 389–393; д. 40). После доклада государственного контролера Г. А. Краснова на заседании Совета министров 30 ноября 1919 г. расследование явно активизировалось. 5 декабря 1919 г. Совет министров, заслушав временно управляющего министерством юстиции А. П. Морозова, постановил: «Усматривая из доклада временно управляющего министерством юстиции, что в условиях переживаемых и при соблюдении всех формальностей Уст[ава] угол[овного] судопр[оизводства] дело о б[ывшем] министре снаб[жения] и прод[овольствия] Н. С. Зефирове принимает затяжной характер, поручить временно управляющему министерством юстиции к следующему заседанию Совета министров представить соображения о возможности, не нарушая гарантий правосудия, ускорить рассмотрение этого дела». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 274.)

[124] Материалы об учреждении в САСШ Эмигрантского банка с участием «правительственного капитала», в том числе постановление Совета министров от 17 октября 1919 г. об образовании этого банка, см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 212; д. 806. Л. 1–21.

Для выдачи ссуд частным лицам и учреждениям в целях приобретения ими акций Эмигрантского банка правительство тогда же решило открыть министерству финансов сверхсметный кредит в 2,0 млн золотых рублей.

[125] Г. А. Краснов довольно полно и очень точно повторил выводы междуведомственной комиссии, обследовавшей по поручению Совета министров деятельность Омского военно-промышленного комитета, основные результаты работы которой 26 августа 1919 г. доложил на заседании Совета министров управляющий министерством торговли и промышленности А. М. Окороков. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 66–67.)

[126] Постановление Совета министров от 26 августа 1919 г. о сенаторской ревизии бывшего Омского областного военно-промышленного комитета, с 4 марта 1919 г. выполнявшего в Сибири функции Временного центрального военно-промышленного комитета, и положение о сенаторской ревизии Омского областного военно-промышленного комитета см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 67; Правительственный вестник. 1919. 28 октября.

[127] Висковатов Александр Константинович — тайный советник в отставке. Старший юрисконсульт, с 30 октября 1918 г.— временно исполняющий обязанности директора первого отдела министерства юстиции Временного Сибирского правительства, с 24 декабря 1918 г.— сенатор уголовно-кассационного департамента Правительствующего сената. Указом Совета министров от 19 сентября 1919 г. А. К. Висковатову была поручена ревизия деятельности бывшего Омского областного и Временного центрального военно-промышленных комитетов. (См.: Правительственный вестник. 1919. 4 октября.)

[128] Так в тексте.

Глава шестая. Заседание пятое

[1] Неточно; правильнее — документ.

[2] Документ не найден.

[3] См.: Правительственный вестник. 1919. 27 ноября.

[4] Программа «Национального центра» содержала два основных пункта: «а) свержение советской власти и восстановление единой и неделимой России; б) учреждение единоличной диктатуры с чрезвычайными полномочиями в тесной связи с Добровольческой армией». (См.: Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 39.)

[5] Возможно, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду «Историю „Национального центра“», 24 марта 1920 г. составленную С. А. Котляревским. (См.: Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 131–171.)

[6] «Правый центр» — создан нелегально в марте 1918 г. в Москве. Объединял представителей ряда крупных московских организаций несоциалистического характера: конституционных демократов, Совета общественных деятелей, Союза земельных собственников, Торгово-промышленного комитета. Председателем «Правого центра» являлся профессор П. И. Новгородцев. Единственно приемлемой формой государственного устройства России «Правый центр» считал конституционную монархию. Возможность свержения советской власти и установления

конституционной монархии в стране он связывал с отказом от союзнических обязательств по отношению к странам Антанты и с переориентацией на Германию.

[7] Информация государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга не соответствует действительности. Никакой записки А. В. Колчака с требованием выдать И. И. Девятова, И. И. Кириенко и К. А. Попова не существовало. Первые двое были взяты из Омской тюрьмы начальником унтер-офицерской подготовительной школы капитаном П. М. Рубцовым, сославшимся на личное приказание Верховного правителя, документально не подтвержденное. Затем выдать И. И. Девятова, И. И. Кириенко и К. А. Попова требовал у начальника Омской областной тюрьмы поручик Ф. А. Барташевский из отряда И. Н. Красильникова, также ссылавшийся при этом на личное распоряжение Верховного правителя, не подтвержденное письменно. (См.: Красный архив. М.; Л., 1924. Т. 7. С. 210–211, 221.)

[8] Человека с такой фамилией среди находившихся в Омской тюрьме и затем расстрелянных не было. Скорее всего, речь шла об известном журналисте, редакторе челябинской газеты «Власть народа» Викентии Аницетовиче Гутовском (литературный псевдоним — Евгений Маевский), арестованном начальником гарнизона г. Челябинск «за агитацию против Верховного правителя» и приговоренного к трем месяцам тюрьмы и высылке из пределов Челябинского уезда. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 50. Л. 72; РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 51. Л. 6–10.)

[9] Так в тексте.

[10] Ясское совещание проходило 16–23 ноября 1918 г. В нем участвовали представители широкого спектра партийных и общественно-политических сил антибольшевистской России от эсеров до бывших монархистов, а также представители стран Антанты. «Русская делегация» выступила на Ясском совещании с призывом к членам Антанты о немедленной вооруженной поддержке российской контрреволюции в борьбе с советской властью, заявила о необходимости восстановления «единой и неделимой» России в границах до 1914 г. и о создании единого командования белогвардейских войск под эгидой Добровольческой армии.

[11] Председатель Совета министров В. Н. Пепеляев уехал из Иркутска в западном направлении для личного доклада Верховному правителю А. В. Колчаку вечером 30 ноября 1919 г.

[12] См.: Правительственный вестник. 1919. 11 мая.

[13] В беседе с сотрудником «Правительственного вестника», опубликованной 2 августа 1919 г. под названием «Политическая жизнь на юге России», Н. К. Волков и А. А. Червен-Водали дали о себе следующую информацию: «Мы командированы в Омск, во-первых, Особым совещанием при Добровольческой армии, во-вторых, Всероссийским „Национальным центром“. Организации, нас пославшие, имели в виду установить связи между двумя центрами: Омском и Екатеринодаром».

[14] Державы Согласия — более известны как Антанта. Антанта возникла в 1904–1907 гг. как блок Великобритании, Франции и России (так называемое Тройственное согласие). В годы Мировой войны объединяла 25 государств.

[15] Федоров Михаил Михайлович (1858–1949) — родился в дворянской семье. Видный русский предприниматель. С 18 февраля по 4 мая 1906 г.— министр торговли и промышленности Российского правительства. В 1907–1908 гг. был редактором газеты мирнообновленцев «Слово». В 1914 г. являлся председателем совета Азовско-Донского коммерческого банка, председателем правлений Российского горнопромышленного комиссионного общества, Русского общества гранитного, мраморного и строительного дела, членом правления «Всеобщей строительной компании», Русского общества пароходства и торговли. В период Мировой войны

— видный деятель Всероссийского союза городов и Земско-городского союза, член Центрального военно-промышленного комитета.

После Февральской революции вступил в партию народной свободы, стал одним из лидеров российской контрреволюции. В ноябре 1917 г. вошел в созданный московскими кадетами подпольный центр («девятку»). В конце 1917 — начале 1918 г. в качестве представителя «девятки» работал на юге России в составе Донского гражданского совета. В апреле 1918 г. возвратился в Москву и вступил в «Правый центр». Летом того же года стал председателем правления Всероссийского «Национального центра». Осенью 1918 г. прибыл на юг для оказания материальной помощи генералу А. И. Деникину, состоял членом Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами юга России.

В марте 1920 г. эмигрировал во Францию. Жил и умер в Париже.

[16] Документ не найден.

[17] Так в тексте.

[18] Видимо, речь идет о Н. П. Бруханском, который был командирован руководством «Национального центра» из Москвы в Омск, куда он прибыл в феврале 1919 г.

[19] Имеется в виду террористический акт в здании Московского городского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке, осуществленный 25 сентября 1919 г. анархистами подполья и левыми эсерами. Из примерно 100–120 человек, присутствовавших на заседании, взрывом было убито 12 и ранено 55 человек.

[20] Так в тексте.

[21] Так в тексте.

[22] Информация о расстреле ВЧК 67 человек во главе с Н. Н. Щепкиным и братьями А. И. и В. И. Астровыми, обвинявшимися в принадлежности к «Национальному центру», была опубликована в московской газете «Известия ВЦИК» 23 сентября 1919 г.

[23] Имеется в виду Н. П. Карасенко (Крашенинников). (См. комментарий 65 к главе пятой.)

[24] Речь идет о взрыве на артиллерийских складах около села Хорошево (Хорошевские склады), происшедшем 9 мая 1920 г. Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг пытался в этом происшествии найти «руку» контрреволюции, хотя председатель комитета обороны Москвы Л. Б. Каменев сразу же публично признал, что его причиной являлось «преступно-небрежное отношение к столь важному вопросу, как хранение артиллерийского имущества». (См.: Правда. 1920. 15 мая.)

[25] Н. К. Волков и А. А. Червен-Водали были приглашены на заседание Совета министров, состоявшееся 29 июля 1919 г. На заседании они огласили приветствие правления Всероссийского «Национального центра» Российскому правительству. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак принял их 3 августа 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 118; Правительственный вестник. 1919. 1 и 5 августа.)

[26] «Свободная Россия» (затем переименовалась в «Свободу России») издавалась в Ревеле с 26 августа 1919 г. Ее редактором являлся бывший сотрудник «Мира Божьего», «Биржевых новостей», «Вестника Европы» и «Русской воли» Г. Л. Кирдецов (1880-е — 1938). Подзаголовок «Свободной России» гласил: «Литературно-политическая газета. Орган независимой демократической мысли». Реально газета была полуофициозом Северо-Западного правительства и проводила его курс. Г. Л. Кирдецов затем редактировал газету «Накануне», служил

в советских торговых и дипломатических миссиях. В середине 1920-х годов возвратился в СССР. В 1935 г. арестован, умер в заключении.

[27] Дюшен Борис Вячеславович (1886–1949) — по образованию инженер-технолог. Социал-демократ меньшевик с 1903 г. В 1911 г. редактировал и издавал газету в Финляндии. Во время Мировой войны служил рядовым 148-го пехотного Каспийского полка, принимал участие в боях, был ранен и контужен, имел награды за боевые отличия. В 1915 г. окончил военное училище и получил офицерское звание.

После Февральской революции был назначен Временным правительством ярославским губернским комиссаром, затем являлся председателем Ярославской губернской земской управы, членом Главного комитета Всероссийского земского союза. Депутат Всероссийского Учредительного собрания. После Октябрьского переворота подвергался арестам со стороны большевистских властей, суду революционного трибунала, тюремному заключению. В июле 1918 г. входил в число военных руководителей Ярославского антисоветского восстания, за что заочно был приговорен к высшей мере наказания. Тем не менее еще около года находился в советской России на подпольном положении. В августе 1919 г. перебрался на территорию, контролировавшуюся Северо-Западным правительством, где возглавил редакционный комитет отдела агитации и пропаганды местного Совета министров. Активно сотрудничал в газете «Свободная Россия». В конце 1919 г. опубликовал в ней ряд статей, ставших предвестником «сменовеховской» идеологии. Затем жил в Берлине, в 1922–1924 гг. состоял членом редколлегии газеты «Накануне», сотрудничал в берлинском отделении горьковского издательства «Знание». В 1926 г. возвратился в СССР, работал в Москве заведующим отделом заочного обучения в системе профессионального образования.

[28] Судя по всему, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг цитировал статью К. Ю.-Х. Данишевского «Меньшевики в собственном изображении», опубликованную 9 апреля 1920 г. в газете «Известия ВЦИК». В статье К. Ю.-Х. Данишевского рассказывалось о полемике, развернувшейся между двумя ревельскими газетами: «Жизнь» и «Свободная Россия».

[29] В данном случае государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг основывается на информации, содержащейся в статье Н. М. (инициалы члена редколлегии газеты «Правда» Н. Л. Мещерякова) «Ценные признания белогвардейцев», опубликованной 20 мая 1920 г. в «Правде». В ней Н. Л. Мещеряков обильно цитировал статью Б. В. Дюшена из ревельской газеты «Свободная Россия», в которой Б. В. Дюшен высоко оценил боевые качества Красной армии, главным образом рядовых красноармейцев.

Из сравнения порядков, существовавших в советской России и на территории, контролировавшейся антибольшевистскими правительствами, Б. В. Дюшен сделал в своей статье вывод о том, что «лучше то, что есть [в советской России], нежели тот ужас, который готовился для России черно-белой ратью».

После начала советско-польской войны просоветские симпатии Б. В. Дюшена возросли. Он утверждал, что «пришло время всем русским встать на защиту своего отечества, кто чем только может, чтобы отразить новое разбойное нападение».

[30] Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — родился в семье потомственных дворян Петербургской губернии, барон. Окончил Ростовское реальное училище и Горный институт в Санкт-Петербурге (1901 г.). В 1902 г. сдал экзамен на офицерский чин при Николаевском кавалерийском училище. Окончил Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба (1910 г.), генерал-майор (1917 г.).

Участник русско-японской и Мировой войны. В 1914–1917 гг. служил начальником штаба сводно-кавалерийской дивизии, помощником командира конного полка, флигель-адъютантом императора, командиром полка, бригады, дивизии и сводного конного корпуса. С августа 1918 г. командовал конной дивизией в Добровольческой армии генерала А. И. Деникина. В ноябре был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 1-го конного корпуса. С января 1919 г.— командующий Кавказской добровольческой армией, с мая — Кавказской армией, в ноябре — декабре — Добровольческой армией. 22 марта 1920 г. назначен ушедшим в отставку А. И. Деникиным главнокомандующим вооруженными силами юга России.

В ноябре 1920 г. с остатками своей армии эвакуировался в Турцию. В 1921–1927 гг. жил в Югославии, затем — в Бельгии. Умер в Брюсселе.

[31] Керзон Джордж Натаниэл (1859–1925) — лорд, английский политический и государственный деятель, дипломат. С 1919 г.— министр иностранных дел Великобритании. Занимал крайне враждебную позицию в отношении советской России и являлся одним из организаторов антисоветской интервенции.

[32] Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) — родился в Кирсановском уезде Тамбовской губернии в семье отставного дипломата, из дворян. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1895 г.). Член РСДРП с 1905 г.

До 1908 г. служил в министерстве иностранных дел России. С 1904 г. жил за границей, где участвовал в работе различных социалистических партий. 6 января 1918 г. вернулся в Россию и вступил в РСДРП(б). 8 января назначен товарищем народного комиссара иностранных дел, 13 марта — исполняющим обязанности наркома, с 30 мая — народный комиссар иностранных дел РСФСР.

[33] См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 33. Л. 137.

[34] Верховный правитель А. В. Колчак принял Н. Я. Новомбергского в конце мая 1919 г. вместе с известными областниками М. П. Головачевым и И. Н. Шендриковым. (См.: Заря. 1919. 5 июня.) Сведения о содержании беседы в прессе не публиковались.

[35] Речь идет о докладе министра труда Л. И. Шумиловского на закрытом заседании Совета министров 11 ноября 1919 г., в котором докладчик «предложил завязать связи с представителями иркутской общественности, об издании в связи с переездом правительства в г. Иркутск особой декларации и помещения сообщений в печати, а также о желательности совместного заседания правительства с представителями общественных организаций г. Иркутска». Совет министров, заслушав Л. И. Шумиловского, постановил: «Одобрить основные мысли доклада министра труда, поручив ему выработать текст декларации; в отношении же совместного заседания Совета министров с представителями общественных организаций вопрос оставить открытым». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 236.)

[36] Ошибка; правильно — не отказывался.

[37] Подготовленная Л. И. Шумиловским декларация Совета министров к общественности была опубликована после прибытия правительства в Иркутск. В ней говорилось:

«Совет министров постановил перенести свою резиденцию в Иркутск, наиболее крупный культурный центр Сибири, рассчитывая установить отсюда более тесную связь со всеми частями страны и объединить возле себя все государственно настроенные круги населения [...].

Предстоящая работа правительства немыслима вне самой тесной связи с широкими прогрессивными кругами общества, хотя бы их взгляды и не всегда совпадали с[о] взглядами власти.

Положение о Государственном земском совещании утверждено Верховным правителем, и народные представители будут созваны в Иркутске в самый ближайший срок.

В сотрудничестве правительства и общественности будут познаны обоюдные ошибки, неизбежные и неотвратимые в обстановке спешной работы и лихорадочной гражданской войны. Признанные полезными и необходимыми мероприятия найдут себе скорейшее завершение. Осуществление того, что не может быть претворено в действительность силами одной власти, будет проведено в жизнь при активном содействии общества».

Декларация правительства завершалась многообещающим призывом: «За землю, за охраненный законом свободный труд, за культуру, законность, истинное народоправство, за Учредительное собрание!»

См.: Правительственный вестник. 1919. 25 ноября.

[38] Ошибка; правильно — П. И. Стучка.

Стучка Петр Иванович (1865–1932) — из крестьян. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1888 г.). Профессиональный революционер. Участник социал-демократического движения с конца 1880-х годов, большевик с 1895 г. Один из организаторов и председатель ЦК Латышской социал-демократической партии (1904 г.).

После Февральской революции являлся членом Петербургского комитета РСДРП(б), членом исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Делегат VII (апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б), II Всероссийского съезда советов, на котором был избран во ВЦИК. В ноябре 1917 — августе 1918 г.— заместитель народного комиссра и народный комиссар юстиции РСФСР, член коллегии народного комиссариата иностранных дел. В декабре 1918 — январе 1920 г. был председателем советского правительства Латвии и одновременно (до 1923 г.) — заместителем народного комиссара юстиции РСФСР. Затем на другой партийной и государственной работе. Умер в Москве.

[39] Кассо Лев Аристидович (1865–1914) — из бессарабских дворян, крупный землевладелец. Юридическое образование получил в университетах Берлина, Гейдельберга и Парижа.

В 1895 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1898 г.— докторскую. С 1892 г.— исполняющий должность доцента, с 1893 г.— исполняющий должность профессора Дерптского университета; с 1895 г. — профессор Харьковского университета; с 1898 г. заведовал кафедрой гражданского права юридического факультета Московского университета. В 1908 г. был назначен директором Московского лицея имени цесаревича Николая. С 25 сентября 1910 по 26 ноября 1914 г.— министр народного просвещения России. Тайный советник.

[40] Канатчиков Семен Иванович (1879–1940) — член РСДРП с 1898 г., большевик. В годы Мировой войны жил в Иркутске. После Февральской революции избирался членом исполнительного комитета Томского губернского собрания, членом Томской губернской земской управы, членом Томского губернского комитета РСДРП, членом Томского губернского исполкома советов. В конце мая 1918 г. возглавлял Томский военно-революционный штаб. Летом 1918 — летом 1919 г. работал в Казани и Перми на ответственных советских должностях. С осени

1919 г. являлся сотрудником Сибревкома, заведующим его отделом народного образования (Сибоно).

[41] Мануйлов Александр Апполонович (1861–1929) — родился в Одессе, из дворян. Окончил юридический факультет Новороссийского университета (1883 г.). Продолжил образование в университетах Германии и Англии. По политическим взглядам сначала был либеральным народником. С 1905 г. состоял членом конституционно-демократической партии и ее ЦК, являлся главным разработчиком аграрной программы кадетов.

С 1885 г. преподавал в Московском университете, в 1905–1908 гг. был его проректором, в 1908–1911 гг.— ректором. С 1914 г. являлся председателем экономического совета Всероссийского совета городов. Тайный советник.

После Февральской революции входил в два первых состава Временного правительства в качестве министра народного просвещения. С июля 1917 г. был главным редактором газеты «Русские ведомости». После Октябрьского переворота стал сотрудничать с советской властью: с января 1918 г. преподавал в Московском университете, был консультантом народного комиссара финансов, членом правления Госбанка. Умер в Москве.

[42] Гримм Давид Давидович (1864–1941) — из дворян; родился в семье профессора архитектуры, ректора Императорской академии художеств. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Доктор права. Действительный статский советник (1910 г.). Член конституционно-демократической партии, член ее ЦК с февраля 1916 г.

Преподавал в качестве приват-доцента, экстраординарного и ординарного профессора на Бестужевских курсах, в Дерптском, Санкт-Петербургском и Харьковском университетах, в Александровской военно-юридической академии и Императорском училище правоведения. В 1910–1911 гг. был ректором Санкт-Петербургского университета. В 1907 и 1912 гг. являлся членом Государственного совета по выборам от Академии наук и от университетов. Был редактором газеты «Русская жизнь» и журнала «Вестник Европы».

После Февральской революции по поручению Временного правительства замещал государственного секретаря. 16 марта 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства над Государственной канцелярией. С 18 марта 1917 г. состоял товарищем министра народного просвещения, был членом чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве. 1 мая 1917 г. назначен сенатором первого департамента Сената, с 8 июля — членом Юридического совещания при Временном правительстве (с освобождением от должности товарища министра). Октябрьский переворот не принял. В 1917–1920 гг.— профессор Петроградского университета. В 1919 г. подвергался аресту Петроградской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, но вскоре был освобожден. В 1920 г. эмигрировал сначала в Чехословакию, затем в Эстонию. Преподавал в качестве профессора в Пражском (1920–1927 гг.) и Юрьевском (Тартуском) университетах (1927–1934 гг.).

[43] Документ не найден.

[44] Так в тексте. Фамилию врача установить не удалось.

[45] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг цитировал выписку из журнала закрытого заседания Совета министров:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 124/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *8 июля 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: управляющий министерством внутренних дел В. Н. Пепеляев, управляющий министерством народного просвещения П. И. Преображенский, министр финансов И. А. Михайлов, товарищ министра путей сообщения А. М. Ларионов, министр юстиции Г. Г. Тельберг, член Совета министров Г. К. Гинс, за министра иностранных дел И. И. Сукин, управляющий военным министерством генерал-лейтенант барон [А. П.] фон Будберг, за морского министра — помощник морского министра контр-адмирал В. В. Ковалевский, государственный контролер Г. А. Краснов, за министра торговли и промышленности — товарищ министра А. М. Окороков, министр земледелия Н. И. Петров и товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов и К. П. Харитонов.

Слушали: 7. Доклад главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Г. Г. Тельберга о телеграмме Верховного правителя о необходимости отпуска 100 000 000 рублей на эвакуацию уральских горнозаводских промышленных предприятий.

Постановили: [7.] Разрешить министерству торговли и промышленности использовать на эвакуацию уральских горнозаводских промышленных предприятий кредит в размере 100 000 000 рублей, отпущенных в распоряжение главноуполномоченного по уральской промышленности постановлением Совета министров от 23 мая 1919 года.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 100.

[46] 15 июля 1919 г. Совет министров по докладу министра путей сообщения об отпуске ему аванса в размере 1,0 млн рублей «для выдачи денежных наград железнодорожным служащим, отличившимся при эвакуации Уральского района», постановил: «Впредь до испрошения министерством путей сообщения соответствующего кредита для выдачи денежных наград железнодорожным служащим, особо потрудившимся в работе по эвакуации Уральского района, отпустить министру путей сообщения авансом 1 000 000 рублей для немедленной выдачи таких наград». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 104.)

[47] 29 сентября 1919 г. Совет министров, заслушав представление министра путей сообщения от 5 августа того же года за № 4961/4960 «об отпуске министру путей сообщения 3 000 000 рублей для выдачи наград железнодорожным служащим, мастеровым и рабочим, коим пришлось вынести громадную работу по вывозу и выводу подвижного состава на восток из Уральского района», постановил: «Отпустить в распоряжение министра путей сообщения 4 000 000 рублей с зачетом 1 000 000 рублей, отпущенных согласно постановления Совета министров от 15 июля 1919 года, для выдачи денежных наград железнодорожным служащим, мастеровым и рабочим, проявившим особо энергичную деятельность по эвакуации подвижного состава из Уральского района и пропуску на восток эвакуированных из этого района поездов». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 161; Правительственный вестник. 1919. 17 октября.)

Еще раньше приказом по министерству путей сообщения от 19 августа 1919 г. за подписями Верховного правителя А. В. Колчака и министра Л. А. Устругова всем железнодорожникам была объявлена благодарность. (См.: Правительственный вестник. 1919. 22 августа.)

[48] Речь идет об особом отделе по восстановлению путей сообщения в составе технического управления министерства путей сообщения, учрежденного постановлением Совета министров от 7 февраля 1919 г. Тогда же Совет министров ассигновал 30 млн рублей на работы по восстановлению разрушенных в ходе

военных операций путей сообщения. (См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате (Омск). 1919. 15 марта. № 2. С. 9–10.)

[49] Ошибка; правильно — не скажу.

[50] Постановление Совета министров от 15 сентября 1919 г. о наказаниях за разрушения не найдено.

[51] Уполномоченный командующего войсками Иркутского военного округа по охранению государственного порядка и общественного спокойствия по Енисейской губернии и западной части Нижнеудинского уезда генерал С. Н. Розанов, вступив 22 марта 1919 г. в должность, издал несколько документов, регламентировавших формы и методы борьбы с повстанцами и партизанами: приказы начальникам действующих против повстанцев отрядов от 23 и 27 марта, обязательные постановления от 26 и 28 марта. (См.: РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 86. Л. 1; Партизанское движение в Сибири. М.; Л., 1925. Т. 1 (Приенисейский край). С. 119, 125–126, 188.)

Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг не располагал подлинниками этих документов, а воспользовался вместо них статьей Е. Е. Колосова*, 27 декабря 1919 г. опубликованной в красноярской газете «Народный голос», в которой широко цитировался приказ С. Н. Розанова от 27 марта 1919 г. В последующем Е. Е. Колосов воспроизвел текст газетной статьи в других публикациях, в том числе в своей книге «Сибирь при Колчаке (воспоминания, материалы, документы)» (Петроград, 1923. 190 с.).

В приказе С. Н. Розанова содержались такие требования, которые и зачитал на заседании суда А. Г. Гойхбарг: «При занятии селений, захваченных ранее разбойниками (имеются в виду партизаны, повстанцы.— *В. Ш.*), требовать выдачи их главарей и вожаков. Если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются, расстреливать [каждого] десятого»; «Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием,— сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т. д.

---

* Колосов Евгений Евгеньевич (1879–1937) — родился в Нерчинске в семье казачьего офицера. Окончил Томское реальное училище (1895 г.), был вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета, учился в Томском технологическом институте. Член партии социалистов-революционеров с конца 1890-х годов, в 1905 и 1919 гг. был кооптирован в состав ее ЦК, профессиональный революционер.

Вел нелегальную деятельность в Томске, Нижнем Новгороде, Одессе, Сормово, Туле и Санкт-Петербурге, участвовал в работе I и II съездов партии эсеров, неоднократно подвергался арестам, два года провел в Петропавловской крепости и в «Крестах». С лета 1907 до 1915 г. проживал в Швейцарии, где занимался журналистикой и изучением творчества Н. К. Михайловского. По возвращению в Россию был арестован и сослан в Енисейскую губернию. После Февральской революции избирался членом Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов, с июля 1917 г.— комиссар Временного правительства в Кронштадте. Депутат Всероссийского Учредительного собрания и Сибирской областной думы. С лета 1918 до начала 1920 г. снова находился в Красноярске, где служил в местной губернской земской управе и, являясь одним из лидеров Земского политического бюро, вел подпольную работу против колчаковских властей. В начале 1920 г. арестован советскими властями, но вскоре освобожден. С 1922 по 1925 г. жил в Петрограде, где занимался журналистской и научной работой. Позднее неоднократно подвергался арестам и высылался советскими карательными органами на Урал, в Среднюю Азию и Суздаль. 7 марта 1937 г. «тройкой» УНКВД по Омской области приговорен к высшей мере наказания и пять месяцев спустя расстрелян.

отбирать в пользу казны»; «…За добровольное снабжение разбойников не только оружием и боевыми припасами, но и продовольствием, одеждой и пр. виновные селения будут сжигаться, а имущество [их] отбираться в пользу казны. Население обязано увозить все свое имущество или уничтожать его во всех тех случаях, когда им могут воспользоваться разбойники. За уничтоженное таким образом имущество населению будет уплачиваться полная стоимость деньгами или возмещаться из реквизированного имущества разбойников»; «Среди населения брать заложников; в случае действий односельчан, направленных против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно»; «Как общее руководство помнить: на население, явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотреть как на врагов и расправляться беспощадно, а их имуществом возмещать убытки, причиненные военными действиями той части населения, которая стоит на стороне правительства». (См.: РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.)

[52] В данном случае государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг вновь воспользовался статьей Е. Е. Колосова, в которой была опубликована телеграмма командующего войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенанта В. В. Артемьева начальнику гарнизона г. Енисейск поручику Толкачеву от 23 марта 1919 г. Вот ее полный текст:

«Передаю следующие повеления Верховного правителя: возможно скорее [и] решительнее покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими, даже и жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживавшего их; в этом отношении пример японцев в Амурской области, объявивших об уничтожении селений, скрывающих большевиков, вызван, по-видимому, необходимостью добиться успехов в трудной партизанской борьбе. Во всяком случае в отношении селений Кияйское, Нарвское должна быть применена строгая кара.

Я считаю, что способ действия должен быть приблизительно таков:

1. В населенных пунктах надлежит организовать самоохрану из надежных жителей.

2. Требовать, чтобы в населенных пунктах местные власти сами арестовывали, уничтожали агитаторов и смутьянов.

3. За укрывательство большевиков, пропагандистов и шаек должна быть беспощадная расправа, которую не производить только в случае, если о появлении этих лиц (шаек) в населенных пунктах было своевременно сообщено ближайшей воинской части, а также о времени ухода этой шайки и направлении ее движения было своевременно донесено войскам. В противном случае на всю деревню налагается денежный штраф, руководителей деревни предавать военно-полевому суду за укрывательство.

4. Производить неожиданные налеты на беспокойные пункты и районы: появление внушительного отряда вызовет перемену настроения в населении.

5. В подчиненных Вам частях установить суровую дисциплину и порядок. Никаких незакономерных действий, грабежей, насилий не допускать. С уличенным[и] расправляться на месте, пьянство искоренять, пьянствующих наказывать, отрешать, карать.

6. Начальников, не умеющих держать вверенные им части на должной высоте, отрешать, предавая военно-полевому суду за бездействие власти.

7. Для разведки и связи пользоваться местными жителями, беря заложников. В случае неверных и несвоевременных сведений или измены заложников казнить, а дома, им принадлежащие, сжигать. При остановках, на ночлегах, при располо-

жении в деревнях части держать сосредоточенными, приспособлять занимаемые помещения к обороне, сторожевое охранение выставлять, держаться принципа качественности, а не численности охранения, причем должна быть постоянная проверка несения службы; брать заложников из соседних не занятых красными частей селений. Всех способных к боям мужчин собирать в какое-нибудь большое здание, содержать под охраной и надзором на время ночевки, в случае измены, предательства — беспощадная расправа». (См.: Народный голос. 1919. 27 декабря; *Колосов Е. Е.* Сибирь при Колчаке. С. 127–128.)

Текст телеграммы В. В. Артемьева, приведенной Е. Е. Колосовым, почти полностью совпадает с текстом телеграммы, отправленной В. В. Артемьевым генерал-лейтенанту С. Н. Розанову и опубликованной впоследствии в сборнике документов «Партизанское движение в Сибири» (т. 1. С. 115).

[53] «Народный голос» — газета, которую с 26 декабря 1919 г. по 9 января 1920 г. издавал в Красноярске лидер правых эсеров Енисейской губернии Е. Е. Колосов. Всего вышло 8 ее номеров, часть которых сохранилась в научной библиотеке Красноярского края и в библиотеке государственного архива Новосибирской области.

[54] Видимо, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду телеграмму военного министра Н. А. Степанова, 20 марта 1919 г. направленную командующему войсками Иркутского военного округа. В ней говорилось: «Верховный правитель приказал Вам передать: 1) его настоятельное желание возможно скорей решительнее покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их. В этом отношении пример японцев [в] Амурской области, объявивших об уничтожении селений, скрывающих большевиков, вызван, по-видимому, самой необходимостью добиться успеха в трудной партизанской борьбе в лесистой местности». (См.: Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 113.)

[55] Генерал-лейтенант С. Н. Розанов был назначен главным начальником Приамурского края указом Верховного правителя А. В. Колчака от 18 июля 1919 г. после упразднения должности верховного уполномоченного Российского правительства по Дальнему Востоку, которую занимал Д. Л. Хорват, без какой-либо мотивировки. (См.: Правительственный вестник. 1919. 1 августа.) Реальной причиной снятия Д. Л. Хорвата и назначения С. Н. Розанова стало то обстоятельство, что, как записал в своем дневнике от 10 июля 1919 г. В. Н. Пепеляев, «Хорват совершенно бездействует», тогда как С. Н. Розанов, напротив, «достаточно обнаружил себя как военный человек при усмирении мятежа в Енисейской губернии». (См.: Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 6. С. 56–57).

[56] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал следующий документ:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 196/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Иркутск*] *19 ноября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: юстиции — Г. Г. Тельберг, военный — генерал от артиллерии М. В. Ханжин, внутренних дел — В. Н. Пепеляев, земледелия — Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский; государственный контролер Г. А. Краснов; управляющие министерствами: финансов — Л. В. [фон] Гойер, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, иностранных дел — И. И. Сукин; товарищи министров: путей сообщения — А. М. Ларионов, снабжения и продовольствия — Н. А. Мельников; главноуправляющий делами Верховного правителя

и Совета министров Г. К. Гинс, товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов и К. П. Харитонов; старший юрисконсульт управления делами Российского правительства И. А. Антропов.

Слушали: 1. Доклад председателя Совета министров и доклад командующего войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенанта [В. В.] Артемьева и управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева по вопросу об обострении отношений с чехословаками и причинах такого обострения и мерах к восстановлению нормальных взаимоотношений в связи с общим политическим положением.

Постановили: [1.] 1) Осведомившись от главного начальника Приамурского края генерала Розанова о политическом преступлении, совершенном бывшим генералом Гайда против русского государства и армии, к которой он принадлежал, немедленно удалить Гайду из пределов России. Для сего предложить генералу Розанову по снятии немедленно опроса передать Гайду на английский крейсер «Карлейль», откуда он должен отправиться за границу.

2) Выразить главному начальнику Приамурского края генералу Розанову благодарность за быстрое и успешное подавление мятежа, во главе которого стоял Гайда, прося председателя Совета министров послать генералу Розанову телеграмму следующего содержания: «Владивосток, генералу Розанову. Ознакомившись с событиями во Владивостоке, Совет министров поручил мне передать Вам единодушное признание за проявленные Вами распорядительность и энергию, которым несомненно обязано быстрое подавление мятежа. Поздравляю Вас с достигнутым успехом и выражаю уверенность, что он будет укреплен мудрыми мероприятиями, направленными к успокоению населения и утверждению порядка».

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 248.

[57] Приводим выписку из разговора по прямому проводу между исполняющим обязанности председателя Совета министров, министром юстиции Г. Г. Тельбергом и верховным уполномоченным Российского правительства по Дальнему Востоку Д. Л. Хорватом 31 июля 1919 г.:

«*Тельберг*. Нельзя отделять гражданскую власть от военной, что в согласии с Вашими взглядами было уже признано правительством раньше при отозвании Иванова-Ринова. Вследствие таких соображений Верховный правитель назначил главным начальником Приамурского края и командующим войсками Приамурского округа генерального штаба генерал-лейтенанта Розанова, заявившего себя опытным военачальником при усмирении енисейских беспорядков. Генерал Розанов выехал к месту назначения; по приезде его во Владивосток Вам надлежит сдать ему должность командующего войсками». (См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 115–116.)

[58] Официально на заседаниях Совета министров зафиксирован лишь единственный случай, который можно рассматривать как косвенное осуждение проводимой С. Н. Розановым политики,— это рассмотрение 15 апреля 1919 г. заявления министра юстиции С. С. Старынкевича и управляющего министерством внутренних дел А. Н. Гаттенбергера «о незакономерных действиях некоторых военных начальников, в частности в Енисейской губернии». Однако принятое Советом министров решение можно, скорее, рассматривать как провал «заявителей» и победу сторонников жесткой линии поведения, олицетворяемой С. Н. Розановым, поскольку Совет министров постановил поручить военному министру Н. А. Степанову по соглашению с управляющим министерством внутренних дел и министром юстиции «выработать проект закона о предоставлении военным начальникам в некоторых местностях особых полномочий». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 65.)

[59] Установить, какой отчет Центральной комиссии по восстановлению разрушенных хозяйств в Сибири читал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, не представляется возможным. Скорее всего, использовалась статья заведующего земельным отделом Сибревкома В. Н. Соколова «Цекохоз», опубликованная в газете «Советская Сибирь» (1920. 8 мая) или отчет Цекохоза, позднее изданный в «Известиях Сибирского революционного комитета» (Омск, 1920. № 2. С. 37–39).

[60] См. комментарий 52 к главе третьей.

[61] За время пути из Омска в Иркутск В. Г. Жуковский сочинил и составил машинописный сборник стихов, который назвал: «„На колесах". Очень маленький сборник сонетов, посвященных Верховному правителю, его сотрудникам, моим спутникам и друзьям на добрую память о длинном пути от Омска до Иркутска». (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 38.)

Верховному правителю А. В. Колчаку В. Г. Жуковский посвятил такие строки:

Когда от рубежей Сибири многоводной
К столицам вымершим полки твои дойдут
И над изменою свершится правый суд
Прозревшей совести и воли всенародной,
Когда в один порыв, священный, благородный,
Все части Родины любовь свою сольют
И будет творчеством гордиться честный труд,
Россию возродив великой и свободной,
Тогда торжественно, в безмолвии святом
Я камню ценному из тайников Алтая
Твой профиль передам уверенным резцом.
Пусть Вдохновение, твой подвиг постигая
И красотой связав надежды и печаль,
Потомству сохранит минувшего скрижаль.

[62] Ошибка; правильно — П. К. Попову, который являлся комендантом резиденции Верховного правителя.

[63] П. К. Попову В. Г. Жуковский посвятил такой сонет:

На восходящее мы с Вами «дуем» Солнце,
Не очень торопясь, стремимся в океан
Искать союзников за гранью русских стран,
Читая станции в замерзшее оконце.
Спасенье русское Вы видите в японце,
А мне все верится, что русский великан
Себя еще найдет, пока смущен и пьян,
И миру новое, свое покажет Солнце.
Я верю: знает он простецкою душою,
Что революция его во всем надула,
И ждет он одного, последнего посула:
Хозяина земли, венчанного Москвою,
Царя народного по слову Патриарха
И отдыха от бурь под скипетром Монарха.

[64] Сонет В. Г. Жуковского «Во что я верю»:

Не может жить Она без дивного Кремля,
Без царственной Невы, закованной в граниты.
Без веры, без побед бледны Ее ланиты.
Без песен и весны мертвы Ее поля.
Без красоты своей, без гимна и Царя
Она добычею пришельцев жадных станет.
Но близок вещий час, когда Она воспрянет,
Когда и Ей блеснет великая заря.
Тогда, прозрев себя в смятенье прошлых бурь,
В ничтожности речей и лживости свободы,
Она задуматься заставит все народы,
Раскинув над собой своих небес лазурь!

[65] Головин Николай Николаевич (1875–1944) — родился в семье генерала. Окончил Пажеский корпус (1894 г.) и Николаевскую академию Генерального штаба (1900 г.), генерал-лейтенант (1916 г.).

Служил на штабных должностях в Петербургском и Варшавском военных округах. В 1905–1910 гг.— заведующий передвижениями войск по железным дорогам и водным путям Петербургско-Двинского района. В 1908–1913 гг.— экстраординарный и ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба. Во время Мировой войны командовал полками, служил исполняющим должность начальника штаба 7-й армии и армий Румынского фронта. В августе 1919 г. прибыл в Омск и рассматривался в качестве кандидата на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, однако назначение не состоялось. В 1920 г. эмигрировал во Францию. Жил и скончался в Париже.

[66] Ошибка; правильно — Щербачеву.

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932) — из дворян. Окончил Орловскую Бахтина военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1876 г.) и Николаевскую академию Генерального штаба (1884 г.), генерал-майор (1903 г.).

Служил в штабах различных воинских частей. В 1901–1903 гг. командовал 145-м пехотным Новочеркасским полком, в 1903–1906 гг.— лейб-гвардии Павловским полком и 1-й Финляндской стрелковой бригадой. С января 1907 г.— начальник Николаевской академии Генерального штаба, в ноябре 1908 г. произведен в генерал-лейтенанты. С декабря 1912 г. командовал 9-м армейским корпусом. В декабре 1914 г. произведен в генералы от инфантерии. В апреле — октябре 1915 г. командовал сначала 11-й, потом — 7-й отдельной армией. С октября 1915 по март 1917 г.— генерал-адъютант свиты императора. После Февральской революции — помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта, с декабря 1917 по март 1918 г.— главнокомандующий армиями Украинского фронта. В апреле 1918 г. создал в Париже представительство Добровольческой армии, осуществлял связь командования армии с руководством держав Антанты. В 1919 г. являлся главным военным представителем Верховного правителя адмирала А. В. Колчака. Умер в Ницце.

[67] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал два документа: письмо Н. Н. Головина Верховному правителю А. В. Колчаку и фрагмент доклада Н. Н. Головина от 6 мая 1919 г. С. Д. Сазонову и Д. Г. Щербачеву:

1. «В собственные руки. Секретно.

Каждый шаг, который Франция сейчас делает, отталкивает Россию от нее и толкает нас в объятия Германии.

Единственное сомнение, которое было у них, это кто будет владеть в будущем Россией: те, кто сейчас борется с большевиками, или же, как думают американцы, эволюционировавшие большевики.

В конце апреля [1919 г.] меня вновь послали в Лондон. Дело в том, что англичане опять начали нам отказывать (в вопросах о формировании нового фронта ген. Юденича, об оставлении войск на Севере и др.).

...Ехал я с большим волнением. Я боялся, что в Англии произошел неблагоприятный поворот для нас, а тогда наше положение станет трудным, так как реальная помощь идет только из Англии. Из прилагаемых при этом письме копий моего доклада и телеграммы С. Д. Сазонову и ген[ералу] Щербачеву вы увидите, что, к счастью, это было не так, что поворота в политике [Лондона] не было».

2. Из доклада Н. Н. Головина С. Д. Сазонову и Д. Г. Щербачеву:

«[...] С ген[ералом] Ратклифф[ом] я имел беседу оперативного характера, заключавшуюся в рассмотрении вопросов организации боевых действий против Петрограда. По всем пунктам удалось его убедить. Главное его сомнение заключалось в возможности сформирования [воинских частей] из пленных (я назвал цифру 30 тыс.).

Здесь пришлось коснуться общего вопроса о наших пленных в Германии. Я изобразил ему картину и сказал, что если сейчас не будут приняты меры к разрешению насущных самых вопросов, то материал (русские военнопленные в Германии.— *В. Ш.*) частично может быть использован. Во-первых, нужно возможно скорее отправить 500 офицеров в Архангельск, но у нас нет денег и транспорта. По тем же причинам задерживается отправка офицеров в армии адмирала Колчак[а] и ген[ерала] Деникина. Во-вторых, теперь же нужно собрать всех офицеров и солдат, желающих драться с большевиками, в отдельные лагеря. Я сказал при этом, что даже если вопрос о Юдениче не был [бы] разрешен положительно, то ведь только человечность требует дать возможность тем, кто не хочет ехать в Большевизию (советскую Россию.— *В. Ш.*), хотя бы некоторое время просуществовать, что все это можно сделать под флагом Красного креста, а затем можно и начать формирование». (См.: Советская Сибирь. 1920. 28 мая.)

[68] В телеграмме от 13 ноября 1919 г. управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин так определил задачи товарища министра В. Г. Жуковского, прикомандированного к Верховному правителю А. В. Колчаку после оставления Омска: «Цель Вашего пребывания в штабе есть передача повелений Верховного правителя мне для соответствующего исполнения». В. Г. Жуковскому категорически было запрещено непосредственно сноситься с российскими послами и указано, что посольства «будут принимать к руководству лишь телеграммы за моей (т. е. И. И. Сукина.— *В. Ш.*) подписью». (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 38. Л. 11.)

[69] Меморандум чехов — документ, подготовленный бывшим и вновь назначенным политическими уполномоченными Чехословацкой республики в России Б. Павлу и В. Гирса. 13 ноября 1919 г. он был передан из Иркутска во Владивосток командующему чехословацкими войсками на Дальнем Востоке генералу С. Чечеку для осведомления представителей стран Антанты и САСШ. В меморандуме политическое руководство чехословаков в России впервые подвергло резкой критике колчаковский режим и по сути дела отмежевалось от него. «Под защитой чехословацких штыков,— говорилось в меморандуме,— местные военные русские органы совершают такие действия, которые поражают весь цивилизованный мир.

Сожжение деревень, убийства мирных русских граждан, расстрелы сотен демократически настроенных людей без суда, лишь по подозрению в политической нелояльности — повседневное явление, и ответственность за все это перед судом народов всего мира падает на нас за то, что мы, располагая военной силой, не воспрепятствовали этому беззаконию». Выход из такого положения политическое руководство чехословаков в России видело в немедленном оставлении Сибири и Дальнего Востока, а до того — в предоставлении ему свободы действий «для предотвращения беззакония и преступлений, от кого бы они ни исходили».

16 ноября 1919 г. меморандум был опубликован в газетах «Československý denník» и «Телеграммы чехословацкого дневника». Текст документа см.: Последние дни колчаковщины: Сборник документов. М.; Л., 1926. С. 112–113.)

[70] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг снова зачитал письмо Н. Н. Головина от 6 мая 1919 г. С. Д. Сазонову и Д. Г. Щербачеву (см. комментарий 67 к настоящей главе).

[71] Ошибка; правильно — Уфы.

[72] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал следующий документ:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 6/206/с. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Иркутск*] *5 декабря 1919 г.*

Председательствовал: заместитель председателя Совета министров, управляющий министерством иностранных дел С. Н. Третьяков.

Участвовали: министры: финансов — П. А. Бурышкин, военный — генерал от артиллерии М. В. Ханжин, земледелия — Н. И. Петров, торговли и промышленности — А. М. Окороков; временно управляющие министерствами: внутренних дел — А. А. Червен-Водали, юстиции — А. П. Морозов, путей сообщения — Г. М Степаненко, снабжения и продовольствия — Н. А. Мельников; государственный контролер Г. А. Краснов; председатель Государственного экономического совещания, главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс; временно исполняющий обязанности главноуправляющего по делам вероисповеданий Л. И. Писарев.

Присутствовали: товарищ главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров И. А. Антропов и директор канцелярии Совета министров Д. К. Жабицкий.

Слушали: VII. Доклад министра финансов об отпуске средств американскому Красному кресту в возмещение расходов по снабжении армии, произведенных русской валютой (особое мнение по сему вопросу, заявленное министром торговли и промышленности).

Постановили: [VII.] В возмещение расходов американского Красного креста по снабжению армии, произведенных русскою валютою, открыть кредит по военному фонду в сумме десяти миллионов рублей (10 000 000), поставив их на текущий счет американского Красного креста.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 274–275.

Вызывает удивление, что государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг не обратил внимание на обсуждение этого же вопроса на закрытом заседании Совета министров, которое состоялось 22 декабря 1919 г. На нем по предложению исполнявшего обязанности председателя Совета министров А. А. Червен-Водали было принято решение отпустить «американскому Красному кресту в счет чрезвычайного сверхсметного кредита на нужды военного времени в возмещение расходов в русской валюте по снабжению армии 60 000 000 [рублей], поставив эту сумму на текущий счет американского Красного креста». Отпускать эту сумму

предлагалось «по мере действительной надобности». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 295.)

[73] Окороков Александр Матвеевич (1890–?) — окончил Томский технологический институт, инженер-технолог. Член партии народных социалистов.

До Февральской революции являлся одним из руководителей Алтайского союза кооперативов. 4 марта 1917 г. был избран председателем Барнаульского комитета общественного порядка и безопасности, затем назначен алтайским губернским комиссаром Временного правительства; отстранен от этой должности 7 декабря 1917 г. по решению большевистского военно-революционного комитета. Был избран членом Сибирской областной думы. При советской власти подвергался аресту. Затем переехал на Дальний Восток, где являлся управляющим ведомства продовольствия в Деловом кабинете (правительстве) генерала Д. Л. Хорвата. С 9 мая 1919 г.— товарищ министра торговли и промышленности Российского правительства. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 16 августа был назначен временно управляющим министерством торговли и промышленности, 29 ноября — министром торговли и промышленности. В 1920 г. эмигрировал. В 1923 г. был редактором-издателем журнала «Экономический вестник», выходившего в Токио.

[74] Американский лазарет (госпиталь) размещался в здании Омского сельскохозяйственного училища. Он был рассчитан на 1 100 коек и являлся самым крупным военным госпиталем на востоке России. Госпиталь был прекрасно оборудован: имел новейшие хирургические инструменты, бактериологическую лабораторию, пастеровский кабинет, аптеку. (См.: Правительственный вестник. 1919. 6 августа.)

[75] Американский Красный крест поставил только в Западную Сибирь 18 эшелонов с предметами первой необходимости на сумму около 450 тыс. долларов каждый. Кроме того, по линии американского Красного креста в Сибири работало около 200 врачей и сестер милосердия. (См.: Правительственный вестник. 1919. 22 августа.)

[76] Так в тексте.

[77] Осенью — зимой 1918 г. в здании Омского сельскохозяйственного училища располагался партизанский отряд войскового старшины И. Н. Красильникова.

Глава седьмая. Заседание шестое

[1] Локкарт Роберт Гамильтон Брюс (1887–1970) — английский дипломат и журналист. В России находился с 1912 г., до осени 1917 г. занимал должность вице-консула в Москве. С начала 1918 г.— глава английской миссии при советском правительстве. Один из основных организаторов антисоветского заговора, подготовленного дипломатическими представителями Великобритании, Франции и САСШ. 31 августа — 1 сентября 1918 г. органы ВЧК произвели арест большинства заговорщиков, в том числе Локкарта. Постановлением Верховного революционного трибунала от 3 декабря 1918 г. Локкарт был объявлен вне закона и выслан из пределов советской России. В 1939–1940 гг. являлся одним из руководителей английской политической разведки, в 1941–1945 гг.— директор комитета по делам политической войны, ведавшего вопросами пропаганды и разведки.

[2] Так в тексте. Фамилию установить не удалось.

[3] Письмо М. М. Федорова не найдено.

[4] Цитируемое письмо не найдено.

[5] Цитируемое письмо не найдено, а его автор — Зверев — не идентифицирован.

[6] Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) — из семьи крупного помещика. Окончил Пажеский корпус (1872 г.) и Санкт-Петербургский университет. Один из организаторов и лидеров «Союза 17 октября», член его ЦК в 1905–1906 гг. Действительный статский советник, камергер.

С 1877 г. активно участвовал в работе земства, в том числе гласный, а затем председатель Волоколамской уездной (с 1891 г.) и Московской губернской (с 1900 г.) земских управ. В 1907–1909 гг. был членом Государственного совета по выборам от земства, в 1909–1911 гг.— членом Московской городской думы, с 1911 г.— управляющий у сахарозаводчика М. И. Терещенко. По многим вопросам разделял взгляды Л. Н. Толстого, был инициатором создания партии мирного обновления.

Октябрьский переворот встретил враждебно. Со времени организации «Национального центра» занимал пост председателя его Главного правления. Пользовался в «Национальном центре» «крупным нравственным авторитетом», но реального участия в руководстве и тем более в его работе не принимал. В январе 1919 г. был арестован органами ВЧК и скончался в Бутырской тюрьме.

[7] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг пытался приписать руководству «Национального центра» участие в разработке и осуществлении операции по высадке английских и французских войск на Мурманское побережье, осуществленной 6–18 марта 1918 г., которая в действительности преследовала цель предотвратить интервенцию со стороны германских войск.

[8] Документ не найден.

[9] Статья 9 Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г. пятым Всероссийским съездом советов, гласила: «Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». (См.: Декреты советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 552.)

[10] После получения в Омске информации о взятии Средне-Сибирским корпусом генерала А. Н. Пепеляева Перми на заседании президиума Восточного отдела ЦК партии народной свободы была единогласно принята восторженная резолюция по поводу одержанной победы и одновременно было постановлено послать приветственные телеграммы генералам Р. Гайде, А. Н. Пепеляеву, Г. А. Вержбицкому и В. В. Голицыну. Текст телеграммы, посланной Р. Гайде за подписями председателя президиума Восточного отдела ЦК кадетов А. К. Клафтона и секретаря президиума Восточного отдела ЦК кадетов В. А. Кудрявцева, был опубликован в печати. (См.: Правительственный вестник. 1919. 7 и 11 января.)

[11] Ошибка; здесь и далее правильно — Джон Кечпул.

[12] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг огласил следующий документ:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 193/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*поезд Совета министров*] *16 ноября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: внутренних дел — В. Н. Пепеляев, юстиции — Г. Г. Тельберг, военный — генерал от артиллерии [М. В.] Ханжин, земледелия —

Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский; управляющие министерствами: финансов — Л. В. [фон] Гойер, иностранных дел — И. И. Сукин, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов; главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс, товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов и К. П. Харитонов.

Слушали: 1. Доклад вр[еменно] управляющего министерством иностранных дел: а) о ходе переговоров с Японией по вопросу об усилении количества японских войск в России, и в частности о посылке этих войск далее Байкала на запад, б) необходимости для достижения большего успеха при ведении по означенному вопросу переговоров с Японией замены управляющего министерством иностранных дел другим лицом, каковым мог бы явиться советник Российской миссии в Пекине Граве*, и дополнительный доклад управляющего министерством финансов о невозможности получения благоприятных результатов при переговорах с Японией при продолжении деятельности советника Российского посольства в Токио Щекина**.

Постановили: а) Принять доклад к сведению. б) Вопрос о замене вр[еменно] управляющего министерством иностранных дел И. И. Сукина другим лицом обсудить на одном из ближайших заседаний Совета министров.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 241.

[13] Телеграмма И. И. Сукина не найдена, поскольку в действительности 6 августа 1919 г. закрытого заседания Совета министров не было.

[14] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг огласил следующий документ:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 184/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *30 октября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: юстиции — Г. Г. Тельберг, путей сообщения — Л. А. Устругов, торговли и промышленности — С. Н. Третьяков, земледелия — Н. П. Петров, труда — Л. И. Шумиловский, военный — генерал от артиллерии [М. В.] Ханжин; государственный контролер Г. А. Краснов; управляющие министерствами: финансов — Л. В. [фон] Гойер, снабжения и продовольствия — К. Н. Неклютин, иностранных дел — И. И. Сукин, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, народного просвещения — вр[еменно] упр[авляющий] В. Н. Саввин; за министра внутренних дел — товарищ министра М. Э. Ячевский; главноуправляющий по делам вероисповеданий — П. А. Прокошев; главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс, товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров — К. П. Харитонов и И. А. Антропов.

Слушали: 6. Доклад чиновника особых поручений IV класса при председателе Совета министров В. И. Язвицкого о переговорах с чехословацкими представителями по вопросу о выступлении чехословацких войск на фронт.

---

* Граве Владимир Владимирович (1880–1930) — родился в Санкт-Петербурге. Окончил Александровский лицей (1910 г.). Уполномоченный министерства иностранных дел в Приамурском крае. Сотрудник экспедиции Н. Л. Гондатти. С мая 1912 г.— первый секретарь Российского посольства в Пекине. Статский советник. Награжден орденом Св. Владимира IV степени. После гражданской войны в Россию не возвратился, жил и умер в Китае.

** Щекин Михаил Сергеевич — дипломат. В 1910–1912 гг. служил первым секретарем Российского посольства в Пекине, затем — советник Российского посольства в Токио.

Постановили: [6.] Просить председателя Совета министров а) довести завтра, 31 сего октября, до сведения Верховного правителя единогласное постановление Совета министров о принятии всех условий, предложенных представителями Чехословацкой республики, и б) в случае согласия Верховного правителя сообщить о сем по прямому проводу представителям Чехословацкой республики в г. Иркутск*.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 221.

[15] См. комментарий 49 к главе пятой.

[16] Ошибка; правильно — 5 сентября.

[17] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал секретную телеграмму российского посла в Париже В. А. Маклакова от 5 сентября 1919 г., телеграмму российского поверенного в делах в Лондоне В. Д. Набокова от 21 августа 1919 г. на имя управляющего делами министерством иностранных дел Российского правительства и третью телеграмму, идентифицировать которую не удалось. Приводим полный текст двух первых телеграмм:

1. Князь Львов просит передать: «Необходимое развитие патриотической пропаганды не могло быть достигнуто через Унион по недостаточности и нерегулярности средств. Ввиду сего ходатайствуем о разрешении организации пропаганды, поручив дело Савинкову на следующих основаниях: в Париже помещается управление и главный отдел; прочие отделы организуются в Нью-Йорке, Лондоне, Стокгольме, Риме, Лозанне, Праге, Белгороде, Берлине. При составлении сметы приняты все меры к [максимально] возможной экономии. На членов управления в составе 6 человек — 22 тысячи [франков] в месяц. На парижский отдел — 223 тысячи, в том числе 40 тысяч на издание ежедневной газеты, на пожертвования — 15 тысяч, на издание бюллетеней осведомительной литературы — 40 тысяч, на корреспондентские телеграммы для французской печати — 75 тысяч, Нью-Йорк — 73 тысячи, Лондон — 58 тысяч, Стокгольм — 21 тысяча. На каждый остальной отдел — по 19 тысяч. Расход на все дело пропаганды в месяц исчисляется в 492 тысячи франков, на какую сумму в случае одобрения наших предположений просим открыть кредит в срочном порядке».

2. Член Центрального комитета «Единства», делегат «Союза возрождения» Григорий Алексинский, прибывший из советской России за границу для пропаганды против большевиков, сообщает, что нелегальные организации «Союза возрождения» в России высказываются за поддержку белых армий и офицеров-руководителей. Среди демократических и рабочих масс Европы и Америки ведется энергичная большевистская пропаганда против Колчака и Деникина, которая находит сочувствие не только среди социалистов, но и генералов** Англии, радикалов Франции. Она облегчается тем, что лица, представляющие правительство Колчака, не всегда авторитетны в глазах передовых элементов Запада и не всегда находят общий язык с ними. Нужно, чтобы от имени России за границей могли говорить люди, связанные с социалистическими и демократическими партиями.

Необходимо дать большие средства на пропаганду против большевиков среди широких масс Европы и Америки. Алексинский лично начал пропаганду среди французских и английских социалистов и надеется, что социалисты, входящие в Омское правительство, немедленно окажут моральную и материальную поддержку его работе. Ему удалось опубликовать свое воззвание против большевиков

---

* На журнале имеется помета: «Согласен. Верховный правитель адмирал Колчак».

** Вероятно — либералов.

в нескольких органах рабочей прессы Франции и Англии. Он просит о поддержке все социалистические и кооперативные организации Сибири. Сообщает им свой адрес: Париж, № 6, улица Леопольда, Робер. № 548.

Набоков.

См.: Советская Сибирь. 1920. 9 мая; *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция: Краткий обзор. Исключительно по официальным архивным документам колчаковского правительства. Л., 1926. С. 54–55.

[18] Ошибка; здесь и далее правильно — временно управляющий министерством.

[19] Сотрудники бывшего министерства иностранных дел Российского правительства подготовили в начале 1920 г. для Иркутской чрезвычайной следственной комиссии отзыв о работе В. Г. Жуковского. В нем содержалась такая оценка его деятельности: «За все время службы в правительстве адмирала Колчака он ведал лишь делами административно-хозяйственного характера и руководил деятельностью второго департамента* и комиссии по делам военнопленных. Ведение внешней политики всегда находилось в руках министра и управляющего министерством». (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.)

[20] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал следующий документ:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 183/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *28 октября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министр путей сообщения Л. А. Устругов, вр[еменно] управляющий министерством внутренних дел М. Э. Ячевский, вр[еменно] управляющий министерством народного просвещения В. Н. Саввин, главноуправляющий по делам вероисповеданий П. И. Прокошев, управляющий министерством снабжения и продовольствия К. Н. Неклютин, министр земледелия Н. П. Петров, министр юстиции Г. Г. Тельберг, министр труда Л. И. Шумиловский, управляющий министерством финансов Л. В. [фон] Гойер, управляющий морским министерством контр-адмирал М. И. Смирнов, управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин, министр торговли и промышленности С. Н. Третьяков, военный министр генерал от артиллерии [М. В.] Ханжин, государственный контролер Г. А. Краснов, главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс, товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов, К. П. Харитонов и вр[еменно] исп[олняющий] об[язанности] И. А. Антропов.

Слушали: V. Доклад управляющего министерством иностранных дел: а) о необходимости усиления гарнизона гор. Иркутск японскими воинскими частями, б) о соглашении с представителями Чехословацкой республики по поводу выступления чехословацких войск на нашем фронте против большевиков и о желании чехословацких представителей в лице майора Гайного о предоставлении чехословацким войскам и гражданам некоторых прав и преимуществ:

1) увеличения жалованья чехословацким войскам и выдачи его в иностранной валюте или же деньгами высокого качества (напр[имер], в серебряных монетах); 2) обеспечения курса сбережений чехословацких войск на приблизительную сумму 15 000 000 рублей; 3) принятия за счет российского правительства содержания чехословацких войск и расходов передвижения по железным дорогам в прошлом и на будущее время не только действующих чехословацких войск, но также

---

* Второй департамент МИДа занимался правовыми и экономическими вопросами.

и грузов, направляемых на надобности этих войск; 4) наделения воинов земельными участками в Сибири; 5) предоставления некоторых преимуществ для чехословацких торгово-промышленных предприятий и установления соглашения относительно вывоза сырья из России в Чехословакию в настоящее время и оттуда в Россию нужных ей фабрикатов.

Постановили: [V.] а) Поручить управляющему министерством иностранных дел войти по настоящему вопросу в сношение с высшими японскими властями, б) не входя в подробное рассмотрение представленных пожеланий, а равно и условий их выполнения, ограничиться следующими поручениями и общими указаниями на случай заключения соглашения о выступлении чехословацких войск для активной борьбы с большевиками:

1. Поручить управляющему министерством финансов установить приемлемые условия выплаты. 2. Предоставить управляющему министерством финансов по выяснении курса предполагаемых к выпуску денежных знаков нового образца («американских») обменять сбережения чехословацких войск на таковые знаки. 3. Считать возможным принятие на счет российского правительства расходов по содержанию чехословацких войск и передвижению по железным дорогам войск и грузов, направляемых для надобности этих войск, оставив открытым вопрос об установлении времени, за которое расходы эти будут покрыты за счет российского правительства. 4. Принять представление министра земледелия в следующей редакции:

«1) Распространить действие постановления Совета министров от 14 марта 1919 года „О предоставлении военнослужащим русской армии и флота, принимавшим участие в борьбе за возрождение России, преимуществ и льгот в отношении земельного и хозяйственного устройства“ на военнослужащих чехословацкой армии, находящейся в России, принимавших участие в борьбе за возрождение России, на одинаковых основаниях с военнослужащими русской армии и флота.

2) Разрешить военнослужащим чехословацкой армии, находящейся в России, а также прочим подданным Чехословацкой республики, желающим переселиться на казенные земли в Азиатской России на общих основаниях, установленных для российских подданных, вступить в русское подданство без соблюдения установленного в законе (Св[од] зак[онов], т. IX, издание 1899 г.) требования о предварительном, в течение пяти лет, водворении в России.

3) Предоставить определение порядка и условий осуществления указанной в предыдущей (2) статье настоящего постановления меры министру земледелия по соглашению с министром внутренних дел».

5. В отношении предоставления некоторых преимуществ для чехословацких торгово-промышленных предприятий в вывозе сырья из России в Чехословакию, а равно и ввозе оттуда фабрикатов продолжать принятую правительством политику, предоставляя возможное к вывозу из России сырье и устанавливая товарообмен с Чехословацкой республикой.

в) Просить председателя Совета министров принять меры к скорейшему приезду представителя Чехословацкой республики для окончательных переговоров по заслушанным вопросам.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 215–216.

[21] Ошибка; правильно — телеграмма Н. Д. Набокова от 21 августа 1919 г.

[22] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг предъявил хорошо известную исследователям фотографию, на которой был снят Совет министров Российского правительства во главе с П. В. Вологодским, сидящим в центре группы.

[23] Решение о направлении грамот эмиру Бухарскому и хану Хивинскому было принято на закрытом заседании Совета министров 9 сентября 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 160.)

[24] Обращение Верховного правителя А. В. Колчака к эмиру Бухарскому носило не столько дипломатический, сколько пропагандистский характер. В нем эмир информировался о том, что белые армии «победоносно двигаются со всех направлений к сердцу России, к городу Москва, чтобы закончить освобождение родины от преступного господства комиссаров». Содержалось обещание «при первой возможности» «снабдить Туркестан и Бухару хлебом, товарами и продуктами; оказать материальную помощь населению Бухары, пострадавшему от погрома большевиков в марте месяце 1918 г., способствовать всеми силами улучшению народного хозяйства, развитию торговли и промышленности и содействовать распространению народного образования». Исходя из пожелания, что «всем врагам большевизма следует установить и поддерживать тесную связь», А. В. Колчак выражал намерение командировать «особую военную миссию в бухарские владения, которая будет получать и передавать указания верховного командования». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 14. Д. 296.)

[25] Приводим оба документа, которые цитировал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг:

1. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 184/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *30 октября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: юстиции — Г. Г. Тельберг, путей сообщения — Л. А. Устругов, торговли и промышленности — С. Н. Третьяков, земледелия — Н. П. Петров, труда — Л. И. Шумиловский, военный — генерал от артиллерии [М. В.] Ханжин; государственный контролер Г. А. Краснов; управляющие министерствами: финансов — Л. В. [фон] Гойер, снабжения и продовольствия — К. Н. Неклютин, иностранных дел — И. И. Сукин, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, народного просвещения — вр[еменно] упр[авляющий] В. Н. Саввин; за министра внутренних дел — товарищ министра М. Э. Ячевский; главноуправляющий по делам вероисповеданий — П. А. Прокошев; главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс, товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров — К. П. Харитонов и И. А. Антропов.

Слушали: 7. Заявление министра земледелия о необходимости войти в переговоры с японским правительством о военной помощи российскому правительству, уполномочив на ведение этих переговоров особых лиц.

Постановили: [7.] Поручить министру торговли и промышленности и управляющему министерством финансов вести переговоры непосредственно с японскими представителями о возможных соглашениях с Японией в области торгово-промышленных и финансовых взаимоотношений*.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 221.

2. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 186/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *3 ноября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: путей сообщения — Л. А. Устругов, юстиции — Г. Г. Тельберг, земледелия — Н. П. Петров, военный — генерал от артиллерии

---

* На документе имеется резолюция: «Согласен. Верховный правитель адмирал Колчак».

[М. В.] Ханжин; труда — Л. И. Шумиловский, внутренних дел — В. Н. Пепеляев; управляющие министерствами: финансов — Л. В. [фон] Гойер, иностранных дел — И. И. Сукин, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, снабжения и продовольствия — К. Н. Неклютин, народного просвещения — вр[еменно] упр[авляющий] В. Н. Саввин, главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс, товарищ главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров К. П. Харитонов.

Слушали: 2. Доклад управляющего министерством иностранных дел о ходе переговоров с японским правительством о дальнейшем продвижении на запад японских войск для охраны железной дороги.

Постановили: [2.] Принять к сведению и уполномочить управляющего министерством иностранных дел официальным письмом подтвердить предложения, сделанные японскому послу управляющим министерством финансов [Российского правительства].

Слушали: 3. Доклад управляющего министерством иностранных дел по вопросу о возможности выступления чехословацких войск на фронт в связи со сделанной президентом [Чехословакии] Масариком декларацией.

Постановили: [3]. Принять к сведению*.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 226.

[26] Так в тексте.

[27] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг процитировал следующий документ:

ИЗ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА МИНИСТРОВ П. В. ВОЛОГОДСКИМ И ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТОМ С. Н. РОЗАНОВЫМ

22 ноября 1919 г.

[...] *Вологодский*. Что касается приобретения валюты путем предоставления концессий иностранным капиталам, главным образом японским, то нами принят ряд мер к развитию этого дела, ведутся дипломатические и коммерческие переговоры с Японией, и есть надежда, что дело это разовьется.

Еще раз благодарю Вас, генерал, за Ваши энергичные действия по подавлению мятежа, а также благодарю от лица Совета министров всех доблестных офицеров и стойких солдат, оставшихся верными правительству во главе с Верховным Правителем. До свидания.

Розанов. Благодарю за приветствия, передам это войскам. До свидания.

См.: *РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 156.*

[28] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг прочитал следующую запись разговора по прямому проводу:

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ДИРЕКТОРА ОБЩЕЙ КАНЦЕЛЯРИИ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Н. М. ГОРЯИНОВА С ДИРЕКТОРОМ КАНЦЕЛЯРИИ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ А. А. МАРТЬЯНОВЫМ И ЧИНОВНИКОМ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ Н. А. САМОЙЛОВЫМ

24 декабря 1919 г., 21 час

Мартьянов. Здравствуйте, Николай Матвеевич. Передайте [К. П.] Харитонову, что мне необходимо иметь телеграмму Деникина в ответ на телеграмму Верховного правителя по поводу [его] взгляда на способ деловых сношений с Герма-

---

* На документе имеется резолюция: «Согласен. Верх[овный] правит[ель] адмирал Колчак. 5 ноября 1919».

нией. Незадолго до отъезда из Омска такая телеграмма была получена и передана Харитонову. Если память мне не изменяет, она начиналась так: «Доношу, что как ни была бы тяжела обстановка, ее необходимо преодолеть...»

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 156–157.

[29] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал следующий документ:

ИЗ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ ВЕРХОВНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ А. В. КОЛЧАКОМ И ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ С. Н. ТРЕТЬЯКОВЫМ

10 декабря 1919 г.

Верховный правитель. По поводу расширения прав земского совещания, равно как и по вопросу о Земском соборе: я не буду вдаваться в рассмотрение этих вопросов по существу, но крайне серьезно положение, которое занимает в этом вопросе Дальний Восток, с чем необходимо считаться. Очень прошу Вас переговорить по этому делу с атаманом Семеновым и прийти к известному соглашению с ним и с представителями Дальнего Востока. Иначе последствия могут быть самые тяжкие. Очень прошу Вас серьезно взвесить и обдумать этот вопрос. Имейте в виду, что в нем непосредственно заинтересована Япония. По вопросу о предсовмине Пепеляеве: я никаких от него [заявлений] о выходе в отставку не имею. Я передал через [В. О.] Каппеля, что сейчас я его отставки не приму и предлагаю ему ехать в Иркутск. Вот все, что могу сказать по Вашим вопросам. Есть ли у Вас что-либо?

Третьяков. Ваше высокопревосходительство, Ваши замечания по поводу земского совещания и с моей точки зрения имеют основания. Но надо помнить, что кроме Восточной Сибири мы имеем большую территорию в Западной Сибири. В частности, в Иркутске положение весьма серьезное, и приходится идти на уступки общественному мнению. С атаманом Семеновым можно говорить лишь лично. Разговоры по прямому проводу не приведут к желательному результату. Кроме этого вопроса с Семеновым и японцами нужно вырешить целый ряд других, поэтому поездка в Читу [необходима]. К сожалению, вопрос о Дитерихсе и Сахарове ставится кабинетом [министров] в ультимативной форме, и я не ручаюсь за то, что кабинет после всех событий последних дней [не] может легко развалиться.

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 157–158.

[30] Гирса Вацлав (1875–1954) — имел степень доктора наук; в 1918 г. являлся членом филиала Чехословацкого национального совета в России; с конца 1918 г.— дипломатический представитель чехословацкого правительства во Владивостоке; с 12 ноября 1919 г.— политический уполномоченный (временный поверенный) Чехословацкой республики в России. В 1921–1927 гг. занимал должность заместителя министра иностранных дел Чехословацкой республики.

[31] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал следующий документ:

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩИМ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ ДОКТОРОМ В. И. ГИРСОЙ

[*27 декабря 1919 г.*]

У аппарата заместитель предсовмина А. А. Червен-Водали.

Червен-Водали. Здравствуйте, доктор. Извините за причиненное Вам беспокойство вызовом по прямому проводу. Предсовмин [В. Н. Пепеляев] еще не прибыл. Зам[еститель] предсовмин[а] С. Н. Третьяков уехал по экстренным делам в Читу, и мне приходится нести эту обязанность. А т[ак] к[ак в] последнее время

обстоятельства значительно осложняются, я считал необходимым с Вами откровенно переговорить.

Д[окто]р Гирса. Здравствуйте, г[осподин] министр. Я к Вашим услугам.

Червен-Водали. Прежде чем обменяться мнениями, разрешите передать Вам ту обстановку, которая создалась здесь. Вам, конечно, известны все инциденты и ряд недоразумений, возникавших в связи с передвижением поезда Верховного правителя и поездов с ценностями. Правительство заверяет Вас, что его отношения к чехам, продиктованные искренней дружбой, нисколько не изменились и теперь, ибо те или иные [государственные] акты, написанные под влиянием тяжелой обстановки, по выяснении обстоятельств все аннулированы как правительством, так и верховной властью.

Однако я отлично понимаю, что известный осадок, хотя и от аннулированных [дипломатических] нот, остался и в данное время мешает вашим исполнительным органам на местах, как и нашим, разобраться в событиях с полной и необходимой объективностью. Между тем здесь вопрос не персональный, а вопрос борьбы с большевизмом и с этой анархией, которая может возникнуть от тех или иных шагов, неправильно сделанных на магистрали.

Вам, вероятно, известно о событиях в Верхоленске и Черемховских копях, где началось антиправительственное движение под флагом земств. Однако в Верхоленске земцы уже сметены бандами красных, и многие из общественных деятелей, начавших переворот, поплатились жизнью. Вся теперешняя конъюнктура ясно подсказывает, что всякое восстание против правительства, под каким бы оно флагом ни начиналось, неминуемо переходит в большевизм. Таким образом, всякое активное выступление той или иной общественной группы дробит только силы и отдает страну в руки большевиков и различных банд и дает полный простор для грабежей и насилий.

В таком положении мы вправе ожидать поддержки со стороны чехов, ибо цели, поставленные настоящим правительством, Вам известны, как известно Вам и наше отношение к общественности. На эти темы Вы неоднократно сами лично беседовали с членами правительства и имеете достаточно доказательств его искренности. Между тем создавшаяся обстановка вызвала в связи с упомянутыми ранее нотами такое отношение со стороны вашего военного командования, что мы получили заявление о полном нейтралитете ваших военных сил. Прошу мое заявление не понимать как жалобу, а лишь как констатирование факта, который в связи со сложившейся конъюнктурой может привести к таким результатам, каких, я уверен, не желают земцы и эсеры, а тем более вы, чехословаки, так героически начавшие борьбу с большевизмом.

Если все ясно Вам в изложенном, я прошу от Вас вполне откровенных заявлений, ибо, повторяю, здесь вопрос не тех или иных личностей и тех или иных случайных поступков, а вопрос отношений двух братских народов и их правительств. Я буду очень благодарен Вам, если Вы, как и всегда, прямо и искренне выскажете свои взгляды.

Гирса. Г[осподин] министр, благодарю Вас за откровенное сообщение. Мне о событиях в Черемхове и других [местах] ничего не известно. Я понимаю вполне всю трудность положения и заявляю Вам, что нами принимаются все возможные меры к тому, чтобы наладить правильное движение на ж[елезной] д[ороге]. У нас ныне не может быть никакой другой цели, как уйти из этого района и не мешать вам, т. к. приказ нашего правительства не разрешает нам посылать войска наши на фронт для борьбы с большевиками. А потому считаю, что и в наших, и в ваших

интересах возможно скоро отправить наши войска за Байкал. Кроме этой военной помощи, которую мы вам дать не имеем права, мы готовы помогать Вам по тому плану, как[ой] был обсужден министрами в моем присутствии в Иркутске. Я прошу наше военное командование всячески помогать русским эшелонам на ж[елезной] д[ороге]. Но получаю ответ, что движение невозможно из-за отсутствия угля. И в этом отношении считаю, что могли бы вам оказать содействие наши представители, если это технически исполнимо. Вам известно, и я снова это повторяю, что мы никак не желаем создавать для вас затруднения, а наоборот, готовы вам помогать, только по ж[елезной] д[ороге] не требуйте нашей помощи в той военно-боевой форме, в какой мы вам ее дать не можем. Я вижу, что единственный выход из этих затруднений — это возможно быстрое передвижение наших войск на восток. Очень прошу быть в контакте с генералом Жанен[ом] и Сыровым. И они, наверно, постараются сделать на местах все, что еще сделать возможно.

Червен-Водали. Считаю нужным поставить Вас в известность о событиях в Черемхове и на север от Иркутска. На север от Иркутска грозят банды большевиков, идущие от Верхоленска. Находятся в расстоянии около 100 верст. В ближайшие дни надо ожидать приближения их к городу. В Черемхове вчера гарнизон из 400 человек передался на сторону мятежников, возглавляемых [людьми] левоэсеровского и соглашательско-большевистского толка, что угрожает значительными осложнениями [в] смысле доставки угля как в Иркутск, так и на ж[елезную] д[орогу]. Чехо[словацкие] войска в этом инциденте выявили полный нейтралитет с некоторым уклоном [в] сторону восставших.

В связи с этим ставлю Вам на разрешение два вопроса: 1) Можно ли быть уверенным, что чешское командование примет все меры и гарантирует благополучный проход поезда Верховного правителя, пред[седателя] Совмина, а равно двух поездов с ценностями мимо Черемхова, если ко времени прохода поездов еще не будет восстановлена власть правительства. 2) Можно ли рассчитывать, что в случае появления банд вблизи города чехо[словацкое] командование не останется немым зрителем, а окажет определенную поддержку власти. Если Вы считаете необходимым разрешить оба эти вопроса положительно, то убедительно прошу Вас снестись по этому поводу с Вашим командованием. С ген[ералами] Жанен[ом] и Сыровым я уже вел дружеские переговоры и сегодня вновь их увижу. Но думаю, что их отношение к вопросу будет зависеть от Ваших указаний как представителя Чехословацкой республики. Жду Вашего ответа.

Гирса. Я просил ген[ерала] Сырового и ген[ерала] Жанена о свободном пропуске в Иркутск поездов адмирала Колчак[а] и правительства с ценностями. Но имею сведения, что никаких препятствий с нашей стороны нет, а поезда эти стоят только по причине недостатка угля. Мне очень трудно давать издали военные распоряжения, но я просил об этом генерала Сырового и генерала Жанен[а], и я уверен, что они сделают все, что возможно сделать в данной обстановке. Прошу Вас очень переговорить с ними. Я знаю, что нами раньше и теперь были предприняты необходимые шаги для обеспечения жел[езной] дор[оги] и Иркутска, но не могу здесь судить, насколько это осуществимо с военной точки зрения.

Червен-Водали. Благодарю Вас за Ваши указания. Очень просил бы Вас в этом же дружеском тоне снестись с ген[ералами] Жанен[ом] и Сыровым. В свою очередь я буду с ними говорить. И надеюсь, что Ваши указания мне помогут. Вы ближе, чем кто-либо, знаете мои взгляды на положение вещей и на задачи

внутренней политики, а эти взгляды осуществляются правительством; а потому Вам легче разобраться в истинных наших намерениях. Надеюсь, что Вы исполните мою просьбу. До свидания, д[окто]р.

Гирса. Я сегодня же утром послал депешу генералу Сыровому и генералу Жанен[у]. Но уверяю Вас, что, при самом лучшем желании помочь в затруднении, нам всем очень трудно работать в этом направлении, ибо вся эта работа парализуется такими телеграммами, как телеграмма атамана Семенова, в которой он угрожает нашим войскам, что заставит их силой драться с большевиками. Ясно всем, как такие угрозы и громкое название наших войск военнопленными действуют на психику наших солдат. Я этому не придаю никакого значения, но указываю на то, откуда происходит препятствие для нашей работы. Благодарю Вас за сообщение. Если найдете нужным, прошу вызвать меня [к] прямому проводу. Сам я работал и буду работать в том же духе, в каком и говорил и с Вами, и с другими министрами в Иркутске.

Червен-Водали. Еще несколько слов. Я понимаю те настроения, которые вызываются подобными телеграммами, о которой Вы говорите. Правительство не разделяет этих действий и борется всеми мерами. Эти действия не должны служить основанием при установлении братских дружественных отношений двух народов. Думаю, что все переговоры, которые Вы имели с Пепеляевым, Третьяковым и мною, свидетельствуют об этом в полной мере. Благодарю Вас за Ваше разрешение беспокоить Вас вызовом к прямому проводу. Не премину воспользоваться этим в ближайшие же дни. До свидания, д[окто]р.

Гирса. Очень прошу сообщить о событиях. Благодарю Вас и до свидания.

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 158–163.

[32] Переговоры по прямому проводу между А. Н. Черняховским и К. П. Харитоновым опубликованы. (См.: Последние дни колчаковщины: Сборник документов. М.; Л., 1926. С. 152–153.)

[33] Ошибка; правильно — об аресте.

[34] Парунин Василий Емельянович — член партии социалистов-революционеров. После Февральской революции входил в Акмолинский областной земельный комитет, возглавлял Омский уездный комитет по введению земства, с февраля 1918 г. являлся председателем Акмолинской областной земской управы. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 14 июня 1919 г. был назначен членом Государственного экономического совещания.

[35] Явная ошибка; скорее всего государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг назвал Лепко.

Лепко Николай Иванович — инженер. Весной — летом 1917 г. являлся акмолинским областным комиссаром Временного правительства, летом 1918 — осенью 1919 г.— омским городским головой. С 25 марта 1919 г. служил чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел Российского правительства. С 6 июня 1919 г. был товарищем председателя Временного центрального военно-промышленного комитета.

[36] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал следующий документ:

Из разговора по прямому проводу между Верховным правителем А. В. Колчаком и командующим войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенантом В. В. Артемьевым

23 декабря 1919 г., 18 час.

У аппарата Верховный правитель.

У аппарата генерал Артемьев.

Верховный правитель. 1) Представляется ли возможным теми силами, которыми Вы располагаете, привести в порядок Черемховский район и в какой срок? 2) Если это невозможно, то необходимо обратиться к нашим войскам в Забайкалье и подчинить Иркутский военный округ атаману Семенову. 3) Каково положение в Иркутске? 4) Обратиться с просьбой к японскому командованию о скорейшем усилении японского гарнизона в Иркутске.

Ген[ерал] Артемьев. При настоящем настроении в Иркутске выводить части гарнизона нельзя, поэтому для прекращения беспорядков в Черемхове нужно назначить другие части. К японцам обращались за помощью. Можно рассчитывать, что она прибудет. С прибытием их можно будет выделить из гарнизона Иркутска часть в Черемхово для прекращения там беспорядков. Военн[ый] министр вчера обращался за поддержкой к Семенову. Пока нет ответа. В Иркутске бурлят и суетятся эсеры. Паническое настроение большей части интеллигенции. Среди войск ведется пропаганда, но пока есть надежные части. Прибытие японцев создаст благоприятное настроение как в обществе, так и [в] войсках.

См.: Народная мысль. 1920. 13 января.

[37] Государственным обвинителем А. Г. Гойхбаргом был зачитан следующий документ:

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ С. Н. ТРЕТЬЯКОВЫМ И ИСПОЛНЯЮЩИМ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ

24 декабря 1919 г., 20–22 часа.

[Иркутск,] Червен-Водали. Здравствуйте, Сергей Николаевич. Сегодня здесь положение то же, что и вчера. Все меры предосторожности принимаются. Вчера был у меня Окороков, [который] подал известное Вам заявление. Я не согласился; он вчера выехал в Читу. Сегодня я опять вел переговоры с теми, о которых говорил вчера. Настроение там значительно хуже [в] связи [с] последним назначением. Завтра буду иметь совещание со всеми четырьмя. Надеюсь, Вы меня понимаете. Удалось ли Вам что-либо сделать [в] Чите?

[Чита,] Третьяков. Я Вас понимаю. О том, что я сделал [в] Чите, получите подробную шифровку. Готова ли шифровка для меня?

[Иркутск,] Червен-Водали. Вы ко мне никаких вопросов не имеете?

[Чита,] Третьяков. В общем положение здесь вполне благоприятное. Имею [намерение] спросить: изменилось что-нибудь за сутки?

[Иркутск,] Червен-Водали: Ничего особенного не произошло; в городе много толку [в] связи [с] падением иены. По последним сведениям, она упала до 65 рублей; почти все заняты подысканием причин такого падения. В общем настроение здесь [в] достаточной степени нервное. Сейчас заканчивают шифровку, которая в сущности Вам ничего на даст. Сегодня говорили [с] управляющим Красноярской* губернии. Настроение там тяжелое, готовятся к эвакуации. Власть для охранения порядка будет принята самоуправлениями, стоящими на почве поддержания [антибольшевистского] фронта. Надеются на внутренние фронты повлиять через земские управы. [В] Черемхове положение то же: копи продолжают работать нормально; погрузка — то же самое. Я кончил.

---

* Ошибка; правильно — Енисейской.

[Чита,] Третьяков. Где «Плакатный вестник»* и эшелон мин[истерства] зем[леделия]? Даю шифровку, ответить на которую прошу сейчас же. Можете ли продержаться неделю?

[Иркутск,] Червен-Водали. Надеюсь, да; полной гарантии не дам. «Плакатный вестник» и эшелон мин[истерства] зем[леделия] вышли [из] Иланской сегодня часа в три.

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 164–165.

[38] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг зачитал две телеграммы А. А. Червен-Водали:

1. ТЕЛЕГРАММА ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ А. В. КОЛЧАКУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ, СОВЕТУ МИНИСТРОВ

[*г. Иркутск*] [*25 декабря 1919 г.*]

Ночь прошла напряженно при усиленной охране правого берега Ангары. Район левого берега занят повстанцами. Руководит военной властью повстанец, штабс-капитан [Н. С.] Калашников, от которого мною получено предложение передать власть Политическому центру. Ничего не ответил. Город будет объявлен на осадном положении. Пока все части, расположенные на этой стороне, признаков перехода к повстанцам не обнаруживают. Командующий войсками руководит всеми военными силами, предпринимает активные операции. Среди арестованных [контрразведкой] членов революционного штаба — Павел Михайлов и эсер [Борис] Марков (б[ывшие] член[ы] Зап[адно]-Сиб[ирского] комиссариата [Временного Сибирского правительства]). Обо всем происшедшем в Чите поставлены в известность.

[Подпись отсутствует]

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 166.

2. ТЕЛЕГРАММА ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ С. Н. ТРЕТЬЯКОВУ

[*г. Иркутск*] *25 декабря 1919 г., 1 ч[ас] 30 [мин.]*

Восстали все части на левом берегу [Ангары] 53-го полка, 1 и 2-й местные батальоны, гарнизон [ст.] Батарейной. Один батальон восставшими двинут [для] занятия станции Иркутск. В городе пока спокойно. Ненадежен 54-й полк. Представителем 53-го полка арестован мин[истр] зем[леделия] Петров. Нашей [контр]разведкой арестован в городе районный штаб [из] 17 человек. Гарнизон Балаганска перешел на сторону восставших. В Черемхове освобождены [из эшелона «смерти»] 200 красноармейцев. На мои вопросы Сыровой ответил нейтралитетом. Все пароходы берут под свое ведение, не дадут ни той, ни другой стороне, обеспечат население от грабежей и насилий. Я просил генерала Сырового взять под охрану артиллерийские склады [на] Батарейной, губернскую тюрьму, лагерь военнопленных. Необходимо возможно скорейшее появление войск [из] Забайкалья хотя бы в малом числе.

А. Червен-Водали.

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 166–167; Народная мысль. 1920. 13 января.

---

* Видимо, ошибка; скорее всего здесь и далее — «Правительственный вестник».

[39] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг процитировал следующий документ:

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ ДИРЕКТОРОМ ОБЩЕЙ КАНЦЕЛЯРИИ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Н. М. ГОРЯИНОВЫМ И ТОВАРИЩЕМ ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩЕГО ДЕЛАМИ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ И СОВЕТА МИНИСТРОВ К. П. ХАРИТОНОВЫМ

24 декабря 1919 г.

[Чита,] Харитонов. Здравствуйте, Николай Матвеевич, получена ли посланная вчера шифровка на имя Александра Александровича [Червен-Водали]? Передайте ему, что полученные сведения еще не подтверждены официально, что сегодня из Читы выходят семь тысяч штыков семеновских и японских войск. Сейчас зам[еститель] пред[седателя] Сов[ета] мин[истров Третьяков] поехал на первое свидание. Сегодня вечером дадим полные сведения, поэтому прошу Вас быть с пяти часов вашего времени в управлении.

[Иркутск,] Горяинов. Здравствуйте, Константин Петрович. Шифровку Вашу вчера получили, но расшифровать ее пока не удалось. Есть места, искаженно переданные.

[Чита,] Харитонов. Спросите Александра Александровича, нет ли чего-нибудь срочного для передачи Третьякову.

[Иркутск,] Горяинов. Скажите, пожалуйста, есть ли серьезные основания для утверждения, что это в действительности будет. Я говорю о содержании зашифрованного места.

[Чита,] Харитонов. Основание есть; иначе не передавали бы. Точного подтверждения пока не получено. Все ли ясно?

[Иркутск,] Горяинов. Все ясно. Будьте здоровы.

[Чита,] Харитонов. До свидания.

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 167–168.

[40] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг обнародовал следующий документ:

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ КОМАНДУЮЩИМ 1-Й СИБИРСКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛОМ А. Н. ПЕПЕЛЯЕВЫМ И ИСПОЛНЯЮЩИМ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ

23 декабря 1919 г.

[Мариинск.] У аппарата ген[ерал] Пепеляев.

[Иркутск.] У аппарата исп[олняющий] об[язанности] пред[седателя] Сов[ета] мин[истров] Червен-Водали, здесь же воен[ный] мин[истр] и тов[арищ] мин[истра] путей [сообщения] Ларионов.

[Мариинск,] ген[ерал] Пепеляев. Просил председателя Совета министров для выяснения политической обстановки, от которой [во] много[м] зависит дальнейшее существование армии на фронте. Здесь распространяется много слухов, и мне нужно знать истинное положение дел.

[Иркутск,] Червен-Водали. Вчера 53-й полк, расквартированный на левом берегу Ангары, объявил себя перешедшим на сторону т[ак] н[азываемого] Политического центра, состоящего из большевистских соглашателей, с[оциалистов]-р[еволюционеров] и земцев, и занял при нейтралитете чехов вокзал. Мер сразу принять было невозможно ввиду отсутствия моста, сорванного ледоходом. Не то же первый и второй местные батальоны, из которых один присоединился [к повстанцам], другой находится в повиновении. Части, расположенные в городе, находятся в подчинении, и сегодня все были дежурные части в полной готовности.

В течение ночи никаких выступлений не было. Ночью произведены аресты главарей движения. Вчера сносился с заместителем председателя Совета министров Третьяковым в Чите, получил заверение, что оттуда и [из] Верхнеудинска направляются подкрепления, которые могут подойти в ближайшие дни. В городе настроение очень нервное, выпущены воззвания повстанцев. Эти воззвания срываются. Есть основания ожидать подхода иностранных войск Вам понятной национальности. С Вашим братом сейчас разговаривал, сообщил ему подробности шифром. От него получил указания, что ни в какие соглашения с большевистски настроенными элементами вступать невозможно. Этой же точки зрения держимся и мы. Виктор Николаевич находится в Тайшете. Вот в общем все, что считал нужным Вам сообщить. Зададите ли какие-либо вопросы и вкратце не осветите ли положение у Вас. Я кончил.

[Мариинск,] ген[ерал] Пепеляев. Покорно благодарю. Ваша ориентировка меня вполне удовлетворяет. В случае изменения положения прошу меня своевременно ориентировать. Желал бы переговорить с самим Виктором Николаевичем. Фронт сейчас находится несколько восточнее реки Яя. На фронте находятся арьергарды армии. Остальные же части, вышедшие из тяжких испытаний из Барнаульского, Новониколаевского и Томского районов, проходят через Мариинск в Ачинский район, занимают тыловые позиции. Для планомерного отхода армия (малочисленная) нуждается в продовольствии и денежных знаках, а также в обмундировании. Необходимо напрячь все силы для них и поднять моральное состояние. Я кончил.

[Иркутск,] Червен-Водали. Благодарю Вас за сделанное Вами сообщение. Забыл Вам сообщить о том, что ст. Черемхово в руках повстанцев. Рабочие [к ним] не примкнули. Уголь добывается и грузится в прежнем размере. С севера надвигаются банды, вышедшие из Верхнеудинска* и находящиеся верстах в 100 с небольшим от Иркутска. Скажите, пожалуйста, где Вы сейчас находитесь и как Вас вызвать к прямому проводу.

[Мариинск,] ген[ерал] Пепеляев. Сейчас я в Мариинске. Завтра предполагаю перейти в район ст. Суслово. Честь имею кланяться.

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 168–170.

[41] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг привел следующий документ:

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ С. П. ТРЕТЬЯКОВЫМ И ИСПОЛНЯЮЩИМ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ А. А. ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ

26 декабря 1919 г., 11 час. 30 мин.

[Иркутск,] Червен-Водали. Ввиду срочности буду говорить частью открыто. [Наше] военное командование через [японского] полковника Фукуду предупредило ген[ерала] Жанена о том, что с сегодняшнего утра начнутся военные действия против повстанцев, а потому оно просит очистить район станции Иркутск от мятежников, иначе могут пострадать иностранцы, находящиеся в этом районе в поездах и в зданиях вокзала. В ответ на это было заявлено, что ген[ерал] Жанен установил нейтральную зону в $1^1/_2$ версты в окружности с центром — станция Иркутск. В ответ на это начальник гарнизона ген[ерал] Сычев ответил письмом ген[ералам] Жанену, Сыровому, нач[альникам] военных миссий следующего содержания:

---

* Ошибка; правильно — из Верхоленска.

«Я, начальник гарнизона города Иркутск, уполномочен командующим войсками Иркутского военного округа осуществить объявленное им осадное положение. Решение союзных военных миссий об установлении нейтральной зоны, составляющей Иркутский вокзал с ближайшими окрестностями, мне объявлено начальником штаба Иркутского военного округа. Но это решение меня может удовлетворить при сложившейся обстановке только в том случае, если нейтральная зона будет совершенно очищена от повстанческих войск с их штабами к 7 часам утра 26 декабря нового стиля.

При несоблюдении этого моего условия я оставляю за собой право начать военные действия против повстанческих войск, не считаясь с нейтральной зоной, и открываю артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь по повстанческим войскам, где бы они ни находились по истечении указанного срока. Начальник гарнизона города Иркутск, генерал-майор Сычев. 25 дек[абря] 1919 г., 22 часа».

В ответ на это ген[ерал] Жанен через полковника Фукуду уведомил ген[ерала] Сычева о том, что им отдано распоряжение чехам воспретить наступление ген[ерала] Сычева в указанную зону; причем в очищении от мятежников этого района ген[ералом] Жаненом отказано. Таким образом, чехи берут под свое покровительство повстанцев. Мы пока вынуждены на бездействие, что очень скверно действует на психику войск. Необходимо Вам снестись по этому поводу с Парижем, Токио. Посылаю начштаба и Язвицкого разговаривать с Жаненом, он сидит в поезде. Японцы гарантируют их свободное возвращение.

[Чита,] Третьяков: 1) Какое количество чешских войск находится [в] расположении вокзала и сколько в городе? 2) Как держатся в этом вопросе американцы и англичане?

[Иркутск,] Червен-Водали. 1) По имеющимся сведениям, в районе Иркутска имеются два полка и порядочная артиллерия. 2) Позавчера утром у меня был, по уполномочию Гарриса, его секретарь, говорил, что с Вами разговаривал по прямому проводу, просил обрисовать обстановку. Я это сделал. Он сообщил, что действиями чехов недоволен, сносится с Вашингтоном; ждет директив. По частным сведениям, против этого последнего решения Жанена [американцы] не возражали; а англичане и французы совершенно нейтральны; японцы высказывают симпатии, но ничего сделать не могут. Сейчас составлю словесную ноту представителям союзников с изложением обстановки и заявлением о совершенной неприемлемости для правительства занятой ген[ералом] Жаненом позиции. Через час-два Язвицкий и начштаба будут у генерала, который обещал принять [их] и пригласить к себе представителей остальных миссий. Есть возможность разговаривать с земцами, которые себя не связывают с произведенным восстанием. Пока решения никакого не принял. Прошу Ваших указаний, что значит выражение Ваше [во] вчерашнем сообщении: «Будет соблюдена полная преемственность». Сейчас пришел Благош; пойду к нему. Прошу отвечать; воен[ный] мин[истр] здесь.

[Чита,] Третьяков. Полагаю, что в этом деле нужно соблюдать сугубую осторожность. Открытие военных действий против вокзала равносильно разрыву дипломатических сношений [с] державами Согласия. Полагаю, что есть возможность уговорить Жанена постепенно эвакуировать вокзал, если отсюда будут даны заверения беспрепятственного пропуска чехо[словацких] войск. Так как командующим войсками Иркутского округа назначен атаман Семенов, сейчас же сообщу ему о положении вещей и постараюсь добиться определенного решения. Снестись с Сазоновым и Крупенским могу только через [В. О.] Клемма, так как, к сожалению, не захватил с собой заграничного шифра. Полагаю, что снестись можно

из Иркутска, информируя о положении дела Крупенского, Сазонова, Бахметьева. Вопрос о преемственности надо понимать в прямом смысле: прерогативы верховной власти будут соблюдены. Сообщите, пошлете ли за границу информацию сами или желаете, чтобы послал я через Владивосток. Еще раз говорю Вам: выдержка и спокойствие. После разговора с атаманом [Семеновым] сейчас же вызову Вас. Установите дежурства, находитесь сами поблизости.

[Иркутск,] ген[ерал] Ханжин. Связи [с] верховным штабом нет, в Иннокентьевской выключены все провода.

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 170–172. Частично опубликовано: Народная мысль. 1920. 13 января.

[42] Текст письма Е. Г. Сычева см. в предыдущем комментарии.

[43] Ошибка; правильно — Совет Верховного правителя. Инициатором его создания был управляющий министерством иностранных дел Российского правительства Ю. В. Ключников, выступивший 20 ноября 1918 г. на заседании Совета министров с предложением «о необходимости учреждения при Верховном правителе для рассмотрения вопросов, требующих спешного разрешения, и для согласованности в деятельности Верховного правителя и Совета министров». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 6.) Совет Верховного правителя был образован постановлением Совета министров от 21 ноября 1918 г. «в целях достижения единства воли и действий между Верховным правителем и Советом министров и для рассмотрения дел, подлежащих непосредственному ведению Верховного правителя». Официально являлся совещательным органом. Состоял из председателя Совета министров или его заместителей, министров внутренних дел, иностранных дел, финансов, а также главноуправляющего делами Совета министров и Верховного правителя. Председателем Совета являлся сам А. В. Колчак.

Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 7 августа 1919 г. на Совет было также возложено обсуждение военно-политических вопросов, вопросов организации военно-административного управления на фронте и в тылу, укомплектования и снабжения армии и флота, осуществления мероприятий, вытекавших из общего плана военной кампании. При их обсуждении Совету разрешалось действовать в расширенном составе с привлечением в качестве членов военного и морского министров, главнокомандующего и командующих армиями, если позволяла обстановка на фронте, начальника штаба Верховного главнокомандующего и его помощника, помощника военного министра по казачьей части и соответствующих министров. Прекратил свое существование в соответствии с указом Верховного правителя А. В. Колчака от 21 ноября 1919 г., когда вместо него было образовано Верховное совещание. (Подробнее см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 2; оп. 6. Д. 2; Правительственный вестник. 1919. 12 августа и 26 ноября; Последние дни колчаковщины. С. 130; *Некрасова Л. В.* Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1: Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск, 1997. С. 101.)

[44] Ошибка; правильно — Ключников. Подробнее см. предыдущий комментарий.

[45] Ошибка; см. комментарий 43 к настоящей главе.

[46] Текст беседы корреспондента газеты «Правительственный вестник» с министром труда Л. И. Шумиловским процитирован защитником или записан стенографистом с большими купюрами.

Приводим точный текст интервью: «Я должен прежде всего заявить, что я совершенно не являюсь партийным человеком, хотя еще в очень недавнем прошлом

я занимал определенную позицию в общественных группировках и был выборщиком от с[оциал]-д[емократов] меньшевиков во время выборов во II и IV Государственные думы и кандидатом в Учредительное собрание от с[оциал]-д[емократической] организации армий Румынского фронта и от Алтайской губернии.

Не будучи партийной, моя позиция не является и классовой. И главный центр моего внимания — интересы и нужды в муках и страданиях возрождающейся родины, для спасения которой все группы и классы обязаны нести, быть может, и великие жертвы и во имя естественного чувства патриотизма, и во имя обеспечения своих интересов в ближайшем будущем. Основные исходные пункты моей программы — учет реальной обстановки, непременная связь всех мероприятий министерства с экономическим прогрессом страны и государственности».

[47] А. М. Ларионов имел в виду постановление Административного совета Временного Сибирского правительства от 14 сентября 1918 г. «О восстановлении смертной казни как наказания за некоторые тягчайшие преступления». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 124; Сибирский вестник. 1918. 18 сентября.)

[48] На заседании Совета министров 8 июля 1919 г. по докладу министра юстиции Г. Г. Тельберга в статью 90–2 книги XXIII «Свода военных постановлений» 1869 года было внесено такое дополнение: «Командующим войсками округов временно предоставляется право увеличивать наказания, в законе положенные, до смертной казни включительно». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 98.)

[49] См. комментарий 29 к главе второй.

[50] Степанов Александр Петрович являлся довольно неоднозначной личностью. Весной 1917 г. в звании штабс-капитана принял командование 1-м полком Чехословацкой бригады. В июне 1917 г. отличился в боях под Зборовым, за что был удостоен ордена Св. Георгия IV степени. Летом 1918 г. во главе 1-го чехословацкого полка сыграл важную роль в освобождении Казани от красных, за что чешским Национальным советом был произведен в полковники. По характеристике П. В. Вологодского, это был молодой человек, «опьяненный властью». Летом — в начале осени 1918 г. он прославился в Казани «как герой самых безответственных выступлений». В том числе во время отступления белых из города А. П. Степанов не вывез военные материалы и припасы, которые в итоге достались красным. Осенью 1918 г. с казанской группой войск отступил в расположение белой Сибирской армии. В ноябре 1918 г. был назначен начальником 6-й Казанской стрелковой дивизии, формировавшейся в районе Новониколаевска, а также начальником Новониколаевского военного района и гарнизона города. 12 ноября 1918 г. А. П. Степанов издал приказ № 92, через два дня опубликованный в местной газете «Русская речь», который, по оценке П. В. Вологодского, «противоречит коренным образом существующим узаконениям, без нужды терроризирует население и решительно подрывает авторитет действующей ныне власти». Подчиненные ему офицеры и солдаты также безобразничали в Новониколаевском военном районе. 20 ноября 1918 г. П. В. Вологодский обратился к А. В. Колчаку с просьбой устранить А. П. Степанова от должности начальника гарнизона. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 11.) Однако, судя по всему, эта просьба председателя Совета министров не была удовлетворена Верховным правителем, поскольку примерно до середины марта 1919 г. А. П. Степанов продолжал командовать 6-й стрелковой дивизией, переименованной в 10-ю Казанскую особую дивизию.

[51] Скорее всего, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имел в виду капитана П. М. Рубцова и события 22 декабря 1918 г. в Омске.

[52] Так в тексте.

[53] В соответствии с постановлением Совета министров от 24 декабря 1918 г. «Об отмене положения об учреждении Сибирского высшего суда и об утверждении положения об открытии в городе Омске временных присутствий первого и кассационных департаментов Правительствующего сената» в Омске были открыты временные присутствия первого и двух кассационных департаментов Правительствующего сената. Первый департамент замещал функции первого — четвертого дореволюционных департаментов, первый кассационный был по уголовным, а второй кассационный — по гражданским делам.

Торжественное открытие Правительствующего сената, в котором приняли участие Верховный правитель А. В. Колчак, председатель Совета министров П. В. Вологодский и члены Российского правительства, состоялось 29 января 1919 г. в зале судебных заседаний Омской судебной палаты. В речи на открытии Правительствующего сената А. В. Колчак заявил, что отныне, с восстановлением Правительствующего сената, «идея правового государства торжествует в освобожденной [от большевиков] стране». (См.: Правительственный вестник. 1919. 3 и 31 января.)

[54] Судя по всему, в данном случае защитник В. Л. Айзин намекал на собственный опыт, который заключался в следующем. Постановлением командующего войсками Омского военного округа А. Ф. Матковского от 26 мая 1919 г. дело помощника присяжного поверенного В. Л. Айзина, обвинявшегося в преступлении, предусмотренном 14, 1629 и 1632 статьями Уложения о наказаниях, было передано на рассмотрение прифронтового военно-полевого суда. Тогда В. Л. Айзин обратился с жалобой на постановление командующего войсками в Правительствующий сенат. Дело вызвало большой общественный интерес. 5 июня 1919 г. Правительствующий сенат рассмотрел его в публичном заседании и отменил постановление командующего войсками Омского военного округа А. Ф. Матковского, поскольку в действиях В. Л. Айзина не заключалось признаков инкриминируемого ему деяния — укрывательства разбойного нападения. (См.: Правительственный вестник. 1919. 11 июня.)

[55] Непонятно, какие документы зачитывал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг.

[56] Видимо, речь шла о поручике Ф. А. Барташевском, который командовал отрядом, производившим расстрелы арестованных.

[57] Ошибка; правильно — 14 января. В этот день на заседании Совета министров министр юстиции С. С. Старынкевич сделал словесное представление «о назначении, согласно последовавшему ему указанию Верховного правителя, чрезвычайной следственной комиссии для тщательного и всестороннего расследования событий, последовавших непосредственно после подавления попытки к восстанию в г. Омск в ночь на 22 декабря м. г., в целях обнаружения всех виновных и предания их суду». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 92. Л. 22–23.)

[58] Показания капитана П. М. Рубцова и подполковника Н. Г. Сабельникова см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 49, 50; Красный архив. М.; Л., 1924. Т. 7; 1925. Т. 1 (8).

[59] Журал закрытого заседания Совета министров, состоявшегося 24 декабря 1918 г., не обнаружен.

[60] В журнале № 23 заседания Административного совета Временного Сибирского правительства от 4 октября 1918 г. этот вопрос сформулирован следующим образом: «*Слушали*: 16. Представление министра финансов от 18 сентября 1918 года за № 108 об отпуске кредита в сумме 1 000 руб[лей] прапорщику Яцкову за эн ргичную деятельность при преследовании большевиков». (См.: ГАРФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 103. Л. 46.)

[61] Ошибка; 2 500 рублей было выделено управляющему Тобольской губернией.

[62] Об этом см. комментарий 109 к главе первой.

[63] Приводим документ, из которого государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг почерпнул данную информацию:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 2/202/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Иркутск*] *30 ноября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров В. Н. Пепеляев.

Присутствовали: заместитель председателя Совета министров — управляющий министерством иностранных дел С. Н. Третьяков, министры: земледелия — Н. П. Петров, труда — Л. И. Шумиловский, военный — генерал от артиллерии М. В. Ханжин, финансов — П. А. Бурышкин, торговли и промышленности — А. М. Окороков; временно управляющие министерствами: внутренних дел — А. А. Червен-Водали, юстиции — А. П. Морозов, путей сообщения — Г. М Степаненко; председатель Государственного экономического совещания, главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс; государственный контролер Г. А. Краснов; старший юрисконсульт на правах товарища главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров И. А. Антропов.

Слушали: XIV. Доклад министра земледелия о необходимости принять меры, чтобы большевистские деятели не расселялись в порядке высылки на территории государства, т. к. это способствует большевистской пропаганде.

Постановили: [XIV.] Поручить управляющему министерством внутренних дел установить меры к пресечению задержанным большевистским деятелям возможности вести пропаганду.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 265.

[64] Приводим документ, содержащий соответствующую информацию:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 17 ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *30 ноября 1918 г.*

[Председательствовал:] председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: финансов — И. А. Михайлов, внутренних дел — А. Н. Гаттенбергер, юстиции — С. С. Старынкевич, снабжения — И. И. Серебренников, путей сообщения — Л. А. Устругов; управляющие министерствами: труда — Л. И. Шумиловский, иностранных дел — Ю. В. Ключников, морским — контр-адмирал [М. И.] Смирнов, за министра народного просвещения — товарищ министра Г. К. Гинс; товарищи министров: продовольствия — И. Г. Знаменский, земледелия — А. М. Ярмош, внутренних дел — А. А. Грацианов, труда — С. М. Третьяк, путей сообщения — Г. М. Степаненко, помощник военного министра генерал-майор [В. И.] Сурин, управляющий делами Совета министров и Верховного правителя Г. Г. Тельберг, государственный контролер Г. А. Краснов, начальник почт и телеграфов Е. А. Цеслинский и помощник управляющего делами Совета министров Т. В. Бутов.

Слушали: 3. Словесное сообщение министра внутренних дел А. Н. Гаттенбергера о действиях помощника челябинского окружного комиссара Кириенко.

Постановили: [3.] Возбудить против помощника челябинского окружного комиссара Кириенко уголовное преследование, поручив министру юстиции дать настоящему делу установленное в законе направление.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 29.

[65] Приводим документ, из которого государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг заимствовал обнародованную информацию:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 69/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *27 марта 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: финансов — И. А. Михайлов, военный — генерал-майор Н. А. Степанов, юстиции — С. С. Старынкевич; управляющие министерствами: внутренних дел — А. Н. Гаттенбергер, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, труда — Л. И. Шумиловский, торговли и промышленности — (вр[еменно] упр[авляющий]) Н. Н. Щукин, иностранных дел — (вр[еменно] упр[авляющий]) И. И. Сукин; государственный контролер Г. А. Краснов; управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. Г. Тельберг; товарищи министров: народного просвещения — П. И. Преображенский, путей сообщения — Г. М. Степаненко и помощник управляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов.

Слушали: 8. Представление министра юстиции об издании оповещения по делу о расстрелах, сопровождавших события, имевшие место 22 декабря минувшего года в г. Омск.

Постановили: [8.] Ввиду недостаточности материала, изложенного в проектируемом оповещении, недостаточно освещающего совершенное преступление, от оповещения воздержаться.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 55.

[66] Так в тексте.

[67] Например, в начале августа 1919 г. комитет по обеспечению порядка и законности в управлении отменил приказ начальника железнодорожного участка Новониколаевск — Ачинск об обязанности жителей деревень в 20-верстной полосе от линии железной дороги охранять полотно дороги; об обязанности сельских и волостных должностных лиц составлять списки заложников, подлежавших расстрелу в случае злоумышленного крушения поездов, нападения на служащих и караулы; о сожжении домов лиц, ушедших с большевистскими бандами; в начале октября — распоряжение главного начальника Приамурского края генерал-лейтенанта С. Н. Розанова о реквизиции товаров во Владивостоке. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 209; Правительственный вестник. 1919. 10 августа.) Более подробно об этом см.: *Некрасова Л. В.* Комитет по обеспечению порядка и законности (к вопросу о взаимоотношении центральных и местных властей в период колчаковщины) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков. Региональная научная конференция 5–6 декабря 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 52–55.)

[68] Так, министерство юстиции опротестовало в Правительствующем сенате на предмет отмены ряд распоряжений военных властей, в том числе обязательное постановление уполномоченного командующего войсками Иркутского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии и западной части Нижнеудинского уезда генерал-лейтенанта С. Н. Розанова от 26 марта 1919 г. о заложниках. Правительствующий сенат затребовал по этому вопросу дополнительные сведения. (См.: Правительственный вестник. 1919. 6 августа.)

[69] Так в тексте.

[70] Наиболее жестокие приказы, изданные генерал-лейтенантом С. Н. Розановым в конце марта 1919 г. по вступлении его в должность уполномоченного командующего войсками Иркутского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии и западной части

Нижнеудинского уезда, были отменены им же самим приказом № 215 от 24 июня 1919 г., когда красные партизаны потеряли свои главные опорные пункты — волостные села Степной Баджей и Тасеево. (См.: Свободная Сибирь. 1919. 26 июня.)

[71] Приказ о наступлении на Степно-Баджейскую волость был отдан генерал-лейтенантом С. Н. Розановым 20 мая 1919 г. В этом приказе содержалось требование после вторжения русских и союзных войск на территорию Степно-Баджейской волости «ликвидировать ее», приняв меры «к ограждению мирных жителей, верных правительству, от насилия, грабежей и произволов». (См.: Партизанское движение в Сибири. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 178–179.)

[72] Так в тексте. Фамилия начальника отряда отсутствует. Скорее всего, речь шла о сотнике Г. К. Бологове.

[73] Урянхайский край — ныне Республика Тыва.

[74] Существует и несколько иная версия роли полковника А. Д. Сыромятникова во владивостокском восстании в ноябре 1919 г. По заявлению чешского майора Я. Кошека, А. Д. Сыромятников являлся сторонником генерала Р. Гайды и отказался участвовать в подавлении восстания. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 40а. Л. 37–38.)

[75] В порядке реализации приказа генерал-лейтенанта С. Н. Розанова все жилые и хозяйственные постройки 20 населенных пунктов Степно-Баджейской волости были сожжены; только в волостном селе остались церковь, школа и почтовое отделение. Во многом аналогичная судьба постигла волостное село Тасеево, в котором было сожжено две трети дворов. (См.: ГАКК. Ф. р-1188. Оп. 1. Д. 63. Л. 16; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 103. Л. 14.)

[76] Согласно указу Верховного правителя А. В. Колчака от 21 июня 1919 г., за антиправительственное вооруженное восстание жителей села Тасеево Канского уезда и села Степной Баджей Красноярского уезда Енисейской губернии государственные земли, входившие в состав наделов указанных селений, подлежали изъятию и передаче в земельный фонд, предназначенный для устройства военнослужащих, отличившихся в борьбе с большевиками. Поскольку исполнение этого указа было возложено Верховным правителем на министра внутренних дел, В. Н. Пепеляев и направил в Красноярск телеграмму с изложением указа Верховного правителя. (См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1919. 1 сентября. № 12. С. 25.)

[77] См. документы № 22 и № 28 (глава первая).

[78] Какой документ цитировал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, установить невозможно, поскольку об убийстве 31 заключенного на Байкале имеется большой круг источников.

Суть этого трагического события, потрясшего своей бессмысленностью и жестокостью местную общественность, такова. 4 января 1920 г. начальник контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа штабс-капитан Д. П. Черепанов получил приказ генерал-майора Е. Г. Сычева покинуть Иркутск и переехать в Лиственичное, где вместе с сотрудниками отделения поступить в распоряжение генерала Л. Н. Скипетрова. Туда же следовало доставить политических арестованных для передачи их Л. Н. Скипетрову. До Лиственичного арестованных везли на подводах под конвоем, назначенным контрразведкой. В Лиственичном их погрузили на пароход «Кругобайкалец» и перевезли на ст. Байкал, где разместили на пароходе «Ангара». Видимо, здесь произошла замена конвоя: заключенные попали под охрану прибывших сюда семеновцев. Вечером 6 января 1920 г. пароход «Ангара» вышел в Байкал. По распоряжению командовавших на пароходе подпол-

ковника А. И. Сипайло и начальника гарнизона ст. Байкал штабс-капитана К. Ф. Годлевского всех находившихся на пароходе арестованных выводили из кают, кололи штыками или били по голове деревянными колотушками, после чего сбрасывали за борт. В числе зверски убитых оказались такие видные эсеровские деятели, как Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов, Н. П. Петров (Корнилов, Самарцев), Я. Ф. Терещенко (Сахаров), М. П. Храбров (Н. И. Добров) и Я. Я. Аунен (В. Перкунен). Среди погибших оказался отец выдающегося историка Сибири академика А. П. Окладникова учитель П. С. Окладников, служивший в Иркутске прапорщиком 56-го Сибирского стрелкового полка. (См.: ГАНО. Ф. р-867. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 7, 24, 30–31, 111; ЦХДИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 698. Л. 18.)

[79] Телеграммы с информацией об аресте контрразведывательным отделением штаба Иркутского военного округа сначала 17, а потом 60 подпольщиков см.: Народная мысль. 1920. 13 января.

[80] Черепанов Дмитрий Петрович (?–1920) — в декабре 1918 г. командовал Иркутским охранно-железнодорожным батальоном, затем служил начальником контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа. В середине января 1920 г. был обнаружен в районе ст. Байкал и арестован. Коллегией Иркутской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

[81] Нами выявлены несколько протоколов (№ 1, 3–6) допросов Д. П. Черепанова за 23 января — 18 февраля 1920 г., которые вели председатель Иркутской чрезвычайной следственной комиссии (затем товарищ председателя Иркутской губернской чрезвычайной комиссии) К. А. Попов и член следственной комиссии Г. И. Лукьянчиков. (См.: ГАНО. Ф. р-867. Оп. 1. Д. 11. Л. 24–26, 30–32, 34–37.) Какой протокол допроса Д. П. Черепанова зачитывал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, установить не представляется возможным.

[82] Ошибка; здесь и далее правильно — Семенов.

[83] Базанов Владимир Петрович — чиновник контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа, который руководил арестом эсеров-подпольщиков в ночь с 24 на 25 декабря 1919 г. в Иркутске. В январе 1920 г. был арестован Иркутской чрезвычайной следственной комиссией.

[84] Протоколы допросов В. П. Базанова и Д. П. Черепанова, содержащие соответствующую информацию, см.: ГАНО. Ф. р-867. Оп. 1. Д. 11. Л. 23–26.

[85] Сипайло (Сипайлов) Александр Иванович (1861–?) — окончил Московское пехотное юнкерское училище, участник русско-японской войны, полковник (1916 г.). В конце 1919 г. служил в контрразведывательном отделении штаба Иркутского военного округа. Затем связал свою судьбу с бароном Р. Ф. Унгерном. По свидетельству А. Ф. Оссендовского, А. И. Сипайло был «человек ненормальный» и садист, которого боялся даже сам Р. Ф. Унгерн.

[86] Видимо, речь идет о генерал-квартирмейстере Иркутского военного округа полковнике Рахманинове, который заявил Д. П. Черепанову: «Всех ваших министров надо было повесить». (См.: ГАНО. Ф. р-867. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.)

[87] Ошибка; правильно — телеграмма А. А. Червен-Водали С. Н. Третьякову от 25 декабря 1919 г. (См. комментарий 38 к настоящей главе.)

[88] Приказ генерал-лейтенанта Г. М. Семенова командующему Иркутским военным округом с требованием принять все меры для сохранения в Иркутске положения до прибытия частей Дикой дивизии под командованием генерала Л. Н. Скипетрова, которому было дано задание «беспощадно покончить раз навсегда с мерзавцами», см.: ЦХДИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 717. Л. 2.

[89] В иркутской печати сообщалось, что вечером 4 января 1920 г., т. е. после того, как А. А. Червен-Водали узнал о том, что 31 арестованный увезен контрразведчиками, он направил генералам Л. Н. Скипетрову и Е. Г. Сычеву телеграмму с требованием обеспечить безопасность арестованных. (См.: Бюллетень информационного бюро Политического центра. 1920. 7 января.) 13 февраля 1920 г. на допросе в Иркутской чрезвычайной следственной комиссии начальник Иркутской контрразведки Д. П. Черепанов подтвердил, что после его прибытия с 31 арестованным в деревню Патроны «по телефону передавали относительно передачи арестованных союзному командованию». (См.: ГАНО. Ф. р-867. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.)

[90] Ошибка; правильно — Рахманинов.

Глава восьмая. Заседание седьмое

[1] «Союз сибиряков-областников» был создан в Петрограде в конце 1917 г. и располагался по адресу: Невский проспект, д. 60. В него входили проживавшие в столице коренные сибиряки, а также лица, ранее отбывавшие в Сибири каторгу и ссылку. «Союз» ставил своей задачей «всемерное содействие осуществлению областной автономии Сибири, видя в этом путь к освобождению родного края от мертвящей бюрократической централизации и от хозяйственной и политической анархии». Он издавал газету «Вольная Сибирь», публиковавшую материалы о политической и экономической жизни Сибири, а также литературные произведения писателей-сибиряков. «Союз» прекратил свое существование весной 1918 г. в связи с тем, что большинство его руководителей и актива покинуло Петроград.

[2] Так в тексте.

[3] Видимо, С. М. Третьяк имеет в виду Бабушкина.

Бабушкин Владимир Александрович (1857–?) — из потомственных дворян. Окончил 2-е Константиновское училище по первому разряду. В 1908–1917 гг. возглавлял Костромское, Рязанское и Симбирское губернские жандармские управления. Генерал-майор. Осенью 1918 — в начале лета 1919 г. возглавлял контрразведывательную часть осведомительного отдела Ставки (штаба) Верховного главнокомандующего; с 30 июля 1919 г.— управляющий особым отделом министерства внутренних дел Российского правительства.

[4] Информация С. М. Третьяка не соответствует действительности.

[5] Решение о переименовании всех подведомственных министерству труда Российского правительства комиссариатов труда в инспекции труда и должностей комиссаров труда в должности инспекторов труда было принято Советом министров на заседании 4 января 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 92. Л. 9.)

[6] Речь идет о постановлении Временного Сибирского правительства «Об аннулировании декретов советской власти» от 4 июля 1918 г. В нем говорилось:

«Ввиду того, что советские власти основаны были на захвате и преступном насилии над волею народа, Временное Сибирское правительство, считая все советские учреждения незаконными, объявляет:

1) что все декреты, изданные так называемым Советом народных комиссаров и местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являются актами незакономерными, а потому — ничтожными; и

2) что для внесения планомерности в дело восстановления прав и отношений, измененных декретами советской власти, таковое восстановление должно производиться в соответствии с руководящими в каждой области [управления] указа-

ниями центральных правительственных учреждений». (См.: Сибирский вестник. 1918. 16 августа; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 18 июля. № 2. С. 4.)

[7] Министерство труда так называлось по имени министра М. И. Скобелева.

Скобелев Матвей Иванович (1885–1938) — родился в Баку в семье промышленника. Учился в техническом училище в Баку, окончил Венский политехникум (1912 г.).

Участник социал-демократического движения в Закавказье с 1903 г. В конце 1906 — середине 1912 г. в эмиграции. Депутат IV Государственной думы, входил в социал-демократическую фракцию, а после ее раскола — в меньшевистскую. В годы Мировой войны стоял на позициях «оборончества». Во время Февральской революции — один из организаторов переворота в Кронштадте и Свеаборге, член исполкома, затем товарищ председателя Петроградского совета. В июне 1917 г. на первом Всероссийском съезде советов избран товарищем председателя ВЦИК. С начала мая до начала сентября 1917 г. являлся министром труда Временного правительства. Участник Государственного совещания в Москве и Демократического совещания в Петрограде, член Временного совета республики (Предпарламента). Решительный противник большевиков и Октябрьского переворота. В дальнейшем работал в кооперации и в советском торговом представительстве во Франции, в Госплане и Главном концессионном комитете. В 1938 г. арестован и приговорен к расстрелу. В 1957 г. реабилитирован.

[8] Видимо, С. М. Третьяк имел в виду Иркутский губернский исполком объединений трудового крестьянства, избранный в марте 1919 г. на нелегальном крестьянском съезде. (См.: ЦХДИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 730. Л. 32.)

[9] В конце 1918 г. в Иркутске возникла группа левоэсеровского толка, выступавшая против режима А. В. Колчака и принципиально признававшая диктатуру пролетариата. В феврале 1919 г. на Иркутской губернской партийной конференции эсеров она выставила своего контрдокладчика по вопросу о текущем моменте. Ее представитель выступал в апреле 1919 г. на проходившей в Иркутске Урало-Сибирской конференции эсеров. В начале октября 1919 г. группа иркутских эсеров, стоявшая на левых позициях, решила организационно порвать с официальной партией. Она провела учредительное собрание, на котором приняла решение конституироваться в качестве Автономной сибирской группы социалистов-революционеров. 10 января 1920 г. «автономисты» объединились с левыми эсерами и стали именоваться Сибирской автономной группой левых эсеров. С. М. Третьяк являлся членом и секретарем исполнительного бюро этой группы. (См.: Знамя борьбы (Иркутск). 1920. 13 и 24 января.)

[10] Сибирский ЦК большевиков — так во второй половине 1918–1919 г. назывался руководящий орган большевистского подполья в Сибири. Здесь и далее С. М. Третьяк существенно преувеличивает свою роль в событиях, приведших к свержению колчаковской власти в Иркутске. В действительности он не входил ни в один из основных повстанческих штабов, сыгравших заметную роль в восстании, и тем более не являлся их организатором.

[11] См.: Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами комиссариата. 1918. 28 июня. № 1. С. 9–10.

В постановлении Западно-Сибирского комиссариата говорилось:

«Существующие в Западной Сибири и Степном крае больничные кассы продолжают свою деятельность в пределах и на основании их уставов, почему

работодатели, а также общественные и государственные учреждения обязаны производить установленные означенными уставами взносы».

Заметим, что норма отчислений в больничные кассы была установлена органами советской власти в размере 10% от прибыли, что не соответствовало состоянию местной промышленности и было явно обременительным для предпринимателей и государства. Поскольку ни Западно-Сибирский комиссариат, ни Временное Сибирское правительство не выработало новой нормы отчисления, министерство труда рекомендовало решать этот вопрос дифференцированно, сообразуясь с местными обстоятельствами. Лишь в конце ноября 1918 г. Совет министров Российского правительства установил шестипроцентную норму отчислений. В циркуляре № 249 от 31 декабря 1918 г. министерство труда предложило всем комиссарам труда придерживаться именно этой нормы. (См.: Правительственный вестник. 1919. 28 января.)

[12] Заслуживает быть приведенным изложение принципиальной позиции Л. И. Шумиловского в качестве министра труда, сделанное им в данном интервью. «Не будучи партийной,— сказал он,— моя позиция не является и классовой. И главный центр моего внимания — интересы и нужды в муках и страданиях возрождающейся родины, для спасения которой все группы и классы обязаны нести, быть может, великие жертвы и во имя естественного чувства патриотизма, и во имя обеспечения своих интересов в ближайшем будущем. Основные исходные пункты моей программы — учет реальной обстановки, непременная связь всех мероприятий министерства с экономическим прогрессом страны и государственности». (См.: Правительственный вестник. 1919. 28 января.)

[13] Приводим соответствующие выписки из журналов заседаний Совета министров № 17 и № 16, которые цитировал государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг.

1. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 17 ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *30 ноября 1918 г.*

[Председательствовал:] председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: финансов — И. А. Михайлов, внутренних дел — А. Н. Гаттенбергер, юстиции — С. С. Старынкевич, снабжения — И. И. Серебренников, путей сообщения — Л. А. Устругов; управляющие министерствами: труда — Л. И. Шумиловский, иностранных дел — Ю. В. Ключников, морским — контрадмирал [М. И.] Смирнов, за министра народного просвещения — товарищ министра Г. К. Гинс; товарищи министров: продовольствия — И. Г. Знаменский, земледелия — А. М. Ярмош, внутренних дел — А. А. Грацианов, труда — С. М. Третьяк, путей сообщения — Г. М. Степаненко, помощник военного министра генералмайор [В. И.] Сурин; управляющий делами Совета министров и Верховного правителя Г. Г. Тельберг, государственный контролер Г. А. Краснов, начальник почт и телеграфов Е. А. Цеслинский и помощник управляющего делами Совета министров Т. В. Бутов.

Слушали: [I.] Представление управляющего министерством труда от 19 октября с. г. за № 1099 о некоторых изменениях правил об обеспечении рабочих на случай болезни.

Постановили: [I.] 1) Признать необходимым организовать правление больничных касс таким образом, чтобы $^2/_3$ мест общего их состава были предоставлены представителям от местных профессиональных союзов и $^1/_3$ общего количества мест — представителям частных, общественных и государственных предприятий.

2) Поручить юридическому совещанию при управлении делами Совета министров совместно с представителем от министерства труда разработать представленные управляющим министерства труда правила об обеспечении рабочих на случай болезни, согласно принятых по этому представлению Советом министров принципиальных положений, и в недельный срок внести их на утверждение Совета министров.

2. ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 16 ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *29 ноября 1918 г.*

[Председательствовал:] председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: финансов — И. А. Михайлов, снабжения — И. И. Серебренников, продовольствия — Н. С. Зефиров, внутренних дел — А. Н. Гаттенбергер, путей сообщения — Л. А. Устругов; управляющие министерствами: труда — Л. И. Шумиловский, иностранных дел — Ю. В. Ключников, торговли и промышленности — вр[еменно] упр[авляющий] Н. Н. Щукин, морским — контр-адмирал [М. И.] Смирнов, за министра народного просвещения — товарищ министра Г. К. Гинс; товарищи министров: продовольствия — И. Г. Знаменский, внутренних дел — А. А. Грацианов, П. Ф. Кропачинский, труда — С. М. Третьяк, земледелия — А. М. Ярмош, помощник военного министра генерал-майор [В. И.] Сурин; управляющий делами Совета министров и Верховного правителя Г. Г. Тельберг, государственный контролер Г. А. Краснов, начальник почт и телеграфов Е. А. Цеслинский и помощник управляющего делами Совета министров Т. В. Бутов.

Слушали: 3. Представление управляющего министерством труда от 19 октября с. г. за № 1099 о некоторых изменениях правил обеспечения рабочих на случай болезни.

Постановили: [3.] 1) Принять ст[атью] 257 представленного законопроекта, заменив в ней слова: «Торгово-промышленные, общественные и государственные, включая военное ведомство, учреждения и предприятия и лица, пользующиеся наемным трудом для домашних и личных услуг» словами: «Торгово-промышленные, общественные и государственные предприятия».

2) Статью 259 законопроекта принять в следующей редакции: «Действие правил, изложенных в сей главе третьей, не распространяется на предприятия министерства путей сообщения и других ведомств, по отношению к коим существуют особые правила по обеспечению рабочих на случай болезни».

3) Статью 273 принять в редакции законопроекта.

4) Установить взнос с участников больничных касс в размере 1,5 % с суммы его заработка и с владельцев промышленных предприятий в размере 3,0 % к сумме заработка рабочих на выдачу денежных пособий и в размере 3,0 % к сумме заработка рабочих на врачебную помощь, если таковая не оказывается предпринимателем натурою».

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 26–27.

[14] См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 31–32.

[15] На закрытом заседании Совета министров, состоявшемся 29 августа 1919 г., министр труда Л. И. Шумиловский выступил с предложением «об образовании временной комиссии при министерстве труда по выработке прожиточного минимума и временных комиссий при инспекциях труда для собирания цен, необходимых для выработки прожиточного минимума на местах и для выяснения этих минимумов». Совет министров одобрил эти предложения. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 146.)

[16] Ошибка; правильно — октября.

[17] См. комментарий 52 к главе третьей.

[18] Свою позицию о планах и задачах министерства народного просвещения П. И. Преображенский изложил в интервью, данном 16 мая 1919 г. газете «Правительственный вестник». В частности, он заявил, что «заботы о начальном образовании должны быть выдвинуты на передний план». (См.: Правительственный вестник. 1919. 22 мая.)

[19] Защитник Я. М. Ааронов апеллировал к 11-й статье постановления народного комиссариата юстиции РСФСР «Руководящие начала по уголовному праву». В ней говорится: «При определении меры воздействия на совершившего преступление суд оценивает степень и характер (свойство) опасности для общежития как самого преступника, так и совершенного им деяния. В этих целях суд, во-первых, не ограничиваясь изучением всей обстановки совершенного преступления, выясняет личность преступника, поскольку таковая выявилась в учиненном им деянии и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании образа его жизни и прошлого, во-вторых, устанавливает, насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности». (См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. 28 декабря. № 66. С. 590.)

[20] Речь идет о закрытом заседании Совета министров, состоявшемся 22 июля 1919 г. На нем по докладу министра путей сообщения Л. А. Устругова о необходимости оказания помощи потребительскому обществу Троицкой железной дороги было принято решение отпустить ему ссуду в размере 1,0 млн рублей, не передавая вопрос, ввиду его срочности, в особое совещание по финансированию городских и земских самоуправлений и предприятий, имеющих общегосударственное значение. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 110.) Заметим, что это была отнюдь не разовая акция. 16 августа 1919 г. Верховный правитель А. В. Колчак утвердил постановление Совета министров о выдаче потребительскому обществу Троицкой железной дороги еще 10 млн рублей. (См.: Приложение к № 254 «Правительственного вестника» от 10 октября 1919 г.)

[21] Подчеркнем, что правительство придавало данному вопросу исключительно большое значение. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что закрытое заседание Совета министров, проходившее 28 июля 1919 г., было полностью посвящено обсуждению только одного этого вопроса.

ЖУРНАЛ № 135/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *28 июля 1919 г.*

Председательствовал: исп[олняющий] об[язанности] председателя Совета министров министр юстиции Г. Г. Тельберг.

Присутствовали: управляющий министерством внутренних дел В. Н. Пепеляев; управляющий министерством народного просвещения П. И. Преображенский; министр финансов И. А. Михайлов; министр путей сообщения Л. А. Устругов; за министра иностранных дел И. И. Сукин; управляющий военным министерством генерал-лейтенант барон [А. П.] Будберг; управляющий морским министерством контр-адмирал М. И. Смирнов; государственный контролер Г. А. Краснов; за министра торговли и промышленности — товарищ министра А. М. Окороков; министр земледелия Н. И. Петров; управляющий министерством снабжения и продовольствия К. Н. Неклютин; главноуправляющий по делам вероисповеданий П. А. Прокошев; исп[олняющий] об[язанности] главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов; представитель правительства

Северной области князь И. А. Куракин и товарищ главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров К. П. Харитонов.

Слушали: I. Доклад исп[олняющего] об[язанности] председателя Совета министров о сделанном Верховным правителем поручении министру путей сообщения о необходимости в связи с забастовкой рабочих на Восточно-Китайской и Забайкальской железных дорогах введения повышенных окладов содержания служащим железных дорог и, в связи с этим, доклад министра путей сообщения о предполагаемом им введении повышенных окладов содержания и новых способов оплаты труда служащим железных дорог.

Постановили: [I.] 1) Отпустить Восточно-Китайской железной дороге для оплаты содержания служащим, мастеровым и рабочим денежные знаки образца царского периода и крупные купюры образца Временного правительства. 2) Впредь до пересмотра в законодательном порядке действующих узаконений об оплате труда служащих и рабочих правительственных учреждений выдавать всем служащим, мастеровым и рабочим казенных железных дорог и почтово-телеграфных учреждений ежемесячно, начиная с 1 июля с. г., независимо от периодических пособий, установленных постановлением Совета министров мая 9 дня 1919 года (Правительственный вестник, 1919 г., № 143), дополнительные пособия в размере пятидесяти процентов общего месячного их заработка, исчисляемого в соответствии с вышеуказанным постановлением Совета министров мая 9 дня 1919 года, введя настоящее постановление в действие по телеграфу. 3) Поручить междуведомственной комиссии при министерстве финансов в недельный от сего числа срок внести в Совет министров разрабатываемое им представление о новой системе оплаты труда служащих правительственных учреждений, каковое представление рассмотреть в заседании Совета министров, имеющем быть 5 сего августа. 4) Признать необходимым принять меры к возможному обеспечению железнодорожных служащих Восточно-Китайской железной дороги казенными квартирами, поручив министру финансов сделать предписание об этом администрации Восточно-Китайской железной дороги, в смысле справедливого и равномерного распределения казенных квартир между всеми железнодорожными служащими этой дороги и устранения наблюдающейся со стороны некоторых служащих спекуляции казенными квартирами.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 115.

[22] На закрытом заседании Совета министров от 5 августа 1919 г. по докладу исполняющего обязанности председателя Совета министров Г. Г. Тельберга об оплате труда служащих Забайкальской железной дороги было принято решение поручить министру путей сообщения и министру труда обсудить вопрос и доложить Совету министров свои предложения. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 122.)

[23] Приводим документ, об оглашении которого ходатайствовал защитник Я. М. Ааронов.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 187/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *4 ноября 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: министры: внутренних дел — В. Н. Пепеляев, путей сообщения — Л. А. Устругов, торговли и промышленности — С. Н. Третьяков, юстиции — Г. Г. Тельберг, земледелия — Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский, военный — генерал от артиллерии [М. В.] Ханжин; управляющие министерствами: финансов — Л. В. [фон] Гойер, народного просвещения — (вр[еменно] упр[а-

вляющий]) В. Н. Саввин, морским — контр-адмирал М. И. Смирнов, иностранных дел — И. И. Сукин, снабжения и продовольствия — К. Н. Неклютин; главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс; товарищ главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров — К. П. Харитонов.

Слушали: 2. Доклады министра путей сообщения и министра внутренних дел, по сообщениям начальника Забайкальской железной дороги и управляющего Иркутской губернией Яковлева, о том, что на Забайкальской и Томской железных дорогах предполагается забастовка служащих и рабочих, об образовании центрального и местных стачечных комитетов и о мерах, предпринятых министром путей сообщения к улучшению быта железнодорожных служащих и рабочих, для предупреждения забастовки,— выдаче железнодорожным служащим и рабочим: 1) теплого платья, 2) премий за усиленную работу в связи с разгрузкой и 3) пособия на основании постановления Совета министров от 9 мая с. г. за октябрь месяц.

Постановили: [2.] 1) Одобрить меры, принятые министром путей сообщения, по предупреждению забастовки на железных дорогах.

2) Поручить министру финансов в порядке [выполнения] постановления Совета министров от 9 мая с. г. выдать железнодорожным служащим и рабочим пособие за ноябрь месяц.

3) Поручить министру путей сообщения по соглашению с министром снабжения и продовольствия принять все возможные меры для удовлетворения экономических нужд железнодорожных служащих и рабочих*.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 228.

[24] Ошибка; правильно — в ведение.

[25] Речь идет о газете «Сибирский вестник», выходившей в Томске с 1885 по 1905 г. Ее редактором-издателем первоначально являлся студент Московского университета Василий Петрович Картамышев. В 1903–1905 гг. издателем газеты был последний из «каракозовцев» — Максимилиан Николаевич Загибалов.

[26] Выступая в мае 1919 г. на проходившей в Омске третьей конференции партии народной свободы в качестве председателя президиума Восточного отдела ЦК, А. К. Клафтон говорил о том, что одной из важнейших задач конституционных демократов является «возродить в России новое правовое государство, покоящееся на началах национальной демократии». «В этом отношении нам необходимо твердо и с полной определенностью заявить, что ни в области политической, ни в области социальной, ни в земельном вопросе возврата к прошлому быть не может». Эти слова А. К. Клафтона были встречены бурными аплодисментами делегатов конференции. (См.: Правительственный вестник. 1919. 22 мая.)

[27] Постановление Западно-Сибирского комиссариата от 28 июня 1918 г. правильно называлось «Об увольнении служащих и рабочих в ликвидируемых советских организациях и денационализированных предприятиях». Его основные пункты гласили:

«1. Служащие всех учреждений, созданных специально в интересах советской власти и для ее поддержки, считаются распущенными со дня переворота и

* На документе имеется помета: «Согласен. Верховный правитель адмирал Колчак. 5/XI-1919».

перехода власти к представителям Сибирского Временного правительства, и никакие денежные претензии с их стороны, связанные с увольнением от службы, удовлетворяться не будут. [...]

4. Под видом экономически и технически необходимого сокращения штатов не может производиться увольнение служащих и рабочих за их политические убеждения.

5. Определение персонально лиц, подлежащих увольнению, принадлежит заводским комитетам и подобным им организациям с участием владельцев предприятий». (См.: Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами комитета. 1918. 30 июня. № 2. С. 8–9.)

[28] Далее ошибка; на самом деле постановление было подписано членами Западно-Сибирского комиссариата Б. Д. Марковым, М. Я. Линдбергом и В. О. Сидоровым, а также заведующим отделом труда Л. И. Шумиловским.

[29] Марков Борис Дмитриевич (Доронин Федор Алексеевич) (1884–1920) — родился в с. Салаир Кузнецкого уезда Томской губернии; из семьи служащего. Окончил Барнаульское окружное горное училище (1901 г.). Профессиональный революционер; член партии социалистов-революционеров с 1904 г.

После окончания училища работал в Барнауле в лесоустроительной партии, геологом на строительстве Кругобайкальской железной дороги. С сентября 1904 г. вел пропагандистскую работу в Одессе. В середине декабря был вызван в Санкт-Петербург и включен в состав боевой организации для совершения террористического акта против министра юстиции Н. В. Муравьева. 12 января 1905 г. был арестован в Сестрорецке и 23 ноября того же года приговорен военно-окружным судом к 12 годам каторжных работ. Наказание отбывал сначала в Тобольской каторжной тюрьме, потом в Александровском каторжном централе Иркутской губернии. Весной 1910 г. отправлен на поселение в Карапчанскую волость Киренского уезда Иркутской губернии, откуда 21 июня того же года бежал. Через месяц был арестован в Верхнеудинске и приговорен в административном порядке к году тюремного заключения. В августе 1911 г. вновь был водворен в Карапчанскую волость, откуда снова бежал. Арестован в Новониколаевске, осужден за первый побег из ссылки и в третий раз водворен в Киренский уезд. По окончании ссылки работал сельским писарем в Саро-Чумышской волости Кузнецкого уезда, инструктором Бийского отделения Союза сибирских маслодельных артелей, Мариинского и Новониколаевского союзов кооперативов, сотрудничал в журнале «Обской кооператор».

После Февральской революции был инициатором создания легальной эсеровской организации в Новониколаевске. С июля 1917 г. являлся членом, с осени — председателем Томского губкома эсеров. Депутат Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии, член Сибирской областной думы. В качестве уполномоченного Временного Сибирского правительства сыграл крупную роль в организации антибольшевистского подполья и в свержении советской власти. Член Западно-Сибирского комиссариата. С октября 1918 по февраль 1919 г. являлся кандидатом в члены Сибирского краевого комитета эсеров, из которого вместе с. М. А. Линдбергом, А. П. Лисиенко и П. Я. Михайловым вышел по причине его пассивности в борьбе с реакцией справа. Один из руководителей созданного летом 1919 г. Сибирского союза социалистов-революционеров, провозгласившего своими задачами свержение колчаковского режима, прекращение гражданской войны внутри демократии и создание однородного социалистического правительства,

признающего политические завоевания Февральской революции и стоящего на платформе Всероссийского Учредительного собрания. 24 декабря 1919 г. был арестован иркутской контрразведкой и 7 января 1920 г. зверски убит на пароходе «Ангара» в числе 31 арестованного.

[30] Михайлов Павел Яковлевич (1889–1920) — родился в Томске; из семьи плотника. Окончил городское училище (1904 г.), был вольнослушателем медицинского факультета Томского университета. Профессиональный революционер; член партии социалистов-революционеров с 1905 г.

Вел партийную работу в Омске, Иркутске, Кургане и Красноярске, входил в состав «Боевой сибирской летучки», принимал участие в террористических актах. 1 августа 1907 г. арестован в Иркутске и приговорен к пяти годам и четырем месяцам каторги, которую отбывал сначала в Горном Зерентуе, затем — в Кутомаре. Активно участвовал в сопротивлении тюремной администрации: голодовка, отравление ядом, вскрытие вен. В августе 1913 г. отправлен на поселение в Якутию, откуда бежал в начале февраля 1914 г. В марте того же года арестован и возвращен в Якутию, откуда снова бежал в феврале 1916 г. Вел нелегальную партийную работу в Иркутске, Томске, Минусинском уезде Енисейской губернии, Новониколаевске, Кузнецком уезде Томской губернии.

После Февральской революции принимал активное участие в создании легальной организации партии эсеров в Томской губернии: был секретарем Томского городского партийного комитета, с июля 1917 г.— членом губкома и его исполнительного бюро. Одновременно работал секретарем Томской губернской управы. Депутат Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии, член Сибирской областной думы. В качестве уполномоченного Временного Сибирского правительства сыграл крупную роль в организации антибольшевистского подполья и в свержении советской власти. С конца мая по 30 июня 1918 г.— член Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля по 7 августа 1918 г.— уполномоченный Временного Сибирского правительства, товарищ министра внутренних дел Временного Сибирского правительства. С октября 1918 по февраль 1919 г. являлся кандидатом в члены Сибирского краевого комитета эсеров, из которого вместе с М. Я. Линдбергом, А. П. Лисиенко и Б. Д. Марковым вышел по причине его пассивности в борьбе с реакцией справа. Один из руководителей созданного летом 1919 г. Сибирского союза социалистов-революционеров, провозгласившего своими задачами свержение колчаковского режима, прекращение гражданской войны внутри демократии и создание однородного социалистического правительства, признающего политические завоевания Февральской революции и стоящего на платформе Всероссийского Учредительного собрания. 24 декабря 1919 г. был арестован иркутской контрразведкой и 7 января 1920 г. зверски убит на пароходе «Ангара» в числе 31 арестованного.

[31] Линдберг Михаил Яковлевич (1889–1938) — родился в Санкт-Петербурге; из семьи типографского рабочего. Окончил четырехклассное училище (1904 г.). Профессиональный революционер; член партии социалистов-революционеров с 1906 г.

В 1904–1905 гг. работал на Петербургском почтамте, откуда был уволен за организацию всероссийской забастовки почтово-телеграфных служащих. С декабря 1905 г. находился на полулегальном положении, занимаясь партийной деятельностью среди рабочих Колпинского и Невского районов. В феврале 1907 и в январе 1910 г. подвергался аресту. Весной 1910 г. в административном

порядке был сослан в Нарымский край, откуда освободился через три года. С июня 1914 г. служил бухгалтером в кооперативных органах Мариинска Томской губернии. В 1915 г. стал одним из организаторов конференции эсеров-интернационалистов, в 1916 г. создавших Сибирский союз социалистов-революционеров.

После Февральской революции являлся товарищем председателя Мариинского комитета безопасности и порядка, затем — членом Мариинского уездного исполнительного комитета, с июля 1917 г.— членом Томского губкома эсеров. Депутат Всероссийского Учредительного собрания от Томской губернии, член Сибирской областной думы. В качестве уполномоченного Временного Сибирского правительства сыграл крупную роль в организации антибольшевистского подполья и свержении советской власти. Член Западно-Сибирского комиссариата. В октябре 1918 г. подвергался аресту военными властями в Мариинске. С октября 1918 по февраль 1919 г. являлся членом Сибирского краевого комитета эсеров, из которого вместе с А. П. Лисиенко, Б. Д. Марковым и П. Я. Михайловым вышел по причине его пассивности в борьбе с реакцией справа. Один из руководителей созданного летом 1919 г. Сибирского союза социалистов-революционеров, провозгласившего своими задачами свержение колчаковского режима, прекращение гражданской войны внутри демократии и создание однородного социалистического правительства, признающего политические завоевания Февральской революции и стоящего на платформе Всероссийского Учредительного собрания. Организатор неудавшегося покушения на Верховного правителя А. В. Колчака. С 1920 г. работал в Дальневосточной республике.

В середине 1930-х годов жил в Москве, работал заместителем начальника планово-финансового сектора Всесоюзного радиокомитета при Совнаркоме СССР. 6 октября 1937 г. арестован по обвинению в участии в шпионской террористической организации. 15 марта 1938 г. военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. 12 марта 1997 г. реабилитирован.

[32] Ошибка; правильно — на Байкале.

[33] Документ заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью:

ЦИРКУЛЯР НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЧТ И ТЕЛЕГРАФОВ ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ ОКРУГОВ

[*г. Омск*] *19 мая 1919 г.*

Из представляемых во исполнение циркулярного распоряжения по ведомству от 30 апреля с. г. за № 342 сведений о чинах, состоящих в окружных и других комитетах, усматривается, что некоторые из означенных чинов, сотрудничая в комитетах при советской власти и даже состоя в различного рода коллегиях административного управления, образованных этой властью, остаются на службе в ведомстве до настоящего времени, а в отношении выяснения деятельности их в упомянутых комитетах и коллегиях местными главными начальниками [округов] не было принято, по-видимому, никаких мер. Вследствие этого предлагаю Вам в самый кратчайший срок представить мне отзывы о[бо] всех чинах, состоявших в период советской власти в окружных и иных комитетах и сотрудничавших в образованных этой властью коллегиях. В отзывах надлежит дать подробную характеристику означенных чинов как со стороны служебных и нравственных их качеств, так и со стороны близости их к советской власти и сочувствия идеям большевизма.

В тех случаях, когда будут достаточные основания полагать, что кто-либо из означенных чинов был активным агентом советской власти, немедленно отстранить такового от службы, произвести о нем строго тщательное расследование и весь следственный материал срочно представить мне. № 70.

Начальник главного управления *Цеслинский*.
Начальник отделения *Вл. Сомохин*.

См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 33. Л. 197.

[34] Совет министров принял по данному вопросу несколько документов: 6 февраля 1919 г. он утвердил «Положение о порядке препровождения и содержания арестованных в связи с[о] свержением советской власти», 11 апреля — «Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие прикосновенности их к большевистскому бунту», 1 июля — «О порядке расследования и рассмотрения преступлений, совершенных в целях большевистского бунта» и 1 августа — «Положение об арестованных большевиках». (См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1919. 15 июня. № 9. С. 3–4; Правительственный вестник. 1919. 19 и 26 июля, 1 августа.) Однако ни в одном из них нет ни 9-го пункта, ни указаний о пересылке арестованных на правах военнопленных.

[35] См. комментарий 68 к главе шестой.

[36] Обе телеграммы о Е. А. Цеслинском, относящиеся к его деятельности в первой половине 1918 г., не найдены.

[37] «Положение о главном управлении по делам вероисповеданий», утвержденное 27 декабря 1918 г. постановлением Совета министров, см.: Правительственный вестник. 1919. 18 января; Сибирский благовестник (Омск). 1919. № 1. С. 3–4.

[38] Верховный правитель А. В. Колчак утвердил Устав ревизии 18 июля 1919 г., а опубликован он был больше месяца спустя. (См.: Правительственный вестник. 1919. 21, 22 и 23 августа.)

[39] Ошибка; правильно — миллиардный.

[40] Документ не найден, поскольку непонятно, между какими лицами происходил разговор.

[41] Служащие центральных учреждений государственного контроля дважды заступались за Г. А. Краснова перед революционными властями. Первый раз они обратились в чрезвычайную следственную комиссию Иркутского Политического центра сразу же после ареста Г. А. Краснова с ходатайством о его освобождении из тюрьмы под домашний арест. 7 февраля 1920 г. союз служащих представил в Иркутскую чрезвычайную следственную комиссию характеристику, в которой говорилось, что Г. А. Краснов в своей работе придерживался демократических принципов подбора кадров, «стоял всегда на страже интересов народного достояния».

Кстати, 22 января 1920 г. уполномоченный Иркутского Политического центра по ведомству государственного контроля также прислал в чрезвычайную следственную комиссию свое заключение, в котором говорилось, что ничего предосудительного за Г. А. Красновым не выявлено. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 42. Л. 10, 19, 34–35.)

[42] Ошибка; правильно — 28 октября.

[43] См. комментарий 58 к главе пятой.

[44] Ошибка; правильно — министра.

[45] Информация М. А. Малиновского соответствует действительности. Согласно приказу министра юстиции от 10 мая 1919 г. о распределении обязанностей на М. А. Малиновского возлагались функции по руководству и надзору за работой первого департамента (см.: Правительственный вестник.1919. 15 мая.)

[46] Телефонограмму товарища министра юстиции М. А. Малиновского о созыве на 28 октября 1919 г. комиссии по разработке мер военно-полицейской охраны железных дорог см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 36. Л. 91.

[47] Речь идет о постановлении Временного Сибирского правительства от 17 июля 1918 г. «О временном управлении государственного контроля». (См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 26 июля. № 3. С. 15–16.)

[48] Ошибка; правильно — Административного совета.

[49] Имеется в виду постановление Административного совета Временного Сибирского правительства от 30 сентября 1918 г. «Об утверждении учреждения государственного контроля Сибири». (См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 27 октября. № 17. С. 1–25.)

[50] Ошибка; правильно — Верховным правителем.

[51] См. комментарий 38 к настоящей главе.

[52] Прошение П. И. Преображенского от 1 мая 1919 г. об отставке см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 34. Л. 49.

[53] Более того, 9 мая 1919 г. П. И. Преображенский направил на имя председателя Совета министров П. В. Вологодского письмо, в котором просил «ввиду неясности политической позиции Кабинета [министров] все же считать свое управление временным». (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 34. Л. 53.)

[54] Информацию о 500 тыс. рублей, которые имелись у В. К. Василевского, см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 35.

[55] Приводим документ, о разрешении ссылаться на который ходатайствовал защитник Я. М. Ааронов.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 4/204/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Иркутск*] *3 декабря 1919 г.*

Председательствовал: заместитель председателя Совета министров, управляющий министерством иностранных дел С. Н. Третьяков.

Участвовали: министры: финансов — П. А. Бурышкин, земледелия — Н. И. Петров, труда — Л. И. Шумиловский, торговли и промышленности — А. М. Окороков и военный — генерал от артиллерии М. В. Ханжин; вр[еменно] управляющие министерствами: внутренних дел — А. А. Червен-Водали, юстиции — А. П. Морозов, снабжения и продовольствия — Н. А. Мельников, народного просвещения — Н. И. Палечек и путей сообщения — Г. М. Степаненко; председатель Государственного экономического совещания, главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс, государственный контролер Г. А. Краснов, вр[еменно] исп[олняющий] об[язанности] главноуправляющего по делам вероисповеданий Л. И. Писарев.

Присутствовали: товарищи министров: военного по делам казачьих войск — генерал-майор Б. И. Хорошхин и путей сообщения — А. М. Ларионов; товарищи главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров К. П. Харитонов и И. А. Антропов.

Слушали: IV. Представление министра внутренних дел об отпуске Иркутскому губернскому земству 3 000 000 рублей ссуды (министр земледелия Н. И. Пет-

ров, возражая против выдачи ссуды, высказал в резких выражениях свое удивление заявлением государственного контролера, что он не мог добыть смету, чтобы, ознакомившись с ней, судить о действительной нужде Иркутского губернского земства в средствах, которые, по мнению министра земледелия, расходуются главным образом на содержание личного персонала).

После того, как Совет министров постановил выдать в счет ссуды 3 000 000 рублей, министр земледелия Н. И. Петров сделал следующее заявление: «Я категорически протестую против поддержки революционной организации и остаюсь при особом мнении, которое прошу приложить к журналу».

Министр финансов в свою очередь выразил протест против формы заявления министра земледелия, неприемлемость которой отметил также председательствующий, о чем министр финансов просил занести в протокол.

Постановили: [IV.] Отпустить Иркутскому губернскому земству в счет испрашиваемой им ссуды аванс в сумме 3 000 000 рублей.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 270.

[56] См. предыдущий комментарий.

[57] Ошибка; здесь и далее правильно — Шкляев.

[58] Яковлев Павел Дмитриевич (1891–1925) — родился в Москве, из служащих. Учился в реальном училище, которое не окончил.

Участник революционного движения с 1906 г., член партии социалистов-революционеров с 1907 до середины августа 1917 г. С мая 1908 по март 1910 г. находился в заключении. С осени 1910 г. состоял членом Поволжской боевой организации эсеров. В 1911 г. арестован и осужден на 6 лет каторги за участие в экспроприациях. Затем находился в ссылке в Киренском уезде Иркутской губернии, где работал на Усть-Кутском солеваренном заводе. После Февральской революции избирался председателем волостного исполкома и членом Иркутского губернского исполкома советов, был комиссаром Ленского края, председателем губернского совета крестьянских депутатов и губернского земельного комитета, редактором газеты «Наша деревня», членом бюро советов Восточной Сибири. Противник Октябрьского переворота, участник сопротивления установлению советской власти в Иркутске, председатель губернской земской управы. С 1 апреля по 14 июня 1918 г. содержался в тюрьме за антисоветскую деятельность. С 13 июля 1918 по 28 декабря 1919 г.— иркутский губернский комиссар, затем — управляющий Иркутской губернией.

С марта 1920 по август 1922 г. жил в Харбине под фамилией Дунин, являлся сотрудником советской военной и политической разведки. С 22 августа 1922 г. служил помощником начальника разведывательного управления Народно-революционной армии Дальневосточной республики, затем — помощником начальника и начальником информационно-статистического отдела штаба 5-й советской армии. 12 марта 1923 г. был арестован ОГПУ в Чите, но 23 декабря того же года освобожден. С 1 января 1924 г. жил в Москве, работал экономистом в «Экспортхлебе», являлся осведомителем ОГПУ. 27 сентября 1924 г. был вновь арестован, 12 января 1925 г. коллегией ОГПУ приговорен к высшей мере наказания по обвинению в активной контрреволюционной деятельности, а 15 января 1925 г. расстрелян. В 1994 г. реабилитирован.

[59] Заявление В. И. Шкляева о злоупотреблениях бывшего управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева, в том числе с мануфактурой, а также о том, что А. А. Червен-Водали покрывает П. Д. Яковлева, см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 33. Л. 99–103.

[60] Петелин Иван Харлампиевич — учитель, член партии социалистов-революционеров. В 1917 г. являлся депутатом, затем — председателем Черемховского уездного земского собрания. В январе — июне 1918 г.— член и заместитель председателя Иркутской губернской земской управы. В мае 1918 г. был арестован большевиками. С июля 1918 по июль 1919 г.— председатель, с июля 1919 г. по январь 1920 г.— заместитель председателя Иркутского губернской земской управы.

[61] Ошибка; правильно — Зицерманом.

Зицерман Павел Васильевич (1883–?) — родился в селе Куйтун Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. Образование высшее. Член партии социалистов-революционеров. В середине 1918 г. являлся товарищем прокурора Иркутского окружного суда, с августа 1918 по январь 1920 г.— Иркутским городским головой. В 1930-е годы работал доцентом Иркутского финансово-экономического института. 1 августа 1938 г. был арестован, постановлением особого совещания при НКВД СССР от 19 ноября 1940 г. приговорен к пяти годам ссылки в отдаленную местность. В 1958 г. реабилитирован.

[62] Так в тексте.

[63] Видимо, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг читал показания В. И. Шкляева.

[64] Решение о выделении Иркутскому городскому самоуправлению 20 млн рублей ссуды на закупку продовольствия и фуража и 4,2 млн рублей ссуды на покрытие образовавшегося дефицита было принято Советом министров 21 декабря 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 108а. Л. 165; Правительственный вестник. 1919. 25 и 26 декабря.)

[65] Документы, подтверждающие данную информацию, не найдены.

[66] Явная ошибка; видимо — облтопа (областного комитета по топливу).

[67] Ходукин Яков Николаевич (1877–1937) — родился в г. Троицк Краснослободского уезда Пензенской губернии. Окончил Пензенскую учительскую семинарию (1899 г.) и учительский факультет Иркутского государственного университета (1923 г.). Член партии социалистов-революционеров с 1902 г.

В 1907 г. переехал в Сибирь и поселился в г. Верхнеудинск. В 1909 г. подвергался аресту и заключению в Иркутскую тюрьму. Затем жил в Нижнеудинске Иркутской губернии, где преподавал в четырехклассном училище. В 1915 г. был избран нижнеудинским городским головой. С января 1918 г.— председатель Нижнеудинской уездной земской управы, депутат Сибирской областной думы. С июля 1919 г.— председатель Иркутской губернской земской управы. С января 1920 г. являлся членом Иркутского Политического центра. 13 января 1920 г. был избран председателем Временного совета Сибирского народного управления. В начале 1920-х годов трижды подвергался аресту органами ВЧК — ОГПУ. В середине 1920-х годов заведовал Иркутским краеведческим музеем. В конце 1928 г. перешел работать на кафедру этнологии Иркутского государственного университета. Затем преподавал русский язык и литературу в иркутском Доме Красной армии. В середине 1937 г. был арестован, а 4 декабря — расстрелян.

[68] См. комментарий 89 к главе седьмой.

[69] В 1919 г. И. П. Павлуновский, работая заместителем начальника особого отдела ВЧК, принимал активное участие в расследовании деятельности Московской организации «Национального центра». (См.: В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 249.)

[70] Так в тексте.

[71] Так в тексте.

[72] П. В. Вологодский находился в отпуске, который провел на курорте Боровое, с 11 июля по 10 августа 1919 г. В это время обязанности председателя Совета министров исполнял министр юстиции Г. Г. Тельберг, назначенный на эту должность специальным указом Верховного правителя А. В. Колчака от 4 июля 1919 г. (См.: Правительственный вестник. 1919. 15 июля; Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 199–201.)

[73] Есть основание считать, что А. А. Червен-Водали не преувеличивал. Во всяком случае, в беседе с сотрудником «Правительственного вестника», опубликованной 2 августа 1919 г. под названием «Политическая жизнь на юге России», Н. К. Волков и А. А. Червен-Водали заявили: «То обстоятельство, что мы посланы [в Сибирь Особым] совещанием и «Национальным центром» одновременно, ясно указывает на главный принцип, лежащий в основании всей деятельности Добровольческой армии и Особого совещания при ней: власть и общественность работают там рука об руку. Все политические вопросы, раньше чем подвергаться обсуждению в Особом совещании, обсуждаются Всероссийским „Национальным центром“. Связь общественности и государственности на юге самая тесная... В этом отношении, напротив, юг России ушел дальше вперед, нежели Сибирь. Сибирь, видимо, не окончательно изжила еще большевизм и не объединилась против большевиков в такой степени, как это достигнуто на юге России».

Об этом же свидетельствует запись в дневнике П. В. Вологодского от 1 сентября 1919 г., где говорится о встрече П. В. Вологодского с А. А. Червен-Водали, состоявшейся 31 августа. (См.: Россия антибольшевистская. С. 215.)

[74] Ставка; полное название — Ставка (штаб) Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России. Начало ее формированию положил член Уфимской Директории генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, занимавший пост Верховного главнокомандующего. Замышлялась в качестве высшего органа оперативного руководства белогвардейскими войсками на востоке страны. Начальником штаба был назначен генерал-лейтенант С. Н. Розанов, его помощником — полковник А. П. Слижиков, первым и вторым генерал-квартирмейстерами — соответственно подполковник А. Д. Сыромятников и полковник Г. В. Леонов (все являлись офицерами Генерального штаба).

После государственного переворота 18 ноября 1918 г. ставший Верховным правителем и Верховным главнокомандующим А. В. Колчак уволил С. Н. Розанова и назначил начальником штаба прибывшего с юга России полковника Д. А. Лебедева, вскоре произведенного в генерал-майоры. Руководимая Д. А. Лебедевым, Ставка начала претендовать на роль высшей военной инстанции, которой подчинялись бы военное и морское министерства. 23 мая 1919 г. эта борьба закончилась назначением Д. А. Лебедева военным министром с сохранением за ним поста начальника штаба Верховного главнокомандующего. Тем самым роль Ставки в решении не только всех военных, но и государственных вопросов резко возросла. Она даже начала в какой-то мере конкурировать с Советом Верховного правителя за влияние на А. В. Колчака и стала оттеснять на задний план Совет министров. Такая ситуация сохранялась до августа 1919 г., когда Верховный правитель сначала 9 числа снял Д. А. Лебедева с обоих постов, а затем 27 числа восстановил военное министерство в качестве полноправного органа военного управления. (См.: *Симонов Д. Г.* Органы военного управления Сибири (конец 1918–1919 г.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков: Региональная

научная конференция 5–6 декабря 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 55–59.) Роль Ставки в качестве специального органа, осуществлявшего цензуру, в публикациях исследователей не отмечается.

[75] Еще раньше, 2 января 1920 г., эти же мотивы вхождения в сформированный В. Н. Пепеляевым Совет министров А. А. Червен-Водали назвал во время беседы с руководителями союзных дипломатических и военных миссий в Сибири. (См.: Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии высоких комиссаров и высшего командования союзных держав. Харбин, 1921. С. 5.)

[76] Неклютин Константин Николаевич (1887–?) — родился в Самаре в старинной купеческой семье. Окончил Алексеевское коммерческое училище в Москве с золотой медалью, электромеханическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института (1912 г.).

После окончания института работал директором-распорядителем мукомольной фирмы Неклютиных в Самаре, стал лидером местных торгово-промышленников. В 1917 г. являлся членом Самарской городской думы, председателем торгово-промышленного общества, общества фабрикантов и заводчиков, биржевого комитета. После Октябрьского переворота на три недели был арестован большевиками. В августе 1918 г. участвовал в работе Всероссийского торгово-промышленного съезда в Уфе и был избран его товарищем председателя. После оставления Самары войсками Комуча переехал в Омск, где первоначально являлся членом Всероссийского совета съездов торговли и промышленности, был его представителем в чрезвычайном Государственном экономическом совещании. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 1 апреля 1919 г. назначен товарищем министра снабжения и продовольствия с возложением на него обязанностей временно управляющего министерством.

[77] Переговоры между А. В. Колчаком и В. Н. Пепеляевым, а также другие документы о Земском соборе см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 278; Последние дни колчаковщины: Сборник документов. М.; Л., 1926. С. 146–150.

[78] Инициатива постановки этого вопроса принадлежала государственному контролеру Г. А. Краснову. 30 ноября 1919 г. он выступил на закрытом заседании Совета министров с предложением об упразднении министерства снабжения и продовольствия. После обсуждения вопроса Совет министров постановил: «Поручить комиссии под председательством министра торговли и промышленности А. М. Окорокова в составе представителей министерств земледелия, военного, внутренних дел, путей сообщения, снабжения и продовольствия, финансов и государственного контроля разработать законопроект об упразднении министерства снабжения и продовольствия и передаче функций последнего соответствующим ведомствам». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 263.)

13 декабря 1919 г. по докладу министра торговли и промышленности Совет министров принял постановление об упразднении министерства снабжения и продовольствия. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 257.)

[79] Бланков Исай Моисеевич (1887–?) — родился в селе Нукут Балаганского уезда Иркутской губернии. Образование — низшее. Член партии социалистов-революционеров с 1906 г. Служил в кооперации. Являлся членом Сибирской областной думы от Якутского областного совета крестьянских и военных депутатов. После роспуска Сибирской областной думы жил в Иркутске и работал в антиколчаковском подполье. В ночь на 11 ноября 1919 г. был арестован в числе 17 человек контрразведывательным отделением штаба Иркутского военного округа, но

в декабре освобожден. После свержения колчаковской власти в Иркутске работал секретарем управления делами Политического центра.

[80] Марковский Василий Иосифович (1878 — после 1924) — окончил Тульское реальное училище, Киевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1905 г.), генерал-майор.

Во время русско-японской войны служил в штабе А. Н. Куропаткина. Пять лет преподавал в Иркутском военном училище, имел ряд научных работ по описанию Сибири. С 1914 г. на фронте. За боевые отличия во время командования 188-м пехотным Карским полком награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1917 г.— генерал-квартирмейстер 11-й армии, командир дислоцировавшейся в Енисейской губернии 717-й пешей дружины, генерал-квартирмейстер Иркутского военного округа. В декабре 1917 г. участвовал в антисоветском выступлении Иркутской школы прапорщиков, был арестован советскими властями и приговорен к смертной казни. Бежал из-под ареста в Манчьжурию, где служил начальником штаба и генерал-квартирмейстером у Д. Л. Хорвата. После прихода А. В. Колчака к власти получил приглашение служить под его началом. С 3 января по 23 мая 1919 г.— помощник военного министра Российского правительства по организационно-инспекторской части с возложением на него исполнения должности начальника Главного штаба военного министерства, затем — помощник командующего войсками Иркутского военного округа, командующий войсками Енисейской губернии. В дальнейшем служил начальником штаба правительства Приморской областной земской управы. После поражения белых на Дальнем Востоке эмигрировал, жил в Харбине.

[81] Ошибка; правильно — Енисейской.

[82] Константинов Михаил Михайлович — социал-демократ меньшевик. С августа 1919 г. служил городским головой г. Нижнеудинск. С конца 1919 г. был гласным Иркутской городской думы. После свержения колчаковской власти в Иркутской губернии являлся членом Временного совета Сибирского народного управления от городских самоуправлений. В 1920-е годы занимался научной работой.

[83] А. А. Червен-Водали неточен. На самом деле это было не заседание Иркутской городской думы, а совещание земских и городских деятелей, происходившее 21 декабря 1919 г. по инициативе Земского политического бюро в помещении губернской земской управы. На совещании присутствовали гласные от городов Сибири, Урала и Европейской части России, в том числе являвшиеся министрами Российского правительства П. А. Бурышкин и А. А. Червен-Водали. Комментируя его состав, иркутская газета «Наше дело» 23 декабря 1919 г. писала: «На собрании преобладали земские и городские деятели не существующих ныне земских и городских самоуправлений. Это было собрание обломков разбитого государственного корабля, обломков, прибитых последними политическими бурями к иркутским берегам».

Совещание носило подготовительный характер. На нем был заслушан информационный доклад Б. А. Косьминского, в котором было предложено приступить к выработке положения о созыве Сибирского народного собрания, которое стало бы правительством гражданского мира. На совещании также распространялась разработанная Иркутским Политическим центром программа, в которой излагалась идея создания на территории Сибири самостоятельного государственного образования. Оппонентом Б. А. Косьминского и «политцентровцев» выступил кадет Л. А. Кроль, который ратовал за необходимость поддержать существующее правительство, возражал против бойкота предложенного А. В. Колчаком Земского

совещания, убеждал собравшихся, что последнему можно легко придать законодательный характер, доказывал, что любое государственное образование, созданное в качестве буфера в Восточной Сибири, будет легко поглощено Советской Россией или Японией и что пришедшие в Сибирь большевики ликвидируют земство.

Названное при открытии «историческим» совещание смогло принять только одно решение — о созыве на 23 декабря 1919 г. нового совещания действующих и бывших общественных, земских и городских деятелей для обсуждения вопроса о возможности допустить политические партии и профессиональные союзы к предстоящей государственной работе земцев. (См.: Наше дело (Иркутск). 1919. 23 декабря; Свободный край (Иркутск). 1919. 24 декабря.)

Сам А. А. Червен-Водали о результатах совещания на состоявшемся в тот же вечер закрытом заседании Совета министров доложил так: «1) Отрицательное отношение к новому кабинету. 2) Мир с большевиками. 3) Созыв Земского собора». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 293.)

[84] Патлых Николай Павлович (?–1917) — иркутский социал-демократ меньшевик. В ноябре 1917 г. являлся членом Иркутского городского совета рабочих депутатов. Во время декабрьских боев 1917 г. между красногвардейцами и восставшими юнкерами добровольно взял на себя миссию посредника между сражавшимися сторонами. Был убит выстрелом со стороны советских войск, хотя имел белую повязку парламентера.

[85] Ошибка; правильно — В. В. Артемьев.

Артемьев Василий Васильевич (1860–1921) — окончил Николаевскую академию Генерального штаба, генерал-лейтенант.

Участник Мировой войны, во время которой последовательно командовал 37-м и 47-м армейскими корпусами. С августа 1918 г.— командир Самарского армейского корпуса Народной армии Комуча. Приказом по войскам Западного фронта от 24 октября 1918 г. был назначен командующим войсками Курганского военного округа на театре военных действий. В феврале — декабре 1919 г. командовал войсками Иркутского военного округа.

[86] А. А. Червен-Водали имел в виду две проявленные им инициативы: во-первых, сделанное им представление «О некоторых изменениях действующих узаконений об исключительных положениях», которое обсуждалось на заседании Совета министров 13 декабря 1919 г.; во-вторых, сделанный им на заседании Совета министров 17 декабря 1919 г. доклад о предложении несоциалистической общественной группировки дать до трех тысяч человек добровольцев и о предоставлении ему разрешения сформировать из этих добровольцев вооруженный отряд, который бы находился в исключительном распоряжении МВД и был использован для охраны Иркутска. В первом случае Совет министров постановил впредь вводить военное положение вне театра военных действий только по представлению министерства внутренних дел, а всех должностных лиц, на которых возлагалось его проведение в жизнь вне театра военных действий, подчинить МВД, во втором — он удовлетворил ходатайство А. А. Червен-Водали и поручил военному министру М. В. Ханжину предоставить в распоряжение МВД необходимое количество инструкторов для организации такого добровольческого отряда. Единственным членом правительства, выразившим свое несогласие с решениями Совета министров, стал М. В. Ханжин, который письменно зафиксировал свое особое мнение. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 257, 263; д. 245. Л. 290.)

[87] Ошибка; правильно — главный.

[88] Так в тексте.

[89] Антиколчаковский переворот в Черемхово был первым успешным восстанием, осуществленным в Иркутской губернии под знаменем Политического центра. Он был произведен в ночь с 20 на 21 декабря 1919 г. местным гарнизоном (Черемховским батальоном) под руководством проэсеровски настроенных офицеров, которые арестовали управляющего уездом П. Г. Волохова и нескольких военных и вручили власть уполномоченному Иркутского Политического центра эсеру В. Н. Устюжанину (И. С. Алко). Переворот произошел почти бескровно. При аресте были убиты два человека: начальник местной контрразведки, оказавший сопротивление, и пытавшийся сбежать начальник уездной милиции. Благодаря активному участию в работе подполья земцев и учителей, в окрестных селах были организованы вооруженные отряды из местных крестьян, которые уже 22 декабря 1919 г. вошли в город. Кроме того, на запад и на восток от Черемхово по линии железной дороги были посланы делегации и небольшие вооруженные отряды, которым в течение трех дней удалось склонить на свою сторону вооруженную охрану и взять под свой контроль населенные пункты от станции Тулун на западе до станции Половина на востоке. В окрестных волостях стали избираться комитеты общественного спасения, создаваться крестьянские вооруженные дружины, подготовляться выборы в Сибирское народное собрание. (См.: ГАИО. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 198. Л. 95, 101; ГАНО. Ф. п-5. Оп. 3. Д. 156. Л. 37–38; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 24–25; Сводка информационного отдела штаба Иркутского военного округа. 1919. 24 декабря; Последние дни колчаковщины. С. 164–166.)

[90] Сразу же после получения сведений об антиколчаковском перевороте в Черемхово управляющий Иркутской губернии П. Д. Яковлев вел с входившим в Черемховский революционный штаб председателем уездной земской управы Г. П. Грачевым переговоры, в которых зондировал политическую платформу повстанцев и выдвигал предложения, направленные на поиск компромисса между правительством и повстанцами. В частности, он заявил: «Если лозунг переворота „народоправство“, то правительство против него не возражает. Не думаете ли Вы, что между Вами и правительством может быть мир, приемлемый для обеих сторон?» Поскольку Г. П. Грачев отказался отвечать на политические вопросы, П. Д. Яковлев внес предложение провести переговоры. Черемховский революционный штаб ответил на инициативу П. Д. Яковлева согласием и просил его прибыть на станцию Гришино. Однако в связи с тем, что А. А. Червен-Водали не разрешил П. Д. Яковлеву самому выехать для ведения переговоров, П. Д. Яковлев направил на станцию Гришино специальную делегацию из восьми человек во главе с управляющим Иркутским уездом Г. Н. Надежиным. В составе делегации оказались бывший член Западно-Сибирского комиссариата, товарищ министра внутренних дел Временного Сибирского правительства П. Я. Михайлов и поручик Курдяев (кличка — Гордеев), оказавшийся агентом Иркутской контрразведки. Курдяев представил письменный доклад о поездке начальнику контрразведки штабс-капитану Д. П. Черепанову, Д. П. Черепанов — начальнику штаба Иркутского военного округа генералу А. Н. Вагину, А. Н. Вагин — командующему войсками округа В. В. Артемьеву и А. А. Червен-Водали. (См.: ГАИО. Ф. р.-2. Оп. 1. Д. 198. Л. 98; ГАНО. Ф. р-867. Оп. 1. Д. 11. Л. 36.)

[91] Глазково — предместье Иркутска; ныне — Свердловский район.

[92] «Золотой запас» — золото, серебро, платина, ценные бумаги и т. п., которые составляли государственный запас России. В начале 1918 г. был перевезен из Петрограда в Москву, Самару и Тамбов, а в мае 1918 г.— в Казань. После взятия 7 августа 1918 г. чешскими и белогвардейскими войсками Казани по распоряже-

нию Самарского Комуча «золотой запас» был перевезен сначала в Самару, потом — в Уфу и в октябре 1918 г.— в Омск. В ноябре 1919 г. эти ценности под охраной колчаковских войск были отправлены в Иркутск. В связи с антиколчаковскими восстаниями в Восточной Сибири и ненадежностью русской охраны по указанию командования союзных войск в Нижнеудинске состав с «золотым запасом» (эшелон № 62) был взят под охрану чешскими войсками, к которым позднее присоединилась охрана от Народно-революционной армии Политического центра. 15 января 1920 г. эшелон с «золотым запасом» прибыл в Иркутск и был передан в распоряжение Политического центра.

[93] А. А. Червен-Водали ошибается. В действительности приказ о введении с 12 часов дня 25 декабря 1919 г. осадного положения в Иркутске и его окрестностях был издан 24 декабря 1919 г. командующим войсками военного округа В. В. Артемьевым, а на Е. Г. Сычева, являвшегося начальником гарнизона Иркутска, было возложено его осуществление. (См.: ЦХДИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 849. Л. 19; Наша газета (Иркутск). 1919. 27 декабря; Сводка № 121 осведомительного отдела штаба Иркутского военного округа. 1919. 26 декабря.)

[94] Сразу же после начала антиколчаковского вооруженного выступления в Глазково, 24 декабря 1919 г. весь офицерский состав контрразведывательного отделения перебазировался из штаба Иркутского военного округа в гостиницу «Модерн», заняв 34, 35 и 39-й номера. Все арестованные контрразведчиками подпольщики также доставлялись в гостиницу «Модерн» (9, 23, 41, 48 и 59-й номера), поскольку заключенные тюрьмы волновались, а ее охрана была ненадежной. (См.: ГАНО. Ф. р-867. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.)

[95] Так в тексте.

[96] Достоверность приводимых А. А. Червен-Водали сведений подтверждается «Стенографическим отчетом переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии высоких комиссаров и высшего командования союзных держав».

[97] Журнал заседания Совета министров за 3 января 1920 г. не найден.

[98] См. комментарий 78 к главе пятой.

[99] Журнал заседания Совета министров за 4 января 1920 г. не найден.

[100] Ошибка; правильно — всей России.

[101] А. А. Червен-Водали излагает события неверно. На самом деле никаких договоренностей на переговорах между представителями Совета министров и делегацией Иркутского Политического центра 4 января 1920 г. достигнуто не было, поскольку в них отпала необходимость: войска Политического центра вошли в центр города и фактически ликвидировали власть Российского правительства. Об этом же свидетельствуют и последние строки стенограммы переговоров: «Все расходятся, не подписав ни протокола, ни порядка дня». (См.: Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии высоких комиссаров и высшего командования союзных держав. С. 66.)

[102] Ошибка; правильно — в Чите. Речь идет примерно о двух тысячах пудов золота, которые предназначались для передачи Японии в качестве уплаты по военным заказам, произведенным Российским правительством. Однако в октябре 1919 г. вагоны с золотом, направлявшиеся во Владивосток, были задержаны в Чите. Местные военные власти потребовали от чиновников министерства финансов разгрузить золото в Чите. 30 октября 1919 г. вопрос стал предметом специального разбирательства на закрытом заседании Совета министров. По итогам обсуждения

Совет министров постановил: «Поручить военному министру сделать распоряжение о передвижении 2 000 пудов золота во Владивосток и поручить управляющему министерством финансов вступить в переговоры с послом Японии г. Като об оказании содействия к передвижению золота во Владивосток ...». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 221.)

[103] См. комментарий 78 к главе седьмой.

[104] Речь идет о документе, называвшемся «Объявление главноначальствующего города Москва и Московской губернии о борьбе с большевиками», который, видимо, принадлежал В. Н. Пепеляеву, а государственным обвинителем А. Г. Гойхбаргом приписывался А. А. Червен-Водали.

[105] Петлюровские войска — так назывались по имени С. В. Петлюры.

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — родился в семье извозчика. Учился в духовной семинарии. Состоял членом Украинской социал-демократической рабочей партии. После Февральской революции организовал и возглавил Украинский фронтовой комитет. В мае был избран во Всеукраинский войсковой комитет Центральной рады, стал его председателем. Во время правления П. П. Скоропадского являлся председателем Киевского губернского земства и Всеукраинского союза земств. С 14 ноября 1918 г. был членом Украинской Директории и командующим войсками (головным атаманом) Украинской народной республики.

[106] Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — из дворян, крупный помещик Полтавской и Черниговской губерний. Окончил Пажеский корпус (1893 г.). Генерал-лейтенант (1916 г.).

Участник Мировой войны. 29 апреля 1918 г. на инсценированном австро-германскими оккупантами «съезде хлеборобов» в Киеве был избран гетманом Украины и провозгласил создание Украинской державы. Режим П. П. Скоропадского потерпел крах в середине декабря 1918 г. после провала австро-германской оккупации.

[107] Всероссийский демократический союз — начал организовываться летом 1919 г. в Омске при кооперативном объединении «Центросибирь» правыми эсерами совместно с народными социалистами и кадетами. Первоначально его главная задача формулировалась как «перемена правительства». 28 сентября 1919 г. собрание учредителей, среди которых были Е. А. Астафьев, В. А. Колосов, Л. А. Кроль, А. В. Лучинская, В. А. Панкратов, В. Е. Парунин, А. В. Сазонов, Т. Т. Тужик, Ф. З. Чембулов, Э. В. Цивцивадзе, утвердило платформу Всероссийского демократического союза. Его основной целью провозглашалось «возрождение единой великой свободной России и доведение страны до выборов в Учредительное собрание при наличии гражданских свобод, гарантирующих сознательное отношение к выборам на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права». В области текущей политики Всероссийский демократический союз брал на себя обязательство поддерживать стремление Верховного правителя А. В. Колчака «освободить Россию от власти большевиков и довести до Всероссийского Учредительного собрания путем управления, основанного на демократическом правопорядке и законности». В то же время Всероссийский демократический союз считал необходимым «образование Кабинета министров, политически солидарного, и временного представительного органа для обсуждения законодательных предположений и контроля над органами исполнительной власти». (См.: ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 55. Л. 82.)

[108] Ошибка; правильно — собрание.

[109] Ошибка; правильно — культурно-просветительным отделом Алтайского кооперативного союза.

[110] Ошибка; правильно — Союз сибирских земств и городов (Сибземгор).

[111] «Жизнь Алтая» — ежедневная общественно-политическая и литературная газета. Издавалась барнаульским предпринимателем и общественным деятелем В. М. Вершининым, избиравшимся в IV Государственную думу. Выходила в 1911–1918 гг. Газета имела либерально-демократическую направленность, являлась самым крупным и авторитетным изданием на Алтае. Фактически прекратила свое существование в конце 1917 г., поскольку с 19 декабря советская власть запретила публиковать в ней платные объявления, являвшиеся основным источником доходов газеты.

[112] «Алтайский луч» — ежедневная общественно-литературная, политическая социал-демократическая газета, издавалась Барнаульским комитетом РСДРП (меньшевиков). Выходила в 1917–1918 гг., но в мае 1918 г. была запрещена большевиками, а в конце года — белогвардейскими властями.

[113] Министерством труда к 5 августа 1918 г. был подготовлен проект положения «О биржах труда», и лично Л. И. Шумиловским была написана объяснительная записка к проекту этого положения. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1614. Л. 1–3.) Закон о биржах труда был принят Советом министров Временного Всероссийского правительства 14 ноября 1918 г. и 22 декабря 1918 г. опубликован в «Правительственном вестнике».

[114] См.: Правительственный вестник. 1919. 19 февраля.

[115] Законопроект «О добровольном страховании служащих в больничных кассах городскими и общественными управлениями» см.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1621.

[116] Л. И. Шумиловский был принципиальным сторонником восьмичасового рабочего дня. В одном из своих интервью он говорил: «Я стою прежде всего за сохранение 8-мичасового рабочего дня. Не филантропия и не стремление дать поблажку рабочему классу, а трезвый, чисто деловой расчет заставляет меня безоговорочно стоять за сохранение этого основного приобретения Февральской революции». (См.: Правительственный вестник. 1919. 28 января.)

[117] Название копей в стенограмме отсутствует.

[118] Видимо, ошибка. Скорее всего, имеются в виду Кемеровские рудники.

[119] Возможно, что Л. И. Шумиловский имеет в виду свое представление от 23 декабря 1918 г. за № 2316 о результатах работы комиссии по улучшению материального быта железнодорожных служащих и рабочих. По итогам его обсуждения Совет министров признал необходимым «отпуск в распоряжение министра путей сообщения необходимых средств для выдачи беспроцентных ссуд продовольственным комитетам железных дорог». Кроме того, Совет министров постановил производство «по делам оказания продовольственной и других видов помощи и содействия продовольственным организациям железных дорог сосредоточить в министерстве путей сообщения, которое входит в сношения с соответствующими ведомствами, а вопросы, касающиеся продовольствия и снабжения предметами первой необходимости, разрешает при ближайшем участии министерства снабжения и продовольствия». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 92. Л. 128.)

[120] Видимо, ошибка; в справочных изданиях и исследовательской литературе журнал с таким названием не зафиксирован.

[121] См.: Правительственный вестник. 1919. 18 января.

[122] Постановление о разрешении провести съезд представителей профсоюзных организаций Забайкальской железной дороги 23 декабря 1919 г. было принято Советом министров по докладу министра труда Л. И. Шумиловского на заседании 16 декабря 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 288.)

[123] В соответствии с постановлением Иркутского Политического центра от 13 января 1920 г. дела Западно-Сибирского комиссариата, Самарского Комуча, Самарского отдела государственных имуществ, Временного Всероссийского правительства (Уфимской Директории), юрисконсульской части Российского правительства, а также библиотека юрисконсульской части Совета министров, как представлявшие научную ценность, были переданы в исторический кабинет и библиотеку Иркутского университета. (См.: ГАНО. Ф. р-867. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.)

[124] В августе 1919 г. чешская контрразведка арестовала членов правления Томской больничной кассы. По распоряжению руководства министерства труда была произведена ревизия кассы. Никаких признаков государственного преступления она не выявила. Напротив, было вынесено определение, что члены правления заслуживают доверия. В результате все арестованные были освобождены без возбуждения против них обвинения. (См.: Правительственный вестник. 1919. 5 октября.)

[125] Тараканова (Спекторская) Серафима Андреевна — социал-демократ меньшевик. В 1917 — начале 1918 г. жила в Барнауле, избиралась членом городской думы и городской управы. Являлась членом Сибирской областной думы от профсоюзов Барнаула. Затем жила в Иркутске, где активно участвовала в работе местных профсоюзов, в середине 1919 г. была избрана гласной городской думы. В ночь с 11 на 12 ноября 1919 г. была арестована контрразведкой, но в конце декабря 1919 г. освобождена по ходатайству А. А. Червен-Водали. 10 января 1920 г. выдвинута от Иркутской городской думы кандидатом в члены Временного совета Сибирского народного управления.

[126] Булах Никита Игнатьевич (1886–1937) — по специальности аграном-землемер. До 1911 г. состоял членом украинской партии социалистов-революционеров. В 1917 г. являлся членом Семипалатинского совдепа. После свержения советской власти работал комиссаром труда Семипалатинской области. Подвергался преследованию со стороны военных властей. После восстановления советской власти был назначен заведующим Семипалатинским земельным отделом. 12 февраля 1920 г. вступил в РКП(б). В середине 1930-х годов работал агрономом-экономистом Госплана Казахской ССР. 25 февраля 1937 г. «тройкой» управления НКВД по Алма-Атинской области приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. 12 апреля 1989 г. реабилитирован.

[127] Так в тексте. Фамилию установить не удалось.

[128] О каком заседании говорил Л. И. Шумиловский, непонятно.

[129] Ошибка; правильно — поднять.

[130] Статьи Л. И. Шумиловского с таким названием в барнаульской газете «Алтайский луч» за июнь 1918 г. не существует. Однако в номере за 20 июня 1918 г. выявлена статья Л. И. Шумиловского «Конец большевизма», близкая в заключительной своей части по содержанию с тем, о чем говорил Л. И. Шумиловский на процессе. В ней Л. И. Шумиловский писал:

«Власть большевиков пала и больше никогда не возродится. Приблизился для них час расплаты, и общественная совесть не найдет себе удовлетворения, если за сознательным преступлением не последует суровой кары.

Уже пролитая за последние дни кровь вопиет о возмездии.

О возмездии, а не о мести...»

И далее Л. И. Шумиловский настаивал на необходимости обезвредить оставшиеся большевистские элементы, но категорически возражал против безрассудного мщения. Статья заканчивалась таким призывом: «И пусть не будет ни самосудов, ни произвольных арестов, ни одного акта мести».

[131] «Воткинцы» — рабочие Воткинского металлургического завода, которые в августе 1918 г. вместе с рабочими Ижевского оружейного завода подняли восстание и свергли советскую власть в Прикамье. Повстанцы сформировали Народную армию, в которой была специальная Воткинская дивизия. В середине ноября 1918 г. части Красной армии подавили Ижевско-Воткинское восстание. Часть повстанцев смогла прорваться через реку Кама и ушла в расположение войск А. В. Колчака. Она составила в армии А. В. Колчака ядро Воткинской пехотной дивизии, первоначально вошедшей в Прикамский корпус.

В данном случае Л. И. Шумиловский явно имеет в виду эвакуированных рабочих и служащих Воткинского завода. Постановлением Совета министров от 11 марта 1919 г. в распоряжение министерства торговли и промышленности было отпущено 5 млн рублей для производства расчета с ними. Министерству разрешалось выплатить каждому рабочему по 420 рублей в месяц и служащим — действительный оклад каждого из них за два с половиной месяца. (См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1919. 22 июня. № 10. С. 8; Правительственный вестник. 1919. 22 июля.)

31 октября 1919 г. Совет министров рассмотрел представление министерства труда от 20 октября 1919 г. «о признании за мастеровыми и рабочими казенного Воткинского завода прав на получение резервного содержания согласно закона от 25 июля 1919 г.». Совет министров постановил: «Принимая во внимание особые заслуги воткинцев перед Родиной, выдать им пособие в размере не свыше 3 600 рублей на каждого эвакуировавшегося служащего, мастерового или рабочего завода, исходя при его исчислении из расчета 600 рублей за каждый месяц, в течение коего тому или иному служащему, мастеровому или рабочему не было предоставлено работы, и считая за конечный срок эвакуации Воткинского завода 11 июля 1919 года». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 235.)

Глава девятая. Заседание восьмое

[1] Четьи-минеи (чтения ежемесячные) — сборники житий святых, составленные по месяцам в соответствии с днями чествования церковью каждого святого.

[2] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг неточно цитирует телеграмму, отправленную Верховному правителю А. В. Колчаку 3 января 1920 г. от имени Совета министров за подписями А. М. Ларионова, В. М. Ханжина и А. А. Червен-Водали. (См. комментарий 78 к главе пятой.)

[3] Государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг имеет в виду разговоры по прямому проводу.

[4] См. комментарий 19 к главе восьмой.

[5] Непонятно, о каком законе говорил подсудимый Г. А. Краснов. Основным нормативным документом, к тому времени регламентировавшим деятельность органов государственного контроля в Сибири, являлось положение «Учреждение государственного контроля Сибири», которое было утверждено постановлением

Административного совета Временного Сибирского правительства 30 сентября 1918 г. (См.: Собрание узаконений и постановлений Временного Сибирского правительства. 1918. 27 октября. № 17. С. 1–25.)

[6] «Положение о военно-полевом контроле», 30 ноября 1918 г. принятое Советом министров и утвержденное Верховным правителем А. В. Колчаком, см.: Правительственный вестник. 1919. 5 января.

[7] См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 42. Л. 19.

[8] В связи с предстоящим отъездом в двухнедельный отпуск в Томск 15 апреля 1919 г. П. В. Вологодский обратился в Совет министров с просьбой о назначении ему на этот срок заместителя. Поскольку Л. А. Устругов, являвшийся его первым заместителем, находился в командировке, а второй заместитель, министр финансов И. А. Михайлов, заявил «о невозможности для него принять на себя исполнение обязанностей председателя Совета министров на время отпуска последнего», исполнение обязанностей председателя Совета министров на время отпуска П. В. Вологодского было возложено на государственного контролера Г. А. Краснова. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 92. Л. 294.)

[9] Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 4 июля 1919 г. министр юстиции Г. Г. Тельберг был назначен исполняющим обязанности председателя Совета министров в случае отсутствия последнего. (См.: Правительственный вестник. 1919. 15 июля.)

[10] По поручению председателя Совета министров П. В. Вологодского государственный контролер Г. А. Краснов неоднократно председательствовал в открытых заседаниях Совета министров: 21 августа, 5, 12, 19, 22, 25, 26 и 30 сентября, 24 и 31 октября 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 48, 89, 107, 132, 136, 146, 154, 164, 224, 235). Случаев, когда бы Г. А. Краснов председательствовал в закрытых заседаниях Совета министров, нами не выявлено.

[11] Касаткин Василий Николаевич (1886–?) — окончил Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба, генерал-майор. Главный начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем А. В. Колчаке. 3 сентября 1919 г. за халатное отношение к служебным обязанностям был приговорен военно-полевым судом к одному году и четырем месяцам крепости с исключением из военной службы. Верховный правитель А. В. Колчак заменил это наказание на шестимесячное заключение в крепость по окончании войны без исключения из военной службы. (См.: Русская армия (Омск). 1919. 5 сентября.) Фактически заключение не отбывал. Более того, с 25 октября до 9 ноября 1919 г. являлся начальником штаба Омского военного округа.

[12] Вечером 14 сентября 1918 г. состоялось заседание Административного совета Временного Сибирского правительства, на котором в ряду других вопросов было заслушано заявление исполняющего обязанности председателя Административного совета министра финансов И. А. Михайлова «о сложении им обязанностей председателя совета и предложении его, ввиду чрезвычайной ответственности момента и необходимости полного единодушия совета, возложить исполнение об[язанностей] председателя совета на лицо, избранное самим советом». Предложение И. А. Михайлова было принято, и по итогам обсуждения он был единогласно избран председателем Административного совета. (См.: ГАРФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 104. Л. 126; Сибирский вестник. 1918. 13 сентября.)

[13] Ошибка; в обвинительном заключении названа другая цифра — 28 900 рублей.

[14] Ошибка; здесь и далее правильно — Шишкин.

[15] П. И. Преображенский ошибался. Доклад временно управляющего министерством торговли и промышленности Н. Н. Щукина о результатах обследования междуведомственной комиссией, назначенной Советом министров, деятельности Омского военно-промышленного комитета был заслушан на закрытом заседании Совета министров 3 апреля 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 57.)

[16] Шанявский Альфонс Леонович (1837–1905) — военный, предприниматель, меценат. Все военные учебные заведения, в которых он учился, окончил с золотой медалью и «первым в списке». С отличием окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-майор. В 38 лет выйдя в отставку, основал в Сибири компанию по добыче золота и разбогател. На свои доходы открыл первую в Забайкалье сельскохозяйственную школу в Чите и гимназию в Благовещенске. Инициатор идеи создания высшей вольной школы нового типа, которую поддержали выдающиеся русские историки П. Н. Милюков в Государственной думе, М. М. Ковалевский — в Государственном совете и одобрил председатель Совета министров П. А. Столыпин. В 1905 г. А. Л. Шанявский пожертвовал дом и около миллиона рублей на создание своего детища. Благодаря этому три года спустя в Москве был открыт городской народный университет, не входивший в систему учреждений министерства народного просвещения. Его студентами могли быть лица обоего пола независимо от национальной принадлежности и политических взглядов. Университет имел два отделения — научно-популярное и академическое, на которых готовили специалистов со средним и высшим образованием. В числе преподавателей университета были профессора Н. Е. Жуковский, К. А. Тимирязев, А. Е. Ферсман, А. А. Фортунатов и др.

[17] Ошибка; правильно — товарищем министра народного просвещения.

[18] До начала 1919 г. министерство народного просвещения Российского правительства находилось не в Омске, а в Томске.

[19] Ошибка; правильно — в Омск.

[20] Видимо, подсудимый П. И. Преображенский имел в виду Совет Верховного правителя.

[21] П. И. Преображенский вел речь о докладе временно управляющего министерством торговли и промышленности Н. Н. Щукина от 1 апреля 1919 г. за № 1476/697 о результатах работы междуведомственной комиссии для ознакомления с деятельностью Омского военно-промышленного комитета, который был заслушан на закрытом заседании Совета министров 3 апреля 1919 г. По итогам обсуждения доклада Н. Н. Щукина Совет министров принял следующее решение:

«1) Признать необходимым дальнейшее продолжение деятельности комиссии для ознакомления с положением дела в военно-промышленном комитете.

2) Образовать при министерстве торговли и промышленности комиссию из представителей министерств: военного, снабжения и продовольствия, морского, юстиции и государственного контроля для разработки вопроса о пересмотре положения о военно-промышленном комитете, в частности о возможности подчинения его руководству какого-либо определенного ведомства.

Комиссию созвать в спешном порядке».

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 57.

[22] Ошибка; правильно — председатель Совета министров.

[23] Дополнительно об этом см. в дневнике П. В. Вологодского (Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 168–175.)

[24] Письмо П. И. Преображенского председателю Совета министров П. В. Вологодскому от 9 мая 1919 г. см.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 34. Л. 49.

[25] Ошибка; здесь и далее правильно — Саввин.

Саввин Витт Николаевич (1874–1933) — родился в с. Кондрово Медынского уезда Калужской губернии в семье чиновника. Окончил Калужскую гимназию и медицинский факультет Московского университета (1898 г.). В 1903 г. защитил докторскую диссертацию. Член конституционно-демократической партии с 1917 г.

Работал в Институте оперативной хирургии Московского университета, в Старо-Екатерининской больнице Москвы, приват-доцентом Московского университета, в Ново-Екатерининской больнице, городским врачом Московского городского самоуправления. С 1909 г. являлся экстраординарным, с 1912 г.— ординарным профессором, с 1916 г.— деканом медицинского факультета, с мая 1918 г.— исполняющим обязанности ректора Томского университета.

Указом Совета министров Временного Сибирского правительства от 7 сентября 1918 г. был назначен помощником управляющего министерством народного просвещения с оставлением в должности ординарного профессора. 18 ноября 1918 г. утвержден в должности проректора Томского университета. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 2 мая 1919 г. был назначен товарищем министра народного просвещения.

В 1922–1928 гг. являлся ректором Томского университета. В 1930 г. переехал в Челябинск, где возглавил строительство больничного городка на Челябинскстрое. Умер в Челябинске.

[26] Ошибка; правильно — колчаковского.

[27] Точнее — поставлен.

[28] В смысле — на память.

[29] Имеется в виду решение Совета министров, принятое по докладу председателя правительства на закрытом заседании 15 августа 1919 г., в соответствии с которым предполагалось создать в армии А. И. Деникина особую сибирскую дивизию. Выполнение этой задачи возлагалось на генерала Н. В. Нагаева, которому была выделена сумма в 72 млн рублей керенками. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 131.)

[30] Служащий министерства народного просвещения Российского правительства, а затем Сибземгора В. А. Игнатьев не идентифицирован.

[31] Речь идет бывшем директоре Колыванской гимназии Николае Ксаверьевиче Баумане, который с 1 сентября 1919 г. являлся уполномоченным министерства народного просвещения по Якутской области.

[32] Так в тексте.

[33] Замечание А. М. Ларионова совершенно верно. Действительно, в постановлении Административного совета Временного Сибирского правительства от 21 сентября 1918 г. говорилось о том, что В. М. Крутовский и М. Б. Шатилов освобождаются от обязанностей министров «впредь до окончательного рассмотрения вопроса Советом министров». (См.: ГАРФ, Ф. 131. Оп. 1. Д. 103. Л. 25; Сибирский вестник. 1918. 24 сентября.)

Эта же формулировка была повторена в телеграмме исполняющего обязанности председателя Административного совета И. А. Михайлова, отправленной 21 сентября 1918 г. во Владивосток председателю Совета министров П. В. Вологодскому и в Уфу министру снабжения И. И. Серебренникову. (См.: Красный архив. М.; Л., 1933. Т. 6. С. 76.)

[34] Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — родился в Санкт-Петербурге в семье священника. Окончил Санкт-Петербургский институт путей сообщения (1902 г.), инженер путей сообщения. Член конституционно-демократической партии со времени ее основания, член ЦК в 1909–1917 гг. и лидер левого крыла кадетов.

Профессор Томского технологического института. Депутат III и IV Государственной думы от Томской губернии. С 6 ноября 1916 г.— товарищ председателя IV Государственной думы. Активный участник Февральской революции, член Временного комитета Государственной думы. Входил в состав Временного правительства в качестве министра путей сообщения (2 марта — 2 июля), заместителя министра-председателя (7–21 июля), заместителя министра-председателя и министра финансов (24 июля — конец августа). В начале сентября 1917 г. был назначен генерал-губернатором Финляндии.

После Октябрьского переворота отошел от политической деятельности, работал в советских кооперативных органах, преподавал в Московском государственном университете и Институте народного хозяйства, служил на строительстве канала Москва — Волга. 13 июня 1939 г. арестован и по приговору военной коллегии Верховного суда СССР 7 мая 1940 г. расстрелян. В 1990 г. реабилитирован.

[35] Так в тексте.

[36] Речь идет о постановлении Совета министров об установлении тарифов на перевозку союзных войск и их грузов по русским железным дорогам от 24 июня 1919 г., принятом в соответствии с представлением министерства финансов. Совет министров постановил признать необходимым «установить исчисление тарифа на перевозку союзных войск и их грузов по русским железным дорогам в русских золотых рублях; расчет же с союзниками производить иностранной валютой». (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 91. Л. 188.)

[37] Так в тексте. Видимо, следует читать — наличностью.

[38] См. комментарий 20 к главе седьмой.

[39] Так в тексте.

[40] Ошибка; правильно — в Иркутске.

[41] Подсудимый А. М. Ларионов имеет в виду демобилизацию русской армии, происходившую в 1917–1918 гг.

[42] Ошибка; правильно — временно управляющему.

[43] Обсуждение и решение этого вопроса на заседании Совета министров см.:

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 86/з. ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ

[*г. Омск*] *28 апреля 1919 г.*

Председательствовал: председатель Совета министров П. В. Вологодский.

Присутствовали: член Совета министров Г. К. Гинс; министры: финансов — И. А. Михайлов, юстиции — С. С. Старынкевич, военный — генерал-майор Н. А. Степанов, земледелия — Н. И. Петров, народного просвещения — В. В. Сапожников; государственный контролер Г. А. Краснов; управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. Г. Тельберг; управляющие министерствами: внутренних дел — А. Н. Гаттенбергер, труда — Л. И Шумиловский; вр[еменно] управляющие министерствами: торговли и промышленности — Н. Н. Щукин, иностранных дел — И. И. Сукин, путей сообщения — Г. М. Степаненко, морским — контр-адмирал В. В. Ковалевский, снабжения и продовольствия — К. Н. Неклютин; помощник управляющего делами Верховного правителя и Совета министров Т. В. Бутов.

Слушали: 1. Обсуждение доклада генерала Михайлова о положении на участке Томской ж[елезной] д[ороги] в Енисейской губернии в районе, охваченном восстанием красных.

Постановили: [1.] I. а) Отпустить в распоряжение министра путей сообщения для выдачи на заготовку предметов продовольствия и первой необходимости для служащих и рабочих железных дорог суммы, размер которых должен быть срочно намечен совещанием по финансированию 29 апреля.

б) Предоставить министерству продовольствия и снабжения [право] отпускать в кредит министерству путей сообщения через начальников железных дорог необходимые для железнодорожных служащих и рабочих товары.

в) Признать необходимым образование в составе министерства путей сообщения постоянной организации по снабжению служащих и рабочих железных дорог продовольствием и предметами первой необходимости.

II. Признать полезной и целесоответственной сдельную систему оплаты труда мастеровых и рабочих, предложив министерству путей сообщения усилить меру к регулированию и исправлению отдельных сдельных цен с целью наибольшего соответствия их местным условиям работ.

III. Поручить военному министру принять меры к возможному усилению охраны Томской ж[елезной] д[ороги].

IV. Поручить военному министру принять меры к прекращению бесчинств, творимых начальниками отдельных отрядов на жел[езной] дор[оге].

V. а) Ввиду крайних затруднений, вносимых в железнодорожное движение непланомерным передвижением, распределением и использованием санитарных поездов, признать необходимым организовать самым спешным образом центральный орган для руководства эвакуацией больных и раненых воинов, устройством, содержанием и передвижением санитарных поездов.

б) Поручить военному министру срочно выработать и представить Совету министров проект учреждения и работы такого органа.

См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 72.

[44] Ошибка; правильно — сведения.

[45] Ошибка; правильно — мероприятиям.

[46] Ошибка; здесь и далее правильно — Лупицкий.

[47] Ошибка; А. А. Червен-Водали стал временно исполняющим обязанности председателя Совета министров.

[48] Так в тексте. Скорее всего, Г. М. Степаненко говорил об Аяно-Нельканском тракте, 2,0 млн рублей на начало строительство которого 3 апреля 1919 г. выделил Совет министров министерству путей сообщения. (См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1919. 18 сентября. № 14. С. 14).

[49] Ошибка; правильно — комиссара.

[50] Управляющий министерством путей сообщения Г. М. Степаненко отправил 26 и 31 августа 1918 г. на места две циркулярные телеграммы, в которых потребовал лишить профсоюзы распорядительно-контролирующих функций и права вмешательства в управление железнодорожным хозяйством. Рабочим и служащим разрешалось создавать свои организации «исключительно с профессиональными задачами»: во-первых, по специальности, во-вторых, на добровольных началах, в-третьих, на собственные средства и без правительственных субсидий. (См.: ГАРФ. Ф. р-1440. Оп. 1. Д. 16. Л. 18; Сибирский вестник. 1918. 10 сентября.)

[51] Гран Петр Карлович (1867–?) — из потомственных дворян. Окончил Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. В 1908–1911 гг. служил иркутским, в 1911–1913 гг.— томским губернатором. С 4 мая 1913 по 6 марта 1917 г. являлся начальником главного тюремного управления министерства внутренних дел России. Статский советник, генерал-майор. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 31 января 1919 г. был назначен начальником главного управления мест заключения министерства юстиции Российского правительства.

[52] Видимо, подсудимый Л. И. Писарев имел в виду Сибирское военное совещание, положение о котором Временное Сибирское правительство утвердило 31 июля 1918 г. (См.: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 556. Л. 24–28; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 17 августа. № 6. С. 15.)

[53] Востротин Степан (Стефан) Васильевич (1864–1943) — родился в г. Енисейск в семье известного купца и золотопромышленника. Окончил Казанский ветеринарный институт (1887 г.), учился в Парижской медицинской школе. Состоял в конституционно-демократической партии, член ее ЦК с февраля 1916 г.

В 1885–1899 гг. избирался городским головой Енисейска. Полярный исследователь. Автор книги «Северный морской путь и Челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири» (1902 г.). Депутат III и IV Государственной думы от Енисейской губернии. Активный участник Февральской революции в Петрограде. Входил во Временный совет Российской республики (Предпарламент).

Октябрьский переворот не принял. В начале 1918 г. уехал на Дальний Восток, где входил в ближайшее окружение управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата. В июле — октябре 1918 г. возглавлял правительство (Деловой кабинет) временного Верховного правителя России Д. Л. Хорвата. В 1919 г. избирался гласным Красноярской городской думы. Указом Верховного правителя А. В. Колчака от 14 июня 1919 г. был назначен членом Государственного экономического совещания. С 1 августа 1919 г. являлся председателем комитета Северного морского пути. После поражения А. В. Колчака эмигрировал в Маньчжурию, где в 1920–1926 гг. издавал популярную газету «Русский голос». Затем переехал во Францию. Умер в Ницце.

[54] Так в тексте. Речь явно идет о бессудно расстрелянном в Омске 22 декабря 1918 г. Георгии Николаевиче Сарове, который был учеником А. А. Червен-Водали.

[55] Так в тексте.

[56] Скорее всего, речь идет об издававшейся с 1896 г. на деньги известного инженера и писателя Н. Г. Гарина-Михайловского газете «Самарский вестник» — первом легальном марксистском органе в России, в которой сотрудничали социал-демократы и «легальные марксисты» П. П. Маслов, В. В. Португалов, А. А. Санин, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. Г. Шлихтер, Р. Э. Циммерман.

[57] Маслов Петр Павлович (1867–1946) — родился в деревне Масловка Троицкого уезда Оренбургской области. Учился в Харьковском ветеринарном институте. В 1888 г. был арестован и после трех лет тюремного заключения выслан в Самару. В 1896 г. под его редакцией выходил «Самарский вестник». С начала 1900-х годов активно занимался разработкой аграрного вопроса в России с марксистских позиций. Делегат IV (объединительного) съезда РСДРП. Много занимался публицистикой и редакторской деятельностью, сотрудничал с журналом «Современный мир».

После Февральской революции по приглашению Временного правительства принимал участие в подготовке закона о земле, являлся членом Временного совета

Российской республики (Предпарламента). После Октябрьского переворота вернулся на Южный Урал и проживал в родной деревне. В конце июня 1918 г. участвовал в работе Челябинского уездного съезда крестьянских, казачьих, рабочих и мусульманских депутатов, на котором был избран председателем Челябинского исполнительного комитета народной власти. С июля 1918 г. исполнял обязанности комиссара Челябинского округа Временного Сибирского правительства. Участвовал в работе Уфимского государственного совещания. Через день после прихода А. В. Колчака к власти подал прошение об освобождении от занимаемой должности. С конца 1918 г. служил профессором Омского сельскохозяйственного института. 27 мая 1919 г. рекомендован Советом министров в состав членов Государственного экономического совещания.

После гражданской войны находился на научной и преподавательской работе. В 1929 г. избран действительным членом Академии наук СССР. Умер в Москве.

[58] Горький Максим (Алексей Максимович Пешков) (1868–1936) — русский, советский писатель, литературный критик и публицист, лидер демократического направления в русской культуре и основоположник литературы социалистического реализма.

[59] Распутин (Новый) Григорий Ефимович (1864/65–1916) — родился в с. Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии, из крестьян. До тридцати лет странствовал по монастырям и святым местам, обрел ореол «святого старца» и «прорицателя». В 1904 г. стал известен в кругах высшей петербургской аристократии, а в 1907 г.— в царской семье. В последние годы жизни пользовался практически неограниченным влиянием на царя Николая II и его жену императрицу Александру Федоровну. Термин «распутинщина» стал символом распада и вырождения царского режима. Убит заговорщиками.

[60] Видимо, правильно — интерпретируется.

[61] Ошибка; правильно — 18 ноября.

[62] Ошибка; правильно — управляющему министерством иностранных дел И. И. Сукину.

[63] Ошибка; здесь и далее правильно — Шанявский.

[64] Кауфман фон (Кауфман-Туркестанский) Петр Михайлович (1857–1928) — из дворян. Имел крупный земельный надел в Уфимской губернии. Окончил Александровский лицей. Гофмейстер (1898 г.), сенатор (1900 г.), обер-гофмейстер (1908 г.). Со 2 апреля 1906 г.— член Государственного совета по назначению. С 24 апреля 1906 по 1 января 1908 г. являлся министром народного просвещения. После Октябрьского переворота эмигрировал. Умер в Париже.

[65] Шварц Александр Николаевич (1848–1915) — из дворян. Окончил Московский университет. В совершенстве владел древними и современными европейскими языками. Со средней и высшей школой был знаком по собственному опыту, пройдя все ее ступени, начав с должности преподавателя гимназии. Доктор греческой словесности. С 1869 по 1900 г. являлся профессором древних языков историко-филологического факультета Московского университета. Был попечителем Рижского, Варшавского и Московского учебных округов. С 6 декабря 1906 г.— член Государственного совета по назначению. 1 января 1908 г. по инициативе П. А. Столыпина был назначен на должность министра народного просвещения, которую занимал до 25 сентября 1910 г. Под руководством А. Н. Шварца министерство проделало большую работу по реформированию всей системы народного образования: были подготовлены законопроекты по расширению сети начальных школ, проект «Положения о гимназиях министерства народного просвещения»,

новый университетский устав, существенно улучшена система подготовки педагогических кадров, началось активное сотрудничество государственных структур с органами местного самоуправления. Сенатор, действительный тайный советник (1910 г.).

[66] Ошибка; эту должность подсудимый Н. О. Палечек мог занять в 1908–1910 гг.

[67] Игнатьев Павел Николаевич (1870–1945) — родился в Константинополе. Происходил из семьи крупных землевладельцев, давших России знаменитых государственных деятелей и военачальников. Его дед был председателем Российского кабинета министров, а отец, сделав успешную дипломатическую карьеру, после убийства Александра II был назначен министром внутренних дел, являлся членом Государственного совета и генерал-адъютантом. Граф.

Начал учиться в Сорбоннском университете, а продолжил обучение в Киевском университете, по окончании которого в 1902 г. был прикомандирован к министерству внутренних дел. В 1904–1907 гг.— председатель Киевской губернской земской управы, в 1907–1908 гг.— киевский губернатор. С 1909 г.— директор департамента земледелия, с 1 января 1912 г.— товарищ главноуправляющего земледелием и землеустройством. С 9 января 1915 г.— управляющий министерством народного просвещения, с 6 мая того же года — министр народного просвещения. На этом посту планировал широкомасштабную и либеральную по своей сути реформу всей системы народного образования России. Особенно большое внимание намерен был уделить реформе среднего образования. Под его руководством были разработаны и представлены для обсуждения «Материалы по реформе школы» объемом 700 страниц, включавшие новые программы по 26 предметам. Но реформа была заблокирована консервативными элементами в правительстве. Не желая больше разделять ответственность за бездарную политику царского руководства, в конце декабря 1916 г. П. Н. Игнатьев подал прошение об отставке. Отставка была принята 27 декабря 1916 г. без традиционного в таких случаях назначения в Государственный совет. С 1 января 1917 г.— штальмейстер высочайшего двора. Действительный статский советник. Почетный член Российской академии наук с 1917 г.

В начале 1919 г. эмигрировал. Являлся председателем Российского Красного креста за границей. Умер в Монреале.

[68] Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — родился в Полтаве в семье действительного статского советника, из дворян. Окончил 1-ю Киевскую гимназию (1895 г.), учился в Цюрихском и Московском университетах. Профессиональный революционер; в революционном движении участвовал с начала 1890-х годов; член РСДРП с 1898 г.

Вел революционную работу во многих городах России и за границей. Философ, публицист и пропагандист. Сотрудничал во многих газетах и журналах. Большевик с 1903 г. Делегат III и IV (объединительного) съездов РСДРП. Неоднократно подвергался аресту, тюремному заключению и ссылался. После поражения первой русской революции отошел от большевиков, развивал идеи богостроительства. В годы Мировой войны занимал интернационалистические позиции. После Февральской революции сблизился с В. И. Лениным, на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию. После Октябрьского переворота вошел в состав советского правительства в качестве народного комиссара просвещения и оставался на этом посту до 1929 г. Теоретик «пролетарской культуры» и основатель Пролеткульта. С сентября 1929 г.— председатель ученого комитета при ЦИК СССР, с октября 1931 г.— директор Института русской литературы (Пушкинский дом).

В августе 1933 г. был назначен полпредом СССР в Испании. Умер в Ментоне во Франции.

Глава десятая. Заседание девятое

[1] Съезд общественных деятелей состоялся в Томске 2–11 сентября 1918 г. В нем приняли участие представители 6 губернских, 18 уездных и 23 городских управ. Он конституировался как первый Всесибирский съезд земств и городов, принял решения о расширении полномочий земств, высказался за признание Сибирской областной думы «высшим законодательным органом Сибири», избрал главный комитет Всесибирского союза земств и городов. (См.: Известия Всесибирского союза земств и городов (Томск). 1918. № 1. С. 7.)

[2] Так в тексте.

[3] Ошибка; правильно — в Административный совет.

[4] 20 сентября 1918 г. в Омске находилось всего трое министров Временного Сибирского правительства: В. М. Крутовский, И. А. Михайлов и М. Б. Шатилов.

[5] Видимо, речь идет о «Временных правилах об отсрочке и производстве выборов в органы земского самоуправления», утвержденных Советом министров 20 декабря 1918 г., и о «Правилах о выборах гласных городских дум», утвержденных Советом министров 27 декабря 1918 г. (См.: ГАРФ. Ф. 141. Оп. 5. Д. 363. Л. 1–10; Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 83–84; Д. 412. Л. 3–8; Правительственный вестник. 1919. 21 января; Народная газета (Томск). 1919. 12 февраля.)

[6] Ошибка; правильно — социалистические.

[7] Оба названных выше А. А. Грациановым документа не обнаружены.

[8] И. А. Молодых имеет в виду Союз сибиряков-областников.

[9] Речь идет о газете «Вольная Сибирь».

[10] Ошибка; здесь и далее правильно — Авинов. О нем см. комментарий 41 к главе четвертой.

[11] Министерство снабжения было упразднено постановлением Совета министров от 20 декабря 1918 г. (См.: Правительственный вестник. 1919. 11 января.)

[12] Знаменский Иван Герасимович — 20 июня 1918 г. был назначен помощником заведующего продовольственным отделом Западно-Сибирского комиссариата с правом заместителя заведующего, с 1 июля являлся помощником управляющего министерством продовольствия Временного Сибирского правительства, с 4 ноября — товарищем министра продовольствия Временного Всероссийского, с 18 ноября — Российского правительства.

[13] Закупсбыт (Комиссия сибирских кооперативов по закупкам и сбыту) был образован в Новониколаевске в конце апреля — начале мая 1916 г. Стал первым общесибирским потребительским союзом — Союзом сибирских кооперативных союзов. Ликвидирован в качестве самостоятельного союза в феврале 1920 г. в результате принудительного слияния с Сибирским отделением Центросоюза согласно приказу Сибревкома.

[14] Всероссийский совет съездов — скорее всего, допущена ошибка, а речь идет о представителе Совета всесибирских кооперативных съездов.

[15] Ошибка; правильно — Л. Л. Гиове.

[16] Правильно — Западно-Сибирский комиссариат.

[17] См. комментарии 18, 29 и 35 к главе третьей.

[18] Балиев Вячеслав Петрович — житель Омска, агроном по специальности, социал-демократ интернационалист по партийной принадлежности. До февраля

1917 г. работал сотрудником Омского отдела Московского общества сельского хозяйства, после Февральской революции активно участвовал в работе местных советов и сотрудничал с большевиками. После восстановления советской власти в Сибири работал заведующим Омским губернским земельным отделом.

[19] Так в тексте. Видимо, И. Н. Хроновский имел в виду свою статью «Сельские податные нужды», опубликованную в журнале «Вестник промышленности и финансов» (Омск). 1919. № 4. С. 6–30.

[20] Имеется в виду — развитию.

[21] Имеется в виду — антисоветской.

[22] Скорее всего, подсудимый М. А. Малиновский апеллировал к постановлению Иркутской чрезвычайной следственной комиссии от 7 февраля 1920 г., в соответствии с которым он был освобожден из Иркутской губернской тюрьмы. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 36. Л. 51.)

[23] Так в тексте.

[24] Обвинительная речь А. Г. Гойхбарга была полностью напечатана в газете «Советская Сибирь» за 3 июня 1920 г. Правда, она имеет некоторые отличия от текста стенограммы: в ней встречаются небольшие купюры и редакционные изменения. Кроме того, опубликованный в газете текст — видимо, по причине его большого объема и для лучшего восприятия читателями — был разбит на разделы, которые имеют подзаголовки, отсутствующие в тексте стенограммы.

[25] Следующий раздел газетного варианта обвинительной речи А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «Кошмарные итоги».

[26] В газетной публикации — «миллионы».

[27] Следующий раздел газетного варианта обвинительной речи А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «Роль соглашателей»

[28] В газетной публикации — «основы этой».

[29] А. Г. Гойхбарг явно иронизирует, намекая на низкий рост П. Я. Дербера.

[30] Так в тексте.

[31] Следующие два предложения в газетной публикации обвинительной речи А. Г. Гойхбарга отсутствуют.

[32] Так в тексте. Здесь и далее правильно — «как кур в ощип».

[33] В действительности А. А. Червен-Водали был всего две недели временно исполняющим обязанности председателя Совета министров.

[34] Следующий раздел газетной публикации речи государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «Юридическая ответственность подсудимых».

[35] Следующий раздел газетной публикации речи государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «Провозглашение Колчака Верховным правителем».

[35] Перефраз реплики Гамлета «Что ему Гекуба, что он Гекубе, чтоб о ней рыдать» (Шекспир У. Гамлет. Акт второй, сцена 2). Гекуба — трагический персонаж «Илиады», жена троянского царя Приама, потерявшая на войне мужа, почти всех своих детей и погибшая сама; ее образ стал в мировой классической литературе олицетворением беспредельной скорби и отчаяния.

[37] Ошибка; скорее всего, речь идет о В. А. Гутовском (Е. Маевском).

[38] См. комментарий 7 к главе шестой.

[39] Следующий раздел газетной публикации речи государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «Роль иностранных хищников».

[40] В газетной публикации — «хана Колчака».

[41] Так в тексте.

[42] Так в тексте.

[43] Следующий раздел газетной публикации речи государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «„Информация“ заграницы».

[44] Савинков Борис Викторович (1879–1925) — родился в Варшаве в семье судебного деятеля, из дворян. Окончил гимназию в Варшаве, учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Профессиональный революционер, с 1898 г. был близок к социал-демократам, с 1903 г.— член партии социалистов-революционеров; в 1905 и 1906 гг. кооптировался в состав эсеровского ЦК.

В 1897 и 1901 гг. подвергался арестам; в 1902 г. был выслан в Вологду, откуда бежал. Член боевой организации эсеров, а затем — заместитель руководителя боевой организации, участник и руководитель ряда крупных террористических актов. С 1911 г. жил во Франции, отошел от боевой и партийной деятельности и занимался литературной работой. В годы Мировой войны стоял на позициях оборончества, вступил добровольцем во французскую армию и участвовал в боевых действиях против немцев.

После Февральской революции был комиссаром 8-й армии, Юго-Западного фронта, с 19 июля — товарищ министра, управляющий военным министерством, сторонник жестких мер по наведению порядка в армии и на фронте. 27–30 августа был военным губернатором Петрограда и исполнял обязанности командующего войсками Петроградского военного округа. С 30 августа освобожден от всех должностей. 9 октября постановлением ЦК исключен из партии эсеров.

Октябрьский переворот встретил враждебно. Вместе с А. Ф. Керенским и П. Н. Красновым пытался подавить большевистское выступление в Петрограде. Затем помогал М. В. Алексееву и Л. Г. Корнилову формировать Добровольческую армию на Дону. В начале 1918 г. организовал в Москве подпольный Союз защиты родины и свободы, состоявший из бывших офицеров. После разгрома Союза в Москве и поражения ярославского восстания перебрался сначала в Казань, затем в Уфу. Главой Уфимской Директории Н. Д. Авксентьевым был направлен с военной миссией во Францию. Потом возглавил за границей колчаковское бюро печати Унион, вел за рубежом подготовку антисоветских вооруженных отрядов, которые засылал в РСФСР.

В августе 1924 г. нелегально прибыл в СССР, был арестован и предан суду. Приговорен к высшей мере наказания, замененной 10-летним тюремным заключением. 7 мая 1925 г. покончил жизнь самоубийством.

[45] Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957) — родился в семье известного московского врача, из потомственных дворян, землевладелец. Окончил 5-ю Московскую гимназию, историко-филологический факультет (1894 г.) и экстерном сдал экзамен за юридический факультет Московского университета (1896 г.). Член конституционно-демократической партии, член ее ЦК с 1906 г.

С 1896 г.— присяжный поверенный округа Московской судебной палаты. Участник крупных судебных процессов, в том числе М. Бейлиса, Н. Э. Баумана. Считался одним из лучших российских адвокатов. Депутат II–IV Государственной думы, один из самых блестящих ее ораторов.

После Февральской революции был председателем Юридического совещания при Временном правительстве, членом Особого совещания по изготовлению проекта положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание, членом постоянного совета общественных деятелей, членом Временного совета Российской республики (Предпарламента). Был назначен послом Российской

республики во Франции. Октябрьский переворот встретил враждебно. 17 ноября 1917 г. приказом народного комиссара иностранных дел Л. Д. Троцкого был лишен звания посла России во Франции. Избран по списку кадетов во Всероссийское Учредительное собрание. В 1919 г. вошел в состав Русского политического совещания, являвшегося центром «белого дела» за рубежом. Умер в Швейцарии.

[46] Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) — родился в Санкт-Петербурге в семье потомственного дворянина. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1890 г.). Один из организаторов конституционно-демократической партии, член ее ЦК с октября 1905 г. Издатель-редактор «Вестника партии народной свободы» и соредактор газеты «Речь».

В 1894–1899 гг. служил в Государственной канцелярии и одновременно с 1895 г. являлся профессором уголовного права в Императорском училище правоведения. Гласный Петербургской городской думы. Член I Государственной думы. В Мировую войну был на фронте в качестве офицера ополчения и военного журналиста, затем — делопроизводитель Главного штаба.

После Февральской революции служил управляющим делами Временного правительства, был членом Юридического совещания при Временном правительстве, товарищем председателя Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Сочувствовал выступлению генерала Л. Г. Корнилова. Товарищ председателя Временного совета Российской республики (Предпарламента). Один из наиболее деятельных членов Временного правительства в борьбе с большевистской угрозой.

После Октябрьского переворота входил в Петроградский комитет спасения родины и революции. 23 ноября 1917 г. был арестован советскими властями за отказ сотрудничать в качестве товарища председателя Всевыборов и заключен в тюрьму. Из-за угрозы нового ареста как фактического руководителя партии народной свободы вынужден был покинуть Петроград и уехать в Крым. Был избран во Всероссийское Учредительное собрание от Петрограда. В конце 1918 — начале 1919 г. входил в состав Крымского краевого правительства в качестве министра юстиции. С апреля 1919 г. в эмиграции в Лондоне, где вместе с. П. Н. Милюковым издавал газету «New Russia». Затем жил в Берлине. Погиб, спасая П. Н. Милюкова от покушения.

[47] Каутский Карл (1854–1938) — один из теоретиков и лидеров германской социал-демократии и II Интернационала. Эволюционировал от ортодоксального марксизма к центризму и демократическому социализму. К Октябрьскому перевороту отнесся отрицательно, резко критиковал политику большевиков.

[48] Следующий раздел газетной публикации речи государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «Участие подсудимых в политике».

[49] Так в тексте. В газетной публикации это предложение отсутствует.

[50] Скорее всего, речь идет о постановлении Временного Сибирского правительства от 3 августа 1918 г. «Об определении судьбы бывших представителей советской власти в Сибири», согласно которому совершившие преступления советские работники подлежали не только уголовной ответственности, но и политическому суду Всесибирского Учредительного собрания. (См.: Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 24 августа. № 7. С. 6.)

[51] Так в тексте.

[52] Так в тексте.

[53] Это предложение в газетной публикации отсутствует.

[54] В газетной публикации — «созданный».

[55] Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) — ученый-физиолог, член-корреспондент Петербургской академии наук (1890 г.). После Февральской революции поддержал большевиков. Один из первых крупных ученых России, признавших Октябрьский переворот.

[56] Лутугинский университет — по фамилии Лутугин.

Лутугин Леонид Иванович (1864–1915) — окончил Горный институт (Санкт-Петербург) и поступил на службу геологом в Геологический комитет.

В 1897–1907 гг. читал в Горном институте курс геологии. В 1897 г. в соавторстве с Ф. Чернышевым опубликовал книгу «Донецкий каменноугольный бассейн». С 1902 г. под его руководством выходила издаваемая Геологическим комитетом «Детальная геологическая карта Донецкого каменноугольного бассейна». Во время Мировой войны с группой своих учеников начал геологические исследования в Кузбассе.

Активно участвовал в общественной и политической жизни. В 1903–1905 гг. состоял в «Союзе освобождения» и сотрудничал в одноименном журнале. В октябре 1905 г. принимал участие в работе учредительного съезда конституционно-демократической партии, но вскоре вышел из нее. В 1905 г. был одним из наиболее энергичных организаторов Академического союза и Союза инженеров. В 1907 г. выдвигался кандидатом в III Государственную думу, но избран не был. Тогда же был отчислен из Геологического комитета и из Горного института. С 1907 г. состоял товарищем председателя Императорского Русского технического общества, с 1908 г.— вице-президентом Императорского вольного экономического общества, в котором проявил энергичную деятельность.

[57] В газетной публикации — «но тогда они выступали не в качестве ученых».

[58] Следующий раздел газетной публикации речи государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «Распродажа „Родины“».

[59] Гессен Иосиф Владимирович (1865/66–1943) — родился в Одессе в богатой еврейской семье. Окончил экстерном Санкт-Петербургский университет. Один из организаторов и руководителей сначала «Союза освобождения», затем конституционно-демократической партии, член ее ЦК и товарищ председателя Петербургского комитета.

В 1880-е годы участвовал в революционном движении. С 1896 г. служил в министерстве юстиции, с 1904 г.— присяжный поверенный. Активно выступал в печати по правовым проблемам. Депутат II Государственной думы. Во время Мировой войны редактировал газету «Речь». После Февральской революции возглавлял союз редакторов ежедневных газет, являлся членом Временного совета Российской республики (Предпарламента). Во время гражданской войны входил в Политический центр при штабе генерала Н. Н. Юденича. Эмигрировал сначала в Финляндию, а затем в Германию, где организовал издательство «Слово» и выпускал газету «Руль». Умер в Нью-Йорке.

[60] В газетной публикации — «grande idée».

[61] Столь серьезное заявление государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга было абсолютно голословным.

[62] Следующий раздел газетной публикации речи государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «Зверства».

[63] Последний раздел газетной публикации речи государственного обвинителя А. Г. Гойхбарга имеет подзаголовок «Задачи суда трудящихся».

[64] Черчилль Уинстон (1874–1965) — видный политический и государственный деятель Великобритании. В 1917–1918 гг.— министр военного снабжения, в 1919–1921 гг.— военный министр и министр авиации. Один из инициаторов и руководителей антисоветской военной интервенции держав Антанты.

[65] В газетной публикации — «что никакой grande idée».

[66] Так в тексте.

[67] В зале заседания, где проходил судебный процесс над бывшими колчаковскими деятелями, над трибуной висело два плаката с надписями: «Выборность народных судей — самими трудящимися» и «Нет достойной казни для палачей народных, заливших кровью трудящихся землю Сибири, Урала и Поволжья и разоривших вконец народное хозяйство, но восставший трудовой народ ищет не мести, а справедливого суда». Видимо, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг ссылался на второй плакат.

[68] Защитник Я. М. Ааронов имел в виду постановление народного комиссариата юстиции РСФСР «Руководящие начала по уголовному праву».

Статья 12 этого документа, на которую ссылался Я. М. Ааронов, гласила:

«При определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать: а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим в состоянии голода или нужды; б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса или в интересах личных совершающего деяние; в) совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и несознательности; г) совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первично; д) совершено ли деяние группой, шайкой, бандой или одним лицом; е) совершено ли деяние посредством насилия над личностью или без такового; ж) направлено ли деяние против личности или против имущества; з) обнаружены ли в совершающем деяние заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость, или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности». (См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. 28 декабря. № 66. С. 590.)

[69] См.: Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 390.

[70] Бенеш Эдуард (1884–1948) — из крестьян. Учился в Пражском университете, затем в Сорбонне, окончил юридический факультет университета в Дижоне (Франция). В 1915–1918 гг. являлся генеральным секретарем действовавшего в Париже Чехословацкого национального совета, 26 сентября 1918 г. преобразованного во Временное правительство Чехословакии. С сентября 1918 по 1935 г. занимал пост министра иностранных дел Чехословакии, в 1935–1938 и в 1946–1948 гг. являлся президентом страны.

[71] В ответной ноте министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша народному комиссару иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину от 10 апреля 1920 г. говорилось, что факты, «которые Вы приводите, не являются, по мнению чехословацкого правительства, правильными, а историческая правда совсем иная», что «с правовой точки зрения Ваша нота не соответствует полностью действительности». (См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1 (ноябрь 1917 г.— август 1922 г.). С. 333.)

[72] Так в тексте.

[73] Так называлась военная контрразведка, созданная командованием Чехословацкого корпуса.

[74] Скорее всего, защитник Я. М. Ааронов имеет в виду инициативу Л. И. Шумиловского по расследованию убийства уполномоченного Временного Сибирского правительства по Петропавловскому району Лиссабонского (М. М. Чекушина-Шаньгина).

[75] Имеется в виду — на линии фронта.

[76] Речь идет об интервью П. И. Преображенского, опубликованном 22 мая 1919 г. в газете «Правительственный вестник».

Глава одиннадцатая. Заседание десятое

[1] Так в тексте.

[2] Ошибка; правильно — в Российском правительстве.

[3] Видимо, в тексте стенограммы допущена ошибка. Скорее всего, речь идет о М. Н. Ванькове — одном из руководителей Омского областного военно-промышленного комитета.

[4] Советские органы оставили Омск 7 июня 1918 г. без всякого сопротивления, поспешно эвакуировавшись на 27 пароходах вниз по Иртышу. Свое решение они объясняли превосходством сил чехословаков и белоказаков, а также угрозой восстания внутри самого города, подготовленного белогвардейской подпольной организацией. В числе советских руководителей, принявших решение об оставлении Омска, находился член чрезвычайного революционного трибунала Сибири В. М. Косарев, в то время являвшийся председателем Западно-Сибирского исполнительного комитета советов, т. е. первым человеком в местной советской иерархии.

[5] Защитник В. Л. Айзин явно утрировал сложность военно-политической обстановки в Сибири в конце весны — летом 1918 г. Правильно было бы говорить о решающей роли Чехословацкого корпуса в свержении советской власти в Сибири, что признавали и сами руководители антибольшевистского выступления. Например, в начале июля 1918 г. товарищ министра внутренних дел Временного Сибирского правительства П. Я. Михайлов в телеграмме командующему Отдельной Сибирской армии полковнику А. Н. Гришину-Алмазову сообщал: «[...] Наше положение зависит исключительно от позиции чехов, ибо на востоке ни у кого никаких серьезных сил нет и быть не может, и там также опираются на чехов». (См.: ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.)

[6] Ошибка; здесь и далее правильно — Гинсом.

[7] Ошибка; здесь и далее правильно — настроение.

[8] Ошибка; правильно — владивостокские.

[9] См. комментарий 16 к главе четвертой.

[10] Вопром — военно-промышленный комитет.

[11] См. комментарий 15 и 21 к главе девятой.

[12] См. комментарий 63 к главе седьмой.

[13] Не исключено, что в данном случае защитник В. Л. Айзин иронизировал, поскольку народный комиссариат юстиции РСФСР никакого интереса, даже чисто формального, к убийству бывшего императора Николая II и его семьи не проявил.

[14] Имеются в виду участники Октябрьского переворота 1917 г.

[15] Ошибка; Т. В. Бутов такого поста не занимал.

[16] Так в тексте. Видимо, имеется в виду Сибирская областная дума.

[17] Административный совет Временного Сибирского правительства 13 сентября 1918 г. назначил Н. Я. Новомбергского товарищем министра туземных дел

с возложением на него председательствования в Ученом совете министерства и с оставлением в должности профессора Томского университета. (См.: ГАРФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 30. Л. 85.)

[18] Так в тексте.

[19] См. комментарий 68 к главе шестой.

[20] Ошибка; правильно — ведомством.

[21] Ошибка; правильно — Российского.

[22] См. комментарий 19 к главе восьмой.

[23] См. комментарий 59 к главе пятой.

[24] См. комментарий 57 к главе пятой.

[25] Так в тексте.

[26] Так в тексте.

[27] Ошибка; П. Я. Михайлов в состав дерберовского правительства не входил.

[28] Так в тексте.

[29] См. комментарии 96 и 97 к главе пятой и комментарий 37 к главе седьмой.

[30] См. комментарий 29 к главе шестой.

[31] Николаев Александр Парфомирович (1860–1919) — из семьи солдата. Окончил юнкерское училище (1882 г.). Участник Мировой войны, генерал-майор. Весной 1918 г. пошел служить к большевикам военным руководителем Невского райвоенкомата Петрограда. Затем командовал особым отрядом по охране коммуникаций Невы, бригадами 2-й Петроградской пехотной и 19-й стрелковой дивизий. 12 мая 1919 г. в районе Ямбурга был захвачен белогвардейцами в плен и за отказ перейти к ним на службу 28 мая 1919 г. казнен.

[32] Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — родился в Тифлисе в генеральской семье; из дворян. Окончил Пажеский корпус (1872 г.). Генерал от кавалерии (1912 г.).

Служил на Кавказе, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1906 г. командовал кавалерийской дивизией, армейским корпусом, был помощником командующего войсками Варшавского военного округа. Во время Мировой войны командовал 8-й армией, с марта 1916 г.— Юго-Западным фронтом. С 22 мая по 19 июля 1917 г. был Верховным главнокомандующим, а затем — военным советником Временного правительства. После Октябрьского переворота от военной службы самоустранился. В 1920 г. вступил в Красную армию и служил в центральном аппарате народного комиссариата по военным делам. Обвинитель А. Г. Гойхбарг, видимо, хотел сказать, что с мая 1920 г. А. А. Брусилов являлся председателем Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами республики.

[33] Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) — из семьи военного инженера. Окончил Академию Генерального штаба (1907 г.), полковник.

Участник Мировой войны. После Октябрьского переворота был избран начальником штаба 3-й армии. В начале 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, занимал разные командные должности. С сентября 1918 по июль 1919 г. (с небольшим перерывом) командовал войсками Восточного фронта. С июля 1919 г.— Главнокомандующий вооруженными силами республики.

[34] Ежедневная газета «Новая жизнь» — издавалась в Петрограде с 18 апреля 1917 г. группой социал-демократов интернационалистов и писателей демократического направления. В числе ее редакторов был и А. М. Горький. В 1917 г. газета критиковала как Временное правительство, так и большевиков. Октябрьский переворот встретила отрицательно. Закрыта в июле 1918 г. по решению советских властей.

[35] См.: Правда. 1920. 20 мая.

[36] Точный текст телеграммы, отправленной 24 декабря 1919 г. из Читы временно исполняющим обязанности председателя Совета министров С. Н. Третьяковым в Иркутск управляющему министерством внутренних дел А. А. Червен-Водали, таков: «Вся Ваша задача заключается в том, чтобы какими угодно мерами до террора включительно продержаться неделю, тогда положение будет выиграно». (См.: Народная мысль. 1920. 13 января.)

[37] Так в тексте.

[38] Ошибка; правильно — количествах.

[39] Ошибка; правильно — в декабре.

[40] См. комментарий 77 к главе пятой.

[41] Федорович Флориан Флорианович (1877–1928) — из дворян, сын действительного статского советника. Образование высшее. Профессиональный революционер; член партии социалистов-революционеров с 1902 г., член ее ЦК с 1917 г.

В 1902–1907 гг. жил и занимался революционной работой в Пензе и в Тамбове. В 1907 г. был арестован, в 1909 г. сослан на каторгу. С лета 1914 г. находился на поселении в Иркутской губернии. После Февральской революции назначен Временным правительством пензенским губернским комиссаром. Депутат Всероссийского Учредительного собрания. С лета 1918 г. в соответствии с постановлением ЦК руководил борьбой ряда партийных комитетов Поволжья против советской власти. В сентябре вошел в состав Самарского Комуча, участвовал в Уфимском государственном совещании. После колчаковского переворота был арестован и содержался в Омской тюрьме, откуда в начале 1919 г. бежал. Состоял членом Сибирского краевого комитета эсеров. В ноябре 1919 г. вошел в состав Иркутского Политического центра, который подготовил и осуществил свержение колчаковской власти на значительной части территории Восточной Сибири. С 5 по 21 января 1920 г. являлся председателем Иркутского Политического центра.

Летом 1920 г. приехал в Москву, где через некоторое время был арестован. Проходил в качестве обвиняемого на процессе 1922 г. по делу правых эсеров. Был осужден на 10 лет лишения свободы. С середины 1920-х годов находился в ссылке в Оренбурге, где и умер.

[42] Действительно, 19 февраля 1920 г. Иркутская чрезвычайная следственная комиссия приняла постановление об освобождении А. М. Ларионова из Иркутской губернской тюрьмы. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 36. Л. 51.)

[43] Советские власти произвели аресты известных жителей Уфы, солдат-чехословаков в Бирске, Уральске, Самаре, Екатеринбурге, Камышлове и других населенных пунктах (всего немногим более ста человек), в ответ на что чехословаки и пришедшие к власти противники большевиков взяли в Самаре и Уфе 27 заложников. (См.: ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 44. Л. 60–62.)

[44] Осведверх — осведомительный отдел штаба Верховного главнокомандующего, осведарм — осведомительный отдел штаба армии, осведказак — осведомительный отдел штаба Сибирского казачьего войска.

[45] Ошибка; правильно — Уфимского государственного совещания.

Глава двенадцатая. Заседание одиннадцатое

[1] «Заря» — ежедневная общественно-политическая и литературная газета демократического направления. Выходила в Омске в 1918–1919 гг. Издавалась Советом всесибирских кооперативных съездов.

[2] Н. Я. Новомбергский имеет в виду В. С. Панкратова.

Панкратов Василий Семенович (1864–1925) — из семьи тверского рабочего. Окончил техническое училище. Трудился токарем и слесарем на предприятиях Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, где вел революционную пропаганду и организовывал рабочие кружки. В 1882 г. вступил в «Народную волю» и ее боевую дружину. Затем перешел на нелегальное положение, вел работу в Харькове, Елизаветграде, Севастополе, Киеве; принимал участие в экспроприациях. 8 марта 1884 г. при аресте в Киеве оказал вооруженное сопротивление, за что военно-окружным судом был приговорен к смертной казни, которая была заменена 20-летней каторгой. С декабря 1884 по март 1898 г. содержался в Шлиссельбургской крепости, затем был отправлен на поселение в Якутию.

В 1903 г. вступил в партию социалистов-революционеров, был избран в ее ЦК, занимался военно-боевой работой. С 1907 до 1912 г. находился в якутской ссылке. Затем жил в Петербурге. После Февральской революции активно поддерживал Временное правительство. 21 августа 1917 г. был назначен комиссаром по охране бывшего императора Николая II и его семьи, находившихся в Тобольске. Был избран в состав Всероссийского Учредительного собрания по Якутскому избирательному округу. Участник Уфимского государственного совещания. С ноября 1918 г. редактировал в Омске ежедневную газету «Слово», имевшую право-социалистическую направленность. Открыто поддерживал режим А. В. Колчака, за что решением ЦК эсеров в 1920 г. был исключен из рядов партии.

[3] Всекосовет — Совет Всесибирских кооперативных съездов.

[4] Газета «Восточное обозрение» начала выходить в Санкт-Петербурге с апреля 1882 г. под редакцией одного из идеологов сибирского областничества Н. М. Ядринцева. В 1887 г. ее издание было перенесено в Иркутск. С 1894 г. редактором-издателем газеты стал бывший политический ссыльный народоволец И. И. Попов. Она выходила по август 1906 г. Газету считали толкователем «сибирского мирозерцания», заветов Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина, «руководителем общественного мнения» немалой части образованных сибиряков, а ее моральные приговоры признавались «голосом правды». (Подробнее см.: *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.; *Гольдфарб С. И.* Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997. 218 с.)

[5] Ошибка; правильно — Лянды.

Лянды Станислав Адамович (1855–1915) — общественный деятель. Учился в Варшавском ветеринарном институте.

Участник «хождения в народ». Арестован в 1978 г. и сослан в Восточную Сибирь. С 1882 г. жил в Иркутске. Член редакционной коллегии газеты «Восточное обозрение», в которой вел раздел «Международное обозрение», и журнала «Сибирский сборник». Был председателем Иркутского общества приказчиков, известного на всю Россию своей культурнической деятельностью; в 1905 г. являлся председателем комиссии при Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества по выработке положения о сибирском земстве. За участие в революционой борьбе выслан за пределы Иркутской губернии. С конца 1906 г. жил в Москве и работал в журнале «Новь». Умер в Москве.

[6] Ефремов Василий Степанович (1845–1915) — из семьи харьковского священника. Учился в Харьковском ветеринарном институте.

Участник революционного движения, народоволец. Был приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Отбыл на Карийской каторге 20 лет, затем находился в якутской ссылке. С 1898 г. был секретарем редакции «Восточного обозре-

ния». В 1910 г. был приглашен редактировать народническую газету «Народная правда».

[7] Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — землевладелец. В 1860 г. начал служить в канцелярии 1-го департамента Сената, постепенно продвигаясь на государственной службе. С 1891 г.— товарищ министра юстиции, в 1895–1899 гг.— товарищ министра внутренних дел, затем — министр внутренних дел, проводник политики «контрреформ». В апреле — июле 1906 г. и в 1914–1916 гг. являлся председателем Совета министров. Действительный тайный советник, член Государственного совета, сенатор.

[8] И. П. Павлуновский имеет в виду «Обращение ВЦИК и СНК к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири» от 16 августа 1919 г., в первом пункте постановляющей части которого говорилось: «Бывший царский адмирал Колчак, самозвано именовавший себя „Верховным правителем“, и его „совет министров“ объявляются вне закона». (См.: Декреты советской власти. М., 1973. Т. 6. С. 29.)

[9] Так в тексте.

Глава тринадцатая. Эпилог

[1] Копии этой телеграммы были направлены также лично М. И. Калинину, В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому и А. Д. Цюрупе.

[2] Эльцин Борис Михайлович (1875–1937) — член РСДРП с 1897 г. С 1910 г. вел партийную работу в Уфе, примыкал к большевикам. После Февральской революции избирался гласным Уфимской городской думы, членом губернского комитета общественных организаций, исполкома совета рабочих и солдатских депутатов, комитета РСДРП(б). В 1918–1920 гг. был председателем Уфимского губернского совнаркома, ревкома и исполкома, избирался членом ВЦИК советов, являлся членом коллегии НКВД РСФСР. С середины 1920-х годов — активный участник троцкистской оппозиции. Репрессирован.

[3] Эта и пять последующих записок по прямому проводу были опубликованы в газете «Советская Сибирь» за 2 июня 1920 г.

[4] Копии записки были направлены председателю Совета народных комиссаров В. И. Ленину и председателю ВЦИК советов М. И. Калинину.

[5] Копия записки была направлена народному комиссару путей сообщения Л. Д. Троцкому.

[6] Копия записки была направлена члену коллегии народного комиссариата продовольствия А. И. Свидерскому и члену коллегии народного комиссариата путей сообщения В. М. Свердлову.

[7] Лебедева Елена Васильевна проживала в Москве по адресу: Пречистенка, Левшинский переулок, д. 1, кв. 3.

[8] Эльцберг Юлия проживала в Москве по адресу: Остоженка, Штатный, д. 4.

[9] Копия телефонограммы была направлена председателю Омского губернского ревкома Е. В. Полюдову.

[10] Копия телеграммы была направлена Сибревкому.

[11] Ошибка; правильно — июля. В. М. Косарев имеет в виду вооруженное выступление левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г., направленное на срыв Брестского мирного договора и ликвидацию однопартийной диктатуры большевиков.

[12] Ошибка; правильно — вынесена.

[13] Ошибка; правильно — Ларионова.

[14] Ошибка; правильно — ВЦИК советов.

[15] Копия документа была направлена председателю Сибревкома И. Н. Смирнову.

[16] Речь идет о записке заведующего отделом юстиции Омского губревкома, представленной 3 июня 1920 г. в Омский губревком в ответ на телефонограмму отдела юстиции Сибревкома. (См.: ГАНО. Ф. р-467. Оп. 1. Д. 32. Л. 37.)

[17] На телеграмме имеется резолюция заместителя заведующего отделом юстиции Сибревкома К. А. Попова: «Ответить, что должность по назначению Третьяк занимать может».

[18] Эта телеграмма была получена в Омске только 22 июня 1920 г.

[19] Видимо, имеется в виду постановление Сибирского бюро ЦК РКП(б) от 23 мая 1920 г. (см. документ № 36 главе первой.)

[20] Копия записки была послана В. И. Ленину.

[21] Зорк Эдуард Яковлевич (1896–?) — родился в г. Митава Курляндской губернии, из рабочих; образование среднее домашнее. Большевик с февраля 1919 г.

В 1914 г. находился в действующей армии, был награжден двумя Георгиевскими крестами. В конце весны — летом 1918 г. принимал участие в руководимой М. С. Кедровым «Советской ревизии» на Севере. С мая 1919 г. служил надзирателем, затем — помощником начальника тюрьмы особого отдела ВЧК. С января 1920 по 1922 г. служил начальником внутренней тюрьмы полномочного представительства ВЧК по Сибири. С 1922 г. являлся сотрудником Самарского губернского отдела Государственного политического управления. (Сведения любезно предоставлены А. Г. Тепляковым).

[22] Ошибка; правильно — с 22 на 23 июня.

[23] Ошибка; правильно — 23 июня.

[24] Херувимов Сергей Александрович (1892–1934) — родился в Перми в известной актерской семье; окончил коммерческое училище в г. Касимов Рязанской губернии. Большевик с 1908 г.

Участник Мировой войны и Октябрьского переворота в Москве. В 1918–1919 гг. командовал отрядом войск ВЧК под Петроградом. В 1920-е годы служил на руководящих постах в органах ВЧК — ОГПУ в Омске, Киеве и Москве. С 1929 г. работал «красным директором» заводов в Магнитогорске и Подольске. Погиб в Москве в результате дорожно-транспортного происшествия.

[25] Информация о партийной принадлежности А. М. Ларионова не соответствует действительности.

[26] Кроме того, краткая информация о приведении приговора в исполнение была опубликована в ряде других партийно-советских изданий, включая центральную газету «Известия ВЦИК» от 27 июня 1920 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Б. — бывший, бывшие
Военпром — военно-промышленный комитет
Вр. — временно
Врид — временно исполняющий должность
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет советов
Вып. — выпуск
Г. — год
Г. — город
Г. — господин
ГАИО — государственный архив Иркутской области
ГАКК — государственый архив Красноярского края
ГАНО — государственный архив Новосибирской области
ГАРФ — государственный архив Российской Федерации
Гл. — глава
Г.-л. — генерал-лейтенант
Г.-м. — генерал-майор
Гр., гражд. — гражданин
Губревком — губернский революционный комитет
Губчека — губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
Губтрамот — губернский транспортно-материальный отдел
Ж. д. — железная дорога.
З. — закрытое
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
Кн. — книга
К.-д., кадет — конституционный демократ
Л. — Ленинград
М. — Москва
МИД — министерство иностранных дел
Мин. — минута
Млн — миллион
Наштарм — начальник штаба армии
Осведарм — осведомительный отдел армии
Осведверх — осведомительный отдел при Верховном главнокомандующем
Осведказак — осведомительный отдел при войсковом атамане Сибирского казачьего войска
ПП ВЧК по Сибири — полномочное представительство ВЧК по Сибири
Пред. — председатель

Проф. — профессор
Р., руб. — рубль, рублей
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
Реввоенсовет — революционный военный совет
РГВА — Российский государственный военный архив
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР — Российская советская федеративная социалистическая республика
РТЧК — районная траспортная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
С. — секретное
С. — страница
САСШ — Северо-Американские соединенные штаты
С.-д. — социал-демократ
СПб. — Санкт-Петербург
С.-р. — эсер, социалист-революционер
Сибкомпрод — Сибирский продовольственный комитет
Сибоблдума — Сибирская областная дума
Сибоно — Сибирский отдел народного образования (отдел народного образования Сибирского революционного комитета)
Сибревком — Сибирский революционный комитет
Сибсовнархоз — Сибирский совет народного хозяйства
Сибюст — отдел юстиции Сибирского революционного комитета
См. — смотри
Совмин — Совет министров
Совнархоз — совет народного хозяйства
СССР — Союз советских социалистических республик
Ст. — статья
Совмин — Совет министров
Т., тов. — товарищ
Т. — том
Тыс.– тысяча
Ч. — час, часов
Ч. — часть
Центросоюз — Всероссийский центральный союз потребительских обществ
ЦК — центральный комитет
ЦХДИО — центр хранения документации Иркутской области
Штарм — штаб армии
Энес — народный социалист
Эсдек — социал-демократ
Эсер — социалист-революционер

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

RUSSIA. THE XXth CENTURY

DOCUMENTS

Kolchak ministers trial

This volume is a collection of principal documents relating to the trial of former members of the Kolchak regime, made public for the first time. Central in the collection are the texts of verbatim records of the eleven sittings of the Extraordinary Revolutionary Tribunal of Siberia. Included in the first chapter are documents revealing the design and preparations for the trial. Documents detailing behaviour of the accused during the court proceedings and their subsequent fates after the sentence are contained in the concluding chapter.
This collection is intended for scholars, teachers and students, as well as for all taking interest in the history of Russia of the 20th century.

РОССИЯ.
XX ВЕК

Д О К У М Е Н Т Ы

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920

Ответственный редактор издания
В. И. Шишкин
Редакторы *Е. Ф. Кузьминский, А. В. Бибина*
Технические редакторы *В. В. Журавлев, Ю. А. Журавлев, А. Л. Янович*

Подписано к печати 26.06.03
Формат 70x100/16. Гарнитура Таймс. Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 54,8. Тираж 1000 экз.

Цена договорная. Заказ № 2452.

НП Издательство «Новый хронограф»
125047, Москва, Беломорская ул., 26
Тел./факс (095) 455-30-11 e-mail: nkhronograf@mail.ru

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.**